ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ

АКАДЕМІИ.

ГОДЪ VII.

КІЕВЪ.

Въ типографіи Кіево-Печерской Лавры;

1843 года.

Съ дозволенія Духовной Цензуры!

УКАЗАНІЕ

СТАТЕЙ, СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ ВОСКРЕСНОМЪ ЧТЕНІИ НА $18\frac{43}{44}$ ГОДЪ.

N. 1.

Стр.

Св. Отца нашего Григорія, Епископа Нисскаго, слово на святую и спасительную Пасху. 1.

Аще воскреснусте со Христомъ, вышнихъ ищите, идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя. Горняя мудрствуйте, а не земная. 3.

Сила воскресенія Христова, воскрешающая мертвыхъ. 5.

Христіанскіе визиты въ день Пасхи (разговоръ отца съ сыномъ). 9.

Письмо о началѣ обыкновенія— дарить другъ другу красныя яйца, во дни св. Пасхи. 11.

N. 2.

Св. Отца нашего Прокла, Архіепископа Константинопольскаго, слово на св. Пасху. 13.

Слово въ Субботу свѣтлыя седмицы, и въ день рожденія Благовѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго Князя АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА. 15.

О чудесахъ воскресенія между вѣрными. 19.

Нынѣ вся исполнишася свѣта, небо же и земля и преисподняя. 23.

Духовное воскресеніе при мощахъ святыхъ. 24.

N. 3.

Св. Отца нашего Іоанна Златоустаго, утѣшительное посланіе къ вдовицѣ. 25.

Слово, сказанное въ Вологодскомъ горнемъ Успенскомъ женскомъ Монастырѣ (Преосвященнымъ Иннокентіемъ, Епископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ). 32.

N. 4.

Попеченіе св. Іоанна Златоустаго о распространеніи и благосостояніи Христіанскихъ Церквей въ странахъ языческихъ. 35.

Возношеніе мыслей и сердца къ Матери Божіей, при чтеніи молитвы: *Богородице Дѣво.* 38.

Бесѣда Спасителя съ Никодимомъ о возрожденіи. 40.

N. 5.

Стр.

Блаженнаго Августина, таинственное изъясненіе Евангельскаго сказанія о чудесной ловлѣ рыбъ. 45.

Перенесеніе мощей Священителя Николая. 46.

Слово на память Преп. Діонисія Глушицкаго, сказанное въ Глушицкомъ Монастырѣ. 48.

Бесѣда Спасителя съ Никодимомъ о возрожденіи (окончаніе). 50.

N. 6.

Вознесеніе Господне (выписка изъ св. Писанія). 55.

Блаженнаго Августина, о томъ, какъ отшедшій отъ насъ ко Отцу Господь уготовляетъ вѣрнымъ своимъ обители. 57.

Слово на день Вознесенія Господня. (Высокопреосвященнѣйшаго Филарета, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго). 59.

Слово на день Праздничества въ честь иконы всемилостиваго Спаса, сказанное въ Вологодской всеградской Церкви, созданной въ память избавленія отъ язвы, бывшей въ 17 вѣкѣ. 61.

Востани сѣвере и вряди юже, и повѣй въ вертоградѣ моемъ, и да потекутъ аромати моя. 64.

N. 7.

Св. Отца нашего Григорія Нисскаго, размышленіе на слова Екклезіаста: *время плакати и время смѣятися.* 65.

О богослуженіи на разные случаи и потребности вѣрующихъ (совершеніе таинствъ). 66.

Слово при посѣщеніи Пастыри, сказанное въ Бѣлавинской каменной пустынѣ на память Пр. Іоасафа Каменскаго (Преосвящ. Иннокентіемъ Еписк. Харьков. и Ахтыр). 71.

N. 8.

Блаж. Августина о дарованіи св. Духа вѣрующимъ. 75.

Св. Отца нашего Димитрія, Митрополита

Стр.

Ростовскаго, о разнообразныхъ явленіяхъ въ мірѣ Духа Святаго. 77.
Духъ святый— свѣтъ и животъ. 79.
Выписка изъ одной древней Церковной книги о томъ, почему, въ день св. Пятидесятницы, съ Литургіею соединяется вечерня. 83.

N. 9.

Св. Отца нашего, Григорія Двоеслова о томъ, почему человѣкъ, послѣ грѣхопаденія, не вѣритъ въ міръ духовный. 85.
Слово при освященіи Крестовой, при Вологодскомъ Архіерейскомъ домѣ, Церкви во имя всѣхъ святыхъ угодниковъ Вологодскихъ. (Сказанное Преосвящен. Иннокентіемъ, Епископомъ Харьков. и Ахт.). 86.
О зависти. 89.

N. 10.

О богослуженіи Православной Церкви (совершеніе различныхъ освященій и молебствій). 91.
Слово надгробное (говоренное Преосвящ. Иннокентіемъ, Еписк. Харьков. и Ахтыр.). 98.

N. 11.

Преподобнаго Отца нашего Нила подвижника, избранныя письма о дѣйствіи молитвы. 101.
Слово при посѣщеніи Пастыри, сказанное въ Тотемскомъ Ѳеодосіевскомъ Спасомуриномъ Монастырѣ (говоренное Преосвящен. Иннокентіемъ, Еписк. Харьков. и Ахтыр.). 105.
Похвала молчанію. 105.
Ангела мирна, вѣрна наставника, хранителя душъ и тѣлесъ нашихъ у Господа просимъ. 107.

N. 12.

Свиданія св. Апостоловъ Петра и Павла. 109.
Слово при посѣщеніи Пастыри, сказанное въ Тотемской пригородной, что при тотемскомъ соленомъ заводѣ, Церкви Вознесенія Господня. (Преосвящен. Иннокентіемъ, Еписк. Харьк. и Ахтыр.). 112.
Ходдахъ въ широтѣ, яко заповѣди твоя взыскахъ. 115.

N. 13.

Нѣсколько словъ иже во святыхъ Отца нашего Григорія Нисскаго, объ отношеніи мужей къ женамъ. 116.

Стр.

Слово въ день рожденія Благочестивѣйшей Государыни ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ. 118.
Не любяй не позна Бога. 121.
Симъ (крестомъ) побѣждай. 124.

N. 14.

Иже во святыхъ Отца нашего Григорія Нисскаго, о мірѣ. 125.
Слово, сказанное въ Вологодской всеградской Церкви, по случаю освященія одного изъ двухъ теплыхъ предѣловъ ея (Преосвящен. Иннокентіемъ, Еписк. Харьков. и Ахтыр.). 126.
Дружество. 128.

N. 15.

Преподобнаго Отца нашего Нила подвижника, о необходимости непрестанно и нелѣностно молиться. 153.
Слово при посѣщеніи Пастыри, сказанное въ успѣнскомъ Іоанно-Предтечевскомъ женскомъ Монастырѣ (Преосвящен. Иннокентіемъ, Еписк. Харьков. и Ахтыр.). 155.
Аминь глаголю вамъ, яко неудобь богатый внидетъ въ царствіе небесное и проч.

N. 16.

Преподобнаго Отца нашего Нила подвижника, избранныя письма объ условіяхъ истинной молитвы. 141.
Слово при погребеніи Генералъ-Адъютанта, Генерала отъ Инфантеріи, Аѳанасія Ивановича Красовскаго I-го. 143.

N. 17.

Святаго Отца нашего Григорія Нисскаго о Маккавеяхъ. 149.
Слово въ недѣлю осьмую-надесять, сказанное при посѣщеніи Пастыри въ Кадниковскомъ Соборѣ (Преосв. Иннокентіемъ, Еписк. Харьк. и Ахт.). 150.
Разговоръ Отца съ сыномъ, въ день Кирика и Іулитты, между Утренею и Литургіею. 154.

N. 18.

Предпразднество Успенія Пресвятыя Богородицы. 159.
Гора Ѳаворъ. —
Гробница Пресвятыя Дѣвы Богоматери. 162.

Стр.

Слово при посѣщеніи Паствы, сказанное въ Устюжскомъ Успенскомъ Соборѣ (Преосвящен. Иннокентіемъ Еписк. Харьк. и Ахт.). 164.

Куплени есте цѣною: прославите убо Бога въ тѣлесѣхъ вашихъ и въ душахъ вашихъ, яже суть Божія. 168.

N. 19.

Успеніе Пресвятыя славныя Владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи. 169.

Свидѣтельства св. Отцевъ, и древнихъ писателей Церковныхъ о Пресвятой Дѣвѣ Маріи. —

Слово на день Успенія Пресвятыя Богородицы, сказанное въ Вологодскомъ Успенскомъ Соборѣ (говор. Преосв. Иннокентіемъ, Еписк. Харьк. и Ахт.). 170.

Константина Багрянороднаго, Царя Римскаго повѣствованіе о пренесеніи нерукотвореннаго образа Христа Спасителя нашего изъ Едеса въ Царьградъ въ 944 году. 176.

Отъ готоваго жилища своего призрѣ на вся живущія на земли: создавый по единѣ сердца ихъ, разумѣвай на вся дѣла ихъ. 179.

N. 20.

Священнѣйшее коронованіе Благочестивѣйшихъ ГОСУДАРЕЙ. 181.

Молитва Моисея за народъ Еврейскій. 182.

Молитва Соломона, Царя Израильскаго. —

Молитва Русскаго Царя. 184.

Слово въ день священнѣйшаго коронованія и вѣнчанія на Царство Благочестивѣйшаго Государя ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА всея Россіи. 184.

N. 21.

Усѣкновеніе честныя главы честнаго славнаго Пророка Предтечи и Крестителя Іоанна. 189.

Любовь первенствующихъ Христіанъ къ мученичеству (изъ посланія Игнатія Богоносца къ Римлянамъ). 190.

Слово въ недѣлю 13-ю, сказанное въ Вологодскомъ Успенскомъ Соборѣ (Преосвящен. Иннокентіемъ, Еписк. Харьк. и Ахт.). 192.

Уваженіе древнихъ Христіанъ къ св. Писанію. 194.

Образъ принятія и раздаянія милостыни. 196.

Щедрость отрока. 196.

N. 22.

Преподобнаго Отца нашего Нила подвижника, избранныя письма о значеніи внѣшнихъ обрядовъ, при совершеніи молитвъ. 197.

Ева прамаѳерь наша и Пресвятая Дѣва Марія, Матерь Божія. 198.

Слово при посѣщеніи Паствы, сказанное въ Сольвычегодскомъ Соборѣ (Преосвящен. Иннокентіемъ, Еписк. Харьк. и Ахт.). 201.

N. 23.

Преподобнаго Отца нашего Нила подвижника избранныя письма о терпѣніи въ молитвѣ. 207.

Бесѣда на Евангеліе св. Марка, о благодатномъ призываніи грѣшниковъ къ Богу (говор. Преосвящен. Иліодоромъ, Еписк. Курск. и Бѣлоград.). 208.

Награда за почитаніе крестнаго изображенія. 211.

Сила крестнаго знаменія надъ отравою. 212.

Гора Голгоѳа. —

Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся. 216.

N. 24.

Блаженнаго Августина, изъясненіе молитвы Господней: *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ!* 217.

Слово при прощаніи съ Паствою Вологодскою, сказанное въ зимнемъ Вологодскомъ Соборѣ (Преосвящен. Иннокентіемъ, Еписк. Харьк. и Ахт. Февраля 1, 1842 года). 219.

Неудоборазумѣваемость грѣхопаденій. 222.

Лѣта наша яко паучина поучахуся. 225.

N. 25.

Блаженнаго Августина, изъясненіе молитвы Господней: *Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь.* 225.

Нѣчто о таинственномъ въ вѣрѣ. 228.

Иже нѣсть на вы, по васъ есть. Иже нѣсть со мною, на мя есть. 232.

N. 26.

Св. Іоанна Златоустаго наставленіе Христіанскому супругу. 253.

Слово о грѣхѣ 1-е (Преосвящен. Иннокентія, Еписк. Харьк. и Ахт.). 256.

Суета суетствій, всяческая суета. 239.

N. 27.

Печаль Христіанина по Богѣ и небесномъ отечествѣ. (Выписка изъ свящ. Писанія). 241.

Слово о грѣхѣ 2-е. —

Стр.

Якоже о Адамѣ вси умираютъ, такожде о Христѣ вси оживутъ. 245.

Да возвеселится сердце мое боятися имене твоего. 248.

N. 28.

Преподобнаго Нила подвижника, избранныя письма о силѣ креста Господня и крестнаго знаменія. 249.

Слово о грѣхѣ 3-е. 250.

И отъ чуждихъ пощади раба твоего: аще не обладаютъ мною, тогда непорученъ буду, и очищуся отъ грѣха велика. 254.

N. 29.

Преподобнаго Отца нашего Нила подвижника, избранныя письма о умовеніи ногъ Апостоламъ. 257.

Слово о грѣхѣ 4-е. —

Чудесныя явленія при святомъ Крещеніи. 261.

Юность непорочная и юность порочная. 262.

N. 30.

Святаго Льва, Папы Римскаго, изъясненіе изреченій о блаженствахъ. 267.

Слово при освященіи храма и закладкѣ зданій для Гимназіи, въ имѣніи Графа Браницкаго, въ мѣстечкѣ Бѣлой Церкви. 270.

Помышленіе человѣческое исповѣстся тебѣ, и остатокъ помышленія празднуетъ Ти. 271.

N. 31.

Преподобнаго Кассіана Римлянина собесѣдованіе съ Аввою Пинуфіемъ, о времени прекращенія покаянія и объ удовлетвореніи за грѣхъ. 277.

О злорѣчіи. 282.

N. 32.

Преподобнаго Отца нашего Нила подвижника, избранныя письма о покаяніи. 285.

Слово надгробное, (говоренное при погребеніи Профессора Духовной Академіи въ понедѣльникъ Пятидесятницы). 288.

N. 33.

Введеніе во храмъ Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи. 294.

Ветхозавѣтныя прообразованія, относящіяся къ лицу и служенію Матери Божіей. 294.

Привѣтствіе ЕГО Императорскому Величеству, Благочестивѣйшему Государю **ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ**, (говор. Высокопреосвященнѣйш. Филаретомъ, Митроп. Кіев. и Галиц.). 296.

Слово на освященіе храма св. Равноапостольнаго В. Кн. Владиміра въ Университетѣ св. Владиміра (говорен. Профессор. богослов. Протоіер. І. Скворцевымъ). 297.

N. 34.

Преподобнаго Отца нашего Нила подвижника, избранныя письма о постѣ. 301.

Слово въ недѣлю 25-ю по пятидесятницѣ (говор. Епидифоромъ, Еписк. Острогож. Викар. Воронежскимъ). 302.

Многими скорбми подобаетъ внити въ царствіе Божіе. 306.

Не вѣсте ли, яко малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ? 308.

N. 35.

Преподобнаго Отца нашего Нила подвижника избранныя письма о воскресеніи мертвыхъ. 310.

Слово въ день Святителя Христова, Николая чудотворца, и тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя **ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА**. 311.

N. 36.

Св. Отца нашего Кирилла Іерусалимскаго, о знаменованіи имени: Іисусъ Христосъ. 317.

Вѣра святыхъ Праотцевъ. 318.

Несудихъ вѣдѣти что въ васъ, точію Іисуса Христа и сего распята. 322.

Вся ми лѣть суть но не вся на пользу; вся ми лѣть суть, но не вся назидаютъ; вся ми лѣть суть, но не азъ обладанъ буду отъ чего. 323.

Оброцы грѣха смерть: дарованіе же Божіе, животъ вѣчный, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. 324.

N. 37.

Святаго Льва Папы Римскаго слово на рождество Христово. 325.

Вѣра святыхъ Праотцевъ. 326.

Стр.

Всѣмъ время и время всякой вещи подъ небесемъ. 331.

N. 38.

Святаго Отца нашего Іоанна Златоустаго о звѣздѣ, приведшей волхвовъ къ Христу. 335.
Егоже, о избіеніи младенцевъ. 336.
Съ нами Богъ. 338.
Вѣра святыхъ Праотцевъ. 342.
Яко Господеви изволися тако и бысть: буди имя Господне благословенно. 346.

N. 39.

Новый (1844) годъ. 348.
Слово на новый годъ (говоренное Протоіереемъ Іоанномъ Левандою). —
Да пріидетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли. 351.

N. 40.

Путешествіе св. Семейства во Египетъ. 357.
Бесѣда въ недѣлю придцать первую по пятидесятницѣ (говор. Преосвящ. Иліодоромъ, Еписк. Курскимъ и Бѣлоградскимъ). 359.
Рѣчь къ новопросвѣщенному св. Крещеніемъ Студенту изъ Евреевъ. 262.
Вѣра святыхъ Праотцевъ. 263.
Бездна бездну призываетъ. 367.

N. 41.

Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче. 369.
Сиротство. 372.

N. 42.

Востаніе падшихъ. 381.
Слово о грѣхѣ 5-е. 383.
Обращеніе св. Нифонта. 386.
Въ злоухудожную душу не внидетъ премудрость. 387.

N. 43.

Святаго Іоанна Златоустаго, о памятованіи страшнаго суда Господня. 389.
Бесѣда въ недѣлю мясопустную, о страшномъ судѣ Божіемъ (говорен. Преосвящен. Иліодоромъ, Еписк. Курск. и Бѣлоградск.). 390.
Утреннее возношеніе мыслей и сердца къ Богу. 393.

Стр.

Вечернее возношеніе мыслей и сердца къ Богу. 396.
Молитвенные обѣты вѣры, надежды и любви. 398.

N. 44.

Св. Льва Папы Римскаго слово на четыредесятницу. 401.
Слово о грѣхѣ 6-е. 403.

N. 45.

Святаго Отца нашего Іоанна Дамаскина свидѣтельство о двухъ естествахъ въ Іисусѣ Христѣ, избранныя изъ писаній св. Отцевъ. 411.
Слово о грѣхѣ 7-е. 414.
Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, по главолу твоему съ миромъ. 417.

N. 46.

О необходимости и силѣ покаянія (св. Іоанна Златоустаго). 421.
Слово о грѣхѣ 8-е. 427.

N. 47.

Св. Іоанна Златоустаго, различные способы покаянія. 429.
Кассіана Римлянина собесѣдованіе съ Аввою Ѳеоною о четыредесятницѣ. 431.
Слово, сказанное на Литургіи, по совершеніи св. Крещенія. 432.
Богъ мстящель за неповинную кровь. 435.
Помяни мя, Господи, егда пріидеши во Царствіи твоемъ. 437.

N. 48.

Св. Іоанна Златоустаго, другой способъ покаянія— плачь и сокрушеніе о грѣхахъ. 439.
Слово о грѣхѣ 9-е. 441.
Откуду начну плакати окаяннаго моего житія дѣяній? 445.

N. 49.

Св. Іоанна Златоустаго, третій способъ покаянія— смиреніе. 447.
Слово о грѣхѣ 10-е. 448.
Краткость и скоротечность жизни человѣческой. 452.
Рѣхъ: исповѣмъ на мя беззаконіе мое Господеви; и Ты оставилъ еси нечестіе сердца моего. 455.

N. 50.

Стр.

Св. Іоанна Златоустаго, четвертый способъ покаянія— милостыня. 457.

Слово о грѣхѣ 11-е. 458.

Св. четыредесятница. 462.

N. 51.

Св. Іоанна Златоустаго, о крестѣ Господнемъ. 465.

Св. Кипріана Карѳагенскаго, примѣры гнѣва Божія на недостойно пріемлющихъ св. Тайны. 465.

Покаянныя воздыханія готовящагося къ таинству покаянія. 467.

Покаянныя воздыханія послѣ исповѣди. 471.

Покаянныя воздыханія готовящагося къ пріятію святыхъ и животворящихъ таинъ Христовыхъ. 472.

Возношеніе мыслей и сердца ко Спасителю, по принятіи святыхъ и животворящихъ таинъ Его. 474.

N. 52.

Св. Іоанна Златоустаго, пятый способъ покаянія— молитва. 477.

Св. Епифанія, Архіепископа Кипрскаго, о погребеніи тѣла Господа нашего Іисуса Христа. 480.

Слово о грѣхѣ 12-е. 481.

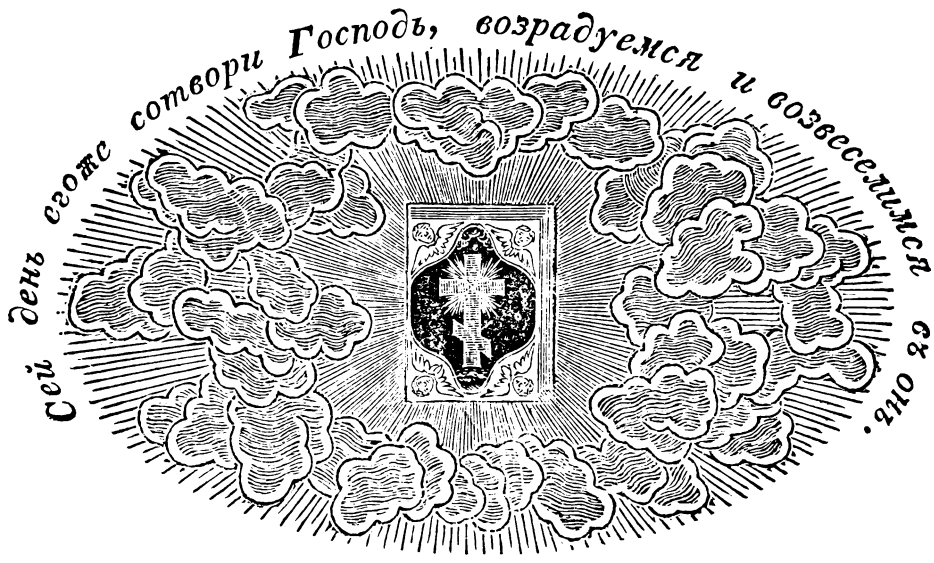
Слово въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. 485.

Гора Сорокодневная. 488.

Соборъ св. Архангела Гавріила. 491.

Слово по причащеніи св. Таинъ. 493.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

Псал. 117, ст. 24.

№ I. НЕДѢЛЯ СВЯТЫЯ ПАСХИ. Апрѣля 11. 1843.

Апостолъ: Дѣян. 1, 1—8. Евангеліе: Іоан. 1, 1—17.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

СВ. ОТЦА НАШЕГО ГРИГОРІЯ, ЕПИСКОПА НИССКАГО,

СЛОВО

НА СВЯТУЮ И СПАСИТЕЛЬНУЮ ПАСХУ. (*)

Истинный покой субботы, пріявшій благословеніе Божіе, покой, коимъ почилъ отъ дѣлъ своихъ Господь, для спасенія міра, субботствовавшій по упраздненіи смерти, уже кончился, и явилъ благодать свою очамъ, слуху и сердцу,— явилъ, при совершеніи праздника нашего, посредствомъ всего того, что мы видѣли, что слышали и чрезъ что пріяли радость въ сердце. Зримое очами былъ свѣтъ, огненнымъ облакомъ посредствомъ свѣтильниковъ въ ночи намъ предносимый. Для слуха возглашалось всенощное слово во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснехъ духовныхъ, и, какъ рѣка радости, изливаясь въ душу посредствомъ слуха, исполняло насъ благими надеждами. А сердце, увеселяясь и глаголемымъ и зри-

(*) Въ собраніи твореній св. Григорія слово 4-е на Воскресеніе Христово.

мымъ, образъ имѣло невыразимаго блаженства, руководимое чрезъ видимое къ невидимому. Ибо блага сего покои, удостовѣряя насъ въ неизреченной надеждѣ того, что уготовано, служатъ образомъ благъ, *ихъ же око не видѣ, ухо не слыша и на сердце человѣку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9). Поелику же свѣтлая нощь сія, соединивъ свѣтъ свѣтильниковъ съ утренними лучами солнца, составила одинъ непрерывный день, безъ всякаго промежутка тьмы, то уразумѣемъ, братіе, пророческое слово: *сей день, егоже сотвори Господь*, день для дѣла не тяжкаго и неудобосовершимаго, но для радости, веселія и восхищенія, ибо сказано: *возрадуемся и возвеселимся въ онь* (Пс. 117, 24). О благое повелѣніе! сладостное законоположеніе! Кто умедлитъ повиноваться такимъ заповѣдямъ? Кто не почтетъ потерею и малѣйшее замедленіе въ такомъ дѣлѣ? Дѣло есть веселіе, заповѣдь— радованіе. Ими разрѣшается осужденіе за грѣхъ, и печаль превращается въ радость. Въ семъ-то исполняется изреченіе премудрости: „въ день веселія забвеніе золъ.“ День сей произвелъ забвеніе перваго противъ насъ опредѣленія, или лучше, уничтоженіе, а не забвеніе. Ибо истребилъ совершенно всякую память осужденія нашего. Тогда въ печаляхъ происхожденіе на свѣтъ; нынѣ безъ болѣзней рожденіе. Тогда раждались мы отъ плоти плоть; нынѣ рожденное есть духъ отъ Духа. Тогда сынами человѣческими, нынѣ чадами Божіими мы родились. Тогда отлучены отъ небесъ на землю; нынѣ Небесный сотворилъ и насъ небесными. Тогда посредствомъ грѣха царствовала смерть, а нынѣ чрезъ жизнь воспріемлетъ владычество правда. Тогда одинъ отверзъ входъ смерти; а нынѣ единымъ вводится жизнь. Тогда чрезъ смерть отпали мы отъ жизни; нынѣ жизнію упразднится смерть. Тогда отъ стыда сокрылись мы подъ смоковницею; нынѣ чрезъ славу приблизились къ древу жизни. Тогда за непослушаніе изгнаны изъ рая; нынѣ чрезъ вѣру допускаемся въ рай. Паки плодъ жизни предложенъ намъ невозбранно въ пищу. Паки источникъ райскій, раздѣляемый на четыре части рѣками Евангельскими, орошаетъ все лице Церкви, такъ что упиваются имъ бразды душъ нашихъ, кои сѣющій слово провелъ раломъ ученія, и размножаются растѣнія добродѣтели. И такъ что при семъ будемъ дѣлать? Что иное, какъ не подражать взыграніемъ горамъ и холмамъ пророческимъ? *Горы*, говоритъ, *взыграшася яко овни, и холми яко агнцы овчіи* (Псал. 113, 4). *Пріидите* убо *возрадуемся Господеви*, который сокрушилъ силу врага и, по низложеніи противника воздвигъ великое побѣдное знамя Креста. *Воскликнемъ!* Воскликновеніе же есть побѣдный вопль, возносимый побѣдителями противъ побѣжденныхъ. По сему и мы, послѣ того, какъ низложено полчище врага и самъ онъ, имѣвшій власть надъ злыми воинствами демоновъ, погибъ и изчезъ, скажемъ: *яко Богъ велій Господь, и Царь велій по всей земли* (Псал. 94, 1. 3.), благословившій вѣнецъ лѣта благости своея, и собравшій насъ въ сіе духовное ликостояніе, во Христѣ Іисусѣ Господѣ, коему слава во вѣки. Аминь.

Аще воскреснусте со Христомъ, вышнихъ ищите, идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя. Горняя мудрствуйте, а не земная. Умросте бо, и животъ вашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ. Егда же Христосъ явится, животъ вашъ, тогда и вы съ Нимъ явитеся въ славѣ.

Кол. 3, 1— 4.

Вотъ поученіе Апостольское не только на всѣ дни св. Пасхи, но и на всю жизнь Христіанина. Въ немъ содержится ученіе о воскресеніи Христа Спасителя, о нашемъ духовномъ воскресеніи, о свойствахъ и состояніи человѣка возрожденнаго въ сей жизни, и наконецъ о будущемъ славномъ воскресеніи возрожденныхъ.

Аще воскреснусте со Христомъ. Одинъ Господь имать животъ въ себѣ, и потому одинъ Онъ воскресъ собственною силою, и воскрешаетъ всѣхъ мертвыхъ по душѣ и по тѣлу. Люди всѣ являются на свѣтъ мертвыми по душѣ и смертными по тѣлу, и какъ не могутъ дать сами себѣ бытія, такъ не могутъ дать себѣ пакибытія или новой жизни, ни пріобрѣсть оной собственными силами и заслугами. Только совоскресеніе со Христомъ въ таинствѣ крещенія и покаянія, живое участіе въ смерти и воскресеніи Господа, всецѣлое усвоеніе заслугъ Спасителя нашего — даруетъ мертвому человѣку новую, благодатную жизнь, потомъ— новыя силы, новую чудодѣйствующую пищу и новое животворящее питіе для поддержанія духовной жизни.— Вотъ сущность Апостольскаго ученія о воскресеніи Христовомъ и о нашемъ духовномъ совоскресеніи съ Нимъ!

Аще воскреснуте со Христомъ, вышнихъ ищите, идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя: горняя мудрствуйте, а не земная. Умросте бо, и животъ вашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ.

По воскресеніи Господь оставилъ бренную землю и вознесся на небо къ Отцу своему: и человѣкъ возрожденный всею душею долженъ возноситься туда, гдѣ Христосъ. Отъ Христа получилъ онъ жизнь, отъ общенія и союза со Христомъ продолжается сія жизнь: ко Христу и долженъ онъ стремиться, какъ по чувству благодарности, такъ и для продолженія благодатной и блаженной своей жизни. Иначе для чего бы ему креститься во имя Христово, давать обѣтъ— вѣчно жить для Христа, всецѣло и навсегда принадлежать одному Христу, своему Спасителю? для чего бы самому Господу умирать и воскресать?— Получивъ новую, благодатную жизнь, человѣкъ долженъ искать новыхъ предметовъ для ума, высшихъ правилъ для воли, лучшихъ благъ для сердца, удаляясь отъ всего дольнаго и земнаго, которое или не можетъ удовлетворить высшимъ требованіямъ обновленной природы, или даже наноситъ вредъ и доведетъ до вѣчной смерти. Св. Апостолъ ясно указываетъ, куда должно стремиться возрожденному: *вышнихъ ищите, идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя.* Какая высокая цѣль! Выше сего невозможно вознестись ни мыслію, которая своею быстротой превосходитъ все земное, ни желаніями, которымъ мы не можемъ назначить границъ и конца. Выше блаженства и славы, какими обладаетъ Единородный Сынъ Божій, одесную Бога Отца, нѣтъ другаго блаженства, другой славы: но все-

благій Господь, раздѣлившій съ нами наши немощи и страданія, хочетъ раздѣлить свое блаженство и свою славу со всѣми благодатными сынами Божіими, *иже отъ Бога родишася*. Посему стремленіе къ ближайшему, неразрывному, вѣчному, блаженнѣйшему соединенію со Христомъ, должно быть главнымъ предметомъ всей дѣятельности возрожденнаго; обновившись однажды во святомъ крещеніи, или во св. таинствѣ покаянія, онъ умомъ и сердцемъ всегда долженъ жить со Христомъ, устремлять все вниманіе свое въ горняя: *горняя мудрствуйте, а не земная*.

Умросте бо, и животъ вашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ. Возрожденный, для собственнаго блага, долженъ помнить, что онъ, погружаясь въ воду въ таинствѣ крещенія, во образъ смерти и погребенія Христова, спогребался со Христомъ, умеръ со Христомъ, крестился въ смерть Христову (Рим. 6, 3—5),— безъ чего невозможно было и совоскресеніе со Христомъ; долженъ помнить, что одна минута безпечности можетъ возвратить человѣка въ прежнее состояніе духовной смерти и лишить жизни благодатной, что новая жизнь, начавшаяся смертію ветхаго человѣка, и въ продолженіи своемъ должна быть постояннымъ умираніемъ, а слѣдовательно, возрожденный въ отношеніи ко всему ветхому и земному долженъ походить на мертвеца, который равнодушенъ ко всему, къ самымъ богатымъ украшеніямъ гроба, къ самому великолѣпному памятнику. *Умросте бо, и животъ вашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ*. Теперь не время для полнаго блаженства и для совершенной славы, обѣщанной и приготовленной возрожденнымъ. Заслуженная и пріобрѣтенная для нихъ Господомъ Іисусомъ Христомъ блаженная жизнь сохраняется самимъ Господомъ, *сокрыта со Христомъ въ Бозѣ*. Только по временамъ и не вполнѣ, и не многимъ праведникамъ она открывается, оставаясь впрочемъ сокровенною и непостижимою въ самомъ откровеніи. Даже та духовная слава, тѣ благодатные дары, коими Господь еще здѣсь обильно награждаетъ благодатныхъ сыновъ, сокрыта бываетъ отъ взора и ума сыновъ вѣка сего: *вся слава дщери царевой*— благочестивой души— *внутрь*. Въ семъ случаѣ они уподобляются самому Господу, который во днехъ плоти благоволилъ сокрыть свое Божество подъ уничиженнымъ образомъ раба; а потомъ, по воскресеніи своемъ, сокрылъ свою славу на небѣ одесную Бога. И возрожденные, чѣмъ совершеннѣе и выше, тѣмъ болѣе углубляются въ себя, тѣмъ тщательнѣе сокрываютъ свое небесное сокровище въ тайнѣ своей совѣсти, и отъ взора другихъ и отъ собственнаго самолюбія— покровомъ смиренія и самоуничиженія. Поревнуй, Христіанская душа, такому совершенству, но не ищи награды на землѣ; никогда не забывай, что благодатная жизнь твоя, начавшаяся смертію ветхаго человѣка, и въ своемъ продолженіи должна быть постояннымъ умираніемъ. Если бы ты имѣла вѣру Авраамову, любовь Іоаннову, терпѣніе Іовлево, ревность Петрову, самоотверженіе Моисеево и Павлово:— для тебя здѣсь нѣтъ полнаго блаженства, которое ты получишь тамъ, гдѣ теперь Патріархи, Апостолы, всѣ святые, и самъ Господь Іисусъ Христосъ. *Умросте бо, и животъ вашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ*.

Егда же Христосъ явится, животъ вашъ, тогда и вы съ Нимъ явитеся въ славѣ. Вотъ высочайшее утѣшеніе для Христіанина въ сей скорбной и многоболѣзненной жизни! Воскресшій со Христомъ, или возродившійся еще здѣсь, вполнѣ увѣренъ въ будущемъ славномъ воскресеніи, потому что оно есть необходимое слѣдствіе воскресенія и прославленія Христова, плодъ самаго духовнаго таинственнаго возрожденія. *Егда же Христосъ явится, животъ вашъ, тогда и вы съ Нимъ явитеся въ славѣ.* Смерть и воскресеніе Господа имѣютъ тѣснѣйшую связь съ нашею смертію и съ нашимъ воскресеніемъ. Безъ нашей смерти Господу не нужно бы умирать; безъ Его смерти и воскресенія мы на всегда остались бы мертвыми и не было бы воскресенія. Но послѣ воскресенія Христова наше воскресеніе необходимо. Какъ Господу, начальнику жизни, невозможно было не воскреснуть: такъ и возрожденнымъ, послѣ Его воскресенія, невозможно пребывать въ смерти. Господь и умеръ и воскресъ для насъ, для нашего славнаго воскресенія (1 Кор. гл. 15). Конечно, не всѣ воскреснутъ въ славѣ и для славы: но въ возрожденныхъ есть всѣ условія для славнаго воскресенія и для вѣчнаго прославленія. Въ таинствѣ крещенія и покаянія они получили отъ Господа пакибытіе, воскресши съ Нимъ для благодатной жизни; въ таинствѣ Мѵропомазанія получили новыя силы, вполнѣ сообразныя обновленному существу, и различныя дарованія духовныя, приспособленныя къ духовнымъ потребностямъ; въ таинствѣ Евхаристіи питаются и укрѣпляются Тѣломъ и Кровію Христовою, сообщающими смертному безсмертіе, и наконецъ дарованныя силы усовершаютъ святою дѣятельностію. Такъ вселяется и утверждается въ возрожденныхъ жизнь вѣчная которая во всей полнотѣ откроется, когда упразднится все смертное и явится начальникъ жизни. *Егда же Христосъ явится, животъ вашъ, тогда и вы съ Нимъ явитеся въ славѣ.*

СИЛА ВОСКРЕСЕНІЯ ХРИСТОВА, ВОСКРЕШАЮЩАЯ МЕРТВЫХЪ.

Св. Апостолъ Павелъ славу воскресшаго изъ мертвыхъ Искупителя нашего изображаетъ такъ: *сшедый (въ дольнѣйшія страны земли), той есть и возшедый превыше всѣхъ небесъ, да исполнитъ всяческая* (Ефес. 4, 10). Это исполненіе всяческихъ, конечно, не есть одно вездѣприсутствіе Божества, которое было и есть всегда, но означаетъ нѣкоторое особенное дѣйствіе благодатной силы Богочеловѣка,— силы Его Воскресенія, которая, введши самаго Начальника жизни, по человѣчеству, въ новую жизнь, положила основаніе новой жизни для всего человѣчества, а чрезъ него и для прочей твари, ожидающей въ человѣкѣ своего обновленія (Римл. 8, 21—23). Не должно ли было ожидать послѣ сего, чтобы и внѣшняя наша природа, почувствовавъ какъ бы въ себѣ силу грядущаго вѣка, подчинилась законамъ высшей жизни и являла въ себѣ, по временамъ, дѣйствія сверхъестественныя?

Было первое оживленіе мертвенной земли, когда, по глаголу Божію: *да прораститъ земля быліе травное, сѣющее сѣмя по роду и по подобію* (Быт. 1, 11), облеклась она живою красотою и великолѣпіемъ. Въ слѣдствіе сего гла-

гола приснодѣйствующаго, и нынѣ, мы видимъ весною, духъ жизни протекаетъ по омертвѣлой землѣ, и— она начинаетъ износить дивныя созданія Божіи, живыя, юныя и прекрасныя. Не открылось ли нѣчто подобное сему въ человѣчествѣ, послѣ того, какъ Упостасное Слово Божіе явило въ немъ новый духъ жизни? Не надлежало ли проникнуть сему духу во всѣ исходища нашей жизни, и вездѣ проявить себя явленіями высшаго, духовнаго міра? Правда, этотъ животворящій духъ, носясь надъ природою нашею, воззываетъ преимущественно духъ человѣка къ истинной жизни, взывая къ нему: *востани спяй, и воскресни отъ мертвыхъ, и освѣститъ тя Христосъ* (Ефес. 5, 14), а природу тѣлесную воскреситъ въ тотъ великій часъ, *въ онь же вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія* (Іоан. 5, 28); но почему не можетъ онъ оказывать чудесныхъ дѣйствій своихъ въ нашей природѣ видимой и нынѣ?— Нѣтъ невозможнаго въ томъ, чтобы посѣянное сѣмя, еще не дождавшись весны, раскрылось предъ нами и дало жизнь растѣнію— хотя на малое время. Для этого нужно нѣсколько сильнѣе обыкновеннаго воздѣйствовать теплотѣ солнечной и удалиться препятствіямъ, не допускающимъ живительной силѣ солнца глубже проникать въ землю. Какъ же невозможно то, чтобъ наше духовное Солнце являло животворящую силу свою въ мертвыхъ тѣлахъ человѣческихъ, вливало въ нихъ жизнь и, еще прежде весны всеобщаго воскресенія, производило воскресенія частныя? Не Владыка ли жизни и смерти Господь нашъ? Не воскрешалъ ли Онъ мертвыхъ, живя на земли?— Что можешь и нынѣ ограничить Его всемогущество?— *Іисусъ Христосъ вчера и днесь, тойже и во вѣки* (Евр. 13, 8).

Сила Воскресенія Господня, какъ свидѣтельствуетъ Евангеліе, открылась видимо въ первый день Воскресенія, такъ что *многа тѣлеса усопшихъ святыхъ востата, и изшедше изъ гроба, по воскресеніи* Богочеловѣка, *внидоша во святый градъ, и явишася многимъ* (Матѳ. 27, 52. 53). Потомъ таже сила воодушевила Апостоловъ и другихъ благовѣстниковъ Христовыхъ; чрезъ нихъ производила новыя чудеса, являла новую жизнь и новыя воскресенія; тогда вполнѣ дѣйствовали тѣ чрезвычайныя дарованія, кои сообщилъ избраннымъ своимъ Тотъ, который рекъ: *болящія исцѣляйте, прокаженныя очищайте, мертвыя воскрешайте, бѣсы изгоняйте, туне пріясте, туне дадите* (Матѳ. 10, 8). Слово же Божіе свидѣтельствуетъ объ Апостолахъ, что они, совершая многія другія чудеса, воскрешали и мертвыхъ. Такъ Ап. Петръ въ Іоппіи воскресилъ благотворительную Тавиѳу, и симъ чудомъ произвелъ вѣру въ Господа во многихъ (Дѣян. 9, 42), а Ап. Павелъ, въ Троадѣ, воздвигъ къ жизни Евтиха, падшаго изъ окна, и тѣмъ ободрилъ множество вѣрующихъ (— 20, 9. 1). Должно ли ограничиться одними сими примѣрами? Нѣтъ! Справедливо и о чудесахъ Апостольскихъ, описанныхъ въ книгѣ Дѣяній, сказать тоже, что сказано въ Евангеліи о чудесахъ самаго Іисуса Христа: *многа же и ина знаменія сотвори Іисусъ яже не суть писана въ книгахъ сихъ* (Іоан. 20, 30), т. е. сотворилъ не только *предъ ученики своими*, но и чрезъ учениковъ своихъ. Посему мы, съ полною вѣрою въ свидѣтельство благо-

честивой древности, приводимъ здѣсь для вѣрующихъ нѣсколько другихъ примѣровъ воскресенія, описанныхъ въ житіяхъ Апостоловъ и другихъ великихъ святыхъ Божіихъ. Должно полагать, что большая часть сихъ чудесъ совершена для прославленія воскресшаго Господа между невѣрными; но есть достовѣрныя сказанія, показывающія, что много было такихъ чудесъ во славу Спасителя между самыми вѣрными.— Ограничимся здѣсь, на первый разъ, одними примѣрами перваго рода.

Есть преданіе (у Егезиппа), что Апост. Петръ, бывъ въ Римѣ, истиннымъ чудомъ посрамилъ ложнаго чудотворца, волхва Симона. Вся сила демонская, бывшая съ волхвомъ, не могла возбудить къ жизни одного умершаго юноши; но Апостолъ своею молитвою воскресилъ мертвеца и содѣлалъ его исповѣдникомъ Христовымъ: воскресшій предъ всѣми свидѣтельствовалъ, что онъ видѣлъ самаго Владыку живыхъ и мертвыхъ Іис. Христа, какъ Онъ повелѣвалъ Ангеламъ возвратить душу его на землю (а).

Объ Ап. Павлѣ также есть сказаніе, что онъ въ Критѣ воскресилъ умершаго сына у Проконсула Руспила, сродника Титова. Руспилъ прежде не вѣровалъ проповѣди Апостольской и даже посмѣвался ей: но когда увидѣлъ силу Христову надъ своимъ умершимъ сыномъ; то немедленно, со всѣмъ домомъ своимъ, принялъ св. крещеніе. Съ тѣмъ вмѣстѣ обращены были и многіе другіе на томъ же островѣ (б).

Ап. Іоаннъ многими чудесами исполнилъ островъ Патмосъ, на который былъ сосланъ Домиціаномъ. Повѣствуютъ, что здѣсь же св. Іоаннъ воскресилъ одного юношу, удавленнаго въ банѣ злымъ духомъ. Этотъ юноша былъ сынъ жреца идольскаго, и оживши тѣломъ, а потомъ и духомъ, возбудилъ вѣру какъ въ отцѣ своемъ, такъ и во многихъ другихъ (в):

Ап. Филиппъ (изъ 12-ти), когда былъ еще въ Галилеѣ, воскресилъ мертвое дитя на рукахъ плачущей матери, а за тѣмъ ее и его отродилъ въ купѣли крещенія. Послѣ, когда сей Апостолъ проповѣдалъ Евангеліе въ Іераполѣ Сирійскомъ, и послучаю погребенія одного мертвеца, народъ кричалъ: „пусть учитель воскреситъ умершаго, и мы всѣ будемъ вѣровать,“ богодухновенный мужъ дѣйствительно совершилъ это чудо. Мертвый восталъ, повѣдалъ народу, въ какой опасности была душа его, которую, говорилъ, влекли уже два эѳіопа въ тартаръ, и былъ начашкомъ Церкви Христовой въ Іераполѣ, который весь обратился къ вѣрѣ, проповѣдуемой св. Филиппомъ (г).

Есть прекрасная повѣсть объ Ап. Ѳомѣ, проповѣдникѣ Индійскомъ, въ которой, кромѣ другихъ чудесъ, находимъ и чудо воскресенія, самое поучительное. Апостолъ, назвавшись строителемъ царскихъ палатъ и всѣ полученныя отъ Царя деньги расточивъ въ пользу бѣдныхъ, подпалъ за то его гнѣву; но самъ Господь, возвративъ къ жизни умершаго брата царева, чрезъ него открылъ царю, что Архитекторъ духовный, св. Ѳома, дѣйствительно уготовалъ прекрасные чертоги на небѣ, и требовалось только вѣры, чтобы вой-

(а) См. Въ чет. Мин. Іюн. 29.
(б) См. въ житіи Ап. Тита, Августа 25.
(в) Житіе Ап. Іоанна, Сент. 26.
(г) Житіе св. Филиппа, Ноября 14.

ти въ нихъ.— Послѣ сего оба брата, отъ тогоже Апостола, приняли (въ св. крещеніи) и залогъ св. Духа для полученія небеснаго наслѣдства (д).

Теперь укажемъ нѣсколько чудесъ воскрешенія, совершенныхъ ближайшими учениками Апостоловъ.

Святые Іасонъ и Сосипатръ, ученики Ап. Павла, на островѣ Керкирѣ (на Іонич. морѣ) утвердили вѣру многихъ, воскресивъ умершаго сына царева (е).

Св. мученикъ Аполлинарій, ученикъ Ап. Петра, Епископъ въ Равеннѣ, здѣсь воскресилъ дочь князя Руфина. Воскресшая воззвала: „великъ Богъ, проповѣдуемый Аполлинаріемъ, нѣтъ инаго Бога, кромѣ Его!“— И это чудо обратило къ вѣрѣ болѣе 300 человѣкъ въ дому Руфина, и множество другихъ жителей города (ж).

Св. Іуліанъ, Епископъ Кеноманійскій (въ Галліи), ученикъ также Ап. Петра, произвелъ не одно воскрешеніе въ тѣхъ странахъ. Особенно поразительно было для язычниковъ воскрешеніе сына у одного вельможи (Іованіана). Когда юноша, молитвою св. Іуліана, возбужденъ былъ къ жизни; то тотчасъ сталъ обличать нечестіе язычниковъ, свидѣтельствуя предъ ними, что боги, коимъ они кланяются, не кто иные, какъ демоны, и что онъ видѣлъ ихъ во адѣ (з).

Къ Апостольскимъ же временамъ можно отнести Великомученицу Ирину, дочь Ликинія, владѣвшаго городомъ Магедономъ (сопредѣльномъ Македоніи), пріявшую крещеніе отъ св. Тимоѳея, ученика Павлова. Повѣствуютъ, что сія святая дѣва воскресила отца своего, убитаго разсвирѣпѣвшимъ конемъ, и тѣмъ обратила ко Христу весь домъ свой, и изъ народа до трехъ тысячъ. Пишутъ даже, что послѣ страдальческой кончины своей она сама воскресла, опять проповѣдала Евангеліе, и почила мирно въ Ефесѣ (и).

Вотъ еще нѣкоторые примѣры изъ послѣдующихъ временъ— мученическихъ: Преподобномученица Евдокія однимъ дуновеніемъ умертвила дерзкаго развратнаго юношу, потомъ молитвою своею возвратила его къ жизни, а съ тѣмъ вмѣстѣ привела на путь вѣры и добродѣтели (і).

Мученица Христина, дочь Тирскаго игемона Урвана, страдала прежде отъ отца, потомъ отъ другаго игемона (при Имп. Северѣ). Во время страданій, кромѣ другихъ чудесъ, она воскресила мертваго— именно, того самаго волхва, который приготовилъ ей ядовитыхъ гадовъ, и самъ пострадалъ отъ нихъ. Тогда воскресшій волхвъ позналъ силу Христову, а съ нимъ вмѣстѣ обратились къ вѣрѣ многіе другіе (к).

Священномученикъ Харалампій, Епископъ Магнесіи (страдавшій также при Северѣ), совершилъ многія чудеса въ Антіохіи, и между прочимъ воскресилъ одного мертваго (л).

Великомученикъ Пантелеимонъ, (страдавшій при Максиміанѣ въ Никомидіи),

(д) Житіе св. Ап. Ѳомы Окт. 6. Тамъ же пишется, что въ одномъ городѣ, когда Апостола обвиняли въ убійствѣ сына жрецова; онъ воскресилъ убіеннаго, и воскресшій указалъ убійцу въ самомъ отцѣ своемъ.

(е) См. Житіе ихъ Апр. 28.

(ж) Житіе св. Аполлинарія Іюл. 23.

(з) Житіе св. Іуліана, Іюл. 13.

(и) Житіе В. Мч. Ирины Маія 5.

(і) Житіе ея Март. 1.

(к) Житіе Мч. Христины Іюл. 24.

(л) Житіе его Февр. 10.

когда еще былъ язычникомъ и учился искусству врачебному, но отъ Христіанскаго пресвитера Ермолая услышалъ объ истинномъ Врачѣ небесномъ, могущемъ животворить мертвыхъ, испыталъ силу имени Христова надъ угрызеннымъ ехидною и умершемъ отрокѣ. Это чудо воскресенія начало новую жизнь Пантелеимона: съ сего времени онъ сдѣлался безмезднымъ врачемъ по вѣрѣ (м).

Извѣстны славные подвиги великомученика Георгія, удивлявшаго Діоклитіана и терпѣніемъ страданій, и чудесами своими. Извѣстно также и то, что этотъ великій воинъ Христовъ, самъ неврежденный смертоносною отравою, въ доказательство еще большей силы Христовой, воскресилъ предъ всѣми мертвеца, уже погребеннаго (н).

Заключимъ этотъ рядъ животворныхъ явленій силы Господней примѣромъ воскрешенія, совершеннаго въ странахъ къ намъ близкихъ. Священномученикъ Василій, Епископъ Херсонскій (при Діоклитіанѣ сосланный въ Скиѳію), проповѣдая Евангеліе въ Тавридѣ, воскресилъ умершаго сына у одного Херсонскаго князя. Повѣствуютъ что самъ умершій, явясь во снѣ плачущимъ родителямъ, указалъ имъ утѣшителя въ св. Епископѣ, а Святитель, низвелъ жизнь на мертваго изліяніемъ на него священной воды, потомъ въ водѣ же (крещенія) показалъ новую жизнь благодатную, какъ воскресшему, такъ и всѣмъ, познавшимъ тогда силу Того, кто даруетъ жизнь духовную и тѣлесную (о).

(м)— Іюл. 27.
(н)— Апр. 23.
(о)— Март. 7.

ХРИСТІАНСКІЕ ВИЗИТЫ

ВЪ ДЕНЬ ПАСХИ

(РАЗГОВОРЪ ОТЦА СЪ СЫНОМЪ.)

Сынъ (по выходѣ изъ Церкви, послѣ утрени). Кудажъ вы, папенька?.. Развѣ не пойдете домой?

Отецъ. Надобно, другъ мой, прежде *посѣтить* нашего Спасителя и Господа, который даровалъ намъ насладиться радостію Воскресенія своего. Пойдемъ со мною.

С. Но мы были уже, и будемъ еще въ церкви; а гдѣжъ, кромѣ церкви, являться предъ Господомъ?

О. Въ церкви, другъ мой, мы приходили просить у Него благодѣяній— искать Его благодатнаго наставленія, укрѣпленія, утѣшенія; и— Боже мой— сколько благодатнаго свѣта отъ живоноснаго гроба Господня! сколько сладостнѣйшихъ утѣшеній для жизни настоящей! сколько превосходящихъ всякій умъ обѣтованій на небѣ! Въ благодарность за это намъ должно посѣтить своего Спасителя тамъ, гдѣ Онъ благоволитъ принимать наши малыя услуги.

С. Папенька, но вы идете въ тюрьму, гдѣ содержатся одни преступники?

О. А между ими Христосъ, какъ Самъ Онъ сказалъ: *во темницѣ бѣхъ и пріидосте ко Мнѣ* (Мат. 25, 36). И самые преступники вѣдь Христіане, члены таинственнаго тѣла Христова— Церкви. Правда, они члены больные, полумертвые; но тѣмъ болѣе причиняютъ скорби своему Главѣ,— тѣмъ болѣе страждетъ въ нихъ Христосъ. А сколько есть страждущихъ невинно, въ коихъ страждетъ Господь, какъ въ истыхъ своихъ членахъ! Здѣсь-то— въ темницѣ и должно искать Христа.

С. (по выходѣ изъ темницы) Какую же можно оказать услугу Спасителю нашему чрезъ посѣщеніе темницы?—

О. Если кто добрымъ совѣтомъ и добрымъ словомъ расположитъ сердце ожестѣлаго преступника къ раскаянію и исправленію; какая безцѣнная услуга Тому, который сказалъ чрезъ пророка: *живу Азъ, хотѧщемъ не хощу смерти ерѣшника, но еже обратитися нечестивому отъ пути своего, и живу быти ему.* Если кто благодатнымъ словомъ утѣшенія исхититъ изъ пропасти отчаянія унылаго несчастливца; какое одоленіе для царства Христова! какое посмѣяніе надъ сатаною! Если кто, узнавъ подлинно невинно страждущаго, употребитъ, съ своей стороны, всѣ мѣры къ оправданію его предъ судомъ; какая драгоцѣнная услуга человѣчеству! Но пусть не доспѣгну я ни того ни другаго: одинъ ласковый привѣтъ, одно Христіанское лобзаніе мира укажетъ несчастному, что у него есть Спаситель, во имя котораго его милуютъ; что всѣ люди видятъ въ немъ своего собрата во Христѣ, котораго только одна преграда преступленій отдѣляетъ отъ ихъ общества. А это уже будетъ шагомъ къ его духовному прозрѣнію!—

С. Но, папенька, вы опять не домой идете; тамъ, можетъ быть, уже ждутъ насъ.

О. Не безпокойся, дружечекъ, съ домашними мы всегда; но мнѣ хочется еще посѣтить сладчайшаго Спасителя нашего въ другомъ мѣстѣ. Какъ не посѣтить его въ такой богосвѣтлый день и часъ!

С. Но вы идете въ домикъ несчастнаго больнаго N N, къ которому вы часто посылали меня?

О. Здѣсь точно живетъ онъ, а съ нимъ и самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, который говоритъ: *боленъ бѣхъ, и посѣтисте мене* (Матѳ. 25, 36). Ты знаешь, что несчастный N N былъ всегда человѣкомъ честнымъ и трудолюбивымъ. Нынѣ Господь посѣтилъ его болѣзнію, а съ нѣмъ вмѣстѣ и бѣдностію: но онъ переноситъ свое несчастіе съ Христіанскимъ терпѣніемъ. Кто жъ, какъ не самъ Господь, укрѣпляетъ его? Какъ же не посѣтитъ его въ наступящій день Христовъ? Бытъ можетъ, воспоминаніе о радости, какою наслаждаются нынѣ другіе, усугубляетъ скорбь его, наводитъ уныніе на его душу: пойдемъ и утѣшимъ его нашимъ соучастіемъ въ его скорби. Пусть не забываетъ онъ ни на минуту, что есть сладчайшій *Утѣшитель* скорбящихъ, Господь Іисусъ Христосъ, во имя котораго всякій Христіанинъ обязанъ принять участіе въ его скорби.

С. (по выходѣ изъ дома). Теперь же куда пойдемъ?

О. Теперь пойдемъ домой: времени до Литургіи еще довольно; успѣемъ прочитать благовѣствіе св. Евангелистовъ о воскресеніи Господнемъ. А послѣ Литургіи приготовься принять Воскресшаго Господа у себя въ домѣ. Мы посѣтили Его; не умедлитъ посѣтить насъ и Онъ.

С. Ахъ, какъ бы мы были счастливы!

О. И будемъ непремѣнно, если исполнимъ, что сказалъ Господь: *взалкахся, и дасте ми ясти; вожадахся, и напоисте Мя; странен бѣхъ и введосте мене; наг, и одѣясте мя....* (Матѳ. 25, 35).

С. Вы говорите о нищихъ?

О. А съ ними непремѣнно посѣтитъ насъ невидимо и Самъ Господь. Не устыдись принять и угостить Его въ семъ об-

разъ; и Онъ скажетъ тебѣ на страшномъ судѣ своемъ: *понеже сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ, мнѣ сотвористе* (Матѳ. 25, 40).

ПИСЬМО

О НАЧАЛѢ ОБЫКНОВЕНІЯ ДАРИТЬ ДРУГЪ ДРУГУ КРАСНЫЯ ЯЙЦА, ВО ДНИ СВ. ПАСХИ.

Привѣтствуя меня съ приближавшимся, а теперь уже наставшимъ свѣтлымъ праздникомъ, ты просилъ меня, другъ, сказать тебѣ: отъ чего и когда началось въ православной Церкви обыкновеніе дарить другъ другу красныя яйца, при взаимныхъ привѣтствіяхъ, во дни св. Пасхи,— и что значитъ это обыкновеніе? Съ удовольствіемъ дѣлюсь съ тобою тѣмъ, что знаю.

Обычай дарить другъ другу красныя яйца, во время Пасхи, вмѣстѣ съ вѣрою Христіанскою, какъ и многія другія благочестивыя обыкновенія, перешелъ къ намъ изъ Греціи; въ Греціи же съ незапамятныхъ временъ, существуетъ и донынѣ сохраняется о немъ слѣдующее преданіе (а):

По вознесеніи Іисуса Христа, Спасителя нашего, на небо, св. равноапостольная Марія Магдалина, пришедши для проповѣди Евангелія въ Римъ, предстала Императору Тиверію I, и, поднесши ему красное яйцо, сказала: *Христосъ воскресе!* и такимъ образомъ начала предъ нимъ свою проповѣдь о воскресеніи Спасителя. Первенствующіе Христіане, узнавъ о такомъ простосердечномъ приношеніи равноапостольной жены, начали подражать ему, и, при воспоминаніи воскресенія Христова, стали и сами дарить другъ другу красныя яйца. Обычай сей мало по малу распространился и содѣлался всеобщимъ въ Христіанствѣ. Глубокая древность сего обыкновенія не подлежитъ сомнѣнію: всѣ Христіанскія общества даже и неправославныя сохраняютъ его и единогласно говорятъ, что оно существуетъ въ Церкви Христіанской съ самыхъ первыхъ ея временъ и ведетъ свое начало отъ примѣра равноапостольной жены.

Въ житіи равноапостольной Магдалины (б) дѣйствительно говорится, что, по вознесеніи Іисуса Христа на небо „она „пройде многія страны, благовѣствуя „Евангеліе, якоже и Апостолы святіи „пріиде же и въ Римъ и Тиверію Ке„сарю предста, и вся яже о Христѣ „возвѣсти ему. Пилата же и Архіереи „въ гнѣвъ Кесаревъ введе и пріяша тіи „по дѣломъ своимъ.“ О пребываніи ея въ Римѣ упоминается и въ синаксарѣ на недѣлю Мироносицъ; *тоже* найдешь и въ другихъ Христіанскихъ Исторіяхъ. Кедринъ (в) и Константинъ Манасій (г), въ лѣтописяхъ своихъ, ясно говорятъ, что Марія Магдалина дѣйствительно была въ Римѣ, и что, представши Императору Тиверію, обвиняла предъ нимъ Пилата въ несправедливомъ осужденіи и обвиненіи Іисуса Христа.

Въ древности и у язычниковъ и у Іудеевъ было обыкновеніе, являясь къ важному лицу особенно въ первый разъ, подносить ему что либо въ даръ отъ себя въ знакъ уваженія и любви; примѣръ этого, можно, между прочимъ, видѣть въ поступкѣ волхвовъ, пришедшихъ поклониться рождшемуся Іисусу

(а) См. сочиненіе о семъ предметѣ Экономоса.

(б) Іюля 22-го.

(в) Ист. Кедр. Кн. 6.

(г) Ист. Конст. Манас. стр. 260.

съ дарами. Люди бѣдные, обыкновенно, приносили, въ подобныхъ случаяхъ, плоды, или яйца домашнихъ птицъ. Ничего нѣтъ страннаго и въ томъ, что и равноапостольная Магдалина, представъ Тиверію съ проповѣдію Евангелія, поднесла ему, по обычаю, подобный даръ;— каковое обыкновеніе людей бѣдныхъ, конечно, извѣстно было и Тиверію. Въ библіотекѣ монастыря святой Анастасіи, близъ Ѳессалоники есть древній рукописный Уставъ, писанный на пергаменѣ: въ концѣ сего Устава, послѣ молитвъ на день св. Пасхи, говорится слѣдующее: „Читается, также, молитва на благо„словеніе яицъ и сыра, и Игуменъ цѣ„луя братію, раздаетъ имъ яйца и „говоритъ: *Христосъ воскресе!* Такъ „мы приняли отъ св. Отцевъ, кото„рые сохранили сіе обыкновеніе отъ са„мыхъ временъ Апостольскихъ, ибо св. „равноапостольная Марія Магдалина пер„вая показала вѣрующимъ примѣръ се„го радостнаго дароприношенія (д)."

Такое дароприношеніе особенно прилично Христіанамъ во дни св. Пасхи. Своею простотою и невинностію оно показываетъ Христіанское простосердечіе,— выражаетъ взаимное дружелюбіе Христіанъ. Ибо, въ настоящіе дни свѣтлаго праздника, мы даримъ другъ другу красныя яйца, при взаимныхъ изъявленіяхъ мира и любви Христіанскимъ лобызаніемъ, которое сопровождаемъ воспоминаніемъ о воскресеніи Спасителя, *примирившаго* съ Собою и между собою *всяческая*. Притомъ, красный цвѣтъ сего дара,— напоминаетъ кровь Спасителя, проліянную за насъ,— а имѣя свѣтлый видъ, служитъ знакомъ всеобщей радости о побѣдѣ Іисуса Христа надъ смертію, Его воскресеніи изъ мертвыхъ, нашемъ искупленіи и востаніи въ другомъ мірѣ. Яйцо, въ этомъ случаѣ, есть прекрасный символъ нашего возрожденія въ жизнь будущую. Изъ яйца раждается животное, и вступаетъ въ жизнь птицъ небесныхъ, когда освобождается отъ скорлупы, заключавшей въ себѣ его зародышъ: такъ нѣкогда и мы,— отбросивъ все тлѣнное здѣсь, гдѣ имѣемъ уже зародышъ и начало вѣчнаго бытія,— силою воскресенія Христова возродимся и воскреснемъ для другой жизни, вѣчно радостной для праведныхъ.

И такъ вотъ тебѣ, Л. Д.,— вмѣсто краснаго яйца котораго не могу пересылать, посылаю мои мысли о красномъ яйцѣ.— Христосъ воскресе!

(д) См. о семъ у Экономоса въ соч. о крас. яйцахъ во дни Пасхи.

Кіевъ. въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 27 Февраля, 1843. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 2. НЕДѢЛЯ АНТИПАСХИ. Апрѣля 18. 1843.

Велій Господь нашъ, и велія крѣпость Его, и разума Его нѣсть числа.
Проким. на литургіи.

На Утрени: Евангеліе воскресное 1-е, Матѳ. 28, 16—20.
На Литургіи: Апостолъ: Дѣян. 5, 12—20. Еванг. Іоан. 20, 19—31.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ПРОКЛА, АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО,

СЛОВО НА СВ. ПАСХУ.

Великое чудо настоящаго спасительнаго праздника превышаетъ всякое, самое обильное, слово; нѣмотствуютъ самыя многоглаголивыя уста, не дерзая, по немощи своей, достойно славить благодѣющую любовь Распятаго. Ибо было ли когдалибо, что мы теперь созерцаемъ очами вѣры. Изобрѣтало ли воображеніе, представлялъ ли умъ, чувствовало ли сердце, изрекалъ ли языкъ, зрѣло ли око, слышало ли ухо подобное тому, что нынѣ даровано міру Іисусомъ Христомъ во плоти? Нѣтъ: никогда еще солнце не зрѣло того, чтобы діаволъ былъ посрамленъ кѣмъ либо— на древѣ или въ гробѣ; никогда Крестъ не снималъ проклятія съ твари; никогда искупленіе міра не было оцѣнено въ придесять сребрениковъ; никогда страданіе невиннаго и безгрѣшнаго не было огненнымъ очистилищемъ грѣха; никогда жизнь не висѣла на древѣ, и во плоти, зачатой безъ мужа, не торжествовала побѣды надъ врагомъ; никогда гробъ не заключалъ въ себѣ побѣдителя смерти; никогда небо среди полудня не одѣвалось мракомъ, для того, чтобы не видѣть ужаснаго злодѣянія, которое возстало противъ Бога, но умертвило одну плоть: никогда земля не украшалась такимъ гробомъ, который былъ бы лономъ жизни, или, лучше, и не гробомъ, а брачнымъ чертогомъ: ибо погребенный въ немъ не видѣлъ истлѣнія; Его нисшествіе во гробъ было брачнымъ торжествомъ.— Никогда природа, чрезъ три дня и три ночи, не воспроизводила плода воскресенія. Ибо Тотъ же, Кто въ утробѣ Дѣвы, извѣстнымъ Ему одному способомъ, образовалъ для себя тѣло, и потомъ душу свою, разлучившуюся съ тѣломъ, чрезъ три дня опять соединилъ съ нимъ,— Самъ себя воскресилъ отъ мертвыхъ. Въ первомъ случаѣ, временемъ своего рожденія Онъ утвердилъ нашу вѣру въ то, что Онъ есть человѣкъ; а во второмъ случаѣ, своею властію надъ смертію доказалъ, что Онъ есть Богъ. И *Агнецъ, вземляй грѣхи міра* (Іоан. 1, 29.), никогда не былъ бы закланъ, если бы Богъ не воспріялъ образъ раба, и Тотъ, Кто создалъ персть, Самъ, непостижимымъ для насъ образомъ, не облекся въ

созданнаго Имъ человѣка, такъ, чтобы плоть Его служила источникомъ жизни, кровь— цѣною искупленія, духъ— печатію даровъ Духа святаго.

Прекрасно говоритъ бл. Павелъ: *древняя мимоидоша, се быша вся нова* (2 Кор. 5, 17.): новое нынѣ небо, освященное восхожденіемъ нисшедшаго съ небесъ; новая земля, освященная родившимся по плоти во ясляхъ; новое море, носившее стопы Того, Кто не имѣлъ зачатія отъ сѣмени мужескаго и не носилъ тяжести грѣха (собственнаго); новый міръ, который освобожденъ Имъ отъ брани и преисполненъ мира; новое естество человѣческое, омытое водою и очищенное огнемъ св. Духа; новое Богослуженіе, котораго великолѣпіе составляетъ не воня жертвоприношеній и обрѣзаніе, но вѣра, славословящая три лица въ единомъ существѣ.

О семъ то Божіемъ благоволеніи возвѣщая, говорилъ Пророкъ Исаія: *Въ день оный возсіяетъ Богъ въ совѣтѣ со славою на земли* (Исаіи 4, 2). Въ какой же день, Пророче Божій? Въ тотъ день, когда Богъ, воспріявши на себя плоть, будетъ все творить сверхъестественнымъ, Ему одному довѣдомымъ, образомъ; когда Дѣва безъ мужа будетъ совершительницею таинства; когда милосердый и человѣколюбивый Богъ содѣлается человѣкомъ, не измѣняясь самъ въ себѣ; когда адъ изрыгнетъ изъ челюстей своихъ одного, по невѣденію приятаго имъ, мертвеца; когда гробъ заключитъ въ себѣ сокровище жизни и воскресенія, и плѣнъ изведетъ узниковъ на свободу. Но скажи намъ, Пророче: какъ *Богъ возсіяетъ* для тѣхъ, которые живутъ *на землѣ*— ужели не облекаясь въ человѣческое естество, и не принимая плоти? Нѣтъ; тогда око наше не могло бы снести Его Божественныхъ лучей, и діаволъ не вступилъ бы въ борьбу съ Нимъ. Смерть страшится Творца и не можетъ коснуться естества нетлѣннаго, адъ трепещетъ Бога безплотнаго. Да и какъ ему не трепетать Того, на Кого не смѣютъ взирать и самые Херувимы? Вотъ, почему нужно было божественной природѣ сокрыться подъ покровомъ, въ которомъ имѣла нужду не сама она, а наша человѣческая немощь.

Но вотъ противъ этого возстаетъ Іудей, всегдашній противникъ св. Духа, и съ язвительными насмѣшками прекекаетъ слову Пророка. Что же онъ говоритъ? невѣрю, говоритъ, чтобы Богъ явился на земли,— чтобы Тотъ, который не можетъ ограничиться никакимъ образомъ и видомъ, пріялъ на себя образъ и видъ человѣка. Но Іудей! ты, который не повинуешься закону, ухищряешься ложно изъяснять Пророковъ, отвергаешь Евангелія, съ негодованіемъ смотришь на Апостоловъ и презираешь ихъ: вопроси стихіи,— и они исповѣдуютъ, что страдалъ Господь во плоти. Начнемъ по порядку— съ солнца. Итакъ, скажи намъ солнце: почему ты, при распятіи Господа, не испустило лучей своихъ? Ужели потому, что распинаемый былъ только человѣкъ безгрѣшный? нѣтъ; иначе почему тогоже не случилось съ тобою и при убіеніи праведнаго Авеля (Быт. 4, 2.)? Вопросимъ и небо: возвѣсти намъ, небо, почему ты, когда Іудеи прокололи ребро Господу, среди самаго полудня одѣлось мракомъ? Ужели потому, что распинаемый былъ человѣкъ невинный? нѣтъ; иначе почему ты не одѣлось такимъ же мракомъ при побіеніи камнями праведнаго Навуѳ-

вел (3 Цар. 21. 14.)? Вопросимъ и землю: открой намъ земля, отъ чего ты трепетала, когда враги Божіи были въ неистовствѣ? Ужели потому, что пригвожденный ко кресту былъ только человѣкъ непорочный? Если такъ, то отъ чего же ты нимало не содрогалась, когда видѣла Исаію претерпѣвшимъ отъ Манассіи деревянною пилою? Вопросимъ наконецъ и храмъ: повѣдай намъ, храмъ, отъ чего при распятіи Христовомъ раздралась твоя завѣса? Ужели отъ того, что на крестѣ былъ только святой человѣкъ? Если такъ, то скажи, отъ чего не раздралась твоя завѣса, когда посреди тебя проливалась кровь Захаріи?

Вся тварь, не имѣя гласа, отвѣчаетъ намъ своею скорбію, что страдавшій былъ истинный Богъ. Не о страданіи раба соболѣзнуетъ она; но отъ неслыханнаго злодѣянія, причиненнаго Владыкѣ ея, приходитъ въ трепетъ и ужасъ. Небо вопіетъ: воспріявшій человѣческое естество и пригвожденный плотію ко кресту былъ мой Господь, который, яко Богъ *преклони меня и сниде* (Псал. 17, 10). Солнце вопіетъ: Распятый плотію былъ мой Богъ; убоявшись сіянія Божества Его, я не испустило лучей своихъ. Земля вопіетъ: Распятый плотію, былъ мой Творецъ воплотившійся. Хотя я и вмѣщала плоть Его, лежащую во яслѣхъ; но могущество Божества Его тѣмъ не ограничивалось. Море вопіетъ: Распинаемый плотію не былъ рабъ, подобно мнѣ, сотворенный. Ибо хотя и Петръ, который былъ рабъ, попиралъ хребетъ мой; но стопы Господа освятили мое естество. Храмъ вопіетъ: беззаконно мучимый во плоти есть Богъ, которому издревле покланялись подъ кровомъ моимъ; и потому, не стерпя столь ужаснаго злодѣянія, раздралась моя завѣса. Наконецъ и самъ адъ вопіетъ: не простой былъ человѣкъ, который низшелъ ко мнѣ; знаю, сколь много потерпѣлъ я отъ Него: принявши Его какъ плѣнника, я узналъ въ Немъ Бога Всемогущаго.— Но, быть можетъ, ты не повѣришь и самымъ стихіямъ; вопросимъ силы небесныя. Скажите намъ Ангелы, Архангелы и всѣ небесныя Силы: кто былъ Тотъ, который *на земли явился* (Вар. 3, 38.) и распялся плотію? Всѣ они громогласно отвѣтствуютъ намъ чрезъ Пророка Давида: *Господь силъ— той есть Царь славы* (Псал. 23, 10); Емуже слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО

ВЪ СУББОТУ СВѢТЛЫЯ СЕДМИЦЫ, И ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ БЛАГОВѢРНАГО ГОСУДАРЯ ЦЕСАРЕВИЧА И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

Сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь.

Св. Церковь не рѣдко имѣетъ утѣшеніе видѣть у себя стеченіе двухъ и болѣе торжествъ; отъ чего свѣтлыя торжества ея бываютъ свѣтлѣе, празднества величественнѣе. Настоящій день, между таковыми сугубыми празднествами имѣетъ ту особенность, что радостнѣйшее торжество Отечества нашего соединяется съ величайшимъ изъ торжествъ Вѣры и Церкви Христовой, какъ бы въ ознаменованіе того пріискренняго, неразрывнаго союза, въ какомъ находится св. Церковь Христова съ нашимъ православнымъ Отечествомъ; что величайшее торжество единород-

наго Сына Отца небеснаго, Первенца изъ мертвыхъ, сходится съ торжествомъ Благовѣрнаго Первенца Благочестивѣйшаго Монарха нашего, какъ бы въ ознаменованіе всегдашняго пребыванія Августѣйшаго Первенца подъ благодатнымъ покровомъ Царя царствующихъ. Св. Церковь, совокупляя торжества сіи, безъ сомнѣнія, желаетъ внушить намъ ту мысль, что какъ Воскресеніе Господне есть торжество не только Церкви, но и Отечества нашего: такъ и день рожденія царственнаго Первенца есть торжество не только Отечества, а и Церкви православной.

Въ самомъ дѣлѣ, не много нужно доказывать, что воскресеніе изъ мертвыхъ Господа Іисуса Христа есть величайшее изъ торжествъ св. Церкви: на немъ утверждается вся вѣра и все упованіе Христіанина, безъ которыхъ не возможно самое существованіе Церкви Христовой. Воскресеніемъ изъ мертвыхъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ открылся истиннымъ Сыномъ Божіимъ, и посрамилъ невѣріе Іудеевъ, и утвердилъ вѣру своихъ послѣдователей до того, что они съ радостію полагали жизнь свою за проповѣдь о Воскресшемъ. На воскресеніи Его, какъ на краеугольномъ камнѣ зиждется, и наша вѣра, такъ что, по слову Апостола, аще Христосъ не воста, суетна была бы вѣра наша. И все, что есть лучшаго и утѣшительнѣйшаго въ Христіанствѣ, произникаетъ изъ животворящаго гроба Господня, какъ благовонный цвѣтъ отъ благоплоднаго корня. Воскресъ Господь нашъ, язвенный за грѣхи наша и мученный за беззаконія наша: и такъ жертва, принесенная Имъ правосудію божественному за грѣхи человѣческіе благопріятна Богу: *ниедино убо нынѣ осужденіе сущимъ о Христѣ Іисусѣ, не по плоти ходящимъ, но по духу; Богъ оправдаяй, кто осуждаяй* (Рим. 8, 1. 34)? Всѣ грѣхи человѣческіе сокрыты во гробѣ Господнемъ такъ, что сама правда Божія не обрѣтаетъ ихъ. Воскресъ Господь нашъ изъ мертвыхъ, Первенецъ умершимъ бывъ: *Аще же Христосъ проповѣдуется, яко изъ мертвыхъ воста, како глаголютъ нѣцыи яко воскресенія мертвыхъ нѣсть? И аще воскресенія мертвыхъ нѣсть; то ни Христосъ воста* (1 Кор. 15, 12. 13). *Аще же вѣруемъ, яко Христосъ умре и воскресе, тако и Богъ умершія во Іисусѣ приведетъ съ Нимъ* (1 Сол. 4, 14). *На сіе бо Христосъ и умре, и воскресе, и оживе, да живыми и мертвыми обладаетъ* (Рим. 14, 9). Воскресъ Господь нашъ изъ мертвыхъ: слѣдовательно, и всѣ величественныя обѣщованія Его о будущей жизни, сколь бы ни превосходили онѣ разумѣніе наше, не преложны; ибо что непостижимѣе воскресенія мертвыхъ? но оно несомнѣнно.— Какъ же не торжествовать св. Церкви въ сей богосвѣтлый день, который поистинѣ сотворилъ и могъ сотворить единъ Господь!

Но торжество Воскресенія Господня есть торжество не только Церкви, а и православнаго Отечества нашего. Въ самомъ дѣлѣ, откуда, какъ не отъ Вѣры Христовой все что есть лучшаго и драгоцѣннѣйшаго въ нашемъ отечествѣ?— Мы дорожимъ своею народностію: но кто образовалъ сію народность? Св. Вѣра, принесенная равноапостольнымъ Владиміромъ, привившаяся, такъ сказать къ духу народа, образовавшая его характеръ, наклонности и привычки. Кто соблюлъ сію народность въ тѣ страшныя годины искушеній, когда чужезем-

ная власть угрожала совершеннымъ истребленіемъ ея? Одна св. Вѣра служила щитомъ и огражденіемъ ея, когда всѣ силы и средства человѣческія истощались въ безполезныхъ усиліяхъ.— Мы любимъ свой языкъ, благозвучный и сильный, какъ грудь Славянина, гибкій, какъ умъ его, богатый и разнообразный какъ обитаемая имъ страна. Но кто образовалъ самый языкъ нашъ? Св. Вѣра, освятившая его Словомъ Божіимъ, боголѣпными и богокрасными пѣснопѣніями церковными, и полными духа и жизни твореніями святыхъ и богоносныхъ Отцевъ; сообщившая ему ту не подражаемую силу и величіе, которыя вполнѣ достойны того, чтобы вѣщать на немъ дѣла Божіи. Мы можемъ съ удовольствіемъ говорить о преспѣвающемъ просвѣщеніи Россіи: но кто посѣялъ въ ней первыя сѣмена просвѣщенія, какъ не св. Вѣра, принесшая къ намъ съ собою всѣ умственныя сокровища, уже очищенныя христіанствомъ отъ нечистотъ языческихъ, того народа, который служилъ образцемъ просвѣщенія для всѣхъ народовъ древности, который и въ самомъ уничиженіи невольно привлекаетъ къ себѣ вниманіе всѣхъ?— Мы съ благоговѣніемъ и утѣшеніемъ сердечнымъ видимъ твердость Самодержавія Царства Русскаго: но гдѣ основаніе и причина сего, какъ не въ святой Вѣрѣ, которая хранитъ неприкосновенность Помазанниковъ Божіихъ, избранныхъ и превознесенныхъ самимъ Богомъ, осѣняемыхъ наитіемъ Духа святаго, и хранимыхъ подъ особеннымъ промысломъ Божіимъ; которая освящаетъ всѣ подчиненныя власти, производя ихъ отъ Бога, утверждаетъ порядокъ общественный, внушая каждому святость взаимныхъ правъ и обязанностей?— Мы съ удовольствіемъ можемъ указывать на многія, истинно прекрасныя, свойства народа Русскаго: кто образовалъ въ немъ сіи свойства, какъ не Вѣра святая которая одна можетъ содѣлать человѣка достойнымъ сего имени, вдохнуть ему всѣ святые и высокіе помыслы, всѣ возвышенныя чувства, всѣ благотворныя намѣренія и желанія?— Не должно ли быть послѣ сего величайшее торжество Вѣры Христовой величайшимъ торжествомъ Отечественнымъ и народнымъ? не долженъ ли быть священенъ для Отечества нашего сей свѣтоносный день, который воистину сотвори намъ Господь?—

Съ другой стороны, благоч. слуш., не нужно много доказывать и того, что день рожденія царственнаго Первенца, Наслѣдника Престола, есть истинное торжество для Отечества. Родъ Царственный есть тотъ благоплодный корень, на которомъ держится, которымъ питается и процвѣтаетъ все благосѣнолиственное древо Государства. Подсѣките корень, древо изсохнетъ, поколеблется и падетъ: такъ съ пресѣченіемъ Царственнаго рода всегда потрясается и колеблется, не рѣдко и совсѣмъ разрушается и падаетъ Государство. Родъ Царственный есть глава Государства, которою движется, управляется и живится все политическое тѣло. Повредите, или отнимите главу у самаго цвѣтущаго здравіемъ тѣла; оно останется трупомъ безжизненнымъ и недвижимымъ, предастся тлѣнію и разрушенію: подобное происходитъ и съ обществами гражданскими, когда отъемлется у нихъ родъ Царственный— сіе животворное начало жизни и порядка общественнаго. Потому продолженіе Царственнаго рода не есть ли величайшее благодѣяніе Божіе къ Государ-

ству? И день рожденія Наслѣдника Престола Царственнаго не есть ли такой священный день для Царства, который творитъ ему и можетъ творить только самъ Господь?

Но настоящій день, бл. слуш., есть истинное торжество не только для отечества нашего, но и для Церкви православной. Св. Церковь не забудетъ никогда и не можетъ забыть того, чѣмъ обязана она благочестивѣйшимъ Монархамъ, Боговѣнчаннымъ покровителямъ и защитникамъ ея. Для нея памятны тѣ ужасныя времена, когда она не могла успокоиться отъ меча гонителей, когда самыя свѣтлыя торжества ея растворялись слезами, возмущались страхомъ. Читая бесѣды св. Пастырей первенствующихъ временъ, говоренныя ими въ настоящіе свѣтоносные дни, въ коихъ святые восторги духовной радости смѣшаны со скорбію о люотости гоненій, о множествѣ св. Исповѣдниковъ, томившихся въ темницахъ, о крови св. Мучениковъ, проливаемой нерѣдко въ самыя свѣтлыя торжества Церкви, близъ самыхъ Алтарей Господнихъ, невольно возводитъ умиленный взоръ на небо, невольно возноситъ пѣснь хвалы и благодаренія Господу Іисусу Христу, спасшему Церковь свою отъ люотости гонителей, даровавшему сей миръ и тишину. Но сей вожделенный миръ Господь даровалъ своей Церкви— посредствомъ благочестивѣйшихъ Царей, которые всегда были и будутъ Покровителями и Защитниками ея отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Имена древнихъ Константиновъ, Ѳеодосіевъ, Юстиніановъ, будутъ вѣчно воспоминаемы въ св. молитвахъ Церковныхъ. И въ нашемъ любезномъ отечествѣ цѣлый рядъ Монарховъ отъ Равноапостольнаго Владиміра до нынѣ были не иное что, какъ избранныя орудія промышленія Божія о Церкви православной. Ихъ благочестію и мужеству она обязана сохраненіемъ себя въ древней чистотѣ и неприкосновенности; ихъ святой ревности по вѣрѣ— распространеніемъ своихъ предѣловъ, непрестаннымъ умноженіемъ чадъ своихъ; ихъ благочестивому усердію къ дому Божію великолѣпіемъ св. храмовъ и принадлежностей Богослуженія, вполнѣ достойныхъ ихъ высокаго назначенія; ихъ щедротамъ— просвѣщеніемъ своихъ Пастырей, украшающихъ собою церковныя каѳедры. Не есть ли послѣ сего родъ Монарховъ Благочестивѣйшихъ какъ бы благотворная сѣнь, подъ которою св. Церковь укрывается и отъ зноя страстей человѣческихъ и отъ бури бѣдствій? Продолженіе Царственнаго рода не есть ли для нея величайшее благодѣяніе Божіе, благословенный даръ любви возлюбленнаго Жениха ея, Господа Іисуса Христа. И день рожденія Благовѣрнаго Наслѣдника Благочестивѣйшаго Монарха, не есть ли такой священный день, который творитъ ей и можетъ сотворить только самъ Господь?— Такъ сей день, егоже сотвори намъ Господь!

Чему поучаетъ насъ сіе сочетаніе торжествъ св. Церкви и Отечества? Тому, что любовь къ св. Вѣрѣ и повиновеніе Церкви съ любовію къ Отечеству и повиновеніемъ Монархамъ такъ же дружно и неразрывно должны быть сочетаны въ нашемъ сердцѣ, какъ тѣсно и неразрывно соединены между собою Отечество и Церковь православная; что не льзя быть истиннымъ сыномъ Церкви, т. е. истиннымъ Христіаниномъ, не будучи вмѣстѣ и истиннымъ сыномъ Отечества; и обратно—

не льзя быть полезнымъ членомъ общества, не будучи живымъ членомъ Церкви Христовой; что радуясь о Воскресшемъ Господѣ, не льзя не радоваться о благоденствіи Царственнаго Дома, подъ сѣнію коего мы имѣемъ возможность торжествовать свѣтло дни святые; и обратно— радуясь о благословенномъ Первенцѣ боголюбезнѣйшаго Монарха нашего не льзя не радоваться о Господѣ Іисусѣ Христѣ, даровавшемъ Россіи сей драгоцѣннѣйшій залогъ будущаго благоденствія ея. Сей день, его же сотвори намъ Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь! Аминь.

О ЧУДЕСАХЪ ВОСКРЕСЕНІЯ МЕЖДУ ВѢРНЫМИ.

Воскрешенія мертвыхъ, по видимому, нужны были для однихъ невѣрныхъ, для тѣхъ помраченныхъ смысломъ язычниковъ, коимъ ученіе о воскресеніи, превышающее всѣ понятія ихъ разума, казалось нелѣпостію. Для такихъ людей чувственныхъ чудеса сіи были и чувственными и духовными доказательствами главнѣйшей Христіанской истины. Но для чего, спросятъ, подобныя сверхъестественныя явленія между вѣрными? Св. Златоустъ давно сказалъ, что и всѣ вообще чудеса творятся болѣе для невѣрныхъ, нежели для вѣрныхъ: не тѣмъ ли менѣе нужды для Христіанъ въ такомъ чрезвычайномъ изъ чрезвычайныхъ явленіи всемогущества Божія, каково воскрешеніе мертвыхъ? Такъ, скажемъ на это, справедливо слово святаго учителя вселенскаго; но справедливо также и то, что всемогущая сила Господня не знаетъ нашихъ предѣловъ и ограниченій, что животворящій *Духъ, идѣже хощетъ, дышетъ* (Іоан. 3, 8.), *и по воли своей творитъ въ силѣ небесней и въ селеніи земнѣмъ* (Дан. 4, 32). Мы знаемъ множество чудесъ совершенныхъ въ языческомъ Египтѣ и въ нечестивомъ Вавилонѣ, но знаемъ и тѣ, которыя являли славу Божію въ самомъ Іерусалимѣ,— въ лучшія времена его, напр. при Давидѣ. Не для одного Ахаза, идолопоклонника, былъ Пророкъ вооруженный чудесами, но былъ Пророкъ чудодѣйствовавшій и при благочестивомъ Езекіи, даже для него самаго произведшій славное чудо возвращенія солнечной тѣни (Иса. 38, 8). „Для вѣрующихъ чрезвычайныя увѣренія не нужны.“— А знаемъ ли мы, что именно, въ какой мѣрѣ и когда для кого нужно? Не бываетъ ли между самыми вѣрующими столь слабой вѣры, что для подкрѣпленія ея иногда требуется не меньше силы, какъ и для побѣжденія невѣрія? Не могутъ ли быть многія другія цѣли чудесъ, весьма важныя въ порядкѣ промысла Божія? Мы не можемъ и не должны опредѣлять сихъ цѣлей сами отъ себя, по однимъ нашимъ правиламъ; а всего лучше сдѣлаемъ если внимательно будемъ всматриваться въ самыя явленія чудесной силы Божіей, и въ нихъ познаемъ цѣли Промысла, всегда благотворныя для насъ и поучительныя. Съ такимъ намѣреніемъ раскрываемъ сказанія о святыхъ Божіихъ, и изъ нихъ извлекаемъ слѣдующіе примѣры чудесъ воскресенія, совершенныхъ между вѣрными.

Какія чаще, по свидѣтельству древнихъ, были воскрешенія мертвыхъ между вѣрующими? Воскрешенія дѣтей.— Почему такъ?— Можемъ видѣть здѣсь высочайшее человѣколюбіе и милосердіе Господа къ родителямъ, кои, оплакивая дѣтей своихъ, не рѣдко близки бываютъ

къ отчаянію. Можемъ видѣть и божественную благость къ самимъ дѣтямъ: ибо Господь видитъ будущее ихъ на землѣ, и если возвращаетъ въ здѣшнюю жизнь, то, конечно, по тому, что провидитъ здѣсь благо для нихъ и отъ нихъ, благо, которое приготовитъ имъ еще лучшіе вѣнцы на небѣ, нежели прежде— въ возрастѣ незрѣломъ, младенческомъ.

О милосердіи Божіемъ къ родителямъ не можемъ сомнѣваться, когда разсматриваемъ случаи, въ коихъ они *пріяша отъ воскресенія мертвыхъ своихъ* (Евр. 11, 35). Любовь Божія, всегда пребывающая во святыхъ угодникахъ, подвигала сердца ихъ, при видѣ плачущихъ родителей, и подвигала иногда какъ бы невольно. Такъ о св. Спиридонѣ Тримиѳунтскомъ читаемъ, какъ онъ, боясь тщеславія, долго не соглашался преклонить колѣнъ для испрошенія жизни одному младенцу, держимому на рукахъ безутѣшной матери, совѣтовался съ своимъ діакономъ, и уже убѣжденный его простодушнымъ совѣтомъ, рѣшился на столь высокую молитву (а). Преп. Венедиктъ Нурсійскій хотѣлъ даже бѣжать, когда одинъ отецъ просилъ его о воскрешеніи своего сына. „Бѣжимъ, братіе, бѣжимъ,“ говорилъ Святый ученикамъ своимъ; „ибо дѣло воскрешать мертвыхъ не наше, но Апостольское.“ Наконецъ, когда милосердіе Божіе преодолѣло въ немъ смиренную боязливость, человѣкъ Божій, преклонивъ колѣна вмѣстѣ съ братіею, воззвалъ: „не на мои грѣхи призри, Господи, но на вѣру человѣка сего!“— И это сильное слово вдругъ подвигло тѣло умершаго, а потомъ и совершенно возвратило ему жизнь (б).

Еще дивнѣе благость Божія подвигла сердце преп. Сисоя. Отецъ принесъ къ нему своего сына, умершаго на пути, и положилъ къ ногамъ великаго Спарца какъ бы для поклоненія ему, а самъ, пріявъ благословеніе Святаго, отошелъ. Тогда Преподобный съ обычною благостію сказалъ мертвому, какъ живому: „востань, чадо, иди отсюда;“ и— мертвый всталъ (в).

Приведенные примѣры показываютъ, что не столько воля святыхъ, сколько сама воля Божія, чрезъ нихъ дѣйствовавшая, совершала дѣла столь дивныя. По этому и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ видимъ болѣе дѣятельную волю чудотворцевъ, будемъ помнить, что все производила въ нихъ паче всеблагая и всемогущая воля Господня. Такъ сія воля побудила св. Амвросія, обитавшаго нѣкогда во Флоренціи у однихъ благочестивыхъ супруговъ, воздать имъ за гостепріимство чудомъ подобнымъ Елиссееву (4 Царств. 4, 32 и дал.), когда умершее дитя свое положили они въ горницѣ, гдѣ почивалъ великій Святитель (г). Таже, конечно, божественная благость преклонила и друга Амвросіева, св. Вассіана, Епископа Лавдикійскаго, воскресить отрока, умершаго отъ угрызенія зміи (д), а преп. Симеону Дивногорцу дала такое дерзновеніе, что онъ, не сходя съ столпа своего, и не видя умершаго отрока (оставленнаго отцемъ въ домѣ), сотворилъ чудо воскресенія, сказавъ отцу: „иди во имя Господне, сынъ твой живъ (е).“

Подобныя дивныя дѣла милосердія Божія были и въ нашемъ отечествѣ.

(а) См. въ житіи св. Спиридона Декабря 12.
(б) См. житіе Пр. Венедикта Марш. 14.
(в) Житіе Пр. Сисоя Іюля 6.
(г) См. въ житіи его Дек. 7.
(д) Житіе его Іюня 10.
(е) Житіе его Маія 24.

Въ житіи преп. Варлаама Хутынскаго (Ноября 6) пишется, что онъ молитвою своею воскресилъ отрока, котораго отецъ везъ къ нему больнаго, а привезъ мертваго, и точно такое же чудо совершилъ преп. Сергій Радонежскій, какъ повѣствуется въ житіи его (Сент. 25).

Есть примѣры, что умершія дѣти воскресали при мощахъ Святыхъ и даже при нѣкоторыхъ чудотворныхъ иконахъ. Кто не повѣритъ просвѣщеннѣйшему Пастырю, блаженному Августину (ж)? Онъ свидѣтельствуетъ, что въ его время, въ Африкѣ, было нѣсколько чудесъ воскресенія, при мощахъ св. Архидіакона Стефана, и что, между прочимъ, одно дитя воскресло, когда помазали его елеемъ отъ св. мощей, а другое,— когда положили его на раку первомученика. О чудесахъ при иконахъ имѣемъ достовѣрныя сказанія отечественныя. Такъ въ обители, гдѣ хранится икона Богоматери Толгская, четырехлѣтній сынъ одного Московскаго сановника Никиты, привезенный сюда мертвымъ, ожилъ при самомъ пѣніи погребальныхъ пѣсней (з), а Іоаннъ сынъ Царя Казанскаго, жившаго въ Твери (при Царѣ Іоаннѣ Вас.), воскресъ, когда возложили на него списокъ иконы Тихфинской (и).

Не знаемъ о всѣхъ дѣтяхъ, коихъ воскресеніе видѣли мы въ приведенныхъ примѣрахъ, каковы именно были они послѣ. Но имѣемъ все право полагать, что возвращеніе ихъ отъ области жизни небесной къ области земной всегда приносило и умножало благо на земли. Вотъ примѣръ, въ которомъ это видно очень ясно:— Въ житіи св. Ѳеодора Едесскаго (Іюля 9.) есть сказаніе св. Столпника Ѳеодосія объ одной блудницѣ, которая слезною молитвою воскресила младенца на рукахъ матери (такъ дѣйствуетъ иногда благость Божія!), а вмѣстѣ съ тѣмъ воскресла и сама духовно, то-есть, тотчасъ обратилась съ пути грѣха на путь покаянія. Что же послѣдовало съ воскресшимъ младенцемъ? Въ послѣдствіи онъ сталъ великимъ подвижникомъ, сдѣлался свѣтильникомъ Церкви, и, за добродѣтели избранный на Патріаршество Іерусалимское, послужилъ духовному воскресенію многихъ грѣшниковъ.

Столь же важныя цѣли можно усматривать и въ воскрешеніи умершихъ въ совершенномъ возрастѣ. Болѣе всего видно въ такихъ случаяхъ святое желаніе великихъ чудотворцевъ (а потому и воля Божія,)— продлить умершимъ жизнь для покаянія ихъ самихъ и для побужденія къ тому же другихъ. Эта цѣль особенно видна въ воскрешеніи тѣхъ умершихъ, коихъ смерть постигала нечаянно, на прим. того корабельщика, который убился отъ паденія съ мачты, и воскрешенъ св. Николаемъ чудотворцемъ (к), и работника, утонувшаго въ колодцѣ, воскрешеннаго преп. Діемъ (л). Къ этому же разряду можно отнесть и оживленіе того несчастнаго лицемѣра, который притворною смертію своею думалъ обмануть св. Іакова Низивійскаго, чтобы получить отъ него болѣе милостыни, и между тѣмъ наказанъ былъ за обманъ дѣйствительною смертію. (м). Но всего очевиднѣе эта благотворная цѣль въ слѣдующихъ примѣрахъ:

(ж) См. De civ. Dei, L. XXII. c. 8.
(з) См. Сказаніе въ Чет. Мин. Авг. 8.
(и) Сказаніе о чудесахъ сей иконы— Іюня 26.
(к) См. въ Житіи его Декабря 6.
(л) Въ житіи его Іюля 19.
(м) Въ житіи св. Іакова Госп. 15.

По сказанію св. Григорія Великаго, былъ въ Италіи Пресвитеръ Северъ, который, когда не засталъ въ живыхъ больнаго, требовавшаго исповѣди, подвигнутъ былъ къ такой сильной, слезной молитвѣ, что Господь въ тотъ же часъ возвратилъ душу умершаго, и воскресшій, принесши покаяніе, жилъ потомъ цѣлую недѣлю (н). Въ житіи преп. Маркелла, игумена обители неусыпающихъ, читаемъ, что и этотъ великій угодникъ Божій, позванный къ больному брату и нашедшій его уже умершимъ, молитвою своею воскресилъ его (о). Подобный примѣръ находимъ въ житіи нашего отечественнаго святаго, преп. Кирилла Бѣлоезерскаго (Іюня 9). Повѣствуютъ, что когда одинъ инокъ, по имени Далматъ, умеръ въ обители безъ причащенія св. Таинъ (Священникъ, званный къ больному, немогъ оставить литургіи), Преподобный испросилъ ему жизнь, и воскресшій, причастившись, опять почилъ сномъ смертнымъ (п).

Близко къ чудесамъ воскресенія и то, что нѣкоторые Святые вопрошали мертвыхъ, и они отвѣтствовали имъ. Такъ преп. Макарій Египетскій вопрошалъ умершаго мужа одной бѣдной женщины, о скрытомъ имъ залогѣ, за потерю коего угрожало ей съ дѣтьми рабство, вопросилъ и одного убитаго— кто его убійца?— и получилъ желаемые отвѣты (р). Св. Спиридонъ Тримиѳунтскій заставилъ умершую дочь свою сказать, гдѣ сокрыла она одну драгоцѣнность, принадлежавшую другой женщинѣ (с).

Для спасенія благочестивыхъ отъ напрасной погибели Господь иногда употреблялъ также чудо воскресенія. Такъ, когда препод. Палладію грозила казнь по подозрѣнію въ убійствѣ одного купца, подкинутаго къ его келліи, Господь внялъ молитвѣ праведника и для свидѣтельства истины воскресилъ убитаго (т). О препод. Донатѣ пишутъ, что онъ воскресилъ умершаго, коего заимодавецъ не позволялъ погребать, какъ будто за неуплату долга,— воскресилъ также для свидѣтельства истины (у).

Всѣ сіи примѣры сами по себѣ служатъ очевиднымъ свидѣтельствомъ безсмертія души и воскресенія мертвыхъ. Но были случаи, въ которыхъ чудо воскресенія совершалось прямо въ подтвержденіе ученія о воскресеніи. Еретикъ Іеракитъ возмущалъ многихъ братій въ пустынѣ Египетской, отвергая воскресеніе мертвыхъ; но преп. Макарій повелъ лжеучителя и братію на кладбище, и въ посрамленіе ереси возвалъ къ жизни одного мертваго. При Имп. Ѳеодосіѣ II. распространялась также ересь на востокѣ; тогда, какъ говорятъ древніе дѣписатели, самъ Господь, во свидѣтельство истины, воздвигъ семь отроковъ въ пещерѣ Ефесской, почившихъ тамъ еще во времена языческихъ гоненій (ф).— Полагаемъ, что для утвержденія братіи въ надеждѣ на жизнь будущую, и препод. Патермуѳій воскресилъ умершаго брата, который только отвѣтилъ на вопросъ святаго: лучше ли тебѣ быть тамъ

(н) Сказаніе о семъ см. въ чет. мин Генв. 27.
(о) См. въ житіи пр. Маркелла Дек. 29.
(п) Между чудесами Пр. Варлаама Хутынскаго упоминается также о воскресеніи— одного утонувшаго, а другаго умершаго на пути къ монастырю. См. Чет. Мин. Ноябр. 6.
(р) См. въ Житіи его Генв. 19.
(с) Декабр. 12.
(т) Генв. 28.
(у) Апр. 30.
(ф) См. сказаніе о семъ Авг. 4.

со Христомъ, или здѣсь съ нами? и опять отошелъ ко Господу (х).

Какова была жизнь тѣхъ, кои по воскресеніи оставались на землѣ долгое время?— Слѣдующіе примѣры это показываютъ: Послѣ страдальческой смерти Мученика Северина, когда тѣло его несено было къ дому, одинъ изъ вѣрныхъ служителей Святаго, недавно умершій, вдругъ ожилъ, поспѣшилъ срѣтить своего господина, и послѣ сего 15 лѣтъ неотходно жилъ при его гробѣ, продолжая какъ бы прежнюю свою службу (ц). Объ одномъ нашемъ Печерскомъ Преподобномъ (Аѳанасіѣ Затворникѣ) есть сказаніе, какъ онъ, уже приготовленный къ погребенію, восталъ изъ гроба, и какую потомъ строгую жизнь велъ въ затворѣ. Воскресшій ничего не сказалъ на вопросы братій, кромѣ слѣдующихъ словъ: „спасайтесь!— имѣйте послушаніе, кайтесь непрестанно и молитесь!“— Сіи же слова повторилъ онъ и предъ смертію, проведши 12 лѣтъ своего затвора въ молитвенномъ молчаніи (ч).

Нынѣ вся исполнишася свѣта, небо же, и земля, и преисподняя.

Пѣсн. Церков.

Не ужели была прежде тьма и на небѣ? не ужели престала вѣчная тьма и въ преисподней?— Свѣтло и всегда было небо, мрачна и нынѣ преисподняя: но, при всемъ томъ, въ воскресеніи Христовомъ исполнились свѣта и небо и преисподняя. Исполнилось новымъ свѣтомъ небо— свѣтлый и свѣтоносный самъ по себѣ міръ Ангельскій, когда вѣчная судьба рода человѣческаго, въ которой св. Ангелы, какъ старшія братія, пріемлютъ живое и родственное участіе, но которая и для нихъ сокрыта была подъ седмью печатями, разрѣшена крестомъ и воскресеніемъ Господа; когда къ ихъ ликамъ присоединился новый богосвѣтлый ликъ праведниковъ, исхищенныхъ изъ челюстей ада Господомъ живота и смерти. Если радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся: то какое свѣтлое торжество для неба— примиреніе всего падшаго рода человѣческаго съ правосудіемъ Божіимъ!

Исполнилась новымъ свѣтомъ земля, когда на ней, послѣ долговременной тьмы идолослуженія, возсіялъ свѣтъ истиннаго боговѣдѣнія; когда крестомъ и воскресеніемъ Сына Божія положено начало новаго благодатнаго и свѣтоноснаго царства Божія посреди мрачнаго царства діаволя; когда самая тварь, суетѣ повинувшаяся неволею, но освященная страданіями Сына Божія, воскрылилась упованіемъ, что и она освободится нѣкогда отъ работы суетѣ въ свободу славы чадъ Божіихъ.

Исполнилась свѣта и преисподняя, когда почивавшій во гробѣ плотски явился во адѣ съ душею яко Богъ; когда мрачныя глубины ада освѣтились свѣтомъ божества Христова, огласились свѣтоносною проповѣдію воскресенія изъ устъ самаго Богочеловѣка; когда сонмы Святыхъ, просвѣтившись вѣрою, въ Распятаго за нихъ, какъ богосвѣтлое воинство, востекли во слѣдъ свѣтоноснаго Вождя своего, поправшаго силы адовы.

Нынѣ вся исполнишася свѣта— небо же и земля и преисподняя; да празднуетъ убо вся тварь востаніе Христово.—

(х) Сказаніе о семъ Пашемуѳіи, бывшемъ прежде разбойникѣ, Іюл. 9.

(ц) См. о страданіяхъ Мч. Северина Сент. 9.

(ч) См. Житіе его Дек. 2.

ДУХОВНОЕ ВОСКРЕСЕНІЕ
ПРИ МОЩАХЪ СВЯТЫХЪ.

Если, для славы имени Господня и въ откровеніе животворящей Благодати, совершались иногда тѣлесныя воскресенія при мощахъ Святыхъ Божіихъ, то не тѣмъ ли болѣе ожидать должно, при сихъ свидѣтеляхъ силы грядущаго вѣка, воскресеній духовныхъ, то есть, чудесныхъ обращеній отъ невѣрія къ вѣрѣ, отъ пути беззаконія къ жизни богоугодной? Большей части такихъ чудесъ, по самому свойству ихъ,— какъ явленій внутреннихъ, духовныхъ, не льзя и знать; но въ существованіи ихъ мы сомнѣваться не можемъ; ибо знаемъ, что самыя тѣлесныя воскресенія были всегда почти только средствами для воскресенія духовнаго. Примѣры послѣдняго явственнѣе видны въ обращеніи язычниковъ, которое совершилось нерѣдко силою крови мучениковъ и благодатію, живущею при гробахъ ихъ. Вотъ одинъ изъ такихъ примѣровъ, о которомъ свидѣтельствуетъ блаж. Августинъ (а).

Одинъ именитый язычникъ, дожившій до старости, долгое время не соглашался принять Христіанства, не смотря на всѣ убѣжденія и просьбы родственниковъ, даже дочери и зятя своего, кои были вѣрными. Тяжкая болѣзнь приблизила этого язычника къ смерти; просьбы и слезы родныхъ тогда еще болѣе умножились; но Марціалъ (такъ назывался этотъ язычникъ) съ грубымъ негодованіемъ велѣлъ дочери и зятю удалиться, и болѣе не безпокоить его. Тогда-то, какъ по видимому не осталось никакой надежды тронуть сердце невѣрующаго, зять Марціаловъ рѣшился прибѣгнуть къ мощамъ св. Архидіакона Стефана; здѣсь проливалъ свои молитвы и слезы о помилованіи погибающаго; отсюда и принесъ въ домъ благую надежду. Была уже ночь, какъ возвратился молившійся въ домъ своего тестя; тайно положилъ онъ въ изголовьи больнаго нѣсколько цвѣтовъ, взятыхъ на олтарѣ Первомученика и отошелъ съ тою вѣрою въ сердцѣ, съ которою молился во храмѣ. Какое же все это произвело дѣйствіе? Больной, проснувшись предъ разсвѣтомъ, вдругъ начинаетъ вопить и звать Епископа; узнавъ же, что Епископа тогда не было въ городѣ (онъ былъ, говоритъ бл. Августинъ, въ то время случайно въ Иппонѣ со мною), призываетъ пресвитеровъ, исповѣдуетъ предъ ними свою вѣру, и крестится. Такъ молитва вѣры и благодать, обитающая при мощахъ Первомученика, скоро и сильно воздѣйствовала, и спасла погибавшаго!— Удивительное дѣйствіе сей благодати открылось еще въ томъ, что больной, по крещеніи, въ остальные дни своей предсмертной болѣзни, имѣлъ всегда въ устахъ молитву: *Христе, пріими духъ мой!* т. е. тѣ же слова, кои предъ кончиною своею произнесъ самъ Первомученикъ (Дѣян. 7, 59), хотя новокрещенный никогда не слыхалъ о сей молитвѣ.

(а) De civ. Dei L. XXII. c. 8.

Кіевъ въ Типог. К. Съ дозволенія Дух. Цензуры 15 Марта, 1842 г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 3. НЕДѢЛЯ СВ. ЖЕНЪ МУРОНОСИЦЪ. Апрѣля 25 1843.

Спаси Господи люди Твоя, и благослови достояніе Твое.
Проким. на Литургіи.

На Утрени: Евангеліе воскресное 3-е, Марк. 16, 9—20.
На Литургіи: Апост. Дѣян. 6, 1—7. Еванг. Мар. 15, 43—47. 16, 1—8.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО,

Утѣшительное посланіе къ вдовицѣ.

Что ты потерпѣла жестокій ударъ, и что стрѣла, низпосланная свыше, поразила въ самое опасное мѣсто (твоего сердца), въ томъ всѣ съ тобою согласятся, никто даже изъ самыхъ холодныхъ мудрователей не станетъ противорѣчить тому. Но, поелику и сраженные несчастіями не все же время должны проводить въ скорби и слезахъ, а напротивъ должны всячески заботиться объ исцѣленіи язвъ своихъ, дабы онѣ, оставленныя безъ вниманія, не причинили еще большей болѣзни и невозжгли еще сильнѣйшаго пламени скорби: то ты хорошо поступишь, если не будешь чуждаться тѣхъ утѣшеній, какія подаются тебѣ въ собесѣдованіяхъ, и если, удерживая по немногу потоки слезъ, ты сама станешь нарочно удѣлять нѣсколько времени для сей цѣли тѣмъ, которые стараются утѣшать тебя. Въ надеждѣ на это и я—не въ самомъ впрочемъ жару печали твоей, не тотчасъ послѣ разразившейся тучи обезпокоилъ тебя, но промедливши нѣсколько времени, и давши тебѣ волю насытиться своею скорбію. Когда наконецъ ты прозрѣла сквозь облегавшій тебя мракъ такъ, что можешь уже внимать тѣмъ, которые стараются утѣшать тебя;— тогда уже, послѣ утѣшеній, предложенныхъ твоими рабынями, я предлагаю и свои наставленія. Ибо кто сталъ бы убѣждать не печалиться тогда, какъ буря свирѣпствуетъ еще во всей силѣ и отвсюду вѣетъ скорбію; тотъ еще болѣе усилилъ бы и растравилъ раны, возбудивши со слезами вмѣстѣ и ненависть къ утѣшеніямъ,— тотъ въ своихъ увѣщаніяхъ подалъ бы новое вещество для пламени, навлекши притомъ на себя этимъ самымъ имя врага и безумца. Но когда, наконецъ, буря начала утихать и Богъ укротилъ ярость волнъ; то намъ нетрудно уже поднять вѣтрила слова. Только при умѣренной и благопріятной погодѣ искуство плаванія можетъ удачно достигать своего назначенія; а при сильномъ движеніи вѣтровъ нѣтъ отъ него никакой пользы. Имѣя въ виду все это, я до сего времени безмолвствовалъ, и тогда только рѣшился открыть уста, когда узналъ отъ твоего дяди, что можно наконецъ приступить къ утѣшенію, можно потому, что приближеннѣйшія изъ твоихъ рабынь осмѣливались уже въ продолжительныхъ собесѣдованіяхъ утѣшать тебя, и даже стороннія женщины— по родству ли съ тобою, или почему либо другому приближенныя къ тебѣ, также поступа-

ли. Я твердо надѣюсь и совершенно увѣренъ, что ты, принимая утѣшенія отъ нихъ, не отвергнешь и моихъ увѣщаній, но выслушаешь ихъ спокойно, безъ смущенія— выслушаешь съ мужествомъ. Несомнѣнно, что женскій полъ, по чувствительности своей, легче поражается какою бы то ни было скорбію; но когда стекаются вмѣстѣ младость, безвременное вдовство, разстройство дѣлъ, непомѣрная тяжесть заботъ, между тѣмъ какъ предшествовавшее время проведено въ наслажденіяхъ, въ невозмущаемомъ спокойствіи и довольствѣ; тогда со всѣхъ сторонъ увеличивается бѣдствіе такъ, что, если бы терпящая все сіе не получила помощи свыше, то она потеряла бы и послѣдній разсудокъ. И здѣсь-то, по моему мнѣнію, преимущественно усматривается величайшее доказательство особеннаго попеченія Божія о тебѣ. Ибо, что тебя не сразила совершенно печаль, при такихъ несчастіяхъ, внезапно постигшихъ тебя, и что ты не лишилась при этомъ ума,— это произошло не отъ человѣческой помощи, но отъ десницы, для которой все возможно, отъ разума, которому нѣтъ числа, отъ премудрости, которой нѣтъ мѣры,— произошло отъ Отца щедротъ и Бога всякія утѣхи. *Яко той,* говоритъ Писаніе, *поби ны, и исцѣлитъ ны,* уязвитъ и уврачуетъ. Такъ *Онъ поразилъ насъ,* но Онъ же *исцѣлилъ и уврачевалъ насъ* (Осіи. 17, 2). Доколѣ жилъ съ тобою добрый твой супругъ, ты пожинала плоды его почестей, заботъ и попеченій,— плоды, какихъ только можно требовать отъ человѣка. Когда же отозвалъ его къ себѣ Богъ, то Самъ заступилъ его мѣсто, и это не мое слово, а слово блаженнаго Пророка Давида, который говоритъ: *сира и вдову пріиметъ,* а въ другомъ мѣстѣ называетъ Его *Отцемъ сирыхъ и вдовицъ,* (Пс. 145, 8. 67. 6.) повсюду замѣчая величайшее попеченіе Его о тѣхъ, которые подвергаются такому несчастію.

Впрочемъ, чтобы имя вдовы, постоянно повторяемое не возмущало твоей души и не омрачало мыслей тѣмъ, что оно въ самомъ цвѣтѣ юности запечатлѣло тебя; то объ немъ прежде всего я рѣшился разсуждать и показать, что имя вдовицы есть имя не несчастія, а почести, и почести величайшей. Не приводи ты мнѣ въ подтвержденіе ложной молвы народной, а приведи изреченія божественнаго Павла, или лучше самаго І. Христа, (ибо что говоритъ Павелъ, то изрекалъ чрезъ него Христосъ. Такъ самъ Павелъ говоритъ: *искушенія ищетъ благолюбящаго въ мнѣ Христа* (1 Тим. 5, 9. 11). Что же онъ говоритъ о вдовицахъ? *Вдовица, да причитается не меньше лѣтъ шестидесяти,* и опять *юныхъ же вдовицъ отрицайся.* Тамъ и здѣсь онъ указываетъ намъ на великость предмета. Ибо и въ разсужденіи Епископства, излагая наставленія, онъ нигдѣ неопредѣляетъ числа лѣтъ; а говоря о вдовствѣ заботится объ этомъ съ великимъ тщаніемъ. Почему же такъ? Не потому, чтобы вдовство было выше Священства; но потому, что вдовицы поставлены въ болѣе затруднительныхъ обстоятельствахъ, нежели Священнослужители, будучи окружены отвсюду дѣлами и общественными и семейственными. Въ самомъ дѣлѣ, какъ городъ не огражденный открытъ для всѣхъ, кто только захочетъ напасть на него, такъ и женщина, въ молодости овдовѣвшая, отвсюду окружена бываетъ навѣтниками, которые не только ищутъ

богатства ея, но и посягаютъ еще на оскорбленіе ея цѣломудрія. Но не одно это, а много и другихъ поводовъ къ паденію найдемъ мы въ жизни вдовицъ. Такъ, часто презрѣніе, оказываемое ей домашними ея, небреженіе ихъ о дѣлахъ домашнихъ, невозвратность прежняго уваженія, коимъ пользовалась и бросающееся въ глаза счастіе сверстницъ, а чаще всего желаніе наслажденій заставляютъ ихъ вступать въ бракъ вторично. А есть еще такія вдовицы, которыя не хотятъ сочетаваться бракомъ явно и законно, а сочетаваются скрытно и тайно, и это дѣлаютъ для того, чтобы не лишиться тѣхъ похвалъ, какія приписываются истинному вдовству. Столько то предметъ сей исполненъ удивленія и уваженія, а не безчестія и пренія не у вѣрныхъ только, а и у невѣрныхъ! Я самъ, нѣкогда, будучи еще молодъ, замѣтилъ, что учитель мой (а онъ былъ человѣкъ чрезмѣрно суевѣрный) удивлялся поведенію матери моей. Спросивши у знакомыхъ своихъ кто я, и узнавши отъ одного изъ нихъ, что я сынъ вдовы, онъ распрашивалъ меня потомъ о лѣтахъ моей матери и о времени ея вдовства. Когда же я сказалъ, что ей сорокъ лѣтъ, и что уже двадцатый годъ, какъ она лишилась моего отца; то онъ изумился, громко закричалъ и, обращаясь къ предстоявшимъ, сказалъ: вотъ какія женщины есть между Христіанами! Такое уваженіе и удивленіе оказываютъ вдовству не только у насъ, но и у язычниковъ! Сіе-то все представляя себѣ и сказалъ Апост. Павелъ: *вдовица да причитается не меньше лѣтъ шестидесяти*. Впрочемъ не по одному только свидѣтельству вдовства долголѣтняго, онъ позволяетъ ей вступать въ сей священный ликъ, но присовокупляетъ еще и другое требованіе, говоря: *въ дѣлѣхъ добрыхъ свидѣтельствуема, аще чада воспитала есть, аще святыхъ ногъ умы, аще странныя пріятъ, аще скорбнымъ утѣшеніе быстъ, аще всякому дѣлу благу послѣдовала есть*. (1 Тим. 5, 10). Вотъ какой добродѣтели требуетъ онъ отъ вдовицы! А сего онъ не сдѣлалъ бы, если бы не намѣренъ былъ приписать состоянію ея достоинства почтеннаго и священнаго. Въ другомъ мѣстѣ онъ опять выразилъ свое великое попеченіе о вдовицахъ говоря: *питающаяся же пространо жива умерла. А сущая истинная вдовица и уединена, уповаетъ на Бога, и пребываетъ въ молитвахъ и моленіихъ день и нощь* (1 Тим. 5, 5). А пиша къ Коринѳянамъ говоритъ: *Блаженнѣйши же есть, аще тако пребудетъ*. (1 Кор. 7, 40). Видишь ли какая похвала приписывается вдовству;— и это уже въ Новомъ Завѣтѣ, когда совершенно просіяла красота дѣвства: но, не смотря на то, свѣтъ самаго дѣвства не могъ потемнить свѣтильника вдовства; оно сіяетъ и теперь собственными своими совершенствами. Итакъ, сколько бы разъ ни упоминалъ я о вдовствѣ, ты не смущайся, и не почитай его состояніемъ постыднымъ. Ибо, если постыдно вдовство, то еще постыднѣе было бы дѣвство. Но нѣтъ, нѣтъ; этому не быть. Всѣ мы удивляемся и превозносимъ тѣхъ женъ, которыя уважаютъ своихъ мужей при жизни ихъ. Какъ же не питать удивленія и уваженія къ тѣмъ, которыя, и по смерти своихъ мужей, оказываютъ имъ равное уваженіе? Но доколѣ жила ты, (что я и прежде уже замѣтилъ) съ своимъ добрымъ Ѳирасіемъ, дотолѣ онъ осыпалъ тебя и почестями и попеченіями, какими только могъ онъ осыпать тебя какъ человѣкъ: а те-

перь чреду его заступилъ самъ Владыка всяческихъ— Господь, который и прежде пребывалъ съ тобою, но теперь особенно еще съ большею заботливостію присѣдитъ тебѣ. И разительное доказательство великаго попеченія своего о тебѣ Онъ явилъ уже, какъ я сказалъ прежде, тѣмъ, что въ горнилѣ толикихъ скорбей и печалей сохранилъ тебя здравою и невредимою и не допустилъ тебя пропивъ желанія— невольно впасть въ грѣхъ. А кто предохранилъ тебя онъ кораблекрушенія во время самой бури, тотъ, тѣмъ паче во время тишины, сохранитъ душу твою, облегчитъ твое вдовство и тѣ бѣдствія, которыя по видимому сопряжены съ нимъ.—

Если же тебя смущаетъ не имя вдовицы, а потеря столь добраго мужа; то и я соглашусь съ тобою, что на всей землѣ, среди мірскихъ людей, не много найдется мужей, столь снисходительныхъ, честныхъ, скромныхъ и почтенныхъ, каковъ былъ твой. Но все же тогда только надлежало бы скорбѣть о немъ и печалиться, если бы онъ погибъ совершенно, если бы обратился въ ничтожество: а когда онъ достигъ тихаго пристанища, когда переселился къ своему истинному Царю; то объ этомъ уже должно радоваться, а не скорбѣть. Ибо, въ самомъ дѣлѣ, эта смерть— не смерть, а только перемѣщеніе или переходъ отъ худшаго къ лучшему, отъ земли на небо, отъ людей къ Ангеламъ и Архангеламъ, и къ самому Господу Ангеловъ и Архангеловъ. Здѣсь на землѣ, служа царю, онъ могъ встрѣтить великія опасности и тяжкія ковы со стороны завистниковъ; ибо чѣмъ болѣе распространялось бы о немъ доброе мнѣніе, тѣмъ быстрѣе возрастали бы противъ него козни враговъ: а отшедши туда (на небо), онъ не можетъ уже опасаться ничего такого. Посему, сколько, по твоему мнѣнію, должно было тебѣ скорбѣть о томъ, что Богъ разлучилъ тебя съ мужемъ честнымъ и добродѣтельнымъ; столько же ты должна радоваться, что онъ отшелъ отсюда послѣ самой безбѣдной и славной жизни; и что, избѣгши ударовъ грозящей опасности, онъ находится теперь въ обители невозмущаемаго мира и успокоенія. И такъ не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, признавать, что небо гораздо лучше земли, и между тѣмъ скорбѣть о тѣхъ, которые отходятъ отъ земной жизни? Еслибы этотъ блаженный человѣкъ былъ изъ числа такихъ людей, которые вели жизнь порочную и богопротивную; тогда надлежало бы скорбѣть и сѣтовать не только о смерти его, но и о самой жизни. А когда онъ былъ въ числѣ друзей Божіихъ; то не только о жизни, но и о смерти его должно радоваться. И что именно такъ должно поступать,— это ты слышала отъ Божественнаго Павла: *желаніе имамъ разрѣшитися и со Христомъ быти* (Филип. 1, 23). Но ты, можетъ быть, желаешь слышать слова его (мужа), услаждаться своею къ нему любовію, имѣть постоянное съ нимъ обращеніе, пользоваться его славою, знатностію, почестями, благоденствіемъ,— между тѣмъ все это быстро умчалось; это ли безпокоитъ и смущаетъ тебя? Въ такомъ случаѣ тебѣ необходимо писать къ нему и теперь такую же любовь, какую писала ты прежде. Ибо сила любви такова, что она обьемлетъ, сближаетъ и соединяетъ не только тѣхъ, которые находятся близъ насъ, и съ которыми мы часто видимся, но и тѣхъ, которые удалены отъ насъ на далекое разстоя-

ніе; ни теченіе времени, ни разстояніе пространства, ничто либо другое не можетъ пресѣчь и угасить любви нашей къ нимъ. Если же ты хочешь видѣть его лицемъ къ лицу (а я знаю, что ты чрезмѣрно желаешь этого); то сохрани для него ложе свое неприкосновеннымъ отъ другаго мужа, поститься, подобно ему, вести жизнь неукоризненную, и ты безспорно вступишь, вмѣстѣ съ нимъ, въ одинъ и тотъ же ликъ,— вступишь и соединишься съ нимъ, но не на пять лѣтъ уже какъ здѣсь, не на двадцать, не на сто, не на тысячу, двѣ тысячи, или десять тысячь и болѣе, а на безпредѣльную и безконечную вѣчность.— Но сіи мѣста успокоенія достаются обыкновенно въ наслѣдіе не по тѣлесному родству, а по сходству въ добродѣтельной жизни. Еслиже сходство въ образѣ жизни привлекло на лоно Авраама совершенно невѣдомаго ему Лазаря, если оно уготовляетъ мѣсто успокоенія въ немъ *для многихъ отъ востокъ и западъ;* то оно же вселитъ въ обитель покоя и тебя вмѣстѣ съ блаженнымъ Өирасіемъ, если только ты будешь жить подобно ему. И тогда-то ты опять возвратишь его себѣ, но не съ тою уже тѣлесною красотою, съ какою онъ умеръ, а въ нѣкоторомъ особенномъ свѣтѣ и благолѣпіи, далеко превосходящемъ лучи самаго солнца. Это наше тѣло, хотя бы оно сіяло въ высшей степени красотою, все будетъ добычею тлѣнія— смертнымъ; а тѣло благоугодившихъ Богу такою облечется славою, какой тѣлесными очами и видѣть не возможно. Нѣкоторыя указанія на это прославленіе Богъ благоволилъ представить какъ въ ветхомъ, такъ и въ новомъ Завѣтѣ. Такъ о Моисеѣ сказано: *яко не мощи взирати сыномъ Израилевымъ на лице Моисеево славы ради лица его престающія* (2 Кор. 5, 7); а въ новомъ завѣтѣ еще свѣтлѣе просіяло лице І. Христа. Скажи же мнѣ теперь,— еслибы кто нибудь далъ тебѣ обѣщаніе сдѣлать мужа твоего царемъ вселенной, но для этого потребовалъ бы у тебя, чтобы ты разлучилась съ нимъ на двадцать лѣтъ, объявивъ, что по прошествіи сего времени, онъ въ порфирѣ и діадимѣ обручится съ тобою и сдѣлаетъ тебя участницею своего величія; уже ли ты не перенесла бы равнодушно и съ надлежащимъ благоразуміемъ этой незначительной потери? уже ли не пришла бы въ восхищеніе отъ такого дара и не поставила его предметомъ своихъ желаній? Итакъ потерпи же теперь, но не ради земнаго царства, а ради небеснаго; приготовься къ соединенію съ мужемъ, но не золотыя одежды носящимъ, а облеченнымъ въ нетлѣніе и славу, какими прилично украшаться небожителямъ. Можетъ быть слишкомъ тяготитъ тебя продолжительность разлуки съ нимъ; но онъ вѣроятно является тебѣ въ сновидѣніяхъ, бесѣдуемъ съ тобою по обыкновенію и открываетъ свой вожделѣнный ликъ:— это пусть будетъ для тебя замѣною писемъ, ибо это и сильнѣе и яснѣе писемъ. Тамъ можно видѣть одни только буквы; а здѣсь можно зрѣть и очеркъ лица, и тихую улыбку, и станъ, и походку,— можно слышать звуки и узнавать дружескій голосъ. Можетъ быть ты сѣтуешь еще о томъ благоденствіи, которое онъ прежде доставлялъ тебѣ, о тѣхъ надеждахъ, которыя предвѣщали такъ много отличій (ибо я слышалъ, что онъ въ скоромъ времени получилъ бы консульное достоинство, и это думаю, болѣе всего тревожитъ твой духъ и смущаетъ тебя); но при-

веди себѣ на мысль только то, что люди, превосходившіе его достоинствами, вели жизнь самую бѣдственную. Я помогу тебѣ въ этомъ. Ты можетъ быть слышала что-нибудь о Ѳеодорѣ Сицилійскомъ; ибо онъ былъ весьма знаменитъ. Этотъ человѣкъ, будучи выше всѣхъ какъ по величественной красотѣ тѣла, такъ и по близости своей къ Царю, и имѣя такую власть, какой неимѣлъ никто изъ придворныхъ вельможъ, не удержалъ въ должныхъ предѣлахъ своей счастливой доли; возмутившись противъ своего Царя, и бывъ уличенъ въ злоумышленіи, онъ погибъ самымъ несчастнымъ образомъ; а жена его, ни въ образованности, ни въ знатности рода, ни въ чемъ либо другомъ не уступавшая твоимъ достоинствамъ,— эта жена, потерявши внезапно все и лишившись самой свободы, причислена была къ постельнымъ служанкамъ, принуждена влачить жизнь, превышающую бѣдствіями участь всякой рабы, и тѣмъ только однимъ отличалась отъ другихъ, что чрезмѣрное несчастіе ея оплакивали всѣ, видѣвшіе ее. Много и другихъ столько же несчастныхъ фамилій я могъ бы указать; если бы не былъ увѣренъ въ твоемъ благоразуміи и добродушіи, слишкомъ далекомъ отъ того, чтобы въ бѣдствіяхъ другихъ находить утѣшеніе во дни своихъ несчастій. А все упомянутое мною я привелъ для того, чтобы показать тебѣ всю ничтожность дѣлъ человѣческихъ, и подтвердить слова Пророка: *слава человѣческая, яко цвѣтъ сельный* (Псал. 40, 6). Ибо, въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ выше люди возносятся и чѣмъ болѣе просіяваютъ, тѣмъ стремительнѣе низвергаются; и это случается не съ подчиненными только, но и съ самими Царями.—

И такъ *возверзи на Господа печаль твою и Той тя препитаетъ. Воззрите,* говоритъ Писаніе, *на древнія роды и видите, кто вѣрова Господеви и постыдѣся, или кто пребысть вѣ страсѣ Его, и оставися, или кто призва Его и презрѣ й* (Сир. 2, 10.)? Тотъ кто избавилъ тебя отъ столь нестерпимаго бѣдствія и утѣшилъ тебя, отвратитъ и тѣ удары, которые могутъ случиться въ будущемъ. Впрочемъ болѣе жестокой раны для тебя быть не можетъ, ты сама въ этомъ согласишься. Потому, если ты настоящее зло столь твердо и великодушно перенесла, впервые подвергаясь подобному испытанію; то тѣмъ удобнѣе перенесешь будущіе удары, отъ коихъ, впрочемъ, да сохранитъ насъ Богъ! Взыщи же теперь неба и того, что ведетъ на небо; здѣсь на земли ничто не въ состояніи причинить намъ вредъ, даже самъ міродержитель, если мы сами не повредимъ себѣ. Хотя бы кто отнялъ у насъ имѣніе, изрубилъ наше тѣло,— это ничто для насъ, лишь бы душа наша оставалась цѣлою. Впрочемъ, если ты хочешь, чтобы богатства твои сохранялись въ безопасности, чтобы онѣ болѣе и болѣе умножались,— я укажу тебѣ и способъ и мѣсто сохраненія ихъ,— мѣсто, куда никакой похититель не войдетъ. Что же это за мѣсто? Это небо! Отошли ихъ къ твоему доброму мужу: и тамъ никакой воръ, никакой злоумышленникъ не похититъ ихъ, никакая разрушительная сила не коснется. Сохраняя тамъ свои сокровища, ты получишь великую отъ нихъ прибыль; ибо что мы насаждаемъ на небѣ, то приноситъ обильные и лучшіе плоды,— плоды, какіе можно ожидать съ неба. Поступая такимъ образомъ, ты вотъ какихъ благъ

достигнешь: прежде всего жизни вѣчной и благъ, обѣщанныхъ любящимъ Господа, *ихъ же око не видѣ, ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша;* потомъ— вѣчнаго сожительства съ твоимъ возлюбленнымъ; наконецъ— избавленія отъ здѣшнихъ заботъ, треволненій, опасностей, козней, вражды и ненависти. А пока имущество твое будетъ при тебѣ, дотолѣ могутъ быть такіе люди, которые будутъ имѣть виды на оное. Если же перенесешь его на небо, то поживешь безопасно, безъ тревогъ, спокойно, въ довольствѣ самой собою и благочестіи. Великое безразсудство показываетъ тотъ, кто желая купить поле, ищетъ его на землѣ, тогда какъ передъ нимъ простерто, вмѣсто земли, небо, и стяжавъ поле на землѣ, остается на ней жертвою заботъ и заботъ грѣховныхъ; ибо это отдаляетъ насъ отъ нашего упованія. Душу твою сильно тревожитъ еще то, что твой мужъ, день отъ дня ожидалъ получить консульное достоинство, между тѣмъ смерть восхитила его прежде нежели онъ достигъ этой должности. Чтобы это не тяготило тебя, то ты размысли, что надежда сія какъ она ни была вѣрна, все же она была надежда человѣческая, которая часто измѣняетъ. Въ жизни часто такъ случается: что мы надѣемся получить, того не получаемъ; а напротивъ что никогда не приходило намъ даже на мысль, то исполняется,— будетъ ли это относиться къ полученію начальнической власти, престола, наслѣдства, или къ выгодамъ брачнаго союза; во многихъ случаяхъ жизни такъ бываетъ. По словамъ Св. Писанія время отъ утра до вечера постоянно измѣняется. Такъ, Царь сегодня живъ, завтра мертвъ. И опять тотъ же мудрый изъясняя событія, случающіяся съ нами сверхъ ожиданія, говоритъ: *многи мучители сѣдоша на земли, нечаемый же увязеся вѣнцемъ* (Сир. 2, 5).

Притомъ небыло вполнѣ извѣстно, что онъ получитъ это достоинство. Будущее намъ не извѣстно; да и много было другихъ причинъ, по которымъ можно было сомнѣваться въ вѣрности его предположенія. Ибо откуда извѣстно, что, если бы онъ былъ живъ, то достигъ бы упомянутаго достоинства? Откуда извѣстно, что съ нимъ не случилось бы противное, что онъ не лишился бы и того чина, какой имѣлъ, по болѣзни, или зависти и недоброжелательству враговъ, не могшихъ равнодушно взирать на его благоденствіе? Но положимъ, что это было совершенно извѣстно, что онъ, проживши долѣе, взошелъ бы на ту высоту: но чѣмъ выше достоинство, тѣмъ большія сопряжены съ нимъ опасности, заботы, тѣмъ больше угрожаетъ козней со стороны другихъ. Не будь даже этого, положимъ, что онъ безопасно плавалъ бы по житейскому морю; но какой конецъ всего этого, скажи мнѣ? Не тотъ ли какой теперь, или что я говорю: такой? не былъ ли бы даже конецъ всего этого гораздо бѣдственнѣе, и безотраднѣе? Вопервыхъ онъ позже узрѣлъ бы небо и все, что на небѣ; а это не малый убытокъ для тѣхъ, которые съ нетерпѣніемъ, съ живымъ упованіемъ зрятъ въ будущее. Далѣе, положимъ, что онъ велъ себя безпорочно: но продолжительность жизни и необходимыя отношенія начальническія не дозволили бы ему такъ безпорочно кончить жизнь, какъ онъ окончилъ теперь. Богъ знаетъ, можетъ быть онъ со-

всѣмъ измѣнился бы по жизни, предался бы безпечности и такимъ образомъ испустилъ бы послѣднее дыханіе. А теперь надѣемся, что онъ, по милосердію Господа, вознесся въ страну успокоенія; потому что онъ ничего не содѣлалъ такого, что могло бы загородить ему входъ въ Царствіе небесное. Тогда же, занимаясь долгое время дѣлами общественными онъ могъ бы нажить много преступленій; ибо обращаться среди толикихъ опасностей, какими окружена жизнь наша, и еще отличаться подвигами добродѣтели— это участь весьма не многихъ. А грѣшить— произвольно ли, или невольно,— это всего обыкновеннѣе и всего чаще. Нынѣ же мы свободны отъ этого опасенія и твердо убѣждены въ томъ, что онъ въ послѣдній день явится къ тебѣ съ свѣтлымъ ликомъ, и облеченный неизреченною славою будетъ со Ангелами предшествовать Христу Царю, будетъ предстоять Ему на судѣ и отправлять самыя почетныя должности, служа Ему. И такъ оставь слезы и рыданія,— подражай его жизни, даже превзойди его; чтобы успѣвши, подобно ему, въ подвигахъ добродѣтели, вмѣстѣ съ нимъ преселиться въ одну обитель, и паки сочетаться съ нимъ на нескончаемые вѣки, только не узами брака, а узами благороднѣйшими возвышеннѣйшими: это сочетаніе душъ— сочетаніе тѣснѣйшее и блаженнѣйшее.

СЛОВО

сказанное въ Вологодскомъ горнемъ Успенскомъ женскомъ Монастырѣ (*),

Уподобися Царствіе небесное десятимъ дѣвамъ, яже пріяша свѣтильники своя, и изыдоша во срѣтеніе Жениху. Матѳ. 25, 1.—13.

Если есть какое мѣсто въ Писаніи которое вамъ всѣмъ должно знать наизустъ; то это притча Спасителя о десяти дѣвахъ. Тутъ ваша судьба, настоящая и будущая; тутъ ваше спасеніе или ваше осужденіе. Посему я и беру сію притчу въ предметъ собесѣдованія съ вами.

Что изображаетъ она? изображаетъ состояніе душъ, ожидающихъ пришествія небеснаго Жениха, ихъ приготовленіе къ срѣтенію Его, самую встрѣчу и неодинаковый пріемъ ихъ Женихомъ, по причинѣ разновременности прихода и недостатка у нѣкоторыхъ брачныхъ принадлежностей. Такое изображеніе, явно, все клонится къ тому, чтобы показать намъ, какъ должно ожидать Жениха небеснаго, какъ исходить въ срѣтеніе Его, чѣмъ запасаться и что имѣть для того, чтобы не остаться за дверьми чертога брачнаго. Теперь войдемъ въ самый составъ притчи.

Сколько было дѣвъ? десять. Всѣ онѣ были дѣвы, то есть души, уневѣстившія себя Господу; всѣ ожидали пришествія Жениха; всѣ имѣли въ рукахъ свѣтильники; всѣ украсили ихъ и пришли для встрѣчи Жениха. Иоднакоже не всѣ допущены на бракъ Жениховъ; пятерымъ сказано: *невѣмъ васъ!* Откуда

(*) Преосвящен. Иннокентіемъ, нынѣ Епископомъ Харьк. и Ахт.

такая разность въ жребіяхъ? Не отъ того ли, что сіи пять, недопущенныхъ, были юродивы? Но, онѣ были юродивы не по природѣ, а сами себя учинили такими. Когда бы захотѣли, и онѣ могли бы сдѣлать все то, что сдѣлано дѣвами мудрыми. Притча называетъ ихъ юродивыми за ихъ безразсудныя дѣйствія, за то, что они, стремясь къ цѣли, небрегли о средствахъ, безъ коихъ она неможетъ быть достигнута.

Что же помѣшало имъ войти на бракъ Жениховъ? Сонъ и недостатокъ елея въ свѣтильникахъ. Уснувши они не скоро проснулись; проснувшись, вмѣсто того, чтобы вдругъ итти на встрѣчу Жениха, пошли искать елея; такимъ образомъ пропущено время; пришли, когда уже были заперены двери, и потому остались за ними.

И мудрыя дѣвы несовершенно были свободны отъ сна; медленность прихода Женихова навела дремоту и на нихъ: *воздремашася вся, и спаху*. Но, сонъ мудрыхъ дѣвъ былъ сонъ тонкій, нечуждый бодрствованія, сонъ, подобный тому, о коемъ говоритъ невѣста въ пѣсни Соломоновой: *азъ сплю, а сердце мое бдитъ* (Пѣс. Пѣс. 5, 2.). Платя дань немощамъ природы, и онѣ засыпали иногда, ослабляли свою духовную дѣятельность, повидимому, даже прекращали ее; но сердце ихъ бдѣло и было съ Женихомъ; душа ихъ всегда находилась тамъ, гдѣ ея сокровище. Притомъ у нихъ были готовы не одни пустые свѣтильники, а и елей дѣлъ благихъ. Посему, едва только раздался гласъ: *Женихъ грядетъ, исходите въ срѣтеніе*: онѣ встали, и пошли на встрѣчу.

Нужно ли подробно изъяснять, что значитъ этотъ опасный сонъ, и что изображаетъ недостатокъ елея? Сонъ этотъ есть забвеніе нашей смерти и суда, насъ ожидающаго, есть преданіе себя плоти и міру и погруженіе въ чувственность, есть нерадѣніе о своей душѣ и прекращеніе дѣлъ благихъ. А недостатокъ елея есть недостатокъ чистой любви къ Богу и ближнему, которая одна можетъ поддерживать горѣніе въ свѣтильникѣ вѣры. Какъ душа погружается въ этотъ сонъ? Отъ мысли, какъ показываетъ притча, что Женихъ не скоро идетъ, и, можетъ быть, не придетъ. Съ одной стороны видятъ, что смерть еще далека, что, потому, будетъ время покаяться и заняться дѣломъ спасенія; съ другой— видятъ прелесть міра и благъ его, чувствуютъ влеченіе къ нимъ своей грѣховной природы, и поникаютъ подъ симъ искушеніемъ; сначала предаются одной дремотѣ, одному ослабленію въ дѣлахъ своего званія, потомъ, мало помалу, засыпаютъ совершенно, теряютъ духовное сознаніе и чувство, земленѣютъ, дѣлаются мертвыми духомъ и предаются дѣламъ тьмы.— Отъ чего небрегутъ во время запастись елеемъ? По той же самой причинѣ. Думаютъ, что еще будетъ время пріобрѣсть его, или занять у другихъ, какъ, вѣроятно, обольщали себя сею мыслію и юродивыя дѣвы. То есть, у кого занять? у Святыхъ Божіихъ, какъ иногда думаютъ грѣшники. Ибо не часто ли бываетъ, что по упованію на молитвы какого либо угодника Божія, небрегутъ объ исправленіи своей жизни и нравовъ? ставятъ предъ иконою свѣчи, служатъ молебны: а о томъ, чтобы освѣтить душу тѣми добродѣтелями, коими украшался угодникъ Божій, омыться тѣми же слезами покаянія, коими всю жизнь омывал-

ся онъ, о семъ и не думаютъ. Нѣкоторые до самаго прихода Жениха, до самой смерти своей, даже не знаютъ, есть ли елей въ ихъ свѣтильникахъ, или нѣтъ. Имѣя свѣтильники, то есть содержа Вѣру православную, ходя въ церковь, нося монашеское платье, выполняя наружно уставы монастырскіе, думаютъ, что симъ все сдѣлано. А какъ все сдѣлано, когда въ сердцѣ нѣтъ чистой, постоянной любви къ Богу и ближнему? когда въ немъ гнѣздится нечистота, любовь къ міру и страсти? Какъ все сдѣлано, когда обида какая либо огорчаетъ насъ также, какъ и мірянъ, когда чувственность также прельщаетъ, какъ и мірянъ? Ничего не сдѣлано доколѣ мы не предадимъ навсегда всего существа своего Господу; ничего не сдѣлано, доколѣ мы не содѣлаемся мертвы для міра и живы для одного Господа; ничего несдѣлано, доколѣ мы неготовы положить ради славы Его и изъ любви къ братіямъ нашимъ самую жизнь.

Памятуйте сіе, возлюбленныя, и блюдитесь сна грѣховнаго и нечувствія. Живущимъ въ мірѣ, обязаннымъ житейскими попеченіями, извинительнѣе, если иногда, утомленные самыми трудами жизни, воздремлютъ на стражѣ своего спасенія: а намъ что и помнить, о чемъ и думать непрестанно, какъ не о концѣ своемъ, не о судѣ страшномъ, не о мукахъ вѣчныхъ? И такъ, отходя ко сну говорите: не эта ли нощь, въ которую пріидетъ Женихъ и надобно исходить въ срѣтеніе Его со свѣтильниками? Вставъ отъ сна, говорите: не это ли день, когда въ послѣдній разъ освѣтитъ меня солнце, и я пойду мракомъ сѣни смертной? Осмотритесь кругомъ себя: сколько сестръ, съ коими вы жили, вмѣстѣ молились, вмѣстѣ радовались и плакали, теперь уже тамъ, или въ чертогѣ, или за дверями чертога. И всѣмъ намъ предстоитъ тоже; смерть не останавливается, каждый годъ беретъ по нѣскольку: возметъ и всѣхъ; всѣ ляжемъ во гробъ, покроемся землею, пойдемъ на судъ. Постараемся же запастись елеемъ добрыхъ дѣлъ, доколѣ есть время. Пойдемъ заблаговременно къ продающимъ — къ обиженнымъ нами, и испросивъ прощеніе, получимъ елей мира и незлобія; пойдемъ къ бѣднымъ и нищимъ, и оказавъ имъ помощь, получимъ елей милосердія; оградимся постомъ и молитвою, и стяжемъ елей чистоты и цѣломудрія; будемъ какъ можно чаще имѣть предъ очами висящаго на крестѣ Спасителя нашего; и стяжемъ елей терпѣнія и преданности въ волю Божію. Капля по каплѣ, и составится полный свѣтильникъ; и мы не будемъ принуждены нѣкогда вопіять: *дадите намъ отъ елея вашего яко свѣтильницы наши угасаютъ*. Аминь.

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 28 Марта, 1843. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 4. НЕДѢЛЯ О РАЗСЛАБЛЕННОМЪ. Маія 2. 1843.

Буди Господи милость Твоя на насъ, якоже уповахомъ на Тя.
Проким. на Литургіи.

На Утрени: Евангеліе воскресное 4-е, Лук. 24, 1—12.
На Литургіи: Апостолъ: Дѣян. 9, 32—42. Еванг. Іоан. 5, 1—15.

ПОПЕЧЕНІЕ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО

о распространеніи и благосостояніи Христіанскихъ Церквей въ странахъ языческихъ.

Святый Іоаннъ Златоустъ, стяжавшій духъ и уста Павловы, съ Апостольскою ревностію заботился о распространеніи вѣры Христовой и о благосостояніи Церквей Божіихъ въ странахъ, покрытыхъ мракомъ идолопоклонства и суевѣрія. Великій Іерархъ, среди неусыпныхъ попеченій объ устройствѣ Константинопольской Церкви, не оставлялъ и отдаленнѣйшихъ областей безъ пастырскаго вниманія своего и посылалъ миссіи для проповѣдованія въ нихъ Божественнаго Евангелія. Онъ посылалъ одного Епископа для наставленія Готѳовъ, другаго для наставленія кочующихъ Скиѳовъ, а нѣкоторыхъ святой жизни монаховъ въ Финикію для обращенія идолопоклонниковъ. Палестина, Персія, Аравія и другія страны ощутили благотворное вліяніе его ревности (а). Распространеніе благовѣстія о имени Господа Іисуса было предметомъ особенныхъ попеченій Іоанна и во время заточенія Его въ пустынномъ Кукузѣ. Изъ писемъ, написанныхъ имъ частію отсюда, частію изъ другихъ мѣстъ, видимъ, съ какимъ усердіемъ онъ ободрялъ и воодушевлялъ благовѣстниковъ, избранныхъ на сіе святое дѣло, съ какою силою Иліиною поддерживалъ ревность ихъ, чтобъ она непоколебалась среди непреодолимыхъ препятствій и трудностей, съ коими проповѣдникъ имени Распятаго долженъ бороться на всякомъ шагу. Представляемъ вниманію благочестивыхъ читателей нашихъ извлеченіе изъ сихъ писемъ,

1. Письмо къ Пресвитерамъ и Монахамъ въ Финикіи, оглашающимъ язычниковъ въ Христіанскую вѣру.

Кормчіе, когда видятъ, что море страшно волнуется и поднялась жестокая буря и вихрь, не только не оставляютъ своего корабля, но прилагаютъ особенное стараніе, чтобы спасти его; они тогда и сами бодрствуютъ и другихъ ободряютъ къ бодрствованію. И врачи, видя,

(а) Церков. Истор. Ѳеодорит. гл. 28, 29, 30.

что горячка у больнаго чрезмѣрно усилилась, не оставляютъ его, но иногда-то особенно и сами и чрезъ другихъ дѣйствуютъ, прилагая большее усердіе и попеченіе о прекращеніи болѣзни. Для чего я сіе говорю? Для того, чтобы никто не обольстилъ васъ оставить Финикію и удалиться изъ нея, по причинѣ возникшихъ тамъ смутъ; но, чѣмъ больше трудностей, чѣмъ ужаснѣе войны, чѣмъ больше смутъ, тѣмъ съ большимъ постоянствомъ старайтесь о своемъ дѣлѣ, бодрствуя неусыпно и заботясь, чтобы прекраснѣйшее зданіе ваше нерушилось, трудъ вашъ не остался безполезнымъ и сѣяніе ваше не уничтожилось. Ибо силенъ Богъ и смуты прекратить, и вамъ воздать награду за ваше терпѣніе. Итакъ, помысливъ, сколько вы трудовъ подъяли, сколько трудностей претерпѣли, сколько подвиговъ совершили, и помня, что вы, при помощи Благодати Божіей, разогнали толикій мракъ нечестія, что дѣла въ Финикіи идутъ съ такимъ успѣхомъ,— и Богъ вскорѣ отвратитъ всѣ бѣдствія, и щедро воздастъ вамъ за ваши труды; стойте твердо и настойте. Впредъ не будетъ у васъ недостатка ни въ чемъ; я повелѣлъ доставить вамъ все въ обильномъ количествѣ: обувь, одѣяніе и продовольствіе для брашіи. Если мы, удручаемые такими скорбями, томясь въ такихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ, и обитая въ пустынномъ Кукузѣ, столько заботимся объ успѣшности вашихъ подвиговъ: то тѣмъ большее усердіе должны явить къ сему дѣлу вы, съ своей стороны. Итакъ, умоляю, пусть ничто не устрашаетъ васъ. Смуты и навѣты, воздвигаемыя противъ Церкви, похожи на волны, которыя стремительно ударяясь о скалу, тотчасъ же разсѣеваются, распадаясь въ пѣну. Вспомните, что претерпѣли блаженные Апостолы и отъ своихъ и отъ чужихъ. Во все время проповѣди своей они постоянно переносили искушенія, бѣды и злоумышленія противъ себя со стороны враговъ. Темницы, узы, ссылка, бичь, гладъ, нагота— на все это они обречены были. Не смотря на сіе, они и въ темницахъ не отказывались отъ возложенной на нихъ обязанности учительства (οἰκονομία) (а). Апостолъ Павелъ былъ заключенъ въ темницу; но и здѣсь, избитый и обтекая кровію, онъ тайноводствовалъ къ вѣрѣ и крестилъ стража темничнаго. Вспомнивъ все сіе, стойте твердо, будьте непоколебимы и не допустите, чтобы кто-либо, посредствомъ обольщенія отвратилъ васъ отъ вашего дѣла; возложите на Бога упованіе и ожидайте отъ Него помощи, которой ничто не можетъ противостоять. Что касается до меня, я съ своей стороны сдѣлалъ все: и просилъ васъ, и совѣты вамъ подавалъ, и ободрялъ, и обильно удовлетворялъ вашимъ нуждамъ. Если вы и послѣ сего, не примете моихъ увѣщаній, а послушаетесь тѣхъ, которые хотятъ обольстить васъ; въ такомъ случаѣ я не повиненъ; но вѣдайте, на чью главу падетъ тогда осужденіе и наказаніе!

(а) Во всѣхъ своихъ письмахъ Златоустъ обязанность проповѣдничества называетъ *неудобопереводимымъ* въ точности словомъ: οἰκονομία

2. Константію Пресвитеру.

Намѣреваясь 4 числа Іюля отправиться изъ Никеи, я посылаю къ твоему благочестію сіе письмо, въ которомъ прошу тебя о томъ, о чемъ я и прежде просилъ тебя, именно: чтобы ты непереставалъ (усердно) исполнять должность, предпринятую тобою, не взирая ни на что, хотя бы стала угрожать тебѣ буря ужаснѣе той, какая теперь, и воздымались еще страшнѣйшія волны. Я разумѣю истребленіе язычества, построеніе Церквей и попеченіе о душахъ. Пусть не одолѣваютъ тебя ни затруднительное положеніе дѣлъ, ни бѣдствія окружающія тебя. Павелъ былъ ввержень въ темницу, и однако дѣлалъ свое дѣло; Іона былъ во чревѣ морскаго звѣря, отроки брошены были въ пещь; но ничто не могло поколебать ревность ихъ. Помня все сіе, не переставай, господинъ мой, пещись о Церквахъ, находящихся въ Финикіи, Аравіи и другихъ областяхъ Востока, зная, что за труды сіи ты получишь мзду тѣмъ большую, чѣмъ больше преодолѣешь препятствій своимъ усердіемъ. Не облѣнись писать къ намъ и писать почаще. Ибо, какъ я узналъ, намъ велѣно отправиться не въ Севастію, а въ Кукузъ, куда удобнѣе тебѣ писать. Напиши же намъ, сколько Церквей построено въ теченіи года, какіе святые мужи переселились въ Финикію, и умножаются ли успѣхи. Нашедши въ Никеи одного монаха, живущаго въ заключеніи, я убѣдилъ его отправиться къ твоему благочестію, и потомъ въ Финикію. Поспѣши увѣдомить, прибылъ ли онъ.

3. Николаю Пресвитеру.

Ты окрылилъ насъ и исполнилъ сердце наше величайшимъ удовольствіемъ, извѣстивъ, что много заботишься о Финикіи, (а) и живя въ столь далекомъ разстояніи отъ нея, по ревности Апостольской, письмами своими ободряешь тамошнихъ (т. е. братій). За это мы никогда не пропустимъ ублажать тебя. Ты и прежде посылалъ туда монаховъ, и несмотря на затруднительное положеніе тамошнихъ дѣлъ, не только не вызвалъ ихъ оттуда обратно, но повелѣлъ имъ пребыть, поступая въ семъ случаѣ подобно кормчему, который тогда особенно заботится о своемъ кораблѣ, когда волны сильно поднимаются. Убѣди, господинъ мой, честнѣйшаго Геронтія, чтобы онъ, немедленно по выздоровленіи, отправился въ Финикію, также постарайся, чтобы любезнѣйшій Іоаннъ съ нимъ принялъ путешествіе. Но я увѣренъ, что ты позаботишься наполнить Финикію мужами усердными, укрѣпить ревность пребывающихъ тамъ, доставляя пользу и ближнимъ и дальнимъ, подобно аромату, который наполняетъ благовоніемъ не одно мѣсто, но весь воздухъ окружающій его.

4. Монахамъ Готѳамъ. (б)

И прежде писемъ вашихъ узналъ я, какія скорби вы переносите, какія искушенія, сколько горестей;—

(а) т. е. Церкви Финикійской.

(б) Изъ этого письма не видно, были ли сіи монахи природные Готѳы, или только миссіонеры, посланные къ Готѳамъ. Но изъ сего же посланія видно, что у Готѳовъ была Церковь Христ. и имѣла блюстителей— своихъ пастырей.

потому-то я и ублажаю васъ, представляя вѣнцы, уготованные вамъ, награды и почести. Какъ навѣтующіе вамъ и смущающіе васъ навлекутъ на себя тяжкій судъ и собираютъ на себя огнь геенскій; такъ напротивъ вы, претерпѣвающіе такія бѣдствія, получите великое мздовоздаяніе. Посему не смущайтесь и не страшитесь, но радуйтесь и взыграйте, воодушевляясь чувствованіями Апостола. Онъ такъ говоритъ о себѣ: *радуюсь нынѣ вѣ страданіяхъ моихъ;* и въ другомъ мѣстѣ: *не тоію же, но и хвалимся вѣ скорбѣхъ, вѣдяще, яко скорбь терпѣніе содѣлуетъ, а терпѣніе искуство* (Рим. 5, 3). Содѣлавшись искуснѣе (опытнѣе) въ перенесеніи скорбей, радуйтесь радостію великою и тогда, когда бы пришлось вамъ терпѣть еще больше. *Недостойны бо страсти настоящаго вѣка кѣ славѣ, хотящей открытися вѣ насъ.* (Рим. 8, 18). Изъявляю вамъ мою благодарность за ревность, которую вы показали, стараясь, чтобы въ Церкви Готѳской не произошло никакого смятенія. Исполняйте свою должность усердно, дѣйствуя непосредственно и чрезъ другихъ.—

Возношеніе мыслей и сердца къ Преблагословенной Матери Божіей, при чтеніи Молитвы:

Богородице Дѣво!

Прими отъ насъ Архангельскій привѣтъ, *Богородице Дѣво*:

Радуйся благодатная!

Ты благодатный даръ благости Божіей роду человѣческому; Ты непорочностію и смиреніемъ своимъ низвела благодать Божію на землю; Ты предстательствомъ своимъ у Сына своего и Бога дѣлаешь и насъ участниками Его благодати! Какъ Матерь Господа нашего, Ты привлекаешь къ себѣ всѣ дары Его милосердія, какъ Матерь вѣрующихъ въ Него изливаешь на насъ дары благости Божіей. Ты въ человѣческомъ родѣ возлюбленнѣйшая Дщерь Отца небеснаго. Ты чистѣйшая Невѣста Духа св., пренепорочная Матерь премудрости и Слова Божія! Тебя Отецъ небесный отъ вѣчности предувѣдѣлъ и предопредѣлилъ во орудіе нашего спасенія; Тебя прежде вѣковъ Единородный Сынъ избралъ въ Матерь своего вочеловѣченія; Тебя въ зачатіи Его осѣнила сила Всевышняго, освятилъ и объялъ огнемъ Божества своего Духъ святый! Отъ Тебя Единосущный Отцу небесному заимствовалъ кровь, которую пролилъ во оставленіе грѣховъ нашихъ; Ты во утробѣ своей носила Того, коего предвозвѣстили Пророки, проповѣдали Апостолы, исповѣдали Мученики. Ты непостижимо родила Господа, коего силою все живетъ, движется и существуетъ; Твоимъ млекомъ воскормлено тѣло, изъ коего огонь крестныхъ страданій совершилъ за насъ всесожженіе правдѣ Божіей. Ты во объятіяхъ своихъ носила Содержащаго весь міръ всемогуществомъ своимъ. *Болѣе тридцати лѣтъ* провелъ на землѣ въ повиновеніи Тебѣ Тотъ, которому служатъ силы небесныя; по Твоей волѣ Господь положилъ начало чудесъ своихъ въ Канѣ Галилейской. Ты во всемъ содѣлалась подобною образу Сына своего и Бога и пріискреннѣ участвовала въ Его болѣзняхъ и страданіяхъ. Ты сопутствовала Господу отъ Виѳлеема до

Голгоѳы; предъ Твоимъ взоромъ дѣйствовалъ Онъ отъ пеленъ до погребальной плащаницы. Ты отъ меча Иродова бѣгствомъ во Египетъ спасала Богомладенца, подвергалась съ Нимъ презрѣнію легкомыслія за пребываніе въ Назаретѣ. Ты раздѣляла съ Іисусомъ бѣдность, нищету и лишенія; сердце твое терзалось злобою къ Нему книжниковъ и фарисеевъ. Матернія чувства Твои страдали отъ заушеній, оплеваній и увѣнчанія терніемъ Спасителя; душа Твоя пронзена была оружіемъ крестныхъ страданій Его. Ты ощущала горечь смирны, коей напоенъ былъ Искупитель нашъ; утробу Твою прошло копье, которымъ прободено ребро Господа. Скорбный, болѣзненный былъ на землѣ удѣлъ Твой; но тѣсный путь возвелъ Тебя въ необъятную славу, уготованную тебѣ отъ созданія міра.

Радуйся благодатная, Маріе!

Имя твое, какъ разлитое миро, благоуханнѣе смирны и ливана, сладчае сотоваго меда, отраднѣе всѣхъ радостей земныхъ; восхитительно, какъ рай Богомъ насажденный; вожделѣнно, какъ благо небесное!

Господь сѣ Тобою!

Господь съ Тобою въ зачатіи и въ рожденіи, въ жизни и во успеніи Твоемъ; Господь съ Тобою былъ въ мысляхъ, чувствахъ, желаніяхъ и дѣйствіяхъ; Господь съ Тобою на землѣ и на небеси, во времени и въ вѣчности!

Благословенна Ты вѣ женахъ!

Тебя прежде всѣхъ земнородныхъ благословилъ Отецъ небесный всякимъ благословеніемъ; Тебя славословитъ научили человѣческій родъ Ангелы. Тебя самъ Духъ Святый нарекъ благословенною въ женахъ. Ты возвышеніе, радость и слава рода человѣческаго; Ты сіяешь въ немъ, какъ заря предшествующая вѣчному свѣту. Какъ луна посредѣ облаковъ, Ты озаряешь Церковь кроткимъ свѣтомъ Христовымъ, какъ радуга послѣ потопа радуешь насъ вѣчнымъ примиреніемъ съ Богомъ. Свѣтъ твой чище, животворнѣе для душъ лучей солнечныхъ. Ты превосходишь всѣхъ Святыхъ Твоею святостію. Ты безъ сравненія славнѣе Херувимовъ и Серафимовъ, ниже Тебя всѣ твари, выше Тебя одинъ Богъ!

О Матерь любви вѣчныя, Матерь благости безконечныя!

Благословенъ плодъ чрева Твоего!

Благословенъ Христосъ Спаситель нашъ, съ Которымъ все даровано намъ Отцемъ небеснымъ, котораго именемъ благословляются всѣ народы; ради коего Отецъ небесный благословляетъ и насъ всякимъ благословеніемъ! Благословенъ Господь, которому пріятно Твое ходатайство о насъ, Благословенная! Который съ сыновнею любовію внимаетъ Твоимъ молитвамъ.

Яко Спаса родила еси душъ нашихъ!

По достоинству Матери Ты имѣешь полное дерзновеніе предъ престоломъ Сына Твоего и Бога, а по любви къ искупленнымъ кровію Его не престаешь ходатайствовать о насъ. Ты своими молитвами отводишь громы, готовые поразить насъ, и отвращаешь отъ насъ молніи, возжигаемыя нашими беззаконіями. Тебѣ прискорбна пагуба искупленныхъ Сыномъ Твоимъ и Богомъ; Ты всѣмъ сердцемъ желаешь нашего обращенія на путь добродѣтели. Зная не-

мощь нашу, Ты молишься объ укрѣпленіи насъ въ искушеніяхъ; испытавъ въ жизни горести, ниспосылаешь намъ утѣшеніе въ печаляхъ; претерпѣвъ на землѣ скудость, Ты восполняешь наши недостатки; воспоминая свои скорби, невидимо радуешь насъ въ бѣдствіяхъ; извѣдавъ злобу человѣческую, Ты заступаешь насъ въ напастяхъ; вѣдая немощь естества нащего, прогоняешь отъ насъ враговъ душевнаго спасенія. Въ твоемъ имени вѣрные находили спасеніе въ часы язвы и пагубы; надѣявшіеся на Тебя не лишались жизни при оскудѣніи даровъ земныхъ. Ты въ знойныя засухи оживляешь нивы росою небесною, ниспосылаешь помощь погибающимъ отъ наводненія; призывающіе Тебя на моряхъ и рѣкахъ безопасны; имя Твое угашаетъ силу огня во время пожаровъ. Ты подаешь вѣрнымъ исцѣленіе въ болѣзняхъ и осѣняешь своимъ покровомъ сиротствующихъ. Ты призираешь милостиво на вдовицъ безпріютныхъ и даешь пристанище неимѣющимъ крова. Благодатное Твое заступленіе исповѣдуетъ св. Церковь, прославляютъ Христіанскія царства. Къ Тебѣ притекали народы и спасались отъ всеобщихъ бѣдствій; на Тебя уповали отцы наши и не посрамились въ своей надеждѣ. Посредѣ всеобщихъ волненій міра Ты подавала помощь молящимся Тебѣ, одушевляла мужествомъ возлагавшихъ на Тебя надежду свою; Твоею помощію одолѣваетъ враговъ нашихъ православное воинство; Ты вѣнчаешь побѣдною славою вождей Христолюбивыхъ. Ты всегда осѣняла наше отечество своимъ покровительствомъ, и землю Русскую избрала домомъ своимъ! Да прославляютъ убо Тебя царства, Царицу небесную, да славятъ народы, родившую Спасителя роду человѣческому. Да ублажаютъ Тебя дѣвы, Приснодѣвственную; да превозносятъ матери, Матерь Божію! Да величаетъ тебя всякій возрастъ, Благодатную; въ устахъ младенцевъ да устроится Тебѣ хвала пренепорочная! Да благословляютъ Тебя участницу Христовыхъ страданій послѣдователи Его; да воспѣваютъ Тебя, послужившую тайнѣ нашего спасенія, искупленные кровію Спасителя! Пріими отъ насъ честь и славу, Благодатная, которой на землѣ еще служили Ангелы; не отвергай нашихъ моленій отъ всѣхъ небесныхъ гражданъ ублажаемая! Защищай своимъ заступленіемъ Церковь Сына Твоего, ходатайствуй и о благоденствіи земнаго нашего отечества! Царствуй въ немъ своею милостію и благодатію; да будетъ оно до скончанія міра домомъ Твоимъ! Испроси для насъ благодать покаянія, предстательствуй о дарованіи намъ жизни вѣчныя, да Твоими молитвами наслѣдуемъ Царство небесное, и сподобимся славить Сына Твоего и Бога со безначальнымъ Его Отцемъ и присносущнымъ Ему Духомъ святымъ. Аминь.

Бесѣда Спасителя съ Никодимомъ, о возрожденіи. Іоан. 3, 1—21.

Первый и главный предметъ бесѣды Спасителя съ Никодимомъ есть духовное возрожденіе всего существа человѣческаго, какъ необходимое и единственное условіе для вступленія въ благодатное царство Божіе, а потомъ въ царство славы. *Аминь Аминь глаголю тебѣ: аще кто не родится свыше (снова), не можетъ видѣти царствія Божія* (ст. 3). Значитъ, рожденіе

отъ плотскихъ родителей, всѣ дары природы, получаемыя при рожденіи и потомъ образуемые и усовершаемые воспитаніемъ, наукою и искусствомъ, не даютъ человѣку права на царство благодатное; плотское происхожденіе отъ отца вѣрующихъ— Авраама, безъ вѣры и благодати, не приведетъ въ новое, духовное царство; все естественное и зависящее отъ падшей и испорченной природы человѣческой должно быть или измѣнено, обновлено, освящено и возвышено, или вовсе упразднено и уничтожено.— Никодимъ принялъ это новое и прикровенное ученіе о новомъ рожденіи, какъ человѣкъ естественный, душевный, руководствующійся обыкновенными понятіями разсудка и свидѣтельствомъ внѣшняго опыта. Кто однажды родился— разсуждалъ онъ— тому зачѣмъ раждаться въ другой разъ? и какъ возможно человѣку въ другой разъ родиться? Кто родился однажды, тому слѣдуетъ жить, а потомъ умереть: таковъ порядокъ естественный, отъ древнихъ временъ извѣстный роду человѣческому. *Како можетъ человѣкъ родитися, старъ сый? еда можетъ второе внити во утробу матере своея, и родитися?* (ст. 4). Въ этомъ вопросѣ выразился весь характеръ Никодима. Понятія его вѣрны тѣмъ даннымъ, какія доселѣ представлялъ ему разумъ и опытъ; о высшемъ и новомъ рожденіи онъ ничего не знаетъ, даже не предполагаетъ возможности другаго рожденія. Какъ малосмысленное дитя, онъ предлагаетъ и вопросъ дѣтскій: *како можетъ человѣкъ родитися старъ сый? еда можетъ второе внити во утробу матере своея, и родитися?*— Съ другой стороны Никодимъ обнаружилъ въ своемъ вопросѣ искренность, откровенность, простосердечіе. Посему-то милосердый Господь, хотя настоятельно и съ новою силою, но кротко и снисходительно утверждаетъ необходимость возрожденія для желающихъ вступить въ благодатное царство Божіе, съ нѣкоторымъ поясненіемъ прежнихъ словъ своихъ и съ указаніемъ на орудіе и причину возрожденія: *аминь аминь глаголю тебѣ, аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити во царствіе Божіе. Рожденное отъ плоти, плоть есть: и рожденное отъ Духа, духъ есть* (ст. 5. 6).

Всѣ средства къ исправленію человѣка, изобрѣтаемыя мудростію человѣческою, недостаточны; касаясь только внѣшняго поведенія человѣка, они не могутъ исправить самой воли, тѣмъ менѣе падшей природы человѣка. Всѣ средства, данныя древнему Израилю, имѣли цѣну относительную, достоинство временное, значеніе и силу только по тѣсной связи съ новозавѣтною благодатію. Для вступленія въ новое царство, въ новозавѣтную Церковь Божію, гдѣ все всецѣло принадлежитъ Богу и зависитъ отъ Бога, необходимо возрожденіе— полное перетвореніе всего падшаго существа, такъ чтобы человѣкъ сталъ *новою тварію* (2 Кор. 5, 17), въ которой самъ Богъ призналъ бы все своимъ, образомъ и отраженіемъ своихъ совершенствъ. Причиною сего перетворенія, явно, не можетъ быть никакая тварь: причина сія— животворящій всесвятый Духъ, третіе лице пресвятыя Троицы; видимое орудіе возрожденія— вода, служащая гробомъ для ветхаго человѣка и матернею утробою для новаго.

Аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити во царствіе

Божіе. Рожденное отъ плоти, плоть есть: и рожденное отъ Духа, духъ есть. Какова причина, таково и дѣйствіе; каковъ родитель, таково и рожденное. Отъ плотскихъ, грѣшныхъ родителей человѣкъ получаетъ рожденіе плотское, раждается съ прирожденнымъ грѣхомъ; въ слѣдствіе произвольныхъ грѣховъ, человѣкъ впадаетъ болѣе и болѣе въ область чувственности; самая душа подчиняется низшей части существа человѣческаго— плоти, безпрекословно исполняетъ ея прихотливыя требованія, и такимъ образомъ человѣкъ становится *плотію*, неспособною и недостойною быть въ духовномъ царствѣ Божіемъ, гдѣ Царь— всесовершенный Духъ, жизнь членовъ— жизнь духовная, блага и преимущества членовъ-духовныя. Только рожденное отъ Духа есть духъ и можетъ вселиться въ благодатномъ, духовномъ царствѣ Христовомъ; возрожденный отъ Духа по природѣ способенъ, а по дѣятельности достоинъ быть въ царствѣ Божіемъ.

Чтобы еще болѣе вразумить и успокоить Никодима, и предотвратить новыя недоумѣнія и возраженія, Спаситель ясно указываетъ на непостижимость возрожденія, совершаемаго Духомъ святымъ недовѣдомымъ для человѣка образомъ, и для сего, съ божественною мудростію, избираетъ подобіе отъ предмета— съ одной стороны близкаго и извѣстнаго всякому человѣку, съ другой, при всей извѣстности и естественности, непостижимаго и необъяснимаго. *Не дивися, яко рѣхъ ти: подобаетъ вамъ родитися свыше. Духъ идѣже хощетъ, дышетъ, и гласъ его слышиши, но не вѣси, откуду приходитъ, и камо идетъ: тако есть всякъ человѣкъ рожденный отъ Духа* (ст. 7. 8). Движеніе вѣтра невидимо, неудержимо и необъяснимо: таково и гораздо выше и таинственнѣе дѣйствіе Духа въ возрождаемыхъ. Ты слышишь шумъ вѣтра, ощущаешь его вѣяніе и постоянное пребываніе около тебя, подлежишь его вліянію: но не можешь сказать, откуда принеслась та часть воздуха, которая коснулась тебя, и потомъ куда она унеслась, не можешь опредѣлить слѣда пролетѣвшей мимо тебя струи воздуха, который движется сообразно своей природѣ и законамъ, неизвѣстнымъ тебѣ. Подобнымъ образомъ, можно ощущать присутствіе Духа святаго, замѣчать дѣйствіе благодати возрождающей и освящающей: но это дѣйствіе остается неизъяснимымъ и непостижимымъ, не ограничивается ни предѣлами мѣста и времени, ни порядкомъ природы, ни безпорядками и немощами воли. *Духъ идѣже хощетъ, дышетъ, и гласъ его слышиши, но не вѣси, откуду приходитъ, и камо идетъ: тако есть всякъ человѣкъ рожденный отъ Духа.* Жизнь возрожденнаго полна таинъ, и внутренняя и внѣшняя. Душа возрожденнаго— тайна для самаго возрожденнаго, и открыта только Духу святому. А люди часто признаютъ возрожденныхъ юродивыми, безумными, не постигая высокой тайны ихъ благодатной жизни. *Тако есть всякъ человѣкъ рожденный отъ Духа.*

Послѣ сего, казалось бы, нѣтъ мѣста сомнѣнію и вопросамъ: Изъ словъ Спасителя Никодимъ получилъ достаточное свѣдѣніе о новомъ рожденіи; непостижимость таинства должна бы остановить любопытство разума. Нѣтъ! Никодимъ, въ простотѣ сердца и съ недоумѣніями разсудка еще спрашива-

етъ: *како могутъ сія быти?* (ст. 9). Отвѣтъ Спасителя на это возраженіе показываетъ, что ученіе о возрожденіи изложено, хотя и кратко, но достаточно для учителя Израилева, знакомаго съ Писаніемъ и устройствомъ ветхозавѣтной Церкви. Вопросы Никодима, очевидно, простерлись слишкомъ далеко и черезъ рядъ сомнѣній и недоумѣній могли привести его къ сомнѣнію касательно божественности посольства Іисусова. Потому Спаситель, съ нѣкоторою укоризною, отвѣчаетъ ему: *ты еси учитель Израилевъ, и сихъ ли не вѣси? Аминь аминь глаголю тебѣ, яко, еже вѣмы, глаголемъ, и еже видѣхомъ, свидѣтельствуемъ: и свидѣтельства нашего не пріемлете. Аще земная рекохъ вамъ, и не вѣруете: како, аще реку вамъ небесная, увѣруете?* (ст. 10—12). Внимательно изучившій Ветхій завѣтъ, учитель Израилевъ могъ и долженъ былъ знать и пророчества о благодатныхъ временахъ, когда долженствовала открыться новая жизнь по дѣйствію св. Духа, и многія прообразованія св. Крещенія (напр. переходъ чрезъ Чермное море, очищеніе Неемана въ Іорданѣ и пр.). *Ты еси учитель Израилевъ, и сихъ ли не вѣси?*— Отъ своего невѣдѣнія, по крайней мѣрѣ, не дерзай заключать къ невозможности возрожденія, къ несбыточности новаго ученія, или къ невѣдѣнію Учителя, посланнаго отъ Бога говорить одну истину. *Аминь аминь глаголю тебѣ, яко, еже вѣмы, глаголемъ, и еже видѣхомъ, свидѣтельствуемъ; и свидѣтельства нашего непріемлете.* Вы, ученые, книжники, вожди народа, упорствуете въ своихъ предразсудкахъ, идете противъ свидѣтельства очевидцевъ, не изслѣдовавъ дѣла съ полнымъ усердіемъ, вниманіемъ и добросовѣстностію, и потому крайне виноваты и совершенно безотвѣтны. *Свидѣтельства нашего не пріемлете. Аще земная рекохъ вамъ, и не вѣруете: како, аще реку вамъ небесная, увѣруете?*— Въ великой благочестія тайнѣ, въ чудномъ дѣлѣ спасенія нашего, цѣлая бездна таинъ, и только нѣкоторыя стороны сей тайны могутъ быть открываемы человѣку, объясняемы и приближаемы къ ограниченному понятію человѣческому, смотря по нуждамъ и удобопріемлемости членовъ благодатнаго царства Христова. Къ предметамъ послѣдняго рода относится, между прочимъ, таинство крещенія, поколику оно совершается на землѣ, видимымъ образомъ, чрезъ простое дѣйствіе видимое, то есть, чрезъ погруженіе въ воду, которое весьма ясно выражаетъ таинственный, внутренній смыслъ таинства— спогребеніе и совоскресеніе со Христомъ;— притомъ крещеніе только начинаетъ жизнь новую, благодатную, полную чудесъ и таинъ сокровеннѣйшихъ, а для Никодима оно было объяснено знакомымъ явленіемъ въ природѣ земной. Не смотря на все это, Никодимъ очень мало понималъ слова Спасителя, не выразумѣлъ самаго простаго и первоначальнаго *огласшенія*, и тѣмъ обнаружилъ неспособность и неготовность къ уразумѣнію высшихъ предметовъ Христіанскаго ученія. *Аще земная рекохъ вамъ, и не вѣруете: како, аще реку вамъ небесная, увѣруете?* За крещеніемъ долженъ слѣдовать цѣлый рядъ дѣйствій благодати, болѣе чудныхъ и непостижимыхъ; дары Духа святаго изливаются на возрожденнаго обильнѣе и обильнѣе; онъ незримо восходитъ на высшія степени духовнаго совершенства, постепен-

но приближается къ небу и небесному блаженству, и самъ онъ наконецъ становится человѣкомъ небеснымъ и существомъ ангелоподобнымъ. *Аще земная рекохъ вамъ, и не вѣруете: како, аще реку вамъ небеснаа, увѣруете?* Кромѣ ученія о крещеніи, сколько еще предметовъ высшихъ въ проповѣди Евангельской, которые не подлежатъ ни чувствамъ, ни разумѣнію, ни воображенію, непостижимы для разсудка, и немогутъ быть изречены языкомъ человѣческимъ (1 Кор. 2, 9. 2 Кор. 12, 24)! Сколько таинъ, извѣстныхъ однимъ небожителямъ– Ангеламъ и душамъ праведниковъ! Сколько таинъ, непостижимыхъ для самыхъ небожителей, и имѣющихъ открыться въ царствѣ славы, и послѣ откровенія— пребыть предметомъ благоговѣйнаго и блаженнѣйшаго созерцанія для всѣхъ тварей во всю вѣчность!— Никодимъ услышалъ о таинствѣ крещенія: послѣ ему надлежало услышать о *пренебесномъ* таинствѣ Евхаристіи, при совершеніи котораго со страхомъ и трепетомъ предстоятъ небесныя силы. Никодимъ призналъ во Іисусѣ Христѣ учителя и чудотворца, посланнаго Богомъ: скоро онъ долженъ былъ услышать ученіе о единосущіи Іисуса Христа— Единороднаго Сына съ Богомъ Отцемъ,— что св. Златоустъ преимущественно разумѣетъ подъ именемъ *небесныхъ*. Никодимъ пораженъ былъ чудесами Спасителя: но скоро ему надлежало быть свидѣтелемъ чуда чудесъ— страданій и смерти воплотившагося Сына Божія. *Аще земнаа рекохъ вамъ, и не вѣруете; како, аще реку вамъ небеснаа, увѣруете?* Не нужно здѣсь ваше разумѣніе: и простыхъ явленій естественныхъ вы не въ состояніи понять и объяснить, а для принятія истинъ сверхъестественныхъ необходима *вѣра*, которой у васъ не достаетъ. Неразумѣніе истинъ богооткровенныхъ не есть преступленіе: а сомнѣніе есть уже слабость падшей души; упорство, продолжительное пребываніе въ сомнѣніи и невѣріи есть преступленіе противъ Небеснаго Учителя, и путь ведущій къ совершенному невѣжеству и неминуемой погибели (а).

(а) Окончаніе въ слѣд. N.

Кіевъ въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры 2 Апрѣля, 1845 г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 5. НЕДѢЛЯ О САМАРЯНЫНѢ. Маія 9. 1843.

Пойте Богу нашему, пойте, пойте Цареви нашему пойте.
Прокименъ на Литургіи.

На Утрени: Евангеліе воскресное 7-е, Іоан. 20, 1— 10.
На Литургіи: Апостолъ: Дѣян. 11, 19— 26. 29— 30. Евангеліе: Іоан. 4, 5— 42.

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА

таинственное изъясненіе Евангельскаго сказанія о чудесной ловлѣ рыбъ (а).

(Іоан. гл. 21).

Вверзите мрежу одесную страну корабля, и обрящете. Ввергоша же, и ктому не можаху привлещи ея отъ множества рыбъ. Іоан. 21, 6.

Здѣсь Господь означаетъ, какова будетъ Церковь въ концѣ вѣка, такъ какъ при другой ловлѣ (Лук. гл. 5) означалъ, какова Церковь нынѣ. Первое чудо сотворилъ Онъ въ началѣ своей проповѣди, а это послѣ своего воскресенія, показуя тѣмъ, что первая ловля рыбъ означаетъ добрыхъ и злыхъ, какихъ нынѣ имѣетъ Церковь, а эта— только добрыхъ, какихъ будетъ имѣть вѣчно, когда, въ концѣ сего вѣка, исполнится воскресеніе мертвыхъ. Тамъ І. Христосъ, когда повелѣвалъ ловлю рыбъ, не стоялъ на берегу, какъ здѣсь; а взошедъ на одинъ корабль, который принадлежалъ Симону, просилъ его (Симона) отступить мало отъ земли, и сидя на кораблѣ училъ народъ; когда же пересталъ говорить, сказалъ Симону: *поступи о глубину, и вверзите мрежи ваши въ ловитву.* При томъ всѣ пойманныя рыбы тамъ были въ корабляхъ, а здѣсь мрежа извлечена на землю. Сими и другими, какіе можно здѣсь найти, признаками изображена Церковь— въ первомъ случаѣ какова она въ настоящемъ вѣкѣ, а въ другомъ— какова въ концѣ вѣка: потому первое чудо совершено прежде, а второе послѣ воскресенія Господня; тамъ Христосъ изобразилъ насъ званныхъ, а здѣсь воскресшихъ. Тамъ сѣти опускаются не по одну правую сторону, чтобы не означали однихъ добрыхъ, ни по одну лѣвую, чтобъ не означали однихъ злыхъ, а безразлично: *вверзите*, говоритъ, *мрежи ваши въ ловитву*, дабы мы разумѣли вообще— и добрыхъ и злыхъ: но здѣсь говоритъ: *вверзите мрежу одесную страну корабля*, дабы означить тѣхъ, кои стоятъ одесную, то есть добрыхъ. Тамъ сѣть, для означенія расколовъ, проторгалась; а здѣсь, такъ какъ по воскресеніи въ совершенномъ мирѣ святыхъ, никакихъ расколовъ не будетъ, прилично было сказать Евангелисту: *и толико сущимъ, не проторжеся мрежа*, такъ какъ бы онъ имѣлъ въ виду первое проторженіе, и, по сравненію съ тѣмъ зломъ, одобрялъ намъ сіе благо. Тамъ поймано такое множество рыбъ, что наполненныя ими

(а) на Евангг. Іоанна, трактат. 122. § 6.

два корабля погружались, то есть склонялись къ погруженію: они хотя не погрузились, но бѣдствовали. Подобно сему, не отсюго ли происходятъ въ церкви толикія бѣдствія, нами оплакиваемыя, что не льзя воспрепятствовать такому множеству людей, кои, съ своими нравами, совершенно удаленными отъ пути святыхъ, входятъ къ намъ, угрожая попопленіемъ (церковному) благочинію?— Но здѣсь ввергли сѣть по правую сторону, *и ктому не можаху привлещи ея отъ множества рыбъ*. Что значитъ— *ктому не можаху привлещи ея*, какъ не то, что принадлежащіе къ воскресенію живота, то есть, къ десной странѣ, и внутрь мрежи Христіанскаго имени скончавающіеся, явятся только на берегу, т. е. въ концѣ вѣка— по воскресеніи? По сей причинѣ не могли привлечь сѣти, чтобы переложить въ корабль пойманныхъ рыбъ, подобно тому, какъ поступили съ тѣми рыбами, коими прорвана мрежа и корабли были отягчены. Церковь имѣетъ оныхъ десныхъ, по скончаніи сей жизни, во снѣ мира, какъ бы сокрытыхъ во глубинѣ— дотолѣ, пока мрежа, коею влечется, достигнетъ брега.

Перенесеніе мощей Святителя Николая. (9 Маія).

Святитель Христовъ Николай преставился въ 343 году, 6 Декабря, въ Ликійскомъ городѣ Мирѣ, и честныя мощи его, положенныя подъ спудомъ церковнымъ, хранились тамъ неприкосновенно около 750 Лѣтъ. Въ концѣ II. вѣка, въ царствованіе Императора Греческаго, Алексѣя Комнина, свирѣпые Срацины, при нападеніи на Малоазійскія области Греціи, овладѣли Ликіею и городомъ Мирѣ совершенно разорили. Сіоль бѣдственное событіе послужило благопріятнымъ случаемъ къ прославленію нетлѣнныхъ остатковъ великаго Праведника, просіявшаго Святительскимъ служеніемъ своимъ въ странѣ Ликійской. Богу не угодно было, чтобы сей свѣтильникъ міра оставался подъ спудомъ, въ опустошенномъ городѣ, безъ подобающаго почитанія, и чтобы приснотекущій источникъ чудесныхъ исцѣленій былъ недоступенъ для желавшихъ почерпать изъ него. Въ слѣдствіе сего, чрезъ нѣсколько времени послѣ нашествія варваровъ, святый Николай внушилъ, въ ночномъ видѣніи, нѣкоему Пресвитеру въ Апулійскомъ городѣ Барѣ, перенести въ сей городъ мощи его изъ Мира Ликійскаго (a). Когда Пресвитеръ возвѣстилъ о семъ видѣніи церковному клиру и всѣмъ гражданамъ; тогда они, обрадованные столь великимъ даромъ Божіимъ, немедленно избрали знатнѣйшихъ между ими мужей и съ нѣсколькими священнослужителями отправили на корабляхъ въ Ликію для препровожденія оттуда остатковъ великаго Чудотворца. Посланные, въ видѣ странствующихъ промышленниковъ, прибыли въ Миръ, и тамъ въ одной церкви, по указанію нѣкоторыхъ черноризцевъ, обрѣли въ землѣ раку Святителя, наполненную благоуханнымъ мѵромъ, истекшимъ отъ Мощей Его, которыя тогда же были взяты ими безпрепятственно и руками священническими перенесены на корабль. Съ симъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ отправились они изъ Мира Ликійскаго въ 11 день Апрѣля и возвратились въ Баръ 9 Маія, вечеромъ въ день недѣльный. Жители

(a) Чет. Мин. 9 Маія.

города, предшествуемые священнымъ клиромъ со свѣтильниками и духовными пѣснопѣніями, немедленно всѣ вышли къ берегу, и принявъ съ радостію и честію святыя Мощи Угодника Божія, положили ихъ въ ближайшей къ морю церкви Іоанна Предтечи. Испытавъ чудодѣйственную силу ихъ, оказавшуюся въ многочисленныхъ исцѣленіяхъ, признательные Баряне, соорудили во имя чудотворца Николая великолѣпный каменный храмъ, устроили серебряную позлащенную раку, и въ третій годъ послѣ пренесенія Мощей изъ Мира, собравъ изъ окрестныхъ странъ Архіереевъ и Пресвитеровъ, совершили торжественное перенесеніе ихъ изъ церкви Предтечевой въ новопостроенный храмъ и положили въ приготовленной для того ракѣ, въ алтарѣ. Но по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, по волѣ самаго Святителя, возвѣщенной нѣкоему иноку въ видѣніи, честныя Мощи Его поставлены подъ святою трапезою въ томъ же самомъ алтарѣ, гдѣ и донынѣ почиваютъ, являя чудодѣйствія на пользу вѣрныхъ. Поелику перенесеніе ихъ изъ Мира въ Баръ, и потомъ изъ одного храма въ другой, послѣдовало въ 9 день Маія; то Христіанскіе священноначальники постановили праздновать оба перенесенія въ одинъ день, каковое празднованіе неизмѣнно продолжается до настоящихъ временъ, преимущественно въ Греко-Россійской православной Церкви. Въ пѣсняхъ своихъ, восхваляя великаго Чудотворца, она взываетъ въ сей день: „Взыде яко звѣзда отъ Востока до Запада, Мощи святаго Николая, море освятися шествіемъ ихъ, градъ Барскій радуется, и съ нимъ вселенная вся ликовствуетъ (б).“

(б) Церк. служба 9 Маія.

Для объясненія причины, почему угодно было Богу, чтобы Мощи Святителя Николая перенесены были съ Востока на Западъ, отдѣлившійся уже тогда отъ православной Церкви, одинъ благомыслящій писатель говоритъ слѣдующее: „Да не удивляетъ тя, яко отъ восточныхъ странъ тѣлеса святыхъ, озлобленію отъ нечестивыхъ Агарянъ на православіе пришедшу, изволи Богъ на западъ преселити, яко же и Николая святаго въ Баръ. Ниже бо паче ради благочестія западныхъ бысть сіе, ниже аки бы зловѣрія ради восточныхъ: ибо восточніи благодатію Божіею во благочестіи отецъ своихъ непорочни пребываютъ даже донынѣ. Тѣлеса убо святыхъ своихъ Богъ отъ Востока на Западъ, яко же живыя нѣкія Апостолы препосла, чудодѣйствіями увѣщавая тамошнихъ, яшася паки перваго съ восточными непремѣннаго исповѣданія вѣры: не тако бо правовѣрныхъ ради чудеса бываютъ, ниже къ таковымъ посылаются ученицы Христовы на проповѣдь, но во языки: ни посредѣ кротькихъ, но яко овцы посредѣ противныхъ имъ“. (в)

Извѣстно впрочемъ, что Апулія, область южной Италіи, въ коей находится городъ Баръ, только по географическому положенію своему принадлежитъ къ землямъ западнымъ; но въ то время, когда перенесены туда Мощи Святителя Николая, она, по церковному управленію, состояла подъ властію Константинопольскихъ Патріарховъ, и жители ея исповѣдовали вѣру православной восточной Церкви (г). Хотя въ половинѣ 11 столѣтія овладѣли ею Норманны; однакожъ обитавшіе тамъ Хри-

(в) Прол. 9 Маія.

(г) Зонар. Том. 3. Барон. Том. 10.

стіане сохранили прежнее православіе восточное, съ зависимостію отъ Греческаго священноначалія, какъ это явствуетъ между прочимъ изъ посланія Патріарха Константинопольскаго, Михаила Керуларія, къ Антіохійскому Патріарху Петру. Православная вѣра оставалась господствующею въ сей странѣ до конца 12 вѣка, именно, до 1196 года, когда западные Христіане Римскаго исповѣданія, побѣдивши и изгнавши Норманновъ, утвердили въ ней свое владычество и распространили заблужденія свои; каковая перемѣна послѣдовала спустя уже сто лѣтъ по перенесеніи туда мощей чудотворца Николая. Впрочемъ и нынѣ еще есть нѣсколько православныхъ церквей и монастырей въ южныхъ областяхъ Италіи, издревле населенныхъ Греками и потому именовавшихся въ древности Великою Греціею. Такимъ образомъ честныя Мощи Святителя Николая, перенесенныя въ царствованіе Императора Алексѣя Комнина изъ Мура Ликійскаго въ Баръ Апулійскій, перенесены были изъ Малой Греціи въ Великую, отъ православныхъ къ православнымъ; почему и праздникъ, въ память сего событія установленный, принадлежитъ преимущественно Церкви православной.

СЛОВО

НА ПАМЯТЬ Прп. Діонисія Глушицкаго, СКАЗАННОЕ ВЪ Глушицкомъ Монастырѣ.

Аще узриши мя вземлема отъ тебе, будетъ ти тако; аще ли не узриши, не будетъ. 4 Цар. 2, 10.

Такъ говорилъ Пророкъ Илія ученику своему и преемнику Пророку Елисею просившему у него, предъ взятіемъ его на небо, въ наслѣдіе себѣ *духа сугуба*, то есть силу благодати вдвое противъ той, которая обитала въ Иліи. Елиссей въ точности исполнилъ дивное условіе; удостоился видѣть какъ *колесница огненная и кони огненные* возхитили учителя его на небо; посему и сподобился пріять просимое: падшая на него сверху милость Иліина дала знать, что вмѣстѣ съ нею прешелъ на него и духъ Иліинъ.

Мы, брат., не зрѣли возносимою на небо чистой и святой души великаго и святаго основателя обители сей, нынѣ благочестно нами ублажаемаго; никто изъ насъ не просилъ у него предъ кончиною духа, тѣмъ паче сугубаго: и однакоже онъ, отходя на небо оставилъ, подобно древнему Пророку, намъ милость свою, и какую милость? Не одежду,— хотя и она отъ святыхъ Божіихъ не мало значитъ,— а свое нетлѣнное тѣло, которое, какъ милость, служило нѣкогда покровомъ для чистой и святой души его.—

Для чего оставилъ? Скажемъ необинуясь, что для тогоже, для чего оставлена была Иліина милость Елиссею, то есть, чтобы въ насъ, если возможно, былъ духъ праведника сугубъ. Ибо судите сами, если обыкновенная милость служила знакомъ духа сугубаго; то милость намъ оставленная, составляющая сама по себѣ великое чудо, не можетъ не быть знакомъ и залогомъ величайшихъ дарованій. И такъ могій вмѣстить да вмѣститъ!— У того, кто даетъ способнымъ *духа безъ мѣры*, станетъ духа для всякаго— въ мѣру возраста его.

Но большей части изъ насъ далъ бы Господь имѣть хотя тотъ благой духъ,

который обиталъ въ ублажаемомъ нами праведникѣ. Ибо какихъ благихъ качествъ не имѣли бы, какихъ благихъ дѣлъ не совершили бы мы, если бы оживлены были духомъ Христовымъ въ той мѣрѣ, въ какой исполненъ былъ имъ Преподобный Діонисій?

Если бы кто почелъ и эту мѣру не по себѣ и своимъ слабостямъ, тотъ возми меньшую, возми, если угодно, самую малую; но надобно взять какую либо непремѣнно. Ибо для чегоже оставлена и тебѣ, на равнѣ съ другими, чудесная милость? Уже ли для того, чтобы ты поклонялся ей и лобызалъ ее, не заемля нисколько духа у угодника Божія?— Но, для сего стоило ли бы ей цѣлые вѣки оставаться невредимою отъ тлѣнія?— Стоило ли бы для сего и намъ, оставивъ все, домы и дѣла наши, собираться въ такомъ числѣ въ сію пустыню?— Нѣтъ, сія чудесная милость оставлена намъ, безъ сомнѣнія, для какого либо святаго употребленія: какого? Елиссей милотію Иліиною раздѣлилъ Іорданъ и прешелъ его по суху; а мы милотію угодника Божія будемъ раздѣлять потокъ времени и всего временнаго, потокъ удовольствій и сладостей мірскихъ, потокъ худыхъ примѣровъ и соблазновъ, тотъ потокъ, въ коемъ многіе утопаютъ такъ безгодно. Какъ раздѣлять? Повергая въ него милость Преподобнаго. Тебя напр. окружаетъ потокъ чувственности и нечистыхъ удовольствій, ты самъ видишь, что можешь въ глубинѣ его погибнуть; стань мысленно у гроба Преподобнаго, имись вѣрою за святые мощи его, и потокъ соблазновъ житейскихъ разступится предъ Тобою, ты прейдешь его, какъ Елиссей Іорданъ, безвредно. Предъ тобою потокъ неправеднаго прибытка, стопы твои скользятъ подъ нимъ; ты готовъ повергнуться во глубину его стремглавъ: спѣши мысленно къ чудесной милости Преподобнаго, укройся подъ нее сердцемъ смиреннымъ, воззови къ нему изъ глубины души о помощи;— и потокъ раздѣлится, корысть неправедная представится тебѣ во всей ея черноть и потеряетъ силу влечь тебя за собою. Тебѣ оказана несправедливость, ты оскорбленъ жестоко; потокъ гнѣва кипитъ въ сердцѣ, и готовъ излиться въ словахъ студныхъ, въ ропотѣ и хулѣ: вспомни о милости Преподобнаго, о томъ, что ты лобызалъ свят. мощи его, и уста, отверстыя на хулу, сомкнутся.

Такъ надобно поступать и въ другихъ случаяхъ. Не должно скучать, если святая милость не вдругъ окажетъ свое благотворное дѣйствіе. И Елиссей милотію Иліиною не вдругъ раздѣлилъ Іорданъ, долженъ былъ повергнуть въ него сію милость дважды. *И ударн Елиссей воды второе,* пишется въ книгѣ царствъ, *и разступишася воды сюду и сюду, и прейде по суху.* Такъ поступай и ты; ставь себя мысленно какъ можно чаще у святыхъ мощей угодника, и не отступай отъ него, доколѣ не почувствуешь въ себѣ присутствія благаго и крѣпкаго духа его. Ибо не напрасно же онъ оставилъ намъ всѣмъ такую милость— свои нетлѣнныя мощи, когда мы напрасно не оставимъ нигдѣ своего платья. Аминь.

Бесѣда Спасителя съ Никодимомъ, о возрожденіи (б).

Никтоже взыде на небо, токмо сшедый сѣ небесе, Сынъ человѣческій, сый на небеси (ст. 13). Никодимъ призналъ во Іисусѣ богоугоднаго человѣка, посланнаго отъ Бога: Спаситель даетъ ему знать, что Онъ— Владыка неба и земли, по своей волѣ нисходящій съ неба и восходящій на небо, Господь вездѣсущій, всегда пребывающій на небѣ, хотя Никодимъ и видитъ Его предъ собою въ смиренномъ образѣ Сына человѣческаго. И потому, только Спаситель можетъ сообщить людямъ ученіе о предметахъ небесныхъ и волю Отца небеснаго; а изъ людей, даже изъ Ангеловъ— никто; потому что никто не былъ тамъ, гдѣ всегда пребываетъ Единородный Сынъ Божій. Только во Іисусѣ Христѣ сокрыты всѣ сокровища премудрости и вѣдѣнія (Кол. 2, 3.); только въ Его рукахъ ключи царствія; только отъ Него можно получить истинную премудрость и вѣчную жизнь. *Никто же взыде на небо, токмо сшедый сѣ небесе, Сынъ человѣческій, сый на небеси.* Не удивительно, если при семъ многія вѣщанія небесныя непонятны земнороднымъ: здѣсь требуется только вѣра и довѣренность къ небесному Учителю, Единородному Сыну Божію.

Такимъ образомъ Спаситель возвелъ мысли Никодима къ небу, и сообщивъ ему понятіе о своемъ Божествѣ, открываетъ ему тайну своего пришествія на землю, главную цѣль своего явленія въ смиренномъ образѣ Сына человѣческаго, то есть страданіе и смерть свою, какъ единственное основаніе возрожденія, единственное условіе, подъ которымъ Духъ Святый сошелъ на родъ человѣческій и возрождаетъ всѣхъ членовъ благодатнаго царства. *И якоже Моисей вознесе змію вѣ пустыни, тако подобаетъ вознестися Сыну человѣческому* (ст. 14). Сими словами могли разсѣяться самыя пламенныя мечтанія. Дѣло идетъ не о славѣ Мессіи и Его царствѣ, а о смерти Его. Учитель Израилевъ долженъ былъ понимать ветхозавѣтный прообразъ, особливо когда ему указано и прообразуемое событіе. Вознесеніе змія Моисеемъ на древо въ пустынѣ, исцѣленіе уязвленныхъ Израильтянъ чрезъ одно воззрѣніе на вознесенную змія, есть само по себѣ тайна, располагающая къ благоговѣйному размышленію, заставляющая естественно предполагать высшую причину исцѣленія, врачевство пренебесное. И здѣсь опять видно снисхожденіе Спасителя къ немощному Никодиму, когда Онъ указываетъ на такой прообразъ, который имѣетъ ближайшую и очевидную связь съ вознесеніемъ Спасителя на древо крестное, для исцѣленія всего рода человѣческаго отъ неисцѣльной и застарѣлой болѣзни. *И якоже Моисей вознесе змію вѣ пустыни, тако подобаетъ вознестися Сыну человѣческому.*

При сихъ словахъ въ душѣ Никодима могла опять подняться буря сомнѣній. Владыка неба и земли, единственный Учитель людей, сшедшій съ неба, имѣющій вознестися на небо, и вѣчно пребывающій на небѣ, долженъ быть вознесенъ на древо: какъ это можетъ статься? для чего *подобаетъ* такое чудное и плачевное вознесеніе?... Спаситель, для успокоенія Никодима, указываетъ на первую причину смерти своей, на безконечно— великій плодъ

(б) Окончаніе. См. начало въ N 4.

оной, и на необходимость вѣры для усвоенія плода искупленія и для принятія проповѣди Евангельской, полной таинъ непостижимыхъ. *Подобаетъ вознестися Сыну человѣческому: да всякъ вѣруяй въ Онь не погибнетъ, но имать животъ вѣчный. Тако бо возлюби Богъ міръ, яко и Сына своего Единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Онь, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный. Не посла бо Богъ Сына своего въ міръ, да судитъ мірови, но да спасется Имъ міръ. Вѣруяй въ Онь нѣсть осужденъ* (ст. 14—18).

Не мѣсто здѣсь сомнѣніямъ, недоумѣніямъ, вопросамъ и любопытству: благоговѣй и благодари Бога. Страшное, необыкновенное вознесеніе ожидаетъ Сына человѣческаго: но здѣсь-то и выразилась вся безпредѣльная любовь Бога, какъ никогда и нигдѣ не выражалась доселѣ; смерть Его есть тайна и опредѣленіе Бога Отца, возлюбившаго упорный, грѣшный и неблагодарный міръ до того, что, ради грѣховъ его, предалъ на смерть единороднаго и возлюбленнаго Сына своего. Такъ любить можетъ только одинъ Богъ; постигнуть сію любовь, измѣрить всю глубину, высоту и широту сей любви можетъ только безконечный умъ Бога всевѣдущаго. И нѣтъ ничего безумнѣе и пагубнѣе, какъ въ величайшемъ дѣлѣ любви и премудрости Божіей находить поводъ къ сомнѣніямъ, ропоту и недовольству дѣлами промысла Божія! *Тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына своего Единороднаго далъ есть.* Для чего *далъ?* для чего *подобало* Сыну вознестися на древо?— *Да всякъ вѣруяй въ Онь не погибнетъ, но имать животъ вѣчный.* Вотъ цѣль и плодъ крестной смерти Спасителя! Люди, падшіе и многократно падавшіе, подверглись ужаснѣйшему несчастію— вѣчной смерти: Сынъ Божій возвращаетъ имъ потерянное ими и единственное благо— вѣчную жизнь, для которой существуетъ человѣкъ въ настоящей жизни, и безъ которой лучше человѣку не существовать. Не смущайся же и не соблазняйся мыслію о крестѣ и о смерти Спасителя; не бойся за Его жизнь! Кто можетъ сообщить другимъ вѣчную жизнь, тотъ самъ не можетъ оставаться на всегда въ области смерти. Смерть Спасителя есть спасеніе міра. Неминуемое слѣдствіе грѣха было осужденіе на вѣчное мученіе: но Богу Отцу благоугодно было избавить міръ отъ сего осужденія чрезъ крестныя страданія своего Сына. Для осужденія довольно бы одного слова Божественнаго: такое чудное средство, какова смерть воплотившагося Сына Божія, необходимо было не для осужденія, а для спасенія міра. *Не посла бо Богъ Сына своего въ міръ, да судитъ мірови, но да спасется имъ міръ.* Безъ Спасителя міръ уподоблялся человѣку, заключенному въ мрачной темницѣ. Но вотъ *пришелъ въ міръ свѣтъ* небесный, озарилъ все существо человѣческое: уму далъ свѣтъ богопознанія, волѣ— святость, сердцу— чистоту. Свѣтъ самъ пришелъ въ міръ, безъ исканія и заслугъ человѣческихъ. *Тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына своего Единороднаго далъ есть... Не посла Богъ Сына своего въ міръ, да судитъ мірови, но да спасется Имъ міръ.*

Но люди, съ своей стороны, обязаны принять пришедшаго Спасителя, возлюбить явившійся свѣтъ, участвовать въ дѣлѣ собственнаго спасенія свободно, для собственнаго блага и изъ благодарности къ Богу Спасителю. Богъ предалъ за нихъ самое драгоцѣннѣйшее— Единороднаго Сына своего: люди дол-

жны дорожить этою милостію Божіею, всѣмъ пожертвовать для измѣненія своей природы и дѣятельности, для полнаго возрожденія и усвоенія плодовъ искупленія. Участіе ихъ въ дѣлѣ своего спасенія выражается, по указанію Спасителя, *вѣрою и добрыми дѣлами*. Только *вѣрующій* не погибнетъ, а имѣетъ животъ вѣчный; только вѣрующій не подлежитъ осужденію (ст. 15. 16. 18). Дарованіе жизни вѣчной, средство искупленія, плоды смерти крестной, догматы и правила жизни— все такъ возвышенно и непостижимо, что усиліе понять своимъ разумомъ было бы безразсудно и безполезно: необходима вѣра, подчиненіе разума свидѣтельству небесному, отреченіе отъ самодѣльной мудрости. Это— первое условіе, со стороны человѣка, необходимое для спасенія: *вѣруяй нѣсть осужденъ*. Но кто искренно вѣруетъ, тотъ непремѣнно и *творитъ истину*, постоянно стремится къ явившемуся свѣту, обнаруживаетъ свою вѣру дѣлами богоугодными, сообразными съ опредѣленіями воли Божіей,— и съ этими дѣлами дерзновенно является предъ лице самаго правосуднаго Бога: потому что они *о Бозѣ содѣлана суть* (ст. 21). Все доброе въ немъ— Божіе; всѣ немощи покрываются милосердіемъ Божіимъ: слѣдовательно, для осужденія такой человѣкъ ничего не представляетъ. Отъ діавола онъ совершенно отрекся; возрожденная природа его свободна отъ тлѣнія и смерти; весь онъ— новое твореніе благодати Божіей, достойное, по милости Божіей, вѣчнаго живота и благоволенія Отца небеснаго. *Творяй истину, грядетъ къ свѣту, да явятся дѣла его, яко о Бозѣ суть содѣлана*.

Изъ сего необходимо слѣдуетъ, что *невѣріе* и *нечестіе*, неразлучныя какъ *вѣра* и *благочестіе* суть главныя препятствія къ духовному возрожденію и вѣчному блаженству,— главныя и важнѣйшія преступленія людей, отвергнувшихъ Спасителя,— главныя причины праведнаго осужденія на вѣчныя мученія. Невѣры и нечестивцы не избѣжатъ этого осужденія. *Не вѣруяй уже осужденъ есть, яко не вѣрова во имя Единороднаго Сына Божія*. Богъ послалъ Сына своего къ грѣшнымъ людямъ не съ судомъ, а съ прощеніемъ и милостію; употребилъ для ихъ спасенія средство единственное и дѣйствительнѣйшее: а они не вѣруютъ, отвераютъ, ругаются... Но другаго средства ко спасенію нѣтъ, другаго Спасителя нѣтъ; и потому погибель ихъ неизбѣжна. Какъ они убѣжатъ, нерадѣвши о толикомъ спасеніи? Чѣмъ больше любовь и благо, даруемое любовію; тѣмъ больше виновность и наказаніе за отверженіе любви и блага.— Открываемыя тайны преподаны и объяснены самимъ Богомъ, низводятся до послѣдней степени простоты, облекаются въ понятнѣйшія слова и выраженія, сами въ себѣ содержатъ источникъ сладчайшихъ утѣшеній и небесныхъ радостей, и усвояются при постоянной помощи Божіей. Послѣ сего *невѣруяй уже осужденъ есть* при самомъ отверженіи благовѣстія Христова: слово, имъ слышанное, обличитъ его въ послѣдній день (Іоан. 12, 48).— *Свѣтъ пришелъ въ міръ*, явился людямъ: но— увы!— люди захотѣли остаться во тьмѣ, пристрастились къ ней, закоснѣли въ худыхъ дѣлахъ, боятся обличенія и исправленія, скрываются отъ свѣта въ свой мракъ. Этого мало, они даже дерзаютъ ненавидѣть и преслѣдовать Божественный свѣтъ, гнать всѣхъ послѣдователей Іисуса Христа, и всюду рас-

пространять свой любимый мракъ. Что будетъ съ такими людьми? Будетъ то, что они сами избрали. Они возлюбили мракъ— невѣжество, невѣріе и нечестіе: необходимо имъ вѣчно остаться во мракѣ, во тьмѣ кромѣшней, въ мѣстѣ вѣчныхъ страданій. Кто упорствуетъ въ нечестіи, немощи превратилъ въ пороки, слабости— въ неистребимыя привычки и въ природу; тотъ неисправимъ, тотъ находится въ состояніи, подобномъ состоянію діавола. *Невѣруяй уже осужденъ есть, яко не вѣрова во имя Единороднаго Сына Божія. Сей же есть судъ, яко свѣтъ пріиде въ міръ, и возлюбиша человѣцы паче тму, неже свѣтъ: бѣша бо ихъ дѣла зла. Всякъ бо дѣлаяй злая, ненавидитъ свѣта, и не приходитъ къ свѣту, да не обличатся дѣла его, яко лукава суть* (ст. 18— 20). „Невозможно „просвѣщенныхъ единою, и вкусившихъ „дара небеснаго, и причастниковъ быв„шихъ Духа святаго, и добраго вкусив„шихъ Божія глагола, и силы гряду„щаго вѣка, и отпадшихъ, паки обно„вляти въ покаяніе, второе распинаю„щихъ Сына Божія себѣ, и обличаю„щихъ. Земля бо пившая сходящій на „ню множицею дождь, и раждающая бы„лія добрая онымъ, имиже и дѣлаема „бываетъ, пріемлетъ благословеніе отъ „Бога: а износящая тернія и волчецъ, „непотребна есть и клятвы близъ, ея„же кончина въ пожженіе (Евр. 6, 4—8). „Волею согрѣшающимъ намъ по пріятіи „разума истины, ктому о грѣсѣхъ не „обрѣтается жертва: страшно же нѣ„кое чаяніе суда, и огня ревность поясти „хотящаго сопротивныя. Отвергійся кто „закона Моисеова, безъ милосердія, при „двоихъ или тріехъ свидѣтелехъ, уми„раетъ. Колико мните горшія сподо„бится муки, иже Сына Божія попра„вый, и кровь завѣтную скверну воз„мнивъ, еюже освятися, и Духа благо„дати укоривый?„ (Евр. 10, 26— 29). Такъ! осужденіе невѣрующаго, нечестивца и отступника— неизбѣжно!

Христіанинъ, желающій удостоиться благодатнаго возрожденія, и блаженной жизни со всеблаженнымъ Спасителемъ! Иди неуклонно правымъ путемъ къ царствію Божію, употребляй богодарованныя средства, и отклоняй всѣ препятствія ко спасенію.

Первое препятствіе, какъ видимъ изъ прочитанной нами Евангельской исторіи, есть *невѣжество*, незнаніе истинъ, необходимыхъ для спасенія, подчиненіе предразсудкамъ. Истины Христіанскія такъ высоки, блага, даруемыя Спасителемъ, такъ вожделѣнны, что они вполнѣ стоятъ всего нашего вниманія, благоговѣйнаго размышленія, тщательнаго и постояннаго *изученія*. „Вѣкъ живи, вѣкъ учись„ всему, но особливо Христіанству. Что за Христіанинъ, который едва— едва изучилъ въ дѣтствѣ *православный Катихизисъ*, и больше ничего Христіанскаго не хочетъ знать; а съ теченіемъ времени забываетъ и Катихизисъ, воображая, что Христіанство нужно только для дѣтскаго возраста и для нѣкоторыхъ сословій?.. Что за Христіанинъ, который не хочетъ знать даже Катихизиса, не принимаетъ на себя труда— заучить на память главнѣйшіе и важнѣйшіе догматы вѣры и правила Христіанской жизни?— Что за Христіанскій ученый, который *все* знаетъ, и не знаетъ Христіанства?— О, да будетъ вездѣ просвѣщеніе, но просвѣщеніе Христіанское! Безъ другаго свѣта можно обойтись: безъ свѣта Христіанства— не возможно, кто по небрежности, нерадѣнію, пре-

зрѣнію, не изучаетъ святой Вѣры, тотъ безотвѣтенъ предъ Богомъ. *Сей же есть судъ, яко свѣтъ пріиде въ міръ: и возлюбиша человѣцы паче тму, нежели свѣтъ.* Ты учитель и ученый Израилевъ: и сихъ ли не вѣси?—

Второе препятствіе есть *невѣріе*, обыкновенно начинающееся благовиднымъ *сомнѣніемъ* касательно высшихъ истинъ, но собственно происходящее изъ внутренняго сердечнаго *нечестія*. Сомнѣніе при нѣкоторыхъ случаяхъ, или при первой встрѣчѣ съ предметами сверхъестественными, извинительно, какъ немощь падшаго человѣка, начавшаго паденіе сомнѣніемъ и потомъ всегда повторяющаго сомнѣніе: невѣріе— плодъ сомнѣнія, слѣдствіе упорнаго пребыванія въ состояніи сомнѣнія, есть явный признакъ намѣренной недовѣрчивости къ небесному свидѣтельству, крайне преступно и прямо ведетъ къ вѣчной погибели. Противоположи невѣрію— спасительную *вѣру*, благопокорливость ума, и ты будешь истиннымъ Христіаниномъ. Если и родится сомнѣніе: не любуйся имъ, и надолго не оставайся въ немъ;— отъ сомнѣнія недалеко до подозрѣнія и невѣрія. Если явилась въ душѣ твоей пытливость— эта прихоть ума: не позволяй ей переходить границы позволеннаго, усмири, пока временная прихоть не превратилась во всегдашнюю привычку. Пытливостію ничего не достигнешь; непостижимаго никогда не поймешь. *Только вѣрующій не будетъ осужденъ.*—

Третіе препятствіе къ возрожденію и спасенію, указанное самимъ Спасителемъ, есть *нечестіе* и закоснѣніе во грѣхахъ. Погрѣшности и слабости въ падшемъ человѣкѣ неизбѣжны и извинительны, и требуютъ только исправленія и очищенія. Но постоянно— порочная жизнь, упорство во грѣхахъ, пристрастіе къ дѣламъ тьмы, простирающееся до того, что человѣкъ пьетъ нечестіе какъ воду, прихоти превратилъ въ природу, любитъ зло для зла, находитъ наслажденіе въ распространеніи зла— о! это ужасное состояніе, непроходимою бездною отдѣляющее человѣка отъ неба; это грѣхъ противъ Духа святаго, противленіе прямой и очевидной истинѣ, это несчастіе нѣкъ немногихъ людей, которые еще здѣсь осуждены (ст. 18.) на вѣчныя мученія. Богъ до времени удерживаетъ карающую десницу свою; но и это не на радость нечестивцу; это значитъ, что Богъ попускаетъ *сквернному сквернится еще* (Апок. 22, 11.) и дополнять мѣру беззаконій и будущихъ мученій.

Да сохранитъ насъ Господь Богъ отъ такого страшнаго состоянія, всесильною Благодатію своею! Да просвѣтитъ нашъ разумъ, да укрѣпитъ волю въ добрѣ, да поможетъ нашему невѣрію превратиться въ несомнѣнную вѣру, да очиститъ наше сердце отъ лукавыхъ помысловъ и начинаній!—

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 9 Апрѣля, 1843. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 6. НЕДѢЛЯ О СЛѢПОМЪ. Маія 16. 1843.

Помолитеся, и воздадите Господеви Богу нашему.

Проким. на литургіи.

На Утрени: Евангеліе воскресное 8-е, Іоан. 20, 11—18.
На Литургіи: Апост. Дѣян. 11, 19—26. 29—30. Еванг. Іоан. 4, 5—42.

ВОЗНЕСЕНІЕ ГОСПОДНЕ.

I. Пророческое изображеніе Вознесенія Господня.

Рече Господь Господеви моему: сѣди одесную мене, дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ. Съ тобою начало въ день силы твоея, во свѣтлостехъ святыхъ твоихъ: изъ чрева прежде денницы родихъ тя. (Псал. 109, 1. 3). Возмите врата князи ваша, и возмитеся врата вѣчная, и внидетъ Царь славы. Кто есть сей Царь славы? Господь крѣпокъ и силенъ, Господь силенъ въ брани (Псал. 23, 7. 8). Возшелъ еси на высоту, плѣнилъ еси плѣнъ, пріялъ еси даяніе въ человѣцѣхъ (Псал. 67, 19). Взыде Богъ въ воскликновеніи, Господь во гласѣ трубнѣ (Псал. 46, 6). Пойте Богу нашему, воспойте Господеви, возшедшему на небо небесе (Псал. 67, 34). Яко царь всея земли Богъ. Воцарися Богъ надъ языки. Богъ сѣдитъ на престолѣ святѣмъ своемъ (Псал. 46, 8. 9). Се день Господень грядетъ, и станутъ нозѣ Его въ день онъ на горѣ Елеонстѣй, яже есть прямо Іерусалиму на востокъ. И изыдетъ вода жива изъ Іерусалима, полъ ея въ море первое, и полъ ея въ море послѣднее: и въ жатву и весну будетъ тако. И будетъ Господь въ Царя по всей земли: въ день онъ будетъ Господь единъ, и имя его едино (Зах. 14, 4. 8. 9).

II. Евангельское сказаніе о Вознесеніи Господнемъ.

Воскресъ Іисусъ, явися единомунадесяте, и рече имъ: шедше въ міръ весь, проповѣдите Евангеліе всей твари (Марк. 16, 15). Яко тако подобаше проповѣдатися во имя Его покаянію, и отпущенію грѣховъ во всѣхъ языцѣхъ, наченше отъ Іерусалима (Лук. 24, 47). Изведъ же ихъ вонъ до Виѳаніи, и воздвигъ руцѣ свои и благослови ихъ. И бысть, егда благословляше ихъ, отступи отъ нихъ, и возношашеся на небо (Лук. 24, 50. 51.); и облакъ подъятъ Его отъ очію ихъ. И егда взирающе бяху на небо, идущу Ему, и се мужа два стаста предъ ними во одежди бѣлѣ,

иже и рекоста: мужіе Галилейстіи, что стоите, зряще на небо? Сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо, такожде пріидетъ, имже образомъ видѣсте Его идуща на небо (Дѣян. 1, 9— 11). Тогда возвратишася во Іерусалимъ отъ горы нарицаемыя Елеонъ, яже есть близъ Іерусалима (Дѣян. 1, 12.); и изшедше проповѣдаша всюду, Господу поспѣшествующу, и слово утверждающу послѣдствующими знаменми (Марк. 16, 20).

III. Апостольское ученіе о Вознесеніи Господнемъ.

Богъ отецъ нашихъ прослави Отрока своего Іисуса (Дѣян. 3, 13.), воскресивъ Его отъ мертвыхъ и посадивъ одесную себе на небесныхъ, превыше всякаго начальства и власти и силы и господства, и вся покори подъ нозѣ Его: и того даде главу выше всѣхъ Церкви (Еф. 1, 20— 22). И никто же взыде на небо, токмо сшедый съ небесе, Сынъ человѣческій (Іоан. 3, 13). Иже есть одесную Бога, возшедъ на небо, покоршимся ему Ангеломъ и властемъ и силамъ (1 Петр. 3, 22); Его же Богъ положи наслѣдника всѣмъ, иже сый сіяніе славы и образъ ипостаси Его, нося же всяческая глаголомъ силы своея, собою очищеніе сотворивъ грѣховъ нашихъ, сѣдѣ одесную престола величествія на высокихъ, толико лучшій бывъ Ангеловъ, елико преславнѣе паче ихъ наслѣдствова имя (Евр. 1, 3. 4). Его же подобаетъ небеси убо пріяти даже до лѣтъ устроенія всѣхъ, яже глагола Богъ усты всѣхъ святыхъ своихъ Пророкъ отъ вѣка (Дѣян. 3, 21). Подоваетъ бо Ему царствовати, дондеже положитъ вся враги подъ ногама своима (1 Кор. 15, 25).

И насъ съ Нимъ воскреси, и посади на небесныхъ во Христѣ Іисусѣ; зане тѣмъ имамы приведеніе въ Дусѣ ко Отцу (Ефес. 2, 6. 18).

Аще убо воскреснусте со Христомъ, вышнихъ ищите, идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя, горняя мудрствуйте, а не земная: умросте бо, и животъ вашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ. Егда же Христосъ явится, животъ вашъ, тогда и вы съ Нимъ явитеся въ славѣ (Кол. 3, 1— 4). Наше житіе на небесѣхъ есть, отонудуже и Спасителя ждемъ, Господа нашего Іисуса Христа, иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти ему сообразну тѣлу славы Его, по дѣйству еже возмогати Ему и покорити себѣ всяческая (Фил. 3, 20. 21).

Такова имамы Первосвященника, иже сѣде одесную престола величествія на небесѣхъ, святымъ служитель, и скиніи истиннѣй, юже водрузи Господь, а не человѣкъ (Евр. 8, 1. 2). Архіерей грядущихъ благъ, большею и совершеннѣйшею скиніею, нерукотворенною, сирѣчь, не сея твари, ни кровію козлею, ниже телчею, но своею кровію, вниде единою во святая, вѣчное искупленіе оврѣтый (9, 11. 12). Не въ рукотворенная бо святая вниде, противообразная истинныхъ, но въ самое небо,

нынѣ да явится лицу Божію о насъ (9, 24). Едину о грѣсѣхъ принесъ жертву, всегда сѣдитъ одесную Бога, прочее ожидая, дондеже положатся враги Его подножіе ногъ Его (10, 12. 13). Имуще убо дерзновеніе, братіе, входити во святая кровію Іисусъ Христовою, путемъ новымъ и живымъ, его же обновилъ есть намъ завѣсою, сирѣчь, плотію своею, и Іерея велика надъ домомъ Божіимъ: да приступаемъ съ истиннымъ сердцемъ во извѣщеніи вѣры, окроплени сердцы отъ совѣсти лукавыя, и измовени тѣлесы водою чистою, да держимъ исповѣданіе упованія неуклонное: вѣренъ во есть обѣщавый (Евр. 10, 19—23).

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА

О ТОМЪ,

Какъ отшедшій отъ насъ ко Отцу Господь уготовляетъ вѣрнымъ своимъ обители? (а)

Господь рекъ: *въ дому Отца моего обители многи суть; аще ли же ни, реклъ быхъ вамъ: иду уготовати мѣсто вамъ* (Іоан. 14, 2.);— чѣмъ довольно показалъ, что есть уже тамъ многія обители, и нѣтъ нужды какую либо готовить. Но Онъ же глаголетъ: *И аще пойду, и уготовлю мѣсто вамъ, паки пріиду и поиму вы къ себѣ, да, идѣже есмь Азъ, и вы будете* (тамже, ст. 3). Какимъ образомъ Онъ идетъ и готовитъ мѣсто, если уже есть многія обители? А еслибъ не было, то Онъ сказалъ бы: *иду уготовати*. Или, когда еще нужно приготовленіе, почему не сказалъ прямо: *иду уготовати?* Уже ли обители сіи и существуютъ, и должны быть уготовляемы? Какимъ образомъ онѣ въ дому Отца уже существуютъ, какъ не требующія уготовленія, и еще не существуютъ, потому что должны быть уготовлены? Какъ думать о семъ, если не такъ же, какъ объ изреченіи Пророка, который называетъ Бога сотворившимъ будущее? Ибо не говоритъ Пророкъ: имѣющій сотворить грядущая, но— *сотворивый грядущая* (Иса. 45, 11). Слѣдовательно и сотворилъ то, и имѣетъ сотворить то. Такъ потому, что то не сотворено, чего не сотворилъ Онъ, и не будетъ того, если Онъ не сотворитъ. Сотворилъ предопредѣленіемъ, а имѣетъ сотворить совершеніемъ.— Такъ и обители уготовалъ и готовитъ, и тѣже самыя, какія уготовалъ, готовитъ Тотъ, кто сотворилъ грядущая: уготовилъ предопредѣленіемъ, готовитъ совершеніемъ. И такъ онѣ уже существуютъ въ предопредѣленіи, а еслибъ не были, то сказалъ бы: пойду и уготовлю, т. е. предназначу: Но какъ ихъ нѣтъ еще въ совершеніи, то говоритъ: *И аще пойду и уготовлю мѣсто вамъ, паки пріиду и поиму вы къ себѣ.*

Готовитъ же нѣкоторымъ образомъ обители, обителямъ уготовляя обитателей. Ибо въ словахъ Его: *въ дому Отца моего обители многи суть,* что будемъ разумѣть подъ именемъ дома Божія, какъ не храмъ Божій? Что же храмъ, спросимъ о томъ Апостола, и

(а) Изъ 68-го тракт. на Евангѣ. Іоанна, сокращенно.

онъ скажетъ: *храмъ бо Божій святъ есть, иже есте вы* (1 Кор. 3, 17). Это есть и царство Божіе, которое Сынъ предастъ Отцу (1 Кор. 15, 24).— Это царство небесное, о коемъ говорится: *Подобно есть царствіе небесное человѣку сѣющему доброе сѣмя на селѣ своемъ. Доброе же сѣмя, сіи суть сынове царствія* (Матѳ. 13, 24. 38).— Уже и нынѣ это царствомъ называется, хотя еще созывается. Еще не царствуетъ сіе царство, но на концѣ будетъ сказано ему: *пріидите благословенніи Отца моего, наслѣдуйте царство* (Матѳ. 25, 34.) то есть, вы, которые были царствомъ и не царствовали, пріидите, царствуйте, дабы чѣмъ были въ надеждѣ, могли быть на самомъ дѣлѣ. И такъ сей домъ Божій, этотъ храмъ Божій, это царство Божіе и царство небесное еще созидается, еще устрояется, готовится, собирается. Въ немъ обители будутъ, потому что еще готовитъ ихъ Господь; въ немъ уже есть онѣ, поелику уже предназначилъ ихъ Господь.

Но какъ это относится Онъ для уготовленія, когда насъ самихъ уготовлялъ; а сего не будетъ, если оставитъ насъ? Уразумѣваю, Господи, какъ могу: Ты, конечно, означаешь то, что, дабы уготовились оныя обители, праведникъ долженъ жить вѣрою (Римл. 1, 17). Ибо кто *отходитъ* (странствуетъ) *отъ Господа* (2 Кор. 5, 9.), имѣетъ нужду жить по вѣрѣ, и вѣрою уготовляется къ видѣнію. *Блажени*, сказано, *чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ* (Матѳ. 5, 8.), и еще: *вѣрою очищаетъ сердца ихъ* (Дѣян. 15, 9). А вѣра, коею очищаются сердца имѣющихъ зрѣнье Бога, пока они странствуютъ, относится къ тому, чего не видятъ; ибо если видимъ, то нѣтъ вѣры. Вѣрующій собираетъ заслугу, видящій получаетъ награду. Да идетъ убо Господь, и уготовитъ мѣсто; да идетъ, чтобы не было видѣнія, да сокроется, чтобъ было вѣрованіе. Ибо уготовляется мѣсто по той мѣрѣ, какъ мы проводимъ жизнь по вѣрѣ (6). Будемъ желать Того, въ кого вѣруемъ, чтобы имѣть, кого желаемъ: желаніе любленія есть уготовленіе селенія (обители). Такъ, Господи, уготовляй, что уготовляешь: ибо Ты уготовляешь насъ себѣ, и себя намъ, уготовляя мѣсто себѣ въ насъ и въ себѣ намъ, какъ и рекъ Ты: *будите во Мнѣ, и Азъ въ васъ* (Іоан. 15, 4). Въ томъ будетъ состоять различіе наградъ по различію заслугъ, что одинъ причастенъ Тебя болѣе, другой менѣе; въ этомъ будетъ состоять множество обителей, по разнообразію обитателей, и притомъ всѣхъ тамъ живущихъ вѣчно и блаженствующихъ безконечно. Что значитъ— Ты идешь? что значитъ— Ты приходишь? Если правильно понимаю я Тебя, то Ты не отступаешь ни оттуда, откуда идешь, ни откуда приходишь: идешь сокрываясь, приходишь являясь. Но если Ты не пребудешь съ нами твоимъ промысломъ, чтобъ мы достигали въ жизни совершенства; то какъ уготовится мѣсто, гдѣ пребывали бы мы въ наслажденіи блаженства?

---

(6) Допускаются созвучія словъ съ намѣреніемъ, чтобъ ими хотя приблизительное понятіе о словѣ объ-

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ВОЗНЕСЕНІЯ ГОСПОДНЯ (*).

Изведѣ же ихъ вонъ до Виѳаніи: и воздвигъ руцѣ свои и благослови ихъ. И бысть егда благословляше ихъ, отступи отъ нихъ, и возношашеся на небо. Лук. 24, 50. 51.

Вознесся на небо сшедый съ небесъ, для совершенія на землѣ спасенія нашего, единородный Сынъ Божій. Господь нашъ и Спаситель нашъ, посѣтивши дольнюю страну пришельствія нашего, возшелъ въ горняя. Свѣтъ истинный, просвѣщающій всякаго человѣка, жизнь наша, радость наша, оставилъ насъ. Наставникъ нашъ, другъ и упѣшитель взяпся— и облакъ сокрылъ Его отъ очей самыхъ возлюбленныхъ Его учениковъ. Чтожъ послѣ сего, братіе можетъ привязывать сердце наше къ землѣ, оставленной Господомъ и Спасителемъ, въ которомъ все щастіе и все блаженство сердецъ нашихъ? Земля, мѣсто временной страннической жизни нашей, недолжна ли быть, несносною для безсмертныхъ и созданныхъ для вѣчнаго соединенія съ Богомъ душъ нашихъ, послѣ того какъ Господь Іисусъ Христосъ, оставилъ ее, и день вознесенія Его на небо не долженъ ли быть для насъ, не днемъ радости, а днемъ печали?—

Такъ казалось бы, слушатели. Но Апостолы, по вознесеніи Господа съ горы Елеонской возвратились во Іерусалимъ *съ радостію великою,* по свидѣтельству Евангелиста (Лук. 24, 52). Чтоже было причиною ихъ радости по разлукѣ съ возлюбленнымъ Господомъ и Учителемъ? Сія радость происходила отъ ихъ истинной вѣры, что Господь Іисусъ Христосъ, разлучаясь съ ними плотію, во вѣки неразлученъ съ ними духомъ;— отъ вѣры, что Онъ крестомъ и смертію Своею совершилъ на землѣ спасеніе рода человѣческаго, воскресеніемъ своимъ сокрушилъ державу грѣха и смерти, утвердилъ Церковь Свою и, яко побѣдоносный Царь ея, вознесся на небо не для того, чтобъ оставить землю, но чтобъ небо соединить съ землею. Въ томъ благословеніи, которое получили они, при разлукѣ съ Господомъ, отъ божественныхъ рукъ Его, они видѣли, обѣтованіе Отца небеснаго, готовое излиться на всѣхъ вѣрующихъ. Въ Его вознесеніи съ прославленною плотію нашею зрѣли они воскресеніе падшаго естества человѣческаго;— и потому то возвратились во Іерусалимъ съ радостію великою, ожидая обѣтованнаго Имъ изліянія Духа святаго Утѣшителя.

И мы подобно Апостоломъ, такожде вѣруемъ, и потому съ такою же радостію празднуемъ день вознесенія Господня.— Вѣруемъ, что Іисусъ Христосъ, вознесшись съ плотію человѣческою на небо, открылъ и намъ путь новый и живый въ небесное отечество наше. Но чтобы радость наша была истинная, и надежда вселиться въ обители свѣта, жизни и блаженства, вѣрная подобаетъ намъ, живя на земли, соединяться со Христомъ, сущимъ на небеси. Какимъ же образомъ можемъ мы стяжать сіе блаженное единеніе, научаютъ насъ примѣромъ своимъ ученики Іисуса Христа— *самовидцы земной Его жизни.*

(*) Высокопреосвященнѣйшаго Филарета, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго.

Св. Апостолы, по вознесеніи Господа на небо, возвратились во Іерусалимъ и неотлучно пребывали въ Церкви въ молитвахъ и славословіяхъ Богу, доколѣ получили обѣтованное имъ Господомъ сошествіе на нихъ Духа святаго— *и бяху выну вѣ церкви хваляще и благословляще Бога* (Лук. 24, 53). Вотъ примѣръ, весьма поучительный для насъ. Ученики Іисуса Христа, разлучившись съ Нимъ плотію, соединялись духомъ— пребываніемъ во храмѣ святомъ Его. Подобно и мы, пришельствуя на землѣ, въ разлученіи отъ Господа своего можемъ и должны соединяться съ Нимъ достойнымъ предстояніемъ въ священныхъ храмахъ Его, гдѣ Онъ вездѣсущій особенно присутствуетъ благодатію Своею. Здѣсь все небесное, и все должно возносить сердца наши горѣ— къ небесамъ: и истины проповѣдуются небесныя, и тайны совершаются небесныя, и хлѣбъ животворной плоти Господа Іисуса Христа предлагается небесный, и питіе пречистой крови Его преподается небесное, и пѣсни Богу воспѣваются небесныя въ подражаніе Ангеламъ, выну славословящимъ Бога. По сему и Церковь, при ежедневномъ служеніи божественной Литургіи, поетъ херувимскую пѣснь: *иже херувимы тайно образующе, и животворящей Троицѣ трисвятую пѣснь припѣвающе*.— Мы, предстоя въ храмѣ Господнемъ при совершеніи страшныхъ таинъ Его, таинственнымъ образомъ представляемъ собою Херувимовъ, и какъ они на небесахъ всегда поютъ пѣснь святой и животворящей Троицѣ, такъ и мы, туже пѣснь соединяя съ пѣснями ихъ,— *всякое нынѣ житейское отложимъ попеченіе*. Подобно херувимамъ, которые, созерцая лицемъ къ лицу Бога, совершенно забываютъ себя и всѣ силы духа своего обращаютъ къ Нему единому, и мы должны отложить всякую заботу и попеченіе житейское, отложить всякую земную и мірскую мысль. *Яко да Царя всѣхъ подъимемъ Ангельскими невидимо дориносима чинми*, чтобы такимъ образомъ, вознесши всю мысль свою къ Богу, могли мы пріять въ очищенныя сердца наши Царя славы, Господа Іисуса Христа, который на Олтарь, гдѣ совершаются тайны Его, невидимо сходитъ съ небесъ, носимый Ангельскими чинами. Тако, предстояще въ храмѣ славы Господней, на небеси стояти мнимъ; таковымъ достойнымъ предстояніемъ можемъ мы, пришельствуя на землѣ, соединяться духомъ со Христомъ, сущимъ на небесахъ.

Но мы не можемъ всегда пребывать въ храмахъ Господнихъ; и дѣла служенія обществу, и дѣла домостроительства, и нужды житейскія, и немощь бренной плоти нашей по необходимости требуютъ отъ насъ и силъ и времяни. И такъ неужели соединеніе наше со Христомъ должно ограничиться временемъ стоянія въ церкви Его?— Нѣтъ, гдѣ Христосъ, тамъ и небо, тамъ и Церковь; а Христосъ во всякомъ томъ собраніи, которое собирается о имени Его по непреложнымъ словамъ Его: *идѣже два или тріе собрани во имя мое, ту єсмь посредѣ ихъ* (Мат. 18, 26). Почему всякое Христіанское собраніе или по дѣламъ службы, или по дѣламъ домостроительства, и даже для невиннаго взаимнаго утѣшенія, ежели оно одушевляется духомъ Христовой любви, не разлучаетъ насъ со Христомъ. Только бы мы все творили во славу Божію, по наставленію А. Павла: *аще ясте, аще піете, аще ли ино что творите, вся вѣ славу Бо-*

жію творите, о имени Господа нашего Іисуса Христа (1 Кор. 10, 31). Истинно любящаго Господа даже и немощи плоти не разлучаютъ съ Нимъ. *Сплю азъ,* вопіетъ душа прилѣпленная любовію къ сладчайшему Іисусу, *но сердце мое бдитъ.* (Пѣс. Пѣс. 5, 2). Сердце благодатію Духа св., при посильныхъ подвигахъ своихъ, очищенное отъ скверны грѣховныхъ; сердце, въ которое любовь Божія изліяся животворящимъ Духомъ Іисуса Христа, есть храмъ Божій, какъ говоритъ Апостолъ: *вы есте церкве Бога жива, и Духъ Божій живетъ въ васъ,* и увѣряетъ самая истина— Іисусъ Христосъ: *аще кто любитъ Мя, и слово Мое соблюдетъ, и Отецъ Мой возлюбитъ его, и къ нему пріидемъ, и обитель у него сотворимъ,* (Іоан. 14, 23). Кто стяжалъ таковое сердце; тотъ во всякое время, на всякомъ мѣстѣ не разлученъ со Христомъ;— въ храмѣ и внѣ храма, въ обществѣ и въ уединеніи, въ трудахъ и покоѣ, сердце его соединено съ возлюбленнымъ Господомъ своимъ, и собранія таковыхъ сердецъ одушевляются искреннею другъ ко другу любовію, и празднества ихъ дышатъ чистою святою, радостію.

И такъ, братіе, празднуя спасительный день Вознесенія Господа нашего Іисуса Христа, утвердимъ въ сердцахъ нашихъ восхожденіе къ Нему въ теплыхъ молитвахъ, въ добродѣтельныхъ подвигахъ, въ благочестивыхъ дѣяніяхъ, да тако, подвигомъ добрымъ подвизаяся въ странѣ пришельствія нашего, и теченіе въ отечество наше небесное вѣрно скончавши, сподобимся и мы быть участниками славы вознесшагося во славѣ на небо Господа нашего Іисуса Христа.— Аминь.

СЛОВО

НА ДЕНЬ ПРАЗДНЕСТВА ВЪ ЧЕСТЬ ИКОНЫ ВСЕМИЛОСТИВАГО СПАСА, СКАЗАННОЕ ВЪ ВОЛОГОДСКОЙ ВСЕГРАДСКОЙ ЦЕРКВИ, СОЗДАННОЙ ВЪ ПАМЯТЬ ИЗБАВЛЕНІЯ ОТЪ ЯЗВЫ, БЫВШЕЙ ВЪ 17 ВѢКѢ.

И будетъ егда возглаголютъ вамъ сынове ваши: что есть служеніе сіе? рцыте имъ: жертва пасха сія Господу, иже покры домы сыновъ Израилевыхъ во Египтѣ, егда поби Египтяны, домы же наши избави (Исход. 12, 26).

Издалека привожу вамъ слова сіи, но привожу потому, что они весьма близко идутъ къ настоящему дню и мѣсту. Сказаны они Моисеемъ, и содержатъ, какъ видите, заповѣдь касательно праздника Пасхи. Учредивъ его въ память чудеснаго избавленія первенцевъ Израильскихъ во Египтѣ отъ смертоноснаго Ангела, поразившаго первенцевъ Египетскихъ, Моисей предвидѣлъ, что для новыхъ, грядущихъ поколѣній подробности давно прошедшаго благодѣянія Божія содѣлаются не такъ извѣстными, и самые обряды праздника не такъ вразумительными. Посему и предписываетъ въ приведенныхъ словахъ, чтобы во время праздника Пасхи, совершавшагося по домамъ, каждый отецъ семейства дѣлался его истолкователемъ, и, такъ сказать, проповѣдникомъ для своихъ домочадцевъ, дабы такимъ образомъ всѣ, отъ велика до мала, знали, за что именно, кому и для чего празднуютъ. *И будетъ егда возглаголютъ вамъ сынове ваши: что есть служеніе сіе? рцыте имъ: жертва Пасхи сія Господу, иже покры домы сыновъ Израилевыхъ во Египтѣ,*

седа поби Египтяны, домы же наши избави. (Исх. 12, 26.)

Какъ ни велико разстояніе мѣстъ и временъ, но наше празднество настоящее видимо походитъ на древнее празднество Израильское. Ибо и мы празднуемъ нынѣ въ память освобожденія нѣкогда града и страны нашей отъ смертоноснаго Ангела, ихъ поражавшаго. Продолжительность времени, съ тѣхъ поръ протекшаго, легко можетъ привести въ забвеніе у новыхъ поколѣній не только подробности, самую сущность благодѣянія Божія, оказаннаго предкамъ нашимъ. Поелику же прилѣжная память о семъ крѣпко нужна для всѣхъ потомковъ: то и мы почли долгомъ повторить въ слухъ вашъ заповѣдь Моисееву, съ прошеніемъ исполнять ее, какъ можно прилѣжнѣе.

И такъ, отцы и матери, если во время настоящаго праздника дѣти ваши вопросятъ васъ, что значитъ служеніе сіе? Пріимите трудъ сказать имъ, что это благодарственная жертва Господу за то, что Онъ покрылъ нѣкогда милосердіемъ своимъ градъ и страну нашу отъ смертоносной язвы, въ нихъ свирѣпствовавшей. А если бы и не было со стороны дѣтей подобнаго вопроса, то начните сами бесѣду о семъ и спросите ихъ: знаютъ ли они, почему нынѣ весь городъ нашъ празднуетъ такъ свѣтло?— Какъ бы хорошо было, если бы даже вошло въ постоянное обыкновеніе семейное подобной бесѣдѣ посвящать трапезу настоящаго дня! Такимъ образомъ трапеза сія приняла бы характеръ священной; благодѣянія Божіи не приходили бы въ забвеніе, и, живя въ памяти новыхъ поколѣній, располагали бы ихъ къ принятію новыхъ благодѣяній Божіихъ; самыя празднества по случаю сихъ благодѣяній престали бы походить на тѣ изъ надгробныхъ памятниковъ, кои, потерявъ бывшую на нихъ надпись, не могутъ указывать надъ кѣмъ они воздвигнуты.

А чтобъ облегчить для всѣхъ васъ святое дѣло, мною вамъ предлагаемое, и чрезъ оживленіе памяти о благодѣяніи Божіемъ усилить во всѣхъ и каждомъ чувство благодарности и духовную радость настоящаго дня, мы соберемъ изъ лѣтописи сказанія о самомъ событіи и предложимъ вашему вниманію.

За два почти вѣка предъ симъ, въ царствованіе Благочестивѣйшаго Царя Алексѣя Михайловича, отечество наше посѣщено было однимъ изъ тѣхъ ужасныхъ бичей, кои праведное небо въ гнѣвѣ своемъ посылаетъ иногда на землю для пробужденія отъ сна грѣховнаго цѣлыхъ странъ и народовъ.— Явилась язва.— Подобно всѣмъ подобнымъ бичамъ, она пришла съ востока, двигалась медленно; но тамъ, гдѣ прошла, долго не кому было умирать. Градъ нашъ, защищаемый самою отдаленностію, былъ одною изъ послѣднихъ жертвъ: но язва показала надъ нимъ, что для нея— все равно, первая или послѣдняя жертва. Никакая крѣпость силъ и возраста не защищала; никакая предосторожность не помогала; никакое искуство не спасало. Къ смертности присовокупилась ужасная внезапность: шелъ ли кто, стоялъ ли, сидѣлъ ли? вдругъ падалъ и умиралъ въ мукахъ. Страхъ смерти разорвалъ наконецъ всѣ, самыя крѣпкія и нѣжныя узы, подавилъ всѣ прочія чувства: дѣти убѣгали отца, мать бросала за-

раженнаго младенца; домы и стогны наполнены были мертвецами непогребенными.

Въ такомъ ужасномъ положеніи протекло четыредесять дней. Вдругъ, какъ молнія изъ тучи, блеснула по граду свѣтлая мысль— воздвигнуть— для отраженія язвы— однимъ днемъ храмъ Богу Спасителю. Лѣтописи не сказываютъ, въ чьемъ умѣ или сердцѣ родилась сія мысль святая; но самое послѣдствіе показало, что она пришла свыше. Всѣ ялись за сію мысль, какъ утопающіе за вервь съ брега. Святой подвигъ немедленно соображенъ во всѣхъ подробностяхъ; взвѣшены средства и препятствія; назначены трудящіеся и распорядители труда; настоящій день избранъ къ совершенію дѣла великаго.

И вотъ съ наступленіемъ ночи открывается умилительное зрѣлище! Вмѣсто того, чтобъ предаться сну и покою, цѣлый городъ приходитъ въ движеніе; все, еще живущее, стремится къ одному мѣсту. Одни спѣшатъ трудиться, другіе быть по крайней мѣрѣ свидѣтелями труда; болѣе крѣпкіе несутъ на раменахъ своихъ то, что должно составить крѣпость зданія и лечь въ основаніе; слабѣйшіе и малолѣтные то, что необходимо для его украшенія:— у каждаго, великаго и малаго, въ рукахъ знакъ усердія Богу Спасителю. И вотъ весь градъ, при озареніи свѣтильниковъ, собранъ на мѣстѣ, гдѣ теперь стоимъ мы. Все готово; ожидается только наступленіе минуты священной... Наконецъ бьетъ полночь; и вмѣстѣ съ тѣмъ раздается первый звукъ зиждущихъ. Зданіе растетъ столь быстро, какъ бы само выходитъ готовое изъ земли; первые лучи выходящаго солнца уже освѣщаютъ собою храмъ Богу Спасителю; а предъ послѣдними лучами солнца заходящаго уже совершена въ немъ безкровная жертва за спасеніе живыхъ и— упокоеніе умершихъ.

Такой подвигъ вѣры и любви не могъ остаться безъ дѣйствія и отвѣта съ неба. Ужасная язва съ самаго сего дня потеряла силу; и вскорѣ совершенно изчезла, оставивъ по себѣ одну память— гнѣва и милости Божіей!

Не давайте же возлюбленные, ослабѣвать и изчезать сей святой памяти! Да не престаютъ сыны и сыны сыновъ вашихъ знать, что десница Божія была нѣкогда видимо простерта надъ градомъ симъ, грозная и милующая, карающая и спасающая,— и да научатся ходить въ страхѣ Божіемъ, по стопамъ благочестивыхъ предковъ. Ахъ, если бы сохранялась живо память древней казни небесной; то она сохранила бы насъ отъ дальнѣйшаго растлѣнія нравовъ, и мы не были бы, подвергнуты новому бичу небесному, который въ недавнія времена прошелъ по странѣ нашей съ древнимъ опустошеніемъ и ужасами. Ибо для чего посылаются язвы отъ Господа? ужели для того только, чтобы убивать и истреблять? Нѣтъ, они посылаются для того, чтобы пробуждать, вразумлять и спасать страхомъ тѣхъ, кои невнимательны къ гласамъ кроткимъ. Почему посѣтила насъ и послѣдняя ужасная язва? безъ сомнѣнія потому, что мы забыли прежнія наказанія, возмнили, что можемъ жить и грѣшить ненаказанно. Воспользуемся же самымъ наказаніемъ нашимъ, и живою памятію о томъ, что было, предохранимъ

себя отъ того, что, въ случаѣ духовнаго нечувствія нашего, опять быть можетъ.

А между тѣмъ заботясь о сохраненіи временной жизни отъ всякаго рода язвъ тѣлесныхъ, не забудемъ, что есть ужасныя язвы духовныя, отъ коихъ гибнутъ тысячи душъ и сердецъ.— Язвамъ сего рода какъ будто суждено приходить съ противной стороны— отъ Запада. Одна изъ нихъ особенно свирѣпствуетъ въ наши времена и похищаетъ у Церкви Божіей множество чадъ. Вы знаете въ чемъ состоитъ она? Человѣкъ, ею пораженный, остается, по видимому, тотъ же; но теряетъ вѣру и совѣсть, перестаетъ быть чувствительнымъ къ слову Божію и таинствамъ, оставляетъ упованіе жизни вѣчной и ставитъ себя произвольно въ рядъ тварей гибнущихъ. О, блюдите братія, души и сердца ваши отъ сей ужасной язвы; храните, *всяцѣмъ храненіемъ* храните отъ ней дѣтей и домочадцевъ вашихъ; и когда будете притекать съ моленіемъ къ сей Иконѣ Бога Спасителя, первѣе всего молитесь и просите, да покроетъ Онъ благодатію своею домы ваши отъ сего душетлѣннаго недуга. Аминь.

Востани сѣвере, и гряди юже, и повый въ вертоградъ моемъ, и да потекутъ ароматы моя.

(Пѣсн. Пѣсн. 4, 16).

Какой вѣтръ призываетъ здѣсь Господь вертограда? тотъ, о которомъ Онъ говоритъ у Евангелиста Іоанна: *Духъ, идѣже хощетъ, дышетъ, и гласъ его слышиши, но не вѣси, откуду приходитъ, и камо идетъ* (Іоан. 3, 8). Это Духъ, который по вознесеніи Господа Іисуса на небо, сошелъ на божественныхъ Апостоловъ въ видѣ огненныхъ языковъ, и въ дыханіи подобномъ бурному, какъ повѣствуетъ священный дѣписатель: *Бысть внезапу съ небесе шумъ, яко носиму дыханію бурну, и исполни весь домъ, идѣже бяху сѣдяще: и явишася имъ раздѣлени языцы, яко огненни. И исполнишася вси Духа свята, и начаша глаголати иными языки, якоже Духъ даяше имъ провѣщавати* (Дѣян. 2, 2— 4). Вотъ какой вѣтръ призываетъ Христосъ въ вертоградъ свой! призываетъ для того, дабы въ немъ потекли *ароматы* благодатныхъ даровъ, исходатайствованныхъ Имъ для сыновъ Церкви и необходимыхъ для утвержденія ихъ въ богоугодной дѣятельности: ибо несомнѣнно то, что въ семъ вертоградѣ не могутъ разливаться благовонія Христіанскихъ добродѣтелей, если въ немъ не будетъ *носиться дыханіе* благодати Всесвятаго Духа.

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 16 Апрѣля, 1843. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 7. НЕДѢЛЯ СВ. ОТЕЦЪ, ИЖЕ ВЪ НИКЕИ. Маія 23. 1843.

Благословенъ еси Господи Боже отецъ нашихъ, и хвально, и прославлено имя Твое во вѣки.

Прокименъ гла Литургіи.

На Утрени: Евангеліе воскресное 10-е, Іоан. 21, 1—14.
На Литургіи: Апост. Дѣян. 20, 16—18 28—36. Еванг. Іоан. 17, 1—13.

СВ. ОТЦА НАШЕГО, ГРИГОРІЯ НИССКАГО,

РАЗМЫШЛЕНІЕ НА СЛОВА ЕККЛЕЗІАСТА:

время плакати и время смѣятися.— Еккл. 3, 4.

Изреченіе сіе объясняется словами Евангелія, произнесенными самимъ Господомъ: *Блажени плачущіи,* говоритъ Онъ, *яко тіи утѣшатся.* (Матѳ. 5, 4.) И такъ *теперь* время *плакати,* а время *смѣятися*— этого мы еще ждемъ. И кто не скончаетъ жизни своей въ слезахъ и рыданіи, если возчувствуетъ свое (нынѣшнее) положеніе, узнаетъ, что онъ имѣлъ прежде и что утратилъ, въ какомъ состояніи была природа его сначала, и въ какомъ находится она нынѣ? Тогда ни смерти, ни болѣзней не было; пагубныя слова: *мое, твое,* не слышны были въ жизни. Какъ солнце было общее, воздухъ общій, и особенно благодать и благословеніе Божіе были общи для всѣхъ: такъ и наслажденіе всѣми благами предоставлено было власти каждаго. Тогда неизвѣстенъ былъ недугъ корыстолюбія, и кто имѣлъ менѣе, не завидовалъ тому, кто имѣлъ болѣе. Невозможно изобразить словомъ другія безчисленныя блага, которыя, по величію своему, несравненно выше исчисленныхъ нами. Я разумѣю: равенство наше съ Ангелами, дерзновеніе предъ Богомъ, созерцаніе премірныхъ благъ, честь украшаться неизреченною славою естества блаженнаго чрезъ отраженіе (явленіе) въ насъ образа Божія, сіяющаго въ красотѣ души нашей. Вмѣсто всѣхъ сихъ благъ, теперь явилось безчисленное множество страданій, и тяжкія скорби обступили насъ, подобно рою ядовитыхъ насѣкомыхъ. Какое изъ сихъ бѣдствій мы назовемъ главнымъ? всѣ они равны, всѣ они первы по своей великости, всѣ одинаково служатъ источникомъ слезъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ какой стороны сѣтовать о природѣ нашей, какое бѣдствіе прежде всего оплакивать? Кратковременность ли жизни? тяжесть ли трудовъ, на которые мы обречены?— то ли, что жизнь наша и начинается и оканчивается слезами? жалкую ли слабость младенчества? скудоуміе ли старости? непостоянство

ли юности? заботы ли, обременяющія мужей? скорби ли супружескаго состоянія? скуку ли безбрачія? безпотомственность ли безчадства? зависть ли, возбуждаемую богатствомъ? бѣдствія ли, соединенныя съ нищетою? Умалчиваю о многообразныхъ болѣзняхъ тѣла, о различныхъ поврежденіяхъ и уродливости членовъ его, о притупленіи чувствъ; не говорю о напасти демоновъ и другихъ страданіяхъ, тяготѣющихъ надъ нашею природою; вспомню объ одномъ, которое преимущественно достойно слезъ, именно о томъ, что по окончаніи скоротечной жизни нашей, ожидаетъ насъ *таяніе суда и ревность огня, хотящаго поясти сопротивныя.* (Евр. 10, 27). Кто, размышляя о сихъ и подобныхъ бѣдствіяхъ, не рѣшится проводить всю жизнь свою въ слезахъ? А время размышлять объ этомъ *теперь*. Ибо, если мы въ нынѣшнемъ вѣкѣ будемъ жить въ печали и скорби, то вѣрно и грѣшить не будемъ. А въ такомъ случаѣ мы получимъ обѣщанное намъ веселіе, котораго мы уповаемъ; *упованіе же*, какъ говоритъ Апостолъ, *не посрамитъ* (Рим. 5, 5.).

О БОГОСЛУЖЕНІИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

5. О богослуженіи на разные случаи и потребности вѣрующихъ.

а. Совершеніе таинствъ.

68. Между священнодѣйствіями, коими Церковь преподаетъ намъ благодать освященія и совершенія въ разныхъ случаяхъ нашей жизни и удовлетворяетъ важнѣйшимъ потребностямъ ея, замѣтимъ прежде всего тѣ, которыми совершаются *таинства*.

Первое изъ таинствъ, св. Крещеніе, есть истинное благодатное возрожденіе человѣка, новое твореніе, упраздняющее въ немъ все грѣховное и вводящее въ него новый духъ жизни — Христовой. Съ симъ важнымъ значеніемъ Крещенія сообразны всѣ обряды церковные, сопровождающіе его совершеніе. Въ первыхъ еще дняхъ младенца причисленіе его къ Церкви Христовой прообразуется священническимъ наречені-емъ ему имени одного изъ Святыхъ, прославленныхъ Церковію, въ коемъ имѣлъ бы онъ себѣ всегдашняго небеснаго покровителя. Потомъ, когда присоединяемый къ Церкви приводится во храмъ для крещенія, упраздненіе въ немъ всего грѣховнаго и дѣйствіе возсозидающей Благодати, тотчасъ изображается трекратнымъ священническимъ дуновеніемъ на него, крестнымъ знаменіемъ, а за тѣмъ и молитвами оглашенія, въ коихъ воспоминается страшное для демоновъ имя Господне и съ коими соединяется опять трекратное дуновеніе на лице крещаемаго, сопровождаемое словами: „изжени изъ него всякаго лукаваго и нечистаго духа, сокрытаго и гнѣздящагося въ сердцѣ его.“ Но дѣйствіе Благодати требуетъ соотвѣтственнаго ей нѣкотораго дѣйствія со стороны человѣка. Потому крещаемый обращается къ западу (гдѣ представляемъ мы область тьмы) и отрицается отъ всей области темной, грѣховной, т. е. „отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его, и всѣхъ ангелъ его, всего служенія его и всей гордыни его,“ а въ знакъ того дуетъ и плюетъ на невидимаго врага

(Изъ 6-й бесѣды на Екклез. Том. 1-й стр. 455).

своего (а). Такъ изъявивъ свою рѣшимость ничего не имѣть общаго съ грѣховною тьмою, оглашенный обращается къ востоку— странѣ свѣта, дабы принять животъ и свѣтъ отъ Востока правды, Іисуса Христа, которому и сочетавается, т. е. обѣщаетъ всегда быть въ союзѣ съ Нимъ и вѣровать въ Него, а во свидѣтельство сей вѣры прекрашно произноситъ Символъ вѣры, и наконецъ покланяется всей Св. Троицѣ, предая себя на вѣки благодатному Ея правленію. За симъ приготовленіемъ слѣдуетъ совершеніе самаго таинства. Освящается вода освященіемъ подобнымъ тому, какое бываетъ въ праздникъ Богоявленія; только здѣсь Священникъ, вмѣсто Креста, погружаетъ въ водѣ персты руки своей, постепенно низводя ихъ въ глубину, начертываетъ въ ней три креста, какъ бы преслѣдуя симъ дѣйствіемъ вражескія силы, и говоритъ: „да сокрушатся подъ знаменіемъ образа креста твоего вся сопротивныя силы;“ потомъ, въ знаменіе милости Божіей, изливаемой на крещаемаго, знаменуетъ воду св. елеемъ, и тѣмъ же елеемъ помазуетъ готовящагося принять въ крещеніи новую жизнь, приготовляя его тѣмъ на подвиги Христіанскіе. Послѣ сего уже св. дѣйствующій трекратно погружаетъ помазаннаго елеемъ въ св. водѣ, произнося достопокланяемое имя Св. Троицы, и симъ дѣйствіемъ не только образуетъ смерть и тридневное воскресеніе Спасителя, но и дѣйствительно вводитъ въ крещаемаго спасительную силу сей смерти и сего воскресенія. Изшедшій изъ купѣли есть уже не сынъ естества поврежденнаго, а чадо Благодати, очищенъ отъ всякой грѣховной скверны: посему и привѣтствуется тотчасъ псалмомъ: *Блажени, ихже оставишася беззаконія...* (Псал. 31), облачается въ бѣлую ризу, въ знакъ чистоты и непорочности души его, а въ слѣдъ за тѣмъ сподобляется и печати Св. Духа— въ таинствѣ Мѵропомазанія.

Не трудно уразумѣть, какъ важно таинство Св. Мѵропомазанія, если внимательно смотрѣть на совершеніе его. Церковь молитъ тогда о утвержденіи новопросвѣщеннаго въ православной вѣрѣ, о избавленіи его отъ лукаваго и соблюденіи очищеннаго св. Крещеніемъ въ духовной чистотѣ и правдѣ; потомъ съ словами: „печать дара Духа Святаго,“ св. Мѵромъ помазуетъ всѣ главные члены человѣка, и такимъ образомъ показываетъ, что это великое таинство преподаетъ возрожденному Благодать совершительную, укрѣпляющую всѣ силы его, и полагающую на немъ таинственное знаменіе, ограждающее его отъ всѣхъ силъ непріязненныхъ.

Такъ преведши человѣка изъ царства тьмы въ царство свѣта, Церковь радостно поетъ пѣснь: *Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся,* и радость свою изъявляетъ трекратнымъ обхожденіемъ Священника, воспріемниковъ и новопросвѣщеннаго, въ сопровожденіи свѣтильниковъ и креста, вокругъ купѣли, а за тѣмъ излагаетъ ученіе о цѣли и плодахъ Св. Крещенія— въ чтеніи Апостола (Римл. 6, 3— 11) и воспоминаетъ самую заповѣдь о семъ таинствѣ— въ Евангеліи (Матѳ. 28, 16— 20). Наконецъ, по омытіи мѣстъ помазанныхъ Мѵромъ, крещенный крестообразно постригается на главѣ своей— въ знакъ покоренія его Главѣ Церкви и въ показаніе того, что онъ отселѣ дол-

(а) Вмѣсто младенца все это дѣлаетъ воспріемникъ его.

женъ все приноситъ во славу Господа.

69. Какъ при первомъ благодатномъ возрожденіи человѣка нужны таинства Крещенія и Мѵропомазанія, такъ для обновленія и утвержденія благодатной жизни, подверженной многимъ опасностямъ, въ продолженіи ея, необходимы Покаяніе, какъ бы второе крещеніе, и Причащеніе, таинство, утверждающее союзъ вѣрующихъ съ Іисусомъ Христомъ.

Таинство покаянія совершается слѣдующимъ образомъ: Предъ образъ Спасителя приводится кающійся, какъ предъ судилище Божіе; чтеніемъ псалма 50-го и другихъ умилительныхъ молитвъ возбуждается къ чувствамъ покаянія, и особенными молитвами, читаемыми священникомъ,— къ живому упованію на милосердіе Божіе и заслуги Искупителя. Въ сихъ молитвахъ священникъ воспоминаетъ примѣры покаянія Давидова и Манассіина, милостивое слово Божіе, объявленное чрезъ Пророка: *не хощу смерти ерѣшника, но еже обратитися и живу быти ему* (Іезек. 33, 11), и заповѣдь Спасителя, повелѣвающую каждому изъ насъ прощать другимъ согрѣшенія седмьдесятъ кратъ седмерицею; воспоминаетъ и милосердіе Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра, какое являлъ Онъ къ грѣшникамъ, и вмѣстѣ то благодатное право, какое даровалъ Онъ же пастырямъ Церкви: *елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небеси*. За тѣмъ, духовникъ требуетъ отъ кающагося чистосердечной исповѣди; предлагая ему краткое увѣщаніе („Се, чадо, Христосъ невидимо стоитъ, пріемля исповѣданіе твое....“), а начиная самую исповѣдь, прежде всего вопрошаетъ о вѣрѣ, безъ которой невозможно отпущеніе грѣховъ, (кающійся читаетъ символъ вѣры); потомъ уже напоминаетъ намъ заповѣди Божіи или другимъ образомъ приводитъ насъ къ сознанію и открытію душевныхъ язвъ нашихъ. Это самое важное время для насъ: ибо нѣтъ сомнѣнія, что исповѣдь нашу слышитъ самъ Господь, и отъ полноты ея зависитъ полнота прощенія или потребленія грѣховъ нашихъ. Наконецъ объявляется самое прощеніе кающемуся, посредствомъ разрѣшительной молитвы, читаемой духовнымъ отцемъ. Молитву сію прилично принять намъ преклонивъ колѣна или падши на землю,— съ тою увѣренностію, что разрѣшаемое тогда на земли разрѣшается въ тоже время на небеси.

Относительно таинства св. Причащенія, которое совершается на литургіи, замѣтимъ здѣсь только то, что Церковь отъ приступающихъ къ сему таинству (кромѣ младенцевъ и больныхъ) требуетъ особеннаго приготовленія посредствомъ поста и молитвъ. Каждый причастникъ, по уставу ея, долженъ, сверхъ обыкновенныхъ вечернихъ молитвъ, прочитать самъ или выслушать въ церкви извѣстные молитвенные каноны (б), а предъ самою литургіею молитвы къ св. Причащенію, и благоговѣйно размыслить какъ о спасительныхъ страданіяхъ Господнихъ, такъ и о важности св. Причащенія. При семъ весьма полезно съ размышленіемъ прочитывать ученіе Апостола о семъ таинствѣ (1 Кор. 11, 23—32) и ученіе самаго Спасителя о хлѣбѣ животномъ, или о животворной пищѣ Тѣла Его (Іоан. 6, 48— 54).

70. Таинство священства преподается избраннымъ на литургіи, какъ гла-

(б) Читаются каноны Іис. Христу, Богоматери, Ангелу Хранителю и канонъ дневный (напр. Предтечѣ— на вторникъ, Апостоламъ— противъ четверга).— Для больныхъ есть краткайшія молитвы.

внѣйшемъ св. служеніи, для коего они симъ таинствомъ посвящаются. По различію трехъ степеней священства и совершается оно въ трехъ разныхъ временахъ Литургіи. Благодать архіерейства, какъ высшая и вскорѣ по вознесеніи Господнемъ преподанная св. Апостоламъ, преподается по трисвятой пѣсни, по первомъ вшествіи св. служителей въ олтарь, изобразующемъ вошествіе Господа на небо. Даръ пресвитерства низводится на избраннаго по второмъ входѣ, или послѣ пѣсни Херувимской, когда уже перенесены св. Дары на престолъ,— въ знакъ того, что получающій пресвитерство самъ готовится быть освятителемъ Даровъ. Діаконство получаетъ низшій служитель Церкви, имѣющій впрочемъ степень уподіакона, и возводится въ высшее служеніе по пѣніи Достойна, когда таинство тѣла и Крови Господней совершено и требуется одно служеніе предлежащимъ Тайнамъ (в). Посвящаемые въ Діакона и Пресвитера, въ знакъ своей готовности служить Церкви и всегдашняго союза съ нею, трижды обходятъ св. престолъ (при пѣніи, славящемъ подвиги Мучениковъ и другихъ Святыхъ, составляющихъ славу Церкви), цѣлуя углы его, а притомъ, показывая подчиненіе свое Архипастырю, цѣлуютъ его руку и крестъ на святительскомъ набедренникѣ. Для самаго принятія Благодати, посвящаемый въ Діакона преклоняетъ одно колѣно, а пріемлющій высшій даръ пастырской— оба колѣна; рукоположитель возбуждаетъ всѣхъ къ усердной молитвѣ („Божественная благодать всегда немощная врачующая и оскудѣвающая восполняющи, пророчествуетъ сего.... помолимся убо о немъ..“), и съ возложеніемъ рукъ своихъ на главу посвящаемаго молитвою низводитъ на него благодать всесвятаго Духа. Наконецъ достоинство возводимаго на священную степень провозглашается Греческимъ словомъ: аксіосъ (достоинъ), которое повторяетъ и вся Церковь; рукоположенный пріемлетъ отъ Святителя свящ. одежды, сану своему приличныя, и причисляется къ своимъ сослужителямъ.

Какъ св. служителемъ можетъ быть только тотъ, кто имѣетъ таинство вѣры въ чистой совѣсти (1 Тим. 3, 9), то избираемые на священныя должности, предъ посвященіемъ, испытываются въ познаніи св. вѣры. Производимые въ степень Діакона и Пресвитера испытываются Святителемъ, а возводимый на высшую степень епископства, какъ будущій высшій учитель и блюститель вѣры, обязывается и всенародно засвидѣтельствовать свою вѣру. Для сего нареченный въ Епископа, предъ Литургіею, поставляется на изображеніе большаго орла, среди храма; здѣсь произноситъ символъ вѣры, и обѣщаетъ хранить всѣ установленія Св. Церкви, а также всѣ законы предержащей, Высочайшей Власти, какъ обязанный самимъ словомъ Божіимъ— *воспоминать* и другимъ— *начальствующимъ и владѣющимъ повиноватися и покарятися* (Тим. 3, 1).

71. Бракъ имѣетъ у насъ высокое значеніе, какъ священный союзъ, утверждаемый во Христа и во Церковь. Сообразно съ тѣмъ и совершеніе сего таинства. Церковь во всемъ послѣдованіи брака указываетъ сочетавающимся на божественнаго Жениха своего, производя отъ Него благословеніе брач-

(в) По сей причинѣ діаконъ посвящается и на Литургіи преждеосвященной, но Пресвитеръ и Архіерей— только на совершенной Литургіи.

ное, и во всѣхъ молитвахъ и обрядахъ своихъ преподаетъ имъ тогда важныя христіанскія наставленія. При обрученіи, утверждая взаимное согласіе вступающихъ въ бракъ, она подаетъ имъ кольца отъ св. престола Господня, даетъ въ руки ихъ и зажженныя свѣчи, въ знакъ не только радости, но и того, что бракъ заключается во свѣтѣ благодати Господней. Самое вѣнчаніе начинается пѣніемъ весьма поучительнаго для супруговъ псалма (*Блажени вси боящіися Господа* Пс. 127), изображающаго благословенную жизнь супруговъ благочестивыхъ. (г) Въ молитвахъ вѣнчанія воспоминаются древнѣйшіе благословенные Богомъ браки св. праотцевъ, призываются на будущихъ супруговъ всѣ благословенія Божіи, какихъ сподоблялись святые супруги, и испрашивается сочетавающимся благодатный промыслъ, подобный тому, какимъ сохраняемъ былъ Ной въ Ковчегѣ, Іона во чревѣ кита и три отрока въ Вавилонской пещи. Такъ высоко цѣнитъ Церковь Христіанскихъ супруговъ! Потомъ украшаетъ она благословляемую чету своими священными вѣнцами, представляя, что вступающіе въ честный бракъ суть побѣдители юношескихъ страстей, и желая имъ быть князьями будущаго отъ нихъ потомства, а за тѣмъ, прекраснымъ благословеніемъ и молитвою: „Господи Боже нашъ славою и честію вѣнчай я!“ утверждаетъ неразрывный союзъ ихъ. Въ чтеніи Апостола (Ефес. 5, 20—33) излагаются супругамъ взаимныя ихъ должности, а Евангельскимъ сказаніемъ о бракѣ въ Канѣ Галилейской и первомъ чудѣ, какое совершилъ Господь для брака (Іоан. 2, 1—11), утверждаются они въ совершенномъ упованіи на Господа, столько почтившаго законный бракъ. Наставленіе супругамъ видно и въ томъ, что подается имъ при вѣнчаніи общая чаша: ибо это научаетъ ихъ съ любовію раздѣлять общій жребій жизни. Еще важнѣе наставленіе въ томъ, что супружеская чета, при пѣніи извѣстныхъ священныхъ пѣсней, прекратно обводится вокругъ налоя: этотъ тройственный кругъ есть изображеніе вѣчности союза брачнаго, а церковныя пѣсни („Исаіе ликуй... св. Мученицы“... и пр.), указывая на пріискреннее соединеніе Божества съ человѣчествомъ и на высочайшій предметъ подвиговъ Мученическихъ и Апостольскихъ, научаютъ супруговъ, для собственнаго и общаго блага, сохранять въ чистотѣ Св. Вѣру, и быть малою Церковію Божіею, въ которой было бы тоже служеніе Господу, какъ и въ Церкви великой.

Кромѣ вѣнчанія первыхъ браковъ, въ православной Церкви употребительно вѣнчаніе вторыхъ и третьихъ; но нѣтъ брака четвертаго. При совершеніи вторичныхъ браковъ, сочетавающимся испрашивается, между прочимъ, прощеніе въ ихъ человѣческой слабости. Впрочемъ Церковь даетъ и имъ вѣнцы, но уже не какъ побѣдителямъ страстей, а только какъ начальникамъ семейства и потомства (д).

72. Таинство Елеосвященія совершa-

(г) За симъ вступающіе въ бракъ вопрошаются: имѣютъ ли они произволеніе благое и не принуждено ли вѣнчаются?— Безъ добровольнаго согласія ихъ, Церковь не преподастъ имъ своего благословенія.

(д) Было правило въ древности совсѣмъ не возлагать вѣнцевъ на второбрачныхъ, хотя не всеобщее.

ется согласно съ наставленіемъ Апост. Іакова; т. е. призываются пресвитеры церковные, творятъ молитву надъ болящимъ и помазуютъ его елеемъ во имя Господне (Іак. 5, 14). Церковь, уважая седмеричное число, и имѣя примѣры, какъ седмикратнымъ простертіемъ Пророка надъ умершимъ возвращена послѣднему жизнь (4 Цар. 4, 35.), и седмикратнымъ же обхожденіемъ вокругъ Іерихона одержана надъ сею крѣпостію побѣда (Іис. Нав. 6, 13 и д.), все послѣдованіе Елеосвященія расположила для седми пресвитеровъ, хотя по нуждѣ ихъ можетъ быть и менѣе. Надъ болящимъ совершается сначала молебствіе, подобное утрени (съ канономъ), а потомъ начинается седмикратное чтеніе слова Божія и молитвъ. Въ чтеніяхъ изъ Апостола вопервыхъ излагается самая заповѣдь Апостольская объ елеосвященіи (Іак. 5, 10— 16.), потомъ повторяются другія утѣшительныя и назидательныя наставленія, какъ то: помогать немощнымъ, водиться всегда любовію, уповать на Бога, исправлять другъ друга и сохранять вовсемъ терпѣніе (е). Въ первомъ Евангеліи (Лук. 16, 25, 37.) воспоминается милосердіе Самарянина, врачевавшаго язвы ближняго елеемъ и виномъ, а въ слѣдующихъ представляются примѣры милосердія Спасителева къ грѣшникамъ и къ болящимъ, а притомъ внушается и хранить свѣтильникъ вѣры въ ожиданіи пришествія Господня (ж). Каждый Священникъ читаетъ особенную молитву, испрашивая больному и прощеніе грѣховъ и исцѣленіе отъ болѣзни; но, при помазаніи больнаго елеемъ (з), каждый творитъ одну извѣстную молитву надъ болящимъ („Отче святый, Врачу душъ и тѣлесъ“...), воспоминая Сына Божія и ходатайство святыхъ. Подъ конецъ раскрывается надъ главою болящаго Евангеліе, и предстоятель молится, да самъ Господь крѣпкою рукою своею, посредствомъ Евангелія, коснется страждущему и явитъ ему свое человѣколюбіе; за тѣмъ пріявшій елеосвященіе, испросивъ благословеніе и прощеніе у св. служителей, совершенно предаетъ себя всеблагой волѣ Божіей.

(е) Апостолъ 2-й. Римл. 15, 1— 7.
3— 1 Кор. 12, 27— 13, 8.
4— 2 Кор. 6, 16— 7, 1.
5— 2 Кор. 1, 8— 11.
6— Гал. 5, 22— 6, 2.
7— 1 Сол. 5, 14— 23.

(ж) Еванг. 2-е: Лук. 19, 1— 10.
3— Матѳ. 10, 1— 8.
4— Матѳ. 8, 14— 23.
5— Матѳ. 25, 1— 13.
6— Матѳ. 12, 21— 28.
7— Матѳ. 9, 9— 13,

(з) Елей соединяется съ виномъ, по примѣру врачеванія, упоминаемаго въ притчѣ о Самарянинѣ.

СЛОВО

ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ПАСТВЫ, СКАЗАННОЕ ВЪ БѢЛАВИНСКОЙ КАМЕННОЙ ПУСТЫНѢ, ЧТО НА ОСТРОВУ КУБЕНСКАГО ОЗЕРА, НА ПАМЯТЬ ПР. ІОАСАФА КАМЕНСКАГО, 1841 г. СЕНТЯБРЯ 10 ДНЯ,

Преосв. Иннокентіемъ, Еписк. Харк. и Ахт.

Терпя потерпѣхъ Господа и внятъ ми, и услыша молитву мою, и возведе мя отъ рова страстей и отъ бренія тины и постави на камени нозѣ мои, и исправи стопы моя, и вложи во уста моя пѣснь нову, пѣніе Богу на-

шему. Узрятъ многи, и убоятся, и уповаютъ на Господа. (Псал. 39, 1— 4.)

Достигши къ вамъ путемъ новымъ и доселѣ непроходимымъ (*), видѣвъ на семъ пути, подобно древнему Израилю, оспрану себя сюду и сюду волны, и возшедши потомъ на скалу вашу, окруженную шумящимъ озеромъ, я невольно вчера привелъ себѣ на память сіи слова Давидовы, и теперь обращаю ихъ къ вамъ вмѣсто праздничнаго привѣтствія. Чтобы сіе привѣтствіе не показалось однако же кому либо неяснымъ, воскресимъ въ памяти нашей обстоятельства жизни Давидовой, послужившія поводомъ къ произнесенію словъ выше приведенныхъ.

Извѣстно, что Царь и Пророкъ, въ продолженіе своей жизни, подлежалъ множеству всякаго рода опасностей, и внѣшнихъ— отъ гоненій Саула, и внутреннихъ— отъ преслѣдованій того врага, который самаго Саула сдѣлалъ изъ Помазанника Божія человѣкомъ отверженнымъ. Спасаясь отъ преслѣдованій Саула бѣгствомъ, св. Давидъ не разъ обтекалъ горы и холмы Іудейскіе, и одна изъ утесистыхъ скалъ послужила ему къ рѣшительному торжеству надъ гонителемъ (1 Цар. 26, 15). Сей то случай, конечно, имѣлъ онъ въ виду, когда вдохновенною простію писалъ благодарственную пѣснь: *на камень вознесе мя, вознесе главу мою.* Но у Давида была и другая скала, другой камень прибѣжища, на которомъ спасался онъ отъ преслѣдованія духовнаго Саула, съ нимъ, какъ извѣстно, жестоко ратовавшаго,— а также отъ собственнаго *малодушія, и отъ бури страстей.* Этотъ духовный камень былъ тотъ самый, изъ коего, по свидѣтельству Апостола, пили нѣкогда Израильтяне въ пустыни воду жизни (1 Кор. 10, 4.), камень, который Навуходоносоръ, въ чудномъ сновидѣніи, видѣлъ нѣкогда отторгшимся отъ *горы— безъ рукъ,* поразившимъ собою и обратившимъ въ прахъ истуканъ царствъ земныхъ,— ставшимъ потомъ въ гору велику и наполнившимъ собою всю землю (Дан. 2, 34— 36). Камень, на коемъ стоитъ Церковь Христова, не боясь вратъ адовыхъ, на коемъ утверждаются и отъ коего піютъ воду жизни всѣ вѣрующіе, то есть— Господь нашъ, Іисусъ Христосъ. Если какой камень, то сей, безъ сомнѣнія, не забытъ былъ Давидомъ, когда, отъ полноты благодарнаго сердца за оказанное благодѣяніе, онъ воскликалъ: *на камень вознесе мя: обыдохъ и пожрохъ жертву хваленія и восклицаніе!*

Видите теперь силу словъ Давидовыхъ, и почему они обращаются къ вамъ отъ меня вмѣсто праздничнаго привѣтствія! И вы вознесены на сугубый камень— чувственный и духовный; и подъ вами двѣ скалы— видимая и невидимая! Крѣпка скала видимая: сколько вѣковъ озеро борется съ нею, хочетъ опрокинуть ее и всегда возвращается вспять, такъ что вы каждый день видите предъ собою исполненіе глагола Творческаго: *до сего дойдеши, и не прейдеши; но въ тебѣ сокрушатся волны твоя.* Но сто кратъ крѣпче и несокрушимѣе скала невидимая, на коей утверждается внутренній человѣкъ вашъ. Что можетъ про-

(*) Въ слѣдствіе чрезвычайной засухи, бывшей въ 1841 г., къ острову открылся сухой путь съ восточной стороны.

тивъ Господа и Спасителя нашего весь міръ съ его соблазнами, самъ князь міра съ его темнымъ оружіемъ и воинствомъ?— Стойте же, возлюбленные, стойте непоколебимо на семъ духовномъ камени, утверждайтесь, возвышайтесь, и сами, *яко каменіе живо, зиждится вѣ храмъ духовенъ, вѣ святительство свято, возносити жертвы благопріятны Богови Іисусомъ Христомъ!* (1 Пет. 2, 5). Доколѣ вы на семъ камени Вѣры, до толѣ не страшны никакія волны искушеній, никакія бури страстей: пошумятъ и пройдутъ; не дадутъ внѣшнему человѣку вашему нѣсколько ночей спокойно уснуть, но не отнимутъ мира у духа; оторвутъ, унесутъ какой либо кусокъ земли, то есть, что было въ васъ земнаго и нечистаго, но не опровергнутъ храмины спасенія, утвержденной на камени. Когда возшумитъ вокругъ васъ буря и свирѣпыя волны начнутъ биться въ стѣны обители вашей, помышляйте при семъ, что на морѣ житейскихъ попеченій свирѣпствуютъ еще большіе вѣтры, (Сколько тамъ несчастій! сколько потопленій! сколько слезъ и стоновъ!) и, представляя вашу здѣсь духовную безопасность, повергайтесь съ благодарностію предъ тѣмъ, кто извелъ васъ отъ рова страстей, отъ бренія мірской тины, и поставилъ на камени ноздѣ ваши. А между тѣмъ, памятуя, что среди бури и волненій всегда могутъ быть люди на озерѣ, васъ окружающемъ, въ эту минуту, можетъ быть борющіеся съ опасностію смерти,— воздѣвайте, какъ можно чаще, руки ваши къ небу и молитесь о спасеніи ихъ.— Да, возлюбленные, не напрасно скалѣ, васъ на себѣ носящей, повелѣно стать на самой срединѣ бурнаго озера; это значитъ, что св. обитель ваша съ ея крестоносными главами должна служить въ знаменіе спасенія и прибѣжища для всей страны окрестной, для всѣхъ погибающихъ тѣломъ и духомъ. Не забывайте сего Божественнаго предназначенія! Да обрѣтаютъ у васъ всѣ притекающіе сюда пріютъ радушный и благовременную помощь! А вмѣстѣ съ симъ да обрѣтаютъ они у васъ пристанище и покой душамъ своимъ! Давидъ за то, что вознесенъ былъ на камень, приносилъ Господу, его вознесшему, въ жертву овновъ и тельцовъ; а вы за то же самое приносите нелѣностно жертву безкровную, молясь о мирѣ всего міра, о плавающихъ и труждающихся на озерѣ вашемъ, и объ отпущеніи грѣховъ тѣмъ, кои за симъ самымъ и приходятъ къ вамъ, особенно во дни свят. четыредесятницы. Да не исходитъ изъ таковыхъ никто ненаставленнымъ неуврачеваннымъ, неутѣшеннымъ! Располагайте къ покаянію, и трогайте ихъ не столько словами, сколько слезами вашими. Такимъ образомъ безводная и безплодная скала ваша содѣлается, благодатію Божіею, неизсякаемымъ источникомъ благословеній для цѣлой страны, и превзойдетъ плодоносіемъ духовнымъ всѣ нивы и вертограды мірскіе.

Что сказать вамъ, кои съ такимъ усердіемъ, не смотря на трудность пути, оставивъ домы и всѣ занятія свои, собрались сюда на праздникъ пустынный? По самому усердію вашему къ сему мѣсту видно, что шумъ міра не заглушилъ вашего слуха духовнаго, что блага земныя не могутъ наполнить вашего сердца, что вы знаете цѣну уединенія и жизни отшельнической, и, можетъ быть, завидуе

те тѣмъ, кои обитаютъ здѣсь. Благословенно чувство, васъ сюда приведшее! Питайте святую тоску по небесномъ отечествѣ, укрѣпляйте ее всѣми средствами, а для сего, не оставляйте припекать подъ мирный кровъ сей святой обители. Но не скучайте, брат. своимъ состояніемъ, и не мыслите, чтобы оно мѣшало вамъ быть истинными Христіанами. Нѣтъ, св. Праотцы всѣ жили въ супружескомъ состояніи; и однакоже Авраамъ заслужилъ имя отца вѣрующихъ. Моисей имѣлъ семейство, и однакоже былъ Пророкъ, вождь народа Божія, чудотворецъ и другъ Божій. Надобно только, живя въ мірѣ, не порабощать духа міру, не прилѣпляться сердцемъ къ тлѣннымъ благамъ его, не забывать обязанностей евангельскихъ, удаляться грѣховъ и каяться въ тѣхъ, кои совершены волею или неволею: кто будетъ жить такимъ образомъ, тотъ и въ мірѣ получитъ спасеніе. Ибо отъ чего зависитъ спасеніе? Не отъ платья и одежды, не отъ мѣста и званія; а отъ вѣры и дѣлъ добрыхъ. Кто же не въ состояніи имѣть вѣру и творить добро? Тебѣ не льзя напр. быть часто на службѣ Божіей? Вмѣсто сего что ни дѣлаешь, дѣлай во славу Божію; и ты всегда будешъ на службѣ Божіей. Закидываешь ли мрежи, и проводишь ночь на озерѣ; или воздѣлываешь землю, и проводишь день на полѣ: коль скоро ты дѣлаешь то и другое, призвавъ имя Господа Іисуса, оградивъ себя крестомъ, съ намѣреніемъ употребить добытое трудомъ на дѣло благое; то съ тобою Ангелъ хранитель, съ тобою сама благодать Божія. То худо, если дѣла житейскія совершаются по язычески, съ ропотомъ и клятвою, съ корыстолюбіемъ и обманомъ, для похоти и прихотей: тогда подлинно губится душа и тѣло. Но кто велитъ совершать свое дѣло такимъ образомъ? Это зависитъ отъ насъ, какъ отъ насъ же зависитъ всѣ положенія и всѣ дѣла свои освящать молитвою.

Сими и подобными размышленіями утѣшайте и ободряйте себя, брат., и будьте увѣрены, что Царство небесное равно отверзсто для всѣхъ, иноковъ и мірянъ, и что если въ мірѣ,—какъ иногда и въ обителяхъ иноческихъ,— погибаютъ, то отъ самихъ себя, погибаютъ не по недостатку средствъ ко спасенію, а потому что не пользовались ими, не радѣли о душѣ своей. Аминь.

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 23 Апрѣля, 1843. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 8. НЕДѢЛЯ ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ. Маія 30. 1843.

Духъ твой благій наставитъ мя на землю праву.

Проким. на литургіи.

На Утрени: Евангеліе, Іоан. 20, 19—23.
На Литургіи: Апост. Дѣян. 2, 1—11. Еванг. Іоан. 7, 37—52. 6, 12?

БЛАЖ. АВГУСТИНА

О дарованіи св. Духа вѣрующимъ (а).

Аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко Мнѣ и піетъ. Вѣруяй въ Мя, якоже рече Писаніе, рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы. Сіе же рече о Дусѣ, егоже хотяху пріимати вѣрующіи во имя Его: не у бо бѣ Духъ святый, яко Іисусъ не у бѣ прославленъ. Іоан. 7, 37—39.

Есть жажда внутреннѣйшая и чрево внутреннѣйшее, потому что есть человѣкъ внутренній. И сей внутренній невидимъ, а внѣшній видимъ, и лучше внутренній, нежели внѣшній.— Взываетъ убо Господь, да пріидемъ и піемъ, если внутренно жаждемъ, и говоритъ, что когда испіемъ, то рѣки воды живы истекутъ отъ чрева нашего. Чрево внутренняго человѣка— совѣсть сердца. И такъ питіемъ оной воды живится очищенная совѣсть, и почерпающій сію воду будетъ имѣть источникъ, даже самъ будетъ источникомъ. Что такое источникъ и что рѣка, текущая изъ чрева внутренняго человѣка? Это благость, охотно дѣлающая добро ближнему. Кто думаетъ, что піемое должно довольствовать его одного, отъ чрева его не течетъ вода живая; а кто поспѣшаетъ дѣлать добро ближнему, тотъ не засыхаетъ, потому что течетъ. Теперь посмотримъ, что такое піютъ вѣрующіе въ Господа. Какъ Христіане, и мы вѣруя піемъ, и каждый долженъ самъ въ себѣ сознавать, піетъ ли онъ и живетъ ли имъ, что піетъ: ибо источникъ не оставляетъ насъ, если мы не оставляемъ его.

Евангелистъ изъяснилъ, къ какому питію приглашалъ Господь. *Сіе же рече,* говоритъ, *о Дусѣ, егоже хотяху пріимати вѣрующіи въ Него. Не убо бѣ Духъ святый, яко Іисусъ не у бѣ прославленъ.* Какъ есть у каждаго человѣка духъ свой, и онъ знаетъ, что внутрь насъ есть; такъ есть Духъ Божій, который знаетъ, что Божіе (1 Кор. 2, 11). Никто другой не знаетъ, что дѣлается въ человѣкѣ, а духъ человѣка знаетъ. Но получивъ Духа Божія, мы познаемъ и то, что совершается въ Богѣ, не все, потому что не все и получаемъ. Знаемъ многое по залогу: ибо мы получили залогъ, а

(а) Изъ 32 пракш. на Ев. Іоанна, сокращенно.

довершеніе залога дастся послѣ. Между тѣмъ въ этомъ странствіи да утѣшаетъ насъ залогъ: ибо удостоившій насъ залога, готовъ дать много. Если таковъ даръ предварительный, то каковъ совершительный?

Но что значитъ слово Евангелиста: „не былъ еще Духъ данъ (б), потому что Іисусъ не былъ еще прославленъ?“ Не трудно уразумѣть сіе. Не могъ не быть Духъ Божій, который былъ у Бога; но не было Его еще въ тѣхъ, кои вѣровали въ Іисуса. Ибо такъ положилъ Господь Іисусъ Христосъ, Духа, о коемъ говоримъ, дать имъ не иначе какъ послѣ своего воскресенія, и это не безъ причины. Какая же причина тому? Прежде нежели скажемъ о семъ, что можемъ, въ отвращеніе недоумѣній, спросимъ: какъ не было еще Духа въ людяхъ святыхъ, когда о самомъ Господѣ новорожденномъ читаемъ въ Евангеліи, что Духомъ святымъ позналъ Его Симеонъ познала и Анна— вдова пророчица, позналъ самъ Іоаннъ, Его крестившій; Духомъ же святымъ исполненный Захарія многое изрекъ; Духа святаго пріяла и Марія, чтобы зачать Господа. Не другаго Духа имѣли и Пророки, предвозвѣстившіе пришествіе Христово, но будущему времени предоставленъ былъ такой образъ даянія, какого прежде не было видно: о семъ-то здѣсь говорится. Ибо прежде нигдѣ не читаемъ, чтобъ люди, собравшись и получивъ св. Духа, говорили языками всѣхъ народовъ.— Сего Духа послалъ Онъ свыше въ день Пятидесятницы. И мы увѣрены, что всякій изъ насъ и нынѣ получаетъ сего Духа, только кто какой мѣры сосудъ приноситъ къ источнику, такой и наполняетъ. Если же, скажутъ, Духъ сей получается и нынѣ, то почему никто не говоритъ языками всѣхъ народовъ? Потому, что уже сама Церковь говоритъ языками всѣхъ народовъ. Прежде въ одномъ народѣ была Церковь и говорила языками всѣхъ, означая тѣмъ то, что распространясь по народамъ, она будетъ говорить языками всѣхъ. Кто не въ сей Церкви, тотъ и нынѣ не получаетъ св. Духа. Отсѣченный и отдѣленный отъ единства членовъ, говорящаго языками всѣхъ, пусть не приписываетъ себѣ того, чего не имѣетъ. Ибо если имѣетъ, то пусть дастъ знаменіе, какое давалось тогда,— пусть говоритъ всѣми языками. А ты, скажешь, говоришь ли всѣми языками?— Точно говорю, потому что всякій языкъ есть мой, то есть, принадлежитъ тому тѣлу, коего я членъ. Церковь, распространенная по народамъ, говоритъ всѣми языками. Церковь есть тѣло Христово; въ семъ тѣлѣ ты членъ; а когда ты членъ того тѣла, которое говоритъ всѣми языками, то вѣруй, что и ты говоришь всѣми языками.

И такъ получили и мы св. Духа, если любимъ Церковь, если связуемся любовію, если имѣемъ имя каѳолическое и вѣру. Вѣримъ, братіе, что сколько кто любитъ Церковь Христову, столько имѣетъ св. Духа. Апостолъ предпочелъ любовь язы-

(б) Августинъ читалъ: „Духъ данъ,“ какъ стоитъ въ нѣкоторыхъ кодексахъ (вм. ἅγιον— δεδόμενον).

камъ человѣческимъ и ангельскимъ, предпочелъ чудесамъ вѣры, предпочелъ знанію и пророчеству, предпочелъ даже великому дѣлу милосердія,— раздаянію всего имѣнія бѣднымъ, наконецъ предпочелъ ее самому страданію тѣла (1 Кор. 13, 1. и д.). Имѣй любовь, и будешь имѣть все. А что любовь принадлежитъ св. Духу, внимай о томъ слову Апостола: *любы Божія изліяся вѣ сердца наша Духомъ святымъ даннымъ вѣ насъ* (Римл. 5, 5).— Почему же сего Духа, коимъ излита любовь Божія въ сердца наши, Господь благоволилъ даровать по своемъ воскресеніи? Что симъ означилъ? То, чтобы любовь наша пламенѣла въ воскресеніи нашемъ, чтобъ удаляла насъ отъ любви міра, чтобы вся текла къ Богу: Ибо здѣсь раждаемся и умираемъ, здѣшняго да не любимъ; любовію да преселяемся, и вселяемся горѣ, тою любовію, которую имѣемъ къ Богу.— Господь не блага сего міра обѣщалъ намъ, когда сказалъ: „вѣруяй въ Мя да пріидетъ и да піетъ, и рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы.“ Обѣщалъ жизнь вѣчную, гдѣ нѣтъ мѣста никакой боязни, никакому смущенію, откуда не прейдемъ, гдѣ не умремъ, гдѣ не оплакиваютъ покойниковъ и не ожидаютъ наслѣдниковъ. Вотъ что обѣщалъ Онъ любящимъ, любовію св. Духа пламенѣющимъ; а потому и благоволилъ даровать Духа только по своемъ прославленіи: да явитъ въ своемъ тѣлѣ жизнь, которой теперь не имѣемъ, а ожидаемъ въ воскресеніи.

СВ. ОТЦА НАШЕГО ДИМИТРІЯ, МИТРОП. РОСТОВСКАГО

О разнообразныхъ явленіяхъ въ мірѣ Духа Святаго.

Господь Богъ обѣщалъ чрезъ Пророковъ послать къ человѣкамъ св. Духа своего, и сіе обѣщаніе нѣсколько разъ исполнилъ: ибо, не однажды, но нѣсколькократно, въ различныхъ видахъ, Духъ св. являлся въ мірѣ. Такъ, Онъ являлся въ видѣ голубинѣ, при крещеніи Христовомъ,— въ свѣтломъ облакѣ, во время преображенія І. Христа,— въ бурномъ дыханіи вѣтра, какъ свидѣтельствуетъ св. Лука: *бысть внезапу съ небесе шумъ, яко носиму дыханію бурну, и исполни весь домъ, идѣже бяху сѣдяще,* (Дѣян. 2, 2.); наконецъ, по свидѣтельству тогоже Евангелиста,— во огненныхъ языкахъ.— Для чего, спросишь, въ столь различныхъ видахъ?— Для многихъ, назидательныхъ для насъ причинъ.

И во первыхъ, Духъ св. явился въ видѣ голубинѣ, потому, что св. Церковь именуется въ Писаніи голубицею (пѣсн. пѣсн. 2, 10.), и что голубь есть не хищная птица, но простѣйшая, не имѣющая въ себѣ никакой лести. Потому, и жилищемъ св. Духа бываютъ только такіе люди, которые имѣютъ сердце простое и смиренное, а не коварное и лукавое. Далѣе, Духъ св. явился въ видѣ голубинѣ и для того, дабы научить насъ, чрезъ богомысліе возноситься на высоту и водворяться съ Богомъ. Кто непрестанно стремится въ селенія небесныя и восклицаетъ съ Псалмопѣвцемъ: *кто дастъ мнѣ крылѣ, яко голубинѣ, и полещу и почію,* (Пс. 54, 7.) того Духъ

св., таинственно, переноситъ на крыліяхъ своихъ въ селенія небесныя.

Во вторыхъ, Духъ св. явился въ облакѣ на Ѳаворѣ, такъ точно, какъ и въ Ветхомъ Завѣтѣ, Онъ являлся во облакѣ Моисею, ибо написано: *сниде Господь во облацѣ* (Исх. 34, 5). Изъ облаковъ изливается дождь, орошающій и оплодотворяющій землю: такъ и Духъ св., по словамъ Апостола, изливаетъ дождь своея благодати на сердца наши: *любы Божія изліяся вѣ сердца ваша Духомъ святымъ, даннымъ вамъ* (Рим. 5, 5).— Въ облакахъ раждаются молніи и громы, изъ нихъ исходятъ молніеносныя стрѣлы и огненное запаленіе: подобно сему дѣйствуетъ Духъ св. въ устахъ Учителей церковныхъ. Ибо, какъ молнія свѣтомъ своимъ прогоняетъ тьму, и какъ громъ устрашаетъ человѣковъ: такъ, исполненные св. Духа Учители Церкви, проповѣдію своею, разгоняютъ темные грѣхи человѣковъ и устрашаютъ грѣшниковъ, напоминая намъ вѣчныя мученія, ожидающія всѣхъ работающихъ грѣху.

Въ третьихъ, Духъ св. явился въ бурномъ дыханіи вѣтра. Вѣтръ имѣетъ силу отдѣлять плевелы отъ пшеницы: такъ Духъ св. отдѣляетъ плевелы, т. е. грѣшниковъ отъ праведниковъ, которые именуются чистою пшеницей. Добрая пшеница былъ Ной и его семейство, а всѣ современники ихъ были плевелы, и— Духъ св. отдѣлилъ плевелы отъ пшеницы, т. е. спасъ Ноя съ семействомъ его и погрузилъ всѣхъ прочихъ въ волнахъ потопа; добрая пшеница былъ Лотъ и его семейство, а Содомляне были плевелы, и— Духъ св. отдѣлилъ плевелы отъ добраго сѣмени, извелъ изъ Содома Лота и его семейство, а Содомлянъ погубилъ огнемъ жупельнымъ. Опять, вѣтръ имѣетъ такую силу, что не только отдѣляетъ плевелы отъ пшеницы, но искореняетъ высокія деревья: финики цвѣтущіе, кипарисы благовонные, дубы Васанскіе и кедры Ливанскіе; подобно сему, Духъ св. ниспровергаетъ и искореняетъ напыщенныхъ, горделивыхъ и высокомѣрныхъ людей, которыхъ Пророкъ уподобляетъ высокимъ деревьямъ: *видѣхъ нечестиваго превозносящася и высящася яко кедры Ливанскіе, и мимо идохъ и се не бѣ, и взыскахъ его, и не обрѣтеся мѣсто его* (Пс. 36, 35). Наконецъ, вѣтръ имѣетъ еще и такую силу, что проникаетъ въ разсѣлины и пещеры подземныя, очищаетъ въ нихъ воздухъ отъ тлетворныхъ паровъ, и— иногда, не находя выхода, движетъ и колеблетъ землю: такъ Духъ св. проникая въ сердце человѣческое, очищаетъ его благодатнымъ вѣяніемъ своимъ отъ губительныхъ страстей, воздвигаетъ его отъ грѣховнаго сна, и обновляетъ духъ правый во утробѣ человѣка (Пс. 50. 12).

Наконецъ, Духъ св. явился въ видѣ огненныхъ языковъ для того, чтобы дать Апостоламъ слова огненныя: ибо слово Божіе именуется въ Писаніи огнемъ (Апок. 11, 5). Еще же и для того, дабы показать, что Онъ есть тотъ же самый Богъ, который, въ Ветхомъ Завѣтѣ, показался Моисею въ купинѣ огненной, изводилъ Израиля изъ Египта столпомъ огненнымъ, являлся ему на дымящемся Синаѣ, и Даніилу на престолѣ огненномъ. Равнымъ образомъ, чрезъ сіе явленіе въ видѣ огненныхъ языковъ, Духъ св. показалъ свое единосущіе со Христомъ, Сыномъ Божіимъ, который пріидетъ нѣ-

когда на землю также во огни, судитъ живыхъ и мертвыхъ, какъ предсказалъ Псалмопѣвецъ: *огнь предъ Нимъ возгорится и окрестъ его буря зѣльна, призоветъ небо свыше и землю разсудити люди своя* (Пс. 49, 3.), и какъ свидѣтельствуетъ Апостолъ Петръ: *небеса съ шумомъ мимоидутъ, стихіи же сжигаеми разорятся, земля же и яже на ней дѣла сгорятъ* (2 Петр. 3, 10).

Душе благій и истинный! пріиди нынѣ съ высоты святыя твоея и вселися въ ны, отыми отъ насъ сердце каменно и даруй намъ сердце плотяно, и благодатнымъ вѣяніемъ твоимъ потреби въ насъ тлетворныя страсти и духъ правый обнови во утробахъ нашихъ, да облагодатствованные Тобою, мы единодушно воскликнемъ: видѣхомъ свѣтъ истинный, пріяхомъ Духа небеснаго, емуже со Отцемъ и Сыномъ подобаетъ честь и поклоненіе во вѣки. Аминь.

Духъ Святый— свѣтъ и животъ.

Пѣснь Церкви.

По истинѣ Духъ Святый есть свѣтъ невечерній, поелику есть Богъ истинный, единосущный и равночестный Богу Отцу, о которомъ говоритъ св. Іоаннъ: *Богъ есть свѣтъ, и тьмы въ Немъ нѣсть ни единыя;* соприсносущный и сопрестольный Сыну Божію, который Самъ говоритъ о себѣ: *Азъ свѣтъ въ мірѣ пріидохъ.* Во истину Духъ Святый есть животъ присносущный; ибо Самъ Богъ Отецъ, который *даде Сынови животъ имѣти въ себѣ* посредствомъ предвѣчнаго и неизреченнаго рожденія, даде и Духу Святому животъ имѣти въ себѣ, посредствомъ предвѣчнаго и неизреченнаго исхожденія. Праведно убо и боголѣпно воспѣваетъ святая Церковь: *Духъ Святый свѣтъ и животъ.* Но— что особенно драгоцѣнно и утѣшительно для насъ— Духъ Святый есть не только свѣтъ самъ въ себѣ, но и свѣта податель всѣмъ ищущимъ свѣта божественнаго; не только животъ присносущный, но и животворяй всѣхъ, не имущихъ живота въ себѣ.

1., Духъ Святый есть *свѣтъ и свѣта Податель.* Такъ, есть свѣтъ вещественный, который открываетъ очамъ нашимъ весь міръ Божій, являетъ красоту неба и земли, даетъ созерцать и употреблять въ нашу пользу всѣ творенія Божіи, являетъ путь, по которому направляются стопы наши. Но есть и свѣтъ невещественный, духовный, который открываетъ уму нашему другой высшій и совершеннѣйшій міръ— духовный, даетъ созерцать и познавать не только видимыя твари, но и самаго Творца невидимаго, и тьмы темъ безплотныхъ Ангеловъ, окружающихъ престолъ Божій, указуетъ намъ путь жизни духовной, по коему можемъ восходить и приближаться къ Отцу небесному. Свѣтъ вещественный доставляетъ намъ солнце; свѣтъ духовный источаетъ Духъ Святый. Когда сокрывается солнце; тогда сокрывается отъ насъ весь міръ, мы остаемся во тьмѣ, въ которой и малый и большой не видятъ ничего: такъ, когда Духъ Святый сокрывается отъ человѣка, сокрывается отъ него и весь міръ духовный; онъ остается въ такой осязаемой тьмѣ, въ которой и проспой и мудрый не видятъ и не познаютъ предметовъ духовныхъ. По сему-то, когда Господь Богъ, про-

гнѣванный грѣхами человѣческими, отъялъ отъ нихъ Духа своего, сказавъ: *не имать Духъ мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ, зане суть плоть:* тогда почти весь родъ человѣческій погрязъ во тьмѣ суевѣрія и идолопоклонства; и не только простые, но и *елленолюбіися быти мудрыми обьюродѣша, и измѣниша славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна человѣка, и птицъ и четвероногъ и гадъ.* Когда же Господь нашъ Іисусъ Христосъ, облекшись въ естество человѣческое, и своими страданіями и смертію примиривъ насъ Богу Отцу, паки ниспослалъ Духа Святаго на землю: тогда вмѣсто прежней тьмы идолослуженія облисталъ повсюду свѣтъ истиннаго боговѣденія; тогда и некнижные рыбари содѣлались благовѣстниками таинъ Божіихъ, познали и возвѣстили міру *премудрость Божію сокровенную отъ вѣкъ и родовъ, юже никтоже отъ князей вѣка сего разумѣ,* но которую открылъ имъ Богъ Духомъ Святымъ; тогда и младенцы о Христѣ уразумѣли то, что сокрыто было отъ премудрыхъ и разумныхъ. Единъ Духъ Святый можетъ сообщить и намъ тотъ божественный свѣтъ, который можетъ просвѣтить насъ въ познаніи таинъ спасенія нашего; безъ Него мы навсегда останемся во тьмѣ, такъ что даже, по слову Апостола, *никтоже можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ.*

Какъ сообщается намъ сей Божественный свѣтъ? сообщается посредствомъ слова Божія, которое, исходя непосредственно отъ самаго источника свѣта— Духа Святаго, само есть истинный свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка грядущаго въ міръ;— посредствомъ закона Божія, который есть *свѣтильникъ ногамъ и свѣтъ стезямъ нашимъ.* Впрочемъ и само слово Божіе есть *свѣтильникъ, сіяющій въ темномъ мѣстѣ,* только дотолѣ, *дондеже свѣтъ озаритъ, и денница возсіяетъ* въ самыхъ *сердцахъ нашихъ;* и законъ, написанный на скрыжаляхъ каменныхъ, долженъ быть написанъ на скрыжалѣхъ сердца плотяныхъ. Чрезъ чтеніе Слова Божія и чрезъ исполненіе закона Господня должно искать того, чтобы самъ Духъ Святый пришелъ и вселился въ насъ, даровалъ намъ то божественное помазаніе, которое учитъ человѣка всему, которое истинно, и нѣсть ложно. Тогда внутрь насъ самихъ откроется неизсякаемый источникъ свѣта истиннаго; а безъ сего одно внѣшнее озареніе и просвѣщеніе словомъ Божіимъ будетъ озарять насъ только на время, но не избавитъ совершенно отъ тьмы.

Какъ пріемлется божественный свѣтъ, сообщаемый намъ Духомъ Святымъ?— Свѣтъ вещественный пріемлется окомъ чувственнымъ; свѣтъ духовный пріемлется живою вѣрою, которая есть око ума нашего, и хранится въ чистой совѣсти. Потому, у кого чище, тверже, и совершеннѣе вѣра; тотъ видитъ болѣе, прозрѣваетъ далѣе; тотъ, подъ руководствомъ слова Божія и Духа Святаго, постигаетъ вся тайны и весь разумъ, вѣсть вся, отъ Бога дарованная намъ; тому даруется Духомъ Святымъ прозрѣвать даже и тѣ блага,— *ихже око невидѣ и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его.* Напротивъ, у кого сіе око ума темно, тотъ и видя не видитъ, и слыша не разумѣетъ; тотъ, и при свѣтѣ, пребываетъ во тьмѣ, *и не*

вѣсть камо идетъ, яко тьма ослѣпи ему очи. Равнымъ образомъ, чѣмъ чище и свѣтлѣе совѣсть, тѣмъ яснѣе и лучше отражается въ ней законъ Божій, тѣмъ совершеннѣе напечатлѣвается въ ней воля Божія, благая и благоугодная и совершенная: напротивъ у кого совѣсть омрачена злыми дѣлами, упорствомъ и ожесточеніемъ, въ томъ не можетъ обитать Духъ Святый, податель свѣта Божественнаго; ибо *кое общеніе свѣту ко тьмѣ?*— Посему-то слово Божіе заповѣдуетъ намъ просить у Бога премудрости съ вѣрою, *ничтоже сумнящеся,— сумняйся бо уподобися волненію морскому вѣтры возметаему;* хранить открываемое Духомъ Святымъ таинство вѣры въ чистой совѣсти. Въ такомъ только случаѣ Духъ Святый будетъ и для насъ свѣтомъ и подателемъ свѣта.

2., Но Духъ Святый есть вмѣстѣ *животъ и животворяй.*— Есть у насъ жизнь тѣлесная, которая обнаруживается въ стройномъ и согласномъ дѣйствованіи всѣхъ частей и составовъ тѣла по законамъ естества, въ надлежащемъ исполненіи всѣми тѣлесными членами того, что намъ нужно и угодно: и есть жизнь духовная, которая обнаруживается также въ согласномъ дѣйствованіи всѣхъ силъ и способностей души по закону Божію, въ исполненіи всего, что угодно волѣ Божіей. Жизнь тѣлесная поддерживается вещественными стихіями, изъ которыхъ первоначально составлено наше тѣло; жизнь духовная поддерживается Духомъ Святымъ, который испервa вдуну въ лице человѣка дыханіе жизни. Какъ скоро вещество перестаетъ питать тѣло, оно умираетъ и предается тлѣнію: какъ скоро Духъ Святый перестаетъ животворить нашу душу,— жизнь духовная прекращается въ ней; она становится мертвою прегрѣшеньми, растлѣвается въ беззаконіяхъ. Такъ, когда Господь отъялъ Духа своего отъ людей; они всѣ преданы были въ *неискусенъ умъ творити неподобная,* и *растлѣшася въ беззаконіяхъ. Господь приниче объ высоты видѣти, аще есть разумѣваяй или взыскаяй Бога,*— и чтожъ увидѣлъ? *вси уклонишася, вкупѣ неключими быша, нѣсть творяй благостыню, нѣсть до единаго.* Нѣтъ грѣха, котораго не совершили бы человѣки, нѣтъ вида нечестія, котораго не посѣялъ бы сатана между ними; такъ что св. Павелъ всѣхъ людей, не оправданныхъ Духомъ Святымъ, ради заслугъ Сына Божія, именуетъ мертвыми прегрѣшеньми. Когда же Господь нашъ Іисусъ Христосъ, положивши душу свою за животъ міра, ниспослалъ въ міръ животворящаго Духа своего: то лице земли обновилось, посреди растлѣннаго грѣхами міра явилось царство Божіе— общество людей святыхъ и богоугодныхъ; оживотворенные благодатію Святаго Духа грѣшники содѣлались чадами Божіими, въ которыхъ сіяютъ совершенства Отца небеснаго. Нѣтъ добродѣтели, которой не олицетворили бы въ себѣ сіи люди, рожденные отъ Духа Святаго; нѣтъ искушенія, котораго не побѣдили бы сіи воины Христовы; нѣтъ столь высокаго дарованія духовнаго, котораго они не сподобились бы принять отъ Духа Святаго; нѣтъ чуда, котораго не совершили бы силою обитавшей въ нихъ благодати. Такъ, единъ Духъ Святый благодатію своею оживотворитъ умершій грѣхомъ духъ нашъ, возвращаетъ ему истинную богоподобную жизнь: не пріобщившись сея бо-

жественныя жизни, мы остались бы мертвыми на вѣки.

Какъ сообщается намъ сія божественная жизнь? Сообщается въ святыхъ таинствахъ Церковныхъ. Святое Крещеніе возраждаетъ насъ въ новую благодатную жизнь, изъ сыновъ гнѣва и проклятія творитъ чадами любви и благоволенія Божія; св. Миропомазаніе сообщаетъ намъ вся божественныя силы, яже къ животу и благочестію, творитъ насъ способными къ содѣянію дѣлъ правды, любви и благочестія; св. Покаяніе врачуетъ язвы совѣсти нашея, налагаемыя ей дѣлами неподобными, оживляетъ и воскрешаетъ паки духъ нашъ, коликократно ни подвергаемся мы грѣхамъ смертнымъ, лишающимъ насъ благодати всесвятаго Духа; пречистая плоть и кровь Господа Іисуса Христа, пріемлемыя въ таинствѣ Евхаристіи, питаютъ, укрѣпляютъ и животворятъ Духъ нашъ, по оному слову Господню: *плоть Моя истинно есть брашно и кровь Моя истинно есть пиво; ядый Мою плоть и піяй Мою кровь, имать животъ вѣчный*. Впрочемъ св. Таинства суть только орудія благодати всесвятаго Духа, которую должно надлежащимъ образомъ принять и усвоить, такъ чтобы она вселилась и обитала въ насъ; безъ сего участіе въ св. Таинствахъ не содѣлаетъ насъ причастниками божественной жизни и безсмертія.

Какъ пріемлется божественная жизнь сообщаемая намъ Духомъ Святымъ?— Пріемлется искреннимъ сердечнымъ желаніемъ, соединеннымъ съ твердою и несомнѣнною вѣрою; удерживается въ насъ и усвояется намъ искреннимъ усердіемъ къ добродѣтельной и богоугодной жизни, непрестаннымъ упражненіемъ силъ своихъ въ подвигахъ добродѣтели и благочестія, соединеннымъ съ теплою молитвою къ Богу Отцу ниспосылающему намъ всесвятаго своего Духа, къ Сыну Божію заслужившему намъ любовь и благоволеніе Отца небеснаго, и къ Духу Святому, животворящему духъ нашъ. Когда хотятъ исцѣлить болящаго тѣлесно: то прежде всего стараются возбудить и поддержать въ немъ желаніе здравія и довѣріе къ врачу; потомъ требуютъ, чтобы онъ уклонялся отъ всего вредоноснаго ему, принималъ и употреблялъ все, что полезно его здравію. Такъ и Врачъ небесный не можетъ оживотворить и исцѣлить нашего духа, если не обрѣтетъ въ насъ искренняго желанія здравія, и совершенной вѣры и преданности Его волѣ; подаваемое намъ Духомъ Свят. врачевство жизни и безсмертія не принесетъ намъ пользы, если мы не отвратимся всѣмъ сердцемъ отъ мертвыхъ дѣлъ, убивающихъ нашу душу, не будемъ тщиться укрѣплять и возращать подаваемое намъ здравіе въ подвигахъ благочестія и любви Христіанской. При семъ только непреложномъ условіи, Духъ Святый будетъ и для насъ животъ и животворяй, свѣтъ и свѣта податель.

Свѣтъ и животъ!— Что-жъ драгоцѣннѣе свѣта? что любезнѣе жизни? Да будетъ же первымъ желаніемъ нашимъ, желаніе сего божественнаго свѣта и живота, и первѣйшимъ дѣломъ—снисканіе просвѣщенія и оживотворенія отъ всесвятаго Духа Божія! да будетъ выну на устахъ и въ сердцѣ нашемъ та святая молитва, которою св. Церковь предначинаетъ всѣ свои молитвословія: *Царю небесный, утѣшителю Душе исти-*

ны, иже вездѣ сый и вся исполняй, сокровище благихъ и жизни подателю, пріиди и вселися въ ны и очистини отъ всякія скверны, и спаси, блаже, души наша!

ВЫПИСКА

ИЗЪ ОДНОЙ ДРЕВНЕЙ ЦЕРКОВНОЙ КНИГИ (а)

О ТОМЪ, ПОЧЕМУ, ВЪ ДЕНЬ СВ. ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ, СЪ ЛИТУРГІЕЮ СОЕДИНЯЕТСЯ ВЕЧЕРНЯ.

Праздникъ св. Пятидесятницы имѣетъ ту особенность отъ прочихъ Христіанскихъ праздниковъ, что въ оный за литургіею непосредственно совершается вечерня. Кромѣ древнѣйшаго преданія о семъ, засвидѣтельствованнаго св. Златоустомъ (б), благочестивая древность представляетъ намъ еще двѣ, слѣдующія причины сего установленія, которое, какъ и всѣ учрежденія Церкви запечатлѣны духомъ высокаго благочестія.

„Божественные Апостолы, хотя получили Духа св. рано— въ третій часъ дня; однако, пріявши Его, не тотчасъ обратились ко вкушенію пищи, но весь тотъ день провели, не вкушая ея, въ проповѣданіи слова Божія и въ крещеніи обратившагося ко Христу народа: ибо говорится въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ (2, 41.): *крестишася и приложишася въ день той душъ яко три тысящи; бяху же терпяще во ученіи Апостолъ и во общеніи и въ преломленіи хлѣба и въ молитвахъ.* Общеніе же и преломленіе хлѣба было тогда не простое, но тоже, что св. Литургія, въ которой и до нынѣ есть общеніе крови Христовой и преломленіе хлѣба прелагаемаго въ тѣло Христово; а все заключилось, по свидѣтельству св. Луки,— молитвами. И такъ, Апостолы, получивъ св. Духа, весь день Пятидесятницы— до вечера, провели въ ученіи слова Божія, въ крещеніи, служеніи св. Литургіи и молитвахъ. Потому, и св. Церковь, подражая примѣру божественныхъ Апостоловъ, и съ другой стороны, соблюдая древнія правила, запрещающія постъ въ недѣлю, совершаетъ Литургію съ вечернею не въ самый вечеръ, (какъ обыкновенно бываетъ въ навечерія великихъ праздниковъ) но около полудня начавши Литургію, вслѣдъ за нею совершаетъ съ молитвами и вечерню; и такимъ образомъ подражаетъ примѣру свят. Апостоловъ и неизмѣняетъ древняго правила Церкви.“

„Другая причина сего церковнаго учрежденія есть та, что молитвы, въ которыхъ, съ колѣнопреклоненіемъ испрашиваемъ наитія на насъ св. Духа, и которыя Церковь издревле совершаетъ на вечерни, ни какъ не должно совершать по пріятіи пищи: ибо св. Апостолы, не вкушая ея, получили св. Духа. И такъ, противящіеся сему святому обычаю и совершающіе молитвы сіи послѣ вкушенія пищи, посмѣваются Духу св. также, какъ оные безумцы, которые говорили о Апостолахъ: *вина исполнены суть.* Если спроситъ кто, почему сіи молитвы не читаются предъ Литур-

(а) Евхологіонъ. 1646 года.
(б) Бесѣд. 4 на 2 посл. къ Солун.

гіею, или на самой Литургіи, напримѣръ, послѣ Евангелія,— такому отвѣтствуемъ, что св. Апостолы были чисты отъ всякой скверны, по свидѣтельству о нихъ самаго Господа (Іоан. 15, 10.); потому, не имѣя належащей нужды въ предварительномъ очищеніи себя чрезъ принесеніе безкровной жертвы, они и Духа св. получили прежде Литургіи; но мы, будучи исполнены грѣховныхъ нечистотъ, имѣемъ величайшую нужду прежде очиститься отъ нихъ чрезъ принесеніе сей жертвы, и потомъ уже молить о наитіи на насъ св. Духа: ибо Онъ вселяется только въ чистыя, а не оскверненныя души. Что касается до Литургіи, то она имѣетъ свой чинъ, который ни чѣмъ постороннимъ не можетъ быть пресѣченъ или прерванъ; притомъ, какъ сказано, намъ нужно прежде очиститься отъ грѣховъ чрезъ принесеніе грѣхоочистительной жертвы.

Заключимъ наконецъ словами самаго благочестиваго сказателя: „подобаетъ намъ, въ день сей подражати Апостоловъ, иже весь день, даже до вечера не ядше въ словѣ и молитвѣ пребыша, да аще не до вечера, поне до вечерни, не ядше, въ молитвахъ пребудемъ; ниже бо лѣпо есть первѣе чреву послуживше, и якоже бы наругавшеся Духу св., потомъ тому служити и того призывати.“

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 28 Апрѣля, 1845. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 9. НЕДѢЛЯ 1-я, ВСѢХЪ СВЯТЫХЪ. Іюня 6. 1843.

На Утрени: Евангеліе воскресное 1-е, Мат. 28, 16—20.
На Литургіи: Апост. Евр. 11, 33—40. 12, 1. 2. Еван. Мат. 10, 32. 33. 37. 38. 19, 27—30.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО, ГРИГОРІЯ ДВОЕСЛОВА (*)

о томъ, почему человѣкъ послѣ грѣхопаденія не вѣритъ въ міръ духовный.

Изгнаніе изъ рая прародителя нашего произвело бѣдствіе слѣпоты и отчужденія, которое до сихъ поръ тяготѣетъ на насъ; увлеченный ко грѣху внѣшнимъ міромъ, онъ не могъ уже видѣть тѣхъ благъ небеснаго отечества, которыя созерцалъ прежде. Въ раю человѣкъ могъ наслаждаться глаголомъ Божіимъ, могъ, по чистотѣ своего сердца, по возвышенности своихъ помысловъ, пребывать вмѣстѣ съ чистѣйшими духами; но съ тѣхъ поръ, какъ ниспалъ въ настоящее наше состояніе, онъ удалился отъ свѣта духовнаго, который озарялъ его прежде. Родившись отъ него въ слѣпотѣ нынѣшняго изгнанія, мы, хотя и слышимъ что есть небесное отечество, слышимъ объ его жителяхъ— Ангелахъ Божіихъ, объ ихъ содружествѣ съ праведными и совершенными; между тѣмъ все еще, увлекаемые плотію, не имѣя возможности повѣрить бытіе міра невидимаго опытомъ, предаемся (гибельному) сомнѣнію: существуетъ ли то, чего невидятъ наши тѣлесныя очи? Въ прародителѣ нашемъ это сомнѣніе не могло еще имѣть мѣста, потому что хотя онъ и изгнанъ былъ изъ рая, однако не могъ не признавать того, что хотя и потерялъ, но что по крайнѣй мѣрѣ прежде видѣлъ. А послѣдующій родъ не могъ уже ни чувствовать міра духовнаго, ни благоговѣть предъ нимъ по одному слуху отъ другихъ, не имѣя, подобно первому человѣку, сознанія о мірѣ духовномъ, даже какъ о чемъ-то прежде опытно— извѣстномъ. Если-бы напримѣръ какая нибудь жена родила и воспитала дитя свое въ темницѣ, а потомъ стала бы разсказывать ему о солнцѣ, лунѣ, звѣздахъ, горахъ, поляхъ, птицахъ, онъ не повѣрилъ бы ея словамъ; потому что самъ не дознался того опытно, а видѣлъ только мракъ темницы. Также точно и люди, рожденные въ слѣпотѣ изгнанія, питаютъ сомнѣніе касательно высокихъ, незримыхъ предметовъ духовныхъ, о которыхъ они слышатъ, когда имъ проповѣдуютъ. Имъ доступенъ только кругъ низшаго, видимаго бытія, въ которомъ они родились и воз-

(*) Изъ соч. Dialogi Lib. Quart cap. 1 et 2. edit. Antvcrpiae.

расли. Для сего-то Творецъ всего видимаго и невидимаго, для искупленія рода человѣческаго, даровалъ Сына своего Единороднаго и послалъ Духа Святаго въ сердца наши, дабы мы, при живоносномъ Его руководствѣ, научились вѣровать въ то, чего уже собственнымъ опытомъ знать (до времени) не можемъ. И такъ если мы стяжали сего Духа — залогъ нашего вѣчнаго наслѣдія: то и не будемъ сомнѣваться о бытіи міра горняго, невидимаго. Но кто еще не утвердился въ сей святой вѣрѣ, тотъ, безъ сомнѣнія, долженъ предаваться вразумленіямъ старѣйшихъ, коимъ всесвятый Духъ даровалъ опытное знаніе міра невидимаго, также точно какъ и дитя, выросшее въ темницѣ и не видѣвшее ни чего, кромѣ темницы, должно вѣрить разсказамъ своей матери о свѣтѣ.

Безъ вѣры не можетъ существовать даже невѣрный. Еслибы я спросилъ его, кто твой отецъ, или кто твоя мать?— Онъ тотчасъ отвѣчалъ бы: тотъ или та. Но если бы я продолжилъ вопросъ, и спросилъ его: видѣлъ ли онъ свое рожденіе, знаетъ ли точно, что это его отецъ и мать? Ясно, что онъ не могъ бы отвѣчать утвердительно. И однакоже не смотря на это незнаніе онъ указываетъ на своего отца и на свою мать. И такъ и невѣрные имѣютъ вѣру: они не имѣютъ только вѣры въ истиннаго Бога; иначе они и не были бы невѣрными.— Потому то на насъ лежитъ святая обязанность раскрывать имъ ихъ заблужденіе, и руководить ихъ къ вѣрѣ благодатной. Если они знаютъ по вѣрѣ отъ кого получили они тѣлесное существованіе, хотя сами и не знаютъ его начала; то почему же не будутъ они въ состояніи вѣрить во все духовное, безтѣлесное, хотя бы и не могли видѣть его тѣлесными очами.

СЛОВО

при освященіи Крестовой, при Вологодскомъ Архіерейскомъ домѣ, церкви во имя всѣхъ Святыхъ угодниковъ Вологодскихъ (*).

Отъ молитвъ и пѣснопѣній время прейти къ собесѣдованію и слову: но сердце мое, прежде всякаго слова, обращаетъ меня паки къ молитвѣ. Чувствую нужду благодарить и молить. Кого? Тебя, Существо трiипостасное, Боже Отче, Сыне и Душе святый, Тебя, отъ коего нисходитъ всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ, безъ коего мы сами по себѣ не можемъ и помыслить, тѣмъ паче совершить что либо добраго. Отъ Тебя низошла къ намъ мысль— устроить сей домъ молитвы; Твоею благодатію воодушевлялись мы въ препобѣжденіи трудностей сего святаго дѣла; Твоимъ вседержавнымъ именемъ положена нынѣ на немъ и печать освященія: Тебѣ убо единому подобаетъ за сіе слава, честь и благодареніе!— Призри съ высоты святыя своея, и даруй, да всѣ входящіи въ храмъ сей, исходятъ изъ него со освященіемъ души и тѣла! Да счастливые обрѣтаютъ здѣсь побужденіе употреблять дары счастія въ славу Твою и

(*) Сказанное Преосвящен. Иннокентіемъ, Епископомъ Харьков. и Ахт.

благо ближнихъ; да несчастные износятъ отсюда утѣшеніе и силы къ благодушному несенію креста своего; да кающійся грѣшникъ слышитъ здѣсь гласъ помилованія, а нераскаянный да обьемлется здѣсь спасительнымъ предчувствіемъ суда будущаго и мукъ вѣчныхъ; да всякъ просяй здѣсь пріемлетъ, и ищай обрѣтаетъ! О семъ молимъ твою благость днесь, и будемъ молить выну, доколѣ вседержавной волѣ твоей угодно будетъ внимать здѣсь нашимъ слабымъ молитвамъ.

Пріимите храмъ сей подъ молитвенный покровъ вашъ и вы святые угодники и чудотворцы Вологодскіе, имени коихъ посвященъ онъ! Мы твердо вѣруемъ, что духъ вашъ молитвенно носится надъ всею страною нашею, что всякъ обращающійся къ вамъ съ молитвою, гдѣ бы ни былъ, находитъ у васъ благовременную помощь: но намъ хотѣлось имѣть видимое, постоянное мѣсто, гдѣ бы мы могли обращаться ко всѣмъ вамъ въ молитвѣ, и обрѣтать васъ вкупѣ. Гдѣ же быть сему мѣсту, какъ не здѣсь, отнуда, посредствомъ Іерархическаго Священнодѣйствія, исходитъ освященіе на всю страну нашу? Не оставляйте же, Угодники Божіи, сего дома молитвы вашимъ невидимымъ присутствіемъ; предстоите сами на стражѣ духовнаго вертограда Вологодскаго; очищайте, дополняйте, воодушевляйте наши хладныя молитвы вашимъ огнемъ Серафимскимъ, да возможемъ священнотайнѣ низводить здѣсь благодать освященія на тѣхъ, кои должны потомъ освящать таинствами всѣхъ и каждаго.

Обращаясь отъ сей молитвы къ собесѣдованію съ вами, брат., я прежде всего долженъ подѣлиться съ вами чувствомъ духовной радости. И такъ мы будемъ отселѣ имѣть храмъ во имя всѣхъ святыхъ молитвенниковъ и предстателей страны нашей. Кто изъ насъ, въ день памяти каждаго изъ нихъ, не желалъ бы стоять и молиться у самыхъ святыхъ мощей угодника Божія? Но это невозможно. Въ замѣнъ сего, мы будемъ имѣть теперь возможность собираться въ сіи дни здѣсь, составлять въ честь каждаго праведника духовное празднество, и такимъ образомъ поддерживать духовный союзъ нашъ съ ними. Мысль сія радуетъ мое сердце, и безъ сомнѣнія обрадуетъ каждаго, кто вѣруетъ въ силу молитвеннаго ходатайства о насъ святыхъ Божіихъ.

И какъ невѣровать въ сіе? Не таковъ ли вообще порядокъ вещей и на землѣ, между нами, что совершенный возрастомъ служитъ опорою для малолѣтняго, мудрый и опытный для недальновиднаго и незнающаго, богатый для бѣднаго, сильный и могущественный для слабаго и малозначительнаго? Что же всѣ мы въ отношеніи къ небожителямъ, какъ не дѣти малолѣтныя, какъ не существа недальновидныя, немощныя, всенуждающіяся? На что съ другой стороны употребляетъ и имъ свое духовное богатство, силу, мудрость, какъ не на помощь намъ, земнымъ братіямъ ихъ? Тѣмъ паче, когда сіе входитъ въ планъ міроправленія божественнаго, по коему всѣ существа разумныя, на землѣ и на небѣ, составляютъ единое семейство Отца небеснаго, гдѣ старшіе должны помогать и служить младшимъ, доколѣ всѣ не придутъ въ мѣру возраста чадъ Божіихъ. Въ силу сего закона любви самые Ангелы, по свидѣтельству Св. Павла, всѣ суть *служебные духи, во служеніе посыла-*

мые за хотящихъ наслѣдовати спасеніе; (Евр. 1, 14.) въ силу сего же закона и святые Божіи, сіи новые Ангелы, всѣ суть нашими наставниками, защитниками и хранителями. Въ сію высокую должность, какъ свидѣтельствуетъ слово Божіе, они вступаютъ еще въ продолженіе жизни своей, обложенные еще немощною плотію. Такъ, Авраамъ ходатайствуетъ за грады, уже осужденные правосудіемъ небеснымъ на казнь; и — Господь благоутробно внемлетъ его ходатайству, и обѣщаетъ перемѣнить грозное опредѣленіе, если въ осужденныхъ градахъ обрящется десять праведниковъ. Моисей дѣлаетъ еще болѣе, дерзаетъ одинъ стать за цѣлый народъ, осужденный на истребленіе, кладетъ на вѣсы милосердія, въ цѣну избавленія, собственное вѣчное спасеніе. И что же? Народъ спасенъ, даже ущедренъ новыми милостями. Кто спасъ и въ нашей странѣ цѣлый градъ, и отвратилъ каменную тучу надъ нимъ висѣвшую? не одинъ ли праведникъ — Св. Прокопій Устюжскій? Если одинъ могъ сдѣлать столь великое чудо; то чего не въ состояніи сдѣлать всѣ предстатели страны нашей? И если они такъ сильны были еще на землѣ; то какой помощи не льзя ожидать отъ нихъ съ неба? И се, они всѣ теперь здѣсь, съ нами, каждый съ своею молитвою, каждый съ своимъ благословеніемъ, каждый съ примѣромъ своей жизни! Сія мысль радуетъ мое сердце, веселитъ духъ, заставляетъ благодарить и славить.

Но, брат. мои, радуясь такимъ образомъ, и праведно, о внѣшнемъ приближеніи нашемъ къ святымъ покровителямъ страны нашей, не забудемъ при семъ, что сіе приближеніе безъ поддержанія и укрѣпленія внутренняго союза съ ними въ духѣ, нравахъ и жизни, не приблизитъ ни ихъ къ намъ, ни насъ къ нимъ. Древній Израиль, подобно намъ, уповалъ нѣкогда на молитвы и заступленіе предъ Богомъ святыхъ праотцевъ своихъ. И дѣйствительно, доколѣ народъ Израильскій старался быть достойнымъ ихъ святаго покровительства, усиливался ходить по чистымъ и святымъ стопамъ ихъ; дотолѣ, несмотря на всѣ слабости и недостатки свои, пользовался особенною милостію Божіею. Но когда, по надеждѣ на заступленіе святыхъ праотцевъ, народъ Израильскій уснулъ сномъ грѣха и нераскаянности; то Вышній отвратилъ отъ него лице свое, и чтобы Израиль не продолжалъ обольщаться ложною надеждою, громко устами одного изъ Пророковъ изрекъ ему: *Аще станутъ Моисей и Самуилъ предъ лицемъ моимъ, нѣсть душа моя къ людемъ симъ* (Іерем. 15, 1.). Тоже можетъ быть и съ нами, если мы, въ надеждѣ на видимую близость къ намъ Святыхъ, дерзнемъ предаваться безпечности и нерадѣть объ освященіи себя вѣрою живою и дѣлами благими. Святый Святыхъ не услышитъ молитву самыхъ Святыхъ о грѣшникахъ нераскаянныхъ. Дерзнутъ ли ходатайствовать о таковыхъ самые праведники? Если и на землѣ, между нами, никто не пріемлетъ на себя ходатайства о человѣкѣ неисправимомъ: кольми паче на небѣ, гдѣ нѣтъ и не можетъ быть ни какого лицепріятія. Если Святые, по преизбытку любви небесной, и будутъ продолжать молить у престола благодати о таковомъ грѣшникѣ: то конечно не о томъ, чтобы все спѣялось въ руку его, а о томъ, чтобы,

для возбужденія отъ смертнаго сна грѣховнаго, возгремѣлъ надъ нимъ громъ небесный.

Приходя убо, съ освященіемъ храма сего, въ ближайшій видимый союзъ съ святыми покровителями страны нашей, возревнуемъ о укрѣпленіи и разширеніи невидимаго духовнаго союза съ ними. А для сего будемъ подражать ихъ жизни и подвигамъ. Соборъ ихъ такъ, благодатію Божіею, великъ и разнообразенъ, что всякое состояніе имѣетъ въ нихъ для себя образецъ, по роду и виду своему. Желаютъ ли пастыри и учители духовные видѣть, какъ должно предстоять стаду Христову, какъ совершать Священнодѣйствіе слова и таинствъ, какъ право править слово истины?— Се предъ нами Св. Стефанъ, Питиримъ и Антоній, положившіе за Евангеліе самую душу свою. Нуженъ ли для мудрыхъ образецъ, какъ не ослѣпляться блескомъ мудрости земной, какъ буйство креста Христова ставить выше всѣхъ мірскихъ познаній? Се предъ нами Св. Прокопій *Устюжскій*, Св. Андрей Тотемскій, кои до того простерлись въ исполненіи заповѣди самоотверженія, что всю жизнь были буіими Христа ради. Свят. благовѣрные князи Іоасафъ и Игнатій покажутъ сильнымъ и богатымъ, какъ не полагаться на богатство погибающее, на силу и могущество сокрушающіяся, какъ умѣть вмѣнять вся въ уметы— и славу и богатство, чтобы пріобрѣсти и не потерять Христа. Св. Корнилій Комельскій, Діонисій Глушицкій, Ѳеодосій Тотемскій, съ соборомъ Преподобныхъ, ожидаютъ только желанія и охоты отъ тѣхъ, кои посвятили себя жизнію иноческому, чтобы руководить ихъ и примѣромъ и молитвами своими по узкому пути жизни пустынническої.

Имуще убо, заключимъ словами Апостола, *облежащь насъ толикъ облакъ свидѣтелей*, и непрестанно орошаемые изъ сего облака росою благословеній небесныхъ, *терпѣніемъ да тецемъ на предлежащій* всѣмъ намъ *подвигъ спасенія, взирающе* непрестанно *на* самаго *Начальника Вѣры и совершителя спасенія нашего, Господа Іисуса* (Евр. 12, 1). Аминь.

О ЗАВИСТИ (*).

Зависть есть такой недугъ души, которымъ чаще всего страждутъ люди, который между тѣмъ очень страненъ по своему существу и весьма вреденъ по своимъ послѣдствіямъ. Разсмотримъ ее, хотя кратко, но съ различныхъ сторонъ.

1, Въ чемъ состоитъ зависть?

Въ печали о благополучіи ближняго! Такъ, *опечалися Каинъ зѣло*, говоритъ Св. бытописатель, *и испаде лице его* (Быт. 4, 5). Отъ чего? Отъ того, что Богъ внялъ жертвѣ брата его, Авеля, а его даровъ не принялъ. Такъ, въ притчѣ Спасителя, старшій братъ блуднаго сына весьма разгнѣвался на отца своего за то, что отецъ, обрадованный нечаяннымъ возвращеніемъ сына котораго считалъ погибшимъ, устроилъ въ своемъ домѣ пиршество, какъ возможную жертву радости (Лук. 15, 20— 31). Радость отца была самая естественная; ибо сынъ его *мертвъ бѣ и оживе, изгибль бѣ и обрѣтеся* (24). Но для завистника было

(*) Извлечено изъ сочин. Преосвящ. Тихона Воронеж.

несносно и тягостно то, что, по этому случаю, закололи упитаннаго тельца и столь много веселились.— Теперь ясно видно, что зависть скорбитъ о благопріятныхъ случаяхъ другаго, что для ней даже братнее благополучіе— несчастіе.

2, Отъ чего раждается зависть?

Отъ гордости! Свойство гордаго— возноситься предъ другими; слѣд. гордому весьма естественно досадовать и негодовать, когда другой почему либо равняется съ нимъ, а тѣмъ болѣе, когда превосходитъ его. Тотъ совершенно чуждъ зависти, въ чьемъ сердцѣ царствуетъ боголюбезное смиреніе;— съ постоянною мыслію о недостоинствѣ своемъ и преимуществахъ другаго не совмѣстна досада, при видѣ лучшей доли послѣдняго. Начало зависти— именно гордость! Такъ, гордый Саулъ вознегодовалъ на кроткаго и смиреннаго Давида за то, что Еврейскія жены, торжественно встрѣчавшія Царя, предпочли ему въ своей пѣсни побѣдителя Голіаѳа. *Давиду даша тьмы,* сказалъ раздраженный Саулъ, *мнѣ же даша тысящи* (1 Цар. 18, 8), и съ того времени сдѣлался гонителемъ невиннаго.

3, Чего хочетъ зависть?

Видѣть въ несчастіи того, на счастіе котораго негодуетъ;— это— единственная цѣль ея! Ближнему хорошо,— она адски начинаетъ дѣйствовать; ближнему худо,— она умолкаетъ и снова ищетъ жертвъ себѣ. Такою-то завистію наши прародители низринуты съ высоты блаженства въ бѣдственное состояніе, Авель убитъ Каиномъ, Іосифъ проданъ въ Египетъ;— зависти должно приписать и то, что Іудеи вознесли на крестъ Христа, Господа и благодѣтеля своего. Дѣйствія ужасныя, поразительныя! Но они— самая лучшая и вполнѣ удовлетворительная пища зависти. Отъ зависти происходитъ ненависть, отъ ненависти злоба: чѣмъ питаются и эти чудовищныя исчадія, какъ не подобными явленіями?—

4, Нѣтъ ли чего страннаго въ порокѣ зависти?

Есть очень странное! Невольно удивляешься искусству злобы поднебесной какъ удачно приправлять душевныя яды и ими отравлять насъ. Смотрѣть на завистника и прискорбно, и вмѣстѣ жалко. Отъ всѣхъ прочихъ страстей человѣкъ чувствуетъ, хотя мнимыя, удовольствія; а отъ зависти— однѣ мученія. Зависть есть, сама по себѣ, зло, и вмѣстѣ, сама для себя, жестокое наказаніе за него. Славнѣйшій царедворецъ Персидскій Аманъ чувствуетъ необыкновенную тоску: ни слава, которою онъ возвеличенъ отъ Царя, ни богатство, котораго у него до излишества, ни новая почесть— отъ Царицы, приглашающей къ себѣ на пиръ только Царя и его одного: ничто изъ этого не развлекаетъ мрачнаго духа вельможи. *Вся сія не суть ми угодна,* говоритъ онъ (Есѳир. 5, 13). Что же съ тобою, Аманъ? Не обидѣлъ ли кто тебя? Цѣлы ли всѣ твои сокровища? Не терпишь ли чего отъ клеветы? Здоровъ ли самъ, здоровы ли домашніе твои? Не предчувствуешь ли какой непріятности въ будущемъ?— Нѣтъ, говоришь ты, ничего нѣтъ такого!— Но сердце твое очень неспокойно, ты скорбишь среди всей славы и богатства, ты поникъ главою, мраченъ лицемъ, ты дряхлъ и унылъ: пер-

вый наперсникъ царскій, уже не замышляешь ли восхитить себѣ престолъ Царя?— Нѣтъ, опять говоришь намъ, нѣтъ; все это для меня ничто. Одна моя бѣда: Мардохей въ счастіи! *Вся сія не суть ми уподна, егда вижу Мардохея Іудеянина во дворѣ Царевѣ.* Странно! Человѣкъ печалится, что другой, по его предположенію, веселится;— сѣтуетъ и скорбитъ, что ближній его благополученъ! Кажется, и самъ исконный завистникъ, діаволъ не безъ особеннаго самодовольствія смотритъ на такія дѣйствія своего яда. А между тѣмъ къ чему еще болѣе ведетъ это?— О, прискорбно говорить о томъ, но надобно.

5, Какъ пагубны слѣдствія зависти?

Весьма пагубны!— а) Намъ заповѣдано радоваться съ радующимися, и плакать съ плачущими (Римл. 12, 15); а мы, завистливые, что дѣлаемъ? радуемся несчастію и плачемъ о счастіи другаго: явный духъ антихриста!— б) Намъ заповѣдано любить всѣхъ, даже враговъ своихъ (Матѳ. 5, 44); а мы, разжигаемые завистію, какъ поступаемъ съ предметами этой гнусной страсти своей? Для насъ въ такомъ случаѣ, какъ для Каина, убившаго брата своего, ничто самыя связи родственныя;— какъ для Іудеевъ, распявшихъ Спасителя, ненавистны самые благодѣтели. Изумляешься, и вмѣстѣ неизъяснимо скорбишь въ душѣ своей при мысли, какъ глубоко можетъ падать завистливый! Спаситель нашъ воскрешалъ мертвыхъ, очищалъ прокаженныхъ, давалъ прозрѣніе слѣпымъ, слухъ глухимъ, языкъ нѣмымъ, чудесно исцѣлялъ всякіе недуги: какъ же поступилъ съ Нимъ народъ, для котораго Онъ все это дѣлалъ?— Распялъ Его!— Можетъ быть, за какую-нибудь, хотя мнимую, вину?— Нѣтъ,— именно по одной зависти, боявшейся будущей славы Его! *Что сотворимъ? яко человѣкъ сей многа знаменія творитъ. Аще оставимъ Его тако, вси увѣруютъ въ Него* (Іоан. 11, 47. 48). Если такой благодѣтель, единственно отъ зависти, *со беззаконными вмѣнися:* то что для зависти всякій благодѣтель другой? в) Скорбѣть о счастіи и радоваться несчастію другаго есть дѣло собственно діавола, для котораго самое намѣренное зло сдѣлалось естественною потребностію, который одинъ произвелъ на свѣтъ зависть, погубивъ ею нашихъ прародителей, а вмѣстѣ съ ними и насъ. Такимъ образомъ всякій завистникъ изъ людей есть ближайшее изображеніе діавола, хотя съ нѣкоторою только, презрѣннѣйшею, особенностію:— духи злобы не завидуютъ одни другимъ, предметы ихъ зависти— люди; а человѣкъ изливаетъ сей смертоносный ядъ на подобнаго себѣ, братъ на брата, сродникъ на сродника и т. д. Какое подражаніе, и какому образцу!— Но, говорить ли о томъ, что ожидаетъ въ будущемъ завистниковъ, какъ явныхъ презрителей закона и подражателей открытому врагу Божію, діаволу?— Мѣра наказанія должна быть соразмѣрна величинѣ зла.— Это, безъ сомнѣнія, извѣстно каждому.— Почитаемъ нужнымъ только напомнить, что добровольный представитель діавола на землѣ непремѣнно будетъ раздѣлять съ діаволомъ участь въ преисподней. Эту участь завистникъ предначинаетъ еще въ здѣшней жизни: собственная его страсть есть ад-

ское мученіе. Правда Божія, какъ бы въ залогъ такой, опредѣленной ему за гробомъ, доли, не рѣдко поражаетъ его и здѣсь видимыми казнями. Такъ, Каинъ всего ужасается и трепещетъ,— Аманъ позорно издыхаетъ на древѣ, которое самъ приготовилъ Мардохею.

Но указывая на раны, весьма хорошо указывать вмѣстѣ и на способы врачеванія ихъ. Зависть есть жестокая и весьма опасная болѣзнь души: что же нужно для излѣченія отъ нея?— Очень простое и немногое. Возлюбленный! если имѣешь нужду въ такомъ цѣленіи; то вотъ вся тайна тебѣ,— пойми только ее сердцемъ!— 1) Ты— персть, скудель,— одного, самаго легкаго, дуновенія гнѣва Божія достаточно, чтобы уничтожить тебя; все доброе въ тебѣ— чужое, Божіе. Никогда не разставайся съ сею, совершенно вѣрною, мыслію о себѣ;— и ты всегда будешь чуждъ зависти, ибо никогда не возобладаетъ надъ тобою гордость, отъ которой, какъ сказано выше, раждается зависть. „Зависть, говоритъ нѣгдѣ блаженный Августинъ, есть дщерь гордости: умертви мать, тогда погибнетъ и дщерь ея.“ 2) Любовь Божія насъ создала, любовь Божія насъ искупила, любовь Божія насъ и назначила для вкушенія плодовъ любви здѣсь и за гробомъ; обѣ скрижали закона суть скрижали любви и для любви;— безъ дѣйствій любви, мы, сами по себѣ всегда слабые и немощные, можетъ быть, давно уже и не существовали бы. Такъ любовь Божественна, священна, спасительна! Водвори же въ сердцѣ своемъ эту достопоклоняемую и еще изъ начала заповѣданную тебѣ святыню; начинай и совершай ею всѣ дѣла свои, по образу создавшаго и искупившаго тебя: тогда горечь зависти будетъ извѣстна тебѣ развѣ по чуждымъ опытамъ; ибо сама *любы не завидитъ* (1 Кор. 13, 4);— ей свойственно только радоваться съ радующимися и плакать съ плачущими.— 3) Въ мірѣ все суета;— величіе, богатство, слава, почести— все это суета и только крушеніе духа; повѣрь сему ученію небесной мудрости, и, какъ рожденный и воспитываемый на упованіи высшаго званія, оставь думать о земномъ, мудрствуй только о горнемъ: тогда изумишься, какъ слѣпа зависть, какъ она напрасно и почти за ничто мучитъ себя;— тогда не дашь ей мѣста въ сердцѣ своемъ!

Кіевъ Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 5 Маія, 1843 г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 10. НЕДѢЛЯ 2-я, ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. Іюня. 13. 1843.

На Утрени: Евангеліе воскресное 2-е, Мар. 16, 1—8.
На Литургіи: Апост. Римл. 2, 10—16. Еванг. Матѳ. 4, 18—23.

О БОГОСЛУЖЕНІИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

6. Совершеніе различныхъ освященій и молебствій.

73. Христіанинъ, освящаемый божественными таинствами, долженъ быть святъ во всемъ и всегда, въ домѣ и на полѣ, въ началѣ дѣлъ своихъ и по совершеніи ихъ, въ благополучіи и въ бѣдствіяхъ, въ здравіи, въ болѣзняхъ и въ самой смерти. Возводя къ сей святости и утверждая насъ въ ней, Церковь преподаетъ намъ въ разныхъ случаяхъ свое освященіе и свои святыя молитвы. Есть у нея освященіе не только храмовъ, но и домовъ нашихъ, кладязей, воды, хлѣбовъ, мясъ (на Пасху), плодовъ (въ день Преображенія), освященіе стадъ, полей, гумна и другихъ потребностей жизни человѣческой. Есть молебствія, освящающія наши предначинанія и дѣла; есть общественныя моленія на случаи общественныхъ бѣдствій, и есть молитвенное сопровожденіе Христіанъ въ самую вѣчность.

Освященіе зданій нашихъ и различныхъ вещей, намъ необходимыхъ, совершается при посредствѣ освященной воды. Въ семъ подражаетъ Церковь самому Іисусу Христу: ибо какъ Онъ, для освященія всего естества нашего избралъ въ посредство воду и съ естественною очистительною силою этой стихіи соединяетъ сверхъестественную благодать очищенія (въ таинствѣ Крещенія); такъ туже стихію, освящаемую крестомъ и молитвами, употребляетъ и Церковь для освященія того, что принадлежитъ намъ. Церковныя освященія сопровождаются приличными случаю молитвами,— такими молитвами, кои всѣ возводятъ мысль нашу отъ чувственнаго къ духовному и самыя обыкновенныя вещи обращаютъ въ напоминаніе о высокихъ обязанностяхъ Христіанскихъ. Такъ, при освященіи дома, испрашивается ему утвержденіе и безопасность отъ разрушительнаго дѣйствія стихій, а вмѣстѣ напоминается его жителямъ и то спасеніе, какое принесъ Господь дому Закхея; при освященіи винограда напоминается, что самъ Господь именуется лозою виноградною, а вѣрующіе должны пребывать въ Немъ, какъ рождіе (вѣтви) на лозѣ; въ молитвѣ на освященіе гумна, прошеніе, отъ плодовъ земныхъ, восходитъ къ благамъ вѣчнымъ; при освященіи мясъ (на Пасху) упоминается, между прочимъ, телецъ упитанный, коего заклалъ отецъ для радостнаго возвращенія къ нему заблудшаго сына, и вмѣстѣ внушается

вѣрующимъ, что истинная пища, болѣе всего вожделѣнная, есть самъ Господь.

Есть еще въ Церкви освященіе вещей осквернённыхъ (на пр. впаденіемъ въ нихъ нечистаго животнаго), особенно кладязей и домашнихъ сосудовъ. Благотворно и это освященіе для Христіанина. Церковь знаетъ слова Апостола: *ничтоже скверно само собою* (Римл. 14, 4.) и *вся чиста чистымъ* (Тит. 1, 15.); но знаетъ и то, какъ мы далеки отъ совершенной чистоты и той твердости духа, которая выше всѣхъ сомнѣній, знаетъ и другое слово Апостола, что все *освящается словомъ Божіимъ и молитвою* (1 Тим. 4, 5.), и потому молится, чтобы Господь, „снисходя несовершенной мысли нашей и немощи помышленій," даровалъ свое освященіе тѣмъ вещамъ, которыхъ видимое осквернёніе смущаетъ насъ (а).

74. Въ примѣръ церковныхъ молебствій, освящающихъ начало нашихъ дѣлъ, представимъ молебствіе въ началѣ ученія отроковъ и молебенъ о путешествіи. Какой урокъ лучше того, который преподаетъ отрокамъ, начинающимъ ученіе, св. Церковь въ своемъ молебствіи? Они слышатъ тогда, какъ испрашивается имъ у Господа Духъ премудрости и разума, корень премудрости— страхъ Божій, преуспѣяніе въ славу Божію, въ радость родителямъ и во благо св. Церкви, и весьма легко уразумѣть могутъ, что дѣло, начинаемое ими, очень важно, свято, и не можетъ совершиться безъ особенной помощи Божіей. Еще болѣе должны обращаться сердца ихъ къ Господу, единственному Наставнику и Просвѣтителю душъ нашихъ, когда въ чтеніи Евангельскомъ (Марк. 10, 13— 16) открывается имъ та отеческая любовь Спасителя, съ какою Онъ нѣкогда благословлялъ дѣтей, и говорилъ: *оставите дѣти приходити ко Мнѣ, и не браните имъ: такѣхъ бо есть царствіе небесное.* Нѣтъ также лучше того напутствія, какое дѣлаетъ Церковь отходящему въ путь. Она проситъ ему Ангела мирнаго, хранителя, воспоминая о небесныхъ сопутникахъ Исаака и Товіи, и упованіемъ на всесильную защиту Божію вооружаетъ его противъ всѣхъ опасностей и страховъ. Но, чтобы путешествующій всегда былъ съ благодатною помощію Божіею, и въ самомъ пути сохранялъ святое расположеніе духа, чтеніе Апостола (Дѣян. 8, 26— 39) указываетъ ему примѣръ благочестиваго путешественника въ вельможѣ Ефіопской царицы, упражнявшемся, во время путешествія, въ чтеніи слова Божія, а Евангеліе (Іоан. 14, 1— 10) отъемлетъ всякое смущеніе у вѣрующаго, научая его, что самъ Господь есть нашъ путь, Истина и животъ. Такъ какъ благочестивые Христіане, отправляясь въ путь, любятъ паче всего, по Господѣ, предавать себя благодатному покрову Богоматери, то есть обычай въ православной Церкви совершать еще, для отходящихъ въ путь, возвышеніе *панагіи (всесвятаго)* т. е. части хлѣба въ честь всесвятыя Богородицы (б). Пре-

(а) Сверхъ упомянутыхъ, есть у насъ молитвы на благословеніе хлѣбовъ, вина и елея, корабля или ладіи, мрежей, стадъ, надъ солію, надъ пищею, молитвы на отверзеніе храма осквернённаго, чинъ освященія воинскаго знамене, благословенія воинскихъ оружій, и пр.

(б) См. въ Требникѣ *о возвышеніи панагіи, егда хощетъ отити на службу.*

данiе говоритъ, что этотъ обычай произошелъ отъ самыхъ Апостоловъ.

Кромѣ различныхъ просительныхъ молебствiй, есть въ Церкви и молебствiя благодарныя. Извѣстнѣйшiя изъ нихъ тѣ, кои совершаются во дни рожденiя Высочайшихъ особъ, также по одержанiи побѣды надъ врагами отечества и въ другихъ радостныхъ для Церкви случаяхъ. Тогда всѣ мы, сознавая милости и щедроты къ намъ Божiи, славословимъ и благодаримъ всеблагаго Промыслителя и Спасителя нашего, просимъ Его, да пріиметъ Онъ, яко кадило благовонное, исповѣданiе сердецъ нашихъ, молимся и о продолженiи къ намъ Его милостей. Примѣръ благодаренiя, угоднаго Господу, представляется въ Евангелiи (Лук. 17, 12—19.),— то благоговѣйное поклоненiе Спасителю, какимъ благодарилъ Его Самарянинъ исцѣленный отъ прокаженiя. Молебствiе обыкновенно оканчивается пѣнiемъ благодарной пѣсни св. Амвросiя Медiоланскаго— „Тебе Бога хвалимъ,“ или другой, еще древнѣйшей,— „Слава въ вышнихъ Богу,“ и многолѣтствiемъ Царскому Дому. Такъ Церковь учитъ насъ совершать, по заповѣди Апостольской, не только *молитвы, моленiя, прошенiя*, но и *благодаренiя за вся человѣки, за Царя и иже во власти суть* (1 Тим. 2, 1). (в).

75. Во времена общественныхъ бѣдствiй Церковь совершаетъ общественныя моленiя во храмахъ и внѣ храмовъ (литiи): въ послѣднемъ случаѣ бываютъ священныя процессiи, т. е. хожденiя съ крестами и иконами для огражденiя самыхъ жилищъ нашихъ святынею и для ободренiя духа унывающихъ. Общее для сихъ случаевъ моленiе состоитъ въ умилительномъ пѣнiи нѣкоторыхъ псалмовъ (6-го, 141, 88-го), съ стихами коихъ соединяются краткiя воззванiя къ милосердiю Божiю (на прим. „благоутробне, долготерпѣливе и всещедре Господи, ниспосли милость на люди твоя“), въ чтенiи особенныхъ молитвъ и избранныхъ мѣстъ изъ слова Божiя. Такъ во время бездождiя, изъ посланiя Ап. Iакова (5, 7—9. 17. 18.), предлагается ученiе о терпѣливомъ перенесенiи бѣдствiй и вмѣстѣ о силѣ молитвы, которая въ Пророкѣ Илiѣ заключала небо и опять отверзала для дождя, а Евангелiе (Матѳ. 16, 1—3. Лук. 4, 24—26 и Iоан. 6, 30—33.) поучаетъ что мы не должны просить знаменiй съ небесе, искушая Бога, но съ простою вѣрою должны обращаться къ Отцу небесному, который даетъ намъ хлѣбъ истинный и животворный; въ безведрiе воспоминается слово Господа: *просите и дастся вамъ, ищите и обрящете, толцыте и отверзется вамъ* (Матѳ. 7, 7—11); въ страхъ землетрясенiя, сердца вѣрующихъ обращаются къ тому всесильному Повелителю природы, который нѣкогда однимъ словомъ укротилъ бурю на морѣ (Матѳ. 8, 23—27); въ нашествiе варваровъ, возбуждаемся къ покаянiю словами Господа: *аще не покаетеся, вси такожде погибнете*, и притчею о безплодной смоковницѣ (Лук. 13, 1—9). Молитвы въ такихъ случаяхъ читаются обыкновенно съ колѣнопреклоненiемъ. Онѣ составлены большею частiю Патрiархами Цареграда, который весьма часто под-

(в) Есть еще у насъ моленiя на основанiе дому, о копанiи кладязя, въ насажденiе винограда, надъ сѣянiемъ, во еже устроити корабль, и въ началѣ каждаго благаго дѣла.— Благодарныя молебствiя совершаются не только общiя, но и частныя— для каждаго Христiанина, желающаго принесть руками Церкви свою жертву благодаренiя Господу.

вергался страшнымъ бѣдствіямъ, но нерѣдко испытывалъ и чудесную помощь Божію. Во всѣхъ сихъ молитвахъ слышенъ голосъ покаянія и исповѣданія грѣховъ, на прим.— „Кое добро сотворихомъ?— житіе порочно и мысль сквернy и нечистy стяжахомъ,— исповѣдуемъ правдy Твою, познаваемъ осужденіе наше,— но на неизслѣдимое Твое милосердіе дерзающе приступаемъ къ Тебѣ, Благодѣтелю (г).“— Словомъ, Церковь старается самое бѣдствіе обратить намъ во благо, сдѣлать его для насъ урокомъ покаянія, и страхомъ Божіимъ утвердить сердца наши въ вѣрѣ и добродѣтели (д).

76. Познавъ святую любовь и попечительность Церкви, являемую намъ во все продолженіе нашей жизни, познаемъ и ту любовь ея, которою объемлетъ она умирающихъ и даже давно отшедшихъ въ вѣчность.

Есть въ Церкви умилительное молебное пѣніе на разлученіе души отъ тѣла. Оно обращено преимущественно къ премилосердой Матери Божіей, которой благодатная помощь наиболѣе нужна тогда бѣдствующему въ самый страшный часъ— часъ смерти. При семъ читается молитва къ Отцу небесному на исходъ души, да разрѣшится отходящій въ другую жизнь отъ всякой узы, отъ кляпвы и отъ всякаго согрѣшенія, и да прейдетъ душа его въ покой вѣчный. По смерти Христіанина, Церковь воздаетъ почесть самому тѣлу его, какъ сосуду даровъ божіихъ, или храму Св. Духа, и будущему наслѣднику безсмертія. Тѣло износится во храмъ въ сопровожденіи креста, со свѣчами и кадиломъ, при пѣніи ангельской пѣсни (*Святый Боже*), которая напоминаетъ вѣрующимъ о соединеніи ихъ съ міромъ горнимъ. Въ храмѣ совершается надъ умершимъ великое молебствіе, весьма поучительное для живущихъ. Поется великій псаломъ (118-й) съ припѣвами: аллилуія и „Помилуй раба твоего.“ Этотъ псаломъ, ублажая исполнителей заповѣдей Божіихъ, показываетъ намъ, какимъ путемъ достигается истинное счастіе въ здѣшней жизни и блаженство вѣчное— въ будущей. Въ канонѣ проситъ Церковь оставленія согрѣшеній и блаженнаго упокоенія преставльшемуся, воспоминая подвиги Мучениковъ и возсылая свое моленіе къ Побѣдителю смерти, а тѣмъ самымъ научаетъ и насъ отъ тлѣннаго міра возвышатся къ нетлѣнному; поетъ: „Со святыми упокой, Христе, душу раба твоего,“ а при томъ и намъ напоминаетъ, что мы „земніи отъ земли издахомся и въ землю туюжде пойдемъ.“ Весьма поучительны также прекрасныя пѣсни св. Іоанна Дамаскина, поемыя при погребеніи: „Кая житейская сладость пребываетъ печали непричастна? кая ли слава стоитъ на земли непреложна?— Вся суета человѣческая, елика не пребываютъ по смерти!— Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть и вижду во гробѣ лежащую, по образу Божію созданную, нашу красоту.— О чудесе!— како предахомся тлѣнію? како сопрягохомся смерти?“— Въ укрѣпленіе духа сѣтующихъ по умершемъ повторяет-

(г) Молитва 3-я въ бездождіе.

(д) Сюда относятся и моленія объ отгнаніи насѣкомыхъ и другихъ гадовъ вредныхъ для нивъ и вертоградовъ, молитвы противъ стуженія злыхъ духовъ (объ очищеніи какъ мѣстъ, такъ и людей стужаемыхъ), а также для умиренія во враждѣ сущихъ; ибо и вражда между Христіанами есть бѣдствіе, достойное оплакиванія Церкви.

ся слово апостольское (1 Сол. 4, 13—17); *да нескорбите о умершихъ, якоже и прочіи не имущіи упованія;* ибо *Богъ умершія въ Іисусѣ приведетъ съ Нимъ;* воспоминается и слово самого Господа въ Евангеліи (Іоанн. 5, 24—30): *слушай словесе моего и вѣруяй пославшему Мя, имать животъ вѣчный, и на судъ не приидетъ, но прейдетъ отъ смерти въ животъ.* Церковь позволяетъ и воздавать цѣлованіе умершему, во свидѣтельство братской любви къ нему, но при семъ учитъ, „да воспріимемъ и мы образъ конечнаго часа," и возбуждаетъ насъ болѣе молиться, нежели плакать, говоря отъ лица преставльшагося: „прошу всѣхъ и молю, непрестанно о мнѣ молитеся Христу Богу,— да вчинитъ мя, идѣже свѣтъ животный."

Чело умершаго Христіанина украшается священнымъ вѣнцемъ, какъ будущаго побѣдителя смерти, имѣющаго сказать ей: *гдѣ ти смерте жало? гдѣ ти аде побѣда?* (1 Кор. 15, 55.) Въ руки его влагается крестъ, какъ свидѣтельство его вѣры и знаменіе спасенія; читается и дается ему, по прочтеніи, молитва разрѣшительная въ знакъ того, что онъ исходитъ отъ насъ прощенный отъ всѣхъ долговъ своихъ; возливается на тѣло его елей въ знаменіе окончанія подвиговъ жизни и вмѣстѣ въ показаніе того, что умершій, какъ вѣтвь живоносной маслины (І. Христа), напитанъ елеемъ благодати и милостей Божіихъ. Наконецъ тѣло, опять съ священною процессіею и съ пѣснію ангельскою, провождается до мѣста своего покоя временнаго. При чемъ есть обычай путь къ сему мѣсту устилать вѣтками всегда зеленѣющаго дерева для означенія того, что смерть есть путь къ жизни никогда неувядающей (е).

Подобное сему моленіе (только нѣсколько сокращенное) Церковь совершаетъ въ память усопшихъ чадъ своихъ и послѣ погребенія ихъ. — Древній обычай совершать паннихиды по усопшимъ, по смерти ихъ, на 3-й, въ 9 и 40-й день (во дни, коихъ числа памятны Христіанину по придневному воскресенію Спасителя, по числу чиновъ Ангельскихъ и по тому дню, въ который по воскресеніи своемъ, Господь вознесся на небо), а сверхъ того и ежегодно въ память умершаго. Есть также въ Церкви, такъ называемыя, паннихиды вселенскія, въ коихъ приносится моленіе за всѣхъ преставльшихся въ вѣрѣ; есть и ежедневное приношеніе за нихъ при возношеніи божественной жертвы на Литургіи.

(е) Молебное пѣніе при погребеніи младенцевъ сокращеннѣе здѣсь списаннаго; ибо очищенные крещеніемъ, несогрѣшившіе, они не требуютъ моленія объ отпущеніи грѣховъ, какъ Христіане умирающіе въ возрастѣ. Апостолъ читается тогда 1 Кор. 15, 39—45, Евангеліе, Іоан. 6, 35—39. Напротивъ, при погребеніи священника моленіе распространяется и пѣніемъ большаго числа пѣсней и многократнымъ чтеніемъ Писанія, дабы и въ смерти своего пастыря и учителя духовнаго паства его находила самое обильное поученіе. Есть также отличное погребеніе для иноковъ, въ сообразность отличнымъ ихъ обѣтамъ.— Замѣчательна еще особенность погребенія въ праздникъ Пасхи: тогда Церковь, вмѣсто унылыхъ пѣсней употребляетъ, однѣ пѣсни радостныя, воскресныя, сопровождаетъ умершаго съ пѣніемъ: „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ," и даже не позволяетъ св. служителямъ своимъ траурныхъ облаченій.

СЛОВО НАДГРОБНОЕ (*).

„Что сіе, еже о насъ бысть таин-
„ство? Како предахомся тлѣнію? Како
„сопрягохомся смерти? Воистинну Бо-
„га повелѣніемъ, якоже писано есть,
„подающаго преставльшимся успокое-
ніе.“

Такъ при каждомъ гробѣ вопрошаетъ Св. Церковь. Всѣ тайны божественнаго міроправленія ясны для нея; одинъ гробъ постоянно тревожитъ ея матернее сердце. Тутъ она всякой разъ какъ бы отрѣкается отъ своихъ высокихъ правъ невѣсты Христовой, смиренно нисходитъ въ кругъ болѣзнующихъ скорбію чадъ своихъ, и вмѣстѣ съ ними жалостно вопрошаетъ: что это за страшное совершается надъ ними таинство! Какъ мы, созданные по образу Бога безсмертнаго, подверглись смерти и тлѣнію? Какъ намъ, видимо превознесеннымъ надъ всѣмъ міромъ, суждено обращаться въ персть подобно безсловеснымъ?

Смерть человѣка— подлинно великое таинство! Не тайна ли— вчера человѣкъ, существо разумное, чувствующее, обтекающее мыслію небо и землю, дышащее безсмертіемъ и вѣчностію, способное идти сто разъ на самую смерть; а нынѣ— прахъ хладный, недвижимый, гніющій и приводящій въ ужасъ все живущее! И опять— не тайна ли, что это ужасное тлѣніе служитъ для насъ банею паки бытія, что въ семъ жалкомъ бреніи таится росткокъ жизни вѣчной, что подъ симъ распадающимся, отвратительнымъ рубищемъ сокрываются драгоцѣнныя ризы брачныя!— Кто въ состояніи изъяснить сіи противуположности?— Тщетно бѣдный разумъ человѣческій въ продолженіе цѣлыхъ тысячелѣтій усиливался разогнать мракъ гроба, проникнуть въ тайну смерти: печать доселѣ цѣла, покровъ непроницаемъ! И къ чему же наконецъ обратился несчастный? Къ тому, что смерть якобы совершенно естественна человѣку, что иначе никогда не было и быть не можетъ. Почему такъ? Потому, говоритъ земное мудрованіе, что все, сложенное изъ частей должно, рано или поздо, разрушиться и умереть. Жалкое мудрованіе! А не ты ли, лжеименный разумъ, въ то же время утверждаешь, что міръ вѣченъ и будетъ существовать всегда? Развѣ же онъ не сложенъ изъ частей? И гдѣ больше сихъ частей, въ мірѣ или тѣлѣ человѣческомъ? Если же сложность не препятствуетъ большему міру быть, по твоему сужденію, неразрушимымъ и безсмертнымъ; то почему бы, въ слѣдствіе сей же самой сложности, долженъ неминуемо подлежать смерти и разрушенію малый міръ, то есть, человѣкъ? Не сложность частей производитъ смерть (она только условіе тѣлесной жизни), а безпорядокъ сихъ частей, вражда и борьба силъ, отсутствіе мира и единства. Но кто можетъ сказать, и еслибы сказалъ, чѣмъ доказать, что сего единства, сего согласія не было и быть не можетъ? Не къ тому ли стремится самая послѣдняя борьба силъ тѣлесныхъ въ человѣкѣ, чтобы возвратить его? Что самая смерть, какъ не порывъ къ безсмертію?

Какъ просто и вмѣстѣ глубоко, превыше разума, и вмѣстѣ удовлетворительно для самаго строгаго разума, разрѣшаетъ тайну смерти Слово Божіе!— Мы созданы были для безсмертія и снабжены къ тому всѣми средствами:

(*) Говорен. Преосв. Иннокен. Еписк. Харьк. и Ахт.

но не устояли въ своемъ предназначеніи, вкусили отъ плода запрещеннаго, отравили себя ядомъ грѣха; и въ слѣдствіе сего подверглись смерти. Что простѣе и удовлетворительнѣе сего отвѣта?— Не повторяется ли и нынѣ, въ маломъ видѣ, сей несчастный опытъ, когда человѣкъ вкушаетъ что либо вредоносное и умираетъ? Не приводитъ ли иногда и нынѣ грѣхъ за собою смерти видимо, напр. въ сильномъ гнѣвѣ, даже въ сильномъ смѣхѣ?.. Зачѣмъ же недоумѣвать и спорить, когда смерть сказываетъ такимъ образомъ о своемъ произхожденіи сама собою?—

Но св. Вѣра не только изъясняетъ намъ начало смерти, но указуетъ и на конецъ ея, о чемъ разумъ самъ по себѣ не смѣетъ и помыслить. По ея ученію, мы предаемся смерти не яко овцы заколенія, въ добычу всегдашнюю, невозвратимую, ко какъ узникъ стражу, на заключеніе временное. Наступаетъ часъ, такъ учитъ св. Вѣра, когда *всѣ, сущіе во гробѣхъ, услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ; и изыдутъ сотворшіи благая въ воскресеніе живота, а сотворшіи злая въ воскресеніе суда*. Желаемъ знать, откуда сія новая отрадная тайна? Какъ среди тлѣнія и смерти возсіяло нетлѣніе и жизнь? Вѣра вполнѣ отвѣтствуетъ и на сіи вопросы. Мы воскреснемъ потому, говоритъ она, что держава смерти разрушена.— Кѣмъ? Сыномъ Божіимъ, нашимъ Спасителемъ. Какъ, и чрезъ что? чрезъ то, что Онъ, облеченный нашею плотію, будучи источникомъ жизни, благоволилъ подвергнуться смерти, сойти во гробъ, и тамъ, отъ полноты божества своего, возсіять жизнь и воскресеніе. Что можетъ быть для здраваго смысла удовлетворительнѣе сего изъясненія? Не случается ли видѣть, какъ сильное врачество прогоняетъ и уничтожаетъ самую лютую болѣзнь? Какъ неразрушимыя вещества, соединившись съ тлѣнными, спасаютъ ихъ отъ тлѣнія на многіе вѣки? Что же удивительнаго, если вочеловѣченіе Сына Божія измѣнило природу человѣческую на лучшее? Если океанъ жизни, излившись чрезъ смерть Богочеловѣка, въ область смерти наполнилъ собою всѣ входы и исходы ея; и во всѣ гробы внесъ начало воскресенія? Какова причина, таково и дѣйствіе: Искупитель нашъ есть Богъ всемогущій; послѣ сего могла ли быть сомнительною побѣда надъ смертію?

И такъ, если бы кто спросилъ тебя нынѣ, Христіанинъ; *како предахомся тлѣнію? како сопрягохомся смерти?* Ты твердо вмѣстѣ съ Церковію можешь отвѣчать: *Бога повелѣніемъ*, Бога правосуднаго, который не можетъ не карать нарушенія вѣчныхъ Законовъ правды своей, не могъ по сему не предать человѣка грѣшника слѣдствіямъ егоже собственнаго грѣха, коего *оброцы смерть*. Равнымъ образомъ, если бы кто вопросилъ тебя Христіанинъ, какъ мы воскреснемъ? Чьею силою возстанемъ изъ гробовъ своихъ? Ты твердо, вмѣстѣ съ словомъ Божіимъ, можешь отвѣчать: *Бога повелѣніемъ*, Бога милосердаго, который для воскресенія нашего послалъ Единороднаго Сына своего, за насъ умершаго и для насъ воскресшаго. Да, братія, Христіанинъ можетъ отвѣчать на сіи вопросы, къ коимъ разумъ со всею земною мудростію своею и подойти не смѣетъ. И сію то вѣру, всепросвѣщающую, разсѣевающую мракъ самаго гроба, дерзаютъ иногда называть темною!

Ахъ, если бы мы были безпристрастны и судили какъ должно; то посему самому уже познавали бы происхожденіе вѣры нашей свыше. Тогда, какъ мудрость земная ограничиваетъ всѣ наставленія, самыя обѣщанія свои тѣмъ, что она просвѣтитъ разумъ нашъ, образуетъ волю, укажетъ что намъ дѣлать и какъ достигать счастія на землѣ,— святая Вѣра, кромѣ всѣхъ сихъ благъ, доставляемыхъ ею въ самомъ лучшемъ и чистѣйшемъ видѣ, беретъ человѣка за руку, изводитъ его на кладбище, и говоритъ: смотри— ты смертенъ и потому ужасно несчастенъ; жаждешь безсмертія и не можешь видѣть ничего далѣе гроба: я разсѣю этотъ жалкій мракъ, объясню тебѣ сію тайну; вотъ какъ ты подвергся тлѣнію; вотъ какъ ты можешь опять стяжать жизнь вѣчную!— Кто могъ на землѣ вѣщать такимъ языкомъ? принять на себя разрѣшеніе такой задачи? сразиться съ смертію, обнажить ея слабость и указать въ самомъ гробѣ начало жизни вѣчной?

Познаемъ же превосходство святой Вѣры нашей и научимся быть благодарными за тайну безсмертія, ею намъ открываемую.

Въ чемъ должна состоять сія благодарность? Въ томъ, во первыхъ, чтобы мы не скорбѣли безотрадно о умершихъ, подобно людямъ не имущимъ упованія: ибо такая скорбь показала бы что мы не вѣримъ сердцемъ тому, что исповѣдуется нашими устами.— Въ томъ, во вторыхъ, чтобы мы со всею точностію и усердіемъ выполняли тѣ святыя условія, подъ коими слово Божіе обѣщаетъ намъ жизнь вѣчную и блаженную. Условія сіи суть— живая вѣра въ побѣдителя смерти и ада, Искупителя нашего, Господа Іисуса, и сообразованіе нашей жизни съ Его заповѣдями. Кто исполненъ сею вѣрою, кто живетъ такою жизнію, тотъ превыше всѣхъ сомнѣній, тотъ имѣетъ уже въ самомъ себѣ начало вѣчной жизни, и еще здѣсь, на землѣ, пріобщается силы вѣка грядущаго. Аминь.

Кіевъ Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 12 Маія 1846. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 11. НЕДѢЛЯ 3-я, ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. Іюня 20. 1843.

На Утрени: Евангеліе воскресное 3-е, Мар. 16, 9—20.
На Литургіи: Апост. Римл. 5, 1—10. Еван. Мат. 6, 22.—33.

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО, НИЛА ПОДВИЖНИКА, ИЗБРАННЫЯ ПИСЬМА

О дѣйствіи молитвы.

1. Зосарію Трибуну.

Хотя бы постигла тебя сильная печаль среди великой радости, ты не отчаявайся, но вѣрь, что, если будешь молиться, Богъ обратитъ эту великую печаль въ большую противъ прежней радость. (Кн. 1, пис. 55).

2. Стефану Діакону.

Тѣ, кои призываютъ Господа всею мыслію, хотя бы до крайняго бѣдствія были доведены, непремѣнно удостоятся небесной помощи; ибо Господь слышитъ, и силенъ изъ самой среды погибели преставить къ вѣчной жизни и радости (Кн. 1, пис. 139).

3. Немертію Тайному Совѣтнику.

Не оставляй никакого дѣла, ведущаго къ благочестію; ибо если ты оставишь ихъ и предашься лѣности, то впадешь въ грѣхъ и нечестіе. Посему непрестанно молись, читай св. Писаніе, и размышляй о благотвореніи бѣднымъ и покровительствѣ притѣсненныхъ. Поступая такимъ образомъ ты избѣжишь не только дѣлъ грѣховныхъ, но и желаній, памяти и стремленія къ дѣламъ неприличнымъ (Книг. 2. пис. 12).

4. Драконтію Монаху.

Пріятно для Христа, когда мы принуждаемъ Его пребыть съ нами. И такъ, когда оскудѣетъ въ насъ свѣтъ добродѣтели, будемъ, подобно Клеопѣ, принуждать Его пребыть съ нами, преломить хлѣбъ духовный и дать его нашей душѣ. Нѣтъ ничего сильнѣе молитвы; она часто повелѣваетъ временамъ, она всесильна и непобѣдима. Діаволъ, дабы заставить насъ бросить оружіе спасительной молитвы ко Христу, усиливается удержать насъ отъ нея посредствомъ тягчайшихъ искушеній, внушая, что будто мы неполучаемъ пользы отъ нея (Кн. 3. пис. 36).

5. Павлу Епископу.

Не смущайся, когда во время молитвы злобные демоны возбуждаютъ въ душѣ нечестивые помыслы; ибо и злѣйшіе змѣи болѣе ярятся и прыгаютъ, когда услышатъ голосъ обаятеля; а трезвенная молитва есть самое сильное и страшное обаяніе для демоновъ (Кн. 3. пис. 217).

6. Емуже.

Когда праведный и святый человѣкъ входитъ къ одержимому нечи-

стымъ духомъ, тогда сей приходитъ въ великій страхъ. Такъ точно, когда мы занимаемся псалмопѣніемъ и молитвою, демоны мучатся, терзаются и приходятъ въ великое движеніе. Поелику же они не имѣютъ возможности намъ ничего сдѣлать; то стараются поразить насъ запрещенными помыслами: но, если мы не оставимъ молитвы и псалмопѣнія; то вскорѣ они изчезнутъ, какъ дымъ (Кн. 3. пис. 218).

7. Геронтію Монаху.

Если ты вѣришь, что Самсонъ вѣрою и молитвою извелъ источникъ изъ челюсти мертваго осла, то и ты вѣрь и молись. И отцы наши испытали и намъ повѣдали, и мы сами испытали, что много можетъ вѣра и постоянная молитва, приносимая Христу отъ всего сердца, такъ что можетъ воскресить мертвыхъ, врачевать всякія страсти душевныя и тѣлесныя, изгонять демоновъ, угашать неистовый пламень плотской похоти. Мы испытали, что она скоро и сверхъ чаянія истребляла возбужденія плотскія, усиливаемыя демономъ, и врачевала такія болѣзни, которыя казались неисцѣлимыми, потому что, отъ многолѣтняго нерадѣнія и привычки, совершенно окрѣпли (Кн. 3. пис. 253).

8. Кириаку.

Человѣкъ, въ продолженіи жизни, различнымъ образомъ впадаетъ въ грѣхъ; причиною сего бываетъ то, что люди не просятъ Бога содѣйствовать ихъ дѣламъ. Если бы молитва предшествовала дѣламъ: то прилипчивый и многообразный грѣхъ не имѣлъ бы доступа къ душѣ; потому что, когда въ сердцѣ утверждена память о Богѣ, и въ сомнительныхъ случаяхъ всегда посредствуетъ правда, то вражескіе замыслы бываютъ не дѣйствительны. А кто не хочетъ соединяться съ Богомъ посредствомъ молитвы, тотъ отдаляется отъ Него (Кн. 3. пис. 261).

9. Молодымъ Монахамъ.

Знаетъ Господь нашъ, въ чемъ мы нуждаемся; иногда Онъ, при самой смерти, отверзаетъ толкущему въ молитвѣ, и исполняетъ духовное прошеніе сердца (Кн. 3. пис. 306).

10. Имъ же.

У людей твердыхъ молитва пріобрѣтаетъ великую силу и крѣпость. И такъ нужно постоянно день и нощь молиться. Ежели мы будемъ нерадивы къ молитвѣ: то подвергнемся многимъ наказаніямъ и крайнему вреду; и нетолько ничего не сдѣлаемъ достойнаго похвалы, но еще отдалимся отъ Господа, не желая соединяться съ Нимъ посредствомъ молитвы, надежды и похвальнаго постоянства (Кн. 3. пис. 319).

11. Ѳеодору Монаху.

Божественный Давидъ говоритъ: *во дни воззвахъ и въ нощи предъ Тобою Господи Боже мой* (Пс. 87, 2). Смотри, какъ онъ представляетъ примѣръ непрестаннаго и нелѣностнаго Богослуженія. И по правдѣ онъ такъ дѣлалъ; ибо, если мы часто весьма большую пользу получаемъ отъ бесѣды съ добродѣтельнымъ человѣкомъ; то какихъ благъ не получимъ, если дни и нощи будемъ бесѣдовать въ молитвѣ и псалмопѣніи со Христомъ, Господомъ всяческихъ.

12. Нилу Монаху.

Какъ къ желѣзу, когда проникаетъ его огонь, нельзя прикоснуться; такъ и умъ Монаха, согрѣтый и укрѣпле-

ный частою и усердною молитвою, дѣлается неприступнымъ для невидимыхъ враговъ. Посему злобные демоны всемѣрно стараются содѣлать подвижниковъ нетерпѣливыми и лѣнивыми въ молитвѣ; ибо они весьма хорошо знаютъ, что молитва разстроиваетъ и разрушаетъ всю силу вражію, а подвижникамъ содѣйствуетъ и защищаетъ ихъ. (Кн. 2. пис. 159).

СЛОВО

ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ПАСТВЫ, СКАЗАННОЕ ВЪ ТОТЕМСКОМЪ, ѲЕОДОСІЕВОМЪ СПАСОМУРИНОМЪ МОНАСТЫРѢ, ВЪ ЦЕРКВИ, ГДѢ ПОЧИВАЮТЪ СВ. МОЩИ ПРЕПОДОБНАГО ѲЕОДОСІЯ (*).

Преподобный Отче Ѳеодосіе! Я твердо вѣрую, что ты, почивая здѣсь нетлѣнными мощами своими, никогда не оставляешь братію обители твоей безъ должнаго наставленія,— что не только она, но и всѣ притекающіе съ вѣрою къ святымъ и многоцѣлебнымъ мощамъ твоимъ, не отходятъ отъ тебя безъ тайнаго вразумленія въ душѣ и совѣсти. Но долгъ Пастыря, лежащій на слабыхъ раменахъ моихъ, велитъ и мнѣ благовѣствовать слово истины.

И такъ, благослови отверсть уста для собесѣдованія съ братіею твоею, и подкрѣпи слабое слово мое твоею крѣпкою молитвою!

Въ глубокую полночь достигъ я, брат., обители вашей; и однако же засталъ васъ всѣхъ бдящими и изшедшими на срѣтеніе меня съ горящими свѣтильниками. О есть ли бы всѣмъ намъ срѣтить такимъ образомъ того великаго Архіерея, *прошедшаго небеса*, который пріидетъ нѣкогда въ полунощи, и удостоиться войти съ Нимъ въ свѣтлый чертогъ Его! И по чему намъ и вамъ не имѣть сей благой надежды? Не для сего ли самаго вы притекли на обитаніе подъ кровъ сей святой обители? Не для сего ли оставили все, что имѣли и могли имѣть въ мірѣ? Не для сего ли произнесли святые обѣты и облеклись во вся оружія Божія? Не для сего ли переносите всѣ трудности и подвиги житія иноческаго и постническаго? При столькихъ средствахъ не достигнуть цѣли? Отъ столькихъ жертвъ не получить плода? Послѣ столькихъ сраженій не заслужить вѣнца? Что можетъ быть, не говорю горестнѣе,— постыднѣе? Что скажутъ о насъ въ такомъ случаѣ святые угодники Божіи, коихъ имена мы носимъ, у подножія коихъ живемъ, по слѣдамъ коихъ пошли, молитвами коихъ ограждаемся и укрѣпляемся? Что скажетъ о насъ тогда самый міръ, нами оставленный, когда изъ среды его явятся люди, кои удостоятся войти въ свѣтлый чертогъ Жениха? Страшно, брат., и подумать о семъ: но должно думать! Когда великіе подвижники до конца жизни не рѣдко бывали въ страхѣ за свое спасеніе; то намъ ли предаваться безпечности и самодовольству? Когда самъ св. Павелъ, восхищенный до третіяго неба, бывшій еще во время земной жизни въ раю, говоритъ: *Азъ себе не у помышляю достигша* (Фил. 3, 13.); то намъ ли возлечь спокойно на ложахъ своихъ въ томъ мнѣніи, что мы уже достигли?— *Забывая*, по слову сего же Апостола, *задняя, всегда про-*

(*) Преосвящен. Иннокен. Епископомъ Харьков. и Ахтырскимъ.

стиратися вѣ предняя— вотъ наше правило и наша обязанность! Каждый день мы должны начинать такъ, какъ бы еще ничего не было сдѣлано нами для своего спасенія; и каждый день оканчивать такъ, какъ бы намъ уже нельзя было дѣлать ничего болѣе. Горе тому, кто отъ гордости и самомнѣнія, или отъ нерадѣнія и хладности— все равно— воздремлетъ на стражѣ души своей! Врагъ спасенія нашего не опуститъ сего случая, не замедлитъ, во время нашей дремоты, унесть оружіе духовное, постарается опутать, какъ Далида Самсона, сѣтями чувственности духъ нашъ, набросить смертоносную петлю на выю, и повлечь за собою въ пропасть адскую. Сугубое горе тому, кто съ полнымъ сознаніемъ отвращаетъ очи отъ высокой цѣли святаго званія своего, и устремляется вспять, во Египетъ духовнаго рабства! О, возлюбленные, блюдитесь сего возвращенія вспять; а для сего поминайте чаще, по заповѣди самаго Спасителя, жену Лотову. Что погубило ее и обратило въ столпъ сланый? Воззрѣніе вспять на Содомъ погибающій. Этотъ погибающій градъ есть міръ лукавый и грѣшный, вами оставленный. И его ожидаетъ таже участь, какая постигла грады, преогорчившіе Господа,— огнь и жупелъ. Ангелы хранители ваши извели васъ изъ суетъ житейскихъ, препроводили въ Сигоръ духовный, здѣшнюю богоспасаемую обитель: не озирайтесь же вспять, къ благамъ міра, вами оставленнымъ. Что вамъ въ нихъ? Вы и теперь, въ сей жизни, уже нашли блага лучшія— беззаботность отъ суеты мірской, свободу духа, покой душевный; но это одинъ залогъ благъ будущихъ. Тамъ, по свидѣтельству слова Божія, уготовано истиннымъ подвижникамъ то, чего око не видѣло, ухо не слыхало, что не восходило на самое сердце человѣческое. Есть чего подождать, есть для чего потрудиться! А міръ, обольщающій настоящимъ, развѣ вдругъ даетъ что обѣщаетъ? Когда требуетъ поклоненія себѣ, онъ каждый разъ говоритъ: *сія вся дамъ ти;* но поклонись ему, и увидишь, какъ онъ лишитъ тебя всѣхъ твоихъ собственныхъ совершенствъ и, вмѣсто награды, пошлетъ пасти свинія. Въ самомъ дѣлѣ присмотритесь къ лицу людей, посѣщающихъ вашу обитель; много ли увидите свѣтлой радости на семъ лицѣ, много ли довольства и мира душевнаго? Всѣ воздыхаютъ и стонутъ,— бѣдные и богатые, безславные и славные; всѣ приходятъ у васъ искать утѣшенія и отрады души и сердцу. Научитесь же, хотя изъ чуждаго, ежедневнаго опыта, познавать преимущество вашего состоянія и пользуйтесь имъ какъ должно.

Отъ чего наиболѣе всегда страдала и теперь страдаетъ жизнь иноческая? Отъ чего гибнутъ нерѣдко труды долголѣтніе, прежніе подвиги самоотверженія и набожности? Отъ невоздержанія. Рѣшиться прямо на дѣла неподобныя немогутъ многіе изъ самыхъ міролюбцевъ; инокъ тѣмъ паче защищенъ отъ того многими, даже внѣшними преградами. Но чувственность и плотоугодіе, особенно въ умѣренномъ видѣ, какъ это бываетъ сначала, кажутся невинными утѣшеніями плоти, даже нѣкіимъ родомъ необходимаго подкрѣпленія силъ, тѣмъ паче слабости тѣлесной. Но потокъ чувственности, единожды открывшись въ душѣ, и незагражденный тотчасъ святымъ воздержаніемъ, по-

добенъ потокамъ горнымъ: стремится долу и растетъ, растетъ и ширится, ширится и свирѣпѣетъ, разсвирѣпѣвъ все опровергаетъ и уноситъ съ собою. Что вначалѣ могло быть заграждено рукою младенца, противъ того тщетно силится стать потомъ и великанъ. О чемъ въ состояніи воздержанія и думать почиталось за грѣхъ, то въ состояніи невоздержанія, совершать считается едва не за добродѣтель. Не такъ ли низвергаются въ бездну грѣха иногда тѣ, кои подавали о себѣ самыя прекрасныя духовныя надежды, кои долго трудились, высоко взошли, и долго стояли на высотѣ?

Имѣя въ виду сіе, возлюбленные, никогда не слагайте съ себя святыхъ узъ воздержанія. А для сего поминайте чаще Лота и его злоключеніе. Примѣръ страшный! Живя въ Содомѣ, онъ былъ чистъ и удостоился посѣщенія Ангельскаго; а достигши Сигора палъ, какъ не падаютъ многіе изъ самыхъ грѣшниковъ. Отчего? отъ того, что живя въ Содомѣ бдѣлъ надъ собою и ограждался постомъ; а пребывая въ Сигорѣ забылъ на время святое воздержаніе. Если съ праведникомъ случилось такое ужасное паденіе отъ невоздержанія; то чего не сдѣлаетъ оно изъ насъ, слабыхъ и поползновенныхъ ко грѣху? Но Лотъ загладилъ свое паденіе; а о насъ, единъ Богъ вѣдаетъ, можно ли сказать, что мы, падши, востанемъ.

Впрочемъ, если бы кого и постигло искушеніе, не отчаявайся. Рана и сокрушеніе обратятся на главу врага, коль скоро покаешься и оставишь грѣхъ. Смиреніе есть наилучшая изъ добродѣтелей; а кому естественнѣе имѣть его какъ не падавшему? Этотъ драгоцѣнный плодъ, то есть, смиреніе всегда можно пожинать послѣ самыхъ грѣхопаденій нашихъ. Не надобно только медлить въ безднѣ, должно тотчасъ вопіять о помощи, и дать себя извести изъ рова страстей. Мало ли у васъ помощниковъ и предстателей духовныхъ? Кромѣ благодати Божіей, никогда не оставляющей грѣшника, на сіе готовы всѣ святые Ангелы и всѣ угодники Божіи, тѣмъ паче Преподобный Ѳеодосій, вашъ началовождь и хранитель. Къ нему прибѣгайте, ему исповѣдайте грѣхи свои, у него просите помощи: онъ не оставитъ чадъ своихъ!

Прочее же, брат. мои, елика *суть честна, елика истина, елика праведна, елика прелюбезна, аще кая добродѣтель, и аще кая похвала, сія помышляйте* (Фил. 4, 8). Богъ же всякія благодати, *возведый изъ мертвыхъ Пастыря овцамъ великаго, кровію завѣта вѣчнаго, и призвавый насъ въ вѣчную свою славу о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ,* (Евр. 13, 20.) *той насъ, мало пострадавшихъ, да совершитъ, да утвердитъ, да укрѣпитъ,* (1 Петр. 5, 10.) *да оснуетъ, и да сокрушитъ сатану подъ ноги наши* (Рим. 16, 20). Аминь.

ПОХВАЛА МОЛЧАНІЮ.

Гдѣ любятъ слишкомъ много говорить и вошло въ обычай слишкомъ много писать, тамъ весьма не лишнее излагать *похвалу молчанію.* Конечно, даръ слова для того и дарованъ человѣку, чтобы употребленіемъ благодѣтельнаго дара сего мы отличались отъ безсловесныхъ; но кто не знаетъ, что неблагоразумное употребленіе можетъ

сдѣлать вреднымъ и свѣтъ для глазъ, и пищу для желудка, и лѣкарство для здоровья, словомъ: все доброе и благое— обратить во вредъ? И ежели, по свидѣтельству Исторіи, одинъ изъ Царей, подписывая однажды смертный приговоръ, жалѣлъ о томъ, что учился писать; то сколько разъ многіе изъ насъ должны плакать о томъ, что умѣютъ говорить?

Не будемъ исчислять тѣхъ пагубныхъ послѣдствій, какія могутъ происпекать отъ злоупотребленія дара слова; они не исчислимы— тамъ, гдѣ говорятъ, когда должно молчать, молчатъ, когда должно говорить, и гдѣ еще чаще или не то говорятъ, что должно говорить, или не такъ говорятъ, какъ должно говорить. И что пользы отъ сего? Намъ нужны средства и врачевство, а не болѣзнь и страданія! Если, по примѣру Псалмопѣвца, мы должны молить Господа, чтобы Онъ иногда *отверзалъ уста наши* для прославленія имени своего (Псал. 50, 17. 70, 8.), а иногда *полагалъ храненіе устамъ нашимъ* и какъ бы печать налагалъ на нихъ, чтобы намъ не согрѣшать языкомъ (Псал. 140, 3. 38, 2.), и если, по словамъ премудраго, есть *время молчати и время глаголати* (Еккл. 3, 7.); то познаемъ лучше, когда мы болѣе погрѣшаемъ противъ дара слова, во зло употребляя его: тогда ли, когда молчимъ? или когда говоримъ? Это будетъ поучительно для насъ покрайней мѣрѣ тѣмъ, что укажетъ намъ средство менѣе грѣшить, если не можемъ вовсе не грѣшить, а съ упраздненіемъ грѣха сами собою устранятся и пагубныя его слѣдствія.

Есть *время молчати и время глаголати:* слѣдовательно, если мы не-во-время молчимъ и не-во-время говоримъ; то явно погрѣшаемъ. Но какой грѣхъ пагубнѣе для насъ,— грѣхъ ли молчанія не-во-время, или грѣхъ слова не-во-время? и не погрѣшаемъ ли мы иногда даже словомъ и во-время?

Когда молчимъ тамъ, гдѣ и должны молчать; то мы правы безспорно: но когда говоримъ тамъ, гдѣ не должны молчать; то не льзя еще сказать, что мы правы. Говоря и во-время, мы тогда только останемся совершенно правы, когда будемъ говорить то, что должно говорить, и говорить такъ, какъ должно; иначе слово наше, хотя и во-время, будетъ преступно, и даже можетъ быть преступнѣе неблаговременнаго молчанія. Примѣромъ сему могутъ служить Мытарь и Фарисей (Лук. 18, 10— 14). Значитъ, молчаніе наше во время вовсе не подвергаетъ насъ опасности грѣха, и есть *непогрѣшимо;* а слово наше и во-время можетъ подвергать насъ опасности грѣха, если оно не будетъ вѣрно и пріятія достойно.

Какъ же часто должно вовлекать насъ въ грѣхъ слово наше не-во-время и какъ пагубенъ долженъ быть грѣхъ сей своими послѣдствіями, если слово и во-время не изъемлетъ насъ вовсе отъ опасности грѣха! Сколько разъ говоримъ не-во-время, столько разъ грѣшимъ, и грѣшимъ сугубо: грѣшимъ уже и потому, что говоримъ не-во-время, а сколько еще грѣшимъ тѣмъ, что говоримъ! Для примѣра можно указать въ семъ случаѣ на разговаривающихъ въ церкви, открывающихъ тайны, которыя не должно открывать, празднословящихъ, и вообще не полагающихъ *на уста* свои *печати разумной* (Сир. 22, 31). Не добродѣтель и молчаніе не-

во-время, даже можетъ быть иногда тяжкимъ грѣхомъ; но, грѣхъ слова есть зло положительное, а грѣхъ молчанія есть зло только отрицательное; притомъ грѣхъ молчанія не такъ часто обладаетъ нами, какъ грѣхъ слова; въ примѣръ грѣха молчанія можно представить: утаеніе грѣховъ на исповѣди, не объявленіе такихъ тайнъ, которыя должны быть тотчасъ обнаруживаемы, и вообще молчаніе, поблажающее пороку, съ уничиженіемъ добродѣтели. Значитъ, и слово наше не-во-время *погрѣшимо* и молчаніе наше не-во-время тоже *погрѣшимо;* но грѣхъ слова во всякомъ случаѣ *пагубнѣе* грѣха молчанія.

Отсюда само собою вытекаетъ вѣрное средство менѣе грѣшить, если не можемъ во все не грѣшить злоупотребленіемъ дара слова: это средство требуетъ отъ насъ, чтобы *мы болѣе молчали, а менѣе говорили.* Хотите ли повѣрить это словомъ Божіимъ?— Читайте въ особенности пѣхъ священныхъ писателей, коимъ усвоено названіе Премудрыхъ; остановитесь преимущественно на слѣдующихъ словахъ: *кто не согрѣши языкомъ своимъ? но обуздаваяй языкъ и ненавидяй велерѣчіе умалитъ порокъ; а умножаяй словеса отъ многословія не избѣжитъ грѣха* (Сир. 19, 6, 16. 20, 8. Прит. 10, 19.). *Устнѣ многорѣчивыхъ не своя си повѣдятъ: словеса же мудрыхъ въ мѣрилѣхъ станутъ. Во устѣхъ буихъ сердце ихъ; въ сердцы же премудрыхъ уста ихъ.* (Сир. 21, 28. 29.)

Ангела мирна, вѣрна наставника, хранителя душъ и тѣлесъ нашихъ у Господа просимъ.

Дарованіе Ангеловъ хранителей есть одна изъ безчисленныхъ милостей Божіихъ, къ намъ грѣшнымъ. Эта милость такъ важна по вліянію на нашу вѣчную судьбу, что мы, по указанію св. Церкви, обязаны какъ можно чаще молить Господа о продолженіи оной.

Ангела мирна у Господа просимъ.— Милосердый Спаситель нашъ даруетъ намъ миръ небесный, заслуженный Имъ однимъ, и со времени крещенія приставляетъ къ каждому изъ насъ св. Ангела, вѣстника и блюстителя мира нашего съ Богомъ, собственною совѣстію и ближними. Но кроткіе и святые Ангелы мира не могутъ находиться въ мирѣ и согласіи съ грѣшными и упорными людьми, враждующими противъ Бога, не покаряющимися ни закону Божію, ни внушеніямъ своихъ Ангеловъ хранителей; часто Ангелы мира, для упорныхъ грѣшниковъ, дѣлаются обличителями беззаконій, вѣстниками гнѣва Божія и исполнителями страшнаго приговора Божественнаго ожесточенному грѣшнику. Посему-то мы, по премудрому правилу св. Церкви, такъ часто *просимъ у Господа* и должны просить *Ангела мира;* просимъ, чтобы онъ не лишалъ насъ милости, дарованной при крещеніи, чтобы Ангелъ хранитель былъ всегда въ мирѣ съ нами, являлся къ намъ не съ жезломъ карающимъ, а съ вѣтвію мира небеснаго, чтобы онъ своими утѣшеніями услаждалъ горестныя минуты жизни нашей;— чтобы Ангелъ мира водворялъ миръ въ душахъ и обществахъ нашихъ, и та-

кимъ образомъ всѣ вѣрующіе составляли бы одно мирное и благополучное общество, подобное обществу святыхъ небожителей.

Ангела— вѣрна наставника у Господа просимъ.— Безъ посторонняго наставленія мы ничего не можемъ знать: потому Господь окружилъ насъ безчисленными наставниками, между коими и Ангелы хранители наши. Учитъ насъ видимая природа— чрезъ восходящее и заходящее солнце, чрезъ различныя явленія дня и ночи, въ буряхъ, сокрушающихъ камни, и въ вѣяніи хлада тонка: а св. Ангелы помогаютъ намъ понимать проповѣдь неразумной природы, уяснять темныя и загадочныя вѣщанія неба и земли. Учатъ насъ родители и наставники,— особливо въ годы дѣтства и юности: а св. Ангелы дополняютъ и продолжаютъ ихъ наставленія, во все время земной жизни нашей. Учитъ насъ св. Церковь, предлагая намъ слово Божіе и различныя душеспасительныя наставленія,— научаетъ невидимо и всесильная благодать Божія: а св. Ангелы невидимо помогаютъ намъ понимать и усвоивать мудрыя наставленія Церкви и таинственныя внушенія благодати Божіей. Благодареніе Господу, даровавшему намъ вѣрныхъ и не погрѣшимыхъ наставниковъ! И горе тѣмъ изъ насъ, которые за невниманіе, непослушаніе и упорство лишатся ихъ руководства и будутъ предоставлены самимъ себѣ!

Ангела— хранителя душъ и тѣлесъ нашихъ у Господа просимъ.— Каждому человѣку,— слабому младенцу и дряхлому старцу, даже крѣпкому юношѣ и опытному мужу,— угрожаетъ множество опасностей, не предвидимыхъ и не предотвратимыхъ; всѣ мы постоянно ходимъ посреди сѣтей безчисленныхъ. И злые люди, и коварные демоны, и наши буйныя страсти— все готово соблазнить нашу душу и отклонить ее отъ закона Божія; тѣлу нашему на каждомъ шагу и каждую минуту угрожаетъ или потеря здоровья, или поврежденіе члена, иногда самая смерть. Очевидна необходимость многихъ хранителей и приставниковъ, и между ними Ангеловъ— хранителей. Посему-то мы, по мудрому правилу св. Церкви, такъ часто *просимъ* и должны просить у Господа *Ангела— хранителя душъ и тѣлесъ нашихъ*, который хранилъ бы нашу душу отъ худыхъ мыслей и желаній, тѣло отъ поврежденія и преждевременной смерти,— былъ съ нами во дни и въ нощи, и избавлялъ насъ отъ всякаго зла.

Ангела мирна, вѣрна наставника, хранителя душъ и тѣлесъ нашихъ у Господа просимъ. Ему угодно было дать намъ сію милость: отъ Него зависитъ и продолженіе ея. Въ Его рукахъ все,— Ангелы хранители наши, и мы сами: къ Нему и должно обращаться во всякомъ случаѣ, у Него должно просить всего.—

Кіевъ Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 19 Маія, 1843 г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 12. НЕДѢЛЯ 4-я, ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. Іюня. 27. 1843.

На Утрени: Евангеліе воскресное 4-е, Лук. 24, 1—12.
На Литургіи: Апост. Римл. 6, 18—23. Еванг. Матѳ. 8, 5—13.

СВИДАНІЯ СВ. АПОСТОЛОВЪ ПЕТРА И ПАВЛА.

Петръ и Павелъ были Апостолы Господа Іисуса Христа, за одну Вѣру стояли и страдали, одно Евангеліе благовѣствовали, ради одной Церкви Христовой трудились: но почти всю жизнь свою провели въ разныхъ мѣстахъ, возвѣщали имя Христово разнаго рода людямъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ и на малое время сходились и видѣлись другъ съ другомъ. Гдѣ же, когда, по какимъ случаямъ и побужденіямъ и съ какими послѣдствіями происходили сіи свиданія двухъ верховныхъ Апостоловъ? Каждый шагъ и каждое дѣйствіе святыхъ Божіихъ, тѣмъ болѣе святыхъ Апостоловъ, поучительны, достойны вниманія и изученія...

Св. Исторія не показываетъ намъ, чтобы Павелъ, до обращенія ко Христу, былъ знаемъ Петру;— едва ли даже они видѣли другъ друга. *Первое* свиданіе ихъ случилось чрезъ три года по обращеніи Павла (Гал. 1, 18. Дѣян. 9, 26—30). Принявъ святое крещеніе отъ Ананіи въ Дамаскѣ, Павелъ тотчасъ съ дерзновеніемъ началъ проповѣдовать имя Христово, и между тѣмъ ходилъ въ Аравію, откуда опять возвратился въ Дамаскъ. Потомъ онъ отправился во Іерусалимъ и покушался пристать къ ученикамъ Христовымъ; но всѣ боялись его, не вѣря, что онъ ученикъ Христовъ, и пересталъ гнать вѣрующихъ во имя Христово. Варнава, извѣстный Церкви Іерусалимской своею ревностію по Вѣрѣ, и удостовѣрившійся въ искренности обращенія Павлова, представилъ его Апостоламъ, и разсказалъ имъ, какъ на дорогѣ явился ему Господь, и какъ онъ въ Дамаскѣ небоязненно проповѣдовалъ имя Іисусово. Съ сего времени Павелъ постоянно обращался съ Апостолами въ Іерусалимѣ, и свою проповѣдь соединилъ съ ихъ проповѣдью. Такое общеніе съ Апостолами было весьма утѣшительно для Павла, и полезно для будущаго его служенія Евангелію Христову. По слову самаго Павла цѣлію путешествія его во Іерусалимъ, между прочимъ, было— *соглядати Петра* (1, 18.), видѣться и познакомиться съ ревностнѣйшимъ изъ Апостоловъ. Первымъ и самымъ естественнымъ побужденіемъ къ свиданію должно почитать непреодолимое влеченіе благочестивой души Павловой къ святому общенію съ ближайшими учениками— самовидцами Слова, слышавшими радостную вѣсть о спасеніи отъ самаго Спасителя, видѣвшими боголѣпное лице Господа Іисуса: такое общеніе есть потребность святыхъ душъ. Павелъ пробылъ у Петра *пятнадцать дней*— очень

довольно для того, чтобы удовлетворить святому желанію— видѣть другъ друга, и утѣшить другъ друга взаимною бесѣдою. Хотѣлось бы знать, о чемъ они бесѣдовали?— О томъ, конечно, что болѣе всего любили— о Господѣ Іисусѣ, котораго оба любили пламеннѣйшею, чистѣйшею, истинно-апостольскою любовію. Естественно, Петръ долженъ былъ говорить болѣе, а Павелъ— болѣе слушать: какой повѣствователь, и какой слушатель! какая бесѣда, и какіе собесѣдники!— Враги креста Христова въ Іерусалимѣ вооружились противъ Павла и искали убить его; Христіане, узнавъ о семъ, препроводили его въ Кесарію и потомъ въ Тарсъ (Дѣян. 9, 29. 30). Такъ кончилось первое свиданіе Апостоловъ Петра и Павла.

Второе свиданіе верховныхъ Апостоловъ можно отнести къ тому времени, когда Антіохійскіе Христіане, по случаю голода въ Іерусалимѣ, отправили св. Павла во Іерусалимъ съ милостынею для тамошнихъ Христіанъ: но подробности сего пребыванія Павлова въ Іерусалимѣ не описаны св. Лукою (Дѣян. гл. 11).

При *третьемъ* свиданіи святые Апостолы, Петръ и Павелъ, являются преимущественно какъ Апостолы— служители и основатели Церкви. Частныхъ бесѣдъ ихъ мы не знаемъ: но св. Лука передаетъ намъ исторію Апостольскаго Собора, гдѣ дѣйствовали, вмѣстѣ съ другими, св. Петръ и Павелъ, и гдѣ рѣшенъ былъ вопросъ, должно ли обращающимся ко Христу язычникамъ обрѣзываться и соблюдать прочія постановленія обрядоваго Моисеева закона? Св. Петръ первый подалъ свой голосъ; вразумленный видѣніемъ (Дѣян. гл. 10.) онъ утверждалъ, что должно освободить Христіанъ изъ язычниковъ отъ соблюденія ветхозавѣтныхъ обрядовъ. За нимъ Варнава и Павелъ разсказали, какія чудеса произвелъ Богъ чрезъ нихъ у язычниковъ; и симъ подтвердили положеніе Петра. Св. Іаковъ, Епископъ Іерусалимскій, заключилъ дѣло соборное приведеніемъ древнихъ Пророчествъ, и своимъ согласіемъ на мнѣніе Петра и Павла.— Другой предметъ бесѣды Павла съ Апостолами, и слѣдовательно съ Петромъ, была проповѣдь самаго Павла, желавшаго имѣть и внѣшнее свидѣтельство объ истинѣ своего ученія, и подтвержденіе со стороны Апостоловъ, для предотвращенія и погашенія всякаго соблазна, и для успѣха своей проповѣди, о чемъ и предложилъ онъ Апостоламъ, бывшимъ во Іерусалимѣ, наединѣ. Оказалось, что ученіе Павлово совершенно согласно съ ученіемъ прочихъ Апостоловъ, которые, вполнѣ увѣренные въ данной Павлу благодати апостольства, дали руки Павлу и Варнавѣ, въ знакъ согласія, чтобы имъ идти къ язычникамъ, а Петру съ другими— къ обрѣзаннымъ, къ Іудеямъ. Свиданіе важное, имѣвшее большое вліяніе на все общество вѣрующихъ! (Дѣян. гл. 15, Гал. 2).

Четвертое свиданіе случилось въ Антіохіи, и описано самимъ Павломъ (Гал. гл. 2, 11— 21). Петръ, пришедъ въ Антіохію, сначала ѣлъ съ Христіанами изъ язычниковъ, и свободно съ ними обращался. Но, по прибытіи нѣкоторыхъ Іерусалимскихъ Іудеевъ отъ Іакова, сталъ таиться и устраняться, опасаясь обрѣзанныхъ. Его примѣру послѣдовали и прочіе Іудеи, и даже Варнава— сподвижникъ Павловъ. Св. Павелъ ежеминутно готовый умереть ради истины, видя, что они не прямо по-

ступаютъ по истинѣ Евангельской, сказалъ Петру при всѣхъ: *аще ты Іудей сый, язычески, а не Іудейски живеши, почто языки нудиши Іудейски жительствовати?*— Такимъ явнымъ обличеніемъ исправленъ явный соблазнъ. Великъ Павелъ, въ обличеніи Петра: великъ и Петръ, выслушавшій обличеніе! Велика ревность и дерзновеніе Павла: велико смиреніе и послушаніе Петра! Научимся изъ сего случая, какъ важно и необходимо общеніе Христіанъ, особливо пастырей и правителей Христіанскихъ, какъ спасительны взаимные братскіе совѣты и вразумленія. Знающій правду и видящій нарушеніе ея обязанъ неболзненно защищать оную и требовать исправленія; съ другой стороны, нарушающій законы правды Божіей, намѣренно или ненамѣренно и по немощи, обязанъ выслушать обличеніе великодушно, исправить свою ошибку и удовлетворить правдѣ Божіей. Вотъ чему научаетъ примѣръ Апостоловъ Петра и Павла и ихъ четвертое свиданіе!

Видѣлись ли еще, и гдѣ именно, святые первоверховные Апостолы, не извѣстно изъ книгъ св. Писанія, которое говоритъ только о послѣднемъ путешествіи св. Павла во Іерусалимъ, не упоминая о свиданіи его съ Петромъ (Дѣян. гл. 20 и 21). Преданіе, свидѣтельствуетъ, что святые Апостолы, Петръ и Павелъ, видѣлись еще разъ на землѣ, въ послѣднее время своей подвижнической— апостольской жизни, и въ одинъ день, именно 29-го Іюня, въ одномъ городѣ— Римѣ, пострадали за имя Іисуса, возлюбленнаго Учителя, Господа и Спасителя. Это *свиданіе предсмертное*, знаменательнѣйшее, утѣшительное для самихъ Апостоловъ и поучительное для всѣхъ вѣрныхъ! Но благочестивый Христіанинъ можетъ только сожалѣть, что преданіе не сохранило подробныхъ свѣдѣній о предсмертномъ свиданіи и бесѣдахъ св. Апостоловъ, и долженъ, по необходимости, ограничиться тѣмъ, что дошло до насъ.— Неронъ, первый и жесточайшій изъ гонителей Христіанства, для своего звѣрскаго удовольствія самъ сожегъ свою столицу и сложилъ вину гибели Рима на невинныхъ Христіанъ, которые, по сему случаю, подверглись страшнымъ мученіямъ. Св. Павелъ, любившій и возлюбившій своихъ учениковъ до смерти, поспѣшилъ къ развалинамъ столицы Римской Имперіи утѣшить ихъ общеніемъ любви своей и раздѣлить съ ними мученическій вѣнецъ. Видимо наступало время, когда надлежало исполниться желанію Апостола— разрѣшиться отъ смертнаго тѣла и со Христомъ быти. По той же, вѣроятно, причинѣ прибылъ туда и св. Петръ. Неронъ много замучилъ людей, умертвилъ даже мать свою: не доставало въ его злосчастной и нечестивой жизни одного преступленія— убіенія первоверховныхъ Апостоловъ; и оно совершено имъ. Много потрудились святые Апостолы ради Христа Спасителя: недоставало въ ихъ богоугодной и страдальческой жизни одного, послѣдняго подвига— смерти за имя Христово;— и сей подвигъ совершенъ; апостольское ученіе запечатлѣно кровію, и подтверждено мученическою кончиною первыхъ основателей и распространителей Церкви Христовой. Можно замѣтить, на основаніи послѣдней главы втораго посланія Павлова къ Тимоѳею, что Петръ прибылъ въ Римъ и началъ раздѣлять узы Павловы не задолго до ихъ общей кончины, а прежде Павлово пребываніе

въ темницѣ было уединенное. Димасъ, прежде сотрудникъ Апостола (Филип. 23.), оставилъ его, возлюбивъ нынѣшній вѣкъ, и ушелъ изъ Рима въ Ѳессалонику; Крискентъ отправился въ Галатію; Титъ— въ Далматію; Тихика Апостолъ послалъ въ Ефесъ. Ерастъ остался въ Коринѳѣ, Трофимъ, больной, въ Милитѣ. При первомъ отвѣтѣ предъ мучителями никого не было съ Павломъ,— всѣ оставили его, кромѣ Господа, видимо и невидимо пребывавшаго съ нимъ; изъ земныхъ друзей и постоянныхъ сотрудниковъ не отлучался отъ Апостола одинъ Лука. Понятно послѣ сего, почему Апостолъ умоляетъ Тимоѳея придти къ нему скорѣе, и какъ могло обрадовать его посѣщеніе возлюбленнаго ученика его— Тимоѳея (2 Тим. 1, 4). Но Господь даровалъ ему радость, какой онъ и не ожидалъ въ послѣднія скорбныя минуты земной жизни, радость свиданія съ Ап. Петромъ, съ коимъ всю жизнь подвизались единодушно въ проповѣданіи Евангелія Христова. О, кто бы намъ далъ— послушать сихъ послѣднихъ бесѣдъ Первоверховныхъ Апостоловъ! Но къ чему желаніе невозможнаго? Мы имѣемъ ихъ писанія: это ихъ завѣщанія для всѣхъ Христіанъ;— читай, сколько хочешь; изучай, сколько можешь; восхищайся, сколько вмѣститъ твое сердце. Кому не довольно такой бесѣды съ Апостолами; тотъ ищи общенія съ ними чрезъ пламенную молитву и равноапостольную жизнь, стремись съ ревностію апостольскою туда, гдѣ они и Христосъ,— а для сего живи такъ, какъ жили и повелѣвали жить святые Апостолы: кто живетъ здѣсь, подобно Апостоламъ, Петру и Павлу, тотъ вѣрно удостоится блаженнаго свиданія съ ними въ день послѣдняго суда, и блаженнаго общенія во всю вѣчность.

СЛОВО

ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ПАСТВЫ, СКАЗАННОЕ ВЪ ТОТЕМСКОЙ ПРИГОРОДНЕЙ, ЧТО НА СОЛЕНОМЪ ЗАВОДѢ, ЦЕРКВИ ВОСКРЕСЕНІЯ ГОСПОДНЯ. (*)

Добро соль: аще же соль не слана будетъ, чимъ осолится? нивочтоже будетъ къ тому, точію да изсыпана будетъ вонъ и попираема человѣки. Имѣйте соль въ себѣ.— Марк. 9, 50.

Какъ богата и неизчерпаема сокровищница слова Божія! И какъ легко Христіанскимъ проповѣдникомъ дѣлать свое дѣло! стоитъ только обращаться къ сей сокровищницѣ и взимать изъ нея, что нужно.

Сами согласитесь, братіе, что промыселъ, коимъ постоянно занимаетесь вы здѣсь, не изъ самыхъ обыкновенныхъ занятій и промысловъ.— Мнѣ хотѣлось однакоже преподать вамъ наставленіе, по роду самыхъ занятій вашихъ. И вотъ, едва только я помыслилъ о семъ, какъ представились мнѣ вышесказанныя слова Спасителя. Сами видите, какъ они близко идутъ къ вашему состоянію, и что въ нихъ содержится богатый урокъ для васъ. Углубимся же въ сей божественный источникъ назиданія, для пріобрѣтенія изъ него соли духовной.

Добро соль. И такъ самъ слово Божіе похваляетъ предметъ вашихъ занятій. Обстоятельство не маловажное для васъ, кои проводите надъ солію, можно сказать, всю жизнь вашу.

(*) Преосвящен. Иннокентіемъ Еписк. Харьк. и Ахт.

Хотя никакой предметъ труда не можетъ унизить трудящагося, коль скоро онъ честенъ и полезенъ обществу: однако же лучше, безъ сомнѣнія, для трудящагося, если самый предметъ его всегдашнихъ занятій чистъ и здоровъ, тѣмъ паче если и поучителенъ для него. Предметъ вашего труда таковъ именно, по свидѣтельству самаго слова Божія. *Добро соль!* Чѣмъ добро?— тѣмъ, что это одна изъ самыхъ чистыхъ стихій земныхъ;— тѣмъ, что соль придаетъ въ устахъ человѣка всему вкусъ и пріятность;— тѣмъ наконецъ, что соль есть употребительнѣйшее средство къ сохраненію слабыхъ вещей отъ порчи и тлѣнія. Посему то соль издревле служила у всѣхъ народовъ символомъ совершенствъ духовныхъ, особенно мудрости, твердости и постоянства, вѣрности и цѣломудрія.— Посему-то, безъ сомнѣнія, когда предписывалось чрезъ Моисея Израильскому народу приносить Господу разныя жертвы; то вмѣнено въ обязанность, чтобы каждая изъ нихъ была осолена солію (Лев. 2, 13). Посему то, наконецъ, Господь самихъ Апостоловъ своихъ сравнивалъ съ солію: *вы есте соль земли!* (Мат. 5, 13).

Какъ не добро послѣ сего соль? И какъ не добро имѣть ее предъ очами, дабы полюбить тѣ прекрасныя добродѣтели, кои она выражаетъ собою? Вы слышали какія это добродѣтели: чистота, постоянство и нетлѣніе. Старайтесь же имѣть ихъ, братіе, будьте и въ нравахъ и въ жизни чисты, какъ соль, постоянны, какъ соль, благопріятны всѣмъ, какъ соль, удалены отъ порчи и тлѣнія, какъ соль. Постыдно было бы цѣлый вѣкъ трудиться надъ солію, и между тѣмъ оставаться растлѣннымъ въ своихъ нравахъ, быть гнилымъ въ рѣчахъ и словахъ.

Какъ соль получаетъ свои прекрасныя качества? посредствомъ огня; безъ огня не было бы хорошей соли. Замѣтьте сіе, и старайтесь благодушно переносить скорби и лишенія, неизбѣжныя въ жизни каждаго: это огонь, необходимый для нашего очищенія. Кто пользуется симъ огнемъ какъ должно, тотъ самъ становится чистою солію на трапезу Господню.

Добро соль: аще соль обуяетъ, чимъ осолится? ниочтоже будетъ къ тому, точію да изсыпана будетъ вонъ и потираема человѣки.

Несмотря на добротность состава своего, соль, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, можетъ терять свои прекрасныя качества; становится несоленою и не дѣйствительною. Нѣтъ ничего хуже такой обуявшей соли: она рѣшительно неспособна ни къ чему, даже вредитъ той землѣ, на которую ее высыпятъ. Такъ бываетъ съ солію: такъ бываетъ и съ людьми. Если служители олтаря престанутъ учить здраво, священнодѣйствовать со страхомъ Божіимъ; если не будутъ подавать примѣра благой жизни; то что они, какъ не соль обуявшая, и что остается сей соли, какъ быть высыпанною на всеобщее попраніе? Если начальники и приставники работъ и трудовъ не будутъ оказывать справедливости въ требованіяхъ и воздаяніяхъ, не будутъ снисходить немощи и нуждамъ трудящихся, не будутъ служить имъ примѣромъ усердія къ Церкви Божіей, воздержанія и кротости; то что они какъ не соль обуявшая? И куда годна сія

соль, какъ не на то, чтобы ее изсыпать вонъ и попирать ногами? И вы, отцы и матери, если младыя дѣти наслушаются отъ васъ словъ срамныхъ, насмотрятся дѣлъ неподобныхъ; то что вы, какъ не соль обуявшая? Чѣмъ послѣ сего осолится юному поколѣнію и избыть ранняго растлѣнія нравовъ? И что ожидаетъ нѣкогда васъ самихъ, когда вы явитесь предъ Отца небеснаго съ дѣтьми, развращенными примѣромъ вашимъ?— *Нивочтоже будетъ, точію да изсыплется вонъ во попраніе человѣкомъ*.

Имѣйте соль въ себѣ. Заповѣдь крайне примѣчательная для всякаго, тѣмъ паче для васъ, кои трудитесь постоянно надъ солію. Слышите ли? мало имѣть соль внѣ себя, подъ своими снопами, и въ своихъ рукахъ; надобно, по слову Господа, имѣть соль въ самихъ себѣ. Что это за соль внутренняя?— Въ тѣлѣ человѣческомъ, какъ въ маломъ мірѣ, находятся всѣ стихіи; есть и соль, какъ необходимая часть цѣлаго. Но сія соль не зависитъ отъ насъ; нельзя по произволу ни имѣть, ни не имѣть ея; хотя недостатокъ естественной соляности въ тѣлѣ всегда сопровождается его разстройствомъ и болѣзнями. Бываетъ и въ душѣ человѣческой природная соль: это самое выражаемъ мы когда говоримъ, такой то человѣкъ съ солію, въ его словахъ много соли; то есть, онъ остръ и уменъ; его слова замысловаты и пріятны. Но и такой соли, съ одной стороны, нельзя имѣть, кто не получилъ ея отъ природы; а съ другой, сія соль, какъ показываетъ опытъ, не только не спасаетъ отъ тлѣнія, а нерѣдко сама производитъ тлѣніе духовное, обнаруживаясь въ вольномысліи и шуткахъ зловрединыхъ, въ кощунствѣ, пересудахъ и злорѣчіи.

Какую же соль заповѣдуется намъ имѣть въ самихъ себѣ? Соль благодати, отвѣтствуетъ Ап. Павелъ. *Слово ваше*, говоритъ онъ, *да будетъ солію* благодати *растворено* (Кол. 10, 8.). Если слово должно быть растворенно солію благодати, то и мысль; если мысль, то и умъ; если умъ, то и душа. Благодать, и только она одна, своимъ дѣйствіемъ, своимъ огнемъ всеочищающимъ, образуетъ въ насъ соль духовную, исправляетъ и содѣлываетъ благопотребною и соль есипественную. У человѣка облагодатствованнаго Духомъ святымъ все бываетъ растворено солію благодати— мысль и чувство, слово и взглядъ; самый тѣлесный составъ, проникнутый сею солію, забываетъ свое тлѣніе, какъ показываетъ примѣръ нетлѣнныхъ тѣлесъ св. Угодниковъ Божіихъ.

Но намъ ли, подумаетъ кто либо изъ васъ, имѣть въ себѣ такую чудную соль и такую великую благодать? Въ нашемъ ли состояніи думать о такомъ совершенствѣ? А почему бы не только не думать о немъ, но и не имѣть его? Развѣ мы крестились всѣ не Духомъ святымъ? Развѣ у Него не достанетъ зиждительнаго огня для образованія во всѣхъ насъ соли благодатной? Кто теперь Преподобный Ѳеодосій Тотемскій? Другъ Божій, собесѣдникъ и сожитель Ангеловъ, украшеніе Церкви Православной и свѣтило страны нашей. Но и онъ жилъ нѣкогда на семъ же мѣстѣ, трудился надъ тѣмъ же дѣломъ, коимъ занимаетесь вы; подобно вамъ копалъ землю, рубилъ дрова, сидѣлъ у огня день и ночь. Не помѣшали же ему всѣ сіи, такъ называемые, чер-

ные труды, убѣлиться душею своею; паче снѣга; не воспрепятствовали же ему сіи грубыя и плотскія занятія— упончить свой духъ, сдѣлаться сосудомъ благодати, духовною солію земли Тотемской. Какъ онъ могъ совмѣстить такой родъ жизни съ такими совершенствами духовными? тѣмъ, что среди всѣхъ занятій ограждалъ себя смиреніемъ и страхомъ Божіимъ, тѣмъ, что на все вокругъ себя смотрѣлъ чистыми очами Вѣры и изъ всего умѣлъ извлекать назиданіе и пользу духовную. Чувственная соль, которую обработывалъ онъ, непрестанно напоминала ему слова Писанія, побуждала стараться о снисканіи тѣхъ благихъ качествъ, кои выражаетъ собою соль. Сидя у огня, на коемъ варилась соль, Ѳеодосій всегда преносился мыслію къ огню адскому и размышлялъ самъ съ собою такъ: „Если огонь, который разведенъ моими слабыми руками, такъ нестерпимъ и ужасенъ; то каковъ долженъ быть огонь, возженный десницею Всемогущаго для грѣшниковъ? Если въ этомъ нашемъ огнѣ нельзя и полминуты пробыть безъ жестокаго мученія: то каково должно быть мученіе тѣхъ, кои ввержены будутъ во огнь вѣчный?“ Такъ размышлялъ самъ съ собою Преподобный, и страхомъ вѣчныхъ мукъ, спасалъ себя отъ всякаго поползновенія на грѣхъ.

Что мѣшаетъ, брат. мои, и вамъ всѣмъ имѣть подобныя мысли, и, просиживая цѣлыя дни и ночи надъ огнемъ, вмѣсто того, чтобъ скучать отъ бездѣйствія, воспоминать объ огнѣ вѣчномъ, и воспоминая разсматривать себя и свою жизнь, нѣтъ ли въ ней такого, что неминуемо подлежитъ горѣнію въ немъ? Св. угодникъ Божій для того, конечно, и былъ на вашемъ мѣстѣ, дабы вамъ оставить примѣръ. Подражайте ему; и тогда огонь, почти неугасаемо горящій у васъ, будетъ производить сугубое дѣйствіе,— образуя соль въ рукахъ вашихъ, онъ будетъ содѣйствовать къ образованію духовной соли внутрь васъ. Аминь.

Ходдахъ въ широтѣ, яко заповѣди Твоя взыскахъ.

Псал. 118, 45.

Какая *широта*— свобода, независимость, безопасность и спокойствіе для *взыскующаго* заповѣди Господни, когда онъ долженъ идти къ царствію небесному тѣснымъ путемъ, и входитъ въ оное узкими вратами (Мат. 7, 14.), со многими тяжкими скорбями (Дѣян. 14, 22.); когда всѣ хотящіе жить благочестиво бываютъ отвсюду гонимы (2 Тим. 3, 12.); когда строгій исполнитель заповѣдей Божіихъ долженъ непремѣнно во всю жизнь нести крестъ (Мат. 16, 24.), постоянно бороться съ плотію, міромъ и діаволомъ? Что за широта, когда, повидимому, отвсюду такъ тѣсно?

Но, только повидимому! А на дѣлѣ только грѣшники, ищущіе жить *вѣ широтѣ*, свободно и независимо, живутъ поистинѣ въ тѣснотѣ, постоянно въ узахъ, хотя сами не замѣчаютъ того. *Скорбь и тѣснота на всяку душу человѣка творящаго злое*, говоритъ Писаніе (Рим. 2, 9). Такъ и должно быть! Не взыскующій заповѣдей Божіихъ есть рабъ грѣха и страстей, и живетъ въ темной области діавола— виновника грѣха. Рабу какая свобода? во мракѣ возможна ли безопас-

ность и безбоязненность? Грѣшникъ нераскаянный всего боится, почти всегда скучаетъ, при множествѣ удовольствій и развлеченій, всѣхъ подозрѣваетъ, бѣгаетъ отъ призраковъ ни единому же гонящу (Прем. 28, 1). Онъ идетъ противъ воли Божіей: отшого и воля Божія и все, покорное волѣ Божіей, противъ него. Жалкое и несчастное твореніе! Только его слѣпота, его собственный мракъ не позволяютъ ему видѣть свою тѣсноту; только закоснѣлость и безчувственность заставляютъ его лобызать свои цѣпи: это преступникъ, прикованный къ стѣнѣ мрачной темницы, и неспособный ни осмотрѣть, ни осязать своего тѣснаго и ужаснаго жилища...

Только праведникъ, подобно пророку Давиду, взыскующій заповѣди Господни, можетъ сказать: *вѣ широтѣ хождахъ!* Онъ любитъ Бога, а любяй въ Богѣ пребываетъ (1 Іоан. 4, 16.), слѣдовательно ходитъ въ широтѣ безконечной. Воля его, живущая въ волѣ Божіей, и облеченная ея силою, когда нужно, производитъ дѣла всемогущества. Для его воли уже законъ не лежитъ; и она выше внѣшнихъ побужденій и живетъ въ Богѣ ради единаго Бога. Свобода его, подчиненная свободѣ Божественной, стоящая выше всего мірскаго, не ограничивается ничѣмъ, кромѣ премудрой свободы безконечной. Только праведникъ никого и ничего не боится: глаголетъ о свидѣніяхъ Божіихъ предъ царями и не стыдится (Псал. 118, 46.); совѣсть его всегда спокойна и чиста; мысли и слова его святы и богоугодны. Плоть— домашній врагъ его— распята со страстьми и похотьми. Внѣшняя природа слушаетъ гласа Господина своего: *споборникъ есть мірѣ о праведныхъ* (Прем. 16, 17.); всѣ стихіи, если нужно, премѣняютъ свои свойства и служатъ угоднику Божію, который всегда спокоенъ и безбоязненъ, даже среди сѣни смертной. Все это зависитъ отъ того, что гдѣ бы ни былъ праведникъ, вездѣ съ нимъ Богъ, премудрый и всемогущій, дарующій ему все нужное: *вся ваша суть: или мірѣ, или животѣ, или смерть, или настоящая, или будущая, вся ваша суть, вы же Христовы* (1 Кор. 3, 22). Если Богъ за него: кто противъ него? Самъ діаволъ не смѣетъ прикоснуться къ такимъ людямъ, которые для него— преждевременная мука (Мар. 5, 7).

Кіевъ Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 26 Маія 1845. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 13. НЕДѢЛЯ 5-я, ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. Іюля. 4. 1843.

На Утрени: Евангеліе воскресное 5-е, Лук. 24, 12—35.
На Литургіи: Апост. Римл. 10, 1—10. Еванг. Мат. 8, 28—34. и 9, 1.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО ГРИГОРІЯ НИССКАГО ОБЪ ОТНОШЕНІИ МУЖЕЙ КЪ ЖЕНАМЪ (*).

Одинъ Творецъ мужа и жены, одинъ прахъ того и другаго, одинъ образъ, одинъ законъ, одна смерть, одно воскресеніе. Мы равно происходимъ отъ мужа и жены; одни также обязанности должны исполнять дѣти въ отношеніи къ своимъ родителямъ. Отъ чего же мы часто болѣе требуемъ отъ одной половины союза супружескаго чѣмъ отъ другой? Зачѣмъ налагаемъ неравный законъ на тѣла, почтенныя равнымъ достоинствомъ? Обращаясь къ худшей сторонѣ женщины, мы говоримъ что жена (первая) согрѣшила (въ раю); но и Адамъ также палъ; обоихъ змій прельстилъ и ввелъ въ соблазнъ; нельзя сказать чтобы одно изъ нихъ было, въ этомъ отношеніи, слабѣе, а другое сильнѣе. Но почему не обратиться и къ сторонѣ лучшей. Іисусъ Христосъ и мужа и жену равно искупилъ своими страданіями; ради обоихъ принялъ на себя плоть, ради обоихъ принялъ и смерть. Ты утверждаешь что Спаситель именовался по происхожденію отъ Давида. Знаю; но съ другой стороны Онъ родился отъ Дѣвы, и тѣмъ далъ достоинство и женѣ. *И будета два* говоритъ св. Писаніе, *во плоть едину,* то есть, какъ бы сказано; тѣло, какъ одно въ обоихъ, да пользуется и одинаковою въ обоихъ честію. И св. Апостолъ Павелъ однимъ примѣромъ какъ закономъ заповѣдалъ благоразуміе (въ отношеніи между мужьями и женами): *Тайна сія велика есть,* говоритъ онъ, *азъ же глаголю во Христа и Церковь.* (Еф. 5). Сими словами Ап. Павелъ показываетъ, что жена почтительнымъ отношеніемъ къ мужу какъ бы почитаетъ Господа, равно и мужъ почитая свою жену, выражаетъ тѣмъ свое уваженіе къ Церкви..... Можетъ быть ты замѣчаешь иногда на женѣ излишнюю пестроту въ нарядахъ, непозволительныя украшенія; въ такомъ случаѣ можешь требовать чтобы она оставила ихъ. Если жена твоя слишкомъ болтлива, невоздержна въ словахъ, можешь ее образумить; если она любитъ вольно улыбаться, сдѣлай ее степеннѣе; если она дѣлаетъ лишнія издержки,

(*) Tomus. prim. oratio 81-ma edit. Colon. N. DCLXXXX.

любитъ изученную походку, или смотритъ гордо и лукаво, образумь ее, удержи, наставь; но не отвергай, не отталкивай ее отъ себя безумно. Еще неизвѣстно которая часть въ опасности,— та ли что отсѣкаетъ, или та что отсѣкается? *Источникъ твоея воды да будетъ тебѣ твой, и веселися съ женою, яже отъ юности твоея. Елень любве и жребя твоихъ благодатей да бесѣдуетъ тебѣ; твоя же да предвидетъ тебѣ, и да будетъ съ тобою во всяко время; въ дружбѣ бо сея спребываяй, умноженъ будеши.....* Въ жизни семейной часто можно видѣть преждевременную смерть и вдовство лицъ супружескихъ, часто веселіе смѣняется тамъ плачемъ, брачное ложе одромъ смертнымъ, часто встрѣчаемъ безплодіе или несчастное рожденіе дѣтей и другія подобнаго рода бѣдствія. Потому то вступать въ брачную жизнь слѣдовало бы только людямъ благоразумнымъ, а не сладострастнымъ, ищущимъ въ бракѣ только плотскихъ наслажденій. Союзъ супружескій тогда только и бываетъ во благо когда онъ бываетъ истиннымъ союзомъ и бракомъ ради чадородія и воспитанія себѣ преемниковъ. Ибо тогда только и члены его бываютъ любезны Богу.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ Благочестивѣйшей Государыни ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ.

Туне пріясте, туне дадите.

Матѳ. 10, 8.

Таково было правило всей жизни и дѣятельности воспоминаемыхъ нынѣ Церковію святыхъ безсребренниковъ.

Святые Косма и Даміанъ были подлинно безсребренники, такіе безмездные благодѣтели, кои, вспомоществуя страждущему человѣчеству не столько врачебнымъ искуствомъ, сколько вѣрою и молитвою, все свое имѣніе употребляли въ помощь бѣдствующимъ. И вотъ въ память столь высокихъ благотворителей, прославляемыхъ всею Церковію, Промыслъ Божій даровалъ Россіи торжествовать рожденіе Августѣйшей Благотворительницы, Матери сирыхъ и бѣдныхъ, Благочестивѣйшей Государыни ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ! Не примѣчательно ли это, Христіане— Россіяне? и не сугубое ли для насъ поученіе? Смотря на тотъ и другой примѣръ высокой благотворительности, мы не подумаемъ, будто служить бѣдствующему человѣчеству не прилично людямъ состояній высшихъ, когда видимъ примѣръ сего святаго служенія въ Особѣ Высочайшей; не подумаемъ и того, что однимъ лицамъ державнымъ возможна благотворительность высокая; ибо знаемъ, какъ святые безсребренники— лица на земли не державныя, содѣлались образцами сей добродѣтели для всѣхъ. Такъ, бр., правило: *туне пріясте, туне дадите,* есть общее правило совершенства Христіанскаго, и если раскроемъ зна-

ченіе и основаніе сего правила, то увидимъ, что оно обязываетъ каждаго изъ насъ.

Туне пріясте, говоритъ Господь, по видимому объ однихъ чрезвычайныхъ дарахъ, какихъ сподоблялись избраннѣйшіе Его служители. Но Апостолъ спрашиваетъ каждаго изъ насъ: *что имаши, егоже нѣси пріялъ?* (1 Кор. 4, 7). И дѣйствительно, нѣтъ ни одного блага, котораго не принимали бы мы туне. Мы произведены изъ ничтожества въ бытіе, одарены дивными силами по душѣ и по тѣлу, и поставлены въ этомъ прекрасномъ мірѣ Божіемъ, гдѣ все уже приготовлено для питанія и украшенія нашей жизни. Чѣмъ все это мы заслужили?— Явно, все получено нами туне. Правда, человѣкъ осужденъ теперь на трудъ, долженъ въ потѣ лица своего снѣдать хлѣбъ; но при всемъ томъ не получаетъ ли онъ и нынѣ всего туне? Онъ насаждаетъ, иногда и напаяетъ воздѣланныя имъ бразды земли; чтожъ все это значитъ? *Ни насаждаяй есть что*, скажемъ словами Апостола, *ни напаяй, но возращаяй Богъ* (1 Кор. 3, 7.); то есть, все здѣсь зависитъ отъ одной силы Творческой, и почти ничего отъ трудовъ нашихъ, кои, безъ благословенія Божія, всегда остаются безплодными. Все убо есть даръ, все милость отъ Бога, нигдѣ нѣтъ заслуги нашей, нигдѣ нашего права на то или другое благо отъ Бога. И что говорю о правѣ, о заслугѣ? Мы Христіане, знающіе происхожденіе на землѣ терновъ и волчцевъ, и причину изнурительныхъ трудовъ нашихъ, мы увѣрены даже въ томъ, что наше удаленіе отъ Бога заслуживаетъ не даровъ и милостей, а гнѣва и казней. Но *щедръ и милостивъ Господь, долготерпѣливъ и многомилостивъ; не по беззаконіямъ нашимъ сотворилъ есть намъ, ниже по грѣхомъ нашимъ воздалъ есть намъ* (Псал. 102, 8. 10); вмалѣ смирилъ насъ, и милостію вѣчною помиловалъ. Кромѣ благъ естественныхъ не даровалъ ли намъ благъ высшихъ, духовныхъ? Даровалъ и Сына своего единороднаго, и чего съ Нимъ не даруетъ? Теперь, увѣряетъ насъ св. Апостолъ, *или міръ, или животъ, или смерть, или настоящая, или грядущая, вся ваша суть*. Почему вся наша? Потому только, что мы Христовы: *вся ваша суть, вы же Христовы, Христосъ же Божій* (1 Кор. 3, 22. 23). Вотъ гдѣ основаніе всѣхъ милостей къ намъ Божіихъ, вотъ въ чемъ право наше на всѣ блага,— въ любви и милосердіи безконечномъ,— въ Іисусѣ Христѣ, Спасителѣ нашемъ!

Но, *туне пріясте, туне* и *дадите*, говоритъ Господь. Высокое это правило, и весьма глубоко основаніе его. Основаніе его въ самомъ Богѣ, вѣчномъ Источникѣ всякаго блага. Посмотримъ на природу видимую: она и теперь, хотя уже унижена съ паденіемъ человѣка, еще ясно выражаетъ правило божественной благости. Такъ солнце, пріявъ свѣтъ свой отъ Свѣта несозданнаго, изливаетъ его туне на всю подсолнечную; земля износитъ и произращаетъ намъ безчисленныя блага также туне; растѣнія и многія животныя служатъ человѣку туне; даже мы сами, когда повинуемся влеченію природы, тоже большею частію благотворимъ другимъ туне: напримѣръ, не туне ли мать питаетъ дитя свое? не туне ли отецъ передаетъ собранныя имъ блага дѣтямъ своимъ?— Подобнымъ образомъ надлежало дѣйствовать человѣку и во всемъ. Такъ, какъ онъ есть выс-

шій органъ, пріемлющій дары благости Божіей, то ему и слѣдовало на все разливать дары Божіи туне. Таково первоначальное высокое назначеніе человѣка— образа Божія на земли! Но человѣкъ падшій сталъ органомъ, хотя все еще многое пріемлющимъ, но весьма мало раздающимъ: онъ задерживаетъ дары Божіи большею частію въ себѣ, какъ задерживаютъ воду безплодные пески или гніющія блата; онъ хочетъ даже все привлекать къ себѣ одному и какъ бы поглощать; ибо, по самолюбію, самъ себя дѣлаетъ средоточіемъ всего, и такимъ образомъ совершенно превращаетъ въ себѣ порядокъ божественной благости. И что было бы съ родомъ человѣческимъ, еслибъ безконечная Любовь сама не проторгла тѣ преграды, какія мы полагали ей? что было бы, еслибъ не *преизбыточествовала благодать, идѣже умножися грѣхъ?* (Римл. 5, 20). *Благодатію есте спасени,* говоритъ Апостолъ (Еф. 2, 8.), *оправдаеми туне— избавленіемъ еже о Христѣ Іисусѣ* (Римл. 3, 24). Слава убо сей благодати оправдывающей насъ туне! Она опять обращаетъ человѣка въ состояніе прежнее, совершенное, опять ведетъ насъ къ первому высокому назначенію— принимать обильнѣйшіе дары Божіи туне, и передавать ихъ другимъ также туне. Она— *благодать*, то есть *даръ благости,* и хощетъ быть въ насъ и чрезъ насъ благодатію— даромъ благости всѣмъ, а потому учитъ въ Евангеліи: *будите милосерди, якоже и Отецъ вашъ милосердъ есть; любите враги ваша и благотворите, и взаимъ дайте, ничесоже чающе* (Лук. 6, 35, 36.); кратко: *туне пріясте, туне дадите.*

Изъ сего видимъ, Христіане братія, что благотворить туне есть такое совершенство, къ коему всѣ мы призваны, и обязуемся самымъ званіемъ сыновъ благодати. Выше ли это силъ нашихъ? Выше силъ человѣка естественнаго, плотскаго, но не выше силъ человѣка облагодатствованнаго, возрожденнаго Духомъ. Не такъ ли поступали всѣ святые Божіи? Потому они были и святые, что такъ поступали. Но имъ дано было больше даровъ, нежели намъ? Первоначально и имъ не больше, какъ намъ; но чѣмъ болѣе изливали они даровъ Божіихъ на другихъ, тѣмъ пространнѣйшимъ дѣлались вмѣстилищемъ благодати, и болѣе принимали отъ приснопекущаго источника благости. Ибо и это есть порядокъ любви Божіей, что *имущему вездѣ дано будетъ и преизбудетъ, отъ неимущаго же и еже мнится имѣя, взято будетъ отъ него* (Матѳ. 25, 29).

И такъ что препятствуетъ и намъ содѣлаться высокими орудіями благости Божіей, если восхотимъ того? Конечно нельзя вдругъ достигнуть совершенства праведныхъ; но не должно Христіанину опускать изъ виду высокаго назначенія Христіанскаго, не должно останавливаться и на одной степени доброты, тѣмъ паче не свойственно коснѣть на путяхъ, совершенно противныхъ любви Христіанской. Какіе это пути? Они извѣстны, и къ несчастію, умножаются болѣе и болѣе. Таковъ на прим. путь любостяжанія— страсти пользоваться богатствомъ одному, хотябы съ обидою другихъ; таковъ путь любочестія— страсти возвышаться, славиться, даже съ униженіемъ другихъ; таковъ путь зави-

сти, ненависти, немилосердія, и многихъ другихъ страстей, унижающихъ человѣчество, обращающихъ въ ничто, даже во вредъ намъ, всѣ наши совершенства, мнимыя или истинныя, лишающихъ насъ и образа Божія, коимъ мы возвеличены. Какъ далеки всѣ такіе пути отъ пути евангельскаго, очевидно само собою. Правило Евангелія: *туне пріясте, туне дадите;* правило самолюбія: похищать чужое и расточать все безъ пользы. На пути благодати помышляютъ болѣе всего о благѣ другихъ; на пути развращеннаго міра думаютъ объ одной своей пользѣ и удовольствіяхъ. И оттого на первомъ пути умножается истинное благо человѣчества, а на послѣднемъ разрастается и плодится одно зло. Сей-то послѣдній путь есть тотъ, о которомъ говоритъ слово Божіе: *есть путь, иже мнится человѣкомъ правъ быти, послѣдняя же его приходятъ во дно адово* (Прит. 14, 12), на сей путь указывалъ Спаситель, когда говорилъ: *пространная врата и широкій путь вводяй въ пагубу, и мнози суть входящіи въ онь* (Матѳ. 7, 13).

Бѣжимъ убо, братія, сего погибельнаго пути, на коемъ думаемъ пріобрѣтать все болѣе и болѣе, а между тѣмъ теряемъ самое важное— спасеніе душевное, дражайшее всѣхъ сокровищъ міра. Будемъ смотрѣть на всѣ блага, какія подаетъ намъ всеблагая рука Господня,— блага вещественныя и духовныя, какъ на таланты, ввѣренныя намъ для купли царства Божія, и да употребляемъ ихъ такъ, какъ они дарованы: дарованы они туне, туне и должны быть подаваемы; дарованы любовію, да употребляются любовію, которая, говоритъ Апостолъ, *милосердуетъ, не завидитъ, не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си* (1 Кор. 13, 4. 5). Помыслимъ о томъ, что чѣмъ болѣе даровано намъ, тѣмъ большей потребуется отъ насъ отвѣтственности: ибо самъ Господь сказалъ: *емуже дано будетъ много, много взыщется отъ него* (Лук. 12, 48.), и что неключимаго раба за скрытіе единаго таланта ожидаетъ кромѣшняя тьма (Матѳ. 25, 30). Не забудемъ и того, что говоритъ Апостолъ: *еже аще сѣетъ человѣкъ, тожде и пожнетъ* (Гал. 6, 7.); *сѣяй скудостію, скудостію и пожнетъ, а сѣяй о благословеніи, о благословеніи и пожнетъ* (2 Кор. 9, 6. 7). Аминь.

Не любяй не позна Бога.

1 Іоан. 4, 8.

Вотъ наставленіе—первѣе всего Богословамъ, данное первымъ, и по имени и по существу, Богословомъ Христіанскимъ! наставленіе и всѣмъ вѣрующимъ, всѣмъ ученикамъ Христовымъ, данное возлюбленнымъ ученикомъ Господа Іисуса! И не одними словами наставляетъ насъ первый Христіанскій Богословъ, а вмѣстѣ и жизнію своею, которая вся состояла въ любви. Никто болѣе его не любилъ Бога Спасителя: зато лучше его никто не позналъ Бога. Всего замѣчательнѣе, что св. Богословъ въ своемъ Евангеліи говоритъ, главнымъ образомъ, о двухъ предметахъ: о Божествѣ Іисуса Христа и о любви; равно и въ своихъ посланіяхъ онъ является попеременно Богословомъ и проповѣдникомъ любви. Эта любовь такъ тѣсно соединила его съ небомъ и Божествомъ, что еще на землѣ онъ созерцалъ тай-

ны царствія Божія, доселѣ непостижимыя для богослововъ и для философовъ. *Любяй знаетъ Бога*: Вотъ гдѣ тайна— сдѣлаться богословомъ и познать Бога истинно. *Не любяй не позна Бога:* вотъ рѣшеніе вопроса о маломъ числѣ истинно знающихъ Бога.

Не любяй не позна Бога. Ибо что такое любовь?— живое, дѣятельное (Гал. 5, 6.), непрерывное (1 Кор. 13, 8.) стремленіе духа нашего къ любимому предмету. Кого любимъ, того желаемъ безпрестанно видѣть и слышать,— болѣе и болѣе стараемся познавать его совершенства, замѣчаемъ малѣйшее его движеніе, съ величайшимъ и неутомимымъ усердіемъ *изучаемъ* его— и часто знаемъ его болѣе себя; хотимъ жить одною съ нимъ жизнію, и дышать однимъ воздухомъ. Пусть даже любимый далеко отъ насъ; не видя его, мы безпрестанно думаемъ о немъ, припоминаемъ его слова, черты лица, его взоръ, привычки, образъ мыслей. Все это можно и должно сказать о любящемъ Бога. Не видя невидимаго, онъ любитъ Его отъ всей души (1 Пет. 1, 8), живетъ одною мыслію о Богѣ, или находится въ постоянномъ *богомысліи*, вездѣ и всегда старается познавать свойства Божіи, особенно святую волю Его, выраженную въ законѣ. Зная слабость своего ума и стремясь къ полнѣйшему и яснѣйшему разумѣнію, онъ проситъ самаго Бога открыть ему свою *славу* (Исх. 33, 19.), и, по мѣрѣ удобопріемлемости, получаетъ просимое, и недостатокъ своего познанія восполняетъ просвѣщеніемъ свыше. Наконецъ сіе стремленіе души любящей Бога превращается въ постоянное *пребываніе въ Богѣ* (1 Іоан. 4, 16.), въ непрерывное хожденіе предъ Богомъ, въ блаженную *жизнь въ Богѣ* (Гал. 2, 20). *Отецъ мой возлюбитъ его,*— говоритъ Сынъ Божій о любящемъ,— *и къ нему пріидемъ и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 23)... *Азъ возлюблю его и явлюся ему самъ* (21). *Аще кто услышитъ гласъ мой, и отверзетъ двери, вниду къ нему, и вечерню съ нимъ, и той со мною* (Апок. 3, 20). Такимъ образомъ любящій познаетъ Бога непосредственно въ Богѣ и чрезъ Бога: это знаніе очевиднѣйшее, несомнѣнное,— это верхъ Богословія земнаго. *Любяй знаетъ Бога: а не любяй не позна Бога.* И откуда не любящій можетъ узнать? Непосредственнаго общенія между имъ и Богомъ нѣтъ; тѣсное общеніе съ Богомъ, подобное видѣнію лицемъ къ лицу, для него было бы смертоносно (Суд. 13, 22). Нужно имѣть высоту любви Моисеевой, чтобы взойти на высоту боговидѣнія (Исх. 19, 20— 24.); нужна широта любви Павловой, чтобъ вознестись до третьяго неба— Ангельскаго училища богословія (2 Кор. 12, 2). Какъ не любящій можетъ познать Бога, когда онъ самъ, намѣренно и свободно, убѣгаетъ Бога, страшится думать о Немъ, трепещетъ иногда одного имени Божія?— Не любя Бога, онъ, неизбѣжно, любитъ міръ, и слѣдовательно враждуетъ на Бога. (Іак. 4, 4.) Не любя Бога, онъ даже *не хочетъ* знать Его, хотя бы и могъ: а безъ хотѣнія невозможно ничего сдѣлать,— безъ охоты и азбукѣ не выучишься.— Не любяй Бога и ближняго, любитъ только себя, всѣми силами своего духа обращается къ домашнему идолу— *Я*, презиран *все* прочее,— и потому знаетъ только себя, впрочемъ знаетъ превратно. *Не любяй не позна Бога.*

Гдѣ живетъ любовь?— преимущественно въ сердцѣ, въ этомъ средоточіи существа человѣческаго, *исходищѣ жизни* и всей дѣятельности (Прит. 4, 23). Все исходитъ изъ сердца, и все проходитъ чрезъ сердце: мысли, намѣренія, слова и дѣла (Мат. 15, 18. 16.; сердце есть сокровищница всего— добраго и злаго, и отъ избытка сердца уста глаголютъ— доброе или худое (Лук. 6, 45). Потому-то и Господь требуетъ отъ человѣка сердца (Прит. 23, 26.), чтобы чрезъ него дѣйствовать на все существо его. Слѣдовательно, если въ какомъ либо человѣкѣ обитаетъ любовь; то она изъ сердца, естественно, переливается во всѣ силы души, и направляетъ всю дѣятельность; любящее Бога сердце влечетъ къ Богу и другія силы и устремляетъ къ Нему все существо. Любя Бога всею крѣпостію сердца, нельзя не стремиться къ совершеннѣйшему и полнѣйшему познанію Его. Отъ любви къ Богу премилосердому и премудрому, Творцу, Промыслителю и Искупителю, необходимо происходитъ знаніе *широты, и долготы, и глубины и высоты* таинъ Божіихъ, яснѣйшее и опытное разумѣніе любви Христовой, превосходящей всякое разумѣніе, тѣмъ болѣе разумѣніе естественнаго человѣка (Еф. 3, 17— 19). Не то бываетъ съ человѣкомъ, не любящимъ Бога: сердце его, по своей природѣ способное любить что либо одно, и прилѣпившись къ существамъ конечнымъ, благамъ временнымъ и земнымъ, вовсе чуждо міра божественнаго, и за собою увлекаетъ самый разумъ, который, вмѣстѣ съ сердцемъ, невольно пресмыкается только на землѣ и во злѣ. Не удивительно, послѣ сего, что отъ окаменѣнія сердца происходитъ помраченіе смысла (Еф. 4, 18.); за отвращеніемъ сердца отъ Бога слѣдуетъ забвеніе Бога истиннаго и служеніе богамъ ложнымъ (Втор. 20, 18). Понятно, почему для совершеннаго знанія совѣтуется написать наставленія не только *на смыслѣ и разумѣ, но и на широтѣ сердца* (Прит. 22, 21.), и повелѣвается дать въ наказаніе или въ наученіе особенно сердце (— 23, 12.); почему въ слѣдствіе неимѣнія любви въ сердцѣ, люди не узнаютъ истины (Іоан. 5, 42. 43). Должно признаться, что и любовь не возможна безъ знанія,— чего не знаемъ, того и не желаемъ: но это знаніе большею частію ограничивается одною увѣренностью въ бытіи предмета, иногда и познаніемъ существенныхъ свойствъ его, а дальнѣйшее знаніе зависитъ уже отъ любви и искренней расположенности къ предмету. Тѣмъ болѣе это должно сказать о любви къ Богу и о познаніи Бога. *Не любяй не позна Бога*.

Что есть Богъ, котораго мы должны познавать? *Богъ любы есть* (1 Іоан. 4, 8). Любовь побудила Бога сотворить міръ и человѣка; любовь Бога Отца ниспослала Бога Сына на землю для искупленія человѣка. Съ другой стороны и твореніе, и сохраненіе, и искупленіе имѣютъ цѣлію блаженную любовь тварей къ всеблагому Господу;— и въ разсмотрѣніи сей взаимной любви Бога и человѣка состоитъ все наше Богословіе. Такъ, Богъ есть любовь. Познать сію безконечную любовь невозможно безъ любви.— Подобное познается подобнымъ; а любовь болѣе всего уподобляетъ насъ Богу, и преимущественно дѣлаетъ человѣка богоподобнымъ; а такимъ образомъ представляетъ возможность познанія

любви Божіей. Напротивъ, не любящій не узнаетъ Бога. Знаніе безъ любви есть, большею частью, знаніе по наслышкѣ, собственно не наше знаніе, а заимствованное: нашимъ оно сдѣлается тогда, когда переработается самодѣятельностію нашего духа, превратится въ нашу плоть и кровь, сольется съ нашею жизнію. Безъ такаго общенія съ предметомъ познанія, безъ постоянной любви къ нему, невозможно ясное и очевидное познаніе. Такимъ образомъ очевидно, что любовь есть не иное что, какъ дѣятельное знаніе Бога: и на оборотъ, истинно познавъ Бога, невозможно не любить Его. Кто не любитъ Его, тотъ, явно, не знаетъ Его: если бы зналъ истинно, возлюбилъ бы отъ всей души и отъ всего сердца. Въ св. Писаніи знаніе, вѣра и любовь представляются какъ одно и тоже по послѣдствіямъ: знающій Бога Отца и Сына Божія получаетъ животъ вѣчный (Іоан. 17, 3.); вѣрующій имѣетъ въ себѣ Сына Божія и животъ вѣчный (1 Іоан. 5, 11—13. Іоан. 20, 31), и за любовь удостоивается блаженнаго пребыванія въ Богѣ и блаженнаго присутствія Бога (1 Іоан. 4, 16. 3, 14. 15). А не любящій не только не пребываетъ въ Богѣ, но и *не видѣ Его, ни позна Его* (1 Іоан. 3, 6).

Симъ (крестомъ) побѣждай!

Такъ сказано нѣкогда въ видѣніи св. Равноапостольному Константину, когда онъ убоялся окружавшихъ его враговъ; и— огражденный знаменіемъ креста— Константинъ явился побѣдителемъ. Не всѣмъ нужно бываетъ сражаться, подобно Константину, съ внѣшними врагами общественнаго покоя: но каждому Христіанину предлежитъ внутренняя, непрестанная брань съ живущимъ въ немъ грѣхомъ и виновникомъ грѣха— діаволомъ, въ которой нѣтъ другаго оружія, кромѣ креста Господня. Симъ побѣждай, воинъ Христовъ, враговъ твоего спасенія!— Худые и горделивые помыслы возмутятъ главу твою? ограждаясь знаменіемъ креста, вспомни о главѣ Спасителя, изъязвленной терніемъ. Страсти взволнуютъ твое сердце? ограждаясь знаменіемъ креста, воззри мысленно на прободенное копіемъ ребро Искупителя. Сластолюбивая плоть твоя порѣваетъ тебя къ угожденію сластолюбію? ограждаясь знаменіемъ креста, вообрази себѣ висящую на крестѣ, изъязвленную, поруганную плоть Христову. Рука твоя готова простереться на обиду ближняго? оградись знаменіемъ креста, и помяни пречистыя руки Господни, пригвожденныя ко кресту. Зависть къ ближнему тревожитъ твою душу? ограждаясь знаменіемъ креста, помяни, что сей крестъ сооруженъ завистію фарисеевъ и книжниковъ къ неповинному Іисусу Христу. Паче же всего поминай всегда, и не забывай никогда, что страданія и крестъ Господь подъялъ за грѣхи наши, что Христіанинъ, согрѣшая волею, второе распинаетъ Сына Божія!

Кіевъ Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 2 Іюня 1843. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 14. НЕДѢЛЯ 6-я, ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. Іюля 11. 1843

На Утрени: Евангеліе воскресное 6-е, Лук. 24, 36—53.
На Литургіи: Апост. Римл. 12, 6—14. Еван. Матѳ. 9, 1—8.

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО ГРИГОРІЯ НИССКАГО (*),

О мирѣ.

Въ Богѣ нѣтъ никакого несогласія и никакого раздѣленія; напротивъ Существо божественное совершенно согласно съ Собою и со всѣми окружающими его тварями, почему и называется любовію и миромъ (1 Іоан. 4.), внушая сими названіями и намъ стараться о стяжаніи подобныхъ свойствъ. Между тѣмъ ангелъ, дерзнувшій возстать противъ Бога, кичится своимъ достоинствомъ, осмѣлившійся поднять свою силу противъ всемогущаго, получилъ достойное своей гордости наказаніе,— вмѣсто прежняго свѣта ниспалъ во мракъ, или лучше, самъ сталъ тьмою; остались при своемъ достоинствѣ (которое главнымъ образомъ и состоитъ въ мирѣ, чуждомъ всякаго разстройства) только тѣ ангелы, которые сохранили, по благости пресвятой и достохвальной Троицы, единеніе и миръ. Потому то всѣ, любящіе благо мира, чуждающіеся вражды и нестроеній, близки къ Богу; напротивъ со всѣмъ иная участь людей строптивыхъ и безпокойныхъ. Духъ злобы постоянно враждуетъ то съ самимъ собою, то, какъ человѣконенавистникъ искони и врагъ всякаго добра, старается поселить вражду и между другими, съ тѣмъ чтобы потомъ лучше поражать все тѣло Церкви, скрываясь въ темнотѣ обмана и высматривая удобное мѣсто, чтобы потомъ напасть всею силою своею. Но, не смотря на то, одно подражаніе Богу и высшимъ существамъ (добрымъ Ангеламъ) должно пробудить въ насъ заботу о стяжаніи благости и мира божественнаго; только подражаніемъ симъ совершенствамъ Божіимъ и стремленіемъ къ нимъ, душа созданная по образу Божію, можетъ сохранить свое высокое достоинство свято и неприкосновенно.

Взирая съ одной стороны горѣ— на небо, посмотримъ съ другой для вразумленія своего низу— на землю, на порядокъ земныхъ тварей. Пока небо, земля, море— весь міръ прославляющій Бога, находится въ мирѣ и согласіи, пока онъ не выходитъ изъ предѣловъ своего покоя, не возстаетъ одною частію на другую, до тѣхъ поръ вездѣ видна въ немъ несравненная красота, мы ничего не можемъ пред-

(*) 1 Tom. ed. Col oratio XII. pag 198.....

ставитъ себѣ стройнѣе и согласнѣе его. Но едва прекращается въ немъ равновѣсіе и покой, тогда и міръ какъ бы перестаетъ быть міромъ. Когда небо доставляетъ воздуху свѣтъ, землѣ— дождь не представляетъ ли оно тогда въ себѣ управленія по законамъ самой благости? Когда земля доставляетъ намъ пищу, воздухъ способствуетъ дыханію,— не выражаютъ ли они тихой любви отцевъ къ дѣтямъ? Когда времена года текутъ въ правильномъ чередованіи, способствуя пользамъ и удовольствію человѣка; когда неизмѣнный ходъ дней и ночей, то вызываетъ насъ на трудъ, то успокоиваетъ послѣ труда; когда луна и солнце освѣщаютъ насъ своимъ свѣтомъ, земля и море, прикасаясь взаимно, щедро надѣляютъ человѣка всѣми дарами которыми онъ владѣетъ; когда рѣки протекая чрезъ горы и равнины разливаются въ мѣру и во время, когда всѣ стихіи стройно соединяются и смѣшиваются:— тогда все это вмѣстѣ своимъ стройнымъ, мирнымъ теченіемъ не научаетъ ли насъ взаимному согласію и единству, не внушаетъ ли, какъ бы открытымъ закономъ, всѣмъ смертнымъ жить въ единеніи душъ и сердецъ? Но посмотрите на міръ вещественный въ минуту его боренія и разстройства— когда Господь, для устрашенія или наказанія грѣшниковъ, какъ бы нарушаетъ его гармонію въ разливахъ морей, въ колебаніяхъ земли, въ избыткѣ дождей, въ тучахъ помрачающихъ солнце, въ изверженіи пламени: въ то время хаосъ и броженіе стихій наводитъ страхъ на всѣхъ людей; каждый чувствуетъ тогда, какъ велико и неоцѣненно благо тишины и мира.... Но да не подумаетъ кто либо что я научаю принимать и любить миръ всякаго рода. Нѣтъ; должно любить только добрый миръ, который приноситъ съ собою благо и ведетъ насъ къ Богу. Я думаю, что не должно быть ни снисходительнымъ, ни взыскательнымъ чрезъ мѣру; ненужно ни легкомысленно присшавать ко всѣмъ, ни отдѣляться отъ всѣхъ по безумію и гордости; но гдѣ открыто дѣйствуетъ нечестіе, тамъ и мы должны безстрашно возставать противъ огня и желѣза, противъ времени и сильныхъ земли, и не страшиться ничего, дабы не потерять страха Божія, не измѣнить вѣрѣ и истинѣ которой служимъ..... Тогда и Богъ мира— мира превосходящаго всякъ умъ будетъ съ нами во Христѣ Господѣ нашемъ, емуже слава во вѣки вѣковъ.

СЛОВО

сказанное (*) въ Вологодской Спасской всеградской Церкви, по случаю освященія одного изъ двухъ теплыхъ придѣловъ ея, устроенныхъ усердіемъ гражданъ Вологодскихъ, въ память избавленія отъ холеры.

Благодареніе Господу! дѣло, начатое во славу пресвятаго имени Его, кончено; и храмъ Богу Спасителю паки отверстъ для всѣхъ, жаждущихъ спасенія. Если какому поколѣнію изъ жителей сего града вполнѣ приличество-

(*) Преосв. Иннокентіемъ, Еписк. Харьк. и Ахт.

вало одушевиться древнимъ усердіемъ предковъ къ сему святому мѣсту, но настоящему: ибо ни надъ какимъ изъ прошедшихъ поколѣній не повторились въ такой полнотѣ и точности древнія необыкновенныя событія, давшія бытіе сему храму, какъ надъ поколѣніемъ настоящимъ. Кто изъ жителей града сего не трепеталъ за свою жизнь въ то время, когда надъ сею страною висѣла туча гнѣва Божія, и люта язва одесятствовала чертоги и хижины? Кто не падалъ въ сокрушеніи духа и сердца предъ сею иконою Бога Спасителя, и не призывалъ со слезами на главу свою спасенія? Молитва услышана, спасеніе возсіяло, туча гнѣва прошла; оставалось всеобщее чувство благодѣянія выразить для современниковъ, и засвидѣтельствовать для потомства какимъ либо знакомъ всеобщей признательности. Лучшаго знака не могло быть, какъ возобновленіе и украшеніе сего самаго храма, въ коемъ отъ всѣхъ призывалось спасеніе въ годину общаго бѣдствія. И вотъ, сіе святое дѣло кончено! Отнынѣ храмъ сей будетъ памятникомъ двухъ страшныхъ годинъ гнѣва и суда небеснаго, и въ тоже время провозвѣстникомъ и свидѣтелемъ двухъ великихъ милостей Божіихъ надъ градомъ нашимъ. И самые поздніе потомки, приходя въ него на молитву, будутъ воспоминать наше время и день настоящій. Да возрадуются же нынѣ духомъ тѣ, кои удостоились послужить обновленію сего дома Божія! Сими они предуготовили себѣ обители въ дому Отца небеснаго. Да причастятся сей святой радости нынѣ и всѣ тѣ, кои отъ избытковъ, тѣмъ паче, если отъ самыхъ недостатковъ своихъ, вспомоществовали обновленію сего храма! Господь храма *необидливъ* забыть *труда любве* (Евр. 6, 10.), подъятаго во имя Его, и въ свое время каждый пріиметъ спорицею. Хвала и честь, миръ и благословеніе граду, познавшему гдѣ должно было искать спасенія отъ гнѣва небеснаго, умѣвшему найти его, и не забывшему долга благодарности по полученіи просимаго!—

Но, брат. мои, блюдитеся мыслить, чтобы сей долгъ вполнѣ былъ выплаченъ нами съ освященіемъ сего храма. Страшная язва приходила къ намъ, безъ сомнѣнія, не для того, чтобы воздвиглись сіи стѣны, утвердились сіи столпы, простерся этотъ новый, великолѣпный сводъ надъ главами? Нѣтъ, она могла взять у каждаго изъ насъ самую душу и жизнь, и не взяла, воспященная милосердіемъ небеснымъ: посему душа и жизнь наша первѣе и паче всего должны быть посвященны Богу Спасителю. Спасенные отъ смерти должны жить такъ, какъ бы они воскресли изъ мертвыхъ. Какъ бы, вы думаете, начали жить тѣ, кои пожаты серпомъ язвы, еслибы имъ дано было возвратиться къ намъ и продолжать свою земную жизнь? Думаете ли, что они опять начали бы гоняться, подобно дѣтямъ, за суетою мірскою, предаваться безумнымъ радостямъ и утѣхамъ, работать плоти и міру, ждивать силы и время на удовлетвореніе страстей и похотей? Безъ сомнѣнія, каждый изъ нихъ, наученный опытомъ, посвятилъ бы всю остальную жизнь на твореніе дѣлъ благихъ, на омовеніе своихъ грѣховъ слезами покаянія, на приготовленіе себя къ грозному и рѣшительному часу смерти и суда. Такъ жили бы они; такъ должно жить и намъ.

Для сего именно пощажены мы милосердіемъ Божіимъ. Ибо, подумай и скажи самъ, ужели оно пощадило тебя для того, что ты не успѣлъ еще тогда окончить своего спора съ бѣднымъ должникомъ твоимъ, раззорить домъ его въ конецъ, и взять съ бѣдной вдовы и дѣтей его до послѣдней лепты? Подумай и скажи самъ, ужели приложены тебѣ дни для того, чтобы ты продолжалъ кривить вѣсами правосудія, заставляя ихъ непрестанно колебаться по дуновенію страстей, преклоняться до земли въ пользу силы и богатства? Подумай и скажи самъ, ужели язва миновала тебя для того, чтобы ты жалкимъ остроуміемъ продолжалъ растлѣвать слухъ и сердца невинныя, и распространять всюду язву невѣрія и нечестія?— Будемъ же всѣ и каждый помнить, для чего спасены мы отъ смерти милосердіемъ Божіимъ, и приходя какъ можно чаще въ храмъ сей, будемъ воспоминать тѣ святые обѣты, кои давали предъ сею чудотворною иконою въ ужасную годину бѣдствія. Что тогда обѣщали мы за свое спасеніе?— Безъ сомнѣнія, не новые грѣхи, не новые соблазны: обѣщали жизнь чистую и праведную, обѣщали исправленіе своихъ слабостей, оставленіе худыхъ привычекъ, укрощеніе и искорененіе постыдныхъ страстей. Милосердый Господь внялъ молитвамъ и обѣтамъ нашимъ: мы цѣлы и невредимы; да будутъ же цѣлы и тверды и обѣты наши!— Да явится новая, святая жизнь, какъ явился новый, святый храмъ! Да украсятся домы и семейства новыми добродѣтелями! Да содѣлается градъ нашъ во всѣхъ отношеніяхъ градомъ богоспасаемымъ!—

Сыне человѣчь, сказано было нѣкогда Пророку, *покажи дому Израилеву храмъ, и видѣніе, и чиноположеніе его, и да престанутъ отъ грѣховъ своихъ* (Іезек. 43, 11). А мы обратимъ сіи слова къ вамъ, Пастыри и духовные Отцы града сего, здѣсь теперь собравшіеся. Когда неисправимые въ своемъ поведеніи грѣшники явятся къ вамъ, во время исповѣди, для принятія разрѣшенія во грѣхахъ, и вы увидите, что ихъ души требуютъ сильнаго возбужденія отъ сна грѣховнаго: то между прочими средствами къ тому, не забывайте указывать на храмъ сей, какъ на памятникъ гнѣва небеснаго, привлеченнаго на землю грѣхами человѣческими. Припомните стоящему предъ вами грѣшнику ту грозную годину, когда онъ трепеталъ за свою жизнь, видѣлъ себя въ устахъ смерти, и молился въ семъ храмѣ, давая обѣтъ оставить всѣ грѣхи. Скажите, что чудотворная икона Бога Спасителя ожидаетъ исполненія его обѣта, что Богъ поруганъ не бываетъ, что у него не одна язва для наказанія грѣшниковъ, что Ангелъ смерти всегда на стражѣ и ждетъ только мановенія, чтобы пресѣчь дни преступные.

Сыне человѣчь, Пастырь Церкви, *покажи* такимъ образомъ *дому Израилеву*, граду сему, *храмъ* сей, и *да престанутъ отъ грѣховъ своихъ*. Аминь.

ДРУЖЕСТВО.

Другъ вѣренъ кровъ крѣпокъ, обрѣтый же его, обрѣте сокровище. Сир. 6, 4.

Всѣ желаютъ, но немногіе имѣютъ друзей; и каждый ли изъ сихъ немногихъ

имѣетъ такого друга, который бы стоилъ этого названія? Нашедши друга, нашелъ ли ты въ немъ сокровище? Тоже ли онъ для тебя въ скорбяхъ и несчастіяхъ, что кровъ крѣпкій въ бурю и непогоду, что врачь испытанный въ болѣзняхъ?— Утоляетъ ли твою печаль, услаждаетъ ли горести, врачуетъ ли язвы совѣсти и болѣзни сердечныя? Если нѣтъ; то или твой другъ напрасно украшается симъ именемъ, или ты самъ недостоинъ истиннаго друга.

Всякъ другъ речетъ: содружихся ему и азъ: но есть другъ именемъ точію другъ (Сир. 37, 1). Часто у насъ говорится: ты мой другъ, онъ твой пріятель, вы съ такимъ-то давно друзья. Но всего обыкновеннѣе тутъ произносятся слова пустыя, безъ мысли и значенія. Чѣмъ чаще они обращаются въ устахъ, тѣмъ рѣже слышатся въ сердцѣ. Истинный другъ такое рѣдкое сокровище, что если древній мудрецъ, среди дня, со свѣтильникомъ искалъ человѣка; то тѣмъ съ большимъ трудомъ можно найти истиннаго друга.— Можно окружить себя друзьями; но во всей толпѣ ихъ и одинъ не будетъ стоить своего имени. Будь знатенъ, богатъ, и легкія души привьются къ тебѣ, какъ мѣлкія насѣкомыя въ пустынѣ, всюду будутъ сопровождать тебя, тѣшить и веселить: но постигнетъ тебя скорбная година искушенія, и они умолкнутъ и сокроются, какъ тѣже насѣкомыя съ перемѣною погоды. Не удивляйся, если кто нибудь изъ сихъ друзей явится твоимъ врагомъ: льстецы цѣнятъ друзей, по своимъ видамъ и отвергаютъ когда не видятъ въ нихъ своей пользы. Будь гостепріименъ,— радушіемъ и ласками у людей благородныхъ пріобрѣтешь имя хлѣбосола, а служители трапезамъ навяжутся тебѣ своимъ дружествомъ. Бѣдные эти друзья! Кусокъ хлѣба дороже имъ тебя; не станетъ у тебя угощенія, не станетъ и ихъ. Дерзновенные святотатцы! За чѣмъ усвояете себѣ священное имя друга, коимъ могутъ украшаться однѣ чистыя и возвышенныя души? Знаете ли, что вы наносите скорбь добродушному, довѣрчивому человѣку своею измѣною? *Печаль не пребываетъ ли до смерти, пріятель и другъ претворяйся во врага? О лукаво помышленіе, откуду извалилося еси покрыти душу лестію? Пріятель о веселіи дружни радуется, а во время скорби противенъ будетъ: пріятель со другомъ труждается чрева ради, а противу брани возметъ щитъ. Не забуди друга въ душѣ твоей, и не поминай его во имѣніи твоемъ* (Сир 37, 2— 6).

Кто бы не пожелалъ замѣнить дружествомъ всякое холодное знакомство, всѣ бездушныя связи общества? И однакожъ послѣднія вездѣ въ обычаѣ, а первое только въ рѣдкихъ примѣрахъ. Отъ чего же это?— отъ того, что способные къ искреннему дружеству— рѣдкое явленіе, а неспособными наполненъ весь свѣтъ. Скажи по совѣсти каждый, возстающій противъ бездушной лести, можешь ли ты самъ быть искреннимъ другомъ?— Можетъ быть, ты самъ еще не знаешь себя, не трудился надъ исправленіемъ себя, живешь приспособляясь къ обстоятельствамъ.— Гдѣ же сердце, гдѣ характеръ для дружества?— Драгоцѣнный ароматъ держится въ крѣпкихъ, съ трудомъ и искуствомъ обдѣланныхъ, сосудахъ. Ты строго наблюдаешь расчеты житейскіе, собираешь богатство, ищешь славы: въ твоемъ ли сердцѣ обитать дружеской любви? Оно грубо и хладно, какъ металлъ,

къ которому привязано, суетно и непостоянно, какъ слава,— тотъ призракъ, которымъ увлекается. Жалуется на неискренность мудрецъ. Онъ пріобрѣлъ обширное знакомство; всѣ цѣнятъ и уважаютъ его достоинства: но все это пріязнь холодная, или лесть корыстная; чистой, дружеской любви не нашелъ онъ ни въ комъ.— Но чѣмъ тебѣ, мудрецъ, пріобрѣсть и поддержать истинное дружество? Умомъ своимъ?— Дружество не требуетъ обширнаго, выспренняго ума, а глубокаго, пространнаго сердца; не любитъ блистательнаго свѣта, а ищетъ больше теплоты. Знай обширныя, холодныя связи въ обществѣ; а внутреннія, сердечныя не по тебѣ. Дружество терпѣливо, снисходительно, готово на всѣ пожертвованія; а ты во всемъ строгій, неумолимый судія, ты не хочешь служить никому, кромѣ своего эгоизма.— Вотъ еще воспитанный по требованіямъ образованнаго свѣта!— Онъ и благороденъ и чувствителенъ, и однакожъ не похвалится дружествомъ. Это отъ того, что его обученіе вовсе не училище для сердца; оно полезно для внѣшней жизни, а качества сердечныя больше истощаетъ, нежели питаетъ и богатитъ. Не льзя вѣрить, будто изящныя искуства раскрыли въ немъ благость сердечную и горячность чувства. Нѣтъ, это поддѣльныя въ немъ качества, а самъ въ себѣ онъ былъ и будетъ холоденъ и безчувственъ, доколѣ не станетъ упражняться въ дѣятельномъ училищѣ благочестія.

Другъ вѣренъ врачеваніе житію, и болящіися Господа обрящутъ его. Вотъ чья доля истинное дружество! доля людей благочестивыхъ и богобоязненныхъ. Почитай страхъ Божій началомъ, образующимъ въ душѣ способность и находить и любить друга искренно; вѣрь, что истинный другъ есть дарованіе Божіе: въ томъ и другомъ случаѣ будешь думать безошибочно, что истинное дружество есть преимущество людей богобоязненныхъ. Дружество требуетъ любви высокой и самоотверженія: что же можетъ образовать и возвысить сердце до такой любви? *Бога бойся, и заповѣди Его храни, яко сіе всякъ человѣкъ* (Екл. 12,). Главное въ человѣкѣ сердце, главное для сердца— страхъ Божій, исполненіе заповѣдей Господнихъ;— вотъ, что смягчаетъ и согрѣваетъ наше сердце!— Не высокое знаніе, не знаніе наукъ и искуствъ изящныхъ; а жизнь, хотя въ низкой долѣ, но исполненная страха Божія и духа благочестія Христіанскаго. Свидѣтели сему всѣ богобоязненные люди. Они совсѣмъ иногда необразованы, не знаютъ писанія книжнаго; но какое у нихъ горячее чувство, какое пространное любвеобильное сердце!— Весь міръ обнимаютъ своею любовію; всѣ у нихъ, какъ родные, добрые братья. Имъ и вѣрить не хотѣлось бы, что есть лукавые льстецы, злобные недоброжелатели; они напрощивъ стараются думать, что все хорошо, вездѣ живутъ добрые люди, истинные рабы Божіи.— Отъ этого они не знаютъ различія между людьми?— Нѣтъ, имъ-то собственно и принадлежитъ это знаніе. Всякое знаніе, особенно знаніе сердца, вѣрное и глубокое, зависитъ не отъ ума образованнаго, а отъ сердца чистаго и непорочнаго. Въ этомъ знаніи не сравнится съ благочестивыми людьми ни какой глубокой психологъ. Чтобы понять человѣка, они не наблюдаютъ надъ поступками его, не соображаютъ мыслей и словъ его; но, при первой встрѣ-

чѣ, проникаютъ душу прямо, чувствуютъ ея теплоту или холодность, невинность или грѣховную нечистоту. Когда такимъ образомъ встрѣтятся люди съ одинакими, истинно добрыми, качествами; то, не зная другъ друга прежде и по имени, съ первой встрѣчи узнаютъ одинъ другаго, какъ давніе знакомцы, съ первой бесѣды становятся друзьями. Капли свѣтлой росы, сблизившись, отражаются одна въ другой, стремятся, по закону притяженія, къ взаимному соединенію, и при легкомъ дуновеніи вѣтра сливаются въ одну. Такъ чистыя, непорочныя души, при первой встрѣчѣ, видятъ себя одна въ другой, чувствуютъ взаимное стремленіе, и при благопріятныхъ обстоятельствахъ приходятъ въ тѣсное единеніе. Два, рѣдко три человѣка—друзья начинаютъ жить какъ бы одною душею. *Сопряжеся душа Іонаѳанова сѣ душею Давидовою, и возлюби его Іонаѳанъ отъ души своея,* сказано о дружествѣ, извѣстномъ изъ книгъ священныхъ (1 Цар. 18, 1). Это произошло тогда, когда Іонаѳанъ однажды только внимательно посмотрѣлъ на Давида, и выслушалъ нѣсколько словъ его. Сопряжеся душа Іонаѳанова съ душею Давидовою:— это не простыя слова въ остроумномъ сочетаніи; между друзьями дѣйствительно есть тайное внутренное единеніе. Что это между ними за сочувствіе, по коему каждый становится необходимымъ для другаго; всѣ бѣдствія и счастіе, радости и скорби дѣлаются у нихъ общими?— Отъ чего между ними такая довѣренность, такое участіе и самоотверженіе? Почему никто изъ нихъ не будетъ веселъ, если печалится другой? Какъ одинъ, посредствомъ слова, удѣляетъ часть душевной тяжести другому? Какъ объяснить эту тайную тоску, которая раждается при постигшемъ, или только угрожающемъ несчастіи отсутствующаго друга? что значатъ въ подобныхъ случаяхъ ясныя знаменательныя сновидѣнія? Мало ли примѣровъ, что умирающій другъ является живому, извѣщаетъ о своей кончинѣ, предостерегаетъ отъ ошибокъ и опасностей, утѣшаетъ, обличаетъ, преподаетъ совѣты и наставленіе? Ясное предъизображеніе того единенія, въ которомъ нѣкогда будемъ всѣ едино во Христѣ Спасителѣ! И такъ будь добръ и богобоязненъ, если хочешь умножить собою небольшое число друзей. Истинно благочестивые, по закону правосудія, не живутъ безъ истинныхъ друзей.

Истинные друзья суть во плоти наши Ангелы хранители. Если Ангелы хранители ополчаются окрестъ боящихся Господа, посылаются въ служеніе за хотящихъ наслѣдовати спасеніе; кому же болѣе принадлежитъ право и на покровительство земныхъ ангеловъ, какъ не людямъ благочестивымъ, со страхомъ свое спасеніе содѣвающимъ? Истинный другъ есть твоя доля, богобоязненная душа! Бѣдность и незнатность не сокроютъ тебя отъ него, скорби и бѣдствія не охладятъ его любви къ тебѣ. Св. Давидъ— пасъ еще овецъ отца своего, но пріобрѣлъ друга въ сынѣ царскомъ. Спаситель нашъ былъ преданъ и вознесенъ на крестъ, а возлюбленный ученикъ и другъ его Іоаннъ неубоялся стоять у подножія креста, чтобы утѣшить свою любовь, чтобы пролить хотя каплю утѣшенія въ сердце божественнаго Страдальца.

Обрѣтый друга, обрѣте сокровище (Сир. 6, 14). Дорого и многообразно его употребленіе, но высшее, истинное зна-

ютъ одни богобоязненные. Другъ вѣренъ— кровъ крѣпокъ. Кого и когда не постигаютъ страшныя бури бѣдъ на поприщѣ жизни злополучной? Счастливъ, кто предварительно знаетъ, гдѣ найти пріютъ, куда подклонить главу, когда настанетъ скорбная година искушенія! Другъ вѣренъ врачеваніе житію. Кто не испыталъ болѣзненныхъ уязвленій сердца, не считалъ злополучной жизни несноснымъ бременемъ, не изнемогалъ до послѣдняго истощанія бѣдныхъ силъ человѣческихъ? Дорогъ въ эти минуты радушный, искренній другъ! Онъ тогда кажется не земнымъ существомъ; одинъ умилительный видъ его облегчаетъ тяжесть душевную, одно слово льетъ цѣлебный бальзамъ на раны сокрушеннаго сердца. Полно печалиться: Господь не безъ милости!—Слова самыя обыкновенныя: но если онѣ произносятся устами друга, отъ богатаго сокровища сердца; то что предъ ними всѣ высокопарныя убѣжденія моралистовъ?

И въ этомъ отношеніи другъ есть безцѣнное сокровище: но истинное его значеніе на пути спасенія. *Боящійся Господа управляетъ дружбу свою, яко же бо самъ, тако и искренній его* (Сир. 6, 17). Ты хочешь жить и умирать для добродѣтели;— вотъ гдѣ необходимая потребность въ дружествѣ! Если въ мірѣ соединяются для видовъ корысти, на обиду, на зло другимъ; то не больше ли нужно соединеніе для цѣлей нравственныхъ, для спасенія душевнаго? Велики немощи нашего естества; страшенъ узкій, тернистый путь спасенія; спроси у благочестивыхъ друзей, какъ спасительно имъ дружество? Одни, безъ помощи другихъ, мы можемъ быть только злыми. Растетъ ли древо прямо, бываетъ ли высоко, когда стоитъ одно въ открытомъ полѣ, безъ подпоры, безъ защиты? Сколько бы ни думалъ о себѣ человѣкъ; но, оставленный самому себѣ, онъ, отъ борьбы внутренней, отъ обстоятельствъ внѣшнихъ, колеблется какъ слабая вѣтвь отъ вѣтра. Въ союзѣ дружескомъ сугубо силенъ человѣкъ; у него много средствъ къ преспѣянію въ жизни нравственной. Отъ взаимныхъ совѣщаній и убѣжденій нечувствительно проходятъ слабости, растутъ и крѣпнутъ силы нравственныя. Хорошо самоиспытаніе, самоубѣжденіе; но, при помощи друга, наши слабости виднѣе, и средства къ исправленію благонадежнѣе. Врачь больной не лѣчитъ себя самъ; но пользуется искуствомъ и наставленіями другаго врача. Посему необходимо, чтобы тѣ, которые, живя въ свѣтѣ, хотятъ стать подъ знаменемъ креста и добродѣтели, тѣснѣе соединялись союзомъ священнаго дружества. Многіе Отцы Церкви, подвижники пустынные, многіе изъ великихъ людей, живущихъ въ разныхъ званіяхъ мірскихъ, жили въ связяхъ дружескихъ до самой кончины, хвалились друзьями и благодарили за нихъ Господа. Въ комъ и когда могъ имѣть нужду Спаситель? Но Онъ благоволилъ избрать себѣ, изъ возлюбленныхъ учениковъ своихъ, друга— Іоанна Богослова!

Кіевъ Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 9 Іюня, 1845 г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 15. НЕДѢЛЯ 7-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ. Іюля 18. 1843.

На Утрени: Евангеліе воскресное 7-е, Іоан. 20, 1—10.
На Литургіи: Апост. Римл. 15, 1—7. Еванг. Матѳ. 9, 27—35.

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО НИЛА ПОДВИЖНИКА,

ИЗБРАННЫЯ ПИСЬМА

О необходимости непрестанно и нелѣностно молиться.

1. Сосандру Секретарю.

Какъ непрестанно мы вдыхаемъ воздухъ, такъ непрестанно должны хвалить и славословить Господа, даже и среди занятій дѣлами. Боголюбивая и разумная душа можетъ непрестанно содержать въ памяти Творца. Давидъ говоритъ о себѣ, *что онъ полянулъ Бога и возвеселился* (Пс. 76. 4). Итакъ, если воспоминаніе Господа возвеселяетъ души наши, то будемъ непрестанно воспоминать Бога. (Кн. 1. пис. 239).

2. Іоанну Монаху.

Демоны различными образами стараются заключить уста наши, чтобы мы не прославляли, не пѣли и не славословили Господа; но мы не должны отчаяваться, потому что, по словамъ цѣломудреннаго Іоанна, Господь отверзаетъ и никтоже затворитъ. (Кн. 1. пис. 67.)

3. Афродисію Діакону.

Не довѣряй слишкомъ старости, потому что и старики падаютъ; но всегда призывай въ помощь Христа, дабы Онъ былъ твоимъ хранителемъ и твердымъ огражденіемъ (Кн. 2. пис. 23).

4. Кирiаку Пресвитеру.

Я знаю всѣ искушенія, постигшія тебя, и всѣ твои скорби. Возмись за оружіе молитвы, и взывай ко Господу непрестанно; и тѣмъ крѣпче, чѣмъ сильнѣе нападаютъ на тебя демоны и люди, скрежещущіе зубами на насъ и думающіе, что намъ не будетъ помощи. Пусть въ числѣ сильныхъ людей мы не найдемъ себѣ помощниковъ; впрочемъ получимъ помощь, ради надежды нашей на Бога, и ради благодарной души нашей. Доказательствомъ сего послужитъ тебѣ молитва Сирахова (51. 1—18). Въ другомъ мѣстѣ о сей помощи Сирахъ говоритъ такъ: *воззрите на древнія роды и видите, кто вѣрова Господеви и постыдѣся, или кто призва Его и презрѣ и, зане щедръ и милостивъ Господь и оставляетъ грѣхи и спасаетъ во время скорби* (Сир. 11, 10. 11.) (Кн. 2. пис. 196).

5. Вусирiю корабельщику.

Вспомни, какъ вдова, упоминаемая въ Евангеліи, многократно приходя къ неправедному судіи говорила: *отмсти мене отъ соперника моего* (Лук. 18, 3—4), соперникомъ же былъ не только

діаволъ, но и плотской помыслъ); и какъ судія на долзѣ времени не хотяше, а послѣ, бывъ вынужденъ докучливостію, защитилъ вдову. Этою притчею Господь учитъ насъ не вдаваться въ отчаяніе, когда дѣлается не по нашимъ молитвамъ и прошеніямъ; ибо Онъ знаетъ время, когда исполнить наше прошеніе, и когда восхощетъ помочь намъ, то немедленно защищаетъ угнѣтенныхъ, коимъ гонители ихъ говорятъ: гдѣ есть Богъ вашъ? Демоны точно тюже, насмѣхаясь, говорили разслабленному, лежавшему при овчей купѣли, когда его ожиданія не исполнялись. (Кн. 2. пис. 201).

6. Ѳеодоту Діакону.

Давидъ говоритъ: *благословлю Господа на всякое время, выну хвала Его во устѣхъ моихъ* (Пс. 37.); ибо неправильно мы поступимъ, если будемъ благословлять Бога только въ счастливыхъ обстоятельствахъ, а въ несчастіи будемъ молчать. Напротивъ, тогда-то мы болѣе должны благодарить Бога, зная, *что его же любитъ Господь, наказуетъ, біетъ же всякаго сына, егоже пріемлетъ* (Евр. 12. 6. Кн. 3. пис. 27).

7. Адріану Пресвитеру.

Во всякой горести, приключающейся намъ, весьма полезно и необходимо благодарить Бога промыслителя и судію жизни человѣческой: ибо, если при каждомъ несчастномъ обстоятельствѣ мы будемъ благодарить; то получимъ побѣдную почесть, уготованную мученикамъ (Кн. 3. пис. 98).

8. Іордану Діакону.

Если Христосъ, Господь всячесихъ, желая научить бдительности и молитвамъ, проводилъ ночи въ молитвѣ; если *Павелъ и Сила, молящеся полу Бога въ полунощи* (Дѣян. 16. 25.) и Давидъ *въ полунощи воставаль исповѣдатися Богу о судьбахъ правды Его* (Пс. 118, 62.): то я удивляюсь, какъ совѣсть не осуждаетъ тебя тогда, какъ ты всю ночь проводишь въ крѣпкомъ снѣ. По крайней мѣрѣ нынѣ отпряси смертоносный сонъ, и займись усердно молитвою и псалмопѣніемъ (Кн. 3. пис. 127).

9. Ѳеодору Монаху.

Какъ дыханіе, такъ и приношеніе Господу таинственныхъ прошеній не бываютъ неблаговременными, даже до послѣдняго издыханія (Кн. 3. пис. 159).

10. Албану Монаху.

Сколь сильно нападаетъ на тебя демонъ блуда; столькоже ты самъ обезсиливаешь душу твою малодушіемъ и печалію, удаленіемъ отъ молитвы и славословія, и неумѣреннымъ сномъ. Дѣлая это, ты не представляешь себѣ, что веселишь враговъ и дѣлаешь ихъ нагльe и непобѣдимѣе; ибо нечистые демоны сильнѣе нападаютъ на безпечныхъ и не радящихъ о молитвѣ и славословіи Божественномъ (Кн. 3. пис. 223).

11. Дарувію Монаху.

Если Господь благоволилъ избрать насъ къ тому, чтобы мы всемѣрно приближались къ Нему, служили и сохраняли Его заповѣди и повелѣнія: то ни на минуту мы не должны удаляться отъ Него, но посредствомъ молитвы, бесѣдъ, дѣлъ, а прежде всего чистотою мысли воскурять ѳиміамъ Христу, всевышнему Богу (Кн. 3. пис 246).

12. Евпраксію Діакону.

Изъ словъ св. Давида: *кто дастъ ми крилѣ, яко голубинѣ* (Пс. 54. 7.), мы научаемся, что Богъ даетъ намъ крылья духовныя, чтобы мы могли нынѣ вознестись надъ вредоносными страстями, а по исходѣ изъ временной жизни надъ имѣющими напасть на насъ демонскими сонмищами. Впрочемъ Господь дарствуетъ духовную благодать не всѣмъ безъ различія, но только тѣмъ, кои денно и нощно просятъ Его усильно. Посему мы болѣе всего должны заниматься совершеніемъ молитвъ (Кн. 3. пис. 271).

13. Аквилину.

Враги нашей жизни, демоны не устаютъ и не перестаютъ оскорблять, искушать, нападать и козни строить; и мы не должны быть безпечными, утруждаться и переставать призывать себѣ въ помощь достопокланяемое имя Іисуса Христа, и посредствомъ Его мучить и терзать оскорбляющихъ насъ. Молитва вѣрующихъ есть величайшее мученіе и ужасъ для злыхъ духовъ (Кн. 3. пис. 275.)

14. Дидиму Чтецу.

Будемъ нелѣностно молиться, славословить и размышлять объ ученіи Святаго и достопокланяемаго Духа; ибо въ словахъ боговдохновеннаго Писанія сокрыто царствіе Божіе, которое открывается пребывающимъ въ молитвѣ, мирѣ, псалмопѣніи и чтеніи; (Кн. 3. пис. 295).

15. Лезвію Діакону.

Будемъ стараться о томъ, чтобы и минуты не быть безъ воспоминанія о Богѣ, потому что это воспоминаніе есть величайшее благо (Кн. 3. пис. 297).

СЛОВО

при посѣщеніи паствы, сказанное въ Устюжскомъ Іоанно-Предтечевскомъ женскомъ монастырѣ (*).

Среди пастырскаго странствованія моего, проповѣдуя въ разныхъ мѣстахъ слово Божіе, я всегда старался о томъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, возродить въ слушателяхъ моихъ печаль по Бозѣ и сѣтованіе о грѣхахъ своихъ, пробудить въ нихъ мысль и тоску по небесномъ отечествѣ. Ибо между опасностями жизни мірской самая главная та, что человѣкъ, преданный земнымъ заботамъ, самъ непримѣтно земленѣетъ и дѣлается нечувствительнымъ къ своему спасенію; забываетъ совершенно, для чего онъ созданъ и къ чему предназначенъ; живетъ какъ бы ему никогда ненадлежало умирать и явиться предъ страшный судъ Божій. Имѣя въ виду сію опасность, я всегда, въ моихъ бесѣдахъ, непосредственно обращался къ душѣ и совѣсти моихъ слушателей; потчасъ вступалъ въ бранъ съ міромъ и его соблазнами, и срывая съ сего врага личину его мнимыхъ прелестей, показывалъ все земное и временное во всемъ его ничтожествѣ. Здѣсь, думаю, нѣтъ нужды говорить мнѣ такимъ языкомъ, обращаться къ симъ средствамъ убѣжденія. Ибо, кого я вижу предъ собою? Вижу многочисленный сонмъ женъ, кои, не смотря на слабость своего пола, давно дерзнули сами вступить въ бранъ съ міромъ, и доказали побѣду надъ нимъ уже самымъ удаленіемъ отъ него на вѣки, кои, по заповѣди Евангельской, оставили все, чтобы воспріять благую часть

(*) Преосвящен. Иннокентіемъ Еписк. Харьк. и Ахт.

Маріину и начать искать единаго на потребу. Такихъ слушателей къ чему побуждать? отъ чего отвращать? въ чемъ наставлять?— Вступивъ въ такой священный кругъ, не паче ли должно сорадоваться, благодарить Господа и славить? И мы, предстоя у престола сего, не оставили принести должную жертву хвалы и благодаренія за васъ; и васъ самихъ приглашаемъ, какъ можно чаще, дѣлать тоже самое. Ибо безъ Его всесильной помощи, вы не только не разорвали бы узъ міра, на васъ лежавшихъ, но, можетъ быть, и не подумали бы разрывать ихъ когда либо. Въ самомъ дѣлѣ, мало ли въ мірѣ людей, кои вполнѣ чувствуютъ тяжесть своего мірскаго положенія; желали бы выдти и убѣжать изъ области духовнаго рабства, но не могутъ сдѣлать сего; сто разъ, можетъ быть, собирались, подобно древнимъ Израильтянамъ, въ путь, и доселѣ сѣдятъ въ плѣну на рѣкахъ Вавилонскихъ; тоскуютъ и плачутъ о родномъ Іерусалимѣ, но остаются въ Вавилонѣ. Тоже было бы и съ вами— безъ особенной благодати Божіей къ вамъ. Памятуйте же, возлюбленныя, благодѣянія Божіи, и пользуйтесь для своего спасенія преимуществами вашего званія и вашей свободы духовной.

Чего не достаетъ вамъ для спасенія? Міръ съ своими соблазнами не смѣетъ преступить за прагъ святой обители вашей; и если является здѣсь, то не въ видѣ грознаго владыки, требующаго отъ рабовъ своихъ жертвъ и поклоненія, а въ видѣ странника и пришельца, чтобъ послушать вашего богослуженія, поучиться вашимъ примѣромъ. Церковь со всею святынею, со всѣми таинствами, со всѣми обѣтованіями своими такъ близка къ каждой изъ васъ, что вы всѣ, подобно преблагословенной Матери Божіей, живете подъ сѣнію дома Божія, а нѣкоторыя изъ васъ, подобно Ей, могутъ входить въ самое Святое Святыхъ.— Страждетъ ли какая либо сестра отъ старости? Руки младыхъ сестръ готовы на услуги и помощь. Страждетъ ли какая либо сестра отъ младости? Уста и сердца сестръ опытныхъ готовы на утѣшеніе и на молитву за нее. Приходитъ ли недугъ тѣлесный? Не далеко врачество и тѣлесное, если его требуютъ; а духовное, всегда является, хотя бы его и не требовали почему либо. Приходитъ ли конецъ самой жизни? Не о чемъ думать и пещись, кромѣ души своей; спокойно можно закрыть глаза, бывъ увѣренною, что оставшіяся въ живыхъ сестры сдѣлаютъ все, что нужно, для поминовенія души отшедшей. Можно ли желать состоянія лучше сего тому, кто воистину ищетъ своего спасенія?

Но мы, помыслятъ при семъ нѣкоторыя изъ васъ, не можемъ, къ сожалѣнію, посвящать всего времени нашего Богу и молитвѣ; должны трудиться и работать для снисканія себѣ хлѣба насущнаго: это заставляетъ иногда даже оставлять богослуженіе или стоять при немъ съ разсѣянною мыслію и думать о земномъ.

Такого разсѣянія мыслей надобно всячески избѣгать, возлюбленныя. Но что виною его? Трудъ ли тѣлесный? Напротивъ, извѣстно, что праздность порождаетъ еще болѣе разсѣянія и земныхъ помысловъ. Среди труда, если мысль и обращается въ земномъ, то по крайней мѣрѣ около предметовъ труда, все еще довольно чистыхъ и невинныхъ, а тамъ, у праздности мысль любитъ парить и извиваться около

предметовъ самыхъ чувственныхъ и нечистыхъ. Это разсѣяніе мыслей, на которое въ вашемъ состояніи такъ часто жалуются, вообще сродно нашей падшей и нечистой природѣ, и доколѣ мы не освободимся отъ него духовнымъ бдѣніемъ и молитвою, доколѣ не побѣдимъ, благодатію Божіею, зла въ насъ живущаго, не подчинимъ воображенія уму, ума духу, духа не заключимъ въ волѣ Божіей; дотолѣ, гдѣ бы мы ни были, хотя бы на самомъ небѣ, будемъ разсѣяны и преданы мыслямъ земнымъ. А что касается собственно труда тѣлеснаго; то онъ, самъ по себѣ, не только не вредитъ духовной жизни, а напротивъ, служитъ для нея помощію и оградою. По сему то именно у древнихъ подвижниковъ благочестія время и дѣлилось всегда между занятіями духовными и трудомъ тѣлеснымъ. Духа праздности они почитали величайшимъ врагомъ духовной жизни, особенно родителемъ духа уныія; и потому молились первѣе всего о удаленіи его отъ себя, какъ это показываетъ молитва св. Ефрема, такъ часто повторяемая въ св. Четыредесятницу. По сему же, безъ сомнѣнія, самъ Господь и пречистая Матерь Его благоволили своимъ примѣромъ, въ поученіе наше, освятить трудъ тѣлесный. Ибо кто думаете доставлялъ пропитаніе Господу, когда Онъ жилъ, до тридесяти лѣтъ, въ дому Іосифовомъ, въ Назаретѣ? Архангелы и Ангелы? Нѣтъ, руки старца и древодѣля Іосифа и Его собственныя! Чѣмъ, послѣ молитвы и слова Божія, занята была обыкновенно Матерь Божія? Сотвореніемъ чудесъ? изреченіемъ пророчествъ? Нѣтъ, обыкновенными дѣлами своего пола, трудами тѣлесными, плодомъ которыхъ былъ и тотъ нешвенный хитонъ, который покрывалъ наготу божественнаго Сына ея предъ распятіемъ. Видите, кто трудился и работалъ? Намъ ли послѣ сего жаловаться на трудъ и думать, что онъ мѣшаетъ жизни духовной? Нѣтъ, если какая изъ сестръ, находится въ необходимости труда; та благодари за сіе Господа, который поставилъ ее въ состояніе, подобное бывшему состоянію на землѣ Его собственному и Матери своей; а если какая сестра не находится въ сей необходимости, та ставь, какъ можно чаще, сама себя въ состояніе труда, дабы не лишиться мзды трудящихся, дабы избѣгнуть опасностей праздности, дабы не подпасть подъ строгое, но совершенно праведное изреченіе Апостола: *не трудивыйся да не ястъ!* Другое дѣло немощь тѣлесная и неспособность къ труду: когда замѣтите ее въ какой либо изъ сестръ, то спѣшите остановить трудящуюся; помогайте ей соединенными силами, кто отъ избытка, кто отъ усердія, дабы излишекъ труда, обременивъ тѣло таковой, не повредилъ и ея душѣ. Когда будете поступать такимъ образомъ; тогда все пойдетъ хорошо, и между вами не будетъ воздыханій отъ трудовъ.

Что еще сказать вамъ, возлюбленныя о Господѣ сестры? Не забывайте цѣли, съ коею пришли вы сюда; не забывайте обѣтовъ вами произнесенныхъ; не забывайте смерти и суда страшнаго! Ни какія ограды не защитятъ насъ отъ нападеній врага, если мы не станемъ ограждать себя непрестанно именемъ Господа Іисуса, смиреніемъ и бдѣніемъ духовнымъ надъ своимъ сердцемъ; никакія молитвословія и службы не освятятъ насъ, если въ душѣ нашей не

учредимъ непрерывнаго служенія Богу духомъ и истиною, кротостію и чистотою, покаяніемъ и исповѣданіемъ предъ Сердцевѣдцемъ грѣховъ своихъ. А учредить внутрь насъ сего божественнаго служенія никто не можетъ, кромѣ самаго Духа святаго. Къ сему-то Пресвятому Духу обращайтесь какъ можно чаще съ молитвою о томъ. Онъ не только наставитъ васъ на всякую истину, но и подастъ силы исполнить всякую правду. Аминь.

Аминь глаголю вамъ, яко неудобь богатый внидетъ въ царствіе небесное. Паки же глаголю вамъ: удобѣе есть велбуду сквозѣ иглины уши проити, неже богату въ царствіе Божіе внити. Слышавше же ученицы Его дивляхуся глаголюще, кто убо можетъ спасенъ быти? Матѳ. 19, 23—25.

Нельзя поистинѣ не удивляться, слыша слова Господни объ участи богатыхъ. Не самъ ли Господь, по слову Писанія, богатитъ и убожитъ, возноситъ и смиряетъ?— Не Его ли вседѣйствующій Промыслъ однихъ ущедряетъ благами міра, другимъ возлагаетъ крестъ убожества? *Богатъ и нищь срѣтоста другъ друга,* говоритъ премудрый, *Господь же обоихъ сотвори!* Для чего же и даруетъ Господь столь опасный даръ, который лишаетъ человѣка необходимѣйшаго въ жизни— царствія Божія, коего не стоятъ всѣ богатства міра? Для чего не опъемлетъ у насъ сокровищъ, обладаніе коими споитъ намъ жизни вѣчной? И неужели въ царствіе Божіе одинъ только— непремѣнный для всѣхъ путь— бѣдность и нищета? Неужели всѣмъ должно или вовсе не стяжевать ничего, или и пріобрѣтенное повергать въ прахъ? Что-жъ было бы съ обществами человѣческими, еслибы всѣ онѣ состояли изъ однихъ нищихъ?— Кто будетъ въ царствіи небесномъ, если изъ него будутъ изгнаны всѣ, имѣвшіе стяжанія въ жизни? (ибо кто не имѣлъ, или не имѣетъ какихъ либо стяжаній?) Такъ, быть можетъ, размышляли и св. Апостолы, услыша слова Господни, когда съ удивленіемъ вопрошали: *кто убо можетъ спасенъ быти?*— Такъ, быть можетъ, размышляютъ и многіе, читая или слушая слова Господни, и въ слѣдствіе того или востаютъ ропотомъ на Промыслъ Божій, или отчаеваются въ собственномъ спасеніи. То и другое гибельно, а потому и должно быть, по возможности, предупреждаемо правильнымъ разумѣніемъ силы Писанія.

Господь не сказалъ: богатый не внидетъ въ царствіе Божіе, что дѣйствительно могло бы возбудить ропотъ на Промыслъ Божій, дающій богатство человѣкамъ: но сказалъ:— не удобь внидетъ богатый,— т. е. предстоятъ ему многія трудности, коихъ естественными силами человѣку преодолѣть не возможно; но не опъемлется совершенно возможность войти въ царствіе Божіе, при помощи благодати Божіей, ибо *невозможная у человѣкъ возможна суть у Бога*. И дѣйствительно, слово Божіе представляетъ намъ многіе примѣры многихъ богатыхъ людей и добрыхъ и злыхъ— спасающихся и погибающихъ. Былъ богатъ Авраамъ, о коемъ говоритъ Писаніе: *Авраамъ же бяше богатъ зѣло скоты и сребромъ и златомъ.* И однакоже великое богатство не воспрепятствовало ему быть собесѣдникомъ и

другомъ Божіимъ, заслужитъ обѣтованія и благословенія Божіи, содѣлаться Отцемъ вѣрующихъ, такъ что и самое мѣсто блаженства праведныхъ Писаніе именуетъ лономъ Авраамовымъ. Былъ богатъ человѣкъ нѣкоторый, о которомъ говоритъ Іисусъ Христосъ въ притчѣ: *человѣкъ нѣкій бѣ богатъ и облачашеся во порфиру и виссонъ, веселяся на вся дни свѣтло:* но многое богатство не избавило его отъ ада. Былъ богатъ Іовъ, *благороднѣйшій всѣхъ сущихъ отъ востокъ солнца:* но не было и праведніе и благочестивѣе его на земли; *зане нѣсть, яко онъ на земли,* говоритъ о немъ самъ Богъ, *истиненъ, непорочевъ, праведенъ, благочестивъ, удаляйся отъ всякія злыя вещи.* Былъ богатъ Иродъ: но богатство употреблялъ только на питаніе въ себѣ постыдныхъ страстей, кои содѣлали его и на престолѣ предметомъ общаго презрѣнія и ненависти. И такъ не богатство губитъ, и не бѣдность спасаетъ человѣка. Богатство само по себѣ ни добро ни зло; оно бываетъ добрымъ или худымъ смотря потому, какъ употребимъ его— въ орудіе добродѣтели или порока, подобно какъ и всякой другой даръ Божій, и всякую естественную способность.

Не должно впрочемъ скрывать отъ себя, что богатство, будучи само по себѣ ни добро ни зло, при испорченности воли нашей, можетъ поставлять великія препятствія на пути къ царствію Божію: самъ Господь сказалъ: *яко неудобь богатый внидетъ во царствіе небесное.* И подлинно, опытъ свидѣтельствуетъ, что богатый удобнѣе впадаетъ во многіе такіе грѣхи, коихъ удобнѣе можетъ избѣжать бѣдный. Видя средства къ исполненію своихъ желаній, трудно удержать ихъ въ должныхъ границахъ. Каждое, исполняемое часто, желаніе растетъ и усиливается до того, что становится непреодолимою страстію, которая съ силою увлекаетъ сердце въ бездну порока. Симъ по образомъ раждаются и питаются всѣ плотскія страсти и возжигается неугасимый огнь плотоугодія. Но сему искушенію не подверженъ тотъ, кто не имѣетъ чѣмъ удовлетворить и естественнымъ потребностямъ природы, не только прихотямъ сердца.— Привыкши въ золотѣ находить средства къ исполненію всѣхъ желаній своихъ, человѣкъ легко привыкаетъ почитать его кумиромъ, къ которому прилѣпляется, и которому служитъ его сердце; о пріобрѣтеніи злата заботится день и ночь, для сбереженія злата тратитъ покой и здоровье; во всемъ и всегда полагается только на злато, а забываетъ о Богѣ и Его божественномъ промышленіи: напротивъ бѣдный, не находя ни у себя ни внѣ себя помощи и защиты, какъ бы не вольно обращается къ небу и предается упованію на промыслъ Божій.— Великолѣпіе и богатство всегда привлекаютъ хвалы и ласкательства человѣческія, коими питается самолюбіе и гордость: напротивъ убожество, презрѣніе и уничиженіе отъ человѣковъ погружаютъ душу въ глубину смиренія.— Но при семъ не должно забывать и того, что богатый, встрѣчая многія трудности на пути къ царствію Божію, въ самомъ богатствѣ имѣетъ и многія средства къ добродѣтели, коихъ не имѣетъ бѣдный, и свободенъ отъ многихъ искушеній, которымъ подвергается послѣдній.— Если и за одну чашу студеной воды, поданную во имя Господне, человѣкъ не лишится мзды сво-

ея; то сколько мзды на небѣ можетъ пріобрѣсти себѣ богатый?— Если трудно не прилагать сердца, когда течетъ богатство: то менѣе ли трудно не желать богатства, не завидовать богатымъ, не роптать на свою участь, переносить бѣдность и убожество съ терпѣніемъ, смиреніемъ и покорностію волѣ Божіей? Если трудно побѣждать страсти, когда есть средства къ ихъ удовлетворенію; то менѣе ли трудно бороться съ ними, при невозможности удовлетворить имъ?— Такъ ни богатство само по себѣ не можетъ быть виною погибели, ни бѣдность причиною спасенія человѣка: но и то и другое можетъ быть обращаемо въ средство или къ спасенію, или къ погибели!

Будетъ средствомъ ко спасенію богатство, если будетъ употребляемо по волѣ Божіей, къ насыщенію алчущихъ, къ одѣянію нагихъ, къ заступленію сиротъ, къ пріятію странныхъ, къ облегченію страждущихъ, къ снабдѣнію и украшенію храмовъ Божіихъ, къ вспомоществованію въ нуждахъ и злоключеніяхъ общественныхъ. Будетъ средствомъ ко спасенію и бѣдность, если она будетъ переносима съ смиреніемъ и терпѣніемъ, безъ зависти и ропотанія, съ благодушіемъ и покорностію волѣ Божіей. Обратится въ погибель богатство, если оно будетъ употреблено только на то, чтобы, подобно Евангельскому богачу, ѣсть, пить и веселиться: приведетъ къ погибели и бѣдность, если она послужитъ поводомъ къ низости, разврату, хищенію, зависти и роптанію на Бога.— Все зависитъ отъ произволенія человѣческаго, во всемъ и всегда виною погибели наша собственная воля. И такъ, вмѣсто того, чтобы извинять себя или богатствомъ, или бѣдностію, возблагодаримъ Бога, что Онъ и самые непроходимые, для естественныхъ силъ человѣка, пути къ царствію Божію содѣлалъ для насъ легкими и удобными; что Онъ и за доброе употребленіе богатства даруетъ великія награды, и благодушное терпѣніе нищеты увѣнчаваетъ свѣтло. Нѣсть у Него зрѣнія на лица: предъ Нимъ богатый и бѣдный, рабъ и свободь— въ равномъ достоинствѣ; Онъ всѣмъ хощетъ одного— спастися и въ разумъ истины пріити.

Кіевъ. Въ Тип. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 12 Іюня, 1845. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 16. НЕДѢЛЯ 8-я, ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. Іюля 25. 1843.

На Утрени: Евангеліе воскресное 8-е, Іоан. 20, 11— 18.
На Литургіи: Апост. Кор. 1,— 10— 18. Еван. Мат. 14, 14— 22.

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО НИЛА ПОДВИЖНИКА,

ИЗБРАННЫЯ ПИСЬМА

Объ условіяхъ истинной молитвы.

1. Марцеллину Монаху.

Въ книгѣ Исходъ сказано, *что, егда воздвизаше Моисей руцѣ, одолѣваше Израиль Амалика* (17. 11). И ты, если воздвигая руки свои къ небу, не будешь питать зла противъ брата твоего, и будешь молиться за обидѣвшаго тебя, получишь помощь въ борьбѣ съ діаволомъ: но, если ты сердишься на ближняго твоего, обвиняешь его и злословишь; то руки внутренняго твоего человѣка опущены къ землѣ, хотя ты молишься съ воздѣяніемъ рукъ и обращеніемъ очей къ Богу; посему молитва твоя не будетъ услышана, потому что руки твои, по словамъ Господа, исполнены крови братней; ибо что смертоноснѣе злопамятства? Итакъ измоемся, по заповѣди Господней, покаяніемъ, и чистыми молитвами очистимъ себя отъ злобы (Кн. 1. пис. 4).

2. Зосиміану Монаху.

Путемъ трехъ дней пойдемъ въ пустыню, и пожремъ Господеви Богу нашему, говорилъ Моисей Фараону (Исх. 8. 27). У насъ жертву составляетъ молитва, а пустыню— состояніе, чуждое страстей, свойственныхъ несмысленнымъ животнымъ; каковое состояніе мы называемъ совершенствомъ. Что это такъ, въ томъ увѣряетъ Апостолъ, который говоритъ, что *о чесомъ, якоже подобаетъ, помолимся, невѣмы,* разумѣется до тѣхъ поръ, пока не достигнемъ безстрастнаго и чистаго состоянія, находясь въ которомъ мы будемъ совершать молитвы, отличныя отъ тѣхъ, кои совершаемъ нынѣ, бывъ возмущаемы врагами нашими. (Кн. 1. пис. 107).

3. Сосандру Секретарю.

Давидъ велитъ хвалить Господа во струнахъ и органѣ. Струны сіи, изъ коихъ каждая, сообразно правиламъ музыки, помѣщена на своемъ мѣстѣ, суть различныя заповѣди Божіи и догматы (между коими нѣтъ разногласія); а органъ есть Христолюбивая душа мудраго, которая соблюдаетъ всѣ эти заповѣди (Кн. 1. пис. 240).

4. Иппониму Секретарю.

Нѣкоторые часто молятся объ освобожденіи отъ тѣла, такъ какъ оно склоняетъ душу ко грѣху; но имъ бы лучше молиться объ освобожденіи отъ законопреступныхъ нравовъ, и отъ страстныхъ и нечистыхъ мыслей (Кн. 1. пис. 327).

5. Ѳеодору Трибуну.

Апостолъ назвалъ тебя, ради вѣры, обителію и храмомъ Духа св. Итакъ,

какъ-же ты не боишься оглашать храмъ Божій прелюбодѣйными пѣснями, душепагубными словами, и вносить въ него разныя скверны? (Кн. 2. пис. 286).

6. Марину Пресвитеру.

Ты требуешь и хочешь знать, есть ли плоды отъ молитвы людей богобоязненныхъ; а самъ между тѣмъ не представляешь, что Богъ ищетъ и требуетъ отъ тебя плода своихъ заповѣдей. Ты хочешь, чтобы Богъ скоро внималъ молитвѣ твоей; а самъ преступаешь заповѣди Его. Если ты будешь повиноваться Ему, то и Онъ услышитъ тебя: повинуйся Его законамъ, и Онъ приметъ молитвы твои. Не повинуясь Его заповѣдямъ, ты то дѣлаешь, что, если и святые будутъ молиться за тебя, не будутъ услышаны (Кн. 3. пис. 37).

7. Феликсу Пресвитеру.

Во всякое время, а особенно когда занимаемся молитвою и славословіемъ, мы должны питать святые помыслы, и никакъ не воспоминать о предметахъ чувственныхъ. (Кн. 3. пис. 97).

8. Епиктету Архимандриту.

Въ молитвахъ и Богослуженіи не нужно, по примѣру неученыхъ, много кричать, но взывать помышленіями сердечными. Хорошо славословить и хвалить Бога вмѣстѣ съ единомысленными: но, по суду писавшихъ правила о молитвѣ, не прилично, во время молитвы, чрезмѣрно кричать; ибо Господь знаетъ наши нужды прежде, нежели мы объявимъ ихъ. Онъ обращаетъ вниманіе не на говоръ, а на твердое намѣреніе и вопль сердечный. Когда ты такимъ образомъ будешь молиться, тогда еще глаголющу ти Онъ речетъ: *се пріидохъ* (Ис. 58, 9). О Моисеѣ извѣстно, что онъ, при Чермномъ морѣ, услышанъ былъ тогда, какъ и не отверзалъ устъ, а только умомъ молился (Исх. 14, 15). И такъ, собираясь на псалмопѣніе, не будемъ съ намѣреніемъ кричать, но молясь тѣломъ, будемъ, по ученію Апостола, (1 Кор. 14.) стараться болѣе молиться умомъ. Когда блаженная Анна, мать Самуила Пророка молилась; то хотя уста ея двигались, впрочемъ голоса не было слышно (1 Цар. 13). И поелику она молилась сердцемъ; то была услышана, чему доказательствомъ служитъ то, что послѣ долговременнаго безплодія сдѣлалась матерію многихъ дѣтей, потому что вѣрующему и молящемуся такъ, какъ должно, все возможно (Кн. 3. пис. 125).

9. Павлу Монаху.

Всегда помни слова Апостола Іакова, который сказалъ, что сомнѣвающійся во время молитвы подобенъ волненію морскому, вѣтры возметаему и развѣваему. Да не мнитъ таковый, что онъ получитъ когда нибудь отъ Бога какое либо чудесное дарованіе (Іак. 1. 6. 7.) (Кн. 3. пис. 167).

10. Евѳимію Епископу.

Сатана всегда старается отвлечь душу отъ Бога, а особенно во время молитвы онъ строитъ много козней и безчисленные внушаетъ помыслы, дабы посредствомъ суетныхъ мыслей отвлечь человѣка отъ Бога; ибо онъ вѣрно знаетъ, что непрерывно молящійся Богу весьма много можетъ сдѣлать вреднаго для него; посему всячески усиливается поколебать умъ. Но мы, зная это, вооружимся на него; и когда бу-

демъ или стоять на молитвѣ, или преклонять колѣна, то, кромѣ молитвы и небеснаго созерцанія, не допустимъ въ сердце ни какого помысла ни чистаго, ни нечистаго, ни праваго, ни не праваго, ни запрещеннаго, ни незапрещеннаго. И такъ займемся великимъ дѣломъ молитвы съ трезвенностію и горячимъ усердіемъ, отвергнувъ лѣность и безпечность и благовидные, по видимому, помыслы. Такое занятіе произраститъ безсмертіе (Кн. 3. пис. 283).

II. Антіоху.

Говоря, что ты не смѣешь просить Бога, по недостатку добродѣтели, не прикрывай лѣности и пустыхъ предлоговъ; *ибо нищій воззва и Господь услыша и, и отъ всѣхъ скорбей его спасе и* (Пс. 33. 7). Для знающихъ и чувствующихъ себя, кромѣ грѣха, нѣтъ вещи прискорбнѣйшей. (Кн. 4. пис. 16.).

СЛОВО

При погребеніи Командира 1-го Пѣхотнаго Корпуса Генералъ Адъютанта, Генерала отъ Инфантеріи, Аѳанасія Ивановича Красовскаго 1-го, говоренное 22 Маія 1843 года (*).

Крѣпокъ на бранехъ Іисусъ Навинъ... иже бысть по имени своему великъ на спасеніе избранныхъ его, мстити востающимъ нань врагомъ. Сир. 46, 1. 2.

Такими чертами мудрый сынъ Сираховъ изображаетъ соименнаго ему вождя и правителя народа Израильскаго– Іисуса Навина! Въ такихъ свѣтлыхъ, утѣшительныхъ и поразительныхъ видахъ, между многими почившими *мужами славными, именитыми силою, совѣтующими разумомъ своимъ и обдаренными крѣпостію*, представляетъ онъ великаго и побѣдоноснаго преемника великаго Моисея. *Крѣпокъ на бранехъ Іисусъ Навинъ... Иже бысть по имени своему великъ на спасеніе избранныхъ его, мстити востающимъ нань врагомъ.* И въ слѣдъ за симъ мудрый и краснорѣчивый описатель дѣлъ его указываетъ и причину сихъ великихъ доблестей въ дѣлѣ бранномъ: *брани бо Господни той вождаше*, говоритъ онъ. *Призва Вышняго сильна, еда оскорбляху его врази окрестъ, и послуша его велій Господь... Да познаютъ языцы всеоружіе его, яко предъ Господемъ брань его: ибо послѣдоза Всемогущему* (ст. 4. 6. 7. 8). Подобную крѣпость и туже причину сей крѣпости древній мудрецъ Израильскій приписываетъ и сподвижнику Іисуса Халеву. *И даде Господь Халеву крѣпость и даже до старости пребысть у него взыти ему на высоту земли... яко да видятъ вси Сынове Израилевы, яко добро ходити въ слѣдъ Господа* (ст. 11. 12).

Взирая на сей новый гробъ, такъ недавно воспріявшій въ себя одного изъ великихъ вождей нашего войска побѣдоноснаго, и воспоминая о славныхъ дѣяніяхъ почившаго въ немъ, не можемъ не повторить при семъ надгробной похвалы мудреца Израильскаго: *Крѣпокъ на бранехъ* былъ почившій о Господѣ Вождь и Начальникъ вождей; не можемъ не сознаться, что знаменитыми и благотворными дѣяніями своими и на полѣ ратномъ, и въ совѣщѣ воинскомъ, и въ кругу семейномъ и въ дѣлахъ правительственныхъ, онъ снискалъ себѣ *безсмертіе* и со-

(*) Ректоромъ Кіевской Духов. Семинаріи, Архимандритомъ Евсевіемъ.

ставилъ *красу* нашего любезнаго отечества, выражаемыя самымъ его именемъ. *По имени своему бысть великъ на спасеніе избранныхъ, мстити востающимъ нань врагомъ*.

Плакалъ нѣкогда плачемъ горькимъ Давидъ о падшихъ на брани Саулѣ и Іонаѳанѣ,— плакалъ самъ и возбуждалъ къ плачу другихъ, и въ порывѣ сильнаго чувства скорби то изрекалъ проклятія на предметы бездушные, бывшіе или причиною или свидѣтелями ихъ смерти, то въ недоумѣніи самъ себя спрашивалъ: какъ могли пасть мужи столь сильные? *Горы Гелвуйскія, да не снидетъ роса ниже дождь на васъ, яко тамо поверженъ бысть щитъ сильныхъ. Отъ крове язвенныхъ, и отъ тука сильныхъ, лукъ Іонаѳановъ невозвратися тощь вспять и мечь Сауловъ не возвратися тощь. Саулъ и Іонаѳанъ паче орловъ легцы и паче львовъ крѣпцы.— Болѣзную о тебѣ, брате мой Іонаѳане, красный ми зѣло* (2 Цар. 2, 21. 22. 25—26).

Обозрѣвая протекшую жизнь Почившаго, жизнь полную дѣяній славныхъ и побѣдъ блистательныхъ, и потомъ взиран на видимую причину его смерти нѣкоего особаго рода, не среди поля браннаго, но въ кругу семейства мирнаго, не при звукахъ побѣдныхъ, но при плачѣ родныхъ и близкихъ сердцу, не неприличнымъ находимъ и мы въ недоумѣніи воскликнуть: како паде сильный, коего мечь не возвращался тощь и бездѣйственъ съ поприща ратнаго? Како паде тотъ, кто былъ паче орла легокъ и паче льва крѣпокъ? Болѣзнуемъ о тебѣ, возлюбленный собратъ нашъ; ты былъ и есть для насъ *краснымъ зѣло*. Украсивъ себя рѣдкими доблестями воинскими, украшенный и отъ Благочестивѣйшихъ МОНАРХОВЪ высокими знаками отличій и почестей, ты и самъ составляешь красу и славу родной намъ земли Русской и въ особенности нашего воинства Христолюбиваго.

Въ самомъ дѣлѣ, бр. обратимъ ли вниманіе на продолжительность военной службы Почившаго; и мы не безъ удивленія усмотримъ, что едва не пятьдесятъ лѣтъ украшалъ онъ собою воинское званіе и почти ровно тридцать лѣтъ носилъ и украшалъ званіе Генерала, будучи и самъ постепенно украшаемъ знаками почестей и достоинствъ. Возримъ ли на то, съ какого времени начались собственно ратные его подвиги; и мы узнаемъ, что именно въ сей самый день за тридцать девять лѣтъ онъ проложилъ путь къ своей воинской славѣ въ свою первую кампанію, и въ сей же самый день, за тринадцать предъ симъ лѣтъ, онъ съ лаврами побѣдъ возвратился чрезъ Дунай въ предѣлы Отечества изъ кампаніи Турецкой. Захотимъ ли исчислить рядъ сраженій, въ коихъ онъ участвовалъ, то какъ храбрый и неустрашимый воинъ, то какъ мужественный и побѣдоносный Военачальникъ; и мы съ благоговѣніемъ узнаемъ, что въ 25 военныхъ браняхъ онъ былъ или посредственнымъ или непосредственнымъ дѣйствователемъ и предводителемъ къ побѣдамъ и славѣ. Пожелаемъ ли услышать и узнать мѣста и поприща его славныхъ дѣяній; и мы съ уваженіемъ узнаемъ, что и море и суша, и горы и ущелія, и высоты и равнины, и востокъ и западъ и югъ были поприщемъ его дѣяній достославныхъ его распоряженій мудрыхъ и благотворныхъ. Италія и Греція, Германія и Франція,

Арменія и Грузія, Персія и Турція, Сербія и Польша, Кавказъ и Балканы, Дунай и Березина, Лейпцигъ и Парижъ были свидѣтелями его храбрости рѣдкой и удивительной, его распоряженій благоразумныхъ и благодѣтельныхъ. Захочемъ ли вспомнить о плодахъ и трофеяхъ его побѣдъ и завоеваній; и предъ мысленнымъ взоромъ нашимъ величественно востаютъ безмолвные, но краснорѣчивые памятники его побѣдъ во взятыхъ имъ городахъ и крѣпостяхъ. Браиловъ и Мачинъ, Рущукъ и Силистрія, Журжа и Шумла, Еривань и Кистринъ слышали громы, видѣли молніи его побѣдныхъ орудій. При семъ видимъ и то, какъ Почившій нынѣ, но незнавшій покоя прежде, даже вскорѣ послѣ полученныхъ имъ ранъ, то отражаетъ то поражаетъ сильнаго въ числѣ и удобствахъ непріятеля, то спасаетъ плѣнныхъ своихъ, то беретъ въ плѣнъ чуждыхъ, то караетъ врага упорнаго, то щадитъ и милуетъ покорнаго; то находитъ себѣ удобный путь при всѣхъ видимыхъ препятствіяхъ, то полагаетъ препятствія войску непріятельскому при всѣхъ видимыхъ удобствахъ. Нужно ли знать ратныхъ противниковъ Почившаго, чтобы тѣмъ лучше опредѣлить его искуство и мужество, и въ числѣ многихъ другихъ можно наименовать самыхъ первыхъ, по искуству и власти, военачальниковъ Персидскихъ и Турецкихъ, Польскихъ и Французскихъ, и между ними самаго исполина браней, обрушившаго на Россію грозную и громоносную тучу двадесяти разноплеменныхъ языковъ. Желательно ли удостовѣриться въ орлиной легкости и львиной крѣпости сего, нынѣ мирно почившаго о Господѣ, и исторія его воинскихъ дѣяній свидѣтельствуетъ, что были случаи, когда онъ съ немалочисленнымъ отрядомъ войскъ при безпрерывныхъ сраженіяхъ и отраженіяхъ въ три дня проходилъ болѣе 160 верстъ и съ 3-хъ тысячнымъ отрядомъ блистательно противостоялъ 30-ти тысячной арміи Персидской. Короче сказать: воззрите на сіи, окружающіе гробъ Почившаго знаки отличій и высокихъ достоинствъ, и они слишкомъ краснорѣчиво вамъ скажутъ и о доблественныхъ заслугахъ Почившаго, и о мудрой прозорливости избравшихъ его на славное дѣло ратное, и о высокой щедрости наградившихъ его за непосрамленіе, но паче за прославленіе земли Русскія. Такъ, бр., знаменитыми и блистательными своими подвигами на ратномъ поприщѣ почившій начерталъ свое имя на скрижаляхъ Исторіи, и оно съ благословеніемъ и благоговѣніемъ, съ слезою умиленія и благодарности будетъ переноситься изъ страны въ страну, изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ, отъ потомства къ потомству.

Но, достопочтеннѣйшее Собраніе! или мнѣ не достало бы времени и искуства слова, или у васъ слишкомъ бы развлеклось вниманіе, или обременилась бы память, если бы я рѣшился представить вамъ полную картину жизни Почившаго, жизни многотрудной и многоплодной. Свитокъ дѣяній его, даже при жизни его, слишкомъ пространенъ и краснорѣчивъ, и въ немъ ни одного пятна безславія, ни одной черты укоризненной. Предоставимъ другимъ, болѣе насъ мудрымъ и искуснымъ, достойно изобразить его дѣянія славныя, его побѣды приснопамятныя. Да и нужно ли предъ симъ сонмомъ мужей, именитыхъ силою, и об-

дарованныхъ крѣпостію, нужно ли подробно повѣдать о доблестныхъ подвигахъ мужа крѣпкаго во бранехъ, когда многіе изъ Васъ, можетъ быть, были или сподвижниками и свидѣтелями, или достовѣрными слышателями о незабвенныхъ дѣяніяхъ сего умершаго тѣломъ, но безсмертнаго духомъ. Да и можетъ ли смиренный служитель Слова, не знающій другаго оружія, кромѣ духовнаго, можетъ ли по достоянію представить и описать вамъ высокіе подвиги Почившаго? Для насъ гораздо полезнѣе и ближе узнать источникъ и причину и той легкости орлей и той крѣпости львиной, кои такъ явственно выражались въ жизни и дѣяніяхъ приснопамятнаго Виновника настоящаго печальнаго торжества.

Гдѣ же бр., источная причина толико великихъ и достославныхъ дѣяній почившаго? Гдѣ эта мощная сила, одарившая такимъ мужествомъ сего мужа браней? Не въ знаменитости ли его происхожденія? Но бр., Почившій едва ли могъ хвалиться слишкомъ большою знаменитостію и вѣковою извѣстностію своего рода. Напротивъ, скорѣе онъ самъ доставилъ, и еще больше доставитъ въ потомствѣ извѣстность своему роду. Не въ блистательномъ ли образованіи въ государствахъ иноземныхъ, славящихся высокимъ и разнороднымъ просвѣщеніемъ? Но Почившій едва получилъ потребное образованіе въ домѣ отеческомъ и въ Имперіи Отечественной, и если въ послѣдствіи судьбою войны онъ былъ завлеченъ въ самую сполицу мнимаго просвѣщенія, но и оттуда онъ не считалъ нужнымъ заимствовать для себя излишнее просвѣщеніе; ибо онъ былъ тамъ уже героемъ-побѣдителемъ, которому не было надобности учиться побѣждать у побѣжденнаго имъ народа. Не въ огромности ли средствъ вещественныхъ, могущихъ дать и иногда дающихъ человѣку возможность дѣйствовать съ вѣсомъ и силою на высокомъ поприщѣ гражданскомъ или воинскомъ. Но, кажется, и сего предполагать нельзя! Нѣтъ бр., независимо отъ примѣрнаго его трудолюбія и достоподражаемаго усердія къ своему дѣлу, одна и самая лучшая и надежная причина и вмѣстѣ средство у почившаго Вождя и побѣдителя къ побѣдамъ и славѣ заключалась въ его *благочестіи*, которое, по слову Апостола, *на все полезно, обѣтованіе имѣя живота нынѣшняго и грядущаго* (Тим. 4, 8.). Это тоже самое средство къ знаменитымъ побѣдамъ, которое единственно вспомоществовало и древнему Вождю Израильскому, о коемъ описатель его дѣяній замѣчаетъ, что брани Господни той вождаше, и что онъ, по чувству смиренія, всегда призывалъ на помощь Сильнаго, или лучше сказать, Всесильнаго, а Всесильный и Всеблагій всегда, по мѣрѣ смиренія, ниспосылалъ ему свою благовременную и благопотребную помощь. *Призва Вышняго сильна, егда оскорбляху его врази окрестъ и послуша его велій Господь... Устреми брань на языки, исхожденіемъ погуби противники. Да познаютъ языцы всеоружіе его, яко предъ Господемъ брань его: ибо послѣдова Всемогущему... Да видятъ и вси сынове Израилевы, яко добро ходити въ слѣдъ Господа.*

Такъ бр., въ жизни Почившаго разительно и явственно изобразилась истина словъ Царя Пророка: *не въ силѣ коней восхощетъ, ниже въ лыстѣхъ мужескихъ благоволитъ Господь, но благоволитъ Господь въ боящихся Его*

и во уповающихъ на милость Его; (Псал. 146, 10. 11.) повторилось и другое изображеніе съ одной стороны слабости надѣющихся на внѣшнюю помощь и искуство, а съ другой— силы уповающихъ на помощь Божію. *Сіи на колесницахъ и сіи на конехъ, мы же во имя Господа Бога нашего призовемъ. Тіи спяти быша и падоша, мы же востахомъ и исправихомся* (Псал. 19, 8. 9). *Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой, кого убоюся. Господь защититель живота моего, отъ кого устрашуся. Аще ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое; аще востанетъ на мя брань, на Него азъ уповаю. Аще пойду и посредѣ сѣни смертныя, не убоюся зла, яко Онъ со мною есть* (Псал. 26, 1. 3).

Поистинѣ, брани Господни вождаше и сей почившій мужъ браней; о имени Господни, въ вѣрѣ и надеждѣ на Господа и ради славы Господа и блага св. его Церкви и православнаго Отечества раповалъ онъ на поляхъ бранныхъ: отъ того и успѣхи браней его такъ многочисленны, высоки и многоплодны. *Призва Вышняго сильна и послуша его велій Господь.. Да познаютъ языцы всеоружіе его, яко предъ Господемъ брань его, и да видятъ вси, яко добро ходити въ слѣдъ Господа.*

И можемъ ли, бр., сомнѣваться въ семъ, когда, кромѣ несмѣтнаго числа другихъ свидѣтелей, каждый изъ насъ и неоднократно былъ очевиднымъ свидѣтелемъ его благочестія,— его благоговѣйнаго предстоянія въ Храмѣ Божіимъ, его внимательнаго слушанія всего читаемаго и поемаго, его умиленныхъ и сокрушенныхъ воздыханій, и его пламенныхъ молитвъ. Ахъ бр., умилительно бывало видѣть героя, предшествуемаго и сопровождаемаго громкою славою, когда онъ, часто безъ всѣхъ знаковъ внѣшняго отличія, съ однимъ отличіемъ Христіанскаго смиренія, едва не первый являлся въ храмы Божіи, и едва не послѣдній исходилъ изъ оныхъ по окончаніи Богослуженія. Утѣшительное бывало зрѣлище, когда тотъ, который не щадилъ своего тѣла и крови и храбро проливалъ кровь непріятельскую, съ рѣдкимъ благоговѣніемъ и умиленіемъ принималъ изъ рукъ смиреннаго служителя Церкви тѣло и кровь Христовы. Назидательно бывало смотрѣть, какъ тотъ, кто часто и мѣтко привыкъ бросать громы и молніи въ ряды непріятельскіе, съ покорностію добраго Христіанина внималъ громамъ небеснымъ, возвѣщаемымъ смиренными проповѣдниками Слова Божія. Трогательно бывало смотрѣть, когда тотъ, предъ которымъ преклонялись и падали грады и крѣпости, вожди и воины, который съ легкостію орла облеталъ горы и быстрымъ взоромъ обнималъ высоты— самъ съ смиреніемъ духовнаго подвижника повергался въ прахъ предъ Всемогущимъ и Вседержавнымъ Раздаятелемъ побѣдъ и вѣнцевъ, и часто съ высоты величія нисходилъ во внутренности сихъ святыхъ горъ, чтобы покланяться священнымъ останкамъ смиренныхъ воиновъ духовныхъ. Да бр., особенно примѣчательна и назидательна для насъ жизнь его въ семъ нашемъ богохранимомъ градѣ, полномъ и святыни храмовъ и нетлѣнныхъ мощей святыхъ угодниковъ Божіихъ. Имѣвъ случай жить и служить въ семъ градѣ и еще въ прежніе годы своей жизни, отъ всей души полюбилъ онъ сей градъ Богоспасаемый, и уже на закатѣ дней своихъ отъ всего сердца желалъ, какимъ бы то ни было образомъ, провести сей

остатокъ дней здѣсь — въ семъ мѣстѣ вѣчнаго покоя св. Угодниковъ. Такъ, бр., любилъ онъ градъ сей, и судилъ Господь положить ему въ немъ животъ свой. Любилъ онъ часто посѣщать пещеры св. Угодниковъ Божіихъ и благоговѣйно лобызать ихъ нетлѣнные останки, — и св. Угодники пріемлютъ его къ себѣ; близъ себя даютъ ему мѣсто вѣчнаго успокоенія. Такъ то, братіе, благочестіе на все полезно.

Изъ сего то источника проистекали и то отсутствіе величавости, повидимому такъ свойственной его высокому званію, и та простота, коею такъ рѣзко отличался Почившій отъ многихъ, и то добродушіе и радушіе, и та откровенность и непринужденность, и та кротость и благость, кои всякій легко могъ читать на лицѣ и во взорахъ Почившаго и кои такъ явственно обнаруживались въ словахъ и дѣлахъ его.

Изъ сего то источника проистекло и то благоденствіе, коимъ благословилъ его Господь во дни жизни его. Самое долголѣтіе его среди тысячей опасностей и трудностей жизни воинской, при четырехъ тяжелыхъ ранахъ, есть свидѣтельство и доказательство его жизни благочестивой и добродѣтельной. Въ самомъ бытѣ его семейномъ не можемъ не примѣчать особеннаго благословенія Божія, изливаемаго преимущественно на боящихся Бога, такъ что нельзя не повторить здѣсь представленнаго Царемъ Пророкомъ изображенія семейства человѣка — богобоязненнаго, коего *жена яко лоза плодовита вѣ странахъ дому его, и дѣти яко новосажденія масличная окрестъ трапезы его. Се тако благословится человѣкъ боящійся Господа.* (Псал. 127, 3. 4. 5).

Наконецъ на семъ то основаніи, бр., вѣримъ и надѣемся, что Почившій нынѣ о Господѣ, подвигомъ добрымъ подвизавшійся здѣсь на землѣ, теченіе скончавшій и вѣру соблюдшій, воспріиметъ побѣдный вѣнецъ отъ Верховнаго Раздаятеля наградъ небесныхъ, особенно, если вспомнимъ, что Почившій, во время не маловременной послѣдней болѣзни своей, троекратнымъ покаяніемъ и пріобщеніемъ св. Христовыхъ Таинъ очистилъ себя отъ всякія скверны плоти и духа, и достойно приготовилъ себя къ жизни вѣчной, —

Для насъ же, бр., еще продолжающихъ поприще житія своего, еще ведущихъ тяжкую брань со врагами нашего спасенія все сіе и сдѣлано и сказано, да познаемъ вси отъ мала до велика, и вожди и воины, и духовные и мірскіе, и мужи и жены, и старцы и юные, да познаемъ вси, яко добро ходити въ слѣдъ Господа, и да ходимъ кійждо достойно званія, въ которое кто призванъ, твердо и несомнѣнно вѣруя, что благочестіе на все полезно, обѣтованіе имѣя живота нынѣшняго и грядущаго.

Ты же, Господи, Боже духовъ и всякія плоти! пріими съ миромъ духъ почившаго въ мирѣ раба твоего Аѳанасія, и учини его въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ злачнѣ, въ мѣстѣ покойнѣ! Утѣши и укрѣпи, охрани и огради осиротѣвшее семейство Почившаго, и яко Благій и Человѣколюбецъ, научи всѣхъ насъ достойно ходити въ слѣдъ Тебе, Господа Бога нашего во вся дни живота нашего до скончанія вѣка. Аминь.

Кіевъ Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 16 Іюня, 1815 г.
Академіи Профессоръ, Протоіерей І. Скворцовъ.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 17. НЕДѢЛЯ 9-я, ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. Августа. 1. 1843.

На Утрени: Евангеліе воскресное 9-е, Іоан. 20, 19—31.
На Литургіи: Апост. 1 Кор. 3, 2—16. Еванг. Матѳ. 14, 22—24.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ГРИГОРІЯ НИССКАГО

О Маккавеяхъ.

Страданія и мученическая кончина Маккавеевъ (умерщвленныхъ по повелѣнію Царя Антіоха, за твердое исповѣданіе вѣры отцевъ своихъ) составляютъ подвигъ выше и величественнѣе обѣта Іефѳаева. Здѣсь желаніе побѣды, въ которой всѣ сомнѣвались, было причиною пламеннаго обѣта; а тамъ жертва принесена была по свободному произволенію и основывалась на чаяніи будущаго мздовоздаянія. Подвигъ Маккавеевъ не ниже чуда бывшаго съ Даніиломъ, когда онъ былъ брошенъ львамъ на съѣденіе и смирилъ ихъ однимъ протяженіемъ рукъ своихъ; не уступаетъ даже неустрашимости плѣнныхъ отроковъ въ Ассиріи, которыхъ Ангелъ прохлаждалъ въ пещи, когда они были брошены туда за то, что не хотѣли нарушить законовъ отеческихъ и принять яствы идоложертвенныя. Жертва Маккавеевъ заслуживаетъ не меньшую похвалу и славу, какъ и страданія самихъ Христіанъ, которые были мучимы и умерщвляемы послѣ пришествія Іисуса Христа, за вѣру въ Него. Христіане слѣдовали уже примѣру Іисуса Христа, и въ самомъ Богѣ, принесшемъ великую жертву ради нашего спасенія, видѣли Вождя къ собственнымъ страданіямъ; а Маккавеи не имѣли еще такихъ примѣровъ самоотверженія; не имѣли даже многихъ примѣровъ меньшаго достоинства. Ихъ мужеству и твердости изумлялась не только Іудея, но и самъ Антіохъ не могъ не удивляться и перешелъ отъ звѣрства къ благоговѣнію.— Такъ, сами враги не могутъ не дивиться подвигамъ людей мужественныхъ, если только перестаютъ дѣйствовать въ нихъ страсти, и предметъ разсматривается безъ всякаго предубѣжденія.— Не достигши своей цѣли, онъ отошелъ, одобряя отца своего, который почтилъ нѣкогда народъ Іудейскій большимъ уваженіемъ, и храмъ надѣлилъ великими дарами, и порицая Симона, который побудилъ его рѣшиться на это дѣло и былъ виновникомъ его безчеловѣчія и жестокости.— Да подражаютъ же симъ подвижникамъ и священнослужители и матери и дѣти. Да подражаютъ Священнослужители, въ прославленіе Елеазара— духовнаго отца, который вразум-

лялъ и училъ не только словомъ, но, что гораздо выше, самымъ дѣломъ. Да послѣдуютъ этому примѣру матери, во славу доблественной матери (Мучениковъ), представляя опыты истинной любви матерней къ дѣтямъ, дабы подобнымъ родомъ жертвы освятилось супружество. Да подражаютъ и дѣти, почитая святыхъ Отроковъ, провождая свою юность не въ постыдныхъ дѣлахъ, а въ борьбѣ противъ страстей, сражаясь неусыпно со всегдашнимъ нашимъ Антіохомъ, который вноситъ войну во всѣ наши члены и преслѣдуетъ насъ разными способами. Я желалъ бы имѣть подвижниковъ во всякую пору жизни и во всякомъ родѣ,— которые были бы неутомимы и въ открытой брани, и въ тайныхъ бореніяхъ со врагомъ. Я желалъ бы, чтобы поучались какъ древними такъ и новыми примѣрами, и, по подобію пчелъ, собирали все, что полезно для составленія чего нибудь прекраснаго цѣлаго, дабы такимъ образомъ прославился въ насъ вѣчнымъ и новымъ завѣтомъ Богъ, который прославляется въ Сынѣ и святомъ Духѣ; который познаетъ и исповѣдуетъ познающихъ Его и исповѣдующихъ, и прославляетъ прославляющихъ Его во Христѣ, коему слава во вѣки (*).

(*) Tom. I. oratio 22 pag. 407 и 408. ed. Antwerpiæ.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ ОСЬМУЮ-НАДЕСЯТЬ, СКАЗАННОЕ ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ПАСТВЫ, ВЪ КАДНИКОВСКОМЪ СОБОРѢ (*).

Наставниче, обнощь всю труждшеся, ничесоже яхомъ. Лук. 5, 6.

Какъ жалко, братіе, слышать сію жалобу изъ устъ бѣдныхъ всенощныхъ тружениковъ! Но для чего она столько вѣковъ повторяется въ Евангеліи? Для того ли, чтобы возбудить въ насъ состраданіе къ Апостоламъ? Но, что нужды въ рыбахъ тѣмъ, кои уловили потомъ своими мрежами всю вселенную? Что нужды въ сожалѣніи нашемъ тѣмъ, кои всѣ давно увѣнчаны славою небесною и сто кратъ, можетъ быть, скорбятъ и сѣтуютъ о насъ, что мы такъ равнодушны къ достиженію сей славы, и намъ предназначенной? Если Евангеліе доселѣ повѣствуетъ о безуспѣшной ловитвѣ рыбъ; то потому, что въ лицѣ рыбарей— Апостоловъ, въ семъ случаѣ, изображены всѣ мы— съ нашими дѣлами и занятіями. Посему я не нахожу предмета болѣе назидательнаго для собесѣдованія съ вами, какъ приложить сію Апостольскую ловитву рыбъ къ нашей жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, братіе мои, что всѣ мы въ жизни сей, какъ не разнообразные труженики надъ счастіемъ, какъ не ловцы на морѣ житейскихъ попеченій? У каждаго есть свои мрежи, своя ловитва, свои успѣхи и свои неудачи, свои виды и свои цѣли. И такъ позвольте при настоящемъ случаѣ вопросить васъ, какова сія ло-

(*) Преосв. Иннокентіемъ, Еписк. Харьк. и Ахт.

вития? Что пріобрѣтено доселѣ каждымъ изъ васъ? Достигнута ли цѣль? Удовлетворено ли желаніе? Довольны ли вы?

Ахъ, какъ намъ быть довольными, воскликнутъ многіе внутренно, когда и мы, подобно Апосполамъ, *обнощь всю труждшеся, ничесоже ятохомъ?* Чѣмъ не жертвовали мы для достиженія, такъ называемаго, счастія жизни, какихъ средствъ не употребляли, гдѣ и въ чемъ не искали его?— И все напрасно; время ушло, силы истощились, волосы наши убѣлены, руки и умъ ослабѣли, далеко уже за полночь жизни, скоро можетъ быть, разсвѣтъ,— а мрежи наши пусты; мы едва покрываемъ наготу свою, едва имѣемъ хлѣбъ насущный. *Наставниче, обнощь всю труждшеся, ничесоже ятохомъ!*

Сострадаемъ вамъ, бѣдные и неудачные труженики; но не можемъ похвалить васъ, если вы предаетесь ропоту на Провидѣніе. Бѣдность тягостна; но кто знаетъ— къ чему бы привели васъ богатство и роскошь? Всего вѣроятнѣе, что и съ вами случилось бы тоже самое, что большею частію бываетъ съ счастливцами міра; вы забыли бы Бога и совѣсть, предались бы забавамъ и страстямъ нечистымъ, очернили бы душу и жизнь дѣлами неподобными. Чтожъ удивительнаго, если благость Божія, провидя все сіе за васъ, поставила тайно препятствія на пути вашемъ и не дала достигнуть цѣли? спасла васъ такимъ образомъ отъ вашей же душевной погибели? Вмѣсто ропота на невыгоды своего состоянія, лучше воспользуйтесь его преимуществами, кои весьма велики и немаловажны. Какія это преимущества? То, что вы не опутаны подобно счастливцамъ міра со главы до ногъ узами пристрастій мірскихъ; и потому сто кратъ свободнѣе ихъ въ избраніи новыхъ предметовъ любви и дѣятельности вашей; то, что ваше сердце и вкусъ духовный не испорчены ядовитою сладостію чувственныхъ грѣховныхъ удовольствій; и потому вы скорѣе можете полюбить блага духовныя, благодушнѣе перенести труды и подвиги жизни Христіанской. Міръ не благопріятствуетъ вамъ, бѣжитъ отъ васъ: что же? Бросьте и вы любовь къ нему, и обратите вашу душу и сердце всецѣло къ Богу. Міръ дорого продаетъ свои блага и милости; а Евангеліе предлагаетъ всѣ сокровища свои туне: берите сколько угодно и обогащайте ими душу свою. Когда совѣсть ваша будетъ чиста, сердце умирено благодатію Божіею, насыщено предвкушеніемъ блаженства вѣчнаго: то всѣ блага міра, кои теперь такъ вамъ кажутся прелестны, потеряютъ для васъ цѣну, вы полюбите самую нищету свою; ибо она дѣлаетъ васъ свободными отъ міра и приближаетъ къ Богу.

Другіе изъ васъ, брат., могутъ, безъ сомнѣнія, на вышепредложенный вопросъ сказать совершенно противное, могутъ указать на обильную, по видимому, ловитву, на титулы и знаки отличія, ими пріобрѣтенные, на кучи металла, лежащія въ сундукахъ ихъ, на домы, ими воздвигнутые, на виноградны, ими насажденные, на множество друзей пріобрѣтенныхъ, на множество враговъ низложенныхъ, на множество предпріятій совершенныхъ.

Привѣтствуемъ васъ, бр., съ сими успѣхами! Но позвольте еще вопросить васъ: для чего вы старались

пріобрѣтать то, что пріобрѣтено вами? Для чего достигали почестей и отличій, собирали сокровища, трудились и работали, сражались и побѣждали? Уже ли для того только, чтобъ сказать: я сдѣлалъ то или другое? Безъ сомнѣнія, вы имѣли цѣль дальнѣйшую— ту чтобы доставить душѣ вашей покой и довольство, чтобы насытить свое сердце?— И такъ достигли ли, при всѣхъ вашихъ средствахъ, сей послѣдней цѣли?— Есть ли внутрь васъ постоянный миръ и постоянная радость? Престало ль сердце ваше алкать и жаждать? Умеръ ли червь недовольства и скуки, грызущій обыкновенно сердце человѣческое?—

Ахъ, если, такъ называемые, счастливцы міра захотятъ быть внимательны къ состоянію души своей, и сказать то, что происходитъ внутрь ихъ, что они чувствуютъ и терпятъ; то и имъ едвали не придется повторить жалобу Апостоловъ: *обнощь всю труждшеся, ничесоже яхомъ!* Насъ называютъ счастливыми, и мы сами себя принуждаемъ вѣрить тому; но, увы, это счастіе только вокругъ насъ; въ насъ самихъ нѣтъ его. При всей нашей высотѣ надъ собратіями нашими, и при всѣхъ почестяхъ и отличіяхъ, когда заглянешь внутрь себя, то видишь себя въ какой то мрачной безднѣ, съ ужасомъ отвращаешь взоръ отъ того рабства міру, въ коемъ находишься, отъ тѣхъ безчисленныхъ принужденій и низостей, къ коимъ прибѣгать надобно было для достиженія внѣшняго величія и даже до нынѣ прибѣгать надобно для поддержанія его. Мы пріобрѣли богатство и оно дано намъ въ средство къ удовлетворенію нуждъ тѣлесныхъ; но за то принесло съ собою множество горькихъ заботъ душевныхъ. Дни наши также мрачны, ночи тяжелы, сонъ безпокоенъ и нерѣдко бѣжитъ отъ насъ— огорченій, печалей, недуговъ тьма!— Въ чувственныхъ удовольствіяхъ нѣтъ недостатка; но они давно перестали услаждать насъ: чувства полны, а сердце пусто, душа ноетъ, совѣсть преслѣдуетъ, и мы нерѣдко принуждены завидовать мирной долѣ послѣдняго бѣдняка. Будущее каждый часъ болѣе страшитъ, нежели радуетъ. Не разсыплется ли собранное нами? Не возвѣетъ ли противный вѣтръ, не опрокинетъ ли храмины счастія? Ахъ, міръ такъ лукавъ и измѣнчивъ, обстоятельства такъ шатки и сомнительны, связи такъ непрочны, что никто не можетъ поручиться за одинъ слѣдующій день. И что будетъ тогда съ нами и нашими семействами, привыкшими къ нѣгѣ и роскоши?— А когда подумаемъ еще о послѣднемъ часѣ жизни,— а онъ видимо приближается;— то трепетъ обьемлетъ сердце; когда вспомнишь о томъ, что взять съ собою въ вѣчность, съ чѣмъ явиться на судъ; то съ горестію видишь, что для неба еще ничего не приготовлено, что все пріобрѣтенное принадлежитъ землѣ и тлѣнію, и должно оставить насъ, и если бы только оставило! А, что если пойдетъ за нами, и будетъ тамъ свидѣтельствовать противу насъ— о тѣхъ неправдахъ, коихъ стоило пріобрѣтеніе, о тѣхъ соблазнахъ, коими сопровождалось употребленіе, о тѣхъ грѣхахъ, коимъ оно служило поводомъ и орудіемъ? Такія мысли не даютъ покоя, преслѣдуютъ тайно день и нощь, томятъ душу, изъѣдаютъ сердце, заставляютъ и насъ сказать: *обнощь всю*

труждшеся, ничесоже ѧхомъ! Всю жизнь провели, по видимому, въ счастіи; а истиннаго счастія недостигли, недостигли!..

Что сказать вамъ, брат., на ваши жалобы? Какой совѣтъ преподать? Поощрять ли къ новымъ трудамъ и усиліямъ на поприщѣ земнаго счастія? Обѣщать ли вамъ того въ будущемъ, чего вы не нашли въ прошедшемъ и не находите въ настоящемъ? Но это значило бы обманывать и себя и васъ. Нѣтъ, брат. мои, какъ ни прискорбно, можетъ быть, для нѣкоторыхъ изъ васъ будетъ услышать истину; но мы должны возвѣстить ее въ слухъ всѣхъ. Доколѣ останетесь вы на пути міра, въ рабствѣ плоти и чувствамъ; дотолѣ никогда не достигнете истиннаго счастія. Міръ не можетъ дать, чего самъ не имѣетъ. Свидѣтель Соломонъ. Чего недоставало у него? Чего не могъ онъ сдѣлать, какъ царь и мудрецъ? и все дѣлалъ, и все испыталъ: чтоже нашелъ? Нашелъ, что въ нашемъ мірѣ все суета и крушеніе духа, все, кромѣ страха Божія и добродѣтели. Тоже будетъ и съ вами, если вы останетесь на томъ же пути, при тѣхъ же средствахъ къ счастію: испытавъ все, вы не найдете его ни въ чемъ; и на самомъ концѣ жизни принуждены будете сказать: *обнощь всю труждшеся, ничесоже ѧхомъ!*— Но какъ горька и вмѣстѣ безплодна будетъ тогда сія жалоба!

Чтоже спросите, должно дѣлать? Перемѣнить путь, цѣль и средства, посвятить себя Богу и вѣчности, начать трудиться для души и неба, устремиться къ подвигамъ Вѣры и добродѣтели. Это не значитъ того, чтобы оставить свое званіе, или остановить теченіе вашихъ дѣлъ житейскихъ. Нѣтъ, пусть они текутъ своимъ порядкомъ: каждый *въ немъ же званіи призванъ бысть, въ томъ да пребываетъ*. Но вы трудились доселѣ для земли и времени, во всемъ искали токмо своихъ выгодъ и своего удовольствія, во всѣхъ случаяхъ и отношеніяхъ водились самолюбіемъ; Богъ и вѣчность, совѣсть и душа были предметами второстепенными, можетъ быть, послѣдними. Да станетъ теперь все на свое мѣсто! Божественное, духовное, вѣчное да возметъ верхъ и господство надъ земнымъ и чувственнымъ; вмѣсто самолюбія да содѣлается источникомъ дѣйствій любовь къ Богу и ближнему; блага земныя да употребятся на дѣла благія, несчастія и скорби да преносятся въ смиреніи и преданности волѣ Божіей, приготовленіе къ смерти да займетъ главное мѣсто между всѣми попеченіями! Когда произойдетъ сія благотворная перемѣна съ вами; то мы, именемъ Господа, обѣщаемъ покой душамъ. Счастію земному не повредитъ это: напротивъ оно очистится, освятится и получитъ истинную цѣну для васъ. Самое несчастіе, если бы Господу угодно было послать его на васъ, потеряетъ горечь; ибо вы увидите въ немъ врачевство для исцѣленія отъ грѣховной проказы душъ вашихъ.

Вотъ нашъ совѣтъ, брат., совѣтъ всѣмъ и каждому! Другаго не можемъ дать; ибо другаго нѣтъ въ Евангеліи. Аминь.

РАЗГОВОРЪ МАТЕРИ СЪ СЫНОМЪ,

ВЪ ДЕНЬ КИРИКА И ІУЛИТТЫ, МЕЖДУ УТРЕНЕЮ И ЛИТУРГІЕЮ.

Мать. Времени до литургіи довольно: прочитай *страданіе св. мучениковъ Кирика и Іулитты*, которыхъ имена мы съ тобою носимъ.

(Сынъ читаетъ).

Мать. Разскажи теперь по своему, что ты прочиталъ, а я буду помогать тебѣ, а гдѣ нужно, сдѣлаю тебѣ наставленіе. И ты не скрывай отъ меня своихъ мыслей и чувствъ...

Сынъ. Но, маменька, страшно разсказывать! какія мученія! какіе безчеловѣчные люди!

М. Ничего, разскажи, не въ первый разъ намъ съ тобою читать и слушать описанія страшныхъ мученій... Вотъ, дитя мое, какіе мы съ тобою Христіане: мы боимся разсказывать о тѣхъ мученіяхъ, какія терпѣли Мученики безъ ропота, даже съ радостію, и не говорили: ,,страшно!"— Перекрестись и разскажи.

С. *(крестится и начинаетъ разсказывать)* Въ городѣ Иконіи, въ странѣ Ликаонской, была благородная жена, происходившая отъ царскаго племени, по вѣрѣ Христіанка, по имени Іулитта. Пробывъ не долгое время въ замужствѣ, и родивъ одного сына, названнаго въ св. крещеніи Кирикомъ, она овдовѣла...

М. Вотъ и я такъ же... какое сходство ея участи съ моею!.. О, если бы моя жизнь и вѣчная участь сколько нибудь походила на ея жизнь и вѣчную участь!... Но продолжай.

С. Въ то время воздвигнуто было страшное гоненіе безчеловѣчнымъ язычникомъ Діоклитіаномъ, и поставленный отъ него князь страны Ликаонской, звѣронравный Дометіанъ пришелъ въ Иконію и началъ мучить Христіанъ. Іулитта признала лучшимъ убѣжать, опасаясь не вынести предстоявшихъ мученій и слушая словъ Спасителя: *егда гонятъ вы во градѣ семъ, бѣгайте въ другій* (Матѳ. 10, 23.), оставивъ ради Христа все богатство, всѣхъ сродниковъ и рабовъ, кромѣ двухъ вѣрныхъ рабынь и трехлѣтняго младенца Кирика. Скрываясь подъ нищенскимъ рубищемъ, она пришла въ Селевкію, а потомъ въ Тарсъ Киликійскій, и жила тамъ между нищими. Нѣкто игемонъ Александръ, услышавъ объ ней, тотчасъ приказалъ схватить ее, а вѣрныя рабыни отбѣжали отъ нея и только издали слѣдовали за нею, наблюдая за ея страданіями и кончиною... Іулитта пришла предъ игемона, держа на рукахъ младенца Кирика. На вопросъ о происхожденіи и родѣ она съ дерзновеніемъ исповѣдала себя Христіанкою. Игемонъ разгнѣвался, велѣлъ отнять у нея младенца и бить ее суровыми жилами. Младенецъ Кирикъ, видя страданія своей матери, плакалъ и вырывался изъ нечестивыхъ рукъ,— ему хотѣлось быть съ матерію.. Игемонъ, увидѣвъ Кирика, взялъ его къ себѣ на руки, ушѣшалъ его, гладилъ по головѣ, ласкалъ и цѣловалъ... Маменька! какой страшный этотъ игемонъ! Сына ласкаетъ, а мать отдалъ на жестокія мученія.

М. Что же дѣлать, дитя мое! всякихъ людей на свѣтѣ много. Нынѣ нѣтъ мучителей, какъ въ древнія времена, но злые люди и нынѣ не любятъ доб-

рыхъ; мы должны молить Бога, чтобы ихъ было меньше и чтобы намъ не быть въ числѣ подобныхъ людей. Для этого— бѣги зла и не будешь золъ, не имѣй общенія съ злыми, и не уподобишься имъ.... А между тѣмъ продолжай, что случилось съ Кирикомъ.

С. Сердце Кирика ощущало, кто ласкалъ его, и онъ вырывался изъ рукъ нечестиваго игемона, уклонялъ свою голову отъ ласкъ и лобзаній мучителя, терзавшаго мать его; смотря на нее, Кирикъ горько плакалъ, и кричалъ: „я Христіанинъ! пусти меня къ матери!“ И терзалъ руками лице игемона, вырываясь изъ рукъ его. Игемонъ въ ярости ударилъ Кирика о полъ и толкнулъ его ногою въ бокъ: бѣдный младенецъ упалъ съ высокаго сѣдалища игемонова внизъ по каменнымъ ступенямъ; весь избился и изранился, обливъ кровію то мѣсто,— и предалъ свою непорочную душу въ руцѣ Божіи..... Позвольте, маменька, остановиться.— За что игемонъ убилъ трехлѣтняго младенца? Пусть Кирикъ исповѣдалъ себя Христіаниномъ: но вѣдь онъ невинный и слабый младенецъ? кому онъ что сдѣлалъ? —

М. Я уже не разъ тебѣ говорила, что въ первыя времена Христіанства діаволъ всячески хотѣлъ истребить, или покрайней мѣрѣ ослабить святую вѣру Христову, и сначала отклонялъ отъ Христа Его послѣдователей страхомъ мученій: злые люди, слѣпые по уму, развращенные по сердцу, нечестивые по жизни, помогали діаволу, сами не зная того... Люди, по внушенію діавола, распяли Господа, а потомъ гнали всѣхъ Его послѣдователей..

С. Но пусть— человѣкъ пожилой и старый можетъ быть опасенъ, а младенецъ чѣмъ опасенъ для злыхъ?

М. Я уже сказала тебѣ, что злоба не разбираетъ и истребляетъ все противное.

С. Но мнѣ всегда становится грустно, когда слышу или вижу, что умираетъ младенецъ или дитя... Я прожилъ болѣе десяти лѣтъ, а мнѣ сильно хочется жить,— я какъ будто только начинаю жить...

М. Не скорби, а лучше припомни слова Премудраго: *восхищенъ бысть, да не злоба измѣнитъ разума его, или лесть прельститъ душу его* (Прем. 4, 11); припомни и все, написанное въ третьей и четвертой главѣ книги Премудрости. Не забудь и словъ Спасителя: *оставите дѣтей приходити ко Мнѣ, и небраните имъ: таковыхъ бо есть царствіе Божіе* (Лук. 18, 16). А лишь бы удостоиться царствія небеснаго: все прочее для души нашей не нужно; умрешь— все останется на землѣ, съ собою не возмешь ничего. Дѣтямъ лучше умирать, нежели взрослымъ; имъ всегда двери царствія небеснаго отверзты: тяжелѣе матерямъ разставаться съ ними, но и всякая мать можетъ найти утѣшеніе въ вѣрѣ Христовой, какъ нашла св. Іулитта.... Продолжай разсказывать, и увидишь еще болѣе справедливость моихъ словъ.

С. Послѣ кончины святаго младенца Кирика, долго и жестоко били святую Іулитту, а она какбы не чувствовала болѣзни и только взывала: „я Христіанка! не принесу жертвы бѣсамъ!“— Когда же перестали бить, и она увидѣла своего сына мертвымъ и облитымъ кровію: то такими словами благо-

дарила Бога,— позвольте тутъ прочитать по книгѣ: „Благодарю тя, Господи, яко сподобилъ еси сына моего таковыя благодати Твоея, еже скончатися ему прежде мене мученически за имя Твое святое, и вѣнецъ неувядаемый въ славѣ Твоей пріяти.“

М. Видишь ли, какъ благодать Божія утѣшаетъ страждущую мать, привзглядѣ на скончавшагося сына, такъ что мать благодаритъ Бога за блаженную кончину его; тѣмъ отраднѣе и веселѣе было тогда святому Кирику, среди блаженныхъ Ангеловъ и Угодниковъ Божіихъ, и онъ ожидалъ только матери къ себѣ въ царство небесное. Помни же, что тамъ хорошо, гдѣ съ нами благодать Божія... Разсказывай далѣе, и увидишь самъ, что, при благодати Божіей, и смерть не страшна, и временная жизнь не дорога...

С. Долго еще мучили св. Іулитту и убѣждали поклониться идоламъ, а она пребыла твердою въ вѣрѣ Христовой, и только желала сподобиться царствія небеснаго вмѣстѣ съ сыномъ своимъ. Наконецъ Игемонъ осудилъ ее на мечное посѣченіе. Предъ кончиною она такъ молилась (*читаетъ по книгѣ*): „Благодарю тя, Господи Боже мой, Іисусе Христе, яко призвалъ еси сына моего прежде мене, сподобивый того пострадати за имя Твое святое и страшное, и далъ еси ему, оставившу суетное житіе, вѣчную жизнь со святыми, пріими убо и мене недостойную рабу твою, и сподоби мя получити благодать предъ Тобою, да причтена буду къ мудрымъ дѣвамъ, вшедшимъ въ чертогъ Твой нетлѣнный, яко да благословитъ Тя духъ мой Создателя своего, и твоего безначальнаго Отца, и соприсносущнаго св. Духа во вѣки, аминь.“— Приговоръ игемона исполненъ;— тѣло ея было брошено въ полѣ на снѣденіе звѣрямъ, останки Кирика брошены тамъ же при тѣлѣ матери. Рабыни ночью взяли тѣла ихъ и погребли въ отдаленномъ мѣстѣ, и одна изъ нихъ дожила до временъ Константина великаго, когда открыты были ихъ мощи, произведшія множество чудесныхъ знаменій..—

М. Видишь ли, какъ хорошо праведной душѣ отходить ко Господу и какъ должна быть велика награда безтрепетнымъ Мученикамъ. Намъ грѣшнымъ не удостоиться подобной награды, потому что не подвизаемся ради Господа сколько даже позволяютъ наши силы и средства;— а о такихъ страданіяхъ нечего намъ и думать!

С. А мнѣ кажется, явись теперь такой мучитель, поступи онъ такъ же съ моею матерью и со мною, какъ съ Іулиттою и Кирикомъ,— я тоже бы сдѣлалъ, что и Кирикъ...

М. Много ли значитъ пивое *кажется*, когда ты сей часъ же боялся разсказывать исторію страданій святыхъ Мучениковъ? Ты еще дитя, и разсуждаешь какъ дитя; на словахъ смѣлъ и быстръ, а на дѣлѣ— Богъ знаетъ каковъ будешь... Одинъ Богъ знаетъ, что мы съ тобою сдѣлали бы, еслибъ мы жили во времена мученическія; можетъ быть ты первый посмѣялся бы надъ Кирикомъ.—

С. О, сохрани Богъ! никогда, никогда!

М. Да сохранитъ тебя Богъ, дитя мое! Онъ одинъ и можетъ сохранить твою вѣру и невинность; на Него одно-

го и надѣйся, а на свои силы не опирайся. Мученичество точно великое дѣло, но оно есть вмѣстѣ великая милость Божія, не всякому даруемая, и не во всякое время. Многіе желали и искали вѣнца мученическаго въ древнія времена: но не угодно то было Господу. Иные сами вызывались на мученія; но за гордость отнялъ Господь свою благодать, и они отпали отъ Христа, къ вѣчной своей погибели. Намъ ли съ тобою и въ наши ли времена хвалиться мученическимъ мужествомъ?

С. Такъ, древнія времена были лучше, потому что тогда легко было получить неувядаемый вѣнецъ отъ Бога,— цѣлыя сотни въ одинъ день умирали за имя Христово...

М. Для желающихъ спастися всѣ времена хороши,— и вѣнцы райскіе ожидаютъ не однихъ Мучениковъ древнихъ, а всѣхъ скорбящихъ и труждающихся ради вѣчной жизни и за вѣру Христову. Всякому времени свои преимущества, но всѣ времена способствуютъ ко спасенію для желающихъ спастися. Нѣтъ недостатка и нынѣ въ крестахъ и скорбяхъ, которыми можно нѣсколько уподобиться древнимъ Мученикамъ, только не уклоняйся отъ нихъ и благодушно неси иго Христово. Помни правило: „живи и умирай, какъ Господу угодно, а не какъ тебѣ хочется.“— Угодно Ему, чтобы ты умеръ на крестѣ, въ темницѣ, изгнаніи? Умри съ радостію и благодари Бога. Или на одрѣ, среди домашняго мира и счастія? Умри спокойно, и славословя Бога, предай свою душу въ Его святыя руки. Когда нѣтъ прямаго указанія Промысла, не вызывайся на смерть, и ни на какіе чрезвычайные подвиги. Когда угодно Господу провести тебя чрезъ огонь и воду, попустить— истерзать все твое тѣло и пролить всю твою кровь: не отговаривайся, не отклоняйся, умри благословляя свою кончину. И въ продолженіе всей жизни у всякаго изъ насъ много скорбей, которыя дѣлаютъ всю нашу жизнь какбы мученическою;— имѣй только дерзновеніе, твердость, безстрашіе, самоотверженіе и любовь Мучениковъ. Иной, напримѣръ, живетъ по закону Божію, усерденъ ко храму, со всѣми ласковъ и общителенъ, а его называютъ лицемѣромъ и пустосвятомъ, осмѣиваютъ и соблазняютъ. Горько и больно ему? Если это перенесетъ,— вотъ подвигъ, подобный, хотя не равный, мученичеству. Такимъ подвигамъ нѣтъ числа, и наше дѣло принимать съ благодареніемъ все, исходящее изъ рукъ Отца небеснаго, ни на минуту не выходя изъ воли Его.

С. Благодарю васъ, маменька; буду помнить драгоцѣнныя ваши слова и стану молиться Господу, чтобы всегда была со мною Его святая воля, при жизни моей и при смерти. Помолитесь, чтобы Господь далъ мнѣ эту готовность; я желалъ бы все сдѣлать для своего Спасителя.

М. Будемъ, сынъ мой, молиться вмѣстѣ, а между тѣмъ нужно и самому, мало по малу, отвыкать отъ худыхъ привычекъ, отъ привязанности къ пустымъ вещамъ и забавамъ, полюбить сначала небольшія лишенія.... Не хотѣлось бы напоминать объ этомъ сегодня, но къ слову пришлось, и я напомню тебѣ нѣчто непріятное прошедшее.

С. Говорите, маменька, что вамъ угодно... Говорите, приказывайте, браните...

М. Нѣтъ, не браню тебя я хочу,— и за что браню тебя, дитя мое, особливо въ нынѣшній день? Я напомню только кое что для того, чтобы ты не загордился собою и не бралъ на себя дѣлъ выше силъ своихъ, а занялся бы усердно исправленіемъ себя и своихъ привычекъ, исполненіемъ своихъ обязанностей. Припомни: ты иногда много говоришь безъ толку и безъ пользы, и доселѣ еще не отвыкъ отъ этой привычки, хотя я неразъ замѣчала тебѣ. Выходишь изъ себя и сердишься при малѣйшемъ огорченіи, плачешь при легкой боли, не вдругъ разстаешься съ своими игрушками и играми, когда настаетъ время ученія или молитвы: гдѣ же быть тебѣ большимъ подвижникомъ, или вынести жестокія мученія, при такихъ слабостяхъ? Больше не напоминаю— довольно и того, что напомнила..... Нужно быть прежде добрымъ отрокомъ, потомъ благоговѣйнымъ юношею, а потомъ легко быть хорошимъ членомъ общества и семьянином, наконецъ и спокойно умереть; должно быть истиннымъ Христіаниномъ, всецѣло и во всемъ преданнымъ волѣ Божіей, и тогда можешь быть всѣмъ— даже мученикомъ и исповѣдникомъ, если то угодно будетъ Господу.

С. Слушаю, маменька, и постараюсь исполнить ваши наставленія, при помощи Божіей, а вы помолитесь за меня, чтобы благодать Божія не отступала отъ меня, и чтобы я сколько нибудь угодилъ Господу исполненіемъ Его святаго закона...

М. Господи, ты самъ вразуми и укрѣпи его! Соблюди его среди искушеній жизнейскихъ! Даруй ему свою всесильную благодать, какъ святому младенцу Кирику! Утверди и меня немощную въ вѣрѣ и любви Твоей, чтобы мнѣ самой не быть неключимою,— и чтобы я вмѣстѣ съ сыномъ, подобно св. Іулиттѣ съ Кирикомъ, сподобилась Твоего царствія небеснаго!— Пойдемъ, дитя мое, въ церковь, помолимся Господу Богу и Его св. Мученикамъ: уже благовѣстятъ.—

Кіевъ Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 23 Іюня 1845. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 18. НЕДѢЛЯ 10-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. Августа 8. 1843.

На Утрени: Евангеліе воскресное 10-е, Іоан. 21, 1—14.
На Литургіи: Апост. 1 Кор. 4, 9—10. Еванг. Матѳ. 17, 14—23.

Предпразднество Успенія Пресвятыя Богородицы.

Въ кимвалѣхъ возгласимъ, въ пѣснехъ воскликнемъ, праздникъ исходный предпразднующе, и надгровное пѣніе свѣтло возопіемъ: Мати бо Божія, кивотъ же всезлатый готовится нынѣ отъ земли къ вышнимъ прейти, къ паки живѣй божественнѣй преставляема свѣтлости.

Всяко земнородныхъ естество да ликуетъ: се бо Дѣва, Адамова дщи, къ небеси преставляется.

Всего божества была еси жилище: тѣмже Тя божество всю, Мати, до конца престави отъ земли, Богомати, къ небеси преходну.

Повѣду ИМПЕРАТОРУ нашему подаждь, усердно имущему честное Твое погребеніе, во утвержденіе присное, и почитающему паче память Твою царски, Богомати, враги покаряющи. (изъ служб. въ 14 день Августа).

ГОРА ѲАВОРЪ.

Востаните лѣнивіи, иже всегда долу поникшіи вѣ землю, души моея помыслы, возмитеся, возвыситеся на высоту божественнаго восхожденія, достигнемъ гору Ѳаворскую, да видимъ славу Бога нашего. Икос. празд. Преоб. Гос.

Библейское имя Ѳаворъ означаетъ гору свѣтлую, или потому, что вершина ея освѣщается солнцемъ прежде и послѣ всѣхъ ближайшихъ горъ, или потому, что съ высоты ея, на необозримое пространство открываются виды, даже за предѣлы обѣтованной земли. Но для насъ Христіанъ Ѳаворъ есть гора свѣтлая потому, что она озарилась свѣтомъ незаходимаго Солнца во время Преображенія Господа, потому что даже мысленное восхожденіе на гору, осіянную симъ свѣтомъ, производитъ въ душѣ свѣтлыя, отрадныя мысли: востаните убо лѣнивіи, иже всегда низу поникшіи въ землю души моея помыслы, возвыситеся на высоту божественнаго восхожденія, достигнемъ гору Ѳаворскую.

На востокъ не подалеку отъ Назарета, въ коемъ Искупитель нашъ пребылъ до вступленія въ дѣло нашего спасенія, на сѣверъ отъ Наина, гдѣ Онъ милосердый воскресилъ сына бѣдной вдовицы, на западъ отъ моря Геннисаретскаго, столько разъ ознаменованнаго

Его чудотвореніями, съ сѣверной оконечности обширной, цвѣтущей долины Эздрелонской возвышается, почти въ видѣ правильнаго конуса, гора; высота ея, по отвѣсной линіи, составляетъ до 500 саженъ, вершина въ окружности около трехъ верстъ. Вотъ священный Ѳаворъ, его мѣстность, видъ и высота!

Прославленная Преображеніемъ Господа, гора Ѳаворъ, по своему мѣстоположенію и великолѣпію, есть одна изъ самыхъ примѣчательныхъ горъ не только въ Палестинѣ, но на всемъ земномъ шарѣ. Въ гористой Палестинѣ всѣ горы идутъ непрерывными цѣпями; Ѳаворъ возвышается уединенно отъ всѣхъ прочихъ, стоитъ одиноко какъ бы для того, чтобы другія горы не раздѣляли съ Нимъ славы, предопредѣленной ему свыше. Крутыя и высокія горы вездѣ представляютъ сухія возвышенности, каменистыя скалы; но Ѳаворъ отъ подошвы до вершины покрытъ плодоносною почвою; ароматическія травы и цвѣты, пѣнистыя рощи и плодоносныя дерева, поляны, покрытыя пучными нивами,— вотъ великолѣпная риза, коею облекается священный Ѳаворъ и въ наше время, когда вся обѣтованная земля представляетъ видъ бѣдной, пустынной страны. Съ вершины Ѳавора открываются обширные, ни съ чѣмъ несравнимые виды во всѣ стороны: на сѣверъ огромнымъ шатромъ представляются снѣжныя вершины Антиливана, на югъ— вся прекрасная долина Эздрелонская, за нею возстаютъ разнообразныя вершины горъ Галилейскихъ, сливающихся съ грудами горъ Іудейскихъ; на западъ— пустынный Кармилъ— убѣжище грознаго ревнителя славы Божіей Пророка Иліи, и море средиземное; на востокъ— хребетъ береговыхъ горъ моря Геннисаретскаго и самое море.

Мѣстоположеніе и великолѣпіе Ѳавора дали ему извѣстность въ самой глубокой древности временъ ветхозавѣтныхъ; разныя произшествія, коихъ онъ былъ или памятникомъ, или поприщемъ, увѣковѣчили его знатность. Историческая его извѣстность начинается почти вмѣстѣ съ Исторіею народа Божія, именно со времени преселенія Израиля изъ Египта въ землю обѣтованную. Преемникъ боговидца Моисея Іисусъ Навинъ, исполняя грозную волю Господню о истребленіи потомства злополучнаго сына Хамова, шелъ съ побѣдоноснымъ воинствомъ мимо Ѳавора; у подошвы его располагалъ свой станъ, съ вершины горы, вѣроятно, обозрѣвалъ города и веси, которыя предавалъ Господь въ руки Его. При раздѣлѣ завоеванной земли, Ѳаворъ назначается предѣломъ племенъ Завулонова и Иссахарова. Когда предалъ Господь Израиля за нарушеніе Завѣта въ руки враговъ, и скорби порабощенія обратили грѣшниковъ къ покаянію, Ѳаворъ озарился славою милости и спасенія свыше: на скатѣ его къ долинѣ Эздрелонской и нынѣ есть селеніе, носящее имя Пророчицы Девворы;— это завѣтный памятникъ того, что на семъ мѣстѣ священнаго Ѳавора воздвигъ Господь спасительницу Израиля. На Ѳаворъ богодухновенная жена призвала Варака съ 10000 воиновъ, сказавъ, что она предаетъ ему враждебнаго военачальника царя Ассорскаго Сисару.— Въ виду отъ мѣста жительства Пророчицы произошло сраженіе у Варака съ Сисарою, совершилась предсказанная побѣда, послѣ которой вдохновенная Девворa воспѣла тор-

жественный гимнъ Всемогущему Помощнику и Покровителю.

Но эти и другія событія были только предображеніемъ той славы, коей удостоилъ Господь нашъ священный Ѳаворъ, избравъ его мѣстомъ для своего славнаго Преображенія. Повѣствуя о семъ событіи, Евангелисты не именуютъ Ѳавора, а говорятъ только о горѣ высокой (Матѳ. 17, 1. Мар. 9. 2.), или просто о горѣ (Лук. 9, 28.), и это какъ бы потому что и безъ наименованія Ѳавора, само собою понятно его преимущество; что только высокой и уединенной горѣ *Ѳаворѣ* прилично было представить собою престолъ Господу для таинственной Его бесѣды съ Отцемъ небеснымъ, только горѣ свѣтлой прилично было озариться тѣмъ свѣтомъ, который возблисталъ въ минуты славнаго Преображенія: *Ѳаворъ и Эрмонъ о имени Твоемъ возрадуются* (Псал. 72. 15.), воскликалъ вѣнчанный Пророкъ, провидя славное назначеніе Ѳавора. Самовидцы велелѣпной славы— Петръ, Іаковъ и Іоаннъ, по страданіи и воскресеніи Господа, первые возвѣстили о предъизобразительной славѣ Его на Ѳаворѣ; по указанію свидѣтельства ихъ, Христіане первенствующіе назвали Ѳаворъ горою Преображенія; святый Кириллъ и блаженный Іеронимъ нашли преданіе сіе общеизвѣстнымъ. Равноапостольная Императрица Елена украсила Ѳаворъ боголѣпнымъ памятникомъ, соорудила на вершинѣ его храмъ о трехъ престолахъ, согласно словамъ Евангельскимъ: *Господи, добро есть намъ здѣ быти; аще хощеши, сотворимъ три сѣни, тебѣ едину, и Моисеови едину и едину Иліи* (Матѳ. 17, 4). Въ 8-мъ вѣкѣ существовалъ здѣсь монастырь, но до нашихъ временъ изъ всей святыни Ѳаворской благоговѣніе Христіанъ хранитъ остатки храма, воздвигнутаго св. Еленою; подъ нижними сводами его долгое время Греческій Епископъ Птолемаиды, ежегодно въ праздникъ Преображенія Господня, совершалъ Литургію; нынѣ только Римско-Католическіе иноки Ѳозарезскіе служатъ Литургію также въ день Преображенія Господня, при безчисленномъ стеченіи Христіанъ, желающихъ срѣтить свѣтлый праздникъ на самомъ мѣстѣ его событія.

Свидѣтелями Преображенія Господа были только три Апостола, но гору Преображенія посѣщаютъ многіе; и путь горѣ, куда Единородный отъ Отца возшелъ принять честь и славу— сей путь открытъ и уравненъ для всѣхъ насъ. Неописанное блаженство, которое ощущали Апостолы на Ѳаворѣ только нѣсколько мгновеній, тамъ ожидаетъ всѣхъ насъ на всю безконечную вѣчность. Чтобы продлить свое блаженство, они желали трехъ сѣней, и не получили отъ Господа отвѣта; а намъ самъ Онъ сказалъ: иду уготовати вамъ мѣсто; у Отца моего обители многи;— гдѣ Я, тамъ и слуга мой будетъ. *Востаните убо лѣнивіи, иже всегда долу поникшіи вѣ землю, души моея помыслы, возмитеся, возвыситеся на высоту божественнаго восхожденія,— возшедше на гору святую пренебесную, невещественно станемъ во градѣ живаго Бога, и узримъ мысленно божество невещественное. Привлекъ еси любовію мя, Спасе, и премѣнилъ еси божественнымъ Твоимъ желаніемъ: но попали огнемъ невещественнымъ грѣхи моя, и насытитися Твоея пищи сподоби, да обое, играя, величаю бліже величія Твоя* (Кан. праз. 9-я пѣсн.).

Гробница пресвятыя Дѣвы Богоматери.

Друзи и ученицы моего Сына и Бога— вѣщала преблагословенная Дѣва Апостоламъ предъ своимъ успеніемъ— *не сѣтованіе содѣловайте моея радости: но мое тѣло, якоже Азъ украшу на одрѣ, погребите* (Пролог. Авг. 15. дн).

Почему *на одрѣ*, а не въ гробѣ? Потому что у Евреевъ не было общаго обычая строить гробы, подобные нашимъ. Тѣло покойника, обыкновенно, пеленали какъ тѣло дитяти, завертывая оное въ плащаницу или синдонъ, и перевязывая повивальниками, а голову покрывая платкомъ (Іоан. 11, 44); умащали ароматами, особенно смирною и алоэ, вывозимыми изъ Аравіи; умащенное и повитое возлагали *на одрѣ* или погребальныя носилки, и несли за городъ, за село, вообще за жилыя мѣста на кладбище. Кладбища у Евреевъ были двухъ родовъ: однѣ общія, и назывались *гробами сыновъ людскихъ* (4 Цар. 23, 6. Іерем. 26, 23); другія частныя, принадлежавшія знаменитымъ фамиліямъ (Быт. 23, 4— 20. 50, 13. суд. 8, 32. 16, 31. 2 цар. 2, 32. Іоан. 19, 38— 41). Простой народъ хоронилъ своихъ покойниковъ на общихъ кладбищахъ, въ обыкновенныхъ могилахъ; у людей знатныхъ были родовые крипты, кои въ св. Писаніи называются то пещерою, то гробомъ вообще. Такъ *Авраамъ* похоронилъ Сарру жену свою *въ пещерѣ* сельнѣй (Быт. 23, 19). Такъ и патріархъ Іаковъ погребенъ въ той же пещерѣ. О Гедеонѣ сказано, что онъ погребенъ во *гробѣ* Іоаса отца своего (Суд. 8, 32); Сампсонъ, Асаилъ и другіе равнымъ образомъ погребены во *гробахъ* отцевъ своихъ (Суд. 16, 31. 2. Цар. 2, 32). Сіи гробы, или погребальныя пещеры иногда ископывались въ землѣ, иногда высѣкались изъ камней, при подошвахъ и на уступахъ горъ, смотря по мѣстности. Спускались въ пещеру по ступенямъ, какъ это видимъ въ нашихъ святыхъ пещерахъ Кіевской Лавры; за сходами комната или опочивальня; такихъ опочивалень въ одной пещерѣ бывало отъ двухъ до семи. Въ стѣнахъ опочивалень дѣлались ниши, или углубленія, на подобіе ложа, и на сихъ ложахъ полагались тѣла покойниковъ. Когда первая опочивальня наполнялась тѣлами: тогда Еврей углублялся далѣе, и строилъ новое покоище себѣ и будущимъ покойникамъ своего рода. Входъ въ погребальную пещеру иногда запворялся каменною дверью, иногда заслонялся камнемъ.

Всечестное тѣло пресвятыя Дѣвы Богоматери было погребено Апостолами не на общемъ кладбищѣ и не въ обыкновенной могилѣ, а въ особой пещерѣ, принадлежавшей Ея святой фамиліи. Сія богопріемная пещера существуетъ донынѣ; многіе великіе и славные города пали, многіе народы измѣнились, со времени блаженнаго успенія пренепорочной Матери Господа: а смиренный вертепъ, на краткое время пріявшій всечестное тѣло Владычицы нашей, доселѣ хранится промысломъ Божіимъ, и благоговѣйно посѣщается благочестивыми поклонниками. Вотъ какъ описалъ святую пещеру, и находящуюся въ ней гробницу Богоматери, нашъ благочестивый путешественникъ Василій Григоровичъ— Барскій, видѣвшій ее въ 1726 году.

„— Снидохомъ къ Геѳсиманіи, яже

стоитъ при потоцѣ Кедрскомъ, идѣже иногда весь бяше, яко же чтется въ Писаніи божественномъ, и людіе жительствоваху въ ней; нынѣ же токмо сады обрѣтаются, и *гробъ Матере Божія* стоящь въ землѣ глубоко въ церкви, отъ нея же зданія внѣ ничтоже зрится, токмо входъ, имущь внизъ степеней пятьдесятъ, идѣже посреди степеней отъ обою страну суть гробы св. Іоакима и Анны; посреди же олтаря есть каплица каменна, въ ней же внутрь гробъ Матери Божіей; каплица же и гробъ отъ мрамора бѣла составлена, идѣже висятъ 18 кандиловъ стекляныхъ: Греческихъ 6, Римскихъ 4, Арменскихъ 4, два же кандила Коптовъ, и два Сиріановъ. Церковь оная въ подобіе пещеры, есть созданна въ земли, отъ благочестивыя Царицы Елены; расположенна же есть крестообразно, и есть въ долготу и широту довольна; престолы въ ней къ литургисанію различныя секты имутъ. Греки же на начальномъ престолѣ служатъ Литургію, и то не всегда, токмо въ нѣкіе праздники и воскресные дни. Церковь же та, или паче рещи пещера, стоитъ пуста; егда же литургисаютъ, тогда отъ града иноки приносятъ вся съ собою облаченія и сосуды церковные“ (а).

Барскій подходилъ къ погребальной пещерѣ, спустившись съ горы Елеонской, и возвращаясь въ Іерусалимъ; напротивъ другой благочестивый поклонникъ нашъ, еще не давно— въ 1835 году— посѣщавшій св. мѣста Палестинскія, шелъ къ ней изъ Іерусалима черезъ ворота Геѳсиманскія, или Овчія. Это тѣ самыя врата, коими пресвятая Дѣва, еще при жизни своей, по вознесеніи Господа, весьма часто выходила изъ города на гору Елеонскую молиться, и чрезъ которыя, по успеніи, святое тѣло Ея несено было Апостолами въ погребальную пещеру; почему Арабы и называютъ ихъ вратами святой Маріи. Въ извѣстномъ разстояніи отъ сихъ вратъ идетъ обрывистый спускъ въ долину Іосафатову, на которой, вправо, общее кладбище Іудеевъ. За долиною Іосафатовою возвышается гора Елеонская, и у самой подошвы сей горы— входъ въ погребальный вертепъ Пресвятыя Дѣвы.

„— Когда предъ нами,— говоритъ благочестивый путешественникъ,— раскрылись двери вертепа, я былъ пораженъ его живописностію.— Милосердія двери отверзи намъ, благословенная Богородице!— Отъ самаго входа, крутой спускъ, болѣе нежели по пятидесяти мраморнымъ ступенямъ, ведетъ, подъ сводомъ широкой галлереи, въ таинственный мракъ земныхъ нѣдръ; свѣтъ дневной сбѣгаетъ туда дымною аромативческою полосою, которая образована непрестанно развѣваемымъ изъ кадилъ ладаномъ,— и соединяется на самой глубинѣ съ мерцающимъ свѣтомъ лампадъ.

„— Сойдя ступеней на пятнадцать, показываютъ въ одномъ углубленіи на право, двѣ гробницы; въ ней опочили святые и праведные родители пресвятой Дѣвы, Іоакимъ и Анна. Съ противной стороны, въ такомъ же углубленіи, видна гробница святаго обручника Матери Спасителя.

„— Тотчасъ при окончаніи спуска, поворотя на право, открывается картина священно— изящная: по всему своду обширной галлереи блистаютъ

(а) Пѣшехода Василія Барск. путешесш. ко св. мѣстамъ Час. I. стр. 197.

гирлянды зажженныхъ лампадъ, золотыхъ и серебряныхъ, перепутанныхъ во всѣ стороны. Меркающій свѣтъ ихъ не побѣждаетъ подземнаго мрака, а производитъ тотъ же видъ, какой представляютъ звѣзды на темномъ покровѣ неба. Посреди галлереи,— изъ отдѣльной каменной пещеры, выходятъ сквозь узкую дверь яркіе лучи свѣта:— тамъ гробница Царицы Ангеловъ! Сія гробница, одѣтая бѣлымъ мраморомъ, углубляется въ стѣну: надъ нею горятъ безпрестанно болѣе двадцати драгоцѣнныхъ лампадъ. Наружность и внутренность гробовой пещеры ни чѣмъ не украшены, но природный камень прикрытъ только навѣшенными шелковыми пеканями. Самые Магометане, особенно женщины, приходятъ молиться пресвятой Дѣвѣ. *Отнынѣ ублажатъ мя вси роди* (Лук. I, 48)!

„— Погребальный вертепъ Матери Божіей находится во владѣніи Грековъ и Армянъ. Священная гробница есть жертвенникъ (престолъ), на которомъ совершается Литургія (б).“

Вотъ въ какомъ состояніи находится нынѣ погребальный вертепъ и гробница пресвятыя Дѣвы Богоматери! Счастливъ тотъ, кому удалось черпать духъ благочестія и упованіе жизни вѣчной въ такихъ мѣстахъ, гдѣ и памятники смерти служатъ живымъ доказательствомъ безсмертія и воскресенія тѣла нашего.— Не многіе, и весьма не многіе могутъ наслаждаться симъ святымъ счастіемъ: впрочемъ у насъ, въ нашемъ православномъ отечествѣ есть другое, можно сказать, свое домашнее утѣшеніе благодатное, ниспосланное намъ отъ Богоблагодатной. Это—святыя чудотворныя Иконы, изображающія Успеніе преблагословенной Владычицы нашей: древнѣйшая изъ нихъ есть икона, обитающая въ большомъ храмѣ Св. Кіевопечерской Лавры.—

(б) См. путешествіе по св. землѣ въ 1835 году, Авр. Норова, Час. I. стр. 225— 233. СП. Бургъ 1838 года.

СЛОВО

ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ПАСТВЫ, СКАЗАННОЕ ВЪ Устюжскомъ Успенскомъ Соборѣ (*).

Прежде всего благодарю Господа, что даровалъ мнѣ быть въ вашемъ богоспасаемомъ градѣ и поклониться святымощамъ угодниковъ Божіихъ, въ немъ почивающихъ! Благодарю Господа, что сподобилъ меня воздѣть молитвенно къ Нему слабыя руки мои на томъ мѣстѣ, гдѣ воздѣвали ихъ святолѣпно преподобный Прокопій и Іоаннъ, Корнилій и Леонтій! Не малое преимущество, брат., жить въ такомъ градѣ, у подножія святыхъ Божіихъ! Кто бы напр. отвратилъ ужасную каменную тучу, висѣвшую нѣкогда надъ градомъ симъ, если бы въ немъ не было тогда св. Прокопія? Безъ сомнѣнія, и по успеніи своемъ св. угодники не оставляютъ особеннымъ заступленіемъ своимъ тѣ мѣста, гдѣ почиваютъ нетлѣнными останками своими, и живущіе на сихъ мѣстахъ имѣютъ добрый залогъ упованія во всякой скорби и обстояніи.

Но, брат. мои, видимая близость къ намъ св. угодниковъ Божіихъ, толико полезная для насъ во всѣхъ отношеніяхъ, требуетъ и отъ насъ особеннаго преспѣянія въ вѣрѣ и добродѣ-

(*) Преосвящен. Иннокентіемъ Еписк. Харьк. и Ахт.

телях Христіанскихъ. Иначе мы подвергнемся гораздо большему осужденію, въ сравненіи съ другими, за нашу нечистоту и нерадѣніе, какъ имѣвшіе предъ собою особенный примѣръ благочестія, особенное побужденіе быть истинными Христіанами.

И такъ, позвольте мнѣ, по долгу Пастыря Церкви, войти съ вами въ разсмотрѣніе духовнаго состоянія вашего и для сего предложить любви вашей нѣсколько вопросовъ.

И во первыхъ, храните ли вы въ цѣлости драгоцѣнный залогъ вѣры, преданный каждому изъ насъ при святомъ крещеніи? Памятуете ли, что всѣ мы, кто бы ни были, есмы существа падшія, кои бывъ созданы невинными, украшены образомъ Божіимъ, поставлены въ раи сладости, предназначены къ безсмертію и блаженству вѣчному, не умѣли стоять на высотѣ богоподобія, послушались совѣта зміинаго, низвергнулись произвольно въ бездну преслушанія и грѣха, разбились въ прахъ и потеряли все, что имѣли и могли имѣть? Памятуете ли, что для возстановленія насъ отъ сего ужаснаго паденія, для изведенія изъ бездны грѣха и тлѣнія, сошелъ на землю самъ Сынъ Божій; облекся нашею плотію, жилъ подобно намъ, претерпѣлъ всѣ роды бѣдности и поношеній, умеръ за насъ на крестѣ, сошелъ во адъ, и попомъ, воскресши изъ мертвыхъ, вознесся на небо, дабы со престола славы управлять всѣмъ міромъ къ нашему спасенію? Памятуете ли, что сей возлюбленный Искупитель нашъ, вознесшись на небо, послалъ намъ вмѣсто себе *иного Утѣшителя*, Духа пресвятаго, дабы онъ пребывалъ съ нами во вѣкъ, наставлялъ насъ на всякую истину, утѣшалъ насъ во всякой скорби;— что сей всеблагій Духъ просвѣщаетъ насъ въ Пророкахъ и Апостолахъ, освящаетъ и врачуетъ въ таинствахъ Церкви, что Онъ обитаетъ благодатію своею въ каждой душѣ, которая не изгоняетъ Его изъ себя своею нечистотою и нераскаянностію? Памятуете ли, что у всѣхъ насъ есть общая, самимъ Богомъ данная, матерь— Церковь Христова, которая отрождаетъ всѣхъ насъ водою и духомъ въ таинствѣ Крещенія, питаетъ всѣхъ насъ словомъ Божіимъ и Тѣломъ и Кровію Христовою въ таинствѣ причащенія, врачуетъ души и совѣсти въ покаяніи и исповѣди, сопровождаетъ насъ въ самыя двери гроба разрѣшеніемъ и молитвами своими, что связанное или разрѣшенное служителями ея, связуется или разрѣшается въ то же время на небѣ, и что всякъ, противящійся святымъ уставамъ Церкви, по сему самому, есть хуже мытаря и язычника? Памятуете ли на конецъ, что всѣ мы здѣсь на земли на краткое время, что всѣхъ насъ ожидаетъ смерть и судъ, что настанетъ время, когда все видимое прейдетъ, всѣ умершіе воспанутъ, дабы воспріять по дѣламъ своимъ, и что тогда истинно покаявшіеся получатъ блаженство нескончаемое, а нераскаянные подвергнутся вѣчнымъ мукамъ во адѣ?

Вотъ сущность святой Вѣры нашей!— Она высока и вмѣстѣ открыта каждому, какъ сводъ небесный; глубока, неизчерпаема и вмѣстѣ доступна всякому, какъ море; неизслѣдима въ существѣ, и вмѣстѣ благотворна для всѣхъ и вездѣ, какъ солнце. Храните, брат., сію святую Вѣру: за нее Мученики пролили всю кровь свою; ей свя-

тые подвижники посвятили всю жизнь свою; для нея скитались *въ горахъ и пропастехъ земныхъ* тѣ, коихъ по слову Апостола, *не бѣ достоинъ весь міръ* (Евр. 11, 28). Стыдно и грѣшно будетъ намъ, если мы не сохранимъ сей святой Вѣры теперь, когда ничто не отвращаетъ отъ нея, а все побуждаетъ хранить ее въ цѣлости.

Соблюдая Вѣру правую, стараетесь ли, брат., жить по правиламъ сей святой Вѣры? Вы знаете чего требуетъ она отъ насъ,— чтобъ мы не любили міра ни яже въ мірѣ, чтобы избѣгали похоти плоти, похоти очесъ и гордости житейской, чтобы провождали жизнь въ цѣломудріи, благочестіи и правдѣ, чтобъ были милостивы, кротки великодушны, чтобы помышляли и исполняли, по слову Апостола, *вся, елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика прехвальна, аще кая добродѣтель, и аще кая похвала* (Фил. 4, 8). Такова ли ваша жизнь, возлюбленные? Кого Богъ благословилъ дарами счастія, благодаритъ ли тотъ Бога, и употребляетъ ли сіи дары во славу Его и на пользу ближнихъ? Кого Богъ благословилъ несчастіемъ, смиряется ли тотъ подъ крѣпкую руку Божію, носитъ ли свой крестъ благодушно и пользуется ли имъ для очищенія и освященія души своей?— Отцы и матери, воспитываете ли дѣтей вашихъ въ страхѣ Божіемъ, и подаете ли имъ примѣръ жизни святой и богоугодной? Чада и домочадцы, вознаграждаете ли своею любовію и послушаніемъ родителямъ заботы и труды, для васъ подъемлемые, услаждаете ли своимъ усердіемъ и нѣжностію ихъ старость и немощи?— Господа и властители, памятуете ли что и надъ вами есть Владыка, коему должны вы будете нѣкогда дать отчетъ въ участи подручныхъ вамъ, и не страждутъ ли они отъ вашей жестокости и вашихъ прихотей? Слуги и рабы, служите ли Господамъ своимъ по Христіански, трудясь отъ души, а *не предъ очами точію работающе?* Знаете ли, что вы служите не человѣкамъ, а Господу, который поставилъ васъ при рожденіи въ сіе состояніе, и что чѣмъ труднѣе жребій вашъ *здѣсь*, тѣмъ большая ожидаетъ васъ награда *тамъ?* Христіанство не уничтожаетъ различія званій и состояній земныхъ, но оно облагороживаетъ и освящаетъ ихъ всѣ. Христіанинъ превыше земныхъ отношеній; каждое званіе для него есть только переходъ къ одному званію всеобщему, небесному. Тамъ все изравняется, все вознаградится сторицею; тамъ соединимся всѣ, и составимъ единое семейство Отца небеснаго.

Имѣя въ виду сію высокую цѣль бытія нашего, и зная что въ будущее вѣчное царствіе Божіе не внидетъ ничтоже нечистое, стараетесь ли, брат., очищать себя отъ всякія скверны плоти и духа, и украшать себя тѣми добродѣтелями, кои приличны наслѣдникамъ сего царствія? Бѣгаете ли грѣха и соблазна, какъ язвы? Ищете ли дѣлъ благихъ, какъ сокровища? Стремитесь ли къ истинѣ? Любите ли правду? Услаждаетесь ли чистотою? Держитесь ли воздержанія? Храните ли кротость и смиреніе?

Господь премилосердый, вѣдый всю существа нашего немощь, преподалъ намъ наидѣйствительнѣйшее средство къ изглажденію самыхъ грѣхопаденій нашихъ;— я разумѣю— покаяніе и исповѣдь. Пользуетесь ли вы симъ драго-

цѣннымъ средствомъ, какъ должно? И производитъ ли оно въ васъ то, что должно?— пользуетесь ли? мы ежедневно омываемъ лице и руки; почитаемъ за необходимое чистить платье, обувь и внутренность домовъ нашихъ: какъ же хотя разъ въ годъ не омыть души и сердца слезами покаянія? не очистить совѣсти исповѣдію? Но покаяніе дѣйствительно тогда только, когда оно сопровождается истиннымъ раскаяніемъ во грѣхахъ; исповѣдь сильна тогда только, когда мы не возвращаемся паки на тѣ грѣхи, въ коихъ пріяли отпущеніе. И такъ, стараетесь ли избѣгать тѣхъ мрачныхъ и скользскихъ стремнинъ, въ коихъ падала и сокрушалась ваша добродѣтель? Принимаете ли всѣ мѣры къ тому чтобы нѣжный ростокъ невинности, возникающій въ таинствѣ покаянія, былъ ограждаемъ и хранимъ отъ новыхъ бурь, отъ новой засухи и ожесточенія грѣховнаго, отъ новаго наводненія потоками чувственности? Безъ сего вы будете возставать токмо для того, чтобы упасть снова и еще глубже, доколѣ не погрузитесь въ ту глубину золъ и нечестія, откуда нѣтъ исхода.

Послѣдній вопросъ: памятуете ли, братіе, о своей смерти и приготовляетесь ли, какъ должно, къ послѣднему часу вашему? Неминуемъ и грозенъ часъ сей; страшно разлученіе души отъ тѣла! Тогда все оставитъ насъ, все, что занимало, обольщало, радовало и печалило! Позади міръ и жизнь; впереди вѣчность и судъ! Одна вѣра, одни добрыя дѣла, одно покаяніе и сокрушеніе сердца пойдутъ за нами, и будутъ въ помощь намъ, если мы стяжали ихъ. Памятуете ли сіе, возлюбленные, и готовитесь ли къ переходу изъ суетнаго міра сего въ вѣчность? Если мы, предпринимая какой либо временный путь, заранѣе готовимся и обдумываемъ какъ совершить его, гдѣ и въ какое время остановиться, что гдѣ сказать и что гдѣ сдѣлать; то некрайнее ли безразсудство, имѣть предъ собою вѣчность, и не думать предварительно, какъ вступить въ нее, не стяжать надлежащаго запаса на безконечное странствованіе, не употребить всѣхъ силъ и средствъ на то, чтобы послѣдній грозный часъ не засталъ насъ внезапно— неготовыми? Ибо кто положилъ завѣтъ съ смертію? Кто можетъ сказать, что онъ увидитъ завтрешній день? не пойдетъ нынѣ же путемъ всей земли? Благо тому, кто живетъ такъ, что всегда готовъ окончить жизнь и предстать на судъ Божій! Но горе тому, кто потерялъ изъ виду послѣднюю цѣль бытія своего, кто поработилъ себя похоти и страстямъ, кто, имѣя еще возможность принести покаяніе во грѣхахъ своихъ и очистить ихъ вѣрою и слезами,— не спѣшитъ воспользоваться средствами къ спасенію грѣшной души своей! Пройдетъ драгоцѣнное время милосердія,— и двери запворятся! Начнетъ плакать и вопіять,— и никто не услышитъ! Да непостигнетъ сія страшная участь ни кого изъ васъ!— Аминь.

Куплени есте цѣною: прославите убо Бога въ тѣлесѣхъ вашихъ, и въ душахъ вашихъ, яже суть Божія. 1 Кор. 6, 20.

Великою, дражайшею цѣною искуплены мы отъ смерти и ада,—*не истлѣнными сребромъ, или златомъ, но честною кровію яко агнца не порочна и пречиста Христа* (1 Петр. 1, 18. 19.); драгоцѣннѣе сей цѣны нѣтъ и быть не можетъ!— Какъ не благодарить и не прославлять Бога, не пощадившаго ради насъ своего единороднаго Сына? Какъ не предать Ему и тѣло и душу свою, искупленныя цѣною крови Сына Божія? Прославимъ убо Бога въ тѣлесѣхъ нашихъ, соблюдая ихъ въ чистотѣ и святынѣ, употребляя въ орудіе правды и добродѣтели. Пусть око наше, отвращаясь суеты и соблазновъ, чаще устремляется къ небу, гдѣ наше вѣчное жилище; или, приникая на землю, примѣчаетъ издали нуждающихся въ нашей помощи! Пусть слухъ нашъ, заключаясь отъ словъ неподобныхъ, отъ лести и пересудовъ, отверзается въ храмѣ Божіемъ къ принятію животворныхъ словесъ Господнихъ. Пусть уста наши отверзаются только на хвалу и прославленіе имени Божія, на слова, солію благодати растворенныя; но, да не изыдетъ изъ нихъ слово праздное и гнилое, слово клеветы и осужденія, лести и лукавства. Пусть руки, упражняясь въ трудахъ полезныхъ, по трудахъ подъемлются съ благодареніемъ къ небу, осѣняютъ чело и перси знаменіемъ креста Господня; или, обращаясь къ бѣдному собрату, раздѣлятъ съ нимъ избытокъ пріобрѣтеннаго трудомъ! Прославимъ Бога и въ душахъ нашихъ— чистыми и святыми помыслами, желаніями непорочными и благотворными, чувствованіями нескверными и святыми. Да обновляется духъ нашъ по образу создавшаго его; какъ въ свѣтломъ образѣ Божества, да отразятся въ немъ благость и милосердіе, святость и правда и прочія совершенства Божіи, чтобъ и другіе, видя наши добрыя дѣла, прославляли Отца нашего небеснаго. Къ сему обязываетъ насъ вѣра въ Сына Божія, искупившаго насъ отъ суетнаго житія цѣною собственной крови!—

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 30 Іюня, 1843. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 19. НЕДѢЛЯ 11-я, ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. Августа 15. 1843.

На Утрени: Евангеліе воскресное 11-е, Іоан. 21, 15— 25.
На Литургіи: Апост. 1 Кор. 9, 2— 12. Еван. Мат. 11, 23— 35.

УСПЕНІЕ ПРЕСВЯТЫЯ СЛАВНЫЯ ВЛАДЫЧИЦЫ НАШЕЯ БОГОРОДИЦЫ, И ПРИСНОДѢВЫ МАРІИ.

Подоваше самовидцемъ Слова и слугамъ и еже по плоти Матере Его успеніе видѣти, конечное елико на Ней таинство: яко да не токмо еже отъ земли Спасово восхожденіе узрятъ, но и рождшія Его преставленію свидѣтельствуютъ. Тѣмже отвсюду божественною силою собравшеся, Сіона достигоша, и на небо идущую предсылаху вышшую херувимъ. Ей же и мы съ ними покланяемся, яко молящейся о душахъ нашихъ (стихир. на литіи).

Даетъ тебѣ, яже превыше естества, Царь всѣхъ Богъ: въ рождествѣ бо дѣву якоже сохрани, тако во гробѣ тѣло соблюде нетлѣнно, и спрослави божественнымъ преставленіемъ, честь Тебѣ яко Сынъ Матери даруя (пѣсн. 6).

Пріидите, вѣрніи, ко гробу приступимъ Божія Матере, и обымемъ сердцы и устнами, очесы и лицемъ чисто прикасающеся, и почерпающе исцѣленій независтныя дары отъ источника приснотекущаго (пѣсн. 9).

Свидѣтельства Св. Отцевъ, и древнихъ писателей церковныхъ о Пресвятой Дѣвѣ Маріи.

Св. Игнатій Богоносецъ въ посланіи къ Св. Іоанну Богослову. Повѣдаша намъ вѣроятія достойніи человѣцы, яко Маріи Матери Іисусовой естество человѣческое, многія ради ея святыни, видится съ естествомъ Ангельскимъ быти соединенно. Таковыя слышемыя вещи возбудиша въ насъ безмѣрное желаніе, дабы возмогли видѣти то небесное,— да тако реку,— чудо и удивленіе пресвятое.... Азъ, аще ми возможно будетъ, хощу пріити къ тебѣ, видѣти вѣрныхъ святыхъ, собранныхъ тамо, а наипаче да вижду Матерь Іисусову, о Ней же глаголютъ, яко всѣмъ есть удивительна, честна, и прелюбезна, и вси видѣти Ю желаютъ. И кто бы не желалъ видѣти ту Дѣвицу и бесѣдовати съ нею, яже истиннаго роди Бога?

Св. Діонисій Ареопагитъ въ посланіи къ Св. Апостолу Павлу.— Видѣхъ моими очесы Богообразную и паче всѣхъ духовъ небесныхъ святѣйшую Матерь Христа Іисуса Господа нашего, юже мнѣ благодать Божія, и самыя милостивыя Дѣвы неисповѣдимая благость и милосердіе видѣти дарова... Засвидѣтельствую Богомъ, въ пречестнѣйшей дѣвической утробѣ пожившимъ, аще не бы были мнѣ божественная твоя ученія и законы въ памяти и новопросвѣщенномъ умѣ, разумѣлъ бы Ю быти истиннымъ Богомъ, и единому истинному Богу подобающимъ поклоненіемъ почтилъ бы. Ибо никая же можетъ умомъ постигнутися большая слава и честь человѣковъ, отъ Бога прославленныхъ, якоже *оное блаженство*, егоже вкусихъ азъ недостойный, въ то время удостоивыйся, и зѣло тогда блаженъ и благополученъ бывый.—

Св. Амвросій Медіоланскій. Дѣва бѣ не токмо плотію, но и духомъ: въ сердцѣ смиренна, въ словеси богомудренна, въ глаголаніи не скора, въ чтеніи всегдашня, въ бесѣдахъ цѣломудренна, аки съ Богомъ а не съ человѣки бесѣдуя; никогоже обидяше, но всѣмъ благихъ желаше, ни возгнушася никоего аще и убогаго человѣка, ни посмѣваяся кому, но вся, яже усмотрѣ, блажаше; ничто же бѣ во устѣхъ Ея таково, еже бы не изліяло благодати; въ дѣлѣ вся дѣвственническая. Видъ же ея образомъ бѣ внутренняго совершенства, изображеніе благости и незлобія.

Епифаній и Никифоръ. Бяше во всякой вещи честна и постоянна, и благоглаголива, честь и почитаніе комуждо воздающа; возраста мѣрнаго. Лица ея видъ бѣ аки видъ зерна пшенична, власа желтаго (т. е. орѣховаго) цвѣта, очесъ острыхъ, въ нихъ же зѣницы подобни бяху масличнаго плода виду. Брови ея бяху наклонены, и изрядно черны; носъ не кратокъ, устнѣ аки цвѣтъ розы, сладкословесія исполненны. Лице не кругло, ни остро, но мало продолженно; руцѣ купно и персты продолговаты. Бяше на послѣдокъ всякаго киченія не причастна, проста, ни мало лица притворяющая, никоея же мягкости (ничего изнѣженнаго и роскошнаго) съ собою имущая, но смиреніе прекрасное являющая. Одежды, яже ношаше, бяху просты, и природнаго своего вида, якоже и нынѣ святый покровъ пресвятыя главы Ея являетъ. И да кратко рещи: во всѣхъ дѣлѣхъ Ея многая благодать божественно присутствоваше (Чет. Мин. Август. 15).

СЛОВО

НА ДЕНЬ УСПЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ, СКАЗАННОЕ ВЪ ВОЛОГОДСКОМЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѢ.

Ублажая въ настоящій день успеніе Матери Божіей, Св. Церковь на-

(*) Преосвящен. Иннокентіемъ Еписк. Харьк. и Ахт.

зываетъ сіе успеніе *конечнымъ, елико на Ней, таинствомъ*. Поелику конечное, или окончательное таинство необходимо предполагаетъ таинства предшествующія и первоначальныя; то, вѣроятно, не одному слышателю псалмопѣній церковныхъ приходилъ на мысль вопросъ: какія это таинства? Нашъ долгъ дать отвѣтъ на сіе; и мы тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ готовы сдѣлать это, что разсмотрѣніе таинствъ, совершавшихся надъ Матерію Божіею въ продолженіе Ея жизни, съ одной стороны можетъ служить къ прославленію Ея въ настоящій день *конечнаго, елико на Ней, таинства*, съ другой— можетъ быть обильнымъ источникомъ размышленій назидательныхъ и чувствованій утѣшительныхъ. Одно могло бы остановить насъ въ семъ случаѣ,— что всякое таинство любитъ неприкосновенность и нетерпитъ хладныхъ изслѣдованій; но мы и прикоснемся къ таинствамъ въ жизни Богоматери не сухими вопросами и хладнымъ недоумѣніемъ, а вѣрою и любовію ко всечестной памяти Ея.

Первое таинство въ жизни Преблагословенной Дѣвы Маріи открылось съ происхожденіемъ Ея на свѣтъ. Ибо отъ кого и какъ произошла Она? Отъ престарѣлыхъ, какъ повѣствуетъ св. преданіе, родителей,— въ слѣдствіе особенной молитвы и обѣта. Премудрость Божія восхотѣла, чтобы имѣющая родить неискусобрачно сама была плодомъ нестолько силъ природы, сколько наипія благодати. И вотъ, Іоакимъ и Анна достигаютъ тѣхъ лѣтъ, въ кои теряется всякая надежда быть отцемъ или матерію. Но у сей святой двоицы есть вѣра, побѣждающая законы естества; и въ слѣдствіе сей вѣры, сопровождаемой пламенною молитвою, является Марія, чистый даръ неба, и потому способная быть неизсякаемымъ источникомъ благословеній для земли.— Такъ совершилась первая тайна рожденія Преблагословенной!

Второе таинство явилось надъ Нею при введеніи Ея во храмъ, на трехлѣтнемъ возрастѣ. Уже самое введеніе сіе въ такомъ возрастѣ было необыкновенно, какъ слѣдствіе особеннаго чрезвычайнаго обѣта— посвятить плодъ молитвъ своихъ Господу. А между тѣмъ симъ введеніемъ во храмъ открылась возможность будущей Матери Сына Божія получить воспитаніе при храмѣ, и такимъ образомъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ сродниться духомъ и сердцемъ со всѣмъ святымъ. Но и находясь при храмѣ, дщерь Іоакима, по обыкновенному порядку вещей, должна была оставаться въ предверіи его. Вмѣсто сего Ей, какъ свидѣтельствуетъ преданіе, дано было первосвященниками позволеніе проникать *во внутреннее завѣсы*, входить *во святая святыхъ*, куда имѣлъ право входить единожды въ годъ только одинъ великій Первосвященникъ. Не знаемъ за подлинно, въ слѣдствіе какихъ чрезвычайныхъ событій или откровеній получено Ею сіе чрезвычайное и безпримѣрное преимущество: но тотчасъ видимъ, что сія тайна вхожденія во святая святыхъ крайне приличествовала будущей Матери Сына Божія. Одушевленному Кивоту Божію надлежало, хотя по временамъ, являться тамъ, гдѣ нѣкогда постоянно хранился его символъ и прообразъ— ковчегъ завѣта съ манною и скрижалями.

Третія тайна послѣдовала по достиженіи св. Дѣвою совершеннолѣтня-

го возраста. Ветхій завѣтъ, какъ извѣстно, не зналъ состоянія дѣвства посвященнаго Богу и освященнаго закономъ.— Посему, когда дщерь Іоакима и Анны достигла при храмѣ Іерусалимскомъ совершенныхъ лѣтъ; то Первосвященники хотѣли удалить Ее отъ храма съ тѣмъ, чтобы она, по примѣру прочихъ дѣвъ Израиля, избрала себѣ супруга. Но святая Дѣва рѣшительно объявила, что Она твердо рѣшилась во всю жизнь не принадлежать никому, кромѣ единаго Бога. Первосвященники не знали при семъ что дѣлать; и послѣ совѣщаній и молитвъ, рѣшились обручить Ее такому человѣку, который согласился бы носить имя мужа, не пользуясь его правами. Жребій палъ на св. Старца Іосифа: и вотъ Марія становится супругою, не переставая быть Дѣвою, и такимъ образомъ сочетаваетъ въ себѣ дѣвство и супружество, благословеніе Ветхаго и благодать Новаго Завѣта.— А между тѣмъ сія тайна обрученія, сіе супружество по имени служитъ до времени покровомъ, необходимымъ для великой тайны воплощенія Сына Божія, защищая Св. Дѣву отъ всѣхъ подозрѣній, какъ со стороны Іудеевъ, кои безъ того не замедлили бы почесть Ее преступницею, такъ и со стороны того исконнаго врага, который, ожидая сѣмени жены, имѣющаго стереть ему главу, возмутилъ бы небо и землю, если бы видѣлъ, что неискусобрачная Дѣва зачала во чревѣ Сына.

Какъ совершилась самая преславная тайна Воплощенія Сына Божія, извѣстно изъ Евангелія всѣмъ и каждому. Архангелъ благовѣстилъ; Дѣва рекла смиренно: *Се раба Господня;* сила Вышняго осѣнила; и— *Слово стало плотію!* Это верхъ таинъ, совершившихся надъ пресвятою Дѣвою: но этотъ верхъ таинъ— не былъ концемъ ихъ; нѣтъ, тайны продолжались, но только углубились, содѣлались невидимѣе, не переставая быть поучительными и утѣшительными. Желаете знать, какія это тайны?

Во первыхъ тайна распятія. Чьего? Сына? Нѣтъ, Матери. Да, братъ мои, на крестѣ былъ не одинъ Сынъ, была и Матерь. Когда? И въ продолженіи всей жизни, но особенно на Голгоѳѣ. Ибо не самъ ли божественный Сынъ сказалъ: *иже не пріиметъ креста своего и вѣ слѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ?* Кто же могъ быть достойнѣе Сына какъ Матерь? Посему никто и никогда не носилъ такого креста въ продолженіи своей жизни, какъ преблагословенная Дѣва Марія. Крестъ сей слагался не изъ древа, или вещества, а изъ величія, подобающаго Матери Божіей, и— изъ уничиженія, въ коемъ сія Матерь пребывала до самой смерти. Разсудите: самъ Архангелъ именуетъ Ее благодатною и приглашаетъ къ радости; Она носитъ уже во чревѣ Сына Божія; и въ тоже время должна страдать отъ подозрѣнія предъ хранителемъ своего дѣвства: и какого подозрѣнія? Что Она бракоокрадованная!.. Не крестъ ли это? Ей приближается время родить Того, коего царствію не будетъ конца; и для Нея нѣтъ мѣста въ гостинницахъ Виѳлеемскихъ; Она должна родить Его въ вертепѣ и положить во яслѣхъ!.. Не крестъ ли это? Ангелы поютъ: Слава въ вышнихъ Богу; Волхвы покланяются и приносятъ дары; и непосредственно за симъ, спасаясь отъ Ирода, надобно бѣжать нощію во Еги-

нетъ тѣмъ путемъ, который едва удобопроходимъ среди дня! Не крестъ ли это? А на Голгоѳѣ— что вы думаете чувствовало сердце Матери, когда Сынъ вопіялъ въ мукахъ: *Боже мой, Боже мой, вскую Мя еси оставилъ?* Здѣсь то, безъ сомнѣнія, исполнилось во всей силѣ ужасное предсказаніе Симеона: *яко и тебѣ самой пройдетъ душу оружіе!* Когда оружіе прошло самую душу; то не было нужды прободать рукъ и ногъ: тайна духовнаго распятія— совершилась!..

Съ окончаніемъ сея тайны казалось и отъ Матери будетъ удалено все погребальное, какъ удалено отъ Сына, что Она, по воскресеніи, начнетъ видимо блистать на весь міръ славою Воскресшаго. Напротивъ! Марія до конца жизни пребудетъ въ неизвѣстности, среди доли самой смиренной. Почему такъ? Потому что за тайною сораспятія Сыну на Голгоѳѣ тотчасъ послѣдовала другая тайна усыновленія Іоанну; тайна мало кѣмъ примѣчаемая, но не менѣе изумительная и обильная назиданіемъ духовнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, брат., размышляли ли вы когда либо о семъ дивномъ усыновленіи, послѣдовавшемъ на Голгоѳѣ? Вникалиль въ цѣль и духъ сего дѣйствія?— Для чего Матерь Сына Божія дается здѣсь въ матери ученику, и такимъ образомъ какъ бы низводится на время съ высоты своего безпримѣрнаго величія? Ужели для того, чтобы ей имѣть пристанище въ дому Іоанна? Но кто бы изъ вѣрующихъ, по воскресеніи Сына, могъ отказать въ убѣжищѣ Его Матери?— И со креста ли произходитъ такимъ земнымъ, не важнымъ распоряженіямъ? Нѣтъ, таинственныя слова: *жено, се сынъ твой!* имѣютъ смыслъ несказанно глубшій; ими опредѣляется характеръ всей остальной жизни Богоматери; здѣсь ключь къ изъясненію всѣхъ дальнѣйшихъ событій съ Нею. Внемлите!

Когда божество Сына, съ воскресеніемъ и вознесеніемъ Его на небо, открылось во всей силѣ; когда весь міръ началъ преклоняться предъ именемъ Распятаго: въ то время Матери Іисусовой естественно предстояла величайшая честь и слава, подобающая Матери Сына Божія, Спасителя человѣковъ. Никто, безъ сомнѣнія, не могъ быть достойнѣе Маріи сей чести и сей славы; и никто, безъ сомнѣнія, не употребилъ бы ихъ такъ свято и боголѣпно, какъ преблагословенная Дѣва: но слава въ продолженіе земной жизни кромѣ того, что лишила бы ее точнѣйшаго сходства съ божественнымъ Сыномъ, который до конца жизни своей не имѣлъ гдѣ приклонить главы, сопровождалась бы тѣмъ важнымъ неудобствомъ, что враги Христіанства не преминули бы въ семъ случаѣ найти личность его Основателя, и обратить ее въ предосужденіе успѣхамъ Евангелія; великое и чудесное дѣло обращенія всего міра къ Богу не было бы свободно отъ связей и отношеній, хотя совершенно чистыхъ, но все еще земныхъ и человѣческихъ: самымъ проповѣдникамъ Евангелія трудно было бы поставить себя въ надлежащее отношеніе къ прославленной Матери Того, коего ясли и Крестъ они проповѣдуютъ. И вотъ, усыновленіемъ Пресв. Дѣвы Іоанну на Голгоѳѣ устраняются всѣ сіи неудобства: на самой вершинѣ духовнаго величія, въ самую минуту величайшей жертвы, отъ коей должна бы начаться слава Маріи, она таинственными словами: *се сынъ*

твой! низводится какъ бы въ кругъ обыкновенныхъ матерей; усыновленіемъ Іоанну Ей указуется на всю остальную жизнь — простая доля первой Христіанки.

И смотрите, какъ глубоко поняла рабою Господнею сія тайна усыновленія! Какъ вѣрною остается Она во всю жизнь указанію со креста! Ибо что мы видимъ далѣе въ сей жизни? Рѣшительное удаленіе отъ всякой славы, при всемъ чудесномъ распространеніи Христіанства. Книга Дѣяній Апостольскихъ подробно повѣствуетъ объ устроеніи первыхъ Церквей Христіанскихъ; означаетъ дѣйствія главнѣйшихъ Апостоловъ; представляетъ различныя обращенія Іудеевъ и язычниковъ ко Христу: но Маріи вы не видите.— Только разъ, и то мимоходомъ, упомянуто, что Она была вмѣстѣ съ учениками въ горницѣ Сіонской, въ день Пятидесятницы (Ибо какъ не быть при сошествіи Духа Той, которая зачала и родила отъ Духа?). Но потомъ ни слова о всей Ея остальной жизни, ни слова о самой кончинѣ. Скажите сами: не тайна ли это молчаніе? И что значитъ она, какъ не то, что Марія устраненіемъ себя отъ всякаго вида славы, явила новый опытъ смиренія, самаго глубокаго, и такимъ образомъ сдѣлалась еще болѣе достойною того вѣнца славы, который давно по всѣмъ правамъ принадлежалъ Ей?

Но надлежало же, рано или поздо, сойти наконецъ сему вѣнцу на главу честнѣйшей Херувимовъ и Серафимовъ;— и онъ сошелъ— во время Ея Успенія. Но жизнь, исполненная таинствъ, не осталась и здѣсь безъ тайны. Что было бы удивительнаго, если бы Матерь Сына Божія, взята была на небо, не испытавъ смерти? Даже не требовало ли сего нѣкоторымъ образомъ самое приличіе, когда сего высокаго жребія удостоились уже Энохъ и Илія? Но Маріи суждено другое. Какъ бы въ отраду и успокоеніе всѣмъ намъ, имѣющимъ проходить вратами смерти, и Матерь Божія умираетъ, и такимъ образомъ раздѣляетъ долгъ природы со всѣми земнородными. Но яко Матерь Сына Божія, Того, кто сказалъ о себѣ: *Азъ есмь воскресеніе и животъ, вѣруяй въ Мя, аще и умретъ оживетъ,* Марія, подобно Божественному Сыну Ея, не удерживается узами смерти; тѣло Ея и въ гробѣ не видитъ истлѣнія; и, по прошествіи трехъ дней взимается, одушевленное, со славою на небо.— Съ сихъ поръ завѣсы всѣ приняты; одушевленная скинія Божія является во всей лѣпотѣ; святѣйшій Кивотъ Новаго Завѣта поставленъ на свое мѣсто; честнѣйшая Херувимовъ вознесена превыше всѣхъ небесъ; и вся вселенная начинаетъ ублажать Ту, которая содѣлалась источникомъ благословеній для всего рода человѣческаго.

Созерцая таковыя тайны (а мы указали токмо самыя главныя) въ жизни преблагословенной Дѣвы, кто не воскликнетъ нынѣ радостно къ Ней вмѣстѣ съ Церковію: *дивны твоя тайны Богородице!* Дивны въ твоемъ благодатномъ зачатіи и рожденіи, дивны въ твоемъ чудномъ введеніи во храмъ, и еще болѣе чудесномъ вхожденіи во Святая святыхъ, дивны въ безпримѣрномъ обрученіи Св. Іосифу и ношеніи имени жены, безъ познанія мужа; дивны въ безсѣменномъ зачатіи и рожденіи отъ Духа святаго предвѣчнаго Сына Божія; дивны въ непрестанныхъ, по примѣру Сына и Бога, страданіяхъ и перенесеніи многоразличныхъ крестовъ и

искушеній; дивны въ таинственномъ усыновленіи Іоанну, и отверженіи всей земной славы; дивны наконецъ въ самомъ успеніи и взятіи потомъ пречистаго тѣла со славою на небо!

Но, брат. мои, удивляясь благоговѣйно святымъ тайнамъ промысла Божія въ жизни преблагословенной Дѣвы и святолѣпно ублажая въ настоящій день созерцаніемъ ихъ память успенія Ея, не забудемъ при семъ, что и наша жизнь не безъ таинствъ, что сіи тайны нашей жизни подобны тайнамъ въ жизни Богоматери, какъ образца всѣхъ нашихъ жизней; особенно же не забудемъ того, что нѣкоторыя изъ таинъ нашей жизни совершаются надъ нами безъ насъ, а нѣкоторыя и притомъ самыя важныя, отъ коихъ зависитъ наша вѣчная судьба, непремѣнно требуютъ нашего участія, и по недостатку его, не совершившись надъ нами, могутъ подвергнуть насъ страшному осужденію.

Какія тайны промысла Божія совершаются надъ нами безъ насъ и нашего участія? Это преимущественно двѣ тайны— нашего входа въ міръ сей и нашего исхода изъ онаго, то-есть, тайна нашего рожденія и смерти. Кто могъ опредѣлить свое происхожденіе на свѣтъ? Никто. Кто можетъ опредѣлить и свою кончину? Такъ же никто. То и другое въ рукахъ Божіихъ: и поелику въ рукахъ Божіихъ, то мы можемъ быть спокойны касательно сихъ таинъ нашей жизни, твердо вѣруя, что всемогущество и премудрость Божія сдѣлали и сдѣлаютъ— если мы предадимъ себя въ волю Божію, за насъ и для насъ все, что нужно и полезно намъ, сдѣлаютъ такъ благоуспѣшно, какъ мы сами по себѣ никогда бы не сдѣлали.

Но другія тайны, и притомъ какъ я сказалъ, самыя важныя, хотя непремѣнно должны совершиться надъ нами въ продолженіе нашей жизни для нашего вѣчнаго счастія, но не могутъ совершиться въ насъ безъ насъ, безъ нашего произволенія и содѣйствія. Это тайна благодатнаго вселенія въ насъ Господа Іисуса, и тайна нашего сораспятія ему въ духѣ и истинѣ. Ибо для чего Сынъ Божій оставилъ небо и, вселившись во утробу преблагословенныя Дѣвы, явился человѣкомъ подобнымъ намъ? Для того, чтобы совершивъ дѣло искупленія нашего, освободивъ насъ своею смертію отъ грѣха и проклятія, вселиться потомъ въ каждаго изъ вѣрующихъ во имя Его своею благодатію, вселиться до того, чтобъ мы составляли съ Нимъ единъ духъ и какъ бы едино лице. Безъ сего таинственнаго вселенія Его въ насъ и нашего соединенія съ Нимъ, тайна спасенія нашего не можетъ совершиться въ насъ, и мы, не смотря на все наше внѣшнее участіе въ вѣрѣ Христіанской и самыхъ таинствахъ ея, явимся нѣкогда чуждыми Христа и царствія небеснаго, Имъ для насъ пріобрѣтеннаго. Но тайна соединенія нашего со Спасителемъ нашимъ не можетъ совершиться безъ предварительнаго очищенія грѣховной и нечистой природы нашей, безъ умертвія нашего грѣху и чувственности, безъ самоотверженія растлѣнной самолюбіемъ и страстями воли нашей, кратко, безъ сораспятія Ему въ духѣ и сердцѣ нашемъ. Кто-же можетъ сдѣлать все сіе въ насъ безъ насъ? Явно, никто. Если мы не рѣшимся—умерепь грѣху, дабы ожить

со Христомъ новою благодатною жизнію, то останемся живы для міра, но мертвы для Бога; если останемся мертвы для Бога и жизни праведной, то Спаситель нашъ, яко Святѣйшій святыхъ, не вселится въ насъ нечистыхъ и нераскаянныхъ, и не содѣлается въ насъ началомъ и источникомъ жизни вѣчной; а безъ сего мы, служа міру, работая всю жизнь нашу плоти, умремъ во грѣхахъ и будемъ отвержены отъ лица Божія.

По сему видя, какъ сіи великія тайны совершились надъ самою Матерію Божіею, какъ Она чистотою жизни и смиреніемъ достигла благодати быть вмѣстилищемъ Сына Божія по плоти, какъ потомъ питала и сохраняла сію благодать подвигами чистой любви и самоотверженія, обратимъ вниманіе на свою жизнь и дѣйствія, дабы видѣть, есть ли въ насъ хотя начало сихъ таинъ, стараемся ли мы о благодатномъ приближеніи нашемъ въ духѣ къ Спасителю нашему, о таинственномъ соединеніи съ Нимъ— всѣмъ существомъ своимъ; а для сего очищаемъ-ли себя постепенно отъ всякой скверны плоти и духа? заключаемъ ли болѣе и болѣе волю нашу въ Его пресвятой волѣ? любимъ ли Крестъ Его и переносимъ ли благодушно искушенія, посылаемыя Имъ на насъ для нашего очищенія и для привлеченія насъ къ Нему. Благо тому, кто давно знакомъ съ сими великими и святыми тайнами и видитъ ихъ совершеніе надъ собою! Таковому остается только подвизаться и пребыть вѣрнымъ до конца. Благо и тому, кто хотя поздо позналъ важность сихъ таинъ для себя, но познавъ, не замедлилъ употребить все, чтобы они начали совершаться и надъ нимъ! Но что будетъ съ тѣмъ, кто во все не мыслитъ о своемъ спасеніи и своемъ Спасителѣ? Наступитъ и для него время послѣдняго таинства въ жизни, время смерти: но какъ ужасна будетъ сія тайна для него и сама по себѣ, а еще болѣе по своимъ послѣдствіямъ? Ибо если и смерть грѣшника, по свидѣтельству слова Божія, *люта;* то безсмертіе грѣшниковъ еще лютѣе и ужаснѣе. Аминь.

КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНАГО, ЦАРЯ РИМСКАГО ПОВѢСТВОВАНІЕ (1)

О ПРЕНЕСЕНІИ НЕРУКОТВОРЕННАГО ОБРАЗА ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ НАШЕГО ИЗЪ ЕДЕСА ВЪ ЦАРЬГРАДЪ ВЪ 944 ГОДУ.

23. Императоръ (Романъ Лакапенъ) отправилъ въ Едесъ, для принятія божественной Иконы и посланія Христа Бога нашего (2), боголюбезнаго Авраамія Епископа Самосатскаго, бывшаго тогда въ Византіи.

24. Между Христіанами Едесскими произошло возстаніе, и городъ пришелъ въ сильное волненіе; потому что не хотѣли выдать неоцѣненную святыню, которая многократно спасала и хранила городъ отъ непріятелей. Но Сара-

(1) Оно подлинникомъ находится въ XIV томѣ Библ. древнихъ Отцевъ и писателей Церкви. Галланда, и состоитъ изъ 31 статьи. Здѣсь извлечены изъ него только тѣ обстоятельства, кои неизложены подробно въ нашей Четьи Минеи подъ 16 числомъ Августа. Константинъ Багрянородный былъ современникъ, очевидецъ и участникъ славнаго торжества, бывшаго въ Константинополѣ при перенесеніи чуда Нерукотвореннаго образа,— и впослѣдствіи самъ описалъ оное.

(2) т. е. посланіе Христа Спасителя къ Авгарю; оно есть въ Чет. Мин. 16 Августа.

динскій полководецъ Амира— однихъ убѣжденіемъ, другихъ силою, иныхъ страхомъ смерти, заставилъ уступить. Когда же въ ту самую минуту, какъ надлежало износить изъ Едеса святую Икону и посланіе Христа Спасителя, поднялись громы и молнія съ необычайно сильнымъ дождемъ: тогда опять сдѣлалось смятеніе въ народѣ. Это необыкновенное явленіе— говорили— служитъ яснымъ предзнаменованіемъ небеснымъ, что отъятіе священѣйшихъ залоговъ у города нашего дѣлается противъ воли Божіей. Впрочемъ Сарацинскій полководецъ, въ рукахъ котораго была вся власть, опять настоялъ, что должно исполнить обѣщаніе, (данное греческому ИМПЕРАТОРУ); и такимъ образомъ изходитъ изъ города Едеса неоцѣненная Икона и рукописное посланіе Христово.

25. Когда носящіе святыню пришли къ берегу Евфрата, снова поднялся шумъ и волненіе, не меньше прежнихъ. Чтобы ни случилось съ нами— кричали Едессяне— но мы не отпустимъ отъ себя нашего спасенія и безопасности, если не будетъ свыше дано какое либо знаменіе, и дано знаменіе симъ не вѣрующимъ и искушающимъ: лишь только Епископы, несущіе божественный Образъ и посланіе, взошли на корабль, назначенный для переправы чрезъ Евфратъ, и стоявшій у берега, къ сторонѣ Сиріи: то корабль мгновенно, безъ кормчаго, ни кѣмъ не влекомый, поплылъ къ противоположному берегу, управляемый одною волею божественною. Всѣ присутствовавшіе и видѣвшіе сіе чудо исполнились страха и удивленія, и убѣдились, что святыню надобно уступить добровольно.

26. Оттолѣ служители священнаго бремени достигаютъ Самосата; въ числѣ ихъ были: и Едесскій Архіерей, его Протопресвитеръ, многіе другіе изъ благоговѣйныхъ Христіанъ, и министръ Амиры, по прозванію *отъ Рима*. Пробывши нѣсколько дней въ Самосатѣ, и видѣвъ многія чудеса, отправились далѣе, къ Царьграду. На всемъ продолженіи пути совершались безчисленныя чудотворенія отъ божественной Иконы и посланія Христова: слѣпые вдругъ прозрѣвали, хромые дѣлались прямыми, долгое время лежавшіе на одрѣ болѣзни поднимались, имѣвшіе сухія руки выздоравливали. Словомъ: всякій недугъ и всякая болѣзнь врачевалась; и получившіе исцѣленіе прославляли Бога, и восхваляли чудеса Его.—

27. Наконецъ служители святыни, почти уже совершивъ путь свой, вступаютъ въ монастырь Пресвятыя Богородицы (подлѣ Царьграда), который именуется Евсевіевымъ и стоитъ въ такъ называемомъ урочищѣ Оптиматовъ. Въ храмѣ сего Монастыря поставляется святолѣпно ковчегъ, сокрывающій въ себѣ чудодѣйственную Икону; и многіе, пришедши съ искреннимъ расположеніемъ, получили исцѣленіе. Туда прибѣжалъ и одинъ бѣсноватый; много взывалъ въ похвалу образа и посланія; и наконецъ пророчественно вскричалъ: *пріими, о Константинополь, славу и веселіе, а ты, Константинъ Багрянородный, свою Имперію!* Сказавъ сіе, человѣкъ исцѣлился и сталъ свободенъ отъ мучительства демона; а свидѣтели предсказанія его есть многіе и до нынѣ. Ибо Императоръ, въ честь и во срѣтеніе вожделенной святыни, выслалъ первыхъ сенаторовъ, множество копьеносцевъ, магистровъ, патриціевъ и другихъ нисшихъ чиновниковъ, кои всѣ слышали и засвидѣтельствовали пред-

сказаніе. Впрочемъ оно вскорѣ (3) послѣ исполнилось.

28. Въ 15 день Августа мѣсяца,— когда Императоры, по обычаю, праздникъ Успенія Пресвятыя Богоматери торжествуютъ во всечестномъ Ея храмѣ Влахернскомъ,— рано утромъ пришли туда служители святыни, и на горнемъ мѣстѣ сего святаго храма помѣстили кивотъ, хранящій въ себѣ Икону и Посланіе. Прибывшіе Императоры благоговѣйно привѣтствовали святыню, и покланялись ей. Потомъ Кивотъ съ великою честію, благолѣпіемъ и множествомъ свѣщей перенесенъ на царское судно, на коемъ отправили его къ царскимъ загороднымъ дворцамъ, и поставили въ находящемся тамъ святомъ храмѣ, именуемомъ *Фаросъ*. На другой день, 16 Августа, послѣ благоговѣйныхъ лобзаній и поклоненій, священники и младшіе Императоры, (старѣйшій (4) оставался дома за слабостію силъ своихъ), подняли кивотъ; съ псалмами, и пѣніемъ, при великолѣпномъ освѣщеніи, спустились къ морю, поставили паки на царское судно, и поплыли въ городъ, къ западной стѣнѣ онаго. Достигши берега, Императоры пѣшіе, весь сенатъ, предстоятель священнодѣйствія и все духовенство, съ подобающимъ великолѣпіемъ, сопровождали кивотъ, хранящій съ себѣ святѣйшіе и достопокланяемые залоги. Когда пришли къ Золотымъ воротамъ и вступили въ городъ: псалмы, пѣніе и пѣсни духовныя возвысились, блескъ свѣтильниковъ безмѣрно умножился, люди со всѣхъ сторонъ стекались сопровождать священное шествіе, которое направилось срединою города. Въ то время, какъ народъ отвсюду приливалъ подобно волнамъ морскимъ: одинъ разслабленный, издавна страдавшій ногами, опираясь на своихъ слугъ, приподнялся немного, чтобъ увидѣть божественную Икону; и лишь только увидѣлъ, тотчасъ почувствовалъ крѣпость въ ногахъ, самъ собою прибѣжалъ, и лобызая кивотъ, велегласно прославилъ Бога, и предъ всѣми исповѣдалъ чудо, надъ нимъ совершившееся.

29. Во время шествія божественной Иконы и досточестнаго посланія срединою города, столько было отъ всей столицы пролито слезъ радости, столько вознесено къ Богу молитвъ, благодареній и обѣтовъ, что никакое слово изобразить того не можетъ; ибо слово всегда ниже созерцанія, то есть, важныя событія гораздо лучше видѣть, нежели слышать и разсказывать объ нихъ. Дошедши до площади, что предъ Августеемъ, началовождя торжества съ права не много уклонились на лѣво, къ славному святому храму Премудрости Божіей, и поставили всечестный образъ предъ царскими вратами алтаря.

30. Отселѣ, послѣ поклоненія и чествованія святыхъ Иконъ всѣмъ соборомъ церковнымъ, носящіе священную ношу отправились къ царскимъ чертогамъ, и въ палатѣ, золотый приклиній именуемой, вознесли божественную Икону Спасителя на Царскій тронъ, гдѣ обыкновенно производятся важнѣйшія

(3) Предсказаніе сбылось въ томъ же 944 году, или же въ началѣ 945 г.

(4) Подъ выраженіями: Императоръ и старѣйшій (герои) Императоръ— должно разумѣть Романа Лакапена, царствовавшаго по вышеозначенный 945 годъ, и бывшаго шестемъ Константину Багренородному; подъ младшими (неанизондесъ) разумѣется самъ Константинъ и, вѣроятно, Романъ второй. Сіи младшіе Императоры собственно назывались Цесарями.

дѣла государственныя,— справедливо полагая, что непремѣнно надобно освятить царственную каѳедру, и чрезъ то сообщить возсѣдающимъ на ней правду и благость. По совершеніи обычной актеніи, божественная Икона поднята, и обратно несена въ преждесказанный храмъ, въ Фаросъ. Тамъ она поставлена на правой сторонѣ къ востоку, въ славу вѣрныхъ, въ соблюденіе Царей, въ безопасность всего царства, и въ заступленіе Христіанъ.

Отъ готоваго жилища своего призрѣ на вся живущія на земли: создавый на единѣ сердца ихъ, разумѣваяй на вся дѣла ихъ.

Пс. 32, 14—15.

Сіе *готовое* жилище Божіе есть небо (ст. 13). Никто, кромѣ Бога, не могъ приготовить его. Всемогущій и всесвятый, неизреченное добро и красота,— Онъ самъ создалъ себѣ свое жилище; самъ все приготовилъ и устроилъ въ немъ, сообразно своему безконечному величеству и святости; самъ украсилъ оное, какъ премудрый Строитель собственнаго дома, и населилъ его зрителями своей славы; ввелъ туда друзей своихъ,— лики Ангеловъ, и святыхъ людей. И такъ сіе *готовое* жилище Божіе есть обитель неизреченнаго свѣта и славы, неизреченнаго блаженства и красоты, велелѣпія и сладости неизглаголанной и недомыслимой. Что же заставляетъ Бога всеблаженнаго склонять взоръ свой на бѣдныхъ жителей бѣдной и мрачной земли? Не уже ли въ ономъ готовомъ жилищѣ не достаетъ предметовъ, коими вполнѣ могли бы услаждаться и увеселяться очи Господни? И не ужели на землѣ есть нѣчто такое, что болѣе привлекало бы на себя блаженное воззрѣніе Бога всеблаженнаго? Есть,— говоритъ Пророкъ: сердца людей и всѣ дѣла ихъ составляютъ на землѣ предметъ не только воззрѣнія, но и вниканія (Пс. 52, 3.), разумѣванія Божія. Почему такъ? Потому,— отвѣтствуетъ Пророкъ,— что Богъ создалъ сердца людей *на единѣ: создавый на единѣ сердца ихъ.* Ни объ одномъ предметѣ во вселенной,— какъ бы ни былъ онъ великъ и премудро устроенъ,— нигдѣ не сказано въ писаніи, чтобы Господь, создавшій все для явленія своей славы, созидалъ оный на единѣ, или, чтобы Онъ созидалъ что либо втайнѣ, скрывая образъ своего созиданія отъ всѣхъ существъ. Но сердце человѣческое Онъ Премудрый созидаетъ *на единѣ;* созидаетъ одинъ— Самъ съ Собою; не допускаетъ никакихъ свидѣтелей, ни зрителей своего созиданія; никому не показываетъ, *что,* и *какъ* Онъ творитъ. *Создавый на единѣ сердца ихъ.* Какъ благоразумный хозяинъ не всѣмъ и не все показываетъ въ домѣ своемъ, но нѣкоторыя вещи сокрываетъ даже отъ самыхъ близкихъ друзей и домочадцевъ своихъ: такъ и Господь, въ великомъ дому вселенной открывшій все для всѣхъ, одно сердце человѣческое предоставилъ Себѣ единому, сокрылъ для Себя единаго.—

О, какъ же неоцѣненно сердце наше человѣческое! Оно есть великая тайна, единому Богу принадлежащая; есть наилучшее сокровище Божіе, отъ неба на землѣ сокрытое; есть, кромѣ неба и вселенной, иное небо, иная вселенная, какъ бы третіе готовое жилище Божіе, куда Господь, отъ своего неба и неба небесе, склоняетъ очи для

уединеннаго покоя и наслажденія своего,— вникаетъ, разумѣваетъ. Есть оно *тайна собственно Божія:* ибо кто когда извѣдалъ всѣ глубины его? Какой мудрецъ, или психологъ постигъ и опредѣлилъ всѣ *совѣты сердечныя?* Обо всѣхъ такъ называемыхъ Психологіяхъ, обо всѣхъ познавателяхъ и разыскателяхъ сердца человѣческаго можно сказать опредѣленно только то, что *изчезоша испытающіи испытанія: приступитъ человѣкъ,— и сердце глубоко* (Пс. 63, 7). Приступитъ,— и отступитъ; потому что— глубоко. Были избранные Божіи, въ коихъ обиталъ и глаголалъ самъ Духъ Божій, кои вѣдали многія тайны Божіи, видѣли будущее какъ настоящее, зрѣли еще не бывшее какъ давно уже минувшее, не сущее яко сущее, со всѣми причинами и послѣдствіями, со всѣми подробностями; но и сіи прозорливцы великіе съ изумленіемъ останавливались надъ неизмѣримою бездною сердца человѣческаго, и съ недоумѣніемъ восклицали: *глубоко сердце человѣку паче всѣхъ, и человѣкъ есть, и кто познаетъ его!* (Іерем. 17, 9). Есть оно *сокровище Божіе*, на землѣ сокровенное,— такое сокровище, что когда начало оно гибнуть и потерялось, тогда самъ Богъ пришелъ на землю поискать и спасти его (Матѳ. 18, 11). Обрѣлъ,— и возвеселился Милосердый,— возвеселился, по Его собственному слову, какъ человѣкъ, нашедшій потерянную овцу свою; возвеселился какъ жена, которая съ зажженнымъ свѣтильникомъ искала прилѣжно потерянную драхму, и нашедши, созвала другини и сосѣды, и сказала имъ: *радуйтеся со мною, яко обрѣтохъ драхму погибшую* (Лук. 14, 3— 10). Есть оно *третіе небо, третія вселенная, третіе* готовое *жилище Божіе*, куда Господь не только приклоняетъ очи свои, но куда и Самъ приходитъ обитать, иногда единъ, иногда со всѣмъ небомъ своимъ. *Аще кто любитъ Мя,*— говоритъ Спаситель нашъ (а любитъ въ насъ наше сердце);— *слово Мое соблюдетъ: и Отецъ Мой возлюбитъ его, и къ нему пріидемъ, и обитель у него сотворимъ,* (Іоан. 14, 23. 1 Кор. 3, 16. Апок. 3, 20). „Сердце— малъ сосудъ,— учитъ св. Макарій Египетскій,— но въ немъ пріяты бываютъ всѣ вещи: тамо Богъ, тамо Ангели, тамо жизнь и царствіе, тамо небесные грады, тамо сокровища благодати.“ — *Имамы сокровище сіе въ скудельномъ сосудѣ* (2 Кор. 4, 7).

Блажени убо чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ (Матѳ. 5, 8).

Кіевъ. Въ Тип. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 7 Іюля, 1843. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 20. НЕДѢЛЯ 12-я, ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. Августа. 22. 1843.

На Утрени: Евангеліе воскресное 1-е, Матѳ. 28, 16—20.
На Литургіи: Апост. 1 Кор. 15, 1—11. Еванг. Матѳ. 19, 16—26.

СВЯЩЕННѢЙШЕЕ КОРОНОВАНІЕ

Благочестивѣйшихъ Государей.

Нѣсть власть аще не отъ Бога; сущыя же власти отъ Бога учинены суть (Рим. 13, 1).

Мною Царіе царствуютъ, и сильніи пишутъ правду; Мною вельможи величаются, и властители Мною держатъ землю. Азъ любящія Мя люблю, ищущіи же Мене обрящутъ благодать (Притч. 8, 15—17).

Сице глаголетъ Господь Богъ помазанному моему, его же удержахъ за десницу, повинути предъ нимъ языки: Азъ предъ тобою пойду, и горы уравню, врата мѣдная сокрушу, и вереи желѣзныя сломлю. Азъ призову тя именемъ моимъ, и пріиму. Азъ сотворихъ землю, и человѣка на ней. Азъ рукою Моею утвердихъ небо, Азъ всѣмъ звѣздамъ заповѣдахъ. Азъ возставихъ его съ правдою Царя, и вси путіе его правы: сей созиждетъ градъ Мой, и плѣненіе людей Моихъ возвратитъ, не по мздѣ, ни по даромъ,— рече Господь Саваоѳъ (Иса. 45, 1. 2. 4. 12. 13).

Вознесохъ избраннаго отъ людей Моихъ. Обрѣтохъ Давида раба Моего, елеемъ святымъ Моимъ помазахъ его. Ибо рука Моя заступитъ его, и мышца Моя укрѣпитъ его; ничто же успѣетъ врагъ на него, и сынъ беззаконія не приложитъ озлобити его. И положу на мори руку его, и на рѣкахъ десницу его. Той призоветъ Мя: Отецъ мой еси Ты, Богъ Мой и заступникъ спасенія моего. И Азъ первенца положу его, высока паче Царей земныхъ: Въ вѣкъ сохраню ему милость Мою, и завѣтъ Мой вѣренъ ему: и положу въ вѣкъ вѣка сѣмя его, и престолъ его яко дніе неба (Псал. 88, 20—23. 26—30).

И рече Самуилъ ко Іессею: посли и приведи его (Давида), яко не возляжемъ, дондеже пріидетъ той сѣмо. И посла, и введе его: и той черменъ, добрыма очима, и благъ взоромъ Господеви. И рече Господь къ Самуилу: востани,

и помажи Давида, яко сей благъ есть. И прія Самуилъ рогъ съ елеемъ, и помаза его посредѣ братіи его. И ношашеся Духъ Господень надъ Давидомъ отъ того дне, и потомъ (1 Цар. 16, 11—13).

И взя Садокъ Іерей рогъ съ елеемъ отъ скиніи, и помаза Соломона, и воструби трубою рожаною, и рѣша вси людіе: да живетъ Царь Соломонъ! И взыдоша вси людіе въ слѣдъ его, и ликоваша въ лицѣхъ, и веселяхуся веселіемъ великимъ, и разсѣдеся земля отъ гласа ихъ (3 Цар. 1, 38—40).

Царица же Савска услыша имя Соломоново, и пріиде, и рече къ Царю: Блажени мужіе твои, и блажени раби твои сіи, иже предстоятъ предъ тобою на всяко время, и слышатъ премудрость твою. Да будетъ Господь Богъ твой благословенъ, иже благоволи въ тебѣ, еже дати тя на престолъ свой Царя Господу Богу твоему: зане возлюби Господь Богъ твой Израиля, еже утвердити его во вѣкъ, и постави тя надъ ними царя, да сотвориши судъ и правду (2 Парал. 9, 1—8).

Положилъ еси на главѣ его вѣнецъ отъ камене честна. Велія слава его спасеніемъ Твоимъ: славу и велелѣпіе возложиши на него. Яко даси ему благословеніе во вѣкъ вѣка, возвеселиши его радостію съ лицемъ Твоимъ (Псал. 20, 4—8).

Пророчество во устнѣхъ Царевыхъ, въ судищи же не погрѣшатъ уста его. Мерзость Цареви творяй злая: съ правдою бо уготовляется престолъ начальства. Пріятны Царю устнѣ праведны, словеса же правая любитъ Господь (Притч. 16, 10—13).

Царь обладаяй; и кто речетъ ему: что твориши? (Еккл. 8, 4).

Бога бойся, сыне, и Царя, и ни единому же ихъ противися: внезапу бо истяжутъ нечестивыхъ. Небо высоко, земля же глубока: сердце же царево неовличительно (Притч. 24, 21. 22. 25, 3). Воздадите кесарева кесареви, и Божія Богови (Матѳ. 21, 21). Повинитеся всякому человѣчу созданію (начальству) Господа ради: аще царю, яко преобладающу: аще ли же княземъ, яко отъ него посланнымъ, во отмщеніе убо злодѣемъ, въ похвалу же благотворцемъ (1 Петр. 2, 13. 14). Тѣмже противляйся власти, Божію повелѣнію противляется; противляющіися же, себѣ грѣхъ пріемлютъ (Рим. 13, 2). Не прикасайтеся помазаннымъ Моимъ. Богомъ земли твоея да неречеши зла.

И пріидоша вся племена Израилева къ Давиду въ Хевронъ, и глаголаша ему: се кости твоя, и плоть твоя мы есмы. И вчера и третіяго дне ты

былъ еси вводяй и изводяи Израиля, и рече Господь къ тебѣ: ты упасеши люди моя Израиля, и ты будеши вождь людемъ Моимъ Израилю (2 Кор. 5, 1. 2).— И живяху Іуда и Израиль безпечально, кійждо подъ виноградомъ своимъ, и подъ смоковницею своею ядуще и піюще, отъ Дана и даже до Вирсавіи, во вся дни Соломона (3 Цар. 4, 25).

И возскочи Навалъ, и отвѣща отрокомъ Давидовымъ, и рече: кто Давидъ? и кто сынъ Іессеевъ?... И бысть яко десять дней, и порази Господь Навала, и умре. И услыша Давидъ, и рече благословенъ Господь, иже суди судъ поношенія моего отъ руки Навали, и рава своего удержа отъ руки злыхъ, и злобу Навалю обрати Господь на главу его (1 Цар. 25, 10. 38, 39).

„— Помышляющимъ, яко православные Государи возводятся на престолы не по особливому о нихъ Божію благоволенію, и, при помазаніи, дарованія святаго Духа къ прохожденію великаго сего званія въ нихъ не изливаются и тако дерзающимъ прогивъ Ихъ на бунтъ и измѣну, анаѳема!“—

(Послѣдованіе въ недѣлю православія лис. 8 на оборотѣ).—

Молитва Моисея за народъ Еврейскій.

И рече Господь къ Моисею, глаголя: иди скоро, сниди отсюду, беззаконноваша бо людіе твои... И нынѣ остави Мя, и возлярився гнѣвомъ на ня, потреблю ихъ: и сотворю тя въ язык великъ.

И помолися Моисей предъ Господемъ Богомъ и рече:

Вскую, Господи, яришися гнѣвомъ на люди Твоя, ихже извелъ еси изъ земли Египетскія крѣпостію великою, и мышцею твоею высокою? Да не когда рекутъ Египтяне, глаголюще: съ лукавствомъ изведе ихъ погубити въ горахъ, и потребити ихъ отъ земли! Утоли гнѣвъ ярости Твоея, и милостивъ буди о злобѣ людей твоихъ, помянувъ Авраама, и Исаака, и Іакова, твоя рабы, имже клялся еси Собою, и рекъ еси къ нимъ, глаголя: зѣло умножу сѣмя ваше, яко звѣзды небесныя множествомъ; и всю сію землю, юже рекъ еси дати сѣмени ихъ, и обладаютъ ею во вѣки.

И умилостивися Господь (Исх. 32,— 1— 14).

Молитва Соломона, Царя Израильскаго

И явися Господь Соломону во снѣ нощію, и рече: проси что хощеши себѣ. И рече Соломонъ:

Ты сотворилъ еси съ рабомъ Твоимъ Давидомъ отцемъ моимъ милость

велію, яко же ходи предъ Тобою истиною и правдою, и правымъ сердцемъ съ Тобою, и сохранилъ еси ему милость великую сію, еже дати сыну его сѣдѣти на престолѣ его, яко же днесь. И нынѣ, Господи Боже мой, Ты далъ еси раба Твоего вмѣсто Давида отца моего; и азъ есмь отрочищь малъ, и не вѣмъ исхода моего, и входа моего. Рабъ же Твой посредѣ людей Твоихъ, ихже избралъ еси— людей многихъ, иже не изочтутся отъ множества. И даси рабу Твоему сердце слышленно слышати, и судити люди Твоя въ правдѣ, еже разумѣвати посредѣ добра и зла; яко кто можетъ судити людемъ Твоимъ тяжкимъ симъ?

И угодно бысть слово сіе предъ Господемъ, яко испроси Соломонъ глаголъ сей (3 Цар. 3, 5—10).

Молитва Русскаго Царя.

Господи Боже отцевъ, и Царю царствующихъ, сотворивый вся словомъ Твоимъ, и премудростію Твоею устроивый человѣка, да управляетъ міръ въ преподобіи и правдѣ! Ты избралъ Мя еси царя и судію пресловутому Всероссійскому Царству. Исповѣдую неизслѣдимое Твое о Мнѣ смотрѣніе, и благодаря, Величеству Твоему покланяюся. Ты же Владыко и Господи Мой, настави Мя въ дѣлѣ, на неже послалъ Мя, вразуми и управи Мя въ великомъ служеніи семъ. Да будетъ со Мною присѣдящая престолу Твоему премудрость. Посли ю съ небесъ святыхъ Твоихъ, да разумѣю, что есть угодно предъ очима Твоима, и что есть право въ заповѣдехъ Твоихъ. Буди сердце Мое въ руку Твоею, еже вся устроити къ пользѣ врученныхъ Мнѣ людей и къ славѣ Твоей, яко да и въ день суда Твоего непостыдно воздамъ тебѣ слово: милостію и щедротами единороднаго Сына Твоего, съ Нимъ же благословенъ еси, со пресвятымъ и благимъ, и животворящимъ Твоимъ Духомъ, во вѣки, аминь (*).

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ СВЯЩЕННѢЙШАГО КОРОНОВАНІЯ И ВѢНЧАНІЯ НА ЦАРСТВО БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА ВСЕЯ РОССІИ.

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Свят. Апостолъ Павелъ поставляетъ одною изъ первыхъ и главныхъ обязанностей Христіанскихъ молитву за Царя во всякое время и на всякомъ мѣстѣ: *молю* **пишетъ онъ къ Тимоѳею,** *прежде всѣхъ творити молитвы, мо-*

(*) **ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, Благочестивѣйшій Государь ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ изволилъ чести сію молитву всенародно, съ колѣнопреклоненіемъ, Августа 22 дня, 1826 года, послѣ священнѣйшаго коронованія своего. (См. Чинъ дѣйствія, какимъ образомъ совершилось священнѣйшее короноваціе ЕГОИМПЕРАТОРСКАГО Величества Государя ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА Самодержца Всероссійскаго, по церковному чиноположенію. СПБ. 1827 года).**

ленія, и благодаренія за Царя, и за всѣхъ, иже во власти суть (1 Тим. 2, 1. 2). Такъ и поступаетъ св. Апостольская Церковь: она и начинаетъ свои вседневныя молитвословія молитвою о Царѣ, и поставленныхъ имъ властяхъ, и заключаетъ ихъ молитвою о здравіи и долгоденствіи царственнаго Дома. Преимущественно же усугубляетъ сіи молитвы въ такіе дни, кои, подобно настоящему дню, ознаменованы особеннымъ благоволеніемъ Божіимъ къ Царю и ко всему царству, совокупляя всѣхъ вѣрныхъ чадъ своихъ для совокупной усердной молитвы. Почему такъ заповѣдано, и для чего такъ поступаетъ св. Церковь?— Для того— отвѣтствуетъ Апостолъ Христовъ— *да тихое и безмолвное житіе поживемъ, во всякомъ благочестіи и чистотѣ*, т. е. потому необходимо молиться о здравіи Царя, что отъ сего зависитъ тихая и безмолвная жизнь въ обществѣ; для того необходимо, чтобы, при тихой и безмолвной жизни, преспѣвать болѣе въ благочестіи и чистотѣ. Остановимъ вниманіе наше на сихъ мысляхъ; ибо въ нихъ указывается и прямое побужденіе и главнѣйшая цѣль молитвъ нашихъ о здравіи Царя.

Нѣтъ нужды доказывать, что миръ и благоденствіе есть величайшее благо общества, которое составляетъ предметъ желаній правительствъ и народовъ,— цѣль, къ которой направляются всѣ средства общественныя. Для водворенія мира и тишины учреждаются суды и правительства, составляются законы и постановленія, опредѣляются награды и наказанія. Для огражденія мира и тишины образуется войско, изобрѣтается оружіе, строятся укрѣпленія. Для развитія благоденствія народнаго служатъ художества и промышленность, науки и искуства. Словомъ вся дѣятельность милліоновъ рукъ, вся изобрѣтательность милліоновъ умовъ направлены къ тому, чтобъ водворить миръ и тишину въ обществѣ, чтобъ доставить возможное благоденствіе человѣку. Такъ, само сердце человѣческое чувствуетъ и сознается, что нѣтъ большаго счастія для человѣка на землѣ, какъ тихое и безмолвное житіе.

Но столь же не сомнѣнно съ другой стороны и то, что сіе счастіе вполнѣ можетъ быть достигнуто только тогда, когда общество человѣческое будетъ обществомъ благоустроеннымъ, когда въ немъ обитаетъ благолѣпный чинъ и порядокъ, когда всѣ дѣйствія частныхъ лицъ направлены къ одной цѣли, всѣ усилія единодушны. Когда и какъ возможно сіе?— Когда есть въ обществѣ богоизбранный Царь, и есть законныя власти. Сія истина не изобрѣтеніе ума человѣческаго и не вымыслъ воображенія: она начертана рукою Творца и въ составѣ вселенной, и въ собственномъ существѣ нашемъ, и въ Словѣ Божіемъ. Потому правильно движутся тѣла небесныя, что есть посреди ихъ солнце, которое сосредоточивая въ себѣ дѣятельность ихъ силъ, удерживаетъ ихъ въ стройномъ чинѣ и порядкѣ. Потому на землѣ сѣятва и жатва, зима и зной, день и ночь, смѣняя другъ друга правильною чредою, даютъ ей возможность украшаться разнообразными растѣніями и питать милліоны живыхъ существъ, что она, повинуясь благотворному вліянію солнца, идетъ неизмѣнно по предписанному ей пути. Дотолѣ тѣлесный составъ нашъ цвѣтетъ здравіемъ, дѣйствуетъ правильно и стройно; доколѣ оживляетъ его живый

духъ, доколѣ управляетъ имъ здравый умъ, управляемый волею Божіею. Какъ въ великомъ царствѣ природы, такъ и въ царствахъ человѣческихъ, тогда только возможенъ стройный союзъ и благотворный порядокъ, когда посреди народа есть благотворное солнце, которое содержа въ рукахъ своихъ средоточіе силы и власти Государственной, на всѣхъ равномѣрно изливаетъ свѣтъ и теплоту. Тогда только возможно правильное движеніе во всѣхъ членахъ политическаго тѣла, когда есть у него глава, которая, сосредоточивая въ себѣ жизнь и силы, распространяетъ ихъ по всему тѣлу, приводитъ въ стройное и согласное движеніе и всѣ члены. Это благотворное солнце Государства, эта жизненная глава народа есть богоизбранный Царь. Посему-то жизнь и здравіе Царя, по слову Божію, есть единственный залогъ мира и благоденствія общественнаго: *ни, не изыди ты,* говорили вѣрные Израильтяне Давиду, когда онъ хотѣлъ лично предводительствовать ими на войнѣ,— *аще бо мы бѣгствомъ погибнемъ, врази наши не положатъ на насъ сердца,* т. е. не много обрадуются тѣмъ; *и аще умремъ полъ-насъ не положатъ на насъ сердца; понеже ты единъ аки мы десять тысящь. Не изыдеши ктому съ нами на брань, да не угасиши свѣтильника Израилева* (2 Цар. 18, 3. 21. 17). Потому желать здравія и долгоденствія Царю значитъ то же, что желать мира и тишины общественной, и желаніе твердости и непоколебимости престола царственнаго равно желанію собственнаго благоденствія каждаго.

Можно ли и какъ содѣйствовать намъ исполненію сего желанія на дѣлѣ?— Можно и должно— молитвою.— Все, что мы ни имѣемъ, все, чѣмъ мы ни пользуемся въ жизни, есть даръ Божій, Который даровалъ намъ и самую жизнь; отъ Него единаго— Отца свѣтовъ нисходитъ всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ; *отверзшу Ему руку, всяческая исполнятся благости; отвращшу же Ему лице, возмятутся и изчезнутъ.* Но сія щедродательная десница обильнѣе отверзается тогда, когда есть просящіе и молящіеся, когда есть сердца отверстыя вѣрою и любовію для принятія даровъ благости Его. Самъ Единородный Сынъ Божій увѣряетъ насъ: *просите и дастся вамъ, ищите и обрящете, толцыте и отверзется вамъ. Вся, елика аще воспросите отъ Отца во имя Мое, Азъ сотворю.* И такъ, желаемъ ли искренно здравія и долгоденствія возлюбленному Царю своему? долготы дней въ десницѣ Господней; будемъ просить и молиться, и Господь подастъ Ему долготу дней во вѣкъ вѣка. Желаемъ ли искренно славы и благоденствія Царству Его?— Слава и богатство въ руку Господню: будемъ просить и молиться, и Господь славою и честію вѣнчаетъ Его. Желаемъ ли силы и крѣпости державѣ Его? будемъ паки просить и молиться, и десница Господня сотворитъ силу, десница Господня вознесетъ Его. *Молю убо прежде всѣхъ творити молитвы, моленія и благодаренія за Царя и за вся, иже во власти суть, да тихое и безмолвное житіе поживемъ.*

Но миръ и благоденствіе общественныя какъ ни драгоцѣнны для жизни настоящей, не могутъ быть крайнею цѣлію нашихъ желаній: онѣ сами суть только средства къ высшей и лучшей цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, долго ли можетъ человѣкъ наслаждаться симъ бла-

томъ? Не далѣе, какъ до конца жизни, которой всей, по слову Пророка, *семдесятъ лѣтъ, аще же въ силахъ осмдесятъ лѣтъ;*— но и это краткое время, полно трудовъ и болѣзней, которыя могутъ отравить всякое наслажденіе, еслибы оно и было возможно на земли. Долго ли могутъ наслаждаться благоденствіемъ даже цѣлые народы? Нѣсколько столѣтій,— можетъ быть тысящелѣтій— не болѣе: на землѣ нѣтъ вѣчнаго ничего; все временно, и все на время, такъ какъ и самая земля въ настоящемъ видѣ существуетъ только на время. Чтожъ потомъ?— Никто не скажетъ, безъ сомнѣнія, того, что говорили нѣкіе безумцы, о коихъ упоминаетъ премудрый: *самослучайно рождени есмы, и посемъ будемъ якоже не бывше, и духъ нашъ разлѣется яко мягкій воздухъ.* Нѣтъ, самъ безсмертный духъ нашъ говоритъ, что для него слишкомъ кратки и тѣсны предѣлы настоящей жизни. *Живъ Господь, и жива душа моя,* говорили древніе святые мужи. Живъ Господь— вѣчный и присносущный источникъ жизни, и жива душа наша, какъ дыханіе устъ Вседержителя какъ живый образъ Бога, живущаго во вѣки вѣковъ. Самъ Единородный Сынъ Божій, который единъ имѣетъ животъ въ себѣ и животворитъ всѣхъ, свидѣтельствуетъ намъ, что *пріидетъ часъ, въ оньже вси, сущіи во гробѣхъ, услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ;* что *въ дому Отца небеснаго обители многи суть* и кромѣ нашей бѣдной земли; что, кромѣ земныхъ, тлѣнныхъ благъ, есть иныя блага, коихъ, по словамъ самовидца св. Павла, *око не видѣ и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его.*

Но сколь несомнѣнны обѣтованія Божіи о жизни вѣчной, столько же несомнѣнно и то, что единственный путь къ сей жизни есть тотъ, который указалъ намъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ— путь истиннаго благочестія Христіанскаго. Если въ чемъ, то въ семъ преимущественно дѣлѣ нельзя совѣтоваться съ собственнымъ разумомъ, который едва постигаетъ и яже на земли, а яже на небеси какъ изслѣдитъ?— Нельзя искать разрѣшенія и у мудрыхъ земли, которые сами яко человѣки умираютъ, и яко единъ отъ князей падаютъ. *Никтоже взыде на небо, токмо сшедый съ небесе Сынъ человѣческій Сый на небеси:* ктоже можетъ и возвести насъ на небо, кромѣ Его?— *Бога никтоже видѣ ни гдѣ же,* кромѣ Единороднаго Сына Божія, сущаго въ лонѣ Его; кто можетъ и привести насъ ко Отцу небесному, кромѣ Его? *Никтоже можетъ пріити ко Отцу, токмо Мною,* глаголетъ Онъ самъ. Но Онъ указалъ намъ одинъ и единственный путь самоотверженія и совершеннѣйшей любви къ Богу и ближнему: *иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе и возметъ крестъ свой и послѣдуетъ Мнѣ.* Симъ путемъ благоволилъ Онъ Самъ яко человѣкъ внити въ славу свою которую Онъ, яко Богъ, имѣлъ у Отца прежде сложенія міра; симъ путемъ восшекли во слѣдъ Его сонмы святыхъ Божіихъ; по сему только пути можемъ и мы восходить на небо, въ вѣчное царство Отца небеснаго. На сіе мы и призваны въ купѣли св. Крещенія; для сего даруются намъ всѣ дары благости Божіей въ настоящей жизни, дабы ими

возбуждались къ преспѣянію въ вѣрѣ и благочестіи Христіанскомъ: *или о богатствѣ благости Божіей, и долготерпѣніи Его нерадиши,* говоритъ Апостолъ, *не вѣдый яко благость Божія на покаяніе тя ведетъ?* Для сего дарована намъ и самая жизнь; ибо мы и *созданы во Христѣ на дѣла благая, да въ нихъ ходимъ.*

Съ сей точки зрѣнія преимущественно драгоцѣнна для насъ и настоящая жизнь наша, какъ начало нескончаемой жизни въ Богѣ, какъ поприще къ снисканію неувядаемаго вѣнца славы; драгоцѣнны миръ и благоденствіе отечества, какъ средства къ преспѣянію въ благочестивой и богоугодной жизни; и преимущественно драгоцѣнны жизнь и здравіе Благочестивѣйшаго МОНАРХА-Державнаго Защитника вѣры и Церкви Христовой, подъ державнымъ охраненіемъ коего мы можемъ свободно упражняться въ подвигахъ благочестія, къ коимъ призываетъ Онъ насъ и словомъ и примѣромъ своимъ. И такъ принося ко престолу Божію молитвы и моленія о здравіи Боголюбезнѣйшаго МОНАРХА нашего, должно молиться и о томъ, чтобы Господь сподобилъ насъ, подъ охраненіемъ Благочестивѣйшаго, и самихъ преспѣвать въ благочестіи, дабы изъ сыновъ православнаго царства на землѣ содѣлаться сынами славнаго царствія Божія на небѣ. *Молю убо прежде всѣхъ творити молитвы, моленія прошенія и благодаренія за Царя и за вся, иже во власти суть, да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Сіе-бо добро и пріятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ, иже хощетъ всѣмъ человѣкомъ Спастися и въ разумъ истины пріити: Ему же честь и слава во вѣки вѣковъ.* Аминь.

Кіевъ Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 12 Іюля, 1843. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 21. НЕДѢЛЯ 13-я, ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. Августа 29. 1843.

На Утрени: Евангеліе воскресное 2-е, Марк. 16, 1— 8.
На Литургіи: Апост. 1 Кор. 16, 13— 24. Еван. Мат. 21, 33— 42.

Успѣновеніе честныя главы честнаго славнаго Пророка, Предтечи и Крестителя Іоанна.

Тако глаголетъ Господь: се Азъ посылаю Ангела Моего предъ лицемъ Твоимъ, иже уготовитъ путь Твой предъ Тобою. И пріидетъ къ вамъ судомъ, и будетъ свидѣтель скоръ на лукавыя и на прелюбодѣйцы, и на кленущіяся именемъ Моимъ во лжу, и на лишающія мзды наемника, и на насилующія вдовицы, и на пхающія сирыя, и на уклоняющія судъ пришельца, и на небоящіяся Его, глаголетъ Господь Вседержитель. Зане Азъ Господь Богъ вашъ, и не измѣню себѣ: и вы сынове Іаковли (праздн. паремія 1).—

Осудитъ праведникъ умираяй живущія нечестивыя, узрятъ бо кончину праведнаго, и не разумѣютъ, что совѣщаша о немъ; яко повержетъ Господь нечестивыя безгласны ницъ: пріидутъ бо въ помышленіе согрѣшеній своихъ ужасни, и обличитъ ихъ сопротивъ беззаконія ихъ. Тогда станетъ въ дерзновеніи мнозѣ праведникъ предъ лицемъ оскорбившихъ его, и отметающихъ труды его. Видѣвше его смятутся страхомъ многимъ, и ужаснутся о преславномъ спасеніи его (парем. 2).

Святый Іоаннъ, яко же въ животѣ своемъ, сице и по кончинѣ Христу бысть Предтеча. Того бо во адъ сошествіе предваривъ, благовѣсти тамо бывшимъ Бога, явльшагося во плоти, и обвесели святыя Праотцы. Съ ними же оттуду, по разореніи ада, въ воскресеніе Христово изведенъ бывъ, многихъ вѣнцевъ въ небесномъ царствіи сподобися: яко *дѣвственникъ*, яко *пустынножитель*, яко *учитель* и *проповѣдникъ* покаянія, яко *Пророкъ*, яко *Предтеча* и *Креститель*, и яко *Мученикъ* (Чет. Мин. 29 Авг. синакс. на Усѣкновеніе, подъ конецъ).—

ЛЮБОВЬ ПЕРВЕНСТВУЮЩИХЪ ХРИСТІАНЪ КЪ МУЧЕНИЧЕСТВУ (изъ посланія Св. Игнатія Богоносца къ Римлянамъ).

Я связанъ за Христа Іисуса,— писалъ въ Римъ, идя на мученія, св. Игнатій Богоносецъ, голосъ котораго былъ общимъ голосомъ всѣхъ Христіанъ первыхъ трехъ вѣковъ христіанства;— я связанъ за Христа Іисуса. Начало хорошо устроилось; но я боюсь любви вашей, чтобъ она не обидѣла меня. Вамъ легко сдѣлать, что захотите: но мнѣ трудно будетъ получить Бога, если вы, подъ предлогомъ плотской любви, пощадите меня (воспрепятствуете мнѣ страдать). И такъ лучше потщитесь, чтобы я пожертъ былъ Богу, пока еще готовъ жертвенникъ. Пишу всѣмъ церквамъ, и заповѣдаю всѣмъ, что я моею волею умираю за Бога: только бы вы не воспрепятствовали мнѣ. Умоляю васъ, пусть не будетъ ваша любовь ко мнѣ безвременна; оставьте меня— быть пищею звѣрямъ, чтобы посредствомъ ихъ я могъ получить Бога моего. Я пшеница Божія: пускай же буду я сомленъ зубами звѣрей, да хлѣбъ чистый обрящуся Богу. Приготовьте звѣрей, такъ, чтобъ они могли быть мнѣ гробомъ, и чтобы ничего не оставили отъ моего тѣла,— дабы я по смерти своей не сдѣлался кому въ тягость. Тогда я буду истинный ученикъ Іисуса Христа, когда міръ не увидитъ даже и тѣла моего. Молите Господа о мнѣ, да сими орудіями буду жертва Богу. Не какъ Петръ и Павелъ завѣщаваю вамъ: они Апостолы Іисусъ— Христа; а я меньше всѣхъ: они свободни какъ слуги Божіи; а я и до нынѣ рабъ. Но если пострадаю: то и я буду свободнымъ Іисуса Христа, и свободный въ Немъ востану. Связанный за Него, я учусь теперь ничего не желать мірскаго или суетнаго. Отъ Сиріи даже до Рима борясь я со звѣрьми,— на землѣ и на морѣ, день и ночь,— будучи связанъ десятью леопардами (Римскими стражами, ведшими святаго на мученія въ Римъ). О если бы мнѣ удостоиться тѣхъ звѣрей (подлинныхъ), которые для меня приготовляются! Ихъ желаю, хочу скорѣе стать передъ ними; и буду ласкать ихъ, чтобъ они свирѣпѣе пожрали меня. А если они не захотятъ волею: то я раздражу ихъ.— Простите мнѣ, я знаю, что мнѣ на пользу. Отнынѣ я начинаю быть ученикомъ, ничего не желая ни отъ видимыхъ, ни отъ невидимыхъ, да Христа Іисуса пріобрящу. Огнь и крестъ, напущеніе звѣрей, разсѣченія, раздѣленія, раздробленія членовъ, сотреніе всего тѣла и томленіе діавола да пріидетъ на меня, только бы мнѣ получить Единаго Іисуса Христа моего. Господа желаю, который есть Сынъ истиннаго Бога и Отца; Іисусъ Христосъ; Того ищу, который за насъ умеръ и воскресъ.

Простите мнѣ, братія. не будьте для меня препятствіемъ— перейти въ жизнь оную. Іисусъ есть жизнь вѣрныхъ: и такъ не желайте, чтобы я умеръ Ему; ибо смерть— жизнь безъ Христа. Когда я хочу быть Божіимъ, не предавайте меня міру; оставьте меня пріять чистый свѣтъ, да, перешедши туда, буду человѣкъ Божій. Позвольте мнѣ быть подражателемъ страданіямъ Христа Бога моего. Если кто здѣсь имѣетъ Его въ себѣ: тотъ пусть подумаетъ, чего я хочу, и пусть состраждетъ мнѣ, вѣдая, что ожидаетъ меня.— Князь вѣка сего растерзать меня хочетъ, и мою волю, которую имѣю къ Богу, хочетъ растлить: пускай же никто изъ здѣ-сущихъ не помогаетъ ему. Будьте лучше моими, т. е. Божіими. И если бы я, пришедши къ вамъ, сталъ умолять васъ о другомъ чемъ, не слушайте меня: а вѣрьте тому единственно, о чемъ теперь пишу вамъ. Ибо я живой пишу, что желаю умереть Христа ради. *Моя любовь распялась;* и нѣтъ во мнѣ огня ни къ какому иному желанію. Живая вода, текущая во мнѣ внутрь, говоритъ мнѣ: *иди къ Отцу.* Не увеселяюсь я пищею тлѣнною, ни сладостями настоящей жизни: Божіяго хлѣба хочу, хлѣба небеснаго, хлѣба животнаго, который есть плоть Христа, Сына Божія, рожденнаго на конецъ вѣковъ отъ сѣмени Давидова и Авраамова; и пить хочу крови Того, который есть любовь нетлѣнная и жизнь вѣчная. Не хочу болѣе жить по человѣку; я Христу сраспялся: *живу не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20). Краткимъ посланіемъ умоляю васъ, не возбраняйте мнѣ; вѣрьте мнѣ, что я люблю Іисуса, предавшаго себя за меня. *Что воздамъ Господеви о всѣхъ, яже воздаде ми* (Пс. 115, 3)? Самъ же Богъ и Отецъ, и Господь Іисусъ Христосъ явитъ вамъ, что я истину говорю: а вы вмѣстѣ со мною помолитесь, да получу мое желаніе во святомъ Духѣ. Не по плоти написалъ я вамъ, но по волѣ Божіей. Если пострадаю, значитъ— вы возлюбили меня; если же лишусь страданій, то— возненавидѣли меня.

Поминайте въ молитвахъ вашихъ Церковь, находящуюся въ Сиріи, которая теперь, вмѣсто меня, имѣетъ Пастыремъ Христа, какъ самъ Онъ Господь нашъ сказалъ: *азъ есмь пастырь добрый* (Іоан. 10, 14). Онъ единъ будетъ посѣщать ее, и ваша любовь къ Нему; а я стыжусь даже и называться однимъ изъ пастырей; я недостоинъ, я послѣдній изъ нихъ и извергъ нѣкій. Цѣлуетъ васъ духъ мой и любовь церквей, которыя приняли меня во имя Іисусъ— Христово не какъ мимоидущаго, напротивъ хотя ни мало не принадлежали мнѣ, повсюду на пути по городамъ провожали меня. Здравствуйте на конецъ въ терпѣніи Іисусъ— Христовѣ.

СЛОВО

въ недѣлю 13, сказанное въ Вологодскомъ Успенскомъ Соборѣ (*).

Слышали ль вы громъ? видѣли ль молнію?— Эта молнія сверкнула здѣсь; этотъ громъ прогремѣлъ въ семъ храмѣ. Ибо не здѣсь ли, не съ сего ли священнаго мѣста возглашено было нынѣ молніеносное слово Апостола: *Аще кто не любитъ Господа Іисуса, да будетъ проклятъ?* (1 Кор. 16, 22). Что же значатъ всѣ громы и молніи противъ единаго проклятія Божія? Молнія и громъ поражаютъ въ одно извѣстное время и одно какое либо мѣсто на землѣ; а проклятіе Божіе, разъ изреченное въ Раю, доселѣ всю землю заставляетъ покрываться терніемъ и волчцами. Громъ и молнія могутъ убить тѣло, отнять жизнь временную; а проклятіе Божіе можетъ и душу и тѣло вовреци на вѣки въ геенну огненную. И такъ надобно прилѣжнѣе осмотрѣться, не стоимъ ли мы подъ симъ ужаснымъ громомъ? Не привлекаемъ ли чѣмъ либо на главу свою этой неугасимой молніи? Даже не пораженъ ли ею уже кто либо? Ибо и это можетъ быть, что иной уже пораженъ ею, и не чувствуетъ своего пораженія; подобно тому какъ пораженный громомъ и молніею чувственною, не знаетъ своего положенія; и, если можетъ быть возвращенъ къ жизни, то помощію благотворной руки чуждой.

Аще кто не любитъ Господа Іисуса, да будетъ проклятъ!

И такъ довольно одной нелюбви къ Господу Іисусу, чтобы обрушиться на насъ гнѣву небесному. А мы обыкновенно думаемъ, что проклятіе небесное поражаетъ токмо самыхъ послѣднихъ преступниковъ, что для сего надобно быть Каиномъ, Іудою или Аріемъ богохульникомъ. На чемъ основываясь, думаемъ мы такимъ образомъ? На томъ, что Богъ милосердъ, и прочіе люди не такъ худы и злы. Но гдѣ же, въ комъ же болѣе и открылось все милосердіе Божіе, какъ не въ лицѣ единороднаго Сына Его, за насъ на крестѣ умершаго? Если я не люблю сего самаго милосердія, то есть, божественнаго лица Искупителя моего; то что другое остается мнѣ, какъ не судъ, гнѣвъ и казнь? „Мы еще не такъ худы, чтобъ быть предметомъ гнѣва небеснаго.„ Но гдѣ же, въ комъ же вся наша правда и оправданіе, какъ не въ томъ же лицѣ нашего божественнаго Ходатая? Если я не люблю сію правду въ Его лицѣ? то что остается мнѣ какъ не моя собственная неправда, и слѣдовательно гнѣвъ небесный? Если бы лице Спасителя нашего само по себѣ было не такъ любвеобильно; то, можетъ быть, еще было бы сколько нибудь извинительно— не любить Его: но оно именно таково, что, смотря на него, должно сказать: Спаситель нашъ *весь любы есть!* Какъ же не любить сей любви? И что остается нелюбящему, ее, какъ не гнѣвъ и судъ? Посему, если бы Апостолъ и не говорилъ намъ страшнаго слова на тѣхъ, кои не любятъ Господа Іисуса; то собственное наше сердце, Его любящее, должно бы произнести его. Въ такомъ случаѣ одно можетъ быть извиненіе— невѣдѣніе: а кто знаетъ Господа Іисуса, вѣдаетъ, что Онъ сдѣлалъ и претерпѣлъ за насъ, и не любитъ Его; тотъ не имать вины о грѣсѣ, тотъ явный врагъ всего святаго и потому неминуе-

(*) Преосвящен. Иннокентіемъ Еписк. Харьк. и Ахт.

но подлежитъ отверженію. *Аще кто не любитъ Господа Іисуса, да будетъ проклятъ!*

Кто же любитъ и кто не любитъ Господа Іисуса? Вопросъ крайне важный; ибо съ любовію соединено все благословеніе, и слѣд. жизнь вѣчная; а съ нелюбовію явное проклятіе, и слѣд. смерть вѣчная.

Не любитъ Господа Іисуса тотъ, кто не старается узнать Господа Іисуса, то, что Онъ сдѣлалъ и намѣренъ сдѣлать для насъ, и чего желаетъ и требуетъ отъ насъ. Не любитъ Господа Іисуса тотъ, кто не старается исполнять заповѣди Его, подражать примѣру Его, уподобляться Ему въ своихъ мысляхъ, нравахъ и поступкахъ. Не любитъ Господа Іисуса тотъ, кто не любитъ думать о Немъ, какъ можно чаще, представлять Его жизнь, какъ можно живѣе, поставлять себя въ Его невидимое присутствіе, давать Ему отчетъ въ своемъ поведеніи. Не любитъ Господа Іисуса тотъ, кто не любитъ слова Его, оставленнаго намъ въ Евангеліи, не любитъ Церкви, Имъ учрежденной, не любитъ таинствъ, Имъ преподанныхъ. Не любитъ Господа Іисуса, кто холоденъ къ Его славѣ, не старается распространять познанія о Немъ, не защищаетъ имени Его, не стоитъ за святость Его Евангелія. Не любитъ Господа Іисуса, кто не хочетъ лишиться за Него благъ временныхъ, претерпѣть поношенія и гоненія отъ міра. Не любитъ Господа Іисуса, кто не ожидаетъ Его славнаго пришествія, не водится обѣтованіями, Имъ данными, не приноситъ имъ въ жертву суетныхъ надеждъ мірскихъ.

Сами видите брат., что я беру черты любви самыя обыкновенныя, и такъ сказать неизбѣжныя, такія свойства и признаки, безъ коихъ и земная любовь была бы недостойна своего имени. Но когда совокупить и сіи немногія черты въ единъ образъ, и приложить его къ намъ.; то много ли найдется любящихъ Господа Іисуса? Значитъ, мы едва не всѣ стоимъ подъ страшнымъ словомъ Апостола Христова! Стоимъ и не думаемъ о своей опасности! Думаемъ напротивъ, что мы совершенно безопасны, и по чему? Потому что носимъ имя (одно имя) Христіанъ, принадлежимъ (также по одному имени) къ Церкви Христовой, исполняемъ (машинально) нѣкоторые обряды ея, то есть, потому именно надѣемся и почитаемъ себя безопасными, почемубъ надобно было страшиться и трепетать!..

Да пробудится же вниманіе тѣхъ, кои способны еще возбудиться отъ сна и безпечности духовной!— Не напрасно слово Апостола поразило среди настолщаго служенія мысль мою, и повелительно заставило меня отверсть уста на повтореніе его въ слухъ вамъ: ибо я не хотѣлъ нынѣ бесѣдовать съ вами. Можетъ быть, между нами есть именно такія души, для коихъ нужно было такое пробужденіе. И для кого же оно не нужно? Кто похвалится имѣть такую любовь къ Господу Іисусу, какую должно имѣть, какую Онъ заслужилъ отъ насъ? И такъ, всѣ со страхомъ пріимемъ слово Апостола; и возвратившись въ домы, размыслимъ: не падаетъ ли оно всею тяжестію своею и на насъ?— Аминь.

УВАЖЕНІЕ ДРЕВНИХЪ ХРИСТІАНЪ КЪ СВ. ПИСАНІЮ.

Уваженіе древнихъ Христіанъ къ Св. Библіи такъ было велико, такъ глубоко напечатлѣно въ душахъ, что они не только не старались пріобрѣтать нехристіанскія сочиненія, читать и изслѣдывать ихъ; но не хотѣли даже знать, существуютъ ли на свѣтѣ какія либо книги кромѣ библіи. Правда, они знали и уважали творенія св. Отцевъ, но это потому, что они заключали изъясненіе, какъ бы воспроизведеніе Библіи. Если въ Библіи, думали они, показано все, что нужно знать, какъ жить человѣку, чтобы по благодати Господа Іисуса Христа достигнуть вѣчнаго блаженства: то всѣ прочія книги во все ненужны. Если есть въ нихъ истинное и полезное; то это слабые мерцающіе лучи, а весь животворный свѣтъ сосредоточенъ въ св. Библіи. Но какъ писанія нехристіанскія содержатъ по большей части противное истинамъ библейскимъ, вредное для благочестія христіанскаго; то чтеніе ихъ и изученіе вовсе должно быть отвергнуто, какъ преступное и пагубное (а). Убѣжденіе въ безполезности сочиненій языческихъ, не только было обще всѣмъ и мірянамъ, и пастырямъ Церкви, не смотря на то, что послѣднимъ часто настояла нужда знать сочиненія язычниковъ и еретиковъ съ тѣмъ, чтобы съ одной стороны утвердить слабыхъ въ вѣрѣ Христіанъ, съ другой побѣдить и покорить Христу своихъ противниковъ посредствомъ ихъ же оружія — посредствомъ ихъ же сочиненій, когда они, уничижая вѣру Христіанскую и выхваляя свою, ссылались на сіи сочиненія. Можно ли пастырю и съ такимъ намѣреніемъ, читать сочиненія противниковъ своей вѣры? — Не должно ли и въ семъ случаѣ ограничиться однимъ Писаніемъ? Это иногда составляло такое сильное недоумѣніе, что рѣшенія его ожидали отъ самаго Господа. Св. Діонисій Александрійскій ожидалъ и удостоенъ былъ откровенія, въ коемъ ему было сказано, чтобы онъ не сомнѣвался, и неослабно читалъ еретическія книги, потому что Господь самъ поможетъ ему опровергнуть ихъ.

Чтеніе Св. Писанія составляло всеобщій, повсемѣстный и неизмѣнный обычай древнихъ Христіанъ. Пастыри Церкви, по своей священной обязанности, поучались закону Божію и размышляли о немъ день и ночь. Плодомъ сего занятія было то, что ихъ творенія, пѣсни, бесѣды, посланія представляютъ благоуханные цвѣты, коихъ сѣмя и корень слово Божіе. Онѣ не только были проникнуты и оживотворены духомъ св. Писанія; но самыя ихъ слова и выраженія заимствованы изъ св. Библіи. Какъ богомудро говорили, писали св. отцы, такъ благоговѣйно слушали, читали ихъ творенія духовныя дѣти. Поелику творенія св. Отцевъ были живымъ выраженіемъ духа и письмени Св. Писанія: то симъ твореніямъ давали мѣсто послѣ Апостоловъ и Пророковъ; — нѣкоторыя изъ нихъ читались наряду съ Словомъ Божіимъ при богослуженіи; о всѣхъ прочихъ извѣстно, что Христіане, по совершеніи богослуженія общественнаго, припоминали и перечитывали дома слышанное въ церкви, стараясь помощію взаимнаго

(а) Tertul. de praescript. haeret. cap. VII. p. 235 Lact. inst. diuin. I. 3.

собесѣдованія утвердитъ въ памяти наставленія своихъ пастырей: особенно родители старались дѣлать сіи повторенія въ семействѣ. Каждыи домъ, говоритъ Св. Златоустъ, представлялъ тогда особенную церковь. Супруги соединившіеся узами брака для вспомоществованіи другъ другу въ ношеніи ига Христова, были представителями и образцами сей церкви. Отецъ, какъ бы домашній пастырь, надзиралъ за чтеніемъ Писанія и объяснялъ его по силамъ, наставлялъ дѣтей и домочадцевъ. Доказательствомъ попеченія, какое отцы прилагали о наставленіи дѣтей въ законѣ Божіемъ, служитъ то, что во всей древности, богатой другими Христіанскими сочиненіями, не находимъ ни одного Катихизиса для наставленія дѣтей. Сказанное объ отцахъ должно разумѣть и о матеряхъ. Еще Ап. Павелъ въ свое время съ похвалою отзывался о вѣрѣ матери и бабки св. Тимоѳея (2 Тимоѳ. 1, 5). Св. Василій Великій и Григорій Нисскій хвалились сохраненіемъ той вѣры, которой они научились отъ бабки своей Макрины (б). Св. Григорій Богословъ такъ же хвалилъ вѣру и благочестіе своей матери, которая дала ему Библію свою, какъ наилучшую руководительницу жизни, обратила ко Христу своего мужа, научила закону Божію дѣтей (в). Христіане всякаго званія, возраста и пола, столь прилѣжно читали Св. Писаніе, что многіе изъ нихъ знали его наизустъ, всегда и всюду носили съ собою— одни все, другіе нѣкоторыя книги, или выбранныя мѣста; разставаясь съ жизнію, не хотѣли разстаться съ Евангеліемъ, и погребались съ нимъ. Дѣвы и рабыни, занимаясь домашними работами, разсуждали о немъ. Ни жестокость мученій, ни узы и темницы, ни различные роды смерти не могли столько устрашать Христіанъ, сколько устрашала ихъ опасность лишиться животноснаго источника спасенія— Слова Божія. Принужденные все оставить и скрываться, они ни о чемъ столько не заботились, какъ о св. книгахъ; все бросали, а ихъ уносили съ собой; тѣ изъ преслѣдуемыхъ и мучимыхъ, кои отъ страха или жестокости мученій отдавали св. книги язычникамъ— отлучаемы были отъ Церкви подъ поносимъ именемъ предателей.

Внемли чтенію (Писанія), *утѣшенію, ученію,*— завѣщавалъ Св. А. Павелъ возлюбленному ученику своему Тимоѳею,— *вѣ сихъ поучайся,*— т. е. въ книгахъ Св. Писанія,— *вѣ сихъ пребывай, да преспѣяніе твое явлено будетъ: сіе бо творя и самъ спасешися, и послушающіи тебе* (1 Тим. 4, 13. 15. 17). Сіе богодухновенное завѣщаніе божественнаго Апостола Апостолу многіе вѣки служило для Христіанъ всякаго званія неизмѣннымъ правиломъ касательно занятія священнымъ Писаніемъ, мѣрою глубокаго уваженія и предпочтенія его всѣмъ другимъ писаніямъ.

(б) Жит. Св. Вас. В.

(в) Жит. Св. Григор. Богосл.

Образъ принятія и раздаянія милостыни.

Преподобная Меланія Римляныня, раздавая имѣніе свое убогимъ и требующимъ Христа ради, достигла обители св. Памвы и принесла ему 300 литръ серебра, моля его, чтобы онъ взялъ ихъ для подаянія нуждающимся инокамъ. Святый старецъ, занимаясь обычнымъ своимъ рукодѣліемъ, не обратилъ никакого вниманія на принесенныя ею деньги, но благословивъ ее, сказалъ ученику своему: „возьми у нея, что дастъ тебѣ, и все раздай браніи, живущей въ Ливіи и на островахъ, но ничего не давай иноками Египетскимъ: обитая на землѣ плодоносной, они могутъ прокормиться трудами рукъ своихъ.“ Св. Меланія, отдавая деньги ученику, сказала Преподобному Памвѣ, что здѣсь серебра ровно 300 литръ, и просила пересчитать ихъ. „Богъ, которому ты, дочь моя, отдаешь свое сокровище, отвѣчалъ Старецъ, не имѣетъ нужды считать его. Если бы ты подавала мнѣ, грѣшному Памвѣ, я пересчиталъ бы серебро; но ты даешь Богу, который и двѣ лепты вдовицы принялъ лучше, нежели безчисленныя сокровища.— (*)

(*) Чет. Мин. 13 Іюля.

Щедрость Отрока.

Св. Тихонъ (въ послѣдствіи Епископъ Амаѳунтскій) былъ сынъ хлѣбника, и въ юности своей помогалъ отцу въ его промыслѣ. Имѣя сострадательное сердце, онъ часто раздавалъ хлѣбы нищимъ безденежно. Такая щедрость не нравилась отцу, который за это дѣлалъ ему иногда строгіе выговоры. Однажды, выслушавъ подобный выговоръ, Тихонъ сказалъ: „ты огорчаешься напрасно, родитель мой! Твои хлѣбы не пропадаютъ: я отдаю ихъ взаймъ Господу Богу, и отъ Него получаю обратно съ большою прибылью. Если не вѣришь, пойдемъ въ житницу, я покажу тебѣ.“ Когда они послѣ этого вошли въ житницу, то отецъ, къ величайшему изумленію, увидѣлъ, что она наполнена лучшею и самою чистою пшеницею, хотя прежде почти ничего въ ней не было. Такъ буквально исполнились слова Св. Писанія: *даяй Богу, сторицею пріиметъ*,— (*)

(*) Чет. Мин. 16 Іюня.

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 17 Іюля, 1845. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 22. НЕДѢЛЯ 14-я, ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. Сентября. 5. 1843.

На Утрени: Евангеліе воскресное 3-е, Марк. 16, 9—20.
На Литургіи: Апост. 2 Кор. 1, 2—24. 2, 1—4 Еванг. Матѳ. 22, 1—14.

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО НИЛА ПОДВИЖНИКА,

ИЗБРАННЫЯ ПИСЬМА

О значеніи внѣшнихъ обрядовъ, при совершеніи молитвъ.

1. Маркіану.

Ты спрашивалъ меня, почему мы прежде внѣ умываемъ руки, а потомъ уже входимъ въ домъ Господень на молитву? Подъ видимымъ дѣйствіемъ разумѣй невидимое, именно то, что какъ вода омываетъ плотскія нечистоты, такъ и молитва очищаетъ душу, и что поелику нѣтъ ни одного человѣка чистаго отъ грѣха, хотя бы кто ревновалъ уподобиться даже великому Моисею; то мы всѣ нуждаемся въ молитвѣ, которая очищаетъ всякую нечистоту приключающуюся намъ. Хотя мы въ Божественномъ крещеніи уже очистились; впрочемъ намъ непрестанно нужна молитва потому, что мы ненарочно впадаемъ волею или не волею въ духовные и видимые грѣхи; почему намъ непрестанная настоитъ нужда очищать приключающіяся отъ небреженія и безпечности нечистоты. По моему мнѣнію насъ изобразилъ Іовъ, когда сказалъ: *аще измыюся снѣгомъ, и очищуся руками чистыми, довольно въ скверну омочилъ мя еси.* (9, 30). Почему нельзя не повѣрить Пророку, который говоритъ: *очистиши мя, и паче снѣга убѣлюся;* и Апостолу Павлу, который говоритъ: *да приступаемъ со истиннымъ сердцемъ, окроплени сердцы отъ совѣсти лукавыя, и измовени тѣлесы водою чистою,* (Евр. 10, 29.) Кн. 1. пис. 24).

2. Акакію.

Полезно въ молитвѣ часто изображать руками образъ креста; ибо такимъ образомъ насъ благословляетъ Богъ, и мы благословляемъ другихъ. Такъ Моисей, при освященіи скиніи и посвященіи брата своего въ Первосвященника, благословилъ народъ, воздѣвши крестообразно руки къ небу. Впрочемъ, говоря это, мы не уничтожаемъ благочестиваго обыкновенія преклонять колѣна. О Даніилѣ говорится, что онъ въ три времена дне *бяше преклоняя колѣна своя, моляся и исповѣдаяся предъ Богомъ* (Дан. 6, 10.) Кн. 1. пис. 87).

3. Емуже.

Моисей обратилъ въ бѣгство Амаликитянъ тѣмъ, что держалъ, по примѣру І. Христа, распростершаго на крестѣ руки, въ рукахъ жезлъ. Такъ и мы, когда въ молитвѣ простираемъ

руки, побѣждаемъ сатану (Кн. 1. пис. 86).

4. Урсакію Екдику.

Въ воскресный день мы молимся стоя, въ ознаменованіе постоянства будущаго вѣка, въ прочіе же дни преклоняемъ колѣна въ означеніе паденія рода человѣческаго чрезъ грѣхъ: посему, когда въ Воскресенье встаемъ съ колѣнъ; то симъ знаменуемъ дарованное намъ всѣмъ І. Христомъ воскресеніе, которое свершилось, какъ извѣстно, въ воскресный день (Кн. 3. пис. 132.)

Ева, праматерь наша, и пресвятая Дѣва Марія, Матерь Божія.

И нарече Адамъ,— повѣствуетъ Бытописатель,— *имя женѣ своей, жизнь, яко та мати всѣхъ живущихъ* (Быт. 3, 20). Но сія жена не была *жизнь* истинная: потому что она своими руками подала мужу своему смерть. Не была матерь *всѣхъ живущихъ*; потому что въ нѣдрахъ своихъ носила тлѣніе всего человѣчества: *отъ жены начало грѣха, и тою вси умираемъ* (Сир. 25, 27). Первый супругъ во вселенной принесъ и первую жалобу на свою супругу. *Жена, юже далъ ми еси со мною*,— говорилъ Адамъ Богу,— *та ми даде отъ древа, и ядохъ* (3, 12). Дѣти первой въ мірѣ любви супружеской были дѣти болѣзней и слезъ: *въ болѣзнехъ родиши чада* (3, 16). Ты будешь болѣть, когда станешь раждать дѣтей; ты еще болѣе будешь болѣть, когда станешь погребать ихъ, пока сама возвратишься въ землю.

Но слово Писанія не ложно; и Адамъ, смотря на Еву, не напрасно далъ Ей имя *жизнь*. Онъ пророчествовалъ, что нѣкогда произойдетъ отъ Евы другая Жена, несравненно лучшая первой матери человѣковъ. И, спустя нѣсколько тысячелѣтій, дѣйствительно явилась въ міръ Жена, принесшая благословеніе небесное роду человѣческому. Это— Матерь Господа Іисуса, пресвятая Дѣва Марія. Истинное человѣчество получаетъ начало не отъ Евы, но отъ Маріи. Истинная жизнь рода человѣческаго произникла не изъ нѣдръ Евы, но изъ нѣдръ преблагословенной Дѣвы Маріи. Посему объ Ней въ собственномъ смыслѣ должно сказать: имя ей: жизнь; яко та Мати всѣхъ истинно живущихъ.

Первая въ мірѣ жена получила жизнь свою прямо отъ рукъ Божіихъ. *И созда Господь Богъ ребро, еже взя отъ Адама, въ жену, и приведе ю ко Адаму* (Быт. 2, 22). Какое высокое и знатное происхожденіе! Что пресвятая Дѣва имѣла знатнаго касательно своего происхожденія? Бѣдность, смиреніе, неизвѣстность. Правда, Она происходила отъ древнѣйшей фамиліи царской: но эта фамилія давно уже перестала царствовать, была забыта и числилась только въ родословныхъ книгахъ. Послѣдніе потомки славнаго царя Давида, смѣшавшись съ простыми назаретскими ремесленниками, жили въ самомъ не знатномъ уголкѣ земли Іудейской; были бѣдны, и, какъ обыкновенно случается съ упавшими фамиліями, не рѣдко служили предметомъ кощунства для своихъ единоземцовъ: *отъ Назарета можетъ ли что добро быти?* Но, вмѣсто того, о родителяхъ пре-

благословенныя Дѣвы говоритъ благочестивое преданіе: *И не бѣ вѣ то время, на земли между человѣки благопріятнѣйшихъ Богу паче сихъ двухъ, Іоакима и Анны, непорочнаго ради житія ихъ* (Чет. Мин. Сент. 9). Пятидесятилѣтніе подвиги строгой непорочной жизни служили приготовленіемъ и очищеніемъ природы ихъ къ чистому рождеству преблагословенной Владычицы нашей.

Адамъ, въ первый разъ увидѣвши Еву, съ восторгомъ сказалъ: *се нынѣ кость отъ костей моихъ, и плоть отъ плоти моея: сія наречется жена, яко отъ мужа взята бысть сія* (2, 23. 24). Она моя и отъ меня; теперь можно оставишь отца и матерь, и прилѣпиться къ женѣ.— Рождество пресвятой Дѣвы Богоматери сначала никого не привело въ восторгъ; міръ не зналъ Богоблагодатной въ первое время жизни Ея, такъ какъ онъ и теперь еще не слишкомъ разумѣетъ сущность истинной жизни. Одни родители несказанно были обрадованы рожденіемъ Богоматтери: но и ихъ радость первоначально происходила не отъ того, чтобы они ясно видѣли въ своей благословенной Дщери будущее величіе своего рода, тѣмъ менѣе будущую славу и жизнь всего рода человѣческаго,— но отъ того, что Богъ дарованіемъ дитяти отъемлетъ отъ родителей поношеніе неплодства. Ибо у древнихъ Израильтянъ неплодство почиталось величайшимъ несчастіемъ: бездѣтные супруги лишались нѣкоторыхъ правъ гражданскихъ; терпѣли отъ людей презрѣніе и укоризны; думали иногда, что и Богъ забылъ ихъ, и предалъ народному поношенію. *Не достоитъ пріяти отъ рукъ твоихъ даровъ*,— говорилъ первосвященникъ праведному Іоакиму, когда сей вмѣстѣ съ другими хотѣлъ принесть жертву Богу въ храмѣ Іерусалимскомъ,— *не достоитъ пріяти; яко безчаденъ еси, не имый Божія благословенія тайныхъ ради нѣкіихъ ерѣховъ твоихъ. Почто предваряеши ля, принося даръ Богу?* упрекалъ св. Іоакима простой Еврей, младшій и лѣтами и добродѣтелями: *не вѣси ли, яко не достоинъ еси приносити съ нами даровъ, понеже не оставилъ еси сѣмене во Израили?* Праведный старецъ такъ пораженъ былъ сими укоризнами, что *отыде*,— говоритъ преданіе,— *отъ храма Господня скорбенъ зѣло, посрамленъ и уничиженъ*. Онъ уже не возвратился домой; но *иде вѣ пустыню, и ту плакася о двою, о безчадіи и о укорѣніи*. Къ слезамъ присовокупилъ онъ молитву, къ молитвѣ сорокодневный постъ. „Не вложу во уста моя пищи,— говорилъ онъ себѣ,— ни въ домъ мой возвращуся; но слезы моя пищею ми да будутъ, и пустыня сія домомъ, дондеже услышитъ и посѣтитъ мя Господь Богъ Израилевъ, и дастъ плодъ супружеству въ старости, якоже иногда Аврааму.“— Праведная Анна съ своей стороны предавалась строгому поученію, молитвѣ и не утѣшнымъ слезамъ: *плакашеся неутѣшными слезами* (Чет. Мин. Сент. 9). Вотъ простое основаніе радости, какую ощутили св. Богоотцы Іоакимъ и Анна при рожденіи своей благословенной Дщери: они довольны были тѣмъ, что Господь отъялъ отъ нихъ поношеніе безчадства; но— можетъ быть— еще не вполнѣ созерцали, что рожденная ими Дѣва есть *Матерь живота*.

Ева, тотчасъ по сотвореніи, введена была въ рай: *и взя*,— говоритъ

Писаніе,— *Господь Богъ человѣка, егоже созда, и введе его* (вмѣстѣ съ Евою) *въ рай сладости* (Быт. 2, 15). Пресвятая Дѣва, на третіемъ году своего младенчества, введена въ храмъ Господень. За чѣмъ? за тѣмъ, что по заключеніи рая Едемскаго, на землѣ не осталось другаго пріюта, болѣе безопаснаго, для добродѣтели и чистоты, кромѣ храмовъ Божіихъ.

Не знаемъ, сколько лѣтъ прожила наша прамаперь въ раю сладости, и какіе совершала тамъ подвиги благочестія: но о пресвятой Дѣвѣ Маріи есть древнее сказаніе, что Она двѣнадцать лѣтъ провела въ церкви Іерусалимской. Почти прямо изъ колыбели, отъ лона матерняго перешедши въ храмъ Господень, на руки строгихъ вдовицъ, жившихъ при томъ храмѣ, всегда окруженная степенными и важными старицами, Она съ самыхъ юныхъ лѣтъ начала ревновать къ подвигамъ добродѣтели старческой: жила уединенно, и была извѣстна одному Богу. *Отъ утра даже до третіяго часа дне стояше на молитвѣ*,— пишетъ блаженный Іеронимъ: *отъ третіяго же даже до девятаго въ рукодѣліи и чтеніи святыхъ книгъ упражняшеся. Отъ девятаго же часа паки начинаше свою молитву, и тако всегда болѣе растяше въ любовь Божію* (Чет. Мин. Ноябр. 21). Двѣнадцатилѣтнее святое воспитаніе при храмѣ Господнемъ, постоянное упражненіе въ благочестивыхъ трудахъ, въ постѣ, въ молитвѣ, въ чтеніи священнаго писанія доставили преблагословенной Дѣвѣ такія внутреннія и внѣшнія совершенства, какихъ ни одно дитя ни прежнихъ, ни нынѣшнихъ родителей никогда не имѣло, и не имѣетъ, и не будетъ имѣть. Что подумалъ св. Діонисій Ареопагитъ, когда въ первый разъ узрѣлъ пресвятую Дѣву? *Богомъ нарещи ю хотяше, аще не бы вѣдалъ Бога, рожденнаго отъ Нея. Божественная бо благодать, ея же полна бѣ внутрь, сіяше отъ пресвѣтлаго лица Ея* (Чет. Мин. Сент. 8).

Ева, прамаперь наша, сдѣлана рабою мужу своему: *къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ* (Быт. 3, 16). Пресвятая Дѣва никакому мужу не была ни рабою, ни женою, а была только раба Господа, единаго Владыки всяческихъ: *се раба Господня* (Лук. 1, 38).

Родивши перваго сына, Ева не произносила покорнаго, *буди*, и не сдѣлала никакого замѣчанія, а только Адамъ сказалъ: *стяжахъ человѣка Богомъ* (Быт. 4, 1). Пресвятая Дѣва, услышавши непостижимую тайну благовѣстія о рожденіи отъ Нея превѣчнаго Бога, сказала: *буди мнѣ нынѣ по глаголу твоему*. И сіе смиренное *буди* равносильно только тому всесильному *да будетъ*, коимъ Богъ создалъ вселенную. Если бы,— замѣчаетъ одинъ полковникъ,— Богъ не рекъ: *да будетъ свѣтъ*,— свѣта и не было бы. Если бы смиренная Дѣва не сказала: *буди*, тогда Богъ не сдѣлался бы человѣкомъ, и не было бы новаго человѣчества.

Ева была непосредственно матерью только тѣхъ дѣтей, которыхъ сама родила: пресвятая Дѣва есть благодатная Матерь всѣхъ истинно вѣрующихъ. О Евѣ и ея дѣтяхъ только и замѣчается, что *роди и умре, роди и умре*: о пресвятой Дѣвѣ Маріи Церковь учитъ, что Она не только сама есть *жизнь*, но и *Матн живота*;

и что всѣ благодатныя чада Ея живутъ вѣчною, всеблаженною жизнію.

Сей день Господень, радуйтеся людіе: се бо свѣта чертогъ, и книга слова животнаго изъ утробы произыде, и яже къ востокомъ Дверь рождшися, ожидаетъ входа Святителя Великаго, Едина, и Единаго вводящи Христа во вселенную, во спасеніе душъ нашихъ. (Стих. Праздн. Рожд. Богородицы).

СЛОВО

ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ПАСТВЫ, СКАЗАННОЕ ВЪ Сольвычегодскомъ Соборѣ (*).

Принесши на Алтарѣ семъ безкровную жертву о благосостояніи вашего града, воспомянувъ надъ нею молитвенно живыхъ и мертвыхъ, я, по долгу Пастыря, долженъ теперь обратиться къ вамъ, брат., съ словомъ назиданія Христіанскаго. Желалъ бы побесѣдовать съ вами о многомъ, желалъ бы повторить вмѣстѣ съ вами все ученіе о благочестіи Христіанскомъ: но краткость времени не позволяетъ сего. Впрочемъ если бы мы имѣли и много времени; то можно ли сказать съ сего мѣста все?— Могутъ ли сдѣлать это даже здѣшніе Пастыри ваши и наставники, бесѣдуя съ вами часто? Кто хочетъ знать все, что нужно для его спасенія, тотъ необходимо долженъ размышлять и учиться самъ; и, благодареніе Господу! у каждаго изъ насъ есть средства къ тому. На сіи то средства хочу я указать вамъ теперь, дабы вы пользовались ими, когда захотите. Ибо, къ сожалѣнію, многіе ими во все не пользуются, и потому остаются во тьмѣ и невѣденіи.

Самое первое къ наученію себя у каждаго человѣка средство есть его совѣсть. У кого изъ людей нѣтъ совѣсти? Кто не слышитъ, хотя по временамъ, голоса, повелѣвающаго ему то или другое дѣлать, а это или сіе оставить? Что же такое совѣсть, какъ не гласъ самаго Бога? Онъ, Отецъ небесный, посылая насъ въ міръ сей, далъ намъ сіе драгоцѣнное напутіе; Онъ самъ вложилъ въ душу нашу сей глаголъ неумолкающій. Если бы мы слушались своей совѣсти, сохраняли, какъ должно, сіе зерцало истины и правды: то внутрь насъ непрестанно совершалось бы непосредственное откровеніе воли Божіей, и мы безъ наставниковъ знали бы все, что намъ должно дѣлать. Но, вотъ наше несчастіе! Вмѣсто того, чтобъ поступать по совѣсти, мы большею частію идемъ вопреки ей; водимся чувствами, привычками, страстями, а о совѣсти не брежемъ, заглушаемъ ее, подавляемъ. Отъ сего зеркало совѣсти тускнетъ, и покрываясь прахомъ суетъ, не можетъ отражать въ себѣ и показывать намъ ясно образа нашего; отъ сего голосъ совѣсти слабѣетъ, становится невнятенъ, наконецъ умолкаетъ, такъ что мы остаемся безъ совѣсти. Правда, что такой человѣкъ самый несчастный— горе тому, кто погубилъ совѣсть! Но, кто виною сего горя? Самъ человѣкъ; притомъ всегда есть средство выйти изъ сего несчастнаго состоянія. Омой зерцало совѣсти слезами покаянія; и оно паки станетъ свѣтлымъ и будетъ отражать и показывать тебѣ весь образъ бытія твоего; очисть и освободи слухъ душевный отъ сора страстей; и паки будешь слышать внутрь себя гласъ Божій; ибо совѣсть, какъ

(*) Преосвящен. Иннокентіемъ Еписк. Харьк. и Ахт.

мы сказали, есть откровеніе въ насъ воли Божіей.

Второе средство къ наученію себя у каждаго есть собственная жизнь. Не напрасно жизнь называютъ школою и говорятъ — „вѣкъ живи, вѣкъ учись“: жизнь подлинно есть школа, и притомъ Божія. Ибо въ чьихъ рукахъ наша жизнь и кто управляетъ ею? Богъ; безъ Его воли, какъ учитъ Слово Божіе, не падаетъ съ головы нашей ни одного волоса. Если безъ воли Божіей не можетъ упасть волосъ; кольми паче не можетъ произойти съ нами что либо важное. Посему на все, что ни случается съ нами въ жизни, мы должны смотрѣть какъ на уроки премудрости Божіей и во всемъ видѣть благую волю Божію, насъ вразумляющую. Если бы мы смотрѣли такимъ образомъ на свою жизнь, то непрестанно получали бы наставленіе. Но вотъ наше несчастіе! Мы обыкновенно думаемъ, что за нами съ неба никто не смотритъ, и что нашею жизнію никто не управляетъ. Отъ сего драгоцѣнные уроки, преподаемые намъ свыше въ событіяхъ нашей жизни, остаются неприятыми, непоняты̀ми, и потому безплодными. Особенно нельзя не пожалѣть въ семъ отношеніи о такъ называемыхъ несчастіяхъ жизни. Если Промыслъ посылаетъ ихъ на насъ, то всегда съ особенною цѣлію,— научить насъ чему либо, или для возбужденія насъ отъ сна грѣховнаго, для обузданія въ насъ чувственности, гордости и прочихъ страстей. Въ такомъ случаѣ несчастія именно подобны тѣмъ сильнымъ средствамъ, кои опытные врачи предписываютъ больнымъ въ крайности, и коихъ свойство то, что они или производятъ рѣшительный поворотъ на лучшее, или истощаютъ силу жизненную. По сему несчастія всегда должны бы оказывать самое благотворное дѣйствіе на духъ нашъ. Но часто бываетъ со всѣмъ напротивъ; почему? Именно потому, что мы находясь въ несчастіи вмѣсто того, чтобъ признать на себѣ руку Божію, возвести очи къ небу и слышать гласъ Отца небеснаго, глаголющаго къ намъ въ несчастіи нашемъ, предаемся малодушію, ропоту, клянемъ людей и судьбу, а о Богѣ и душѣ своей не хотимъ и подумать.

Наконецъ сама природа, насъ окружающая, самыя вещи бездушныя могутъ и должны служить для насъ въ наученіе полезное. Ибо что такое природа? Ужели сборъ вещей, неимѣющихъ никакого смысла? Нѣтъ, это зерцало, въ коемъ по свидѣтельству Апос. Павла, отражаются совершенства Божіи, самая *присносущная сила* Творца *и* Его *Божество* (Рим. 1, 5). Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на кипящее волнами море или на тучу, разсѣкаемую молніею и громами: не образъ ли это всемогущества Божія? Посмотрите на сводъ небесный, усѣянный звѣздами, на восходящее и заходящее солнце: не образъ ли это премудрости Божіей? Посмотрите на весну, украшенную цвѣтами, ведущую за собою хоры пернатыхъ: не образъ ли это благости Божіей? Что мѣшаетъ тебѣ, смотря на всѣ сіи картины, восходить мыслію къ совершенствамъ Творца твоего? Ты видишь, какъ въ природѣ все течетъ стройно и въ порядкѣ: долженъ стараться, чтобы все текло такъ стройно и въ твоей жизни. Видишь, какъ солнце сіяетъ не только на благія, но и на злыя; старайся и самъ быть

благимъ ко всѣмъ, самымъ ненавидящимъ и злымъ. Услышишь громъ; вспомни о гласѣ Божіемъ къ Адаму падшему: *Адаме, гдѣ еси?* и обрати сей гласъ къ своей душѣ. Увидишь радугу; вспомни о потопѣ, истребившемъ за грѣхи первый міръ, послѣ чего радуга поставлена Богомъ въ знаменіе мира. Настанетъ затмѣніе луны или солнца; пренесись мыслію къ тому времени, когда солнце померкнетъ во все и луна не дастъ свѣта. Самыя обыкновенныя занятія наши житейскія могутъ служить намъ въ поученіе. Ты вышелъ на полѣ посмотрѣть на посѣянное тобою осенью: сѣмена были всѣ равны; рука твоя бросала ихъ одинаково; но всходъ и ростъ вышелъ различенъ: что пало на землѣ худой и каменистой, то едва взошло, рѣдко и слабо; что пало возлѣ дороги, то хотя взошло и хорошо, но пострадало отъ проходящихъ и проѣзжающихъ; что пало на землю не хорошо выборонненную, то хотя также взошло не худо, но подавлено сорными травами: хорошо растетъ и веселитъ твое сердце одно то, что усѣлось на землѣ хорошей и хорошо очищенной. Вотъ изображеніе нашихъ душъ и сердецъ въ отношеніи къ слову Божію! Осмотрись же— не камень ли твое сердце,— не поросло ли и оно терніемъ и волчцами— похотями и страстями житейскими?— Подобнымъ образомъ ты работаешь въ своемъ саду и изъ дикихъ деревьевъ дѣлаешь деревья садовыя. Вникни, какъ это дѣлается? Посредствомъ двухъ смертей. Во первыхъ ты срѣзываешь дикое дерево едва не до корня; потомъ отрѣзываешь вѣтвь отъ хорошаго дерева и приставляешь къ дикому, и такимъ образомъ поправляешь его. Изъ двухъ смертей происходятъ новая, лучшая жизнь. Вотъ тебѣ символъ того, что должно быть съ тобою для твоего исправленія и перерожденія духовнаго: нужны и для сего двѣ смерти— смерть твоего Спасителя, и она подъята за тебя на крестѣ; и смерть твоя для Него, то есть, смерть твоего ветхаго человѣка, грѣха въ тебѣ живущаго. Когда ты вѣрою привьешься къ сей Божественной лозѣ— Спасителю твоему, то изъ смерти Его за тебя и смерти твоея для Него выйдетъ твоя новая жизнь; вся природа твоя измѣнится, ты содѣлаешься человѣкомъ новымъ, плодоснымъ, достойнымъ того, чтобъ быть пересаженнымъ, въ свое время, въ вертоградъ небесный.

Столько у насъ къ наученію средствъ естественныхъ! Такъ можемъ мы учиться у своей совѣсти, отъ своей жизни и отъ природы, насъ окружающей! Но мы Христіане: у насъ, кромѣ естественныхъ средствъ къ наученію, есть не мало сверхъестественныхъ, данныхъ намъ свыше.

Таково— слово Божіе,— писанія Пророковъ и Апостоловъ. Чему не могутъ они научить насъ? Слово Божіе, по свидѣтельству Апостола, полезно на все, *ко ученію, ко обличенію, кѣ исправленію, кѣ наказанію еже вѣ правдѣ, да совершенъ будетъ Божій человѣкъ и на всякое дѣло благое уготованъ* (2 Тим. 3, 16, 17). А кто не можетъ имѣть св. книгъ, если захочетъ? Ибо цѣна ихъ менѣе цѣны тѣхъ орудій, коими ты работаешь.— „Но, многіе не умѣютъ читать.“ Такъ слушай, когда читаютъ слово Божіе въ церкви. Здѣсь, въ продолженіе года, прочитываются всѣ Евангелія, всѣ посланія Апостольскія, большая часть писаній Проро-

ческихъ. Но вотъ несчастіе нашего времени! Нынѣ многіе умѣютъ читать и небрегутъ о томъ, чтобъ узнать и прочитать слово Божіе; бросаются на самыя негодныя книги, на самыя жалкія и душетлѣнныя басни, пожираютъ ихъ съ жадностію; а не хотятъ узнать, что написано къ нимъ съ неба, о ихъ вѣчномъ спасеніи! Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ водятся любопытствомъ, а тутъ нѣтъ и любопытства. Безчувствіе самое непростительное! Ибо, если бы ты, говоритъ св. Златоустъ, получилъ письмо отъ царя то непоспѣшилъ ли бы его прочитать? Не умѣя самъ читать, не просилъ ли бы о семъ тотчасъ другаго, умѣющаго? Не перечитывалъ ли бы сто разъ сего письма, и не показывалъ ли бы его при всякомъ удобномъ случаѣ другимъ? А Царь небесный написалъ къ намъ письмо, и мы, умѣя даже читать, не хотимъ ни разу прочесть его? Можетъ ли быть большей неблагодарности, безчувствія преступнѣе? Или, если бы кто нищему оставилъ по смерти своей завѣщаніе на богатое наслѣдство, и этотъ нищій не смотрѣлъ бы на это завѣщаніе не захотѣлъ прочесть его, что сказали бы мы о семъ человѣкѣ? Не то ли, что онъ сошелъ съ ума и врагъ самъ себѣ? А намъ всѣмъ оставлено завѣщаніе Спасителемъ нашимъ на цѣлое Царство небесное, завѣщаніе написанное не чернилами, а можно сказать, Кровію Его; и мы, имѣя всю возможность, не хотимъ даже прочитать и узнать его! Что можетъ быть преступнѣе такого невниманія?—

Второе сверхъестественное средство къ наставленію у каждаго изъ насъ есть Церковь. Я говорю сверхъестественное: ибо мы можемъ строить только стѣны храмовъ; а Церковь создана единожды и навсегда непосредственно самимъ Богомъ: она основана на чудесахъ, держится чудесами, и производитъ чудеса; ибо основана на краеугольномъ камени— Сынѣ Божіемъ; держится силою Духа Св., воскрешаетъ умершихъ грѣхами для жизни вѣчной. Что же есть Церковь, какъ не богоучрежденное для всѣхъ училище? Тутъ въ одной Литургіи ты услышишь всю жизнь своего Спасителя и всю тайну твоего спасенія; тутъ на одномъ иконостасѣ изображенъ предъ тобою весь соборъ святыхъ, дабы ты могъ избрать любаго для подражанія Его жизни. Въ продолженіе года, въ Церкви пройдутъ предъ тобою всѣ праздники— съ ихъ таинствами и величіемъ; всѣ дни святыхъ— съ ихъ добродѣтелями и подвигами; всѣ посты— съ ихъ слезами и умиленіемъ душевнымъ, всѣ дни поминовенія усопшихъ— съ памятію о смерти и судѣ страшномъ. И много ли нужно для того, чтобы каждому учиться въ Церкви? Нужны только глаза и слухъ, вниманіе и смыслъ. Приходи кто угодно, всѣмъ отверсты двери; не потребуютъ справокъ, кто ты и имѣешь ли право учиться; не подвергнутъ испытаніямъ въ способности и познаніяхъ. Приходи по утру; услышишь утреню, и въ ней изображеніе сотворенія міра; приходи среди дня; услышишь Литургію и будешь приглашенъ къ трапезѣ тѣла и крови Христовой; приходи вечеромъ, застанешь вечерню, и поучишься скончанію міра и собственной жизни.— Такова Церковь! истинная мать во всѣхъ отношеніяхъ! Истинная наставница для всѣхъ и каждаго! И чѣмъ же многіе отвѣчаютъ на любовь сей матери? тѣмъ,

что почти никогда не ходятъ въ церковь; тѣмъ, что и пришедъ въ нее,— загнанные какимъ либо случаемъ,— стоятъ разсѣянно, дерзко, мятежно, предаются разговорамъ, даже смѣху! Что можетъ быть преступнѣе такихъ поступковъ?

Поелику худые ученики и при многихъ наставникахъ успѣваютъ слабо; а отъ насъ трудно было ожидать должнаго прилѣжанія къ наукѣ, не смотря на то, что эта наука нашего спасенія: то любовь Божія, кромѣ вышеозначенныхъ наставниковъ видимыхъ, приставила къ каждому изъ насъ еще двухъ наставниковъ невидимыхъ.

Въ самомъ дѣлѣ каждый изъ насъ, какъ учитъ св. Церковъ, имѣетъ Ангела хранителя: что же такое Ангелъ хранитель, какъ не вмѣстѣ и Ангелъ учитель?— Можетъ ли такой наставникъ не знать что либо, нужное для нашего спасенія, или, зная, не сказать намъ того? Его радость, его честь состоитъ въ томъ, чтобы хранимый имъ человѣкъ не оставался во тьмѣ невѣденія. Посему если кто остается, то виною того самъ. И мало ли виновныхъ въ семъ отношеніи? Многіе ли обращаются съ молитвою къ своему Ангелу Хранителю за наставленіемъ? сколько такихъ, кои даже и не вѣдаютъ того, что у нихъ есть Ангелъ хранитель? Здѣсь съ горестію, я долженъ принести вамъ жалобу на васъ самихъ, и желалъ бы, чтобы сія жалоба услышалась по всѣмъ предѣламъ Пастыри Вологодской. Вездѣ по церквамъ, мною посѣщеннымъ, и внѣ церквей, гдѣ случалось спрашивать дѣтей о вѣрѣ, я съ утѣшеніемъ видѣлъ, что малыя дѣти ваши почти всѣ знаютъ Символъ Вѣры и молитву Господню. Но при вопросѣ объ Ангелѣ хранителѣ, они останавливались, смущались, не знали что сказать, и даже что думать; видно было, что это для нихъ лице вовсе неизвѣстное. Какъ не возскорбѣть о семъ, и какъ не обратиться съ упрекомъ къ отцамъ и матерямъ? По чему бы не внушить дитяти что у него есть Ангелъ хранитель?— Пусть бы, по крайней мѣрѣ, зналъ о семъ. Если бы мы имѣли какого богатаго родственника, или знатнаго покровителя; то безъ сомнѣнія не опустили бы внушить это дѣтямъ: а Ангелъ хранитель для насъ ничего не значитъ, о немъ трудно сказать хотя два— три слова дѣтямъ!.. Такъ мало цѣнимъ мы сего небеснаго наставника! Такъ платимъ любви Божіей за то, что она приставила каждому изъ насъ такого высокаго и святаго пѣстуна и хранителя!

Наконецъ, брат., у всѣхъ насъ есть такой наставникъ, выше, божественнѣе коего нельзя ни пожелать, ни представить; ибо это самъ Духъ святый— третіе лице пресвятыя и достопокланяемыя Троицы. Припомните, что говорилъ Спаситель предъ Вознесеніемъ на небо ученикамъ своимъ, когда они скорбѣли о Его отшествіи. Лучше, говорилъ Онъ, *дабы Я отшелъ отъ васъ; ибо если не отойду Я, то Утѣшитель не пріидетъ: аще же пойду, пошлю Его къ вамъ; Онъ, Духъ истины, пребудетъ съ вами въ вѣкъ и наставитъ васъ на всяку истину.* Въ день Пятидесятницы сей пресвятый Духъ дѣйствительно сошелъ въ видѣ огненныхъ языковъ на Апостоловъ и изъ рыбарей содѣлалъ ихъ учителями вселенскими: но Онъ сошелъ на Апостоловъ разъ и видимо съ тѣмъ, чтобы потомъ пре-

бывать всегда въ Церкви Христовой, сходитъ невидимо на каждаго изъ насъ въ таинствѣ Крещенія, сходитъ для того чтобы потомъ руководить, просвѣщать и наставлять каждаго въ жизнь вѣчную. Посему каждый изъ насъ, въ слѣдствіе таинства Крещенія, имѣетъ полное право обращаться за наставленіемъ къ самому пресвятому Духу. Какъ обращаться? Съ самою простою и краткою, только искреннею и отъ сердца молитвою. Напр. когда почувствуешь особенную нужду въ наставленіи, а видимыхъ наставниковъ нѣтъ; то обратись внутренно ко пресвятому Духу, и говори такъ: Душе святый, посланный для наставленія меня Спасителемъ моимъ, Ты видишь, что я незнаю какъ поступать мнѣ въ настоящемъ случаѣ, видишь и желаніе мое поступать право и истинно: просвѣти убо и наставь меня благодатію своею.— Быть не можетъ, совершенно не можетъ быть, чтобы Духъ святый не исполнилъ своего дѣла, не внялъ такой молитвѣ, не сказалъ тебѣ, какъ поступить, что сдѣлать или оставить.—

И такъ, вотъ сколько имѣемъ мы учителей и наставниковъ, и естественныхъ и сверхъестественныхъ и видимыхъ и невидимыхъ! И могло ли быть иначе?— Тотъ, кто пролилъ за насъ на крестѣ всю кровь свою, могъ ли пожалѣть для насъ наставленій? И если бы нужно было, то не стало ли бы у Него средствъ воздвигнуть для всѣхъ насъ училища, приставить ко всѣмъ намъ самыхъ умныхъ наставниковъ? Но для спасенія нашего это не нужно; а что нужно, то все сдѣлано: внѣ насъ— разкинутъ надъ нами огромный сводъ небесный и простерта подъ нами земля съ ихъ поучительнымъ разнообразіемъ; внутрь насъ начертанъ неизгладимый законъ совѣсти, и вложены начала разума;— по всей землѣ устроены церкви Божіи; на всѣхъ языкахъ слышится слово Пророковъ и Апостоловъ; къ каждому приставленъ въ пѣстуна Ангелъ хранитель; надъ всѣми носится и всѣхъ просвѣщаетъ Духъ святый. Не у сихъ ли учителей учились всѣ святые Божіи человѣки? Многіе изъ нихъ не знали никакого земнаго образованія, не умѣли ни писать, ни читать; и при всемъ томъ не только сами просвѣтились свѣтомъ небеснымъ, но и сдѣлались свѣтилами вселенныя.

Не будемъ же сожалѣть, что большая часть изъ насъ не знакомы съ земными науками;— для царствія Божія онѣ ненужны; будемъ пользоваться Богомъ данными средствами къ наставленію нашему; паче же всего постараемся познанное, хотя и малое, всегда оправдывать дѣлами; тогда мы опытно узнаемъ, что путь на небо не прегражденъ никому, и что если въ чемъ, то въ познаніи пути сего нѣтъ ни для кого недостатка.— Аминь.

Кіевъ Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 22 Іюля, 1843. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 23. НЕДѢЛЯ 15-я, ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. Сентября 12. 1843.

На Утрени: Евангеліе воскресное 4-е, Лук. 24, 1—12.
На Литургіи: Апост. 2 Кор. 3, 6—15. Еван. Мат. 22, 34—46.

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО НИЛА ПОДВИЖНИКА,

ИЗБРАННЫЯ ПИСЬМА

О терпѣніи въ молитвѣ.

1. Ѳеодоріану.

Нѣкоторые, подобные тебѣ, жалкіе невѣжды и міролюбцы, водясь страстями, просятъ у Господа въ молитвахъ здоровья, богатства, наслажденій и гибели врагамъ своимъ; и послѣ, когда столь вредное прошеніе ихъ не исполняется, падаютъ въ невѣріе, или жалуются на Бога. Другіе также другаго чего нибудь просивши и не получивъ, для ихъ же собственной пользы (потому, что не все то полезно, что мы любимъ; ибо мы не знаемъ, по словамъ Апостола, *о чемъ и какъ намъ должно молиться* Рим. 8, 16.), тотчасъ начинаютъ роптать, досадуютъ, сердятся, что не исполнилась ихъ молитва; и хотя часто ведутъ самую порочную жизнь, хотятъ однакоже тотчасъ быть услышаны. Не долженъ ли ты благодаренъ быть и за то одно, что удостоился утренневать ко Творцу всего и бесѣдовать съ Нимъ въ молитвѣ? Но ты не только нехочешь благодарить Его, но даже поносишь, прахъ, Создателя своего! Войди хотя теперь въ себя самаго, и познай свое состояніе (Кн. 1. пис. 56).

2. Фирмину Пресвитеру.

Если мы твердо увѣрены, что во всѣхъ обстоятельствахъ и скорби надобно уповать и ожидать помощи не отъ людей, но умилостивлять Бога слезами, усердными молитвами и продолжительными бдѣніями; то за чемъ смущаемся, малодушествуемъ, сомнѣваемся и колеблемся, когда не скоро Богъ исполняетъ наши прошенія? Чрезъ это Онъ хочетъ усилить въ тебѣ привязанность къ Себѣ, дабы ты, скоро получивъ, скоро не отсталъ отъ Него, и не забылъ благаго Его даянія. И такъ не унывай въ молитвѣ, и непремѣнно будетъ по прошенію твоему. Дабы научить насъ постоянно молиться и не унывать въ молитвѣ, Господь сказалъ притчу о неправедномъ судіи (Лук. 18). При томъ ты долженъ знать, что Господь, отлагая исполненіе твоего прошенія, готовитъ тебѣ большую благодать; ибо, по словамъ Апостола (Еф. 3, 20), Онъ можетъ *вся творити по произбыточествію ихъ же просимъ или разумѣемъ;* тому слава, честь и держава во вѣки. (Кн. 2. пис. 175).

3. Молодымъ Монахамъ.

Когда ты не скоро получаешь по прошенію твоему, или совсѣмъ не по-

лучаешь; то изъ сего заключить должно, что твое прошеніе безполезно для души. Но и то одно, что ты стоишь на молитвѣ и бесѣдуешь съ Богомъ, сотворившимъ все, составляетъ большее достоинство (Кн. 3. пис. 307).

4. Имъ же.

Одинъ Богъ собственно и по естеству премудръ, а Ангели и люди участвуютъ въ мудрости. Посему Господь знаетъ, кого скоро услышать, и для кого отдалить время исполненія прошенія. Такъ какъ Онъ знаетъ насъ лучше, нежели какъ мы сами себя знаемъ; то, для пользы нашей, или скоро, или медленно дѣлаетъ по прошенію нашему. Посему не будемъ малодушествовать и унывать, но постоянно будемъ благодарить и просить и съ надеждою ожидать; ибо какъ иначе просящій получитъ, ищущій лучшаго найдетъ, толкующему отверзутся двери правды?—

5. Ксенагору Діакону.

Изъ того, что въ настоящее время удовлетворено твое прошеніе, ты научаешься и касательно будущихъ нуждъ надѣяться на Бога, который не только обѣщаетъ удовлетворить (о чемъ и предвозвѣщаетъ еще за долго), но и на самомъ дѣлѣ дѣлаетъ по обѣщанію. Но поелику ты уже многократно получилъ по прошенію, и уже испыталъ надъ собою милосердіе, благоснисхожденіе и благость Божію; то, хотя и не скоро тебѣ внемлетъ, укрѣпись въ бодромъ упованіи, будь терпѣливъ въ молитвѣ даже до тѣхъ поръ, пока благоугодно будетъ Богу даровать тебѣ то, въ чемъ ты нуждаешься, или даже сверхъ нужды; ибо Онъ можетъ и хочетъ намъ сдѣлать и сверхъ просимаго (Кн. 1. пис. 40).

БЕСѢДА (*)

НА ЕВАНГ. СВ. МАРКА.

гл. 2, ст. 13—17.

О БЛАГОДАТНОМЪ ПРИЗЫВАНІИ ГРѢШНИКОВЪ КЪ БОГУ.

Благодатное привлеченіе грѣшниковъ къ Богу совершается различными образами,— особенно же внутреннимъ озареніемъ Св. Духа и внѣшнимъ словомъ живаго Бога. На сіе-то пришелъ съ неба на землю Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ; для сего-то онъ и жилъ на землѣ и чудеса творилъ; къ сему-то направлено было все небесное Его ученіе. Такъ, нѣкогда Господь училъ при мори, возвѣщая тайны царствія Божія. *Изыде паки къ морю и весь народъ идяше къ Нему и учаше ихъ* (Марк. 2, 13—17). Нельзя не видѣть, сколь привлекательно ученіе Его и сколь велика Его любовь.— Ученіе небеснаго Учителя такъ привлекательно, что народъ всюду сопровождаетъ Его! Такъ любвеобиленъ Господь, что вездѣ преподаетъ ученіе и во градѣхъ и въ пустыняхъ! И въ пустыняхъ гремитъ жизнодательный гласъ Его. *И изыде паки къ морю, и весь народъ идяше къ Нему и учаше ихъ.* Спасителю не столько дорогъ свой покой, сколько спасеніе людей; Онъ охотно жертвуетъ сладостію любезнаго Ему уединенія спасенію народа— открывая тайны царствія. Такъ, братіе, надобно жить для другихъ и жертвовать благу ихъ всѣмъ тѣмъ, что для насъ драгоцѣнно, что любезно, что полезно. Надобно учить и учиться, какъ можно и должно спастися.

(*) Говоренная Преосвящ. Иліодоромъ, Епископомъ Курскимъ и Бѣлогородскимъ.

И мимогрядый виде Левію Алфеова, сѣдяща на мытницѣ и глагола ему: по Мнѣ гряди. И воставъ, въ слѣдъ Его иде (ст. 14). Такъ живо слово Живодавца! Такъ силенъ гласъ дѣйствующаго вся во всѣхъ! Призываетъ Господь въ царствіе свое Левію Алфеова, иначе именуемаго Матѳея, и— сей безпрекословно повинуется. Видно, сердце Матѳеево не было привязано ни къ тому занятію, какое имѣлъ при пошлинномъ дворѣ, ни къ тѣмъ выгодамъ, коими пользовался, ни къ тому званію, въ коемъ находился, ни къ нѣмъ роднымъ, съ коими связанъ былъ крѣпкими узами. По гласу Господа— сердцевѣдца Матѳей всталъ, оставилъ все несовмѣстное съ послѣдованіемъ Христу, и пошелъ за Нимъ.

Братіе! Господь Іисусъ— тотъ же и для насъ. Спаситель міра печется о спасеніи каждаго изъ насъ. Всемірный Учитель возвѣщаетъ и нынѣ волю Отца небеснаго, и нынѣ зоветъ всѣхъ и каждаго— то силою Духа своего, по гласомъ слова, письмени преданнаго, по гласомъ совѣсти, за добро веселящей, а за зло угрызающей, то гласомъ природы, неумолкно проповѣдующей Господа своего, то гласомъ благодѣяній, то гласомъ скорбей и болѣзней. И нынѣ зоветъ Господь непрестанно: но пріемлемъ ли мы гласъ Господень? не ожесточаемъ ли сердецъ своихъ? не отвращаемъ ли слуха своего отъ Его Божественныхъ глаголовъ? Познаемъ, братіе, сколь сердца наши далеки отъ тѣхъ святыхъ расположеній, съ коими святыя души внимаютъ гласу Господню, охотно послѣдуютъ Ему, и радостно творятъ то, что Господь имъ повелѣваетъ, и благодушно терпятъ то, что Господь на нихъ посылаетъ. Если еще есть въ насъ нѣкія искры покаянія; если не угасло желаніе спасенія: то и мы должны, по гласу Господню, востать со одра безпечности и ходить въ заповѣдѣхъ Его.

Воставъ— иде. Что нужно послѣдователю Іисуса Христа? Нужно оставить все то, что не совмѣстно съ служеніемъ, къ коему онъ призывается, или что вредно духовному совершенству его. Нужно послѣдователю Іисуса Христа оставить блага міра— домъ и села, отца и матерь, братій и сестръ; еще же отвергнуться самаго себя— погубить душу свою имене ради Господня (Матѳ. 19, 29. 17. 23). Что это значитъ? Возможно ли это? и возможно и необходимо. Позволительно ли пользоваться благами земли со благодареніемъ и молитвою? Позволительно; Апостолъ говоритъ: *вся ми лѣть суть* т. е. позволительно, *но не вся на пользу* (1 Кор. 10, 23). Должно ли любить отца, матерь и всѣхъ присныхъ? Должно: ибо сказано *возлюбиши ближняго твоего, яко самъ себе* (Матѳ. 22, 39.) любишь. Естественна ли любовь къ самому себѣ? Естественна. Что же заповѣдію о самоотверженіи запрещается? Запрещается одна слѣпая, безразсудная, непомѣрная привязанность къ благамъ земли, къ присным нашимъ, и себѣ самимъ,— такая привязанность, которая несовмѣстна съ безпредѣльною, всецѣлою любовію къ Богу, вредна нашему спасенію. Правда, есть чрезвычайныя служенія, для прохожденія коихъ по гласу Господню, должно не только оставить все пріятное, все любезное: но и пожертвовать жизнію. Таково было нѣкогда служеніе Апостольское. Таково и нынѣ, подобное Апостольскому, служеніе тѣхъ, кои особенно

призваны къ проповѣди слова Божія народамъ, чуждымъ истиннаго Боговѣдѣнія. Таково званіе воиновъ, въ которомъ все оставляется для блага отечества и приносится жизнь въ жертву — за православную вѣру и Церковь, за Царя и отечество.—

Востав— иде. Шествіе Матѳеево за Христомъ означаетъ дѣятельное упражненіе въ благочестіи и благодушное перенесеніе всѣхъ скорбей, встрѣчающихся на пути къ царствію небесному. *Аще кто хощетъ по мнѣ ити,* глаголетъ Господь, *да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ* (Матѳ. 17, 24). Должно, братіе, отвергнуться себе, т. е. всего того, чѣмъ питается, растетъ и живетъ наше преступное самолюбіе; должно взять *крестъ свой* т. е. пригвоздивъ плоть ко кресту со страстьми и похотьми, воздержаніемъ и подвигами покаянія, взять крестъ обязанностей Христіанскихъ, и крестъ скорбей необходимо — нужныхъ для очищенія нашего; *крестъ свой* т. е. соразмѣрный нашимъ силамъ. Надобно идти за Христомъ, т. е. дѣятельно исполнять ученіе Его; бодро подвизаться для славы имени Божія и блага ближнихъ, внимательно пещися о спасеніи своемъ и благоугожденіи Начальнику и Совершителю спасенія нашего. Надобно вѣрою и любовію соединяться со Христомъ и въ Немъ утверждать всѣ свои надежды, полагать все блаженство.

И бысть возлежащу Ему (Іисусу) *въ дому* (Матѳея), *и мнози Мытари и грѣшницы возлежаху со Іисусомъ и со ученики Его* (ст. 15). Какая высокая вечеря! Какое торжество любви и благости! Какая отрада для насъ грѣшныхъ! Съ радостію призванный ко Христу Матѳей учреждаетъ трапезу — предлагаетъ пищу и питіе Іисусу и ученикамъ Его; Христосъ, яко Господь, возлежитъ за трапезою; ученики окрестъ; мытари и грѣшники тамъ же. Чудная трапеза! Она не одни тѣла, но и души насыщаетъ: ибо Господь преподаетъ млеко небеснаго ученія, манну благодатной жизни всѣмъ совозлежащимъ, оживляетъ всѣхъ кающихся грѣшниковъ обѣтованіемъ отпущенія грѣховъ. Видите, братіе, колико благъ Господь! Онъ не гнушается грѣшниковъ, гнушаясь грѣховъ ихъ. Видите, каковы должны быть Христіанскія трапезы,— питательны не столько для тѣла, сколько для души? И нынѣ, на трапезѣ благодатной, предлагаетъ Себя самаго Господь — свое безсмертное тѣло и животворящую кровь въ пищу и питіе кающимся грѣшникамъ. Какой можетъ быть драгоцѣннѣе залогъ божественной любви! Ангели не смѣютъ возрѣть на лице Господа: а мы окаяннѣйшіе, по благости и человѣколюбію Его, причащаемся неплѣнныя пищи тѣла Его и животворящаго питія крови Его. Какое можетъ быть сильнѣйшее побужденіе къ благодарности и благоговѣнію! Мы должны изчезать въ живомъ ощущеніи щедротъ Господнихъ.

Сколь ни ясно обнаруживалась благость Господня въ братолюбномъ Его обращеніи съ грѣшниками: но Фарисеи порицаютъ поведеніе Его; они говорятъ ученикамъ Іисуса: *почто Учитель вашъ ястъ и піетъ со грѣшники и мытари* (ст. 16.)? Это — голосъ зависти, не терпящей добродѣтелей другаго; это — чувство злобы, ищущей случая помрачить поведеніе другаго. Уничижая поведеніе Учителя, Фарисеи думали уни-

чижитъ учениковъ Его и поколебать ихъ уваженіе къ Нему. Хорошо ли послѣдовать тому, кто столь близкое общеніе имѣетъ съ мытарями и грѣшниками? Дабы съ одной стороны обличить лицемѣріе Фарисеевъ, а съ другой оправдать свое поведеніе, и вмѣстѣ преподать ученикамъ назиданіе, Господь даетъ удовлетворительный отвѣтъ. Кому нуженъ врачь? Очевидно,— больнымъ: *не требуютъ бо здравіи врача, но болящіи* (ст. 17). Кого обязанъ посѣщать врачь? Безъ сомнѣнія, больныхъ. Поелику же грѣшники суть больные по душѣ и тѣлу: то кого особенно небесный Врачь обязанъ посѣщать? Грѣшниковъ. Съ кѣмъ имѣть ближайшее общеніе? Съ грѣшниками и мытарями. *Не пріидохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе* (ст. 17). Не пріидохъ призвати, говорилъ Господь, васъ Фарисеевъ, гордящихся мнимою правдою, но кающихся грѣшниковъ и сокрушающихся. Почто предлагается тѣло и кровь Господня грѣшникамъ, говорятъ и нынѣ мнимые ревнители о славѣ Господней? Для того, что и тѣло Господне преломлено, и кровь Его пролита во оставленіе грѣховъ; для того, что смиренные грѣшники ближе къ покаянію, и слѣдовательно къ Богу, нежели гордые праведники; для того, что Господь пришелъ на землю для привлеченія грѣшниковъ ко Отцу небесному. Близость Господа къ грѣшникамъ служитъ знаменіемъ безпредѣльнаго Его человѣколюбія и благости. Надобно только приступать къ трапезѣ Господней съ сыновнимъ дерзновеніемъ, съ сердечнымъ сокрушеніемъ, съ благоговѣйнымъ умиленіемъ, да не въ судъ или осужденіе будетъ намъ причастіе святыхъ таинъ, но во исцѣленіе душъ и тѣлесъ нашихъ отъ язвъ грѣховныхъ.

Такъ, братіе, Господь и нынѣ готовъ посѣтить нашу нищету, готовъ вселиться въ душахъ нашихъ, ежели будемъ притекать къ Нему съ вѣрою, ходить во свѣтѣ Его заповѣдей съ любовію, приносить покаяніе съ сердечнымъ сокрушеніемъ, чаять Его пришествія съ отраднымъ упованіемъ. Благо есть прилѣпляться Богови вѣрою и любовію, полагать во Господѣ упованіе свое; благо есть очищать души и тѣла слезами искренняго покаянія! Аминь.

Награда за почитаніе крестнаго изображенія.

Павелъ Діаконъ, въ 18-й книгѣ своей Исторіи, повѣствуетъ о благочестивомъ Тиверіѣ, Кесарѣ Цареградскомъ, слѣдующее: однажды Тиверій прохаживался уединенно по своимъ царскимъ палатамъ. Полы чертоговъ были устланы мраморомъ. На одной мраморной плитѣ Кесарь замѣтилъ изсѣченное изображеніе простаго креста, безъ образа на немъ Распятаго. „Крестомъ Господнимъ мы должны,— сказалъ Государь,— знаменать чело и перси: какъ же дерзнемъ ногами попирать оный?“ — Онъ тотчасъ приказалъ вынуть изъ пола мраморную плиту, отмѣченную крестомъ. Лишь только плита была поднята, подъ нею оказалось сокровище— болѣе ста тысячъ золотыхъ Византійскихъ монетъ. Это сокровище было наградою крестолюбивому Кесарю за его уваженіе къ крестному изображенію.

Сила крестнаго знаменія надъ отравою.

Бѣдность не порокъ,— говоритъ пословица; но часто бываетъ поводомъ къ великимъ преступленіямъ. Сила же Божія преимущественно совершается тамъ, гдѣ есть великія немощи. Одинъ бѣдный Христіанинъ, не имѣя чѣмъ жить, началъ забирать въ долгъ: долговъ накопилось много, а платить было нѣчѣмъ; между тѣмъ заимодавцы не давали покоя бѣдному должнику. Не видя и не надѣясь ни откуда помощи, несчастный замыслилъ умертвить себя: съ этимъ злымъ намѣреніемъ онъ пошелъ къ одному жиду, славившемуся въ городѣ чародѣйствомъ, и просилъ у него самой сильной отравы. Услужливый Еврей, не имѣя охоты удерживать Христіанина отъ самоубійства, съ наслажденіемъ подалъ ему чашу съ ядомъ. Взявши отраву, Христіанинъ пошелъ домой,— думалъ; размышлялъ, боялся и не зналъ, что дѣлать. Наконецъ, внѣ себя отъ страха и отчаянія, схватилъ смертоносную чашу, перекрестилъ,— и выпилъ всю до дна. Сильный ядъ оказался совершенно безсильнымъ: несчастный много удивлялся, какъ онъ могъ остаться живъ, и нималѣйшаго вреда не ощущаетъ;— пошелъ опять къ жиду, и просилъ у него самаго люттѣйшаго яду. Еврей въ свою очередь крайне удивился, увидѣвши того человѣка живымъ. „Если ядъ мой принятъ,— думалъ онъ,— то никакая сила не могла исхитить этого человѣка отъ мгновенной смерти: какъ же онъ живъ?“— Приготовилъ еще отраву несравненно сильнѣе прежней, и подалъ ее несчастному. Неся въ рукахъ своихъ несомнѣнную смерть, Христіанинъ опять началъ колебаться; но ядъ мысленный, принятый въ душу желаніемъ умертвить себя, пересилилъ въ бѣднякѣ страхъ смерти саморучной. Онъ снова схватилъ чашу, перекрестилъ ее, и выпилъ. Вторая сильнѣйшая отрава еще менѣе оказала силы, чѣмъ первая. Несчастный пошелъ къ жиду въ третій разъ, и уже не просилъ, а ругалъ его, называя обманщикомъ, неумѣющимъ не только лѣчить, но и уморить. Жидъ пришелъ въ ужасъ. „Но ты принялъ ли ядъ мой,— спросилъ онъ?“— Принялъ,— отвѣчалъ несчастный. „Что ты дѣлалъ, когда началъ пить чашу?“— Ничего; *перекрещу*,— и выпью: только всего!— Еврей понялъ, отъ чего былъ ядъ не дѣйствителенъ: но желая еще болѣе удостовѣриться въ силѣ крестнаго знаменія надъ отравою, онъ далъ частичку того же яду своей собакѣ, которая въ тужъ минуту издохла. Тогда Еврей объяснилъ Христіанину силу креста Христова, и самъ сдѣлался Христіаниномъ (Чет. Мин. Сентяб. 26 дн. Житіе св. Іоанна Богослова).—

ГОРА ГОЛГОѲА.

Мы охотно замѣчаемъ и мелкія подробности въ описаніи тѣхъ мѣстъ, гдѣ одержана славная побѣда, примирены царства, успокоился отъ многотрудныхъ подвиговъ самъ побѣдитель, предавъ душу Господу. Удивительно ли послѣ сего невольное наше благоговѣніе при одномъ имени: Голгоѳа?— желаніе напечатлѣть въ душѣ всѣ подробности этого позорища, на коемъ божественный Ратоборецъ— Господь Іисусъ Христосъ сокрушилъ державу нашихъ враговъ— грѣха, смерти и ада, опочилъ сномъ смертнымъ

послѣ кровавыхъ подвиговъ крестнаго страданія? Древніе Христіане, не имѣя письменныхъ памятниковъ, измѣрили, такъ сказать, пядію св. мѣсто, опредѣлили каждый ступень божественнаго Страдальца, каждое дѣйствіе Имъ и надъ Нимъ совершенное. Потомству досталось преимущество— не бывъ въ святой землѣ— имѣть какъ бы предъ глазами гору страданій Спасителя.

У необыкновеннаго Ратоборца все необыкновенно: чѣмъ неистовѣе враги, страшнѣе брань; тѣмъ безъизвѣстнѣе, уничиженнѣе позорище бранныхъ подвиговъ— Голгоѳа. На западъ за стѣною древняго Іерусалима находился едва замѣтный по высотѣ и пространству холмъ, извѣстный Евреямъ отъ древнихъ лѣтъ только потому, что составлялъ отрасль святой горы Моріа и Сіона. На немъ особенно, когда предалъ Господь народъ свой подъ власть Римлянъ, часто возвышались грозныя орудія поносной казни— кресты съ умирающими преступниками, или видны были груды праха и пепла— мрачныя остатки отъ сожигаемыхъ тѣлъ. Вотъ Голгоѳа и ея страшное назначеніе! И сей-то едва замѣтный холмъ возвысился до соединенія неба съ землею! На семъ то мѣстѣ казни великихъ преступниковъ Святый Святыхъ принесъ жертву въ удовлетвореніе правосудію за грѣхи всего міра. Назначеніе въ судьбахъ вышняго для дѣлъ великихъ сего неизвѣстнаго на земли холма, болѣе нежели за 500 лѣтъ, провидѣлъ и возвѣстилъ Израилю великій во Пророкахъ Іеремія, говоря, что онъ *будетъ священнымъ мѣстомъ Господа, и не истребится, и не разорится даже до вѣка* (Іер. 31, 40).

Въ священномъ Писаніи Голгоѳа нигдѣ не называется горою, а только Голгоѳою (locus calvariae, κρᾱνίον— лобъ, черепъ, лобное мѣсто). Вниманіе всѣхъ четырехъ Евангелистовъ въ точномъ указаніи мѣста сего и въ объясненіи его значенія— еже *есть глаголемо краніево мѣсто* (Матѳ. 27, 34.), *еже есть сказаемо лобное мѣсто* (Мар. 15, 22.) и пр. само собою становится замѣчательнымъ при чтеніи Евангелія. По значенію указанныхъ словъ, Голгоѳа означаетъ или а) нѣкоторое кругообразное возвышеніе на подобіе черепа головы человѣческой, или b) мѣсто гдѣ казнятъ преступниковъ и зарываютъ ихъ вмѣстѣ съ орудіями, коими были замучены и гдѣ видимы были остатки— кости, черепы казненныхъ, или наконецъ с) указываетъ на то древнее преданіе Іудейское, что на мѣстѣ крестныхъ страданій и смерти Искупителя міра погребенъ былъ Отецъ всѣхъ человѣковъ— Адамъ; и что посему, думаютъ, на изображеніи у ногъ Распятаго Спасителя, по древнему христіанскому обычаю, видимъ главу Адама съ двумя костями крестообразно положенными. Первое значеніе Голгоѳы, какъ возвышенія кругообразнаго на подобіе черепа человѣческой главы, кажется, не столько важно, чтобы Евангелисты почли его достойнымъ своего особеннаго вниманія и замѣчанія потомства Христіанскаго. Удовлетворительнѣе мнѣніе тѣхъ, кои подъ Голгоѳою хотятъ разумѣть мѣсто страшной, смертной казни преступниковъ, гдѣ, по опредѣленію судебъ Вышняго, нужно было пострадать и умереть поносною казнію Святому Святыхъ въ искупительную жертву за грѣхи преступнаго міра. Послѣднее значеніе, ко-

имъ указывается на преданіе Іудейское о погребеніи праотца Адама на Голгоѳѣ, не представляетъ въ себѣ ничего противорѣчущаго исторической вѣроятности, и, соединяя собою другія значенія, имѣетъ то преимущество, что а) оно сохранено какъ достойное вниманія св. Отцами— Аѳанасіемъ (a) и Василіемъ Великими (b), Св. Златоустомъ, (c) св. Амвросіемъ и св. Епифаніемъ (d) также Тертулліаномъ, Оригеномъ (e) и другими близкими къ началу преданій христіанскихъ; b) Латинское— calvaria и Греческое κρᾱνίον значатъ только указаніе Евангелистовъ на часть главы, Еврейское означаетъ цѣлую, какъ она представляется на изображеніи у ногъ Распятаго Спасителя, для показанія главы и вождя рода человѣческаго. Послѣ сего послѣдняго значенія приходимъ къ глубокой многознаменательной мысли св. Евангелистовъ, которые, указывая на образы видимые, руководятъ косность нашего разумѣнія къ благоговѣйному созерцанію, подъ покровомъ сего видимаго— къ созерцанію тайныхъ совѣтовъ Божіихъ въ дѣлѣ всемірнаго спасенія чрезъ Искупителя. И такъ, считая сіе преданіе справедливымъ, чья душа не обымется благоговѣйною, пристрастною мыслію о путяхъ Божественнаго провидѣнія, опредѣлившаго, чтобы смерть побѣждена была на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ низвела она въ прахъ перваго преступника заповѣди Божіей— нашего отца, а въ лицѣ его всѣхъ насъ его дѣтей; и чтобы приговоръ смертный произнесенный противъ насъ всѣхъ былъ уничтоженъ Искупителемъ на томъ мѣстѣ, гдѣ исполненъ былъ надъ первымъ грѣшникомъ!

Вся юдоль мертвыхъ и пепела..... будетъ священнымъ мѣстомъ Господу, и ктому не исторгнется, и не потребится даже до вѣка (Іер. 31 40). Скорбь и отвращеніе раждались въ душѣ при одномъ воззрѣніи на Голгоѳу, когда на ней стали возвышаться кресты съ распятыми, груды костей и пепла отъ ихъ сожженія. Но когда между крестами злодѣевъ водрузился крестъ Христа Праведника, уничиженный холмъ возвеличенъ, юдоль мертвыхъ освятилась пречистою кровію Агнца, Голгоѳа сдѣлалась священнымъ мѣстомъ Господа, болѣзненное отвращеніе отъ юдоли пепла смѣнилось благоговѣйнымъ къ ней уваженіемъ; куда прежде восходили одни воины— исполнители смертнаго суда, Спаситель, прошедши подъ ношею креста, проложилъ путь смиреннымъ своимъ послѣдователямъ. Пренепорочная въ женахъ и ученикъ возлюбленный, ставши безстрашно у подножія креста Господня, предъизобразили собою постоянное обоего пола поклоненіе, *идѣже стоятъ ногъ его*. У первенствующихъ Христіанъ благоговѣніе къ Голгоѳѣ такъ было велико, что никакія опасности отъ Іудеевъ и язычниковъ не сильны были воспрепятствовать имъ посѣщать мѣста страстей Господнихъ, особенно при годичномъ ихъ воспоминаніи,— узнавать ихъ со всею вѣрностію, замѣчать со всѣми подробностями.

Вся юдоль мертвыхъ и пепла не истребится, и неразорится во вѣкъ. Когда уничиженный холмъ былъ уже воз-

(a) Слов. о страд. Господа.
(b) jn. Esa. v. c.
(c) jn. joan: Homil. 84.
(d) Haeres. 46.
(e) jn. Luc. 23.

величенъ Крестомъ Спасителя, прославленъ благоговѣніемъ христіанъ, судьба святой горы сопровождалась такими разрушительными обстоятельствами, при которыхъ можно бы истребиться изъ памяти самому имени Голгоѳы. Но тайнымъ мановеніемъ промысла Божія сіи самыя обстоятельства способствовали къ исполненію опредѣленія— не истребиться и неразрушиться во вѣки священному мѣсту. Іудеи, чтобы ослабить благоговѣніе Христіанъ къ ихъ святынѣ, старались оскорблять ее: ущесъ гроба Господня былъ глубоко засыпанъ,— на Голгоѳѣ непрестанно увеличивались насыпи. Язычники воздвигли, на ней капище Венерѣ, на погребальномъ вертепѣ Спасителя— Юпитеру. Нечестивые не видѣли, что они ненамѣренно старались о сохраненіи святыни Христіанской;— насыпи были для ней памятниками, идолы стражами до установленнаго времени. Равноапостольная Елена, прибывъ въ Іерусалимъ, собравъ свѣжія преданія, открыла по указанію ихъ св. мѣста Голгоѳскія, капища ниспровергла, вѣковыя насыпи сняла до самой той земли, которая освящена стопами божественнаго страдальца, обагрена Его кровію. Сѣверозападная часть Голгоѳы— поприще страданій и смерти Искупителя включена въ обширный храмъ Воскресенія Господня. Малая церковь, вмѣщенная въ обширный храмъ, устроена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ водруженъ былъ страдальческій крестъ Искупителя, и тамъ, гдѣ Онъ— Агнецъ Божій закланъ былъ, доселѣ приносится безкровная жертва: отверстіе, гдѣ стоялъ Крестъ, вмѣстилось подъ престолъ, который для благоговѣйныхъ поклонниковъ открытъ по бокамъ. Подлѣ него съ правой стороны находится другое отверстіе— разсѣлина горы Голгоѳской треснувшей отъ ужаса при смерти Создателя. Сумрачная Церковь Голгоѳская напоминаетъ собою поклоннику тѣ минуты, когда среди дня солнце лучи свои потаило, и отъ шестаго часа тьма бысть по всей земли до часа девятаго (а). Въ придѣлѣ— направо отъ престола, мраморный на полу четвероугольникъ означаетъ то мѣсто, гдѣ нечестивые простерли на Крестъ Спасителя и вонзали въ Него гвозди. У всхода на вершину Голгоѳы изъ Алтаря церкви во имя Іоанна Предтечи видны камни распадшіеся при смерти Искупителя. Остальная большая часть Голгоѳы находится внѣ храма, занята монастыремъ Св. Авраама и жилищами Христіанъ. У подошвы ея съ сѣверовосточной стороны находится тотъ вертепъ, куда свергались кресты и тѣла распинаемыхъ и гдѣ обрѣтенъ былъ крестъ Спасителя, указанный чуднымъ исцѣленіемъ жены.

Судьба Св. Голгоѳы, съ того времени, какъ она украсилась подобающимъ благолѣпіемъ, до настоящихъ временъ, одна съ судьбою всей святыни Іерусалима. Персы, Арабы, Латины, Турки и друг. проносились здѣсь тьмочисленными полчищами и оставляли кровавые слѣды. Нѣсколько разъ храмъ Воскресенія Господня обнимался пламенемъ; но мѣсто, освященное Господу, не разорилось и не испребилось. Завѣтныя сокровища Церкви Христовой— скала Голгоѳы и погребальный вертепъ Искупителя сохранились въ цѣлости до нынѣ.

(а) Матѳ. 27, 45.

Рай, гдѣ блаженствовалъ до паденія человѣкъ, истребился съ лица земли; при всѣхъ усильныхъ изысканіяхъ не извѣстны намъ и слѣды его; а Голгоѳа— юдоль поносной казни согрѣшившаго человѣка,— мѣсто, гдѣ пострадалъ и умеръ самъ Сынъ Божій, не истребилась и не разрушится во вѣкъ. Не указаніе ли это на ту истину, что блаженство на землѣ не возможно для падшаго человѣка при всѣхъ его усиліяхъ, а скорбь и страданія неизбѣжны не только для грѣшника, но и для праведника; что рай Божій водворяется внутрь насъ, уготованъ по смерти только крестными страданіями Искупителя и нашимъ съ Нимъ сораспятіемъ?...

Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся.

Гал 3, 27.

Какъ ослабляютъ и унижаютъ слова Апостола тѣ, кои выраженіе: *во Христа облекостеся* полагаютъ равнозначущимъ съ выраженіемъ: „во Христа увѣровали!“— Нѣтъ! Этого мало. Апостолъ въ таинствѣ св. Крещенія видитъ точно таинство, и таинство великое. Въ немъ, говоритъ, мы облеклись въ самаго Христа, соединились съ Источникомъ благодати такъ, что Онъ сталъ въ насъ и мы стали въ Немъ. И не ясно ли указалъ Апостолъ на это тѣсное соединеніе? Іисусъ Христосъ есть Сынъ Божій: содѣлались и мы, по благодати возрожденія, сынами Божіими: *вси бо вы сынове Божіи есте*, говоритъ Апостолъ (—ст. 26). Іисусъ Христосъ глава Церкви, оживляющая ее своею божественною жизнію; а вѣрующіе, посредствомъ крещенія, содѣлались членами его тѣла: *вси вы едино есте*, говоритъ Богодухновенный учитель, *о Христѣ Іисусѣ* (ст. 28). Что же болѣе нужно для таинства? Изъ враговъ мы дѣлаемся сынами Божіими, лишенные истинной жизни получаемъ ее въ тѣлѣ Христовомъ, становясь сами живыми членами сего тѣла: какая сила можетъ произвесть сіе?— Это дѣло всемогущей благодати; это новое твореніе Божіе!

Безцѣнное облаченіе получилъ ты, Христіанинъ! Это нисколько не меньше того величественнаго образа Божія, коимъ почтенъ былъ первозданный, это и есть образъ Божій, возвращающій намъ достоинство первобытное и усвояющій еще высшее— будущее достоинство небесное!— Блаженъ кто могъ сохранить во всей чистотѣ эту одежду Царскую, въ которой одной допускаются званные на вечерю вѣчную. Но блаженъ и тотъ, кто хотя не сохранилъ сей одежды во всей чистотѣ ея, не престаетъ однако омывать ее слезами покаянія!—

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 25 Іюля, 1845. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 24. НЕДѢЛЯ 16-я, ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. Сентября. 19. 1843.

На Утрени: Евангеліе воскресное 5-е, Лук. 24, 12—35.
На Литургіи: Апост. Галат. 6, 11—18. Еван. Іоан. 3, 13—17.

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА ИЗЪЯСНЕНІЕ МОЛИТВЫ ГОСПОДНЕЙ (*)

Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ!

По благодати Божіей, а не по заслугамъ нашимъ призываемые къ наслѣдію вѣчному, да будемъ сонаслѣдниками Христу и получимъ всыновленіе (Римл. 8, 23.), мы сію же благодать полагаемъ въ самомъ началѣ молитвы, когда говоримъ: *Отче нашъ*. Это имя возбуждаетъ любовь: ибо что дѣтямъ любезнѣе Отца? возбуждаетъ и чувство покорности, когда люди говорятъ Богу: *Отче нашъ;* выражаетъ и нѣкоторое право на полученіе просимаго, такъ какъ прежде всякаго прошенія мы получили столь великій даръ, что смѣемъ говорить Богу: *Отче нашъ!* Ибо чего не даруетъ чадамъ просящимъ, когда далъ уже это самое, чтобъ были они чадами? Сверхъ того научаемся великой осторожности, да говоря: Отче нашъ, не явимся недостойными толикаго Отца. Ибо если какой либо простолюдинъ, получивъ позволеніе называть отцемъ сенатора лѣтъ преклонныхъ, будетъ трепетать и не легко осмѣлится на то, представляя себѣ низость своего рода и состоянія и свою бѣдность: то во сколько разъ болѣе трепетать должно, называя Отцемъ Бога, когда имѣемъ столько нечистотъ и сквернъ нравственныхъ, которыя несравненно справедливѣе отвергаетъ отъ себя Богъ, нежели оный сенаторъ— бѣдность какого бы то ни было нищаго? Сей презираетъ въ нищемъ то, до чего и самъ, по непостоянству человѣческихъ обстоятельствъ, дойти можетъ; а Богъ никогда непричастенъ худымъ нравамъ. И благодареніе Его милосердію, Онъ самъ требуетъ отъ насъ, чтобъ быть Отцемъ нашимъ; и это счастіе пріобрѣтается безъ всякихъ издержекъ, одною доброю волею. Есть также здѣсь наставленіе богатымъ и благороднымъ настоящаго вѣка, да содѣлавшись Христіанами не гордятся противъ бѣдныхъ и низкихъ родомъ. Ибо всѣ они вмѣстѣ говорятъ Богу: *Отче нашъ,* чего не могутъ сказать по истинѣ и благочестно, если не признаютъ себя братьями.

И такъ народъ новый, призванный къ наслѣдію вѣчному, да упо-

(*) Operum August. T. III. pars II col. 148 sqq. Edit. Bened.

требляетъ слова Завѣта Новаго, да глаголетъ: *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ,* то есть, Ты, который во святыхъ и праведныхъ! Ибо Богъ не содержится пространствомъ мѣстъ. Небеса— превосходнѣйшія въ мірѣ тѣла, но все тѣла, кои необходимо занимаютъ мѣсто; и если въ небесахъ, какъ въ высшихъ частяхъ міра представимъ мѣсто для Бога, то больше будетъ достоинства у птицъ, коихъ жизнь ближе къ Богу. Но не сказано: близъ Господь высокимъ людямъ, или къ тѣмъ, кои живутъ на горахъ; а написано: *близъ Господь сокрушеннымъ сердцемъ* (Псал. 33, 19.), что болѣе относится къ смиренію. Какъ землею названъ грѣшникъ,— *земля еси и въ землю отъидеши,* ему сказано (Быт. 3, 19.);— такъ, напротивъ, небомъ можетъ назваться праведникъ ибо праведнымъ говорится: *храмъ бо Божій святъ есть, иже есте вы* (1 Кор. 3, 17). Посему, если Богъ обитаетъ въ своемъ храмѣ, а святые суть храмъ Его, то справедливо сказать: *иже еси на небесѣхъ,* иже еси во святыхъ. И это подобіе весьма прилично, потому что, въ духовномъ отношеніи, столько же различія между праведными и грѣшными, сколько, въ вещественномъ, между небомъ и землею.

Да святится имя твое.

Вотъ первое, чего просить должно— *да святится имя твое!* Просимъ сего не потому, чтобы имя Божіе не было свято, но чтобъ признавали его святымъ человѣки, то есть, да познаютъ они Бога такъ, чтобъ ничего не почитали святѣе Его, и болѣе всего страшились оскорбить Его. Ибо и слѣдующее изреченіе: *вѣдомъ во Іудеи Богъ, во Израили велію имя Его* (Пс. 75, 2.) не такъ понимать должно, будто бы въ одномъ мѣстѣ Богъ менѣе, а въ другомъ болѣе; но— тамъ велико имя Его, гдѣ оно именуется сообразно Его величію. Такъ и святымъ называется имя Божіе тамъ, гдѣ съ благоговѣніемъ и со страхомъ призывается. И сіе-то происходитъ нынѣ, когда Евангеліе, доселѣ возвѣщаемое различнымъ народамъ, благовѣствуетъ имя единаго Бога, по устроенію Сына Его.

Да пріидетъ царствіе твое.

О семъ царствѣ говоря Господь, сказуетъ въ Евангеліи, что тогда придетъ день суда, когда будетъ проповѣдано Евангеліе во всѣхъ народахъ, т. е. будетъ то, что относится къ освященію имени Божія. Ибо и здѣсь сказано: *да пріидетъ царствіе твое,* не потому, чтобъ Богъ не царствовалъ. Быть можетъ иной скажетъ; что *да пріидетъ* сказано на землю; но развѣ Богъ нынѣ не царствуетъ на землѣ и не всегда царствовалъ на ней отъ самаго сотворенія міра? И такъ слово— *да пріидетъ* такъ же разумѣть должно, какъ и— да явится человѣкамъ. Ибо какъ нѣтъ свѣта для слѣпыхъ, или для тѣхъ, кои смѣжаютъ свои очи, хотя бы и присущъ былъ свѣтъ; такъ царство Божіе, хотя не отступаетъ отъ земли, невѣдущимъ его не присуще. Тогда же никому нельзя будетъ не знать царства Божія, когда Единородный Сынъ не только духов-

но, не и видимо, въ образѣ человѣческомъ, придетъ съ небесъ судить живыхъ и мертвыхъ. Послѣ сего суда, то есть, послѣ того, какъ послѣдуетъ отдѣленіе и отлученіе праведныхъ отъ неправедныхъ, Богъ такъ вселится въ праведныхъ, что не нужно будетъ никому научаться отъ человѣка, а всѣ, по писанію, *научени будутъ Богомъ* (Иса. 54, 13). Потомъ блаженная жизнь всецѣло совершится во святыхъ на всю вѣчность, какъ совершается она въ небесныхъ Ангелахъ, существахъ святѣйшихъ и блаженнѣйшихъ, кои премудры и блаженны просвѣщеніемъ единаго Бога; ибо и сіе обѣщалъ Господь своимъ: *въ воскресеніе*, говоритъ, будутъ *яко Ангели на небеси* (Матѳ. 22, 30).

Да будетъ воля твоя, яко на небеси и на земли.

Это значитъ: какъ въ Ангелахъ, кои на небесѣхъ, совершается воля Твоя, такъ что они совершенно обращены къ Тебѣ и Тобою наслаждаются, и никакое заблужденіе не затемняетъ ихъ премудрости, никакое бѣдствіе не препятствуетъ ихъ блаженству; такъ да будетъ она во святыхъ твоихъ, кои на землѣ, отъ земли по плоти созданы, отъ земли же будутъ и восприняты въ жилище небесное и нетлѣнное.— Правильно также и такъ разумѣть слова: *да будетъ воля Твоя*— да повинуются всѣ повелѣніямъ Твоимъ, *яко на небеси, и на земли*, т. е. какъ Ангелы, такъ и человѣки. Ибо самъ Господь называетъ то совершеніемъ воли Божіей, когда повинуются заповѣдямъ Божіимъ: *мое*, говоритъ, *брашно есть, да сотворю волю пославшаго Мя* (Іоан. 4, 34.), и еще: *снидохъ съ небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца* (Іоан. 6, 38.); также: *иже аще сотворитъ волю Отца моего, той братъ мой, и сестра, и мати ми есть* (Матѳ. 12, 50). И такъ въ тѣхъ, кои творятъ волю Божію, и бываетъ воля Божія, не потому чтобы они творили хотѣніе въ Богѣ, но потому что они творятъ, чего хощетъ Богъ, т. е. поступаютъ по волѣ Его. Можно разумѣть и такъ прошеніе: *да будетъ воля твоя, яко на небеси, и на земли,*— да будетъ она, какъ во святыхъ и праведныхъ, такъ и въ грѣшныхъ, и это опять двояко разумѣть можно. Или мы молимся за враговъ нашихъ (тѣхъ, коимъ противно имя и умноженіе Христіанъ и православныхъ), говоря какъ бы такъ: да творятъ волю твою и грѣшники, какъ праведные, т. е. да обратятся къ Тебѣ. Или просимъ того, да будетъ всѣмъ должное воздаяніе, что будетъ на послѣднемъ судѣ, когда праведнымъ воздастся награда, а грѣшники осудятся, когда разлучатся агнцы отъ козлищъ.

СЛОВО

при прощаніи съ паствою Вологодскою, сказанное въ зимнемъ Вологодскомъ Соборѣ. (*)

Нынѣ день предпразднества Срѣтенія Господня; а для меня день прощанія

(*) Преосвящен. Иннокен. Епископомъ Харьков. и Ахтырскимъ. Февр. 1, 1842 года.

съ тобою, возлюбленная паства Вологодская! О, еслибы и мнѣ, подобно Симеону, можно было сказать при семъ: *Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, по глаголу твоему съ миромъ; яко видѣста очи мои спасеніе Твое!* По крайней мѣрѣ, и я отхожу отселѣ не по волѣ своей, а по глаголу Твоему, Господи, изреченному устами Помазанника твоего. По крайней мѣрѣ, среди краткаго служенія моего здѣсь, и я не желалъ видѣть, и надъ собою и надъ всею паствою Вологодскою, ничего болѣе, кромѣ спасенія Твоего. Твоей вседержавной волѣ угодно, чтобы я шелъ возвѣщать сіе спасеніе въ страну другую: съ благоговѣніемъ пріемлю исходящую отъ лица Твоего новую судьбу мою! Покой или трудъ, радость или скорбь срѣтятъ меня на новомъ мѣстѣ служенія; я равно приму ихъ; ибо они отъ руки Твоей. Ты не подашь вмѣсто хлѣба камней тѣмъ, кои *чаютъ* къ Тебѣ, Тебѣ *Единому!*

Не дивно, брат., если жезлъ служенія Пастырскаго, такъ часто обращается въ жезлъ страннический. Кому же, какъ не Пастырямъ Церкви приличнѣе показывать самымъ внѣшнимъ образомъ жизни своей, что мы всѣ не имѣемъ *здѣ пребывающаго града, но взыскуемъ грядущаго?*— (Евр. 13, 14.) Единаго надобно желать и просить у Господа, чтобы наше странствованіе было подобно странствованію древнихъ св. Пастырей и учителей Церкви, кои откуда ни отходили, всюду оставляли миръ и благодать, куда ни являлись, всюду приносили радость и благословеніе.

Единъ вѣчный и неизмѣнный Архіерей, *прошедый* не землю токмо, но и *небеса*, Господь нашъ Іисусъ Христосъ: къ Нему обращайте постоянно взоры и сердца ваши; ибо Онъ единъ и *той же вчера, днесь и во вѣки* (Евр. 13, 8). А мы всѣ, ктобъ ни были, есмы токмо временные приставники и соработники въ великомъ дому Его, который есть Церковь: одинъ посѣялъ, другой полилъ, третій оградилъ посѣянное, а возраститъ дѣло Его, Его единаго!

Если что можетъ и должно служить къ утѣшенію нашему при разлукѣ; то это вѣсть, что къ вамъ грядетъ Пастырь, какого только могли желать и вы и я,— Пастырь, бывшій для меня нѣкогда наставникомъ въ наукахъ, и коего доселѣ желалъ бы имѣть наставникомъ въ жизни духовной, который отъ лица цѣлой Церкви Россійской присутствовалъ при востаніи, можно сказать, изъ гроба Церкви Новогреческой, который самъ потомъ, въ качествѣ Сопастыря, предстоялъ уже тремъ великимъ Церквамъ отечественнымъ. Такой Пастырь можетъ ли не продолжить, если что было у насъ дѣйствительно добраго? Не усовершитъ, если что требуетъ усовершенія? Не начатъ и не сдѣлать всего, что окажется нужнымъ для блага паствы Вологодской?—

Предавъ такимъ образомъ судьбу свою снова въ волю Всеблагаго и Всемогущаго, будучи спокоенъ духомъ и за судьбу твою, Богомъ хранимая паства, я съ миромъ исхожу изъ сего храма, съ миромъ оставляю въ немъ жезлъ Пастыреначальства, освященный преподобною десницею толикихъ святителей Божіихъ и освятившій мои слабыя руки.

Простите, святые угодники Вологодскіе, просвѣтите и благословите на

путь дальній, продолжайте обитать духомъ во храмѣ, посвященномъ вашему имени; но неоставляйте одушевлять молитвами и слабаго создателя его! Прости, Ангелъ Церкви Вологодской, и вознеси въ послѣдній разъ послѣднее здѣшнее моленіе наше о благѣ страны сей, прости и покрой твоею любовію и молитвами недостатки служенія нашего! Простите пастыри Церкви и продолжайте являть ту ревность къ дѣлу Божію, то забвеніе для сего всѣхъ выгодъ земной жизни, коимъ вы утѣшали насъ! Простите, живые и мертвые, живые коихъ намъ должно было наставлять, мертвые, къ коимъ мы сами ходили учиться!

Что сказать въ послѣдній разъ тебѣ, возлюбленная паства Вологодская, первая паства моя, мой *Рувимъ, начало* (Быт. 49, 3.) и духовныхъ трудовъ, и духовнаго веселія моего въ служеніи пастырскомъ? Чего пожелать вамъ, брат., разставаясь съ вами на всегда? Скажу тоже, и пожелаю того же и въ послѣдній разъ, чего желалъ при первомъ свиданіи: Благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любы Бога и Отца, и причастіе Духа Святаго да будетъ со всѣми вами! Да будетъ всегда и вездѣ! Да почіютъ сія благодать и сей миръ на васъ и чадахъ вашихъ, да вселятся въ домы и сердца ваши, да утвердятъ васъ во всемъ благомъ и праведномъ, да срѣтятъ васъ въ тотъ послѣдній часъ, когда ничего не будетъ нужно вамъ, кромѣ благодати и милости Божіей! И сія благодать и миръ не обыдутъ и не оставятъ васъ, если только вы, занимаясь каждый дѣлами званія своего, не будете забывать единаго на потребу; если, располагая жизнь и поступки свои не по духу вѣка, а по заповѣдямъ Евангелія, будете со смиреніемъ и вѣрою пользоваться тѣми средствами ко спасенію, кои въ такомъ обиліи предлагаетъ всѣмъ и каждому св. Церковь; если наконецъ, среди самыхъ слабостей и вольныхъ и невольныхъ грѣхопаденій, не будете предаваться ни безчувствію душевному, ни отчаянію и ожесточенію, омывая пятна совѣсти слезами покаянія. О, брат., не забывайте Бога и вѣчности, не забывайте души и совѣсти, не забывайте смерти и суда страшнаго, не забывайте— покаянія и любви Христіанской! Все видимое, славное, прелестное минетъ, обратится въ прахъ, изчезнетъ на всегда, а душа и совѣсть останутся; и такъ не забывайте ихъ! Се мое послѣднее желаніе, мой послѣдній совѣтъ и завѣтъ вамъ! Для меня не будетъ большаго утѣшенія и радости духовной, какъ слышать, что вы ходите въ любви и истинѣ, что среди васъ живетъ духъ смиренія, взаимнаго уваженія и милосердія Христіанскаго, что домы и семейства ваши украшаются чистотою нравовъ и скромностію. О семъ молилъ я Господа здѣсь, о семъ же буду молить и вездѣ. Подобной памяти, то есть, молитвъ о мнѣ, прошу и у васъ. Когда будете собираться паки въ семъ храмѣ на молитву; то вспомните, что у сего престола предстоялъ человѣкъ, который, не смотря на недостоинство свое, укрѣпляясь вѣрою, съ дерзновеніемъ воздѣвалъ о васъ руки къ небу; и воспомянувъ о семъ, излейте молитву, да Господь благопоспѣшитъ и путь и новое служеніе мое. Отнынѣ единъ союзъ между нами— союзъ вѣры, любви и молитвы! Да не разрывается онъ никогда! Да даруетъ

Господь срѣтится намъ нѣкогда и тамъ, гдѣ всѣ Пастыри и всѣ пасомые сосставятъ единое стадо, подъ единымъ вѣчнымъ Пастыреначальникомъ, гдѣ, свидѣвшись, уже никогда не разлучаюпся! Аминь.

НЕУДОБОРАЗУМѢВАЕМОСТЬ ГРѢХОПАДЕНІЙ.

Грѣхопаденія кто разумѣетъ? Отъ тайныхъ моихъ очисти мя. Пс. 18, 13, 14.

Чтожъ такое разумѣетъ и что можетъ разумѣть человѣкъ, когда уже и грѣхопаденій своихъ онъ не разумѣетъ?.. Одно изъ глубочайшихъ таинствъ дѣятельнаго Христіанства есть таинство духовнаго возрожденія нашего: но возрожденіе есть дѣло и твореніе всесвятаго Духа Божія, который *идѣже хощетъ, дышетъ, и гласъ его слышиши, но не вѣси, откуду приходитъ, и камо идетъ: тако есть всякъ человѣкъ рожденный отъ Духа* (Іоан. 3, 3. 8). Слѣд. оно есть таинство Божіе; и потому не удивительно, что человѣкъ не постигаетъ его. *Божія никтоже вѣсть, точію Духъ Божій. Кто бо разумѣ умъ Господень, иже изъяснитъ й* (1 Кор. 2, 11, 16). Запротивъ грѣхи наши суть наше собственное твореніе; мы сами ихъ раждаемъ, сочиняемъ, приводимъ въ явленіе: не уже ли и въ этомъ твореніи, которое только одно и есть собственно наше, заключается какая либо тайна для насъ? Есть великая тайна,— говоритъ Пророкъ: *грѣхопаденія кто разумѣетъ? Отъ тайныхъ моихъ очисти мя.* И развѣ это не такъ? Развѣ первое грѣхопаденіе не есть и первая тайна для насъ въ книгѣ бытія нашего? Много выдумывали предположеній на то, чтобъ легче заставить прародителей нашихъ пасть: но объясненіе паденія ихъ ни сколько не подвинулось впередъ. Поставляли первыхъ людей въ дѣтское состояніе: а они были созданы *по образу и по подобію Божію,* т. е. были прекрасны и совершенны и по душѣ и по тѣлу. Для змія искусителя,— который хотя и былъ *мудрѣйшій всѣхъ звѣрей сущихъ на земли* (Быт. 3, 1.), подъ которымъ хотя и скрывался самъ сатана, но который, по наружности, все же былъ просто змій, звѣрь,— для этого змія выдумывали самую красивую наружность, давали видъ серафимскій, чтобъ этимъ видомъ скорѣе плѣнить прамаперь нашу. Въ плодѣ древа, *еже посредѣ рая* (Быт. 3, 3.), не хотѣли видѣть просто плода древеснаго, подобнаго нѣмъ, какіе бываютъ на деревьяхъ: но придавали сему плоду нравственное знаменованіе, превращали яблоко въ мысль, въ похоть, въ пожеланіе, вожделѣніе. Изъ простаго буквальнаго повѣствованія библейскаго дѣлали разныя превращенія, но— тайны не объяснили; вѣрно только то, что мы исторически знаемъ о грѣхопаденіи перваго человѣка.

Обратимся къ исторіи собственныхъ паденій нашихъ: станемъ ее,— каждый свою,— читать и перечитывать внимательно; развѣ въ ней больше ясности? Нѣтъ; и здѣсь, достовѣрна и явна для насъ одна только историческая сторона грѣха, а внутренняя половина его большею частію темна, какъ недосягаемая глубина сердца нашего. Знаемъ, что согрѣшили: но „какъ? почему? для чего? и за чѣмъ было грѣшить намъ?“ Это— одни вопросы, ко-

торые совѣсть предлагаетъ намъ, а мы ей.— Когда грѣхъ является намъ во всей гнусной ясности и наготѣ своей, когда становится передъ душею какъ змій губитель? Тогда, какъ мы уже сдѣлали его. Прежде онъ оставался или не вѣдомъ, или вѣдомъ въ половину, или вѣдомъ въ иномъ образѣ: *вѣдали*, но *не видѣли*; а это со всѣмъ не одно и тоже для нашей слабой природы. Оное древнее: *и ядоста, и отверзошася очи обѣма, и разумѣша, яко нази бѣша* (Быт. 3, 6. 7.),— никогда ни для кого не состарѣлось; потому что ежедневно повторяется въ жизни каждаго грѣшника. Не знаешь, потому что не видишь: а видишь тогда, когда уже сдѣлалъ, палъ, согрѣшилъ.

Но что изъ того, если и знаешь? Развѣ не часто бываетъ, что знаешь, не хочешь, но— дѣлаешь? У грѣха есть много такихъ не удобопостижимыхъ хитростей для насъ, что онъ въ самой заповѣди, которая твердо, ясно говоритъ: это грѣхъ,— находитъ вину и поводъ, чтобъ сдѣлать насъ грѣшными. *Грѣхъ вину пріемъ запозѣдію, прельсти мя, и тою умерти мя.— Еже содѣваю, не разумѣю: не еже бо хощу, сіе творю: но еже ненавижду, то содѣловаю.— Еже хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣяти доброе, не обрѣтаю. Не еже бо хощу доброе, творю: но еже не хощу злое, сіе содѣваю.— Окаяненъ азъ человѣкъ! кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея* (Рим. 7, 11. 15. 18. 19. 24).

Грѣхопаденія,— ихъ тайныя причины, ихъ лукавую лесть, ихъ страшный законъ, сущій во удѣхъ нашихъ, воюющій и плѣняющій насъ себѣ вопреки закону ума нашего и закону заповѣди,— *кто разумѣетъ?* О, какъ глубоко должно быть наше смиреніе предъ Богомъ! Съ какимъ слезнымъ чувствомъ покаянія должны мы непрестанно вопіять къ пресвятой Дѣвѣ Богоматери: вѣси, Владычице, яко отнюдъ имамъ въ ненависти злая дѣла моя, и всею мыслію люблю законъ Бога моего: но не вѣмъ откуду, яже ненавижду, та и люблю, а благая преступаю. Не попущай, пречистая, воли моей совершатися, не угодна бо есть: но да будетъ во мнѣ воля Сына Твоего и Бога моего.—

Лѣта наша яко паучина поучахуся. Псал. 89, 10.

Лѣта наши— суетливая жизнь наша сравнивается съ паутиною. Какое сходство между ними?

Паутина образуется въ самомъ животномъ и имъ же извлекается въ видѣ тонкихъ нитей наружу. Изъ чего составляется и наша суетливая жизнь, какъ не изъ того, что накопляется внутрь насъ— въ душѣ нашей? Человѣкъ сначала, въ своихъ суетныхъ желаніяхъ и предположеніяхъ, строитъ какъ бы основу своего міра, а потомъ осуществляетъ его внѣ себя, окружаетъ себя своимъ созданіемъ, подобно какъ паукъ окружаетъ себя паутиной, и живетъ въ этой области.

Для чего пауку тонкая ткань его? Онъ, образуя ее изъ своей жизни, имѣетъ въ виду поддержаніе той же жизни,— и простираетъ сѣти для уловленія себѣ пищи. А человѣкъ для чего трудится и суетится? И онъ имѣетъ въ виду поддержаніе своей жизни,—

хочетъ насыщать самолюбіе и страсти свои, думая, что въ этомъ состоитъ истинная жизнь его. Но какъ обманывается онъ— преданный суетѣ? Паукъ истощаетъ себя, но не болѣе, какъ сколько нужно; а суетливый человѣкъ болѣе истощаетъ себя, нежели питается отъ предметовъ внѣшнихъ, болѣе отдаетъ своего міру, нежели отъ него пріемлетъ, и потому-то всегда алчетъ и жаждетъ. Паукъ сѣтію своею ловитъ насѣкомыхъ, а самъ въ ней не увязаетъ; напротивъ человѣкъ, простирающій сѣти для уловленія внѣшнихъ благъ, самъ болѣе запутывается въ своихъ сѣтяхъ— *вѣ дѣлѣхѣ руку своею увязаетъ ерѣшникѣ, увязаетъ вѣ совѣтѣхѣ, яже помышляетъ* (Псал. 9, 17. 25).

Какъ непрочна ткань паука, хотя она стоитъ столь многихъ трудовъ и должна быть драгоцѣнна ему, какъ изъ его же существа произведенная, какъ бы часть его самаго!— Малѣйшая сила разрываетъ и уничтожаетъ все это созданіе воздушное. Не таковы ли и всѣ суетныя дѣла человѣческія, всѣ тѣ труды, коими доставляемъ пищу нашему самолюбію? Часто отъ одного малѣйшаго не предвидѣннаго произшествія погибаютъ самыя, повидимому, прекрасныя и прочныя созданія наши! Одна искра огня можетъ лишить насъ всего богатства; одно дуновеніе вѣтра иногда отнимаетъ у людей здоровье и крѣпость; одно не большое потрясеніе можетъ со всѣмъ отнять у насъ жизнь.

Что-жъ дѣлаетъ животное, лишась своей паутины? Оно не перестаетъ заботиться и трудиться, опять начинаетъ свою прежнюю, столь же непрочную работу, и всю жизнь проводитъ въ этомъ малоплодномъ занятіи. Но что паукъ дѣлаетъ по слѣпому инстинкту, то человѣкъ дѣлаетъ съ умомъ! И онъ не перестаетъ заботиться по пустому; опять начинаетъ ткань суеты, когда что нибудь разрушаетъ ее; опять угождаетъ страстямъ своимъ, хотя онѣ не разъ уже доводили его до гибельной крайности. Не все однакожъ снова можетъ начать человѣкъ, и еще менѣе возможности для него вознаградить все потерянное. Не льзя начать снова протекшей въ суетѣ юности; не льзя возвратить утраченное по пустому время жизни. Кончится и вся здѣшняя жизнь; и— тогда горько жалѣть будемъ о томъ, что всю ее наполнили мы одною паутинною тканію!

Вотъ что предлагаетъ намъ, суетою озабоченнымъ, Господь: *ищите прежде царствія Божія и правды Его* (Мат. 6, 33). *Дѣлайте не брашно ибмлющее, но брашно пребывающее, вѣ животъ вѣчный, еже Сынъ человѣческій вамъ дастъ* (Іоан. 6, 27). *Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Мат. 11, 28). У него источникъ живота истиннаго, источникъ такой жизни, которая никогда не прекратится, ибо *течетъ вѣ животъ вѣчный* (Іоан. 4, 14).

Кіевъ Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 1 Августа, 1843. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 25. НЕДѢЛЯ 17-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. Сентября 26. 1843.

На Утрени: Евангеліе воскресное 6-е, Лук. 24, 36—53.
На Литургіи: Апост. Кор. 1, 18—24. Еван. Іоан. 19, 6—11, 13—20, 25—28. 30—35.

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА
изъясненіе молитвы Господней (*)

Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь.

Хлѣбъ насущный, или ежедневный, разумѣть должно или о всемъ томъ, что необходимо для поддержанія сей жизни, о чемъ научая насъ, говоритъ: *непецытеся на утрей* (Матѳ. 6, 34.), и потому прибавлено: *даждь намъ днесь;* или о таинствѣ тѣла Христова, пріемлемомъ нами ежедневно; или о той духовной пищѣ, о коей Господь глаголетъ: *дѣлайте не брашно гиблющее* (Іоан. 6, 27.), и еще: *Азъ есмь хлѣбъ, сшедый съ небесе* (— 41).— Мы разумѣемъ подъ именемъ хлѣба насущнаго хлѣбъ духовный, то есть, божественныя заповѣди, кои должно всегда имѣть въ мысляхъ и исполнять. Насущнымъ, или ежедневнымъ называется онъ нынѣ, поколику сія временная жизнь продолжается днями, шекущими одинъ за другимъ. И дѣйствительно, доколѣ сердце склоняется то къ вышнимъ, то къ нижнимъ, т. е. то къ духовному, то къ тѣлесному, ему такъ же, какъ человѣку-то насыщаемуся пищею, то терпящему голодъ, каждодневно нуженъ хлѣбъ, да насыщается гладствующее и воздвигается падающее. Какъ тѣло наше въ настоящей жизни,— то есть, прежде онаго измѣненія,— подкрѣпляется пищею потому, что чувствуетъ утрату: такъ и сердце, поелику отъ временныхъ пристрастій терпитъ какъ бы уронъ въ стремленіи къ Богу, да подкрѣпляется пищею заповѣдей. Сказано же: *даждь намъ днесь, или дондеже днесь нарицается* (Евр. 3, 13.), т. е. въ настоящей временной жизни. Ибо послѣ сей жизни мы насытимся духовною пищею во вѣки, такъ что не будетъ тогда именоваться хлѣбъ ежедневный, потому что не будетъ никакого преемства времени, и послѣдованія дней за днями, отъ коего называется ежедневность.—Впрочемъ если кто хочетъ сіе прошеніе разумѣть о необходимой пищѣ тѣла, или о таинствѣ тѣла Господня, то нужно брать всѣ три потребности вмѣстѣ, то есть, просить ежедневнаго хлѣба и того, который необходимъ тѣлу, и хлѣба таинственнаго видимаго, и не видимаго— слова Божія.

(*) См. начало въ предыдущ. N.

И остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.

Что долгами называются грѣхи, очевидно какъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ говоритъ Господь: *не избудеши оттуду, дондеже воздаси послѣдній кодрантъ* (Матѳ. 5, 26.), такъ и намъ, гдѣ назвалъ Онъ должными тѣхъ, о коихъ возвѣщено было Ему, какъ они погибли,— одни отъ паденія башни, другіе, когда Пилатъ кровь ихъ смѣсилъ съ жертвою. Тогда сказалъ Господь, что люди почитаютъ ихъ чрезмѣрно должными, т. е. грѣшными, и присовокупилъ: *аминь, глаголю вамъ, аще не покаетеся, вси такожде погибнете* (Лук. 13, 1—5). И такъ здѣсь каждый побуждается отпускать должникамъ не деньги, но все, чѣмъ другой согрѣшилъ противъ насъ. Объ оставленіи долга денежнаго болѣе предписывается въ слѣдующей заповѣди: кто хочетъ *судитися съ тобою*, и *ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу* (Матѳ. 5, 40.), да и намъ требуется отпускать долгъ не всякому должнику, а тому, который откажется отдать и захочетъ даже завесть спорное дѣло.— Впрочемъ, когда говорится о всемъ, чѣмъ согрѣшаетъ другой противъ насъ, говорится потому и о деньгахъ. Ибо тотъ грѣшитъ противъ тебя, кто имѣя чѣмъ отдать должныя тебѣ деньги, отказывается отдавать. И этотъ грѣхъ если не отпустишь, не можешь сказать: *остави намъ, якоже и мы оставляемъ*.

Вообще можно замѣтить, что говоря: *остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ*, мы обличаемся какъ преступники сего правила, если не оставляемъ тѣмъ, кои просятъ прощенія на томъ основаніи, что мы сами, прося себѣ прощенія, желаемъ получить его у всемилосердаго Отца. Что касается до той заповѣди, коею повелѣвается намъ молиться за враговъ нашихъ (Матѳ. 5, 44.), то въ ней повелѣвается молиться не за тѣхъ, кои просятъ прощенія, потому что такіе уже не враги намъ. Но какъ никто не можетъ сказать по справедливости, что онъ молится за того, кому не простилъ, то надобно согласиться, что должно прощать другихъ во всемъ, чѣмъ кто согрѣшаетъ противъ насъ, если желаемъ сами получить отъ Отца оставленіе согрѣшеній нашихъ.

И не введи насъ во искушеніе.

Самъ по себѣ не вводитъ Богъ во искушеніе, а допускаетъ его къ тому, кого оставляетъ своею помощію, по сокровеннѣйшимъ причинамъ промысла и по заслугамъ. Часто и по причинамъ явнымъ признаетъ Онъ инаго достойнымъ оставленія и попускаетъ ему входить во искушеніе. Но иное значитъ быть вводиму во искушеніе, иное— искушаться. Ибо безъ искушенія никто неможетъ быть хорошо извѣстнымъ ни себѣ самому, какъ написано: *иже не искусися, мало вѣсть* (Сир. 34, 10.), ни другому, какъ говоритъ Апостолъ: *и искушенія моего еже во плоти моей, не уничижисте* (Гал. 4, 14). (Ибо онъ позналъ ихъ твердость изъ того, что во время напастей, постигшихъ Апостола по плоти, они не уклонились отъ люб-

ви). Богу же, знающему все прежде совершенія, мы извѣстны прежде всякаго искушенія. Посему, если написано: *искушаетъ Господь Богъ твой васъ, еже увѣдѣти, аще любите* Его (Втор. 13, 3.); то въ этомъ изреченіи поставлено *еже увѣдѣти* вмѣсто: да дастъ вамъ увѣдѣти, подобно тому, какъ называется день веселымъ, потому что дѣлаетъ насъ веселыми, холодъ лѣнивымъ, потому что насъ дѣлаетъ лѣнивыми и т. д.

И такъ здѣсь просимъ не того, да не искушаемся, но да не введемся въ искушеніе,— такъ какъ тотъ, кому нужно быть испытану огнемъ, просилъ бы не того, чтобъ огонь не касался къ нему, а того, чтобъ не сожегъ его; ибо *сосуды скудельничи искушаетъ пещь, и искушеніе* озлобленія людей праведныхъ (Сир. 27, 5). Такъ Іосифъ искушаемъ былъ обольщеніемъ любодѣянія, но не былъ введенъ въ искушеніе; Сусанна была искушаема, но и она не введена въ искушеніе; такъ искушались многіе другіе обоего пола, а паипаче Іовъ, коего дивное постоянство въ любви къ Господу Богу искушалъ сатана.— Бываютъ же искушенія отъ сатаны не по власти его, а попущеніемъ Господа, который или наказываетъ людей за грѣхи ихъ, или по своему милосердію очищаетъ и упражняетъ. Есть великое различіе, кто въ какое впадаетъ искушеніе. Не въ такое наприм. впалъ Іуда, когда предалъ Господа, въ какое Петръ, отвергшійся Господа по страху. Есть также искушенія человѣческія: это, думаю, то, когда человѣкъ съ добрымъ сердцемъ, по слабости человѣческой, погрѣшаетъ въ какомъ либо предпріятіи, или когда, по ревности исправить брата, раздражается противъ него, преступая нѣсколько предѣлы Христіанской тихости. О сихъ то искушеніяхъ говоритъ Апостолъ: *Искушеніе васъ не достиже, точію человѣческое,* и прибавляетъ: *вѣренъ же Богъ, иже не оставитъ васъ искуситися паче, еже можете, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмощи вамъ понести* (1 Кор. 10, 13). Симъ довольно показалъ, что намъ молиться должно не о томъ, да не искушаемся, но— да не вводимся въ искушеніе: ибо вводимся, когда искушенія таковы, что не можемъ понести ихъ.

Но избави насъ отъ лукаваго.

Наконецъ должно молиться не только о томъ, какъ сказано въ шестомъ (предъидущемъ) прошеніи, да не вводимся во зло; но и о томъ, да освободимся отъ зла, въ которое введены. Если и это прошеніе исполнится, то не останется ничего страшнаго, мы не будемъ бояться уже никакого искушенія. Но нельзя надѣяться, чтобъ это могло быть въ настоящей жизни, пока носимъ эту смертность, въ которую введены мы обольщеніемъ змія. Должно надѣяться только, что это нѣкогда будетъ; и сіе есть то упованіе невидимое, о коемъ говоритъ Апостолъ: *упованіе же видимое нѣсть упованіе* (Римл. 8, 24). Не должно однако отчаяваться вѣрнымъ рабамъ Божіимъ въ полученіи той премудрости, которая возможна и въ этой жизни. Она состоитъ въ томъ.

чтобы съ величайшею бдительностію избѣгать того, на что самъ Господь показалъ какъ достойное отвращенія, и съ пламенною любовію искать того, на что онъ же указалъ, какъ на достойное нашего стремленія. Такимъ образомъ, когда смертію отложится прочее смертности бремя, во всякой части человѣка совершится въ свое время то блаженство, которое начато въ настоящей жизни, и для полученія коего нынѣ употребляетъ онъ всѣ силы.

НѢЧТО

О ТАИНСТВЕННОМЪ ВЪ ВѢРѢ.

Видимъ нынѣ, якоже зерцаломъ въ гаданіи 1 Кор. 13, 12. *Вѣрою бо ходимъ, а не видѣніемъ* 2 Кор. 5, 7.

Какъ нѣкогда Израильтянамъ предшествовалъ дивный столпъ въ пустынѣ, являясь то *облакомъ въ покровъ имъ, то огнемъ еже просвѣтити имъ нощію* (Псал. 104, 39.), такъ нынѣ руководитъ насъ Вѣра, имѣющая темную—таинственную сторону, и сторону ясную, просвѣщающую. То и другое свойство Вѣры для насъ и нужно и благотворно. Обращаемся въ настоящемъ размышленіи на одну таинственную сторону Вѣры.

Гордый разумъ неразумно требуетъ, чтобъ таинственнаго мрака Вѣры со всѣмъ не было. Ибо какой главный предметъ и какое высшее начало Вѣры? Существо высочайшее— Богъ. Вознесись мыслію къ Тому, кто живетъ *во свѣтѣ неприступномъ* (1 Тим. 6, 16.), кому *небо и небо небесе не довлѣютъ* (4 Царств. 8, 27.), представь безконечную вѣчность и безпредѣльную полноту совершенствъ Его, и ты не только себя, но все неизмѣримое твореніе увидишь безконечно малымъ предъ Тѣмъ, кто единъ великъ и великъ безконечно. Какъ же требуешь, чтобъ не было бездны таинъ, непроницаемой для тебя у Того, кого неизмѣримая бездна отдѣляетъ отъ всего творенія? какъ хочешь бесѣдовать лицемъ къ лицу съ Тѣмъ, на кого Серафимы взираютъ съ трепетомъ?— Вѣчный является во времени, безконечный Богъ благоволитъ открывать себя намъ— существамъ земнымъ. И можетъ ли Онъ являть себя намъ не Богомъ? могутъ ли тайны, имъ открываемыя, не носить печати Его существа непостижимаго? Господь безконечно снисходитъ къ намъ, дѣлаясь нашимъ наставникомъ и руководителемъ; но тѣмъ не менѣе Онъ безпредѣленъ, несказанно великъ, а мы всегда ограниченны, безконечно малы!

Похвалимся ли предъ такимъ Наставникомъ своею проницательностію? захотимъ ли равняться разумомъ съ вѣчнымъ Источникомъ разума и премудрости?— Но мы не знаемъ и самихъ себя, мы не постигаемъ существа и послѣдней былинки на землѣ и вездѣ, кругомъ себя, въ себѣ и надъ собою, находимъ тысячи тайнъ непроницаемыхъ: какъ же хотимъ, чтобъ не было для насъ тайнъ міра горняго, чтобъ все было понятно въ томъ, что исходитъ къ намъ изъ бездны премудрости Божіей? Припомни, надменный совопросникъ вѣка сего, что глаголалъ Іегова къ Іову: *кто сей скрываяй отъ мене совѣтъ, содержай же глаголы въ сердцѣ, Мене же ли мнится утаити? Отвѣщай: гдѣ былъ еси, егда основаяхъ землю?— Кто положи мѣры ея?—*

На чѣмъ столпи ея утверждены суть? (Іов. 38, 1—6). Объясни и все другое, что ты видишь въ мірѣ.— Тебѣ остается пасть во прахъ предъ величіемъ Непостижимаго, и словами Іова сказать: *укорихъ самъ себе и исталяхъ, и мню себе землю и пепелъ,* (Іов. 42, 6).

Всему поставлены свои предѣлы. *Солнце позна западъ свой;* стихіи знаютъ свои границы, далѣе коихъ не простираются; все твореніе, какъ ни представляется неизмѣримымъ, имѣетъ число и мѣру, извѣстныя Вседержителю. Такъ и для духа нашего, для силъ и способностей его есть предѣлы, за которыя онъ не долженъ переходить самовольно, чтобъ не нарушить порядка божественнаго. Скажемъ ли— мы существа благороднѣйшія, высшія, и потому намъ не прилично ограничивать себя? Но покорность и смиреніе для того еще необходимѣе, кто болѣе возвышенъ. Выше насъ былъ тотъ Ангелъ, который сказалъ: буду подобенъ Вышнему; но онъ палъ, и палъ ужасно, и палъ именно отъ того, что не хотѣлъ знать предѣловъ, ему предписанныхъ. Уже ли человѣкъ захочетъ подражать этому ангелу? Такая гордость, такое забвеніе совершенной зависимости своей отъ Бога, были бы еще безразсуднѣе, нелѣпѣе въ человѣкѣ,— въ томъ жалкомъ обитателѣ ничтожной во вселенной планеты, коему здѣсь все напоминаетъ о его малости, бѣдности и ничтожности.

Такъ все дѣлаетъ необходимою для насъ таинственность Вѣры! Она необходима потому, что Богъ безконечно великъ, необходима потому, что твореніе Божіе ознаменовано вездѣ печатью таинственности; неизбѣжна и по той причинѣ, что природа самаго духа нашего еще слишкомъ слаба и ограниченна.

Но таинственность Вѣры, столь необходимая, вмѣстѣ съ тѣмъ благотворна для человѣка. Замѣтимъ прежде всего, какъ священный мракъ, прикрывающій истину Божію, отвращаетъ многія въ отношеніи къ ней злоупотребленія. Мы слабые, смертные, во всемъ несовершенные, полагаемъ печать нашего несовершенства и на все, окружающее насъ. Сама истина въ рукахъ смертнаго дѣлается также какъ бы смертною и гибнущею, если Вѣра не приходитъ на помощь къ ней. Истина у насъ то возвышается, то понижается; тамъ славится, а здѣсь терпитъ гоненіе и безчестіе; иногда уясняется и очищается, а чаще смѣшивается съ вымыслами и заблужденіями, мало пользуется свободою, а больше связывается нашими страстями и предразсудками. Чтожъ было бы и съ истинами небесными, еслибъ не облекались онѣ предъ нами мракомъ Вѣры, еслибъ ничего не было въ нихъ таинственнаго? Пусть истины сіи будутъ по нашимъ силамъ, пусть войдутъ совершенно въ нашу область, подойдутъ подъ нашу мѣру; тогда и ихъ удѣлъ будетъ такой же, какой имѣетъ все, составляющее достояніе нашего разума. Этотъ гордый, самовольный разумъ, не часто ли по одной прихоти и защищаетъ и отвергаетъ свои познанія, одни другими изгоняетъ, измѣняетъ, превращаетъ? Что на прим. очевиднѣе истины— бытія Божія? Но разумъ и ее многоразлично искажалъ, даже со всѣмъ отнималъ у сердца, заставляя говорить людей: есть боги, а не Богъ, или— есть необходимость— Богъ, есть слу-

чай— Богъ, или же прямо: *нѣсть Боегъ* (Псал. 13, 1).

Таинственность вѣры сообщаетъ ей характеръ возвышенности, возбуждаетъ въ человѣкѣ благоговѣніе предъ истиною Божіею, отличаетъ ее отъ всѣхъ мнѣній человѣческихъ. Всякій видитъ, что она неесть плодъ нашихъ соображеній и изслѣдованій, и познаетъ, что не льзя обращаться съ нею, какъ съ нашею собственностію, или какъ съ науками мірскими; нельзя даже сдѣлать ее предметомъ однихъ ученыхъ. Нѣтъ! При своей священной таинственности, божественная истина одинаково возвышена надъ всѣми— мудрыми и невѣждами, такъ какъ всѣмъ же она равно нужна, и благотворна. Какъ добрая мать, св. Вѣра одинаково любитъ дѣтей своихъ, равно печется о нихъ, и награждаетъ большими благами только того, кто оказываетъ предъ нею болѣе покорности и смиренія.

Таинственность Вѣры много способствуетъ благу нашей земной жизни, и порядку общественному. Вѣра запрещаетъ намъ имѣть пристрастіе къ земному, тлѣнному, преходящему, и для того указываетъ на жизнь другую— лучшую, на блага высшія, нетлѣнныя, вѣчныя; но она не учитъ презирать настоящую жизнь, столь нужную для приготовленія человѣка къ вѣчности, и потому неоткрываетъ намъ завѣсы будущаго, не приближаетъ своихъ предметовъ небесныхъ къ очамъ нашего разума до того, чтобы онъ могъ ясно видѣть ихъ. Иначе, что былобъ съ бѣднымъ человѣчествомъ? Видя то, что происходитъ на небѣ, имѣя какъ бы предъ глазами все ожидающее насъ въ будущемъ, люди устыдились бы своего настоящаго жилища, возненавидѣлибъ его до того, что прежде времени старались бы выходить отсюда, не уважая ни порядка божественнаго, ни законовъ общежитія. Въ самомъ дѣлѣ, какой бы могъ быть тогда порядокъ общественный, когда бы всѣ занимались созерцаніемъ раскрытыхъ таинъ? Мы забыли бы тогда нашихъ ближнихъ, забыли бы отечество, забыли бы и самихъ себя!.. Нѣтъ! не для созерцаній поставлены мы на землѣ, а для дѣятельности и не столько для пріобрѣтенія знаній, сколько для исполненія обязанностей. Вѣрою ходимъ а не виденіемъ, и вѣра наша должна быть поспѣшествуема любовію дѣятельною.

Таинственность Вѣры представляетъ намъ все строительство спасенія въ свѣтѣ тихомъ, отрадномъ, любезномъ для сердца. Кротко, какъ отецъ съ дѣтьми, бесѣдовалъ съ грѣшниками Сынъ Божій, скрывая божественную славу свою подъ завѣсою человѣческой плоти и открывая имъ столько сколько они вмѣстить могутъ. Кротко, гласомъ любви и милосердія, бесѣдуетъ онъ съ нами и нынѣ въ своемъ Евангеліи, учитъ насъ чрезъ пастырей, кои сами свидѣтельствуютъ, что они говорятъ и заповѣдаютъ другимъ не свое, что сами не болѣе насъ разумѣютъ высокія истины ими возвѣщаемыя, и не своими силами совершаютъ таинства, насъ освящающія. Какъ мало здѣсь мѣста для преимуществъ, для чести собственной! Какъ не умѣстны тамъ честолюбіе и зависть, гдѣ дѣйствуютъ по одной Вѣрѣ! Здѣсь мѣсто одной любви, связующей всѣхъ во едино, уравнивающей всѣхъ во Христѣ Іисусѣ, любви, побуждающей насъ тѣмъ болѣе служить другимъ, чѣмъ болѣе сознаемъ въ себѣ дарованій Божіихъ, и тѣмъ менѣе

употреблять тонъ повелительный, чѣмъ сильнѣе чувствуемъ свои немощи и недостатки. Какъ никто не въ правѣ почитать себя здѣсь совершеннымъ и святымъ, такъ никтоже не назоветъ себя погибшимъ, потому что для всѣхъ равно открыты средства благодатныя, а царство благодати которое внутрь насъ, не приходитъ съ соблюденіемъ (Лук. 17, 20). Благодаримъ же Господа за столь благотворное устройство Церкви Его! Оно столь благотворно именно отъ того, что въ Церкви господствуетъ Вѣра, что это училище истины со всѣмъ различно отъ училищъ міра, въ коихъ наставникомъ одинъ разумъ.—

Таинственность вѣры даетъ намъ возможность принесть величайшую жертву Богу, какую только можетъ человѣкъ принесть Ему на землѣ. Вѣра отнимаетъ всѣ прелести у міра, возвышаетъ сердце отъ видимаго къ невидимому, и преклоняетъ разумъ предъ священными обѣтованіями слова Божія; вѣра торжествуетъ надъ предразсудками и страстями, подавляетъ наше самолюбіе и, какъ бы мы ни были высоки и почтенны предъ людьми, повергаетъ насъ во прахъ предъ небомъ и безконечнымъ величіемъ Того, кто выше всѣхъ небесъ. Этотъ духъ сокрушенный и смиренный, это покореніе ума въ послушаніе вѣры и есть жертва самая угодная Богу. Жертва сія болѣе значитъ, нежели одни пожертвованія сердца. Послѣднія всегда соединены съ большимъ или меньшимъ услажденіемъ внутреннимъ а первая совсѣмъ подавляетъ самолюбіе. Къ пожертвованіямъ сердца много располагаютъ природныя склонности, а иногда и одобренія другихъ: но нѣтъ такихъ побужденій къ пожертвованіямъ разума. Притомъ первыя пожертвованія не всегда приводятъ къ послѣднимъ: ибо многіе готовы бываютъ на всякую жертву, лишь бы оставить при себѣ свободу разума и мыслей. Но жертва самаго духа, покореніе вѣрѣ самаго ума есть уже совершенная жертва: Чему покорилась высшая сила души моей, тому покаряется, или скоро покорится, и все существо мое. Дорога эта жертва для человѣка, дорога и трудна не только для богатыхъ умовъ, кои вѣрѣ должны приносить какъ бы цѣлый міръ познаній, ими созданный, но и для умовъ обыкновенныхъ, наприм. для такихъ людей, каковы Іудеи, коихъ пустые предразсудки и суевѣрія не менѣе драгоцѣнны имъ, какъ и системы философскія для мудрыхъ міра. Потому-то и Господь возвышаетъ цѣну такой жертвы. Потому прежде всего ублажаетъ онъ нищихъ духомъ, обѣщая имъ, въ замѣнъ всѣхъ мнимыхъ богатствъ ихъ, истинныя сокровища небесныя: *блажени*, говоритъ, *нищіи духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное* (Матѳ. 5, 3).

Такимъ образомъ во всѣхъ отношеніяхъ благотворна человѣку таинственная вѣра. Она поставляетъ его въ самое приличное и спасительное для него отношеніе и къ высокимъ истинамъ, ею возвѣщаемымъ, и къ жизни общественной, и къ Церкви и къ самому Богу, коего *правда является отъ вѣры въ вѣру* и предъ кѣмъ всякій *праведный отъ вѣры живъ будетъ* (Римл. 1, 17).

Иже нѣсть на вы, по васъ есть. Иже нѣсть со Мною, на Мя есть. Лук. 9, 50.— 11, 23.

По первому изреченію, кажется, довольно только не противорѣчить проповѣди Евангельской, чтобъ быть съ нею согласнымъ; а по второму требуется, напротивъ, положительное согласіе съ ученіемъ Вѣры.

Но противорѣчія здѣсь нѣтъ нисколько. Первое сказано о тѣхъ, кои не разоряютъ дѣла Божія, стараются даже сами подражать истиннымъ посланникамъ Христовымъ, хотя и не имѣютъ искренняго желанія споспѣшествовать Вѣрѣ. Пусть они продолжаютъ свой трудъ, говоритъ Господь; повредитъ дѣлу моихъ посланниковъ они не могутъ. Такъ и Ап. Павелъ послѣ смотрѣлъ на лицемѣрно проповѣдающихъ, но проповѣдающихъ Христа: *всяцѣмъ*, говоритъ, *образомъ, аще лицемѣріемъ, аще истиною Христосъ проповѣдаемъ есть; и о семъ радуюся но и возрадуюся* (Фил. 1, 18). Но послѣднее изреченіе направлено противъ явныхъ враговъ Христовыхъ— фарисеевъ, кои учили совсѣмъ противному, желали самъ Христосъ и Его Апостолы, и составляли, для себя и другихъ, свое самодѣльное спасеніе. О нихъ-то говоритъ Господь: *иже нѣсть со Мною, на Мя есть; и иже не собираетъ со Мною, расточаетъ*. Не льзя устроить спасеніе безъ Спасителя, не льзя дать другому жизни, не заимствовавъ ее отъ Источника жизни. Кто безъ Іисуса Христа думаетъ спасать другихъ, тотъ не спасаетъ, а погубляетъ: безъ Него *не можемъ творити ничесоже* добраго (Іоан. 15, 5).

И такъ напрасно иной нравоучитель— философъ сталъ бы хвалиться, что онъ, проповѣдуя раціонализмъ (вѣру въ одинъ разумъ), хотя другимъ путемъ, но къ той же цѣли приводитъ, какъ и Евангеліе. Нѣтъ! уча безъ Вѣры и не для Вѣры истинной, онъ не собираетъ со Христомъ, а расточаетъ. Но пусть и философія, путемъ разума, показываетъ намъ нужду спасенія чрезъ вѣру Христову, пусть даже изслѣдываетъ истины нашей Вѣры, только бы изслѣдованіе ея было безпристрастное и здравое: она не повредитъ истинѣ Божіей, которая не боится изслѣдованій разума. Философія, въ такомъ случаѣ, *не противъ насъ, а по насъ есть*.

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 5 Августа, 1845. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 26. НЕДѢЛЯ 18-я, ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. Октября 3. 1843.

На Утрени: Евангеліе воскресное 7-е, Іоан. 20, 1— 10.
На Литургіи: Апост. Галат. 2, 16— 20. Еван. Мар. 8, 34— 38. 9, 1.

СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА

НАСТАВЛЕНІЕ ХРИСТІАНСКОМУ СУПРУГУ (*)

Образуй вначалѣ супругу; съ самаго того вечера, когда пріемлешь ее въ брачный чертогъ, научи воздержанію и умѣренности, дабы отъ первыхъ началъ брачной жизни возлюбила честность, презирала любостяжательность; научи любомудрію, совѣтуй, чтобъ не имѣла золотыхъ вещей, висящихъ въ ушахъ, не облагала ими ни щекъ, ни шеи, не располагала ихъ и въ чертогѣ брачномъ, не имѣла златотканныхъ и роскошныхъ одеждъ, а украшеніе ея было бы хотя свѣтлое, но такое, которое не питаетъ тщеславія. Все это оставя людямъ театральнымъ, ты укрась домъ такою чистотою, чтобы онъ дышалъ болѣе умѣренностію и подобнымъ сему благовоніемъ. Отсюда произойдутъ два или три блага. Во-первыхъ невѣста не будетъ скорбѣть, когда, по окончаніи торжества брачнаго, отошлются обратно взятыя у кого-либо одежды, золотыя вещи и сосуды сребряные. Во-вторыхъ, женихъ не будетъ заботиться о томъ, чтобъ не пропало, а сохранилось, что собрано. А въ-третьихъ,— это самое главное,— симъ самымъ покажетъ онъ свой образъ мыслей, что ничто подобное не радуетъ его, что и все прочее онъ отвергнетъ,— не позволитъ быть ни плескамъ, ни пѣснямъ, противнымъ цѣломудрію. Знаю, что, узаконяя сіе, я кажусь вамъ смѣшнымъ. Но повѣрьте мнѣ: съ теченіемъ времени, вы сами познаете пользу сего на самомъ дѣлѣ; тогда пропадетъ этотъ смѣхъ, вы осмѣете нынѣшній обычай, вы увидите, что нынѣ бывающее прилично неразумнымъ дѣтямъ и мужамъ пьянымъ; а что я совѣтую, то свойственно цѣломудрію, любомудрію и высшему образу жизни. Что же, говорю, должно? Отними отъ брака всѣ срамныя, сатанинскія пѣсни, сборища невоздержныхъ юношей; и это можетъ уцѣломудрить невѣсту. Она тотчасъ помыслитъ сама въ себѣ: вотъ каковъ мужъ! Онъ философъ, за ничто почитаетъ настоящую жизнь, меня вводитъ въ домъ свой для рожденія и воспитанія дѣтей, и для хозяйства. „Но это будетъ не пріятно невѣстѣ?“— Только въ первый и во второй день— не далѣе. Напротивъ, будетъ ей величайшее удовольствіе, когда отвергнетъ отъ себя всякое подозрѣніе. Ибо знаетъ,

(*) На посл. къ Ефес. бес. 20 (къ концу).

кто не терпитъ ни флейтъ, ни плясокъ, ни пѣсней развращенныхъ— даже во время брака, едва ли рѣшится когда сдѣлать или сказать что безчестное. Послѣ сего, т. е. когда все это отнимешь отъ брака, принявъ супругу, ты хорошо сдѣлаешь, если стыдливость продолжишь на долгое время, а не скоро нарушишь ее. Отроковица хотя бы не со всѣмъ была стыдлива, умѣетъ до времени молчать— изъ уваженія къ мужу и по новости для нея обстоятельствъ. Посему-то ты не скоро разоряй эту стыдливость, какъ дѣлаютъ мужья невоздержные, а продолжи ее на долгое время; это принесетъ тебѣ великую пользу. Тогда супруга не будетъ жаловаться на то, что ты постановишь. И такъ во все это время законополагай, то есть, когда стыдливость, какъ узда наложенная на душу, не позволяетъ ни на что жаловаться, ничего порицать. Иначе, если жена получитъ смѣлость, то, ничего не боясь, все превратитъ и смѣшаетъ. Словомъ, нѣтъ другаго времени болѣе приличнаго къ образованію жены, какъ это, когда она уважаетъ мужа, еще боится, и стыдится: здѣсь-то законополагай ей, и она будетъ повиноваться— и волею и неволею. Какъ же ты не нарушишь стыда? когда покажешь самъ не менѣе ея стыдливости, когда будешь говорить мало, и притомъ съ великою важностію и силою. Предлагай ей тогда слово о любомудріи,— душа ея открыта; приведи ее въ наилучшее состояніе, то есть, въ стыдъ. Если хотите, то я скажу вамъ. для примѣра, и то, что говорить должно. Ибо если Павелъ не отрекся сказать: *не лишайте себе до времене* (1 Кор. 7, 5.),— произнесъ слова невѣстоводительницы, то тѣмъ болѣе не отрекусь сказать я. Что же должно говорить супругѣ? Съ великою ласкою скажи ей такъ: „вотъ, другъ мой, я взялъ тебя въ сообщницу жизни, пригласилъ къ соучастію въ томъ, что самое драгоцѣнное и необходимое, то есть, въ дѣторожденіи и управленіи домомъ. О чемъ же прошу тебя?“— Но прежде побесѣдуй о томъ, что показываетъ любовь: ибо ничто столько не преклоняетъ слушающаго къ принятію слова, какъ извѣстность, что ему говорятъ съ великою любовію. Какъ же ты покажешь любовь? Скажи наприм. такъ: „есть много невѣстъ богатѣйшихъ и знатнаго рода; но я не взялъ изъ нихъ супруги, хотя и могъ, а полюбилъ тебя, полюбилъ твое поведеніе, твою скромность, умѣренность и цѣломудріе.“ Потомъ тотчасъ пролагай путь къ бесѣдѣ о любомудріи, и употребивъ нѣкоторый обходъ слова, обвиняй богатство.— Скажи напримѣръ: „могши жениться на богатой, я не захотѣлъ того. Почему? Не безъ причины, не даромъ. Я хорошо узналъ, что богатство со всѣмъ не есть пріобрѣтеніе, что оно достойно презрѣнія,— это такая вещь, которая бываетъ и у разбойниковъ, и безчестныхъ женщинъ, и гробокопателей. Посему-то, оставя сіе, я обратился къ добродѣтели души твоей,— сокровищу, которое цѣню выше всякаго золота. Для меня, умная, благородная и любящая благочестіе невѣста стоитъ всего міра. Вотъ что

привлекло меня къ тебѣ, за это я люблю тебя и предпочитаю даже собственной душѣ. Ибо настоящая жизнь ничтожна; и я молю и прошу, я всѣми силами стараюсь о томъ, да удостоимся провесть эту жизнь такъ, чтобы и тамъ, въ будущемъ вѣкѣ, могли мы безъ всякой боязни жить вмѣстѣ. Настоящее время кратко и тлѣнія исполнено; а если удостоимся, угодивъ Богу, выйти изъ сей жизни, то будемъ вѣчно со Христомъ и другъ съ другомъ — въ величайшемъ удовольствіи. Любовь твою я предпочитаю всему, и ничего нѣтъ столь тягостнаго для меня, какъ разрывъ съ тобою. Хотя бы мнѣ надлежало потерять все, быть бѣднѣе Ира, подвергнуться самой крайней опасности и потерпѣть чтобы-то ни было, для меня все будетъ сносно, пока ты будешь благорасположена ко мнѣ; даже дѣти мнѣ желательны тогда только, когда ты будешь питать добрыя ко мнѣ чувства. Но нужно чтобъ и ты поступала также." Потомъ приведи и слова Апостольскія въ показаніе того, что самъ Богъ хощетъ отъ насъ такого согласія и единенія. „Внимай словамъ Писанія: *сего ради оставитъ человѣкъ отца и матерь, и прилѣпится къ женѣ своей* (Быт. 2, 24). Пусть же не будетъ у насъ никакого повода къ малодушію. Пропади имѣніе, прочь множество слугъ и внѣшнія чести: ты мнѣ драгоцѣннѣе всего." Такія слова не будутъ ли для жены любезнѣе всякаго золота и всѣхъ сокровищъ? Не бойся, чтобъ возлюбленная не разсердилась прошивъ тебя; ты только сознайся, что любишь ее. Сердиться за такія слова свойственно однѣмъ любодѣйцамъ, совокупляющимся то съ тѣмъ, то съ другимъ; а жена свободная, отроковица благородная отъ сихъ словъ никогда не разсердится: она ими еще болѣе привлекается. Покажи, какъ дорого цѣнишь ты сожитіе съ нею, что для тебя лучше быть при ней, нежели на торжищѣ; предпочитай ее всѣмъ друзьямъ и дѣтямъ, рожденнымъ ею, коихъ люби то же для нея. Если что доброе сдѣлаетъ, хвали и удивляйся. Если случится что непристойное и какъ бы ребяческое, увѣщавай и дѣлай замѣчанія. Всячески обвиняй любостяжаніе и роскошь, а представляй то украшеніе, которое состоитъ въ благоприличіи и честности, и непрестанно научай полезному. Да будутъ молитвы ваши общими. Ходите оба въ церковь, и дома мужъ спрашивай у жены, а жена у мужа о томъ, что тамъ говорится и читается. Если придетъ бѣдность, приведи примѣры святыхъ мужей, Павла и Петра, кои, хотя провели жизнь въ голодѣ и жаждѣ, но были въ большемъ уваженіи, нежели всѣ цари и богачи. Наставь ее, что въ жизни одно только страшно — оскорбить Бога. Если кто такимъ образомъ и для сего возьметъ жену, тотъ не будетъ много меньшимъ монаховъ; женившійся не много ниже безбрачныхъ.

СЛОВО
О ГРѢХѢ 1-е (*)
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ.

Какой, слуш., врагъ у насъ, самый первый и самый послѣдній, самый злобный и самый коварный? Грѣхъ. Это врагъ самый первый: ибо кто лишилъ насъ образа Божія, изгналъ изъ рая сладости, поселилъ на сей землѣ бѣдствія и печалей? Грѣхъ. Это врагъ самый послѣдній: ибо кто отлучитъ на всегда грѣшниковъ въ послѣдній день отъ лица Божія, покроетъ ихъ стыдомъ и проклятіемъ предъ всѣмъ міромъ, и низринетъ невозвратно въ адъ къ діаволу и ангеломъ его на мученія вѣчныя? Грѣхъ. Это врагъ самый ужасный: ибо онъ губитъ нашу душу и тѣло, омрачаетъ умъ, порабощаетъ страстямъ волю, оскверняетъ сердце, подвергаетъ насъ болѣзнямъ, предаетъ смерти и тлѣнію. Это врагъ самый коварный: ибо чего не употребляетъ грѣхъ къ пораженію и плѣну нашему? Употребляетъ и нашу силу и наше безсиліе, и наши страсти и самыя добродѣтели, употребляетъ даже благость Божію, даже безцѣнныя заслуги Искупителя нашего, внушая грѣшнику, по надеждѣ на нихъ, безстрашіе и нераскаянность. По всему этому грѣхъ, какъ справедливо замѣтили св. Отцы Церкви, ужаснѣе самаго діавола: ибо и діавола изъ Ангела свѣтоноснаго грѣхъ сдѣлалъ духомъ отверженнымъ.

Судя по такой жестокости и коварству врага нашего— грѣха надлежало бы ожидать, что мы будемъ крайне осторожны противъ него, и постараемся брань заранѣе всѣ мѣры противъ его нападеній и лукавства, что сраженіе со грѣхомъ во всѣхъ его видахъ сдѣлается постояннымъ и главнѣйшимъ подвигомъ всей нашей жизни, что для побѣды надъ грѣхомъ или по крайней мѣрѣ для избѣжанія пораженій отъ грѣха, мы будемъ употреблять всѣ способности и силы наши, всѣ средства и пособія и естественныя и благодатныя, что въ случаѣ пораженія и ранъ, намъ причиненныхъ, немедленно будемъ возставать отъ паденій, вознаграждать потери, врачевать раны, избѣгать тѣхъ мѣстъ и случаевъ, кои были для насъ опасны и гибельны, что все близко или отдаленно приводящее ко грѣху, сдѣлается для насъ чуждымъ и отвратительнымъ, все, что защищаетъ или избавляетъ отъ грѣха, любезнымъ и драгоцѣннымъ. Но посмотрите на міръ и родъ человѣческій, посмотрите на другихъ и себя самихъ;— и увидите совершенно противное. Малая только, весьма малая часть людей ведетъ ту святую брань со грѣхомъ и порокомъ, которую бы всѣмъ и каждому вести надлежало. Другіе, если начинаютъ по временамъ сражаться съ общимъ врагомъ; то во первыхъ по временамъ, безъ надлежащаго постоянства и твердости; выходятъ притомъ на брань, не собравшись со всѣми силами, не обдумавъ плана дѣйствій, не сообразивъ цѣли и средствъ, безъ твердой рѣшимости побѣдить или умереть; посему и прекращаютъ ее при первомъ маломъ успѣхѣ или, не успѣхѣ, забывъ, что брань со грѣхомъ должно вести до конца жизни. Большая же часть людей и не думали никогда о томъ, что надобно сражаться со грѣ-

(*) Это и послѣдующія за шѣмъ Слова говорены Преосвящен. Иннокентіемъ, Епископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ въ продолженіе св. Четыредесятницы.

хомъ; вмѣсто ненависти къ сему врагу и удаленія отъ него, сами ищутъ нападеній и плѣна, сами идутъ въ станъ вражій, предаютъ себя въ его волю и требуютъ постыдныхъ узъ и приказаній, со всею готовностію носить первыя и исполнять послѣднія.

Что причиною, что такой ужасный и непримиримый врагъ, какъ грѣхъ, находитъ себѣ въ насъ такъ мало противуборства и такъ много послушанія и благопріятства, то ли, что намъ недостаетъ силы и средствъ къ сраженію съ нимъ? Нѣтъ, сего нельзя сказать: ибо хотя мы, по коварству сего же врага, лишились первобытныхъ силъ на доброе, коими снабжены были при сотвореніи насъ, но все еще имѣемъ столько способности, что можемъ питать покрайней мѣрѣ постоянное отвращеніе ко грѣху и его ядовитымъ соблазнамъ. Съ другой стороны каждому изъ насъ святою вѣрою нашею даруются силы и средства новыя, не меньшія тѣхъ, коими обладали мы нѣкогда. Что сихъ новыхъ средствъ и силъ достаточно для совершенной побѣды надъ грѣхомъ, свидѣтель тому цѣлый многочисленный ликъ святыхъ Божіихъ, кои, бывъ во всемъ подобны намъ, обложенные тою же бренною плотію, находясь среди тѣхъ же соблазновъ, сражаясь съ тѣми же напастями, терпя тоже, и стократъ большее, не усумнились выйти на сраженіе со грѣхомъ, поражали его во всѣхъ его видахъ, остались на конецъ совершенными побѣдителями, и теперь, свободные отъ всякаго грѣха, исполненные всѣхъ совершенствъ, блаженствуютъ на небѣ, будучи готовы помогать намъ во всякомъ грѣховномъ обстояніи нашемъ. И такъ не безсиліе наше виною того, что ужасный врагъ нашъ— грѣхъ такъ ненаказанно господствуетъ надъ нами. Что же? Между причинами сего печальнаго явленія одна изъ самыхъ главныхъ— невѣденіе,— то, что большая часть людей не знаетъ своего врага и его ужасныхъ свойствъ, не знаетъ до того, что почитаетъ его за своего друга. По видимому странно, не знать грѣха тѣмъ, кои грѣшатъ непрестанно: но въ самомъ дѣлѣ такъ. Увы, мы знаемъ, слишкомъ знаемъ грѣхъ, для того, чтобы грѣшить; но не знаемъ какъ должно грѣха для того, чтобы избѣгать его и ненавидѣть! То есть, мы знаемъ ту сторону грѣха, которую онъ самъ показываетъ намъ, дабы обольщать насъ, и не видимъ той стороны, которою онъ губитъ насъ и посему самому старается всячески сокрывать отъ насъ. Въ семъ случаѣ большая часть людей подобна младенцу, который, видѣвъ нѣсколько разъ разнообразныя движенія змѣи и красивый переливъ цвѣтовъ ея на солнцѣ, но не имѣя ни какого понятія о ядѣ ея, началъ бы увѣрять, что онъ хорошо знаетъ, что такое змѣя. При такомъ полузнаніи младенецъ готовъ, пожалуй, увѣрять, что змѣя прекрасное животное и что ее стоитъ имѣть на своихъ рукахъ, у своего сердца. Большая часть грѣшниковъ совершенно подобны сему младенцу: иначе какъ изъяснить безумныя похвалы грѣху и порокамъ, слышимыя не рѣдко изъ устъ бѣдныхъ грѣшниковъ? Какъ понять, что многіе не только грѣшатъ непрестанно, но и хвалятся своими грѣхами? Утверждать, что они дошли до ожесточенія нравственнаго и прямо ищутъ во грѣхѣ своей вѣчной погибели? Но этого бываетъ не видно въ сихъ несчастныхъ людяхъ; и они сами

первые ужаснулись бы, еслибъ кто началъ производить ихъ грѣховность изъ сего ужаснаго начала. Нѣтъ, они ищутъ во грѣхѣ не погибели себѣ, а блаженства; и думаютъ найти его въ немъ потому, что, подобно младенцу, видятъ только красивую пестроту змiиной кожи, и не видятъ жала и яда змiинаго. Если бы они же увидѣли ясно послѣднее, поняли, какой ядъ сокрывается въ сладости грѣховной, и убѣдились совершенно, что *послѣдняя* грѣха зрятъ прямо *во дно адово;* то первые, можетъ быть, поспѣшили бы на всегда растаться со грѣхомъ, прокляли бы всѣ наслажденія его, и рѣшились не рабствовать своимъ страстямъ, а сражаться съ ними на смерть.—

При такомъ положеніи дѣла, очевидно нѣтъ ничего нужнѣе, какъ распространять между людьми истинное понятіе о грѣхѣ и его ужасныхъ послѣдствіяхъ. Всякъ, кто можетъ, долженъ дѣлать сіе, долженъ всякимъ способомъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, сообщать другимъ, что онъ знаетъ о ядѣ грѣховномъ, какое его дѣйствіе и какія противъ него надежныя средства. Это обязанность каждаго самая священная!— Ибо судите сами, не такъ ли именно поступаемъ всѣ мы, когда идетъ на насъ какая либо ужасная язва: не распрашиваемъ ли тогда другъ друга, не разсказываетъ ли каждый что онъ знаетъ о язвѣ, на кого и когда она особенно нападаетъ, что ее привлекаетъ и что ей противно, чемъ можно предохранить себя или избавиться отъ нея? Но какая язва можетъ сравниться съ язвою грѣховною и ужасными опустошеніями, производимыми ею въ родѣ человѣческомъ? Посему нѣтъ долга въ отношеніи къ братіямъ нашимъ священнѣе того, какъ предостерегать ихъ отъ грѣха, и для сего вразумлять въ ужасное свойство его— убивать нашу душу и тѣло. Это самый полезный предметъ для собесѣдованія наставниковъ съ учениками, родителей съ дѣтьми, домовладыкъ съ домочадцами, людей просвѣщенныхъ съ простолюдинами.

Но, если на комъ всецѣло лежитъ священный долгъ обнажать порокъ отъ всѣхъ личинъ его, и показывать всѣ его ужасныя послѣдствія; то на пастыряхъ Церкви. По всей справедливости должно сказать, что въ семъ наипаче должно состоять попеченіе о душахъ, имъ ввѣренныхъ. Ибо всѣ истины спасенія, какъ ни благотворны они, не произведутъ желаемаго дѣйствія надъ грѣшникомъ, доколѣ онъ не убѣдится и не возчувствуетъ, что состояніе грѣха, въ коемъ находится онъ, есть состояніе самое ужасное и погибельное.

Чувствуя сію истину, и мы братія, по долгу званія нашего, рѣшились въ наступающіе дни святаго поста, избрать постояннымъ предметомъ для собесѣдованій нашихъ съ вами, грѣхъ и его ужасную ядовитость. Если бы слово наше не въ состояніи было возбудить чьего либо вниманія; то теперь самое время возбудитъ его. Ибо въ продолженіи поста каждому изъ насъ, надобно приступать къ покаянію и исповѣди: это самыхъ невнимательныхъ заставляетъ размышлять о грѣхѣ. И такъ будемъ размышлять вмѣстѣ и въ слухъ: противъ общаго врага нашего соединимся общими силами. Для сего, при помощи благодати Божіей, разсмотримъ во первыхъ, что есть грѣхъ въ существѣ своемъ, откуда онъ, и какіе его виды; во вторыхъ изслѣду-

емъ, чемъ грѣхъ соблазняетъ насъ, и постараемся сорвать съ него всѣ обольстительныя личины; въ третьихъ пройдемъ мыслію по путямъ беззаконія, и покажемъ, куда приводятъ они; въ четвертыхъ вникнемъ, что должно сдѣлать тому, кто хочетъ освободиться отъ грѣха и какія къ тому средства. Собесѣдованіе о сихъ предметахъ можетъ послужить для всѣхъ насъ вмѣсто пріуготовленія къ таинству покаянія и исповѣди. Аминь.

Суета суетствій, всяческая суета. Екк. 1, 2.

Слова сіи слѣдовало бы повторять съ Екклезіастомъ какъ можно чаще и каждому, особенно тѣмъ изъ насъ, кои всю жизнь проводятъ такъ, какъ бы никогда не думали умереть. Едва солнце поднимется, обычная суета у людей начинается; утренняя молитва забыта; слѣдуетъ прогулка, пища, потомъ цѣлый рядъ хлопотъ, дѣлъ; потомъ снова пища, снова сонъ.... и— такъ дни за днями, годы за годами, пока наступитъ наконецъ послѣдняя минута, горько напоминающая забытую „суету суетъ.“ Если мы и вспоминаемъ иногда о святомъ долгѣ къ Богу, посѣщаемъ святые храмы, то болѣе— изъ привычки; если стараемся устроить счастіе свое или присныхъ, то всегда почти съ обидою ближняго; „свое ближе чѣмъ чужое“— вотъ наше извиненіе въ подобныхъ случаяхъ; а того и не помнимъ что въ настоящей жизни все сѣется для жатвы въ будущей, что всѣ наши страсти, произволы, личные виды, своекорысныя желанія, въ которыхъ мы думаемъ найти столько удовольствія и часто встрѣчаемъ столько неудовольствій— суть суета суетъ.... О если бы мы помнили сіи слова мудраго! Можетъ быть тогда, среди дѣлъ житейскихъ, отъ которыхъ такъ огрубѣваетъ душа, чаще посѣщало бы насъ чувство Христіанское. Отзываясь потомъ чаще и чаще, оно дало бы многимъ дѣламъ нашимъ, а можетъ быть и всей жизни со всѣмъ иной видъ, иное направленіе... Но суета этого знать не хочетъ. Къ чему думаютъ, многіе, томить себя преждевременно мыслію о суетѣ міра и дѣлъ человѣческихъ? Постоянное чувство суеты можетъ породить въ насъ ко всему равнодушіе, ослабить способность и желаніе исполнять со рвеніемъ должности общественныя и частныя. Такъ ли? Не ошибочно ли это лукавое мнѣніе? Конечно, вредна и вмѣстѣ неразумна и преступна мысль, что человѣкъ и всѣ дѣла его ничтожны, подобно праху развѣваемому вѣтромъ, или былію истлѣвающему невозвратно. Но не такова, совсѣмъ не такова мысль Христіанина о суетѣ; въ немъ она всегда неразлучна съ мыслію о загробномъ назначеніи жизни настоящей, о вѣчномъ достоинствѣ всякаго добраго, истинно— Христіанскаго дѣла. А въ соединеніи съ такою мыслію, она напротивъ укрѣпляетъ и возвышаетъ силы человѣка, придаетъ болѣе силы и крѣпости его духу. Нужно только, говоримъ, помнить по христіански, а не по язычески суету дѣлъ человѣческихъ. Суетно въ мірѣ человѣческомъ не все то что человѣкъ мыслитъ и дѣлаетъ, но то, что онъ мыслитъ и дѣлаетъ вопреки закону Божію, по своимъ личнымъ, своекорыстнымъ видамъ; ничтожно не все то, что производитъ воля человѣка;

но то, что она хочетъ дѣлать сама собою и для себя, а не по духу святыхъ заповѣдей Евангелія. Объяснимъ это примѣромъ. Въ нашемъ тѣлѣ есть много составныхъ частей, необходимыхъ для жизни цѣлаго; бываетъ много и болѣзненныхъ наростовъ, сыпей, которыя, по свидѣтельству знающихъ, стремятся основать свой организмъ, независимо отъ общаго; не смотря на то, только первыя принимаютъ участіе въ общей жизни тѣла, а послѣднія каждое органическое тѣло силится удалить отъ себя, какъ ненужныя. Но точно также, какъ наше тѣло удаляетъ отъ себя болѣзненныя наросты, стремящіяся къ независимости,— и всѣ наши самозаконные помыслы и дѣла удаляютъ насъ отъ вѣчной жизни въ Богѣ и съ Богомъ, и носятъ въ себѣ сѣмя своего ничтожества и наказанія. И такъ, помня суету дѣлъ человѣческихъ, Христіанинъ долженъ памятовать и безсмертное достоинство святости и правды; дѣйствуя среди людей— ближнихъ и дальнихъ, чуждыхъ и присныхъ, онъ долженъ поступать такъ, чтобы въ дѣлахъ исполняемыхъ его волею, осуществлялся вѣчный законъ Божій, его вѣчная истина и правда; чтобы на чредѣ всякаго служенія онъ былъ органомъ творящимъ волю Божію во всѣхъ дѣлахъ и помыслахъ своихъ. Это доставитъ ему не скорбь а наилучшее утѣшеніе въ жизни, исполнитъ душу воодушевленіемъ и готовностію на всякое пожертвованіе для блага всѣхъ и каждаго, временнаго и вѣчнаго. Тогда только и всѣ дѣла наши будутъ изъяты отъ суеты и ничтожества; иначе все *суета суетствій, всяческая суета!*

Кіевъ Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 5 Августа, 1845. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 27. НЕДѢЛЯ 19-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. Октября 10. 1843.

На Утрени: Евангеліе воскресное 8-е, Іоан. 20, 11—18.
На Литургіи: Апост. 2 Кор. 11, 31. 32. 12, 1—9. Еван. Лук. 6, 31—36.

ПЕЧАЛЬ ХРИСТІАНИНА ПО БОГѢ И НЕБЕСНОМЪ ОТЕЧЕСТВѢ.

Пролію предъ Нимъ (Господомъ) моленіе мое, печаль мою предъ Нимъ возвѣщу (Псал. 141, 2). Изчезоша яко дымъ дніе мои, и кости моя яко сушило сосхошася: дніе мои яко сѣнь уклонишася, и азъ яко сѣно изсохъ (Псал. 101, 4. 12). Господи Боже спасенія моего! во дни воззвахъ и въ нощи предъ Тобою (Пс. 87, 2).

Даждь плачущимъ Сіона славу вмѣсто пепела, помазаніе веселія плачущимъ, украшеніе славы вмѣсто духа уныніе (Иса. 61, 3)! О, Господи, избави душу мою (Псал. 114, 4)!

Къ тебѣ возведохъ очи мои, живущему на небеси (Псал. 122, 1). Изъ глубины воззвахъ къ Тебѣ, Господи: Господи, услыши гласъ мой: да будутъ уши твои внемлющѣ гласу моленія моего (129, 1. 2).— Желаніе имый разрѣшитися и со Христомъ быти. Мнѣ бо еже жити Христосъ: и еже умрети, пріобрѣтеніе есть (Филип. 1, 21. 23).— Вонми моленію моему: изведи изъ темницы душу мою исповѣдатися имени Твоему: мене ждутъ праведницы, дондеже воздаси мнѣ (Псал. 141, 7. 8). Скорби сердца моего умножишася, отъ нуждъ моихъ изведи мя (24, 17). Спаси мя отъ бренія, да не углѣбну (68, 15). Изчезаетъ во спасеніе Твое душа моя (117, 166): не посрами мене отъ чаянія моего (сп. 116). Прилпе душа моя по Тебѣ, Боже (114, 6)! Господи, предъ Тобою все желаніе мое, и воздыханіе мое отъ Тебе не утаися (37, 10). Утрудихся воздыханіемъ моимъ, измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу (6, 7). Услыши молитву мою, Господи, и моленіе мое внуши, слезъ моихъ не премолчи: яко пресельникъ азъ есмь у Тебе и пришлецъ есмь азъ на земли, яко же вси отцы мои. Ослави ми, да почію (38, 13. 14. 118, 19). Покажи ми славу Твою (Исх. 33, 18). О Господи, спаси же! О Господи, поспѣши же (117, 25)!

Едино просихъ отъ Господа, то взыщу: еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего, зрѣти ми красоту Господню (26, 4). Коль возлюбленна селенія Твоя, Господи силъ! Желаетъ и скончавается душа моя во дворы Господни: яко лучше день единъ во дворѣхъ Твоихъ паче тысящъ (83, 2. 3. 11). Имже образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже (41, 2)! Изчезе

сердце мое и плоть моя, Боже сердца моего, и часть моя, Боже, во вѣкъ (72, 26). Возжада душа моя къ Богу крѣпкому, живому: когда пріиду и явлюся лицу Божію (41, 3)? Кто дастъ ми крилѣ яко голубинѣ: и полещу и почію (54, 6)? Кто введетъ мя во градъ огражденія (59, 11)? Господи, кто обитаетъ въ жилищи Твоемъ, или кто вселится во святую гору Твою? ходяй непорочень и дѣлаяй правду, глаголяй истину въ сердцѣ своемъ: иже не ульсти языкомъ своимъ, и не сотвори искреннему своему зла, и поношенія не пріятъ на ближнія своя. Яко Богъ не хотяй беззаконія, Ты еси: не преселится къ Тебѣ лукавнуяй, ниже пребудутъ беззаконницы предъ очима Твоима (14, 1. 2. 3).— Сія помянухъ и изліяхъ на мя душу мою (41, 5)!

Блажени живущіи въ дому Твоемъ! Блаженъ, егоже избралъ еси и пріялъ вселитися во дворѣхъ твоихъ (83, 5. 64, 5)! Посли свѣтъ Твой и истину Твою: та мя настависта, и введоста мя въ гору святую Твою и въ селенія Твоя (42, 3).

Колико есть дней раба твоего? Господи, скажи ми кончину мою, и число дней моихъ кое есть (117, 84. 38, 5)? Много пришельствова душа моя: и увы мнѣ, яко пришельствіе мое продолжися (119, 5. 6)!

Но обратися душе моя въ покой твой, яко Господь благодѣйствова тя (114, 5)!

СЛОВО
О ГРѢХѢ 2-е

О существѣ грѣха, его видахъ, степеняхъ и различныхъ грѣховныхъ состояніяхъ.

Намѣревающіеся вступить въ сраженіе съ какимъ либо сильнымъ непріятелемъ стараются первѣе всего узнать предварительно свойства своего противника, составъ его полчища, силы и средства, коими онъ можетъ располагать: подобно сему и для насъ, коимъ предлежитъ брань со грѣхомъ, нужно, для успѣха въ своемъ дѣлѣ, предварительно узнать, въ чемъ состоитъ грѣхъ, гдѣ его начало, каковы свойства, въ какихъ выражается онъ видахъ, откуда беретъ силу, что ему благопріятствуетъ и что для него противно? Кто скажетъ намъ это? Скажетъ во первыхъ слово Божіе, въ коемъ грѣхъ изображается во многихъ мѣстахъ со всѣми ужасными его послѣдствіями; скажетъ во вторыхъ Исторія рода человѣческаго, исполненная примѣрами всякаго рода грѣховъ и преступленій человѣческихъ; скажетъ наконецъ самый ежедневный *опытъ*, *и чуждый и свой собственный*. Увы для изображенія свойствъ грѣха нѣтъ нужды прибѣгать къ какимъ либо умозрѣніямъ и пособіямъ мудрости человѣческой: довольно посмотрѣть внимательно на людей, и заглянуть въ собственное сердце, коему, какъ справедливо замѣчено священнымъ бытописателемъ, отъ юности прилежитъ помышленіе на злое по вся дни!

На вопросъ: что есть грѣхъ? отвѣтствуетъ самъ Апостолъ, говоря, что *грѣхъ есть беззаконіе* (1 Іоан. 3, 4). И дѣйствительно, сущность вся-

каго грѣха состоитъ въ нарушеніи какого либо закона, такъ что если бы не было закона, то не было бы и грѣха. Поелику же законъ самъ по себѣ есть не что иное, какъ выраженіе воли Божіей; то грѣхъ столь же справедливо называется преступленіемъ сей всесвятой воли.— При каждомъ грѣхѣ человѣкъ, всякой разъ, вмѣсто закона поставляетъ свой слѣпой произволъ, вмѣсто пресвятой воли Божіей— свою злую волю; а посему при всякомъ грѣхѣ человѣкъ становится противникомъ и врагомъ своему Создателю. Уже по сей одной чертѣ, можетъ судить всякой— какъ преступенъ, опасенъ и зловреденъ грѣхъ: ибо малое ли дѣло стать твари противъ своего Творца?

Такъ какъ требованія закона всѣ состоятъ изъ двухъ вещей:— первое, чтобы мы дѣлали и исполняли все благое и праведное; во вторыхъ, чтобы не дѣлали ничего худаго и несправедливаго: то грѣхъ, какъ нарушеніе закона, такъ же состоитъ изъ двухъ главныхъ видовъ: во первыхъ изъ неисполненія того, что законъ повелѣваетъ дѣлать,— грѣховъ такъ называемыхъ опущенія, во вторыхъ изъ совершенія того, что законъ запрещаетъ дѣлать, грѣховъ, такъ называемыхъ, нарушенія. Такъ наприм. грѣшитъ тотъ, кто отнимаетъ у ближняго, какимъ бы то ни было образомъ, его собственность; грѣшитъ и тотъ, кто самую свою собственность не употребляетъ во благо ближняго, когда можетъ это сдѣлать: ибо законъ повелѣваетъ не только не обижать ближняго ни чемъ, но и помогать ему всѣмъ. Подобнымъ образомъ грѣшитъ не только тотъ, кто лжетъ и вводитъ другихъ въ заблужденіе, но и тотъ, кто, зная истину, не открываетъ ее и невыводитъ изъ заблужденія.— Это должно примѣтить особенно: ибо многіе почитаютъ грѣхомъ для себя одно то, что сдѣлали они худаго и богопротивнаго; а что не сдѣлано ими добраго и обще-полезнаго, того нисколько не ставятъ себѣ въ преступленіе. Нѣтъ, и это грѣхъ, когда человѣкъ, могши сдѣлать что либо доброе, не дѣлаетъ того по своему нерадѣнію или малодушію. Всѣ таковые осудятся съ рабомъ, закопавшимъ свой талантъ въ землю. И онъ не сдѣлалъ повидимому ничего худаго, представивши свой талантъ Господину цѣлымъ; но поелику не употребилъ его, какъ должно, то и лишенъ всего, въ наказаніе за лѣность.

Такъ какъ свободная дѣятельность человѣка выражаетъ себя тремя главными способами— мыслію и желаніемъ, словомъ и бесѣдою, и наконецъ самыми дѣйствіями; то и грѣхъ имѣетъ три главныхъ вида. Есть грѣхи мысленные— это всѣ нечистые помыслы и желанія, грѣховныя воображенія и воспоминанія. Питать въ умѣ и сердцѣ своемъ подобныя мысли и желанія, значитъ грѣшить: ибо, кромѣ того, что отъ такихъ мыслей и желаній часто происходятъ худыя слова и дѣла, они сами по себѣ уже портятъ душу и дѣлаютъ ее нечистою и богопротивною. Какъ опасна и зловредна сія внутренняя нечистота и грѣховность мыслей и чувствъ разительно показываетъ примѣръ духовъ нечистыхъ: ибо у нихъ нѣтъ ни нашего слова, ни нашей тѣлесности; ихъ порча и развращеніе все заключено въ ихъ духѣ; и однакоже какъ оно ужасно!

Втораго рода грѣхи состоятъ изъ худыхъ и гнилыхъ словъ. Сюда отно-

сятся всѣ виды лжи и обмана словеснаго, всѣ роды божбы напрасной и клятвъ безразсудныхъ, всѣ пересуды и злорѣчія на счетъ ближняго, всѣ лжесвидѣтельства и клеветы, всѣ соблазнительныя шутки и срамословія. Сюда же должно отнести и грѣхи слова письменнаго, когда то, что грѣшно произносить устами, пишется на бумагѣ, и такимъ образомъ распространяется и стократъ болѣе и болѣе дѣлаетъ соблазна и вреда, нежели произносимое устно. Къ сему же роду грѣховъ будутъ принадлежать и тѣ случаи, когда мы могли сказать что либо хорошее и полезное и не сказали, когда должны были защищать истину священную, или обнаружить ложь и клевету безчестную, и не сдѣлали того изъ расчетовъ самолюбія или своекорыстія.

Третій видъ грѣховъ состоитъ изъ самыхъ порочныхъ дѣйствій: здѣсь если начать исчислять поименно, то недостанетъ числъ и словъ.— Примѣтимъ только, что иные грѣхи прямо противъ Бога и вѣры въ Него, какъ то невѣріе, хула и отчаяніе; иные грѣхи устремлены противъ ближняго, наприм. татьба, убійство; иные противъ самаго грѣшника, наприм. сладострастіе, невоздержаніе и піянство.

Не всѣ грѣхи бываютъ, безъ сомнѣнія, въ каждомъ человѣкѣ; обыкновенно одна какая либо страсть беретъ верхъ надъ другими и становясь господствующею, не рѣдко даже изгоняетъ другія страсти, съ ней несовмѣстныя, какъ наприм. скупость изгоняетъ невоздержаніе; но въ сущности дѣла каждый грѣшникъ носитъ въ себѣ сѣмя всѣхъ пороковъ, подобно какъ праведникъ носитъ въ себѣ начало и сѣмя всѣхъ добродѣтелей. Тѣмъ паче нельзя быть съ однимъ какимъ либо грѣхомъ и порокомъ по произволу. Человѣкъ гордый на примѣръ бываетъ вмѣстѣ и завистливъ и мстителенъ, и жестокъ; человѣкъ скупой притѣснителенъ, лживъ и низокъ; плотоугодникъ клятвопреступенъ, лицемѣренъ, расточителенъ.

Не всѣ грѣшники стоятъ такъ же на одной степени развращенія: въ грѣхѣ, какъ и въ добродѣтели, есть своя постепенность. Первая степень, когда человѣкъ начинаетъ предаваться по временамъ разнымъ порокамъ, или одному какому либо, безъ особеннаго расположенія ко грѣху не забывая приносить по временамъ и покаяніе, хотя безъ особенныхъ плодовъ его: вторая степень— когда худыя дѣйствія обращаются въ навыкъ, порокъ или страсть, становятся постояннымъ началомъ дѣйствій и правиломъ для жизни, не заглушая однако же вовсе желанія исправиться и перестать грѣшить. Третія степень— когда развращеніе доходитъ до того, что грѣшникъ, совершенно ослѣпленный грѣхомъ, почитаетъ его для себя необходимостію, вовсе забываетъ законъ, страхъ Божій, и грѣшитъ нераскаянно, съ намѣреніемъ всегда оставаться такимъ, какъ есть.

Состоянія грѣховныя такъ же различны. Есть состояніе грѣховнаго невѣденія, въ коемъ человѣкъ, слѣдуя влеченію растлѣнной природы и худымъ примѣрамъ, совершаетъ многіе грѣхи, не имѣя надлежащаго понятія о томъ, какъ совершаемое имъ противно закону и природѣ. Въ такомъ состояніи находятся многіе изъ бѣдныхъ язычниковъ, по недостатку истинной Религіи. Есть состояніе безпечности духовной, въ коемъ находящіеся вовсе не думаютъ о томъ, что и какъ должно человѣку

дѣлать, чего требуетъ законъ Божій и что воспрещаетъ, живутъ какъ случится, поступаютъ какъ случится, грѣшатъ и беззаконнуютъ какъ случится. Примѣръ и обстоятельства, привычка и страсти суть для нихъ вмѣсто всѣхъ правилъ и законовъ. Есть состояніе духовнаго лицемѣрія, когда человѣкъ ясно видитъ чего требуетъ долгъ и совѣсть, и старается сохранить на себѣ всю личину честности, но въ тайнѣ предается всему, къ чему влекутъ его страсти. Въ такомъ лицемѣріи обличалъ нѣкогда Господь Фарисеевъ. Есть состояніе грѣховнаго ожесточенія, когда грѣшникъ выходитъ изъ свойственной грѣху боязни и скрытности, безчинствуетъ явно, упорно отвергаетъ всѣ вразумленія и хвалится своими преступленіями. Есть состояніе отчаянія, когда грѣшникъ, пробудившись отъ грѣха, чувствуетъ крайнее къ нему отвращеніе, но вообразивъ, что его грѣхъ неотпустителенъ, готовъ бываетъ на самые отчаянные поступки и противъ другихъ и противъ самаго себя: примѣръ сего состоянія— несчастный предатель Христовъ.

Видите, сколько болѣзней и язвъ у души человѣческой! Видите, сколько узъ и оковъ у нашей бѣдной свободы и воли! Видите, сколько удицъ и петлей у врага нашего діавола! Посему то св. Писаніе такъ часто совѣтуетъ намъ непрестанно трезвиться духомъ и бодрствовать; посему то люди опытные въ духовной жизни не совѣтуютъ полагаться ни на какую свою добродѣтель и твердость, ибо, какъ показываютъ примѣры, можно съ самой высокой степени совершенства духовнаго вдругъ упасть и разбиться въ прахъ. Но да не унываетъ при семъ никто!— Велика сила грѣха, но сто кратъ больше сила благодати Божіей. Многообразно полчище пороковъ; но еще многообразнѣе ликъ святыхъ добродѣтелей. Мы не одни— съ нами Искупитель нашъ, съ нами Духъ Святый и всемогущій, съ нами Ангелы хранители, съ нами всѣ Святые Божіи, съ нами Церковь и ея таинства. Нѣтъ грѣха побѣждающаго милосердіе Божіе; нѣтъ преступленія, коего не могла бы смыть съ души нашей всесвятая кровь, пролитая за всѣхъ насъ на Голгофѣ. Всякой грѣшникъ, кто бы онъ ни былъ и какъ бы ни были велики грѣхи его, если только восхощетъ искренно и твердо, можетъ, при помощи благодати Божіей, сдѣлаться паки чистымъ и праведнымъ, и удостоиться царствія небеснаго: примѣръ тому покаявшійся на крестѣ разбойникъ. Аминь.

Якоже о Адамѣ вси умираютъ, такожде и о Христѣ вси оживутъ. 1 Кор. 15, 22.

Слово Божіе учитъ насъ, что разстройство во всемъ существѣ человѣка— въ его душѣ и тѣлѣ, произошло отъ паденія прародителей. Когда духъ человѣка отпалъ отъ союза съ верховнымъ началомъ истины и жизни; тогда и въ самомъ тѣлѣ прекратилось полное соотвѣтствіе его съ духомъ. Вмѣсто прежняго, прекраснаго, вполнѣ соотвѣтственнаго духу органа, явилась бренная скудель, которая далеко не согласовалась уже съ духомъ. Какъ падшій, онъ по своему безсилію, не могъ уже совершенно владѣть своимъ тѣломъ;— и тѣло поврежденное не повиновалось съ своей стороны духу, но препятствовало выполненію его назначе-

нія. Слѣдствіемъ такого разстройства была и есть смерть: *оброцы грѣха смерть*. Что же дѣлаетъ безконечная любовь Божія съ увядшимъ цвѣтомъ земныхъ тварей? Очищаетъ человѣка своею искупительною жертвою, и полагаетъ сѣмя воскресенія въ его умирающее тѣло, да изъ бреннаго сложенія претворится въ тѣло духовное, свѣтоносное. Такимъ образомъ благость Божія прекращаетъ вражду духа и тѣла причиненную въ человѣкѣ паденіемъ, и снова вводитъ въ нихъ миръ, гармонію и жизнь; обновивъ духъ человѣка, преобразуетъ въ воскресеніи мертвыхъ и самое тѣло изъ тлѣннаго, враждебнаго духу, въ безсмертное и вполнѣ ему соотвѣтственное. Таковъ смыслъ высокаго ученія Христіанскаго о воскресеніи мертвыхъ! Оставимъ въ сторонѣ всѣ недоумѣнія бѣднаго разсудка, который едва знаетъ и наружность земнаго міра; соберемъ лучше различные виды нашей дѣятельности, прочитаемъ въ нихъ общую мысль ихъ и посмотримъ: не выражается ли и въ нихъ чувство необходимости— возстановить согласіе между природою духовною и тѣлесною, сдѣлать послѣднюю сколько можно способнѣйшимъ органомъ духа?

Врачебная наука наиболѣе занимается нашимъ тѣломъ; она старается избавить насъ отъ болѣзней настоящихъ и предохранить отъ болѣзней возможныхъ. Что это значитъ? Не то ли, что она хочетъ устранить тѣлесные недостатки, которые мѣшаютъ человѣку выполнять свое нравственно-духовное назначеніе въ общественной и частной жизни, или, говоря другими словами, хочетъ устроить возможно-лучшее тѣло для духа? Скажутъ: наукѣ врачебной нѣтъ дѣла до духа; предметъ ея одно здоровье тѣла: но не будь духа живущаго въ тѣлѣ, не нужны были бы и всѣ заботы о тѣлѣ; онѣ были бы безъ цѣли. Наука слова разгадываетъ его законы; естествознаніе изъясняетъ законы природы; механика слагаетъ машины для употребленія на сушѣ и водѣ; архитектура строитъ уютныя и колоссальныя зданія;— спрашивается: для какой цѣли? Какая основная мысль ихъ? Не та ли самая чтобы покорить природу физическую духовной, сдѣлать первую сколько можно способнѣе къ выраженію идей духа, сдѣлать ее живымъ, совершеннымъ органомъ мысли. Точно также и во всѣхъ лучшихъ и благородныхъ дѣлахъ человѣка можно замѣтить желаніе— устроить міръ физическій такъ, чтобы онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ требованіямъ духа? Значитъ въ насъ есть сознаніе разстройства между духомъ и тѣломъ, несообразности послѣдняго съ первымъ, есть и желаніе— возстановить между ними согласіе и гармонію. Но вознаграждаются ли наши желанія и усилія полнымъ успѣхомъ? Нѣтъ; никакая медицина не въ состояніи удержать навсегда разрушительнаго дѣйствія стихій на наше тѣло, никакое слово не въ силѣ выразить вполнѣ все внутреннее богатство духа, никакое естествознаніе не можетъ совершенно подчинить природу духу. Часто, когда человѣкъ достигаетъ возможно полнаго развитія силъ духовныхъ, тѣло его склоняется къ землѣ, и преждевременно уноситъ добрыя надежды въ могилу. И въ продолженіе всего земнаго существованія, наше тѣло, при всей его необходимости въ настоящей жизни для

проявленія силъ духовныхъ, много представляетъ намъ препятствій непреодолимыхъ. Болѣзни и немощи, различіе органовъ чувственныхъ, сонъ, страсти, словомъ: всѣ недостатки, неразлучные съ бреннымъ составомъ тѣлеснымъ, не позволяютъ духу нашему явиться въ тѣлесной природѣ во всемъ своемъ величіи, во всей полнотѣ своего существа. Тоже самое находимъ и въ отношеніяхъ нашихъ къ внѣшнему міру. Волны моря губятъ въ одинъ часъ столѣтніе труды ума; сила электрическая убиваетъ человѣка,— и царь земли— съ богоподобнымъ духомъ— повинуется ея слѣпому могуществу. Но природа не только разрушительно дѣйствуетъ на человѣка; она даже не позволяетъ пользоваться ея силами иначе, какъ послѣ долговременныхъ изслѣдованій, усилій, показывая тѣмъ, что изъ орудія покорнаго человѣку, она превратилась въ нѣчто чуждое, враждебное ему. Крашко: все показываетъ разстройство между духомъ и природою чувственною,— и никто не можетъ стать въ томъ таинственномъ средоточіи, въ которомъ можно было бы снова сдружить совершенно двѣ половины бытія человѣческаго. Напрасно нѣкоторые затѣйливые мудрецы хотятъ пособить этому разстройству мысленнымъ созерцаніемъ единства всей природы— тѣлесной и духовной. Мысленное единство не пособитъ дѣйствительному разстройству; оно всегда останется мысленнымъ, даже мечтательнымъ. Напрасно увѣряютъ они себя и другихъ, что какъ мысль съ одной стороны, такъ искусство съ другой— представляетъ на самомъ дѣлѣ эту совершенную гармонію двухъ сторонъ бытія нашего... Положимъ, что какое нибудь произведеніе художественное напр. изваяніе, во всѣхъ частяхъ своихъ всецѣло отражаетъ высокій помыслъ художника. Но эта гармонія касается одного только помысла, а не всей нашей духовно-тѣлесной жизни; она только во внѣшнемъ представленіи, а не въ существѣ человѣка; она мертвая а не живая, кажущаяся а не существенная. Какъ первое примиреніе двухъ сторонъ человѣка есть только мысленное, такъ послѣднее есть только наружное, внѣшнее. Такимъ образомъ въ нихъ повторяется только снова общее разстройство, постигшее человѣка послѣ его паденія, и отразившееся во всѣхъ дѣлахъ его!

Кто же послѣ того возстановитъ наше бренное, умирающее тѣло? Кто дастъ ему безсмертную силу и крѣпость, сдѣлаетъ его достойнымъ обновленнаго благодатію духа, возстановитъ между ними полный миръ, для прославленія имени Божія и вѣчнаго блаженства нашего? Единъ Тотъ, кто самъ есть Владыка духовъ и всякія плоти, кто самъ есть *воскресеніе и животъ*. *Грядетъ часъ егда вси мертвіи*, говоритъ Господь, *услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ*. Въ сей-то часъ, котораго продолженіе будетъ уже безконечно, водворится невозмущаемый миръ между духомъ и тѣломъ; ибо и тѣло наше будетъ тогда духовно, и земля будетъ нова. Тогда и тамъ только исполнится то, къ чему такъ смутно стремятся силы поврежденнаго естества нашего, и что можетъ совершить одно всемогущество Божіе. *Якоже о Адамѣ вси умираютъ, такожде о Христѣ*, и только о Христѣ *вси оживутъ*.

Да возвеселится сердце мое боятися имене твоего. Псал. 85, 11.

Не того желаетъ святый мужъ, чтобъ быть ему свободнымъ отъ всякаго страха, но проситъ самъ себѣ спасительнаго страха Божія, чтобы въ этомъ страхѣ сердце его обрѣло веселіе. Это высшее совершенство духа — находить величайшее счастіе въ страхѣ Божіи!

Грѣшникъ боится Бога, когда представляетъ себѣ и тяжесть грѣховъ своихъ, отъ коихъ не знаетъ какъ освободиться, и строгость вѣчной правды Божіей, суда которой ничѣмъ отвратить не можетъ. Преслѣдуемый своею совѣстію, сопровождаемый вездѣ мрачными воспоминаніями своихъ беззаконій, онъ вопіетъ иногда о помилованіи, но не чувствуетъ еще утѣшенія благодатнаго, потому что еще не любитъ Бога, а только боится. Этотъ страхъ удерживаетъ его отъ грѣховъ — грубыхъ и тяжкихъ, но не исправляетъ его сердца. Это страхъ тотъ, который *муку имать* (1 Іоан. 4, 18.), страхъ, въ коемъ нѣтъ ничего другаго, кромѣ страха.

Но вотъ мракъ рѣдѣетъ въ сердцѣ кающагося, восходитъ заря благодатнаго утѣшенія; грѣшникъ чувствуетъ, что есть для него очищеніе и спасеніе, всею силою души устремляется онъ къ Спасителю и слезами омываетъ стопы Его. Въ этихъ слезахъ есть уже любовь, но еще не совершенная, еще растворенная горестію страха. „Навсегда ли свободенъ буду я отъ грѣховъ моихъ? Не впаду ли послѣ еще въ худшее состояніе? — Быть можетъ отъ грѣховъ внѣшнихъ, грубыхъ спасусь я, но какъ избавиться мнѣ отъ нечистоты внутреннихъ?“ — Такъ помышляетъ грѣшникъ, боящійся Бога хотя уже не страхомъ рабскимъ, но все еще не проникнутый совершенно любовію сыновнею.

Наконецъ искренно кающимся даруется и та высокая благодать Божія, что они уже не временно, а постоянно сознаютъ въ душахъ своихъ сладкій миръ Божій, радость о Дусѣ святѣ, которой не теряютъ въ самыхъ страданіяхъ, находятъ высочайшее удовольствіе во всегдашней близости къ Престолу любви и милосердія Божія. Они уже не боятся ничего, и говорятъ: *Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой, кого убоюся? Господь защититель живота моего, отъ кого устрашуся?* (Пс. 26, 1). Нельзя однакожъ сказать, чтобы они совсѣмъ не имѣли страха. Страхъ Божій всегда съ ними, но этотъ страхъ уже ничего не содержитъ мучительнаго, горестнаго. Этотъ страхъ имѣетъ всю сладость любви; онъ составляетъ ихъ счастіе, онъ и охрана, утвержденіе ихъ счастія. Это страхъ Ангела, благоговѣющаго предъ высочайшею святостію Вѣчнаго, и страхъ сына, который нѣжно любитъ отца и боится даже словомъ оскорбить его, это страхъ и вмѣстѣ радость, сознаніе своего ничтожества и вмѣстѣ полноты любви Божіей излитой въ любящее сердце. —

О Господи! *воздаждь ми радость спасенія твоево; да возвеселится и мое сердце боятися имене твоего!*

Кіевъ Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 12 Августа, 1845. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 28. НЕДѢЛЯ 20-я, ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. Октября 17. 1843.

На Утрени: Евангеліе воскресное 9-е, Іоан. 20, 19— 31.
На Литургіи: Апост. Галат. 1, 11— 19. Еван. Лук. 7, 11— 16.

ПРЕПОДОБНАГО НИЛА ПОДВИЖНИКА,

ИЗБРАННЫЯ ПИСЬМА

О силѣ креста Господня и крестнаго знаменія.

1. Акакію.

Св. Іаковъ благословилъ Ефрема и Манассію, положивъ крестообразно на нихъ руки. При семъ достойно удивленія то, что онъ потомкамъ преподалъ благословеніе и утвердилъ старшаго вторымъ чрезъ изображеніе креста Господня. Крестъ Христовъ дѣйствительно первыхъ за гордость содѣлалъ вторыми, ибо Апостолъ сказалъ Іудеямъ: *вамъ бѣ лѣпо первѣе глаголати слово Божіе* (потому что они были потомки Авраама), *а понеже отвергосте е, и недостойны творите сами себе животу вѣчному, се обращаемся во языки* (Дѣян. 13, 46.) въ исполненіе сказаннаго отцемъ Сыну у Пророка Исаіи: *се дахъ тя во свѣтъ языкомъ, еже быти тебѣ во спасеніе даже до послѣднихъ земли* (49, 6 кн. 1. пис. 90, 9)!

2. Капитону Діакону.

Если твое сердце заражено зміиною завистію и горькою злобою, то у тебя есть достопокланяемое древо,— крестъ Господень, который можетъ, если хочешь, усладить горькую воду твоихъ нравовъ. Такъ великій Моисей горкія воды мерры усладилъ тѣмъ, что бросилъ въ оныя древо. (Кн. 1, п. 106).

3. Ипполиту Секретарю.

Пригвожденныя ко кресту руки и ноги Христовы означаютъ удержаніе насъ отъ злыхъ дѣлъ и отъ стремленія ко всякому нечестію и грѣху, ибо силою креста Господня мы побѣдили, попрали и испребили побѣдившій и о безсиливший насъ грѣхъ (Кн. 2, пис. 328).

4. Евстафію царскому казначею.

Если ты часто будешь печатлѣть чело и сердце твое знаменіемъ креста Господня, то демоны убѣгутъ отъ тебя, потому что они боятся весьма этой святой печати (Кн. 2, п. 304).

5. Филохристу Епископу.

Если ты хочешь истребить непотребныя воспоминанія, оставшіяся въ умѣ и уничтожить разнообразныя козни врага: то вооружись воспоминаніемъ Спасителя нашего, и усердно призывай день и ночь достопокланяемое имя Его, часто ограждая чело и грудь знаменіемъ креста Господня; ибо когда упоминается имя Спасителя нашего и знаменуется крестомъ Господнимъ

сердце, чело и прочія части, то разрушается сила врага и злые демоны съ трепетомъ убѣгаютъ отъ насъ. Точно также и поученіе Словомъ св. Духа уничтожаетъ злые помыслы, производя по писанному (Пс. 34, 4.) огнь, который, согрѣвая умъ, производитъ усердную молитву и заставляетъ возсылать прошенія къ Богу разумныя (Кн. 3, п. 378).

6. Евдемону Схоластику.

Когда ты намѣреваешься выдти за порогъ дверей; то прежде произнеси слѣдующія слова: отрицаюсь тебя сатана, всей твоей гордыни и служенія тебѣ, и сочетаваюсь тебѣ Христе; и безъ этихъ словъ никакъ не выходи; они составятъ для тебя жезлъ, оружіе и непобѣдимое огражденіе. Вмѣстѣ съ сими словами изображай на челѣ крестъ. Когда ты всегда такъ будешь вооруженъ, то тебѣ не токмо встрѣчный человѣкъ, но даже самъ діаволъ не причинитъ никакого вреда (Кн. 3, п. 287).

СЛОВО

О ГРѢХѢ 3-е

О ТОМЪ, КАКЪ ПРОИЗОШЕЛЪ ГРѢХЪ ВЪ МІРѢ И ВЪ РОДѢ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ, И КАКЪ ОНЪ ПРОИСХОДИТЪ ВЪ КАЖДОМЪ ИЗЪ НАСЪ.

Откуда грѣхъ въ мірѣ? вопросъ самый близкій къ каждому грѣшнику; но, для отвѣта на него, надобно выйти мыслію за предѣлы всего видимаго; ибо грѣхъ произошелъ не въ нашемъ мірѣ. Благодареніе, тысящекратное благодареніе Господу, что не мы, человѣки, были первыми виновниками грѣха, возмутившаго безпредѣльное царство Божіе и внесшаго смерть и пагубу во вселенную!— Ибо хотя мы и заразились ужасною язвою грѣха; но поелику она пришла къ намъ отынуду, заразила притомъ насъ безъ полнаго нашего сознанія; то намъ еще осталась потому самому возможность быть уврачеванными отъ язвы грѣховной.

Гдѣ же, спросите, произошелъ грѣхъ?— въ области духовъ— въ сердцѣ Люцифера. Онъ породилъ въ себѣ первый грѣхъ; онъ перелилъ сію язву сначала въ подобныхъ себѣ духовъ, а потомъ и въ сердце неосторожнаго прародителя нашего. Какъ зачался и родился грѣхъ въ духѣ Ангела свѣтоноснаго? не знаемъ: это тайна!— Руководясь истиннымъ понятіемъ о совершенствахъ Творца и природѣ существъ разумныхъ, мы можемъ только и должны утверждать, что первый грѣхъ произошелъ не отъ природы, а отъ свободы, и состоялъ въ злоупотребленіи разума и воли; а послѣдуя нѣкоторымъ указаніямъ Слова Божія, доумѣваемъ, что первымъ злоупотребленіемъ разума и воли въ первомъ виновникѣ грѣха были самомнѣніе и гордость, желаніе независимости безграничной и стремленіе сдѣлаться подобнымъ Богу. Тоже св. Писаніе и уже положительно открываетъ намъ, что сіи преступныя чувства въ Люциферѣ не остановились на одномъ внутреннемъ недовольствѣ и тайномъ враждованіи противъ Всевышняго, а дошли до явнаго возмущенія и безумнаго противуборства Его всемогущей волѣ. Такая дерзость и бунтъ не могли быть терпимы у престола Всемогущаго;— и гордый денница сверженъ въ преисподнюю, въ самую низшую область мірозданія, гдѣ онъ дѣйствительно образовалъ изъ

себя съ клевретами своими собственное царство тьмы и ужаса, ненависти и отчаянія, смерти и разрушенія.

Чтобы умножить число немныхъ слугъ своихъ и сообщниковъ возмущенія, чтобы уязвить неприступнаго по существу своему Творца въ лицѣ видимаго представителя его совершенствъ на землѣ, врагъ Божій рѣшился заразить грѣховною язвою и созданнаго, по паденіи его, человѣка. Извѣстно, какъ послѣдовала сія зараза.

Для человѣка, яко видимаго образа Бога невидимаго, яко будущаго намѣстника Его на земли и правителя всѣхъ низшихъ существъ, необходимо было испытаніе, или такой опытъ послушанія и любви къ Творцу и благодѣтелю своему, въ коемъ испытуемый со всею свободою могъ бы показать, что онъ рѣшается единожды и на всегда подчинить свою волю пресвятой волѣ и закону Творца своего, дабы во всемъ дѣйствовать согласно Его премудрымъ цѣлямъ и намѣреніямъ. Для сего опыта избрано было древо познанія добра и зла, съ запрещеніемъ вкушать отъ плодовъ его— подъ опасеніемъ смерти. Въ повиновеніи сей заповѣди заключалось все для человѣка— жизнь въ исполненіи ея, смерть въ нарушеніи: ибо чрезъ исполненіе онъ на всегда оставался едино съ Творцемъ, и потому способнымъ, къ чему предназначенъ Его благостію; чрезъ нарушеніе отдѣлялся отъ своего Творца, становился врагомъ Ему, и потому вовсе неспособнымъ къ своему мѣсту и предназначенію. Усего-то таинственнаго древа явился искуситель въ льстивомъ образѣ змія, и коварнымъ обѣщаніемъ, что чрезъ вкушеніе плодовъ его человѣкъ не умрепъ, какъ угрожалъ Господь, а сдѣлается подобнымъ Богу; увлекъ его въ преступленіе воли Творческой.

Съ сей злополучной минуты вторгся и въ нашъ міръ грѣхъ со всѣми его ужасами. Разорвавъ преступленіемъ блаженный союзъ свой съ Богомъ, несчастный прародитель нашъ лишился чрезъ то самое непосредственнаго, внутренняго сообщенія съ источникомъ всѣхъ силъ и совершенствъ: умъ его померкъ, чувство угасло, воля обомлѣла, мощь исчезла, все существо помертвѣло.— Вмѣстѣ съ симъ потерялъ онъ способность къ высокому своему мѣсту и предназначенію въ ряду существъ. А сдѣлавшись отпадшимъ отъ Бога, и лишеннымъ первобытныхъ совершенствъ, первый человѣкъ не могъ уже не передать сего несчастнаго состоянія, то-есть, падшей природы своей и всѣмъ своимъ потомкамъ. *И роди Адамъ сына по виду своему*, сказано въ бытописаніи, а уже не по образу Божію, какъ былъ созданъ въ началѣ самъ.

Здѣсь-то, въ семъ-то первобытномъ паденіи всего человѣчества, кроется первый, общій для всѣхъ людей, источникъ наклонности ко злу. Этотъ источникъ есть наша собственная, падшая, помраченная, разтлѣнная грѣхомъ природа, которую каждый изъ насъ заемлетъ отъ своихъ прародителей. Тѣ, кои не признаютъ сего источника зла, явно идутъ вопреки всеобщаго опыта. Ибо откуда въ насъ столь ранній и рѣшительный перевѣсъ чувственности надъ умомъ и совѣстію? Откуда такая сила надъ нами соблазновъ и такое слабое дѣйствіе на насъ примѣровъ добрыхъ? Откуда нечистыя и злыя движенія въ самихъ младенцахъ? Не говоримъ уже о бренности всего суще-

ства нашего, которая видимо не первоначальнаго— Божескаго происхожденія, а слѣдствіе какого-то ужаснаго переворота съ нашею природою.

Впрочемъ тотъ составилъ бы себѣ неправильное понятіе о сей, прирожденной всѣмъ намъ, порчѣ грѣховной, кто подумалъ бы, что въ слѣдствіе ея человѣкъ долженъ теперь грѣшить необходимо. Нѣтъ, благодареніе Господу! сей ужасной необходимости нѣтъ ни для кого изъ сыновъ Адамовыхъ.— Въ слѣдствіе первобытнаго паденія нашего, грѣхъ въ каждомъ изъ насъ имѣетъ теперь, такъ сказать, уже готовое для себя мѣсто, и намъ гораздо труднѣе исполнять волю Божію, нежели какъ было въ началѣ, а впрочемъ нѣтъ ни одного грѣха, котораго бы не можно было избѣжать, коль скоро есть на то твердая рѣшимость. Ибо, въ слѣдствіе милосердаго о насъ промышленія любви божественной, мы, противъ немощи и порчи естества нашего, имѣемъ теперь силу благодати, постоянно вспомоществующей намъ въ борьбѣ нашей съ наклонностію къ злу. Посему и нынѣ, какъ въ первые дни бытія человѣческаго, и въ каждомъ изъ насъ, какъ въ первыхъ прародителяхъ нашихъ, рядъ грѣхопаденій начинается не отъ необходимости, а отъ произвола и состоитъ въ злоупотребленіи разума и воли.

Какъ происходитъ въ насъ это новое, наше собственное паденіе? На это даетъ намъ отвѣтъ Ап. Іаковъ. *Кійждо*, говоритъ онъ, *искушается отъ своея похоти, влеком҃ъ и прельщаем҃ъ. Таже похоть, зачеbreve, раждаетъ грѣхъ҃* (Іак. 1, 14. 15). Въ самомъ дѣлѣ, доколѣ душа наша благодатію Божіею не исправится и не освободится отъ наклонности къ злу, дотолѣ въ ней, какъ на худой почвѣ земли сорныя травы, непрестанно возникаютъ разные грѣховные помыслы и желанія нечистыя. Сами по себѣ, они еще не составляютъ грѣха дѣятельнаго, а служатъ только признакомъ въ насъ грѣховнаго расположенія, и такъ сказать матеріаломъ для беззаконія: появленіе ихъ въ умѣ и сердцѣ не нарушаетъ нашей свободы, а только влечетъ насъ, какъ выражается Апостолъ, и прельщаетъ на грѣхъ. И коль скоро похоть грѣха не оплодотворяется свободою воли; то преступныя мысли и желанія остаются безплодными, слабѣютъ въ душѣ, замираютъ и изчезаютъ. Въ противномъ случаѣ, если, вмѣстѣ съ пожеланіемъ, послѣдовало и несчастное соизволеніе на грѣхъ; если, вмѣсто того, чтобы отвергнуть соблазнъ и искушеніе и подавить его разумомъ и совѣстію, мы пріемлемъ его въ объятія своихъ мыслей, соединяемъ съ нимъ нашу волю, предаемся тому, что внушаетъ вожделѣніе и страсть, и рѣшаемся исполнить злое намѣреніе на самомъ дѣлѣ, въ то время— не прежде *раждается*, какъ говоритъ Апостолъ, *грѣхъ҃*. Раждается грѣхъ, хотя бы намъ почему либо и нельзя было совершить его на самомъ дѣлѣ: ибо грѣховная похоть, воспринятая свободою, усвоенная волею, предназначенная къ осуществленію разсудкомъ, есть уже полное и самостоятельное дѣйствіе нашего духа и дѣйствіе преступное.

Такое побужденіе ко злу въ видѣ похоти бываетъ и изъ внутрь отъ разстлѣннаго грѣхомъ сердца, но весьма часто происходитъ и со внѣ— отъ людей и вещей, насъ окружающихъ. Является какой либо соблазнъ— путемъ видѣнія или слуха, входитъ въ нашу

душу и начинаетъ влечь за собою волю и прельщать сердце. Если человѣкъ, вооружившись страхомъ Божіимъ и чувствомъ долга, остается при семъ на сторонѣ совѣсти; то соблазнъ, проникши въ душу, теряетъ силу и наконецъ— изчезаетъ. Въ противномъ случаѣ, то есть, когда сей внѣшній соблазнъ усвояется сердцемъ, увлекаетъ за собою волю, обращается въ правило дѣйствій, мы падаемъ и грѣшимъ, если не внѣшно, то внутренно. Разительный примѣръ сего низпаденія ко злу представляетъ наша прародительница въ Раю. Вотъ, она стоитъ предъ древомъ познанія добра и зла и смотритъ на него, еще невинная: и змій влечетъ ее къ плоду запрещенному, и древо,— змій, льстивымъ обѣщаніемъ, что въ древѣ нѣтъ смерти какъ говорилъ Господь, а напротивъ вѣдѣніе необыкновенное и независимость божеская,— древо, своими плодами и красотою. *И видѣ жена, яко добро древо вѣ снѣдь, и угодно очима еже видѣти, и красно есть, еже разумѣти.* Грѣховное пожеланіе уже родилось въ душѣ Евы; но могло быть отвергнуто и подавлено разсудкомъ и твердою волею. Прародительница рода человѣческаго могла сказать сама себѣ: слова змія искусительны; но слова Бога и Создателя стократъ вѣрнѣе и святѣе! Видъ древа и плодовъ его прекрасенъ: но законъ Божій еще вожделѣннѣе; могла сказать такъ, и пойти прочь. Такимъ образомъ и внутреннее и внѣшнее искушеніе осталось бы безплоднымъ и обратилось бы въ ничто; отринутое, побѣжденное, оно даже укрѣпило бы волю на превозможеніе новыхъ и большихъ искушеній: но, сердце несчастной праматери нашей не устояло при семъ въ добрѣ, увлеклось похотію; и преступленіе совершилось. *И вземши жена яде, и даде мужу своему, и ядоста.* Подобно сему искушается и падаетъ каждый изъ насъ. Давидъ, напр., случайно, видитъ жену Уріи, и, воспламенившись страстію преступною, совершаетъ, одно за другимъ, два ужасныя преступленія. Іезавель видитъ виноградникъ Навуѳея; рѣшается, во чтобы то ни стало, имѣть его, и такъ же достигаетъ своей цѣли преступленіемъ.

Наконецъ и посредственнымъ и непосредственнымъ поводомъ къ злу, во всѣхъ его видахъ, можетъ служить для насъ, подобно какъ служилъ для прародителей нашихъ, самъ первый виновникъ грѣха, исконный врагъ человѣчества, діаволъ. Ибо хотя человѣкоубійца сей связанъ узами всемогущества Божія, и ничего не можетъ противъ тѣхъ, кои пребываютъ подъ сѣнію благодати Христовой; но тѣ, кои своимъ невѣріемъ и нечестіемъ уклоняются изъ подъ сего святаго покрова, отверзаютъ ему дверь въ свое сердце, на сихъ несчастныхъ людей духъ злобы получаетъ возможность дѣйствовать прямо и непосредственно, вдыхая въ нихъ отъ своей полноты зла хульныя мысли, зловредныя похоти и богопротивные замыслы. Ужасный примѣръ сего адскаго наитія представляетъ злополучный предатель Христовъ, о коемъ прямо сказано, что діаволъ вложилъ въ сердце его, да предастъ своего Учителя. Тоже слово Божіе ясно говоритъ, что діаволъ и до нынѣ *ходитъ, яко левъ, искій кого поглотити.* Впрочемъ, и здѣсь мы возымѣли бы весьма неправильную мысль, если бы подумали, что онъ поглоща-

ешъ, кого хочетъ: нѣтъ, онъ поглощаетъ токмо тѣхъ, кои сами того хотятъ, кои небрегутъ о средствахъ избѣгать сего льва и его ужаснаго поглощенія. Доказательство сему тотъ же несчастный предатель. Мысль о преданіи была вложена въ душу его, и принята ею: но божественный Учитель при всемъ томъ не оставлялъ никакихъ средствъ, чтобы остановить его на пути предательства. Почему не оставлялъ? потому, безъ сомнѣнія, что Іуда могъ и принятую и усвоенную мысль о предательствѣ удалить отъ себя, отвергнуть, и содѣлаться паки тѣмъ, чѣмъ былъ въ началѣ, то есть, вѣрнымъ ученикомъ и Апостоломъ. Таже драгоцѣнная возможность— возвратиться къ своему долгу и совѣсти остается и у каждаго грѣшника; и если онъ не найдетъ нѣкогда для себя извиненія и отвѣта на судѣ, то потому, что могъ, какъ говоритъ Апостолъ Павелъ, *возникнуть отъ діавольскія сѣти*, и— не восхотѣлъ того.

Таково, брат. мои, происхожденіе грѣха въ мірѣ, въ родѣ человѣческомъ и въ каждомъ изъ насъ! Грѣхъ, какъ въ началѣ произошелъ, такъ и нынѣ всегда происходитъ не отъ природы, а отъ злоупотребленія воли и свободы. Безъ свободы нѣтъ, и не можетъ быть никакого новаго грѣха. Посему-то всячески должно хранить и укрѣплять свободу духа; ибо она, какъ магнитъ, можетъ и возрастать въ силѣ и умаляться, смотря потому, какъ упражняютъ ее. Въ чистыхъ Ангелахъ и праведникахъ совершенныхъ свобода воли, отъ непрестаннаго святаго упражненія въ добрѣ, дошла до того, что сдѣлалась во все непреклонною ко злу, неподвижно утвержденною въ добрѣ и законѣ; а въ духахъ отверженныхъ, отъ нераскаянности, гордости, и непрестанныхъ низпаденій во глубину грѣха, свобода воли пришла въ такое состояніе, что потеряла силу обратиться къ добру и содѣлалась однимъ призракомъ истинной свободы. Подобно сему и въ грѣшникахъ, нерадящихъ о своемъ исправленіи, преданныхъ слѣпо страстямъ, свобода, отъ повторенія однихъ и тѣхъ же грѣховъ, умаляется наконецъ— до того, что они, предоставленные самимъ себѣ, безъ всемощной благодати Божіей, никогда не могли бы выйти изъ бездны грѣховной. Памятуя сіи непреложныя истины, будемъ брат. мои, дорожить какъ можно болѣе внутреннимъ произволомъ свободы нашей, не расточая безумно силу безсмертнаго духа нашего, по требованію страстей и прихотей. Когда же почувствуемъ въ себѣ ущербленіе нашей духовной свободы отъ грѣховъ нашихъ, то поспѣшимъ восполнять слабость воли нашей слезами истиннаго покаянія и благодатными таинствами св. Церкви, подобно какъ мореходцы немедленно спѣшатъ снова намагничивать свой компасъ, когда замѣтятъ, что онъ теряетъ свою силу направляться къ сѣверу. Аминь.

И отъ чуждихъ пощади раба твоего: аще не обладаютъ мною, тогда непорочень буду, и очищуся отъ грѣха велика. Пс. 18, 14.

Но не уже ли мы должны отвѣчать и за чужіе грѣхи? Не уже ли чужіе пороки могутъ обладать нами, и дѣлать насъ также виновными, какъ на-

ши собственные? Могутъ не только тогда, когда мы добровольно принимаемъ на себя чужое зло, но и тогда, когда желая сдѣлать добро ближнему, дѣлаемъ однакоже зло, а не добро. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

1. Бѣдная вдова, оставшись съ малыми сиротами почти безъ всякихъ средствъ къ пропитанію, пришла ко мнѣ и спрашивала: что дѣлать? Я сказалъ: подождать, пока подростетъ старшая дочь, и тогда принять зятя. Подросла; вдова опять пришла, и просила у меня зятя. Я зналъ многихъ молодыхъ людей по ихъ воспитанію, поведенію, характерамъ и наклонностямъ; выбралъ изъ нихъ самаго, какъ мнѣ казалось, надежнаго, и сказалъ: возьми его; онъ будетъ сынъ тебѣ, мужъ твоей дочери и отецъ сиротамъ. Не льзя выразить словами, сколько бѣдная женщина была мнѣ благодарна. Но, увы, избранный мною молодой человѣкъ, въ послѣдствіи, оказался не сыномъ а бійцею, не мужемъ, а тиранномъ, не отцомъ, а ненавистникомъ бѣдныхъ малюшокъ. Грѣхъ чужой, но вина и содѣйствіе мое. Расчетъ оправдывалъ меня: но когда я смотрѣлъ на тяжкія страданія несчастнаго семейства, совѣсть моя громко и ясно вопіяла ко мнѣ: „ихъ слезы падутъ на тебя!“— Чѣмъ было защититься, какъ не молитвою Пророка къ милосердому Богу: *и отъ чуждихъ пощади раба твоего?* Ясно видѣлъ я, что эти *чуждіи ерѣхи* обладали мною, и что ихъ тяжелое владычество одинъ Богъ можетъ снять съ меня,— и *тогда непороченъ буду*.

2. Мой другъ, человѣкъ весьма честный и добросовѣстный, подвергшись несчастію отъ огня, просилъ у меня знатной суммы денегъ. Дать было не льзя, потому что не было; и отказать не льзя, потому что семьѣ моего друга нѣгдѣ было пріютиться. Въ этомъ спорѣ двухъ невозможностей, я обратился къ одному доброму и мнѣ преданному семейству съ предложеніемъ: не ссудитъ ли оно меня извѣстною суммою? Мнѣ не отказали, и я тотчасъ же отдалъ взятое моему другу. Оба мы въ самыхъ сердечныхъ выраженіяхъ благодарили благодѣтельное семейство, которое въ свою очередь искренно радовалось, что имѣло случай быть намъ полезными. Мой другъ поправилъ свое состояніе, какъ не льзя лучше, и готовился къ уплатѣ долга; но— вдругъ снова раззорился, и остался ни съ чѣмъ. Мои дѣла то же пошли очень худо; ни въ службѣ, ни въ хозяйствѣ совершенно не было удачи, и я уже видѣлъ нищету съ глазу— на глазъ. Наконецъ и семейство, ссудившее насъ, пришло въ великій упадокъ: отецъ умеръ; дѣти по молодости не были опредѣлены къ мѣстамъ, а теперь, по бѣдности, и не могли опредѣлиться; хозяйство разстроилось; только и оставалось надежды, что долгъ нами взятый: но ни я, ни мой другъ не могли возвратить его. Сколько ни оправдывали мы себя невинными обстоятельствами, добрыми намѣреніями, такъ называемыми несчастными случаями: но несчастія добраго семейства безвыходно стояли у насъ передъ душою, какъ судъ и осужденіе совѣсти. „Что нужды,— говорили мы себѣ,— что мы невинны? Но мы ограбили это благодѣтельное семейство.“— Заятый мною долгъ лежалъ на мнѣ, какъ чужой грѣхъ: но тѣмъ не меньше я былъ грѣшенъ въ немъ передъ людьми добрыми, совер-

шенно невинно страдавшими. *И отъ чуждихъ пощади раба твоего!*

3. Самъ Пророкъ часто бывалъ въ такихъ обстоятельствахъ, когда переходъ чужихъ грѣховъ съ однихъ лицъ на другія былъ возможенъ. Прочтите, на примѣръ, отрывокъ изъ Исторіи о несчастной борьбѣ отца съ сыномъ (2 Цар. гл. 15—19.); найдете, что тамъ постоянно грѣшатъ однѣ лица изъ-за другихъ. Если осмнадцатый псаломъ составленъ по смерти Авессалома: то на вѣрное полагать можно, что Пророкъ и Царь Израилевъ, воспѣвая оный, живо вспоминалъ и Хусію, и Садока съ Авіаѳаромъ, и жену Вауримскую, и Авессалома, и свое царское повелѣніе щадить несчастнаго сына, и наконецъ главнаго полководца своего Іоава.

4. Грѣхи соблазна если не по исполненію, то по началу своему суть почти всѣ грѣхи чужіе. Конечно, всякій имѣетъ право сказать соблазнившемуся: за чѣмъ соблазнялся? Но и онъ имѣетъ такое же право взаимно спрашивать: за чѣмъ соблазняли? Не будь соблазна, не было бы и грѣха.

5. Въ контрактахъ, въ торговыхъ оборотахъ, въ поручительствахъ не только возможенъ, но иногда вовсе неизбѣженъ переходъ грѣховъ съ однихъ лицъ на другія.

По истинѣ тогда человѣкъ можетъ быть чистъ и непороченъ; когда милосердый Богъ очиститъ его не только отъ его собственныхъ; но и отъ чужихъ грѣховъ. *И отъ чуждихъ пощади раба твоего: аще не обладаютъ мною, тогда непороченъ буду, и очищуся отъ грѣха велика.*

Кіевъ Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 19 Августа, 1843. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 29. НЕДѢЛЯ 21-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. Октября 24. 1843.

На Утрени: Евангеліе воскресное 10-е, Іоан. 21, 1—14.
На Литургіи: Апост. Галат. 2, 16—20. Еванг. Лук. 8, 5—15.

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО НИЛА ПОДВИЖНИКА, ИЗБРАННЫЯ ПИСЬМА

О умовеніи ногъ Апостоламъ.

1. Флавіану.

Почему Господь только ноги, а не другой какой нибудь членъ омылъ у учениковъ? Чрезъ это Онъ не ноги отъ нечистоты очистилъ, какъ ты думаешь, но сообщилъ Апостоламъ божественную силу. Поелику змію было сказано: ты будешь блюсти пяту человѣка (Быт. 3, 15.), то есть весь образъ жизни: то Господь омылъ ноги учениковъ въ ознаменованіе очищенія духовныхъ ногъ. Почему Онъ и говорилъ: *даю вамъ власть наступати на змію и на скорпію и на всю силу вражію* (Лук. 10, 19.); а Исаія сказалъ: *коль красны ноги благовѣствующихъ миръ, благовѣствующихъ благая* (— 52, 7). Апостолы Христовы, прошедъ весь міръ, дѣйствительно разрушили діавольскую брань, утвердили всюду миръ и благовѣствовали намъ блага небесныя (Кн. 1, пис. 80).

2. Емуже.

Господь касался ногъ Апостольскихъ, дабы укрѣпить земныя и слабыя ноги, имѣющія пройти всю подсолнечную; брался великій врачь за пяту, на которую вначалѣ изреченъ былъ судъ, дабы не дать господствовать яду духовнаго змія. Посему пята, укрѣпленная прикосновеніемъ рукъ Господнихъ, попрала сатану, соблазнившаго вначалѣ прародителей, и такимъ образомъ исполнилось предсказаніе Девворы Пророчицы: *попретъ его душа моя сильная* (Суд. 5, 21), и Давида, который, воспѣвая побѣдную пѣснь, воскликнулъ: *падутъ подъ ногама моима, яко бреніе путей поелажду я* (Пс. 17. 39, 43). *Се даю вамъ власть,* сказалъ Господь, *наступати,* чтобы губитель болѣе васъ не допиралъ и не соблазнялъ (Кн. 1, Пса. 81).

СЛОВО О ГРѢХѢ 4-е

О ТОМЪ, ЧѢМЪ ГРѢХЪ СОБЛАЗНЯЕТЪ ЧЕЛОВѢКА, И ПОЧЕМУ ТАКЪ МНОГО ГРѢШНИКОВЪ НЕРАСКАЯННЫХЪ, И ТАКЪ МАЛО ИСТИННО КАЮЩИХСЯ?

И разумъ, и опытъ, и слово Божіе увѣряютъ насъ, брат., что грѣхъ есть зло великое, и предаваться ему значитъ быть врагомъ самому себѣ. Между тѣмъ, что видимъ мы въ мірѣ?

Что видимъ вокругъ насъ и въ насъ самихъ? Грѣхъ. Малая только часть избранныхъ Божіихъ, утвердившись на камени заповѣдей Господнихъ, оградившись страхомъ Божіимъ и благодатію Христовою, блюдетъ себя чистою отъ грѣха, постоянно сражается съ нимъ во всѣхъ его видахъ, и побѣждаетъ его и въ себѣ и въ другихъ. Гораздо большая часть, если и не оставляетъ совершенно пути правды и истины, то непрестанно уклоняется съ него на десно и шуее. Еще большая часть людей и не думаетъ о царскомъ пути правды и долга, спокойно позволяетъ себя влачить страстямъ по всѣмъ дебрямъ порока. Есть наконецъ и такіе, кои до того раздружились со всякою добродѣтелію, до того сроднились со всякимъ грѣхомъ, что, подобно духамъ отверженнымъ, готовы навсегда оставаться во грѣхѣ, готовы, если бы то было возможно, воцарить его надъ всѣмъ міромъ.—

Есть значитъ въ грѣхѣ что либо особенно привлекательное, когда онъ можетъ такъ овладѣвать людьми, не смотря на всѣ предостереженія отъ него разума, опыта и закона Божія. Чтобы это было такое? Это, по замѣчанію Апостола, *временная грѣха сладость* (Евр. II, 25.) и, можемъ прибавить мы, временная добродѣтели горечь. Человѣкъ созданъ для блаженства; и по природѣ своей неудержимо и постоянно стремится къ нему. Поелику же въ настоящемъ состояніи нашемъ, порокъ бываетъ часто сладокъ, а добродѣтель напротивъ горька; то человѣкъ, жаждущій блаженства, потому самому и устремляется къ пороку— сладкому, и отвращается добродѣтели— горькой.

Но, откуда эта, хотя временная, сладость порока и эта, хотя временная, горечь добродѣтели? Ужели первый сладокъ, а послѣдняя горька по самому существу ихъ? Нѣтъ, этого быть не можетъ. Грѣхъ по существу своему есть горечь адская, добродѣтель по самому существу своему есть сладость райская: но это по существу ихъ; для ощущенія сей горечи грѣха, сей сладости добродѣтели необходимъ вкусъ чистый и здравый; въ насъ нѣтъ сего вкуса; посему добродѣтель кажется намъ иногда горькою, а порокъ сладкимъ, точно такъ какъ это бываетъ, въ отношеніи къ яствамъ, во время нѣкоторыхъ болѣзней.

Такое превращеніе вкуса душевнаго бываетъ не вдругъ. Въ юныхъ лѣтахъ, когда сей вкусъ обыкновенно бываетъ чище (совершенно чистаго вкуса къ добродѣтели и пороку мы, какъ существа падшія, не приносимъ съ собою въ міръ сей), все доброе для насъ бываетъ гораздо пріятнѣе, и потому легче къ совершенію, и все порочное гораздо горчае, и потому отвратительнѣе. Но съ продолженіемъ времени, когда чувственность наша беретъ верхъ надъ разсудкомъ, когда примѣры и обычаи заглушаютъ совѣсть, когда грѣхъ отъ повторенія обращается въ привычку, духовный вкусъ нашъ, портясь болѣе и болѣе, наконецъ совершенно превращается, такъ что добродѣтель спановится для насъ горькою, а порокъ сладкимъ и пріятнымъ.—

Все сіе уже проясняетъ отчасти темное владычество грѣха надъ нами; но чтобы видѣть всѣ пріемы, коими уловляетъ онъ человѣка, всѣ узы и оковы, коими онъ удерживаетъ насъ

въ своемъ плѣну; разсмотримъ дѣло подробнѣе.

Мы являемся на свѣтъ сей, какъ показываетъ опытъ, не съ первобытными совершенствами и невинностію, а съ составомъ души и тѣла поврежденнымъ, съ силами и способностями, не имѣющими между собою надлежащаго согласія, съ видимою наклонностію къ чувственному, и отвращеніемъ отъ закона и обязанностей нашихъ. Для исцѣленія насъ отъ сей проказы, для выправленія всѣхъ членовъ природы нашей, для возвращенія намъ первобытной жизни, здравія и цѣлости, потребно продолжительное врачеваніе, чѣмъ и занимаются вѣра и добродѣтель, благодать и Евангеліе. Человѣкъ, предавшись имъ, какъ больной предавшись въ руки искусному врачу, по необходимости теряетъ большую часть своей свободы, долженъ и жить и дѣйствовать, не какъ хочетъ, а какъ велятъ, долженъ терпѣть разныя лишенія, принимать много горькихъ капель, доколѣ не освободится отъ наклонности ко грѣху и чувственности. Все это тяжело, иногда весьма больно для нашего плотскаго человѣка, для самаго воображенія, воли и свободы нашей. И вотъ является человѣку грѣхъ и говоритъ: къ чему всѣ сіи принужденія, всѣ эти лишенія? Что тебѣ мучить себя? Ты таковъ, какимъ долженъ быть; по крайней мѣрѣ совсѣмъ не такъ худъ, какъ изображаютъ тебя вѣра и религія. Живи какъ хочется; пользуйся всѣмъ, чѣмъ можно; лови радости и удовольствія, коихъ и безъ того не много. Бѣдный человѣкъ внемлетъ обаятельному голосу, сбрасываетъ съ себя всѣ пластыри и обязанія, кои возлагали на него вѣра и добродѣтель; и переходитъ на сторону порока, который предлагаетъ полную свободу, всѣ виды наслажденій и радостей земныхъ.—

Во вторыхъ вѣра и добродѣтель, подвергая человѣка, хотя для егоже блага, разнымъ принужденіямъ и ограниченіямъ, требуя отъ него не рѣдко важныхъ жертвъ и усилій, награду за все это обѣщаютъ не столько въ настоящемъ, сколько въ будущемъ, не рѣдко отдаленномъ; а полнаго плода и возмездія за всѣ труды и лишенія и не обѣщаютъ въ этомъ мірѣ, а велятъ ожидать его по смерти. Человѣкъ, озаренный свѣтомъ благодати и рѣшительно утвердившійся въ добрѣ, вполнѣ довольствуется симъ обѣщаніемъ: ибо видитъ ясно, что дѣло иначе и быть не можетъ; что доколѣ падшая природа его вся не обновится и не освятится благодатію, дотолѣ она не можетъ и вмѣстить полнаго блаженства; что самая жизнь настоящая, самая земля наша въ настоящемъ ихъ состояніи неспособны къ сему блаженству. Но человѣкъ, водящійся мудрованіемъ земнымъ, не отрѣшившійся чувственности, не можетъ возвыситься до сего святаго взора на вещи; онъ, не смотря на всѣ свои недостатки, на всю свою болѣзнь, хотѣлъ бы сдѣлаться блаженнымъ здѣсь, и какъ можно скорѣе. Грѣхъ пользуется всѣмъ симъ, и во первыхъ наводитъ сомнѣнія на будущія награды за добродѣтель, на самую жизнь будущую, что и не трудно дѣлать для него, ибо то и другое невидимо; во вторыхъ грѣхъ преувеличиваетъ злонамѣренно жертвы, требуемыя закономъ и совѣстію, выставляя въ то же время разнообразную картину своихъ удовольствій. За чѣмъ, говоритъ онъ человѣку, опускать вѣрное— настоящее и гнаться за будущимъ

неизвѣстнымъ, и едва ли возможнымъ? Я не маню тѣмъ, чего у меня нѣтъ: мои всѣ блага и радости на лицо. Они всѣ къ твоимъ услугамъ; только предайся мнѣ. Бѣдный грѣшникъ посмотритъ въ даль будущности, обѣщаемой за добродѣтель,— и своими близоруками очами не видитъ ничего, или весьма мало; посмотритъ на область грѣха, она кипитъ предъ нимъ утѣхами и наслажденіемъ; и вотъ, онъ на сторонѣ грѣха, въ плѣну страстей!..

Опытъ могъ бы остановить при семъ бѣднаго человѣка, показавъ ему, какъ многіе изъ грѣшниковъ, вмѣсто всѣхъ сладостей грѣха, или за малые капли ея, терпятъ и въ семъ мірѣ ужасныя бѣдствія; но грѣхъ умѣетъ искусно прикрывать въ себѣ эту мрачную и ужасающую сторону, представляя, что сіи бѣдствія произошли не отъ самаго грѣха и преступленія закона, а отъ недостатка притомъ благоразумія, или отъ особеннаго стеченія обстоятельствъ. Все это бываетъ при грѣхѣ, говоритъ человѣку страсть, но всего этого можетъ и не быть: ты возмешь противъ сего надлежащія мѣры, и на твою долю достанутся одни сладости и удовольствія.—

Въ довершеніе сихъ обольщеній, грѣхъ имѣетъ удивительную способность разнообразить ядовитую свою сладость, смотря по требованію. Можно сказать, что сладость грѣховная преображается по вкусу каждаго грѣшника. Для людей грубыхъ и чувственныхъ у грѣха множество наслажденій, самыхъ плотскихъ и грубыхъ; для людей, живущихъ въ области вожделѣній душевныхъ, у грѣха есть не мало удовольствій невещественныхъ, напр. удовольствіе скупаго отъ одного взгляда на кучи золота. Для людей, дѣйствующихъ преимущественно умомъ и волею, у грѣха на готовѣ запасъ преступныхъ наслажденій умственныхъ, доставляемыхъ гордостію, презорствомъ, буйными замыслами, дерзскими поступками и проч. Даже для людей знакомыхъ съ жизнію духа, съ подвигами добродѣтели, съ совершенствами Христіанскими, у грѣха есть своя приманка и своя сладкая отрава: это тайное самоуслажденіе своими совершенствами и подвигами, съ забвеніемъ собственнаго ничтожества. Сею приманкою грѣхъ уловляетъ душу въ свои сѣти, такъ сказать, подъ самымъ небомъ.

Самая сладость грѣха въ чемъ бы она ни состояла, имѣетъ ужасныя свойства. Вкушаемая, она обезсиливаетъ человѣка во всемъ существѣ его, отнимаетъ у него часть внутренняго чувства и разумнаго самосознанія, непримѣтно погружаетъ такимъ образомъ сначала въ сонъ духовный, а потомъ въ душевное оцѣпененіе и мертвенность. Обумерщвленный страстями грѣшникъ, видя не видитъ, слыша не слышитъ. Сколько разъ ни восходитъ надъ нимъ солнце благодати, сколько ни орошается онъ струями слова Божія и Христіанскихъ наставленій, сколько ни гремитъ надъ нимъ громъ самаго гнѣва Божія: все это для него какъ бы не существуетъ; потому что грѣхъ ослѣпилъ его умъ, заглушилъ его внутренній слухъ, подавилъ въ немъ совѣсть, обмертвилъ его духъ.

Будемъ ли дивиться послѣ всего этого, что такъ мало людей, избѣгающихъ совершенно сѣтей грѣха, и такъ не много такихъ, кои, имѣвъ несчастіе

увязнуть въ сихъ сѣтяхъ, расторгаютъ ихъ потомъ мужественно и исходятъ на свободу духа? Ахъ, еслибы не всемогущая сила благодати Божіей, не Ангелы хранители наши, не матернее попеченіе и таинства Церкви; то всѣ мы, безъ сомнѣнія, и навсегда остались бы въ плѣну страстей, не имѣя и мысли о томъ, чтобы сражаться съ ними, и терпѣть разныя принужденія для возвращенія себѣ свободы духа и чистоты сердца.

Не будемъ же забывать сего, возлюбленные! Зная коварство врага нашего— грѣха, и то, чѣмъ онъ уловляетъ насъ, противупоставимъ ему всегдашнюю бдительность, строгій разборъ и непреклонное отвращеніе. Явится ли онъ предъ насъ съ своею сладостію? Отринемъ ее съ ужасомъ, подобно тому какъ мы же отвергли бы ядъ, самый сладкій и вкусный.— Будетъ ли грѣхъ прельщать насъ утѣхами въ настоящемъ? Вспомнимъ, что сіи утѣхи привременны и скороизчезающи, а скорби, за ними слѣдующія, всегдашни и вѣчны. Будетъ ли выставлять предъ нами трудность жизни добродѣтельной, великость жертвъ, требуемыхъ вѣрою и покаяніемъ? Скажемъ, что сія трудность также привременна и вмѣстѣ необходима и спасительна, что сіи жертвы вознаградятся въ свое время сторицею и требуются отъ насъ ради нашего же блага, скажемъ такъ, и пребудемъ вѣрными закону, Богу и совѣсти. Аминь.

ЧУДЕСНЫЯ ЯВЛЕНІЯ ПРИ СВ. КРЕЩЕНІИ.

Св. Крещеніе, называемое въ св. Писаніи то новымъ *рожденіемъ свыше* (Іоан. 3, 3.), то *банею паки бытія* (Тит. 3, 5.), погруженіемъ человѣка въ смерть Христову (Римл. 6, 3.), облеченіемъ во Христа (Гал. 3, 27.) и т. п. есть само по себѣ дѣйствіе благодати чудесное, превышающее всѣ силы природы. Но сверхъестественное дѣйствіе обыкновенно совершается здѣсь внутренно и сокровенно, потому что есть предметъ вѣры и начало того царствія Божія о коемъ сказано, что оно *не пріидетъ со усмотреніемъ* (Лук. 17, 21). Были однакожъ случаи, въ коихъ сила Божія открывалась и видимо при священнодѣйствіи сего таинства. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Книга Дѣяній свидѣтельствуетъ, что Духъ святый видимо сходилъ на прещаемыхъ, не только послѣ крещенія (на пр. на каженика, 8, 39.), но иногда и прежде крещенія, какъ на Корнилія сотника, и его домашнихъ (—10, 44). Предъ самымъ же крещеніемъ совершилось чудо и надъ Савломъ:— *абіе отпадоша отъ очію его яко чешуя, прозрѣ же абіе, и воставъ крестися* (—9, 18).

Объ Авгарѣ, князѣ Едесскомъ, есть слѣдующее сказаніе: еще во время земной жизни Спасителя, онъ исцѣлился отъ проказы приложеніемъ къ себѣ чуднаго Убруса, присланнаго къ нему Господомъ, но исцѣлился несовершенно, такъ что все еще оставалась часть проказы на челѣ его. Наконецъ, уже по вознесеніи Господа на небо, посы-

лается въ Едессъ Ап. Ѳаддей, креститъ вѣрующаго Авгаря, и тогда, вмѣстѣ съ проказою духовною, совершенно очищается и проказа тѣлесная (а).

О Апостолѣ и Евангелистѣ Матѳеѣ читаемъ, что когда онъ крестилъ въ Ѳіопіи чернокожихъ людей, то они въ водахъ крещенія измѣняли черный цвѣтъ свой на бѣлый— въ знаменіе таинственнаго убѣленія душъ ихъ (б).

Св. Мученикъ Потинъ отрокъ, бывши въ городѣ Валеріи, крещеніемъ очистилъ отъ проказы Киріакію, жену сенатора (в).

Одинъ Еврей, за дерзость въ преніи противъ христіанства, пораженный нѣмотою, тотчасъ получилъ употребленіе языка, когда принялъ св. крещеніе (г).

Были люди, кои хотѣли посмѣяться надъ христіанствомъ и поругаться его таинствамъ: но когда съ произношеніемъ имени пресв. Троицы погружались въ водѣ, исходили изъ нея совершенно иными. Такъ, при Юліанѣ, Комедіантъ Порфирій выщелъ изъ воды крещенія вѣрнымъ исповѣдникомъ Христовымъ, и сдѣлался Мученикомъ (д).

Нѣкоторые сподоблялись при крещеніи видѣть чрезвычайныя явленія міра духовнаго. Такъ Клавдій, сродникъ Имп. Діоклитіана, самъ свидѣтельствовалъ послѣ крещенія, что, во время св. дѣйствія, озарилъ его свѣтъ превосходящій сіяніе солнечное (е), а св. Вассіанъ, въ послѣдствіи Епископъ Лаодикійскій, при крещеніи узрѣлъ своего Ангела хранителя и бесѣдовалъ съ нимъ (ж).

Не несвидѣтельствовану себе оставили чудесная сила св. крещенія и въ нашемъ любезномъ отечествѣ. Народъ Русскій никогда не забудетъ, какъ глава его— Св. Владиміръ чудесно прозрѣлъ въ купѣли Крещенія, и не престанетъ повторять слова его: „отселѣ позналъ я Бога истиннаго!“—

Юность непорочная, и юность порочная.

Съ обыкновенными словами *дѣтство, отрочество, юность непорочная* естественно связывается мысль о лучшихъ и счастливѣйшихъ дняхъ въ жизни каждаго человѣка. Почему это лучшіе дни? Потому что они, въ извѣстномъ отношеніи, для насъ тоже, что для нашихъ праотцевъ было состояніе въ раю земномъ. Первобытная невинность и святость,— ибо, выходя изъ купѣли, мы всѣ бываемъ святыми до времени,— простота сердца, чистая и спокойная совѣсть, постоянное веселіе— признакъ непорочной души, безкорыстная любовь ко всѣмъ, безпритворная покорность, свѣжія дарованія душевныя, ко всему способныя, цвѣтущее здоровье,— вообще полнота жизни и силъ нравственныхъ и тѣлесныхъ,— вотъ тѣ прекрасныя свойства, которыя можно находить въ юномъ возрастѣ, пока онъ не измѣнился, и о которыхъ часто со вздо-

(а) См. Чет. Мин. Авг. 21.
(б) Ноябр. 16.
(в) Іюля 1.
(г) См. въ житіи Св. Ѳеодора Еп. Едесскаго. Іюл. 9.
(д) Память его Сент. 15.
(е) См. въ житіи св. Муч. Сосанны, Авг. 11.

(ж) См. житіе св. Вассіана, Іюня 10.

хомъ приходится воспоминать пожилому человѣку, какъ о потерѣ весьма важной.

По симъ-то свойствамъ юнаго возраста и юныя дѣти занимаютъ высокое мѣсто въ понятіи другихъ людей. На нихъ смотрятъ, какъ на лучшія надежды и радости для отцевъ и матерей, для общества и Государства, для Церкви Божіей. Родители видятъ въ своихъ дѣтяхъ самихъ себя. Дѣти— ихъ собственная жизнь, явившаяся въ обновленномъ видѣ. Если бы у человѣка не было безсмертія: онъ нашелъ бы его въ своихъ дѣтяхъ; ибо, хотя смерть постигнетъ отца и мать, но они всегда могутъ утѣшать себя мыслію, что будутъ жить на землѣ въ своихъ дѣтяхъ, въ своемъ потомствѣ. Невинныя радости семейныя, благороднѣйшія утѣшенія въ лѣтахъ мужества, безопасность и прочность дома, слава фамильная, опора и защита въ старости,— все это для отца и матери составляютъ дѣти, если они разумѣютъ свое назначеніе. „Что стрѣлы въ рукѣ сильнаго, то сыны юные,— говоритъ слово Божіе, не будутъ они въ стыдѣ, когда будутъ говорить съ врагами у вратъ.“ По этому супружества бездѣтныя почитались въ ветхомъ Завѣтѣ крайне злополучными, а многочадіе было признакомъ особеннаго благословенія небеснаго; дѣти именовались наслѣдіемъ Божіимъ, наградою отъ Господа. „Вотъ наслѣдіе отъ Господа— дѣти; плодъ чрева— награда отъ него,“— съ восторгомъ говоритъ Пророкъ, привзглядѣ на дѣтей (Псал. 126, 3— 5).

Въ свою чреду общество и государство видитъ въ юномъ племени собственное возрожденіе. Общество, какъ и человѣкъ, ветшаетъ, старѣется: но для него не страшна старость и дряхлость тамъ, гдѣ за посѣдѣвшими слугами отечества стройною чредою идутъ безчисленные сонмы юныхъ подвижниковъ. Оно видитъ въ нихъ силу государственную, съ которою не могутъ сравниться ни обширная торговля, ни счастливыя побѣды, ни быстрые успѣхи просвѣщенія, ни другія выгоды общественныя; потому что всѣ сіи выгоды суть больше или меньше мертвыя начала жизни общественной. Оно видитъ въ нихъ будущую славу государственную, надѣясь имъ передать всѣ плоды своихъ трудовъ, всѣ недоконченныя предпріятія,— все, что имѣетъ лучшаго и драгоцѣннѣйшаго,— въ той мысли, что юные сыны его восполнятъ и усовершатъ дѣянія старцевъ. Отсюда предметъ нѣжнѣйшихъ попеченій для правительства составляютъ дѣти,— ихъ воспитаніе, ихъ просвѣщеніе, нравственность, безопасность.

Что Церковь видитъ въ дѣтяхъ? Сыновъ царствія Божія, по слову Спасителя: *таковыхъ есть царствіе Божіе*. Она смотритъ на нихъ, какъ на новый садъ Божій, рукою Отца небеснаго насаждаемый въ благодатномъ Эдемѣ,— садъ, который она обязывается возрастить и воспитать для вѣчности. Положимъ, что вѣра ослабѣла въ какомъ либо обществѣ, нравственность упала, уваженіе къ святому потеряно: гдѣ все это можно найти и возстановить, какъ не въ юныхъ членахъ тлѣющаго общества? Гдѣ вкоренить начала вѣры? въ сердцахъ дѣтей; потому что другія сердца уже огрубѣли. Кому внушить правила Евангелія, возбудить потухающій духъ люб-

ви Христіанской, передать ученіе о честности, о справедливости, о безкорыстіи, о самоотверженіи,— о всѣхъ обязанностяхъ святой вѣры нашей? Дѣтямъ; потому что другіе люди отъ времени, отъ жизни могли сдѣлаться и несправедливыми, и корыстолюбцами, и презрителями законовъ Божіихъ. По этому никто не смотритъ на юное племя съ такою молитвенною радостію, ни съ такими блаженными надеждами, ни съ такимъ священнымъ безпокойствомъ, съ какими смотритъ на него Церковь. Въ потерѣ дѣтей она видитъ не простой убытокъ въ людяхъ, но убытокъ для царствія Божія. Само небо взираетъ на дѣтей съ особымъ торжествомъ и радостію. Спаситель нашъ учитъ, что тѣ Ангелы Божіи, которые хранятъ дѣтей, всегда видятъ лице Отца небеснаго. Если вѣчное блаженство состоитъ въ созерцаніи Бога: то можно понять, какое благо составляютъ дѣти даже для самыхъ Ангеловъ, доставляя имъ возможность— постоянно созерцать Господа славы! Не напрасно возрастъ дѣтскій называютъ возрастомъ Ангельскимъ.

Но, какъ часто порокъ дѣлаетъ самое жалкое существо изъ наилучшаго творенія Божія! Въ какое чудовище можетъ раннее распутство превратить ангела земнаго!

Надобно ли щадить слухъ вашъ, изображая порочную младость и ея пагубныя слѣдствія? Но можно быть увѣреннымъ, что одно слово *распутные дѣти* производитъ въ душахъ вашихъ и глубокую скорбь, и глубокое негодованіе; потому что и нѣтъ ничего хуже, и нѣтъ ничего достойнѣе сожалѣнія, какъ юноша, способный къ прекраснымъ дѣяніямъ, и начинающій жизнь свою грубыми пороками. Правда, порокъ ни кому не придаетъ красиваго убранства,— ни юному, ни старому; но онъ безобразнѣе кажется въ молодомъ человѣкѣ, хотя бы этотъ человѣкъ и благообразенъ былъ. Посмотрите на юношу, который изображенъ въ Евангеліи подъ именемъ блуднаго сына. Это юноша дерзскій и своевольный; потому что онъ не хочетъ жить съ такимъ отцемъ, котораго Евангеліе представляетъ честнѣйшимъ и благороднѣйшимъ изъ отцевъ. Юноша вѣтреный и разсѣянный; потому что съ пустыми намѣреніями оставляетъ родину и удаляется въ чужія страны. Юноша безразсудный; потому что безъ расчету издиваетъ отцовское имѣніе. Юноша необузданный и безстыдный; потому что заводитъ негодныя связи и предается порокамъ, которыхъ имени нельзя произносить здѣсь. Наконецъ это юноша въ полной мѣрѣ несчастный и жалкій; потому что раннее распутство все у него отняло:— повергло въ крайнюю бѣдность и униженіе; согнало краску и свѣжесть съ лица, потупило взоръ, прежде невинный и свѣтлый, провело морщины еще на юномъ челѣ; потемнило разсудокъ и совѣсть, похитило всякое понятіе о чести и добродѣтели, погубило всѣ дарованія душевныя. *Мертвъ бѣ, изгибълъ бѣ:* онъ былъ живой мертвецъ, онъ былъ погибшій человѣкъ, говоритъ объ немъ Евангеліе.

Ахъ, если паденіе Адама погубило весь родъ человѣческій, и повергло его въ страшныя бѣдствія: то и раннее паденіе дѣтей подвергаетъ не меньшимъ ужасамъ тѣ семейства, въ которыхъ они родились, тѣ общества,

въ которыхъ живутъ. Сколько перевелось знаменитѣйшихъ фамилій потому, что изъ этихъ фамилій вышли недостойные потомки, которые погубили славу и честь своихъ предковъ! Сколько пало богатѣйшихъ домовъ отъ того, что дѣти своевольно отвергли правила своихъ родителей, и изгнали отцовское имѣніе! Сколько было отцовъ и матерей добродѣтельныхъ и святыхъ, которые принуждены были отказываться отъ своихъ дѣтей, какъ отъ чужихъ, за ихъ дурное поведеніе, или умирать съ печали! Ной предаетъ проклятію своего сына. Исаакъ изгоняетъ отъ себя распутнаго Эдома. Дѣти Іакова, безстыдною ложью и варварскимъ поступкомъ съ невиннымъ братомъ, едва не доводятъ отца своего до могилы. Дѣти Илія приготовляютъ ему страшную кончину, подвергаютъ гнѣву небесному цѣлый народъ, и пресѣкаютъ достославный родъ первосвященника. Амнонъ покрываетъ отца своего позоромъ предъ всѣмъ Израилемъ. Авессаломъ поднимаетъ оружіе противъ отца и ищетъ ему погибели, какъ врагу. Укажу еще на одного отца, который, истощивши всѣ способы на исправленіе своего самовольнаго сына, наконецъ въ глубокой горести принужденъ былъ сказать: „сынъ мой, вотъ рука, которая изъ дѣтства лелѣяла тебя; если нѣтъ инаго средства образумить тебя, разрѣжь руку отца твоего, и пей мою кровь.“— „Съ чего мнѣ начать, говорилъ нѣкогда Св. Амвросій одной дѣвѣ, впавшей въ распутство? Что сказать прежде? что послѣ? Представить ли тѣ блага, коихъ ты лишилась? Или оплакать тѣ несчастія, какимъ ты подверглась? Была ты избранная лоза въ раю Божіемъ, между цвѣтами Церкви; была невѣстою Христовою; была жилищемъ св. Духа; и сколько разъ скажу я *была*, столько разъ должна ты возрыдать; ибо ты уже не то, что была.“—

Возрыдать? Но эти несчастливцы, рано предавшіеся необузданному влеченію страстей, не умѣютъ даже оплакивать своихъ заблужденій; а умѣютъ только причинять скорбь и сѣтованіе другимъ. Сокрушая свои семейства, они готовы сокрушить цѣлое общество; и тамъ едва ли что можетъ удержаться, гдѣ юношество неудержимо стремится къ распутству, гдѣ безнравственныхъ молодыхъ людей гораздо больше, чѣмъ благонравныхъ. Злодѣи, упоминаемые Исторіею, когда замышляли потрясать общества и Религію, не находили лучшаго средства къ исполненію своихъ демонскихъ намѣреній, какъ снять съ юношества священныя узы нравственности, и внушить молодымъ людямъ свои погибельныя правила. Они успѣвали въ своихъ замыслахъ; ихъ правила иногда образовывали юныхъ гордецовъ, которые нагло попирали святыню отцовъ своихъ, издѣвались надъ ихъ мудростію, вопіяли противъ строгости законовъ, пренебрегали общественныя связи, шутили обычаями предковъ, безстыдно нарушали правила чести и благопристойности, испровергали все, что противорѣчило ихъ пылкимъ и буйнымъ страстямъ. Чему уподобить такое юношество, которое не искусившись опытами жизни, не понесши тяжкихъ трудовъ службы общественной, дерзко востаетъ на жизнь и устройство общественное? Это тѣ орды дикихъ народовъ, которые нѣкогда выходили изъ невѣдомыхъ странъ, изъ необитаемыхъ горъ и пустынь, нападали на образо-

ванныя государства, и истребляли всю гражданственность, не понимая цѣны ея. Что сказать объ отношеніи юныхъ безчинниковъ къ вѣрѣ и Церкви Божіей? Ихъ можно сравнить съ породою тѣхъ пресмыкающихся, которыя, при самомъ рожденіи, терзаютъ утробу своей матери.

Такъ, юный возрастъ есть самый счастливый по положенію; но онъ можетъ быть самымъ несчастнымъ по направленію. Ты невиненъ: но помни, что врагъ можетъ похитить невинность у тебя скорѣе, чѣмъ у другихъ людей; потому что невинность слишкомъ довѣрчива. Ты обладаешъ счастливою простотою сердца: слѣдственно всего легче обмануть и соблазнить тебя. Ты одаренъ быстрыми способностями ума: но вмѣстѣ съ ними ты носишь въ душѣ своей пылкія страсти, кои гораздо скорѣе развиваются, чѣмъ здравый умъ. Ты имѣешь и въ сердцѣ своемъ множество добрыхъ наклонностей: но не забывай, что опытъ юности прилежитъ человѣку помышленіе на злая. Полнота силъ и здоровья твоего есть первый искуситель твой на зло. Неопытность, безпечность, самонадѣянность— слѣдствіе великихъ силъ, жадность къ новизнѣ, жадность къ наслажденіямъ:— это всегдашніе враги твои домашніе, кои погубятъ тебя, если не будешь остороженъ. Недовѣряй себѣ ни въ чемъ; при всякомъ желаніи и дѣлѣ, на которое хочешь рѣшиться, спрашивай не себя: хорошо, или худо? о худомъ дѣлѣ ты скорѣе услышишъ голосъ твоей страсти: хорошо. Спрашивай обо всемъ у людей опытныхъ, строгихъ по жизни, и вѣрь имъ совершенно. Они скажутъ тебѣ, что есть много людей, доживщихъ до старости,— и доселѣ оплакивающихъ заблужденія своей молодости,— людей, которые готовы бы отдать всѣ свои сокровища, всю горькую опытность жизни, всѣ знанія, только бы возвратиться къ юности, чтобы провести ее лучше прежняго. Будь воздержанъ и всегда молись: твоя молитва скорѣе будетъ услышана, чѣмъ молитва грѣшника, подъ конецъ своей жизни кающагося въ заблужденіяхъ своей юности. *Веселися, юноше, во юности твоей, и да ублажитъ тя сердце твое: но разумѣй, яко о всѣхъ сихъ приведетъ тя Богъ на судъ. И помяни сотворшаго тя во днехъ юности твоея, дондеже не пріидутъ дніе злобы твоея, и приспѣютъ лѣта, во нихже речеши: нѣсть ми во нихъ хотѣнія* (Еккл. 11, 9. 12, 1).

Кіевъ Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 26 Августа, 1843. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 30. НЕДѢЛЯ 22-я, ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. Октября. 31. 1843.

На Утрени: Евангеліе воскресное 11-е, Іоан. 21, 15—25.
На Литургіи: Апост. Галат. 6, 11—18. Еван. Лук. 16, 19—31.

СВЯТАГО ЛЬВА, ПАПЫ РИМСКАГО,

Изъясненіе изрѣченій о блаженствахъ (*). (Матѳ. 5, 3—9.)

Блажени нищіи духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное. Еслибъ сказавъ: *блажени нищіи,* Истина ничего не прибавила для означенія качества нищихъ, то можно было бы думать, что къ полученію царства небеснаго довольно одного убожества, какое многіе по тяжкой нуждѣ терпятъ. Но говоря: *блажени нищіи духомъ,* показываетъ, что должно усвоять царство небесное тѣмъ, кои отличаются болѣе смиреніемъ духа, нежели скудостію имущества. Конечно, блага смиренія удобнѣе досягаютъ бѣднымъ, нежели богатымъ, потому что первымъ, въ низкой долѣ, сродна кротость, а послѣднимъ, при богатствѣ,— превозношеніе; но можно находить и во многихъ богатыхъ тотъ духъ, который свое изобиліе употребляетъ не къ надменію гордости, а на дѣла благости, и свои иждивенія для облегченія бѣдности и трудовъ другаго поставляетъ въ числѣ величайшихъ корыстей. Всякій родъ и всякое состояніе людей могутъ участвовать въ сей добродѣтели; ибо, при неравенствѣ по имѣнію, люди могутъ быть равны по расположенію сердца, и то не важно, что не сходны они по благамъ земнымъ, если равны по благамъ духовнымъ. Блаженна убо та нищета, которая не плѣняется любовію къ вещамъ временнымъ, и не домогается богатыхъ имуществъ міра, а желаетъ обогатиться благами небесными.

Блажени плачущіи, яко тіи утѣшатся. Плачь, коему обѣщается утѣшеніе вѣчное, не имѣетъ ничего общаго съ скорбію сего міра. Никого не сдѣлаютъ блаженнымъ даже тѣ рыданія, кои проливаются въ оплакиваніи всего рода человѣческаго. Другое основаніе святыхъ стенаній, другая причина блаженныхъ слезъ. Благочестивая печаль оплакиваетъ грѣхъ или чужой, или свой; она скорбитъ не о томъ, что дѣлается по правдѣ божественной, а о томъ жалѣетъ, что совершается по неправдѣ человѣческой, такъ какъ больше должно плакать о дѣлающемъ злое, нежели терпящемъ зло: ибо злость низводитъ непра-

(*) Изъ 95-го слова его, по изданію Ліонскому, 1700 г.

веднаго до казни, а терпѣніе ведетъ праведнаго къ славѣ.

Блажени кротцыи, яко тіи наслѣдятъ землю. Тихимъ и кроткимъ, смиреннымъ и скромнымъ, готовымъ терпѣть всякія обиды, обѣщается во владѣніе земля. Не сочтемъ сего наслѣдства малымъ или низкимъ, какъ бы оно отдѣлялось отъ жилища небеснаго. Эта земля, обѣщанная кроткимъ во владѣніе, есть тѣло святыхъ, тѣло, которое за заслугу смиренія измѣнится блаженнымъ воскресеніемъ и облечется въ славу безсмертія, не будетъ уже ни въ чемъ противнымъ духу, а будетъ совершенно согласоваться съ его волею. Ибо тогда внѣшній человѣкъ не будетъ отягощеніемъ и обремененіемъ человѣку внутреннему; тогда никакія немощи тѣлесныя не воспрепятствуютъ уму зрѣть Бога, и уже не будетъ нужды говорить: *тѣло тлѣнное отягощаетъ душу, и жилище земное обремяняетъ умъ многопопечителенъ* (Прем. 9, 15). Земля не воспанетъ противъ своего обитателя, и не дерзнетъ производить мятежи противъ власти своего правителя; но будутъ владѣть ею кроткіе въ непрестанномъ мирѣ, и ничто никогда не ослабитъ права ихъ. *Егда тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе, и смертное сіе облечется въ безсмертіе* (1 Кор. 15, 54.): тогда опасность обратится въ награду, и что было въ тягость, то будетъ въ честь.

Блажени алчущіи и жаждущіи правды, яко тіи насытятся. Сіе алканіе не имѣетъ предметомъ ничего тѣлеснаго, сія жажда не ищетъ ничего земнаго; но желаетъ насытиться благомъ правды, войти въ таинство всѣхъ сокровенностей, и тамъ исполнится самимъ Господомъ. Блаженна душа, желающая сей пищи, жаждущая сего питія: она не искала бы того блага, еслибъ не вкусила его сладости. Но слышавъ слова пророческаго духа: *вкусите и видите, яко благъ Господь* (Псал. 33, 9.), душа сія пріяла нѣкую часть вышней сладости, и воспламенилась любовію къ чистѣйшему удовольствію, такъ что, презрѣвъ все временное, горитъ всецѣлымъ желаніемъ ясть и пить правду, и понимаетъ истину оной первой заповѣди: *возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всѣмъ умомъ твоимъ, и всею крѣпостію твоею* (Марк. 12, 30). Ибо возлюбить Бога не что иное значитъ, какъ любить правду.— Но какъ тамъ къ любленію Бога присовокупляется попеченіе о ближнемъ, такъ и съ симъ желаніемъ правды соединяется добродѣтель милосердія, и говорится:

Блажени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ. Познай, Христіанинъ, достоинство твоей премудрости, уразумѣй, посредствомъ какихъ ученій и къ какимъ призываешься ты наградамъ. Хощетъ милосердіе, чтобъ ты былъ милосердымъ, и правда, чтобъ ты былъ праведнымъ, да въ твореніи явится Творецъ и въ зеркалѣ сердца человѣческаго возсіяетъ образъ Божій, начертанный подражаніемъ. Вѣра дѣлающихъ надежна, желанія твои исполнятся, и что любишь ты, тѣмъ

будешь наслаждаться безконечно. А какъ отъ милостыни все будетъ у тебя чисто, то ты достигнешь и того блаженства, какое обѣщано въ слѣдующихъ словахъ Господа:

Блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ. Велико счастіе того, кому готовится толикая награда. Что же значитъ имѣть чистое сердце, если не ревновать о тѣхъ добродѣтеляхъ, о коихъ сказано выше? А сколь велико блаженство— зрѣть Бога, это какой умъ можетъ постигнуть, какой языкъ изъяснить? И однако природа человѣческая достигнетъ того, когда преобразится; не зерцаломъ уже и въ гаданіи, но лицемъ къ лицу, якоже есть, узритъ самое божество, коего никто изъ людей не могъ видѣть, въ неизреченной радости вѣчнаго созерцанія получитъ, *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9). По справедливости сіе блаженство обѣщается чистотѣ сердца. Ибо не возможетъ взирать на сіяніе истиннаго свѣта оскверненное око, и что будетъ удовольствіемъ для умовъ чистыхъ, то казнію для нечистыхъ. Бѣжимъ убо мраковъ суеты земной, очистимъ внутреннія очи отъ всѣхъ скверны неправды, дабы ясный взоръ питался только зрѣніемъ Бога. Чтобъ заслужить сіе, для того нужно еще слѣдующее:

Блажени миротворцы, яко тіи Сынове Божіи нарекутся. Блаженство сіе свойственно не всякому согласію, не всякому содружеству, а только тому, о коемъ говоритъ Апостолъ: *миръ имамы къ Богу* (Римл. 5, 1.), и о коемъ говоритъ пророкъ Давидъ: *миръ многъ любящимъ законъ твой, и нѣсть имъ соблазна* (Пс. 118, 165). Самыя тѣсныя дружества, самыя близкія сходства душъ не поистинѣ усвояютъ себѣ сей миръ, если не согласуютъ съ волею Божіею. Недостойны его сходства нечестивыхъ пожеланій, союзы злодѣйства, договоры пороковъ. Любовь міра не согласуетъ съ любовію къ Богу, и тотъ не достигаетъ общества сыновъ Божіихъ, кто не отдѣляетъ себя отъ рожденія плотскаго. Но тѣ, кои всегда пребываютъ духомъ съ Богомъ, *тщащеся блюсти единеніе духа въ союзѣ мира* (Еф. 4, 3.), никогда не разногласятъ съ закономъ вѣчнымъ, и произносятъ вѣрную молитву: *да будетъ воля твоя, яко на небеси и на земли.* Они-то миротворцы, они, истинно единодушные и свято согласные, достойны называться вѣчнымъ именемъ *чадъ Божіихъ и сонаслѣдниковъ Христовыхъ* (Рим. 8, 17.): ибо любовь къ Богу и ближнему заслужитъ то, что не будешь уже чувствовать никакихъ бѣдствій, не будетъ бояться никакихъ соблазновъ, но кончивъ подвигъ всѣхъ искушеній, успокоится въ совершеннѣйшемъ мирѣ Божіи, посредствомъ Господа нашего, который со Отцемъ и Святымъ Духомъ живетъ и царствуетъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО

ПРИ ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА И ПРИ ЗАКЛАДКѢ ЗДАНІЙ ДЛЯ ГИМНАЗІИ ВЪ ИМѢНІИ ГРАФА БРАНИЦКАГО, ВЪ МѢСТЕЧКѢ БѢЛОЙ ЦЕРКВИ.

Коль возлюбленна селенія Твоя, Господи Силъ! Желаетъ и скончаваетсяя душа моя во дворы Господни: сердце мое и плоть моя возрадовастася о Бозѣ живѣ. Псал. 83, 1. 2. 3.

Высока и пламенна была любовь св. Псалмопѣвца къ храму Божію! Непреодолимо и постоянно было желаніе его— сколь можно чаще и сколь можно ближе имѣть общеніе съ Господомъ Богомъ, въ священныхъ селеніяхъ славы Его. И сію любовь, сіе желаніе краснорѣчиво и сильно выражалъ онъ во многихъ изъ своихъ вдохновенныхъ пѣсней. То торжественно исповѣдуетъ онъ, что душа его неудержимо *стремится къ Богу крѣпкому живому,* (Псал. 41, 2.) подобно тому, какъ быстро стремится жаждущій *елень на источники водныя;* (Псал. 131, 4.) то даетъ обѣтъ— не дать ни сна ни покоя своимъ очамъ и вѣждямъ, пока не обрящетъ достойнаго мѣста Господеви. То обнаруживаетъ величайшую радость и *веселіе о рекшихъ ему. въ домъ Господень пойдемъ;* то сознается, что *одинъ день во дворѣхъ Господнихъ лучше тысящъ, и что онъ скорѣе желаетъ приметатися въ дому Бога своего, нежели жить въ селеніяхъ ерѣшничихъ* (Псал. 83, 11. 12). И такъ чувствуетъ и говоритъ не какой нибудь убогій и безпріютный скиталецъ, не имѣющій гдѣ приклонить голову; такое усердіе къ храму Божію высказываетъ не тотъ, кто не имѣетъ на землѣ никакого другаго пріюта, никакого другаго жилища, но Царь народа Израильскаго, у котораго и безъ того было много жилищъ, который много имѣлъ и еще больше могъ имѣть и устроить домовъ веселія и огражденія. Нѣтъ, при всемъ богатствѣ, при всемъ обиліи, при всемъ огражденіи видимомъ, онъ одного ищетъ, одного желаетъ, объ одномъ молитъ Бога, чтобы Онъ дозволилъ ему устроить священное жилище, достойное славы великаго Бога Израилева, и въ семъ храмѣ славы жить предъ лицемъ Господа вся дни живота своего. *Едино,* говоритъ онъ, *просихъ отъ Господа, то взыщу, еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего, зрѣти ми красоту Господню и посѣщати храмъ святый Его.* И хотя, по премудрымъ судьбамъ Промысла Божія, не суждено было Царю Давиду устроить постоянный храмъ Богу истинному вмѣсто Скиніи Свидѣнія, а предоставлено сіе было сыну и преемнику его Соломону; при всемъ томъ боголюбивый Давидъ тѣмъ не менѣе обнаруживалъ до конца своей жизни любовь и усердіе къ Скиніи Свидѣнія, какъ Дому Божію и мѣсту селенія славы Его, написалъ для употребленія при богослуженіи много Псалмовъ и пѣсней, даже и доселѣ поемыхъ и читаемыхъ въ нашей православной Церкви, и для устройства постояннаго и великолѣпнаго храма, много приготовилъ и оставилъ своему сыну и преемнику драгоцѣнныхъ сокровищъ. И сей наслѣдникъ и преемникъ и царства и благочестія отца своего создалъ храмъ Богу богатѣйшій и великолѣпнѣйшій изъ всѣхъ зданій доселѣ существовавшихъ на землѣ; и по освященіи сего-то храма болѣе видимо и постоянно вселился Господь съ человѣки на земли и приносимы были въ семъ храмѣ молитвы

и славословія Богу, и износимы были изъ него миръ и благословеніе отъ Бога на все и на всѣхъ ходившихъ во всѣхъ заповѣдяхъ и оправданіяхъ Господнихъ безпорочно.

Но, бр. если такое усердіе и любовь являли мужи благочестивые къ ветхозавѣтному храму, служившему образомъ и сѣнію храмовъ новозавѣтныхъ, Христіанскихъ: то что сказать о любви и усердіи Христіанъ къ своимъ храмамъ, въ коихъ не образно а истинно совершаются великія и спасительныя божественныя тайны, приносится на священныхъ жертвенникахъ Единородный и возлюбленный Сынъ Божій въ жертву за спасеніе всего міра, возвѣщается живое и дѣйственное Слово живаго Бога и врачуются недуги и немощи душевныя и тѣлесныя. Поистиннѣ нѣтъ конца и мѣры св. усердію Христіанъ къ построенію и украшенію святыхъ храмовъ Божіихъ. Сколько странъ свѣта озарено истиннымъ свѣтомъ вѣры Христіанской, и сколько въ сихъ странахъ храмовъ Божіихъ, изъ коихъ одни другихъ великолѣпнѣе и благолѣпнѣе! Первенствующіе Христіане не только безъ сожалѣнія, но съ величайшею готовностію и радостію отдавали свои жилища для устроенія въ нихъ храмовъ въ честь и славу Бога и Спасителя человѣковъ и жертвовали самимъ послѣднимъ на ихъ украшеніе. Это было даже во времена гоненій на Христіанъ отъ Іудеевъ и язычниковъ, отъ Царей и народовъ. Но что было потомъ, когда благотворный свѣтъ вѣры Христовой проникъ не только въ чертоги вельможъ и богачей, но и въ палаты Царей и тамъ разсѣялъ мракъ языческаго суевѣрія, — что было потомъ, когда вѣра Христіанская содѣлалась господствующею и вмѣстѣ съ Императорами возсѣла на ихъ престолахъ въ лицѣ Константина Великаго? Сами Державные жертвуютъ многочисленнымъ и многоцѣннымъ своимъ достояніемъ на сооруженіе и украшеніе храмовъ Христіанскихъ, съ неутомимымъ усердіемъ отыскиваютъ мѣста, освященныя великими событіями изъ жизни Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа, Его Пречистой Матери и Св. Апостоловъ и добропобѣдныхъ Мучениковъ— и ознаменовываютъ ихъ достойными памятниками.

Во слѣдъ Боговѣнчанныхъ радостно и спѣшно текутъ богатые и бѣдные, великіе и малые, мужи и жены,— и каждый или отъ своихъ избытковъ или даже отъ послѣдняго достоянія своего жертвуютъ на совершеніе или украшеніе домовъ молитвы и священнодѣйствій. Благодареніе Господу Богу, отъ Котораго исходитъ всякое благое даяніе и всякій даръ совершенный,— и въ нашемъ православномъ Отечествѣ отъ лѣтъ древнихъ и до сего дне хранилось и поддерживалось святое усердіе и любовь къ сооруженію или обновленію и благолѣпію св. храмовъ Божіихъ. Пройдите наше обширное отечество отъ края до края,— и сколько встрѣтите вы храмовъ Христіанскихъ, изъ коихъ многіе своею высотою, можно сказать, касаются облаковъ, а своимъ богатствомъ и великолѣпіемъ едвали уступаютъ самымъ богатѣйшимъ и украшеннѣйшимъ изъ чертоговъ царскихъ. Одна Москва— сердце нашей родной земли— не можетъ не удивлять всякаго множествомъ и богатствомъ своихъ храмовъ православныхъ, блещущихъ златомъ и камнями многоцѣнными. А Кіевъ— мать градовъ Россійскихъ,

Кіевъ— нашъ градъ древлепрестольный, сколько имѣлъ и даже нынѣ сколько имѣетъ онъ св. храмовъ, по коимъ явственно можно читать протекшую Исторію нашей Церкви и Отечества, и въ коихъ можно видѣть непререкаемые памятники древняго благочестія и православія. Сколько высилось и блистало Православныхъ храмовъ и во всей странѣ сей, въ коей мы нынѣ находимся, и хотя многіе изъ нихъ, по разнымъ причинамъ, а главное, по грѣкамъ человѣческимъ, рушились или разрушены, но сколько осталось еще и теперь, сколько воздвигаются вновь св. храмовъ Божіихъ, вселяющихъ въ истиннаго Христіанина удивленіе и благоговѣніе— одни своею древностію, другіе своимъ величіемъ, богатствомъ и благолѣпіемъ,— воздвигается благочестіемъ и ревностію къ св. Церкви Христовой. Вотъ и еще въ числѣ многихъ другихъ сооруженъ, и въ настоящій день призываніемъ Св. Духа освященъ новый памятникъ вѣры и благочестія въ честь и память Св. Равноапостольной Маріи Магдалины,— и еще нѣсколько совершенно готовыхъ къ освященію и священнослуженію, и еще болѣе готовящихся къ тому же. О чемъ все сіе свидѣтельствуетъ, какъ не о Равноапостольной ревности БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО НАШЕГО МОНАРХА, постепенно и постоянно устрояющаго, всѣми зависящими отъ НЕГО средствами, и благолѣпіе св. храмовъ Божіихъ и благосостояніе смиренныхъ служителей олтарей. Свидѣтельствуетъ, также, и о щедроспи и благотворительности владѣтеля сея и окрестныхъ весей, ревностнаго и готоваго на всѣ пожертвованія вѣрноподданнаго слуги и исполнителя воли Царевой. Наконецъ свидѣтельствуетъ вообще о любви Царя и подданныхъ, господъ и слугъ, къ св. храмамъ Божіимъ, и о ихъ усердіи къ умноженію, распространенію и украшенію ихъ, такъ чтобы они вполнѣ были достойны своего великаго назначенія и важности совершаемыхъ въ нихъ священнодѣйствій. Смотря на все сіе, нельзя неповторить и сердцемъ и устами радостнаго восклицанія Царя— Пророка: *Коль возлюбленна селенія Твоя, Господи силъ!*

И могутъ ли, бр. Хр. быть невозлюбленны селенія Господа силъ? Можно ли не любить всею душею св. храмовъ Божіихъ? И можно ли что нибудь другое любить болѣе ихъ? Св. Порфирородный Псалмопѣвецъ въ слѣдующихъ словахъ своей вдохновенной пѣсни ясно показываетъ и наше отношеніе къ храмамъ Божіимъ и отношеніе храмовъ Божіихъ къ намъ самимъ. *Ибо,* говоритъ онъ, *птица обрѣте себѣ храмину и горлица гнѣздо себѣ, идѣже положитъ птенцы своя: олтари Твоя, Господи силъ, Царю мой и Боже мой.* Это значитъ бр. что св. Олтари храмовъ Божіихъ суть для насъ тоже, что кровъ и гнѣзда для птицъ небесныхъ, полагающихъ въ нихъ птенцовъ своихъ. Далеко иногда залетаетъ птица небесная, долго и съ трудомъ ищетъ иногда пищи себѣ и своимъ дѣтямъ, но всегда возвращается въ ту храмину или въ то гнѣздо, гдѣ оставила птенцовъ своихъ, безошибочно узнаетъ его между многими другими, питаетъ и грѣетъ птенцовъ своихъ, украшаетъ всѣмъ возможнымъ гнѣздо свое, хранитъ и блюдетъ его отъ нападенія всѣхъ враговъ: это для ней драгоцѣнность и святыня. Тѣмъ же, братіе, должна быть и для каждаго изъ насъ

св. Церковь Христова, св. храмы Божіи. Далеко и долго иногда по разнымъ причинамъ и обстоятельствамъ странствуемъ и плаемся мы по треволненному морю житейскому, но всегда должны имѣть въ мысляхъ и въ сердцѣ нашу мать родную— нашу Церковь православную, наши храмы святые, которые суть для насъ нашъ Іерусалимъ, нашъ Сіонъ, наша драгоцѣнность и святыня. Въ нихъ должны мы сосредоточивать и полагать наши мысли, желанія и чувствованія, посвящать всѣ наши заботы и попеченія. Ими мы должны дорожить паче всего, и для нихъ не должны дорожить ни чѣмъ. Много, бр., есть на свѣтѣ домовъ веселія и радости; много въ нихъ и предметовъ и способовъ къ увеличенію и усиленію разнообразныхъ удовольствій, много книгъ написанныхъ для пріятнаго препровожденія времени, много измышлено и изобрѣтено дѣйствій и представленій для возбужденія или пробужденія въ человѣкѣ радостнаго чувства довольства своимъ состояніемъ: но когда все сіе не одушевлено и не проникнуто вѣрою, не облагорожено побужденіями истинно нравственными; все это, занявъ и восхитивъ человѣка только на самое коротkое время, оставляетъ еще большую пустоту и томленіе въ сердцѣ. Только Церковь Божія есть истинный домъ веселія духовнаго, только въ ней все прямо направлено къ возбужденію и усиленію радости сердечной, только въ ней всѣ чтенія и пѣнія, всѣ священнодѣйствія и службы вѣрно приспособлены къ потребностямъ безсмертной души человѣческой. Много есть прекрасныхъ и увеселительныхъ мѣстъ и въ нерукотворенномъ храмѣ природы, много въ ней картинъ и видовъ восхитительныхъ и пріятныхъ; много явленій величественныхъ и поразительныхъ; но въ св. храмахъ Божіихъ всѣ изображенія, явленія и дѣйствія несравненно величественнѣе и поучительнѣе; всякая служба Божія, всякое дѣйствіе священное имѣетъ свое особое назиданіе, доставляетъ истинную отраду и духовное веселіе; здѣсь, по видимому, даже самыя печальныя дѣйствія вселяютъ въ душу утѣшеніе и успокоеніе; здѣсь все дышетъ не земнымъ восторгомъ и умиленіемъ. Внимательно смотря на величественную службу церковную, вслушиваясь въ пѣніе и чтеніе богослужебныхъ книгъ, исполненныхъ молитвъ и пѣсней истинно умилительныхъ и восторженныхъ, нельзя не повторить искренняго отзыва пословъ Владиміровыхъ, возвратившихся изъ Константинополя послѣ обзора различныхъ богослуженій: „мы „видѣли чинъ богослуженія Грековъ; мы „слышали ихъ церковное чтеніе и пѣ„ніе; были ли мы въ это время на „землѣ или на небѣ, мы этого не зна„емъ, знаемъ только, что съ ними „Богъ пребываетъ.“ Такъ по истинѣ *возлюбленна,* паче всего возлюбленна *селенія Твоя, Господи силъ*.

Какъ же послѣ сего, бр. должны мы быть благодарны любвеобильному Отцу небесному за то, что Онъ благоволилъ водворить Скинію Свою между человѣками, не гнушается обитать между нами недостойными въ св. храмахъ своихъ и тамъ принимать наши грѣшныя молитвы, а намъ подавать оттуда Свои богатыя милости! Какъ должны мы быть благодарны и тѣмъ благодѣтелямъ человѣчества, и въ числѣ ихъ храмоздателю сего св. дома Божія, кои съ такою заботливостію,

съ такими пожертвованіями воздвигаютъ для насъ св. храмы— сіи всеобщія духовныя врачебницы, сіи душеспасительныя училища, въ коихъ вѣрующіе имѣютъ возможность и средства врачеваться отъ всѣхъ своихъ недуговъ и питать свои души и сердца чистымъ ученіемъ Вѣры и нравственности Христіанской!

Но, бр. настоящее свѣтлое наше торжество освященія храма Божія становится еще болѣе свѣтлымъ и торжественнымъ, соединяясь съ другимъ торжествомъ— основанія еще новаго вертограда просвѣщенія юныхъ умовъ и сердецъ свѣтомъ наукъ. Изволеніемъ Всеблагаго Бога, мановеніемъ Державнаго МОНАРХА исполняется нынѣ благотворная воля Зиждителя храма сего объ основаніи здѣсь еще одного изъ безчисленныхъ разсадниковъ просвѣщенія, разсѣянныхъ по многимъ мѣстамъ, градамъ и весямъ нашего пространнаго Отечества. Цѣль образованія умовъ и сердецъ и сама по себѣ очень высокая и благотворная становится еще выше и благотворнѣе отъ особенной щедрости и благотворительности основателя сего заведенія, который предположилъ облегчить всѣ способы къ удобнѣйшему и успѣшнѣйшему образованію и содержанію образуемыхъ. Такъ-то, бр. предпріятіе одного добраго и благочестиваго дѣла внушаетъ предпріявшему и другое благотворное намѣреніе. Отъ рѣшимости воздвигнуть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ храмы Господу родилась мысль воздвигнуть въ семъ мѣстѣ и храмъ просвѣщенія, какъ бы въ доказательство того, что образованіе ума и сердца должны быть между собою дружны и неразрывны, что ученіемъ вѣры и Церкви должно непремѣнно одушевляться и ученіе, преподаваемое въ заведеніяхъ учебныхъ. Повторимъ здѣсь опять изъ глубины души тоже слово Царя Пророка: *Коль возлюбленна селенія Твоя, Господи силъ!*

Если же бр. въ самомъ дѣлѣ для насъ такъ возлюбленны селенія Господа силъ: то мы должны питать въ себѣ тѣже чувствованія и выражать сіи чувствованія въ такихъ же словахъ и дѣйствіяхъ, въ какихъ выражалъ ихъ св. Пророкъ Давидъ. Въ чемъ же выражалъ св. Псалмопѣвецъ свою любовь къ храмамъ Божіимъ? *Желаетъ* говор. онъ, *и скончавается душа моя во дворы Господни.. Сердце мое и плоть моя возрадовастася о Бозѣ живѣ. Блажени живущіи вѣ дому Твоемъ: во вѣки вѣковъ восхвалятъ Тя, Господи. Лучше день единъ во дворѣхъ Твоихъ паче тысящъ: изволихъ примететися вѣ дому Бога моего паче, неже жити ми вѣ селеніихъ грѣшничихъ* (Псал. 83, 2. 3. 4. 11. 12).— Это и естественно. Кого любимъ, съ тѣмъ мы хочемъ дѣлить, сколько можно, болѣе времени, или лучше сказать, съ тѣмъ мы никогда не хотѣли бы разставаться, съ тѣмъ хотѣли бы жить вѣчно; даже, не видя его лично, мы любимъ посѣщать всѣ тѣ мѣста, или имѣть у себя тѣ вещи, кои посѣщалъ и любилъ онъ, любимъ читать или слушать то, что любилъ читать или слушать онъ, вообще намъ нравится дѣлать все то, что любитъ дѣлать существо нами любимое. Такова связь и отношеніе между любящимъ и любимымъ. Такова же должна быть связь и между Богомъ и нами. Господь любитъ присутствовать своею благодатію преимущественно въ св. храмахъ Своихъ; внимать здѣсь нашимъ молитвамъ и сла-

вословіямъ: сюда же должны быть устремлены и наши мысли и сердца; здѣсь же должно быть все наше вниманіе, отсюда же должны и мы возсылать къ Нему наши молитвы и славословія и здѣсь ожидать Его милости и благоволенія къ намъ. Подобно Давиду должны мы радоваться и *веселиться о рекшихъ намъ: въ домъ Господень пойдемъ*. Подобно ему должны восклицать къ Богу отъ глубины преданнаго Ему сердца: *что ми есть Господи на земли, и кромѣ Тебя что восхотѣхъ на небеси? Боже сердца моего и часть моя, Боже во вѣкъ. Къ Тебѣ приверженъ есмь отъ ложесну, отъ чрева матери моея Ты еси мой Богъ, о Тебѣ пѣніе мое выну.* И если мы дѣйствительно будемъ питать къ Богу и Его св. храмамъ такія мысли и чувствованія и сіи мысли и чувствованія нелицемѣрно будемъ осуществлять на самомъ дѣлѣ: то по истинѣ Господь будетъ съ нами и мы будемъ съ Господомъ. Тогда и ученіе наше будетъ истиннымъ просвѣщеніемъ, а не омраченіемъ ума и сердца; тогда и всѣ труды и занятія наши будутъ истинно благословенны Богомъ, и отъ того благоуспѣшны и спасительны; тогда изъ Церкви воинствующей здѣсь на землѣ мы безбоязненно сподобимся прейти и въ Церковь торжествующую на небеси.

Ты же, Господи, Боже нашъ, призри на молитвы наши, нынѣ вознесенныя къ Тебѣ, и внемли молитвамъ всѣхъ вѣрныхъ рабовъ Твоихъ, кои отъ нынѣ имѣютъ быть возсылаемы къ Тебѣ въ семъ новоосвященномъ храмѣ. *Да будутъ очи Твои отверсты на храмъ сей день и нощь и услышиши молитву рабовъ Твоихъ, о нихъ же помолятся на мѣстѣ семъ, и Ты услышиши на мѣстѣ обитализа Твоего на небеси: и сотвориши и помилуеши* (3 Цар. 8, 29. 30). Осѣни, Господи, небеснымъ благословеніемъ нашего Благочестивѣйшаго МОНАРХА, вынну и неусыпно пекущагося о благѣ св. Твоей Церкви и достойнаго подражателя Его отеческой заботливости создателя и благотворителя св. храма сего, и насъ всѣхъ сподоби изъ сего храма земнаго достойно прейти въ храмъ небесный, Іерусалимъ горній. Аминь.

Помышленіе человѣческое исповѣстся тебѣ, и останокъ помышленія празднуетъ ти.

Псал. 75, 11.

Св. Псалмопѣвецъ описываетъ дивное защищеніе Божіе народа Израильскаго и славитъ Всесильнаго, *сокрушившаго крѣпость луковъ, оружіе и мечь и брань*. Изъ сего описанія видно, что явленіе защитительной десницы Божіей было ощутительно не менѣе въ природѣ внутренней, какъ и въ природѣ внѣшней, гдѣ съ *небесе слышанъ* былъ судъ Божій, гдѣ *земля убоялся и умолча*. Сила Господня проникла до глубины душъ, ею спасенныхъ, и всѣ помышленія ихъ воздвигла къ исповѣданію. *Помышленіе человѣческое*, говоритъ Псалмопѣвецъ, *исповѣстся Тебѣ*: то есть, не одни уста, изъ подражанія другимъ, вознесутъ къ тебѣ, Господи, гласъ хвалы и благодаренія, но самое помышленіе, самый внутренній гласъ духа какъ бы самъ собою изыдетъ изъ глубины сердца и вознесется къ Тебѣ исповѣданіемъ и славословіемъ. Сего мало: мы, говоритъ, не

забудемъ и послѣ великой твоей милости, такъ что и *останокъ помышленія*,— самое воспоминаніе о семъ, будетъ праздновать Тебѣ, составитъ наше торжество, будетъ предметомъ новыхъ славословій и благодаренія.

Такъ сознавали древніе дѣйствія благости Божіей, и такъ торжествовали предъ Богомъ! Не тѣмъ ли болѣе должно торжествовать намъ— людямъ новозавѣтнымъ? Мы столько видѣли и видимъ чудесъ всемогущества, премудрости и благости Божіей, что должны благословлять Господа на всякое время, и хвалѣ Его прилично быть *выну* въ помышленіи и *во устѣхъ нашихъ*. Останковъ помышленій— воспоминаній радостныхъ у насъ столько, что мы можемъ праздновать, торжествовать духомъ каждодневно. И дѣйствительно, новозавѣтная Церковь воспоминаетъ намъ ежедневно то о томъ, то о другомъ дарѣ Божіи во святыхъ, составляющихъ славу и украшеніе ея. Менѣе ли это значитъ, какъ и побѣда надъ какими нибудь врагами Іерусалима? Въ каждомъ изъ святыхъ не сокрушено ли множество луковъ и мечей вражескихъ? И всѣ побѣды сіи обращены въ силу и славу нашу. Что же сказать о великихъ торжествахъ новозавѣтныхъ? Здѣсь столько чудесъ, столько знаменій безконечной любви Божіей къ намъ, что ихъ достаточно для славословій во всю вѣчность!

Мы слышимъ всегда исповѣданія и славословія церковныя. Каждое богослуженіе наше начинается славословіемъ пресвятой Троицѣ, и мы часто повторяемъ: слава Отцу и Сыну и св. Духу! Но, Христіанинъ, не довольно однихъ славословій устныхъ. Пусть исповѣдается Богу самое помышленіе твое, и останокъ помышленія твоего да празднуетъ! Ты славишь съ Церковію ту или другую милость Господню: славь отъ глубины сердца, *исполняйся духомъ, воспѣвай во сердцѣ* твоемъ Господеви (Еф. 5, 19.); потомъ останокъ помышленія неси въ домъ твой, сообщай его приснымъ твоимъ, и такимъ образомъ праздниками благодатными полагай основаніе— въ себѣ и другихъ— вѣчному празднику славы!

Кіевъ въ Тип. К. Лавр. Съ дозволенія Дух. Цензуры 31 Августа, 1845 г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Кіевскій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 31. НЕДѢЛЯ 23-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. Ноября 7. 1843.

На Утрени: Евангеліе воскресное 1-е, Мат. 28, 16—20.
На Литургіи: Апост. Ефес. 2, 4—10. Еванг. Лук. 8, 26—39.

ПРЕПОД. КАССІАНА РИМЛЯНИНА СОБЕСѢДОВАНІЕ СЪ АВВОЮ ПИНУФІЕМЪ,

О времени прекращенія покаянія и овъ удовлетвореніи за грѣхъ.—

Когда мы, желая получить святое назиданіе, пришли въ Египетъ; то Авва Пинуфій принялъ насъ съ такимъ радушіемъ и благосклонностію, что помѣстилъ, какъ прежнихъ сожителей, въ своей кельи, выстроенной въ концѣ сада. Здѣсь въ присутствіи всѣхъ онъ преподалъ правила одному брату, при вступленіи его въ монастырь. Эти правила показались намъ столь высокими, что, намъ казалось, ихъ ни какъ нельзя исполнить; отъ чего мы такъ опечалились, что ни какъ не могли скрыть печали своей. На вопросъ старца о причинѣ печали нашей, Авва Германъ такъ говорилъ: чѣмъ болѣе мы размышляемъ о высокомъ нвоемъ ученіи касательно отреченія, тѣмъ болѣе скорбь тяготитъ насъ; ибо разсуждая о продолженіи отреченія и соображая вмѣстѣ слабость силъ нашихъ, мы ясно видимъ, что у насъ нѣтъ силъ достигнуть до назначенной тобою высоты, а отъ сего подобно обременяемымъ чрезмѣрною тягостію, которые, стараясь исправиться, только ниже падаютъ, думаемъ, что не можемъ сохранить и тѣхъ добродѣтелей, кои по видимому имѣемъ.— Ты уврачуешь нашу скорбь сердечную, если научишь насъ когда оканчивать покаяніе, и изъ чего можно увѣриться, что уже удовлетворено за грѣхи; ибо увѣрившись въ томъ, что прежніе грѣхи намъ отпущены, мы можемъ съ большею ревностію восходить на высоту показаннаго тобою совершенства.—

На сіи слова Пинуфій отвѣчалъ такъ: для меня весьма пріятно ваше смиреніе, коему я дивился и тогда, какъ жилъ съ вами; потому что вы самымъ дѣломъ нелѣностно исполняете тѣ правила, о коихъ прочимъ Христіанамъ мы, можетъ быть, только говоримъ, и, не взирая на труды свои, скрываете свою добродѣтель, какъ будто еще ни въ какой добродѣтели вы не успѣли.— Но поелику такое самоуничиженіе величайшую похвалу заслуживаетъ; то я постараюсь вкратцѣ отвѣтить вамъ на вашъ вопросъ. Уже многіе не только говорили, но и писали о необходимости покаянія, пользѣ и силѣ его, которая обнаруживается въ томъ, что оно удерживаетъ разгнѣваннаго нашими грѣхами Бога отъ праведнаго воздаянія за нихъ; и я увѣ-

ренъ, что все это уже вамъ извѣстно какъ изъ непрерывнаго занятія св. Писаніемъ, такъ и по отличному вашему разуму. Поелику же вы спрашиваете не о свойствѣ покаянія, но о томъ, когда оканчивать его, и чѣмъ доказать, что удовлетворено за грѣхи, о чемъ прочіе не говорили еще; то я кратко удовлетворю вашему желанію.—

Совершенное покаяніе состоитъ въ томъ, чтобы болѣе не дѣлать тѣхъ грѣховъ, въ коихъ мы признаемся, или въ коихъ обличаетъ насъ совѣсть; а доказательствомъ того, что удовлетворено за грѣхъ и что онъ намъ прощенъ служитъ то, если истреблено изъ сердецъ нашихъ расположеніе къ нимъ. Надобно помнить, что тотъ еще не разрѣшенъ отъ прежнихъ грѣховъ, кто во время покаянія и удовлетворенія за нихъ представляетъ себѣ образы ихъ, и воспоминаетъ объ нихъ. Изъ сего слѣдуетъ, что тогда должно почитать себя разрѣшеннымъ и прощеннымъ въ прежнихъ грѣхахъ, когда сердце и воображеніе уже не обольщаются ими. И такъ въ совѣсти нашей есть неложный свидѣтель, который еще прежде суда увѣряетъ насъ объ окончаніи покаянія и дарованіи намъ прощенія. Кратко сказать въ томъ, что намъ прощены прежнія грѣхопаденія, должно насъ увѣрять то, если истреблены изъ сердецъ нашихъ желаніе и пристрастіе къ настоящимъ удовольствіямъ.—

При семъ Германъ спросилъ: но если истребить память о прежнихъ грѣхахъ; то какъ можно стяжать то самоуничиженіе, которое обнаружилъ каявшійся Давидъ, когда говорилъ: *беззаконіе мое познахъ и грѣха моего не покрыхъ: рѣхъ, исповѣмъ на мя беззаконіе мое Господеви*, дабы удостоиться тойже благодати, какую онъ получилъ и о которой говоритъ далѣе: *и ты оставилъ еси нечестіе сердца моего* (Псал. 31, 5.). Или какъ мы можемъ имѣть тѣ слезы раскаянія, коими онъ омочалъ постелю, и чрезъ кои и мы можемъ удостоиться прощенія? При томъ Господь велитъ намъ сохранять память о грѣхахъ: *Азъ есмь заелаждаяй беззаконія твоя и грѣхи твоя и не помяну, ты же помяни* (Иса. 43, 25). Посему не только во время рукодѣлья, но и во время молитвы я нарочито стараюсь вспоминать о грѣхахъ моихъ, дабы, стяжавъ истинное смиреніе, мнѣ сказать съ Пророкомъ: *виждь смиреніе мое и трудъ мой, и остави вся грѣхи моя* (Пс. 24, 18).

Пинуфій на сіе говорилъ слѣдующее: вы спрашивали меня не о качествѣ покаянія, но о томъ, когда его оканчивать, и чѣмъ увѣриться въ удовлетвореніи за грѣхи, и я кажется по порядку отвѣчалъ вамъ на вашъ вопросъ. Впрочемъ и воспоминаніе грѣховъ также полезно и необходимо, но не всѣмъ; только кающіеся съ біеніемъ персей должны взывать: *яко беззаконіе мое азъ знаю, и грѣхъ мой предо мною есть выну*. Ибо, пока еще мы каемся, необходимо, чтобы слезы раскаянія угашали мучительный огнь совѣсти; но если совѣсть болѣе не будетъ терзать смиряющагося и сокрушающагося такимъ образомъ, то изъ сего должно заключить, что таковый уже удовлетворилъ за грѣхи и совсѣмъ очищенъ отъ нихъ. Впрочемъ забыть грѣхи не иначе можно, какъ только тогда, когда искоренятся пороки и стра-

сти прежнія, и сердце содѣлается совершенно чистымъ. Но извѣстно, что такая чистота возможна не для тѣхъ, кои не занимаются очищеніемъ себя отъ пороковъ, а для тѣхъ, кои непрестанно исправляютъ порчу, причиненную грѣхами, и всею силою души взываютъ къ Богу: *беззаконіе мое познахъ и грѣха моего не покрыхъ* (Пс. 31, 5.); *была слезы моя мнѣ хлѣбъ день и нощь* (Пс. 41, 4.); они удостоятся услышать: *отбяхъ яко облакъ беззаконія твоя, и яко примракъ грѣхи твоя* (Ис. 44, 22.); *азъ есмь, азъ есмь заглаждаяй беззаконія твоя мене ради, и грѣхи твоя, и не помяну* (Ис. 43, 25.), и освободившись отъ узъ обдержащаго всѣхъ грѣха, воспоютъ Господу: *растерзалъ еси узы моя, тебѣ пожру жертву хвалы* (Пс. 115, 7. 8).

Грѣхи заглаждать можно, кромѣ всеобщей благодати крещенія и мученичества, многими дѣлами покаянія, ибо вѣчное спасеніе обѣщается не одному раскаянію, какъ это видно изъ словъ Апостола Петра: *покайтеся и обратитеся, да очистится отъ грѣхъ вашихъ* (Дѣя. 3, 19.); Іоанна Крестителя и словъ самаго Господа: *покайтеся, приближибося царствіе небесное;* но еще любовь покрываетъ множество грѣховъ, чрезъ милостыню врачуются язвы души нашей потому, что какъ вода утушаетъ огонь, такъ милостыня изглаждаетъ грѣхъ; и слезы омываютъ грѣхи, ибо Давидъ сказавъ: *измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу,* далѣе говоритъ, что онъ не напрасно проливалъ ихъ: *отступите отъ мене вси дѣлающіе беззаконіе, яко услыша Господь еласъ плача моего.* Также уничтожаетъ грѣхи исповѣданіе ихъ— *елеоли ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Ис. 43, 26.); скорбь душевная и тѣлесная— *виждь смиреніе мое и трудъ мой, и остави вся грѣхи моя;* особенно исправленіе нравовъ нашихъ— *отбимите лукавства отъ душъ вашихъ, научитеся добро творити, взыщите суда, избавите обидимаго, судите сиру и оправдите вдовицу, и пріидите, и истяжимся: и аще будутъ грѣси ваши яко багряное, яко снѣгъ убѣлю; аще же будутъ, яко червленое, яко волну убѣлю* (Иса. 1, 16—18.); иногда молитвы святыхъ— *аще кто узритъ брата своего согрѣшающа грѣхъ не къ смерти, да проситъ, и дастъ ему животъ* (1 Іоан. 5, 16.), или: *болитъ ли кто въ васъ, да призоветъ Пресвитеры церковныя, и да молитву сотворятъ надъ нимъ, помазавше его елеемъ во имя Господне, и молитва вѣры спасетъ болящаго: и аще грѣхи сотворилъ есть, отпустятся ему* (Іак. 5, 14. 15.); иногда дѣла милосердія и вѣры— *милостынями и вѣрами очищаются грѣси* (Притч. 15, 27.); содѣйствіе обращенію и спасенію другихъ— *обративый грѣшника отъ заблужденія пути его, спасетъ душу отъ смерти, и покрыетъ множество грѣховъ* (Іак. 5, 20); прощеніе другимъ обидъ, нанесенныхъ ими намъ— *аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный* (Матѳ. 6, 14). И такъ вотъ сколькими путями можно заслужить милосердіе Создателя. Видя эти пути никто изъ желающихъ спасенія недолженъ отчаяваться. Ибо если ты не можешь загладить твоихъ грѣховъ по причинѣ немощи тѣлесной, если не можешь сказать: *колѣна моя изнемогоста отъ поста и плоть моя измѣ-*

нися елея ради (Пс. 108, 24.): то искупай ихъ милостынею. Если не имѣешь что подать нищему; то можно очиститься посредствомъ исправленія нравовъ. Если нельзя тебѣ искоренить всѣхъ пороковъ; то пекись о спасеніи другихъ: но если ты признаешь себя неспособнымъ къ сему роду служенія; то можешь покрыть грѣхи твои дѣлами любви. Если отъ недѣятельности ты впалъ въ немощь, и не можешь самъ заняться исправленіемъ себя; то проси молитвъ и заступленія святыхъ. Далѣе кто не можетъ только говорить: *беззаконіе мое познахъ и грѣха моего не покрыхъ*, дабы чрезъ это исповѣданіе заслужить прощеніе грѣховъ, о коемъ далѣе сказано: *и ты оставилъ еси нечестіе сердца моего?* Если ты стыдишься открыть грѣхъ свой предъ людьми, то не переставай открывать его предъ Тѣмъ, кому онъ извѣстенъ,— говори непрестанно: *беззаконіе мое азъ знаю, и грѣхъ мой предо мною есть, выну; тебѣ единому согрѣшихъ и лукавое предъ тобою сотворихъ;* Онъ прощаетъ грѣхи и безъ обнародыванія. Благость Божія, кромѣ сего несомнѣннаго средства получить прощеніе грѣховъ, дала намъ еще легчайшее— это прощеніе другимъ согрѣшеній ихъ— *и остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.* И такъ, кто хочетъ получить прощеніе грѣховъ, тотъ не долженъ убѣгать этого источника спасенія потому, что хотя бы мы сдѣлали все нужное для очищенія грѣховъ, но, если ихъ не покроетъ Милосердый, который одинъ заглаждаетъ беззаконія себе ради; то не изгладятся они. Получившій прощеніе грѣховъ долженъ удовлетворять за нихъ ежедневными постами и умерщвленіемъ плоти; ибо по словамъ Писанія *безъ пролитія крови не бываетъ оставленіе* (Евр. 9, 29). Оно и справедливо потому, что плоть и кровь царствія Божія не наслѣдятъ. Посему кто не допускаетъ мечь духовный, т. е. слово Божіе проливать кровь, того поразитъ та клятва, которую произнесъ Іеремія (гл. 48, 10.): *проклятъ возбраняяй мечу своему отъ крове;* ибо этотъ мечь источаетъ изъ насъ вредную кровь, служащую пищею порокамъ и отсѣкаетъ въ насъ все земное и плотское, чрезъ что даетъ намъ средства жить Богу и украшаться добродѣтелями. Когда будетъ поражать мечь сей; то человѣкъ будетъ плакать не отъ воспоминанія о прежнихъ грѣхахъ, а отъ радостнаго ожиданія будущихъ благъ, и забывая задняя, т. е. плотскіе пороки, будетъ простираться въ предняя т. е. къ духовнымъ дарованіямъ и добродѣтелямъ.

А что ты сказалъ, что намѣренно воспоминаешь прежніе твои грѣхи; то этого не должно быть. Даже, если ненамѣренно вспомнишь о нихъ, то немедленно старайся забыть; потому что это воспоминаніе, оскверняя умъ нечистотами мірскими, отвлекаетъ его отъ созерцанія чистоты. Ибо когда вспоминаешь прежніе грѣхи или невѣденія или слабости; то хотя и не услаждаешься ими, впрочемъ и одно прикосновеніе прежней скверны портитъ душу и заражаетъ ее зловоніемъ. Посему когда возродится память о прежнихъ грѣхахъ, то отъ нея должно также отвращаться, какъ благонравный мужъ удаляется и отвращается объятій или разговоровъ съ блудницею: ибо какъ онъ не избѣгнетъ осужденія проходящихъ, если дастъ ей обнять себя или вступитъ въ разговоръ, хотя бы

и не имѣлъ блудныхъ помысловъ; такъ и мы, вспомнивъ прежніе грѣхи, должны немедленно отвращать умъ отъ размышленія о нихъ, дабы не воспрепятствовать проходящимъ мимо насъ сказать намъ: благословеніе Господне на васъ, благословихомъ вы во имя Господне. Ибо когда умъ обращенъ къ предметамъ земнымъ и плотскимъ: то душѣ невозможно заниматься помыслами святыми; потому что Соломонъ говоритъ: *очи твои егда узрятъ жену чуждую, уста твоя тогда возглаголютъ строптная, и возляжеши, яко въ сердцѣ моря, и якоже кормчій во многъ волненіи. Рѣчеши же: биша мя и не поболѣхъ, и поругашася ми, азъ же не разумѣхъ* (Прит. 23, 33—35). Оставляя не токмо гнусные, но и всѣ земные помыслы, мы должны устремлять умъ къ небеснымъ предметамъ и какъ слуги быть тамъ, идѣже Господь нашъ. Не рѣдко случается, что неопытные, болѣзнуя о своихъ или чужихъ грѣхахъ, непримѣтнымъ образомъ поражаются стрѣлой сладострастія, чрезъ что начатое для пользы обращается во вредъ; *ибо суть путіе мнящіися прави быти мужу, обаче послѣдняя ихъ зрятъ во дно адово* (Прит. 16, 25). Посему мы должны стараться возбуждать въ себѣ сокрушеніе болѣе чрезъ размышленіе о царствѣ небесномъ, нежели чрезъ воспоминаніе о своихъ грѣхахъ; ибо до тѣхъ поръ не престанешь обонять нестерпимый запахъ изъ нечистой ямы, пока будешь стоять при ней, или станешь ворочать грязь въ ней.—

Сказано уже, что удовлетвореніе за прошедшіе грѣхи должно состоять въ искорененіи изъ сердецъ нашихъ страстей и пристрастія къ тѣмъ дѣламъ, въ коихъ мы раскаеваемся. Но искоренить страсти можетъ только тотъ, кто будетъ ревностно истреблять причины и поводы ко грѣхамъ; такъ напр. ежели кто впалъ въ прелюбодѣяніе или блудъ отъ знакомства съ женщинами, тотъ не долженъ и смотрѣть на нихъ; если кто предался неумѣренности отъ излишества пищи и питія, тотъ долженъ изтрезвить себя чрезъ строгій постъ; если кого лихоимство вовлекло въ клятвопреступленіе, воровство, человѣкоубійство и Богохульство, тотъ долженъ истребить предметъ лихоимства; если кто гнѣвливъ отъ гордости, тотъ пусть искореняетъ свое высокомѣріе смиреніемъ. Такимъ образомъ можно изгладить каждый порокъ, если отнята будетъ причина и поводъ къ нему; ибо такимъ образомъ можно забыть содѣланныя преступленія.

Впрочемъ такимъ образомъ можно забывать только смертные грѣхи; расположеніе къ нимъ и покаяніе за нихъ прекращается добродѣтельною жизнію: что же касается до малозначительныхъ грѣховъ, въ кои и праведникъ седмижды на день падаетъ; то покаяніе за нихъ не можетъ прекращаться, ибо мы каждодневно содѣваемъ ихъ противъ воли или по невѣденію или забвенію, или въ мысли или въ словѣ, или по обольщенію или по немощи плоти. О грѣхахъ сего рода Давидъ говоритъ слѣдующее: *грѣхопаденія кто разумѣетъ, и отъ тайныхъ моихъ очисти мя;* а Апостолъ Павелъ: *не еже бо хощу, творю, но еже не хощу сіе содѣваю; окаяненъ есмь азъ человѣкъ, кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея?* Имъ мы подвергаемся съ такою удобностію, что не смотря ни на какую осторожность не можемъ совершенно освободиться отъ нихъ. Ихъ разумѣетъ любимый ученикъ Христовъ,

когда говоритъ: *аще речемъ: ерѣха не имамы, себе прельщаемъ*. Посему если желающій высшаго совершенства не будетъ неутомимо упражняться въ тѣхъ добродѣтеляхъ, кои служатъ доказательствомъ того, что удовлетворено за грѣхи; то не получитъ пользы отъ того, что удерживается отъ непозволительныхъ дѣлъ: ибо если не будетъ чистой, совершенной и богоугодной ревности къ добродѣтели; то недостаточно воздержанія отъ гнусныхъ и оправдательныхъ для Бога дѣлъ.—

Вотъ что сказалъ намъ Авва Пинуфій о времени окончанія покаянія и доказательствѣ удовлетворенія за грѣхи. Онъ усердно просилъ насъ, чтобы мы остались въ общежитіи его, но не могши удержать насъ, потому, что мы сильно желали увидѣть Скитскихъ пустынниковъ, отпустилъ (*).—

О ЗЛОРѢЧІИ.

Ни одинъ грѣхъ не распространяется въ мірѣ и не увлекаетъ людей такъ легко и свободно, какъ злорѣчіе. Такую склонность къ сему злу имѣютъ люди, говоритъ блаж. Іеронимъ, что даже тѣ, которые тщательно избѣгаютъ другихъ золъ, впадаютъ въ сей порокъ, какъ въ послѣднюю діавольскую сѣть. Чѣмъ обыкновенно стараются они оправдывать несчастную склонность къ этому пороку? мнимою маловажностію его. По ихъ понятію, злословіе и неразлучное съ нимъ осужденіе ближнихъ есть не что иное, какъ только слабость, свойственная всѣмъ людямъ и не заслуживающая никакого обвиненія. Между тѣмъ, едва ли есть другой какой либо порокъ, столь важный по своимъ слѣдствіямъ и столь мало заслуживающій извиненія предъ Богомъ и человѣчествомъ. Злорѣчивый безотвѣтно виновенъ предъ Богомъ въ томъ отношеніи, что усвояетъ себѣ, принадлежащее Ему одному, право судить согрѣшающихъ предъ Нимъ. *Единъ есть законоположникъ и судія могій спасти и погубити* (Іак. 4, 12.); *ты же кто еси судяй чуждему рабу? своему Господеви стоитъ, или падаетъ, станетъ же: силенъ бо есть Богъ поставити его* (Рим. 14, 4). Одинъ Творецъ имѣетъ власть произносить судъ надъ своими тварями и опредѣлять воздаяніе дѣламъ ихъ: *мнѣ отмщеніе, азъ воздамъ, глаголетъ Господь* (Рим. 12, 19). Іисусъ Христосъ, возбраняя осуждать другихъ, дабы самимъ не подвергнуться осужденію, строго обличаетъ тѣхъ, которые обнаруживаютъ недостатки ближнихъ, не обращая вниманія на собственныя пороки. *Что же видиши сучецъ, иже во оцѣ брата твоего, бервна же, еже есть во оцѣ твоемъ, не чуеши* (Матѳ. 7, 3)? Онъ объявляетъ повиннымъ *сонмищу* того, кто *рекетъ брату своему, рака;* а того признаетъ повиннымъ *геенѣ огненной*, кто скажетъ, *уроде* (Матѳ. 5, 22). Тѣ, которые избѣгаютъ суда человѣческаго на сонмищѣ, на пути къ геенѣ огненной осуждаются Богомъ за осужденіе ближняго, какъ фарисей за осужденіе мытаря; погибаютъ отъ неожиданныхъ приключеній, какъ дѣти Іерихонскія за осмѣяніе Елиссея; попаляются огнемъ небеснымъ, какъ вождь нечестиваго царя Охозіи за оскорбленіе человѣка Божія.

Не смотря на то, люди, расположенные къ злорѣчію, скорѣе всего изви-

(*) Cm. operum Ioannis Cassiani cum commentariis D. Alardi Gazahi Lipsiae 1733. Collat. XX.

няютъ этотъ порокъ, и оказываютъ ему какое-то особенное снисхожденіе, не примѣчая тѣхъ губительныхъ слѣдствій, какія производитъ онъ въ обществахъ человѣческихъ. Осуждать и поносить ближняго на ихъ языкѣ значитъ доставлять невинное удовольствіе себѣ и другимъ. Подъ этимъ ухищреннымъ предлогомъ изводятъ они на позоръ братій своихъ о Христѣ Іисусѣ, язвятъ ихъ насмѣшливыми пересудами, разбираютъ ихъ слова и дѣла, изыскиваютъ недостатки въ ихъ обхожденіи, дѣлаютъ обидные толки о качествахъ ихъ, выставляютъ малѣйшія ихъ слабости и подвергаютъ ихъ осмѣянію людей легкомысленныхъ. Обыкновенныя погрѣшности получаютъ цѣну важныхъ пороковъ отъ нелѣпыхъ вымысловъ, примѣшиваемыхъ для того, чтобы осуждаемое лице представить въ болѣе смѣшномъ видѣ, отъ умышленныхъ указаній на извѣстныя обстоятельства, не дѣлающія ему чести, отъ разныхъ выразительныхъ тѣлодвиженій, способныхъ произвести оскорбительныя догадки и несправедливыя подозрѣнія. Тогда слабости, въ началѣ едва примѣтныя, становятся предметомъ всеобщихъ разговоровъ, поводомъ къ безчисленнымъ соблазнамъ и неизгладимымъ пятномъ для ближняго. Злословіе, переходя изъ устъ въ уста, по мѣрѣ легкомыслія людей, внемлющихъ оному, распространяетъ безславіе и является въ многоразличныхъ чудовищныхъ видахъ, помрачающихъ и разстроивающихъ все соприкосновенное ему. Оно поселяетъ раздоры въ семействахъ, наводитъ подозрѣніе на вѣрность супруговъ, расторгаетъ узы родства и дружества, ослабляетъ искреннюю преданность, раждаетъ ненависть и мщеніе, преслѣдуетъ истинныя достоинства, находитъ въ благочестивыхъ людяхъ лицемѣріе, въ трудолюбивыхъ тщеславіе, въ защитникахъ правды изступленіе. Оно прикасается равно къ вещамъ мірскимъ и священнымъ, отправляетъ сладость мира и любви, и оставляетъ вездѣ печальные слѣды разстройства.

Такое обиліе и разнообразіе плодовъ, пораждаемыхъ злорѣчіемъ, зависитъ отъ того, что въ самомъ основаніи его сокрываются многіе и разнообразные пороки. Въ немъ совмѣщаются: зависть, ненависть, гордость, лицемѣріе и легкомысліе. Зависть раздражается не столько слабостями ближняго, сколько его преимуществами, славою или счастіемъ: по крайней мѣрѣ завистливый менѣе старался бы изыскивать въ немъ недостатки и осуждать ихъ, еслибы не почиталъ его соперникомъ своихъ достоинствъ. Ненависть, не только слабости, но и самую добродѣтель, ненравящуюся ей въ ненавидимомъ лицѣ, находитъ достойною осмѣянія, и потому хочетъ сдѣлать ее подозрительною, или ничего незначущею въ глазахъ людей легковѣрныхъ. Гордость, для возвышенія и представленія въ большемъ блескѣ своихъ совершенствъ, пользуется маловажными недостатками другихъ, обезображиваетъ ихъ разными вымыслами, внушаемыми страстію, и выставляетъ неизвинительными. Лицемѣріе являетъ видъ пріязни и расточаетъ похвалы въ присутствіи и при услугахъ ближняго, но прибѣгаетъ къ злословію и коварству въ отсутствіи его, или при нанесенномъ отъ него оскорбленіи. Легкомысліе, несоотвѣтствующее достоинству Христіанина, часто для одной забавы лишаетъ другихъ спокойствія и добраго имени,— этого не-

оцѣненнаго сокровища, коимъ многіе, подобно Апостолу Павлу, дорожатъ болѣе, нежели самою жизнію.

Совмѣщая въ себѣ столь многіе пороки, злорѣчіе, такъ сказать, вытѣсняетъ ими изъ души нашей всѣ противоположныя имъ добродѣтели. Неразлучныя съ нимъ зависть и ненависть погашаютъ въ насъ любовь, гордость изгоняетъ смиреніе, а лицемѣріе и легкомысліе подавляютъ чувство справедливости. Посему злорѣчивый поступаетъ всегда противно правиламъ этихъ Христіанскихъ добродѣтелей. Любовь, которая *долготерпитъ*, по выраженію Апостола, позволяетъ ли причинять болѣзнь сердцу ближняго разглашеніемъ и осмѣяніемъ его проступковъ, растравлять раны его, нанесенныя нескромностію его недоброжелателей, и способствовать другимъ умножать его безчестіе? Не паче ли должно покрывать его недостатки, скорбѣть о соблазнѣ, происходящемъ отъ преткновенія грѣшника, и втайнѣ умолять благость Божію о спасеніи заблуждающихъ? Этого требуютъ и вѣра и человѣколюбіе. Позволяетъ ли Христіанское смиреніе смѣжать очи для собственныхъ преступленій и раскрывать ихъ болѣе надлежащаго для наблюденія слабостей другаго? Не лучше ли, предоставивши Богу судить виновныхъ, ограничить себя судомъ своихъ только прегрѣшеній, и не покушаться съ фарисеями повергать камни злорѣчія на самыхъ явныхъ грѣшниковъ, памятуя, что и мы всѣ нечисты отъ грѣха? Позволяетъ ли справедливость дѣлать другимъ то, чего мы сами избѣгаемъ, благопріятствовать тому, что для насъ ненавистно съ увѣренностію судить о проступкахъ брата, когда они, можетъ быть, вымышлены завистію соперника, или произошли отъ одного неосторожнаго слова, превратно истолкованнаго злобою, или уже исправлены искреннимъ раскаяніемъ? Въ этомъ случаѣ злорѣчивые оказываются не только несправедливыми, но и жестокосердыми, осуждая и оживляя въ памяти такіе пороки, въ коихъ виновно одно легковѣріе, или такіе, которые изглажены уже слезами покаянія.—

Кіевъ въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры 5 Сентября, 1845 г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 32. НЕДѢЛЯ 24-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. Ноября. 14. 1843.

На Утрени: Евангеліе воскресное 2-е, Мар. 16, 1—8.
На Литургіи: Апост. Ефес. 2, 14—21. Еванг. Лук. 8, 40—56.

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО НИЛА ПОДВИЖНИКА,

ИЗБРАННЫЯ ПИСЬМА

О покаяніи.

1. Роману Епископу.

Мы не должны принимать мнѣній безумнаго Новата, который дерзаетъ отвергать спасительное покаяніе, и лишая надежды получить прощеніе, только умножаетъ грѣхи; не должны также соглашаться съ тѣми, кои сами себя называютъ чистыми, а на дѣлѣ нечисты и вѣрующихъ имъ ввергаютъ въ пагубу; но должны чуждаться ихъ, какъ думающихъ вопреки Апостольскимъ правиламъ (Кн. 2, пис. 155).

2. Маркіану.

Вѣрь, что спасешься, хотя ты и недостоинъ; но если ты нечувствителенъ, то не ожидай спасенія. Человѣколюбивый Богъ милуетъ и спасаетъ и недостойныхъ, если они только признательны и благодарны во всякой скорби, хотя бы и не ожидали себѣ никакого блага; но къ нечувствительнымъ немилосердъ. Нечувствителенъ же тотъ, кто не хочетъ признать безчисленныхъ благодѣяній Божіихъ, и того, что міръ получилъ величайшую пользу отъ вѣры во Христа Господа (Кн. 1, пис. 22).

3. Ираклію Иподіакону.

Какъ храбрый воинъ, раненный на сраженіи за Государя, претерпѣвъ великодушно болѣзнь, по изцѣленіи будетъ свидѣтельствоваться въ своей храбрости знаками ранъ: такъ точно и раненные діаволомъ, если будутъ нелѣностны въ подвигахъ покаянія, бывъ спасены, прославятся въ день суда; ибо, подобно храброму воину, они останутся непремѣнно побѣдителями, хотя прежде будутъ ранены (Кн. 1, пис. 67).

4. Авреліану.

Господь чрезъ Іеремію сказалъ: обратися ко мнѣ доме Израилевъ, и не прогнѣваюся на вы во вѣки (3, 12). Хотя подѣламъ твоимъ ты достоинъ вѣчнаго гнѣва; но поелику я милостивъ, то человѣколюбіе свое соразмѣряю не съ твоею злобою, но съ моею благостію. Впрочемъ хотя я благъ и человѣколюбивъ, ты не забывай злыхъ твоихъ помысловъ и дѣлъ; знай, что ты въ Господа Бога твоего нечествовалъ, и во всю жизнь молись со слезами.

5. Созомену.

Грѣхъ подобно дыму, весьма скоро проходитъ, но слѣдующее за него наказаніе, продолжается неисчетные годы. Если бы ты разсуждалъ о семъ, то бы много боялся и трепеталъ (Кн. 1, пис. 148).

6. Трифону Архитектору.

Чистосердечное покаяніе и непрестанная молитва дѣлаетъ благовоннымъ человѣка истлѣвшаго отъ дѣлъ; ибо человѣколюбивый Господь Христосъ пріемлетъ и нечистую молитву, если она произносится нечистыми устами со смиреніемъ. Въ этомъ долженъ увѣрить тебя разбойникъ, который лишь только сказалъ: *помяни мя Господи, егда пріидеши во царствіи твоемъ*, тотчасъ услышалъ: *днесь со мною будеши въ раи*.

7. Аристотелю Начальнику.

Плачь о грѣхахъ услаждаетъ печаль такъ, что самая горечь ея, бывъ растворяема благою и радостною надеждою, дѣлается подобно меду сладостною; почему плачь сей питаетъ душу, радуетъ умъ, утучняетъ сердце и оживляетъ самый составъ тѣлесный. Посему весьма хорошо Давидъ воспѣлъ: *быша слезы моя, мнѣ хлѣбъ день и нощь* (Пс. 41, 4. Кн. 1, пис. 21).

8. Зефиріану.

Какъ не надобно хвалиться множествомъ дѣлъ добрыхъ, такъ не надобно отчаяваться въ случаѣ грѣхопаденій. Фарисей, хвалившійся своею полезною дѣятельностію, низвергся съ самой высоты добродѣтели; а мытарь не отчаявавшійся столько возвысился, что по суду Божію предпочтенъ добродѣтельному фарисею (Кн. 1, пис. 230).

9. Софіану Учителю.

Кто не ожидаетъ суда за свои дѣла, тотъ способенъ на всякое зло (Кн. 1, пис. 237).

10. Евриклу Пресвитеру.

Покаяніе оживляетъ умерщвленнаго грѣхопаденіями. Оно есть доказательство возрожденія, побѣдное знаменіе воскресенія (Кн. 1, пис. 274).

11. Палатину Начальнику.

Ты непрестанно говоришь: какъ спастись мнѣ, когда душа моя имѣетъ безчисленныя язвы и исполнена неизреченныхъ золъ, и когда меня осуждаетъ собственная совѣсть? Если ты хотя малое обратишь вниманіе на св. Писаніе, то тебѣ не нуженъ будетъ мой совѣтъ. Посмотри, что говоритъ Соломонъ, и что совѣтуетъ Даніилъ Навуходоносору? Первый говоритъ, что *милостынею и вѣрою очищаются грѣхи*; а вторый: *грѣхи твоя милостынями искупи, и неправды твоя щедротами убогихъ*. Въ семъ можетъ убѣдить тебя также Сирахъ, который говоритъ, что *огнь горящъ угаситъ вода, а милостыня очиститъ грѣхи* (3, 31.); а по словамъ Товіи, милостыня избавляетъ отъ смерти (12, 8.) (Кн. 2, пис. 149).

12. Ѳеодосію Чтецу.

Какъ изсохшее отъ бездождія древо опять начинаетъ расти, если будетъ орошаемо; такъ и душа умершая отъ грѣха, если покается и умилостивитъ Бога, очищается отъ нечистотъ, и сподобившись духовной благодати приноситъ плоды всякой правды (Кн. 2, пис. 202).

13. Ѳеоклу Схоластику.

Покаяніе такую имѣетъ силу, что если кто принесетъ его съ сокрушеніемъ на самомъ ложѣ, немедленно освободится отъ безчисленныхъ грѣхопаденій; потому что краткость времени не стѣсняетъ человѣколюбія Божія, ибо у Исаіи Богъ говоритъ: *егда возратився воздохнеши, тогда спасешися* (30, 15). Въ семъ можетъ увѣрить тебя смиренный мытарь, которому тотчасъ

прощены безчисленные грѣхи, и котораго судъ Божій предпочелъ гордому фарисею, сдѣлавшему много праведныхъ дѣлъ, за то только, что онъ въ сокрушеніи сердца принесъ краткую молитву (Кн. 2, пис. 229).

14. Генефлію Екдику.

Повторяя слова Соломона, ты говоришь: кто похвалится имѣти сердце чисто? Но не имѣющій сердца чистаго не такъ несчастенъ, какъ не просящій Господа, могущаго сотворить сердце чисто, дароватъ ему сей даръ. Христосъ можетъ, если хочешь, очистить сердце твое, какъ это засвидѣтельствовалъ одинъ изъ древнихъ въ молитвѣ своей: *сердце чисто созижди во мнѣ Боже;* и даже желаетъ преподать этотъ даръ намъ вмѣстѣ съ другими благами, но только ожидаетъ покаянія съ нашей стороны, дабы насъ болѣе увѣнчать. Ибо кто былъ грѣшнѣе мытаря? но и сей лишь только сказалъ: *Боже милостивъ буди мнѣ грѣшному,* вышелъ изъ храма оправданнымъ паче фарисея. Почему эти слова такъ были сильны? Его очистили не слова сіи; но то расположеніе, съ коимъ онъ произнесъ оныя, а паче всего Божіе человѣколюбіе, которое не желаетъ нашей погибели, но ведетъ насъ на покаяніе (Кн. 2, пис. 325).

15. Григорію тайному Совѣтнику.

Ты говоришь, какую пользу я получу, если буду плакать и рыдать о грѣхахъ? Столько важную, любезный, что нельзя выразить словами. Въ свѣтскихъ судахъ сколько ни плачь, не избѣжишь наказанія послѣ того, какъ состоялось опредѣленіе; а здѣсь если выразишь печаль о грѣхахъ, перемѣнишь приговоръ, и получишь прощеніе. По сей причинѣ въ Писаніи плачущіи ублажаются. И такъ не будемъ въ церкви предаваться смѣху и веселію, но будемъ плакать, дабы посредствомъ слезъ наслѣдовать царствіе небесное (Кн. 2, пис. 330).

16. Маврiану Монаху.

Если ты хочешь освободиться отъ наказанія въ здѣшней и будущей жизни; то накажи самъ себя, ибо *аще бихомъ себе разсуждали, не бихомъ осуждени были.* Но ты спрашиваешь, какъ мнѣ наказать себя самаго? смиряйся, плачь и сокрушайся о грѣхахъ твоихъ, ибо величайшее наказаніе и мученіе для души составляетъ признаніе и сокрушеніе о грѣхахъ своихъ. Посему Богъ вѣнецъ правды даруетъ тому человѣку, который посредствомъ исповѣди смиряетъ себя; ибо Онъ сказалъ: прежде нежели другой осудитъ тебя, ты *елаголи грѣхи твоя и оправдишися.* (Ис. 43, 26.) Кн. 3, пис. 60, 61),

17. Акилѣ.

Прежде дня Господня предвари Судію небеснаго, и избавь себя отъ геенны. Если ты хочешь получить отъ Господа прощеніе десяти тысячъ талантовъ; то и ты прости сто талантовъ сослужителю твоему. Слугу твоего я называю сослужителемъ потому, что и твой и его Господь на небесахъ (Кн. 3, пис. 63).

18. Павлу Чтецу.

Открый ко Господу путь твой и той сотворитъ (Пс. 36, 5.); покажи Ему преступную жизнь твою, обнаружь предъ великимъ Архіереемъ струны души твоей, и уповай на Него; Онъ нечистое очиститъ, сотворитъ изъ пса сыномъ, изъ строптиваго кроткимъ, изъ нетерпѣливаго терпѣливымъ,

и представитъ душу твою чистою отъ скверны (Кн. 3, пис. 200).

19. Молодымъ Монахамъ.

Смѣло приступай къ небесному врачу Іисусу съ твоими слезами, и обнажай предъ Нимъ всѣ раны души твоей. Нѣтъ болѣзни, которую бы не могъ уврачевать человѣколюбивый Христосъ (Кн. 3, пис. 327).

20. Даглаифу.

Полезно, не откладывая день отъ дня обращеніе ко Господу, и не вдаваясь въ безпечность и нерадѣніе, исповѣдывать грѣхи; ибо Господь намъ чрезъ Исаію сказалъ: *елаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (43. 26.); Потому если ты расположишься проводить жизнь въ раскаяніи, молитвѣ, и непрестанномъ богослуженіи, то немедленно услышишь отъ Господа слѣдующій отвѣтъ: азъ есмь заглаждаяй беззаконія твоя и грѣхи твоя (25) Кн. 4 пис. 21).

21. Иліодору.

Іоаннъ Крестителъ, какъ человѣкъ, боясь вреда, удалялся изъ городовъ и жилъ въ пустынѣ; а Господь всяческихъ Іисусъ, живя въ городахъ, вечерялъ съ грѣшниками потому, что Онъ есть солнце правды; а солнечные лучи, хотя касаются грязи, но только изсушаютъ въ ней негодныя испаренія, а сами не мараются. Но завидливые фарисеи говорятъ: для чего Іисусъ съ грѣшниками и мытарями ѣстъ? О завистливые, безумные, и омраченные сердцемъ! Уже ли вы не знаете, что врачу должно находиться не индѣ, а вблизи больныхъ, и что умилостивительной жертвѣ должно быть при грѣшникахъ? А Іисусъ Христосъ пришелъ не праведниковъ, а грѣшниковъ призвать на покаяніе. Онъ обращался съ грѣшниками для того, чтобы они раскаявшись водворились съ праведными, и сдѣлались участниками радости въ царствіи небесномъ (Кн. 1, пис. 41).

22. Калокиру.

Христосъ Богъ и Господь всяческихъ въ Евангеліи ясно призываетъ къ себѣ обремененныхъ всякою злобою, говоря: *пріидите ко Мнѣ, и азъ упокою вы* (Матѳ. 11, 28). Онъ доказалъ что это упокоеніе было цѣлію Его сошествія съ неба, ибо Онъ сказалъ: *не пріидохъ призвати праведныя но грѣшныя на покаяніе, и не требуютъ здравіи врача, но болящіи.* Посему не отчаявайся, но укрѣпляйся благимъ упованіемъ (Кн. 1, п. 305).

СЛОВО
НАДГРОБНОЕ (*).

Пятьдесятницу празднуемъ, и Духа пришествіе,— велитъ воспѣвать св. Церковь, торжествуя пришествіе Духа— Утѣшителя, а съ Нимъ ниспосланіе отъ Бога неизреченныхъ благъ человѣческому роду. *Плачу и рыдаю*— побуждаетъ вопіять предлежащій гробъ, напоминая о смерти, а съ ней о безчисленныхъ бѣдствіяхъ, тяготѣющихъ надъ нами. Чему повиноваться?— Приглашенію къ радости, или призыву къ скорби и плачу? Что сказать предъ вами, печальное собраніе, при видѣ гроба, въ торжественный и радостный день? Сказать— радуйтесь о пришествіи Ду-

(*) Говоренное при погребеніи Профессора Дух. Академіи, въ понедѣльникъ Пятидесятницы.

ха животворящаго и оживляющаго вся? Но се предъ очами смерть и тлѣніе; гробъ и могила! Сказать— плачьте осужденные на смерть праведнымъ судомъ Божіимъ?— Но это значило бы оскорблять Господа, смертію смерть поправшаго, и съ собою вся воскресившаго, который для того и приходилъ на землю, *да животъ имутъ и лишше имутъ* (Іоан. 10, 10). Сказать— радуйтесь о избавленіи отъ всѣхъ бѣдъ и золъ смертію и воскресеніемъ Сына Божія, о пришествіи Духа— Утѣшителя, отъемлющаго всякую слезу отъ очію вѣрующихъ? Но се живое бѣдствіе— осиротѣвшіе младенцы! Се неосушимыя слезы, которыя не могутъ не возбудить скорби въ сердцѣ, способномъ сочувствовать бѣдствіямъ ближняго. Сказать— плачьте непрестанно о разнообразныхъ бѣдствіяхъ, сопровождающихъ человѣка отъ колыбели до гроба? Но это значило бы говорить прямо вопреки повелѣнію Апостола, который заповѣдуетъ Христіанамъ: *всегда радуйтеся, о всемъ благодарите* (1 Сол. 5, 17. 18). Поистинѣ, брат., еслибы намъ нужно было въ настоящемъ случаѣ сказать что либо самимъ; мы сказали бы только: *поискахомъ словесе, и не обрѣтохомъ*; теперь не *время глаголати*, а *время молчати* (Еккл. 3, 7.), и безмолвно остановили бы сіе мѣсто. Но мы имѣемъ и обязаны предложить вамъ божественное слово св. Павла, равно приличное всякому случаю— радостному и печальному. *Да будутъ*— такое правило даетъ онъ Христіанамъ на всѣ случаи жизни— *да будутъ плачущіися, якоже не плачущіи, и радующіися, якоже нерадующеся; преходитъ бо образъ міра сего* (1 Кор. 7, 30. 31). Не трудно приложить сіе правило къ настоящему случаю; не большое нужно искуство, чтобъ извлечь изъ него и благопотребное утѣшеніе и благовременное назиданіе.

Въ самомъ дѣлѣ, брат., какова бы ни была причина настоящей скорби, въ святой вѣрѣ своей мы обрѣтемъ противъ нея дѣйствительнѣйшее врачество.

Ужасаетъ ли смерть, при видѣ смертныхъ останковъ собрата нашего? Но въ егоже рукахъ видимъ и крестъ, коимъ разоблачается тайна смерти, истребляется все, что есть въ ней страшнаго для насъ. Св. вѣра говоритъ намъ, что держава смерти побѣждена крестомъ Христовымъ, жало ея притуплено смертію Начальника жизни; что ей оставлена до времени власть только надъ тѣломъ, но узы ея слабы для удержанія духа, который, окрылясь вѣрою, воспаряетъ къ Богу, иже даде его;— что гробъ Христіанина есть лѣствица къ небеси, по которой духъ его восходитъ горѣ— въ обители Отца небеснаго; что земля пріемлетъ только земное бреніе для очищенія и претворенія его въ тѣло духовное и небесное: *подобаетъ бо и тлѣнному сему облещися во нетлѣніе, и мертвенному сему облещися во безсмертіе* (1 Кор. 15, 53.);— что могила удержитъ въ себѣ наше тѣло только до повелѣнія Господня, до гласа трубы Архангела,— ибо *грядетъ часъ, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ* (Іоан. 5, 25). Можетъ ли страшить такой врагъ, который, при всей люотости его, побѣжденъ и связанъ крѣпльшимъ его? Теперь каждый Христіанинъ можетъ дерзновенно говорить съ Пророкомъ: *аще и пойду посредѣ сѣни смертныя, не*

убоюся зла, яко ты, Господи, со мною еси (Псал. 22, 4.)!—

Страшитъ ли внезапность смерти, при мысли о неожиданной кончинѣ почившаго? Но Господь Іисусъ Христосъ давно предварилъ насъ о семъ: *не вѣсте дне ни часа*, говоритъ Онъ, *въ оньже Сынъ человѣческій пріидетъ* (Матѳ. 25, 13.).— *Сами бо вы извѣстно вѣсте*, утверждаетъ св. Павелъ, *яко день Господень, якоже татьвъ нощи, тако пріидетъ* (1 Сол. 5, 2). Значитъ, намъ давно извѣстно, что каждый день и каждый часъ нашей жизни можетъ быть для насъ послѣднимъ, что вся жизнь наша есть только приготовленіе къ смертному часу, или лучше, непрестанное ожиданіе сего часа; что истинное *житіе наше* не здѣсь, а *на небесѣхъ, отонудуже и Спасителя ждемъ, Господа нашего Іисуса Христа* (Филип. 3, 20).— Можетъ ли же быть внезапною для насъ смерть, когда мы, по самому званію Христіанъ, должны ожидать ее каждый часъ? И какъ ни неожиданно, по видимому, постигъ часъ смертный почившаго собрата нашего; но нашелъ его совершенно готовымъ,— нашелъ тогда, когда почившій— и обновленіемъ вѣчнаго завѣта съ Богомъ, чрезъ покаяніе и причащеніе тѣла и крови Христовой, и скрѣпою завѣта временнаго— разрѣшилъ себя отъ всѣхъ узъ, привязывавшихъ его къ міру;— когда могъ, предавая себя волѣ Божіей, сказать съ Апостоломъ: *мнѣ еже жити Христосъ, и еже умрети пріобрѣтеніе есть* (Филип. 1, 21.)!—

Огорчаетъ ли кажущаяся неблаговременность смерти почившаго? Но жизнь наша въ рукѣ Божіей; кто же можетъ неблаговременно восхитить ее изъ руки Его— всемогущаго? И самая смерть, какъ и животъ, въ рукѣ Господа, имущаго ключи ада и смерти; можетъ ли неблаговременно придти она, безъ вѣдома Его— всевѣдущаго? Неизреченна благость, безконечно милосердіе, многое долготерпѣніе у Господа, который щадитъ и самыхъ грѣшниковъ до исполненія послѣдней мѣры нечестія; можетъ ли не даровать нужнаго времени жизни вѣрующимъ въ Него и любящимъ Его? Неизслѣдимая премудрость Божія, вся строящая во благое, попустила ли бы умереть кому либо не во время? И мы вѣруемъ, возлюбленный собратъ нашъ, что ты оставилъ насъ по премудрой волѣ Его,— дѣйствующаго вся во благое, повинуясь державному гласу Его— Начальника жизни, *Богу лучшее что* о тебѣ *предзрѣвшу;* оставилъ тогда, когда для тебя разрѣшишися и со Христомъ быти было много паче лучши, нежели пребывати во плоти!—

Тяготитъ ли сердце самая разлука?— Но изъ страны чуждой не съ скорбію, а съ веселіемъ провожаютъ на родину; изъ мѣста изгнанія не съ слезами, а съ радостію возвращаются на свободу. Чтожъ иное земная жизнь наша, какъ не время пришельствія, гдѣ мы странники и пришельцы? Что небо, какъ не родное отечество духа? Что земля, какъ не мѣсто изгнанія изъ рая? Что будущая жизнь, какъ не свобода духа отъ земныхъ узъ и земныхъ скорбей? Такъ, мы вѣруемъ, возлюбленный собратъ, что, достигнувъ необуреваемаго пристанища, ты самъ не восхотѣлъ бы возвратиться паки въ вѣчно волнуемое море житейскихъ попеченій;— узрѣвъ небо, не пожелаешь тлѣнной красоты земныхъ благъ, которыя, подобно крас-

ному сонѣ, но горькому плоду, обольщаютъ только неопытныхъ, но не прельстятъ того, кому смерть открыла всю ихъ горечь.

Скорбитъ ли сердце, при видѣ юныхъ осиротѣвшихъ безвременно? Но и здѣсь мѣсто не скорбному страданію, а утѣшительному и пріятному для сердца состраданію, не безотрадной печали, но отрадной для духа любви Христіанской. Бѣдность и богатство, сиротство и отчество, лишенія и изобиліе подаются людямъ тою вседѣйствующею десницею, которая сотворила и богатаго и убогаго, или лучше, которая творитъ нерѣдко богатаго убогимъ, а нищаго посаждаетъ на престолѣ; это десница Отца небеснаго, который по преимуществу именуетъ себя Отцемъ сирыхъ и вдовицъ, который, отъемля родителей у чадъ, тѣмъ пріискреннѣе усыновляетъ ихъ себѣ. Сія щедродательная десница не подаетъ своимъ чадамъ каменне вмѣсто хлѣба; возлагая крестъ, она ниспосылаетъ въ немъ и благодатное утѣшеніе. Съ другой стороны бѣдность и богатство, благополучіе и несчастія въ рукахъ вседѣйствующаго Промысла Божія суть средства къ утвержденію насъ въ вѣрѣ и благочестіи Христіанскомъ, что составляетъ главную и единственную цѣль нашей жизни, единственный предметъ попеченія Промысла Божія о насъ. Какое изъ сихъ средствъ, кому и когда приличнѣе, какое сообразнѣе съ чьими силами,— знаетъ Онъ— Всевѣдущій. Мы только можемъ видѣть на опытѣ, что чѣмъ болѣе человѣкъ преуспѣетъ опытно въ искуствѣ и алкати и насыщатися и избыпочествовати и лишатися, тѣмъ ближе онъ къ той степени совершенства, котораго образъ представляетъ въ себѣ св. Павелъ. Но это нужное искуство лучше всего изучается въ школѣ несчастій, подъ руководствомъ нужды, которая опытнѣе всѣхъ наставниковъ въ свѣтѣ, ибо учила еще перваго человѣка. И такъ *плачущіися да будутъ якоже не плачущіи; преходитъ бо образъ міра сего,* а съ нимъ преходятъ и всѣ скорби и бѣдствія жизни, и ихъ мѣсто заступятъ нѣкогда радости вѣчныя.

Но *и радующіися да будутъ якоже не радующеся.* Не неблаговременно замѣтитъ и эту часть наставленія Апостольскаго, когда предъ очами нашими конецъ всѣхъ радостей жишейскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, какова бы ни была причина земной радости, она исчезаетъ при одной мысли о смерти, при одномъ взглядѣ на гробъ. Приливъ ли богатства расширяетъ радостію сердце? Но разсыпьте здѣсь всѣ сокровища міра; сомкнувшіеся очи почившаго не прельстятся ихъ блескомъ, охладѣвшія руки не простртся къ нимъ. Наполните гробъ сей чѣмъ угодно; онъ все унесетъ съ собою въ землю, гдѣ все претворится въ прахъ и персть. Высота ли земнаго любомудрія возноситъ умъ за предѣлы смиренномудрія Христіанскаго? Но и въ этомъ челѣ спрутились мысли, обитали познанія; а теперь оно хладно и мертво. И изъ этихъ устъ лилось потокомъ краснорѣчивое слово; а теперь онѣ безмолвны какъ самый гробъ. И много ли все земное вѣдѣніе прибавляетъ теперь къ тому неизреченному видѣнію, коимъ почившій наслаждается въ другомъ мірѣ? Вмѣнится ли оно въ заслугу на судѣ Христовомъ безъ смиренномудрія и другихъ добродѣтелей Христіанскихъ?— Крѣпость ли силъ и цвѣтущее здравіе кипитъ

въ сердцѣ попокомъ желаній и жаждою наслажденія? Но спросите этотъ прахъ собрата нашего, далеко ли здравіе отъ болѣзни, жизнь отъ смерти, ложе покоя временнаго отъ мѣста покоя вѣчнаго, даже не рѣдко колыбель отъ могилы?— Высота ли почестей земныхъ возноситъ умъ и надмѣваетъ сердце? Но украсьте это тѣло всѣми знаками почестей и отличій; оно останется также хладно и бездыханно, какъ теперь,— не разогрѣется огнемъ честолюбія, не одушевится мечтами гордости. Что теперь съ нимъ, тоже будетъ и съ каждымъ: вѣрнѣе смерти ничего нѣтъ на свѣтѣ;— это неизмѣнная спутница нашей жизни! Такимъ же прахомъ содѣлается и наше тѣло, въ такомъ же маломъ гробѣ вмѣстится и оно— бездыханное; въ тѣсную могилу неминуемо придетъ каждый путемъ жизни. И такъ *и радующіися да будутъ якоже не радующеся;* да помыслятъ о себѣ и своей вѣчной участи, да возлюбятъ слезы покаянія паче радостей суетныхъ! *Преходитъ бо образъ міра сего;* преходитъ и теперь, прейдетъ нѣкогда совершенно.

Прости намъ, возлюбленный собратъ, что мы рѣшились твоею смертію поучать себя и другихъ, твоимъ гробомъ свидѣтельствоваться въ обличеніи суеты земныхъ благъ и радостей. Быть можетъ чьелибо сердце, при взглядѣ на гробъ твой поразившись мыслію о собственной смерти, возбудится къ покаянію, возревнуетъ о спасеніи своемъ, возжелаетъ снискать себѣ непостыдную кончину и добрый отвѣтъ на страшномъ судѣ Христовомъ. О, какое пріобрѣтеніе для царства Божія содѣлаешь ты самою смертію своею! Какъ горячо вознесется молитва о тебѣ изъ сердца сокрушеннаго печалію по Бозѣ, при видѣ твоихъ бездыханныхъ останковъ; отъ души вразумленной твоимъ— и при молчаніи— поучительнымъ урокомъ! И сей урокъ твой къ намъ— послѣдній! Да углубится же онъ въ сердцахъ и душахъ нашихъ! Въ благодарность за сіе мы не престанемъ творить о тебѣ молитвенную память предъ престоломъ Господнимъ, вопіять о тебѣ ко Отцу свѣтовъ: „Боже духовъ и всякія плоти, упокой душу преставльшагося отъ насъ раба Твоего С.... въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ злачнѣ, отонуду же отбѣже всякая болѣзнь, печаль и воздыханіе! Аминь.

Кіевъ Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 13 Сентября, 1845. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 33. НЕДѢЛЯ 25-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. Ноября. 21. 1843.

На Утрени: Евангеліе воскресное 3-е, Мар. 16, 9—20.
На Литургіи: Апост. Ефес. 4, 1—6. Еванг. Лук. 10, 25—37.

ВВЕДЕНІЕ ВО ХРАМЪ ПРЕСВЯТЫЯ ВЛАДЫЧИЦЫ НАШЕЯ БОГОРОДИЦЫ, И ПРИСНОДѢВЫ МАРІИ.

Днесь храмъ одушевленный святыя славы Христа Бога нашего, едина въ женахъ благословенная чистая, приводится въ храмъ законный жити во святыхъ; и радуются съ нею Іоакимъ и Анна Духомъ; и дѣвственніи лицы Господеви поютъ, псаломски воспѣвающе и чтуще Матерь Его. Стих. на Госп. воззв.

Днесь боговмѣстимый храмъ Богородица, въ храмъ Господень приводится, и Захарія сію пріемлетъ: днесь святая святыхъ радуются, и ликъ Ангельскій таинственно торжествуетъ; съ ними же и мы празднующе днесь, съ Гавріиломъ возопіимъ: радуйся благодатная, Господь съ Тобою, имѣяй велію милость! Стих. на Литіи.

Ты Пророковъ проповѣданіе, Апостоловъ слава, и Мучениковъ похвала, и всѣхъ земнородныхъ обновленіе, Дѣво Мати Божія; Тобою бо Богу примирихомся: тѣмъ же чтимъ Твое въ храмъ Господень вхожденіе, и со Ангеломъ вси пѣсненно, радуйся, Тебѣ пречистая вопіемъ, твоими молитвами спасаеміи. Стих. на Госп. воззв.

Пріидите вси вѣрніи, едину непорочную восхвалимъ, отъ Пророковъ проповѣданную, и въ храмъ приведенную, прежде вѣкъ пронареченную Матерь, и въ послѣдняя лѣта явльшуюся Богородицу. Господи, молитвами Ея миръ Твой подаждь намъ, и велію милость. Стих. на Литіи.

Ветхозавѣтныя прообразованія, относящіяся къ лицу и служенію Матери Божіей.

Св. Апостолъ Павелъ, разсматривая Ветхій Завѣтъ по отношенію къ Завѣту Новому, именуетъ его *сѣнію грядущихъ благъ*, т. е. тѣнію, по виду и образу которой можно получить нѣкоторое понятіе объ отражающемъ ее тѣлѣ. Сквозь сію-то богосвѣтлую тѣнь просвѣщенный вѣрою взоръ древнихъ святыхъ мужей прозрѣвалъ грядущія блага; и это прозрѣніе служило для нихъ источникомъ радости и блаженства. По прекращеніи временъ сѣни

и гаданій, по пришествіи въ міръ самой истины и ниспосланіи роду человѣческому прообразованныхъ древле благъ, казалось бы, нѣтъ нужды обращаться мыслію къ Ветхозавѣтнымъ сѣнямъ. Но великій учитель языковъ утверждаетъ, что образы, прилучавшіеся древнимъ, описаны въ Писаніи въ наказаніе наше, чтобы мы, сближая ихъ съ предметами прообразуемыми, и объясняя одни другими, возрастами въ познаніи таинъ вѣры и спасенія. Съ сею цѣлію онъ самъ показалъ примѣръ (преимущественно въ посланіяхъ къ Галатомъ и къ Евреемъ), какъ долженъ Христіанинъ взирать на Ветхозавѣтныя событія и учрежденія закона Моисеева, изъяснивъ и приложивъ къ событіямъ и истинамъ вѣры Христовой главнѣйшія событія и учрежденія Ветхаго Завѣта. Послѣдуя его примѣру и наставленію, святые мужи, просвѣщеннымъ и очищеннымъ вѣрою окомъ усматривали въ Ветхозавѣтныхъ сѣняхъ и такіе прообразы, о коихъ св. Писатели Новаго Завѣта, по свойственной имъ краткости, не упомянули. Таковы по преимуществу прообразованія, относящіяся къ лицу и служенію Матери Божіей, которыя мы подъ руководствомъ богоносныхъ мужей, предлагаемъ кратко благочестивому вниманію читателей въ тотъ день, когда преблагословенная Дѣва вступила въ храмъ Господень, чтобы жизнію при Ветхозавѣтномъ, прообразовательномъ храмѣ приготовить себя въ живой и истинный храмъ Господу.

1. *Таинъ еси, Богородице, рай*, воспѣваетъ св. Церковь. Богонасажденный, невоздѣланный руками человѣческими; рай израстилъ древо жизни, отъ коего питаясь, человѣкъ былъ безсмертенъ не только душею, а и тѣломъ: богоизбранная неискусомужная Дѣва безсѣменно, по дѣйствію Духа святаго, зачала и произрастила благословенный плодъ— Христа Бога нашего, плотію и кровію Коего питаются вѣрующіе въ жизнь вѣчную. Въ раи, кромѣ благоплодныхъ древесъ для питанія, были благосѣнолиственныя древеса, служившія покровомъ человѣку: Пресвятая Матерь Божія— питательница жизни нашея есть вмѣстѣ покровъ и прибѣжище всѣмъ Христіанамъ.

2. Въ лѣствицѣ, соединявшей небо съ землею, и видѣнной въ сновидѣніи Патріархомъ Іаковомъ, предъизображена та живая лѣствица, которая послужила орудіемъ къ соединенію не только неба съ землею, но и Божества съ человѣчествомъ, и чрезъ которую самъ Господь славы, упостасное Слово Божіе *плоть бысть, и вселися во ны, и видѣхомъ славу Его, славу яко единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины* (Іоан. 1, 14.);— Та живая лѣствица, чрезъ которую нисходятъ на родъ человѣческій всѣ дары благости и милосердія Божія, и чрезъ которую восходятъ ко престолу Отца небеснаго всѣ молитвы, прошенія и обѣты вѣрующихъ.

3. *Въ тернѣмъ морѣ неискусобрачныя невѣсты образъ написася иногда*, воспѣваетъ паки св. Церковь: *тамо Моисей, раздѣлитель воды; здѣ же Гавріилъ, служитель чудесе: тогда глубину шествова немокренно Израиль; нынѣ же Христа ради безсѣменно Дѣва. Море, по прошествіи Израилевѣ, пребысть непроходно; Непорочная, по рождествѣ Еммануилевѣ, пребысть нетлѣнна.* Море въ недосязаемой глубинѣ таитъ сокровища, недоступныя взо-

ру человѣка: Пресвятая Дѣва, въ недосязаемой глубинѣ смиренія, сокрывала отъ взоровъ современниковъ неисчетныя сокровища высочайшихъ добродѣтелей, и во глубинѣ чистаго сердца слагала всѣ божественные глаголы Сына и Бога своего. Море широтою своею обьемлетъ всю землю: Пресвятая Матерь Божія широтою любви и милосердія обьемлетъ весь родъ человѣческій, и преимущественно весь міръ Христіанскій. Море, всегда полное и никогда не умалясь, питаетъ влагою всю сушу: Пресвятая Матерь Божія, преисполненная благодати Духа Божія, независтно и изобильно изливаетъ ее на всѣхъ просящихъ и молящихся, у коихъ сердца отверсты вѣрою къ пріятію благодати, и умягчены слезами покаянія къ плодоношенію духовныхъ плодовъ— благихъ дѣлъ.

4. *Въ купинѣ Моисею Дѣвы чудо на Синайстѣй горѣ прообразилъ* самъ Господь, учитъ и еще св. Церковь. Купина горѣвшая огнемъ, но не сгаравшая прообразовала дѣвственную утробу Приснодѣвы, пребывшую и въ зачатіи, и въ рождествѣ, и по рождествѣ Богочеловѣка— дѣвственною. Изъ пламенѣвшей купины глаголалъ Моисею Богъ Авраамовъ, Исааковъ и Іаковль: тотъ же Господь славы, которому служили и покланялись древніе Патріархи явился изъ утробы Приснодѣвы въ рабіи зрацѣ, пожилъ между человѣками, глаголалъ усты ко устомъ избраннымъ ученикамъ своимъ и Апостоламъ. Не токмо купина освятилась нисшествіемъ Господа, но и окружавшее ее мѣсто содѣлалось землею святою (Исх. 3, 5.): не токмо сама Богоматерь, чрезъ воплощеніе отъ Нея Сына Божія, содѣлалась честнѣйшею Херувимовъ, и славнѣйшею безъ сравненія Серафимовъ; но и всѣ мѣста, освященныя или пребываніемъ Ея во время земной жизни, или чудодѣйственными явленіями Ея по Успеніи, какъ мѣста святыя, прославлены отъ Бога различными чудесами.

5. Столпъ огненный и облачный, руководившій Израильтянъ въ пустыни предображалъ св. Дѣву, наставляющую къ разуму божественному вся, которая подобно столпу огненному, просвѣщаетъ и руководитъ вѣрующихъ во Христа къ покаянію и цѣломудренной, благочестивой и богоугодной жизни посреди пустыни міра;— подобно столпу облачному, защищаетъ и покрываетъ ихъ отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ.

6. Какъ все ветхозавѣтное богослуженіе прообразовало тайну искупленія нашего, совершившагося чрезъ воплощеніе и страданіе Богочеловѣка: такъ Скинія свидѣнія— мѣсто богослуженія, въ коей благоволилъ обитать и принимать поклоненіе себѣ Господь, и всѣ принадлежности ея употреблявшіяся при священнодѣйствіяхъ и служившія знаменіемъ пребыванія Божія въ ней, по созерцанію св. Отцевъ, были прообразомъ Преблагословенной Дѣвы, послужившей посредницею въ тайнѣ воплощенія Сына Божія и искупленія нашего. Она есть одушевленный Кивотъ— вмѣстилище Бога Слова; чрезъ Нее невидимый содѣлался для насъ видимымъ, ипостасное Слово Божіе— плоть бысть и вселися въ ны. Она есть драгоцѣннѣйшая стамна, носящая манну плоти и крови Сына Божія, коими питаются и оживотворяются вѣрующіе; чудодѣйственный жезлъ, отъ коего произникъ благоухающій цвѣтъ— Христосъ

Господь;— одушевленный престолъ Вседержителя, предъ коимъ съ благоговѣніемъ предстоятъ Херувимы;— златый свѣщникъ, отъ коего возсіялъ истинный свѣтъ всему міру.

7. Во времена судей Израильскихъ Господь явилъ Гедеону новый образъ неискусомужной Дѣвы— въ рунѣ, на которое низошла роса небесная, когда по всей землѣ была суша. Посредѣ умершаго въ беззаконіяхъ міра, посредѣ неплодствовавшей Церкви Іудейской, Пресвятая Дѣва одна обрѣла благодать у Бога, одна явилась достойною и живоприемною обителію Бога Слова, способною воспріять на себя росу благодати всесвятаго Духа, и взаимодать плоть и кровь Сыну Божію.

8. Наконецъ, во времена плѣненія Вавилонскаго, Господь утѣшая народъ свой многими обѣтованіями о грядущемъ Искупителѣ и временахъ благодатнаго царства Христова, показалъ въ видѣніи Пророку Іезекіилю храмъ и затворенныя врата храма, зрящія на востокъ, съ такимъ изъясненіемъ, что *врата сія заключенна будутъ и не отверзутся, и никтоже пройдетъ ими; яко Господь Богъ Израилевъ пройдетъ ими, и будутъ заключенна* (Іезек. 43, 2). Чудный храмъ, видѣнный Іезекіилемъ, въ которомъ обѣтовалъ вселиться и выну обитать Господь, былъ образомъ новозавѣтной Церкви, благодатнаго царства Христова, въ которомъ выну обитаетъ Господь Іисусъ Христосъ, по своему божественному обѣтованію. Заключенныя врата храма, чрезъ которыя проходитъ одинъ Господь Богъ Израилевъ, суть образъ Приснодѣвственной Матери Божіей, которая и по рождествѣ, равно какъ и въ рождествѣ Еммануилевѣ, пребысть нетлѣнна.

Созерцая сіи образы, *пріидите вѣрніи, едину непорочную восхвалимъ, отъ Пророковъ проповѣданную, и въ храмъ приведенную, прежде вѣкъ пропареченную Матерь, и въ послѣдняя лѣта явльшуюся Богородицу.*

ПРИВѢТСТВІЕ

Его Императорскому Величеству, Благочестивѣйшему Государю ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ (*).

Благочестивѣйшій Государь!

Древняя матерь градовъ Россійскихъ, святая колыбель православной вѣры нашей, срѣтая ТЕБЯ, сорадуется царственной радости ТВОЕЙ о рожденіи соимяннаго ТЕБѢ ВНУКА. Сердце ТВОЕ видитъ въ Немъ благословеніе свыше державнаго потомства ТВОЕГО; а Россія зритъ въ Немъ небесный залогъ упроченнаго на долго благоденствія своего. Рожденіе Его въ Священнѣйшій день Рождества Пресвятыя Богородицы, Заступницы усердной, есть самое счастливѣйшее для Церкви и отечества предзнаменованіе. Благословенъ грядый во имя Господне, ЦАРЮ, благословенный отъ Господа!

(*) Говореное 19 Сент. 1843 года, при встрѣчѣ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА въ Кіево-печерской Лаврѣ, Высокопреосвященнѣйшимъ Филаретомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ.

СЛОВО

НА ОСВЯЩЕНІЕ ХРАМА СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНАГО В. КН. ВЛАДИМІРА ВЪ УНИВЕРСИТЕТѢ СВ. ВЛАДИМІРА (*).

Страшно мѣсто сіе! нѣсть сіе, но домъ Божій, и сія врата небесная.

Быт. 28, 17.

Такъ воскликнулъ патріархъ Іаковъ, послѣ таинственнаго сновидѣнія, въ коемъ явилась ему лѣствица, идущая отъ земли на небо, бывшая только прообразованіемъ благодати новозавѣтной, соединяющей небо съ землею. Что же должны сказать нынѣ мы, сыны благодати новой, когда предъ очами нашими, при посредствѣ молитвъ Святителъскихъ, дѣйствительно сошло небо къ намъ,— мѣсто сіе содѣлалось истиннымъ домомъ Божіимъ и вратами небесными, или паче самимъ небомъ? Скажемъ ли: страшно мѣсто сіе? Воистину страшно, потому что домъ сей исполнился славы Того, предъ кѣмъ трепещутъ херувимы. Но и вожделѣнно, радостно для вѣрующихъ мѣсто сіе: ибо въ немъ Благодать Божія поставила видимо престолъ свой, чтобы изливать на насъ небесные дары свои. Болѣе всѣхъ должны радоваться сему мы, дѣлатели сего училищнаго вертограда. Въ немъ— вертоградѣ, насажденномъ по волѣ Благочестивѣйшаго изъ Царей земныхъ,— самъ Царь небесный благоволилъ насадить благодатный садъ свой; здѣсь, въ училищѣ, ознаменованномъ именемъ св. Владиміра, открыть и храмъ во имя Того же равноапостольнаго просвѣтителя Россіи. Благословимъ убо Господа, *исполняющаго во благихъ желаніе наше, вѣнчающаго насъ милостію и щедротами, благословимъ Господа на всякое время, выну да будетъ хвала Его во устѣхъ* нашихъ. Благодаримъ и Помазанника Его, Всемилостивѣйшаго ГОСУДАРЯ нашего, который не щадитъ ни какихъ сокровищъ для блага нашего.

Но, благодаря Господа и Благочестивѣйшаго Помазанника Его, мы тѣмъ болѣе должны сознавать нашу обязанность пользоваться столь многими и драгоцѣнными благами, для насъ открытыми, пользоваться особенно сею сокровищницею благодати, которая удовлетворяетъ самымъ высокимъ потребностямъ нашего духа. Какимъ же именно потребностямъ удовлетворяетъ она? что представляетъ намъ сей *домъ Божій*, что открываютъ сіи *врата небесная*? О семъ позвольте мнѣ, достопочтенные братія, предложить вамъ краткое слово: ибо я думаю, что въ новомъ храмѣ и первое поученіе должно быть о храмѣ.

Какое первое, самое высшее благо для Христіанина? И здѣсь на земли, и тамъ— на небеси, онъ желаетъ всего болѣе одного— быть всегда съ божественнымъ Спасителемъ своимъ и Господомъ. Господь самъ обѣщалъ это счастіе вѣрующимъ: обѣщалъ быть съ ними до скончанія вѣка (28, 20). Гдѣ же и когда сознаемъ мы благодатную близость Его къ намъ? Скажемъ: вездѣ и всегда?— О если бы такъ! Но это возможно развѣ для тѣхъ ангеловъ во плоти, каковы были древніе великіе пустынножители. Мы еще слишкомъ чувственны, мы живемъ въ мірѣ; а живуще въ мірѣ *и вѣ тѣлѣ*, по слову Апостола, *отходимъ отъ Господа* (2

(*) Говоренное 5 Сент. 1843 г. Профессоромъ богословія въ Университетѣ св. Владиміра, Протоіереемъ Іоанномъ Скворцовымъ.

Кор. 5, 6). Нѣтъ! намъ очень нужны и чувственныя, ощутительнѣйшія знаменія присутствія Господня. И могъ ли Всещедрый и Всеблагій, никогда не прекращающій общенія своего съ вѣрующими, могъ ли Онъ лишить насъ такихъ знаменій? Онъ и не лишилъ; Онъ открылъ ихъ намъ въ каждомъ святомъ храмѣ своемъ. Здѣсь полагаетъ небесный Царь видимо престолъ благодати своей, здѣсь вселяется, здѣсь по временамъ и является очамъ любящимъ Его. Такъ, бр., вселяется Господь и является среди насъ. Онъ рекъ: *аще кто любитъ Мя, слово мое соблюдетъ, и Отецъ мой возлюбитъ его, и къ нему пріидемъ, и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 23). И творитъ обитель свою между нами— обитель не только духовную, но и чувственную, видимую. Здѣсь и является духовно-чувственнымъ образомъ, является въ божественной жертвѣ, приносимой на олтаряхъ нашихъ, и не только является, но и пріискреннѣ соединяется съ существомъ нашимъ.

Такъ святый храмъ удовлетворяетъ самой первой и высшей потребности нашего духа! Самъ Господь самымъ ощутительнымъ образомъ, какой только возможенъ въ настоящемъ состояніи нашемъ, здѣсь присутствуетъ. А чтобы мы всегда живою вѣрою и любовію находили Его во храмѣ, то намъ предложены здѣсь и многія священнѣйшія знаменія благодати и спасенія. Важны и святы были знаменія присутствія Божія въ скиніи ветхозавѣтной— *ковчегъ завѣта, въ немъ же стамна злата имущая манну, и жезлъ Аароновъ прозябшій, и скрижали завѣта* (Евр. 9, 4). Но сколь важнѣе и выше знаменія Господа нашего во храмахъ новозавѣтныхъ! Тамъ ковчегъ завѣта, помазанный св. елеемъ и кровію жертвенною, прообразовательною, а здѣсь— святый престолъ, освященный божественнымъ мѵромъ и истинною жертвою Спасителя; тамъ манна въ златой стамнѣ, а здѣсь само животворящее тѣло Господне, коего манна была только прообразованіемъ; на мѣсто первосвященническаго жезла, чудесно прозябшаго, у насъ жезлъ небеснаго Первосвященника, процвѣтшій спасеніе міру,— св. Крестъ Господень; вмѣсто скрижалей закона, на престолѣ нашемъ Евангеліе Іисуса Христа— зерцало Завѣта новаго. Самыя священныя изображенія въ нашихъ храмахъ несравненно выше и совершеннѣе свящ. изображеній ветхозавѣтныхъ; ибо мы имѣемъ изображенія самаго Бога явившагося во плоти и пресвятой Его Матери— Приснодѣвы, имѣемъ образы и другихъ святыхъ, уже прославленныхъ съ Господомъ на небѣ. Да и какая вещь, употребляемая при богослуженіи въ храмахъ нашихъ, не имѣетъ значенія священнаго, спасительнаго, поучительнаго? Что напримѣръ, простѣе свѣщи, горящей предъ иконою?— Но она напоминаетъ тебѣ, Христіанинъ, свѣтъ Христовъ, она научаетъ и тебя просвѣщать твой свѣтильникъ внутренній— вѣрою и любовію. Что обыкновеннѣе кадильнаго куренія во храмѣ? Но это благовоніе разливающееся въ домѣ, молитвы, образуетъ благодать Господню, распространяющуюся во всемъ мірѣ, и вмѣстѣ возбуждаетъ насъ самихъ приносить Господу духовное кадило— молитвы.

Что сказать о самомъ богослуженіи во храмѣ, исполненномъ столь священныхъ и знаменательныхъ предметовъ? Мы слышимъ здѣсь слово самаго Спаси-

теля нашего— въ Его Евангелія, внимаемъ вѣщаніямъ св. Духа— въ писаніяхъ Апостольскихъ, можемъ созерцать всѣ важнѣйшія обстоятельства жизни Господа нашего— святое рождество Его, явленіе Его міру, страданія, смерть, воскресеніе и вознесеніе на небо. Ибо все это весьма ясно живописуетъ намъ божественная Литургія. Храмъ, въ это время, можно сказать, удовлетворяетъ и той благочестивой ревности Христіанина, по которой желаетъ онъ предстоять и покланяться тѣмъ самымъ святымъ мѣстамъ, на коихъ совершилось спасеніе міра. Такъ мѣсто предложенія, или жертвенникъ, во время литургіи, образуетъ святый вертепъ, въ коемъ благоволилъ родиться Господь нашъ; престолъ тогда есть и трапеза Тайной вечери и живоносный гробъ, содержащій божественное тѣло; а весь олтарь есть не иное что, какъ священная Голгоѳа,— мѣсто страшной, всемірной жертвы. Но ты благочестивый участникъ богослуженія во святомъ храмѣ, желалъ бы и покланяться и молиться Господу свято, съ чувствами древнихъ святыхъ отцевъ и братій нашихъ? Можешь: во храмѣ ты слышишь святыя молитвы, духовныя пѣснопѣнія, иногда и поученія, исполненныя помазаніемъ св. Духа; знай же, что во всемъ этомъ и духъ и слова великихъ святыхъ, что все это оставили намъ они, какъ отцы чадамъ драгоцѣнное наслѣдство. Желаешь ли созерцать Ангеловъ? приникни очами вѣры къ сему престолу; во время совершенія на немъ безкровной, таинственной жертвы, ты узришь Херувимовъ окружающихъ престолъ Владыки Ангеловъ и человѣковъ. Хочешь ли знать, что происходитъ на небѣ? Святый храмъ представляетъ тебѣ и сіе. На небѣ тоже, какъ во храмѣ,— славословія, возношенія молитвъ ко Всевышнему (Апок. 4, 8).

О Господи! удостоимся ли мы нѣкогда стоять тамъ, среди сонма блаженныхъ, и воспѣвать вѣчную славу твою?— не знаемъ. Знаемъ однако, что здѣсь, въ этомъ земномъ небѣ, всѣ мы, грѣшные, допускаемся участвовать въ блаженной дѣятельности святыхъ твоихъ; здѣсь даруешь Ты намъ, о Всеблагій, и то, чего не будетъ въ самомъ небѣ,— во храмѣ благодати даруешь врачебницу душамъ нашимъ, призывая всѣхъ насъ къ покаянію, какого призыванія уже не будетъ тамъ— въ вѣчномъ храмѣ твоемъ!—

Если же столько духовной пользы можетъ пріобрѣсть во храмѣ каждый Христіанинъ, то не болѣе ли можетъ и долженъ собирать въ немъ благъ любитель просвѣщенія, коего главное занятіе въ томъ и состоитъ, чтобъ собирать сокровища для ума и сердца? Уже-ли кто подумаетъ, будто собираясь въ извѣстныя времена во храмъ, мы теряемъ время посвященное наукамъ? Нѣтъ! мы увѣрены, что храмъ есть важнѣйшее училище,— училище Наставника небеснаго, что въ немъ мы можемъ болѣе пріобрѣтать, умножать, возвышать сокровища просвѣщенія. Въ самомъ дѣлѣ, какія познанія нужны для тебя, любитель просвѣщенія? Нужны познанія основательныя, возвышенныя, благоплодныя. Но что возвышеннѣе и благоплоднѣе истинъ вѣры и благочестія, коимъ научаемся преимущественно во храмѣ? И можно ли назвать какія либо знанія основательными, совершенными, когда они не освящаются не исполняются благоговѣніемъ и любовію къ Тому,

въ Неиже суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна? (Кол. 2, 3). Что нужно еще искателямъ мудрости? Имъ нужна неослабная ревность, нужно терпѣніе, ободреніе и успокоеніе труждающагося духа. И это всего скорѣе могутъ пріобрѣсть они въ домѣ Божіемъ. Здѣсь сознающій слабость силъ своихъ укрѣпится молитвою къ Источнику всѣхъ силъ и дарованій; здѣсь медленный въ ученіи, возносясь умъ и сердце къ Богу, почувствуетъ большую легкость и удобоподвижность духа; здѣсь и поспѣшный получитъ пользу, ибо смиреніе его предъ Всесвятымъ и духовное служеніе, управляемое св. Церковію, уравнитъ и вѣрнѣе направитъ къ цѣли стремленія ума его. Возносится ли кто своими познаніями? Онъ смирится здѣсь— предъ высочайшею премудростію ученія Господня и въ виду священныхъ таинствъ, превышающихъ всѣ наши знанія не только своею высотою, но и силою и благотворностію. Будетъ ли кто скучать трудами ученія? И онъ ободрится, когда представитъ здѣсь предъ лице Того, кто благословляетъ всякое благое дѣланіе и всѣхъ труждающихся успокоеваетъ (Матѳ. 11, 28). Не нужно ли еще учащемуся повѣрять себя— не вотще ли течетъ, и какъ далекъ онъ отъ истинной цѣли познаній? И такая повѣрка, такое испытаніе самаго себя наилучшее— во храмѣ. Приходи сюда, люб. братъ, поставь себя предъ лице Всевѣдущаго, предъ священнѣйшими знаменіями благодати Его, и замѣчай, каково тогда твое сердце? Могутъ ли, хотя на нѣсколько минутъ, собираться во едино твои мысли и чувствованія? имѣютъ ли онѣ въ себѣ міръ и согласіе? И по этому суди, какъ много, или какъ мало усовершился духъ твой. Ибо, если онъ и здѣсь, при столь возвышенныхъ предметахъ, не силенъ сосредоточивать вниманія, то какъ многаго еще недостаетъ ему до образованія совершеннаго?

Да будетъ убо, бр., сей святый храмъ любимымъ мѣстомъ собранія для всѣхъ насъ, мѣстомъ соединенія нашего въ духѣ вѣры и любви. Отсюда, отъ лица Бога— Спасителя, Наставника всѣхъ наставниковъ, будемъ износить святый свѣтъ и животворный духъ во всѣ наши науки: ибо только во свѣтѣ Его— вѣчнаго Свѣта духовъ— мы можемъ зрѣть свѣтъ истинный. Избранные сыны отечества, готовящіеся на полезное ему служеніе! приходите чаще сюда, чтобы въ служеніи Богу познать духъ истиннаго служенія Царю и отечеству. Желаете ли вы быть нѣкогда блюстителями суда и правды въ отечествѣ? Научитесь прежде благоговѣть предъ правдою Божіею, предъ лицемъ Судіи всевидящаго! Предназначаете ли себя быть наставниками другихъ? Пріимите здѣсь и сохраните въ сердцахъ вашихъ высшіе уроки Наставника небеснаго. Или, наконецъ, посвящаете себя званію врачей, утѣшителей страждущаго человѣчества? Въ сей врачебницѣ духовной научитесь врачевать немощи душъ вашихъ, и призывать на помощь Утѣшителя божественнаго. Аминь.

Кіевъ Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 21 Сентября, 1843. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 34. НЕДѢЛЯ 26-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. Ноября 28. 1843.

На Утрени: Евангеліе воскресное 4-е, Лук. 24, 1—12.
На Литургіи: Апост. Ефес. 5, 9—19. Еванг. Лук. 12, 16—21.

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО НИЛА ПОДВИЖНИКА, ИЗБРАННЫЯ ПИСЬМА

О постѣ.

1. Дикуріону.

Умъ есть господинъ, а плоть рабыня. И такъ не предавайся чрезмѣрно чревоугодію, дабы рабыня, забывъ свои границы, не содѣлалась тираномъ и не вооружилась на своего господина. Соломонъ, зная безстыдство плоти, сказалъ: *не пользуетъ безумному сладость, и алчебу рабу начнетъ съ досажденіемъ обладати* (Прит. 19, 10). Кн. 1, пис. 160).

2. Маріану Иподіакону.

Зачѣмъ ты утучняешь плоть твою, которая будетъ вскорѣ пищею червямъ? (Кн. 1, пис. 185).

3. Софронію Трибуну.

Если взыгранія плоти и беззаконныя пожеланія мы будемъ поражать бичемъ поста и разсужденіемъ; то чрезъ это заставимъ ихъ смириться. (Кн. 1, пис. 168).

4. Ксантиппу Діакону.

Весьма хорошо ты дѣлаешь, что истребляешь плотскія похоти постомъ, спаніемъ на землѣ, бодрствованіемъ и непрестанною молитвою, и Богу, всегда содѣйствующему намъ, воспишешь побѣду, воспѣвая Ему: *ты владычествуеши державою морскою, возмущеніе же волнъ его ты укрочаеши* (Пс. 88, 10). (Кн. 2, пис. 154).

5. Іуліанѣ дѣвѣ.

Постъ есть самое лучшее зеркало для благоговѣйной и благообразной дѣвы. Она, пріобрѣтая посредствомъ поста безстрастіе, созерцаетъ по возможности Бога (Кн. 1, пис. 161).

6. Иппасію Трибуну.

Должно воздерживаться какъ отъ пищи, такъ и отъ гнѣва, честолюбія, злобы, надмѣнія, скупости, злопамятства, лѣности, пытливости, страха и прочихъ пороковъ (Кн. 2, пис. 28).

7. Викентію отшельнику.

Содержа на строгой и суровой пищѣ тѣло, ты тѣмъ болѣе смиряй сердце свое, уничижая себя самаго, дабы тебѣ не впасть въ тщеславіе, и чрезъ него не пожать вмѣсто хлѣба крапивы, и такимъ образомъ не лишиться плода трудовъ (Кн. 2. пис. 51).

8. Харитону Монаху.

Нѣтъ грѣха въ кратковременномъ принятіи пищи въ уреченное время. Только должно послѣ удовлетворенія

естественной нуждѣ немедленно возвыситься умомъ къ небесамъ, отрѣшая его отъ земныхъ попеченій (Кн. 2. пис. 59).

9. Астерію Чтецу.

Какъ обрѣзаніе беззаконному Іудею вмѣняется въ необрѣзаніе; такъ воздержаніе и постъ вмѣняются въ піянство и пресыщеніе тому, кто постится по примѣру язычниковъ, и хотя, подобно Манихеямъ, удерживается отъ пищи, но хулитъ благія произведенія Божія (Кн. 2, пис. 10).

10. Емуже.

Воздержаніе, совершаемое по правиламъ Христовымъ, есть весьма хорошее и полезное дѣло, а по примѣру язычниковъ и Манихеевъ негодное и вредное.

11. Сильвану.

Если мы хотимъ совершенно попрать демоновъ; то покажемъ совершенное смиреніе, отвергнемся совсѣмъ своей воли: и какъ охотно принимаемъ, по заповѣди предковъ нашихъ, постъ; такъ, когда хорошо умѣющіе судить о дѣлахъ даютъ намъ совѣты касательно пищи, питія и сна, послушаемся ихъ безпрекословно и безъ сомнѣнія. Все это, дѣлаемое изъ послушанія, поражаетъ демоновъ сильнѣе поста. (Кн. 1, пис. 307).

12. Геласію Монаху.

Коварные демоны внушаютъ не только чревоугодіе, но и чрезмѣрные посты; ибо они знаютъ, что прельщенный ими или впадаетъ въ гордость отъ мысли, что онъ совершеннѣе сподвижниковъ своихъ, или такъ разслабѣетъ тѣломъ, что будетъ безполезенъ для себя и для другихъ; и когда болѣзнь отъ времени усилится, то отпадетъ отъ вѣры, предастся отчаянію и начнетъ богохульствовать (Кн. 3, пис. 46).

СЛОВО

въ недѣлю 25-ю по пятьдесятницѣ (*).

Молю васъ азъ узникъ о Господѣ, достойно ходити званія, въ неже звани бысте. Еф. 4, 1.

Такъ пишетъ одинъ изъ богоизбранныхъ Апостоловъ Христіанамъ Ефесской Церкви, умоляя ихъ *достойно ходити званія* своего. Какого это званія? Не дѣлается различенія званій и состояній гражданскихъ, а говорится ко всѣмъ Христіанамъ вообще: слѣдовательно разумѣется званіе Христіанъ; то есть, завѣщеваетъ здѣсь Апостолъ Ефесскимъ Христіанамъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ намъ, братіе — Христіане, не всуе носитъ на себѣ имя Христіанъ, но жить по Христіански, такъ, какъ требуетъ сіе священное званіе. И отъ кого исходитъ такое завѣщаніе? Кто умоляетъ Христіанъ жить по Христіански? Не питія какой либо велерѣчивый, возбуждающій иногда другихъ къ тому, къ чему самъ и перстомъ своимъ не касался: но тотъ, кто во всю жизнь свою *подвигомъ добрымъ подвизался* на поприщѣ Христіанской дѣятельности, и *вѣру* Христову *соблюлъ* во всей чистотѣ и истинѣ. Молитъ объ этомъ *узникъ о Господѣ*, вопіетъ изъ темницы, заключенный въ нее и отягченный узами за дѣло Христіанское; взываетъ къ чадамъ своимъ, порожден-

(*) Говоренное Преосвящ. Елпидифоромъ, Епископомъ Острогожскимъ, Викаріемъ Воронежскимъ.

нымъ отъ него водою и Духомъ, нѣжнѣйшій отецъ, готовящійся изъ темницы предстать предъ лице праведнаго Судіи вселенной, и желающій на предсмертномъ одрѣ своемъ имѣть утѣшеніе въ надеждѣ, что и чада его по духу предстанутъ нѣкогда неосужденно вмѣстѣ съ нимъ предъ судище Христово, и онъ можетъ тогда сказать: *се азъ и дѣти, яже ми далъ есть Богъ* (Евр. 2, 13). Можно ли не внимать этому моленію, въ которомъ нѣтъ уже никакой лести и обмана, которое происходитъ изъ глубины души, проникнутой величіемъ званія Христіанскаго и пламеннѣйшимъ желаніемъ— всѣхъ причастниковъ сего званія содѣлать общниками тѣхъ высокихъ даровъ и благъ, какія соединяются съ симъ званіемъ?

Поистинѣ, нѣтъ званія на земли выше и дороже для насъ, какъ званіе Христіанина: и потому на всѣхъ насъ лежитъ священнѣйшая обязанность жить достойно сего званія.

Сколько у насъ существуетъ различныхъ мірскихъ званій по роду и мѣсту рожденія, по воспитанію и образованію, по состояніямъ и занятіямъ въ частной и общественной жизни! Одними изъ сихъ званій мы гордимся, другихъ отвращаемся, одни перемѣнить желаемъ, другихъ ищемъ и домогаемся. Но что значатъ, и къ чему служатъ всѣ эти мірскія званія? Топъ— вельможа именитаго рода, сей— простый гражданинъ; одинъ— риторъ или философъ, другой— законодатель или законовѣдецъ; иной— правитель или судія, богатъ или отличенъ особенными почестями и чинами: но на долго ли всѣ эти званія и отличія? Умремъ— и гробовая доска всѣхъ сравняетъ; подъ нею не различище господина отъ раба, богатаго отъ бѣднаго, ученаго отъ невѣжды. И, доколѣ живемъ еще на землѣ, всѣ эти имена и званія придаютъ ли намъ что существенное, и увеличиваютъ ли наше достоинство? Потому ли цѣнятся люди, что носятъ на себѣ то или другое званіе мірское? Напротивъ, чѣмъ возвышается человѣкъ, чѣмъ украшаются всѣ званія? Не лучшая ли похвала для каждаго, когда говорятъ: этотъ судія, этотъ правитель, этотъ господинъ— добрый Христіанинъ? И такъ, и на землѣ лучшее званіе— званіе Христіанина. А тамъ, когда окончится земное наше странствованіе, *земля же* самая *и яже на ней дѣла сгорятъ* (2 Петр. 3, 10.), когда мы должны будемъ вступить на новую землю и подъ новое небо,— тамъ по какимъ званіямъ будутъ принимать и размѣщать насъ? Тѣ, кои здѣсь, по своему мірскому званію, имѣютъ первенство и преимущество предъ другими, будутъ ли по этому первые введены и въ царство небесное? Нѣтъ, братіе; тамъ рабъ и свободь, богатъ и убогъ— предстанутъ вмѣстѣ въ равномъ достоинствѣ: *нѣсть бо иного имене подъ небесемъ даннаго въ человѣцѣхъ, о немъ же подобаетъ спастися намъ* (Дѣя. 4, 12.), токмо о имени Іисусъ— Христовѣ. Только знаменанные именемъ Христіанъ, кои подвигомъ добрымъ подвизались въ семъ званіи своемъ и свято соблюли вѣру Христову, будутъ тамъ прославлены и введены въ наслѣдіе живота вѣчнаго. Богатый и убогій, благородный и худородный, властелинъ и подчиненный, судія, воинъ или земледѣлецъ, не потому, что то или другое изъ сихъ званій носилъ кто здѣсь на себѣ, но потому, пребыли ли истинными Христіанами, по Христіански ли

проходили оныя свои званія, будутъ удостоены *почести вышняго званія Божія* (Фил. 3, 14). И такъ всѣ, кто желаетъ удостоиться сей почести вышняго званія Божія и войти въ наслѣдіе живота вѣчнаго,— всѣ мы, братіе, благодатію Божіею призванные къ этой почести и наслѣдію, званіе Христіанина не должны ли цѣнить выше всѣхъ другихъ званій мірскихъ? Не должны ли посему дорожить имъ, и всемѣрно стараться, чтобы не уничижить его своимъ поведеніемъ? Не должны ли жить такъ, какъ требуетъ Христіанство, какъ заповѣдано въ Евангеліи Господа нашего Іисуса Христа?

Желая пользоваться выгодами, какія соединены бываютъ съ тѣмъ или другимъ званіемъ мірскимъ, въ которое мы облечены бываемъ, и боясь лишиться сего званія за недостойное прохожденіе его,— чего мы не дѣлаемъ для удержанія его за собою и для поддержанія его чести? Не жалѣемъ для этого трудовъ своихъ, жертвуемъ всѣми силами своими; стараемся короче ознакомиться со всѣми обязанностями и занятіями, требуемыми нашимъ званіемъ, дабы съ большею точностію выполнять ихъ; и, если дѣлаемъ иногда что нибудь не сообразное съ онымъ, то стараемся исправить или прикрыть это какою либо благовидностію. Такъ мы дорожимъ мірскими своими званіями; столько оказываемъ ревности и тщательности, чтобъ быть, или, покрайней мѣрѣ, казаться достойными своего званія. А званіе Христіанина— выше и почтеннѣе всѣхъ другихъ званій: ужели же мы будемъ менѣе дорожить имъ? Всѣ другія званія суть человѣческія, отъ человѣковъ и для человѣковъ только существуютъ и имѣютъ нѣкоторую свою важность: но званіе Христіанина есть Божественное; имъ самъ Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ чрезъ Духа Святаго знаменаетъ насъ. Мы боимся посрамить дѣло рукъ человѣческихъ, оскорбить и осквернить отличительныя знаменія, полагаемыя на насъ подобными намъ смертными: а не страшимся сокрушить на себѣ печать Духа Святаго, разорить въ себѣ дѣло всеблагой десницы божественной! Помышляемъ ли мы, кому измѣняемъ, кого оскорбляемъ, когда ходимъ недостойно своего званія Христіанскаго? Не человѣкамъ измѣняемъ, а самому Богу, кровію Сына своего единороднаго, по благодати своей, *призвавшему* насъ *въ чудный свой свѣтъ* (1 Пет. 2, 9.); тотъ *Сына Божія попираетъ, кровь завѣтную скверну мнитъ, ею же освятися, и Духа благодати укоряетъ* (Евр. 10, 29.), кто посрамляетъ въ себѣ званіе Христіанина. Думаемъ ли мы, что, за это попраніе и скверненіе Святыни божественной, избѣжимъ праведнаго гнѣва,— не человѣческаго, а божественнаго? Нѣтъ, возлюбленные; не льститеся: *Богъ поругаемъ не бываетъ* (Гал. 6, 6.); Онъ *пріидетъ и не укоснитъ* праведнымъ судомъ своимъ на тѣхъ, кои посрамляютъ званіе и *съ небреженіемъ творятъ дѣло его* (Іер. 48, 10). *Праведный* только *отъ вѣры живъ будетъ:* а *аще обинется*, если не соблюдетъ въ себѣ залога Духа Святаго, не будетъ ходить достойно званія своего,— жить такъ, какъ требуетъ вѣра Христова, то *не благоволитъ о немъ душа* Божія. Коликоже *страшно есть еже впасти въ руцѣ* разгнѣваннаго *Бога живаго* (Евр. 10, 37, 38, 31.)! Тогда не только лишимся наслѣдія живота вѣчнаго, на которое предостав-

лено намъ право по званію Христіанъ; но и подвергнемся мученіямъ вѣчнымъ въ неизходныхъ темницахъ адовыхъ.

Кому убо *страшно чаяніе суда Божія и огня ревность, поясти хотящаго сопротивныя;* кто не хочетъ *быть въ числѣ колеблющихся себѣ на погибель,* но желаетъ соблюсти *вѣру въ снабдѣніе души своей* (Евр. 10, 27, 39.): тотъ не нарицайся только, но и на самомъ дѣлѣ будь Христіаниномъ; живи такъ, какъ требуетъ вѣра, какъ училъ и заповѣдалъ Іисусъ Христосъ въ Евангеліи своемъ. Не думай никто, въ нарушеніи обязанностей званія Христіанскаго, извинится или оправдится тѣмъ, что онѣ слишкомъ многосложны и трудны. Господь нашъ Іисусъ Христосъ лучше насъ знаетъ естества нашего немощь; и потому не возложилъ Онъ на насъ того, чего мы понести не можемъ. *Иго* Евангелія *благо и бремя* заповѣдей его *легко есть:* оно кажется неудобь носимымъ только для тѣхъ, кто не хочетъ прикасаться къ нему; а тѣ, кои подъяли его на рамена свои, и хотѣли не ослабно нести его,— тѣ, при благодатной помощи Божіей, не изнемогли подъ тяжестію его, и непостыдно скончали теченіе свое, препобѣдивши всѣ препятствія и затрудненія. Ибо *вся намъ божественныя силы, яже къ животу и благочестію, подаются* самимъ же Христомъ Спасителемъ нашимъ, сподобившимъ насъ званія своего, *да сихъ ради будемъ божественнаго причастницы естества, отбѣгше, яже въ мірѣ, похотныя тли* (2 Петр. 1, 3, 4). Имѣйте только искреннее и постоянное желаніе быть вѣрными своему священному званію, и прилагайте къ исполненію заповѣдей Евангельскихъ хотя столько же тщательности и усилія, сколько употребляете оныхъ на поддержаніе чести мірскихъ своихъ званій: будьте тогда надежны, что не останетесь посрамленными, что усилія ваши принесутъ вожделѣнный плодъ правды во святыню; чего не можете вы сами, то совершитъ въ немощи вашей всесильная благодать Господня: *необидливъ бо Богъ, забыти дѣла вашего и труда любве, юже показасте во имя* Его (Евр. 6, 10).

Да внимаемъ убо, братіе, моленію Апостола, да тщимся всегда *достойно ходити званія* своего Христіанскаго. Апостолъ, умоляя о семъ, тутъ же разкрываетъ, въ чемъ частнѣе состоитъ это хожденіе. *Молю,* говоритъ онъ, *достойно ходити званія, въ неже звани бысте, со всякимъ смиреномудріемъ и кротостію, съ долготерпѣніемъ, терпяще другъ друга любовію, тщащеся блюсти единеніе духа въ союзѣ мира* (Еф. 4, 1—3). Смиренномудріе и кротость, долготерпѣніе, взаимная искренняя и дѣятельная другъ къ другу любовь, по которой бы мы другъ другу вспомоществовали во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ, прощая всѣ слабости и погрѣшности, и имѣли всѣ какъ бы одинъ духъ, одно сердце, для единомысленнаго и единочестнаго благоугожденія Господу Богу, который *единъ* есть, *иже надъ всѣми и чрезъ всѣхъ и во всѣхъ насъ* (Еф. 4, 6.). Вотъ добродѣтели, которыми преимущественно должны мы украшаться, если желаемъ не всуе только носить на себѣ имя Христіанъ, но и сподобиться тѣхъ благъ, которыя уготованы истинно вѣрующимъ во имя Христово. Аминь.

Многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе.

Дѣян. 14, 22.

Почему скорбми, а не радостями? Потому, что небесныя блага безцѣнны; надобно пріобрѣтать ихъ цѣною тяжкихъ трудовъ, которые не бываютъ безъ утомленія, не обходятся безъ болѣзней; что награды въ жизни вѣчной высоки и неизъяснимы,— надобно заслуживать ихъ многими подвигами, которые не бываютъ безъ самоотверженія и скорбей. Потому еще, что грѣховная болѣзнь души нашей упорна и застарѣла,— надобно лѣчить ее горькими врачествами, сильными средствами, болѣзненными операціями; что корни зла глубоко въ нашемъ сердцѣ,— нельзя исторгнуть ихъ безъ особенныхъ усилій, безъ тяжкой боли. Потому далѣе, что на пути къ царствію Божію насъ встрѣчаетъ много препятствій, кои должно поборать съ усиліемъ; много сильныхъ и жестокихъ враговъ, съ коими должно сражаться до крови; много соблазновъ и искушеній, коихъ не льзя избѣжать безъ самоотверженія и нѣкоего насилія себѣ. Потому наконецъ, что въ лицѣ падшаго праотца мы всѣ осуждены древле на труды и болѣзни, на скорби и бѣдствія. Засѣявъ сами землю терніями, можемъ ли не уязвляться ими? Призвавъ сами всѣ бѣдствія въ міръ Божій, можемъ ли избѣжать ихъ? Истесавъ сами себѣ крестъ изъ древа преслушанія, можемъ ли не нести его? Привлекши сами проклятіе неба, можемъ ли уклониться отъ его тяжести?— Самъ Господь, благоволившій пожить во плоти между человѣками и дать въ себѣ образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его,— не путемъ радостей, а путемъ скорбей и болѣзней благоволилъ внити въ славу свою, которую имѣлъ у Отца прежде сложенія міра. Онъ и алкалъ и жаждалъ, терпѣлъ поношенія и гоненія, лишенія и скорби, ведомъ былъ предъ судилища неправедныя, подъялъ страшныя муки и крестную смерть. Не путемъ нѣги и роскоши, радостей и веселія, а путемъ лишеній, скорбей и страданій восходили во слѣдъ Его св. Пророки и Апостолы, Мученики и Подвижники. Одни изъ нихъ *избіени быша, друзіи же поруганіемъ и ранами искушеніе пріяша, еще же и узами и темницею. Каменіемъ побіени быша, претрени быша, искушени быша, убійствомъ меча умроша: проидоша въ милотехъ и козіихъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени: ихъ же не бѣ достоинъ весь міръ, въ пустыняхъ скитающеся, и въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропастехъ земныхъ* (Евр. 11, 35—38). Такова богоначертанная Исторія земной жизни святыхъ Божіихъ. О, многими скорбми вошли они въ царствіе Божіе! Другаго пути къ царствію Божію нѣтъ и для насъ. *Аще кто хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ; а иже не пріиметъ креста своего, и въ слѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ,* говоритъ Тотъ, который есть путь и истина, и животъ.

А міръ? развѣ даромъ, и безъ труда раздаетъ онъ свои блага?— не требуетъ жертвъ— иногда драгоцѣннѣйшихъ— отъ своихъ поклонниковъ?— не возлагаетъ крестовъ— иногда тягчайшихъ— на своихъ любимцевъ? Мало ли трудится сребролюбецъ для пріобрѣтенія сокровищъ?— И что же? Едва успѣетъ перевести утомленный духъ, чтобъ ска-

зать душѣ своей: *душе, имаши многа блага, лежаща на лѣта многа, яждь, пій, и веселися*,— какъ грозный гласъ: *въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе*— уже раздается въ ушахъ его. Мало ли приноситъ жертвъ, напрягаетъ усилій честолюбецъ, чтобъ уловить обольстительный призракъ славы? И для чего же? Чтобъ на нѣсколько часовъ, можетъ быть— лѣтъ, постоять впереди другихъ, а потомъ сравняться со всѣми въ земной персти; чтобъ вознестись на время выше другихъ, а потомъ на вѣки низринуться въ бездну ада. Чѣмъ не жертвуетъ сластолюбецъ для насыщенія ненасытныхъ вожделеній плоти?— и честью и совѣстью, и богатствомъ и здоровьемъ, и выгодами и покоемъ. Для чего? Для минутныхъ радостей, за которыми слѣдуютъ горькія и вѣчныя слезы; для мнимыхъ удовольствій, которыми не столько услаждается, сколько отравляется жизнь человѣка, и подъ цвѣтами которыхъ скрываются острые терны. Таковъ путь мірской жизни, который сначала кажется гладкимъ и пріятнымъ; но послѣдняя его зрятъ прямо во дно адово. Ибо что, какъ не адъ, срѣтаетъ по смерти того, кто во всю жизнь свою не возносился мыслію къ небу, не искалъ пути къ царствію Божію, а слѣдуя похотямъ развращеннаго сердца и творя волю діавола, произвольно предался во власть его?

Не таковъ тѣсный и прискорбный путь Господень; *зане якоже избытчествуютъ страданія Христова въ насъ, тако Христомъ избытчествуетъ и утѣшеніе наше* (2 Кор. 1, 5). Каждый подвигъ благочестія проливаетъ въ сердцѣ неизъяснимое утѣшеніе, которое изглаждаетъ всякую скорбь; каждая побѣда надъ грѣхомъ сопровождается благодатнымъ миромъ въ душѣ, который изглаждаетъ самое воспоминаніе труда; каждый подвигъ самоотверженія приноситъ такую радость духу, съ которою не сравняются всѣ радости міра. *Многи скорби праведнымъ, и отъ всѣхъ ихъ избавитъ я Господь*: избавитъ потому, что сіи скорби подъемлются для Него и по волѣ Его; потому что Онъ одинъ есть Отецъ щедротъ и Богъ всякія утѣхи. Чтожъ сказать о той радости, съ которою праведникъ возлегаетъ на одръ смертный, когда вся жизнь представляется ему только краткимъ сномъ, въ которомъ являлись призраки, устрашали сновѣдѣнія, но отъ котораго осталось одно утѣшительное сознаніе своей правоты и невинности, одно сладостное упованіе вѣчной жизни; когда онъ можетъ сказать съ Апостоломъ: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ, прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, егоже воздастъ ми Господь въ день онъ праведный Судія* (2 Тим. 4, 7. 8.)? Что сказать о той неизреченной радости праведныхъ когда Судія вселенной речетъ къ нимъ предъ соборомъ Ангеловъ и человѣковъ, предъ лицемъ неба и земли: *пріидите благословенніи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра?* Кто изъяснитъ то блаженство и тѣ блага, *ихже око не видѣ и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его?*

Имуще убо таково упованіе, многимъ дерзновеніемъ дѣйствуемъ. Во всемъ скорбяще, но не стужающе си: нечаеми но не отчаеваемій: гоними но не оставляеми: низлагаеми, но не погибающе: всегда мертвость Господа Іисуса въ тѣлѣ носяще,

да и животъ Іисусовъ въ тѣлѣ нашемъ явится. Тѣмъ же не стужаемъ си: но аще и внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни. Еже бо нынѣ легкое печали нашея по преумноженію въ преспѣяніе тяготу вѣчныя славы содѣловаетъ намъ: не смотряющимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ; видимая бо временна, невидимая же вѣчна (2 Кор. 3, 12. 4, 8. 9. 10. 16—18).

Не вѣсте ли, яко малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ? 1 Кор. 5, 6.

Сими иносказательными словами Апостолъ Павелъ убѣждалъ Коринѳянъ удалить отъ себя появившагося между ими величайшаго беззаконника, а съ тѣмъ вмѣстѣ побуждаетъ и насъ предосмотрительно беречь себя отъ внѣшнихъ соблазновъ, кои столь часто располагаютъ къ порокамъ. Развѣ не знаете вы,— какъ бы такъ говоритъ онъ,— что примѣръ одного грѣшника, если не исправятъ или не удалятъ его, можетъ распространиться и подѣйствовать на всѣхъ? Ибо ненаказанный грѣхъ его послужитъ для другихъ претыкновеніемъ, и гнѣвъ Божій за его беззаконіе постигнетъ всѣхъ васъ. Или не извѣстно вамъ, что маловажный, по видимому, порокъ одной части проникаетъ и повреждаетъ все цѣлое, и что самыя благонамѣренныя общества теряютъ доброе имя, если даютъ мѣсто и терпятъ среди себя людей порочныхъ? *Не вѣсте ли, яко малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ?* Внимая сему убѣжденію Апостола, должны мы чуждаться всякаго безчинно ходящаго и избѣгать сообщества людей развратныхъ: *аще нѣкій братъ именуемъ будетъ блудникъ, или лихоимецъ, или идолослужитель, или досадитель, или піяница, или хищникъ, съ таковымъ ниже ясти* (1 Кор. 5, 11). Что можетъ доставить намъ обращеніе съ такими людьми, кромѣ пороковъ ихъ и всегдашняго разсѣянія, которое, препятствуя успѣхамъ въ дѣлахъ мірскихъ, тѣмъ болѣе вредитъ преспѣянію въ дѣлѣ благочестія? Ибо тотъ неспособенъ ни къ чему полезному и доброму, у кого *очи*, по выраженію премудраго, всегда блуждаютъ *на концахъ земли* (Притч. 17, 24).— Что производятъ внѣшніе соблазны и пороки другихъ въ цѣломъ обществѣ, то же самое производитъ собственный грѣхъ въ душѣ каждаго. Хотя бы онъ въ началѣ казался маловажнымъ; но если отъ небреженія нашего вкореняется глубоко, то повреждаетъ и заражаетъ *все смѣшеніе*, всѣ силы душевныя. Когда грѣшникъ, продолжая свои беззаконія, не старается благовременно освободиться отъ нихъ; тогда онѣ обращаются какъ бы въ навыкъ, и отъ того гораздо труднѣе, или и совсѣмъ не возможно бываетъ искоренить ихъ. Посему-то державный Пророкъ ублажаетъ тѣхъ, которые, хотя и совращаются на путь беззаконія, но не останавливаются, или не коснѣютъ на немъ. *Блаженъ мужъ, иже—на пути грѣшныхъ не ста, и на сѣдалищи губителей не сѣде* (Псал. 1, 1).—

Кіевъ Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 24 Сентября, 1843. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 35. НЕДѢЛЯ 27-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. Декабря 5. 1843.

На Утрени: Евангеліе воскресное 5-е, Лук. 24, 12—35.
На Литургіи: Апост. Колос. 3, 4—11. Еванг. Лук. 14, 16—24.

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО НИЛА ПОДВИЖНИКА,

ИЗБРАННЫЯ ПИСЬМА

О воскресеніи мертвыхъ.

1. Аѳонію Самарянину.

Содержаніе письма твоего слѣдующее.. „Еслибы зерно, посѣянное въ землю, не согнивало, то можно бы было надѣяться, что человѣческое тѣло воскреснетъ. Если же зерно да и всякое сѣмя, преданное землѣ, согниваетъ, и тѣло человѣческое обращается въ прахъ и персть: то какъ ты обѣщаешь воскресеніе тѣлъ?“ Я на сіе отвѣчаю такъ: прочитай начало книги бытія: и взялъ Богъ персть отъ земли и создалъ человѣка (27). Какое же различіе между перстію отъ земли, и прахомъ и пылью? Посему, какъ въ началѣ тѣло устроено изъ праха земнаго, и когда Богъ вдунулъ въ него, сталъ человѣкъ въ душу живу: такъ и при концѣ настоящаго вѣка изъ праха же и персти, по повелѣнію и силѣ Божіей, востанутъ тѣла человѣческія, соединятся съ своими душами и станутъ на ногахъ своихъ во славу и хвалу чудодѣйствующаго Творца всяческихъ (Кн. 1, пис. 199).

2. Емуже.

Ты пишешь: „если я смелю хлѣбное зерно и обращу его въ муку; то хотя тысячу разъ будешь сѣять въ землѣ, оно не оживетъ, не востанетъ, не дастъ ростка и не принесетъ плода: такъ и тѣло, обратившись въ пыль и пепелъ, не можетъ ни какъ возстать и ожить.“ Я и теперь съ кротостію повторяю прежде писанное къ тебѣ: какъ въ началѣ человѣкъ силою и вѣдѣніемъ премудраго и всемогущаго Господа созданъ изъ праха; такъ и при концѣ настоящаго вѣка востанетъ изъ праха сотлѣвшее тѣло, воскреснетъ человѣкъ, получитъ жизнь и душу, свергнетъ прежнюю тлѣнность и облечется въ божественное нетлѣніе (Кн. 1, пис. 111).

3. Емуже.

Ты говоришь, что прахъ тѣлъ человѣческихъ разносится и развѣвается вѣтрами во всѣ стороны, и что̀ожъ будетъ наконецъ? Но размысли: изъ чего устроена земля, откуда произошли огонь и воздухъ и вода? Ты конечно не согласишься съ глупыми мнѣніями язычниковъ, отвергнешь бредни лжефилософовъ и скажешь въ отвѣтъ, что сіи стихіи изъ небытія въ бытіе воззваны Богомъ. И я тебѣ го-

ворю, что какъ все приведено въ бытіе изъ небытія единымъ мановеніемъ божественнаго хотѣнія, такъ изъ того праха, который ты почитаешь погибающимъ, воспануть тѣла человѣческія (1 Кн. пис. 112).

4. Емуже.

Извѣстно, что всемогущій Богъ преобразилъ изсохшій и голый жезлъ Моисеевъ въ животное одушевленное и пресмыкающееся, ибо онъ, бывъ поверженъ, *бысть змій и отбѣже отъ него Моисей* (Исх. 4, 3.); извѣстно, что и Аароновъ жезлъ, также сухой, прозябъ и израстилъ вѣтвь и орѣхи въ одну ночь, безъ пособія земли, корней и дождя, только по единой волѣ Божіей. Ибо для всемогущаго Бога все возможно, и все возможное— Онъ силенъ произвесть. Богъ же въ мгновеніе ока воскреситъ въ свое время тѣла человѣческія въ такой славѣ, что Божественною свѣтлостію они будутъ превосходить сіяніе бездушнаго солнца. Да убѣдитъ тебя въ этомъ вѣрный слуга Божій Моисей, удостоившійся просвѣтлѣнія на Синаѣ, во свидѣтельство благодати имѣющей дароваться свыше людямъ (Кн. 1, пис. 115).

5. Емуже.

Ты спрашиваешь меня, какъ возможно, чтобы тлѣнное тѣло востало нетлѣннымъ? Спрошу и я тебя, какъ истлѣваемая манна, бывъ заключена Моисеемъ въ золотой сткамнѣ, пребыла нетлѣнною? Безъ сомнѣнія, по волѣ и власти Божіей! По Его волѣ и Енохъ, смертный по естеству, преложенъ и доселѣ сохраняется безсмертнымъ (Кн. 1, п. 173).

6. Θеонѣ начальнику общественному.

Безутѣшная печаль, плачъ и постъ, по случаю смерти родственника, суть доказательство невѣрія и безнадежности. Кто вѣритъ, что нынѣ погребенный востанетъ изъ мертвыхъ; тотъ укрѣпится надеждою, будетъ благодарить Бога, благодушествовать, а не плакать, молиться, чтобы усопшій удостоенъ былъ вѣчной милости и постарается объ искорененіи своихъ пороковъ (Кн. 1, п. 311).

7. Θеодору Монаху.

Благоугожду предъ Господемъ въ странѣ живыхъ, сказалъ Давидъ (Пс. 114, 8.), разумѣя подъ страною живыхъ будущій вѣкъ. Дѣйствительно будущій вѣкъ есть страна живыхъ и непрестанно радующихся; потому что настоящая жизнь человѣческая наполнена многихъ смертей, и подвержена измѣненію не только въ возрастахъ, но и въ душѣ по причинѣ грѣховъ; но тамъ не измѣняется ни душа, ни мысль, ни умъ, ибо нѣтъ предметовъ, кои бы измѣнили постоянство и миръ мыслей (Кн. 2, пис. 76).

8. Кириаку Монаху.

Сказано, что Господь Іисусъ *преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы Его* (Фил. 3, 2). Въ настоящей жизни тѣло человѣческое подвержено уничиженію и безславію отъ нападенія демоновъ; отъ немощей душевныхъ, отъ собственныхъ своихъ пороковъ, отъ рабства грѣху, а когда умретъ, то, какъ ничтожная вещь, влечется по землѣ, и погребается въ великомъ уничиженіи, ибо сѣется не въ честь, востаетъ же въ славѣ. Во время всеобщаго

воскресенія мертвыхъ оно стрясетъ тлѣніе и уничиженіе, востанетъ украшенное славою и великолѣпіемъ Христовымъ, и болѣе уже не будетъ подвержено грѣху и тлѣнію, не будетъ уничижаемо смертностію, суетою и бѣдствіями, но будетъ вѣчно безсмертно, подобно дарующему безсмертіе (Кн. 2, пис. 78).

9. Емуже.

Если на основаніи словъ Апостола: *живу не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ*, еще находясь въ тѣлѣ можно быть со Христомъ; то тѣмъ болѣе по разрѣшеніи отъ тѣла, на основаніи словъ того же Апостола: *желаю разрѣшитися и со Христомъ быти*. Поелику разумная душа, какъ дыханіе Божіе и чудное твореніе, желаетъ умственныхъ предметовъ; то бывъ обременяема тѣломъ смертнымъ, она естественно желаетъ разрѣшиться отъ смертнаго, дабы, улучивъ безсмертіе, быть съ Господомъ въ мирѣ, безъ печали и безъ заботы. Разрѣшившись отъ нынѣшняго тѣла въ воскресеніи оно получитъ тѣло безсмертное, нетлѣнное, оживленное Духомъ святымъ, и за тѣмъ вѣчно будетъ наслаждаться ненарушимою радостію, блаженствомъ и безсмертностію; ибо ты долженъ обладать чистымъ или божественнымъ естествомъ, и находиться въ состояніи нестарѣющемъ, чуждомъ печали и заботъ (Кн. 2, п. 58).

10. Домицiану.

Если Господь всяческихъ и Богъ Христосъ, истинно умершій, не воскресъ подлинно изъ мертвыхъ; то тщетна вѣра наша и напрасно мы вкушаемъ тѣло Его и пьемъ кровь въ собственное очищеніе, для возвѣщенія не только смерти и погребенія Христова, но и воскресенія, славы и непрестающаго царства Его (Кн. 2, пис. 233).

11. Силвану Пресвитеру.

Если, по обѣщанію Христову, мы ожидаемъ новыхъ небесъ и новой земли, на коихъ живетъ неизмѣнная въ безконечные вѣки правда, и если намъ, когда мы освободимся изъ рукъ враговъ, дана будетъ возможность служить Богу безъ страха въ непрестанной святости, правдѣ и неизглаголанной радости и славѣ; то какъ ты учишь, что тамъ будетъ страхъ человѣческій и страхъ демоновъ, будетъ измѣненіе, паденіе, грѣхъ и проч.? (Кн. 2, пис. 347).

12. Ипестіону Епископу

Если Авраамъ положилъ принесть Богу въ жертву сына своего; то для чего онъ говоритъ рабамъ: *сядите здѣ со ослятемъ; азъ же и дѣтищѣ пойдемъ до ондѣ и поклонившеся возвратимся къ вамъ* (Быт. 22, 5)? Онъ вѣрилъ, что Богъ воскреситъ его и послѣ закланія, и возвратитъ его заклавшему живымъ. Будемъ же вѣрить, что и мы востанемъ въ состояніе, чуждое страстей, вмѣсто настоящаго страстнаго (Кн. 3, пис. 20).

СЛОВО

въ день Святителя Христова, Николая чудотворца, и тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя Императора НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Въ памяти вѣчную будетъ праведникъ.

Такую награду обѣщаетъ Слово Божіе мужамъ праведнымъ еще до буду-

щаго воздаянія. На землѣ и не можетъ быть иной награды. На небѣ, предъ престоломъ Божіимъ есть награды высшія и лучшія; а на землѣ вся награда мужей великихъ состоитъ въ благодарномъ воспоминаніи имени ихъ въ роды родовъ: *въ память вѣчную будетъ праведникъ*.

Чтоже, мала ли и эта награда? Не мала уже потому, что ее обѣщаетъ самъ Богъ. И каждый изъ насъ, безъ сомнѣнія, ничего болѣе не желалъ бы на земли, какъ чтобы имя его перешло въ потомство со славою, было предметомъ благоговѣйнаго уваженія и благодарныхъ воспоминаній. Такое желаніе само по себѣ естественно, а потому и не предосудительно. Человѣкъ и созданъ для славы— вѣчной; Христіанинъ и предназначенъ къ славѣ чадъ Божіихъ; и безславіе— по суду Божію и человѣческому— есть порокъ. Отъ чегоже не многіе достигаютъ того, что всѣмъ естественно, и чего ищутъ всѣ съ такимъ усердіемъ? Отъ чего весьма не многія имена окружены прочною, постоянною славою? Отвѣтъ простой: видно, ищутъ славы не тамъ гдѣ должно и не такъ, какъ бы должно.

Предъ нами теперь два славныя имени: Святителя Христова Николая, Пастыря Мурликійскаго, и Благочестивѣйшаго Государя НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, ИМПЕРАТОРА Всероссійскаго.— Никто, безъ сомнѣнія, не пожелалъ бы славы болѣе и лучше той, которою украшены великія имена сіи: потому небудетъ не умѣстно нѣсколько мыслей о пути къ истинной славѣ, которымъ прошелъ въ славу свою Святитель Христовъ Николай, и которымъ шествуетъ во слѣдъ ему Августѣйшій Соименникъ его.

Въ чемъ состоитъ истинная, прочная и постоянная слава? Безъ сомнѣнія, не въ молвѣ народной, которая, какъ волна морская, скоро воздымается, и еще скорѣе упадаетъ и исчезаетъ. Не состоитъ и въ однихъ похвалахъ скудныхъ бытописаній человѣческихъ, которыя, какъ слѣдствіе суда человѣческаго, большею частію ошибочнаго и невѣрнаго, сами въ себѣ не имѣютъ твердаго основанія, и потому скоро умолкаютъ подобно отдаленному эху. Нелицепріятенъ, вѣченъ и непреложенъ только судъ Божій: потому истинно славенъ только тотъ, кого прославляетъ Самъ Богъ. Вѣчна и неизгладима токмо книга живота вѣчнаго: потому имя, написанное въ сей книгѣ, не изгладится никогда. Полное откровеніе сего суда Божія и полное прославленіе вписанныхъ въ книгѣ живота вѣчнаго будетъ въ послѣдній день міра, когда Судія живыхъ и мертвыхъ обнаружитъ въ настоящемъ видѣ не только всѣ дѣянія человѣческія, но и всѣ помышленія сердечныя, когда праведницы просвѣтятся яко солнце во царствіи Отца ихъ. Но нѣкое какъ бы предвѣстіе сей славы Господь благоволитъ являть и нынѣ, въ наставленіе и утѣшеніе наше, на избранныхъ своихъ. Оно состоитъ— въ благословеніи Божіемъ, видимо почивающемъ на избранникѣ Божіемъ и дѣлахъ его; въ силѣ Божіей, являющейся въ самыхъ немощахъ человѣческихъ; въ совершенствахъ Отца небеснаго, открывающихся въ жизни и дѣяніяхъ мужей богоподобныхъ, которыя видя не льзя не прославлять Бога, дивнаго во Святыхъ своихъ. Сія-то слава, которая бываетъ примѣчаема внимательными и при жизни мужей избранныхъ, но ко-

торая съ большею ясностію открывается по смерти ихъ, какъ предвѣстіе вѣчнаго прославленія ихъ на небѣ, есть слава истинная, прочная и постоянная, которая не умираетъ и въ устахъ народа, пребываетъ неизгладимою и въ бытописаніяхъ человѣческихъ. Сей-то славы искать не только позволительно, а и должно всѣмъ безъ исключенія.

Гдѣ, и въ какомъ званіи искать такой славы? Какими подвигами стяжать ее? Какъ ни различно служеніе Пастырское отъ служенія Царственнаго: но и первое прославило Святаго Пастыря Мурликійскаго; равно какъ послѣднее прославляетъ Августѣйшаго Соименника его—Монарха Всероссійскаго. Это показываетъ, что истинная слава зависитъ не отъ званія, въ какомъ поставленъ кто-либо по самому рожденію, или по другимъ обстоятельствамъ жизни, большею частію зависящимъ не отъ нашего произвола, а отъ неисповѣдимыхъ судебъ Промысла Божія;— зависитъ не отъ мѣста, какое занимаетъ кто либо въ обществѣ, и которое само по себѣ не можетъ придать человѣку ни ума ни нравственнаго достоинства; а отъ собственной дѣятельности человѣка. Можно и на высотѣ чести быть достойнымъ презрѣнія, и въ убогой хижинѣ содѣлаться предметомъ благоговѣйнаго уваженія. Слѣдовательно истинной славы можно искать и въ палатахъ Царственныхъ, и въ хижинѣ простолюдина, и на полѣ брани и на поляхъ мирнаго трудолюбія, и въ городахъ и въ селахъ, и среди обществъ человѣческихъ и въ уединеніи пустыни. Въ книгѣ живота вѣчнаго на равнѣ вписаны имена некнижныхъ Антоніевъ и мудрыхъ Григоріевъ, и Андреевъ юродивыхъ и Іоанновъ Златословесныхъ, и простыхъ Филаретовъ и Порфироносныхъ Константиновъ; равно какъ и на страницахъ отечественнаго бытописанія имена Мининыхъ и Сусаниныхъ стоятъ на ряду съ именами Пожарскихъ и Гермогеновъ.

Съ другой стороны какъ ни отличны смиренные подвиги Пастырскіе, мало примѣтные для свѣта, и рѣдко примѣчаемые свѣтомъ, отъ блистательныхъ подвиговъ Царственныхъ, коими наполняется свѣтъ, и кои не могутъ остаться незамѣченными: но и первые, не менѣе какъ и послѣдніе, могутъ прославить человѣка, какъ доказываетъ примѣръ Пастыря Мурликійскаго. Это показываетъ, что истинная слава не зависитъ отъ видимой—большей или меньшей блистательности, но отъ внутренняго достоинства подвига. Есть дѣянія, наполнявшія нѣкогда весь міръ громомъ мнимой славы, но о которыхъ потомство не можетъ вспомнить безъ ужаса и содроганія; и есть подвиги, которые какъ бы не существуютъ въ очахъ міра, которыхъ почти не примѣчали современники, но о которыхъ съ умиленіемъ и восторгомъ воспоминаетъ позднѣйшее потомство, размышленіе о которыхъ составляетъ утѣху и наслажденіе благочестиваго сердца. Значитъ и мнимо-малыя дѣла могутъ прославить человѣка, и мнимо-великіе подвиги могутъ предать позору виновника ихъ:— дѣла великія и малыя равно могутъ быть славными. Для каждаго есть своя слава: *ина слава солнцу*, говоритъ нѣгдѣ св. Апостолъ, *и ина слава лунѣ, и ина слава звѣздамъ; звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ* (1 Кор. 15, 41.). Но и свѣтъ звѣзды пріятенъ и усладите-

ленъ взору, благотворенъ и необходимъ во вселенной.

Что же дѣлаетъ дѣла наши славными? Почему и великіе, по видимому, подвиги приносятъ иногда безславіе, а малые — славу? Потому, отъ какого источника проистекаютъ, въ какомъ духѣ совершаются, къ какой цѣли направляются.

Одинъ главный источникъ дѣяній человѣческихъ — сердце. Но это сердце иногда движется самолюбіемъ и гордостію, иногда самоотверженіемъ и смиреніемъ. Первое есть мерзость предъ Богомъ, какъ говоритъ святое Слово Божіе: и потому всѣ дѣянія, исходящія отъ сего нечистаго источника, являются нечистыми предъ лицемъ Божіимъ, непріятны и предъ очами человѣческими. Напротивъ кротость и смиреніе привлекаютъ благоволеніе и милость Божію: *на кого воззрю* глаголетъ Господь, *токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ моихъ:* потому и на всѣхъ дѣяніяхъ человѣческихъ, происходящихъ отъ самоотверженія и благоухающихъ смиреніемъ, почіетъ благословеніе Божіе и любовь человѣковъ; потому сіи дѣянія и доставляютъ человѣку истинную славу. Безъ самоотверженія не бываетъ истинно великихъ подвиговъ; безъ смиренія и самые блистательные, по видимому, подвиги не могутъ упрочить за нами славы не только предъ Богомъ, но и предъ людьми. Есть какое-то тайное чувство въ человѣческомъ сердцѣ, по которому оно невольно отвращается поступка, въ коемъ ощутительна гордость, изыскиваетъ и ублажаетъ подвиги, покрытые смиреніемъ. И если удается иногда честолюбцу, при помощи льстецовъ, составить себѣ нѣкоторый кругъ извѣстности: но это хищеніе славы жестоко наказывается неумолимымъ судомъ потомства. Многіе, можетъ быть, изъ преждебывшихъ славныхъ искренно желали бы теперь, чтобъ имена ихъ были навсегда забыты на землѣ. Такъ право слово Господне не только въ отношеніи къ суду Божію, но и въ отношеніи къ суду человѣческому, что *всякъ возносяйся смирится, смиряяй же себе возвесется* (Лук. 18, 14.).

Сверхъ сего каждый поступокъ, происходя отъ сердца, отмѣчается печатію того духа, коимъ одушевлено сердце человѣка. А оно можетъ одушевляться или духомъ Божіимъ, или духомъ міра. Первое состоитъ въ истинной вѣрѣ и благочестіи, въ любви къ правдѣ и закону Божію, въ неуклонномъ послѣдованіи заповѣдямъ Господнимъ, въ совершенной преданности волѣ Божіей, въ презрѣніи всего временнаго, въ стремленіи къ вѣчнымъ благамъ: послѣднее состоитъ въ невѣріи и нечестіи, въ умѣніи приспособляться къ обстоятельствамъ времени и неправымъ обычаямъ свѣта, въ угожденіи сильнымъ міра, въ привязанности къ земному и временному, въ забвеніи о небѣ и вѣчности. Духъ Божій есть духъ чистый, святый и благотворный: потому всѣ дѣянія, совершаемыя подъ наитіемъ сего Духа, чисты, святы и благотворны; напротивъ дѣянія, совершаемыя по духу міра, нечисты сами по себѣ, и чаще вредны чѣмъ полезны по своимъ слѣдствіямъ. Законъ Господень вѣченъ и непреложенъ; потому, осуществляясь въ дѣяніяхъ человѣческихъ, онъ полагаетъ на нихъ печать истиннаго и неизмѣннаго достоинства, упрочиваетъ славу ихъ на

вѣки. Напротивъ обычаи міра измѣнчивы и своенравны; потому и даруемая ими извѣстность и слава разсѣвается какъ дымъ при каждомъ дуновеніи обстоятельствъ. Посему-то истинное благочестіе Христіанское есть непремѣнное условіе для всякаго ищущаго истинной славы не на землѣ токмо, а и на небѣ. Въ самомъ дѣлѣ, не почитать же славнымъ беззаконника и нечестивца, какими бы подвигами ни удивилъ онъ міръ! И если есть имена, извѣстныя неправдою и нечестіемъ: то сія извѣстность составляетъ казнь, а не награду. Нѣтъ, тѣхъ только имена живутъ вѣчно и съ благоговѣніемъ воспоминаются людми, которые, возлегая на смертный одръ, могутъ сказать съ св. Павломъ: *подвизомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ; прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, егоже воздастъ ми Господь въ день онъ праведный Судія* (1 Тим. 4, 7. 8.).

Наконецъ, при каждомъ поступкѣ можно имѣть въ виду или славу Божію и благо ближнихъ, или славу и благоденствіе собственное. Поступокъ, совершенный во славу Божію будетъ жить вѣчно, какъ вѣчна слава Божія; подвиги, совершенные во славу свою, умрутъ вмѣстѣ съ человѣкомъ; ибо самодѣльная слава сія рѣдко переживаетъ человѣка. Дѣянія, совершенныя во благо ближнихъ, жизнь, проведенная въ благотвореніи несчастнымъ пребудутъ живы въ сердцахъ признательныхъ дотолѣ, доколѣ есть сердца, способныя чувствовать цѣну благотворительности. Вотъ почему всѣ славныя и великія имена скорѣе или медленнѣе изглаждаются въ памяти людей: одни имена друзей человѣчества переживаютъ вѣки, передаются какъ нѣкая святыня отъ отцевъ дѣтямъ, обносятся на устахъ всѣхъ и каждаго, и воспоминаются не иначе какъ съ благоговѣніемъ. Блаженъ, кто, приближаясь къ смерти, можетъ, не страшась упрека совѣсти, сказать, подобно Самуилу, всѣмъ, среди которыхъ провелъ жизнь: *отвѣщайте на мя предъ Господемъ: еда кого изъ васъ утѣснихъ? извѣщайте на мя;*— кому и самый врагъ не найдетъ ничего сказать болѣе, какъ что сказалъ нѣкогда Давиду жестокій врагъ его Саулъ: *праведенъ еси ты паче мене, яко ты воздалъ ми еси благая, азъ же тебѣ воздахъ злая.* Таковыхъ имена пишутся въ книгѣ живота вѣчнаго, изъ коей никакая рука изгладить ихъ не можетъ.

Послѣ сего не трудно видѣть, какимъ путемъ достигъ небесной славы своей Святитель Христовъ Николай. Путемъ самоотверженія и смиренія, за которое св. Церковь именуетъ его образомъ кротости, который стяжалъ смиреніемъ высокая, нищетою богатая. Путемъ правды и благочестія; ибо вся жизнь его была подвигомъ въ правдѣ и благочестіи, и подвигомъ за правду и благочестіе. Наконецъ путемъ благотворительности несчастнымъ: онъ искупалъ нищихъ отъ руки сильныхъ, спасалъ невинность, готовую пасть подъ бременемъ нищеты; исхищалъ отъ опасностей погибающихъ; не щадилъ не только имущества, но и собственной жизни для блага несчастныхъ. За то имя его прославляютъ всѣ отъ конецъ до конецъ земли. Симъ путемъ во слѣдъ великаго Святителя шествуетъ къ славѣ и Августѣйшій Соименникъ его Благочестивѣйшій Монархъ нашъ. Онъ и началъ свое славное Цар-

ствованіе подвигомъ глубочайшаго смиренія и самоотверженія, и продолжаетъ оное съ тѣмъ же высокимъ самоотверженіемъ, простирающимся до забвенія о собственномъ спокойствіи и здравіи, для блага и спокойствія подданныхъ. Евангеліе Господа Іисуса Христа служитъ единственнымъ совѣтникомъ, наставникомъ и руководителемъ, а молитва— укрѣпленіемъ и утѣшеніемъ въ Царственныхъ подвигахъ Его. Благо человѣчества, и преимущественно возможное облегченіе участи несчастныхъ составляетъ главную цѣль Царственныхъ попеченій и заботъ, трудовъ и безпокойствъ. За то имя Его пребудетъ въ вѣкъ въ сердцахъ Россіянъ всегда признательныхъ къ благодѣяніямъ своихъ Вѣнценосныхъ Благодѣтелей; благословеніе Господне почіетъ въ вѣкѣ на главѣ его!

Таковъ, бл. сл., святой и Царскій путь къ славѣ,— не той суетной славѣ, которая, подобно призраку, мгновенно исчезаетъ, но той вѣчной и неизмѣнной славѣ, которой видимъ только начало на землѣ, но совершеніе ея на небѣ — въ царствіи Божіи. Отъ самой колыбели призваны мы всѣ къ сей славѣ; младенческою стопою вступили на истинный путь, ведущій къ ней, когда, спогребаясь со Христомъ въ водахъ крещенія, умерли съ Нимъ для всего безславнаго и безчестнаго, и воскресли для вѣчной славы чадъ Божіихъ. Какъ же нейти намъ по сему святому пути? *Умросте бо, и животъ вашъ сокровенъ со Христомъ въ Бозѣ. Егда же Христосъ явится животъ вашъ, тогда и вы съ Нимъ явитеся въ славѣ.* (Колос. 3, 3. 4.) Аминь.

Кіевъ Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 30 Сентября, 1845. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 36. НЕДѢЛЯ 28-я СВЯТЫХЪ ПРАОТЕЦЪ. Декабря 12. 1843.

На Утрени: Евангеліе воскресное 6-е, Лук. 24, 36—53.
На Литургіи: Апост. Колос. 3, 4—11. Еванг. Лук. 14, 16—24.

СВ. ОТЦА НАШЕГО КИРИЛЛА ІЕРУСАЛИМСКАГО.

О знаменованіи имени: Іисусъ Христосъ.

Сынъ Божій, воплотившись, принялъ имя Іисуса Христа. Первое изъ сихъ именъ означаетъ— *Спаситель*, ибо, дѣйствительно, Іисусъ есть виновникъ нашего спасенія; а послѣднее значитъ— *Помазанный*, и указываетъ на Его священство. И то и другое древле прообразовалъ Моисей, назвавши преемника своего Іисусомъ, а брата своего Аарона Христомъ; чрезъ сіе онъ хотѣлъ показать, что власть царская и священническая будутъ соединены въ имѣвшемъ пріити Іисусѣ Христѣ.

И дѣйствительно, Іисусъ Навинъ во многихъ отношеніяхъ былъ образомъ истиннаго Іисуса. Его могущество началось на берегахъ Іордана; равнымъ образомъ, І. Христосъ, послѣ крещенія въ Іорданѣ, началъ Евангельскую проповѣдь. Сынъ Навина раздѣлилъ обѣтованную землю между двенадцатью колѣнами Израильскими; Сынъ Маріи раздѣлилъ всю вселенную между двенадцатью Апостолами, которыхъ послалъ возвѣщать людямъ истину. Ветхозавѣтный Іисусъ спасъ отъ погубленія блудницу Раавъ, Іисусъ новозавѣтный спасалъ и блудницъ и мытарей; первый, однимъ звукомъ трубъ ниспровергъ стѣны Іерихона; отъ громоносныхъ словъ послѣдняго: *не останетъ здѣ камень на камени, иже не разорится* (Матѳ. 24.), храмъ Іудеевъ, въ наказаніе грѣховъ ихъ, разсыпанъ въ прахъ.

Сами Пророки въ равносильныхъ выраженіяхъ предвозвѣщали достопокланяемое имя: Іисусъ. Такъ, Исаія говоритъ: *се Спаситель твой ерядетъ* (62, 11.), но слово: Іисусъ, съ Еврейскаго значитъ Спаситель. Тоже самое значеніе имени возвѣщено было Ангеломъ во снѣ Іосифу. Посему-то, какъ Спаситель, Онъ носитъ имя: Іисусъ; ибо Онъ есть вмѣстѣ Врачъ и душъ и тѣлесъ нашихъ, врачующій и тѣлесную слѣпоту тѣхъ, которые лишены зрѣнія, и душевную— у тѣхъ, которые лишены свѣта истины. И такъ, если душа твоя недугуетъ, пусть обратится она къ сему единственному Врачу; если вѣра твоя колеблется, скажи Ему: *Господи, помози моему невѣрію* (Марк. 9—23). Опять, если тѣло твое страждетъ отъ какого либо недуга, то неотчаявайся, но со дерзновеніемъ приступай къ Нему; Онъ уврачуетъ болѣзнь твою, и ты узнаешъ тотже часъ, что не напрасно Онъ носитъ имя: Іисусъ.

Но кромѣ сего имени, Онъ нареченъ еще Христомъ, по той причинѣ, что Онъ есть верховный Первосвященникъ, и притомъ такой, котораго священство началось не во времени, но есть вѣчно и непреложно: ибо Онъ ни получилъ его по преемству, ни былъ помазанъ вещественнымъ елеемъ, но поставленъ Іереемъ отъ Отца своего, прежде вѣкъ; и поелику, самъ Богъ, съ ненарушимою клятвою сдѣлалъ сіе, что Онъ есть превыше всѣхъ другихъ первосвященниковъ (*).

ВѢРА СВЯТЫХЪ ПРАОТЦЕВЪ.

Вѣ сей свидѣтельствовани быша древніи.

Евр. 11, 2.

Въ 11-й главѣ посланія къ Евреямъ Апостолъ Павелъ вопервыхъ изъясняетъ существо спасительной вѣры, потомъ указываетъ на древніе примѣры ея въ святыхъ праотцахъ, и тѣмъ утверждаетъ прежде положенную имъ истину, то есть, что *праведный отъ вѣры живъ будетъ* (10, 38.), или что вѣра есть первое и главное условіе спасенія. Богодухновенный наставникъ проходитъ всѣ времена Ветхозавѣтныя,— всю Исторію древней Церкви, и показываетъ, что вся сія Исторія есть Исторія Вѣры. Изъ нея— изъ сей основной добродѣтели праведниковъ— производитъ онъ всѣ ихъ добродѣтели, въ ней видитъ истинную заслугу ихъ предъ Богомъ, въ ней и силу, привлекавшую къ нимъ особенное благоволеніе Божіе. Такимъ образомъ Апостолъ вводитъ насъ въ тайну самой внутренней Исторіи Церкви и научаетъ, подъ покровомъ различныхъ событій, находить духъ и жизнь, духъ вѣры никогда неизмѣняемый, жизнь благочестія, состоящую подъ особеннымъ промысломъ Божіимъ.

Опредѣляя понятіе о вѣрѣ, Апостолъ говоритъ: *есть же вѣра уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ.* Слово: *извѣщеніе* въ подлинникѣ ὑπόστασις,— такое слово, которое выражаетъ понятіе объ основѣ, или самомъ существѣ вещи, вообще то, что противополагается несущественному, мнимому. Изъ сего видно, что вѣрою называется такое извѣщеніе или убѣжденіе въ уповаемомъ, коимъ предметы упованія дѣлаются какъ бы настоящими и присущими намъ. Эта сила вѣры дѣйствуетъ преимущественно на сердце. Но есть дѣйствіе ея на самый разумъ; ибо она есть и обличеніе или изъявленіе увѣрительное показаніе (ἔλεγχος) вещей невидимыхъ.— Здѣсь видимъ указаніе на глубокую и важную истину. Человѣкъ нынѣ можетъ жить духовно одною надеждою и силою невидимаго, непостижимаго. Въ видимомъ нѣтъ для него благъ истинныхъ. Какъ же удовлетворялась бы его жажда духовная, еслибъ ничто не приближало къ нему благъ совершеннѣйшихъ, еслибъ все будущее покрыто было для него непроницаемымъ мракомъ? Но къ нему приходитъ на помощь вѣра, и— уповаемое для сердца осуществляется, невидимое дѣлается какъ бы видимымъ. Такъ вѣра доставляетъ человѣку болѣе, нежели его разумъ, столь слабый и недальновидный. Правда, и разуму усвоенъ Апостолъ прозрѣніе въ невидимое (Римл. 1, 20.); но это прозрѣніе соединено съ большимъ трудомъ и не всегда вѣрно; а притомъ такъ мало имѣетъ силы, что разумъ,

(*) Кашихиз. 10.

уразумѣвъ Бога въ нѣкоторыхъ язычникахъ, не могъ убѣдить ихъ сердца— прославить Его какъ Бога (Рим. 1, 21). Какого плода ожидаемъ мы отъ разума? Одинъ извѣстный философъ требуетъ отъ него рѣшенія трехъ главныхъ задачъ: 1) что могу я знать? 2) что долженъ дѣлать? и 3) чего— надѣяться? Но какъ недостаточенъ, какъ слабъ для рѣшенія всѣхъ сихъ вопросовъ разумъ, показываетъ вся Исторія человѣческихъ знаній. Напротивъ Исторія Вѣры свидѣтельствуетъ, что въ ней одной находилъ человѣкъ всю необходимую для духа своего истину. Вѣра рѣшаетъ первый вопросъ; ибо она есть *вещей обличеніе невидимыхъ*. Она же рѣшаетъ вторый вопросъ, потому что только ею можно угодить Богу (11, 6). Она наконецъ рѣшаетъ и третій вопросъ, дѣлаясь для сердца *извѣщеніемъ уповаемыхъ*.

Сколько удовлетворительна для духа вѣра, Апостолъ покажетъ въ примѣрахъ древнихъ Праотцевъ, кои всѣ, говоритъ, *свидѣтельствовани быша* въ вѣрѣ, всѣ ею жили, ею угождали Богу и въ ней обрѣтали истинное благо свое. Сіи примѣры даютъ самое живое и ясное понятіе о существѣ и благѣ вѣры. Впрочемъ, какъ свойство ея— обличать невидимое еще обширнѣе другаго— извѣщать уповаемое,— ибо невидимое для вѣры есть не только въ будущемъ и настоящемъ, но и въ прошедшемъ: то учитель вѣры сначала указываетъ намъ предметъ вѣры въ прошедшемъ. Это— первое явленіе всемогущества Божія, или сотвореніе міра. *Вѣрою*, говоритъ, *разумѣваемъ совершитися вѣкомъ глаголомъ Божіимъ, во еже отъ неявляемыхъ видимымъ быти*. Въ самомъ дѣлѣ, какой разумъ могъ бы постигнуть образъ происхожденія вселенной? И потому не разумъ, а одна вѣра даетъ намъ здѣсь разумѣніе. Она увѣряетъ, что прежде все было неявляемое, то есть несуществующее; ибо не существа были неявляемыми, а самые вѣки, то есть не было самаго времени, не было и этого перваго условія конечнаго бытія и жизни,— была одна вѣчность Божія. Но всемогущій глаголъ изрекъ свое: *да будетъ*, и— его силою все явилось, все стало быть, чему назначено быть,— *Тѣмъ вся быша, и безъ Него ничтоже бысть еже бысть* (Іоан. 1, 3). Вотъ самый первый предметъ вѣры, намъ открытый! Какіе другіе предметы спасительной вѣры, покажутъ намъ слѣдующіе примѣры Праотцевъ.

Примѣры вѣры, описываемые Апостоломъ, можно раздѣлить на три отдѣла: въ первомъ говорится о вѣрѣ Праотцевъ допотопныхъ (ст. 4— 7.); во второмъ— о вѣрѣ Авраама и ближайшихъ его потомковъ (ст. 8— 22.); въ третьемъ— о вѣрѣ Моисея и другихъ праведниковъ во времена закона (ст. 23, и дал.). Во всѣхъ сихъ примѣрахъ, по выраженію Апостола, находится *свидѣтельство* о вѣрѣ: *о ней свидѣтельствовани быша древніи*. Здѣсь разумѣть можно 1) то, какъ и чѣмъ сами праведники свидѣтельствовали свою вѣру, 2) какъ Богъ свидѣтельствовалъ о ихъ вѣрѣ. Тотъ и другой родъ свидѣтельства Апостолъ показываетъ почти во всякомъ примѣрѣ, имъ приводимомъ.

1. *О вѣрѣ Праотцевъ допотопныхъ* (4— 7).

Три примѣра приводитъ здѣсь Апостолъ: одинъ изъ первыхъ временъ допотопнаго міра, другой— изъ среднихъ,

третій— изъ послѣднихъ. Самый возрастъ описываемыхъ праведниковъ соотвѣтствуетъ симъ временамъ перваго міра: Авель былъ юноша, Енохъ совершенный мужъ, ибо имѣлъ сына, а Ной предъ потопомъ былъ уже 600 лѣтъ. Вѣра перваго страдала отъ одного врага, вѣра втораго могла страдать уже отъ многихъ, а вѣра послѣдняго страдала отъ всего развращеннаго міра.

1. *Вѣра Авеля.*

О сей вѣрѣ Апостолъ представляетъ а) свидѣтельство со стороны самаго Авеля, потомъ б) свидѣтельство Божіе.

а.) Свидѣтельство Авеля.

Вѣрою множайшую жертву Авель паче Каина принесе. Не говоритъ Апостолъ, что жертва Авелева, взятая отъ первородныхъ стада, была сама по себѣ важнѣе, нежели жертва Каина, принесенная отъ плодовъ земныхъ; но утверждаетъ, что все достоинство первой составляла *вѣра*. Предметъ сей вѣры здѣсь не изъясняется, но онъ видѣнъ изъ предъидущаго разсужденія въ посланіи. Одна жертва истинная и благоугодная Богу,— та, которую въ самомъ себѣ принесъ Единородный Сынъ Божій (10, 5 и дал.), когда *не кровію козлею* или *телчею, но своею кровію вниде единою во святая, вѣчное искупленіе обрѣтый* (9, 11. 12). Въ сію-то божественную жертву, безъ сомнѣнія, вѣровалъ Авель, когда приносилъ Богу своихъ овновъ первородныхъ, и эта одна вѣра могла сообщить жертвѣ его то высокое достоинство, которое привлекло и къ приносящему и къ приносимому особенное благоволеніе Божіе (*и призрѣ Богъ на Авеля и на дары его*, Быт. 4, 4).

б) Свидѣтельство Божіе.

Еюже (вѣрою) *свидѣтельствованъ бысть быти праведникъ, свидѣтельствующу о дарѣхъ его Богу; и тою умерый еще глаголетъ.*

Говоря о свидѣтельствѣ Божіи, Апостолъ, безъ сомнѣнія, разумѣетъ то знаменіе благоволенія Божія къ Авелю и жертвѣ его (нѣкое чудесное знаменіе), которое было видимо для самаго Каина, и при свѣтѣ коего такъ ясно открылось достоинство одного и недостоинство другаго брата. Изъ выраженія апостольскаго (*свидѣтельствующу о дарѣхъ его Богу*) можно заключать, что свидѣтельство Божіе непосредственно относилось къ жертвѣ, но такъ, что при томъ открывалось и свидѣтельство о праведности самало Авеля, основанной на вѣрѣ. Самъ Богъ, говоритъ Апостолъ, засвидѣтельствовалъ праведность Авеля отъ вѣры, потому что далъ свидѣтельство своего благоволенія о дарахъ его. Безъ истинной вѣры ни какой даръ не можетъ быть угоденъ Богу.

Слѣдующее выраженіе: *тою умерый еще глаголетъ*, можно разумѣть о гласѣ крови Авелевой (Быт. 4, 10). Ибо вѣра же Авеля дала такое достоинство крови его, что самъ Богъ внималъ гласу ея, требующему правосудія. Но, съ св. Златоустомъ, можно разумѣть здѣсь и тѣ глаголы перваго въ родѣ человѣческомъ мученика, коими поучаетъ онъ праведности по вѣрѣ всѣ будущіе роды. „Какимъ образомъ еще глаголетъ? Это значитъ, что онъ живъ, и что для всѣхъ служитъ предметомъ хвалы, удивленія и про-

славленія. Ибо кто научаетъ другихъ быть праведными, тотъ говоритъ. Его страданія дѣйствуютъ болѣе, нежели слово.“— Это свидѣтельство вѣры Авелевой мы относимъ также къ свидѣтельству Божію; ибо отъ одного Бога происходитъ *вѣчная память праведника* (Псал. III, 6).

2. *Вѣра Эноха.*

Вотъ свидѣтельство о сей вѣрѣ со стороны Бога: *Вѣрою Енохъ преложенъ бысть не видѣти смерти; и не обрѣташеся, зане преложи его Богъ.* Это преложеніе или преселеніе въ другую жизнь, безъ посредства смерти, есть чрезвычайное дѣйствіе благоволенія Божія къ праведнику. Оно долженствовало быть событіемъ весьма поразительнымъ и въ высшей степени поучительнымъ для современниковъ Еноха, въ памяти которыхъ живо еще было страшное опредѣленіе Божіе: *земля еси, и въ землю отбидеши.* „Сіе случилось, говоритъ св. Златоустъ, въ первыя времена, дабы человѣческая природа пріяла надежду, что смерть разрушится и упразднится власть діавола.“

Какъ и чѣмъ свидѣтельствовалъ Енохъ свою вѣру, видно изъ слѣдующаго: *прежде бо преложенія его свидѣтельствованъ бысть, яко угоди Богу; безъ вѣры же не возможно угодити Богу; вѣровати же подобаетъ приходящему къ Богу, яко есть, и взыскающимъ Его мздовоздаятель бываетъ.* Это угожденіе Богу не есть какое либо одновременное дѣйствіе Еноха. Въ подлинникѣ Еврейскомъ сказано: Енохъ *ходилъ предъ Богомъ*, да и Апостолъ съ вѣрою его соединяетъ *прихожденіе къ Богу* и *взысканіе* Его. И такъ высокая заслуга вѣры сего праотца состояла въ томъ, что онъ непрестанно приближался къ Богу духомъ, постоянно стремился къ соединенію съ Нимъ,— вѣровалъ не просто въ бытіе Бога, но и глубоко сознавалъ Его вездѣприсутствіе, не только надѣялся на нѣкоторую мзду или награду отъ Бога, но полагалъ въ Немъ единственное и верховное свое благо. Чего искалъ Енохъ, чему вѣровалъ, то и исполнилось въ самой высшей степени: *преложи его Богъ.*

3. *Вѣра Ноя.*

Дѣло сей вѣры описывается такъ: *Вѣрою отвѣтъ пріемъ Ное о сихъ, яже не у видѣ, убоявся, сотвори ковчегъ во спасеніе дому своего.* Какъ великъ этотъ подвигъ, можно судить, если представимъ, сколь необыкновенно было предсказаніе о потопѣ— при обыкновенномъ тогда и мирномъ теченіи природы, и какъ развращенны были современники Ноя, отвергавшіе всѣ угрозы Божіи. „По разуму, ничего подобнаго не льзя было ожидать. Женились и выходили за мужъ; воздухъ былъ чистый; знаменій не было: но онъ убоялся“ (*). По всей вѣроятности, родъ человѣческій цѣлыя двѣ тысячи лѣтъ, предъ потопомъ, не видалъ страшныхъ явленій въ природѣ, каковы наприм. язва, землетрясенія, наводненія; а потому и почиталъ совершенно невѣроятнымъ предсказаніе о потопѣ всемірномъ. Какова же должна быть вѣра, противодѣйствующая невѣрію всѣхъ? и какъ тверда та добродѣтель, которая устояла среди всеобщаго развращенія?

Слѣдующія слова: *ею же* (вѣрою) *осуди весь міръ, и правды, яже по вѣрѣ,*

(*) Слова Златоуста.

бысть наслѣдникъ, можно относить къ самому свидѣтельству Божію о вѣрѣ Ноевой. Ибо какъ вѣра св. Праотца осудила міръ? Такъ же, какъ и смерть праведника *осудитъ живыхъ нечестивыхъ* (Прем. 4, 16.), то есть, послѣдствіями правды и неправды, вѣры и невѣрія, зависящими отъ Бога. И *будутъ посемъ* (нечестивые) *въ паденіе безчестно, и во укоризну въ мертвыхъ въ вѣкъ* (— 19.), а *праведникъ станетъ въ дерзновеніи многъ предъ лицемъ оскорбившихъ его и отмещющихъ труды его* (5, 1). Ной называется *наслѣдникомъ правды, яже по вѣрѣ*— почему? Потому что его наслѣдіемъ содѣлались всѣ благія обѣтованія Божія, всѣ дарованія, кои принадлежатъ правдѣ яже по вѣрѣ и кои сами суть *правда Божія, являемая отъ вѣры въ вѣру* (Рим. 1, 17.),— по всѣмъ степенямъ вѣры и любви.

Не судихъ вѣдѣти что въ васъ, точію Іисуса Христа, и сего распята. 1 Кор. 2, 2.

Потому, что безъ всѣхъ другихъ познаній, какія ни пріобрѣтаетъ человѣческій разумъ, человѣкъ можетъ обойтись, если не безъ ущерба для мнимаго счастія жизни временной, то безъ малѣйшаго вреда для жизни вѣчной: но безъ познанія Спасителя и образа спасенія нашего никто не можетъ обойтись безъ того, чтобъ не подвергнуться вѣчной погибели. Ибо всѣ познанія о земномъ и временномъ, если и нужны, то только для земли и на время, и остаются и оставляютъ насъ на землѣ и во времени: познаніе о небесномъ и вѣчномъ нужно для неба и вѣчности, и сопровождаетъ насъ на небо и въ вѣчность.—

Мы можемъ не знать, далеко ли земля наша отстоитъ отъ солнца, и почему часть времени остаемся мы во тмѣ, безъ свѣта солнечнаго: но не можемъ не знать, на какое безмѣрное разстояніе удалился падшій человѣкъ отъ вѣчнаго солнца правды, въ какой осязаемой тмѣ невѣдѣнія находится грѣшникъ въ удаленіи отъ Бога. Мы можемъ не знать, какою силою поражаютъ молніи, гдѣ и какъ образуются громы, куда и какъ направляются ихъ удары: но намъ необходимо знать, какъ ужасны громы правосудія небеснаго, чѣмъ изощряются и привлекаются, чѣмъ удерживаются и отводятся ихъ стрѣлы. Мы, и не зная, какъ составляются капли росы, можемъ пользоваться ея благотворною влагою: но, не зная, отколѣ и кѣмъ ниспосылается, какъ и чѣмъ пріемлется животворная роса благодати всесвятаго Духа, не можемъ воспользоваться ею къ напоенію и оживотворенію своего духа, останемся съ вѣчною алчбою и жаждою, во всегдашнемъ оцѣпененіи и мертвости. Мы можемъ не знать, какъ устроены отдаленныя отъ насъ царства, въ которыхъ намъ можно не быть никогда, какими управляются они законами, какіе тамъ обычаи и нравы: но намъ необходимо знать, какъ устрояется на земли благодатное царство Христово, въ которомъ намъ должно быть непремѣнно, чтобъ избѣжать вѣчнаго осужденія и погибели, какіе въ немъ законы и обычаи, какія преимущества и выгоды; намъ должно знать непремѣнно и о вѣчномъ царствѣ славы, о обителяхъ въ дому Отца небеснаго, гдѣ намъ должно быть нѣкогда въ со-

обществѣ Ангеловъ и святыхъ Божіихъ, чтобъ не быть въ адѣ въ сообществѣ діавола. Мы можемъ освобождаться отъ болѣзней тѣлесныхъ и не прибѣгая къ помощи врача, и не зная врачебнаго искуства: но никакъ не можемъ освободиться отъ застарѣлой болѣзни души нашей безъ благодатной помощи небеснаго Врача, безъ познанія силы и дѣйствія духовнаго врачества.

Такъ необходимо познаніе Спасителя и креста Его еще въ жизни настоящей, когда, живя болѣе тѣломъ и для тѣла, можемъ и не ощущать во всей силѣ потребностей духа! Что-жъ сказать о томъ времени, когда смерть поставитъ насъ предъ Богомъ лицемъ къ лицу, и изъ міра вещественнаго преселитъ въ міръ духовный?— Какъ явится предъ лицемъ правды Божіей тотъ, кто не только не позаботился снискать, но и нехотѣлъ ничего знать объ оправданіи Христовомъ? Какъ стать посреди ликовъ Ангельскихъ и духовъ праведниковъ совершенныхъ тому, кто не только не старался содружиться съ ними подражаніемъ чистотѣ ихъ и общеніемъ въ ихъ святости, но и не хотѣлъ познать ихъ во Христѣ Іисусѣ, въ коемъ возглавлено все, что на небеси и на земли? Какъ избѣжитъ ада, избавится отъ рукъ діавола тотъ, кто въ продолженіе всей жизни позволялъ ему ослѣплять себя и управлять собою, не прибѣгая къ помощи Побѣдителя ада, пришедшаго разрушить дѣла діавола? *Се есть животъ вѣчный, да знаютъ единаго истиннаго Бога, и Его-же Онъ послалъ Іисуса Христа* (Іоан. 17.); и слѣдовательно, се есть смерть вѣчная— не знать единаго истиннаго Бога и посланнаго Имъ Іисуса Христа!

Вся ми лѣть суть но не вся на пользу; вся ми лѣть суть, но не вся назидаютъ; вся ми лѣть суть, но не азъ обладанъ буду отъ чего. 1 Кор. 6, 12. 10, 23.

Таково Апостольское правило касательно вещей и удовольствій, такъ называемыхъ, безразличныхъ! Въ частности св. Апостолъ предписываетъ его въ разсужденіи употребленія яствъ и питій.— *Вся ми лѣть суть:* Христіанская свобода не подвергаетъ запрещенію какого либо рода пищи и питія; въ извѣстныя времена (исключая постовъ) св. Церковь дозволяетъ вкушеніе пищи не только растительной, но и мясной, не возбраняетъ и употребленія вина, не спѣсняетъ частными предписаніями касательно мѣры, образа и времени употребленія того и другаго;— во всемъ этомъ каждый можетъ поступать по своей совѣсти и свободѣ. Но да не послужитъ сія свобода въ вину плоти, св. Апостолъ обуздываетъ ее своимъ совѣтомъ: употребляй все дозволенное какъ, сколько и когда хочешь; но чтобъ это употребленіе служило на пользу, а отнюдь не во вредъ ни тѣлу, ни, тѣмъ болѣе, душѣ; употребляй такъ, чтобъ примѣромъ твоимъ не только не соблазнялся, а паче назидался бы братъ твой, ибо горе тому, имъ же соблазнъ приходитъ; употребляй столько, чтобъ употребленіе не обратилось въ привычку, привычка въ страсть, и чтобы такимъ образомъ какая либо вещь не возобладала тобою и твоя свобода, которую даровалъ тебѣ Христосъ своею кровію, не сдѣлалась плѣнницею діавола, который, зацѣпивъ одною удицею невоздержанія, легко вовлечетъ тебя и въ другіе пороки.

Оброцы грѣха смерть: дарованіе же Божіе, животъ вѣчный, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Рим. 6, 23.

Апостолъ Павелъ, изображая слѣдствія грѣха и правды, различаетъ ихъ особыми наименованіями, называя смерть оброкомъ, или воздаяніемъ за грѣхъ, а вѣчную жизнь не воздаяніемъ за добрыя дѣла наши, но дарованіемъ Божіимъ, получаемымъ чрезъ заслуги Іисуса Христа. Оброкъ, по точному смыслу изреченія св. Павла на Греческомъ языкѣ, есть воздаяніе, которое дается заслугамъ; посему смерть назначена грѣху, какъ воздаяніе должное и заслуженное. Это есть какъ бы нѣкая дань, которую онъ взимаетъ съ рабовъ своихъ. Различные способы, коими данники его платятъ свои оброки, можно усматривать и въ явленіяхъ міра внѣшняго, гдѣ видимымъ образомъ грѣхъ собираетъ дань смерти съ нашихъ друзей, сродниковъ, благодѣтелей,— и во внутренней природѣ нашей, въ которой ядъ грѣха, проникая во всѣ способности души, распространяетъ вездѣ духовную смертность,— и въ книгѣ Откровенія, объявляющей грѣшнику, что за гробомъ постигнетъ его вѣчная смерть, предуготовляемая смертію временною. *Оброцы грѣха смерть: дарованіе же Божіе, животъ вѣчный, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.* Дарованіе, по силѣ сего слова на языкѣ св. Писанія, есть даръ, назначаемый не по заслугамъ пріемлющаго, а по милосердію дающаго. Такого рода даръ есть жизнь вѣчная, которая опредѣляется въ награду правдѣ и святости не такъ, какъ смерть опредѣляется грѣху, но *туне,* по благодати Господа Іисуса Христа, совершившаго спасеніе наше. *Благодатію есте спасени чрезъ вѣру: и сіе не отъ васъ, Божій даръ: не отъ дѣлъ, да никтоже похвалится* (Еф. 2, 8. 9). Дѣйствительно, мы дѣлами своими не только вѣчной жизни, но собственно и ничего не заслуживаемъ: ибо самыя блистательныя наши дѣла несовершенны, по той причинѣ, что *хотящимъ* намъ *творити доброе,* всегда *прилежитъ,* или примѣшивается *злое* (Римл. 7, 21). Даже совершенныя дѣла, если только онѣ возможны, суть дѣла должныя, такъ что, хотя бы мы исполнили *вся повелѣнная* намъ, но и тогда исполнили бы только то, что *должны* были исполнить. При томъ, всѣ благія намѣренія наши и заслуги зависятъ отъ дѣйствія благодати, *очищающей совѣсть нашу отъ мертвыхъ дѣлъ* (Евр. 9, 14). Посему-то Блаженный Августинъ называетъ вѣчную жизнь благодатію за благодать, и присовокупляетъ, что Богъ, награждая наши заслуги, награждаетъ не что другое, какъ свои собственные дары.—

Кіевъ Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 7 Октября, 1813. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 37. НЕДѢЛЯ 29-я ПРЕДЪ Р. Х. СВ. ОТЕЦЪ. Декабря. 19. 1843.

На Утрени: Евангеліе воскресное 7-е, Іоан. 20, 1—10.
На Литургіи: Апост. Евр. 11, 9—10. 17—40. Еванг. Мат. 1, 1—25.

СВЯТАГО ЛЬВА, ПАПЫ РИМСКАГО СЛОВО

на Рождество Христово (*).

Спаситель нашъ днесь родился, возлюбленные,— радуемся! Въ день рожденія той жизни, которая, упразднивъ страхъ смерти, приноситъ намъ радость обѣтованнаго безсмертія, не можетъ быть мѣста печали. Никто неотлучается отъ участія сего веселія; всѣ имѣютъ едину общую причину радоваться: ибо Господь нашъ, сокрушитель грѣха и смерти, какъ не обрѣлъ никого свободнымъ отъ вины, такъ и пришелъ для освобожденія всѣхъ. Да торжествуетъ святый,— онъ приближается къ наградѣ; да радуется грѣшникъ,— его приглашаютъ къ прощенію; да воодушевится язычникъ, ибо онъ призывается къ жизни. Сынъ Божій, въ исполненіи временъ, опредѣленномъ въ глубинѣ неизслѣдимаго совѣта Божія, пріялъ естество человѣческое, дабы примирить оное съ Творцемъ его, и діавола, изобрѣтателя смерти, и ею одержавшаго побѣду, побѣдить также смертію. И съ какою дивною правдою совершенъ подвигъ сраженія, подъятый за насъ! Всемогущій Господь выходитъ противъ лютѣйшаго врага не въ величіи своемъ, а въ нашемъ смиренномъ видѣ, противопоставляя ему тотъ же образъ, ту же природу, какая причастна нашей смертности, только чужда всякаго грѣха. О семъ-то одномъ рождествѣ не льзя сказать того, что говорится о всѣхъ: *никтоже чистъ отъ скверны, аще и единъ день житіе его на земли* (Іов. 14, 4). Въ сіе единственное рождество ничего не перешло отъ похоти плотской, ничего не вшекло отъ закона грѣховнаго. Дѣва отъ царскаго Давидова поколѣнія избирается, да имѣющая носить во чревѣ священный плодъ зачнетъ Божія и человѣческаго Сына, прежде духомъ, нежели тѣломъ. А чтобы въ невѣдѣніи совѣта Вышняго, не устрашилась Она необычайныхъ дѣйствій, то бесѣдою Ангельскою научается, какое должно быть въ Ней дѣйствіе отъ святаго Духа. Увѣряется и въ невреженіи цѣломудрія своего имѣющая быть вскорѣ Родительницею Бога. Ибо какъ не повѣритъ зачатію новому та, коей обѣщается дѣйствіе сылы Всевышняго? Вѣра Ея подтверждается и свидѣтельствомъ о предшествующемъ чудѣ,— даруется Елисаветѣ нечаянное плодородіе, да будетъ несомнѣннымъ то, что давшій зачатіе неплодной, даруетъ оное и Дѣвѣ.

И такъ Слово Божіе, Богъ, Сынъ Божій, который *въ началѣ бѣ у Бога*,

(*) По изд. Ліонскому (1700 г.) 20-е.

Иліже вся быша, и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть (Іоан. 1, 1. 2.), для освобожденія человѣка отъ смерти вѣчной, содѣлался человѣкомъ. Безъ уменьшенія своего величія нисходитъ Онъ къ воспріятію нашей низости, да пребывая тѣмъ, чѣмъ былъ и пріемля то, чѣмъ не былъ, истинный зракъ раба соединитъ съ тѣмъ образомъ, коимъ равенъ Отцу, и такимъ союзомъ приведетъ въ одинъ составъ оба естества, такъ, чтобы и низшее не потребилось прославленіемъ, и высшее не унизилось воспріятіемъ. Посему въ цѣлости свойствъ обоихъ существъ, въ одно лице соединяемыхъ, воспріемлется величіемъ низость, силою немощь, вѣчностію смертность; для уплаты долга нашего, природа неизмѣняемая соединилась съ измѣняемою; Богъ истинный и истинный человѣкъ составляютъ единаго Господа,— такъ какъ для уврачеванія насъ требовалось, чтобъ одинъ и тотъ же Ходатай Бога и человѣковъ и могъ умереть по одному, и воскреснуть по другому естеству. Справедливо убо рожденіе Спасителя нисколько не повредило дѣвической цѣлости; ибо оно было храненіемъ цѣломудрія, явленіемъ истины. Такое-то рождество, возлюбленные, приличествовало силѣ и Премудрости Божіей, Христу, да будетъ Онъ сообразнымъ намъ по человѣчеству и превосходнѣе насъ по Божеству. Ибо еслибъ не былъ Богомъ истиннымъ, то не принесъ бы намъ врачевства, а еслибъ не былъ человѣкомъ истиннымъ, то не явилъ бы примѣра. И вотъ, при рождествѣ Господа, торжествуя Ангелы, поютъ: *слава вѣ вышнихъ Богу, и возвѣщаютъ мирѣ на земли, вѣ человѣцѣхъ благоволеніе* (Лук. 2, 14.),— потому что они видятъ новый Іерусалимъ созданный изъ всѣхъ народовъ міра. О семъ неизреченномъ дѣлѣ любви божественной сколько должны радоваться, въ своемъ низкомъ состояніи, человѣки, когда столько веселятся о томъ высокіе Ангелы?

Благодаримъ убо, возлюбленные, Бога Отца чрезъ Сына Его во святомъ Духѣ, благодаримъ Того, кто, по великому милосердію своему, возлюбивъ насъ, умилосердился надъ нами, и *сущихъ насъ мертвыхъ прегрѣшеніи сооживи Христомъ* (Еф. 2, 5.), да будемъ въ Немъ новою тварію и новымъ созданіемъ. Отложимъ же ветхаго человѣка съ дѣяніями его, и получивъ участіе въ рождествѣ Христовомъ отречемся отъ дѣлъ плоти. Христіанинъ! познай свое достоинство, и, содѣлавшись причастнымъ божественнаго естества, недостойною жизнію не возвращайся къ ветхой худости. Не забывай, какой Главы и какого тѣла ты членъ. Вспомни, что ты извлеченъ изъ власти темной и пренесенъ во свѣтъ и царство Божіе. Чрезъ таинство Крещенія ты содѣлался храмомъ св. Духа: не отгоняй же отъ себя такого обитателя злыми дѣлами, и не подвергай себя опять рабству діавола: ибо цѣна твоя есть кровь Христова, и, кто искупилъ тебя въ милосердіи, будетъ и судить во истинѣ,— тотъ, кто со Отцемъ и св. Духомъ царствуетъ во вѣки вѣковъ, Аминь.

ВѢРА СВЯТЫХЪ ПРАОТЦЕВЪ.

II. *О вѣрѣ Авраама и его ближайшихъ потомковъ.* Евр. 11, 8—22.

Противъ тѣхъ, кои хвалились происхожденіемъ своимъ отъ Авраама, и

мало цѣнили вѣру, у Ап. Павла сильное оружіе— примѣръ вѣры самаго Авраама, который *вѣрова, и вмѣнися ему вѣ правду* (Римл. 4, 3. Гал. 3, 6). Въ настоящемъ случаѣ вѣра сія раскрывается наиболѣе, и съ нею соединяется вѣра ближайшихъ потомковъ Авраамовыхъ, дабы тѣмъ сильнѣе убѣдить дальнихъ потомковъ въ необходимости уподобляться Отцу вѣрующихъ вѣрою.

Описаніе сей главной добродѣтели Праотцевъ Апостолъ представляетъ А.) въ образѣ страннической жизни Авраамова семейства— вообще, (11, 8— 16.) и Б.) въ особенныхъ чертахъ вѣры Авраама, Исаака, Іакова и Іосифа (11, 17— 22).

А. *Примѣръ вѣры въ страннической жизни Авраамова семейства.* (11, 8— 16).

Вѣрою зовомъ Авраамъ, послуша изыти на мѣсто, еже хотяше пріяти вѣ наслѣдіе, и изыде не вѣдый камо грядетъ. Такъ началась странническая жизнь великаго Отца многихъ народовъ. Она началась, говоритъ Апостолъ, вѣрою. Авраамъ слышитъ гласъ Божій: *изыди отъ земли твоея, и отъ рода твоего и отъ дому отца твоего, и иди вѣ землю, юже ти покажу* (Быт. 12, 1.), и не вопрошаетъ: какая это земля? среди какихъ людей буду я тамъ жить? какъ жить? кто замѣнитъ мнѣ родственниковъ и друзей? Одна вѣра побуждаетъ его восстать и идти, она же показываетъ и путь ему. *И иде Авраамъ, якоже глагола ему Господь* (Быт. 12, 4).

Вѣрою пріиде Авраамъ на землю обѣтованія, якоже на чужду, вѣ кровы вселися, со Исаакомъ и Іаковомъ, сонаслѣдникома обѣтованія тогожде. Вѣрою приведенный на землю обѣтованія, вѣрою въ ней и жительствуетъ. Ему сказано тамъ: *всю землю, юже ты видиши, тебѣ дамъ ю, и сѣмени твоему во вѣки* (Быт. 13, 15.); но онъ не получаетъ въ собственность, по выраженію Первомученика, и *стопы ногу* (Дѣян. 7, 5). Въ землѣ, которая укрѣплена за нимъ и потомками его самимъ Богомъ, онъ живетъ въ странническомъ шатрѣ— *вѣ кровы вселися.* Проходитъ нѣсколько лѣтъ терпѣнія, и Богъ даруетъ Аврааму наслѣдника въ Исаакѣ; въ глубокой старости даетъ ему и достойнаго внука— въ Іаковѣ. Теперь, казалось, еще болѣе права обладать землею обѣтованною. Но и тогда Авраамъ продолжаетъ владѣть ею посредствомъ одной вѣры: въ *кровы вселяется* вмѣстѣ *съ Исаакомъ и Іаковомъ* (съ послѣднимъ жилъ Авраамъ 15 лѣтъ), *сонаслѣдникома обѣтованія тогожде,* изъ к[illegible]ъ каждому повторялъ Господь тоже обѣтованіе: *тебѣ и сѣмени твоему дамъ всю землю сію* (Быт. 26, 3. 28, 13).

Чего же надѣялся на землѣ проводившій страннническую жизнь до смерти?

Ждаше бо основанія имущаго града емуже художникъ и содѣтель Богъ. Такъ объясняется существо вѣры странствующаго Авраама. Великій Патріархъ жилъ въ шатрахъ, не помышляя о прочныхъ на землѣ зданіяхъ, потому, говоритъ Апостолъ, что ожидалъ града съ основаніями,— самаго твердаго, неразрушимаго селенія, котораго и планъ и строеніе составлены силами не человѣческими, а самимъ Богомъ. Готово и каждому вѣрующему *созданіе отъ Бога, храмина нерукотворенна, вѣчна на*

небесѣхъ (2 Кор. 5, 1.), но Авраамъ ожидалъ цѣлаго града, такъ какъ отецъ великаго множества вѣрующихъ. Изъ сего видно, какую вѣру усвояетъ Апостолъ Праотцамъ: это живая вѣра въ жизнь будущую, въ воздаянія небесныя. Не дивно ли сіе въ тѣхъ, коимъ не было столь яснаго указанія на будущую жизнь, какъ намъ?— „Постыдимся, говоритъ Златоустъ; вотъ они, когда обѣщаніе было имъ о земномъ, не привязывались къ земному, а искали будущаго града; намъ же Богъ отвсюду глаголетъ о градѣ горнемъ, а мы ищемъ настоящаго!“..

Впрочемъ, чтобъ и земныя надежды Авраама (о потомствѣ) не казались просто земными, обыкновенными родителямъ плотскимъ, Апостолъ и имъ даетъ значеніе высшее— посредствомъ вѣры, которой силу указываетъ въ слабѣйшей части Авраамова семейства— Саррѣ. *Вѣрою и сама Сарра неплоды силу вѣ удержаніе сѣмене пріятѣ, и паче времене возраста роди, понеже вѣрна непщева обѣтовавшаго.* Но какъ *вѣрою*, когда Сарра, по сказанію св. Исторіи, даже разсмѣялась, слыша обѣтованіе о сынѣ, и съ сомнѣніемъ помышляла: *еда истинно рожду? азъ же состарѣхся* (Быт. 18, 13). Это недоумѣніе весьма удовлетворительно разрѣшаетъ бл. Ѳеодоритъ: „хотя Сарра, говоритъ, прежде смѣялась, не зная Того кто обѣщалъ ей плодородіе; но когда узнала Того, кто обѣщалъ, увѣровала, и, по вѣрѣ своей, родила.“ Эта мысль совершенно согласуетъ съ словами Апостола: *понеже вѣрна непщева обѣтовавшаго*.

Изъяснивъ такимъ образомъ высокія свойства вѣры Авраама въ его семействѣ, Апостолъ указываетъ высочайшее свидѣтельство о ней Божіе— въ многочисленномъ потомствѣ Отца вѣрующихъ.

Тѣмже, то есть, въ слѣдствіе оной высокой, искушенной и созрѣвшей вѣры. Она искушалась и странническою жизнію великаго Патріарха, и особенно— долговременнымъ неплодствомъ его супруги.

И отъ единаго родишася. Авраамъ былъ одинъ не только какъ странникъ, отлученный отъ всего родства своего, но и какъ избранный во всемъ родѣ человѣческомъ,— одинъ во всемъ мірѣ достойный быть Отцемъ Церкви. Что было бы съ Церковію, еслибъ и отъ сего единаго не произошло соединеннаго вѣрою множества?

Да еще умерщвленнаго. И близко было къ вселенскому бѣдствію: Авраамъ былъ уже *умерщвленъ*— по старости, и по неплодству своей супруги. Нужно было ввести новую жизнь въ сего умерщвленнаго. Когда же она была введена посредствомъ вѣры, то отъ Авраама *родишася*.

Яко звѣзды небесныя множествомъ, и яко песокъ векрай моря безчисленный. То-есть, произошло такое потомство, которое можетъ наполнить и небо и землю. Велико и плотское потомство у Авраама: ибо однихъ Евреевъ, во времена Апостольскія, было нѣсколько милліоновъ. Но что, если примемъ въ счетъ и духовное потомство Отца вѣрующихъ, такъ какъ всѣ *чада обѣтованія причитаются* ему *вѣ сѣмя* (Римл. 9, 8.) и *сущіи отъ вѣры, сіи суть сынове Авраамли* (Гал. 3, 7.)? Весь міръ Христіанскій, по

ученію Апостола, растетъ на томъ же корнѣ, отъ котораго Израиль (Римл. 11, 16 и дал.). Какъ этотъ міръ наполняетъ землю, извѣстно каждому; а какъ избранные изъ него наполняютъ самое небо, о томъ свидѣтельствуетъ тотъ, кто видѣлъ *народъ многъ, егоже исчести никтоже можетъ, отъ всякаго языка и колѣна, и людей, и племенъ, стоящій предъ престоломъ и предъ Агнцемъ, облеченный въ ризы бѣлы и съ финиками въ рукахъ* (Апок. 7, 9).

Въ слѣдующемъ разсужденіи (ст. 13—16.) Апостолъ еще яснѣе раскрываетъ свойство вѣры Праотцевъ, предупреждая возраженіе Евреевъ, кои могли сказать: изъ чего заключить о высокой вѣрѣ Отцевъ нашихъ въ жизнь будущую (ст. 10), когда всѣ обѣтованія имъ были о земномъ? Богодухновенный учитель показываетъ, что сія вѣра видна изъ самаго исповѣданія Праотцевъ (ст. 13—15), а еще болѣе—изъ свидѣтельства о нихъ Божія (ст. 16).

По вѣрѣ умроша сіи вси, не пріемше обѣтованій. Разумѣются здѣсь Праотцы упомянутые выше (ст. 9)—Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, коимъ преимущественно усвоялъ себя Богъ (см. ст. 16). Исполненія обѣтованій о земномъ они не видѣли. Когда скончался Авраамъ, обѣтованное сѣмя его состояло только въ Исаакѣ и пятнадцатилѣтнемъ Іаковѣ. Исаакъ, предъ своею смертію, могъ знать только о первыхъ начаткахъ благословеннаго потомства—въ сынахъ Іакова. Болѣе видѣлъ самъ Іаковъ; но и объ немъ нельзя сказать, чтобъ онъ пріялъ обѣтованія: ибо сѣмя его долженствовало, вмѣстѣ съ нимъ, переселиться въ Египетъ и долгое время не видѣло земли обѣтованной.—Какую вѣру являли Праотцы при смерти, Апостолъ покажетъ далѣе—въ примѣрахъ Исаака, Іакова и Іосифа.

Но издалеча видѣвше я. Издалеча видѣть, знакъ остраго и внимательнаго зрѣнія. Таково было прозрѣніе св. Праотцевъ въ будущее! При такомъ внимательномъ созерцаніи, Авраамъ, по слову самаго Спасителя, усмотрѣлъ даже день Его,—*и видѣ и возрадовася* (Іоан. 8, 56).

И *цѣловавше*, или привѣтствовавъ. Это подобіе, по изъясненію св. Златоуста, взято отъ мореплавателей, кои, завидя издалеча города желанныя, прежде вступленія въ нихъ, радостнымъ привѣтствіемъ усвояютъ ихъ себѣ. И Праотцы, по словамъ Апостола, имѣли въ виду градъ, емуже художникъ и содѣтель Богъ (ст. 10).

И исповѣдавше, яко странни и пришельцы суть на земли. Съ вѣрою соединяли св. Праотцы и исповѣданіе ея. Авраамъ говорилъ на прим. сынамъ Хеттеовымъ. *Преселникъ и пришлецъ азъ есмь у васъ* (Быт. 23, 4). Іаковъ тоже исповѣдалъ предъ Фараономъ: *дніе лѣтъ житія* (съ Евр. пришельствія) *моего, яже обитаю, 130 лѣтъ* (Быт. 47, 9). *Преселникъ азъ есмь у тебе и пришлецъ*, говорили и всѣ древніе вѣрующіе (Псал. 38, 13).

Какимъ же образомъ это исповѣданіе показываетъ вѣру Праотцевъ въ жизнь будущую и воздаянія небесныя?—Апостолъ дѣлаетъ слѣдующее умозаключеніе: Тѣ, кои называютъ себя на землѣ странниками, путешественниками, показываютъ, что они не дома, не въ

отечествѣ, а стремятся къ нему. *Ибо таковая глаголющіи, являются, яко отечествія взыскуютъ*. Но объ отечествѣ своемъ земномъ не помышляли св. Праотцы; иначе они могли бы всегда возвратиться въ Месопотамію, изъ которой произошли. *И аще бы убо они помнили, изъ него же изыдоша, имѣли бы время возвратитися*. Авраамъ это возвращеніе почиталъ даже противнымъ волѣ Божіей, и сыну своему строго запретилъ оное (Быт. 24, 6—8). Слѣдовательно, они помышляли объ отечествѣ лучшемъ небесномъ. *Нынѣ же лучшаго желаютъ, сирѣчь небеснаго*.

Вотъ наконецъ торжественное свидѣтельство самаго Бога о сей высокой вѣрѣ Праотцевъ: Богъ благоволитъ называться Богомъ ихъ— *Богомъ Авраама, Исаака и Іакова* (Исх. 3, 6. 15; 4, 5).

Тѣмже, то есть, въ слѣдствіе вѣры ихъ, и *только* въ слѣдствіе ея. Противоположную сему мысль Апостолъ почитаетъ совершенно нелѣпою, ибо *безъ вѣры невозможно угодити Богу* (ст. 6).

Не стыдится сими Богъ, Богъ нарицатися ихъ. „Богъ вселенной не стыдится называться Богомъ трехъ. И справедливо; ибо не одной вселенной, а тысящей ихъ сподобятъ святые.“ (*). Сіи пришельцы, странники, такъ были драгоцѣнны въ очахъ Всевышняго, что Онъ хотѣлъ, во всемъ родѣ человѣческомъ, быть извѣстнымъ вмѣстѣ съ именами сихъ вѣрныхъ слугъ своихъ. Какъ же послѣ сего думать, будто Праотцы, столько прославляемые Богомъ, живя на землѣ, ограничивали свои надежды одною земною жизнію?

Уготова бо имъ градъ. Богъ раздѣляетъ какъ бы съ ними самое горнее жилище свое. Богъ, свидѣтельствуя о нихъ на землѣ, свидѣтельствуетъ и на небѣ, открывая тамъ для нихъ свой градъ вѣчный. Къ нимъ, какъ первымъ обитателямъ своего града, небесный Царь присоединяетъ и всѣхъ истинно вѣрующихъ: ибо, по слову Господа, *многи отъ востокъ и запада пріидутъ, и возлягутъ со Авраамомъ и Исаакомъ и Іаковомъ во царствіи небеснѣмъ* (Матѳ. 8, 11).

И такъ въ тѣхъ же словахъ Божіихъ, которыя Іис. Христосъ приводитъ въ доказательство безсмертія (Матѳ. 22, 31. 32.), Апостолъ находитъ и доказательство вѣры Праотцевъ въ безсмертіе. Въ разсужденіи Господа можно видѣть слѣдующее умозаключеніе:

Богъ называетъ себя Богомъ Авраама, Исаака и Іакова; но Онъ есть не Богъ мертвыхъ, а Богъ живыхъ: слѣдов. Авраамъ Исаакъ и Іаковъ, коихъ Онъ Богъ, не мертвы а живы.

Изъ словъ же Апостола, по нашему мнѣнію, можно произвесть и представить умозаключеніе слѣдующимъ образомъ:

Богъ преимущественно усвояетъ себя Аврааму, Исааку и Іакову. Но такъ усвоять себя Онъ можетъ только тѣмъ, кои жили на землѣ Его жизнію, въ Немъ единомъ полагали высшее благо свое. Слѣдов. Праотцы сіи не ограничивались земною жизнію, а жили для Бога, жили истинною вѣрою— полагающею свои сокровища на небѣ.—

(*) Слова св. Златоуста.

Всѣмъ время и время всякой вещи подъ небесемъ. Еккле. 3, 1.

Ни о чемъ такъ не заботятся въ свѣтѣ, какъ о провожденіи времени, и ни чѣмъ такъ не злоупотребляютъ, какъ провожденіемъ времени. А между тѣмъ всего времени нашей жизни— много *семдесятъ лѣтъ, аще же вѣсилахъ— осмдесятъ лѣтъ,* по слову Пророка. Но и при этой краткости времени, за правильное употребленіе его можно купить цѣлую вѣчность блаженства; равно какъ за злоупотребленіе— цѣлую вѣчность мученій. Какъ же драгоцѣнно для насъ время, и какъ ужасно злоупотребленіе имъ!— Желающимъ употреблять время жизни, какъ должно, предлагаемъ здѣсь слово о времени древняго проповѣдника и обличителя суеты дѣлъ человѣческихъ.

Всѣмъ время, и время всякой вещи подъ небесемъ.— Слѣдовательно времени совершенно празднаго и пустаго нѣтъ и быть не должно. Ибо что такое время?— Явленіе или обнаруженіе жизни, а не смерти;— движенія, а не покоя;— дѣятельности, а не бездѣйствія. Для мертваго нѣтъ времени; по неподвижно лежащему камню нельзя считать ни дней ни часовъ. Мы считаемъ дни, мѣсяцы и годы по непрестанному и правильному движенію свѣтилъ небесныхъ, различаемъ время сѣянія и жатвы по непрестанно измѣняющимся явленіямъ силы растительной. И такъ въ мірѣ, окружающемъ насъ, нѣтъ праздная времени, т. е. нѣтъ совершеннаго бездѣйствія; ибо всеобщее бездѣйствіе было бы всеобщею смертію. Кажущійся иногда покой есть только покровъ, подъ которымъ таится всегда дѣятельная жизнь.— Не можетъ быть совершенно праздная времени и у человѣка уже потому, что онъ живой членъ полной жизни и дѣятельности вселенной. И дѣйствительно, посмотримъ ли на собственное тѣло; въ немъ, и во время бодрствованія, и во время сна, непрестанное движеніе и непрестанная дѣятельность. Остановить сіе движеніе значитъ отнять жизнь. Прислушаемся ли къ собственной душѣ; въ ней непрестанно являются различныя представленія и образы, движутся мысли, волнуются чувства. Остановить сіе движеніе нельзя ни на одно мгновеніе безъ того, чтобъ не прекратить жизни души, или, что тоже, не уничтожить ее совершенно. Значитъ совершеннаго бездѣйствія нѣтъ и у человѣка; каждое мгновеніе времени наполняется непремѣнно какою либо дѣятельностію— полезною, или безполезною, правильною или неправильною, законною или незаконною. И такъ что такое такъ называемое праздное время у человѣка? Это время, праздное только отъ добрыхъ и полезныхъ дѣлъ, но полное дѣлъ пустыхъ и безполезныхъ. Праздно— говоримъ мы— проводитъ время дитя, когда оно занимается игрушками: но также праздно проводитъ время и взрослый, когда проводитъ его въ пустыхъ мечтахъ, въ праздныхъ словахъ, въ безполезныхъ дѣлахъ;— съ тѣмъ только различіемъ, что игрушки дитяти не вредятъ никому, а игрушки взрослыхъ всегда сопровождаются неизбѣжнымъ вредомъ, какъ для нихъ самихъ, такъ и для другихъ. Ибо между добромъ, которое одно истинно полезно, и зломъ, которое всегда вредно— нѣтъ средины. Потому-то праздность уже сама по себѣ есть порокъ, который осуждается и судомъ Божі-

имъ, и судомъ человѣческимъ,— грѣхъ, за который ожидаетъ достойная казнь въ жизни будущей. И такъ первое и главное правило касательно употребленія времени то, чтобы оно не улетало праздно— безъ добрыхъ и полезныхъ дѣлъ; что должно проводить его такъ, какъ повелѣваетъ законъ Божій, который одинъ указываетъ намъ что истинно хорошо и полезно, и противное которому все худо и вредно.—

Всѣмъ время, и время всякой вещи подъ небесемъ.— Слѣдовательно для всякаго времени есть и должно быть свое дѣло, и для всякаго дѣла есть и должно быть свое время. Нельзя поистиннѣ вѣрить тѣмъ, кои жалуются на избытокъ времени, ищутъ и не находятъ какъ провести, или, какъ справедливо говорятъ, убить время. Эта жалоба не отъ недостатка дѣла, а отъ недостатка усердія къ истинно полезнымъ дѣламъ. Можетъ ли не быть дѣла у Христіанина, которому предназначено быть совершеннымъ, *якоже Отецъ нашъ небесный совершенъ есть* (Матѳ. 5, 48.), который обязанъ знать вся, *яже отъ Бога дарованная намъ*, которому не должно быть чуждо все, *елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродѣтель, и аще кая похвала* (Филип. 4, 8).— Мы не находимъ дѣла? Но предъ нами книги св. Пророковъ, о которыхъ многіе и понятія не имѣютъ;— писанія св. Апостоловъ, изъ которыхъ мы нѣчто слышали иногда только въ храмѣ. А между тѣмъ сіи священныя писанія суть глаголы Господа Вседержителя, которые *духъ суть и животъ суть* (Іоан. 6, 63.);— Завѣтъ сладчайшаго Искупителя нашего, который намъ должно не только знать, но и исполнить. Можетъ ли быть невниманіе виновнѣе сего?— небреженіе— достойнѣе казни? Мы не знаемъ, какъ провести время; и однако же остаемся дома, когда Церковь призываетъ на молитву, роскошествуемъ и веселимся, когда повелѣваетъ поститься и плакать о грѣхахъ своихъ. Можетъ ли быть злоупотребленіе времени— хуже сего?— Равнымъ образомъ, можетъ ли жаловаться на недостатокъ дѣла и добрый гражданинъ и членъ общества, который самъ живетъ трудами другихъ, и который по тому самому обязанъ непрестанно трудиться для блага другихъ. *Не трудивыйся*, говоритъ Апостолъ, *ниже да ястъ*. И дѣйствительно, справедливо ли человѣку, который не сдѣлалъ, и не дѣлаетъ ничего на пользу ближнихъ, питаться хлѣбомъ, который стоитъ кроваваго пота бѣдному земледѣльцу;— украшаться одеждами, для приготовленія которыхъ подобные намъ жертвуютъ трудами и здоровьемъ;— жить въ домѣ, созиданіе котораго стоило пота многимъ?— Можетъ ли наконецъ не быть дѣла и у добраго семьянина, который обязанъ дать отвѣтъ за чадъ и домочадцевъ своихъ и предъ обществомъ, котораго они должны быть полезными членами; и предъ Церковію, которой они должны быть вѣрными и послушными чадами; и предъ судомъ Божіимъ, который, поставляя однихъ въ подчиненіи другимъ, тѣмъ самымъ возлагаетъ на послѣднихъ отвѣтственность за первыхъ.— Съ другой стороны нельзя вѣрить и тѣмъ, кои называютъ себя до того обремененными дѣлами общественными и житейскими, что не находятъ времени для дѣлъ благочестія,—

для исполненія важнѣйшихъ обязанностей Христіанскихъ. Нѣтъ должности въ обществѣ, которая поглощала бы, такъ сказать, все время жизни: древніе Христіане, находясь и въ Римскомъ— языческомъ войскѣ, и при дворѣ языческихъ Кесарей, умѣли быть вѣрными исполнителями и Христіанскихъ обязанностей. И нѣтъ дѣла семейнаго, которое не позволяло бы доброму семьянину быть вмѣстѣ и истиннымъ Христіаниномъ. Въ противномъ случаѣ надлежало бы расторгнуть всѣ узы общественныя и семейныя, чтобъ не лишиться единаго на потребу,— не потерять за временное благо вѣчнаго спасенія;— тѣ узы, которые освящаются и словомъ Божіимъ и св. Церковію, и которые уже потому самому не могутъ и не должны противорѣчить священнѣйшимъ обязанностямъ Христіанина. Спросите сами сихъ многодѣльныхъ мужей, сколько времени— при всѣхъ занятіяхъ своихъ— проводятъ они въ пустыхъ забавахъ, которыя называютъ отдохновеніемъ отъ трудовъ? Не ужели же усердная молитва, чтеніе слова Божія и участіе въ таинствахъ Христіанскихъ не могли бы доставить истиннаго услажденія ихъ сердцу, успокоенія духу, укрѣпленія силамъ? Значитъ, жалоба ихъ происходитъ не отъ недостатка времени, а отъ недостатка Христіанскаго расположенія духа. Есть *всѣмъ время, и время всякой вещи подъ небесемъ*. Нужно только умѣть хорошо пользоваться временемъ.—

Какъ пользоваться?— Потому же правилу: *всѣмъ время, и время всякой вещи подъ небесемъ*. Слѣдовательно всякому времени должно быть опредѣлено свое дѣло, и всякому дѣлу свое время— великому большее, малому— меньшее; но всякому свое непремѣнно. Нѣтъ большаго и важнѣйшаго дѣла, какъ спасеніе души, и пріобрѣтеніе жизни вѣчной: по тому дѣло сіе и должно быть— единственною цѣлію нашей жизни; на него исключительно и должно быть посвящено все время жизни. Не то хотимъ сказать мы, чтобы для сего должно было оставить совершенно всѣ дѣла общественныя и домашнія; но то, чтобы вся дѣятельность наша и въ жизни общественной, и въ жизни семейной одушевлялась мыслію о жизни будущей; чтобы всякое дѣло освящалось молитвою, предпринималось не по влеченію растлѣннаго сердца, но по чистому сознанію долга, предписаннаго закономъ Божіимъ, совершалось не для удовлетворенія прихотей и страстей, но во славу Божію, по оному правилу Апостольскому: *аще ясте, аще ли піете, вся во славу Божію творите*. Само собою разумѣется, что при семъ должно наблюдать надлежащій порядокъ и въ самомъ родѣ дѣлъ. Дѣла, непосредственно относящіяся къ служенію Богу и прославленію Его имени, по долгу займутъ первое мѣсто, и время, посвященное имъ, не должно быть отнимаемо у нихъ безъ особенно крайней нужды. Пусть дни святые святятся молитвою, благоговѣйнымъ чтеніемъ и размышленіемъ, дѣлами человѣколюбія и благотворенія ближнимъ. Пусть дни сѣтованія и покаянія будутъ посвящены неотложно сѣтованію о грѣхахъ своихъ, покаянію и воздыханіямъ о небесномъ отечествѣ. Пусть начало, средина и окончаніе и каждаго работнаго дня освятятся уединенною молитвою къ Отцу небесному. Пусть часть ночнаго покоя будетъ посвящена для еже-

дневнаго испытанія совѣсти, обозрѣнія дневныхъ дѣлъ и грѣховъ.— Дѣла служенія благу общему должны по долгу предшествовать дѣламъ, относящимся къ нашему личному благу. Если во всемъ и всегда мы пользуемся трудами другихъ: то справедливость требуетъ заслужить право пользоваться чужими трудами: *вся, елика аще хощете да творятъ вамъ человѣцы, и вы творите имъ такожде; въ нюже бо мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ* (Матѳ. 7, 12. 2). Словомъ, пусть во всѣхъ дѣлахъ нашихъ будетъ *всѣмъ время, и время всякой вещи*. Наука простая, для всѣхъ и всегда удобоисполнимая!

Что нужно для преспѣянія въ сей наукѣ? Помнить то же правило Мудраго: *всѣмъ время, и время всякой вещи подъ небесемъ*. Время, а не вѣчность!— время, котораго свойство протекать быстро и невозвратно. Не льзя возвратить на задъ ни одной секунды, а потому не льзя перемѣнить или уничтожить ни одного дѣла: ибо всякому времени принадлежитъ свое дѣло, и всякому дѣлу— свое время. Одно только всемогущество Искупителя нашего, за искреннее раскаяніе, можетъ изглаждать содѣланное нами! Съ другой стороны пространство между *временемъ раждатися и временемъ умирати* (Еккл. 3, 2.) проходитъ такъ быстро и не примѣтно, что смерть большею частію постигаетъ насъ тогда, когда всего менѣе ожидаемъ ее; принуждены бываемъ разлучаться съ міромъ тогда, когда всего менѣе хотѣлось бы того. Мысль о сей краткости, непостоянствѣ и измѣнчивости времени и всего временнаго не должна оставлять насъ ни на одно мгновеніе. Если бы намъ сказали, что настоящій день есть послѣдній день нашей жизни: мы, безъ сомнѣнія, употребили бы его весь на возможно лучшее приготовленіе къ смерти, забыли бы о всемъ окружающемъ насъ,— весь міръ казался бы для насъ чуждымъ. Что жъ мѣшаетъ намъ представлять себѣ послѣднимъ и каждый день жизни? Почему же и дѣйствительно не быть ему послѣднимъ? Кто положилъ завѣтъ съ смертію? Какой Ангелъ придетъ за благовременно возвѣстить намъ день кончины, когда самъ Господь сказалъ намъ: *бдите убо, яко не вѣсте дне ни часа, въ оньже Сынъ человѣческій пріидетъ* (Матѳ. 25, 13.)!

Блюдите убо, како опасно ходите, не яко же немудри, но яко же премудри, искупующе время, яко дніе лукави суть (Ефес. 5, 15. 16).

Кіевъ Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 14 Октября, 1845. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 38. НЕДѢЛЯ 30-я ПО РОЖД. ХРИСТОВѢ. Декабря. 26. 1843.

На Утрени: Евангеліе воскресное 8-е, Іоан. 20, 11—18.
На Литургіи: Апост. Гал. 1, 11—19. Еван. Мат. 2, 13—23.

Таинство странное вижу и пресла́вное: небо— вертепъ; престолъ Херувимскій— Дѣву; я́сли— вмѣстилище, въ нихже возлеже невмѣстимый Христосъ Богъ, Егоже величающе воспѣваемъ. Ирм. 9.

Величай душе моя отъ Маріи рождшагося Христа Жизнодавца!

Величай душе моя Честнѣйшую и Славнѣйшую горнихъ воинствъ, Дѣву Пречистую Богородицу!

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО

О звѣздѣ, приведшей волхвовъ ко Христу. (*).

Что звѣзда, приведшая волхвовъ ко Христу, была необыкновенная, и даже не звѣзда, а, какъ мнѣ кажется, какая-то невидимая сила, принявшая видъ звѣзды, сіе доказываетъ во первыхъ самый путь ея. Ибо нѣтъ, точно нѣтъ звѣзды, которая бы имѣла такой путь. Видимъ, что и солнце, и луна, и всѣ прочія звѣзды идутъ отъ востока къ западу; а сія текла отъ сѣвера на полдень: ибо въ такомъ положеніи находится Палестина въ отношеніи къ Персіи. Во вторыхъ сіе видѣть можно изъ самаго времени: ибо она является не ночью, а среди дня, при сіяніи солнца, что не свойственно не только звѣздѣ, но и лунѣ. Хотя луна больше всѣхъ звѣздъ, но при появленіи солнечнаго свѣта тотчасъ скрывается и дѣлается невидимою. Звѣзда же Христова превосходствомъ своего блеска преодолѣла самый свѣтъ солнечный, была яснѣе солнца, и какъ оно ни блистательно, а она сіяла больше. Въ третьихъ доказывается тѣмъ что звѣзда то является, то опять скрывается. Ибо когда волхвы шли въ палестину, она была видна и указывала имъ путь, а когда вошли во Іерусалимъ, она скрылась. Потомъ, когда они, сказавши Ироду, за чѣмъ пришли, оставили его, и собрался въ путь, звѣзда опять является. Это уже есть движеніе не звѣзды, а нѣкоторой совершенно разумной силы. Она не имѣла своего опредѣленнаго пути, но когда

(*) Извлечено изъ 6 бесѣды на Мат.

нужно было волхвамъ итти, и она шла; а когда нужно было остановиться, и она стояла, во всемъ соображаясь съ ихъ нуждою, подобно столпу облачному, по которому полкъ Іудеевъ и останавливался и поднимался съ мѣста, когда было нужно. Въ четвертыхъ, тоже ясно видѣть можно изъ самаго способа, какимъ звѣзда указала мѣсто. Ибо не съ высоты неба указала оное,— въ такомъ случаѣ волхвы не моглибъ различить мѣста; но, дабы указать оное, спустилась внизъ. Сами знаете, что обыкновенной звѣздѣ нельзя показать такого мѣста малаго, какое занимала хижина, особливо же въ какомъ вмѣщалось тѣло Младенца. Ибо какъ высота ея неизмѣрима; то она не могла бы собою обозначить и опредѣлить такого тѣснаго пространства, для желающихъ узнать оное. Объ этомъ всякой можетъ судить по лунѣ; она будучи гораздо больше звѣздъ, кажется близкою для каждаго изъ обитателей вселенной, разсѣянныхъ по всей земной широтѣ. Такъ скажи же, какъ бы звѣзда указала такое тѣсное мѣсто яслей и хижины, если бы, оставивъ высоту, не сошла она внизъ, и не стала надъ самою главою Младенца? Сіе самое давалъ разумѣть и Евангелистъ, сказавъ: *и се звѣзда идяше предъ ними, донеже пришедши ста верху, идѣже бѣ отрочя* (Матѳ. II, 9). Видишь, сколько доказательствъ на то, что эта звѣзда была необыкновенная, и явилась не по законамъ внѣшней природы.—

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО,

О избіеніи младенцевъ Виѳлеемскихъ отъ Ирода (*).

Тогда Иродъ видѣвъ, яко поруганъ бысть отъ волхвовъ, разгнѣвася зѣло, и пославъ изби вся дѣти, сущія въ Виѳлеемѣ, и во всѣхъ предѣлѣхъ его, отъ двою лѣту и нижайше по времени, еже извѣстно испыта отъ волхвовъ.

Матѳ. II, 16.

Безъ сомнѣнія Ироду надлежало не гнѣваться, но возъимѣть страхъ, укротиться и познать, что онъ предпріемлетъ дѣло невозможное; однакожъ онъ не укрощается. Ибо душа безчувственная и неизлѣчимая не принимаетъ никакаго врачеванія, Богомъ даруемаго. Смотри, какъ Иродъ снова подвизается въ прежнихъ дѣлахъ своихъ, прилагаетъ убійство къ убійству, и съ какимъ стремленіемъ на все рѣшается? Объятый гнѣвомъ и завистію,— какъ нѣкоторымъ демономъ, онъ ни на что не смотритъ, неистовствуетъ надъ самою природою, и гнѣвъ свой, возбужденный посмѣявшимися надъ нимъ волхвами, изливаетъ на неповинныхъ младенцевъ, и такимъ образомъ совершаетъ тогда въ Палестинѣ злодѣяніе, подобное бывшему нѣкогда въ Египтѣ: *пославъ изби вся дѣти, сущія въ Виѳлеемѣ, и во всѣхъ предѣлѣхъ его, отъ двою лѣту и нижайше, по времени, еже извѣстно испыта отъ волхвовъ* (Матѳ. II, 16). Будьте здѣсь внимательнѣе къ словамъ

(*) Изъ 9-й бесѣды на Матѳ. сокращенно.

моимъ. Многіе очень неразумно судятъ о сихъ дѣтяхъ, находя въ семъ произшествіи несправедливость; одни довольно скромно, а другіе съ большею дерзостію предлагаютъ о семъ свои сомнѣнія. И такъ, чтобы остановить дерзость однихъ, и разрѣшить сомнѣніе другихъ, выслушайте съ терпѣніемъ краткое мое размышленіе о семъ предметѣ. Если порицаютъ то, что избіеніе дѣтей попущено Промысломъ; то пусть порицаютъ его и за смерть воиновъ, которые стерегли Петра. Ибо какъ здѣсь, послѣ бѣгства Отрока (Іисуса), другія дѣти вмѣсто искомаго избиваются; такъ и тогда, какъ Ангелъ освободилъ Петра отъ темницы и узъ, нѣкто, подобный сему Тирану и именемъ и нравами, вмѣсто его предалъ смерти воиновъ, которые стерегли его. Но что это, скажешь ты? Это не есть рѣшеніе, но только прибавленіе къ вопросу. Я это самъ знаю: но для того сіе предлагаю, дабы на всѣ такого рода вопросы сдѣлать одно рѣшеніе. И такъ въ чемъ состоитъ сіе рѣшеніе? Какое можно дать рѣшеніе удовлетворительнѣе того, что не Христосъ былъ причиною смерти дѣтей, но жестокость Царя; равно и не Петръ былъ причиною смерти воиновъ, но безуміе Ирода. Ибо если бы сей послѣдній нашелъ подрытую стѣну, или разломанныя двери, тогда, можетъ быть, имѣлъ бы право винить въ безпечности воиновъ, стрегущихъ Апостола. Но какъ тамъ все было въ надлежащемъ порядкѣ: двери заперты, оковы остались на рукахъ стрегущихъ (ибо они были связаны вмѣстѣ съ Петромъ): то если бы онъ могъ только здраво разсудить о сихъ обстоятельствахъ, безъ сомнѣнія, могъ бы заключить изъ нихъ, что случившееся не есть дѣло силы человѣческой, или какого либо обмана, но нѣкоторой божественной и чудодѣйственной силы, и благоговѣть предъ содѣлавшимъ сіе, а не возставать на стражей.—

Все сіе справедливо, скажешь ты; но, показавъ ясно, сколь неизвинителенъ и кровожаденъ былъ Иродъ, ты не разрѣшилъ еще вопроса о несправедливости самаго событія: ибо пусть онъ дѣйствовалъ несправедливо, но почему Богъ попустилъ это? И такъ, что мнѣ сказать на сіе? то же самое, объ чемъ я непрестанно говорю и въ Церкви, и на торжищѣ и во всякомъ мѣстѣ;— желаю же, чтобы и вы тщательно соблюдали сіе; ибо это такое правило, которое мы можемъ употреблять во всякомъ подобномъ недоумѣніи. Что это за правило, и какое его содержаніе? То, что обижающихъ много, а обижаемаго нѣтъ ни одного. Впрочемъ, чтобы не привесть васъ въ большее замѣшательство симъ загадочнымъ изреченіемъ, я тотчасъ разрѣшу оное. Обиды, несправедливо претерпѣваемыя нами отъ кого-бы то ни было, Богъ вмѣняетъ намъ или въ отпущеніе грѣховъ, или въ воздаяніе награды. Но чтобы понятнѣе были мои слова, я объясню ихъ примѣромъ. Положимъ, что какой либо рабъ долженъ своему господину большою суммою денегъ, что сей рабъ обиженъ безчестными людьми, и какая нибудь часть его имѣнія отнята. И

такъ, если бы сей господинъ, имѣя возможность удержать похитителя и лихоимца, вмѣсто того, чтобы возвратить рабу похищенныя у него деньги, зачелъ ихъ за долгъ свой, то симъ обиженъ ли рабъ? никакъ. Чтожъ— если бы еще отдалъ ему болѣе похищеннаго,— не болѣе ли бы онъ пріобрѣлъ? это для всѣхъ очевидно. Точно также мы должны думать и о своихъ страданіяхъ. Что дѣйствительно мы сими страданіями или заглаждаемъ наши грѣхи, или же, если не имѣемъ грѣховъ, получаемъ за нихъ блистательнѣйшіе вѣнцы, послушай что говоритъ Павелъ о блудникѣ: *предадите таковаго сатанѣ во изможденіе плоти, да духъ спасется* (1 Кор. 5, 5). Какой же грѣхъ имѣли младенцы, скажешь ты, который должны были омыть своею кровію? Справедливо можно сіе сказать только о людяхъ возрастныхъ, которые много согрѣшили; но тѣ, которые претерпѣли сполъ безвременную смерть, какіе грѣхи загладили своими страданіями? Но развѣ ты не слыхалъ сказаннаго мною, что, если нѣтъ грѣховъ, то за здѣшнія страданія тамъ воздается награда? И такъ какой уронъ понесли дѣти, такимъ образомъ умерщвленныя и скоро достигшія покойной пристани? Ты скажешь, что они совершили бы многія, а можетъ быть и великія дѣла, если бы продолжалась ихъ жизнь. Но Богъ не малую предлагаетъ имъ награду за то, что они лишились жизни по такой причинѣ; иначе Онъ и не попустилъ бы ранней ихъ смерти: если бы они имѣли содѣлаться великими. Ибо, если Богъ съ такимъ долготерпѣніемъ попускаетъ жить и тѣмъ, которые всю жизнь провождаютъ во злѣ: то тѣмъ болѣе непопустилъ бы таковой смерти сихъ дѣтей, если бы предвидѣлъ, что они содѣлаютъ что либо великое.

Таковы наши причины: впрочемъ это не всѣ, но есть и другія сокровеннѣйшія, которыя совершенно знаетъ только Самъ устрояющій сіе.—

Съ нами Богъ! Иса. 8, 8.

Такъ привѣтствовалъ древняго Израиля Пророкъ Исаія, предвидя издалеча пришествіе Сына Божія во плоти:— и это радостнѣйшее благовѣствіе Ветхозавѣтнаго Евангелиста служило для древнихъ Богодарованнымъ знаменіемъ особеннаго промышленія Божія о народѣ Израильскомъ, утвержденіемъ вѣры во грядущаго Искупителя, источникомъ утѣшенія въ обстояніяхъ и скорбяхъ.— *Съ нами Богъ!*— Привѣтствуетъ и нынѣ св. Церковь Христіанская благодатныхъ чадъ своихъ, воспоминая великій день рожденія по плоти Сына Божія, Господа нашего Іисуса Христа;— и эта радостнѣйшая вѣсть всегда служила и должна служить для сыновъ Церкви Христовой утвержденіемъ вѣры и упованія, побужденіемъ къ добродѣтели и святости, утѣшеніемъ въ скорбяхъ и обстояніяхъ жизни.

Съ нами Богъ! Такъ, не ходатай и не Ангелъ, но самъ Сынъ Божій пришелъ для искупленія нашего. *Сый сіяніе славы и образъ ѵпостаси Бога Отца, иже не восхищеніемъ непщева равенъ быти Богу, себе умалилъ, зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ*

бывъ, и образомъ обрѣтеся якоже человѣкъ (Филип. 2, 6. 7.); *пріискренѣ пріобщися плоти и крови, да смертію упразднитъ имущаго державу смерти, сирѣчь діавола, и избавитъ сихъ, елицы страхомъ смерти чрезъ все житіе повинни бѣша работѣ* (Евр. 2, 14. 15). Само упостасное *Слово* Божіе— *плоть бысть и вселися въ ны, и видѣхомъ славу Его, славу яко Единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины* (Іоан. 1, 14). Можно ли послѣ сего Христіанину быть не увѣреннымъ въ своемъ спасеніи? Съ нами Господь и Спаситель нашъ— Богъ премудрый, глубиною мудрости вся строяй, и полезная всѣмъ подаваяй: и потому всѣ, дарованныя имъ, средства спасенія суть единственно вѣрныя, истинныя и спасительныя; всѣ, открытые имъ, пути къ жизни вѣчной, сколько ни казались бы трудными, приведутъ на небо. Лики св. Пророковъ и Апостоловъ, Мучениковъ и Исповѣдниковъ, Пустынниковъ и Дѣвственниковъ, Святителей и Праведныхъ, царствующихъ со Христомъ на небѣ,— вотъ вѣрные свидѣтели истины ученія Евангельскаго о спасеніи человѣковъ. Съ нами Господь и Спаситель нашъ— Богъ *вѣрный въ словесѣхъ своихъ, преподобный во всѣхъ дѣлѣхъ своихъ:* и потому всѣ обѣтованія Его, сколько бы ни казались онѣ высоки и непостижимы для разумѣнія нашего, суть ей и аминь; скорѣе прейдетъ небо и земля, нежели останется безъ исполненія хотя одно Его слово! Обѣщалъ Онъ даровать вѣрующимъ въ Него царствіе небесное, посадить на престолѣ своемъ;— и исполнитъ несомнѣнно. Обѣщалъ воскресить и прославить самую плоть нашу;— и пріидетъ часъ, *егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ* (Іоан. 5, 25). Съ нами Господь и Спаситель нашъ— Богъ всемогущій: и потому, хотя бы всѣ силы ада ополчились противъ насъ, никто же исхититъ насъ отъ руки Его— Всемогущаго; Онъ, если нужно потрясетъ небомъ и землею, чтобъ не оставить души, вѣрующей въ Него, во адѣ, не дать преподобному своему видѣть истлѣнія. Воспряни убо душа вѣрующая, емлись живою вѣрою за обѣтованія Евангельскія; не убойся, ниже смутися,— *яко съ нами Богъ!*

Съ нами Богъ! Можно ли, послѣ сего, Христіанину оставаться въ узахъ порока и безпечности о спасеніи своемъ, не возбуждаться къ неослабному шествію по пути добродѣтели? Съ нами Господь и Спаситель нашъ— Богъ всеблагій и милосердый. *Больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою* положитъ за други своя: но Онъ, еще грѣшникомъ сущимъ намъ, положилъ за насъ душу свою. Послѣ сего неизреченнаго подвига любви божественной, есть ли даръ, котораго Онъ пощадилъ бы для насъ?— помощь, которой не подалъ бы намъ?— милость, которой не оказалъ бы намъ? Съ нами Господь и Спаситель нашъ— Богъ вездѣ— сущій и всевѣдущій. Нѣтъ мѣста, которое сокрыло бы насъ отъ лица Его; нѣтъ мгновенія въ жизни, когда мы находились бы не предъ взоромъ Его: *камо пойду отъ Духа Твоего,* восклицалъ нѣкій святый мужъ, *и отъ лица Твоего камо бѣжу? Аще взыду на небо; Ты тамо еси; аще сниду во адъ,— тамо еси; аще возму крылѣ мои рано, и вселюся въ послѣднихъ моря;— и тамо бо рука Твоя наставитъ мя, и удержитъ мя десница Твоя.* Тѣмъ паче, можемъ ли сокрыться отъ Него мы,

составляющіе таинственное тѣло Его? И ничто не сокрыто предъ взоромъ Его: Онъ знаетъ всѣ нужды наши прежде прошенія нашего; зритъ всякую слезу покаянія; слышитъ всякій вопль молитвы; видитъ всякое благое дѣло наше, сотвореное во имя Его. Но съ тѣмъ вмѣстѣ Ему свѣдомы всѣ не только явные, но и тайные грѣхи наши, всѣ страстныя движенія сердца нашего, всѣ сокровенныя помышленія наши:— *вся нага и обьявлена* предъ очами Его. Съ нами Господь и Спаситель нашъ— Богъ всесвятый и правосудный. Ни одно дѣло благочестія, ни одинъ вздохъ сокрушенія сердечнаго, ни одна слеза покаянія не будутъ забыты на судѣ Его;— за все воздастъ Онъ сторицею. Но съ тѣмъ вмѣстѣ *не преселится къ Нему всякъ лукавнуяй, ниже пребудутъ беззаконницы предъ очима Его;* всякое порочное дѣйствіе, всякое праздное и пустое слово, всякая нечестивая мысль будутъ истязаны Имъ на судѣ; за все пріиметъ человѣкъ праведное воздаяніе.

Сія-то вѣра въ пребываніе съ нами Сына Божія— всевѣдущаго и всесвятаго, правосуднаго и многомилостиваго— явила въ родѣ человѣческомъ неслыханныя дотолѣ добродѣтели. Одушевляемые ею св. Апостолы съ радостію переносили всякаго рода труды и опасности, крайнюю нищету и презрѣніе міра, самыя муки и смерть. Одушевляемые ею св. Мученики презирали все могущество сильныхъ земли, всю лютость мучителей, и предавали плоть свою на жесточайшія страданія. Одушевляемые ею св. Пустынники вмѣняли за уметы вся красная міра, убѣгали всѣхъ житейскихъ радостей, избирали странническимъ пріютомъ себѣ неприступные вертепы, проводили всю жизнь свою въ неимовѣрныхъ подвигахъ. Одушевляемые сею св. вѣрою *святіи Божіи человѣцы побѣдиша царствія, содѣяша правду, получиша обѣтованія, заградиша уста львовъ, угасиша силу огненную, избѣгоша острія меча, возмогоша отъ немощи, быша крѣпцы въ бранехъ* (Евр. II, 33. 34). Возбуждаемые сею вѣрою и самые великіе грѣшники содѣлывались избранными сосудами благодати, и радовавшіе въ паденіи своемъ демоновъ, удивляли подвигами покаянія самихъ Ангеловъ. Какихъ плодовъ нельзя ожидать отъ нея и нынѣ? Воздвигнись убо душа Христіанская; отпряси сонъ лѣности и унынія, укрѣпись мужественно въ подвигахъ благочестія; не убойся, ниже смутися, *яко съ нами Богъ!*—

Съ нами Богъ!— Сею вѣрою въ Бога Помощника св. Церковь утѣшала себя и чадъ своихъ среди всѣхъ скорбей и бѣдствій, кои ниспосылала ей испытующая рука Божія;— и— о силѣ сея вѣры— среди пламени страданій оставалась невредимою, среди обуревавшихъ ее волнъ— какъ скала неподвижною. Чего не дѣлалъ исконный врагъ ко вреду Церкви и чадъ ея? Какихъ не воздвигалъ козней противу царства Божія?— Воздвигалъ гоненія и гонителей,— и кровь Христіанъ лилась по всюду, звѣрство гонителей переиспытало надъ ними всѣ виды жесточайшихъ мученій; возставлялъ полчища ересей и расколовъ,— и мирное стадо Христово терзалось волками, сокрывавшимися подъ одеждою овчею: производилъ невѣріе и отпаденіе,— и олтари Господни разрушались тѣми, кои рождены и воспитаны въ Христіанствѣ, обязаны вѣрѣ Христовой всѣмъ счастіемъ не только внутреннимъ, но и внѣшнимъ. Но бурныя

волны, воздвигаемыя духомъ злобы, не потопятъ корабля Іисусова; крѣпка клятва, на коей утверждается онъ,— это вѣра въ сына Божія, воплотившагося для спасенія нашего, и выну пребывающаго въ своей церкви: *страха вашего не убоимся ниже смутимся,* отвѣтствуетъ св. Церковь врагамъ своимъ; *яко Отроча родися намъ, Сынъ, и дадеся намъ, Егоже начальство бысть на рамѣ Его; и нарицается имя его велика совѣта Ангелъ, чуденъ, Совѣтникъ, Богъ крѣпкій, Властелинъ, Князь мира, Отецъ будущаго вѣка* (Иса. 9, 6.); *яко съ нами Богъ!*—

Съ нами Богъ! Сею вѣрою укрѣплялось среди ужасныхъ бѣдствій и Отечество наше, хранящее въ нѣдрахъ своихъ отъ лѣтъ древнихъ божественный ковчегъ завѣта, православную Вѣру и Церковь; и выну пребывающій въ Церкви своей Господь всегда являлъ надъ нимъ чудныя дѣйствія божественнаго промышленія своего, подавалъ свою благовременную помощь. Было время когда Россія, раздробленная на малые удѣлы, содѣлалась беззащитною жертвою враговъ, предводимыхъ свирѣпыми Батыями и Тамерланами. Кровь и пламя шли предъ ними, развалины и пепелъ означали слѣды ихъ ужасныхъ нашествій. Казалось, все было утрачено,— и честь и свобода, имущество и жилища: одна св. вѣра оставалась неизмѣннымъ залогомъ цѣлости народной. И вотъ— когда призывный гласъ вѣры— съ нами Богъ!— раздался изъ устъ Донскаго: разсѣянные сыны Россіи соединились подъ воздвигнутую имъ священную хоругвь вѣры. При звукахъ священнаго гимна: *Богъ намъ прибѣжище и сила,* воскресло древнее мужество въ полкахъ Русскихъ;— и многочисленныя полчища варваровъ устлали костьми своими широкое поле куликовское, и заря свободы возсіяла надъ Россіею. Было время, когда Россія, лишенная царственнаго племени св. Владиміра, раздираемая внутренними мятежами, и одолѣваемая врагами внѣшними, готова была пасть подъ тяжестію обуревавшихъ ее бѣдствій. Но св. Вѣра спасла ее и въ эту страшную годину искушенія: призывный гласъ вѣры *съ нами Богъ!*— раздавшійся изъ глубины уединенной обители благочестія, воздвигъ православныхъ сыновъ Церкви на избавленіе страждущаго отечества;— и враги, уже дѣлившіе въ мысляхъ своихъ Россію какъ вѣрную добычу, съ безчестіемъ изгнаны изъ предѣловъ ея. Умилосливленный всеобщею молитвою осиротѣвшаго народа Русскаго Господь даровалъ ему Отца, благословенный родъ коего служитъ украшеніемъ престола Русскаго уже болѣе двухъ столѣтій, залогомъ счастія и благоденствія Россіи во грядущіе роды.—Было и еще время— и оно было недавно— когда двадцать разноплеменныхъ народовъ, предводимые завоевателемъ полвселенной, проложили кровавый слѣдъ въ самое сердце Россіи: ничто не было пощажено новыми варварами, нечестію и буйству которыхъ удивились бы самые монголы.... *Начинающаго Бога!*— изрекъ Монархъ благословенный,— и призывный гласъ вѣры проникъ сердца православныхъ сыновъ Россіи, принесшихъ для избавленія отечества драгоцѣннѣйшую жертву,— священную матерь градовъ Русскихъ. *Съ нами Богъ!* восклицало за Царемъ своимъ Христолюбивое воинство, неся праведную месть осквернителямъ алтарей Господнихъ;— и многочисленные враги устлали костьми сво-

ими опустошенную ими землю; Россія узрѣла дивное заступленіе Божіе, и страшную казнь нечестивыхъ.

Такъ, видѣхомъ, Господи, видѣхомъ, и вси языцы видѣша въ насъ, яко Ты еси Богъ, и нѣсть развѣ Тебе. Даждь убо намъ память славныхъ посѣщеній твоихъ тверду и непрестанну имѣти въ себѣ; яко да въ Тебѣ утверждени сыновнимъ страхомъ, вѣрою и любовію, выну, якоже днесь, поемъ и славословимъ: слава Тебѣ Богу, благодателю нашему во вѣки вѣковъ!—

ВѢРА СВЯТЫХЪ ПРАОТЦЕВЪ.

Б. Частнѣйшіе примѣры вѣры св. Праотцевъ. Евр. 11, 17—23.

Изъ многихъ примѣровъ, Апостолъ избираетъ такіе, въ коихъ всего яснѣе видна увѣренность Патріарховъ въ истинѣ данныхъ имъ обѣтованій Божіихъ, и прозрѣніе вѣры въ грядущее. Таковы примѣры— жертвоприношеніе Авраама (ст. 17—19), благословеніе Исаака, данное Іакову и Исаву (ст. 20.), благословеніе Іакова сынамъ Іосифа (ст. 21.) и предсмертное завѣщаніе Іосифа (ст. 22). Къ нимъ присовокупимъ и примѣръ вѣры родителей Моисея (ст. 23).

1. *Примѣръ вѣры Авраама.*

Вѣрою приведе Авраамъ Исаака искушаемь. Здѣсь было даже нѣчто высшее вѣры въ обѣтованія: „здѣсь,“ говоритъ св. Златоустъ, „Божіе казалось сражающимся съ Божіимъ, вѣра была въ спорѣ съ вѣрою, и заповѣдь съ обѣтованіемъ.“ Эту самую мысль выражаетъ и Апостолъ, описывая въ слѣдующихъ словахъ жертвоприношеніе Авраамово.

И единороднаго приношаше, обѣтованія пріемый. Исаакъ былъ точно единородный сынъ въ отношеніи къ Саррѣ и къ обѣтованіямъ; ибо Измаилъ давно поставленъ былъ внѣ круга божественныхъ обѣтованій и удаленъ по повелѣнію Божію. Исаакъ былъ единороднымъ и по особенной любви къ нему отца и матери. И сіе-то единственное сокровище сердецъ родительскихъ требовались принесть въ жертву; надлежало самому отцу заклать такого сына!— И однимъ ли родителямъ онъ былъ драгоцѣненъ? Нѣтъ! Авраамъ, *обѣтованія пріемый*, вѣрою закалая сына, закалалъ, можно сказать, все потомство свое, даже надежду всего рода человѣческаго....

Къ нему же глаголано бысть, яко о Исаацѣ наречется тебѣ сѣмя. Тотъ, который былъ избранъ изъ всего міра, чтобы сохранить истинную Церковь— въ себѣ и своемъ потомствѣ, кому Богъ обѣщалъ дать всѣ свои благословенія, и положилъ ихъ именно въ Исаакѣ, обѣщавъ поставить съ нимъ завѣтъ вѣчный, и *быть ему въ Бога и сѣмени его по немъ* (Быт. 17, 19.), кто, послѣ долгаго ожиданія, и обрадованъ былъ дарованіемъ ему обѣтованнаго сына, наконецъ долженъ, по волѣ того же Бога, принесть Ему всѣ свои надежды и радости въ жертву, заклавъ единороднаго, не оставляющаго по себѣ никакого потомства. Что могло скрѣпить сердце и поднять руку отца на такого сына? Какая мысль могла придти Аврааму въ подкрѣпленіе вѣры, столь сильно искушаемой?

Помысливъ, яко изъ мертвыхъ воскресити силенъ есть Богъ. Такая

мысль кажется весьма удивительною въ томъ, кто не зналъ никакихъ примѣровъ воскресенія мертвыхъ; но иначе— какъ изъяснить рѣшимость Авраама? При этой высокой рѣшимости, по истинѣ, и высокая мысль о воскресеніи не слишкомъ высока.— Апостолъ и въ другомъ мѣстѣ эту мысль приписываетъ Аврааму, говоря, что онъ *вѣрова животворящему мертвыя, и нарицающему несущая яко сущая* (Римл. 4, 17). *Тѣмъ же того и въ притчи пріятъ.* Въ какой притчѣ? Златоустъ здѣсь указываетъ на овна, принесеннаго вмѣсто Исаака, какъ на притчу, или образъ жертвы Христовой. Но съ предъидущею мыслію о воскресеніи болѣе согласно изъясненіе бл. Ѳеодорита, который разумѣетъ въ этомъ мѣстѣ притчу, или образъ воскресенія. Авраамъ, вѣровавшій въ воскресеніе мертвыхъ, и принялъ Исаака въ образъ сего воскресенія, ибо принялъ его съ жертвенника, принялъ того, кого въ намѣреніи уже заклалъ и почиталъ мертвымъ. Исаакъ возставшій съ жертвенника былъ тоже, что воскресшій изъ мертвыхъ.

2. *Примѣръ вѣры Исаака.*

Вѣрою о грядущихъ благослови Исаакъ Іакова и Исава. Какую вѣру въ будущее имѣлъ Исаакъ, благословляя сыновъ своихъ? Принявъ самъ благословеніе со всѣми обѣтованіями Божіими отъ отца, преимущественно же то обѣтованіе, которое относилось ко всему роду человѣческому, сей Патріархъ сознавалъ долгъ свой передать это благословеніе, во всей его силѣ сыну, какого назначаетъ самъ Богъ. Но когда Богъ не открывалъ ясно Исааку, какъ открылъ нѣкогда Аврааму, на какого именно сына должна излиться вся полнота благословенія, то онъ думалъ, что самое первородство Исава есть божественное указаніе на сына избраннѣйшаго. Послѣ, когда по устроенію промысла Божія, благословенъ былъ прежде Исава Іаковъ, получивъ такимъ образомъ всѣ права первороднаго сына, Исаакъ совершенно подтвердилъ данное ему благословеніе, и слѣдовательно призналъ въ этомъ случаѣ истинную волю Божію. Что же во всемъ этомъ руководствовало благочестиваго старца— слѣпца, какъ не вѣра? Она побудила его заблаговременно, еще прежде совершеннаго истощанія силъ старческихъ, передать благословеніе избранному; она воодушевляла его, когда онъ говорилъ, при самомъ благословеніи: *Се воня сына моего, яко воня нивы исполненыя, юже благослови Богъ.... Поклонятся тебѣ сыкове отца твоего; проклинаяй тя, проклятъ, благословляяй же тя благословенъ* (Быт. 27, 27. 29). Вѣра показала св. Старцу и то, что благословеніе, данное Іакову, неизмѣнно: *и благословихъ его,* сказалъ онъ послѣ Исаву, *и благословенъ будетъ* (Быт. 27, 33). Наконецъ и благословеніе, Исаву данное: *мечемъ твоимъ жити будеши* и проч. (27, 40.), какъ пророчество, не могло быть изречено иначе, какъ вѣрою, издалече прозрѣвавшею въ будущее.

3. *Примѣръ вѣры Іакова.*

Вѣрою, Іаковъ умирая, коегождо сына Іосифова благослови, и поклонися на верхъ жезла его. Здѣсь два случая соединяетъ Апостолъ: а) благословеніе сыновъ Іосифовыхъ (Быт. гл. 48) и б) клятвенное обѣщаніе Іосифа— погребсть Израиля не въ Египтѣ, а въ землѣ обѣтованной, при

чемъ и было упоминаемое поклоненіе на верхъ жезла (Быт. 47, 29— 31). Въ томъ и другомъ случаѣ видна прозорливая вѣра Патріарха.

а) Апостолъ избираетъ въ примѣръ вѣры благословеніе Іакова, данное внукамъ (гл. 48), а не сыновьямъ (гл. 49.), вѣроятно, потому, что первый случай напоминаетъ о многихъ дивныхъ особенностяхъ, весьма поучительныхъ. Сіи особенности суть слѣдующія: 1. усыновленіе внуковъ и даже предпочтеніе ихъ многимъ сынамъ— *Ефремъ и Манассія, аки Рувимъ и Симеонъ будутъ мнѣ* (48, 5). При всегдашней покорности Патріарховъ волѣ Божіей, могло ли это, столь необычайное, усыновленіе быть безъ высшаго откровенія, которое какъ бы читалъ тогда духъ Іакова? 2. Предпочтеніе Ефрема Манассіи— меньшаго большему, въ знакъ того, что братъ меньшій будетъ, по своему потомству, больше старшаго. При семъ особенно открылось, какъ невидѣвшій тѣлесными очами Израиль ясно различалъ предметы очами духовными (Быт. 48, 19). 3. Благословеніе, изображенное крестообразнымъ возложеніемъ рукъ, что, очевидно, предъизображало крестъ, какъ орудіе благословенія для всѣхъ. 4. Исповѣданіе Бога тройственное, въ коемъ можно видѣть указаніе на троичность лицъ божества— *Богъ, емуже благоугодиша отцы мои предъ Нимъ,— Богъ, иже питаетъ мя измлада,— Ангелъ, иже мя избавляетъ отъ всѣхъ золъ* (48, 15.) *да благословитъ дѣтища сія* (*). 5. Предреченіе, съ такою увѣренностію произнесенное, о возвращеніи Израильтянъ изъ Египта: *и будетъ Богъ съ вами, и возвратитъ васъ отъ земли сея на землю отецъ вашихъ* (48, 21). Сколько во всемъ этомъ доказательствъ сильной, богопросвѣщенной, и надъ всѣмъ дольнимъ возвышенной вѣры Израиля!

б) Другой случай служитъ доказательствомъ не менѣе дивной вѣры тогоже Праотца. Ибо для чего желалъ онъ почить съ отцами своими (Быт. 47, 30.) въ землѣ обѣтованной? Безъ сомнѣнія, для того, чтобъ тѣмъ самымъ ощутительнѣе засвидѣтельствовать предъ потомствомъ свою вѣру въ божественныя обѣтованія, и сильнѣе привлечь взоръ вѣры Израильтянъ къ той странѣ, гдѣ какъ бы ожидаютъ ихъ всѣ великіе Патріархи, чтобы вмѣстѣ съ ними срѣтать исполненіе обѣтованій, а преимущественно срѣтать то обѣтованное Сѣмя, въ коемъ источникъ благословенія для всѣхъ народовъ. Но что за таинственное указаніе Апостола на это, повидимому, простое дѣйствіе Іакова: *и поклонися на верхъ жезла его?* По нынѣшнему Еврейскому тексту читаютъ: „и поклонися на верхъ одра своего,“ и объясняютъ это такъ: Св. старецъ, обнадеженный сыновнею кляпвою въ томъ, что тѣло его будетъ въ землѣ обѣтованной, столько обрадовался, что привсталъ нѣсколько на одрѣ и поклонился Богу, склонившись на возглавіе. Тоже благодарное поклоненіе Богу можно полагать и въ поклоненіи на верхъ жезла, который могъ быть тогда въ рукахъ изнемогающаго старца. Впрочемъ нельзя отрицать особенной таинственности въ этомъ поклоненіи. Потому нѣкоторые изъ отцевъ (Златоустъ и Ѳеодоритъ) полагаютъ, что Іаковъ провидѣлъ царственное достоинство въ колѣнѣ Ефремовомъ (по раздѣленіи царства) и своимъ поклоненіе-

(*) См. *Записки на кн. Бытія* въ семъ мѣстѣ.

емъ почтилъ это достоинство въ Іосифѣ; другіе находятъ изображеніе креста на скипетрѣ Іосифа, и поклоненіе относятъ къ сему спасительному знаменію. Какъ объяснить эту тайну, когда самъ Апостолъ оставилъ ее въ священномъ мракѣ? Вѣрно только то, что Іаковъ поклонился *вѣрою*, провидя очами ея въ будущемъ нѣчто достойное поклоненія.— Кто знаетъ? При мысли о землѣ благодатной, не представился ли духовному взору Израиля образъ самого Искупителя, благословляющаго всѣхъ, и святый старецъ Ему воздалъ честь своимъ поклоненіемъ?—

4. *Примѣръ вѣры Іосифа.*

Вѣрою Іосифъ, умирая, о исхожденіи сыновъ Израилевыхъ памятствова, и о костехъ своихъ заповѣда. Іосифъ, съ юныхъ лѣтъ всю жизнь проведшій въ Египтѣ, тамъ имѣвшій и новое родство свое, могъ почитать эту страну своимъ отечествомъ; но и онъ *вѣрою о исхожденіи сыновъ Израилевыхъ памятствова*, и свою вѣру въ обѣтованія изъявилъ имъ при смерти, желая, чтобъ подобная вѣра постоянно сохранялась и послѣ него въ народѣ избранномъ: для того *о костехъ своихъ заповѣда*. Такимъ образомъ, если кости Авраама, Исаака и Іакова въ Палестинѣ были какъ бы отдаленнымъ магнитнымъ полюсомъ, къ коему обращалась вѣра и надежда Израильтянъ, то кости Іосифа, на коихъ лежала печать священной заповѣди о изнесеніи ихъ изъ Египта, долженствовала быть ближайшимъ и всегдашнимъ указаніемъ на страну обѣтованія. И мертвыя кости, дѣйствительно оживляли вѣру народа Божія. Св. Исторія свидѣтельствуетъ, что онѣ, вѣрою оставленныя до времени въ Египтѣ, вѣрою же сохранялись около 200 лѣтъ, потомъ вѣрою изнесены были изъ Египта (Исх. 13, 19.), чтобъ еще 40 лѣтъ странствовать до мѣста своего покоя вѣчнаго. Изъ сего видно, какъ еще въ глубокой древности, кости святыхъ были уважаемы вѣрующими. Одно невѣріе или маловѣріе оказываетъ пренебреженіе къ симъ драгоцѣннымъ памятникамъ жизни по вѣрѣ.

Къ древнимъ примѣрамъ вѣры Праотцевъ до Моисея мы можемъ, слѣдуя Апостолу, причислить и

Примѣръ вѣры родителей Моисея. (ст. 23).

Вѣрою Моисей родився сокровенъ бысть три мѣсяцы отъ отецъ своихъ; зане видѣша красно отрока, и не убояшася повелѣнія царева.— Въ описаніи Апостольскомъ этотъ примѣръ служитъ какъ бы переходомъ отъ примѣровъ вѣры Авраамовой къ примѣрамъ вѣры людей подзаконныхъ. Апостолъ хочетъ показать, какъ самъ Моисей, первый служитель *закона*, спасенъ былъ въ младенчествѣ *вѣрою*. Послѣ покажетъ, что Моисей и жилъ, спасался и другихъ спасалъ вѣрою.

Предназначенный Богомъ быть спасителемъ Евреевъ самъ былъ близокъ къ погибели. И что спасло его? Вѣра, говоритъ Апостолъ, его родителей, кои, видѣвъ необыкновенную красоту своего младенца, возъимѣли нѣкое высокое о немъ предчувствіе, рѣшились скрывать его, и скрывали цѣлые три мѣсяца. Чего могла стоить имъ эта рѣшимость, когда и губительный законъ Фараоновъ, и недремлющая злоб-

Египтянъ стояла съ мечемъ надъ Евреями?— Но вѣра дала родителямъ мужество, и *не убоящася повелѣнія Царева*. Отъ одного Бога возможно было ожидать тогда спасенія; на Него-то, родители Моисея возложили всю свою надежду, и Его Промыслу, послѣ трехъ мѣсяцевъ, ввѣрили дитя свое. И надежда вѣры не обманулась. Послѣ открылось, что божественный Промыслъ заставилъ самаго губителя Евреевъ воспитать для нихъ спасителя.

Яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословенно. Іов. 1, 21.

Такъ разсуждаютъ, при концѣ года, люди благочестивые, во всемъ преданные волѣ Божіей.

Все, случившееся съ нами въ прошедшемъ году, случилось по распоряженію премудраго Промысла и для истиннаго нашего блага. Видѣли мы и радости и печали, и радушіе и равнодушіе людское, презрѣніе и любовь братій нашихъ; давалъ Богъ намъ счастье, попускалъ и несчастье. Все это зависѣло отъ всеблагой воли Божіей: *яко Господеви изволися, тако бысть*.

Мы съ своей стороны старались дѣлать все, что зависѣло отъ немощныхъ силъ нашихъ, повиноваться внушеніямъ благодати Божіей, избѣгать паденій злонамѣренныхъ, и если падали, то молили Господа о возстановленіи... Но все доброе въ нашей жизни не намъ принадлежитъ, а Господу Помощнику, Покровителю и Защитнику: наше дѣло за все славить и благодарить Господа: *яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословенно*.

Такъ разсуждаютъ благочестивые: а грѣшники и провожаютъ прошедшій годъ и встрѣчаютъ новый— съ ропотомъ и жалобами!...

Кіевъ Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 21 Октября, 1843. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 39. НЕДѢЛЯ ПРЕДЪ ПРОСВѢЩЕНІЕМЪ Генваря 2. 1844.

На Утрени: Евангеліе воскресное 9-е, Іоан. 20, 19—31.
На Литургіи: Апост. 2 Тим. 4, 5—8. Еванг. Мар. 1, 1—8.

НОВЫЙ (1844) ГОДЪ.

Боже Боговъ и Господи, Трипостасное естество, непристулне, присносущне, несозданне, и всѣхъ Содѣтелю, Вседержителю, Тебѣ припадаемъ вси, и Тя молимъ: настоящее лѣто сіе яко благъ благословивъ, сохрани въ мирѣ ИМПЕРАТОРА, и вся люди Твоя, щедре. Свѣтил. Индикта.

Христе Боже нашъ, иже мудростію вся содѣявый, и изъ несущихъ во еже быти приведый, благослови вѣнецъ лѣта, и грады наша сохраняй невредны, Благовѣрнаго же ИМПЕРАТОРА Нашего силою Твоею возвесели, побѣды дая ЕМУ на сопостаты, Богородицы ради даруя міру велію милость. На стих. Стих. Индикта.

Въ вышнихъ живый Христе Царю, всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ Творче и Зиждителю, иже дни и нощи, времена и лѣта сотворивый, благослови нынѣ вѣнецъ лѣта, соблюди и сохрани въ мирѣ Православнаго ИМПЕРАТОРА, и градъ и люди Твоя многомилостиве. Кондакъ Индикта.

Иже времена плодоносна, и дожди съ небесе подая сущимъ на земли, и нынѣ пріемля мольбы рабовъ Твоихъ, отъ всякія избави нужды градъ Твой: щедроты бо Твоя истинно на всѣхъ дѣлѣхъ Твоихъ. Тѣмже входы благослови, и исходы, дѣла исправи въ насъ рукъ нашихъ, и согрѣшеній прощеніе даруй намъ Боже. Ты бо изъ несущихъ всяческая во еже быти, яко силенъ привелъ еси. Сѣдал. Индикта.

СЛОВО
НА НОВЫЙ ГОДЪ (*).

Лѣта изочтенная пріидоша, и путемъ, имъ же не возвращуся, пойду.
Іов. 16, 22.

Съ непонятною скоростію, слуш., происходитъ этотъ счетъ. Что я говорю, то уходитъ; что я сказалъ, то не возвратно ушло; а что хочу сказать, не знаю, дастъ ли мнѣ Творецъ мой время и силу сказать. И если скажу, то оно уже будетъ другое, а не то самое, что я сказалъ. Такъ всѣ дойдемъ до послѣднихъ словъ, и скажемъ: „въ руцѣ твои Господи, предаемъ духъ нашъ.“ Симъ заключимъ все.... и тогда останутся въ насъ нѣкоторые лишь слабые признаки жи-

(*) Говоренное Протоіереемъ Іоанномъ Левандою 1-го Января 1773 года.

зни; подобно какъ въ часахъ, которые доходятъ, слышится тихое движеніе; остановится, то есть, тяжкое и медленное всхлипываніе стѣсненной груди, или послѣднее издыханіе изнемогшаго человѣка, которое, разъ нѣсколько повторившись, утихаетъ на вѣки, и которое принадлежитъ уже къ числу жизни точно такъ, какъ послѣдняя точка къ конченному нами письму. И не такъ ли,— подобно слову, течетъ и жизнь наша? Что живу,— уходитъ; что жилъ, невозвратно ушло; что хочу жить,— незнаю, дозволитъ ли Творецъ мой. И если буду жить, та жизнь будетъ другая, а не та самая, которою я жилъ. Все же, что прожилъ я, ставится въ счетъ моимъ Создателемъ. *Лѣта изотчая пріидоша, и путемъ, имъ же не возвращуся пойду.*

Я хочу говорить о краткости нашей жизни, и показать, что мы побуждаемъ Бога сокращать нашу жизнь.

Только на землѣ и мѣста было хорошаго, что рай. Только было и жизни для насъ, что въ раю. Жизнь райскую только и можно было назвать жизнію. Она протекала во всѣхъ радостяхъ, которыхъ только могло желать человѣческое сердце: тамъ сіяли дни, и очи человѣка, куда ни обращались въ семъ царствѣ утѣхъ, вездѣ встрѣчались съ своимъ блаженствомъ. Чего не доставало тамъ, гдѣ все было для удовольствія духа и чувствъ? гдѣ все изобрѣтала Божія премудрость, ущедряла и дарила Божія благость, работала Божія десница и сила, чтобъ сдѣлать человѣка счастливымъ? Адамъ и его помощница имѣли все, и наслаждались всѣмъ, что безгрѣшно: тѣло имѣли они благолѣпное, а душу прекраснѣйшую, потому что она была свята и богоподобна; сердце ихъ покоилось въ Богѣ и Его св. волѣ; желанія ихъ стремились только къ сему источнику благъ, за дарованіе которыхъ возсылали Ему благодареніе; совѣсть ихъ была чиста. Они были дѣти, въ которыхъ изображался небесный Отецъ. Любовь соединяла ихъ съ Богомъ самая пламеннѣйшая, а взаимность сей священнѣйшей любви составляла для нихъ другой рай. Бояться имъ было не кого, плакать не чего; трудиться и хлопотать не за чемъ; противъ старости дано божественное средство. Так. обр., поживши въ наслажденіяхъ несчетныя лѣта, человѣкъ долженъ былъ, подобно Еноху— не умирая, переселиться изъ сего любезнаго жилища къ вселюбезнѣйшему Богу, и возвратиться въ отечество, ему предназначенное.

Чтожъ? грѣхъ нашъ все перемѣнилъ. Грѣхъ сдѣлалъ человѣка врагомъ Богу и Его волѣ, и далъ ему другой страшнѣйшій образъ. Святую и боголюбивую душу его сдѣлалъ самолюбивѣйшею и достойною всякаго проклятія: ничего въ ней не осталось, кромѣ любви къ порокамъ и склонности ко всему запрещенному. Міръ обратилъ въ такую больницу, въ которой ничего не слышно, кромѣ стенаній, и какъ на сраженіи, ничего невидно, кромѣ труповъ, пролитой крови, грабительствъ, немилосердія и валяющихся отсѣченныхъ членовъ;— такъ и въ жизни сей ничего невидно, кромѣ бѣдъ. Самую жизнь ужасно сократилъ; смерть не только въ міръ, но и въ тѣло наше, ввелъ; а сія тиранка, царствуя въ человѣкахъ, сокру-

шаетъ насъ разными болѣзнями, и наконецъ разрушаетъ въ прахъ. Прошло благоденствіе, какъ сонъ, и только осталась у насъ горькая память о немъ. *И царствова смерть отъ Адама даже до Моисея* и до насъ, *и надъ не согрѣшившими по подобію преступленія Адамова* (Римл. 5, 14).

Однако я вижу еще благосердіе Божіе къ человѣкамъ и благоволеніе о продолженіи жизни ихъ. Маѳусалъ живетъ 969 лѣтъ. Еще великіе человѣки, которыхъ мы называемъ Праотцами или Патріархами, живутъ многолѣтнюю жизнь, и оставляютъ намъ примѣръ награжденной благоденствіемъ и долголѣтіемъ добродѣтели. Чтожъ? можетъ быть это было бы наслѣдственно въ родѣ человѣческомъ? Но, нѣтъ: умножается нечестіе на землѣ, укрѣпляется неправда, возрастаетъ злоба и безчеловѣчіе, потокомъ рѣчнымъ разливаются нечистоты, вопіютъ на небо грѣхи, преогорчевается Вышній, и, въ отмщеніе, опредѣляетъ и говоритъ: *не имать Духъ мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ во вѣки, зане суть плоть: будутъ же дніе ихъ лѣтъ сто двадесять* (Быт. 6, 3).

Пусть бы бѣдная жизнь наша хотя на семъ опредѣленіи Божіемъ остоялась. Пусть бы дали мы остояться ей. Пусть бы прожить человѣку 120 лѣтъ хотя и не значило чуда: статься можетъ, что мы, пожившіи столько лѣтъ въ страхѣ Божіемъ и благочестіи, которое по слову Павлову, *на все полезно есть, обѣтованіе имуще живота нынѣшняго и грядущаго,* увидѣлибъ собственными очами разныя на насъ и на сынахъ сыновъ нашихъ Божіи благословенія, и, утѣшившись онными, пошлибъ во гробъ, какъ въ двери небеснаго царствія, къ Богу, какъ къ родному Отцу. Но все не такъ: грѣхъ, воцарившись въ сердцахъ человѣческихъ, изгналъ любовь и страхъ Божій, и пороки окаменились: явилась отчаянная, богоненавистная жизнь въ человѣкахъ и такія дѣла, какихъ только богоубійственное ихъ сердце захочетъ. *Кутъ бо,* по слову Соломона, *сердце ихъ злая.* Но твое правосудіе, Господи, соображается съ нашею жизнію, и мы уже и оной милости Твоей праведно и по дѣламъ нашимъ лишаемся. Однако если изъ тысячи одинъ сподобляется ея, то онъ бываетъ чудомъ: уже бо *дніе лѣтъ нашихъ, въ нихъ же семдесятъ лѣтъ, аще же въ силахъ осмдесятъ лѣтъ, и множае ихъ трудъ и болѣзнь.* Сорокъ лѣтъ отнято, или назначаются на нарочитыя болѣзни. Но въ наказаніе бываетъ, что и послѣднее положенное число лѣтъ отнимается у насъ, и мы умираемъ въ преполовеніи дней, а многіе и преполовенія не доживши; умираемъ въ первомъ цвѣтѣ лѣтъ — въ колыбеляхъ, умираемъ въ тотъ самый день, въ который родились, умираемъ въ самой утробѣ матерней; умираемъ, чтобъ раждающіе видѣли небесный гнѣвъ на грѣхъ, а умирающіе чтобы спаслися отъ тѣхъ грѣховъ, въ которыхъ, подражая отцамъ своимъ, стали бы утопать.

Добрые люди никому не живутъ на вредъ, но всѣмъ сколько возможно дѣлаютъ добро; всѣхъ любятъ, и всѣ ихъ любятъ, и своихъ бы удѣлили имъ дней. Ихъ то жизнь считается не по днямъ, но по добродѣтелямъ: ибо худой (человѣкъ) никому въ продолженіе 70-ти лѣтъ не былъ столько поле-

зенъ и не сдѣлалъ столько добра, сколько сдѣлалъ добродѣтельный въ продолженіе седми дней; и такъ рѣдки въ жизни добродѣтельныхъ пороки, какъ въ жизни порочныхъ добродѣтели. Однакожь и тѣ часто умираютъ безвременно, и посѣкаются тогда, когда никто того не ожидалъ. Тотъ, Кто съ небесе приникаетъ на все, видя, какъ ни закрыто человѣческое сердце, что добрые долго не будутъ добрыми, что злые, чрезъ заразу сообщенія, сдѣлаютъ ихъ злѣйшими себя, не даетъ имъ больше жить. И вотъ почему Соломонъ говоритъ о добродѣтельномъ: *восхищенъ бысть, да не злоба измѣнитъ разумъ его, или лесть прельститъ душу его. Скончався вмалѣ, исполни лѣта долга: угодна бо бѣ Господеви душа его, сего ради потщася отъ среды лукавствія* (Прем. 4, 11. 13. 14). Сколь долго, сколь твердо пребываютъ древа и камни! мы одни въ разсужденіи ихъ ничто. Многіи изъ животныхъ весьма крѣпки и долгожизненны; но повелитель ихъ слабъ, и часто подчиненныхъ своихъ трепещетъ. Я говорю о человѣкѣ и звѣряхъ. Металлы долговременны, серебро прочно, золото долговѣчно; но сребролюбецъ скоро умираетъ, и становится прахомъ.

Я не смѣю сравнивать нашей жизни съ вѣчностію, необъемлемою умомъ, и съ жизнію, которою живутъ Ангелы, а тѣмъ паче съ чуднымъ существованіемъ, которымъ существуетъ Богъ. Вѣчность— море безъ береговъ, а наша жизнь есть дождевая капля, что канула на землю,— и нѣтъ ей слѣда. Богъ есть и пребываетъ; а мы призракъ, и жизнь наша привидѣніе. Люди не давно смотрѣли на насъ, и мы исчезали у нихъ передъ глазами; но они не могутъ удержать насъ въ своей памяти, и представить въ мысляхъ, кто мы были.

Жизнь такъ мала, какъ дыханіе, которое втягиваю въ себя, и которое принадлежитъ къ составу моей жизни; я дохнулъ, и часть жизни моей исчезла вѣчно... а о будущемъ позволеніи дыханія нѣтъ ни для кого поруки; напротивъ еще грозитъ намъ сіе прещеніе: *аще превратится сердце ваше, и не послушаете мене, возвѣщаю вамъ днесь, яко погибелію погибнете, и не многодневны будете на земли.* Если же, слуш. посмотримъ еще на то, что человѣкъ, живя весьма не долговременно, часто бываетъ обремененъ такими бѣдами, что съ Іовомъ кричитъ: *почто во утробѣ не умрохъ? изъ чрева же изшедъ, и абіе не погибохъ* (Іов. 3, 11.)?— то не вдвое ли жизнь наша кажется короче, если выбрать изъ нея для счету одни счастливые дни, которыхъ почти со свѣчею надобно искать?

Знаю, что въ жизни не безъ отрадъ; но то капля сладости въ чашѣ горести. *Еще сущу брашну во устѣхъ* пиршествующаго народа, *и гнѣвъ Божій изыде на ня*, говоритъ св. Давидъ о Израильтянахъ. А въ Маккавейской Исторіи пишется, что когда сыны Іамвріины праздновали бракъ, и съ величайшею гордостію вели невѣсту отъ Надаваха; то на пути пролита ихъ кровь. *И обратися бракъ въ сѣтованіе и гласъ музыкіи ихъ въ плачь* (1 Мак. 9, 37— 41). Таковы-то наши на свѣтѣ радости! Если же кто и въ самой кратковременности бѣдственной жизни находитъ ту отраду,— что не долго на свѣтѣ мучиться; то до праведныхъ мнѣ нѣтъ дѣла— а о грѣшникахъ, каковы мы, смѣло скажу: что-жь будетъ, если мы изъ

кратковременной муки за непокаяніе попадемся въ вѣчную?—

Будемъ же, слуш., помнить и никогда не предадимъ забвенію, ни для суеты, ни для страсти, что малая жизнь дана намъ для того, чтобъ мы приготовились къ великой, и краткая дана для вѣчной. Мы дѣлаемъ все, исключая одного, что надлежало бы намъ дѣлать; запасаемся всѣмъ на будущіе дни, только на страшный день ничѣмъ. Къ праздникамъ есть у насъ отличные уборы, а къ празднику и торжеству вѣчному— никакихъ. Все помнимъ, заботимси обо всемъ,— одну только душу забыли; и тѣмъ страшнѣе, что мы имѣемъ одну: ибо по нашему нраву надобно бы душъ по крайности четыре, и погубивъ одну въ сребролюбіи, другую въ честолюбіи, третью въ сластолюбіи, съ четвертою— спастись. Мысли у насъ высоки, но въ небо не летятъ. Желанія безконечны, но къ жизни безконечной не стремятся. Совѣты мудры, но на погибель— сперва чужую, а потомъ свою. Словъ много, но не тѣхъ, съ которыми на судъ Божій предстать. Разсужденія важны (тяжеловѣсны), потому что много имѣютъ въ себѣ земли и песку, на которомъ основаны. Есть у насъ и любовь, но не къ Богу. Есть и страхъ, но не муки вѣчной...

Довлѣетъ убо намъ доселѣ бывшаго.. Попечемся душею о душѣ, чтобъ при смерти радостно предать ее въ руки Божіи достойною сихъ рукъ. *Лѣта изочтенная пріидоша, и путемъ, имъ же не возвратимся* уже *идемъ*. Аминь.

Да пріидетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя яко на небеси, и на земли.

Ты спрашиваешь: „отъ чего, съ приближеніемъ новаго года, душа обыкновенно бываетъ въ какомъ-то не ясномъ, неопредѣленномъ состояніи: мысль, какъ странникъ на невѣдомомъ распутіи, не разгадываетъ, въ какую сторону склонится ей, и о чемъ размышлять: духъ видимо чего-то ищетъ и желаетъ, но не можетъ сказать, чего именно желаетъ?“

Не удивляйся; такъ бываетъ не съ однимъ тобою. Часто видалъ я, что самые большіе неохотники до размышленій, самые вѣтренные насмѣшники надъ задумчивостію и задумчивыми мгновенно сами же погружались въ грустную задумчивость надъ этимъ *новымъ годомъ*; что само легкомысліе стремилось къ нѣкоей важной и глубокой мысли, когда слышало простое и весьма извѣстное выраженіе: *еще новый годъ!* Думаютъ, хотя бы и не знали точно, о чемъ думаютъ. Не удивляйся,— говорю: неопредѣленное состояніе нашей души, въ самое опредѣленное для насъ время, весьма естественно намъ; потому что мы живемъ неопредѣленно, живемъ поверхностію и на поверхности духовной природы нашей; темныя, томительныя желанія и раздумье неизбѣжны для тѣхъ, у коихъ собственная душа— потемки. Но и не думай, чтобы во глубинѣ нашего духа безсмертнаго дѣйствительно не было ни опредѣленной мысли, ни опредѣленнаго предмета для мысли, пробуждаемой каждымъ *новымъ годомъ*; чтобы въ отдаленнѣйшихъ областяхъ нашего

глубокаго сердца не таилось самое ясное желаніе такой истины и добра, которыя однѣ въ состояніи наполнить собою всю нашу бездну духовную, опредѣлить всѣ наши стремленія. Нѣтъ,— онѣ есть въ насъ— эти опредѣленныя мысли, ясныя желанія весьма яснаго предмета: только мы, дѣти суеты и разсѣянности, не ясно сознаемъ ихъ. Какъ прояснить свое темное сознаніе? Читай слова изъ молитвы Господней: *да пріидетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя яко на небеси, и на земли.* Царствіе Божіе есть тотъ опредѣленный предметъ, о которомъ всѣ мы постоянно мыслимъ, хотя и не замѣчаемъ сего; пришествіе царствія Божія есть то ясное желаніе души нашей, которое стараются пробудить въ насъ новые годы.

Правда, мірской языкъ не употребляетъ выраженія— *царствіе Божіе;* обыкновенно говорятъ и желаютъ въ новый годъ *новаго счастія, новаго довольства и спокойствія:* но гдѣ это счастіе? Его нигдѣ нѣтъ, кромѣ царствія Божія; ибо желанія наши такъ велики и обширны, что одно Божіе царство можетъ насытить ихъ. Довольство и спокойствіе совсѣмъ невозможны, пока люди будутъ управляться буйною и безпокойною волею собственною, и пока Божія воля не сдѣлается единственнымъ закономъ жизни и дѣятельности для всѣхъ тварей. По этому желаніе счастія, требованіе довольства и спокойствія есть требованіе не инаго чего, какъ только требованіе царствія Божія, и повсюднаго водворенія воли Божіей. *Да пріидетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя, яко на небеси, и на земли.* Читай сіи святыя слова съ просвѣщеннымъ вниманіемъ и съ очами, устремленными въ глубину сердца твоего; читай ихъ особенно въ новый годъ, ибо это лучшее время для повторенія ихъ. Съ приближеніемъ новыхъ годовъ онѣ читаются, по моему мнѣнію, во всѣхъ областяхъ вселенной; потому что новый годъ есть событіе вселенское,— гдѣ бы сей годъ ни случился, и какимъ бы измѣреніемъ временъ ни опредѣлялся. Я хочу сказать, что есть *свои новые годы* въ царствѣ благодати, есть свои въ царствѣ природы, есть въ царствахъ человѣческихъ, есть въ жизни и совѣсти каждаго человѣка,— всюду они есть, и всюду не одинакіе. Но предметъ, даваемый на размышленіе новыми годами, во всѣхъ областяхъ бытія одинъ— Царствіе Божіе; желаніе всѣхъ существъ,— и сознающихъ и даже не сознающихъ, одно: *да пріидетъ царствіе Божіе,* т. е. да наступитъ тотъ великій годъ новый, въ который царствіе Божіе должно разкрыться во всей полнотѣ, свѣтѣ и величіи своемъ.

Есть свои новые годы въ царствѣ благодати. Намъ неизвѣстно лѣтосчисленіе, употребляемое въ семъ царствѣ; ибо времена и лѣта составляютъ, по словамъ Искупителя нашего, одну изъ глубочайшихъ таинъ Отца небеснаго (Дѣян. 1, 6.), которой ни кому изъ смертныхъ не дано вѣдать; а мѣра сихъ временъ такъ различна отъ нашей, что иногда одинъ день нашъ у Господа равняется тысячи годамъ, и на оборотъ тысяча нашихъ лѣтъ составляютъ одинъ день благодатный (2 Петр. 3, 8). При всемъ томъ изъ Исторіи и св. Писанія мы знаемъ, что въ царствѣ благодати было уже нѣсколько новыхъ годовъ, и что еще будетъ одинъ и послѣдній годъ, должен-

ствующій навсегда остаться новымъ. Сіи годы распознаются не по числу нашихъ дней и мѣсяцевъ, а по важности событій, въ такое или другое время послѣдовавшихъ, и имѣвшихъ характеръ всемірный. Не много было такихъ годовъ, да и на эти мы можемъ указывать только гадательно, а не съ полною достовѣрностію. На пр: первый новый годъ былъ тотъ, когда Господь, обозрѣвъ все твореніе свое, увидѣлъ и сказалъ, что въ немъ *вся добра зѣло;* вторый наступилъ послѣ всемірнаго потопа; третьимъ новымъ годомъ было пришествіе Мессіи,— ибо сей годъ самъ Онъ назвалъ *лѣтомъ Господнимъ пріятнымъ*. Четвертымъ годомъ можно почитать время Константина великаго, когда Христіанство сдѣлалось торжествующимъ и всемірнымъ, и когда отцы перваго Вселенскаго собора положили праздновать новый Годъ 1-го Сентября. Далѣе сего времени мы не смѣемъ и не можемъ считать: тебѣ извѣстно, какъ не удачны и даже какъ опасны были попытки многихъ ученыхъ мужей разгадать времена и годы Апокалипсическіе. Съ другой стороны и представленный нами счетъ годовъ не есть вѣрный и рѣшительный; можетъ быть, ихъ было четыре, можетъ статься— больше, а можетъ— и меньше; рѣшительно и вѣрно одно то, что во всѣ времена, считая отъ паденія Адамова,— которое въ свою чреду можно почитать новымъ годомъ чернымъ,— и до нынѣ, царствіе Божіе еще не приходило вполнѣ; что воля Божія еще не сдѣлалась волею всѣхъ тварей Божіихъ; и что по этому каждый новый годъ завѣщавалъ и завѣщаваетъ другому грядущему по немъ читать святыя слова молитвы Господней: *да пріидетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя яко на небеси, и на земли*.

Есть свои новые годы въ царствахъ человѣческихъ. Ихъ можешь ты распознавать по эпохамъ и періодамъ, на которые дѣлится исторія того или другаго народа. Каковы бы ни были эти эпохи и періоды— правильно или ложно назначаемыя историками— нѣтъ дѣла; несомнѣнно то, что въ жизни каждаго народа есть истинныя эпохи, опредѣляемыя не людьми— темными историками, а начертаваемыя перстомъ Божіимъ. Значеніе народныхъ эпохъ есть одно съ значеніемъ новыхъ годовъ: т. е. каждый народъ, съ наступленіемъ каждой новой эпохи своей, тайно или явно желаетъ, сознательно или безсознательно молится о томъ, *да пріидетъ царствіе Божіе, и да будетъ воля Господня яко на небеси, и на земли*. Почему желаетъ и молится? Потому, что въ своемъ протекшемъ онъ не чувствовалъ истиннаго блага и совершенства, и что въ своемъ грядущемъ предчувствуетъ также неполноту и несовершенство своей народной жизни.

Есть новые годы въ жизни каждаго человѣка— дни рожденія. Есть въ совѣсти каждаго— времена нравственнаго востанія и паденія; первыя, т. е. времена востанія, можно назвать ясными и благодатными, вторыя черными новыми годами. Объ этихъ трехъ видахъ новолѣтія нашего больше ничего не нужно говорить, какъ только молить и молить, *да пріидетъ царствіе Божіе, и да будетъ* воля Господня.

Есть наконецъ свои новые годы въ неизмѣримомъ царствѣ природы вещественной. Такъ на землѣ нашей новый

годъ для царства распительнаго, въ разныхъ странахъ земнаго шара, бываетъ тогда, какъ проходитъ зима и начинается весна. Есть свои новые годы на лунѣ, на солнцѣ и планетахъ; есть свои новые годы въ цѣлой нашей солнечной системѣ, общіе всѣмъ планетамъ ея, когда сіи планеты, расходясь во времени круговаго движенія своего, чрезъ нѣсколько лѣтъ опять сходятся къ одной точкѣ времени, и снова начинаютъ тоже движеніе, какое имѣли за нѣсколько лѣтъ. Вѣроятно, есть свои новые годы, общіе всѣмъ солнечнымъ системамъ, сколько бы ихъ ни было во вселенной; и если они есть, то ихъ только и можно назвать въ собственномъ смыслѣ *новыми* годами всемірными. Такую вѣроятность можно основывать на понятіи о движеніи, коимъ живутъ и существуютъ всѣ міры небесные: всѣ звѣзды и планеты, всѣ солнцы и системы солнечныя движутся въ своихъ орбитахъ; но всѣ онѣ конечны, всѣ между собою сходны, по крайней мѣрѣ видомъ, напр. круглыя, а въ движеніи конечныхъ и сходныхъ вещей, не возможно движеніе *безконечно* разнообразное, безконечно различное, и во вѣки разновременное. Надобно предположить такія мгновенія, въ которыя бы движеніе міровъ солнечныхъ, разнообразясь въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, а можетъ быть и тысящелѣтій, приходило къ своей первоначальной точкѣ для всѣхъ одинаковой, и потомъ снова шло прежнимъ порядкомъ. Богъ все сотворилъ *мѣрою, числомъ и вѣсомъ*; есть общая мѣра и вѣсъ для всѣхъ міровъ, есть и общее число времени, опредѣленнаго для движенія сихъ міровъ. Весьма важно бы знать счетъ *новымъ годамъ всемірнымъ:* потому что, если при началѣ какихъ годовъ, то особенно при началѣ всемірныхъ новыхъ годовъ, вся вселенная вопіетъ и молится ко Господу: да пріидетъ царствіе Твое. Но мы не знаемъ сего, и никто не можетъ знать кромѣ Господа, который пядію измѣряетъ всю неизмѣримость неба, который сочисляетъ всю неизчислимость звѣздъ небесныхъ, и всѣмъ имъ имена нарицаетъ. Есть однакоже и у насъ на землѣ событія, по которымъ можно гадать, если не о счетѣ, по крайней мѣрѣ о существованіи новыхъ годовъ всемірныхъ. Таковъ напр. всемірный потопъ, во время котораго было такое необыкновенное стеченіе планетъ, что могло случиться только одинъ разъ во всей исторіи, и что спустя милліоны лѣтъ 7-мь планетъ станутъ опять въ такое же отношеніе одна къ другой и къ неподвижнымъ звѣздамъ (См. новую мысль Зейф. Ж. М. Нар. Просв. Февр. 1843 г. стр. 90). Таково необыкновенное затмѣніе солнца, бывшее во время страданій Искупителя нашего,— о чемъ послѣ когда нибудь разговоримся.

Да, мой другъ; вездѣ есть свои новые годы; но предметъ, даваемый на размышленіе сими годами есть, какъ я уже сказалъ, во всѣхъ областяхъ бытія одинъ и тотъ же— царствіе Божіе; желаніе всей вселенной едино: да пріидетъ царствіе Божіе....— Что ты хочешь сказать?– „И при ясности предмета, при опредѣленности мыслей и желаній все еще остается въ духѣ скука и помленіе, особенно ощутительныя въ новый годъ!“

Такъ и должно быть; новые годы наши въ самомъ дѣлѣ не суть совершенно новые; потому что они весь-

ма похожи на тѣ, которые были прежде ихъ, и на тѣ, которые будутъ послѣ ихъ. Они важны для насъ только потому, что суть пророки и предтечи того великаго года новаго, въ который все будетъ ново, въ который царствіе Божіе откроется во всей полнотѣ и силѣ своей, въ который воля Божія повсюду обнаружится одинаково, будетъ одна и таже воля на небесахъ, и на земли, и въ нашихъ душахъ, и во всей вселенной, и кромѣ ея не будетъ иной воли, а только будетъ святое стремленіе всемірное— во всемъ сообразоваться съ волею Божіею: однимъ словомъ— когда *Богъ будетъ всяческая во всѣхъ*. Поелику же ни люди, ни Ангелы и никто во вселенной, кромѣ Единаго Творца вселенной, не знаетъ подлинно, когда наступитъ оный великій годъ царствія Божія: то, при наступленіи новыхъ годовъ обыкновенныхъ, въ сердцѣ нашемъ постоянно возникаетъ одинъ вопросъ, нѣкогда Апостолами предложенный Спасителю: *Господи, аще въ лѣто сіе устрояеши царствіе Израилево* (Дѣя. 1, 6)? Не въ этотъ ли новый годъ пріидетъ блаженное царствіе Твое? Но годъ проходитъ, наступаетъ другой,— и онъ предлагаетъ себѣ и намъ тотъ же вопросъ: не въ этотъ ли годъ? И всѣ новые годы наши приступали, и всѣ они будутъ приступать къ намъ съ тѣмъ же вопросомъ: не въ этотъ ли годъ? Мы не умѣемъ рѣшить сего важнаго вопроса; потому-то и „остается нѣкая скука и томленіе въ нашемъ духѣ, особенно ощутительныя въ новый годъ.“ Такъ, духъ нашъ томится, потому что онъ, какъ Израильтянинъ въ плѣну Вавилонскомъ, непрестанно ожидаетъ великаго года царствія Господня, какъ года освобожденія своего. И сіе томленіе бываетъ ему тягостнѣе отъ того, что, чувствуя собственное порабощеніе, онъ тайно сочувствуетъ всей твари, которая въ свою очередь томится ожиданіемъ того же великаго года. *Чаяніе твари откровенія сыновъ Божіихъ чаетъ: вѣмы бо яко вся тварь съ нами совоздыхаетъ и сболѣзнуетъ даже до нынѣ* (Рим. 8, 19— 23). Въ земномъ бытіи своемъ, мы можетъ быть и не доживемъ съ тобою до того блаженнаго времени, когда придетъ царствіе Отца небеснаго для всего міра; но для насъ довольно и того, чтобы сіе царствіе пришло *внутрь насъ* (Лук. 17, 20. 21.), чтобы раскрылось во глубинѣ тоскующаго духа нашего, и принесло намъ *правду и миръ и радость о Дусѣ святѣ* (Рим. 14, 17). Освятимъ первое время новаго года и освятимъ духъ нашъ въ сіе важное время словами молитвы Господней: *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да святится имя Твое грезъ насъ, да пріидетъ царствіе Твое внутрь насъ; да будетъ воля Твоя въ насъ, яко на небеси, и на земли* (Мат. 6, 9— 15).

Человѣческо глаголю за немощь плоти вашея: якоже бо представисте уды ваша рабы нечистотѣ и беззаконію въ беззаконіе: тако нынѣ представите уды ваша рабы правдѣ во святыню. Римл. 6, 19.

Нѣкоторый богомудрый учитель Вешхозавѣтной Церкви поучалъ, чтобы грѣшники, заблудившіе отъ Бога, по обращеніи къ Нему воздавали десятерицею за грѣхи, содѣланные ими въ

семъ заблужденіи. *Якоже бысть умъ вашъ заблудити вамъ отъ Бога*, говоритъ онъ; *тако нынѣ десятижды усугубите обратившеся взыскати Его* (Варух. 4, 28). Апостолъ Павелъ, по снисхожденію къ слабостямъ природы человѣческой, облегчаетъ сію тяжкую для нея мѣру исправленія: *человѣческо глаголю за немощь плоти вашея*. Онъ требуетъ, чтобы обратившіеся къ Богу оказывали по крайней мѣрѣ такое повиновеніе правдѣ, какое прежде оказывали грѣху. Если члены ваши были прежде орудіями неправды и беззаконія,— какъ бы такъ сказалъ онъ,— то теперь да будутъ орудіями правды и добродѣтели. Если руки ваши простирались для присвоенія чужаго достоянія, или для утѣсненія слабыхъ и беззащитныхъ; то теперь пусть простираются для подаянія милостыни и подкрѣпленія невинно угнѣтаемыхъ. Если языкъ прежде былъ изощряемъ на клевету и злорѣчіе; то отнынѣ да будетъ занятіемъ его защищеніе справедливости и назиданіе согрѣшающихъ братій. Если ваши глаза открывались для принятія обманчивыхъ впечатлѣній міра, воспламенявшихъ въ васъ порочныя пожеланія; то теперь да отверзаются для созерцанія въ видимыхъ тваряхъ *присносущной силы*. Если вообще ваши члены прежде способствовали вамъ прилагать беззаконіе къ беззаконію и нечистоту къ нечистотѣ, такъ что вы отъ одного порока всегда переходили къ другому и непрестанно умножали грѣхи свои; то теперь да содѣйствуютъ они восхожденію вашему отъ правды къ правдѣ, отъ одной добродѣтели къ другой, такъ чтобы вы непрерывно, болѣе и болѣе, преуспѣвали въ святыхъ дѣлахъ Христіанскаго благочестія. *Якоже представисте уды ваша рабы нечистотѣ и беззаконію вѣ беззаконіе: тако нынѣ представите уды ваша рабы правдѣ во святыню*. Поелику члены тѣла суть такія орудія, коихъ нечистота служитъ какъ бы проводникомъ грѣха; то Апостолъ на нихъ преимущественно обращаетъ вниманіе, и увѣщаваетъ содержать ихъ въ чистотѣ. Въ настоящемъ случаѣ они именуются рабами, безъ сомнѣнія, потому, что два противные дѣятеля, правда и грѣхъ, употребляютъ ихъ, какъ нѣкоторыя служебныя орудія, къ распространенію своего владычества въ мірѣ нравственномъ.—

Кіевъ Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 28 Октября, 1843. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 40. НЕДѢЛЯ ПО ПРОСВѢЩЕНІИ Генваря. 9. 1844.

На Утрени: Евангеліе воскресное 10-е, Іоан. 21, 1—14.
На Литургіи: Апост. Ефес. 4, 7—13. Еван. Мат. 4, 12—17.

Оттолѣ начатъ Іисусъ проповѣдати, и глаголати: Покайтеся, приближися бо царство небесное. Дневн. Евапг.

И Той далъ есть овы убо Апостолы, овы же Пророки, овы же благовѣстники, овы же Пастыри и Учители, къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова: дондеже достигнемъ вси въ соединеніе вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова. Дневн. Апосш.

ПУТЕШЕСТВІЕ СВ. СЕМЕЙСТВА ВО ЕГИПЕТЪ.

Іудеи ожидали Мессію въ видѣ земнаго Царя, который наслѣдуетъ престолъ Давидовъ. Посему, когда слухъ о рожденіи Его распространился по Іудеѣ, Иродъ, царь этой страны, опасаясь найти въ новорожденномъ соперника для себя, далъ безчеловѣчное повелѣніе избить въ Виѳлеемѣ и въ окрестностяхъ его всѣхъ младенцевъ мужескаго пола отъ двухъ лѣтъ и ниже, надѣясь, въ числѣ сихъ невинныхъ жертвъ честолюбія своего, погубить и опаснаго для него сына Маріи. Въ слѣдствіе сего умерщвлено было 14 тысячъ младенцевъ. Но опредѣленія судебъ Божіихъ непреложны: Ангелъ Господень, явившись Іосифу во снѣ, повелѣлъ Ему, для безопасности, удалиться съ младенцемъ Іисусомъ и Маріею Его въ Египетъ, и оставаться тамъ до новаго повелѣнія. Путешествіе предпринято было по совершеніи предписанной закономъ очистительной жертвы въ храмѣ Соломоновомъ, то есть, послѣ дня Срѣтенія Господня. Изъ Виѳлеема Іудейскаго, мѣста рожденія Спасителя, Марія и Іосифъ пошли съ Нимъ въ Назаретъ, Галилейскій городъ, гдѣ они имѣли постоянное пребываніе до времени отшествія въ Іудею. Здѣсь присоединился къ нимъ старшій сынъ Іосифовъ, Іаковъ, называемый Братомъ Господнимъ; о чемъ упоминается въ церковной пѣсни, въ честь его воспѣваемой 23 Октября, когда совершается празднованіе ему: „еже по плоти Господень братъ показался еси, ученикъ и самовидецъ божественныхъ таинъ: бѣгаяй съ Нимъ, и въ Египтѣ бывъ со Іосифомъ, матерію же Іисусовою.“ (а) Устроивъ домашнія дѣла свои, святые путешественники отправились изъ Назарета въ землю Египетскую. „Бѣгство же творя Господь во Египетъ, говоритъ Ефремъ

(а) На вечерни Стих. 2.

Сиринъ, да покажетъ, яко человѣкъ есть истый и плоть, а не духъ и привидѣніе;“ (б) по сказанію Златоуста— „да научитъ ны бѣжати отъ гнѣва и ярости человѣческія, а не противу горделивно стояти;“ (в) по мнѣнію же Льва великаго— „да освятитъ Египта отъ идолъ, да не безъ тоя страны угоповится изрядныя жертвы таинство, въ ней же первѣе закланіемъ агнца Спасительное креста знаменіе и Пасха Господня бѣ прообразована.“ (г) О путешествіи Божіей Матери и спутниковъ Ея въ Египетъ сохранилось древнее преданіе, что однажды, въ пустынномъ мѣстѣ, они встрѣтились съ разбойниками, которые намѣревались похитить бывшее при нихъ скудное имущество; но одинъ изъ сихъ злодѣевъ, удивленный необычайною красотою младенца Іисуса, удержалъ ихъ отъ того и убѣдилъ не причинять никакого зла беззащитнымъ странникамъ. Это былъ самый разбойникъ, который въ послѣдствіи былъ распятъ на крестѣ одесную Спасителя и, какъ бы въ воздаяніе за сохраненіе земной жизни Его, получилъ отъ Него обѣтованіе жизни небесной: *днесь со мною будеши въ Раи* (Лук. 23, 43).—

Прибытіе Господа въ Египетъ сопровождалось паденіемъ и сокрушеніемъ идоловъ не только въ тѣхъ городахъ и селеніяхъ, чрезъ которыя проходили благочестивые путники, но и во всей странѣ Египетской. Сіе важное для Христіанства обстоятельство, утверждаемое свидѣтельствомъ многихъ древнихъ Писателей, (д) послѣдовало во исполненіе пророчества Исаіи, которое относятъ ко времени пребыванія Спасителя въ Египтѣ: *се Господь сѣдитъ на облацѣ легцѣ, и пріидетъ во Египетъ и потрясутся рукотворенная Египетская отъ лица Его* (Ис. 19, 1.), гдѣ святый Амвросій подъ именемъ облака разумѣетъ Богоматерь, принесшую Господа въ ту страну на рукахъ своихъ. „Легокъ же есть той облакъ, Пречистая Дѣва, ибо ни единымъ коего либо грѣха или плотскаго вожделѣнія и познанія супружества бременемъ отягощена.“ (е) Іосифъ и Марія, по прибытіи въ Египетъ со святымъ Младенцемъ, поселились въ мѣстечкѣ Натареѣ, между городами Иліополемъ и Вавилономъ, близъ нынѣшняго Каира. Тамъ и до нынѣ осталось преданіе о смоковничномъ древѣ, подъ сѣнію котораго Богоматерь съ предвѣчнымъ Сыномъ своимъ имѣла отдохновеніе послѣ утомительнаго путешествія. Мѣсто сіе весьма уважается не только Христіанами, но и Магометанами, равно какъ и источникъ, изъ котораго святые пришельцы почерпали воду для своего употребленія. (ж) Пребываніе ихъ въ землѣ Египетской продолжалось *до умертвія Иродова*, какъ свидѣтельствуетъ Евангелистъ (Матѳ. 2, 15). По смерти сего властителя окончательно исполнилось пророчество патріарха Іакова о народѣ Израильскомъ: *не оскудѣетъ князь отъ Іуды, и вождь отъ чреслъ его, дондеже пріидутъ отложеная ему* (Быт. 49, 10) (з). Самодержавная власть Царей Іудейскихъ кончилась; земля Іудова раздѣлена Римскимъ правитель-

(б) Въ словѣ на Преобр. Господне.

(в) Въ бесѣдахъ на Евангеліе отъ Матѳея.

(г) Чет. Мин. 26 Декабря.

(д) См. св. Аѳанасія слово о воплощеніи, Палладія Жизніе Аполлонія, Епифанія Жизніе Прор. Іереміи.

(е) Чет. Мин. 26 Декабря.

(ж) Тамже.

(з) По Еврейскому тексту: пріидетъ Мірotворецъ, или Избавитель.

ствомъ на нѣсколько частей, и въ каждую изъ нихъ назначены особые народоначальники изъ чуждаго племени, безъ царскихъ правъ и титла. Между тѣмъ Іосифъ, получивъ во снѣ отъ Ангела повелѣніе возвратиться въ землю Израилеву, отправился въ Іудею съ Маріею и Младенцемъ Іисусомъ, *да сбудется реченное отъ Господа Пророкомъ глаголющимъ: отъ Египта воззвахъ Сына моего* (Матѳ. 2, 15). Но услышавъ, что въ Іудеѣ владычествуетъ Архелай, старшій сынъ Иродовъ, которому Римляне отдали въ управленіе сію область, осторожный старецъ убоялся идти туда по причинѣ жестокаго обращенія Архелаева съ подчиненнымъ Ему народомъ. По наставленію, полученному въ сновидѣніи, онъ удалился въ Галилею, область Ирода Филиппа, брата Архелаева, правителя кротkаго, и тамъ поселился, со всѣми бывшими при немъ, въ городѣ Назаретѣ, прежнемъ своемъ мѣстопребываніи.—

Путешествіе святаго семейства въ Египетъ воспоминается Церковію въ недѣлю послѣ Рождества Христова. Преимущественно же въ сей день совершается память праведныхъ: Давида царя, Іосифа обручника и Іакова брата Господня, какъ явствуетъ изъ пѣснословія церковнаго: „Веселія днесь Давидъ исполняется божественный, Іосифъ же хваленіе со Іаковомъ приноситъ: вѣнецъ бо сродствомъ Христовымъ пріемше радуются, и неизреченно на земли рождшагося воспѣваютъ“ (и).—

(и) Кондакъ праздника.

БЕСѢДА (*).

ВЪ НЕДѢЛЮ ТРИДЦАТЬ ПЕРВУЮ ПО ПЯТДЕСЯТНИЦѢ. Еванг. Лук. 18. 35—43.

Нынѣ чтенное Евангеліе предлагаетъ намъ, Братія, чудный опытъ высокой любви, которую явилъ Христосъ Спаситель нѣкоему слѣпцу Іерихонскому. Нещастный получилъ изцѣленіе по единому слову Спасителя. Такъ сильно слово всесильнаго Жизнодателя! Страдалецъ былъ и слѣпъ и бѣденъ. Слѣпъ: ибо не видѣлъ ни вещей его окружающихъ, ни людей мимоходящихъ. Бѣденъ: ибо сидя при пути просилъ у мимоходящихъ милостыни. Сугубое нещастіе! Жалкое положеніе!

Бысть же егда приближашеся Іисусъ во Іерихонъ, слѣпецъ нѣкій сѣдяше при пути прося (стр. 35).

Братія! Нѣтъ ли между нами подобныхъ слѣпцу Іерихонскому? Есть, и при томъ весьма многіе. Или лучше не всѣ ли мы подобны ему? Не болѣе ли мы несчастны и жалки, когда мы не только слѣпы и нищи, но и мертвы духомъ? Мы слѣпы: ибо не имѣемъ того живаго познанія о Богѣ, о себѣ самихъ и вещахъ насъ окружающихъ, какое имѣть должно. Мы нищи: ибо гдѣ та Богопканная одежда невинности, въ которую мы невидимо облечены при крещеніи? Гдѣ тотъ драгоцѣнный благодатнаго всыновленія залогъ, который врученъ при миропомазаніи? Гдѣ тѣ божественные дары благодати, кои свыше, по человѣколюбію Господа и Бога, непрестанно ниспосылаются? Все потеряно. Мы мертвы: ибо чужды той вѣры и любви,

(*) Говоренная Преосвященнѣйшимъ Иліодоромъ, Епископомъ Курскимъ и Бѣлоградскимъ.

коими жить должна душа наша, чуждыі той надежды, которая должна возвышать сердце наше къ горней, небесной жизни и благамъ ея. Братія о Господѣ! Гдѣ Богоподобіе наше? Гдѣ печать даровъ Духа Святаго? Гдѣ залогъ обѣтованій? Гдѣ тотъ великій Чудотворецъ, который слѣпцу Іерихонскому даровалъ прозрѣніе, который воскрешалъ мертвыхъ? Но да не унываемъ, Братія! Онъ съ нами пребываетъ; Онъ готовъ подать намъ прозрѣніе по душѣ и жизнь по Бозѣ, только бы мы сего усердно восхотѣли и съ крѣпкою вѣрою возопили къ Нему, какъ нѣкогда слѣпецъ Іерихонскій.

Слышавъ же слѣпый народъ мимоходящь, вопрошаше, что убо есть сіе? Повѣдаша же ему, яко Іисусъ Назарянинъ мимоходитъ. И возопи, глаголя: Іисусе, Сыне Давидовъ, помилуй мя (ст. 36. 37. 38). Видно въ слѣпцѣ по тѣлу была готовность къ прозрѣнію духовному. Его вопіяніе ко Іисусу— Сыну Давидову о помилованіи есть вопіяніе души, начинающей вѣровать въ Господа— Божію силу и Божію премудрость, спасеніе всего міра. Видно слѣпецъ Іерихонскій чаялъ ушѣхи Израилевы,— готовъ былъ исповѣдать Христа, который, по пророчествамъ, долженствовалъ по плоти родиться отъ колѣна Давидова. Сердце страдальца горячо билось отъ любви ко Спасителю, коего онъ не вѣдалъ и не видѣлъ: ибо и тогда, когда запрещали ему мимоходящіе вопіять ко Іисусу, приказывали молчать по хладнокровію ли къ страданіямъ слѣпца или по зависти ко Іисусу— Врачу душъ и тѣлесъ, онъ еще громче вопіялъ: *Сыне Давидовъ! помилуй мя.* Чему научаетъ насъ, Братія, сѣдящіе во тьмѣ и сѣни смертной,— слѣпецъ Іерихонскій? Той терпѣливой, постоянной молитвѣ, съ коею надобно и умы и сердца обращать ко Господу— Врачу небесному во всѣхъ бѣдахъ и болѣзняхъ; научаетъ къ Нему единому проспирать и гласъ и руцѣ, сколько бы ни препятствовали тому враги нашего спасенія. Мы должны взывать и сердцемъ и устами, взывать часто, съ вѣрою и упованіемъ: Господи Іисусе, Сыне Бога живаго! помилуй насъ по великой благости Твоей. Скорбь стѣсняетъ грудь нашу; чувство недостоинства связуетъ руки; шумъ страстей заглушаетъ— гласъ сердца; нося пламень геенскій въ себѣ самихъ, мы люпѣ страждемъ и тѣломъ и душею: къ кому же прибѣгнуть съ моленіемъ о помилованіи отъ люпыхъ золъ и скорбей, если не къ Богу живому— Спасителю нашему? Слѣпецъ Іерихонскій крѣпко вопіялъ ко Господу, не смотря на прещенія мимоходящихъ, крѣпко вопіялъ о помилованіи и— скоро услышанъ.

Ставъ же Іисусъ повелѣ привести его къ себѣ; приближшуся же ему, вопроси его глаголя: что хощеши, да ти сотворю? Онъ же рече: Господи, да прозрю (ст. 40, 41). Видите неизреченное человѣколюбіе небеснаго Самаряница и сострадательность Его! Слышитъ вопль страдальца къ нему и скоро останавливается. *Ставъ же Іисусъ.* Для чего Спаситель вопрошаетъ слѣпца; что ему нужно? Уже ли не знаетъ сего Тотъ, коему глубины сердецъ открыты, предъ коимъ вся нага и обьявлена суть? Безъ сомнѣнія Всевѣдущій зналъ; что потребно слѣпцу: но спрашиваетъ о семъ для того, да познано будетъ другими, что страдалецъ дѣйствительно слѣпъ и имѣетъ

нужду въ его цѣлебной помощи, что ко пріятію даровъ благодати отъ руки Господней потребны въ пріемлющемъ произволеніе сердца и сильное желаніе, что человѣколюбецъ и силенъ и готовъ подать то самое духовное дарованіе, какое вѣрующе во имя Его воспросимъ. Чего же слѣпый проситъ у Спасителя? Не милостыни, коей просилъ у другихъ мимоходящихъ по бѣдности, но того, что было для него дороже всѣхъ благъ міра, и чего мимоходящіе подать не могли— прозрѣнія. *Господи! да прозрю*. Видите, какъ исповѣдуетъ божество Іисусово слѣпецъ съ твердою вѣрою въ слухъ всѣхъ предстоявшихъ при чудномъ событіи, и какого блага испрашиваетъ у Христа— подателя благъ. *Господи! да прозрю.*— Божественною силою Твоею отверзи очи мои; да узрю красоты міра, да узрю пресвѣтлое лице Твое тѣлесными очами, яко же зрю божество Твое душевными, да узрю чудеса, кои являешь горѣ на небеси и— долу— на земли. Чего и намъ, братія, просить должно у Господа нашего паче прочихъ даровъ? прозрѣнія духовнаго. Господи Іисусе! отверзи очи души нашей, да узримъ безобразіе ея, да узримъ красоту лица Божія и Его совершенства, да узримъ чудеса отъ закона Его, да узримъ всѣ знаменія Его благости, премудрости и всемогущества, да узримъ небесную красоту міра. Зрѣніе духовное или познаніе Бога, Его совершенствъ и дѣлъ тѣмъ паче дорого, что безъ него не возможно спасеніе. И— чѣмъ дороже для насъ животъ вѣчный: тѣмъ теплѣйшее надобно возсылать моленіе ко Господу, да подастъ душѣ нашей прозрѣніе, яко же нѣкогда подалъ слѣпцу Іерихонскому. *Іисусъ же рече ему: прозри: вѣра твоя спасе тя* (ст. 42). Вотъ высокій опытъ чудодѣйственной силы и достоподражаемый примѣръ смиренномудрія! Прозри и— тотчасъ слѣпый прозрѣлъ. Всемогущее слово! *Вѣра твоя спасе тя,* а не я Спаситель и Господь міра. Не себѣ, но вѣрѣ слѣпца приписываетъ Господь чудную силу спасенія. Научимся изъ сего, братія, что необходимо вѣровать во имя Господа Іисуса ко спасенію нашему и не высокомудрствовать въ дѣлахъ благочестія. *И абіе прозрѣ и вѣ слѣдъ его идяше, славя Бога, и вси людіе видѣвше воздаша хвалу Богови* (ст. 43). Блаженный слѣпецъ! ты зришь и тѣлесными и душевными очами и красоты земли и велелѣпіе неба; зришь себя и Бога и въ слѣдъ благодѣтеля своего идешь съ благодарнымъ чувствомъ Богу— подателю всѣхъ благъ. Братія! пріявъ отъ руки Господни дары Его благости, не должны ли и мы идти во слѣдъ Іисуса— идти путемъ заповѣдей Его и скорбей, славя Бога— подателя благъ? Не должны ли приносить хвалу благодаренія Создателю и Искупителю своему и тогда, когда сами удостоиваемся даровъ Его благости и тогда, когда ближніе наши тѣми же благами ущедряются отъ Господа? Ей, должны быть благодарными ко Господу и Спасителю нашему за всѣ тѣ милости, кои по вся дни ниспосылаетъ на насъ обильно; должны быть благодарными не словомъ токмо и языкомъ, но дѣломъ и истиною— храненіемъ заповѣдей Его. Христе Спасителю! отверзи очи наши, да узримъ божественные и спасительные пути Твои, влеки насъ за Тобою не до Ѳавора токмо, осіяннаго славою Твоею, но и до Голгоѳы, окропленной кровію Твоею. Благо намъ страдать

съ Тобою, благо умереть, дабы вѣчно жить во обителяхъ Отца небеснаго!— Аминь.

РѢЧЬ

къ новопросвѣщенному св. Крещеніемъ (*).

Привѣтствуемъ тебя, блаженный младенецъ во Христѣ! Не оскорбляйся наименованіемъ, а радуйся еще своему духовному младенчеству. Младенцевъ, подобныхъ тебѣ, ублажаетъ самъ божественный Спаситель нашъ, усвояя имъ откровеніе таинъ, и такъ говоритъ Отцу своему: *исповѣдаютися, Отче, Господи небесе и земли, яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ!* (Лук. 10, 21). Открылъ и тебѣ Отецъ небесный то, чего неразумѣютъ премудрые и разумные міра,— всѣ тѣ, кои не хотятъ покорить разума святой вѣрѣ, открылъ высочайшую Премудрость— Христа истиннаго, Единороднаго Сына своего, единственнаго Спасителя человѣковъ. Отецъ привлекъ тебя къ Сыну; Сынъ самаго тебя, благодатію своею, содѣлалъ сыномъ Божіимъ, а Духъ святый освятилъ во храмъ всей Пресвятой Троицы. Таково блаженное младенчество твое!

Что свойственно младенцу во Христѣ? Свойственны невинность и незлобіе, послушаніе и любовь. Невинность и незлобіе теперь ты имѣешь, ибо благодать св. Крещенія омыла всѣ грѣхи твои, ты очищенъ, по выраженію Пророка, *отъ всѣхъ нечистотъ* и *отъ всѣхъ кумировъ*, тебѣ дано *сердце новое*, данъ и *духъ новый* (Іезек. 36, 25. 26). О если бы навсегда сохранить эту чистоту и невинность святую, младенческую!— Какое послушаніе нужно тебѣ, младенецъ Христовъ? Послушаніе вѣры, покорность Евангельскому ученію. Посему, скажу словами Апостола Петра, *яко новорожденный младенецъ* сіе *словесное и нелестное млеко возлюби, да о немъ возрастеши во спасеніе* (1 Петр. 2, 2). Нужно тебѣ и послушаніе св. Церкви православной, твоей отнынѣ матери. Да почитаешь убо свято всѣ уставы ея, да прибѣгаешь съ жаждою младенца къ источникамъ благодати, въ ней открытымъ, да возлюбишь всѣ ея таинства, ея Богослуженіе и ученіе, ея Пастырей и учителей, ея высокіе примѣры вѣры и добродѣтели, и будь увѣренъ, что она есть *столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. 3, 15). Нужно наконецъ послушаніе и всѣмъ тѣмъ, коихъ даровалъ тебѣ Господь вмѣсто родителей,— особенно, благовѣрнымъ воспріемникамъ твоимъ: имъ и Пастырямъ Церкви Господь поручаетъ Христіанскую жизнь твою. *Повинуйся* же симъ *наставникомъ; тіи бо бдятъ о душѣ твоей, яко слово воздати хотяще, да съ радостію сіе творятъ, а не воздыхающе* (Евр. 13, 17). Къ кому обязанъ ты любовію дѣтскою?— Къ тѣмъ же, къ кому и послушаніемъ. Паче всего и выше всего люби Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа; Ему посвяти все сердце, всѣ способности твои; Ему предай всю жизнь и судьбу твою; а въ Немъ возлюби и всѣхъ человѣковъ, паче же присныхъ въ вѣрѣ, и съ сею святою любовію старайся подражать истинно вѣрующимъ, а невѣрующихъ, сколько можешь, самъ склоняй къ вѣрѣ, желая спасенія всѣмъ, какъ себѣ самому.

(*) Студенту изъ Евреевъ.

Вотъ, люб. братъ, къ чему обязываетъ тебя высокое званіе Христіанина, обязываютъ божественные дары, украсившіе тебя въ св. Крещеніи и Муропомазаніи, обязываетъ благость и любовь къ тебѣ божественнаго Спасителя. Ты позналъ теперь, коль благъ Господь нашъ! Познаешь послѣ еще болѣе. А чтобъ и теперь видѣлъ ты открытое любовію къ намъ сердце Его;— иди съ нами, предстанемъ св. Трапезѣ Господней. Здѣсь узришь высочайшій залогъ божественной любви Искупителя нашего; здѣсь предлагаетъ Онъ вѣрующимъ самую пречистую плоть и всесвятую кровь свою въ духовное насыщеніе. Будешь и ты участникомъ таинственной Вечери Господней.

ВѢРА СВЯТЫХЪ ПРАОТЦЕВЪ.

5. *О вѣрѣ Пророковъ и всѣхъ праведныхъ подъ закономъ.*

Евр. 11, 32—40.

Проведши насъ отъ первыхъ временъ Церкви до поселенія ея въ землѣ обѣтованной, и обращая взоръ далѣе— на предстоящія времена, еще болѣе обильныя свидѣтелями вѣры, Апостолъ какъ бы утруждается, останавливается, указываетъ на предстоящій великій рядъ Пророковъ и Праведниковъ, и именуя только не многихъ, исчисляетъ важнѣйшіе подвиги вѣры кратко, предоставляя самимъ читателямъ дополнять изъ св. Исторіи то, что обозначается у него черпами болѣе общими. Это общее изображеніе свидѣтелей вѣры расположено слѣдующимъ образомъ:

а. Указывается безчисленность примѣровъ вѣры. (ст. 32).

б. Кратко описываются примѣры вѣры чудодѣйственной и пророческой. (ст. 33. 34).

в. Исчисляются подвиги терпѣнія вѣры. (ст. 35—38).

г. Дѣлается общее замѣчаніе о превосходствѣ вѣры Новозавѣтной предъ Ветхозавѣтною. (ст. 39. 40).

а. *Безчисленность примѣровъ вѣры.* (ст. 32).

И что еще глаголю? не достанетъ бо ми повѣствующу времени о Гедеонѣ, Варацѣ же и Самсонѣ, и Іефѳаи, о Давидѣ же и Самуилѣ, и о другихъ Пророцѣхъ. Здѣсь замѣчательно: 1) что Апостолъ вѣру вождей народа Божія соединяетъ съ вѣрою Пророковъ. Такова вѣра Праведниковъ ветхозавѣтныхъ вообще: она, подобно вѣрѣ пророческой, вся, большею частію, жила въ грядущемъ. 2) видитъ безчисленное множество примѣровъ вѣры, хотя именуетъ только не многія лица (а). Это безчисленное множество могъ видѣть онъ не только въ Писаніи, но и въ благочестивомъ преданіи (см. ст. 37). 3). Съ исчисленными именами Вождей народа соединяетъ краткія изображенія подвиговъ вѣры, не ограничиваясь одними указанными лицами. Посему нѣтъ необходимости каждое изъ слѣдующихъ выраженій относить къ одному какому либо изъ показанныхъ здѣсь лицу, хотя, при разсмотрѣніи сихъ выраженій, не льзя не имѣть особенно въ виду тѣхъ,

(а) Въ исчисленіи сихъ лицъ видѣнъ частію порядокъ хронологическій. Гедеонъ и Варакъ древнѣе слѣдующихъ (но Варакъ прежде Гедеона), Самсонъ и Іефѳай древнѣе Давида и Самуила (но Іефѳай прежде Самсона, Самуилъ старше Давида).

на которыхъ, прежде другихъ, указываетъ Апостолъ.

б. *Примѣры вѣры чудодѣйственной и пророческой.* (ст. 33, 34).

Имѣя въ виду указанныя Апостоломъ лица, мы прежде всего будемъ обращаться къ нимъ, а потомъ уже къ другимъ, извѣстнѣйшимъ въ св. Исторіи Праведникамъ, если показанные здѣсь подвиги вѣры не могутъ быть объясняемы исторіею первыхъ.

Иже вѣрою побѣдиша царствія. Покореніе Царствъ принадлежитъ преимущественно *Давиду*, коему самъ Богъ свидѣтельствовалъ: *и бѣхъ съ тобою во всѣхъ, амо же ходилъ еси, и искоренихъ вся враги твоя отъ лица твоего, и сотворихъ тя именита, по имени великихъ иже на земли* (2 Царств. 7, 9). Покоренныя имъ царства— филистимское, Моавитское, Сирійское и пр. исчисляются 2 Царст. гл. 8.

Содѣяша правду. Изъ вождей народа Божія св. Исторія болѣе всѣхъ прославляетъ за правду *Самуила*. О его безкорыстной правдѣ свидѣтельствовалъ весь народъ (1 Царств. 12, 3. и дал.). Онъ первый возвѣстилъ людямъ и правду Цареву (—8, 9).

Получиша обѣтованія. Это прилично во первыхъ *Давиду*, пріявшему высокое обѣтованіе о Царѣ, коего престолъ вѣченъ (2 Цар. 7, 13.), а потомъ и всѣмъ *Пророкамъ*, провозвѣстившимъ времена благодати Христовой.

Загородиша уста львовъ— примѣръ, очевидно, взятый изъ Исторіи *Даніила*, который самъ говоритъ: *Богъ мой посла Ангела своего, и затвори уста львовъ, и не вредиша мене* ... (Дан. 6, 22).

Угасиша силу огненную. Это Исторія друзей Даніила— *Ананіи, Азаріи и Мисаила. Не одолѣ огнь тѣлесемъ ихъ въ пещи* Вавилонской, *и власа главы ихъ не опали, и ризы ихъ не измѣнишася, и вони огненны не бяше въ нихъ* (Дан. 3, 94). Такъ благочестивая вѣра ихъ превышала силу огненную!

Избѣгоша острія меча. Изъ лицъ, исчисленныхъ у Апостола, здѣсь особенно указать можно на *Іефѳая*, который, послѣ побѣды надъ Аммонитянами, такъ говорилъ Ефремлянамъ: *и положихъ душу мою въ руку мою*, т. е. подвергъ опасности мою жизнь, *и пріидохъ къ сыномъ Аммонимъ, и предаде я Господь въ руку мою* (Суд. 12, 3). Впрочемъ, подобно сему могли сказать и всѣ другіе вожди народа Божія.

Возмогоша отъ немощи. Въ числѣ лицъ выше указанныхъ эта черта преимущественно относится къ *Самсону*, который подвергся немощи, обольщенный женщиною, но послѣ, обновленный вѣрою и покаяніемъ явилъ такую крѣпость мышцъ, что могъ опровергнуть цѣлое капище филистимское (Суд. 16, 29. 30).

Быша крѣпцы во бранехъ. Если нужно и здѣсь примѣръ особенный, то можно указать на *Варака*, изъявлявшаго прежде нерѣшительность и какъ бы малодушіе, но укрѣпленнаго Деввороею, и одержавшаго побѣду надъ воинствомъ Царя Асорскаго (Суд. 4, 8— 16).

Обратиша въ бѣгство полки чуждихъ. Изъ всѣхъ побѣдъ сего рода, едва ли найдется славнѣе той, которую одержалъ *Гедеонъ*, съ 300-ми своихъ вои-

новъ, обратившій въ бѣгство безчисленное воинство Мадіамлянъ (Суд. 7, 21).

Пріяша жены отъ воскресенія мертвыхъ своихъ. Въ св. Исторіи извѣстны двѣ подобныя жены: одна въ Сарептѣ при Иліи (3 Цар. 17— 21. 22.), другая въ Соманѣ при Елиссеѣ (4 Цар. 4, 33— 35).— Замѣчательно, что и здѣсь съ вѣрою Вождей и Пророковъ соединяетъ Апостолъ вѣру женъ, какъ прежде сего поставилъ вѣру Раавы съ вѣрою Моисея и Іисуса Навина. Такъ приводитъ онъ насъ къ той мысли, что сила Божія *совершается въ немощи* (2 Кор. 12, 9.), и вѣра не заимствуетъ своего могущества отъ силъ естественныхъ.

в. *Подвиги терпѣнія вѣры.* (ст. 35— 38).

„Два чуда вѣры," говоритъ св. Златоустъ: „и то, что она совершаетъ великое, и то, что великое терпитъ." Апостолъ, описавъ примѣры перваго рода, теперь излагаетъ примѣры послѣдняго.

Иніи же избіени быша, не пріемше избавленія, да лучшее воскресеніе улучатъ. Такъ пострадали Елеазаръ и седмь братьевъ при Антіохѣ Епифанѣ. Каждый изъ нихъ могъ *пріять избавленіе*, т. е. освободиться отъ мученій и смерти, еслибъ хотѣлъ исполнить волю язычниковъ (2 Макк. гл. 6 и 7), но *предъизбралъ со славою смерть паче, нежели ненавистный животъ* (6, 19). О лучшемъ воскресеніи помышляли и говорили святые мученики среди самыхъ страданій, бывъ увѣрены, что *Царь міра воскреситъ ихъ въ воскрешеніе живота вѣчнаго* (7, 9. См. еще ст. 11, 14, 29 и 36).

Друзіи же поруганіемъ и ранами искушеніе пріяша, еще же и узами и темницею. О поруганіи говорится въ той же Исторіи мучениковъ Маккавейскихъ (2 Макк. 7, 7). О узахъ, темницѣ и ранахъ въ Исторіи Пророка Іереміи (См. Іерем. 32, 2. 37, 15. 16. 21. 38, 6. 28). Такая участь постигала многихъ праведниковъ,— посланниковъ Божіихъ: ибо, по свидѣтельству премудраго, ревнитель благочестія *тяжекъ къ видѣнію* нечестивымъ, они *досажденіемъ и мукою истязуютъ* его (Прем. 2, 15. 19). Тоже свидѣтельствуетъ священный Историкъ: *Тіи поношаху посломъ Божіимъ, и уничижаху словеса Его, и ругахуся пророкомъ Его...* (2 Парал. 36, 15. 16).

Каменіемъ побіени быша. Объ этой смерти праведниковъ упоминаетъ самъ Господь въ притчѣ о злыхъ дѣлателяхъ виноградника: (*оваго убо биша, оваго же убиша, оваго же каменіемъ побиша,* Матѳ. 21, 35). Въ числѣ такихъ страдальцевъ извѣстенъ сынъ первосвященника Іодая— Агарія, убитый по повелѣнію Царя Іоаса (2 Парал. 24, 21. 22).

Претрени быша. Въ Писаніи этотъ родъ мученической смерти не извѣстенъ. Съ вѣроятностію полагаютъ, что Апостолъ руководствовался здѣсь преданіемъ о Прор. Исаіи, которое говоритъ, что сей великій посланникъ Божій претренъ былъ пилою при Манассіи. (Это преданіе сохранено у бл. Іеронима, въ его толков. на Исаію, Кн. 15.).

Искушени быша, убійствомъ меча умроша. Вѣроятно, подъ именемъ *искушенія* Апостолъ соединяетъ всѣ роды истязаній; ибо особеннаго рода смерти подъ симъ наименованіемъ Исто-

рія не знаетъ. Что касается до *убійства мечемъ*, то это было большею частію окончаніемъ мученическихъ подвиговъ. Въ св. Исторіи въ особенности упоминается о Прор. Уріи, преданномъ мечу по повелѣнію Царя Іоакима, (Іерем. 26, 20— 23).

Не всѣ впрочемъ праведники предавались смерти мученической; многіе изъ нихъ и укрывались отъ гоненія нечестивыхъ. Но какова была жизнь ихъ?

Проидоша въ милотехъ (овечьихъ кожахъ), *и въ козіихъ кожахъ, лишени, скорбящіе, озлоблени.* Не имѣя покоя безопаснаго и мѣста въ городахъ или селеніяхъ, гдѣ и безъ гоненія душа праведная беззаконными дѣлами другихъ мучится (2 Петр. 2, 8), благочестивые удалялись отъ обществъ человѣческихъ и терпѣли всякія лишенія и скорби, *въ пустыняхъ скитающеся и въ горахъ и въ вертепахъ.* Таковъ былъ Прор. Илія, бѣгавшій отъ ярости Іезавелиной (3 Царств. гл. 19). Особенно много такихъ пустынныхъ страдальцевъ было въ гоненіе Епифана, когда истинные Израильтяне принуждены были жить *въ тайныхъ* (1 Макк. 1, 53.), и самые защитники благочестія укрывались *въ горахъ* (2, 28), жили *звѣринымъ образомъ* (2 Макк. 5, 27). Что можно было подумать о такихъ людяхъ? „По видимому,“ говоритъ св. Златоустый, „это были бѣглецы, бродяги, какъ бы уличенные въ самыхъ безчестныхъ дѣлахъ, какъ бы недостойные видѣть солнце,— они не находили убѣжища и въ пустыняхъ, они принуждены были всегда бѣгать, искать мѣстъ сокровенныхъ, зарывать себя живыхъ въ землю, и всегда быть въ страхѣ.“ Но каковы они въ самомъ дѣлѣ?— *Ихже не бѣ достоинъ весь міръ.* Они носили въ себѣ сокровище, драгоцѣннѣйшее всего въ мірѣ, сокровище, коего *всякое честное не достойно есть* (Притч. 8, 11); они въ очахъ Божіихъ были дороже всего міра. Очи Вседержителя всегда обращены на нихъ; Господь *хранитъ вся кости ихъ* (Псал. 33, 16. 21); у Него изочтены самые власы ихъ, какъ нѣкія драгоцѣнности (Мат. 10, 30). Для нихъ щадитъ онъ цѣлые города и царства (Быт. 18, 32. Иса. 6, 13).

г. *Превосходство вѣры новозавѣтной предъ ветхозавѣтною.* ст. 39. 40.

И сіи вси послушествовани быша вѣрою, не пріемше обѣтованія. Сколько ни засвидѣтельствована была вѣра древнихъ праведниковъ, но они не скоро достигли конца своихъ желаній. На землѣ не дано было имъ видѣть того, чего болѣе всего желали они видѣть; ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ счастія Симеона, коему *бѣ обѣщано Духомъ святымъ, не видѣти смерти, прежде даже не видитъ Христа Господня* (Лук. 2, 26). Получили ль они, по крайней мѣрѣ, тотчасъ послѣ смерти полную награду небесную? И сего не могли получить безъ Христа.

Богу лучшее что о насъ предзрѣвшу, да не безъ насъ совершенство пріимутъ. Здѣсь указываетъ Апостолъ на великую тайну божественнаго домостроительства. Всевышній готовилъ лучшія времена— благодатныя, когда надлежало явиться и яснѣйшему откровенію о спасеніи, и сильнѣйшимъ средствамъ благодати, когда отверсто будетъ небо крестомъ Спасителя, и самый адъ

плѣнится. Посему должно полагать, что святые древніе не наслаждались блаженствомъ небеснымъ до временъ Искупленія, а вошли въ оное уже съ Побѣдителемъ смерти и ада, введшимъ съ собою въ рай и благоразумнаго разбойника (Лук. 23, 43). Такимъ образомъ мы узнаемъ нѣсколько степеней посмертной жизни праведныхъ. Не было, конечно, чуждо утѣшенія и состояніе ихъ до временъ Христовыхъ, но высшую степень блаженства (*совершенство*) получили они уже не безъ вѣрующихъ новозавѣтныхъ. Слово Божіе увѣряетъ, что будетъ еще высшая степень блаженства— по воскресеніи тѣлъ,— совершенство полное, которое древніе святые пріимутъ тоже *не безъ насъ*, если будемъ того достойны.— „Опредѣлилъ (Богъ) всѣмъ одно время вѣнцевъ.— Предшествовали (древніе) въ подвигахъ, но не предшествовали въ вѣнцахъ, потому что ожидаютъ братій. Ибо если всѣ мы одно тѣло, то сему тѣлу большее удовольствіе, когда вѣнчается оно всеобще, а не порознь (каждый членъ)“ (б).

Бездна бездну призываетъ.

Псал. 41, 8.

Это изреченіе невольно приходитъ на память при окончаніи одного года и при наступленіи другаго. Окончаніе каждаго года живо напоминаетъ смертнымъ, что бездна вѣчности ежемгновенно призываетъ бездну времени, похищаетъ у нашей скоротечной жизни минуту за минутою, часъ за часомъ, годъ за годомъ. Какъ безчисленные потоки идутъ въ море, и море никогда не насыщается (Еккл. 1, 7.): такъ всѣ минуты, часы, дни и годы идутъ въ вѣчность, и вѣчность никогда не наполняется и не сокращается. *Бездна бездну призываетъ!*

Вѣчность— подлинно бездна! Но и одинъ годъ, какъ ни малъ въ сравненіи съ вѣчностію, можетъ быть названъ бездною. Представьте, какъ много бываетъ передумано и сдѣлано однимъ человѣкомъ и въ одинъ день. Представьте, какое множество людей живетъ на землѣ въ одно время. Послѣ сего легко представить, какое неисчислимое множество мыслей и желаній, намѣреній и дѣлъ, плановъ и предпріятій, помысловъ и замысловъ, слезъ и страданій, смѣховъ и восторговъ, унесено прошедшимъ годомъ,— и какая бездна должна составиться изъ всѣхъ суетъ и не суетъ, дѣлъ и бездѣлья всѣхъ людей! *Бездна бездну призываетъ!*

Къ сей безднѣ прошедшаго года нашей жизни, въ нѣкоторомъ отношеніи, можно приложить слова псалмопѣвца: *тамо гади, ихже нѣсть числа*. Въ безднѣ морской око человѣческое не разберетъ ничего: такъ и въ безднѣ прошедшаго года воображеніе наше не разберетъ ничего,— не найдетъ связи, порядка, не различитъ ни дня ни ночи, мѣлкихъ подробностей и частныхъ обстоятельствъ; памъ— мракъ не проницаемый; и весь прошедшій годъ теперь представляется одною малѣйшею точкою, однимъ быстро пролетѣвшимъ мгновеніемъ. Прошелъ, пролетѣлъ, промчался годъ.... и самъ Богъ заперъ его въ бездну вѣчности, и заключилъ его своимъ всемогущимъ словомъ, и запечатлѣлъ его своимъ вѣчнымъ опре-

(б) Слова св. Златоуста.

дѣленіемъ (Апок. 20, 3). Бездна вѣчности на вѣки призвала бездну прошедшаго времени!—

Не великъ, по видимому, одинъ годъ въ сравненіи съ вѣчностію безпредѣльною: но какая ужасная бездна гнѣва Божія и вѣчной погибели можетъ быть призвана однимъ годомъ нечестивой жизни! Въ какую бездну вѣчныхъ страданій можетъ низвергнуть *бездна грѣховная*, образовавшаяся въ одну минуту безпечности и неосторожности! *Егда совратится праведникъ отъ правды своея, и сотворитъ грѣхъ, и умретъ въ преступленіи, еже сотворилъ, въ томъ умретъ* (Іезек. 18, 26). Не пренебрегай же, человѣкъ, и одной минуты, которая можетъ рѣшить твою участь на всю вѣчность. Бездна бездну призываетъ— и невозвратно!

Но, съ другой стороны, какъ бы ни была страшна и велика бездна прошедшей беззаконной жизни: она можетъ быть поглощена бездною милосердія Божія, подъ условіемъ нашего покаянія. Одна минута покаянной молитвы можетъ положить начало твоего спасенія; одна слеза, истекшая изъ твоихъ очей отъ сердца сокрушеннаго и смиреннаго, можетъ погасить пламень гнѣва Божія; одна капля крови Господней можетъ очистить, оправдить, освятить и искупить всѣхъ величайшихъ грѣшниковъ; за одно истинно— доброе дѣло откроется предъ тобою бездна вѣчныхъ и нескончаемыхъ благъ!

Кіевъ Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 4 Ноября, 1845. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 41. НЕДѢЛЯ О МЫТАРИ И ФАРИСЕИ. Генваря 16. 1844.

На Утрени: Евангеліе воскресное II-е, Іоан. 21, 15—25.
На Литургіи: Апост. Тим. 3, 10—15. Еванг. Лук. 18, 10—14.

Не помолимся фарисейски, братіе: ибо возносяй себе смирится. Смиримъ себе предъ Богомъ, мытарски пощеніемъ зовуще: очисти ны, Боже, грѣшныя.

Вседержителю Господи, вѣмъ, колико могутъ слезы: Езекію бо отъ врать смертныхъ возведоша; грѣшную отъ многолѣтныхъ согрѣшеній избавиша; мытаря же паче Фарисея оправдиша;— и молюся, съ ними причтавъ, помилуй мя. Стих. на Госп. Возз.

Отягченныма очима моима отъ беззаконій моихъ, не могу воззрѣти и видѣти высоту небесную: но прими мя, яко мытаря кающася, Спасе, и спаси мя. Стих. на Стих.

Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче!

Когда предпринимаютъ какое либо важное дѣло, которое можетъ имѣть вліяніе на всю жизнь и состояніе человѣка: то напередъ обдумываютъ планъ, уготовляютъ пособія, изыскиваютъ средства, словомъ— дѣлаютъ все, что нужно для благоуспѣшнаго начала и окончанія дѣла. У всѣхъ насъ есть одно, единственно важное, дѣло, отъ котораго зависитъ жизнь наша, не только настоящая, но и будущая, которое имѣетъ рѣшительное вліяніе на состояніе наше не только въ царствѣ благодати, но и въ будущемъ царствѣ славы, которымъ опредѣляется судьба наша на цѣлую вѣчность. Это великое и единственно важное для насъ дѣло есть оправданіе отъ грѣховъ и примиреніе насъ съ Богомъ, безъ чего мы всѣ, по естеству, чада гнѣва и погибели;— совлеченіе ветхаго человѣка съ дѣяніями его, и облеченіе въ человѣка новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины, безъ чего не можемъ и видѣть царствія Божія.— Правда, всѣ мы давно омылись и оправдились именемъ Господа Іисуса Христа, обновились и освятились Духомъ святымъ въ таинствахъ св. Крещенія и Миропомазанія. Но— долго ли украшались одеждою чистоты и невинности, которою облеклись въ Крещеніи? долго ли хранили обязательства божественнаго завѣта? долго ли ветхій человѣкъ нашъ оставался погребеннымъ въ водахъ крещенія, и на долго ли пребыли мы мертвыми грѣху, живыми же Богови?....

Господь Іисусъ Христосъ предвидѣлъ наши паденія, и послѣ вступленія въ благодатный завѣтъ съ Нимъ,— и даровалъ намъ покаяніе во оставленіе грѣховъ; предвидѣлъ наши болѣзни духовныя, и послѣ оживотворенія и совоскресенія нашего съ Нимъ,— и даровалъ врачество безсмертія— святѣйшее Тѣло и Кровь свою; предвидѣлъ нашу немощь къ побѣжденію враговъ духовныхъ, и послѣ облеченія во вся оружія Божія,— и указалъ намъ оружіе противъ нихъ— въ постѣ и молитвѣ.

Безъ сомнѣнія, мы всегда и вездѣ обязаны пользоваться сими богодарованными средствами для собственнаго блага. Ибо, есть ли время, когдабъ несогрѣшали мы словомъ, дѣломъ, или помышленіемъ, и по сему не нуждались бы въ таинствѣ покаянія? Есть ли время, когда бы духъ нашъ не имѣлъ нужды въ безсмертной пищѣ плоти и крови Господней? Есть ли время, когдабъ мы не имѣли нужды въ пособіи поста и молитвы въ борьбѣ съ плотію, непрестанно воюющею на духъ, съ діаволомъ, который, по слову Апостола, ходитъ яко левъ рыкаяй, искій кого поглотити?— Но, чтобы и никто изъ Христіанъ— съ намѣреніемъ, или безъ намѣренія— не оставался безъ помощи сихъ средствъ, чтобы всѣ вообще имѣли болѣе удобства и возможности пользоваться ими; для сего св. Церковь установила особенныя, общественныя времена поста и покаянія, которыя для всѣхъ вообще служили бы днями спасенія; т. е. оправданія и примиренія съ Богомъ покаяніемъ,— обновленія и освященія душъ и тѣлесъ причащеніемъ плоти и крови Господней,— погашенія пламени страстей и похотей плотскихъ постомъ и воздержаніемъ,— возбужденія и укрѣпленія силъ духовныхъ молитвою. И вотъ, когда приближается сіе время благопріятное, когда настаютъ сіи дни спасенія, св. Церковь предъизвѣщаетъ о томъ благовременно, чтобы всѣ могли предрасположить сердце свое къ покаянію, приготовить духъ свой къ духовнымъ подвигамъ, чтобы святые дни поста и покаянія не остались для насъ безплодными, чтобы въ теченіе ихъ мы могли благоуспѣшно положить начало тому великому дѣлу освященія нашего, которое должно быть дѣломъ всей нашей жизни. *Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче!*— такъ научаетъ она вопіять къ Тому, отъ кого зависитъ и начало и совершеніе нашего спасенія, кто единъ отверзаетъ дверь покаянія грѣшникамъ, поражаетъ сердце ихъ скорбію о грѣхахъ своихъ, пріемлетъ и прощаетъ кающихся.

Какимъ гласомъ вопіять къ Нему? съ какимъ чувствомъ отверзать уста свои предъ престоломъ Господнимъ? Для наученія сему св. Церковь въ настоящій день представляетъ намъ въ примѣръ молящаго и оправданнаго мытаря, котораго самъ Господь, въ чтенной нынѣ притчѣ, изобразилъ въ примѣръ всѣмъ, желающимъ получить прощеніе и помилованіе отъ Бога. Краткая и не многословна молитва мытаря, но сильна и велика, ея дѣйствіе!— *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!*— вотъ все, что говорилъ мытарь, бія перси своя; и опыде въ домъ свой оправданъ паче фарисея, который говорилъ много словъ, выставлялъ много дѣлъ и добродѣтелей.

Въ чемъ сила мытаревой молитвы? Въ томъ, что онъ молился со смиреніемъ, которое столько же драгоцѣнно въ очахъ Божіихъ, сколько мерзостна гордость и возношеніе; молился

съ сокрушеніемъ сердца, болѣе котораго грѣшникъ не имѣетъ ничего собственнаго, кромѣ грѣховъ своихъ, и лучше котораго ничего не можетъ принести въ жертву Судіи и Богу своему. Если и каждый изъ насъ будетъ молиться, по примѣру мытаря, съ сокрушеннымъ сердцемъ и духомъ смиреннымъ; безъ сомнѣнія, удостоится той же милости отъ Сердцевѣдца; Господь отверзетъ и ему двери покаянія, введетъ его во святые и спасительные дни четыредесятницы, поможетъ ему благодатію своею принести истинное покаяніе, и получитъ полное прощеніе и помилованіе.

И Трудное ли и необыкновенное дѣло— твари смиряться предъ Творцемъ своимъ, преступнику— предъ Судіею нелицепріятнымъ, погибающему грѣшнику сокрушаться при мысли о своей погибели? Пусть только каждый станетъ съ мытаремъ у прага церковнаго, углубитъ взоръ свой въ обозрѣніе собственной жизни, дастъ полную свободу совѣсти обличать и упрекать;— и уста его невольно отверзутся, изъ сердца исторгнется молитвенный вопль о помилованіи.

Господи Боже мой, скажетъ каждый отъ всего сердца, что я предъ Тобою?— Прахъ и пепелъ!— Горстію праха былъ нѣкогда весь составъ мой, красотою котораго теперь горжусь и превозношусь я: но Ты взялъ сей прахъ отъ земли, оживотворилъ его духомъ жизни, одарилъ разумомъ и свободою, украсилъ своимъ божественнымъ образомъ и подобіемъ; на землѣ вся покорилъ подъ нозѣ мои, а на небѣ обѣщалъ вѣчную и блаженную жизнь съ Тобою. Что нужно еще сдѣлать, и чегобъ не сдѣлалъ Ты для сего одушевленнаго Твоею дренія? Чѣмъ могъ я заслужить, или чѣмъ могъ бы я возблагодарить за Твои благодѣянія, не имѣя ничего своего, кромѣ внутреннихъ движеній ума и сердца и сопутственныхъ имъ движеній тѣла, кои угодно было Твоей благости предоставить моей свободѣ? Какъ же употребилъ я сію драгоцѣнную возможность возблагодарить хотя чѣмъ либо толико благодѣющаго мнѣ Господа, продлить и упрочить вѣчный союзъ съ Нимъ, въ коемъ состояло мое блаженство? Увы, бѣдный умъ мой возжелалъ познанія добра и зла, несчастное сердце плѣнилось красотою запрещеннаго плода, руки простерлись къ смертоносному древу, уста вкусили плодъ смерти;— и прекрасный составъ мой паки долженствовалъ возвратиться въ землю, изъ которой взятъ онъ. Твой, Господи, праведный судъ поразилъ меня осужденіемъ вѣчной смерти и погибели.

Но твоя же безприкладная и неизреченная любовь отъ вѣчности опредѣлила спасти меня отъ смерти и ада въ возлюбленномъ Сынѣ Твоемъ. И сей единородный Сынъ Твой, иже не восхищеніемъ непщева быти равенъ Тебѣ Богу и Отцу, воспріялъ зракъ раба, пріискреннѣ пріобщился плоти и крови моея, смирилъ себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя; язвенъ бысть за грѣхи мои, и мученъ бысть за беззаконія мои; тяжкими страданіями и поносною смертію заслужилъ мнѣ прощеніе грѣховъ и примирилъ съ Правосудіемъ Твоимъ. Чтожъ воздаю и воздалъ я дражайшему Искупителю и вмѣстѣ Судіи моему за неизреченную любовь Его ко мнѣ? Еще въ колыбели Онъ омылъ ме-

ня водами крещенія, даровалъ залогъ обрученія въ сердце мое, оправдалъ и освятилъ меня, даровалъ право именоваться сыномъ Твоимъ, причастникомъ благодати Твоея, наслѣдникомъ вѣчнаго Твоего царствія. Долго ли же хранилъ я чистоту и невинность, благодать и святыню? Первыя свободныя движенія ума и сердца моего не осквернеными лукавствомъ? Первый шагъ моей свободной дѣятельности не былъ ли шагомъ къ пороку? И возрастъ, именующійся невиннымъ, не былъ ли исполненъ грѣховъ юности, о коихъ должно молить милосердіе Твое: *грѣховъ юности и невѣденія моего не помяни; аще* бо и сіи *беззаконія моя назриши, Господи, кто постоитъ?*

Но Ты безконечно милостивъ къ недостойному милости; Ты не погубилъ меня со беззаконіями моими, хранилъ и хранишь доселѣ жизнь мою, давно преданную смерти, привелъ въ совершенный возрастъ мужества, даровалъ полное употребленіе разума и свободы. Что же сдѣлано и съ сими дарами? Много ли сокровищъ для жизни будущей стяжалъ я при сей свободѣ дѣйствованія? Много ли сдѣлано мною для неба и вѣчности? Всегда ли совѣсть и законъ Твой управляли моими дѣйствіями? Не стократъ ли чаще корабль души моея носился по плетворному дыханію страстей, влаялся волнами житейскихъ попеченій?..... И если бы угодно было правдѣ Твоей сей часъ воззвать меня къ себѣ, не былъ ли бы я чуждымъ пришельцемъ въ странѣ вѣчности? Не изгналъ ли бы самъ себя изъ Твоего царствія? не возопилъ ли бы холмамъ и горамъ: покрыйте мя отъ лица Сѣдящаго на престолѣ?—

Нѣтъ, премилосердый Господи, оставь меня и еще въ сей странѣ покаянія! Трепещу предстать лицу Твоему, ужасаюся идти на судъ Твой! Въ безднѣ неизслѣдимаго милосердія и щедротъ Твоихъ утверждаю котву моего упованія; милости прошу у Тебя, Любы безконечная: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному; покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче!*

СИРОТСТВО.

Разумѣемъ сиротство *круглое*, т. е. когда у дѣтей не осталось ни отца, ни матери; сиротство *малолѣтное*,— когда дѣти не понимаютъ не только вещей и дѣлъ постороннихъ, но даже не ясно видятъ свое собственное великое несчастіе; сиротство *безпріютное*,— когда родственники не хотятъ, а великихъ благодѣтелей нѣтъ, которые могли бы пріютить сиротъ, и хотя на половину замѣнить имъ отца и мать; сиротство *безпомощное*, когда у несчастныхъ не достаетъ матеріальныхъ средствъ не только для надлежащаго воспитанія, но даже для пропитанія. Объ немъ и будемъ говорить.

Никто споритъ не станетъ, что это жалкое состояніе изъ всѣхъ возможныхъ бѣдствій, обременяющихъ родъ человѣческій, есть бѣдствіе первое и самое ужасное. Конечно, велико несчастіе— бѣдность, нищета: но противъ всякой нищеты, если она постигаетъ человѣка взрослаго, есть искусство, есть хоть какое нибудь ремесло, которымъ можно помочь себѣ въ крайней нуждѣ; а сирота, кромѣ того что бѣденъ и безпомощенъ, не имѣетъ еще и рукъ, чтобъ дѣлать и трудиться,—

головы, чтобы размыслить, къ чему онъ способенъ. Велико несчастіе— тяжкая и продолжительная болѣзнь: но если больной не ребенокъ, онъ по крайней мѣрѣ можетъ молиться и врачевать себя; если и ребенокъ, да не сирота, то за нимъ есть присмотръ, и попеченіе, его утѣшаютъ, нѣжатъ, лелѣютъ: а круглый сирота, кромѣ того что можетъ подвергаться всѣмъ возможнымъ болѣзнямъ, есть— существо, за которымъ не кому присмотрѣть, существо безъ привѣта родственнаго, безъ утѣшенія родительскаго. Несчастенъ мужъ безъ жены, злополучна жена безъ мужа; но тамъ полу-сиротство, здѣсь круглое, всестороннее сиротство; притомъ жена вдова, мужъ вдовецъ далеко не то, что малолѣтній сиротка. Видалъ я дряхлыхъ стариковъ, покрытыхъ сѣдинами, удрученныхъ скудостію, не имѣвшихъ инаго друга и сподвижника на грустномъ пути жизни своей, кромѣ нищенскаго посоха, но и сіи бѣдные люди по крайней мѣрѣ по имѣютъ утѣшеніе, что могутъ сказать соболѣзнующему объ нихъ: что дѣлать, мнѣ жить не долго остается! Несчастный сирота, только что нарекающійся быть человѣкомъ, едва вступающій на поприще жизни, не имѣетъ и этаго жалкаго утѣшенія.

И что такое дитя безъ отца, безъ матери? Слабое растѣніе, для котораго всякая почва чужда, всякій слой земли не представляетъ довлѣющей, ему свойственной питательности;— существо, отторженное отъ роднаго корени, и потому обреченное, такъ сказать, на всегдашнюю засуху и увяданіе; существо въ мірѣ одинокое, для котораго среди милліоновъ людей нѣтъ *своего* человѣка; существо, по видимому, для всѣхъ лишнее, потому что всякій можетъ говорить себѣ: къ чему оно, и для кого? Предметъ ужаса для счастливыхъ семействъ, потому что всякій боится сиротства; предметъ досады, иногда негодованія для несчастныхъ, потому что въ сиротѣ они видятъ повтореніе собственнаго несчастія; предметъ тяжкаго безпокойства и не безгрѣшной тоски для людей добрыхъ, но нерѣшительныхъ, которые всегда хотятъ и всегда собираются помогать сиротѣ, но не помогаютъ, говоря: обстоятельства! Предметъ ужасныхъ преступленій противъ Бога и человѣчества для людей злыхъ, которые нагло презираютъ и безчеловѣчно отвергаютъ сироту.

Такъ; и у сироты есть жизнь, какъ у всякаго человѣка: но ей негдѣ, не начемъ укорениться; потому что нѣтъ души и жизни родительской. Есть мысль и чувство,— иногда лучше и чище чѣмъ у другихъ людей: но нѣтъ отцовскиматтеринскаго одномыслія и сочувствія, при которыхъ бы онѣ могли свободно, легко и животворно развиваться. Есть благородныя, возвышенныя стремленія: но имъ не во что упереться, нечѣмъ электризовать себя, т. е. давать себѣ напряженность, свѣтъ и силу. На всемъ шарѣ земномъ есть ли у сироты хотя одинъ уголокъ, въ которомъ бы онъ могъ пріютиться, какъ владѣлецъ, и хозяйски распорядиться какъ неотъемлемою собственностію? Есть,— но это могила отца и матери. Только на могилу родительскую указывая, безродный сынъ можетъ съ полною увѣренностію говорить: ,,здѣсь родовая, фамильная обитель моя; ибо здѣсь теперь обитаютъ тѣ, отъ коихъ получилъ я начало,— но не продолженіе бытія моего; отъ

плоти коихъ возникла моя плоть, и отъ чьей крови заструилась кровь въ моихъ жилахъ; здѣсь мой отецъ и мать,— и болѣе нигдѣ.“ — О, мать земля, могила родительская, какъ часто случается видѣть не только малолѣтныхъ, но даже и взрослыхъ, возмужалыхъ сиротъ, которые съ горячими слезами на очахъ, съ холодною тоскою въ груди, повергаются на твою холодную грудь! Съ какими душу раздирающими воплями и стонами они припадаютъ своими персями къ твоимъ персямъ! Съ какимъ умилительнымъ, нѣжно-сыновнимъ словомъ обнимаютъ они твое жесткое лоно! Но ты безмолвна и безгласна; ты мать мертвыхъ, почивающихъ въ утробѣ твоей, а не живыхъ, кои страдаютъ на поверхности твоей! Обнимая тебя, они обнимаютъ свое горе; и бывъ несчастны вездѣ, бываютъ еще болѣе несчастны при тебѣ, когда падаютъ на грудь твою, и не получаютъ отвѣта.

И такъ сиротство есть великое несчастіе: но для кого оно болѣе несчастіе— для самихъ ли сиротъ, или для всѣхъ тѣхъ людей, кои имѣютъ къ сиротамъ не только близкія, но и дальнія, и самыя отдаленныя отношенія? Когда вникнемъ подробно и безпристрастно въ обстоятельства дѣла, очень легко найдемъ, что сиротство поистинѣ есть несчастіе больше для людей соприкосновенныхъ къ сиротамъ по какимъ бы то ни было связямъ, чѣмъ для самихъ сиротъ. Какъ несчастіе безвинное— сиротство для сироты есть заслуга предъ Господомъ Богомъ; какъ несчастіе, часто допущаемое произвольно людьми, которые могли бы облегчить прискорбную долю сиротскую, но не облегчаютъ, или облегчаютъ неусердно, или даже угнетаютъ,— оно есть грѣхъ тяжкій, грѣхъ вопіющій на небо, грѣхъ медленнаго а потому самаго мучительнаго дѣтоубійства. Положимъ, что отецъ и мать умерли, не умѣя, или не успѣвъ ничего приготовить для дѣтей своихъ: но развѣ, умирая, они покинули ихъ въ дикой пустынѣ, среди звѣрей и чудовищъ, а не среди людей? Развѣ послѣдніе, слезящіе о дѣтяхъ, взоры свои обращали они къ истуканамъ и камнямъ, а не къ существамъ живымъ и чувствующимъ, къ существамъ одареннымъ разумною природою, и облагодатствованнымъ божественною вѣрою? Развѣ они не думали, что хотя сами отходятъ въ иную жизнь, въ иной міръ, но оставляютъ сиротъ своихъ въ кругу тѣхъ же лицъ, съ которыми ежедневно встрѣчались при жизни, ежедневно бесѣдовали, были въ частыхъ сношеніяхъ житейскихъ, вмѣстѣ ходили въ домъ Божій, вмѣстѣ вкушали божественную вечерю любви, состояли въ одинаковыхъ должностяхъ, либо вмѣстѣ повиновались, либо вмѣстѣ начальствовали, либо учились, либо учили? И развѣ эта мысль не есть одинъ изъ самыхъ священныхъ завѣтовъ, какіе заключаетъ о дѣтяхъ своихъ умирающій съ живыми, передавъ симъ послѣднимъ всѣ права и слѣдственно всѣ отношенія свои къ остающимся сиротамъ?

Пока отецъ и мать живы, до тѣхъ поръ всѣ тяжкія обязанности родителей къ дѣтямъ, всѣ заботы и попеченія объ нихъ лежатъ на кровномъ отцѣ и матери; тогда всякій можетъ и имѣетъ право говорить имъ: вы имъ отецъ и мать, они вамъ дѣти; слѣдственно вашъ долгъ— и питать, и воспитывать, и пристроивать свое рожде-

ніе. Но когда родителей не стало, ихъ долгъ родительскій къ оставшимся сиротамъ легъ уже на многихъ, а по Христіанской вѣрѣ нашей, и на всѣхъ людей, до которыхъ только можетъ дойти слухъ, что тамъ и тамъ есть сиротство безпріютное. Теперь, когда сирота придетъ къ тебѣ и попроситъ хлѣба, скажешь ли ты ему: для тебя нѣтъ у меня хлѣба, иди прочь отселѣ? Когда сирота останется не воспитаннымъ, и ты спросишь у своей совѣсти,— почему онъ не воспитанъ: не укоритъ ли тебя совѣсть твоя, и не скажетъ ли тебѣ: тутъ есть и твой грѣхъ, и твоя тяжкая вина предъ бѣднымъ сиротою? Когда увидишь, что сирота, подобно страннику и скитальцу въ чужой варварской землѣ, обходитъ стогны града, тащится отъ одного угла къ другому, ища,— гдѣ бы приклонить свою сиротскую голову, и не находитъ,— когда говорю, увидишь подобнаго несчастливца: пройдешь ли мимо его, какъ слѣпой и глухой, скажешь ли ему: для тебя нѣтъ у меня пристанища? Или: прогонишь ли его отъ своихъ воротъ, какъ звѣря, въ лѣсъ и въ поле, гдѣ бы ухо твое не слыхало воплей и стоновъ его, гдѣ бы глазъ твой не видалъ ни ужасныхъ страданій, ни горькой кончины злополучнаго?..

Ахъ, когда помышляю, и даже просто гляжу на этихъ несчастныхъ: поистинѣ вижу, что и умершіе родители ихъ, и что сами они,— круглые сироты, и слѣдственно люди кругомъ несчастные,— несравненно счастливѣе всѣхъ тѣхъ живыхъ, къ которымъ покойные отецъ и мать имѣли соприкосновеніе во первыхъ родственное, потомъ дружественное или же только товарищеское, потомъ особенно должностное и подначальное, потомъ еще особеннѣе Христіанское— единовѣрное. Почему счастливѣе? Потому, что бѣдные сироты, по смерти своихъ родителей, становятся дѣтьми уже не одного отца и матери, а почти всѣхъ живыхъ отцовъ и матерей; потому, что смерть ихъ отца и матери положила тяжкую отвѣтственность за нихъ на людей по всѣмъ вышеозначеннымъ отношеніямъ. Станемъ внимательно разбирать сіи отношенія,— и, разумѣется, судить себя самихъ.

Всякій родственникъ, во первыхъ по праву плоти и крови, во вторыхъ по праву души и всей духовной природы своей, обязанъ первый заступать для сиротъ мѣсто покойныхъ родителей; никто имѣющій плоть и кровь человѣческую, и душу разумную оспоривать сего не станетъ. Не видѣлъ ли, какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ самъ Богъ повелѣвалъ родственникамъ принимать на свою полную отвѣтственность не только круглыхъ сиротъ, когда они оставались безъ отца и матери: но даже имѣть ихъ, родить, если бы ихъ не было у покойнаго мужа, или жены? Т. е. братъ строжайше обязанъ былъ жениться на вдовѣ умершаго, дабы возставить сѣмя брата своего. Что же не рѣдко видимъ въ другихъ,— не ветхозавѣтныхъ,— мірахъ родственныхъ? Одинъ родственникъ отказывается отъ сиротъ потому, что они бѣдны и нечѣмъ отъ нихъ поживиться; другой затворяетъ предъ ними двери дома своего потому, что имѣлъ какія нибудь непріязненныя семейныя дѣла съ ихъ отцемъ и матерью; третій отрекается потому, что можетъ сказать въ ложное извиненіе себѣ: у нихъ есть родня

ближе и роднѣе меня, а потому она и обязана принять къ себѣ этихъ безродныхъ. Четвертый, хотя и принимаетъ на себя обязанность опеки надъ сиротами, но не для того, чтобы заботиться объ нихъ родительски, а для того, чтобы ихъ родительское добро, какъ бы оно ни было велико или мало, въ послѣдствіи присвоить себѣ,— чтобы отнять у сироты послѣдній кусокъ хлѣба, исторгнуть изъ рукъ его послѣдній уголокъ хижины, которая осталась ему отъ отца и матери,— если только осталась. Не срамляйтеся слова; это бываетъ на свѣтѣ. Есть еще и пятый родъ родственниковъ, которые, если имъ не предоставлено никакаго права надъ сиротами по извѣстнымъ причинамъ, озлобляютъ, развращаютъ, и возмущаютъ бѣдныхъ малюшокъ противъ истинныхъ благодѣтелей ихъ, напр. опекуновъ, совѣтниковъ, начальниковъ и т. д. Вотъ уже и есть цѣлый рядъ величайшихъ несчастливцевъ, произведенныхъ— двумя— тремя сиротами изъ однаго родственнаго отношенія. Ты презираешь сиротъ за ихъ убожество? Слѣдственно въ тебѣ нѣтъ ни Бога, ни человѣчества; ты пресмыкаешься, и падаешь ницъ у подножія гнуснаго идола— корысти и пожитка. Ты отвергаешь ихъ изъ ненависти къ умершимъ родителямъ, изъ мести? Но чтожъ это за месть? Такой нѣтъ и между жесточайшими племенами народовъ варварскихъ: у нихъ есть месть крови, когда родственникъ мститъ за кровь убитаго родственника, но онъ мститъ чужому, а не своему— кровному. Можетъ быть даже, что такой мести и злопамятства нѣтъ между самыми свирѣпыми и кровожадными звѣрями; ибо читаемъ въ языческихъ исторіяхъ и баснословіяхъ, что брошенныхъ дѣтей звѣри не пожирали, а напротивъ кормили и воспитывали. О прочей роднѣ, безъ родственной любви и совѣсти къ сиротамъ, можно не говорить: ея тяжкій грѣхъ противъ сиротства, а слѣдственно и ея крайнее несчастіе явствуетъ само собою. Перейдемъ къ отношеніямъ *дружественнымъ*.

Сирота можетъ быть вовсе безроднымъ; ибо иногда бываютъ такія страшныя явленія гнѣва небеснаго на земные роды, что цѣлыя племена исчезаютъ съ лица земли, цѣлыя поколѣнія переводятся, и изъ многочисленнѣйшихъ фамилій не остается ни одного человѣка въ живыхъ, кромѣ двухъ— трехъ сиротъ, которые остаются на опустошенномъ полѣ жизни подобно осеннимъ былинкамъ, нечаянно ускользнувшимъ изъ-подъ косы или серпа. Но тотъ же самый сирота безродный никогда не можетъ остаться такимъ жалкимъ и одинокимъ, чтобы ни онъ, ни его фамилія были во все никому неизвѣстны,— если только онъ бѣдный не заброшенъ съ намѣреніемъ въ невѣдомую страну, или не занесенъ бурею въ чужіе краи. Нѣтъ человѣка, который не имѣлъ бы хоть какаго нибудь друга, пріятеля, знакомца: а потому быть не можетъ, чтобы и у покойниковъ сироты не осталось ни друзей, ни знакомцевъ; ты, я, онъ, или кто бы то ни было, непремѣнно имѣлъ съ умершими дружескія связи, пріятельскія сношенія, хоть однажды въ жизни сказалъ имъ: друзья мои! И этаго довольно: ты былъ другомъ ихъ. Если ты другъ, а не льстецъ: то, по чувству и святости дружбы, которая у людей добрыхъ часто бываетъ крѣпче и прочнѣе связей родственныхъ, ты

не имѣешь права отказать сиротамъ въ призрѣніи. Если другъ, а не обманщикъ: то, по совѣсти человѣчества, ты не отложно обязанъ заступить у сиротъ опустѣлое мѣсто ихъ отца и матери, принять на себя долгъ, покинутый всѣми ихъ родственниками. Если не заступаешь, не принимаешь: то сиротство есть уже проклятіе, которое изрекаетъ на тебя не только голосъ и законъ дружбы, но еще болѣе правосудный гласъ Бога всемогущаго, который есть Богъ любви и дружества. И развѣ это человѣческое дѣло,— если человѣкъ чувствуетъ въ себѣ человѣка только до тѣхъ поръ, пока видитъ его своимъ тѣлеснымъ окомъ, или пока сидитъ съ нимъ за одною трапезою? Назвавшись другомъ, развѣ имѣешь ты право уничтожить союзъ дружества? Его ни какая сила уничтожить не въ состояніи. Ибо что такое дружба? Духовный завѣтъ, внутренній договоръ, заключенный между двумя сторонами— жить какъ одинъ, или жить одному для другаго. Заключенъ ли сей договоръ явно или тайно, сознательно или безсознательно,— это все равно; потому что гдѣ союзится душа съ душою и чувство съ чувствомъ: тамъ нѣтъ дѣла до ясности и отчетливости внѣшнихъ сознаній нашихъ. Отмѣнить завѣтъ дружбы можно только по взаимному согласію обѣихъ сторонъ: но одной стороны уже нѣтъ на свѣтѣ; слѣдственно ты навсегда остался подъ завѣтомъ, и никто, кромѣ покойниковъ, невластенъ изъять тебя изъ подъ силы и обязательствъ онаго. Неискупимымъ залогомъ, всегдашнею порукою, живымъ, неумолкно— вопіющимъ требованіемъ и понужденіемъ— исполнять завѣтъ во всей строгости, остались для тебя сироты покойныхъ друзей твоихъ. Умирающій, если не говорилъ тебѣ, то,— разумѣется,— думалъ, вѣровалъ и уповалъ, что ты не покинешь бѣдныхъ осиротѣлыхъ птенцовъ его. Онъ и теперь также думаетъ, вѣритъ и надѣется. Вѣра и надежда на что бы то ни было всегда есть дѣло важное: а здѣсь она есть святыня, предъ которою должно благоговѣть. Если ты оскорбишь ее своимъ неуваженіемъ, если сдѣлаешь пищетною своимъ обманомъ и ложью предъ покойниками: ты все погубилъ. Вѣровавшіе и надѣявшіеся на тебя не будутъ отвѣчать предъ Богомъ ни за поступки, ни за погибель дѣтей своихъ; а ты будешь; кровь ихъ взыщется отъ руки твоей.

Ахъ, велика наша отвѣтственность предъ покойниками, если мы были друзьями ихъ! Но что сказать объ насъ въ такомъ случаѣ, когда мы имѣли несчастіе быть ихъ недругами, недоброжелателями, врагами? *Не любяй*, говоритъ Апостолъ,— только просто *не любяй брата, пребываетъ въ смерти*,— не умираетъ мгновенно, что было бы гораздо легче,— нѣтъ, смерть держитъ его въ своихъ ужасныхъ объятіяхъ, не для того, чтобы уморить, а дабы мучить и терзать— медленно, но постоянно. *Всякъ же ненавидяй брата своего, человѣкоубійца есть* (1 Іоан. 3, 14. 15). Въ какомъ смыслѣ человѣкоубійца? Даже въ простомъ, буквальномъ. Ибо развѣ не могло случиться, что наша ненависть и вражда, какимъ бы то ни было образомъ, ускорили смерть нашего брата, и осиротили малыхъ дѣтей его? Что же теперь эти сироты въ отношеніи къ намъ? Единственное, милосердіемъ Божіимъ покинутое намъ средство спа-

сти себя отъ вѣчной погибели, единственный способъ загладить страшный грѣхъ человѣкоубійства. Теперь уже не сироты къ намъ, а мы къ сиротамъ должны прибѣгать за помощію, мы должны не только всѣми средствами облегчать ихъ участь, но и просить, умолять ихъ, чтобы они не отвергнули нашего усердія: ибо они могутъ отвергнуть его, могутъ на всѣ наши пожертвованія говорить намъ одно ужасное слово: возврати намъ отца, отдай намъ мать нашу!.. Но мы не спѣшимъ свои пожертвованія съ любовію повергать къ стопамъ этихъ юныхъ владыкъ нашего спасенія? Безпечно оставляемъ ихъ на произволъ сиротства? Можетъ быть, даже стараемся вредить имъ?— О, что же мы дѣлаемъ! Хладнокровно, хладнокровнѣе всякаго злодѣя, продолжаемъ убійства— одно за другимъ!...

Фамилія сироты можетъ быть не многочисленна, друзья еще малочисленнѣе, а потому и связи кровныя, связи дружественныя— коротки: за то отношеніе должностное, связи по званіямъ вездѣ и всегда простираются на множество лицъ. У насъ нѣтъ ни одного званія и должности, кромѣ святой власти царственной, которая бы исполнялась однимъ человѣкомъ: напротивъ очень много такихъ, кои образуютъ собою огромныя сословія, напр. духовное, дворянское; заключаютъ въ себѣ сотни тысячъ и милліоны людей (воины, поселяне). Какую бы должность ни проходили покойники, къ какому бы званію ни принадлежали ихъ дѣти, оставшіеся сиротами, только всѣ лица тогоже званія обязаны пещись объ нихъ какъ о собственныхъ дѣтяхъ. Ибо что значитъ— исполнять свою должность вѣрно? Дѣйствовать въ пользу другихъ въ извѣстномъ кругѣ дѣйствія, взаимно помогать другъ другу. А кто больше сироты имѣетъ нужду и право на помощь и содѣйствіе наше? Всѣ мы, поступая на должность, даемъ одну и туже присягу, всѣ клянемся передъ однимъ и тѣмъ же крестомъ и Евангеліемъ Искупителя нашего; слѣдственно всѣ становимся одно, и слѣдственно опять всѣ наши обязанности не только должностныя, общественныя, но и домашнія, частныя, дѣлаются обязанностями всѣмъ и каждому собственными. Одинаковая должность, учинивши насъ товарищами по службѣ, т. е. уравнявши насъ собою, изъ многихъ составивши единое нераздѣльное цѣлое, тѣмъ самымъ положила на насъ священную, никѣмъ не отрѣшимую обязанность всецѣлаго взаимнаго вспоможенія и взаимнаго служенія. Связи и отношенія по должности суть тѣже связи, какія по плоти и крови, связи по родству,— съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь кровь, родство гражданское, общественное, а не физическое. Но это различіе не уменьшаетъ, не ослабляетъ святыню взаимнаго дѣйствія и воздѣйствія, а напротивъ увеличиваетъ и возвышаетъ. Однимъ словомъ: это ясно, что начальники извѣстной должности обязаны этою самою должностію, какъ своимъ судіею, быть отцами сиротъ у своихъ подчиненныхъ; подчиненные обязаны быть отцами и братьями сиротамъ какъ своихъ начальниковъ, такъ и сослуживцевъ; и никому здѣсь нѣтъ изъятія, потому что— должность. Если поступаемъ иначе: мы всецѣло нарушаемъ свою присягу. А нарушать присягу значитъ— не имѣть ни совѣсти, ни че-

сти; значитъ попирать крестъ Искупителя нашего, своеручно разрывать завѣтъ Господа, Его св. Евангеліе, отрекаться отъ вѣчной жизни и вѣчнаго спасенія. О, сиротство, для многихъ будешь ты свидѣтелемъ и докащикомъ подобныхъ клятвопреступленій!

Но пусть у сироты не будетъ ни родственныхъ, ни дружескихъ, ни должностныхъ отношеній,— что впрочемъ не возможно: у него всегда останется еще одно отношеніе къ людямъ— самое священное и важное, еще одна связь— самая неразрывная, всесвятымъ Богомъ опредѣленная и укрѣпленная,— связь по вѣрѣ Христіанской. Этою связью Христіане не только соединены, но можно сказать, какъ узники скованы съ сиротою, съ его временною и вѣчною участію: ибо предъ взоромъ истиннаго Христіанства *нѣсть разлистія ни Іудею, ни Еллину*,— нѣтъ мертвыхъ, кромѣ мертвыхъ прегрѣшеньми; единъ Богъ, едина вѣра и Церковь, едино крещеніе,— вси едино о Христѣ Іисусѣ. Слѣдственно, что такое сирота Христіанскій въ отношеніи къ прочимъ Христіанамъ? Онъ есть собственный членъ семейства всѣмъ и каждому, и никто не имѣетъ права сказать ему: ты мнѣ чужой, я не знаю тебя. Онъ есть дитя благодати Божіей, переданное рукою Господнею всѣмъ Христіанамъ на сохраненіе и возращеніе, и потому отвергающій сироту попираетъ завѣтъ благодати. Есть соглядатай, посланникъ отъ Бога для испытанія того, есть ли истинная вѣра на земли, существуетъ ли въ Христіанствѣ живая, дѣятельная любовь Христіанская. Есть мѣра благословенія небеснаго на христіанство, если Христіане исполняютъ свои обязанности къ сиротѣ, и мѣра проклятія; если не исполняютъ. Есть лице не только священное для всѣхъ, но и страшное для многихъ: потому что всегда можетъ возопить противъ насъ и принесть жалобу прямо самому Богу,— и Богъ всегда услышитъ сироту. *Всякія вдовы и сироты не озлобите*,— говоритъ Господь: *аще же злобою озлобите я, и возстенавше возопіютъ ко Мнѣ, слухомъ услышу гласъ ихъ, и разгнѣваюся яростію, и побію вы мечемъ; и будутъ жены ваша вдовы, и чада ваша сироты* (Исх. 22, 22—24). Такъ; это существо малое и слабое, этотъ человѣкъ безъ пріюта и подпоры, этотъ сынъ безродный и бездомовный,— словомъ: это хилое дитя, которое мы называемъ *сиротою*, имѣетъ огромныя права на насъ; можетъ все дать, и все отнять у насъ. Если мы презрѣли и отвергли его, огорчили и озлобили: то не можемъ молиться, и просить себѣ ничего у Господа, а должны ожидать казни. Ибо если мы станемъ чести молитву Господню, и просить обилія благъ земныхъ: *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ... хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь*: то встанетъ сирота, и скажетъ: не давай имъ ни хлѣба, ни воды, потому что они не даютъ мнѣ. Если станемъ умолять Бога о цѣлости и сохраненіи домовъ нашихъ: то встанетъ сирота, и скажетъ: разори жилища ихъ, опустоши домы ихъ, потому что никто изъ нихъ не принялъ меня подъ кровлю свою, не согрѣлъ у очага домашняго. Если мы вздумаемъ слезно просить Бога о благословеніи дѣтей и семействъ нашихъ: опять встанетъ сирота, и *возстенавше возопіетъ* и скажетъ: „клятвою прокляни ихъ„

какъ дщерь Вавилоню окаянную, и ублажи тѣхъ, иже имутъ и разбіютъ младенцевъ ихъ о камень; судъ безъ милости не сотворшему милости“... О, сирота!....

Скажешь: Богъ сиротамъ Отецъ. Правда; но сія святая правда въ устахъ жестокаго и не христолюбиваго человѣка развѣ не есть одно изъ ужаснѣйшихъ богохуленій, за кои гнѣвъ Божій и кара небесная поражаетъ цѣлыя фамиліи, гладомъ и язвою опустошаетъ цѣлые города и села? Богъ говоритъ: *тебѣ оставленъ есть нищій, сиру ты буди помощникъ;* а ты издѣваешься надъ симъ новелѣніемъ Господа;— ты говоришь сиротѣ: иди, Богъ дастъ, Онъ сиротамъ Отецъ. Отказать въ помощи единовѣрному, презрѣть сироту Христіанскаго развѣ не значитъ,— отвергнуться отъ вѣры и сдѣлаться хуже еретика, горше язычника? Не слышишь ли, что говоритъ св. Апостолъ Господа: *аще кто о своихъ, паче же о присныхъ,— о присныхъ въ вѣрѣ* (Гал. 6, 10.) *не промышляетъ, вѣры отверелся есть, и невѣрнаго горшій есть* (1 Тим. 5, 8.)?

Скажешь: для сиротъ есть пріюты общественные? Но дѣло идетъ о сиротѣ безпріютномъ, а не о томъ, которому данъ пріютъ. Впрочемъ что тебѣ до благодѣяній общества? Развѣ они потому и для того, чтобы ты пересталъ благотворить? Нѣтъ, они потому и отъ того, что ты пересталъ благотворить, что человѣколюбіе частное изсякло и оскудѣло. Не ссылайся на сиротскіе пріюты общественные, и лучше подумай: не отнялъ ли ты у сироты и эти благословенные пріюты? Не выпѣснилъ ли его отсюда, чтобы помѣстить въ нихъ свое дѣтище? Развѣ этого не бываетъ?—

Скажешь..... Но что можемъ мы сказать сиротѣ въ защиту и оправданіе себя, кромѣ лжи и грѣха? Если мы могли помочь,— и не помогли; если должны были пріютить,— и не пріютили, обязаны были учить,— и не учили; если могли сдѣлать его человѣкомъ, а допустили быть нищимъ, скитальцемъ, существомъ ни къ чему неспособнымъ; и если послѣ всего этаго увидимъ, что подобный несчастливецъ проходитъ мимо насъ: то всегда можемъ, по сущей справедливости, говорить себѣ: мимо меня идетъ мой судъ и осужденіе, идетъ свидѣтель неба вѣрный противъ меня, живая клятва на меня, на моихъ дѣтей, и на весь мой родъ.— Ибо *сице глаголетъ Господь Вседержитель: вдовицы, и сира, и пришельца, и убога не насильствуйте, и злобы кійждо брата своего да не помнитъ въ сердцахъ своихъ. И не покоришася, еже внимати, и даша плещы презирающія, и ушеса своя отяготиша, еже не слышати... И бысть гнѣвъ великій отъ Господа Вседержителя. И будетъ, якоже рече: сице возопіютъ, и не имамъ услышати, глаголетъ Господь Вседержитель. И отвергу я во вся языки, иже не разумѣша, и земля запуститъ послѣди ихъ отъ проходящаго* (Зах. 7, 9— 14).

Кіевъ Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 11 Ноября, 1843. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 42. НЕДѢЛЯ О БЛУДНОМЪ СЫНѢ. Генваря 23. 1844.

На Утрени: Евангеліе воскресное 1-е, Мат. 28, 16—20.
На Литургіи: Апост. Кор. 6, 12—20. Еванг. Лук. 15, 11—32.

Познаимъ, братіе, таинства силу: отъ грѣха бо ко отеческому дому востекшаго блуднаго сына преблагій Отецъ предъусрѣтъ лобзаетъ, и паки своея славы познаніе даруетъ, и таинственное вышнимъ совершаетъ веселіе, закалая телца упитаннаго, да мы достойно сожительствуемъ, заклавшему же человѣколюбному Отцу, и славному заколенію, Спасу душъ нашихъ. Сших. на Госп. воззв.

Объятія отча отверсти ми потщися; блудно мое иждихъ житіе, на богатство неиждиваемое взираяй щедротъ Твоихъ, Спасе, нынѣ обнищавшее мое сердце не презри. Тебѣ бо, Господи, во умиленіи зову: согрѣшихъ, отче, на небо и предъ Тобою. Сѣдаленъ по 5-й пѣсни.

ВОСТАНІЕ ПАДШИХЪ.

(повѣствованіе св. Іоанна Златоустаго).

Скажу тебѣ,— пишетъ св. Іоаннъ Златоустъ въ прогнательномъ словѣ своемъ къ Ѳеодору падшему,— и во дни наши случившееся, чему самъ ты можешь быть свидѣтелемъ. Ты знаешь Финикса, Урванова сына, этого юношу, который остался въ безвременномъ сиротствѣ господиномъ великаго имѣнія, множества слугъ и помѣстій. Сперва онъ, оставивъ занятіе въ училищахъ, сбросилъ съ себя свои блестящія одежды, покинулъ всякую пышность свѣтскую, и облекшись въ убогое рубище, пошелъ въ ту пустыню, которая на горахъ нашихъ. Тамъ показалъ такое великое любомудріе, какое прилично не только его возрасту, но хотя бы кому изъ великихъ и чудныхъ мужей. Потомъ онъ удостоился священнаго совершенія таинствъ, и съ тѣхъ поръ еще болѣе началъ прилежать къ подвигамъ добродѣтели. Всѣ радовались и славили Бога, что человѣкъ, воспитанный въ богатствѣ, имѣвшій славныхъ предковъ, и еще весьма юный, вдругъ поправъ всѣ мечты свѣтской жизни, востекъ на истинную высоту духовную. Наконецъ, когда всѣ удивлялись ему, то нѣкоторые развратные люди, посѣщавшіе его по праву родства, успѣли опять обратить его къ прежней бурной жизни. Тогда юный подвижникъ совершенно отвергъ жизнь подвижническую; съ горъ сошелъ на среду площади, сталъ разъѣзжать на гордомъ конѣ, окруженный множествомъ послѣдователей. Такъ ѣздилъ онъ по всему городу, и уже нисколько не хотѣлъ думать о прежней

цѣломудренной жизни своей; напротивъ, разжигаемый пресыщеніемъ, онъ принужденъ былъ впасть въ непотребную любовь. Не было ни одного человѣка въ городѣ, который бы, зная теперешнее его поведеніе, не отчаявался въ его спасеніи. Такое множество льстецовъ окружило его, къ тому же сиротство, молодость, огромное богатство! Люди, которые все легко порицаютъ, укоряли склонившихъ его первоначально къ жизни отшельнической, говоря: ,,отъ духовнаго заблудилъ,— и для своихъ дѣлъ теперь будетъ негоденъ, прежде времени покинувши труды ученія, и не могши оттуда получить никакой пользы.

Когда подобныя рѣчи часто повторялись, и было много сраму для отшельниковъ: тогда нѣкоторые святые мужи,— не однократно опытомъ дознавшіе, что, вооружившись надеждою на Бога, никакъ не должно отчаяваться о падшихъ,— встрѣчая заблудшаго на торжищѣ, подходили къ нему и ласково привѣтствовали. Юноша прежде съ высоты коня своего, стороною, и какъ бы мимоходомъ разговаривалъ съ ними (такое безстыдство!). Но добрые и чадолюбивые мужи не стыдились сего; они смотрѣли только на то, какъ бы овцу исхитить отъ волковъ; и ихъ терпѣніе увѣнчалось успѣхомъ. Ибо юноша, пришедши въ себя, и устыдившись ихъ великаго усердія, какъ скоро видѣлъ издалека, что они идутъ, тотчасъ сходилъ съ коня, кланялся низко, и въ молчаніи слушалъ все, что они говорили въ наставленіе ему.— Такимъ-то образомъ они скоро, по благодати Божіей, извлекли заблуждшаго изъ сѣтей пагубы, и возвратили его къ прежнему любомудрію— въ пустыню. Нынѣ онъ такъ просіялъ добродѣтелями, что прежняя жизнь его, сравниваемая съ жизнію по паденіи, совершенно ничего не значитъ.—

Но Финиксъ, бывъ еще юношею, палъ и восталъ. Другой же нѣкто,— послѣ многихъ трудовъ, понесенныхъ имъ въ пустынѣ, имѣвшій только одного товарища въ своемъ отшельничествѣ, провождавшій жизнь Ангельскую, и наконецъ достигавшій уже старости,— не знаю, какимъ сатанинскимъ наважденіемъ и малымъ дреманіемъ, указавъ путь лукавому, впалъ въ похотѣніе пребыть съ женщинами,— этотъ человѣкъ, говорю, который никогда не видалъ женщины съ тѣхъ поръ, какъ принялъ монашескую жизнь, сперва запросилъ у товарища приготовить ему вина и мяса, и грозилъ, что если не получитъ,— уйдетъ на рынокъ. Не мяса ему хотѣлось, а только случая и причины сходить въ городъ. Смущенный товарищъ, боясь, чтобы запрещеніемъ не ввергнуть въ большее зло, даетъ ему насытить желаніе. Когда падшій увидѣлъ, что хитрость не удалась: то явно, безъ стыда, открылъ свою мысль, и сказалъ, что ему непремѣнно надобно побывать въ городѣ. Всѣ убѣжденія сподвижника остались безполезными; онъ отпустилъ своего товарища въ городъ, а самъ издалека идя за нимъ, наблюдалъ, что принесетъ ему это путешествіе. Увидѣвши, что онъ вошелъ въ непотребный домъ, и дождавшись, пока тотъ удовлетворилъ своему неумѣстному похотѣнію, встрѣчаетъ его съ распростертыми объятіями, объемлетъ, любезно цѣлуетъ, и нисколько не упрекая за сдѣланное, умоляетъ только, чтобъ онъ, насытивъ страсть свою, опять возвратился въ пустынное жилище. Такая великая кро-

мость устыдила падшаго: онъ тотчасъ очувствовался, умилился,— и послѣдовалъ за товарищемъ на гору. Тамъ онъ проситъ мужа кроткаго— затворить его въ другой келліи, двери на глухо заключить, подавать ежедневно одинъ хлѣбъ и воду, и всѣмъ спрашивающимъ объ немъ сказывать, что— умеръ. Не много спустя случилась въ ближней сторонѣ страшная засуха; всѣ сокрушались и плакали: тогда одному изъ сѣтующихъ велѣно было во снѣ— идти и просить затворника, чтобъ онъ помолился, и отвратилъ бездождіе. Отправились нѣсколько человѣкъ; но нашли только одного товарища, а о затворникѣ услышали, что онъ умеръ. Думая, что сновидѣніе обмануло ихъ, они обратились къ молитвѣ. Сновидѣніе повторилось. Тогда они, обступивши того, кто ихъ дѣйствительно обманулъ, упрашивали его— показать имъ затворника;— онъ живъ, а не умеръ,— говорили всѣ. Видя, что тайна обнаружилась, отшельникъ приводитъ своихъ посѣтителей къ святому затворнику. Разломавъ стѣну, всѣ вошли къ затворнику, упали къ ногамъ его, разсказывали о своемъ бѣдствіи, и умоляли его спасти отъ голода. Святый мужъ сперва отказывался, говоря, что онъ далекъ отъ такого дерзновенія; ибо всегда представлялъ грѣхъ свой предъ очами такъ живо, какъ будто бы сей часъ совершилъ его. Когда же бѣдные люди со всею подробностію описали ему свое несчастное положеніе: тогда онъ, не могши преспорить ихъ, помолился,— и отвратилъ бездождіе (*).

(*) Изъ слова св. Іоанна Златоуста къ Ѳеодору падшему.

СЛОВО

О ГРѢХѢ 5-е

О ТОМЪ, ЧТО ПАГУБНЫЯ ДѢЙСТВІЯ ГРѢХА ТАКЪ ВЕЛИКИ, ЧТО МЫ НЕ МОЖЕМЪ И ВИДѢТЬ ИХЪ ВО ВСЕЙ ИХЪ ГЛУБИНѢ И ОБШИРНОСТИ, НО ДОЛЖНЫ, ПО ВНУШЕНІЮ СЛОВА БОЖІЯ, РАЗУМА И ОПЫТА, ПРЕДПОЛАГАТЬ, ЧТО ОНИ УЖАСНО ГИБЕЛЬНЫ.

Одно изъ пагубныхъ свойствъ грѣха, какъ мы замѣтили прежде, состоитъ въ томъ, что онъ открываетъ намъ только ту сторону свою, которая оболъстительна для нашей чувственности, а сторону вредоносную и пагубную всегда сокрываетъ и представляетъ вовсе не существующею. Посему, желая произвести въ себѣ спасительный ужасъ и отвращеніе ко грѣху, намъ должно употребить все стараніе, чтобы извести наружу весь ядъ, сокрывающійся въ сладости грѣховной, и показать его пагубныя дѣйствія. Это самое, при помощи благодати Божіей, и надѣемся мы сдѣлать въ слѣдующихъ собесѣдованіяхъ нашихъ. Теперь же почитаемъ за нужное разсмотрѣть предварительно— можемъ ли мы, въ настоящемъ состояніи нашемъ, видѣть всю пагубу, проистекающую отъ грѣха и если не можемъ, то почему именно. Это необходимо для того, дабы кто либо не вообразилъ, что мы сказали о сей пагубѣ все, что сказать можно, и что болѣе ни видѣть ни сказать ничего не остается. Нѣтъ, мы заранѣе отрекаемся отъ сего совершенства. Всю пагубу, отъ грѣха происходящую, не можетъ видѣть око ума человѣческаго. Почему? Потой самой простой причинѣ, что мы

не можемъ видѣть теперь состоянія рода человѣческаго ни прошедшаго, первобытнаго, ни будущаго, окончательнаго. Дабы знать какими бѣдствіями разразился надъ человѣкомъ грѣхъ, необходимо имѣть понятіе о томъ, въ чемъ состояло его первобытное совершенство: но мы всѣ приходимъ теперь на свѣтъ съ природою, лишенною первобытныхъ совершенствъ, съ порчею отъ грѣха въ душѣ и тѣлѣ; никто изъ насъ не видалъ перваго человѣка въ состояніи невинности и безсмертія. Послѣ сего какъ намъ опредѣлить, что сдѣлалъ съ нами грѣхъ, чего именно лишилъ и чему подвергъ? Съ другой стороны, послѣдствія грѣха должны обнаружиться не въ сей только жизни, а еще болѣе по смерти, въ вѣчности, которая такъ же недоступна не только нашимъ чувствамъ, но даже и самымъ понятіямъ. По сему опять сами по себѣ мы не можемъ сказать, что сдѣлаетъ съ нами тамъ грѣхъ, до чего простретъся пагуба и жестокость его надъ нами. Послѣ сего для наблюденія нашего за пагубными дѣйствіями грѣха надъ нами остается одинъ тѣсный кругъ нашего земнаго бытія. Здѣсь многія пагубныя дѣйствія грѣха тотчасъ видны каждому; а большая часть опять не видна для взора самаго дальновиднаго. Ибо грѣхъ, хотя есть ядъ сильнѣйшій, изъ всѣхъ ядовъ, но дѣйствіе свое оказываетъ, обыкновенно, не вдругъ, портитъ природу и жизнь нашу постепенно и непримѣтно: почему трудно указать съ ясностію, что именно худаго произтекло въ нашей жизни непосредственно отъ грѣха, и что отъ другихъ причинъ. Для означенія всѣхъ пагубныхъ дѣйствій грѣха неизвѣстнаго человѣка, надобно бы знать всю его жизнь въ точности, взять, такъ сказать, всю сумму его пороковъ и всю сумму его страданій, и сличить одно съ другимъ: но это невозможно. Тѣмъ невозможнѣе сдѣлать сіе въ отношеніи къ цѣлому роду человѣческому. По сему то въ извѣстномъ Церковномъ пѣснопѣніи столь же справедливо, какъ и глубоко, вѣдѣніе всѣхъ нашихъ недуговъ грѣховныхъ усвояется одному Богу: *Едине вѣдый человѣческаго существа немощь!*— Точно единъ Богъ знаетъ и видитъ, что сдѣлалъ, дѣлаетъ, и можетъ сдѣлать съ нами грѣхъ!

Такимъ образомъ, не смотря на весь опытъ и на всѣ познанія наши, мы оставались бы съ весьма поверхностными свѣденіями о томъ, какъ ужасенъ грѣхъ, и какое разрушеніе производитъ онъ въ природѣ нашей, если бы не пришелъ къ намъ въ семъ дѣлѣ на помощь одинъ великій свидѣтель, который былъ при началѣ нашего бытія и видѣлъ, что произвелъ грѣхъ надъ нашими прародителями, коему съ другой стороны извѣстно все, что послѣдуетъ съ нами за гробомъ, въ вѣчности, какъ разразится тамъ пагуба грѣха надъ тѣми, кои не успѣли освободиться отъ его люпой проказы. Этотъ свидѣтель всевѣдущій есть божественное Откровеніе, предъ коимъ, какъ предъ очами самаго Бога, открыта совершенно вся судьба наша во времени и въ вѣчности.

Что же говоритъ намъ сей неложный свидѣтель о слѣдствіяхъ грѣховъ нашихъ?— Ахъ, онъ открываетъ намъ такъ много, что еслибы мы были внимательны къ его словамъ; то вся жизнь наша обратилась бы въ оплакиваніе того, чего мы лишились чрезъ грѣхъ, и въ избѣжаніе того, что намъ угрожаетъ за грѣхъ.— Ибо чего нелишилъ насъ

грѣхъ, по свидѣтельству слова Божія? Лишилъ образа Божія, украшавшаго насъ въ состояніи невинности, и заключавшаго въ себѣ, вмѣстѣ съ богоподобіемъ, основаніе и залогъ всѣхъ совершенствъ; лишилъ блаженнаго общенія съ Богомъ и міромъ Ангельскимъ; лишилъ безсмертія и— жизни въ раю; лишилъ господства надъ тварями и всею землею.

Вотъ наши лишенія! Кто, скажемъ съ Соломономъ, можетъ исчислить ихъ и взвѣсить? (Еклез. 1).

Не меньшее зло угрожаетъ намъ отъ грѣха, по свидѣтельству тогоже слова Божія, и въ будущемъ; ибо угрожаетъ совершенное разобщеніе съ Богомъ и небомъ, совершенное лишеніе всѣхъ благъ небесныхъ; угрожаетъ всеконечная потеря всякой истинной жизни и радости; угрожаетъ ужасное, невольное, вѣчное пребываніе съ духами отверженными во адѣ, среди мученій некончаемыхъ. Что можетъ быть ужаснѣе сей участи?

Отважимся ли подозрѣвать небеснаго Свидѣтеля въ невѣрности и точности Его свидѣтельствъ о пагубныхъ дѣйствіяхъ грѣха? Но какая ему нужда вводить насъ въ заблужденіе? А съ другой стороны, свидѣтельство Слова Божія въ семъ случаѣ разительно подтверждается свидѣтельствомъ всего первобытнаго человѣчества. Ибо, что говорятъ намъ всѣ самыя древнія преданія о нашемъ первобытномъ состояніи? Всѣ они, не смотря на разность народовъ и странъ свѣта, говорятъ одно— что первые люди наслаждались величайшими совершенствами и самымъ блаженнымъ состояніемъ, и что всѣ сіи совершенства и блаженство погибли отъ преступленія заповѣди Божіей, что всѣ бѣдствія, покрывающія лице земли, покрыли ее именно съ того времени, какъ воцарился въ людяхъ грѣхъ.

Иначе и быть не могло, по обыкновенному и вмѣстѣ неизмѣнному порядку вещей. Каждое твореніе имѣетъ законъ своего бытія, начертанный для него Творцемъ премудрымъ и всемогущимъ. Уклоненіе отъ сего закона жизни и совершенства неминуемо портитъ и губитъ все уклоняющееся, какъ это можно видѣть во всѣхъ царствахъ природы. Драгоцѣнный камень, когда въ немъ отразился въ точности законъ его бытія, крѣпокъ, свѣтелъ, прозраченъ и многоцѣненъ; въ противномъ случаѣ безобразенъ, тусклъ, ломокъ и малоцѣненъ. Древо, соотвѣтствующее образцу своей породы, стройно, крѣпко, долговѣчно, плодоносно; а уклоняющееся отъ ней криво, безобразно, безплодно и негодно къ употребленію. То же въ царствѣ животныхъ: неправильное и, можно сказать, беззаконное смѣшеніе породъ въ животныхъ, разлученныхъ отъ сожитія самою природою, если и даетъ бытіе, то существамъ уродливымъ, слабымъ, кои притомъ не могутъ продолжать своего рода.

Такъ отмщаетъ за себя всякое уклоненіе отъ законовъ бытія въ природѣ, насъ окружающей! Тѣмъ разрушительнѣе это уклоненіе должно быть для человѣка; ибо глубина паденія и разрушенія, имъ произведеннаго, всегда соотвѣтствуетъ высотѣ и огромности зданія: а человѣкъ есть владыка и вѣнецъ всего видимаго. Въ тваряхъ неразумныхъ грѣхъ не можетъ оказать во всей силѣ своего яда; ибо самое бытіе ихъ временно и преходяще; онъ только портитъ и разрушаетъ ихъ. А въ

человѣкѣ, какъ существѣ безсмертномъ для него пища вѣчная, неистощимая. Здѣсь вселившись, грѣхъ можетъ жить всегда, вѣчно мучить и терзать, губить и разрушать безъ конца.

Какъ ни закрыто отъ насъ это будущее тиранство грѣха надъ существомъ человѣка по смерти, въ родѣ человѣческомъ всегда было глубокое предчувствіе того, и постоянное, всеобщее желаніе предупредить это тиранство. Ибо пересмотрите преданія всѣхъ народовъ, самыхъ просвѣщенныхъ и самыхъ грубыхъ, въ каждомъ изъ нихъ найдете вѣрованіе въ будущее ужасное состояніе грѣшниковъ по смерти. И что значатъ всѣ жертвы за грѣхи, приносимыя божеству въ разныхъ видахъ, всѣми народами, какъ не покушеніе примириться съ небомъ, избавиться отъ грѣха и предупредить его ужасныя дѣйствія на человѣковъ за гробомъ, въ мірѣ будущемъ?— Не станемъ входить въ разсмотрѣніе дѣйствительности сихъ жертвъ (что могло примирить насъ съ небомъ и освободить отъ грѣха и проклятія, кромѣ единой божественной жертвы, принесенной на крестѣ?). Для насъ довольно видѣть, что весь родъ человѣческій, всегда и вездѣ, признавалъ въ грѣхѣ зло для человѣка самое ужасное, коего разрушительныя слѣдствія простираются на цѣлую вѣчность.

Запасшись сими мыслями, обратимся теперь, въ слѣдующихъ собесѣдованіяхъ нашихъ, къ разсмотрѣнію пагубныхъ дѣйствій грѣха, по отношенію ко всѣмъ силамъ и способностямъ человѣка, къ состоянію его настоящему— на земли, и будущему— по смерти. Аминь.

ОБРАЩЕНІЕ СВ. НИФОНТА.

Прилѣжный и остроумный ученикъ въ отроческихъ лѣтахъ, добрый и тихій нравомъ, кроткій и смиренный сердцемъ, имѣвшій особенную привязанность къ церкви Божіей, Нифонтъ, приходя въ юношескій возрастъ началъ мало по малу развращаться, увлекаемый примѣрами распутной молодежи Византійской, и скоро превзошелъ всѣхъ своихъ пріятелей въ распутствѣ. Сталъ лѣнивъ и небреженъ, сдѣлался сластолюбцемъ, ѣлъ и упивался безъ мѣры, привыкъ къ празднословію и сквернословію, посѣщалъ всѣ безчинныя игрища..... Промотавшись какъ блудный сынъ, онъ сдѣлался воромъ, заводилъ безпрестанно ссоры и драки,— такъ что даже и для неблагонравныхъ товарищей своихъ былъ уже соблазномъ. „—Горе тебѣ, другъ Нифонтъ,— часто говаривалъ ему знакомецъ отца его Василій,— горе! Хотя ты еще живъ тѣломъ, но душа твоя давно умерла; и только тѣнь твоя ходитъ предъ людьми.“— О,— отвѣчалъ юноша, отчаявавшійся въ спасеніи,— если я уже погибъ, и на покаяніе возвратиться не могу; то по крайней мѣрѣ здѣсь испытаю всѣ роды наслажденія, выпью до дна всю чашу земныхъ удовольствій!“— Хозяйка, у которой жилъ Нифонтъ, видя его распутную жизнь, также сокрушалась, и часто со слезами восклицала: „что мнѣ дѣлать! Откуда мнѣ такая напасть?“— Молила, убѣждала, бранила несчастнаго;— все напрасно: юноша оставался неисправимымъ.

Въ одинъ день Нифонтъ приходитъ къ другу своему Никодиму; взглянувъ на него, Никодимъ ужаснулся, и не могъ выговорить ни одного слова. „— Что

ты смотришь на меня какъ на незнакомаго,— спросилъ Нифонтъ?“— „Ахъ, братъ,— отвѣчалъ Никодимъ,— я никогда не видалъ тебя такимъ, какъ нынѣ! Ты страшенъ; лице у тебя какъ у Арапа.“— Юноша вдругъ пробудился; въ свою очередь пришелъ въ ужасъ и стыдъ, закрылъ лицо руками,— и возвратился печальный и трепещущій. „—Боже мой, Боже мой,— говорилъ онъ себѣ! Если я здѣсь такъ черенъ душой и тѣломъ: что буду на судѣ Твоемъ? Горе мнѣ несчастному! Гдѣ ты нынѣ, душа моя? Скажи мнѣ, какъ могу я покаяться? Сдѣлавши столько преступленій, какъ могу сказать Богу моему: помилуй меня?“—

Нифонтъ покаялся, и былъ однимъ изъ величайшихъ подвижниковъ четвертаго вѣка Христіанскаго, и въ послѣдствіи Епископомъ Констанцскимъ. Сіе же повѣствуется,— замѣчаетъ жизнеописатель,— на явленіе великаго милосердія Божія, имже изводитъ честное отъ недостойнаго, и отъ грѣшниковъ праведники творитъ, и яко нѣсть грѣхъ побѣждаяй человѣколюбіе Божіе; къ сему же да и мы грѣшніи имамы образъ, еже не отчаяватися намъ, но да исправимъ насъ покаяніемъ, яко же и сей Нифонтъ, о коль исправилъ себе добрѣ! (*)

Въ злохудожну душу не внидетъ премудрость.

Въ злохудожную душу не внидетъ премудрость 1., потому, что такая душа не можетъ и не хочетъ принять премудрости; 2., потому, что дать такой душѣ премудрость противно премудрости, правдѣ и благости Божіей.

1. Всякое познаніе необходимо предполагаетъ съ одной стороны нѣкоторое сходство познающаго и познаваемаго, съ другой— непосредственное или посредственное общеніе, взаимное дѣйствіе другъ на друга; сіи два условія тѣмъ необходимѣе для познанія полнаго, совершеннаго, живаго, дѣятельнаго. Но между злою душею и премудростію истинною нѣтъ ни сходства, ни взаимодѣйствія. Душа злохудожная отъ земли и для земли,— и потому она ищетъ премудрости земной, бѣсовской. А премудрость, о которой говоритъ Премудрый, снисходитъ свыше, есть по своему свойству— чистая, и по происхожденію небесная (Іак. 3, 15— 17.); душа злая такую мудрость почитаетъ буйствомъ (1 Кор. 1, 19). Какое же тутъ сходство? Нѣтъ и взаимодѣйствія. Богъ отъ души злохудожной далѣе, нежели небо отъ земли: *кое общеніе свѣту ко тьмѣ?* (2 Кор. 6, 15). Если же иногда Господь, по своей благости, снисходитъ съ высоты величія Своего на бѣдную землю; если съ этимъ снисшествіемъ Господа прикасается къ душѣ премудрость: то душа, бѣгающая ни единому же гонящу, убѣгаетъ отъ Бога, и отъ премудрости, не пріемлетъ небеснаго гостя и устремляется далѣе въ бездну невѣдѣнія и нечестія.

2. Дать премудрость злохудожной душѣ *противно премудрости Божіей*. Премудрый ничего не даетъ своимъ тварямъ безъ цѣли, не расточаетъ даровъ своихъ безъ существенной пользы для тварей. Для чего бы дать душѣ злохудожной премудрость, которой она не можетъ принять? И какъ можно

(*) Чет. Мин. 25 Декабря.—

дать, когда она не хочетъ принять и даже намѣренно бѣжитъ отъ нея? Свободной воли премудрый Богъ никогда не принуждаетъ.

Противно правдѣ Божіей. Премудрый Богъ даетъ дары свои смотря по достоинству пріемлющаго, подъ условіемъ вѣры и усерднаго прошенія (Іак. 1, 5. 6.), въ награду за подвиги любви и самоотверженія. Явно, что злую душу должно наказать лишеніемъ благодати, а слѣдовательно и премудрости.

Противно благости Божіей. Дать премудрость душѣ злохудожной значитъ дать ей поводъ— увеличить свою вину отверженіемъ богодарованной премудрости; кому много дано, отъ того много и взыщется. Слѣдовательно, Господь Богъ щадитъ слабость нашу, предотвращаетъ большее наказаніе, когда не низпосылаетъ премудрости душѣ, злоупотребляющей всѣми дарами Божіими. Для нечестиваго и самъ Богъ и Его дары— огнь поядающій; отъ Его прикосновенія, непосредственнаго общенія съ Нимъ, сама душа попалится и сгоритъ, какъ *сѣно и тростіе* (1 Кор. 3, 12— 15).

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что—

1. Только души праведныя бываютъ истинно премудры, только *чистые сердцемъ Бога узрятъ*. Напротивъ души нечестивыя не могутъ быть премудрыми.

2. Кто хочетъ быть премудрымъ, не будь злохудоженъ и, потомъ, проси премудрости у Бога, въ коемъ она сокрыта (Кол. 2, 3.); другихъ средствъ къ полученію ея нѣтъ нигдѣ (Дѣян. 8, 18— 21).

3. Кто удостоился быть премудрымъ, опасайся потерять премудрость чрезъ нечестіе, которое прогоняетъ премудрость и бѣжитъ отъ нея.

Желающимъ премудрости нужно помнить все это и внимательно слушать воззваніе св. Церкви: *Премудрость! Прости!*

Кіевъ Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 18 Ноября, 1843. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евеѳій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 43. НЕДѢЛЯ МЯСОПУСТНАЯ. Генваря. 30. 1844.

На Утрени: Евангеліе воскресное 2-е, Мар. 16, 1—8.
На Литургіи: Апост. 1 Кор. 8, 8—9, 2. Еван. Матѳ. 25, 31—46.

Помышляю день страшный, и плачуся дѣяній моихъ лукавыхъ: како отвѣщаю безсмертному Царю? Коимъ же дерзновеніемъ воззрю на Судію блудный азъ? Благоутробный Отче, Сыне единородный, Душе святый, помилуй мя! Сѣдал. по 8-й пѣсни.

Господни разумѣвше заповѣди, тако поживемъ: алчущія напитаимъ, жаждущія напоимъ, нагія облечемъ, странныя введемъ, волящія и въ темницѣ сущія посѣтимъ: да речетъ и къ намъ хотяй судити всей земли: пріидите благословенніи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ Царствіе. Стих. на Литіи.

СВЯТАГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО

о памятованіи страшнаго суда Господня (*).

Если ты хочешь содѣлать душу свою жилищемъ, достойнымъ Бога; то воспоминай безпрерывно о томъ страшномъ днѣ, въ который, собранные у подножія престола Христова, мы должны будемъ дать отчетъ о всемъ, что сдѣлали на землѣ,— въ который, грѣхи наши обьявлены будутъ предъ цѣлымъ міромъ, и всѣ наши дѣйствія, даже тѣ, которыя давно забыты нами, откроются,— въ который мы увидимъ рѣку огненную и червя неусыпающаго,— въ который разгнутся книги нашихъ сердецъ, и— съ высоты судилища прочтется исторія нашей жизни и обьявятся всѣ наши дѣянія, какъ тайныя, такъ и явныя, какъ тѣ, которыя совершены подъ покровомъ ночей, такъ и тѣ, которыя сдѣланы при свѣтѣ солнца. Все что содѣлано нами по неразумію, что даже забыто нами— все откроется предъ лицемъ неба и земли!— Тамъ, не только наши дѣянія, но слова и даже помышленія составятъ предметъ суда, и тяжкія наказанія будутъ опредѣлены за грѣхи, которые мы считаемъ легкими.

Размышляйте о семъ прилежнѣе, воспоминайте чаще, имѣйте предъ очами своими безпрерывно и оный неугасающій огнь, и того Судію, который пріидетъ судить живыхъ

(*) Бесѣд. 77.

и мертвыхъ, окруженный тысящами Ангеловъ; представляйте себѣ, что вы уже слышите звукъ послѣдней трубы и осужденіе поражающее грѣшниковъ: вотъ, одни изъ нихъ, подобно плевеламъ собраны въ снопы и брошены въ огнь, другіе— связанные по рукамъ и ногамъ, ввержены во тьму кромѣшную, иные— преданы червю неусыпающему, плачу и скрежету зубовъ, кто осужденъ за жизнь разсѣянную и всецѣло преданную міру, кто за обиды, причиненныя ближнимъ, кто за соблазнъ братій, кто за преступленія, которыя никому не были извѣстны, кто за слова праздныя, кто за иныя преступленія,— только всѣ грѣшники воспанутъ *въ стыдѣніе вѣчное* (Дан. 12, 2.) и навсегда лишены будутъ лицезрѣнія Іисуса Христа, который поразитъ ихъ словами: *аминь глаголю вамъ: не вѣмъ васъ* (Матѳ. 25— 12).

Если же все это будетъ такъ ужасно: то, Христіане, каковы должны быть наши чувства! Сколько слезныхъ потоковъ должны источить очи наши! И какъ прилично намъ воскликнуть съ Пророкомъ: *кто дастъ главѣ моей воду и очесемъ моимъ источники слезъ, и плачуся день и нощь!* (Іерем. 9, 1). Ахъ! для избѣжанія сихъ угрожающихъ намъ золъ, пріидите, простремси всѣ вмѣстѣ предъ лицемъ нашего Бога, исповѣдаемъ предъ Нимъ нашу нищету и будемъ умолять о безконечномъ Его милосердіи къ намъ.—Богъ далъ намъ почти всѣхъ членовъ по два: два глаза, уха, двѣ ноги, двѣ руки, съ тою, между прочимъ, цѣлію, чтобы при болѣзни, или потерѣ одного члена, другой оставался намъ въ помощь и утѣшеніе; но Онъ далъ намъ одну душу, и если мы ее погубимъ, то что будетъ у насъ источникомъ жизни?

БЕСѢДА (*).

ВЪ НЕДѢЛЮ МЯСОПУСТНУЮ,

о страшномъ судѣ Божіемъ.

Богъ Христіанскій есть Богъ не только безпредѣльно— милосердый, но и безпредѣльно— праведный. Въ немъ *милость и истина срѣтаются, правда и миръ лобызаются* (Пс. 84, 11), яко же воспѣваетъ царствующій Давидъ. Его благость яснѣйшимъ образомъ явлена въ кроткомъ пришествіи Сына Божія въ міръ для спасенія міра; Его правда имѣетъ въ полной мѣрѣ открыться во второмъ грозномъ пришествіи Богочеловѣка судить всему міру.

Пришествіе Христово на всемірный судъ живыхъ и мертвыхъ, сколько ни сокровенно отъ взоровъ ума нашего, тѣмъ не менѣе вожделенно и несомнѣнно— для чаяній сердца нашего. *Се гряду скоро и мзда моя со мною воздати комуждо по дѣломъ его* (Апок. 22, 12), извѣствуетъ таинновидецъ. *Егда же пріидетъ Сынъ человѣческій во славѣ своей, и вси святіи Ангели съ Нимъ: тогда сядетъ на престолѣ славы своея* (Матѳ. 25, 31), вѣщаетъ Евангелистъ. Спрашивали нѣкогда Господа ученики Его: *Господи! аще въ лѣто сіе устроеши Царствіе Израилево? Рече же Го-*

(*) Говоренная Преосвященнѣйшимъ Иліодоромъ, Епископомъ Курскимъ и Бѣлоградскимъ.

сподь къ нимъ: нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во своей власти (Дѣян. 1, 6. 7). Не наше дѣло— испытывать, когда пріидетъ Господь судити живыхъ и мертвыхъ. Наше дѣло— чаять пришествія Господня и готовиться ко срѣтенію Его со свѣтильниками вѣры и елеемъ любви. Для чего сокрытъ день пришествія Господня на всемірный судъ? Да содѣлаемся и будемъ бдительнѣйшими въ подвигахъ вѣры, упованія и молитвы. *Бдите и молитеся, да не внидете въ напасть* (Матѳ. 26, 11). *Бдите, яко не вѣсте ни дне, ни часа, въ онь же Сынъ Человѣческій пріидетъ* (Матѳ. 25, 13). Пріидетъ Сынъ Человѣческій, яко Богъ, во славѣ Божества, окруженный тьмами Ангелъ святыхъ— премірныхъ служителей славы Его, и, яко Царь царствующихъ и Господь господствующихъ, сядетъ на вѣчномъ престолѣ славы Своея. Второе Христово пришествіе въ міръ имѣетъ быть славное и велелѣпное; славное— по отношенію къ Божественному лицу Его; славное по отношенію къ ходатайственному Его служенію; славное— по отношенію къ богосвѣтлому сонму святыхъ Ангеловъ; славное— по отношенію къ великому и страшному суду всего міра.— И чѣмъ славнѣе явленіе Богочеловѣка на всемірный судъ: тѣмъ страшнѣе человѣкамъ— стать предъ лице праведнѣйшаго Судіи. Чѣмъ страшнѣе грядущій судъ: тѣмъ съ благоговѣннѣйшимъ чувствомъ надобно готовиться къ оному.

И соберутся предъ Нимъ вси языцы (ст. 32). Для чего соберутся предъ лице Судіи всѣ языки и племена и какъ? Соберутся, дабы дать отчетъ предъ Нимъ въ дѣлахъ, словахъ, помышленіяхъ, желаніяхъ и чувствіяхъ. *Всѣмъ намъ подобаетъ явитися предъ судищемъ Христовымъ, да пріиметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла или блага или зла* (2 Кор. 5, 10). Какъ соберутся? По гласу Господню. Мертвіи востанутъ изъ гробовъ, а живіи измѣнившеся *восхищени будутъ на облацѣхъ, на воздусѣ въ срѣтеніе Господне* (1 Сол. 4, 16. 17). Такъ сильно слово Всесильнаго! Такъ велика слава Господа славы! Таковъ послѣдній жребій живыхъ и мертвыхъ!

Судія на престолѣ; Ангели окрестъ престола; живые и мертвые предъ престоломъ; открывается судъ правды.— И что же сѣдящій на престолѣ сотворитъ? По всевѣденію своему разлучитъ жезломъ Божественнаго слова добрыхъ отъ злыхъ. *И разлучитъ ихъ другъ отъ друга, якоже Пастырь разлучаетъ овцы отъ козлищь, и поставитъ овцы одесную себе, а козлища ошуюю* (ст. 32, 33). Вотъ высокое дѣйствіе Суда Божія— разлученіе праведныхъ и грѣшныхъ и поставленіе праведныхъ на правой сторонѣ престола, а грѣшныхъ на лѣвой! Видите ли, братія, что весь родъ человѣческій подобенъ стаду, имущему овецъ и козлищь? Добрый Пастырь сего всемірнаго стада есть Господь Іисусъ Христосъ. Овцы,— это суть праведники— за кротость и смиреніе; козлища— это суть грѣшники— за непостоянство и зловоніе нечистой жизни. Разлучитъ Господь другъ отъ друга, добрыхъ отъ злыхъ.— Еще въ сей жизни бываетъ разлученіе добрыхъ отъ злыхъ не столько примѣтное, сколько примѣтно и разительно то будетъ во второе пришествіе Христово. *Не пріидохъ возвѣщи,* говоритъ Спаситель, *на землю*

мирѣ, но мечь (Матѳ. 10, 34) разлучающій вѣрныхъ отъ невѣрныхъ, добрыхъ отъ злыхъ.— Въ послѣдній же день всемірнаго суда послѣдуетъ разлученіе праведныхъ и грѣшныхъ на всю вѣчность. Отрадно стать на правой сторонѣ престола Господня: ибо стояніе сіе будетъ для праведныхъ зарею возсіяваюшаго имъ блаженства. Страшно стать на лѣвой: ибо это будетъ знакомъ, какая злощастная участь ожидаетъ нераскаянныхъ грѣшниковъ. Господи! сподоби насъ, по безпредѣльному милосердію Твоему стать одесную Тебе. Даруй намъ благодать услышать радостные глаголы Божественныя любви, кои изречешь Ты сущимъ одесную Тебе. *Тогда речетъ Царь сущимъ одесную Его: пріидите благословенніи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (ст. 34). Пріидите, любезнѣйшіе Отцу моему и Мнѣ; пріидите, достойно подвизавшіеся на поприщѣ вѣры и благочестія; пріидите, дорого цѣнившіе любовь и благоволеніе Отца небеснаго и стяжавшіе сіе неоцѣненное сокровище; пріидите— *наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра*. Благословенные,— какое сладчайшее наименованіе! Наслѣдіе царствія небеснаго,— какое возвышенное достояніе! Какъ славно и чудно царство Христово! Члены сего царства не наемники, кои Господу угодить стараются токмо ради наградъ; не рабы, кои избѣгаютъ зла по одному страху наказаній, но сынове свѣта, кои возрождены благодатію Духа святаго, кои водятся любовію чистою и святою. Они суть не точію сынове Вышняго; но цари и священники (Ап. 1, 6). Цари, яко господствуютъ надъ страстями; священники, яко выну приносятъ Богу жертву хвалы и благодаренія. *Царство Христово нѣсть брашно и питіе, но правда и миръ и радость о Дусѣ святѣ* (Римл. 13, 17). Оно называется уготованнымъ отъ сложенія міра, т. е. отъ вѣчности.— Еще прежде сложенія видимаго міра Отецъ небесный предопредѣлилъ, по совѣту воли своея, спасти человѣковъ чрезъ Единороднаго Сына и въ Немъ явить всю полноту безконечной любви своея. Явлена любовь Отца небеснаго въ лицѣ Сына Его, вознесеннаго на крестъ за грѣхи міра; отверзто небо крестомъ, яко ключемъ царствія небеснаго; дарованы всѣ небесныя сокровища ради заслугъ Іисуса Христа, ради страданій и смерти Его. Велики и неизреченны блага царствія небеснаго! Кому же принадлежатъ всѣ сіи блага? Праведникамъ, т. е. оправданнымъ по вѣрѣ во Іисуса Христа,— вѣрѣ живой, любовію споспѣшествуемой. Видите, братіе, что вѣровать въ Господа Іисуса Христа подобаетъ и хранить заповѣди Его— заповѣди любви и милосердія: ибо чѣмъ особенно заслуживаютъ праведники благоволеніе Царя небеснаго? Благотворительностію. Вы, скажетъ Онъ, нагаго одѣли, жаждущаго напоили, алчущаго напитали, страннаго ввели въ домъ, больному послужили, заключеннаго въ темницѣ ради имени моего посѣтили и утѣшили (ст. 35— 40). Вотъ, чѣмъ стяжали вы право на наслѣдіе царствія небеснаго! Вотъ за что долженъ я васъ наградить! *Понеже бо сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (ст. 40). Дорога милостыня по тѣлу: но гораздо дороже по душѣ. Сколько душа выше тѣла: столько дороже— одѣть ближняго въ ризу чистоты и веселія, напитать хлѣбомъ живонос-

наго ученія, напоитъ водою благодати, введши въ домъ покаянія и цѣломудрія, свѣтомъ добродѣтельной жизни озаритъ сѣдящаго во тьмѣ невѣдѣнія, утѣшитъ страждущаго ради имени Христова обѣтованіемъ грядущихъ благъ. Братіе! кому дорого царствіе небесное, да будетъ милостивъ ко всѣмъ, паче же къ приснымъ въ вѣрѣ. *Блажени бо милостивіи: яко тіи помиловани будутъ* отъ Всемилостиваго (Матѳ. 5, 7).

А не милостивіи? а не раскаянные грѣшники? О, безпредѣльно— злополучны! Ибо что имъ скажетъ Царь? *Отъидите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его* (ст. 41). За что столь тяжкое осужденіе? За немилость къ ближнимъ своимъ, бѣднымъ, меньшимъ братіямъ Христовымъ. *Понеже не сотвористе единому сихъ меншихъ, ни Мнѣ сотвористе* (ст. 45). Злополучіе грѣшниковъ составятъ— удаленіе отъ лица Божія присноблаженнаго: *отъидите отъ Мене;* горестное наименованіе— *проклятіи,* т. е. заслужившіе своеволіемъ своимъ гнѣвъ Божій и отверженіе отъ лица Его; мѣсто-пребываніе— огнь геенскій, который жжетъ, а не свѣтитъ, который вѣченъ— *во огнь вѣчный;* общеніе съ діаволомъ— духомъ темнымъ и злымъ и его слугами— *уготованный діаволу* за гордость и нераскаянность, *и аггеломъ его,* кои подражаютъ ему въ гордости и нераскаянности.

Братіе! достояніе праведныхъ— Богъ и рай, достояніе нераскаянныхъ грѣшниковъ— князь бѣсовскій, противникъ Божій и адъ. Для праведныхъ присноживотный неизреченный свѣтъ и радость; для грѣшныхъ непроницаемый мракъ и безотрадная вѣчная скорбь.— Побдимъ, яко мудрыя дѣвы, дабы срѣтить Господа со свѣтильниками живой вѣры и съ елеемъ братолюбнаго милосердія. Попечемся, доколѣ время благопріятно есть, доколѣ сіяетъ день спасенія, при благодати Господа нашего, содѣлаться причастниками райскихъ наслажденій и избѣгнуть вѣчныхъ, страшныхъ мученій адскихъ.— Аминь.

УТРЕННЕЕ ВОЗНОШЕНІЕ МЫСЛЕЙ И СЕРДЦА КЪ БОГУ.

Боже, сотворившій видимый свѣтъ и поставившій солнце для управленія днями! Неистощимое милосердіе Твое снова обновило меня соннымъ успокоеніемъ, возставило отъ сна и озарило дневнымъ свѣтомъ. Я могъ умереть: Ты снова даруешь мнѣ способность жить; могъ обратиться въ прахъ: Ты далъ мнѣ силы къ продолженію бытія. Хотя въ необъятной совокупности безчисленныхъ тварей Твоихъ, составляющихъ міръ сей, я едва примѣтное существо; хотя дни мои сравнительно съ вѣчностію менѣе, чемъ тѣнь проходящая и вся жизнь моя, какъ минутный отдыхъ прохожаго: но безпредѣльная благость Твоя и на меня въ протекшую ночь простерла попеченіе свое; провидѣніе Твое поддерживало во время сна дыханіе мое, оградило меня безопасностію, заступало отъ всякихъ навѣтовъ, берегло меня, когда я не могъ помышлять о себѣ. Подъ Твоимъ охраненіемъ— кровь, безъ моего сознанія, совершала въ тѣлѣ моемъ свое теченіе, неисчетные кровоносные сосуды, волокна и мозги тѣла моего совершали свое назначеніе, и вся дивная ткань состава моего освѣжилась и укрѣпилась соннымъ

успокоеніемъ. Такъ сопровождаетъ меня милость Твоя, Господи, во всѣ дни жизни моей! Что же я воздамъ отеческой Твоей благости за толикія благодѣянія Твои? что принесу Тебѣ за отеческое промышленіе о мнѣ? Ты не требуешь благъ моихъ: ибо кто Тебѣ далъ что либо, чтобы Ты былъ обязанъ воздать, или платить ему? Все отъ Тебя, Боже, все Твоею силою сотворено и существуетъ. Твоимъ милосердіемъ и я восталъ теперь отъ сна, и снова сознаю бытіе мое. Возвожу къ Тебѣ очи мои, возношу душу мою, повергаюсь въ прахъ предъ Тобою, славлю Тебя отъ всего сердца моего. Пріими отъ меня, Всеблагій, жертву славословія, не возгнушайся моимъ благодареніемъ. Да будетъ имя Твое хвалою и пѣснію души моей. Даруй мнѣ благодать неосужденно призывать Тебя, славить Тебя въ правотѣ сердца, хвалить Тебя во всю жизнь мою, прославлять Тебя до конца дней моихъ, благословлять имя Твое, превозносить благость Твою!

Христе Спасителю! Ты присносущный свѣтъ необъемлемый никакою тьмою! Сей видимый, созданный Тобою свѣтъ — тьма и мракъ предъ свѣтомъ Твоимъ. Ты обитаешь во свѣтѣ неприступномъ, облекаешься свѣтомъ какъ ризою и просвѣщаешь всякаго человѣка, приходящаго въ міръ сей. Какъ созданное Тобою видимое солнце есть источникъ свѣта, теплоты и жизни для видимыхъ Тварей: такъ Ты, солнце правды, Премудрость и Слово Отца небеснаго, — источникъ свѣта и вѣчной жизни для существъ одаренныхъ разумомъ и свободою. Озари взоръ души моей свѣтомъ Твоего боговѣдѣнія; просвѣти мракъ ума и помышленій моихъ познаніемъ оправданій Твоихъ; даруй мнѣ благодать углубляться въ откровенія Твои; научи меня ихъ смыслу и вѣдѣнію; наставь на истину Твою; вразуми меня въ Твоихъ наставленіяхъ. Даруй мнѣ прилѣпляться къ заповѣдямъ Твоимъ, хранить уставы Твои, соблюдать повелѣнія Твои! Да будетъ свѣтильникомъ ногамъ моимъ Евангеліе Твое и свѣтомъ стезямъ моимъ законъ Твой! Да хранитъ ихъ сердце мое; да не забываетъ мысль моя. Не допускай меня ходить во тьмѣ грѣховной; но дай мнѣ жить и дѣйствовать во свѣтѣ Твоемъ.

Благость Твоя, Боже, возставила меня отъ сна, съ тѣмъ, чтобы я исполнялъ дѣла, возложенныя на меня званіемъ, въ которомъ промыслъ Твой поставилъ меня. Это путь, которымъ суждено мнѣ Тобою спремиться къ вѣчному моему назначенію. Укажи мнѣ на немъ вѣрный путь, по которому мнѣ идти: да руководствуетъ меня Духъ Твой по стезѣ прямой. Не оставляй меня на произволъ лукаваго сердца моего, не допускай пристращаться къ образу мыслей моихъ, полагаться на разумъ мой, ходить кривыми путями беззаконныхъ. Удержи ноги мои отъ всякаго злаго пути, утверди стопы мои на стезяхъ Твоихъ. Даруй мнѣ искать Тебя во всѣхъ дѣлахъ моихъ, быть орудіемъ воли Твоей и сообщникомъ однихъ боящихся Тебя: да истаеваетъ душа моя желаніемъ истины и правды Твоей. Содѣйствуй мнѣ Твоею благодатію въ исполненіи обязанностей моего званія, научи меня творить ихъ охотно, совершать со всею ревностію; укрѣпи мои силы; поддержи меня въ моихъ немощахъ: да познается въ нихъ сила Твоя!

Неизреченно великій въ твореніи Твоемъ, Боже! какъ радостно появленіе зари утренней, какимъ веселіемъ дневный разсвѣтъ оживляетъ всѣ твари, какъ торжественно восхожденіе дневнаго свѣтила! Сколько же радостенъ будетъ для праведниковъ разсвѣтъ вѣчнаго дня; сколь восхитительно будетъ утро всеобщаго воскресенія для благоугодившихъ Тебѣ, Боже, своею жизнію; сколь вожделенно призывающимъ Тебя, Спасителю,— пришествіе Твое для совершенія судебъ міра сего! Когда Ты, явившись во всемъ величіи Твоемъ, со всѣми святыми Ангелами, сядешь на Престолѣ славы Твоей, возвѣстишь награду и воздаяніе свое праведникамъ: тогда они въ очахъ всего міра явятся омытые кровію Твоею, облеченные одеждою оправданія и ризою спасенія Твоего, такъ, что не найдется въ нихъ ни малѣйшаго грѣха, не будетъ на нихъ никакого порока. Ты возришь на нихъ тогда окомъ Твоего благоволенія и, радуясь ими, содѣлаешь ихъ наслѣдниками Твоего царствія, водворишь ихъ въ селеніяхъ Твоихъ! И они возсіяютъ какъ свѣтлость тверди небесныя, просвѣтятся подобно солнцу, на вѣки забудутъ скорби земныя ни одна слеза горести не ороситъ уже лица ихъ, ни одинъ вздохъ не исторгнется изъ груди ихъ: вѣчно будутъ они радоваться и ликовать во славѣ Твоей, наслаждаться неизреченнымъ веселіемъ и блаженствомъ, воспѣвать и славить Твои совершенства: потому, что Ты вѣчно будешь Богомъ ихъ, свѣтомъ, славою и святилищемъ ихъ. Тогда помяни и меня, Господи, во царствіи Твоемъ, и причисли къ оправданнымъ Тобою!

Но какимъ бы страхомъ поражены были всѣ твари, въ какое смятеніе пришли бы земныя стихіи, какимъ бы трепетомъ потрясся міръ: если бы видимое солнце, сіе дневное свѣтило, оставивъ свое мѣсто, двигнулось съ него, устремилось на землю, излило на нее море пламенныхъ огней своихъ! Кто же изъ грѣшниковъ стерпитъ день пришествія Твоего, Солнце правды? кто стерпитъ лютый день ярости и пламеннаго гнѣва Твоего, Господи, когда Ты, расторгнувъ небеса, снидешь судить міръ преступный? Какимъ трепетомъ поколеблются тогда небеса, потрясется земля, застонетъ вселенная, когда падутъ съ своихъ мѣстъ небесныя свѣтила, возшумятъ бездны, растаютъ раскалившіяся стихіи, потоки обратятся въ смолу горящую, прахъ станетъ пылающею сѣрою, все зальется огненной рѣкой, все пожретъ огнь, все величіе міра понесется въ дыму и исчезнетъ? Кто устоитъ предъ жаромъ гнѣва Твоего, Боже, предъ пожирающимъ огнемъ правосудія Твоего: когда Ты, поставивъ божественную правду Твою вѣсами суда Твоего, грозно воззришь на нераскаянныхъ грѣшниковъ, на непокорявшихся Евангелію Твоему, презрѣвшихъ уставы Твои, не ходившихъ по предписаніямъ Твоимъ. Тогда познаютъ нераскаянные грѣшники, что они для огня трудились, собирали для себя гнѣвъ Твой, отвсюду нападетъ на нихъ ужасъ, поднимутъ плачь и стенаніе, скажутъ холмамъ: покройте насъ; горамъ: падите на насъ, предпочтутъ смерть своему безсмертію. Но Ты не помилуешь ихъ, Судіе праведнѣйшій, не пощадитъ уже ихъ око Твое. Боль и муки обнимутъ ихъ, точащій червь водворится въ костяхъ ихъ, постиг-

нетъ ихъ неизреченное горе и не будетъ конца горю ихъ: потому что правда Твоя, Господи, низринетъ ихъ въ озеро огненное, поднимется на нихъ пламенная его пучина, зальютъ ихъ огненныя геенскія воды, будутъ пылать и не потухнутъ во вѣки вѣковъ. Такъ совершишь Ты, Господи, судъ Твой, покажешь святость свою, явишь величіе свое! Помилуй тогда меня, Господи, Твоимъ милосердіемъ, пощади ради благости Твоей, покрой оправданіемъ Твоимъ, прости грѣхи и беззаконія мои, удостой Царствія Твоего, поставь въ немъ, хотя на послѣдней чертѣ его: да славлю благость и милосердіе Твое Отче, Сыне и Душе святый во вѣки вѣковъ. Аминь.

ВЕЧЕРНЕЕ ВОЗНОШЕНІЕ МЫСЛЕЙ И СЕРДЦА КЪ БОГУ.

Боже, сотворившій утро и вечеръ, день и ночь! надежда и упованіе мое отъ юности моей, отъ чрева матери моей Покровитель мой! Славлю Твою милость, Господи, изливаю предъ Тобою душу мою! Благодарю Тебя за всѣ щедроты и благодѣянія, изліянныя на меня Твоею благостію въ теченіи жизни моей! Благодарю Тебя, Отче небесе и земли, что Ты благоволилъ изъ ничего создать меня, одарить разумомъ и свободою и призвать въ благодатное Твое царствіе! Благодарю Тебя, Единородный Сыне Отца небеснаго, Спасителю мой, что Ты искупилъ меня изъ плѣна адскаго крестными страданіями и кровію своею. Благодарю Тебя, Душе святый, что Ты доселѣ просвѣщалъ умъ мой и освящалъ Твоею благодатію. Благодарю Тебя пріединый Боже, что Ты усыновилъ меня Церкви Твоей святой, озарилъ меня свѣтомъ Евангелія, даровалъ Ангела хранителя души и тѣлу моему, посылалъ мнѣ въ продолженіи бытія моего благодѣтелей, наставниковъ и покровителей, вразумлялъ и воспитывалъ меня, одѣвалъ, согрѣвалъ, прохлаждалъ и питалъ меня, ниспосылалъ для вѣчнаго моего блага скорби, печали, болѣзни и напасти, доселѣ щадилъ и сохранилъ меня отъ внезапной смерти. Благодарю Тебя, Всеблагій, и за всѣ дары милости Твоей, которыя Ты ниспослалъ мнѣ въ теченіи протекшаго дня сего. Даровалъ мнѣ воздухъ для дыханія, Ты освѣщалъ меня свѣтомъ солнечнымъ, насыщалъ меня своею благостію, утолялъ жажду мою, подкрѣплялъ мои силы, оберегалъ отеческимъ попеченіемъ, заступалъ и хранилъ своею милостію, устроилъ путь мой, водилъ меня своимъ промысломъ и привелъ меня до наступающей ночи. Благодарю Тебя, всеблагій Боже! да будетъ и отъ меня благословенно всесвятое имя Твое, коему покланяется всякое колѣно существъ небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ!

Но вникая въ себя и осматривая совѣсть свою, сознаю, что доселѣ еще не твердо сердце мое въ законѣ Твоемъ, Господи! что я въ сей день, какъ и во всѣ дни протекшей моей жизни оскорблялъ Твою благость преступленіемъ Твоихъ заповѣдей, небрежностію въ исполненіи моихъ обязанностей, предосудительными навыками и такими дѣлами, которыми самъ гнушаюсь. Что же воздамъ за преступленія мои, за грѣхи мои, которыми я оскорбилъ отеческое о мнѣ промышленіе Твое, Вседержителю? Осуждаемый своею совѣстію, тѣмъ паче боюся суда Твоего, не на-

ходя ни въ себѣ, ни во всемъ мірѣ ничего къ оправданію моему предъ Тобою и къ умилостивленію Твоего правосудія. У Тебя одного помилованіе и оправданіе мое, Ты одинъ, Спасителю мой, и удовлетворительная жертва правосудію Божію за прегрѣшенія мои, и выкупъ мой изъ рабства грѣховнаго. Продолженіе жизни моей внушаетъ мнѣ, что Ты не престаешь еще желать и ожидать моего обращенія на путь покаянія, чтобы помиловать меня и умилосердиться надо мною. Въ семъ упованіи повергаюсь предъ Тобою въ прахъ, вѣчное милосердіе! и всею силою души и сердца моего умоляю благость Твою, Господи: прости мнѣ грѣхи, какіе сдѣлалъ я въ сей день мыслію, словомъ, дѣломъ, произвольные и невольные, сознаваемые и неизвѣстные мнѣ по невниманію къ себѣ. Даруй мнѣ познаніе самаго себя, познаніе всей глубины и злобы грѣховъ моихъ. Прости ихъ по великой Твоей милости, не попускай оставаться мнѣ во грѣхахъ моихъ, сними съ меня вины мои, извлеки меня изъ тины грѣховной, смой зло съ сердца моего слезами покаянія моего, не допускай меня впредь жить по его упорству; но дай мнѣ сердце послушное заповѣдямъ Твоимъ, ниспосли мнѣ благодать постоянно держаться вѣры въ Тебя и добродѣтели! Помилуй еще меня по Твоему благоутробію, пощади по Твоему человѣколюбію: да не отступаетъ отъ меня милость Твоя, да не оставляетъ меня благодать Твоя! Не погуби меня съ беззаконіями моими, даруй мнѣ еще время на покаяніе!

Посли мнѣ въ наступающую ночь мирный сонъ къ укрѣпленію и обновленію тѣлесныхъ и душевныхъ силъ моихъ! Но дай мнѣ и во снѣ не забывать, что предъ Тобою, Всевидящій, и ночь свѣтла, какъ день, что ничего нѣтъ сокровеннаго предъ взоромъ Твоимъ, но все обнажено и открыто предъ очами Твоими; что Ты неусыпно назираешь пути человѣческіе, и нѣтъ такого мрака, который бы могъ сокрыть дѣлающихъ зло отъ взора Твоего; что Ты проникаешь сердца, испытуешь внутренности, видишь мысли и каждому воздаешь по пути и дѣламъ его; что предъ Тобою всѣ мои желанія и ни одинъ вздохъ мой не сокрытъ отъ Тебя. Къ тебѣ возношу, Боже, мысли, чувства, желанія, дыханіе и всѣ движенія сердца моего: да пылаетъ оно Твоею только любовію, высочайшее благо! Даруй мнѣ, пока сонъ обниметъ члены тѣла моего, размышлять о судьбахъ Твоихъ, размышлять о той ночи, которую Ты, Спасителю мой, изъ любви ко мнѣ провелъ предъ крестными страданіями въ молитвенномъ подвигѣ да кроваваго пота;— памятовать, что день пришествія Твоего, Спасителю, нечаянно, какъ сѣть, захватитъ всѣхъ живущихъ на землѣ; что, можетъ быть въ наступающую ночь, раздастся кликъ, что Ты грядешь судить живыхъ и мертвыхъ! Даруй сердцу моему и во снѣ бодрствовать любовію къ Тебѣ: да не уклоняется оно къ помышленію злому; да испаеваетъ душа моя желаніемъ спасенія Твоего. Жаждетъ Тебя душа моя, Спасителю мой, томится по Тебѣ духъ мой, порѣвается сердце мое къ Тебѣ, Богу живому!

Господи! у Тебя исчислено скитаніе мое на землѣ. Быть можетъ, это ложе будетъ гробомъ моимъ; быть можетъ, въ эту ночь я засну сномъ смертнымъ. О, не дай мнѣ, Боже, уснуть въ грѣховной смерти; не осуди меня

по дѣламъ моимъ, не исторгай меня изъ среды живыхъ съ моими беззаконіями, не отринь меня отъ лица Твоего, не низринь меня внѣ царствія Твоего, во тьму вѣчнаго плача и скрежета зубовъ, гдѣ не будетъ ни луча отрады, ни капли охлаждающей огнь геенскій, ни одной мысли утѣшительной. Но удостой меня того мира, покоя и блаженства, которое Ты уготовалъ благоугождающимъ Тебѣ; содѣлай меня наслѣдникомъ того царствія, въ которомъ сіяетъ несозданный, невечерній свѣтъ Твой и нѣтъ уже ни мрака, ни ночи, ни сна, ни утружденія. Если же благость Твоя подастъ мнѣ еще время для покаянія и осіяетъ меня свѣтомъ послѣдующаго дня: то дай мнѣ уснуть въ полной надеждѣ, что Ты ограждаешь меня своею милостію, что подъ покровомъ Твоего Промысла я безопаснѣе младенца, покоющагося у груди матери своей. Въ руки Твои предаю духъ мой, Твоей благости и милосердію вручаю вѣчную участь мою! Ты свѣтъ мой и спасеніе мое: кого мнѣ бояться? Ты крѣпость и твердыня моя: кого мнѣ страшиться? Да будетъ милость Твоя и со мною грѣшнымъ, да въ семъ ли вѣкѣ, или будущемъ, славлю Тебя Отца и Сына и Святаго Духа во вѣки вѣковъ. Аминь.

МОЛИТВЕННЫЕ ОБѢТЫ

ВѢРЫ, НАДЕЖДЫ И ЛЮБВИ.

Вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію! Вѣрую всему тому, что Ты открылъ въ словѣ Твоемъ. Вѣрую всему тому, чему поучаетъ святая Твоя Вселенская и Апостольская Церковь. Міръ предлагаетъ мнѣ свои мудрованія; духъ злобы— свои искушенія и сомнѣнія, похоть плоти— суетные свои помыслы. Не вѣрю имъ, отвергаю ихъ, гнушаюсь ими. Слово Твое, Боже, пребываетъ во вѣки; небо и земля прейдутъ, а слово Твое не прейдетъ: Церкви Твоей и врата адовы не преодолѣютъ. Обьемлю всѣмъ сердцемъ истины, открытыя Тобою. Ты самъ изрекъ ихъ, довольно сего для меня и выше всѣхъ человѣческихъ умствованій; утверждаюсь на ученіи Церкви Твоей, потому что она столпъ и утвержденіе истины Твоей. Беззаконники сплетаютъ глумленія вопреки слову Твоему, но слова ихъ, въ сравненіи съ изреченіями Твоими, безуміе; слышу хитросплетенія враговъ Церкви Твоей,— они мракъ предъ свѣтомъ ея ученія. О не дай, Господи, колебаться мнѣ подобно младенцу въ вѣрѣ Твоей, да не увлекаетъ меня всякій вѣтръ ученія хитрымъ искуствомъ обольщенія. Требуй отъ меня за слово Твое, Господи, крови моей,— жизни моей! готово сердце мое, Боже, готово сердце мое! Не боюсь убивающихъ тѣло, но не могущихъ убить души. Ничто не разлучитъ меня отъ Церкви Твоей, ни скорбь, ни тѣснота, ни посмѣянія, ни гоненіе, ни голодъ, ни нагота, ни опасность, ни огнь, ни мечь: потому что Ты, Спасителю, по своему обѣщанію, пребываешь въ Церкви Твоей, и пребывая въ Церкви, я пребываю съ Тобою: а слово Твое не можетъ обмануть меня, какъ не можетъ подвергнуться заблужденію Твоя премудрость. Нѣтъ у меня дѣлъ, которыя могли бы оправдать меня на судѣ Твоемъ, Господи! Но ты самъ изрекъ: что вѣрующій въ Тебя жить будетъ во вѣкъ! Вѣрую Господи! да вмѣнится мнѣ вмѣ-

сто дѣлъ вѣра моя, да оправдитъ она и спасетъ меня, да соединитъ съ Тобою, и содѣлаетъ меня наслѣдникомъ вѣчнаго царствія Твоего, да открыто лицемъ къ лицу увижу славу Твою.

Почто унываешь, душа моя, почто смущаешься? Уповай на Бога, коего всѣ обѣтованія: ей и аминь; уповай на Бога, коего всевѣдущая премудрость знаетъ, безпредѣльное всемогущество можетъ, неистощимая благость желаетъ— все устроить ко благу моему, на пользу вѣчнаго спасенія моего. Уповай, душа моя, на Бога; уповай на Его вѣчную благость, на Его милосердіе безпредѣльное, на страданія и кровь Іисуса Христа, удовлетворившаго за тебя правосудію божественному!

На Тебя, Господи, возлагаю все упованіе мое! Хотя сознаю въ себѣ безчисленное множество грѣховъ моихъ; но, въ упованіи на вѣчную любовь, на крестныя страданія и смерть Спасителя моего, прибѣгаю къ превосходящему злобу грѣховъ моихъ милосердію Божію; прибѣгаю въ полной надеждѣ, что вѣчное правосудіе въ удовлетвореніе и за мои грѣхи пріемлетъ принесенную на Голгоѳѣ жертву Спасителя моего, что кровь Его ходатайствуетъ прощеніе и моихъ прегрѣшеній, что Промыслъ не престанетъ посылать мнѣ все необходимое къ вѣчному спасенію моему, что благость Божія всегда будетъ руководствовать меня благодатію Духа Святаго и ради заслугъ Іисуса Христа содѣлаетъ и меня наслѣдникомъ царствія небеснаго!

Во всѣхъ обстоятельствахъ жизни моей не хочу полагаться на силы и разумъ мой, не стану надѣяться на богатство и помощь человѣческую; но буду уповать единственно на неистощимую благость и опеческое Твое провидѣніе, Создателю мой! Въ семъ упованіи, хотя бы все окружающее меня возстало противъ меня, не убоится сердце мое; хотя бы весь міръ сокрушался; хотя бы всѣ бѣдствія міра сего постигли меня; хотя бы казалось даже, что благость Твоя, Боже, оставила меня: я непрестану уповать на Тебя, Избавителю мой, твердыня моя, непреоборимая защита моя, убѣжище мое, каменная скала, на которой я безопасенъ!

На Тебя, Господи, уповаю! не прельстятъ меня соблазны міра сего, не увлечетъ меня на путь порока похоть плоти, не обольститъ меня коварство духовъ темныхъ! Въ упованіи на всесильную благодать Твою, Душе святый, какого не искореню изъ сердца моего грѣха? какой не совершу добродѣтели? Отнынѣ при содѣйствіи благодати Твоей, Господи, буду подвизаться, хотя бы до крови, противу грѣха, всеусильно исполнять святую волю Твою. Не постыди меня Всеблагій въ надеждѣ моей, осуществи упованіе души моей, и введи меня въ то царствіе Твое, въ которомъ и вѣра прекратится и надежда престанетъ!

Господи! что мнѣ безъ Тебя на небѣ, и что мнѣ безъ Тебя на землѣ? Возлюблю Тебя, Боже сердца моего и часть моя во вѣки! Возлюблю Тебя— вѣчная любовь, сладость неизреченная, святость совершеннѣйшая, красота неописанная, безначальная! Возлюблю Тебя не только за благодѣянія и щедрые дары Твои, которые Ты безпрестанно изливаешь на меня; но и потому, что Ты высочайшее, одно достойное всей любви моей благо, одинъ достоинъ любви всѣхъ тварей! Не хочу ничего любить кромѣ Тебя, не хочу жить какъ толь-

но въ Тебѣ, не хочу ничего желать кромѣ Тебя; предпочитаю Тебя всему, люблю Тебя выше всего! Порѣвается къ Тебѣ душа моя, исчезаетъ въ Тебѣ сердце мое... желаю разрѣшиться и быть съ Тобою! О! кто избавитъ меня отъ смертнаго тѣла сего? когда пріиду и явлюсь лицу Твоему, Боже?

Возлюблю Тебя, Боже мой, возлюблю Тебя всѣмъ сердцемъ моимъ, всею душею моею, всѣмъ помышленіемъ моимъ! Поздо я ощутилъ неизреченную сладость любви Твоей, Боже! Поздо я возлюбилъ Тебя! Но и теперь не люблю еще Тебя, какъ долженъ и какъ желаю любить. Невыразимо, безконечно пламеннѣе желалъ бы я любить Тебя, желалъ бы любить Тебя тою любовію, какою любили Тебя всѣ святые, какою возлюбила Тебя Преблагословенная Матерь человѣческаго спасенія, любить тою любовію, которая одушевляетъ святыхъ Ангеловъ Твоихъ, какою пылаютъ къ Тебѣ Херувимы и Серафимы, которою, еслибъ то было возможно, Ты самъ любишь себя. Господи! отринь меня, попери меня, уничижи меня, предай на мученія, ниспринь во адъ, только дай мнѣ благодать всецѣло, вѣчно любить Тебя!

Всалюблю Тебя, Боже мой! ничего не желаю кромѣ любви Твоей. Пошли мнѣ смерть въ это мгновеніе, въ которое люблю Тебя, прежде, чѣмъ настанетъ то время, въ которое не буду любить Тебя. Даруй мнѣ умереть въ чувствѣ любви Твоей! Если же предвидишь (Ты все видишь), если предвидишь, что нѣкогда, что чрезъ нѣсколько часовъ, или лѣтъ оскорблю Тебя: лучше въ сіе самое мгновеніе исхити меня изъ среды живущихъ, только не дай мнѣ дожить до того несчастнаго времени!

Возлюблю Тебя Боже, Спасителю мой, въ ближнемъ моемъ. Даруй мнѣ Господи изъ любви къ Тебѣ любить ближняго моего, любить весь родъ человѣческій, какъ самаго себя,— любить любовію Пророка Моисея и Павла Апостола, любить тою любовію, которою Ты самъ возлюбилъ людей, и, не смотря, что они были грѣшниками, взыскалъ погибшихъ, привлекъ ихъ къ себѣ милосердіемъ своимъ, искупилъ ихъ отъ сатанинскаго порабощенія страданіями и кровію своею! Даруй мнѣ благодать любить грѣшниковъ для обращенія ихъ на путь добродѣтели, возбуждай во мнѣ готовность по Твоему примѣру всѣмъ благодѣтельствовать, ниспосли мнѣ усиліе стараться всѣхъ привлечь къ любви Твоей, научи меня снисходительно обращаться съ заблуждающими, оказывать помощь и услуги недужнымъ, быть назидательнымъ въ словахъ и дѣйствіяхъ, кроткимъ въ обращеніи, даруй мнѣ благодать сострадать всякому въ злоключеніяхъ, всѣмъ желать добра, благословлять клянущихъ меня, молиться за обижающихъ и благотворить врагамъ моимъ!

Утверди меня, Боже, въ истинной вѣрѣ Твоей, укрѣпи надежду мою на Тебя, разжигай душу и сердце мое любовію Твоею; удостой и меня въ царствѣ любви и славы Твоей славословить безпредѣльную Твою благость Отца и Сына и святаго Духа во вѣки вѣковъ. Аминь.

Кіевъ Въ Тип. К. Лавр. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 25 Ноября, 1845. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Иннокій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 44. НЕДѢЛЯ СЫРОПУСТНАЯ. Февраля 6. 1844.

На Утрени: Евангеліе воскресное 3-е, Мар. 16, 9—20.
На Литургіи: Апост. Рим. 13, 11—14. 14, 1—4. Еванг. Матѳ. 6, 14—21.

Поприще добродѣтелей отверзеся, хотящіи страдальчествовати внидите, препоясавшеся добрымъ поста подвигомъ: законно бо страдальчествующіи, праведно вѣнчаются, и воспріимше всеоружіе креста, врагу сопротивимся, яко стѣну нерушимую имуще вѣру, и яко щитъ молитву, и шлемъ милостыню, вмѣсто меча постъ, иже отсѣкаетъ отъ сердца всю злобу. Творяй сія, истинный пріиметъ вѣнецъ отъ Всецаря Христа въ день судный.

Приспѣ время, духовныхъ подвиговъ начало, на демоны побѣда, все оружное воздержаніе, Ангельское благолѣпіе, къ Богу дерзновеніе: тѣмъ бо Моисей бысть Зиждителю собесѣдникъ, и гласъ невидимо въ слухи пріятъ. Господи, тѣмъ сподоби и насъ поклонитися твоимъ страстемъ, и святому воскресенію, яко человѣколюбецъ. Стих. на хвалит.

Постное время свѣтло начнемъ, къ подвигомъ духовныхъ себе подложивше, очистимъ душу, очистимъ плоть, постимся якоже въ снѣдѣхъ отъ всякія страсти, добродѣтельми наслаждающеся духа: въ нихъ же совершающеся любовію, да сподобимся вси видѣти всечестную страсть Христа Бога, и святую Пасху, духовно радующеся. На вечер. стих. на Госп. возв.

Св. Льва, папы Римскаго

слово

на Четыредесятницу (*).

И всегда надлежитъ намъ жить благоразумно и праведно, возлюбленные; всегда— направлять желанія и дѣла наши къ тому, что угодно правдѣ Божіей: но теперь должны мы еще съ большимъ тщаніемъ очищать сердца свои, ревностнѣе совершать подвигъ добродѣтелей, потому что приближаются тѣ дни, кои яснѣйшими содѣлались для насъ посредствомъ таинствъ нашего спасенія. Какъ таинства тогда, въ нѣкоторомъ отношеніи, имѣютъ большую важность, такъ и внимательность наша къ нимъ да будетъ больше обыкновенной; тотъ, кому предлежитъ совершить торжество высшее, да явится въ немъ самъ болѣе украшеннымъ. Ибо, если почитается приличнымъ и какъ бы благочестивымъ дѣломъ— въ день праздничный выходить

(*) 3-е, а въ собраніи словъ его, по изд. Ліонскому, 1700 г., 40-е.

въ свѣтлѣйшей одеждѣ, и самымъ внѣшнимъ видомъ изъявлять веселіе сердца; если и домъ молитвы украшаемъ тогда, сколько можно, болѣе и тщательнѣе: то не прилично ли, и душѣ Христіанской, какъ истинному и живому храму Божію, нарочито украсить себя, какъ имѣющей праздновать таинство своего искупленія, соблюсть всякую предосторожность, чтобы никакое пятно нечестія не омрачило лица ея, никакая черта лицемѣрія не обезобразила? Иначе, что пользы имѣть наружный видъ честности, когда внутреннее человѣка обезображено какими нибудь сквернами пороковъ? Да сотрется же и изгладится все то, что затемняетъ чистоту сердца и зерцало духа. Каждый испытай свою совѣсть, и на судилищѣ собственномъ самъ себя поставь предъ собою. Смотри, обрѣтается ли въ сердцѣ твоемъ тотъ миръ, какой даруется Христомъ, не воюетъ ли противъ желанія духовнаго какое либо похотѣніе плотское, не презираешь ли низкаго, не ищешь ли высокаго, не услаждаешься ли беззаконною лихвою, не радуешься ли непомѣрному умноженію твоего имѣнія, не пользуешься ли чужимъ счастіемъ и не пріятно ли тебѣ бѣдствіе врага? Когда же не найдешь ничего подобнаго симъ страстямъ, то подвергни себя строгому изслѣдованію,— какой видъ помысловъ является въ тебѣ чаще? не занимаетъ ли тебя какой образъ суеты? и скоро ли удаляешь сердце свое отъ того, что обольстительно вредитъ ему? Ибо въ этой жизни не льзя не возмущаться никакими приманками, не подвергаться никакимъ обольщеніямъ похотей: вся жизнь сія есть искушеніе, и кто не боится быть побѣжденнымъ отъ сего искушенія, тотъ имъ побѣждается. Даже это знакъ гордости— приписывать себѣ непогрѣшимость, и думать такъ о себѣ есть уже грѣхъ, по свидѣтельству блаженнаго Апост. Іоанна: *аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прелщаемъ, и истины нѣсть въ насъ* (1 Іоан. 1, 8).

Посему никто не обманывай самаго себя, возлюбленные, никто не обольщай себя; не полагайся на чистоту сердца своего до того, чтобъ почитать себя безопаснымъ отъ всякаго искушенія: неусыпный сей искуситель строитъ сильнѣйшіе ковы тѣмъ, въ коихъ видитъ наиболѣе воздержанія отъ грѣховъ. Удержится ли отъ коварствъ своихъ противъ кого либо тотъ, кто съ хитростію и обманомъ своимъ дерзнулъ искушать самаго Господа славы? Видѣлъ онъ, что гордость его попрана смиреніемъ крестившагося Господа Іисуса; уразумѣлъ что сорокодневнымъ постомъ удалено всякое похотѣніе плоти, и при всемъ томъ не отчаявался злодѣй въ искуствѣ своей духовной злобы; при всемъ томъ столько увѣренъ былъ въ непостоянствѣ нашей природы, что почиталъ удобнымъ сдѣлать того грѣшникомъ, въ комъ по опыту узналъ истиннаго человѣка. Если же діаволъ поставилъ сѣти своихъ обольщеній самому Господу и Спасителю нашему; то не тѣмъ ли смѣлѣе сражается онъ съ нами немощными, коихъ сильнѣйшею ненавистію и люттѣйшею завистію преслѣдуетъ съ того времени, какъ мы отреклись отъ него въ крещеніи, и чрезъ божественное возрожденіе перешли отъ его области въ твореніе новое? Посему-то, зная, что древній врагъ, доколѣ мы облечены смертною плотію, не престаетъ вездѣ простирать намъ сѣти

грѣха, а наипаче свирѣпствуетъ противъ членовъ Христовыхъ тогда, когда они готовятся торжествовать святѣйшія таинства, ученіе святаго Духа справедливо научаетъ Христіанъ, дабы они сорокодневнымъ воздержаніемъ приготовляли себя къ празднику Пасхи. Важность сего очищенія и насъ побуждаетъ искать Его спасительныхъ дѣйствій и предписываетъ намъ употреблять для того все тщаніе: ибо чѣмъ кто святѣе проведетъ сіи дни, тѣмъ благоговѣйнѣе почтитъ Господню пасху.

И такъ во дни святыхъ постовъ— да совершаемъ болѣе дѣлъ святой любви, кои и всегда совершать должно: *да дѣлаимъ благое ко всѣмъ, паче же къ приснымъ во вѣрѣ* (Гал. 6, 10.), чтобы въ самомъ раздаяніи милостыни подражать намъ благости Отца небеснаго, *иже солнце свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и неправедныя* (Матѳ. 5, 45). Хотя преимущественно помогать надлежитъ вѣрнымъ, въ ихъ бѣдности, но сожалѣть должно и о бѣдствіи тѣхъ, кои еще не приняли Евангелія; ибо должно любить во всѣхъ общую намъ природу: она да располагаетъ насъ быть добрыми и къ тѣмъ, кои какимъ нибудь образомъ подчинены намъ, а тѣмъ болѣе, если они возрождены тою же благодатію, искуплены тою же цѣною крови Христовой, какъ и мы. Съ ними имѣемъ мы то общее, что сотворены по образу Божію, и они не отдѣлены отъ насъ ни по происхожденію плотскому, ни по рожденію духовному. Тѣмъ же освящаемся Духомъ, тою же живемъ вѣрою, къ тѣмъ же приступаемъ таинствамъ. Да не презирается сіе единство, да не унижается такое общеніе; но то самое должно сдѣлать насъ болѣе кроткими по всему, что мы пользуемся подчиненностію тѣхъ, съ коими вмѣстѣ, въ одномъ служеніи, подчиняемся единому Господу. Посему, если кто изъ нихъ оскорбилъ своихъ господъ тяжкими преступленіями, теперь, во дни примиренія, да получитъ прощеніе. Да отнимется строгость милостію, да упразднится мщеніе прощеніемъ. Да не удерживаетъ никого стража, да не заключаетъ никого темница: ибо Богъ нашъ такъ обѣщалъ намъ свою милость, что только тотъ можетъ быть увѣренъ въ оставленіи себѣ грѣховъ, кто самъ оставитъ ихъ другимъ. Да исчезнетъ, возлюбленные, всякая причина несогласія, да истребится жало вражды. Да престанетъ ненависть, да удалятся ссоры; всѣ члены Христовы да соединятся любовію: ибо *блажени миротворцы, яко тіи сынове Божіи нарекутся* (Мат. 5, 9.), и не только сынове, но и наслѣдники, *сонаслѣдники же Христа* (Рим. 8, 17), который живетъ и царствуетъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО
О ГРѢХѢ 6-е

О ТОМЪ, ЧТО ГРѢХЪ РАСПРОСТРАНЯЕТЪ ПО ВСЕМУ СУЩЕСТВУ ЧЕЛОВѢКА ТЬМУ, ПОРТИТЪ ЕГО УМЪ, БЕЗОБРАЗИТЪ И ОЯДОТВОРЯЕТЪ ПОЗНАНІЯ И ПРЕДРАСПОЛАГАЕТЪ ГРѢШНИКА КЪ СУМАСШЕСТВІЮ.

Пойдутъ яко слѣпи, зане Господеви согрѣшиша. Софон. 1, 17.

Самое первое изъ обольщеній, коими адскій змій увлекъ въ раю злополучную прародительницу нашу къ преступленію заповѣди Божіей, состояло, какъ

извѣстно, въ обѣщаніи ей, отъ вкушенія плода запрещеннаго, какого то особеннаго вѣдѣнія, подобнаго Божескому: *вѣ онъже аще день снѣсте отѣ него*, говорилъ змій, *отверзутся очи ваши и будете лко бози, вѣдуще доброе и лукавое*. Хотя горькій опытъ прародителей долженствовалъ бы вразумить всѣхъ насъ не полагаться на сіе лукавое обѣщаніе, и почитать грѣхъ источникомъ не свѣта и познаній, а тьмы и заблужденій; но искуситель и врагъ человѣковъ имѣетъ столько безстыдства, что доселѣ не престаетъ употреблять тотъ же обманъ, увлекая ко грѣху, между прочимъ, призракомъ мудрости и вѣдѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на грѣшника изъ людей, такъ называемыхъ, образованныхъ; что вы замѣтите въ немъ? Первѣе всего умственную надменность и презорство: многіе изъ таковыхъ готовы сказать прямо, что они потому и позволяютъ себѣ, чего не позволяютъ другіе, что знаютъ болѣе другихъ. И какъ обыкновенно люди развратные смотрятъ на тѣхъ, кои всегда вѣрны закону и своему долгу? Какъ на людей ограниченныхъ, неспособныхъ къ чему либо высшему и большему.— Подобное сему можете замѣтить въ грѣшникѣ и изъ самаго низшаго класса людей, и онъ почитаетъ себя превыше толпы своихъ собратій, готовъ при каждомъ случаѣ задавать имъ тонъ, быть вождемъ ихъ, какъ опытный и болѣе знающій. Что всего жалчае,— хвастовство и наглость порока причиною того, что самые добрые люди привыкаютъ смотрѣть на людей развратныхъ, какъ на существа, хотя падшія, но обладающія особенною силою ума, и въ слѣдствіе сего оказываютъ въ отношеніи къ нимъ, вмѣстѣ съ сожалѣніемъ, нѣкоторый родъ уступчивости и даже уваженія.

Не тѣмъ ли нужнѣе сорвать съ порока эту личину велемудрія и показать, что если есть какая тьма въ родѣ человѣческомъ, то она вся отъ грѣха и порока; что грѣхъ, гдѣ ни проявляется, вездѣ ведетъ за собою мракъ и слѣпоту; что онъ ослѣпляетъ и портитъ самыя великія способности, превращаетъ и губитъ самыя обширныя познанія, что неотъемлемое свойство его предрасполагать человѣка къ умственному помѣшательству.—

Будемъ ли мы однако же оспоривать для сего у грѣшника всякое вѣдѣніе? нѣтъ, мы усвоимъ ему оное, даже въ нѣкоемъ особенномъ родѣ, имѣя въ виду опытъ и примѣръ нашихъ злополучныхъ прародителей. *У* нихъ, по паденіи, дѣйствительно отверзлись очи, какъ сбѣщалъ искуситель, и они увидѣли, чего не видали прежде: но, что увидѣли? *Яко нази бѣша*.

Вотъ новое познаніе, произведенное грѣхомъ, и вмѣстѣ наказаніе за грѣхъ; ибо не знать своей наготы было одно изъ преимуществъ состоянія невинности. Отверзлись очи тѣлесныя, но въ тоже время видимо затмились очи духовныя: ибо отъ кого хотѣли укрыться прародители наши? Отъ Бога и Творца вездѣсущаго. Такъ мгновенно затмилась въ душѣ самая очевидная и непреложная истина вездѣсущія Божія. Подобное, несчастное отверзеніе очей продолжается и доселѣ у грѣшника: послѣ каждаго новаго преступленія онъ видитъ себя въ новомъ состояніи, познаетъ, чего не зналъ прежде;— и если сложитъ разные виды грѣховъ, всѣ опыты зла и паденій, то, пожалуй, состa-

вится родъ знаній, коихъ не имѣетъ не только человѣкъ добродѣтельный, но и самый Ангелъ, подобно тому, какъ человѣкъ, небывавшій больнымъ, не можетъ знать опытно того, что производитъ въ человѣкѣ болѣзнь. Но, брат. мои, судите сами, что это за вѣдѣніе? Какъ оно жалко и отвратительно! и какъ стократъ лучше не знать того, что знаетъ на свою бѣду грѣшникъ? И однако же онъ изъ сего жалкаго вѣдѣнія извлекаетъ нерѣдко способы казаться мудрѣе другихъ.— Присоедините къ сему наглость порока, который, снимая съ человѣка самыя священныя узы, первѣе всего дѣлаетъ необузданными его мысли и умъ;— и вы поймете, какъ грѣшникъ можетъ казаться знающѣе другихъ. Какъ первое свойство человѣка добродѣтельнаго держать себя въ предѣлахъ вѣры и скромности,— почему онъ, не полагаясь на силы своего ума и проницательности, всегда готовъ сознать свое невѣдѣніе, остановиться въ недоумѣніи, какъ ему дѣйствовать, тѣмъ паче не позволитъ себѣ дерзко судить о томъ, что выше его понятій: такъ первое свойство грѣшника— судить и рядить обо всемъ, всѣмъ быть недовольнымъ, всему предписывать законы, показывать себя всезнающимъ и ко всему способнымъ. Съ такимъ духомъ и безстыдствомъ, при нѣкоторой способности и познаніяхъ, удивительно ли прослыть иногда умникомъ?— Къ довершенію обаянія грѣховнаго, въ семъ отношеніи, люди дѣйствительно даровитые,— частію по наклонности нашей поврежденной природы къ злу, частію по превратности воспитанія, и самыхъ даже наукъ,— рѣдко не платятъ, хотя на время, дани пороку, который губя въ нихъ все лучшее,— самый умъ, извлекаетъ однако изъ ихъ дарованій ту для себя выгоду, что опираясь на ихъ личность, выдаетъ мрачное знамя свое за хоругвь мудрости. Эта, говорю, жалкая падкость людей даровитыхъ на грѣхъ, даетъ пороку возможность носить личину вѣдѣнія и прельщать ею взоры людей, неумѣющихъ отличать дары Творца отъ ихъ злоупотребленія. На чьей сторонѣ видятъ болѣе людей, почитающихся умными, о той сторонѣ и думаютъ, что она есть область свѣта и вѣдѣнія, не обращая вниманія на то, что сіи даровитые люди суть пришельцы въ ней и жалкіе измѣнники своей родинѣ.

Видите, что мы не сокрыли ни чего, что въ грѣхѣ, какъ въ змѣѣ, можетъ быть блещущаго, а въ тоже время видите сами, какъ ничтоженъ призракъ мудрости, коею обольщаетъ порокъ. И такъ, довольно уступокъ: взглянемъ теперь въ лице этому лукавому врагу, приблизимъ къ нему свѣтъ опыта; и посмотримъ, что съ нимъ будетъ.—

Не подлежитъ, брат. мои, никакому сомнѣнію та печальная истина, что родъ человѣческій покрытъ какою-то неестественною тьмою невѣдѣнія; и что всѣ усилія разогнать сію тьму остаются доселѣ безъ значительнаго успѣха. Что всего жалчае, тьма сія не даетъ человѣку видѣть того, что для него особенно нужно видѣть ясно, даже— кто Творецъ и Владыка судьбы его? даже— откуда онъ самъ и для чего здѣсь на землѣ? Что ему должно дѣлать, къ чему приготовлять себя, и что ожидаетъ его по смерти? Это предметы крайней важности для человѣка: и они-то покрыты великою тьмою. Самые образованные народы слѣпотство-

вали въ семъ отношеніи наижалчайшимъ образомъ. Мы удивляемся теперь просвѣщенію древнихъ Грековъ и Римлянъ: но спросите, кому покланялись они? истуканамъ. Что знали о происхожденіи и судьбѣ человѣка? ничего яснаго и рѣшительнаго. Лучшіе изъ людей старались освободить и себя и другихъ отъ этой тьмы; зажигали множество для сего свѣточей; производили иногда вокругъ себя нѣкое мерцаніе,— даже пожары;— но мерцаніе изчезало, пожары угасали;— а мракъ и невѣдѣніе оставались.

Возможно ли, чтобы сія ужасная тьма была естественна человѣку, чтобы Творецъ премудрый, создавъ такое существо, какъ человѣкъ, не далъ ему ясно знать о Себѣ, не сказалъ прямо о его предназначеніи, и не указалъ, куда ему идти и какимъ путемъ?— Какой земной отецъ поступитъ такъ съ своимъ сыномъ,— пославъ въ путь дальній, не скажетъ, что дѣлать на пути и что за мѣсто, куда онъ послалъ? Но родъ человѣческій именно находится въ подобной тьмѣ. Если бы мы захотѣли быть несправедливыми въ отношеніи къ любви Отца небеснаго, и вздумали предполагать, что она поступила съ нами, какъ земные отцы поступаютъ иногда съ дѣтьми своими, тотчасъ по рожденіи сокрываясь отъ нихъ на всегда, и оставляя ихъ на произволъ случая; то насъ обличилъ бы взглядъ на всѣ прочія творенія, изъ коихъ каждое снабжено всѣмъ для него нужнымъ; обличилъ бы самый остатокъ свѣта и искры, прирожденныхъ душѣ нашей, который показываетъ, что мы были нѣкогда снабжены въ избыткѣ потребнымъ запасомъ вѣдѣнія, но не умѣли сохранить его въ цѣлости; обличилъ бы наконецъ голосъ всего первобытнаго человѣчества о томъ, что человѣкъ въ началѣ бытія своего былъ и ходилъ во свѣтѣ, но потерялъ его.

Кто же лишилъ насъ сего естественнаго, первобытнаго свѣта, и погрузилъ въ тьму, отъ коей, при всѣхъ усиліяхъ, доселѣ не можемъ избавиться? Никто и ничто, кромѣ грѣха. Въ состояніи невинности, какъ видимъ изъ бытописанія, Праотецъ нашъ обладалъ способностію провидѣть самое внутреннее свойство вещей; почему и нарекъ имена всѣмъ животнымъ по одному взгляду на нихъ,— такія имена, кои одобрены къ употребленію, за ихъ доброту, самимъ Богомъ: но паденіи тотъ же Праотецъ вдругъ ослѣпъ до того, что вообразилъ себѣ возможность укрыться отъ Бога вездѣсущаго въ сѣни древъ райскихъ. Остатки первобытнаго свѣта, доколѣ жили Патріархи, спасали человѣчество отъ погруженія во тьму совершенную: но когда сей драгоцѣнный запасъ преданій, сіе священное наслѣдіе рая истощилось, и человѣчество осталось съ своимъ ослѣпленнымъ отъ грѣха разумомъ; въ то время тьма невѣдѣнія обнаружилась во всей силѣ, и человѣкъ началъ говорить древу: *ты отецъ мой*, и *каменію: ты мя родилъ еси*.

Къ большему несчастію нашему, грѣхъ не только лишилъ насъ первобытнаго свѣта божественнаго и отнялъ предметы вѣдѣнія, но и содѣлалъ насъ неспособными видѣть ихъ, испортилъ наше зрѣніе умственное до того, что теперь, если бы и показать человѣку сіи предметы, то онъ не увидѣлъ бы ихъ, какъ должно.

Въ самомъ дѣлѣ, что представляютъ умственныя способности наши? Пред-

ставляютъ не только слабость крайнюю, но и какое-то внутреннее разстройство похожее на то, какъ если бы въ зрительной трубѣ передвинуты были съ надлежащаго мѣста всѣ стекла. И вотъ изъясненіе, почему наука вѣдѣнія, при всѣхъ усиліяхъ образовать умъ человѣка, достигаетъ весьма небольшихъ успѣховъ, а иногда вовсе ничего не производитъ. Это потому, что умъ нашъ поврежденъ грѣхомъ въ самомъ составѣ своемъ. Посему жалкое заблужденіе, когда мы думаемъ, что уму нашему, равно какъ и прочимъ способностямъ души, недостаетъ только одного приличнаго образованія и, такъ сказать, полировки. Нѣтъ, нынѣшнему уму человѣческому недостаетъ не одного праваго образа; въ немъ нѣтъ внутренней цѣлости и здравія, недостаетъ слѣдовательно того, чего никакая наука дать не можетъ. Посему-то слово Божіе, пріемля на свои руки просвѣщеніе человѣка, идетъ къ сей цѣли не путемъ только сообщенія ему познаній, хотя могло бы вдругъ открыть ему ихъ множество, а первѣе всего путемъ врачеванія, и предаетъ его для сего въ руки не земнымъ образователямъ и наставникамъ, а небесному, всемогущему Врачу умовъ и сердецъ,— Духу святому, да отверзетъ *очи сердца*, да сниметъ съ нихъ наслѣдственное бѣльмо, да помажетъ ихъ таинственнымъ *коллуріемъ*, да исцѣлитъ ихъ и возсоздастъ. И тѣ, надъ коими совершена сія священно-таинственная операція, у коихъ благодатію Божіею отверзлись очи ума и сердца, тѣ, безъ всякой науки, познаютъ и видятъ то, чего не доставляетъ ни какое земное образованіе.

Судя по сему, что грѣхъ лишилъ уже насъ первобытнаго свѣта и вѣдѣнія и сдѣлалъ то, что мы приходимъ въ міръ сей слѣпыми духомъ, ему, казалось бы, уже нечего было дѣлать въ частности надъ умомъ бѣдныхъ грѣшниковъ. Но, свойство ослѣплять никогда не можетъ оставить его. Съ другой стороны у человѣка все еще есть остатокъ свѣта естественнаго; а у Христіанина кромѣ того не мало свѣта откровеннаго: посему грѣхъ и теперь, при каждомъ появленіи своемъ въ человѣкѣ, ведетъ за собою для него новую тьму въ добавокъ къ общей природной. Посмотримъ какъ сія тьма овладѣваетъ грѣшникомъ.

Первое и неизбѣжное дѣйствіе порока въ человѣкѣ то, что онъ отвращаетъ лице и все существо человѣка отъ неба къ аду; вмѣстѣ съ тѣмъ первое и неизбѣжное слѣдствіе порока то, что духовное Солнце— Богъ престаетъ освѣщать душу грѣшника. Надъ его душею потому тотчасъ начинаетъ распространяться внутренній мракъ, не могущій быть разгнаннымъ ни какимъ свѣтомъ земнымъ, и дающій по временамъ съ силою себя чувствовать и самому бѣдному грѣшнику и другимъ. Самый образованный изъ грѣшниковъ въ минуты самосознанія ощущаетъ, а иногда и со вздохомъ говоритъ, что у него въ душѣ темно!.. Почему темно, когда она, повидимому, наполнена всякаго рода познаніями? Потому что въ ней нѣтъ свѣта Божія; а свѣта Божія нѣтъ потому, что она отвратилась отъ лица Божія: это состояніе внутренняго омраченія отъ грѣха видимо бываетъ и для другихъ. Надъ многоучеными, но порочными людьми постоянно виситъ что то мрачное; они задумчивы, ихъ взоръ бѣглъ и мутенъ, въ нихъ нѣтъ душевной твердости, ихъ движенія безпокойны, пред-

пріятія нерѣшительны, самыя радости бурны и пусты; они подобны человѣку идущему въ потьмахъ, ощупью. Надъ человѣкомъ добродѣтельнымъ напротивъ, хотя бы онъ не былъ знакомъ ни съ какимъ образованіемъ, всегда носится какой то свѣтъ, мирно почіющій въ его душѣ, свѣтящій въ его чистомъ и свѣтломъ взорѣ, отсвѣчивающій нерѣдко на его лицѣ, озаряющій всѣ пути его и дающій ему удобность быть въ дѣйствіяхъ своихъ твердымъ, правильнымъ и спокойнымъ. Это свѣтъ лица Божія, къ коему постоянно обращена душа чистая.

При сокрытіи чувственнаго солнца, дѣлаются по крайней мѣрѣ видимы на небѣ другія свѣтила. При закрытіи въ душѣ солнца духовнаго— Бога— напротивъ!— Здѣсь во всей силѣ исполняется то, что, по свидѣтельству слова Божія, должно произойти при кончинѣ міра: не только солнце померкаетъ, но и луна не даетъ свѣта, и звѣзды спадаютъ съ небесе. Эта луна— наша совѣсть: неозаряемая въ грѣшникѣ свѣтомъ лица Божія, она сама не даетъ достаточнаго свѣта, что бы освѣщать пути его жизни. Звѣзды эти суть— высокія и святыя истины, кои для руководства нашего водружены рукою Творца на тверди духа человѣческаго. Таковы понятія о Богѣ и его святомъ законѣ; нашемъ вѣчномъ предназначеніи и воздаяніи за гробомъ. Сіи звѣзды путеводныя покрываются мракомъ въ душѣ грѣшника и становятся непримѣтными. И вотъ, гдѣ изъясненіе того несчастнаго, но обыкновеннаго явленія, что люди, по видимому самые образованные, но порочные, не только хладны къ симъ истинамъ, но даже рѣшаются идти противъ нихъ. Это приписываютъ нерѣдко злонамѣренности: между тѣмъ большею частію это естественное слѣдствіе грѣховной жизни; порокъ простеръ покровъ на сіи звѣзды, сокрылъ ихъ отъ умственнаго взора грѣшника, и онъ, не видя ихъ въ душѣ своей, потому самому готовъ утверждать съ упорностію, что ихъ нѣтъ вовсе въ душѣ человѣческой. Посему, когда срѣтите, брат., такого жалкаго умника, который осмѣливается глумиться надъ священными истинами: то не вступайте съ нимъ въ споръ; вы не можете симъ разогнать въ душѣ его тьмы адской; а если возможно, возмите его за руку и скажите съ сожалѣніемъ: Ахъ любезный братъ, какъ дошелъ ты до такого ужаснаго ослѣпленія! Да возсіяетъ надъ тобою свѣтъ Христовъ! Скажите такъ, и помолитесь за него съ усердіемъ къ Тому, который единъ можетъ извести его изъ тьмы въ чудный свѣтъ свой.—

Лишившись благодатнаго наитія силы Божіей, вышедъ изъ подъ управленія совѣсти, разсудокъ въ душѣ грѣшника становится жалкимъ рабомъ господствующей страсти, которая для большаго порабощенія изподаетъ ему очи, чтобы онъ не видѣлъ истины, доказывалъ и утверждалъ не то, что слѣдуетъ по вѣчнымъ законамъ правды и долга, а что повелятъ гордость житейская, корысть и плотоугодіе. Посему-то нѣтъ такой лжи и нелѣпости, которую порабощенный страстямъ разсудокъ не готовъ былъ бы утверждать со всѣмъ усиліемъ и ревностію; и нѣтъ такой истины, которой онъ не усумнился бы чернить и опровергать, коль скоро она не по его выгодамъ.— Отъ частаго упражненія сво-

ихъ умственныхъ способностей въ семъ жалкомъ превращеніи истины, грѣшникъ видимо тупѣетъ, и наконецъ теряетъ чувство и вкусъ истины до того, что онъ не умѣетъ отличать ее отъ лжи, и принимаетъ за истинное одно то, что ему нужно по его видамъ. И это въ отношеніи къ низшимъ, такъ сказать, матеріальнымъ и житейскимъ истинамъ; а къ отношеніи къ высшимъ, священнымъ, у закоренѣлаго грѣшника бываетъ не только отвращеніе, но и явная ненависть, такъ что ему крайне пріятно подвергать ихъ сомнѣнію, осмѣивать тѣхъ, кои свято ихъ держатся, говорить и писать противъ всего святаго. Въ семъ случаѣ бываетъ съ людьми развратными тоже, что съ людьми страждущими болѣзнію глазъ: свѣтъ имъ несносенъ, особенно солнечный; они съ удовольствіемъ предпочтутъ ему свѣтъ гнилаго дерева, которое болѣе по ихъ глазамъ, нежели солнце.

Что дѣлается съ познаніями грѣшника, если онъ имѣетъ ихъ? Порокъ, кромѣ того, что всегда значительно сокращаетъ кругъ ихъ, всегда же отъемлетъ у нихъ глубину, силу, стройность и жизнь. Во всѣхъ предметахъ знанія нашего есть сторона священная, коею оно обращено къ Виновнику всѣческихъ. Сія святая и возвышенная сторона для порочнаго и вольномысленнаго человѣка не существуетъ. Оттого всѣ изображенія предметовъ, дѣлаемыя писателями безнравственными, всегда отзываются пустотою внутреннею и мертвостію: ибо міръ безбожный есть бездушный трупъ, по коему разбросаны цвѣты.

Какое употребленіе дѣлаетъ порочный человѣкъ изъ познаній своихъ и способностей? Самое жалкое и ужасное. Все пересуждать, опровергать, извращать есть его неизбѣжное свойство. Оттого нѣтъ опаснѣе для общества людей, какъ образованныхъ науками, но преданныхъ страстямъ; оттого умноженіе ложнаго, безнравственнаго просвѣщенія всегда влечетъ за собою разстройство семействъ и погибель цѣлыхъ государствъ.

Какой наконецъ бываетъ исходъ умственнаго омраченія, производимаго порокомъ и страстями?— Видимое разстройство всѣхъ познавательныхъ способностей, ослабленіе внутренняго самознанія и духовной личности, наконецъ явное помѣшательство ума. Да удалится отъ насъ мысль судить и осуждать тѣхъ несчастныхъ братій нашихъ, кои находятся въ семъ послѣднемъ состояніи! Но какъ не возвѣстить того, что такъ громко проповѣдуется самыми служителями нашего тѣлеснаго здравія, то есть, что помѣшательство ума первоначальнымъ и главнымъ источникомъ своимъ почти всегда имѣетъ грѣховное состояніе души? что оно вообще направляется въ видахъ своихъ по видамъ страстей человѣческихъ, что сама сущность его состоитъ не въ иномъ чемъ, какъ въ запмѣніи понятій о Богѣ и потерѣ нравственнаго чувства? Основываясь на показаніяхъ самой врачебной науки, мы имѣемъ все право утверждать, что человѣкъ развратный, если бы жизнь его продолжилась на землѣ долго, чего однако почти никогда не бываетъ, то онъ неминуемо сходилъ бы наконецъ съ ума. Ужасный примѣръ сего мы видимъ на духахъ отверженныхъ. Что они, при всѣхъ великихъ способностяхъ ихъ, какъ не существа, помѣшавшіяся въ умѣ на

гордости и ненависти къ своему Создателю?— И вотъ изъясненіе, какъ они не могутъ понять напр. невозможности сражаться твари съ своимъ Творцемъ, какъ могутъ отваживаться идти противъ Всемогущаго. Это сущее безуміе;— но для нихъ кажется мудростію; потому что они внѣ себя, находятся въ состояніи исступленія, погубили свой умъ и чистое сознаніе самихъ себя.

Къ вамъ теперь да обратится слово наше, кои занимаетесь науками и съ такимъ усердіемъ посѣщаете наше Богослуженіе и собесѣдованія. Образованіе ума и умноженіе всякаго рода познаній составляетъ теперь главный предметъ дѣятельности вашей. Пребудьте же увѣрены, что истина и добродѣтель едино; едино въ Богѣ, яко источникѣ всякой истины и добродѣтели; едино въ природѣ, какъ произведеніи премудрости и святой воли Божіей; едино должны быть и въ человѣкѣ, яко образѣ Божіемъ и маломъ мірѣ. Можно насильственно отдѣлить на время лучь истины отъ луча добродѣтели въ душѣ человѣка: но тогда сей лучь подобно раздвоенному лучу солнечному теряетъ свою силу, престаетъ согрѣвать и животворить. Чистота совѣсти и нравовъ озаритъ не мерцающимъ свѣтомъ не только всѣ стези вашей жизни, но и всю область вашихъ познаній; ибо вы будете постоянно находиться во свѣтѣ лица Божія. Вмѣстѣ съ симъ въ душѣ вашей откроется неизсякаемый источникъ мыслей свѣтоносныхъ и чувствъ высокихъ. Грѣхъ напротивъ омрачитъ, ожесточитъ и изгубитъ всѣ ваши способности и умственныя пріобрѣтенія, подточитъ въ самомъ корнѣ прекрасный цвѣтъ познаній. И такъ, прилѣжно затыкайте слухъ отъ всѣхъ обаній вольномыслія; постоянно закрывайте взоръ отъ всѣхъ прелестей порока, памятуя изреченіе древняго мудреца, что *во злохудожну душу не внидетъ премудрость, ниже обитаетъ во тѣлеси, повинномъ греху*. Аминь.

Кіевъ Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 2 Декабря, 1845. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Кіевскій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 45. НЕДѢЛЯ I-я ПОСТА. Февраля. 13. 1844.

На Утрени: Евангеліе воскресное 4-е, Лук. 24, 1—12.
На Литургіи: Апост. Евр. 11, 24—26. 32—40. 12, 1. Еванг. Іоан. 1, 43—51.

Пречистому образу Твоему покланяемся, благій, просяще прощенія прегрѣшеній нашихъ: волею бо благоволилъ еси плотію взыти на крестъ, да избавиши, яже создалъ еси отъ работы вражія. Тѣмъ благодарственно вопіемъ Ти: радости исполнилъ еси вся, Спасе нашъ, пришедый спасти міръ. Тропарь.

Неописанное Слово Отчее, изъ тебе, Богородице, описася воплощаемь, и оскверншійся образъ въ древнее вообразивъ, божественною добротою смѣси. Но исповѣдующе спасеніе, дѣломъ и словомъ, сіе воображаемъ. Кондакъ.

СВ. ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ДАМАСКИНА

свидѣтельства о двухъ естествахъ въ Іисусѣ Христѣ, избранныя изъ писаній древнѣйшихъ Отцевъ (*).

1. *Св. Иринея, Епископа Ліонскаго, противъ Валентина.*

Какъ Ковчегъ извнутрь и извнѣ позлащенъ былъ златомъ чистымъ, такъ и тѣло Христово было чисто и свѣтло, извнутрь украшаемое Словомъ, а извнѣ охраняемое Духомъ, да съ той и другой стороны явится сіяніе естествъ.

(*) Opera. Damasceni, T. I. p. 420 (paris. 1712.)

2. *Св. Іустина философа и Мученика изъ 3-й книги о св. Троицѣ,* гл. 3.

И вошедши въ чрево Ея (Пресвятыя Дѣвы), какъ божественное сѣмя, составляетъ Себѣ совершенный храмъ, пріявъ нѣкую часть изъ ея естества и осуществивъ оную въ устроеніи храма. Облеченный симъ, по крайнему соединенію, произшелъ въ двухъ естествахъ Сынъ Божій.

Его же, изъ того же творенія. гл. 17.

Какъ человѣкъ одинъ, но имѣетъ двѣ различныя природы, и одною мыслитъ, а другою производитъ мыслимое; наприм. въ разумной душѣ представляетъ составъ корабля, а руками замышленное приводитъ въ ис-

полненіе: такъ Сынъ, будучи одинъ и два имѣя естества, однимъ производилъ божественныя чудеса, а другимъ допускалъ низшее.

3. *Св. Аѳанасія, Епископа Александрійскаго, изъ слова противъ ересей.*

Иже во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу, но себе умалилъ, зракъ раба пріимъ (Фил. 2, 6. 7). Вотъ ты имѣешь два образа: содержи ихъ и не искажай ни одного. Ибо Сынъ Божій и Богъ, будучи человѣкомъ, не упразднилъ божественнаго образа, и будучи Богомъ, не отвергся образа человѣческаго. Посему, какъ имѣемъ два образа, то есть господственный и рабскій, одинъ по естеству Божій, другой по естеству человѣческій, одинъ прежде вѣковъ, другой въ послѣднія времена, тотъ изъ Отца, а сей изъ Дѣвы, тотъ изъ Единаго, сей изъ единой, и такъ какъ существуютъ два сіи образа въ единомъ, то мы не отдѣляемъ Бога— Слова отъ тѣла, признаемъ не двухъ Сыновъ и Христовъ, а Сына Божія, прежде вѣковъ бывшаго, въ послѣднія времена изъ утробы Дѣвы произшедшаго человѣка совершеннаго. Ибо какъ Отецъ родившій родилъ Сына совершеннаго, такъ и самъ единый Сынъ и Слово Отца, восхотѣвъ спасти совершенно погибшаго человѣка, содѣлался совершеннымъ человѣкомъ, да спасая внѣшняго не оставитъ и погибшаго внутренняго. Пріявъ тѣло, не оставилъ Онъ души, но принялъ и душу и умъ.

4. *Св. Меѳодія, Епископа Патарскаго и Мученика, изъ слова на Срѣтеніе.*

Сей въ видимомъ невидимый, въ объемлемомъ необъятный, въ маломъ превысшій величія. Онъ во храмѣ и въ вышнихъ, на престолѣ дѣвическомъ и на колесницѣ Херувимской, долу и горѣ безъ разстоянія, въ образѣ раба и въ образѣ Бога Отца, подчиненный и Царь всѣхъ.

5. *Св. Василія, Епископа Кесаріи Каппадокійской, изъ 1-го слова противъ Евномія.*

Выраженіе: быть во образѣ Божіи, я почитаю равносильнымъ выраженію: быть въ существѣ Божіемъ. Ибо какъ то, что Господь пріялъ образъ раба, значитъ, что Онъ родился въ существѣ человѣческомъ, такъ и выраженіе быть во образѣ Божіи означаетъ свойство существа божественнаго.

Его же, изъ разсужденія противъ Аетія Аріанина.

Ни ты, ни другой кто не можете представить или доказать какъ истину то, будто святые Отцы и Учители наши, вышесказанные, или мы, или кто изъ знаменитыхъ Отцевъ и Учителей святой каѳолической и Апостольской Церкви сказали, либо писаніемъ или безъ писанія учили, такъ какъ ты, полагая во Христѣ Богѣ нашемъ одну природу сложную, или единообразную, или одну волю и одно дѣйствіе, или другое что воспрещенное и отверженное въ каѳолической и Апостольской Церкви. Ибо *аще яже*

разорихомъ, сія паки созидаемъ, преступниковъ себя представляемъ, по слову Апостола (Гал. 2, 18). Напротивъ того, мы проповѣдали всегда двойственность Господа нашего Іисуса Христа въ единой ипостаси и единомъ лицѣ, безъ всякаго раздѣленія и смѣшенія. Говоритъ, что одно естество, хотѣніе и дѣйствіе въ томъ же Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, а не два,— это мнѣніе и мудрованіе зломыслящихъ, богохульныхъ и подобныхъ тебѣ людей.

6. *Св. Григорія Богослова, изъ 2-го письма его къ Клидонію.*

Двѣ природы— Богъ и человѣкъ, потому что и душа и тѣло, но не два Сына, и не два Бога. Ибо и не два здѣсь человѣка, хотя Павелъ и назвалъ человѣка одного внѣшняго, другаго внутренняго.

Его же, изъ 2-го слова о Сынѣ.

Признакъ слѣдующій: когда природы различаются помышленіемъ, то и имена разнятся. Внимай слову Павла: *да Богъ Господа нашего Іисуса Христа, Отецъ славы* (Ефес. 1, 17.), то есть Богъ Христа, а Отецъ славы. Ибо хотя то и другое едино, но не по естеству, а по соединенію.

Его же, изъ стихотвореній.

Богъ и смертный пришелъ, двѣ природы соединившій, сокровенну едину, другую явную людямъ.

7. *Св. Амвросія Медіоланскаго, изъ книги о воплощеніи, или противъ Аполлинарія.*

Но когда мы обличаемъ сихъ, возстаютъ другіе и говорятъ, будто плоть Господа и Божество Его одной природы. Какой адъ изрыгнулъ такое хуленіе? Послѣ сего и Аріане кажутся сноснѣе. Такимъ мнѣніемъ усиливается ихъ страсть къ спорамъ и невѣріе, такъ что они съ большею силою будутъ утверждать, что Отецъ, Сынъ и св. Духъ не одного естества, потому что сіи (новые еретики) почитаютъ божество Господа и плоть Его единоестественными.

Его же, изъ писанія къ Императору Граціану, которое Кириллъ приводилъ на Ефесскомъ Соборѣ.

Да сохраняемъ различіе Божества и плоти. Ибо единъ въ томъ и другой глаголетъ Сынъ Божій, имѣя въ себѣ ту и другую природу.

Его же, изъ толкованія на божественный символъ.

А тѣхъ, кои говорятъ, что Христосъ есть простой человѣкъ, или что Слово Божіе подвержено страданію, или измѣнилось въ плоть, что Онъ имѣлъ тѣло сосущественное Слову, или что Онъ принесъ тѣло съ небесъ, что оно было мечтательное, или что Богъ— Слово былъ смертенъ, имѣлъ нужду, чтобы воскресилъ Его Отецъ, или что принялъ тѣло бездушное, либо человѣка неразумнаго, или что два естества Христовы, посредствомъ смѣшенія, слиты и составили одно естество, а не исповѣдуютъ въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ двухъ естествъ неслитныхъ, и одно лице, такъ какъ одинъ есть Христосъ, единъ Сынъ, тѣхъ анаѳематствуетъ Каѳолическая и Апостольская Церковь.

8. *Св. Амфилохія, Епископа Иконійскаго, изъ письма къ Селевку.*

Такимъ образомъ исповѣдую, что Христосъ есть Богъ и человѣкъ, Сынъ Божій, Сынъ единый въ двухъ естествахъ, изъ коихъ одно подвержено страданію, другое безстрастно, одно смертно, другое безсмертно. (И не много далѣе:) Единъ, говорю, Сынъ въ двухъ естествахъ несмѣсно, неизмѣнно, нераздѣльно. Христосъ убо, Сынъ Божій страждетъ не Божествомъ, а человѣчествомъ.

9. *Св. Григорія, Епископа Нисскаго изъ письма къ монаху Филиппу.*

Кои единосущны, тѣ имѣютъ тождество, а коихъ существа различны, не таковы. Ибо хотя, по неизреченному соединенію, то и другое едино, но не по естеству, потому что нѣтъ сліянія. И такъ во Христѣ два естества, но познаваемый въ нихъ истинно, Онъ имѣетъ единое лице Сына.

СЛОВО
О ГРѢХѢ 7-е

О ТОМЪ, ЧТО ГРѢХЪ, ОБѢЩАВАЯ ЧЕЛОВѢКУ ВОЛЬНОСТЬ И НЕЗАВИСИМОСТЬ, ЛИШАЕТЪ ЕГО ИСТИННОЙ СВОБОДЫ И ПОВЕРГАЕТЪ ВЪ СОСТОЯНІЕ МУЧИТЕЛЬНАГО РАБСТВА.

Всякъ творяй грѣхъ рабъ есть грѣха. Іоан. 8, 44.

Если смотрѣть на поверхность грѣха и на первые шаги грѣшника; то въ грѣхѣ представляется не рабство, а вольность и независимость. Ибо въ чемъ состоитъ грѣхъ? Въ томъ, чтобы не слушать велѣній самаго Бога, идти противъ законовъ своего Творца, быть самому для себя началомъ и концемъ дѣйствій, кумиромъ и чтилищемъ. Грѣшникъ свободно позволяетъ себѣ то, о чемъ добродѣтельный человѣкъ и помыслить не смѣетъ; наслаждается такими вещами, кои неизвѣстны и какъ бы не существуютъ для послѣдняго; становится, по видимому, превыше всего.— Сіе то, конечно, разумѣлъ искуситель Эдемскій, когда говорилъ нашей Праматери: *будете яко Бози*. Симъ то, безъ сомнѣнія, увлеченъ и онъ самъ несчастный, когда рѣшился развить знамя возмущенія противъ Всемогущаго. Къ сему же явно или тайно, но неизбѣжно, стремится и каждый грѣшникъ. Дайте волю его необузданнымъ желаніямъ, доставьте ему средства къ выполненію безумныхъ замысловъ, отнимите съ пути его всѣ преграды; и вы увидите, что онъ не удовлетворится ни чѣмъ, пойдетъ въ гордыни своей и алчности къ наслажденіямъ все далѣе и далѣе, возмечтаетъ быть *подобенъ Вышнему*, скажетъ прямо съ Фараономъ: *кто есть Богъ, да послушаю Его?*— И не видѣлиль времена недавнія ужаснаго примѣра, какъ цѣлый народъ, славившійся образованіемъ, но потерявшій совершенно чистоту нравовъ, дерзнулъ, въ лицѣ обуявшихъ отъ гордости и порока, представителей своихъ, отвергнуть всякое вѣрованіе, запретить всѣ виды богослуженія, провозгласить божествомъ разумъ человѣческій и воздать ему поклоненіе, подобающее единому Богу!— Такъ, повидимому, грѣшникъ гордъ и

далекъ отъ всякаго униженія и рабства! И однакоже ничто такъ не близко къ нему, какъ рабство, ничто такъ неминуемо, какъ униженіе! Кто унижаетъ и порабощаетъ его? Тотъ же самый грѣхъ, который прельщаетъ вольностію и независимостію. *Всякъ творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха*.

Какимъ образомъ происходитъ это?— Самымъ неизбѣжнымъ. Истинная свобода человѣка состоитъ въ томъ, что— бы свободнымъ образомъ соединиться съ высочайшею, божественною свободою, отъ коей она происпекла, усвоить себѣ ея святой образъ дѣйствій, и такимъ образомъ облечься ея всемогуществомъ. Грѣхъ расторгаетъ сей блаженный союзъ, ставитъ свободу человѣческую въ противуположность свободѣ Божественной и ея всемогуществу: посему лишаетъ свободу человѣка единственнаго источника силы и могущества существеннаго, непреходящаго.— Съ свободою человѣческою должно, въ семъ случаѣ, происходить тоже, что бываетъ съ вѣтвію, отторженною отъ древа: обѣ должны вянуть, истощаться и умереть. Если грѣшникъ до времени не чувствуетъ сего; то потому, что въ немъ, по расторженіи блаженнаго союза съ Богомъ, остается на время часть произвола нравственнаго; подобно какъ въ отторженной отъ древа вѣтви остается на время нѣкоторая жизненность, и она нѣсколько часовъ можетъ удерживать свою зелень, листья и цвѣты. Но воцарившійся въ душѣ грѣхъ вскорѣ требуетъ въ жертву себѣ и этотъ малый остатокъ произвола духовнаго; и бѣдному плѣннику его ничего не остается, кромѣ рабства. Ибо почему грѣшникъ отторгъ свою свободу отъ воли Божіей и закона? Потому, что ему показалось что либо лучше воли Божіей и закона. Что бы ни было это мнимо лучшее— честь ли, сластолюбія ли, удовольствія ли чувственныя, все это, будь самое ничтожное, становится для человѣка кумиромъ всевластнымъ. Что прежде онъ долженъ былъ дѣлать для Бога, по требованію закона и совѣсти, то теперь долженъ дѣлать для своего кумира, въ какомъ бы видѣ онъ ни былъ, по требованію своей страсти къ нему. Сначала и здѣсь остается призракъ свободы, такъ что грѣшникъ чувствуетъ себя въ состояніи бросить и разбить свой кумиръ; но потомъ наступаетъ отъ часу тягчайшее рабство, такъ что грѣшникъ невольно дѣлаетъ все то, чего ни потребуетъ его идолъ грѣховный. Въ семъ случаѣ плѣнникъ грѣха подобенъ человѣку, сходящему съ высокой и крутой горы: сначала горизонтъ обширный, множество видовъ предъ глазами, стезей подъ стопами; но чѣмъ далѣе и ниже, тѣмъ горизонтъ уже, видовъ и слѣдовъ менѣе; наконецъ остается одна стезя, ведущая, или паче, влекущая въ пропасть.

Въ самомъ дѣлѣ, брат. мои, долго ли грѣхъ удостоиваетъ плѣнниковъ своихъ хотя той жалкой чести, чтобы держать ихъ въ непосредственной зависимости отъ себя, съ правомъ блуждать по всѣмъ строптивымъ распутіямъ беззаконія?— Не долѣе того, какъ усмотрится (а это бываетъ весьма скоро) удѣльная способность каждаго плѣнника къ извѣстной работѣ грѣховной. Послѣ сего грѣхъ тотчасъ распредѣляетъ плѣнниковъ своихъ между своими жестокими приставниками: одного отдаетъ въ рабство плоти и чув-

ственныхъ удовольствій; другаго заставляетъ работать любостяжанію и скупости; третьему велитъ быть въ услугахъ честолюбія и гордости житейской. Преданный одной страсти грѣшникъ не имѣетъ иногда и столько свободы, чтобы перейти на служеніе къ другой; не смѣетъ и не можетъ перемѣнить даже своихъ узъ; такъ напр. плотоугодникъ бываетъ часто глухъ ко внушеніямъ честолюбія, скупецъ не можетъ терпѣть чувственныхъ удовольствій и проч.

Что дѣлаетъ съ бѣднымъ грѣшникомъ и его свободою страсть господствующая? То, что дѣлается у дикихъ варваровъ съ ихъ плѣнниками: чтобы они не могли убѣжать, имъ выкалываются глаза и подрѣзываются въ ногахъ жилы. Такъ и страсть избодаетъ у грѣшника очи: всѣ видятъ ничтожность его кумира, опасность его положенія, неминуемыя слѣдствія разврата; одинъ грѣшникъ слѣпъ; ему кажется не рѣдко, что онъ живетъ и ведетъ себя, какъ нельзя лучше. Страсть варварски портитъ у грѣшника ноги; все понуждаетъ его иногда сойти съ пути беззаконія; онъ самъ чувствуетъ благопріятную минуту бѣжать изъ оковъ; и однакоже не можетъ двинуться съ мѣста, или, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, падаетъ, и попавшись снова въ плѣнъ къ своему владыкѣ, подвергается тягчайшимъ узамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, доколѣ грѣшникъ работаетъ, подобно безсмысленному животному, во угожденіе грѣховной страсти, дотолѣ она молчитъ и какъ бы не существуетъ, даетъ ему свободу потрясать и звѣнѣть своими цѣпями, представлять изъ себя человѣка съ сердцемъ независимымъ. Но едва открывается въ бѣдномъ грѣшникѣ намѣреніе разорвать свои узы и изыйти на свободу духа: тогда обнаруживается вся лютость страсти; самые малые благіе помыслы воспрещаются и преслѣдуются съ ожесточеніемъ. Если грѣшникъ, не смотря на тяжесть грѣховной привычки, не оставляетъ желанія освободиться отъ ней, то начинается брань внутренняя, самая ужасная, которая при неравенствѣ силъ духовныхъ, остающихся въ грѣшникѣ, съ силою страсти, возросшей въ исполина, всегда бы оканчивалась неизбѣжно побѣдою грѣха надъ плѣнникомъ своимъ, еслибы къ послѣднему не приходила на помощь благодать Божія. Но и содѣйствіе всемогущей благодати остается нерѣдко безъ успѣха; потому что самъ человѣкъ не даетъ ей всего пространства въ сердцѣ своемъ.

Никогда не забыть мнѣ, брат., одного печальнаго случая, поразившаго меня на всю жизнь, при коемъ во всей силѣ обнаружилось то, о чемъ мы разсуждаемъ теперь. Мнѣ случилось посѣтить человѣка, имѣвшаго несчастіе заразиться— страстію невоздержанія, но непотерявшаго чувства отвращенія ко грѣху, одареннаго отличными способностями и познаніями, даже любовію ко всему доброму. Это было въ минуты борьбы его съ страстію. Боже мой, что увидѣлъ я?— Увидѣлъ бѣдную душу, опутанную съ ногъ до головы узами страсти; увидѣлъ Ангела падшаго, желающаго востать отъ паденія и немогущаго свергнуть съ себя тяжести грѣховной, увидѣлъ въ явѣ борьбу неба съ адомъ. Чего не дѣлалъ несчастный? Потоки слезъ текли изъ очей его и омывали самую одежду; то становился онъ на колѣни предъ свя-

тою иконою и поднималъ очи къ небу; то билъ самъ себѣ въ грудь и рвалъ на головѣ волосы; то обращался за помощію ко всѣмъ святымъ Угодникамъ, и отдавалъ себя имъ въ покровительство, какъ утопающій; то проклиналъ день рожденія и призывалъ смерть; то подозрѣвалъ въ себѣ присутствіе злаго духа, и дерзалъ на хулу противъ Провидѣнія.

И чѣмъ оканчивалась сія ужасная борьба? Большею частію побѣдою страсти надъ духомъ и совѣстію. Да поможетъ тебѣ, возлюбленный собратъ, въ мучительномъ подвигѣ твоемъ, всемогущая благодать Божія, и да изведетъ тебя на желанную тобою широту и свободу духа!— Если я дерзнулъ извести судьбу твою предъ моихъ слушателей; то потому, что ты самъ не скрывалъ своего бѣдственнаго состоянія и собственнымъ примѣромъ убѣждалъ блюстись узъ грѣховныхъ.

Когда въ продолженіи немногихъ лѣтъ, брат. мои, грѣхъ такъ можетъ обуять самыхъ лучшихъ изъ людей, задушить нравственную силу воли въ тѣхъ, кои одарены множествомъ средствъ питать, поддерживать и врачевать ее: то что могъ бы произвести грѣхъ надъ свободою человѣка, если бы послѣднему дано было здѣсь жить и работать грѣху въ продолженіи многихъ вѣковъ?— Ужасный примѣръ сего представляютъ духи отверженные. Почему благость Божія, простертая ко всѣмъ грѣшникамъ, для нихъ какъ бы не существуетъ? Потому, что они не хотятъ учавствовать въ помилованіи. По чему нехотятъ? Потому что не могутъ. Почему немогутъ? Потому что грѣхъ задушилъ въ нихъ свободу духовную: они ожесточились во злѣ до того, что возвратъ назадъ содѣлался для нихъ нравственно-невозможнымъ.

Если отъ такой участи, отъ такого жестокаго рабства грѣху не спаслися Ангелы падшіе; то спасемся ли брат. мы, если предадимся нераскаянно грѣху?— И такъ, будемъ прилѣжно блюсти свободу нашего духа и воли, дабы разъ потерявъ ее, неискать потомъ напрасно всю вѣчность. Не будемъ скучать принужденіемъ, необходимымъ для добродѣтели: это принужденіе на время, доколѣ не выправятся вывихнутыя отъ паденія члены существа нашего: тогда хожденіе во всѣхъ путяхъ закона содѣлается для насъ естественнымъ и легкимъ, тогда стократъ пріятнѣе будетъ повиноваться пресвятой волѣ Творца, нежели носиться въ вихрѣ страстей и грѣховныхъ удовольствій; а наконецъ, при помощи благодати Божіей, достигнемъ, по примѣру небожителей, и того, что уклоненіе отъ закона Божія содѣлается для насъ совершенно невозможнымъ,— еже буди со всѣми нами!— Аминь.

Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, по глаголу твоему, съ миромъ.

Это предсмертная молитва благочестиваго мужа, изліяніе радостныхъ чувствъ старца, отягченнаго бременемъ лѣтъ, для котораго смертный покой драгоцѣннѣе жизни, исполненной бурь и переволненій; гласъ души, давно отрѣшившейся отъ всего земнаго, давно привитавшей мысленно въ обителяхъ небесныхъ, для которой на землѣ оставалось только одно драгоцѣнное благо—

видѣть спасеніе, еже уготова Богъ предъ лицемъ всѣхъ людей, и для которой послѣ того было единственнымъ счастіемъ скорѣе разрѣшиться отъ узъ плоти. Какое вожделѣнное состояніе! Какое благословенное разлученіе съ тѣломъ и міромъ! Кто не пожелалъ бы себѣ такой кончины?—

Въ самомъ дѣлѣ, желать не умирать никогда, при настоящемъ состояніи человѣка, было бы явно безразсудно. Послѣ того, какъ *единѣмъ человѣкомъ грѣхъ во міръ вниде и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся человѣки вниде, всѣмъ* безъ изъятія *лежитъ* непремѣнно *единою умрети*. И что было бы за утѣшеніе влачить нескончаемую жизнь въ смертномъ и болѣзненномъ тѣлѣ, посреди всеобщаго тлѣнія и смерти, посреди безчисленныхъ бѣдъ и скорбей, на отягченной проклятіемъ Божіимъ землѣ, которая сама огню блюдется на день суда?— И такъ— волею или неволею остается одно— желать мирной кончины, безболѣзненнаго разлученія съ тѣломъ, непостыдно предстать предъ судищемъ Христовымъ.

Отъ чего зависитъ такая кончина?— Не зависитъ нисколько отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, сопровождающихъ смерть человѣка, но отъ внутренняго расположенія духа умирающаго. Умираетъ съ томленіемъ и скорбію и старецъ, когда нѣтъ благодатнаго мира въ душѣ его, когда совѣсть мучитъ и томитъ его: напротивъ умираетъ съ спокойствіемъ и благодушіемъ и юноша, когда душа его мирна, совѣсть спокойна. Въ болѣзняхъ и мукахъ умираетъ несчастливецъ и бѣднякъ, когда предчувствуетъ, что со креста временныхъ страданій ему должно прейти на крестъ мученій нескончаемыхъ: напротивъ безъ скорби и болѣзни оканчиваетъ жизнь и счастливецъ, когда успѣлъ въ жизни стяжать себѣ други отъ мамоны неправды, иже пріимутъ его въ вѣчные кровы, когда временныя богатства не только не погасили, а еще болѣе воспламенили въ душѣ его жажду вѣчныхъ сокровищъ. Умираютъ мучительною смертію среди всѣхъ попеченій любви, въ объятіяхъ присныхъ и друзей: напротивъ умираютъ благодушно, съ радостію и спокойствіемъ, и среди самыхъ жесточайшихъ мученій. Иродъ умеръ на тронѣ, но ужасною смертію: Предтеча скончался въ темницѣ отъ рукъ палача, но блаженною кончиною. Значитъ не въ долготѣ или краткости жизни, не въ богатствѣ или бѣдности, не въ счастіи или несчастіи, не въ покоѣ или страданіяхъ внѣшнихъ главная причина мирной кончины, но во внутреннемъ мирѣ и спокойствіи духа и совѣсти.

Гдѣ искать, и чѣмъ стяжать сіе драгоцѣнное благо? Оно снискивается не какимъ либо искуствомъ или наукою, но даруется Духомъ Святымъ въ награду благочестивой Христіанской жизни, или искренняго покаянія. Въ самомъ дѣлѣ, наука много открыла и изобрѣла средствъ къ уврачеванію болѣзней тѣлесныхъ; но всѣ онѣ безсильны къ уврачеванію болѣзней духа. Много изыскано совѣтовъ любомудрія къ успокоенію смятеній самаго духа; но ни одинъ изъ нихъ не доставитъ блаженнаго мира и спокойствія совѣсти. Какой пластырь исцѣлитъ раны сердца, пронзеннаго мыслію о вѣчныхъ мукахъ, если не исцѣлитъ ихъ небесный бальзамъ обѣтованій и ученій Евангельскихъ? Какое прохлаждающее средство уполитъ мученія совѣсти, отягченной грѣхами, если не уполитъ ихъ священій-

шая кровь Искупителя нашего, проліянная за грѣхи міра? Какія убѣжденія любомудрія, могутъ укрѣпить духъ противъ ужасовъ смерти и суда Божія, если не укрѣпитъ его Христіанское упованіе? Но утѣшенія и обѣтованія Евангельскія нераздѣльны отъ Евангельскихъ заповѣдей, и тому только принадлежатъ первыя, кто строго исполняетъ послѣднія: *не всякъ глаголяй ми— Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное, но творяй волю Отца моего, иже на небесѣхъ*. Вѣра въ Іисуса Христа Спасителя человѣковъ нераздѣльна съ покаяніемъ и добродѣтельною жизнію, и оправдываетъ только тѣхъ, кои очищаютъ сердце свое искреннимъ раскаяніемъ и исправленіемъ жизни, у коихъ вѣра споспѣшествуется любовію; а вѣра мертвая не оправдаетъ и не спасетъ насъ. Наконецъ и Христіанское упованіе есть плодъ благочестивыхъ подвиговъ цѣлой жизни: кто можетъ сказать о себѣ съ Павломъ: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе совершихъ, вѣру соблюдохъ*; тотъ только и можетъ сказать съ несомнѣннымъ упованіемъ: *прочее соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, его же воздастъ ми Господь въ день онъ праведный Судія*. Словомъ— внутренній миръ съ своею совѣстію, твердая увѣренность въ милосердіи Божіемъ и несомнѣнная надежда вѣчной жизни, а слѣдовательно и зависящая отъ нихъ мирная кончина, есть плодъ истинно Христіанской жизни, жизни въ вѣрѣ и благочестіи. Ибо, что такое смерть? есть конецъ настоящей жизни. Но конецъ не можетъ разногласить съ началомъ и продолженіемъ.— Если благочестиво пребываетъ душа въ тѣлѣ въ продолженіе жизни, благочестиво и разлучается съ тѣломъ во время смерти: если же въ нечестіи проводится жизнь, въ нечестіи постигаетъ и смерть.— Съ другой стороны, смерть есть начало жизни будущей. Но можетъ ли начало разнится отъ продолженія?— Очевидно, нѣтъ: и потому, если въ вѣчности ожидаетъ человѣка блаженство, то смерть есть начало сего блаженства: если напротивъ въ вѣчности ожидаютъ человѣка страданія и муки; то смерть, по необходимости, бываетъ началомъ сихъ мукъ. И такъ, кто можетъ ожидать себѣ мирной кончины Симеона?

Тотъ во первыхъ, кто, подобно Симеону, во всю жизнь пребылъ праведенъ и благочестивъ, у кого сердце непорочно, совѣсть чиста, духъ оживленъ вѣрою въ Іисуса Христа и не сомнѣннымъ упованіемъ вѣчной жизни. Благоволитъ ли Господь дожить ему до глубокой старости, или исхититъ его отъ соблазновъ міра въ юности; дастъ ли ему провести жизнь въ довольствѣ и счастіи, или проведетъ путемъ лишеній и скорбей; приведетъ ли его скончаться въ объятіяхъ присныхъ и друзей, или посреди незнаемыхъ и враговъ: во всякомъ случаѣ онъ съ радостію возопіетъ съ Симеономъ: Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко; нынѣ избавляеши меня изъ темницы бреннаго и смертнаго тѣла, освобождаешь отъ узъ грѣховной плоти, съ которою боролся и отъ коей страдалъ духъ мой во всю жизнь,— и пріемлешь въ новую нерукотворенную скинію на небесахъ; нынѣ изводишь меня изъ сей юдоли плача, бѣдъ и скорбей, кои преслѣдовали меня на всѣхъ путяхъ жизни, и вселяешь въ страну блаженства, покоя и радости; исхищаешь изъ сего міра во злѣ лежа-

щаго, исполненнаго соблазновъ и козней вражіихъ, съ коими надлежало непрестанно сражаться до крове,— и вводишь въ небесное царство Твое, въ коемъ обитаетъ одна правда; нынѣ наступаетъ блаженное время, когда узрю Тебя лицемъ къ лицу, а не въ зерцалѣ гаданія, когда ни смерть ни животъ, ни настоящая ни грядущая, ничто въ мірѣ не разлучитъ меня отъ лицезрѣнія Твоего: нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко,— съ миромъ!— Везъ ужаса и содроганія срѣтитъ смерть и грѣшникъ, который успѣлъ, въ продолженіи жизни, очистить свою совѣсть покаяніемъ нераскаяннымъ, омыть грѣхи свои слезами и убѣлить ризу души своея въ крови Агнца, закланнаго отъ сложенія міра, загладить преступленія возможными подвигами любви и благочестія. Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, скажетъ и онъ съ радостію; нынѣ освобождаешь меня навсегда отъ грѣховной плоти, которая едва не погубила на вѣки души моей; исхищаешь навсегда отъ соблазновъ міра, отъ которыхъ погибъ бы я вѣчно, еслибъ не избавило Твое неизреченное милосердіе, которое не хощетъ смерти и самаго грѣшника; нынѣ освобождаешь меня навсегда отъ самой опасности раздражить Твое правосудіе новыми грѣхами, оскорбить любовь Твою новыми неправдами; нынѣ изводишь меня навсегда отъ рова страстей, и поставляешь на пространнѣ ноздѣ мои: нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко,— съ миромъ!—

Но что скажетъ, и какъ будетъ молиться тотъ, кто не уподобился ни Симеону во всегдашней правдѣ и благочестіи, ни Петру, слезнымъ покаяніемъ цѣлой жизни загладившему тяжкій грѣхъ отреченія, ни даже разбойнику благоразумному, употребившему на очищеніе совѣсти и примиреніе съ Богомъ хотя малый остатокъ жизни? Увы, безотрадная и нѣмая скорбь, или убійственное отчаяніе— вотъ участь умирающаго во грѣхахъ! *Смерть грѣшниковъ люта,* говоритъ слово Божіе.

Кіевъ Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 8 Января, 1844. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Іосифъ.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 46. НЕДѢЛЯ 2-я ПОСТА. Февраля 20. 1844.

На Утрени: Евангеліе воскресное 5-е, Лук. 24, 12—35.
На Литургіи: Апост. Евр. 1, 10—14. 2, 1—3. Еванг. Мар. 2, 1—12.

СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО

о необходимости и силѣ покаянія.

Спаситель, изцѣляя разслабленнаго, сказалъ: *чадо, отпущаются ти грѣси твои.* Отпущеніе грѣховъ есть источникъ здравія и спасенія, награда покаянію; а покаяніе есть врачевство, уничтожающее грѣхъ. Оно— даръ небесный, чудесная сила, по благодати Божіей, побѣждающая могущество и строгость законовъ. Оно не отвергаетъ блудника, не гонитъ отъ себя любодѣя, не отвращается піяницы, не гнушается идолопоклонникомъ, не пренебрегаетъ злорѣчиваго, не преслѣдуетъ ни хульника, ни гордеца: оно всѣхъ пересозидаетъ, ибо оно есть горнило для очищенія грѣховъ (Том. II, стр. 327). Рана и лѣкарство— грѣхъ и покаяніе: рана— грѣхъ, лѣкарство— покаяніе. Въ ранѣ гнилость, въ лѣкарствѣ очищеніе гнилости; во грѣхѣ смрадъ, во грѣхѣ безчестіе, во грѣхѣ посмѣяніе: въ покаяніи надежда, въ покаяніи свобода, въ покаяніи очищеніе грѣха (стр. 324). Не говори мнѣ: много согрѣшилъ я, и какъ могу спастися? Ты не можешь, но Господь твой можетъ,— и такъ можетъ, что истребитъ всѣ согрѣшенія твои. Слушай со вниманіемъ слово мое: Господь твой такъ истребляетъ грѣхи, что не оставляетъ ни пятна отъ нихъ, ни слѣда, но съ возвращеніемъ здравія даруетъ тебѣ благообразіе, съ освобожденіемъ отъ казни сообщаетъ праведность, и согрѣшившаго дѣлаетъ равнымъ несогрѣшившему. Ибо онъ уничтожаетъ грѣхъ и производитъ то, что грѣха и нѣтъ, и небыло,— такъ всецѣло уничтожаетъ Онъ его. Не остается ни пятна, ни слѣда, ни вида, ни признака грѣховъ (если ты искренно каешься) (стр. 343—44). И такъ обратимся отъ пути, по которому блуждали мы. Ибо придетъ часъ, когда кончится позорище свѣта сего, и не будетъ уже времени для подвиговъ; а какъ скоро жизнь наша пройдетъ, тогда не льзя производить куплю: какъ скоро театръ распущенъ,— нельзя увѣнчаться. Настоящее время есть время покаянія, будущее— время суда; сіе— время подвиговъ, то— время вѣнцовъ; сіе— время труда, оное— время успокоенія; теперь изнурительная дѣятельность, тогда вознагражденіе. Встаньте, умоляю васъ, встаньте и охотно послушайте моихъ совѣтовъ. Жили мы по

плоти, станемъ же наконецъ жить и по духу; жили въ удовольствіяхъ, рѣшимся пожить и въ добродѣтеляхъ; жили въ нерадѣніи, поживемъ теперь и въ покаяніи. Что гордишься земля и пепелъ? Что надмѣваешься ты, о человѣкъ? Что высоко поднимаешь чело свое? Что надѣешься на славу свѣта, на богатство твое? Пойдемъ мы съ тобою на могилы, прошу тебя, и посмотримъ, что тамъ за таинства,— посмотримъ: природа наша разсыпалась, кости обнажены, тѣла согнили. Если ты мудрецъ, вникни; если разумный человѣкъ, скажи мнѣ ради Бога: кто тамъ царь и кто простолюдинъ, кто благородный и кто рабъ, кто мудрецъ и кто невѣжда? Гдѣ тамъ красота юности, гдѣ пріятный взоръ, гдѣ миловидныя очи, гдѣ изящный носъ, гдѣ огнистыя губы, гдѣ красивыя ланиты, гдѣ свѣтлое чело? Не все ли пепелъ? Не все ли прахъ? Не дымъ ли одинъ остался? Не все ли червь и зловоніе? Не все ли смрадъ?— Помыслимъ о семъ, братія, представимъ себѣ послѣдній день, и пока есть время, обратимся отъ пути, на коемъ доселѣ блуждали. Мы искуплены драгоцѣнною кровію (1 Петр. 1, 18. 19). Для тебя, о человѣкъ, Богъ явился на земли, и не имѣлъ гдѣ главу подклонить (Лук. 9, 5— 8). Ахъ, чудо! Судія ведется на судъ за осужденныхъ; Жизнь пріобщается смерти; Творецъ заущается отъ твари; Тотъ, Кого не могутъ Серафимы зрѣть, отъ раба терпитъ поруганіе, желчи и оцта вкушаетъ, прободается копіемъ, во гробъ полагается: а ты, человѣкъ, нерадишь, ты дремлешь и пренебрегаешь?— Не знаешь ли, что хотя бы ты пролилъ всю кровь свою, ты не исполнилъ бы должнаго? Ибо инакова кровь Господа, инакова— кровь раба. Предупреди исходъ души твоей покаяніемъ и обращеніемъ, дабы все врачевство покаянія не осталось безполезнымъ для тебя, когда наступитъ смерть; ибо покаяніе имѣетъ силу на земли, и только; въ адѣ оно безсильно (Том. II. стр. 350,351).

Покаяніе отверзаетъ человѣку небо, вводитъ въ рай, побѣждаетъ діавола. Грѣшенъ ты? Не отчаявайся. Каждый день согрѣшаешь, каждый день приноси покаяніе. Съ обветшалыми домами мы поступаемъ такъ, что когда въ нихъ есть гниль, мы гнилыя части вынимаемъ, и застроиваемъ новыми, и никогда не перестаемъ пещися о поддержаніи оныхъ. Тоже должно дѣлать и вразсужденіи себя самихъ: ты сего дня обветшалъ отъ грѣха? Обнови себя покаяніемъ. Можно ли, скажешь, покаявшемуся спастися? Совершенно можно. „Я всю жизнь провелъ во грѣхѣ; если покаюсь, буду ли спасенъ?“— Конечно. „Откуда это видно?“— Отъ человѣколюбія Господа твоего. Развѣ я на твое покаяніе надѣюсь? Развѣ твое покаяніе сильно уничтожить тяжкіе пороки? Если бы одно твое покаяніе было, ты по справедливости долженъ бы трепетать: но съ покаяніемъ соединяется милосердіе Божіе; а милосердію Божію нѣтъ мѣры, и словомъ не можно истолковать благость Его. Имѣетъ мѣру злоба твоя; но врачевство противъ нея не имѣетъ мѣры: злоба твоя, какова бы она ни была, есть злоба человѣче-

ская; а Божіе милосердіе неизреченно. Надѣйся же, что оно превыситъ злобу твою. Представь себѣ искру, падшую въ море: можетъ ли она остаться цѣла, или оттуда снова появиться? Что искра въ отношеніи къ морю, тоже и порокъ въ отношеніи къ человѣколюбію Божію;— да еще и не тоже, а гораздо менѣе. Море хотя и велико, но имѣетъ предѣлы; а человѣколюбіе Божіе безпредѣльно. Это говорю я не для того, чтобы сдѣлать васъ нерадивыми, но чтобы возбудить въ васъ живѣйшее усердіе къ покаянію... (Том. II, стр. 341).

СЛОВО

О ГРѢХѢ 8-е

О ТОМЪ, ЧТО РАДОСТИ ГРѢХОВНЫЯ ПРИВРЕМЕННЫ И НИЧТОЖНЫ, ЧТО ГРѢХЪ НАПРОТИВЪ ОТЪЕМЛЕТЪ У ЧЕЛОВѢКА ВСѢ ИСТИННЫЯ И ЧИСТЫЯ НАСЛАЖДЕНІЯ И СЛУЖИТЪ ИСТОЧНИКОМЪ БЕЗЧИСЛЕННЫХЪ СКОРБЕЙ И БѢДСТВІЙ.

Нѣсть радоватися нечестивымъ, глаголетъ Господь. Иса. 48, 22.

А зачѣмъ же бѣдный грѣшникъ стремглавъ бѣжитъ въ пропасть грѣха, какъ не за радостію и утѣхами? Послушайте міролюбцевъ— они и нынѣ говорятъ тоже, что твердили во времена Соломона: *пріидите, насладимся настоящихъ благъ; ниединъ отъ насъ лишенъ да будетъ наслажденія: вездѣ оставимъ знаменія веселія, яко сія есть часть наша и жребій сей* (а). Если бы не радость и веселіе; то міръ и грѣхъ давно потеряли бы всѣхъ своихъ поклонниковъ. Что же значитъ слово Пророка, отъемлющее радость у нечестивыхъ?

То, что нечестивый только гоняется за радостію, а въ самомъ дѣлѣ недостигаетъ ее,— то, что мнимыя радости грѣховныя пусты, привременны и ничтожны, и что грѣхъ, увлекая призракомъ чувственнаго веселія, въ тоже время отъемлетъ у человѣка радость истинную, и дѣлаетъ сердце его неспособнымъ къ блаженству; то наконецъ, что вмѣстѣ съ развратомъ души и сердца открывается для человѣка неизсякаемый источникъ огорченій и бѣдствій.

Въ самомъ дѣлѣ, брат. мои, какъ бы грѣшникъ могъ имѣть тѣ божественныя неизглаголанныя радости, кои происходятъ отъ Духа Святаго, и коихъ одну каплю не можетъ замѣнить цѣлое море мірскихъ наслажденій? Сіи святыя радости и утѣхи, составляющія верхъ земнаго и залогъ небеснаго блаженства душъ чистыхъ и святыхъ, для грѣшника совершенно потеряны: ибо грѣхъ разорвалъ блаженный союзъ, долженствующій быть между Богомъ и душею, сотворенною для блаженства въ Богѣ. Между ними, въ грѣховномъ состояніи, нѣтъ другаго отношенія, кромѣ неизбѣжнаго— твари неблагодарной къ Творцу Всемогущему, преступника къ Судіи и Владыкѣ. Мысль о семъ отношеніи, какъ грѣшникъ обыкновенно ни силится заглушать ее, сильно пробуждается по временамъ и всегда исполняетъ его тайнымъ страхомъ и печалію.

Лишивъ человѣка радостей божественныхъ, грѣхъ не даетъ ему насла-

жденія и чистыми радостями человѣческими. Первая изъ нихъ есть радость благой совѣсти; и ея-то первой лишается грѣшникъ. Вмѣсто внутренняго мира, душевнаго наслажденія и святаго ободренія отъ совѣсти, въ глубинѣ души его таится скука, недовольство и тяжесть. Справедливо, что совѣсть въ грѣшникѣ съ умноженіемъ беззаконій, съ возрастомъ его въ злѣ и нечестіи, сама слабѣетъ; но все никогда не можетъ умолкнуть совершенно; даже когда молчитъ, то глухое, но нѣмъ не менѣе ощутительное чувство, какъ нѣкая глухая рана, тяготитъ и тревожитъ. Отсюда-то почти всегдашній оттѣнокъ смущенія и недовольства на лицѣ міролюбца; отсюда глубокіе вздохи среди самыхъ шумныхъ увеселеній; отсюда жалобы и ропотъ на свою жизнь, когда, повидимому, ничего недостаетъ къ ея блаженству; отсюда тайное завидованіе состоянію людей бѣдныхъ, но добродѣтельныхъ; отсюда, наконецъ, мгновенные переходы нѣкоторыхъ міролюбцевъ къ покаянію, такъ что они, внезапно бросивъ все, убѣгаютъ на всегда отъ міра въ пустыни.

И другихъ высшихъ и чистыхъ радостей человѣческихъ грѣшникъ не можетъ имѣть, доколѣ остается въ области беззаконія. Такъ, всѣ возвышенныя радости духа ему неизвѣстны; недовѣдомо ему услажденіе отъ молитвеннаго собесѣдованія съ Богомъ, недовѣдома сладость упованія жизни вѣчной, или страданія за правду, неизвѣстно духовное веселіе отъ присутствія въ храмѣ, отъ чтенія слова Божія, отъ пріятія таинствъ Христіанскихъ, неизвѣстна святая теплота сердца отъ общенія съ братіями во Христѣ, и дѣлъ милосердія; неизвѣстенъ даже свѣтлый и утѣшительный взглядъ на природу, какъ на дѣло рукъ Божіихъ, на откровеніе славы и премудрости божественной.— Все это для грѣшника потеряно, и не только потеряно, а обращается въ источникъ скуки, въ тяжесть душевную, такъ что это самое, напр. чтеніе слова Божія, или присутствіе во храмѣ, ему можно назначить въ наказаніе. Грѣхъ до того превращаетъ сердце человѣка, что все отзывающееся вѣрою и добродѣтелію, ему противно и отвратительно.

Обратимся ли за симъ къ другимъ радостямъ душевнымъ, коими пользовались и дорожили даже лучшіе изъ язычниковъ, и ихъ не найдемъ у грѣшника. Такъ, удовольствій, проистекающихъ отъ самопознанія и самоусовершенія нравственнаго, у грѣшника нѣтъ: его стихія жить въ самозабвеніи и нерадѣть о себѣ. Радости отъ совершеннаго, безкорыстнаго дружества у грѣшника нѣтъ; ибо какое дружество у того, кто дышетъ самолюбіемъ? Радости чистой семейной жизни у грѣшника нѣтъ; онъ большею частію, или убѣгаетъ семейнаго состоянія, какъ узъ, или бываетъ самымъ худымъ отцемъ семейства, самымъ непокорнымъ сыномъ, самымъ холоднымъ и неприступнымъ родственникомъ.

Всѣ сіи радости такъ недосягаемы для грѣха, что онъ не можетъ даже обѣщать ихъ своимъ любимцамъ; и не обѣщаетъ: что же дѣлаетъ? Старается представить ихъ или невозможными, или нестоющими труда, и въ замѣнъ сего выставляетъ единственно важными тѣ, кои въ состояніи доставить имъ. Что же онъ можетъ доставить? То, что происходитъ отъ похоти плоти, похоти очесъ и гордости житей-

ской, то, что когда-то захотѣлъ испытать во всей силѣ еще Соломонъ, но несмотря на то, что у царя было множество средствъ продолжать и разнообразить чувственныя удовольствія, принужденъ былъ сознаться, что все имъ испытанное есть *суета суетъ*, и производитъ не услажденіе, а истощеніе и *крушеніе духа* (б).

Пойдемъ, однакоже мыслію за грѣшникомъ, хотя по главнымъ путямъ его радостей, и посмотримъ, изъ чего состоятъ они? Вотъ онъ влечется по стогнамъ на великолѣпной колесницѣ и радуется: чему? что его прислуга одѣта въ золото, что безсловесныя, его везущія, самой лучшей породы и высокой цѣны, что предъ нимъ невольно разступаются толпы народа, что онъ можетъ съ гордостію взирать на все встрѣчающееся, безъ затрудненія преноситься, большею частію безъ всякой причины,— изъ одного края въ другой, являться тамъ, быть здѣсь, то видѣть, отъ того уйти, много начать, ничего не кончить, вездѣ оставить слѣды своего величанія и своей пустоты: Это ли радость и веселіе?— Вотъ другой грѣшникъ: онъ сидитъ въ завѣтной храминѣ и считаетъ сребренники, смотритъ на кучи бездушнаго металла и радуется: чему? что у него *стяжанія на лѣта долга*, что онъ можетъ, если захочетъ, купить имѣніе, построить домъ, завести у себя то или другое. Но захочетъ ли? Нѣтъ, его удовольствіе считать и хранить, а не употреблять, онъ не господинъ, а рабъ своихъ сокровищъ; чтобы увеличивать ихъ, онъ обращается ко всѣмъ средствамъ, отказываетъ самому себѣ даже въ необходимомъ, среди богатства терпитъ нищету, мучится и страдаетъ всю жизнь, доколѣ смерть не исторгнетъ изъ рукъ его всего, что имѣлъ, и на что истратилъ безумно всю жизнь: Это ли радость и блаженство? Вотъ еще грѣшникъ: онъ идетъ противуположнымъ путемъ; все обращаетъ въ свое удовольствіе; домъ его преукрашенъ, и отверстъ для всѣхъ міролюбцевъ; трапеза преисполнена снѣдями, вокругъ его пѣніе и лики: но состояніе его уже истощено, а здоровье еще прежде истощилось отъ невоздержанія; онъ самъ чувствуетъ, что въ чашѣ земныхъ наслажденій остается для него мало капель, и силится заглушить сіе чувство новыми видами невоздержанія. Это ли радость?—

Но мы взяли грѣшниковъ со всѣми удобствами ко грѣху, а многоли таковыхъ? Большая часть находится въ жалкой необходимости алкать непрестанно грѣховныхъ наслажденій, и неимѣетъ возможности удовлетворить нечистымъ пожеланіямъ. Что же дѣлаетъ сія жалкая толпа?— Бросается на всякаго рода наслажденія, предается всѣмъ видамъ порока, только бы не пропасть, такъ сказать, съ голода душевнаго.— Вообще съ людьми, предавшимися порочной жизни, происходитъ тоже, что бываетъ съ человѣкомъ отъ укушенія тарантуломъ. О таковыхъ говорятъ, что они тотчасъ чувствуютъ непреодолимое побужденіе къ тѣлесному движенію, начинаютъ скакать и кружиться, такъ что, смотря на нихъ, можно подумать, якобы они находятся въ состояніи необыкновеннаго веселія; между тѣмъ они страдаютъ ужаснымъ образомъ, и не-

(б) Еккл. 1, 22.

рѣдко умираютъ среди этой жалкой пляски.— Таково положеніе и грѣшника: укушенный грѣхомъ, проникнутый его ядомъ змінымъ, онъ получаетъ непреодолимую наклонность къ разсѣянію и утѣхамъ чувственнымъ, непрестанно движется по направленію господствующей страсти, скачетъ отъ наслажденія къ наслажденію, представляетъ лице человѣка упоеннаго счастіемъ, а между тѣмъ внутри мучится и страдаетъ. Скоро начинаетъ страдать и со внѣ: ибо одна изъ первыхъ принадлежностей грѣха и страстей— необузданность въ наслажденіяхъ; а при семъ быстро истощаются силы тѣла и духа. Съ другой стороны изъ самыхъ грѣховныхъ удовольствій неминуемо возникаетъ множество огорченій и досадъ; широкій путь грѣха, казавшійся покрытымъ одними цвѣтами, дѣлается отчасу тѣснѣе и неудобнѣе; цвѣты изчезаютъ, уступая мѣсто тернамъ, и грѣшникъ видитъ себя наконецъ въ безднѣ, ископанной для него собственными грѣхами. Въ самомъ дѣлѣ, много ли изъ міролюбцевъ и долго ли наслаждаются даже здоровьемъ, симъ необходимымъ условіемъ счастія земнаго, за коимъ они гоняются? Большая часть умираетъ преждевременно; и если не внезапно, то послѣ продолжительныхъ и тяжкихъ страданій. Если нѣкоторые и достигаютъ преклонныхъ лѣтъ; то не потому, что предавались пороку, а потому что не предавались ему всецѣло, что не забывали правилъ воздержанія, то есть, не оставляли вовсе добродѣтели. Остатокъ добра спасаетъ ихъ отъ разрушительной силы грѣха. За то сей же грѣхъ въ такомъ случаѣ находитъ большею частію другое средство брать жестокую дань за немногіе капли мутной радости. Невоздержаніе и расточительность, столь неразлучныя съ порокомъ, въ непродолжительномъ времени истощеваютъ у грѣшника средства къ удовлетворенію своихъ преступныхъ желаній. Изъ роскошнаго богача онъ нерѣдко дѣлается нищимъ, надъ коимъ со всею точностію повторяется Евангельская Исторія блуднаго сына; кто располагалъ прежде милліонами для удовлетворенія своихъ прихотей, принужденъ бываетъ прилѣпиться къ какому либо жителю страны, и почитать за милость, когда ему позволятъ имѣть кусокъ насущнаго хлѣба. И сколько такихъ несчастныхъ! А если къ нищетѣ присоединится еще болѣзнь, какъ это не рѣдко бываетъ: тогда міролюбецъ вживѣ начинаетъ терпѣть то, чѣмъ слово Божіе угрожаетъ нераскаяннымъ грѣшникамъ за гробомъ. Въ такихъ случаяхъ, если не приспѣетъ на помощь особенная благодать Божія, рѣдко не доходятъ до отчаянія и самоубійства.

Судите послѣ сего сами, брат., справедливо ли говоритъ Слово Божіе, что *нѣсть радованіе нечестивымъ?* Истино, нѣтъ грѣшника, который бы по окончаніи своего грѣховнаго поприща, не сказалъ съ Іонаѳаномъ: *вкушая вкусихъ мало меду; и се азъ умираю* (в)!—

Страдаютъ и Праведники: само слово Божіе, отъемлющее рѣшительно истинную радость у нечестивыхъ, говоритъ, что *многи скорби праведнымъ.* Но какого рода эти скорби? Онѣ всѣ похожи на благотворныя горькія лѣкарства, кои пріемлетъ больной, по

(в) 1 Цар. 14, 43.

предписанію искуснаго врача, для исцѣленія себя отъ смертоносной болѣзни: горечь ихъ постоянно сопровождается сладкимъ чувствомъ выздоровленія; со дня на день они чувствуютъ себя лучше и крѣпче въ душѣ своей и совѣсти, а это вознаграждаетъ для нихъ всѣ прискорбія. Къ людямъ добродѣтельнымъ со всею вѣрностію можно отнести то, что замѣтилъ надъ собою св. Павелъ: *яко скорбяще, присноже радующеся* (г): между тѣмъ какъ о людяхъ грѣшныхъ со всею силою должно сказать противное: всегда, по видимому, радующеся, присно же скорбяще. Аминь.

ЧАСЪ МОЕЙ СМЕРТИ.

Неизбѣжный часъ! неотвратимый ударъ! когда и гдѣ ты меня постигнешь?

Онъ можетъ постигнуть тебя вездѣ, можетъ пасть на тебя во всякое время, даже тогда, когда ты всего менѣе помышляешь о томъ. И такъ будь готовъ къ этому часу, ожидай его ежедневно, пріучась мыслить о немъ часто,— чаще, нежели о самой необходимой для тебя пищи!

Вотъ ты одинъ теперь на ложѣ, среди ночной тьмы. Помысли же, что эта ночь послѣдняя для тебя, что солнце не взойдетъ уже— развѣ надъ гробомъ твоимъ, и что, быть можетъ, скоро переселишься ты за грѣхи свои въ тьму ужаснѣйшую, вѣчную!

Ты воспаешь отъ ложа своего; ты смотришь на восходящее солнце, и пробуждающуюся природу. Наслаждайся прекраснымъ зрѣлищемъ; но думай— вотъ послѣднее здѣсь для меня наслажденіе!— Еще нѣсколько минутъ, и— Солнце зайдетъ для меня около полудня, и все сокроется отъ глазъ моихъ. Увижу ли я тамъ другое солнце? Озаритъ ли меня Свѣтъ вѣчный?

Тебя окружаетъ семейство, къ тебѣ собрались родные и друзья твои. Благодари Господа и за сей драгоцѣнный даръ Его. Но и здѣсь представляю, что, быть можетъ, въ послѣдній разъ дается тебѣ это утѣшеніе. Спѣши проститься со всякимъ, кого ты оскорбилъ или опечалилъ, скорѣе передавай семейству твоему добрые совѣты и сердечныя завѣщанія, не откладывай до другаго дня тѣхъ благодѣяній, какія можешь и намѣренъ оказать своимъ ближнимъ. Спѣши; время летитъ и приближаетъ насъ къ вѣчности.

Богъ сподобилъ тебя быть нынѣ во храмѣ, внимать святымъ молитвамъ и пѣснопѣніямъ Церкви; ты сподобишь предъ лицемъ всепримирительной Жертвы!— Это величайшее благо въ здѣшней жизни. Но что, если и это послѣдняя тебѣ милость Божія!— Представь: вотъ скоро затворятся для тебя не только врата Храма Божія, но и двери покаянія. Поспѣши же воспользоваться временемъ благодати; молись усердно о себѣ и о ближнихъ предъ олтаремъ милосердія, молись такъ, какъ бы ты молился въ послѣдній разъ въ жизни!

Что-жъ, если ты не во храмѣ, не въ семействѣ, и не тамъ, гдѣ все напоминаетъ намъ о нашемъ долгѣ? Что, если ты въ какомъ нибудь шумномъ собраніи свѣтскомъ, гдѣ, предаваясь однимъ удовольствіямъ чувственнымъ,

(г) 2 Кор. 6, 10.

все прочее забываютъ? Тогда еще нужнѣе не забывать часа смертнаго. Вообрази и среди удовольствій, этотъ грозный часъ. Пусть возмутитъ онъ всѣ твои суетныя радости, пусть помрачитъ обольстительный блескъ свѣта!— Иначе— горе тебѣ, когда здѣсь же, среди утѣхъ и смѣховъ, внезапно поразитъ тебя гласъ съ неба: *безумне! во сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе!*— Берегись, чтобъ изъ вихря радостей вдругъ не перенесли тебя въ страну вѣчнаго плача!

Ты въ лѣтахъ преклонныхъ? Помни, всегда помышляй о томъ, къ чему склоняютъ тебя лѣта, и въ сокрушеніи сердца оплакивай грѣхи юности. Или ты юноша, цвѣтущій здоровьемъ и красотою? Не забывай, что все это цвѣтъ, скороопадающій. *Веселися юноше, во юности твоей,* но веселись всѣмъ какъ даромъ Божіимъ, и *разумѣй, яко о всѣхъ сихъ приведетъ тя Богъ на судъ.* (Еккл. II, 9).

Словомъ, въ какомъ бы состояніи ты ни былъ, что бы ни дѣлалъ, не забывай своего часа смертнаго. *Поминай послѣднія твоя, и во вѣки не согрѣшиши.* (Сирах. 7, 39).

Кіевъ Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 10 Января, 1844. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 47. НЕДѢЛЯ 3-я ПОСТА. Февраля. 27. 1844.

На Утрени: Евангеліе воскресное 6-е, Лук. 24, 36—53.
На Литургіи: Апост. Евр. 4, 14—16. 5, 1—6. Еванг. Мар. 8, 34—38. 9, 1.

Кресту Твоему покланяемся, Владыко, и святое воскресеніе Твое славимъ.

СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО,

РАЗЛИЧНЫЕ СПОСОБЫ ПОКАЯНІЯ.

Первый способъ— Исповѣдь.

Для чего не каждый день ходимъ мы въ церковь— лобзать покаяніе? Если ты грѣшникъ, войди въ церковь для того, чтобы исповѣдать грѣхи свои; если праведникъ, войди для того, чтобы не потерять тебѣ свою праведность. Церковь и тому и другому есть пристанище. Ты грѣшникъ? Не отчаявайся, а войди, неся предъ собою покаяніе. Ты согрѣшилъ? Скажи Богу твоему: „согрѣшилъ я.“ Какой въ этомъ трудъ? Далеко ли ходить? Какая тутъ скука? Какая тяжесть сказать слово: „согрѣшилъ я?“— Если ты самъ не исповѣдуешь себя грѣшникомъ, развѣ не имѣешь діавола твоимъ обвинителемъ? Предупреди же его, и отними у него его достоинство; ибо его достоинство— обвинять. Для чего тебѣ не предупредить его, не обвинить себя самаго во грѣхѣ, не загладишь своихъ беззаконій, когда ты знаешь, что у тебя есть обвинитель, который не можетъ молчать? Ты согрѣшилъ? Войди въ церковь, скажи Богу, что „я согрѣшилъ.“ Я ничего другаго не требую отъ тебя,— одного только этаго; ибо св. Писаніе говоритъ: *елаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Исаіи 43, 26). Скажи грѣхъ свой, чтобъ тебѣ разрѣшиться отъ грѣха; въ этомъ нѣтъ трудности, не нужны околичныя слова, ни денежныя издержки, ни другое что нибудь такое. Скажи слово, признайся во грѣхѣ, исповѣдай: „я согрѣшилъ.“ Спросишь: „а ошкуда знаю, что, если я первый исповѣдаю грѣхъ свой, то симъ избавлюсь отъ грѣха?“ Имѣю въ Писаніи и такаго человѣка, который исповѣдалъ свой грѣхъ, и прощенъ, и такаго, который не исповѣдалъ, и былъ осужденъ. Каинъ убилъ брата своего Авеля, одержимый завистію... Что Богъ говоритъ ему? *Гдѣ есть Авель братъ твой* (Быт. 4, 6)? Всевѣдущій спрашиваетъ не потому, что не знаетъ, но потому, чтобы братоубійцу привлечь къ покаянію. Каинъ отвѣтствовалъ: *не вѣмъ; еда стражъ брату моему*

есмь? Пусть такъ,— ты не стражъ,— но за чѣмъ убійца? Ты не стерегъ: за чѣмъ же убилъ его? Что же Богъ къ нему? *Гласъ крове брата твоего вопіетъ ко Мнѣ отъ земли.* Мгновенно обличилъ убійцу, и потому опредѣлилъ казнь,— не столько за убійство, сколько за безстыдство; ибо Богъ не столько ненавидитъ согрѣшающаго, сколько безстыднаго и безсовѣстнаго. Такъ,— Богъ не пріемлетъ Каина, въ послѣдствіи приходящаго съ покаяніемъ, за то, что онъ не самъ первый исповѣдалъ грѣхъ свой. Ибо что онъ говоритъ? *Вящшая вина моя, еже оставитися ми;*— это значитъ: я много согрѣшилъ, я недостоинъ жить. Что же Богъ къ нему? *Стеня и трясыйся будеши на земли.* Наложилъ на него страшную и тяжкую казнь. Я не истребляю тебя, говоритъ Онъ, да истина не будетъ предана забвенію; Я дѣлаю тебя закономъ, который всѣ будутъ прочитывать, дабы твое несчастіе сдѣлалось для всѣхъ матерью любомудрія. И ходилъ Каинъ всюду какъ живой законъ, какъ движущійся столпъ, молчаливый, но между тѣмъ издающій голосъ звучнѣе трубы воинской. „Никто не дѣлай этого, говорилъ онъ, чтобъ не потерпѣть тогоже.“— Онъ наказанъ за безстыдство, осужденъ за грѣхъ потому, что не самъ прежде сказалъ оный, а былъ ясно уличенъ въ немъ. Если бы самъ онъ первый добровольно исповѣдалъ его, онъ загладилъ бы свой грѣхъ.

Дабы ты удостовѣрился, что это дѣйствительно такъ, посмотри, какъ другой нѣкто разрѣшился отъ грѣха, потому что самъ первый признался въ немъ. Согрѣшилъ Давидъ, и пришелъ къ нему Пророкъ Наѳанъ, и сказалъ: *ты еси, Царю, сотворивый сіе.* Что же Царь? *согрѣшихъ ко Господу.* Не сказалъ Наѳану: кто ты такой, обличитель мой? Кто послалъ тебя такъ дерзко говорить со мною? Какую наглость сдѣлалъ ты? Ничего такаго не сказалъ; напротивъ, онъ сознался во грѣхѣ своемъ, и что говоритъ? *Согрѣшихъ ко Господу.* Что же Наѳанъ къ нему? *И Господь отъя согрѣшеніе твое.* „Ты обвинилъ самъ себя,— и я прощаю тебѣ вину твою; ты добровольно исповѣдалъ,— и разрѣшилъ себя отъ грѣха; ты самъ на себя произнесъ приговоръ,— Я уничтожаю приговоръ.“ Видишь ли, какъ теперь исполнилось слово Писанія:— глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися? Какой же трудъ— предварительно исповѣдать грѣхъ свой (Том. II. 287— 290)?

И такъ обратимся къ покаянію, возлюбленные; примемъ врачевство для своего спасенія; пріимемъ врачевство, уничтожающее наши преступленія. Но, проповѣдуя грѣхи свои словами, мы должны подтвердить покаяніе наше самыми дѣлами; ибо истинное покаяніе состоитъ въ томъ, чтобы исторгнуть скверну нечестія изъ самаго сердца. *Измыйтеся* говоритъ Богъ, *и чисти будите, отымите лукавство отъ душъ вашихъ предъ очима моима* (Ис. 1, 16). Что значитъ здѣсь это обиліе выраженій? Для объясненія того, что нужно, недовольно ли было сказать: *отымите лукавство* отъ сердецъ ва-

шихъ. Для чего прибавлено: *предъ очима моима?* Для того, что иначе видятъ глаза человѣческія, иначе видитъ око Божіе; человѣкъ смотритъ на лице, Богъ зритъ въ сердце. Непритворяйтеся, говоритъ Онъ, кающимися предо Мною только по виду; но плоды вашего покаянія представьте на глаза Мнѣ, который испытую всѣ тайны.— Съ другой стороны, очистившись отъ грѣховъ, мы должны сіи же самые грѣхи непрестанно имѣть и предъ нашими очами. Пускай Богъ, по своему человѣколюбію, проститъ тебѣ твое прегрѣшеніе,— но ты, для безопасности собственной своей души, держи свой грѣхъ предъ глазами; ибо живая память о предшествовавшихъ беззаконіяхъ есть препона для будущихъ; кого совѣсть угрызаетъ за первые пороки, у того мысль будетъ осторожнѣе касательно вторыхъ. Вотъ почему Давидъ говорилъ о себѣ: *грѣхъ мой предо мною есть выну* (Псал. 50, 5.); онъ имѣлъ предъ глазами у себя предыдущіе грѣхи, дабы не впасть въ послѣдующіе. Что Богъ требуетъ отъ насъ именно такаго расположенія, послушай, что самъ Онъ говоритъ: *Азъ есмь, Азъ есмь заглаждаяй беззакоія твоя Мене ради, и грѣхи твоя,— и не помяну. Ты же помяни, и да судимся: глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Ис. 43, 25). (Том. II. стр. 331).

КАССІАНА РИМЛЯНИНА

Собесѣдованіе съ Аввою Ѳеоною

О ЧЕТЫРЕДЕСЯТНИЦѢ.

Во время собесѣдованія нашего съ Аввою Ѳеоною о томъ, почему въ Египтѣ въ продолженіи Пятидесятницы не преклоняютъ колѣнъ и не постятся до девятаго часа, Германъ спросилъ: почему Четыредесятница продолжается шесть недѣль (а), а въ нѣкоторыхъ областяхъ, гдѣ болѣе усердія къ Богопочтенію, она состоитъ изъ семи недѣль (б), между тѣмъ какъ ни то, ни другое число недѣль, за исключеніемъ дней воскресныхъ и субботъ, не составляетъ сорока дней. Въ этихъ недѣляхъ постныхъ дней только тридцать шесть.

Ѳеона на сіе отвѣчалъ такъ: хотя многіе, по простотѣ своей вѣры, со всѣмъ не спрашиваютъ о семъ предметѣ; но поелику вы желая точнѣе увѣриться въ истинѣ нашихъ правилъ и таинъ, обращаете испытательный взоръ и на такіе предметы, о коихъ другой не щитаетъ нужнымъ спрашивать; то узнайте настоящую причину дѣла, о коемъ спрашиваете, дабы совершенно увѣриться въ томъ, что предки наши ничего не допустили неосновательно. Въ законѣ Моисеевомъ вообще всему народу предписано посвящать Богу начатки и десятую часть всѣхъ плодовъ. И такъ если намъ должно посвящать Богу десятую часть изъ имѣнія нашего и плодовъ; то тѣмъ болѣе мы обязаны посвящать Ему десятую часть изъ жизни нашей, дѣлъ и

(а) На Западѣ.
(б) На Востокѣ.

пріобрѣтеній. Эту десятую часть и составляетъ Четыредесятница, потому что десятую часть всего года составляютъ тридцать шесть съ половиною дней; а въ семи недѣляхъ, за изключеніемъ воскресныхъ дней и субботъ, постныхъ дней тридцать пять; но если къ нимъ прибавить великую субботу, въ которую постъ продолжается до пѣнія пѣтуховъ, и половину ночи до свѣта слѣдующаго свѣтлаго воскреснаго дня; то совершенно исполнится постныхъ дней тридцать шесть съ половиною.

Хотя Четыредесятница индѣ продолжается шесть недѣль а индѣ семь; но не смотря на различіе въ числѣ недѣль, всюду основаніе и образъ поста одинаковы. Шесть недѣль она продолжается у тѣхъ, кои думаютъ, что нужно поститься и въ субботу; посему у нихъ тридцать шесть дней составляются изъ шестидневнаго поста въ каждую изъ шести недѣль.

Четыредесятницею называется то время, въ которое, какъ сказано, приносится Богу десятая часть года, чрезъ тридцать шесть съ половиною дней, или потому, что чрезъ постъ, соблюдаемый въ сіи дни, мы подражаемъ Моисею, Иліѣ и самому Господу нашему Іисусу Христу, которые, какъ извѣстно, постились по сороку дней; (сюда же прилично отнести и сорокъ лѣтъ, въ продолженіи коихъ Израильтяне странствовали по пустынѣ, равно какъ сорокъ становъ, кои они имѣли во время таинственнаго прехожденія по пустынѣ); или по подражанію Римлянамъ, у коихъ та часть податей, которая поступала въ пользу Государя, обыкновенно называлась сороковою; посему и наша законная дань, которую мы должны платить Господу всѣхъ вѣковъ за нашу жизнь должна назваться сороковою.

Хотя предметъ разсужденія нашего не требуетъ того; но поелику есть случай, то нужнымъ почитаю упомянуть здѣсь, что въ эти дни на всѣхъ вообще Христіанъ гораздо сильнѣе нападаютъ враги ихъ, по мнѣнію старцевъ, потому, что подобнымъ образомъ поступлено было съ Израильтянами въ Египтѣ, гдѣ они терпѣли сильнѣйшія притѣсненія. И истиннаго Израиля, т. е. Христіанъ стараются духовные египтяне удержать за дѣлами земными, дабы они не достигли безмятежнаго пристанища добродѣтелей, если оставятъ землю Египетскую въ мірѣ; и противъ насъ Фараонъ во гнѣвѣ говоритъ: *праздни суть; сего ради возопиша, глаголюще: да пойдемъ и пожремъ Богу нашему; да отягчатся дѣла людей сихъ, и да пекутся о нихъ, и да не помышляютъ о словесѣхъ суетныхъ* (Исх. 5). Нечестивые по суетѣ своей, почитаютъ суетнымъ святое, совершаемое въ свободѣ духа жертвоприношеніе Господу, ибо грѣшникъ отвращается отъ богопочтенія (а).

СЛОВО,

Сказанное на литургіи, по совершеніи св. Крещенія.

Нынѣ духовное торжество у насъ, возлюбленные! Нынѣ радуемся мы, вмѣстѣ съ Ангелами (Лук. 15, 10) и съ самимъ Господомъ Ангеловъ, объ обращеніи брата нашего, бывшаго уже любезнымъ намъ по отечеству и по об-

(а) Собесѣдованіе 21. гл. 24. 25. 27. 28.

щенію въ наукахъ, а теперь сугубо любезнаго, какъ брата по святой вѣрѣ, возрожденнаго и освященнаго тѣми же таинствами, какъ и всѣ мы. Слава и благодареніе Тому, *иже всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити!* (1 Тим. 2, 4).

Радуемся мы, новопросвѣщенный братъ нашъ, видя въ тебѣ, и сквозь слезы твои, свѣтъ духовной радости. Чтожъ, если бы могли мы теперь видѣть самую внутренность души твоей? еслибъ видѣли тѣ сокровища благодати, какія положилъ въ сердцѣ твоемъ всесвятый Духъ, животворящій и всесовершающій? Можемъ однако, при свѣтѣ откровенія, нѣсколько проникать въ тайну внутренняго святилища твоего. Чему же уподобимъ настоящее, блаженное состояніе души твоей? Трудно, думаю, и тебѣ самому объяснить это состояніе; потому что оно ново и необычайно, потому что о царствіи своемъ внутрь насъ самъ Господь сказалъ, что оно *не приходитъ съ соблюденіемъ* (Лук. 17, 20), т. е. понятнымъ и очевиднымъ образомъ. Но не погрѣшимъ, если сравнимъ состояніе твое съ состояніемъ человѣка первозданнаго, когда онъ впервые открылъ очи, душевныя и тѣлесныя, къ созерцанію прекрасныхъ твореній Божіихъ. Такъ полагаемъ потому, что слово Божіе сравниваетъ таинственное возрожденіе человѣка съ сотвореніемъ, называя Христіанина *новою тварію во Христѣ*, и *созданнымъ по Богу въ правдѣ и преподобіи истины* (2 Кор. 5, 17. Ефес. 4, 24). И такъ, вновь созданный человѣкъ! наслаждайся новымъ свѣтомъ Божіимъ, озарившимъ тебя, и созерцай новый міръ. Се новое солнце сіяетъ тебѣ— Солнце правды, Христосъ Богъ нашъ; новая луна изливаетъ на тебя тихій свѣтъ— Пресвятая Дѣва, Матерь Господа нашего, и новыя звѣзды надъ главою твоею— всѣ Святые, просіявшіе вѣрою Христовою, и въ безчисленномъ множествѣ украшающіе твердь св. Церкви. Новые источники, новыя рѣки напаяютъ рай Божій, въ который ты введенъ: это источники благодати, это рѣки ученія Евангельскаго, при которыхъ ты долженъ возрастать, какъ древо плодовитое, *еже плодъ свой дастъ во время свое, и листъ его не отпадетъ* (Псал. 1, 3). Новыя силы, новая жизнь въ царствѣ Христовомъ, къ которому теперь принадлежишь: ты уже началъ сознавать дѣйствіе сихъ новыхъ силъ; познаешь и болѣе, когда сохранишь сердце, отверстое къ нимъ вѣрою, и сколько добраго можешь совершить, ими одушевляемый? Не новою ли должна казаться тебѣ и видимая природа? Ибо новопросвѣщенными очами ты и здѣсь узришь премудрое и всепромыслительное устроеніе *Слова, имже вся быша*, воплощеннаго Сына Божія, кому *покорена всяческая* (2 Кор. 15, 26. 27.), а такимъ образомъ и чрезъ познаніе природы умудряемый *добродѣтели возвѣстишь изъ тмы призвавшаго* тебя *въ чудный свой свѣтъ* (1 Петр. 2, 9.), словомъ, возлюбленный братъ, *древняя мимоидоша* для тебя, *се быша вся нова* (2 Кор. 5, 17).

Теперь, отъ состоянія новокрещеннаго брата, обратимся, Бр., къ состоянію нашему. Каково это духовное торжество для насъ, отъ младенчества вѣрующихъ? какими исполняетъ оно сердца наши чувствованіями? Призримъ вѣрою на совершившееся предъ нами дѣйствіе благодати Господней, и скажемъ,

что видѣли мы нынѣ? Ни мало не преувеличимъ дѣла, если скажемъ, *яко видѣхомъ преславная днесь* (Лук. 5, 26), видѣли чудо всемогущества, равное воскресенію мертваго. Ибо припомнимъ, что говоритъ св. Апостолъ о людяхъ внѣ благодати и о ихъ обращеніи къ вѣрѣ? Онъ видитъ въ нихъ сначала *мертвыхъ преступленіями, отчужденныхъ отъ жизни Божія,* а потомъ *оживающихъ и воскресающихъ со Христомъ* (Еф. 2, 5. 6. 4, 18). И такъ, свидѣтели духовнаго воскресенія, не должно ли это чудо поражать сердца наши такъ же, какъ поражало зрителей воскрешеніе мертвыхъ во время земной жизни Спасителя? Когда совершилъ Онъ воскрешеніе Наинскаго юноши, то, сказано, *пріятъ страхъ всѣхъ, и славляху Бога, глаголюще: яко Пророкъ великій воста въ насъ, и яко посѣти Богъ людей своихъ* (Лук. 7, 16). Прославимъ и мы Бога Спасителя грѣшниковъ, и скажемъ: не Пророкъ, а самъ единородный Сынъ Божій, самъ Еммануилъ— Богъ съ нами, посреди насъ совершающій чудеса спасенія! Но, можетъ быть, это чудо потому мало поражаетъ насъ, что мы нерѣдко видимъ, даже ежедневно можемъ видѣть св. Крещеніе, а чудесныхъ дѣйствій сего таинства очами тѣлесными не видимъ. Чтожъ? уже ли нѣтъ у насъ очей вѣры? И по разуму извѣстно, какъ мы глубоко повреждены грѣхомъ и какъ не возможно естественными силами исправить наше поврежденное естество; а св. Вѣра Евангельская увѣряетъ, и тысячи духовныхъ опытовъ подтверждаютъ то, что святыми таинствами Христа Спасителя возстановляется природа человѣка, и дѣлается способною для совершенія высокихъ подвиговъ добродѣтели. Какъ же не сознавать здѣсь чуда Божія? Какъ не благоговѣть предъ сверхъестественнымъ дѣломъ благодати Христовой?

Скажемъ ли къ стыду нашему: мы не сознаемъ въ себѣ чудесныхъ дѣйствій благодати св. Крещенія?— Ахъ, бр., это великое несчастіе, если мы не знаемъ своего счастія, не чувствуемъ, чего сподоблены мы въ св. таинствахъ, какія божественныя сокровища, какія небесныя силы дарованы намъ чрезъ нихъ? *Вся намъ, яже къ животу и благочестію, подана* (2 Петр. 1, 3.), въ насъ насажденъ корень безсмертной, блаженной жизни, въ насъ введена такая сила, которой, безъ воли нашей, одолѣть не могутъ всѣ силы ада! И чего совершить, чего достигнуть не могли бы мы, еслибъ дали все пространство дѣйствовать въ насъ божественнымъ силамъ?

Но несчастны, говорю, мы, не зная своего счастія, а еще несчастнѣе, если знаемъ и не пользуемся имъ во спасеніе. На что это похоже? Въ насъ положено *обрученіе наслѣдія* небеснаго (Еф. 1, 14.), залогъ благъ вѣчныхъ, а мы прилѣпляемся только къ благамъ временнымъ, какъ будто они могутъ насытить безсмертный духъ нашъ. Въ насъ освящена обитель животворящей Троицы, а мы отверзаемъ эту обитель душегубцамъ— страстямъ грѣховнымъ. *Болій,* несравненно болій *въ насъ, нежели иже въ мірѣ* (1 Іоан. 4, 4.); а мы, не прибѣгая къ всемогущей силѣ Помощника, въ насъ живущаго, падаемъ и отъ малѣйшаго вѣтра мірскихъ соблазновъ. Съ тою благодатію, какая дарована намъ въ св. таинствахъ, мы могли бы достигнуть совершенства Ангельскаго; а между тѣмъ падаемъ иногда до состоянія скотскаго. Чего же,

послѣ сего, ожидать, чего просить отъ Бога, когда мы не пользуемся и тѣмъ, что дано намъ— самое необходимое для спасенія и самое благотворное? Не просить ли уже возвращенія намъ благодати св. Крещенія и Миропомазанія? Но эта благодать, по ученію св. Церкви, не повторяется.— Замѣтимъ, бр., какая въ этомъ ученіи содержится истина— и утѣшительная и вмѣстѣ грозная. Благодать перваго возрожденія нашего не повторяется,— почему?— Потому что печать ея въ насъ неизгладима; слѣдовательно всегда можемъ, если восхощемъ, возбудить въ себѣ ея духъ животворящій,— возбудить посредствомъ таинства покаянія, а потому, въ какомъ бы ни были грѣховномъ состояніи, никогда не должны отчаяваться во спасеніи. Вотъ утѣшительная для грѣшниковъ истина! Но вотъ и истина грозная: если благодать св. Крещенія повторяться уже не можетъ, то, кто не воспользуется ею и посредствомъ покаянія, того уже ничто возродить не можетъ; такому, какъ отвергшему благодать, *ктому о грѣсѣхъ не обрѣтается жертва, страшно же нѣкое чаяніе суда, и огня ревность, поясти хотящаго сопротивныя* (Евр. 10, 26. 27).

Убоимся, бр., убоимся страшнаго суда сего и огненной ревности, попечемся всѣми силами души о сохраненіи и умноженіи небесныхъ талантовъ, дарованныхъ намъ въ божественныхъ таинствахъ. Да будетъ *благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любы Бога и Отца, и общеніе св. Духа* (2 Кор. 13, 13.) со всѣми нами во спасеніе! Аминь.

БОГЪ МСТИТЕЛЬ ЗА НЕПОВИННУЮ КРОВЬ.

Мщеніемъ Божіимъ, постигшимъ перваго въ мірѣ человѣкоубійцу, положено начало исполненію того опредѣленія верховнаго Судіи, по коему Онъ, во всѣ времена, самъ взыскивалъ крови отъ руки убійцы, въ тѣхъ случаяхъ, когда виновный избѣгалъ суда человѣческаго. Въ преданіяхъ народныхъ, въ памятникахъ письменныхъ хранится множество примѣровъ, доказывающихъ неизбѣжность суда небеснаго за пролитіе крови неповинной. Приводимъ одинъ изъ сихъ примѣровъ, сохраненный со всѣми своими подробностями въ памятникахъ древности церковной.

Ѳеодорикъ, предводитель Остроготѳовъ, овладѣвши Италіею показалъ собою, рѣдкій во времена варварства, примѣръ мудраго и великодушнаго побѣдителя. „Пусть другіе завоеватели грабятъ и опустошаютъ; моя же слава въ томъ, чтобы покоренные мною жалѣли, что не прежде подверглись моей власти.“ Вотъ правило, которому долго слѣдовалъ Ѳеодорикъ въ управленіи побѣжденными. Но успѣхи счастія обуяли наконецъ мудраго правителя: сколько прежде былъ онъ великодушенъ, кротокъ и неспособенъ къ подозрѣніямъ, столько въ послѣдніе годы своенравенъ, жестокъ и подозрителенъ. Воспитанный въ Аріанствѣ, Ѳеодорикъ сталъ подозрѣвать покоренныхъ не Аріанъ въ невѣрности къ нему, въ сношеніяхъ съ единовѣрными Греками. Подозрѣнія пали особенно на клиръ и знатныхъ сановниковъ. Доносы ни однажды не были доказаны; но склонный къ подозрѣнію довольствуется клеветою. Папа Іоаннъ обвиненъ въ замыслѣ противъ Короля,

потому что не выполнилъ невыполнимаго по времени порученія, какъ хотѣлъ Ѳеодорикъ— не исходатайствовалъ свободы вѣры Греческимъ Аріанамъ, заключенъ въ темницу Равенскую; долго томился въ ней и умеръ узникомъ. Боэцій,— уважаемый всѣми по знатному роду и званію, по образованію и жизни безпорочной, по благочестію и ревности въ православіи, (а) потому что осмѣлился защищать въ сенатѣ невиннаго Патриція Албина, оклеветаннаго въ сношеніи съ Греками объ освобожденіи Италіи отъ Лонгобардовъ,— обвиненъ въ томъ же замыслѣ, заключенъ какъ уголовный преступникъ въ темницу, страдалъ въ ней шесть мѣсяцовъ, и наконецъ замученъ въ жесточайшихъ пыткахъ. Тесть Боэція сенаторъ Симмахъ подвергся подозрѣнію и осужденію потому, что близокъ былъ къ Боэцію и союзомъ родственнымъ и ревностію въ православіи (б). Мнимому соумышленнику Симмаху отсѣчена глава.

Проливъ кровь по одной подозрительности, по доносамъ клеветы, думалъ ли гордый властелинъ, что и надъ нимъ есть Судія, подвергающій своему суду опредѣленія самыхъ судей, низлагающій побѣдителей въ отмщеніе за кровь неповинную? Для гордости сильнаго также трудно сознаваться въ несправедливости противъ бѣдныхъ, завистящихъ отъ его воли, братій, какъ легко тѣснить ихъ и карать по своимъ страстямъ. Ѳеодорикъ, можетъ быть, забылъ уже о жертвахъ своей несправедливости; но Тотъ, отъ Котораго не утаится ни одинъ вздохъ обиженнаго, ни одна слеза, ни даже часть нѣкая слезы,— помнилъ ихъ, заставилъ вспомнить и забывшаго. Тяжко бываетъ грѣшнику, когда праведный Судія положитъ на него свою карающую десницу. Славный побѣдитель, обладатель лучшихъ странъ во всемъ мірѣ подвергается такому мрачному, томительному расположенію духа, по коему жизнь его и самъ онъ себѣ становится несноснымъ; но это были только первыя ощущенія отъ легкаго прикосновенія карающей десницы, только предвѣстіе грозы небесной. Судъ Божій кончился такимъ пораженіемъ, въ коемъ, къ славѣ судебъ небесныхъ, совмѣстились и судъ и милость, посрамлена гордость властелина, возбуждено и раскаяніе во грѣхѣ. Въ третій мѣсяцъ послѣ мученической кончины Папы, Боэція и Симмаха, въ одинъ день къ обычному столу Короля подана была особенной величины голова нѣкоей рыбы. Всѣ присутствовавшіе видѣли на блюдѣ то, что было на немъ; но Ѳеодорику представилась только что отнятая, еще съ дымящеюся кровію глава Симмаха, которая, кусая губы, грозила гнѣвнымъ видомъ своему убійцѣ. Глава Симмаха пала жертвою приговора изъ устъ короля. Римскому гражданину не безчестно было умереть отъ меча; но какъ Ѳеодорику, который не зналъ равнаго себѣ по силѣ и славѣ, узнать смертный приговоръ отъ призрака мертвой главы подданнаго? Не крайнее ли это посрамленіе гордости? Страшное видѣніе поразило царя такимъ ужасомъ, отъ коего проникло все тѣло его мертвымъ хладомъ. Отъ

(а) Сія ревность Боэція свидѣтельствуется цѣлыми сочиненіями его въ опроверженіе ересей— Аріанской, Несторіанской, Евтихіанской и друг.

(б) Уважая благочестіе и правую вѣру тестя своего, Боэцій посвятилъ ему сочиненіе о единомъ Богѣ въ трехъ лицахъ.

упадка силъ онъ повергается на одръ, призываетъ врача, сказываетъ ему о видѣніи, въ слезахъ раскаянія сознается въ пролитіи неповинной крови Симмаха и Боэція, и,— чувствуя приближеніе смерти,— созываетъ военачальниковъ и, назначивъ себѣ преемникомъ осмилѣтняго внука Аѳаларика, скончался (в).

Двѣ вещи, говоритъ одинъ благочестивый писатель, въ человѣкѣ для Бога самыя драгоцѣнныя, которыя Онъ предоставилъ себѣ и за которыя мститъ какъ за свою собственность— сердце и кровь, любовь и страданія. Любовь соединяетъ человѣка съ Господомъ, страданія искупаютъ блаженство вѣчное. И такъ подвергающій ближняго страданіямъ по своимъ страстямъ похищаетъ права, принадлежащія Господу; а Онъ есть Господь ревнитель, славы Своей никому не дастъ. Обидящаго не оставитъ безъ отмщенія такъ же непреложно, какъ не попускаетъ Онъ терпѣть обиды безъ пользы обидимому. Для Іудеевъ много принесли пользы страданія въ Египтѣ; но какими страшными казнями пораженъ Египетъ за сіи страданія? Претерпѣвъ гоненія отъ язычниковъ, древніе Христіане являлись чистыми, какъ злато изъ горнила; но какъ тяжко было страдать за нихъ гонителямъ! Не упилась ли земля кровію Римлянъ, когда дикія племена, движимыя недовѣдомою силою, устремились на ихъ области? Одинъ ли гонитель, пораженный казнію небесною взывалъ въ предсмертныхъ мукахъ: о, слезы, слезы! О, кровь Христіанская, какъ жестоко вы мстите за себя (г)! Никому не останется безъ отмщенія ни одинъ скорбный вздохъ, ни одна горькая слеза. И если бы всѣ обиды отмщевались здѣсь, а не блюлись многія на день суда и погибели нечестивыхъ людей!..

(в) Procop. C. I. item Cassiod. apud Iornand.—

Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи твоемъ.

Но чѣмъ помянетъ меня Господь въ своемъ славномъ царствіи?— Хорошо разбойнику, страдавшему вмѣстѣ съ Богочеловѣкомъ и среди мученій крестныхъ познавшему своего Спасителя, хорошо было ему говорить тогда: помяни мя, Господи! Не надѣясь ни на какія прежнія дѣла свои, не имѣя возможности и впредь совершить что нибудь угодное Богу, кающійся на крестѣ могъ въ томъ находить отраду, что онъ страдаетъ съ Богочеловѣкомъ вмѣстѣ, и могъ такъ говорить къ Нему: „Господи! не забудь меня сострадальца своего, хотя я страдаю по грѣхамъ моимъ, а Ты страждешь невинно. Обрати это самое въ заслугу мнѣ, что я, виновный, страдаю съ Тобою Всесвятымъ!“— Что же ты, душа моя, можешь сказать Господу? Развѣ ты страдаешь съ Нимъ? Ты точно страдаешь, ты въ ужасной болѣзни; но это страданіе ты, бѣдная, мало чувствуешь, эту болѣзнь ты даже любишь. Нѣтъ! ты страдаешь безъ Господа, и какъ можешь сказать Ему: помяни мя во царствіи Твоемъ? Чѣмъ и за что помянутъ тебя?

Еще болѣе имѣли права говорить молитву: помяни мя, Господи, тѣ, кои и жили и умирали для Господа,

(г) Tertul.

тѣ, кои *во всемъ представляюще себе якоже Божія слуги— въ терпѣніи многъ, въ скорбехъ, въ бѣдахъ, въ тѣснотахъ* (2 Кор. 6, 4. 5.), могли сказать: *Тебе ради умерщвляеми есмы весь день* (Римл. 8, 36). Имѣютъ право такъ молиться и тѣ, кои много творили добра ближнимъ своимъ, напр. подобные Неемію, который, совершивъ подвигъ любви къ своему отечеству, говорилъ: *помяни мя, Боже мой, во благо, по всѣмъ, елика сотворихъ людемъ симъ* (Неем. 5, 19.), или благодѣтельному Товиту, коего молитва: *помяни мя, и призри на мя* (Тов. 3, 3.), достойно услышана. Но что для Господа, или что для своихъ ближнихъ сдѣлала ты, душа моя, за чтобы и тебя помянулъ Господь въ своемъ царствіи?

Есть, точно есть у Господа памятныя книги, въ кои вписываются всѣ наши дѣла, и добрыя и злыя;— по симъ книгамъ будутъ нѣкогда судить насъ (Апок. 20, 12). Но тебѣ, душа моя, не сотворившей ничего добраго лучше молить— не помяни, Господи, а забуди то, что совершено мною на землѣ, да изгладится изъ книги жизни моей все служащее къ моему осужденію!— Проси себѣ блаженства тѣхъ, *ихже оставишася беззаконія, и ихже прикрышася грѣси* (Пс. 31, 1).

Съ какою же мыслію, съ какимъ чувствомъ буду повторять я молитву: *помяни мя, Господи?* Для меня остается одно— молить Спасителя моего такъ: помяни меня, Владыко Человѣколюбче, пока я еще въ жизни сей, пока не затворились для меня двери покаянія, помяни своимъ милосердіемъ безконечнымъ, и не оставь погибающаго безъ Твоей благодатной помощи. О Ты, вѣчно царствующій среди святыхъ твоихъ! Помяни, что есть на землѣ несчастная и погибающая тварь твоя, которая, хотя по временамъ, но къ Тебѣ устремляется, тебя ищетъ и въ Тебѣ желаетъ найти свой покой и блаженство. Помяни тварь сію, утопающую въ суетѣ и грѣхахъ, и простри къ ней руку помощи!— *Помяни мя, Господи, во царствіи твоемъ!*

Кіевъ Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 17 Января 1844. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 48. НЕДѢЛЯ 4-я ПОСТА. Марта 5. 1844.

На Утрени: Евангеліе воскресное 7-е, Іоан. 20, 1— 10.
На Литургіи: Апост. Евр. 6, 13— 20. Еванг. Мар. 9, 17— 31.

СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО,

другой способъ покаянія— плачь и сокрушеніе о грѣхахъ.

Есть и другой путь покаянія. Какой это? Плакать о грѣхахъ своихъ. Ты согрѣшилъ? Плачь,— и разрѣшишь свой грѣхъ. Трудно ли это? Я ничего больше не требую, какъ только плакать о своемъ согрѣшеніи. Я не говорю тебѣ: измѣряй глубокія моря, избирай себѣ пристани, или путешествуй, отправляйся въ дальнія невѣдомыя странствованія, теряй деньги, ввѣряй себя свирѣпымъ волнамъ;— а что говорю? Только плачь о грѣхѣ. Скажешь: откуда же знаю, что если я оплачу мое согрѣшеніе, оно отпустится мнѣ? Имѣемъ доказательство на сіе въ св. Писаніи. Былъ нѣкій царь Ахаавъ; есть свидѣтельство о его справедливости, но вообще онъ худо царствовалъ— отъ Іезавели жены своей. Онъ пожелалъ имѣть у себя виноградный садъ отъ одного Израильтянина Навуѳея, и послалъ къ нему и говорилъ: дай мнѣ виноградъ твой, потому что я пожелалъ его. Навуѳей сказалъ: да не будетъ мнѣ продати наслѣдіе отцевъ моихъ... Что же случилось? Навуѳей (по наущенію Іезавели) былъ побитъ каменіемъ и умеръ. Тогда Богъ послалъ къ Ахаабу Пророка Илію. „Пойди, говоритъ, скажи Ахаабу: какъ ты убилъ и завладѣлъ чужимъ наслѣдіемъ, такъ и твоя кровь прольется, и псы будутъ лизать кровь твою, и блудницы будутъ мыться въ крови твоей.“— Гнѣвъ Божій насланъ, приговоръ произнесенъ, казнь исполнилась въ послѣдствіи времени. Но смотри, куда Богъ посылаетъ Пророка? Въ виноградный садъ. Гдѣ совершилось преступленіе, тамъ и казнь. Что говоритъ Ахаавъ, увидѣвши Пророка? Обрѣлъ мя еси, враже мой,— т. е. уловилъ ты меня на мѣстѣ преступленія, потому что я согрѣшилъ; теперь тебѣ удобный случай нападать на меня,— обрѣлъ мя еси, враже мой. Поелику Илія всегда обличалъ Ахаава; то Ахаавъ, сознавши грѣхъ свой, говоритъ Пророку: „всегда ты обличалъ меня, но теперь тебѣ самое удобное время нападать на меня; ибо я знаю, что я согрѣшилъ. Пророкъ въ свою чреду прочитываетъ Ахаабу опредѣленіе Божіе. Сице глаголетъ Господь, говоритъ онъ: понеже ты убилъ еси Навуѳея, и пріялъ еси наслѣдіе его, и кровь мужа праведнаго пролилъ: такъ будетъ пролита и твоя кровь,

и пси полижутъ ю, и блудницы измыются въ крови твоей. Услышавши сіе, Ахаавъ опечалился и плакалъ о грѣхѣ своемъ... Что же Богъ говоритъ къ Иліи? „Видѣлъ ли ты, какъ Ахаавъ пошелъ, плача и сѣтуя отъ лица Моего? И такъ Я не сдѣлаю ему по злобѣ его.“— Ахъ, какъ это удивительно! Владыка дѣлается ходатаемъ за раба, Богъ защищаетъ человѣка предъ человѣкомъ! „Не думай, говоритъ онъ Пророку, что Я просто пощадилъ его; нѣтъ, онъ перемѣнилъ нравъ свой и Я перемѣнилъ мой гнѣвъ, и Я сжалился. Тебя не будутъ почитать лживымъ Пророкомъ; ты предсказывалъ истинну: если бы Ахаавъ не перемѣнилъ нрава, надъ нимъ исполнилось бы опредѣленіе; но онъ перемѣнилъ нравъ,— и Я удержалъ гнѣвъ свой.“— И рече Господь ко Иліи: видѣлъ ли еси, яко умилися Ахаавъ отъ лица Моего? Сего ради не наведу зла во днехъ его (3 Цар. 21, 29). Видишь ли и ты возлюбленный, какъ плачь изглаждаетъ грѣхи? (Том. II. стр. 290— 292).

Оный Петръ, верховный изъ Апостоловъ, начатокъ въ Церкви, другъ Христа, получившій откровеніе не отъ человѣковъ, но отъ Отца, великій Апостолъ, первый изъ учениковъ, первый званный и первый повинующійся,— оный Петръ сдѣлалъ не какой нибудь маловажный, но величайшій проступокъ; ибо отвергнулся самаго Господа..... Сіе говорю не для того, чтобы осуждать Праведника, но чтобы дать тебѣ случай къ покаянію.... Отвергнулся самаго Господа вселенной, Промыслителя и Спасителя всѣхъ.— Но послѣ, пришедши въ чувство, онъ началъ плакать; не просто плакалъ, но плакася горько; слезы его были ему вторымъ крещеніемъ. Плакалъ горько,— и тѣмъ загладилъ свой грѣхъ; ибо въ послѣдствіи времени ему ввѣрены ключи царствія небеснаго. Если Петровъ плачь омылъ такое преступленіе: то какъ не загладитъ тебѣ свои грѣхи, когда ты станешь оплакивать ихъ? Плачь же о беззаконіи своемъ; но плачь не просто, не по виду только, но плачься горько, какъ плакался Петръ. Изъ самой глубины души своей изведи источники слезъ,— и Господь, подвигнутый милосердіемъ, проститъ твои заблужденія. Ибо человѣколюбивъ Онъ,— ибо самъ Онъ сказалъ: *не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему* (Іез. 18, 23). Не большаго труда желаетъ Онъ отъ тебя, а самъ доставляетъ тебѣ великія блага. Онъ ищетъ только повода съ твоей стороны, чтобы тебѣ дать сокровище спасенія. Ты повергни предъ Нимъ слезы свои; а Онъ даруетъ тебѣ прощеніе: ты принеси Ему покаяніе; а Онъ доставитъ тебѣ отпущеніе грѣховъ твоихъ. Дай Ему хотя малый поводъ, чтобъ имѣть тебѣ благовидное извиненіе. Только бы намъ свое принесши, а Онъ свое отдастъ.— И такъ восплачемся о грѣхахъ своихъ; прольемъ слезы о беззаконіи нашемъ, дабы видно было, что мы хотя не многое принесли Богу съ своей стороны (Том. II. стр. 300— 302).

СЛОВО

О ГРѢХѢ 9-е

О ТОМЪ, ЧТО ГРѢХЪ ЕСТЬ ГЛАВНОЮ И ПЕРВОНАЧАЛЬНОЮ ПРИЧИНОЮ ВСѢХЪ БОЛѢЗНЕЙ ЧЕЛОВѢКА И ЕГО СМЕРТНОСТИ.

Оброцы грѣха смерть Рим. 6, 23.

Какъ бы много уменьшилось грѣха въ мірѣ, если бы сіи слова Апостола Христова нашли себѣ полную вѣру у каждаго изъ насъ! Ибо чего наиболѣе страшимся мы? смерти. При всей привязанности человѣка къ чему либо, скажите, что въ этомъ самомъ, къ чему онъ такъ привязанъ, заключается его смерть; и онъ тотчасъ оставитъ любимую вещь, постарается удалить ее отъ себя и уничтожить. Посему, еслибъ мы были увѣрены, что въ грѣхѣ смерть; то страхъ смерти обратился бы въ страхъ ко грѣху; и мы, при всей наклонности грѣшить, убѣгали бы грѣха такъже, какъ убѣгаемъ теперь смерти. Но, къ несчастію нашему, мы не видимъ связи грѣха съ смертію; думаемъ, что можно грѣшить и неумереть, какъ равно надобно умереть когда либо, хотя бы и не грѣшили. Такой образъ мыслей погубилъ насъ еще въ раю: ибо прародительница наша не прежде рѣшилась простереть руку къ плоду запрещенному, какъ лукавый змѣй увѣрилъ ее, что отъ вкушенія его смерти не послѣдуетъ: *не смертію умрете!* Сей же образъ мыслей губитъ насъ и теперь. Откуда онъ?— По видимому изъ опыта.

Мы не видимъ на опытѣ, чтобы за грѣхомъ слѣдовала смерть; равно не видимъ, чтобы безъ грѣха не слѣдовало со временемъ смерти же. Грѣшники продолжаютъ жить иногда и долго; добродѣтельные напротивъ продолжаютъ умирать,— иногда и преждевременно. Послѣ сего лукавая и наклонная ко грѣху природа наша тотчасъ приходитъ къ мысли, что между грѣхомъ и смертію нѣтъ необходимой связи; а если когда и бываетъ, то развѣ слабая и отдаленная. Такимъ образомъ самыя ясныя свидѣтельства Пророковъ и Апостоловъ о томъ, что болѣзни и смерть суть плодъ грѣха остаются надъ нами безъ всякаго дѣйствія.

Надобно посему сорвать и сію личину съ грѣха, и показать его непосредственное сродство съ болѣзнями и смертію, дабы такимъ образомъ страхъ смерти обратился въ спасительный страхъ грѣха, который есть единственный ея первоначальный родитель.

Что мы сдѣлаемъ для сего? Вникнемъ, во первыхъ, въ то самое, чѣмъ наиболѣе въ семъ случаѣ обольщается бѣдный грѣшникъ; то есть, въ мнимую возможность грѣшить и оставаться въ живыхъ.— Слѣдовательно, говоритъ грѣхъ, меня напрасно обвиняютъ въ смерти, я не убиваю, какъ показываетъ опытъ, никого.— Такъ, будемъ отвѣчать мы, ты, изчадіе діавола, не убиваешь, повидимому, никого; потому что ты уже давно убилъ на самомъ дѣлѣ всѣхъ, такъ что теперь некого болѣе убивать. Въ самомъ дѣлѣ, брат. мои, какими раждаемся мы на свѣтъ? Всѣ раждаемся, какъ учитъ Писаніе, уже умерщвленными грѣхомъ! Ни въ комъ изъ насъ нѣтъ той святой и блаженной жизни, коею наслаждался человѣкъ въ началѣ и какая прилична всѣмъ намъ, яко созданнымъ по образу Бога всеблагаго и всеблаженнаго. Жизнь сія потеряна въ раю вмѣстѣ съ не-

винностію. Настоящая же жизнь наша есть только одинъ жалкій ея остатокъ, есть не столько жизнь, сколько постоянное, постепенное умираніе. Если бы намъ дано было хотя на одинъ день пожить оною первобытною блаженною жизнію, коею жили до паденія наши Прародители; тогда бы мы увидѣли вполнѣ, можно ли грѣшить и не умереть; ибо со грѣхомъ тотчасъ бы лишились оной жизни и подверглись смерти. Послѣ сего не большая милость грѣха, что онъ, отнявъ однажды и навсегда у насъ въ раю истинную жизнь, не отъемлетъ теперь у насъ вдругъ всего остатка ея.

Впрочемъ, откуда и сія милость? Отъ природной ли снисходительности грѣха къ своей жертвѣ? Нисколько; а отъ того, что губительная сила грѣха обуздана теперь невидимыми узами милосердія божественнаго. Если бы грѣху попущено было, слѣдуя своей природѣ, обнаруживать надъ человѣкомъ всю смертоносную силу свою; то грѣшникъ и теперь вдругъ поражался бы за каждый грѣхъ, какъ громомъ, смертію. Но въ такомъ случаѣ не было бы мѣста покаянію; грѣшникъ погибалъ бы безвозвратно, какъ погибли духи падшіе, убитые грѣхомъ вдругъ на всю вѣчность. Посему милосердіе Божіе, нашедъ въ безднахъ премудрости своей средство искупить родъ человѣческій отъ грѣховъ, и слѣд. смерти, изобрѣло вмѣстѣ съ симъ способъ, не отнимая у грѣха смертоносной силы, пріостановить ея дѣйствіе, разсрочить, такъ сказать, принадлежащій грѣху оброкъ смерти, дабы мы, платя его не вдругъ, и наученные тяжестію сего оброка, обратились всѣмъ существомъ своимъ къ добродѣтели и жизни вѣчной, изъ нея естественно проистекающей; а между тѣмъ, пользуясь остаткомъ жизни, имѣли время показать искренность своего обращенія и исцѣлиться, благодатію Божіею, отъ язвъ грѣховныхъ.

По силѣ сего то премилосердаго Промысла о насъ, Праотцы наши и по паденіи своемъ, жили внѣ рая остаткомъ райской жизни еще нѣсколько сотъ лѣтъ, хотя истинную первобытную жизнь потеряли тотчасъ по вкушеніи отъ плода запрещеннаго, какъ то показываетъ ощущеніе ими недовѣдомой прежде того наготы, страхъ отъ присутствія Божія и покушеніе сокрыться въ тѣни древъ райскихъ. Подобно сему и мы, потомки ихъ, не смотря на увеличеніе, съ продолженіемъ времени, грѣховъ въ родѣ человѣческомъ и происходящее оттуда увеличеніе владычества смерти, продолжаемъ жить остаткомъ той же первобытной жизни еще по нѣскольку десятковъ лѣтъ. Это не грѣха снисхожденіе, а слѣдствіе милосердія Божія. Посему вмѣсто того, чтобы обольщаться сею мнимою снисходительностію и безсиліемъ грѣха убивать насъ, мы должны дорожить каждою минутою отсрочки и стараться врачевать себя отъ яда грѣховнаго, пока онъ не содѣлался неисцѣльнымъ.

Ибо, посмотрите, какъ грѣхъ и теперь самъ по себѣ, гдѣ можно, доразу добиваетъ безжалостно въ человѣкѣ весь остатокъ жизни временной. Такъ напр. неумираютъ ли и нынѣ въ одну минуту отъ сильнаго гнѣва? Даже нѣкоторыя невинныя чувства, коль скоро выходятъ за предѣлы и слѣд. принимаютъ видъ и свойство грѣха, дѣлаются смертоносными, напр. чрез-

мѣрная радость и смѣхъ? здѣсь опять смерть и грѣхъ вмѣстѣ, и какой грѣхъ? можно сказать только тѣнь его, но и та убиваетъ.

Случаевъ столь разительныхъ не много; но будемъ ли жалѣть, что ихъ не много? Ибо, что было бы съ нами, если бы ихъ было много?— Это дѣйствіе, какъ замѣтили мы, милосердія Божія, оставляющаго мѣсто покаянію для грѣшника. Впрочемъ, если другіе грѣхи и не умерщвляютъ насъ каждый разъ, подобно гнѣву, до смерти; то всегда отъемлютъ часть нашей жизни, такъ что если бы при концѣ ея свести вѣрный и точный счетъ; то оказалось бы, что вся она разобрана по частямъ грѣхами и страстями; то погибло отъ любострастія, другое отъ зависти, иное отъ высокомѣрія, это отъ скупости, и т. д.

Въ семъ отношеніи опять при всей тьмѣ и безпорядкѣ, производимыхъ грѣхами въ существѣ нашемъ, видны неизгладимые слѣды премудраго и милосердаго распоряженія о насъ, клонящагося всецѣло къ нашему вразумленію. Ибо присмотритесь къ жизни человѣческой пристальнѣе; и вы увидите, что въ слѣдъ за нѣкоторыми грѣхами пущены прямо, со всею силою, болѣзни, имъ свойственныя, дабы страхъ недуга и страданій умѣрялъ, если не истреблялъ, наклонность къ симъ грѣхамъ; а отъ нѣкоторыхъ грѣховъ болѣзни и разрушеніе тѣлесное отдалены на значительное разстояніе, дабы не связать совершенно нашей свободы и неотнять чрезъ то всей цѣны у нашей добродѣтели. И съ какими грѣхами пущены обруку болѣзни? Съ тѣми именно, къ коимъ особенно наклонна чувственная природа наша;— съ грѣхами сладострастія и похоти.— Кто не содрогается смотря на ужасное извращеніе благолѣпія тѣлеснаго производимаго сими грѣхами? И кто невозблагоговѣетъ въ семъ случаѣ предъ тайнымъ и вмѣстѣ очевиднымъ распоряженіемъ правосудія небеснаго?—

Впрочемъ и всѣ другіе грѣхи, какъ ни удалены они отъ чувственности, а никогда не теряютъ своего природнаго свойства губить здоровье и сокращать жизнь человѣка. Что, по видимому, невещественнѣе зависти? Страсть сія вся состоитъ изъ внутренней душевной скорби о благѣ ближняго. Но поелику сія скорбь есть грѣхъ; то посмотрите, что она дѣлаетъ изъ человѣка завистливаго?— Свинцоваго истукана. Эта блѣдность всего лица, эта сокращенность всѣхъ чертъ его, этотъ могильный оттѣнокъ очей и устъ, что другое показываетъ, какъ не то, что сія страсть превращаетъ весь порядокъ силъ тѣлесныхъ, что кровь устремлена противу-естественно отъ окружности къ средоточію, что она скопилась у сердца и давитъ его, какъ камень гробовый. Возмемъ другой порокъ— уныніе. Что по видимому чище его и невиннѣе? Унылый никого необижаетъ; но поелику это порокъ,— состояніе не естественное природы человѣческой, то въ тоже время, какъ уныніе овладѣваетъ душею, весь тѣлесный составъ человѣка подвергается страданію. Унылый видимо сохнетъ, таетъ, теряетъ ко всему охоту и способность и клонится ко гробу. Такъ грѣхъ на всѣхъ ступеняхъ своихъ ведетъ за собою неминуемо слабость силъ, болѣзни и смерть!

Къ усиленію сихъ опытныхъ, и общепонятныхъ замѣчаній и истинъ;

мы могли бы привести изъ лѣтописей науки врачебной множество случаевъ, подтверждающихъ тоже самое, и еще большее; могли бы показать, какъ скопище болѣзней вообще направляется не только въ слѣдъ, но и по виду молчища церковь (почему и сама наука врачеванія тѣлеснаго не только въ общемъ основаніи, но въ частныхъ чертахъ сходится съ наукою врачеванія духовнаго); могли бы выставить на видъ, какъ не только каждое отдѣленіе грѣховъ, но и каждый грѣхъ имѣетъ собственную, ему принадлежащую болѣзнь. Какъ страсти и пороки внѣдряютъ недуги на цѣлые вѣки въ цѣлыя фамиліи, какъ въ цѣлыхъ народахъ народные пороки и болѣзни нравственныя образуютъ народные недуги, имъ соотвѣтствующія, какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ господствующая страсть извѣстнымъ частямъ тѣла сообщаетъ даже свой видъ; напр. отъ сильнаго сребролюбія самое сердце сребролюбца принимаетъ видъ, похожій на металъ. Но подобныя разсужденія заставили бы насъ выйти изъ предѣловъ простаго пастырскаго собесѣдованія. Предоставимъ сей полезный трудъ любителямъ науки, которая никогда не достигнетъ такъ близко своей цѣли и не окажетъ такой услуги человѣчеству, какъ обративъ познанія и открытія свои на вразумленіе человѣка въ ядотворность для него грѣха и въ благотворность вліянія на все существо его— добродѣтели.

Обратимся къ рѣшенію другаго сомнѣнія. Мы видѣли, почему не умираютъ тотчасъ, какъ бы слѣдовало, грѣшники,— потому что мы всѣ уже умерли еще въ раю для первобытной истинной человѣческой жизни; потому что милосердіе Божіе особеннымъ распоряженіемъ защитило въ насъ нѣкій остатокъ сей жизни, дабы дать всѣмъ намъ мѣсто и время для покаянія. По смотримъ теперь, почему умираютъ и праведники, тогда какъ имъ надлежало бы вовсе, по видимому, быть свободными до смерти, коль скоро она есть плодъ грѣха. Ибо и это— смерть праведниковъ также можетъ смущать и вселять мысль, якобы смерть не отъ грѣха, а есть природный удѣлъ тѣла человѣческаго.

Непоступимъ несправедливо, если скажемъ, что и въ праведникахъ смерть есть слѣдствіе грѣха. Ибо гдѣ найти праведника совершенно безгрѣшнаго?— Таковъ былъ только одинъ Праведникъ въ родѣ человѣческомъ, Тотъ, который совершенно умертвилъ смерть своею смертію, Господь и Спаситель нашъ, Іисусъ Христосъ. Всѣ прочіе праведники, какъ бы ни были совершенны, причастны грѣху, а потому и смерти, какъ слѣдствію грѣха. Такъ заставляютъ мыслить и говорить насъ самые праведники: ибо всѣ они признавали себя людьми грѣшными. А впрочемъ еслибы и нашелся на землѣ, между людьми, праведникъ совершенный, то наградою ли бы для него было теперь не подлежать смерти? Напротивъ, свобода отъ смерти тѣлесной была бы наградою тогда, еслибы праведники жили на землѣ тою совершенною жизнію, которою жилъ первый человѣкъ въ раю: потеря такой жизни точно составила бы лишеніе и наказаніе. Но теперь и праведники, въ слѣдствіе первобытнаго низпаденія рода человѣческаго въ бездну грѣха и тлѣнія, не имѣютъ жизни Едемской, живутъ, по отношенію къ тѣлесному бытію, подобно всѣмъ

прочимъ людямъ, только единымъ остаткомъ сей жизни. Остаться навсегда въ семъ положеніи было бы не наградою, а наказаніемъ. Посему о праведникахъ надобно дивиться не тому, что они умираютъ наконецъ подобно всѣмъ людямъ, а болѣе тому, что они не умираютъ скорѣе другихъ. Ибо чрезъ смерть они разрѣшаются навсегда отъ узъ бренности тѣлесной, которая имъ, яко воскресшимъ уже въ духѣ, яко начавшимъ жить новою небесною жизнію, неприлична. Что говоря такимъ образомъ, мы утверждали самую сущую истину, доказательствомъ тому, чувства, слова и поступки людей праведныхъ. Посмотрите напр., чего наиболѣе желаетъ Апос. Павелъ? Онъ желаетъ *разрѣшитися*, т. е. быть освобожденнымъ отъ узъ плоти, и со *Христомъ быти*. (Фил. 1, 23). Почему желаетъ сего? Потому, какъ говоритъ онъ, что это гораздо лучше для него, нежели оставаться на землѣ. Почему же не разрѣшается и продолжаетъ оставаться въ живыхъ? Потому только, что это нужнѣе и полезнѣе для учениковъ его, для Церкви Христовой. Значитъ, если онъ продолжалъ жить; то это было для него не благомъ какимъ либо, а лишеніемъ, не наградою, а подвигомъ и жертвою для спасенія своихъ ближнихъ.

Съ какой стороны такимъ образомъ ни смотрѣть на смерть, она во всѣхъ отношеніяхъ оказывается слѣдствіемъ грѣха. Престанемъ же, возлюбленные, обольщаться грѣхомъ. Мы всѣ крайне боимся смерти; начнемъ лучше бояться грѣха; ибо что въ смерти есть страшнаго, все то отъ грѣха. Безъ грѣха— смерть вожделѣнна; ибо она уничтожаетъ всѣ слѣдствія нашихъ душевныхъ нечистотъ и возвращаетъ намъ жизнь первобытную. Когда древній человѣкоубійца начнетъ обольщать насъ (ибо онъ и теперь продолжаетъ дѣлать тоже, что дѣлалъ въ раю) и говорить: *не смертію умрете;* скажемъ ему такъ: что пользы, что теперь мы, послѣ нашего новаго паденія, не лишимся остатка этой бѣдной жизни тѣлесной, когда по злобѣ и лукавству твоему, мы лишились на всегда блаженной жизни духовной? Если теперь не умремъ до времени; то это не твоя милость (ты убилъ бы насъ и теперь, какъ погубилъ нашихъ прародителей), а слѣдствіе милосердія божественнаго, драгоцѣнный плодъ искупленія насъ отъ грѣха и смерти крестомъ Спасителя нашего. Довольно для тебя, человѣкоубійца, что ты лишилъ всѣхъ насъ, чрезъ грѣхъ и преслушаніе, жизни Едемской: а остатокъ настоящей жизни мы употребимъ на то, на что онъ данъ намъ милосердіемъ Господа нашего, на очищеніе и уврачеваніе себя чрезъ покаяніе и вѣру отъ всѣхъ грѣховъ, на пораженіе всѣхъ страстей и соблазновъ, на всеконечное удаленіе себя не только отъ дѣлъ, но и отъ помысловъ неправыхъ, на сокрушеніе, благодатію Божіею, самой главы твоей змииной. Аминь.

Откуду начну плакати окаяннаго моего житія дѣяній?

На что ни обращу взоръ— на себя, вокругъ себя, горѣ или долу,— все призываетъ меня, грѣшника, къ плачу. Что вижу въ себѣ? *О како потемнѣ злато, измѣнися сребро доброе!* (Плач.

4, 1). Какъ обезображено благороднѣйшее твореніе Божіе! куда сокрылся свѣтлый, богоподобный образъ, коимъ почтилъ меня Создатель? Увы! растлѣнный грѣхами, я ношу уже не образъ Божій, а образъ врага Божія!— Что вокругъ меня?— Творенія Божіи, величественныя и прекрасныя. Но вотъ и они заражаются, потемняются отъ смрада грѣховъ моихъ. Вотъ и *вся тварь совоздыхаетъ и сболѣзнуетъ даже донынѣ: суетѣ бо повинуся не волею* (Римл. 8, 20. 21). Вокругъ меня и подобные мнѣ люди, лучше ли имъ отъ меня, нежели прочимъ тварямъ? Болѣе ли умножаю я добро среди братій моихъ, или болѣе зло? Безъ сомнѣнія— болѣе зло. И чтожъ? Это злое сѣмя, посѣваемое мною ежедневно, должно расти, разрастаться и приносить плоды по роду своему— въ отдаленномъ потомствѣ.— О, какія слезы все это запопятъ, или все это смоютъ съ лица земли?—

Что представляется мнѣ, когда возвожу очи горѣ? тамъ святыя селенія блаженныхъ, тамъ рай душъ, заключенный для грѣшника на вѣки, если онъ пребудетъ здѣсь до смерти грѣшникомъ. Тамъ престолъ божественной благости— точащій радость и блаженство вѣрнымъ; тамъ и престолъ правды вѣчной, отъ коего готовы посыпаться молніи на главу нераскаяннаго грѣшника. Какими слезами, какими воздыханіями преклоню я къ сеоѣ милосердіе и отклоню неумолимое правосудіе?

Что наконецъ подо мною?— подъ стопами грѣшника чему быть какъ не царству смерти и ада? И точно, въ самомъ чувственномъ мірѣ, подъ ногами у меня царство смерти; ибо я попираю прахъ ближнихъ моихъ и развалины миліоновъ другихъ тварей. Чтоже въ мірѣ невидимомъ?— тамъ для грѣшника тьма кромѣшняя и огнь вѣчный. *Удаляющіи себе отъ Тебе погибнутъ* (Псал. 72, 27), сказано; и эта погибель будетъ невозвратная и вѣчная!— *О, кто дастъ главѣ моей воду, и очесемъ моимъ источникъ слезъ?* И найду ли я столько слезъ, чтобъ угасить возженный грѣхами моими пламень адскій?

Откуду начну плакати? устремлю ли слезящее око мое прежде къ небу, или съ плачемъ повергнуться мнѣ на землю? *Тѣсна ли суть отвсюду зѣло:* но да не вниду въ руки враговъ моего спасенія, не буду просить защиты ни у какой твари; *да впаду вѣ руцѣ Господни, яко многи суть щедроты Его зѣло* (2 Царств. 24, 14), повергнусь лучше къ подножію креста моего Господа и Спасителя. Здѣсь, предъ всемірною божественною жертвою, начну мое покаяніе. Отсюду начну плакати окаяннаго моего житія дѣяній!—

Кіевъ Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 24 Января, 1844. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 49. НЕДѢЛЯ 5-я ПОСТА. Марта. 12. 1844.

На Утрени: Евангеліе воскресное 8-е, Іоан. 20, 11—18.
На Литургіи: Апост. Евр. 9, 11—14. Еванг. Мар. 10, 32—45.

СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО

ТРЕТІЙ СПОСОБЪ ПОКАЯНІЯ— СМИРЕНІЕ.

Есть третій путь покаянія; какой? смиреніе. Смирись,— и узы грѣховъ твоихъ разрѣшатся. На это есть доказательство въ св. Писаніи,— именно въ притчѣ о мытарѣ и фарисеѣ (Лук. 18, 10—14). Вошли, говоритъ, фарисей и мытарь въ церковь помолиться; и началъ фарисей пересчитывать свои добродѣтели. „Я не такой грѣшникъ, говорилъ онъ, какъ весь свѣтъ, не такой какъ этотъ мытарь.“— Бѣдная и несчастная душа! Ты осудила всю вселенную; за чемъ бы тебѣ еще опечаливать человѣка, близъ тебя стоявшаго? Не довольно ли тебѣ было цѣлой вселенной, что ты и мытаря осудила? Ты всѣхъ оклеветалъ теперь, и не пощадилъ ниодного человѣка. „Я не таковъ, какъ весь свѣтъ, не таковъ, какъ этотъ мытарь. Я пощусь два раза въ недѣлю, десятую даю отъ всего, что пріобрѣтаю, даю бѣднымъ.“— Что же мытарь? Услышавши слова фарисея, онъ не сказалъ: а ты кто такой, что говоришь такія слова? Откуда ты знаешь мою жизнь? Ты со мною не обращался, вмѣстѣ не жилъ, не вѣковалъ со мною: отъ чего же такъ превозносишься? И кто свидѣтель, что ты много сдѣлалъ добрыхъ дѣлъ? Что ты хвалишь самъ себя? За чемъ благодаришь самъ себя? Ничего такаго не сказалъ мытарь, а только, поникши головою, поклонился и произнесъ: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику*. Мытарь смирился,— и сталъ оправданъ; фарисей вышелъ изъ храма, потерявъ свою праведность; мытарь вышелъ— нашедши праведность. Такъ слова одержали побѣду надъ дѣлами. Одинъ исчисленіемъ дѣлъ своихъ потерялъ ихъ праведность; другой словомъ смиренія пріобрѣлъ оправданіе. Даже слова мытаря и не были дѣломъ смиренія; ибо смиреніе состоитъ въ томъ, когда кто, будучи дѣйствительно великъ, уничижаетъ себя: но дѣйствіе мытаря было не самоуничиженіе, а самая истина. Слова его были сущая правда; потому что онъ дѣйствительно былъ грѣшникъ. Скажи мнѣ пожалуй, что хуже мытаря? Онъ есть купецъ, торгующій на чужія несчастія; есть участникъ въ дележѣ прибытковъ на чужіе труды; трудовъ онъ не знаетъ, а барыши отъ нихъ удѣляетъ себѣ, отсюда и грѣхъ мытаря крайне великъ. Мытарь, говорю я, есть не иное что, какъ наглое насиліе, за-

конное беззаконіе, благовидное грабительство. Что хуже мытаря, который сидитъ при большой дорогѣ, и пожинаетъ плоды отъ чужихъ трудовъ,— который не имѣетъ ни какой заботы, когда другіе работаютъ въ потѣ лица,— который беретъ долю прибыли отъ того, надъ чемъ онъ нимало не трудился? И такъ если мытарь, бывши дѣйствительно грѣшникомъ, получилъ прощеніе за то, что смирился: то не гораздо ли болѣе получитъ награды за свое смиреніе человѣкъ добродѣтельный? Если и ты исповѣдаешь грѣхи свои, и смиришься,— то будешь оправданъ.

СЛОВО

О ГРѢХѢ 10-е

О ТОМЪ, ЧТО ГРѢХЪ НЕМИНУЕМО ПОДВЕРГАЕТЪ ЧЕЛОВѢКА МУЧИТЕЛЬНОМУ ВЛАДЫЧЕСТВУ ДІАВОЛА.

Всякъ творяй грѣхъ отъ діавола есть: яко исперва діаволъ согрѣшаетъ.
1 Іоан. 3. 8.

Быть отъ діавола, состоятъ въ тѣсной связи съ симъ врагомъ Бога и человѣковъ, подлежатъ его адскому вліянію,— это такое злополучное состояніе, о коемъ не льзя и помыслить безъ трепета.— Но грѣшникъ, какъ учитъ слово Божіе, неминуемо находится въ семъ злополучномъ состояніи: *всякъ творяй грѣхъ отъ діавола есть!*—

Почему такъ? потому, отвѣтствуетъ Апостолъ, *яко исперва діаволъ согрѣшаетъ*, то есть, потому, что первоначальный источникъ всякаго грѣха въ мірѣ, какъ мы видѣли въ прежнихъ собесѣдованіяхъ нашихъ, находится въ діаволѣ: онъ первый отступилъ отъ закона и воли Божіей, и внесъ грѣхъ во вселенную; онъ перелилъ изъ себя ядъ грѣха въ душу неосторожныхъ прародителей нашихъ, и въ лицѣ ихъ заразилъ беззаконіемъ весь родъ человѣческій; онъ же и теперь употребляетъ всѣ средства къ тому, чтобы сей ядъ грѣха, уничтожаемый благодатію искупленія, оставался во всей силѣ въ душѣ каждаго человѣка и производилъ надъ нимъ все пагубное дѣйствіе свое. Какъ всякое добро отъ Бога и есть собственность Божія, такъ что когда обращаешься къ добру, вмѣстѣ съ тѣмъ обращаешься къ Богу, его Источнику и Владыкѣ: такъ всякое зло и грѣхъ отъ діавола, и составляетъ его несчастную собственность, такъ что обращаясь къ грѣху, вмѣстѣ съ тѣмъ обращаемся всѣмъ существомъ своимъ къ самому источнику грѣха— діаволу, и подпадаемъ его темному вліянію. *Всякъ творяй грѣхъ отъ діавола есть, яко исперва діаволъ согрѣшаетъ.*

Во вторыхъ, грѣхъ предаетъ человѣка во власть діавола тѣмъ, что настроиваетъ существо его по діавольски. Какъ человѣкъ добродѣтельный посредствомъ благой жизни воспріемлетъ на себя всѣ черты образа Божія, содѣлывается богоподобнымъ; въ слѣдствіе сего привлекаетъ къ себѣ благодать Божію и становится обителію Духа Святаго: такъ грѣшникъ нераскаянный, посредствомъ нечистой жизни и злыхъ нравовъ, пріемлетъ на себя образъ діавольскій, становится подобнымъ ему въ ненависти къ истинѣ и добродѣтели, привлекаетъ къ себѣ нечистыми похотями злыхъ духовъ и обращается въ жилище для нихъ.—

Велика ли зависимость бѣднаго грѣшника отъ діавола? Судите сами по тѣмъ выраженіямъ, кои употребляетъ для означенія сей зависимости слово Божіе. И во первыхъ, оно называетъ грѣшника сыномъ діавола въ смыслѣ подобномъ тому, какъ праведникъ называется сыномъ Божіимъ. *Вы*, говоритъ самъ Спаситель нераскаяннымъ Іудеямъ, *вы отца вашего діавола есте, и похоти его хощете творити* (а). Можетъ ли быть глубже и существеннѣе связи сына съ отцемъ? такова же и связь грѣшника съ діаволомъ. Сынъ получаетъ отъ отца самое бытіе свое; и грѣшникъ, какъ грѣшникъ, обязанъ грѣховнымъ бытіемъ своимъ діаволу. Отъ отца большею частію переходятъ на сына всѣ природныя качества; и грѣшнику сообщаются постепенно всѣ качества злаго духа. Отъ отцевъ дѣти получаютъ воспитаніе; и духъ тьмы не дремлетъ въ усовершеніи грѣшниковъ на всякое зло. Но многіе изъ отцовъ земныхъ не умѣютъ удержать дѣтей своихъ въ должной зависимости; а отецъ тьмы во всей силѣ знаетъ какъ воспитывать чадъ своихъ, чтобы они во всемъ походили на него и никогда не выступали изъ богопротивной его воли.

Далѣе св. Апостолъ Павелъ называетъ грѣшника *живо уловленнымъ отъ діавола въ свою его волю*, и заповѣдуетъ вѣрующимъ молить о таковомъ, *еда како дастъ ему Богъ покаяніе въ разумъ истины, и возникнетъ отъ діавольскія сѣти* (б). Опять сравненіе весьма сильное: ибо каково птицѣ, попавшейся въ сѣть? Она вся въ рукахъ ловца: такъ и грѣшникъ находится во власти діавола. Но птица, попавшись въ сѣть, видитъ обыкновенно свою бѣду, начинаетъ тотчасъ биться и силится прорвать сѣть; а бѣдный грѣшникъ рѣдко примѣчаетъ свой несчастный плѣнъ, радуется сѣти соблазна, которою пойманъ; даже, когда она сама прорывается, то старается укрѣпить ее и снова самъ налагаетъ на себя.

Еще— самъ Спаситель, при одномъ случаѣ, замѣтилъ Іудеямъ, что грѣшникъ, по причинѣ нераскаянности своей, до того подвергается вліянію злаго духа, что сей послѣдній обитаетъ въ немъ, какъ въ своемъ домѣ; и не только самъ обитаетъ, но и приводитъ за собою для обитанія иныхъ лютѣйшихъ духовъ (в). Теперь представьте, чего не можетъ сдѣлать хозяинъ съ своимъ домомъ? Все, что угодно: хочетъ— передѣлаетъ, хочетъ— разломаетъ, хочетъ— сожжетъ: такъ поступаетъ и діаволъ съ душею грѣшною, съ ея мыслями, чувствами и дѣйствіями, поколику попущаетъ ему то сила Божія, его связующая.

Довольно и сихъ трехъ свидѣтельствъ, чтобы видѣть и понять, въ какой ужасной зависимости отъ діавола находится душа грѣшная.

Почему же, вопросятъ при семъ, грѣшникъ, находясь въ такомъ ужасномъ плѣну, не чувствуетъ своего несчастія: ибо еслибъ чувствовалъ, то не замедлилъ бы освободится отъ него, имѣя на то всю возможность?— Но, брат. мои, какъ бы бѣдный грѣшникъ чувствовалъ этотъ плѣнъ, когда не можетъ? И какъ бы онъ могъ, когда собственная душа его настроена грѣ-

(а) Іоан. 8, 44.
(б) 2 Тим. 2, 25. 26.
(в) Матѳ. 12, 43—45.

хомъ по— діавольски?— Чтобы чувствовать присутствіе въ себѣ духа тьмы, надобно самому быть свѣтлымъ; а грѣшникъ самъ тьма. На чистомъ, бѣломъ платьи и малое пятно тотчасъ примѣтно; а платье черное не даетъ замѣтить на себѣ самыхъ большихъ пятенъ. Въ душѣ свѣтлой и чистой одна какая либо мысль, вброшенная отъ діавола, тотчасъ производитъ смущеніе, тяжесть и боль сердечную; а въ душѣ грѣшника— темной и осквернен-ной, и самое присутствіе его не примѣтно. Такой непримѣтности помогаетъ самъ духъ злобы всѣми силами: ибо что ему за выгода быть примѣтнымъ?— давать ощущать себя прямо? Это значило бы заставить бѣжать отъ себя. И вотъ онъ, тирански властвуя надъ грѣшникомъ, въ тоже время старается держать его въ томъ обольщеніи, яко бы онъ дѣйствуетъ самъ по себѣ, и во всемъ совершенно свободенъ. Для большаго успѣха въ семъ, духъ злобы не рѣдко внушаетъ грѣшнику невѣріе въ самое бытіе злыхъ духовъ; заставляетъ отрицать свидѣтельства о семъ самаго слова Божія, смѣяться надъ тѣми, кои утверждаютъ противное. Это одна изъ самыхъ любимыхъ козней духа злобы, которую онъ съ чрезвычайнымъ успѣхомъ употребляетъ особенно въ наши времена, наклонныя къ сомнѣніямъ и невѣрію. Мало сего: врагъ Бога и человѣковъ; для упроченія своего владычества надъ бѣднымъ грѣшникомъ, по свидѣтельству Апостола, рѣшается иногда на самое отважное средство; а именно забываетъ какъ бы свою злую природу, пріемлетъ на себя видъ *Ангела свѣтла*, (г) внушая самыя благія, по видимому, мысли, понуждая къ совершенію нѣкоторыхъ добрыхъ дѣлъ, вводя въ разумѣніе различныхъ истинъ и таинъ, и все это для того, чтобы, усыпивъ человѣка лжеупованіемъ на свою мнимую доброту, спасти въ немъ для себя какую либо господствующую страсть, которая одна въ состояніи погубить грѣшника.

Какъ однако же ни старается духъ злобы сокрыть присутствіе свое въ человѣкѣ грѣшникѣ, не можетъ достигнуть сего всегда и вполнѣ; ибо завѣса природы человѣческой, при всей грубости и земляности плоти, въ самомъ очерненномъ ея видѣ— все еще слишкомъ прозрачна для тьмы адской. Сила зла, обыкновенно кроющаяся въ глубинѣ души, такъ иногда быстро выступаетъ наружу въ грѣшникѣ; образъ діавола такъ рѣзко проглядываетъ изъ подъ благовидной личины, которую обыкновенно стараются носить міролюбцы, что всѣ, смотря на такого человѣка, не знаютъ что думать о немъ; самые ближніе и родственники готовы бѣжать отъ него и съ ужасомъ говорятъ: въ немъ злой духъ! Это не человѣкъ, а діаволъ!— Самъ несчастный грѣшникъ, не смотря на привычку ко всему злому и діавольскому, по временамъ чувствуетъ, что онъ находится какъ бы въ безднѣ и въ какихъ-то цѣпяхъ, что внутрь его есть еще кто-то стократъ злѣе и чернѣе его, что онъ состоитъ подъ вліяніемъ невидимой и богопротивной силы. Отсюда тяжкіе и ужасающіе вздохи и выраженія у грѣшниковъ: я человѣкъ погибшій!— Меня влечетъ на грѣхъ нечистая сила! За мною ходитъ злой духъ! Лучше бы мнѣ не родиться!—

(г) 2 Кор. 11, 14.

Чѣмъ обыкновенно обнаруживается власть діавола надъ грѣшникомъ? Тѣмъ, что онъ постепенно погашаетъ и задушаетъ въ немъ все доброе, начиная отъ первыхъ понятій ума о Богѣ и законѣ, до послѣднихъ угрызеній совѣсти; тѣмъ, что онъ постепенно переливаетъ изъ себя въ грѣшника все злое и богопротивное, начиная съ нечистыхъ мыслей и желаній до самыхъ ужасныхъ преступленій. Переходя отъ одного грѣха къ другому, изъ разврата въ развратъ, отъ нечувствія и ожесточенія къ большему нечувствію и окамененію, грѣшникъ наконецъ созрѣваетъ въ злѣ до того, что чувствуетъ прямое и постоянное отвращеніе ко всякому добру, неудержимое стремленіе ко всякому злу, явно презираетъ все святое, глумится безумно надъ собственною душею и совѣстію, готовъ на открытую брань съ самимъ Творцемъ. Далѣе не можетъ вести человѣка самъ діаволъ!—

Не трудно провидѣть, какой долженъ быть конецъ сего ужаснаго союза грѣшника съ духомъ тьмы:— большею частію смерть преждевременная, не рѣдко самоубійство. Ибо какъ ни пріятно духу злобы продолжать господствовать надъ грѣшникомъ въ сей жизни, какъ ни выгодно ему усовершать своего плѣнника болѣе и болѣе во злѣ, и распространять чрезъ него на другихъ соблазнъ и ядъ грѣха: но всѣ радости о семъ возмущаются опасеніемъ, что грѣшникъ, доколѣ живъ, чрезъ покаяніе, при помощи всемогущей благодати Божіей, можетъ разорвать всѣ узы страстей, уврачевать кровію Искупителя всѣ язвы души своей, обратиться къ закону и долгу и такимъ образомъ ускользнуть на всегда изъ челюстей ада. Посему врагъ спасенія изыскиваетъ всѣ способы сократить путь къ аду для грѣшника и пресѣчь какъ можно скорѣе его жизнь, къ чему грѣшникъ однимъ своимъ невоздержаніемъ представляетъ ему множество случаевъ. Верхъ торжества діавольскаго бываетъ, когда искуситель расположитъ самаго грѣшника подъять на себя руки, и такимъ образомъ прямо предать себя аду. Для достиженія сего духъ тьмы, какъ показываетъ опытъ, рѣшается даже на не свойственныя, повидимому, для него мѣры: пробуждаетъ въ грѣшникѣ давно уснувшую совѣсть, заставляетъ ее вопіять и терзать его душу, помогаетъ ей представлять всю неумышленность суда Божія, всю неизвинительность содѣянныхъ грѣховъ, всю невозможность истиннаго обращенія и помилованія, дабы чрезъ все это повергнувъ грѣшника въ конечное отчаяніе, отважить его на самовольное прекращеніе своего земнаго бытія. Такъ именно поступилъ діаволъ съ злополучнымъ предателемъ Христовымъ!—

Знаемъ братіе мои, что говоря предъ вами такимъ образомъ, мы заранѣе подвергаемъ себя нарѣканію отъ стихійной мудрости.— Но что намъ, и сей мудрости?— Погибавшій во грѣхѣ міръ спасенъ не мудростію человѣческою, а буйствомъ проповѣди крестной, которая впрочемъ только *для погибающихъ юродство есть, спасаемымъ же сила Божія* (д). Еслибы впрочемъ сія мудрость хотя на время, престала быть стихійною, и взошла сама, хотя изъ любопытства, на свойственную духу человѣческому высоту зрѣнія,— то можетъ быть сама уви-

(д) 1 Кор. 1, 18.

дѣла бы живыхъ дѣятелей тамъ, гдѣ теперь находятъ одну мертвую плоть. И говоря прямо, кому бы, какъ не сей лжеименной мудрости, надлежало вѣдать со всею точностію происхожденіе изъ ада всего зла, подъ тяжестію коего стенаетъ родъ человѣческій? Ибо св. Писаніе ее самую, безъ сомнѣнія по ея происхожденію и свойствамъ, называетъ *бѣсовскою* (е). Что мѣшаетъ совопросникамъ вѣка сего, вѣрующимъ токмо въ одни свои чувства, явиться для наблюденія къ подножію нетлѣнныхъ тѣлесъ св. Угодниковъ Божіихъ? Тамъ собственными очами увидѣли бы они, какъ силы ада, срѣтившись лицемъ къ лицу съ силами неба, не могутъ вынести присутствія послѣднихъ и обнаруживаютъ себя самымъ очевиднымъ и жалкимъ образомъ; какъ признаются въ своей злой природѣ, въ своей нечистотѣ и винѣ, подобно мучимымъ преступникамъ; какъ смиренно обѣщаются сдѣлать то, чего требуютъ отъ нихъ во имя Распятаго, и какъ, гонимые силою креста, убѣгаютъ и изчезаютъ безвозвратно. Если бы сей опытъ показался почему либо неудобоисполнимымъ, пусть обратятся отъ служителей алтаря хотя къ служителямъ нашего здравія тѣлеснаго;— и тѣ изъ нихъ, кои не дѣлали изъ своей почтенной науки бездушнаго ремесла, кои не проходили безъ вниманія поучительныхъ явленій въ природѣ человѣческой, среди ея болѣзненныхъ состояній, скажутъ необинуясь, что въ ряду болѣзней человѣческихъ есть ужасный видъ недуговъ тѣлеснодуховныхъ, кои ничѣмъ не льзя изъяснить удовлетворительно, кромѣ присутствія въ человѣкѣ злаго духа.

А мы братіе, мои, изъ всего сказаннаго нами извлечемъ, въ простотѣ вѣры, спасительный урокъ— хранить себя благодатію Божіею отъ грѣха между прочимъ и потому, что онъ неминуемо предастъ человѣка во владычество діавола, который, по слову писанія, *яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити* (ж). Ибо если худо быть въ устахъ льва; то стократъ хуже быть въ устахъ діавола, отъ чего да сохранитъ насъ всѣхъ Господь своею всемощною Благодатію! Аминь.

(е) Іак. 3, 15.

(ж) 1 Пет. 5, 8.

КРАТКОСТЬ И СКОРОТЕЧНОСТЬ ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ.

Кая жизнь ваша? Пара есть, яже вмалѣ является, потомъ же исчезаетъ. Іак. 4, 14.

Какъ ни точно сіе сравнительное изображеніе жизни человѣческой; однако мы, всегда находясь на такомъ предѣлѣ жизни, который одною стороною граничитъ съ областію прошедшаго, а другою прилежитъ къ области будущаго, и мысленно— то обращаясь къ прошедшему, то возносясь къ будущему,— представляемъ себя обладателями и той и другой области, и такимъ образомъ почитаемъ жизнь свою пространствомъ безпредѣльнымъ: ибо начала ея мы не помнимъ, конца— не предвидимъ.— Но такъ ли въ самомъ дѣлѣ безпредѣльна жизнь наша? Что въ ней *нашего*?— сколько изъ всей области жизни, простирающейся предъ мысленнымъ взоромъ нашимъ, усвоено вер-

ховнымъ Владыкою жизни въ нашу собственность, которою мы живемъ и можемъ распоряжаться по своей волѣ? Область прошедшаго не состоитъ болѣе въ нашей власти: прошедшее миновалось для насъ невозвратно. А будущее?.. Можемъ ли мы обладать будущимъ, котораго еще не было для насъ и нѣтъ, а можетъ быть и совсѣмъ не будетъ?— Что же остается въ нашей власти изъ всей жизни, которую мы называемъ нашею? Или ничего, или одно только настоящее, и— это по самой крайней— даже преувеличенной— мѣрѣ: ибо и настоящее, которымъ мы можемъ распоряжаться, какъ хотимъ, есть непрерывный даръ Творца и Промыслителя, *о Немъ же живемъ и движемся и есмы* (Дѣян. 17, 28). Но великъ ли, пространенъ ли сей удѣлъ жизни, ежеминутно даруемый намъ премилосердымъ Жизнодавцемъ? Ахъ, онъ такъ малъ, что едва можетъ измѣряться только однимъ дыханіемъ нашихъ устъ, однимъ мгновеніемъ ока; а лучше сказать, онъ такъ крапокъ, что не можетъ подлежать и измѣренію! И этотъ малѣйшій удѣлъ жизни нашей непрестанно измѣняется, быстро приближается къ намъ и опять невозвратно удаляется отъ насъ съ каждымъ нашимъ дыханіемъ, съ каждымъ мгновеніемъ. *Кая убо жизнь наша? Пара есть, яже вмалѣ является, потомъ же исчезаетъ!* Она *есть скоряе бесѣды* (Іов. 7, 6.), *легчае скоротечца* (9, 25.); она *минуетъ якоже слѣды облака, изчезаетъ якоже мгла росы, разгоняемая лучами солнца* (Прем. 2, 4. Іов. 24, 19). *Яко корабль проходитъ волнующуюся воду, и невозможно обрѣсти стези шествія его въ волнахъ; яко птица пролетаетъ по воздуху, и ни едино обрѣтается знаменіе пути; яко стрѣлою разсѣченный воздухъ внезапу въ себѣ самомъ заключается, яко не познатися проходу ея* (Премудр. 5, 10— 12): съ такою же незамѣтною для насъ быстротою течетъ жизнь наша.

Крапка и скоротечна жизнь наша. Однакожъ мы привыкли совсѣмъ иначе смотрѣть на жизнь свою. Невозвратное прошедшее, скоротечное настоящее и неизвѣстное будущее сливаются предъ взоромъ нашимъ въ одно пространство времени, которое представляется намъ безбрежнымъ моремъ жизни; мы готовы думать, что не будетъ и конца нашему плаванію по сему житейскому морю. Но такъ ли въ самомъ дѣлѣ пространно это море, какъ мы себѣ воображаемъ? *Вси дніе наша оскудѣша*, говоритъ св. Псалмопѣвецъ; *дніе лѣтъ нашихъ въ нихже седмьдесятъ лѣтъ, аще же въ силахъ, осмьдесятъ лѣтъ* (Псал. 89, 9. 10). Семдесятъ,— восемьдесятъ лѣтъ! Какой, думаемъ мы, богатый, неистощимый запасъ жизни!— Но и семьдесятъ, или восемьдесятъ лѣтъ— что значатъ въ сравненіи съ тысящію лѣтъ, которая *предъ очима Твоима, Господи, яко день вчерашній, иже мимо иде, и стража нощная* (Псал. 89, 5)? Семьдесятъ, или восемьдесятъ лѣтъ— что значатъ въ сравненіи съ цѣлыми вѣками горъ, которыя стоятъ неподвижно отъ начала міросданія, съ тысящелѣтіями земли и вселенной, и— что еще значатъ въ сравненіи съ вѣчностію Господа Создателя, который *прежде даже горамъ не быти и создатися земли и вселенней* былъ *отъ вѣка и до вѣка?* (Псал. 89, 3)!— Впрочемъ семи— или осмидесятилѣтній пе-

ріодъ жизни человѣческой не есть обыкновенный періодъ ея; не есть даже такой предѣлъ ея, котораго достигала бы большая часть людей: нѣтъ, это столь великая мѣра нашей жизни, которой достигаютъ не многіе изъ безчисленнаго множества сыновъ Адамовыхъ, и которая считалась великою еще во времена Моисея и Давида, когда люди болѣе наслаждались долгоденствіемъ, нежели въ наши времена. Но если даже и семи— или осмидесятилѣтняя жизнь наша столь кратка, что въ сравненіи съ вѣчностію менѣе значитъ, нежели капля въ морѣ: то что сказать о такой жизни большей части рода человѣческаго, которая измѣряется не десятками лѣтъ, а нѣсколькими годами, даже числомъ нѣсколькихъ дней и часовъ? Такъ, жизнь человѣческая, по слову Пророка, *проходитъ какъ сновидѣніе, какъ трава, которая утромъ свѣжа, утромъ цвѣтетъ, а вечеромъ отпадаетъ и изсыхаетъ; лѣта наши изчезаютъ, какъ звукъ, уносятся какъ наводненіемъ* (Пс. 89, 5. 9).

Продолжительною можетъ казаться намъ жизнь сія, по причинѣ настоящихъ житейскихъ заботъ и попеченій, тяжкихъ и утомительныхъ трудовъ, изнурительныхъ скорбей и печалей; но какъ скоро сіи заботы и труды, сіи скорби и печали прошли и остались въ одномъ только воспоминаніи: тогда представляется намъ, что онѣ только что миновались; тогда и самая продолжительная жизнь является кратковременною, мгновенно изчезнувшею. Спросимъ людей, къ которымъ уже близокъ крайній предѣлъ жизни человѣческой, по счисленію Давидову (Псал. 89, 10.), или людей уже достигшихъ сего предѣла, согбенныхъ подъ тяжестію лѣтъ, на опытѣ познавшихъ и радости и скорби сей жизни,— спросимъ, чѣмъ представляется имъ прошедшее? Они скажутъ намъ въ отвѣтъ словами праведнаго Іова: *вчерашни есмы, и не вѣмы: сѣнь бо есть наше житіе на земли* (Іов. 8, 9).

Послѣ сего нѣтъ нужды говорить, какъ краткая сама по себѣ жизнь человѣческая еще болѣе сокращается собственнымъ злымъ изволеніемъ тѣхъ, которые предаются губительнымъ страстямъ и удовольствіямъ міра; какъ неминуемо слѣдуютъ за симъ преждевременные вѣстники смерти— болѣзни, разстройство силъ душевныхъ и плѣсныхъ, изнурительныя страданія, ранняя старость; какъ все сіе сокращаетъ намъ краткій путь ко гробу. Не говоримъ о семъ: ибо эта печальная истина болѣе другихъ извѣстна всѣмъ и каждому. Хотя бы мы и не были изъ числа людей, насильственно, такъ сказать, сокращающихъ кратковременную жизнь на погибель души своей; но въ беззаконіяхъ зачинаемые и во грѣсѣхъ рождаемые, мы въ самомъ зачатіи и рожденіи своемъ уже обручаемся съ смертію: *оброцы бо грѣха смерть* (Рим. 6, 23). Въ жизни своей мы согрѣшаемъ непрестанно, а потому и смерть непрестанно собираетъ съ насъ тягостные оброки грѣха; мы платимъ ей непрестанно истощаніемъ своихъ силъ, многоразличными болѣзнями, немощами. Значитъ, чѣмъ чаще и скорѣе смѣняются дни и часы грѣшной нашей жизни: тѣмъ больше грѣховныхъ оброковъ собираетъ съ насъ смерть; чѣмъ дальше идемъ впередъ по пути жизни: тѣмъ ближе подходимъ къ неумолимому клеврету своему— смерти; съ каждымъ ды-

ханіемъ своимъ мы непримѣтно теряемъ частицу жизни, и сѣмя смерти и тлѣнія развивается въ поврежденномъ естествѣ нашемъ такъ быстро, какъ мы и представить себѣ не можемъ. О семъ-то скорбѣла св. душа Давидова, погруженная въ созерцаніе праведныхъ судебъ Божіихъ, обрекшихъ насъ за беззаконія наши на жизнь кратковременную: *умаленія ихъ лѣта будутъ; утро яко трава мимоидетъ, утро процвѣтетъ и прейдетъ, на вечеръ отпадетъ, ожестѣетъ и изсохнетъ: яко изчезохомъ гнѣвомъ твоимъ, Господи, и яростію твоею смутихомся. Положилъ еси беззаконія наша предъ тобою, и— вси дніе наша оскудѣша* (Псал. 89, 6— 9).

Но чѣмъ короче время настоящей нашей жизни, тѣмъ оно для насъ драгоцѣннѣе, и тѣмъ неопустительнѣе намъ должно употреблять его на дѣла благія. Краткa и скоротечна жизнь наша; но она дана намъ на приготовленіе къ вѣчности; и ахъ, какъ много добра обязаны мы сдѣлать въ немногіе годы жизни, дабы заслужить блаженную вѣчность! Въ каждый часъ нашей жизни мы должны сдѣлать столько благопріобрѣтеній, дабы доспало ихъ на цѣлые вѣки въ жизни будущей; въ каждый часъ мы должны такъ поступать, какъ прилично рабамъ, которымъ Домовладыка ввѣрилъ свои таланты на краткое время и послалъ на поржище куплю дѣяти и пріобрѣтеніе, но не объявилъ, когда востребуетъ отъ нихъ отчетъ, и потому каждый часъ должны быть готовы къ сему отчету.— *Еже бо аще сѣетъ человѣкъ* въ настоящей жизни, *тожде и пожнетъ* въ будущей (Гал. 6, 8).

Рѣхъ: исповѣмъ на мя беззаконіе мое Господеви; и Ты оставилъ еси нечестіе сердца моего.

Не много, кажется, труда: исповѣдать беззаконіе свое Господу, и за этотъ трудъ Всемилосердый оставляетъ нечестіе сердца нашего!— Но это, столь повидимому легкое, исповѣданіе и есть самое трудное для грѣшника.

Что значитъ исповѣдать свой грѣхъ Господу? Значитъ такъ сознать грѣхъ, чтобъ видѣть и чувствовать всю виновность свою предъ Богомъ и весь ужасъ нашего состоянія въ удаленіи отъ Бога; потомъ такъ сознаться во грѣхѣ, чтобъ ни малѣйшей части его не прикрывало наше самолюбіе. Есть ли въ насъ такое сознаніе и такая сознательность? Если есть, то благо намъ: Господь искренно кающимся оставляетъ нечестіе сердца ихъ. Но точно ли такъ? Это можно знать по слѣдствіямъ. Искренно исповѣдавшій грѣхъ не возвращается къ нему; для него, лучше потерпѣть всѣ роды лишеній и мученій, даже самую смерть, нежели опять осквернишься грѣхомъ. А съ нами что обыкновенно бываетъ? Назовемъ себя грѣшными, иногда поплачемъ о грѣхѣ, дадимъ обѣтъ— не дѣлать того, что дѣлали прежде; а потомъ— чрезъ день, чрезъ два,— чувство сокрушенія ослабѣваетъ, грѣхъ приближается къ сердцу нашему, показываясь уже не въ прежнемъ отвратительномъ видѣ, далѣе— начинаемъ видѣть въ немъ и обольстительныя черты, а наконецъ— по прежнему заключаемъ союзъ съ врагомъ Божіимъ. Чтоже за исповѣдь, которая не извергаетъ изъ ду-

ши всего пристрастія къ порокамъ? что за раскаяніе, которое въ послѣдствіяхъ имѣетъ нераскаянность?

Есть больные, кои или по ложному стыду, или по страху не хотятъ открывать врачу всей своей болѣзни. Таковы больные всѣ мы грѣшники. Самолюбіе всегда внушаетъ намъ, что нѣтъ нужды пристально всматриваться въ состояніе наше внутреннее, а лукавое сердце чего-то боится, когда приходитъ къ намъ чувство раскаянія, и какъ бы не даетъ раскрывать свои раны. Чего же боится оно?— Божественной операціи, которой неминуемо должно подвергнуться грѣшнику, если хочетъ быть здравымъ. Но не рѣшается ли наконецъ больной на самыя трудныя операціи, когда узнаетъ всю опасность своей болѣзни? Такъ должно и грѣшнику преодолѣть въ себѣ и ложный стыдъ, и всякое отвращеніе отъ врачества божественнаго, рѣшиться совершенно предать себя въ руки Божіи, и сказать небесному Врачу такъ: твори, Господи, со мною что угодно Тебѣ, подвергай меня болѣзнямъ, лишай всего драгоцѣннаго въ мірѣ, унижай, низлагай, разжигай и переплавливай все существо мое,— только сердце чисто созижди во мнѣ и духъ правъ обнови во утробѣ моей; только не отвержи мене отъ лица твоего и Духа Твоего Святаго не отъими отъ мене!

Но, Господи! этой рѣшимости и недостаетъ во мнѣ. Вѣрую въ Тебя, Врачь небесный! но— помози моему невѣрію. Сознаю мою бѣдность и мое окаянство; но Ты самъ болѣе раскрывай меня предо мною, самъ помоги мнѣ совершенно познать и исповѣдать беззаконія мои предъ Тобою!

Кіевъ Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 31 Января, 1844. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 50. НЕДѢЛЯ ВАІЙ. МАРТА 19. 1844.

На Утрени: Евангеліе воскресное 9-е, Іоан. 20, 19— 31.
На Литургіи: Апост. Фил. 4, 4— 9. Еванг. Іоан. 12, 1— 18.

Днесь благодать Святаго Духа насъ собра, и вси вземше крестъ Твой глаголемъ: благословенъ грядый во имя Господне, осанна въ вышнихъ.
Стих. на Госп. воззв.

Общее воскресеніе прежде Твоея страсти увѣряя, изъ мертвыхъ воздвиглъ еси Лазаря Христе Боже. Тѣмже и мы яко отроцы повѣды знаменія носяще, Тебѣ Побѣдителю смерти вопіемъ: осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне. Тропарь праздн.

Спогребшеся Тебѣ крещеніемъ Христе Боже нашъ, безсмертныя жизни сподобихомся воскресеніемъ Твоимъ, и воспѣвающе зовемъ: Осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне. Тропарь.

СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО

четвертый способъ покаянія— милостыня.

Пойдемъ далѣе, и раскроемъ четвертый путь покаянія. Какой это путь? Я говорю о милостынѣ,— о сей царицѣ добродѣтелей, которая быстро возводитъ людей на небеса, и дѣлается прекрасною ихъ заступницею. Великое дѣло милостыня; вотъ почему Соломонъ сказалъ: *велика вещь человѣкѣ, и драгая— мужѣ, творяй милость* (Прит. 20, 6). Великія крила у милостыни. Она разсѣкаетъ ими воздухъ, идетъ мимо луны, возвышается надъ солнечными лучами, паритъ на самые верхи небесъ; но и тамъ не останавливается: она проникнувъ небеса, минуетъ лики Ангеловъ, сонмы Архангеловъ, всѣ силы горнія, и становится предъ самымъ престоломъ Царя небеснаго. *Корнилію,* говоритъ Писаніе, *молитва твоя и милостыни твоя взыдоша предъ Бога.* (Дѣян. 10, 4). Выраженіе— *предъ Бога*— означаетъ, что хотя бы у тебя много было грѣховъ, но не бойся, если милостыня ходатайствуетъ за тебя. Ни одна изъ горнихъ силъ не противостоитъ ей; она требуетъ должнаго себѣ, неся въ рукахъ своихъ рукописаніе. Вотъ слова самаго Господа: *иже аще сотворитъ единому сихъ меньшихъ, Мнѣ сотворитъ* (Матѳ. 25, 40). Сколько бы ни имѣлъ ты грѣховъ, милостыня всѣ ихъ перевыситъ. Развѣ не извѣстенъ тебѣ въ Евангеліи примѣръ десяти дѣвъ? Пять изъ нихъ совершили подвигъ дѣвства; но онѣ

не подавали милостыни, и потому остались внѣ чертога. Свѣтильничный огонь означаетъ у нихъ дѣвство, а елей милостыню. Юродивыя имѣли свѣтильники, но у нихъ не было елея. Какъ огонь гаснетъ, если въ лампаду не подливаешь масла: такъ и дѣвство гибнетъ безъ милостыни. Глупыя дѣвы мудрымъ сказали: дайте намъ масла вашего; потому что свѣтильники наши гаснутъ. Мудрыя отвѣтствовали, говоря: чтобы не случилось недостатка у насъ и у васъ,— подите лучше къ продающимъ и купите себѣ (Матѳ. 25, 8. 9). Кто продавцы сего елея? Нищіе, для милостыни сидящіе предъ церковію. По чемъ продаютъ? По чемъ хочешь; цѣны не полагаю, чтобы ты не отказывался скудостію. Сколько имѣешь, за столько и купи. Имѣешь полушку? Купи за нее небо,— не потому, чтобы небо дешево было, но потому, что Господь твой милосердъ. Не имѣешь полушки? Подай чашу студеной воды; ибо Господь говоритъ: *иже аще напоитъ единаго отъ малыхъ сихъ чашею студены воды Мене ради, не погубитъ мзды своея* (Матѳ. 10, 42). Небо продается и покупается, а мы безпечны. Подай хлѣбъ,— и возми рай; подай малое, возми великое; подай смертное,— и возми безсмертное; подай тлѣнное, и возми нетлѣнное. Если бы открылась ярмонка, а на ней дешевые и обильные съѣстные припасы, и за малое можно бы купить много: то не продали ли бы вы весь свой скарбъ, не все ли бы второстепенное отложили, и не приняли-ль бы участія въ ономъ торгѣ? Гдѣ тлѣнное, тамъ вы показываете великое стараніе; для чего лѣнитесь и упадаете тамъ, гдѣ производится безсмертная торговля? Дай бѣдному,— и хотя бы самъ ты молчалъ, тебя будутъ защищать тысячу устенъ,— и милостыня твоя востанетъ, и будетъ за тебя вести твою тяжбу. Милостыня есть искупъ души. Какъ предъ дверьми церковными есть умывальница съ водою, дабы ты умывалъ руки: такъ и нищіе сидятъ предъ церковію, дабы ты омылъ руки души твоей. Водою ты омылъ руки тѣлесныя? Омой же и милостынею руки души своей. Не отказывайся своими недостатками; подай хлѣба по своему состоянію. Не имѣешь хлѣба? подай оволъ. Не имѣешь овола? Подай чашу холодной воды. И этаго не имѣешь? Пожалѣй о несчастномъ: получишь награду. Награда не за принужденіе, но за добрую волю. (Том. II. стр. 295—297).

СЛОВО
О ГРѢХѢ 11-е

О ЛЮТОЙ КОНЧИНѢ, ОЖИДАЮЩЕЙ ГРѢШНИКА.

Смерть грѣшниковъ люта.
Псал. 33, 22.

Коль скоро неизбѣжно для каждаго человѣка— оставить этотъ міръ и перейти въ другой, высшій, то для каждаго должно быть крайне желательно, чтобы сей переходъ въ другой міръ, называемый смертію, совершился какъ можно мирнѣе и безболѣзненнѣе. Тихая и непостыдная кончина есть такое благо, для достиженія коего можно отказаться отъ многихъ удовольствій въ жизни уже потому, что это будетъ

благо послѣднее въ жизни,— въ тѣ минуты, когда всего нужнѣе миръ и отрада. Но тотъ, кто работаетъ грѣху и служитъ страстямъ, долженъ знать заранѣе, что если онъ не исправится, то сіе благо для него потеряно, что подъ конецъ жизни, при разлукѣ души съ тѣломъ, его ожидаетъ не покой и услажденіе, а скорбь и мука. *Смерть грѣшниковъ люта*, говоритъ слово Божіе.

Отъ чего зависитъ это?— Неудивительно, если и отъ особеннаго предраспоряженія правосудія Божія, которое, предоставивъ грѣшнику полную свободу— ходить въ продолженіе жизни по стропотнымъ путямъ нечестія и соблазна, беретъ въ свое непосредственное завѣдываніе конецъ ея, и, по всемогуществу своему, всегда устрояетъ его такъ, что за жизнію нечистою и беззаконною слѣдуетъ люпая и мучительная кончина. Ибо ужели къ дѣйствію Провидѣнія божественнаго не отнести непосредственнаго управленія и тѣми событіями нашей жизни, кои не зависятъ отъ нашего произвола, каковы суть начало и конецъ жизни? Съ другой стороны, кто не согласится съ древнимъ мудрецомъ, *что удобно есть предъ Богомъ въ день смерти воздати человѣку по дѣломъ его?*— (Сир. II, 26).

Впрочемъ братія, мои, жизнь проводимая во грѣхѣ и нечестіи, по самому существу своему такова, что за нею, какъ удары молніи и грома за тучею, не можетъ не слѣдовать кончина люпая и болѣзненная. Почему? Потому во первыхъ, что невоздержаніе и не обузданность нрава и привычекъ въ людяхъ, волнуемыхъ страстями, по самому обыкновенному порядку вещей, весьма часто подвергаетъ ихъ опасностямъ и бѣдственнымъ приключеніямъ, въ слѣдствіе коихъ они или умираютъ преждевременно наглымъ и ужаснымъ образомъ, или, лишенные силъ и здоровья, приковываются на долго къ одру болѣзней и сходятъ во гробъ послѣ продолжительныхъ и тяжкихъ страданій. Въ семъ отношеніи порокъ и развратъ свирѣпѣе самой войны, такъ что никакое орудіе непріятельское не можетъ сравниться съ ихъ ядовитымъ жаломъ.

При недостаткѣ подобныхъ смертоносныхъ приключеній, порокъ предуготовляетъ грѣшнику подъ конецъ жизни горькую чашу страданій тѣмъ, что заранѣе разстроиваетъ его тѣло и содѣлываетъ его сѣдалищемъ болѣзней мучительныхъ. Спросите, если угодно, о семъ врачей; и они представятъ вамъ на сіе множество разительныхъ примѣровъ. Вообще предсмертные недуги людей добродѣтельныхъ и порочныхъ имѣютъ весьма различный характеръ: въ первыхъ они, подобны сильнымъ, но попутнымъ вѣтрамъ, при коихъ душа умирающая, расправивъ вѣтрила, быстро, но безъ шума и потрясеній, уносится изъ пристани, а въ послѣднихъ, то есть, грѣшникахъ предсмертные болѣзни являются на подобіе осенннихъ бурь, кои все крушатъ, срываютъ насильственно корабль съ якоря и уносятъ въ волнующуюся пучину, на явную погибель.

И съ чего дѣйствительно, какъ не съ опыта взято обыкновеніе— кончину людей праведныхъ называть успеніемъ или преставленіемъ, а о великихъ грѣшникахъ говорить, что они не умираютъ, а извергаютъ душу свою? Тѣ, кои удостоились когда либо присут-

ствовать при кончинѣ людей праведныхъ, не могли не замѣтить, что они дѣйствительно не умираютъ, а какъ бы засыпаютъ, или отходятъ съ миромъ куда-то отъ насъ. Съ грѣшниками напротивъ при кончинѣ ихъ происходитъ подобное тому, что бываетъ съ несчастнымъ младенцемъ, когда онъ отъ какого либо потрясенія неестественно извергается изъ утробы матерней.

И что удивительнаго, если разлученіе души съ тѣломъ въ томъ и другомъ случаѣ происходитъ столь различнымъ образомъ? Въ человѣкѣ истинно добродѣтельномъ, еще въ продолженіе жизни, можно сказать, уже совершается разлученіе души съ тѣломъ, такъ что, чѣмъ болѣе онъ живетъ на землѣ, тѣмъ болѣе отрѣшается отъ своего тѣла, возносится духомъ въ горняя, приближается къ міру Ангельскому, преставляется на небо. Въ такомъ случаѣ для Ангела смерти нѣтъ нужды ни въ какомъ усильномъ дѣйствованіи, иногда довольно одного легкаго, такъ сказать, дуновенія, дабы прервать тонкую нить, сопрягавшую безсмертное съ смертнымъ. Не то въ грѣшникѣ: здѣсь душа безсмертная такъ опутана узами чувственности, небесное такъ перемѣшано съ земнымъ и плотскимъ, что самая смерть не можетъ вдругъ разорвать всѣхъ узъ, отдѣлить безъ замедленія нетлѣнное отъ тлѣннаго, что должно сдѣлаться добычею могилы и тлѣнія. Отсюда страданія и муки въ умирающемъ.

Но сіи страданія тѣла были бы еще не такъ страшны, если бы въ самой душѣ была хотя капля покоя. Мы видимъ на мученикахъ Христовыхъ, какъ самыя ужасныя мученія теряли свою лютость и силу оттого, что мучимые проникнуты были духомъ Вѣры, вознесены Благодатію превыше земли и своего тѣла. Въ умирающемъ грѣшникѣ напротивъ, вмѣсто Вѣры и упованія господствуетъ обыкновенно страхъ и отчаяніе. Ибо люди нечестивые большею частію умираютъ, не приготовившись къ смерти, даже вовсе не думавъ прежде о своемъ концѣ: посему бываютъ подобны человѣку, который идя по льду, вдругъ обрушился въ бездну. Куда не обращается такой человѣкъ, къ чему не простираетъ руки, къ кому не вопіетъ о помощи? Тоже и съ грѣшникомъ; онъ чувствуетъ наконецъ, что обрушился въ бездну; употребляетъ всѣ средства, чтобы прогнать болѣзнь, отдалить свой конецъ; и когда видитъ, что все остается безъ успѣха, то поражается ужасомъ, предается малодушію и отчаянію.

И какъ не ужасаться и не трепетать? Посмотритъ ли умирающій грѣшникъ вспять, на свою жизнь,— встрѣчаетъ необозримый рядъ преступленій, изъ коихъ одно отвратительнѣе другаго. Обратитъ ли взоръ на окружающее и настоящее: видитъ, что все теперь и на всегда оставляетъ его, что предъ нимъ одинъ гробъ и могила. Простретъ ли мысль впередъ? О, тамъ еще мрачнѣе и ужаснѣе. Надобно идти въ страну недовѣдомую, гдѣ живетъ одна истина и правда, коихъ въ немъ нѣтъ. Надобно еще явиться предъ Судію, который облеченъ всевѣденіемъ и всемогуществомъ. Прежде сіи мысли, если когда и приходили, то не оказывали дѣйствія, были тотчасъ прогоняемы разсѣяніемъ, подавляемы забавами, обращались даже въ предметъ глумленія безумнаго. Теперь не

то— на прагѣ жизни не льзя не видѣть всей пустоты и ничтожности благъ земныхъ и удовольствій плотскихъ; на прагѣ вѣчности не возможно не предчувствовать суда и воздаянія, коими угрожаютъ вѣра и совѣсть. И у грѣшника, какъ у прародителей въ раю, открываются предъ смертію очи: но что видятъ? Ангела смерти надъ главою своею, видятъ вѣчность съ ея непреложнымъ воздовоздаяніемъ, видятъ невозможность ни остановить суда надъ собою, ни избѣгнуть его. Такое соединеніе страданій тѣлесныхъ съ душевными, рѣдко не повергаетъ умирающаго грѣшника въ совершенное отчаяніе.

Благость Божія спасительная, не оставляющая человѣка до самыхъ послѣднихъ предѣловъ его бытія земнаго, готова и въ сомъ случаѣ посѣтить грѣшника, и большею частію является у одра его съ знаменіемъ искупленія, и съ чашею завѣта. Но, увы, сіе утѣшительное явленіе рѣдко успокоиваетъ, а большею частію смущаетъ и пугаетъ грѣшника среди его предсмертныхъ страданій. Почему? Потому что душа, окаменѣвшая во злѣ, неспособна бываетъ воспринимать въ себя каплей елея духовнаго. Въ самомъ дѣлѣ, много ли людей, кои, проведши всю жизнь въ грѣхахъ, могли-бы въ послѣднія минуты вдругъ обратиться совершенно и раскрыть всю душу и сердце свое для Благодати покаянія, подобно покаявшемуся на крестѣ разбойнику? Ахъ, многіе и на одрѣ смертномъ остаются подобными другому разбойнику, который и на крестѣ продолжалъ свое ожесточеніе грѣховное. Посему святыя и утѣшительныя таинства Церкви, если и совершаются надъ умирающими міролюбцами, то большею частію не доставляютъ имъ ни отрады, ни успокоенія душевнаго.

Чтобы имѣть, сколько возможно, полное понятіе о люотой кончинѣ, ожидающей грѣшника, не забудемъ, братіе мои, и тѣхъ ужасныхъ видѣній, коими окруженъ бываетъ иногда ихъ одръ смертный. Если бы кто захотѣлъ приписать ихъ и одному воображенію; то и въ такомъ случаѣ сіи видѣнія не потеряютъ своего ужаса и мучительности для умирающаго, а явно останутся слѣдствіемъ нечистой жизни и совѣсти, равно какъ и наказаніемъ за нихъ. Но, кто въ состояніи отвергнуть и дѣйствительность сихъ адскихъ страшилищъ? Что удивительнаго, если предъ кончиною, когда завѣса, сокрывающая міръ невидимый приподнимается уже рукою смерти, грѣшникъ видитъ то, что незримо для всѣхъ прочихъ, окружающихъ одръ его?— И что предстанетъ въ сіи минуты грѣшнику изъ міра духовнаго, кромѣ духовъ злобы, коимъ подражалъ онъ своею злобою и лукавствомъ, съ коими давно вошелъ въ невидимое, но тѣмъ не менѣе тѣсное содружество своею нечистотою, и кои теперь уже видимо являются для принятія земнаго клеврета своего во всегдашнее сообщество свое,— во тьму кромѣшнюю?— Если душа Лазаря, по свидѣтельству слова Божія, была несома на лоно Авраама Ангелами; то и душѣ грѣшной при исходѣ изъ міра сего, подобаетъ имѣть сопровожденіе, ею заслуженное.

Не устрашать, яко дѣтей, хотимъ мы васъ, братіе, сими напоминаніями, а остановить вниманіе ваше на предметѣ, достойномъ размышленія. Страшенъ часъ разлуки души съ тѣломъ!

грозны послѣднія минуты жизни! Посему сама св. Церковь въ каждомъ молитвословіи заставляетъ насъ умолять Владыку живота и смерти о кончинѣ мирной и непостыдной. Но, вотще будетъ сія молитва, если жизнь наша исполнена неправдъ и беззаконій. Ибо какъ праведникъ по слову Божію, *аще постиженетъ скончатися, въ покои будетъ;* такъ *смерть ерѣшниковъ* по свидѣтельству тогоже слова, всегда была и будетъ *люта* и мучительна. Аминь.

СВ. ЧЕТЫРЕДЕСЯТНИЦА.

Святый великій Постъ называется еще св. Четыредесятницею. Благочестіе Христіанина не сочтетъ излишнимъ остановить вниманіе на самомъ названіи Четыредесятницы. Почему именно православная Церковь великій Постъ назвала Четыредесятницею, тогда какъ въ немъ нѣтъ круглаго числа сорока дней? Не имѣетъ ли особенной знаменательности четыредесятное число? Не представляетъ ли св. Церковь въ сей знаменательности какихъ наставленій къ совершенію спасительныхъ подвиговъ поста?

Число четыредесять (дней или лѣтъ) относится къ тѣмъ не многимъ числамъ (тремъ, седми, девяти и пр.), которыя сдѣлались извѣстными во всемъ мірѣ въ самой глубокой древности временъ до Христіанскихъ, и получили свою извѣстность не отъ обстоятельствъ случайныхъ, не отъ произвола человѣческаго, но указаны самимъ Господомъ, приняты урочнымъ временемъ для совершенія извѣстныхъ дѣлъ Пророками, Апостолами и подвижниками благочестія, освящены постановленіемъ православной Церкви. Священная Исторія первоначальную Четыредесятницу гадательно относитъ ко времени Первобытной Церкви. Изъ всѣхъ мнѣній о времени пребыванія прародителей нашихъ въ раи она находитъ достойнымъ вниманія то мнѣніе, что испытательное состояніе Праотцевъ продолжалось четыредесять дней, такъ какъ Искупитель нашъ заплатилъ за сіе четыредесятидневнымъ же искушеніемъ въ пустынѣ (а). По крайней мѣрѣ во всѣ времена, начиная съ первыхъ временъ міра, когда Господь требовалъ покаянія и исправленія отъ грѣшниковъ, когда предназначенные имъ для особеннаго служенія приготовлялись къ своему назначенію,— всегда время покаянія и время приготовленія опредѣлялось числомъ четыредесяти— лѣтъ для цѣлаго міра или народа, дней— для частныхъ лицъ. Первая трекратная четыредесятница лѣтъ, какъ уреченное время для покаянія и исправленія возвѣщена Господомъ міру допотопному: *будутъ же дніе ихъ лѣтъ сто двадесять* (Быт. 6, 3). При самомъ исполненіи сего страшнаго суда Божія видимъ еще испытательную четыредесятницу дней. *Еще бо семь дней,* говоритъ Господь Ною заповѣдуя ему войти въ ковчегъ, *Азъ наведу дождь на землю четыредесять дней и четыредесять нощей. И бысть потопъ четыредесять дней и четыредесять нощей,* замѣчаетъ св. Бытописатель объ исполненіи опредѣленія Божія. *И возвысися вода надъ землею дней сто пятдесять* (Быт. 7, 17. 24). Сто пятдесять дней потопа со-

(а) Церковно-Библей. Истор. 21. стран.

ставляютъ одно нераздѣльное число; всѣ они отъ перваго до послѣдняго представляли непрерывное возвышеніе водъ надъ землею. Почему же первыя четыредесять отдѣляются? Не потому ли, думаютъ опытные изъяснители Писанія, что они представляли послѣдній даръ милосердія Божія для нѣкоторыхъ грѣшниковъ, чтобы они, хотя уже при видѣ заслуженной казни, подобно разбойнику на крестѣ, могли возчувствовать свою вину и воззвать къ милосердію Божію (6)? Въ жизни великаго Пророка Боговидца Моисея, соотвѣтственно тремъ отдѣльнымъ ея періодамъ, совершалась трекратная четыредесятница лѣтъ; первыя два четыредесятилѣтія въ двоякомъ приготовленіи къ служенію, послѣднее въ самомъ служеніи Ветхому Завѣту. Первыя сорокъ лѣтъ провелъ онъ при дворѣ Фараона *и наказанъ бысть всей премудрости Египетстѣй, бѣ же силенъ во словесѣхъ и дѣлѣхъ* (Дѣян. 7, 22.); вторыя— въ уединеніи пустынь Мадіамскихъ. *И исполнившимся лѣтомъ четыредесятимъ явися ему Ангелъ Господень во пламени огненѣ, во купинѣ* (— 30.); послѣднія— въ служеніи Пророка, Вождя, Законодателя, *сотвори чудеса и знаменія во земли Египетстѣй и во чермномъ мори, и во пустыни лѣтъ четыредесять* (— 36). Предъ двукратнымъ полученіемъ богоначертанныхъ скрижалей Боговидецъ двукратно проводитъ предъ Господомъ на горѣ четыредесять дней и четыредесять нощей, *хлѣба не яде и воды не пія* (Исх. 34, 28). Въ многознаменательномъ странствованіи Евреевъ по пустынямъ Аравіи совершилась новая испытательная четыредесятница лѣтъ. Приготовительный подвигъ къ бесѣдѣ съ Господомъ ревнитель славы Его грозный Илія провелъ четыредесять дней. *И иде во крѣпости яди тол* (хлѣба и воды, принесенныхъ Ангеломъ) *четыредесять дней и четыредесять нощей до горы Божія Хоривъ, и тамо* слышалъ *ему глаголъ Господень къ нему* (3 Цар. 19, 8. 9). Послѣдніе сорокъ лѣтъ царства Израильскаго даны Господомъ уреченнымъ временемъ для покаянія (Іезек. 4, 6). Пророкъ Іона проповѣдалъ отъ лица Божія казнь Ниневитянамъ, если они въ продолженіи сорока дней не обратятся отъ путей неправдъ своихъ (Іон. 4, 3).

Со временъ Христіанскихъ четыредесятое число, какъ уреченное число для испытанія, для покаянія и исправленія освящено новыми примѣрами, утверждено постановленіями Церкви. Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, повинуясь закону, въ четыредесятый день по рожденіи приносится во храмъ Божій. Предъ вступленіемъ въ служеніе благовѣствованія Евангелія удаляется въ пустыню для испытательнаго подвига противъ плоти и крови, которую предалъ сорокодневному пощенію, и противъ діавола, съ которымъ сражался мечемъ Слова Божія. По воскресеніи изъ мертвыхъ сорокъ дней благоволилъ пребывать на землѣ до славнаго вознесенія на небо. Съ первыхъ временъ Христіанскихъ, по преданію Апостольскому, православная Церковь установила дни страданія Спасителя и славнаго воскресенія, а потомъ и рождества Его по плоти предварять сорокодневнымъ постомъ. Четыредесять дней по рожденіи младенца, и по кончинѣ умершаго,

(6) Записк. на кн. Быт.

сорокодневныя епитиміи кающимся освящены постановленіями Церкви. Примѣры сорокодневнаго поста у св. подвижниковъ въ началѣ и продолженіи ихъ подвиговъ, по причинѣ своей многочисленности, не требуютъ указанія.

И такъ св. Церковь, назвавъ постъ предъ праздникомъ Воскресенія Христова Четыредесятницею, хотѣла указать намъ не столько на сорокодневное продолженіе поста, сколько на важность его, указываемую священно-знаменательнымъ четыредесятымъ числомъ, которое по назначенію самаго Господа, по примѣру св. Пророковъ, Апостоловъ и св. подвижниковъ, во всѣ времена считалось уреченнымъ временемъ для дѣлъ особенно строгаго испытанія, покаянія и очищенія. Почему же четыредесятымъ, а не другимъ числомъ всегда опредѣляется время продолженія сихъ подвиговъ,— эта тайна довѣдомая Творцу вѣковъ. Но если всему есть свое время, свой какъ бы срокъ; то мнѣніе— что четыредесятое число въ подвигахъ испытанія и покаянія имѣетъ отношеніе къ законамъ нашего внутренняго и внѣшняго человѣка, къ законамъ правды и милосердія Божія,— заслуживаетъ вниманіе Христіанина. Можетъ быть наши грѣшныя наклонности и навыки, при соотвѣтственныхъ покаянныхъ подвигахъ въ продолженіи сорока дней, слабѣютъ, даютъ болѣе свободы духу и дѣйствіямъ милосердія Господня, подобно тому, какъ тѣлесный нашъ составъ, постепенно истлѣвая по смерти, окончательно, по мнѣнію нѣкоторыхъ, разрѣшается на составныя начала по исполненіи четыредесяти дней. Можетъ быть внутренній нашъ человѣкъ, при помощи Благодати животворящей, въ испытательныхъ сорокодневныхъ подвигахъ очищается, достигаетъ извѣстной силы и крѣпости, какъ младенецъ приносимый во храмъ въ четыредесятый день.

Какія бы впрочемъ ни были причины назначенія четыредесяти дней для подвиговъ испытанія, покаянія и очищенія,— во всякомъ случаѣ Христіанинъ долженъ помнить, что Четыредесятница, по значенію своему, указываетъ на постъ продолжительный и строгій,— что поститься только въ нѣсколько дней или недѣль, а въ другія позволять послабленіе по собственному произволу, по подражанію другимъ, значитъ— низвращать опредѣленіе Божіе объ урочномъ продолженіи времени для дѣлъ покаянія, и забывать, что это, можетъ быть, послѣдняя для насъ четыредесятница; наступитъ другая, но мы или уже будемъ праздновать Пасху въ невечернемъ дни, или сѣтовать въ темницѣ духовъ непокорныхъ ожидавшему ихъ божественному долготерпѣнію (1 Петр. 4, 26).

Кіевъ Въ Типог. К. Лавр. Съ позволенія Дух. Цензуры. 7 Февраля, 1844. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 51. СТРАСТНАЯ СЕДМИЦА 1844.

СВЯТАГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО О КРЕСТѢ ГОСПОДНЕМЪ.

(Изъ бесѣды во святый и великій пятокъ).

Нынѣ праздникъ и торжество у насъ, возлюбленные; ибо Господь нашъ на крестѣ виситъ, гвоздьми пригвожденный. Не удивляйся тому, что мы при случаѣ печальномъ празднуемъ: ибо все духовное противно обычаямъ человѣческимъ. Знай, что крестъ былъ знакомъ осужденія и казни прежде, а нынѣ онъ— предметъ досточтимый и вожделенный; крестъ прежде былъ орудіемъ посрамленія и наказанія, а нынѣ онъ сдѣлался поводомъ къ славѣ и чести. А что крестъ есть слава, послушай Христа, который говоритъ: *Отче, прослави Мя славою, юже имѣхъ прежде міръ не быть* (Іоан. 17, 5); славою своею именуетъ крестъ. Крестъ есть начало спасенія нашего. Ради креста, мы, прежде отверженные, теперь на мѣсто сыновъ приняты; ради креста мы, бывшіе рабы грѣха, въ свободу правды возведены; ради креста земля наша уже небомъ сдѣлалась. Силою креста нѣтъ теперь у насъ дыма, и куренія, и пролитія крови скотовъ, но вездѣ службы духовныя, пѣнія и молитвы. Крестъ насъ, сѣдящихъ во тмѣ, просвѣтилъ, удалившихся сдѣлалъ близкими, отчужденныхъ присвоилъ, насъ странниковъ сотворилъ небесными гражданами. Чрезъ крестъ мы уже не въ сиротствѣ, ибо жениха получили. Помощію креста мы болѣе не спрашимся мучителя, ибо приступили къ царю нашему. Видишъ ли, сколь многихъ благъ крестъ содѣлался для насъ виновникомъ? И такъ мы по справедливости празднуемъ нынѣ,— для чего и Павелъ увѣщаваетъ насъ праздновать, говоря: *Тѣмже да празднуемъ, не въ квасѣ ветсѣ, ни въ квасѣ злобы и лукавства, но въ безквасіихъ чистоты и истины* (1 Кор. 5, 8). Но почему ты, о Павелъ блаженный, повелѣваешъ намъ праздновать? Скажи намъ причину. *Ибо пасха наша*, говоритъ онъ, *за ны пожренъ бысть Христосъ*. А гдѣ жертва, тамъ испребленіе грѣховъ, тамъ примиреніе съ Господомъ,— тамъ празднество и радость: *пасха наша за ны пожренъ бысть Христосъ*. Гдѣ пожренъ? На высокомъ крестѣ. Опять,— мы по справедливости празднуемъ нынѣ.

СВ. КИПРІАНА КАРѲАГЕНСКАГО.

Примѣры гнѣва Божія на недостойно пріемлющихъ св. Тайны.

Чего можно ожидать добраго отъ человѣка, который весь будучи покрытъ ранами и изьязвленъ отъ своего паденія, дерзаетъ нагло возвышать голосъ свой, и негодовать

на пресвитеровъ Господнихъ, за то, что они не позволяютъ нечистымъ рукамъ его касаться святаго Тѣла Спасителя и устамъ, полнымъ нечестія, пить святую кровь Его? Богомъ заклинаю васъ, братіе, разсмотрите сами, какъ безразсудны подобные поступки! Ты возстаешь противъ Того, котораго благодѣющая десница силится отвратить гнѣвъ Божій, тяготѣющій надъ главою твоею,— угрожаешь тому, который врачуетъ язвы твои, коихъ самъ ты не чувствуешь.

Чтоже— говорятъ нѣкоторые нечестивцы— будто, въ самомъ дѣлѣ, наказаніе Божіе постигаетъ тѣхъ, которые отрицаются Іисуса Христа, и будто они несчастнѣе другихъ въ жизни! Ахъ! если, до времени, они и избѣгаютъ заслуженнаго наказанія, то рано или поздо оно непремѣнно постигнетъ ихъ.— Рѣдко, впрочемъ, они остаются не наказанными и на землѣ.—

Во время гоненія, нѣкоторые родители, будучи принуждены спасаться бѣгствомъ, въ замѣшательствѣ, оставили, дочь— младенца на рукахъ кормилицы. Эта нечестивая женщина отнесла дитя къ судьямъ, изъ которыхъ одинъ, омочивъ кусокъ хлѣба въ жертвенное вино идоловъ, далъ его дитяти. Чрезъ нѣсколько времени, мать возвратилась изъ своего убѣжища, и дочь была отдана ей; но по молодости, дитя не могло ни разсказать, ни какъ либо иначе указать родителямъ того преступленія, которое оно невольно совершило, но которому не могло и воспрепятствовать. Вскорѣ, все было забыто; но однажды, когда я совершалъ божественную Литургію и мать ввела дитя въ собраніе вѣрныхъ, оно, какъ бы не могши стерпѣть святыхъ молитвъ нашихъ, начало издавать страшные крики и метаться въ ужасныхъ мученіяхъ, среди которыхъ, знаками показывало причину тѣхъ мученій, которыя оно терпѣло.— Въ концѣ Литургіи, Діаконъ, обходя присутствующихъ, раздавалъ имъ святое причастіе и когда подошелъ къ сему дитяти, то оно, какъ бы по нѣкоему инстинкту, угадавъ приближеніе Величества Божія, отвратило лице свое, смѣжило уста и всѣми силами старалось оттолкнуть отъ себя св. чашу.— Не смотря на сопротивленіе дитяти, Діаконъ не потерялъ присутствія духа и влилъ ему нѣсколько капель пречистой Крови.— Мгновенно произошли судорожное иканіе и рвота. Пречистная кровь Богочеловѣка не могла оставаться ни въ тѣлѣ, ни даже въ устахъ, осквернennыхъ возліяніемъ идольскимъ. Такъ велико могущество и величіе Божіе!

Былъ еще нѣкто другой изъ Христіанъ, который, не смотря на свое недостоинство, дерзнулъ приступить къ алтарю, но едва простеръ руку къ св. чашѣ для принятія причащенія, какъ, тотъ же часъ, увидѣлъ ее окруженною пламенемъ, которое воспрепятствовало ему исполнить свое намѣреніе.

Наконецъ, я знаю одного, который несмотря на то, что совѣсть его отягчена была множествомъ грѣховъ, осмѣлился тайно, между другими, приступить къ принятію причащенія; но когда онъ

хотѣлъ уже вкусить Тѣла Господня,— въ рукахъ его очутился пепелъ!

Увы! Сколько и нынѣ такихъ, которые, приступая къ причащенію, не думаютъ приносить покаянія, не подвергаютъ своихъ грѣховъ строгому разсмотрѣнію, и чрезъ то становятся обиталищемъ нечистыхъ духовъ! Пусть же каждый теперь разсуждаетъ, не столько о тѣхъ наказаніяхъ, которымъ подверглись другіе недостойно причащающіеся, сколько о тѣхъ, которые могутъ постигнуть насъ самихъ за подобное преступленіе, и если никто изъ насъ еще доселѣ не испыталъ на себѣ мщенія Божія, то пусть не обольщается ненаказанностію за подобный грѣхъ. Не высокомудрствуемъ, но да трепещемъ (а)!

ПОКАЯННЫЯ ВОЗДЫХАНІЯ

ГОТОВЯЩАГОСЯ КЪ ТАИНСТВУ ПОКАЯНІЯ.

Боже святый и праведный! пренебрегая богатство кротости и долготерпѣнія Твоего, я безконечно оскорбилъ Твою благость, преогорчилъ отеческую любовь Твою своею жизнію, раздражилъ Твое правосудіе своими поступками. Воспоминая мои мысли, слова и дѣла, чувствую, что я весь подвергся святому и страшному суду Твоему, что во мнѣ нѣтъ ничего оправдывающаго меня, или извиняющаго предъ Тобою, что посему правда Твоя всецѣло осуждаетъ меня! Если бы даже предалъ Ты меня на судъ Твоихъ тварей: то меня осудили бы св. Ангелы Твои, цѣлыя тысящелѣтія неуклонно соблюдающіе волю Твою, осудили бы бывшіе подобострастными мнѣ благоугодившіе Тебѣ Праведники, обвинили бы меня всѣ созданія, со страхомъ и трепетомъ исполняющія законы Твои! Ахъ, я самъ осуждаю себя, признаю себя достойнымъ геенны огненной, достойнымъ вѣчныхъ мученій и познаю, что одно милосердіе Твое, Боже, можетъ пощадить меня, одна любовь Твоя можетъ помиловать меня. И Ты щадишь еще меня по Твоему благоутробію, долготерпишь мнѣ, не желая вѣчной смерти моей, но ожидая моего обращенія на путь покаянія. Почему, взирая на примѣры помилованныхъ Тобою, покаявшихся Давида, Манассіи, Маріи Магдалины, Петра Апостола, разбойника исповѣдавшаго Тебя, Христе, въ часъ кончины своей, и всѣхъ, которыхъ покаянія не отвергло Твое человѣколюбіе, повергаюсь предъ Тобою, Всеблагій премилосердый Боже! и всею крѣпостію души и сердца моего умоляю неистощимое Твое милосердіе: не отринь моего раскаянія, пріими меня обращающагося къ Тебѣ.

О, кто дастъ очамъ моимъ пучину слезъ, чтобы я могъ оплакать грѣхи мои! Очи мои, лейте слезы день и ночь, не столько потому, что я потерялъ царствіе небесное, что минутныя удовольствія предпочелъ вѣчному блаженству, уготованному любящимъ Бога, что я заслужилъ безконечныя мученія въ геенѣ огненной, сколько потому, что я оскорбилъ отческую любовь Божію, порочилъ своими поступками праведное имя Его, безчестилъ своимъ поведеніемъ св. Церковь Его, что я отъ матерняго чрева преступникъ закона Божія, что по злобѣ сердца моего я постоянно противился всеблагой волѣ Создателя моего, что грѣхъ овладѣлъ

(а) Изъ книги о падшихъ.

всѣмъ существомъ моимъ, проникъ въ кости и мозги тѣла моего, отравилъ ядомъ своимъ мысли и чувства мои, волю и всѣ силы души моей, что я отпалъ отъ завѣта Божія, отложился отъ Спасителя моего, сдѣлался невѣренъ обѣтамъ, даннымъ мною во св. Крещеніи, разодралъ одежду оправданія, сотканную мнѣ страданіями Господа моего, попралъ своими беззаконіями завѣтную кровь Его, оскорбилъ благодать Духа Святаго, преступилъ святыя праведныя и благія заповѣди Божіи, сталъ отчужденъ отъ жизни святыхъ и сдѣлался мертвымъ для добрыхъ дѣлъ: потому, что, уклонившись отъ спасительныхъ путей Божіихъ, доселѣ въ затмѣніи ума я исполнялъ волю плоти и помысловъ своихъ, поступалъ въ помраченіи своего разума, пренебрегалъ данныя мнѣ Промысломъ уроки, не пользовался случаями къ исправленію моей жизни, привязался къ порокамъ, прилѣпился всею душею къ мерзостямъ, воздѣлывалъ нечестіе, пожиналъ беззаконія, провождалъ жизнь по волѣ лукаваго сердца моего; приращалъ беззаконіе къ беззаконію и преступилъ во злѣ всякую мѣру! Какая слѣпота безумная, какая злостная, ужасная дерзость! Я— ничтожный червь земной— столь неблагодаренъ предъ Богомъ, Создателемъ, Отцемъ, Благодѣтелемъ, Спасителемъ моимъ!

Такъ, совѣсть моя упрекаетъ, мучитъ, терзаетъ меня, пороки мои обвиняютъ меня! Волнуютъ меня мысли мои, возмутился духъ мой, горько стало сердцу моему, разболѣлись грѣховныя язвы души моей, она истаяла отъ разслабленія силъ своихъ, а при сознаніи вины моей, при ощущеніи грѣховныхъ ранъ моихъ, горечью отравлена жизнь моя, отвратительны стали для меня всѣ блага міра сего. Ужасаюсь и трепещу, что я поработился беззаконіямъ! Они мучительнѣе для меня всякой болѣзни, язвительнѣе всякаго оружія, несноснѣе всякаго бѣдствія, ужаснѣе для меня адскихъ мученій, страшнѣе геенны огненной! Но всего горестнѣе, всего ужаснѣе, что я оскорбилъ Тебя, Бога Спасителя моего, преогорчилъ Тебя, коего попеченіе доселѣ хранило меня, коего отеческая любовь до сего времени питала меня своею милостію, руководила меня своею благодатію! А я оставилъ Тебя Бога, Благодѣтеля моего, не хотѣлъ знать путей Твоихъ; и хотя сколько разъ съ великимъ милосердіемъ Ты принималъ меня обращавшагося къ Тебѣ, но беззаконіе доселѣ не отдѣлилось отъ сердца моего, не отстало отъ души моей. Да источится въ печали о семъ жизнь моя и лѣта мои въ стенаніяхъ! О злосчастны дни, въ которые я предавался порокамъ, въ которые поступалъ я по вожделеніямъ сердца моего! Отъ всей души и сердца гнушаюсь грѣхами моими, ненавижу ихъ Твоею, Боже мой, ненавистію, на вѣки отвращаюсь отъ нихъ и проклинаю ихъ!

И Ты медленъ на гнѣвъ, Создателю мой, милосердіе Твое неистощимо, благость Твоя безконечно превосходитъ злобу сердца моего, любовь Твоя къ своему созданію выше всякаго вѣроломства данныхъ предъ Тобою обѣтовъ моихъ! Ты подъялъ на себя всю тяжесть грѣховъ и беззаконій человѣческихъ Христе Спасителю, принялъ на себя проклятіе, которому подвергаетъ меня правда закона Твоего! Ты умилостивленіе за грѣхи всѣхъ людей предъ правосудіемъ Божіимъ, Ты Ходатай все-

го рода человѣческаго предъ Отцемъ небеснымъ и очистительная жертва грѣховъ всего міра! Всего себя предаю милосердію Твоему, Боже мой! всю надежду мою возлагаю на крестныя страданія Твои, Спасителю мой! всею душею объемлю сей вѣрный якорь моего спасенія! Будь и моимъ Спасителемъ, Господи! Умоляю Тебя подвигами Апосполовъ, кровію и страданіями мучениковъ, трудами и потами преподобныхъ, добродѣтелями всѣхъ благоугодившихъ Тебѣ своею жизнію, преимущественно же молитвами и ходатайствомъ благословенной въ женахъ приснодѣвственной Твоей Матери! Умоляю Тебя, Спасителю рода человѣческаго! не входи въ судъ со мною бѣднымъ, да отвратится еще отъ меня ярость правосудія Твоего, не обличай еще меня во гнѣвѣ Твоемъ, не наказывай по правдѣ Твоей, не оставляй еще меня своею благодатію, не поступай еще со мною по моимъ поступкамъ, не воздавай Твоимъ правосудіемъ по дѣламъ моимъ! Ты видишь, Господи, что я самъ гнушаюсь грѣхами моими, ненавижу то, что дѣлаю; видишь, что отъ преобладанія царствующаго во мнѣ грѣха какъ бы не въ моей волѣ путь мой и не въ моей власти направленіе шаговъ моихъ, что жизнь моя подобна хожденію во мракѣ по скользскимъ стремнинамъ! Обрати меня и я обращусь къ Тебѣ, спаси меня и я буду спасенъ; взыщи меня погибшаго, возставь низпадшаго въ бездну грѣховную! Приближься къ душѣ моей, низпосли мнѣ духъ умиленія, сокруши Твоею благодатію окамененіе сердца моего, умягчи его ожесточеніе, изведи изъ очей моихъ потоки слезные!

И Ты, богатый милостію и человѣколюбивый! по неистощимой благости своей даровалъ грѣшнику благонадежный якорь спасенія въ таинствѣ покаянія, поставилъ въ немъ судилище не для осужденія, но для оправданія кающагося; устроилъ врачебницу для исцѣленія язвъ и недуговъ душевныхъ, учредилъ въ семъ таинствѣ училище для наставленія заблуждшихъ на путь Твой благой! Ты поставилъ пастырей Церкви для подаянія помощи утопающимъ въ пучинѣ страстей и соблазновъ міра сего; вручилъ служителямъ алтарей Твоихъ на время судъ Твой, по которому то, что они прощаютъ, и Ты, Господи, прощаешь,— что они разрѣшаютъ, разрѣшаешь и Ты, а что они связываютъ на землѣ, то остается связаннымъ Тобою на небесахъ; сихъ домостроителей таинъ Твоихъ Ты содѣлалъ орудіями благодати Твоей, всѣ недуги исцѣляющей, и проповѣдниками слова Твоего, чтобы возвѣщать рабамъ грѣха свободу сыновъ Твоихъ, чтобы пасомые пастырями Церкви Твоей внимали отъ устъ ихъ оправданіямъ Твоимъ, учились путямъ Твоимъ. Вмѣстѣ съ симъ правда Твоя, Господи, требуетъ отъ меня учинить искреннее сознаніе грѣховъ моихъ, исповѣдать предъ сими орудіями Твоей благости мои преступленія, обнаружить язвы души моей, открыть стропотные пути мои, чтобы Ты, Спасителю мой, будучи вѣренъ и благъ, простилъ мнѣ по обѣтованію своему прегрѣшенія мои и очистилъ меня отъ всякія неправды. Просвѣти очи сердца моего, да познаю и исповѣдаю предъ духовнымъ пастыремъ, судіею, врачемъ и наставникомъ моимъ всѣ грѣхи мои, всю злобу ихъ, случаи къ нимъ и мѣста, въ которыхъ совершалъ ихъ! Быть можетъ исповѣданіе грѣховъ моихъ, на которое те-

перь рѣшаюсь, послѣднее въ жизни моей, быть можетъ въ послѣдній разъ Ты отверзаешь мнѣ двери покаянія. Будь же во устахъ и въ сердцѣ моемъ, Господи! да будетъ сія исповѣдь моя искреннимъ и совершеннымъ сознаніемъ моимъ во всемъ томъ, въ чемъ согрѣшилъ я предъ Тобою невѣріемъ божественному Твоему слову, сомнѣніемъ въ его святѣйшихъ истинахъ, пропивленіемъ св. Церкви Твоей, преступленіемъ Твоихъ заповѣдей и всѣмъ, въ чемъ упрекаетъ меня совѣсть моя, озаренная Твоимъ закономъ!.....

Укрѣпи меня, Господи, Твоею благодатію, да не сомкнетъ устъ моихъ ложный стыдъ и опасеніе въ сознаніи грѣховъ моихъ; даруй мнѣ искренно осудить себя на семъ судилищѣ Твоемъ, чтобы не быть мнѣ осужденнымъ въ часъ страшнаго суда Твоего, да откровенное исповѣданіе грѣховъ моихъ предъ служителемъ Твоимъ, хотя соединенное съ минутнымъ стыдомъ, избавитъ меня отъ всемірнаго позора и стыда во время пришествія Твоего; да святотаинственное упаеніе грѣховъ моихъ въ семъ таинствѣ покаянія не увеличитъ ихъ тяжести! И за чемъ скрывать мнѣ мою нищету духовную, къ чему таить гнилыя раны совѣсти моей, почто стыдиться мнѣ исповѣдать, по заповѣди Твоей, Спасителю, грѣхи мои предъ пастыремъ Церкви, когда и безъ того Ты знаешь мысли мои, проникаешь всѣ движенія сердца моего? Почто стыдиться мнѣ подобнаго мнѣ человѣка, когда и безъ того всѣмъ извѣстно, что я грѣшникъ? Почто краснѣть мнѣ, когда рѣшаюсь, посредствомъ таинства покаянія, омыть гнусныя нечистоты души моей, если я не краснѣлъ предаваться имъ, валяться въ грязи беззаконій? Почто опасаться минутнаго стыда, если я изъ любви къ Тебѣ, Боже, долженъ бы охотно предать себя на всѣ роды страданій; если во глубинѣ души моей сознаю, что я безконечно оскорбилъ Твою благость, заслужилъ муки геенскія? И такъ въ упованіи на неистощимое Твое милосердіе, Боже, приступаю къ благодатному Твоему судилищу, прихожу въ уготованную мнѣ Твоею любовію врачебницу,— въ таинственное училище путей Твоихъ, и приношу съ собою всѣ грѣхи мои и беззаконія, до которыхъ я допустилъ себя отъ начала жизни моея до настоящаго часа, раскрою смрадныя язвы души моей, исповѣдую превратныя пути, по которымъ носилъ меня вѣтеръ беззаконія, покажу тяжкія оковы, которыя содержатъ меня въ грѣховной неволѣ! Даруй Господи духовному моему отцу познать отчаянное состояніе души моей, взвѣсить тяжесть моихъ поступковъ, изречь надо мною судъ Твой по милосердію Твоему; вразуми его проникнуть всю глубину душевныхъ язвъ моихъ, приложить къ нимъ цѣлебный пластырь слова Твоего, подать спасительное врачевство лютымъ болѣзнямъ души моей, оживотворить омертвѣвшіе для добра силы мои! Наставь его Духомъ Твоимъ святымъ подать мнѣ спасительные совѣты къ исправленію моей жизни, къ истребленію соблазновъ, причиненныхъ безразсудными моими поступками, наставить меня,— какъ уклоняться отъ зла и поступать по Твоему всеблагому произволенію! Дай силу сему пастырю моему разрѣшить меня отъ несносныхъ узъ грѣховныхъ и извести меня на свободу сыновъ царствія Твоего!

Всеблагій и премилосердый Боже! извлеки меня изъ бездны грѣховной, прости по своему человѣколюбію мои прегрѣшенія, освободи меня отъ грѣховныхъ недуговъ, уврачуй язвы души моей, воскреси для жизни сообразной съ Твоею волею, расторгни узы связывающіе душевныя силы мои, даруй мнѣ свободу сыновъ Твоихъ, облеки меня снова въ одежду оправданія Твоего, ниспосли радость спасенія Твоего, направь стопы мои на путь Твой, заставь меня отстать отъ путей беззаконія, принудь перестать быть грѣшникомъ: да съ тѣми блаженными, которые принесли Тебѣ истинное покаяніе, и я превозношу благость и человѣколюбіе Твое Отче, Сыне и Душе Святый во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОКАЯННЫЯ ВОЗДЫХАНІЯ

послѣ исповѣди.

Утверди, Боже, Твоею благодатію слово изреченное о мнѣ Твоимъ служителемъ, не воспоминай на небеси прощеннаго мнѣ здѣсь строителемъ таинъ Твоихъ! Укрѣпи меня въ моемъ предположеніи впредь провождать жизнь по Твоимъ заповѣдямъ, пріими исповѣданіе грѣховъ моихъ вмѣсто дѣлъ праведности, которыхъ не имѣю, пріими слезы покаянія моего вмѣсто жертвъ благоугодныхъ Тебѣ! Возбуди во мнѣ такое отвращеніе отъ грѣховъ, какое свойственно Твоей святости, даруй мнѣ столько ненавидѣть ихъ, сколько ненавистны они правдѣ Твоей! о Господи! доколѣ будутъ гнѣздиться въ сердцѣ моемъ помышленія злыя, желанія безразсудныя? доколѣ мнѣ быть рабомъ грѣховныхъ моихъ привычекъ? доколѣ суетность будетъ увлекать мои мысли? доколѣ будутъ держать меня въ неволѣ своей нечестивые обычаи и грѣховныя удовольствія міра сего? Истреби во мнѣ все противное очамъ Твоимъ, искорени всякое зло, скрывающееся въ сердцѣ моемъ, исторгни меня изъ плѣненія міра сего, приведи въ омерзеніе беззаконныя утѣхи и забавы его; дай мнѣ умереть для суеты его и жить во славу святаго имени Твоего!

Горько мнѣ, что я такъ часто забывалъ Тебя, Бога моего, что предъ взоромъ Твоего всевѣдѣнія я обращался такъ, какъ будто бы не было Тебя въ семъ мірѣ! Скорблю, что я оскорбилъ Тебя, вѣчная благость, что я не любилъ Тебя всѣмъ сердцемъ, любовь безконечная; что я доселѣ не возчувствовалъ любви Твоей ко мнѣ, Спасителю; что я не размышлялъ со всѣмъ напряженіемъ умственныхъ силъ моихъ о подвигахъ, трудахъ, кровавомъ потѣ и крестныхъ страданіяхъ, подъятыхъ Тобою ради моего спасенія; что я не имѣлъ въ мысляхъ моихъ безконечной цѣны моего искупленія, которое стоило крови Твоей!

О если бы я могъ познать отвратительность и злобу грѣховъ моихъ Твоимъ познаніемъ ихъ, Спасителю мой! О если бы сердце мое проникнуто было такою скорбію о томъ, что я огорчалъ Тебя, Бога моего, какою объято было Твое, Господи, сердце, когда, въ часъ молитвы Твоей ко Отцу небесному, кровавый потъ облилъ пречистое тѣло Твое! Возбуди во мнѣ, сладчайшій Іисусе, такую горесть, порази сердце мое такимъ болѣзнованіемъ о грѣховномъ моемъ состояніи, какими Твое страдало сердце, когда Ты молился за меня въ саду Геѳсиманіи. О если бы я могъ оплакать грѣхи мои

самыми горькими, кровавыми слезами! Господи! даруй мнѣ такія слезы, даруй мнѣ искреннія слезы покаянія! Ты знаешь что я искренно желалъ бы со всею скорбію души моей оплакивать каждый грѣхъ мой, но по ожесточенію во грѣхахъ сердца моего во мнѣ изсякъ источникъ слезъ, и безъ содѣйствія благодати Твоей не могу оплакивать грѣховъ моихъ! Низпошли мнѣ, Спасителю, благодать сію, возбуди во мнѣ всеискреннее сокрушеніе, умягчи, приведи въ умиленіе сердце мое: да сокрушаюсь, болѣзную, плачу о томъ, что я сталъ преступникомъ благихъ заповѣдей Твоихъ, свергнулъ съ себя сладкое бремя закона Твоего! Прискорбно, тяжко, больно мнѣ, что не могу скорбѣть отъ всей души моей, не сокрушаюсь тѣмъ сокрушеніемъ о грѣхахъ моихъ, которое досподобно Твоего помилованія; что не ощущаю въ себѣ болѣзнованія, соразмѣрнаго грѣхамъ моимъ, что я не скорблю объ оскорбленіи своими поступками благости Твоей, какъ желаю скорбѣть! Но не отвращай лица Твоего отъ меня, купленнаго кровію Твоею, Спасителю мой! взыщи меня погибшую овцу Твоего стада; исторгни изъ челюстей вѣчнаго врага моего, готоваго поглотить меня; возми меня на руки милосердія Твоего и принеси во ограду св. Церкви Твоей!

Отче небесный! Отче единороднаго Сына Твоего, Господа моего Іисуса Христа! да будутъ заслуги Его цѣною милосердія Твоего и надо мною окаяннымъ! Пріими подвиги, труды, страданія и язвы Его въ жертву, удовлетворяющую правосудію Твоему и за мои беззаконія! Да будетъ безцѣнная кровь Спасителя моего цѣною и моего вѣчнаго спасенія! да исходатайствуетъ крестная смерть Его прощеніе и моихъ грѣховъ, хотя ихъ болѣе нежели волосовъ на головѣ моей!

Душе Святый! ради ходатайства Іисуса Христа, принесшаго Себя въ жертву за спасеніе міра, попали во мнѣ прозябенія и корни грѣховные огнемъ любви Твоей, обнови меня силою Божества Твоего, освяти наитіемъ благодати Твоей, отрѣши сердце мое отъ всякаго земнаго пристрастія, искорени изъ него всякую дурную склонность, влекущую на путь порока, изсуши во мнѣ всѣ протоки чувственности, распали меня огнемъ любви божественной! Душе Святый! безъ благодати Твоей я ничто, не ощущаю въ себѣ никакой добродѣтели, не могу, не въ силахъ сдѣлать ничего добраго: содѣйствуй мнѣ въ исполненіи святыхъ заповѣдей, даруй мнѣ отнынѣ ничего не мыслить, ничего не желать, ничего не дѣлать противнаго благодати Твоей, но удостой жить цѣломудренно, праведно, благочестиво, и введи меня въ вѣчное царство Спасителя моего!

Премилосердый тріединый Боже! даруй мнѣ въ сей жизни и въ будущей прославлять Тебя Отца и Сына и святаго Духа во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОКАЯННЫЯ ВОЗДЫХАНІЯ

готовящагося къ принятію святыхъ и животворящихъ таинъ Христовыхъ.

Совершается таинство отъ вѣчности сокровенное, прежде вѣковъ предназначенное въ славу вѣрующихъ! Уготовляется божественная трапеза— таинственный духовный пиръ, свидѣтельствующій о безконечной любви Божіей къ человѣку, о пламенномъ желаніи Спасителя содѣлать кающагося грѣшни-

ка причастникомъ божественнаго естества своего, и наслѣдникомъ вѣчнаго блаженства! И церковь матернимъ гласомъ призываетъ сыновъ своихъ приступить къ престолу благодати Божіей, чтобы получить милость и обрѣсти благовременную помощь, необходимую для преспѣянія въ благочестіи и пріобрѣтенія царствія небеснаго; призываетъ къ участію въ уготованномъ вѣчною благостію пирѣ любви божественной,— ко вкушенію хлѣба и питія вѣчной жизни, къ принятію залога нескончаемаго веселія!

Если размышляя объ отеческомъ попеченіи Божіемъ, коимъ питаемы были въ безплодной пустынѣ Израильтяне, Пророкъ воскликнулъ, что Богъ самое желаніе ихъ далъ имъ: то что сказать удостоивающемуся во святомъ причастіи принять внутрь себя Того, который есть весь желаніе и сладость, весь любовь безконечная, превосходящая ощущеніемъ сообщаемаго имъ блаженства все то, чего только можетъ желать въ семъ мірѣ сердце человѣческое!

Но какъ осмѣлюсь приступить къ престолу толикой благодати, какъ дерзну отверзти двери сердца моего для принятія въ бренную храмину души моей Господа моего, не имѣя свѣтлой одежды, потерявъ ризу оправданія, данную мнѣ имъ во святомъ крещеніи? Господи! я недостоинъ, чтобы Ты вошелъ подъ кровъ мой! даже чувствую и сознаю, что я недостоинъ бытія, которое даровала мнѣ благость Твоя, недостоинъ благодѣяній, повсечасно Тобою на меня изливаемыхъ, недостоинъ милости, по которой человѣколюбіе Твое доселѣ щадило меня, недостоинъ возносить къ Тебѣ вопль души моей; но достоинъ Твоего отверженія, достоинъ всякаго осужденія: потому что оскорбилъ отеческую Твою благость, упорно поступалъ вопреки благодати Твоей, Спасителю міра! Какъ же я, сожженный совѣстію, рѣшусь приступить къ Тебѣ, Богу моему? какъ я, трава, изсохшая отъ зноя грѣховнаго, дерзну прикоснуться къ Тебѣ огню божественному, поядающему беззаконныхъ?

Господи! Ты ли войдешь внутрь такого, какъ я, грѣшника? Ты источникъ жизни, я убійца души моей; Ты присносущный свѣтъ, я омраченъ тьмою адскою; Ты всеобъемлющая премудрость, во мнѣ только легкомысліе и безуміе; Ты высочайшая, единственная святость, я весь проникнутъ ядомъ грѣховнымъ; Ты безконечная благость, я ожесточенная во грѣхахъ злоба; Ты вѣчная правда, я ложь и пропивникъ истины Твоей; Ты пламенная любовь, я пью беззаконія, какъ воду; Ты податель всѣхъ благъ, я Твой должникъ неоплатный; Ты Господь вселенныя, я невольникъ грѣха, ничто; Ты достоинъ вѣчнаго славословія, я достоинъ вѣчныхъ мученій!

Но вѣруя и исповѣдуя, что Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго, пришелъ въ міръ спасти грѣшниковъ, изъ которыхъ я первый, что милосердіе Твое превышаетъ всякое понятіе, всякое выраженіе, повергаюсь предъ Тобою, изъ глубины души взывая къ Тебѣ, Богу моему: не отвращай еще лица Твоего отъ меня, не возгнушайся омерзительнымъ сердцемъ моимъ, но призри на меня милосердіемъ Твоимъ, сжалься надо мною по Твоему благоутробію! Ты видишь, какъ я несчастенъ! Изранили душу мою грѣхи мои, очернили и сняли съ нея одежду оправданія Твоего, обложили своими сѣтями и влекутъ

меня въ вѣчную погибель! При всемъ томъ вѣрую, что Ты не престалъ быть моимъ Спасителемъ! дерзаю именовать Тебя сладчайшимъ симъ именемъ потому что Ты отдалъ жизнь свою, до капли за меня истощилъ кровь свою. Помилуй меня Господи! Нѣтъ для Тебя ничего невозможнаго. Ты силенъ избавить меня изъ бездны грѣховной, спасти и водворить меня въ царствіи Твоемъ. Предаю себя въ волю Твою; твори со мною, что хочешь, какъ хочешь!

Доселѣ Ты щадилъ меня, Спасителю, по Твоему милосердію, миловалъ меня, не смотря, что я упорно противился влеченію любви Твоей; доселѣ Ты отечески ожидалъ моего возвращенія къ Тебѣ, когда я бѣгалъ отъ Тебя, далеко былъ отъ Твоей святости, далеко— въ странѣ беззаконій! Теперь возвращаюсь, припекаю къ Тебѣ, умоляю Тебя: пріими меня заблудшаго, спаси погибающаго, воскреси умершаго для Тебя, дай мнѣ на вѣки прилѣпиться къ Тебѣ, сотвори со мною и ту высочайшую милость, которая цѣлую вѣчность приведетъ въ изумленіе!— Сниди въ храмину души моей въ таинственныхъ видахъ тѣла и крови Твоей! Приближься, пріиди ко мнѣ, не ожидая, пока я буду достоинъ Тебя; пріиди и содѣлай меня угоднымъ Тебѣ, самъ уготовь для себя во мнѣ обитель, уготовь ее какъ хочешь, какъ знаешь, и какъ можешь! А Ты все можешь! Посѣти же бѣдное мое сердце, посѣти, не взирая на отвратительную нечистоту его! Хотя въ немъ гнѣздятся лукавые помыслы, хотя изъ него исходятъ грѣхи, оскверняющіе меня; но оно томится, тоскуетъ по Тебѣ, жаждетъ Тебя жаждою томительною, ничѣмъ, кромѣ Тебя, неугасимою! Душа моя стремится, исходитъ на зовъ Твой, какъ въ знойный день лѣта томимая жаждою лань стремится на источники водныя!

Гряди Спасителю мой, жизнь моя, душа души моей! Расторгни связывающіе меня узы грѣховные, сокруши сіи тяжкія оковы, попали во мнѣ огнемъ любви Твоея все противное взору Твоему, исцѣли адскую проказу души моей, оживотвори ея мертвенность, просвѣти грѣховное омраченіе ума моего, претвори мое сердце по сердцу Твоему, или лучше, исторгни изъ меня злое, лукавое, и дай мнѣ сердце чистое, достойное Тебя! дай мнѣ сердце чистое, и распали его такою жаждою неразрывнаго, вѣчнаго соединенія съ Тобою, которая бы постоянно усиливалась, росла, горѣла непотухающимъ огнемъ любви Твоей во вѣки вѣковъ!

Пріиди Спасителю мой, облеки меня одеждою спасенія Твоего! Да снидутъ съ Тобою внутрь души моей заслуги Твои, благодать Твоя, совершенства Твои! Усвой мнѣ Твою праведность, проникни Твоею святостію! Гряди Спасителю Христе, пріявшій силу и богатство, премудрость и крѣпость, честь и славу, благословеніе и державу со безначальнымъ Твоимъ Отцемъ и присносущнымъ Тебѣ Духомъ святымъ во вѣки вѣковъ! Аминь!

ВОЗНОШЕНІЕ

мыслей и сердца ко Спасителю по принятіи св. и животворящихъ таинъ его.

Откуда это мнѣ, что Господь и Богъ мой пришелъ ко мнѣ, величайшему грѣшнику, низшелъ въ плѣнную обитель червя земнаго? Какой воздамъ Тебѣ привѣтъ, какимъ угощеніемъ почту Тебя, Спасителю мой? Вмѣсто осу-

жденія моего; Ты соединился со мною; вмѣсто вѣчнаго гнѣва, явилъ мнѣ неизреченную сладость любви своей; вмѣсто того, чтобы поразить меня молніею ярости Твоей, Ты привлекъ меня къ себѣ своею благостію; вмѣсто того, чтобы попалить меня огнемъ правосудія Твоего, Ты напиталъ меня пищею безсмертія; вмѣсто вѣчной пагубы, Ты оказалъ еще мнѣ милость и пощаду; вмѣсто того чтобы на вѣки отринуть меня, Ты низшелъ въ бренную храмину души моей!

И какими ощущеніями исполнило меня пришествіе Твое, Спасителю мой! Сердце мое наслаждается радостію, подобною той, какая оживотворяетъ получившихъ внезапно исцѣленіе отъ мучительной боли; я чувствую въ совѣсти моей легкость, какъ человѣкъ освободившійся отъ безмѣрной, угнѣтавшей его тяжести; сознаю въ себѣ сладость свободы, какъ разрѣшенный отъ тяжкихъ оковъ, по изведеніи своемъ изъ смрадной темницы на чистый воздухъ; восхищаюсь, какъ ожидавшій осужденія, но нечаянно оправданный; радуюсь, какъ долго блуждавшій по непроходимымъ дебрямъ, нашедши прямой путь къ отеческому крову; веселюсь, какъ долго пребывавшій въ мракѣ и неожиданно узрѣвшій при дневномъ свѣтѣ красоту видимаго міра; испытываю отраду подобную ощущаемой тѣми, которые, долго пребывая въ отвратительной нечистотѣ, наконецъ омылись, очистились, одѣлись въ чистыя и свѣтлыя одежды!

О, да возрадуется душа моя о Господѣ, да веселится духъ мой о Бозѣ Спасителѣ моемъ, который призрѣлъ на мое ничтожество, не возгнушался моимъ недостоинствомъ! Благослови душа моя Господа: ты обрѣла Его; обрѣла Того, кого искала, нашла кого желала. Емлись же за Него, обними Господа твоего всею любовію сердца твоего, всею крѣпостію силъ твоихъ, и не отпускай Его, да всегда благословляетъ Онъ тебя всякимъ благословеніемъ духовнымъ! О сколь благъ и сладокъ Господь, какъ счастливъ человѣкъ въ соединеніи съ Тобою, Спасителю! Неудаляйся же отъ меня Господи, не отступай отъ меня, неоставляй меня, пребудь со мною, обитай въ душѣ моей; да не живу уже я, Ты одинъ живи во мнѣ. Уничтожь рукописаніе грѣховъ моихъ, не воспоминай моего безумія, забудь причиненныя мною Тебѣ оскорбленія, пронеси беззаконія мои какъ облако прогоняемое бурею, разсѣй ихъ какъ пыль, уносимую вѣтромъ! Примири меня со св. Твоею Церковію, руководи матерними Ея увѣщаніями, насади въ сердцѣ моемъ повиновеніе ея уставамъ и послушаніе святымъ учрежденіямъ ея. Искорени изъ сердца моего грѣховныя наклонности, не допускай меня порабощаться преступнымъ навыкамъ, не дай врагамъ души моей опутать меня сѣтями адскими, оковать душевныя силы расплѣнными удовольствіями и грѣховными обычаями міра сего! Не допускай меня совращаться съ пути Твоего, не дай снова поникнуть подъ бременемъ грѣховнымъ, удержи ноги мои отъ путей порока, научи руки мои творить дѣла угодныя Тебѣ, устреми взоръ души моей къ созерцанію крестныхъ страданій Твоихъ, даруй мнѣ слухъ ко вниманію слову Твоему, дай устамъ моимъ всегда славословить имя Твое, говорить полезное ближнимъ моимъ, содѣлай всѣ члены тѣла моего орудіями правды Твоей,

очисти грѣховную проказу души моей, обнови меня Твоею святостію, перероди Твоею благодатію, содѣлай новою тварію, оживотвори для жизни, сообразной съ твоею волею: да съ чистою совѣстію прославляю Тебя, Бога моего, въ душѣ и въ тѣлѣ моемъ, да буду живымъ храмомъ Твоимъ!

Господи! даруй мнѣ отнынѣ вмѣсто строптивости— смиреніе, вмѣсто гнѣва— кротость, вмѣсто гордости— нищету духа, вмѣсто забвенія Тебя— живое чувство Твоего вездѣсущія, вмѣсто безпечности— опасеніе соблазновъ и искушеній, вмѣсто лѣни— бодрствованіе надъ собою, вмѣсто разсѣянности мыслей— духъ молитвы, вмѣсто равнодушія къ святынѣ— ревность по славѣ имени Твоего! Напиши благія Заповѣди Твои на сердцѣ моемъ, начертай ихъ въ душѣ моей! Даруй мнѣ рѣшительное отвращеніе отъ пороковъ, содѣлай меня непоколебимымъ въ добрыхъ предположеніяхъ, низпосли постоянство въ добродѣтели, терпѣніе въ бѣдствіяхъ, великодушіе въ горестяхъ, твердую на Тебя надежду во всѣхъ обстоятельствахъ настоящей жизни, возбуди во мнѣ любовь ко врагамъ, желаніе добра всѣмъ любящимъ и ненавидящимъ меня! Даруй силу моему безсилію въ исполненіи Твоего закона, восхити душу и сердце мое, мысли и духъ мой къ Тебѣ— въ горняя: да помышляю о горнемъ, не о земномъ, да неусыпно ищу небеснаго отечества, въ которомъ Ты, Спасителю мой, возсѣдишь одесную Отца небеснаго! Даруй мнѣ забыть все прежнее и простираться впередъ, стремиться неудержимо къ Тебѣ Богу моему! Низпосли мнѣ благой даръ ничего не желать, ничего не жаждать, ничего не любить кромѣ Тебя Спасителя и Бога моего; да славитъ Тебя каждый ударъ сердца моего, каждая мысль моя!

Господи! какъ Ты даровалъ мнѣ Себя въ святѣйшемъ таинствѣ тѣла и крови Твоей; такъ я всего себя предаю Тебѣ. Приношу Тебѣ въ жертву душу и тѣло мое, волю и намѣренія мои, вручаю Тебѣ мысли и чувства мои, слова и дѣла мои, входы и исходы мои, каждое движеніе сердца моего, день и часъ кончины моей! Дай мнѣ, Спасителю мой, умереть для себя, умереть для міра, и жить Тобою для славы имени Твоего до конца дней моихъ! Удостой и меня, Спасителю мой, превозносить на землѣ и на небесахъ всеобъемлющее милосердіе и неистощимое богатство благости Твоей и безначальнаго Твоего Отца съ присносущнымъ Тебѣ Духомъ святымъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

Кіевъ Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 14 Февраля, 1844. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 52. СТРАСТНАЯ СЕДМИЦА 1844.

СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО,

пятый способъ покаянія—

МОЛИТВА.

Имѣешь еще путь покаянія— самый удобный,— которымъ можешь ты освободиться отъ своихъ согрѣшеній. Молись каждый часъ, и молясь не скучай, и не лѣнись упрашивать человѣколюбіе Божіе. Богъ не отвратится отъ тебя, если ты будешь постоянень въ молитвѣ; нѣтъ,— Онъ отпуститъ тебѣ грѣхи твои, и исполнитъ твои прошенія. Если молитва твоя услышана, опять молись молитвою благодаренія; если не услышана, еще болѣе молись, чтобы тебя услышали. Не говори мнѣ: „я много молился,— и доселѣ не услышанъ.“ И это дѣлается часто для твоей же пользы. Богъ знаетъ, что ты лѣнивъ, что ты легко упадаешь въ духѣ; если ты получишь нужное для тебя, пойдешь, и не станешь молиться. Одними нуждами твоими заставляетъ Онъ тебя чаще бесѣдовать съ Собою и упражняться въ молитвахъ. Ибо если теперь, когда у тебя есть необходимость, когда у тебя столько нуждъ, ты лѣнишься,— постоянно не остаешься въ молитвѣ: что было бы тогда, когда бы ты ни въ чемъ не имѣлъ нужды? И такъ Богъ не внимаетъ тебѣ для твоей же пользы; Онъ желаетъ, чтобы ты не отставалъ отъ молитвы. Пребывай же постоянно въ молитвѣ, и не ослабѣвай духомъ. Молитва много можетъ пособить тебѣ, любезный; посему не приступай къ ней, какъ будто къ дѣлу маловажному (Том. II. стр. 299). Мнѣ кажется, тотъ истину скажетъ, кто молитвы назоветъ жилами (нервами) души. Тѣло держится жилами, при помощи ихъ движется, стоитъ, живетъ и имъ стягнуто; прерви жилы,— и вся гармонія тѣла разрушается. Такъ души посредствомъ святыхъ молитвъ содержатся въ согласіи и стройности, ими скрѣпляются, при ихъ содѣйствіи легко совершаютъ поприще благочестія. Если ты отнимешь у себя молитву, ты сдѣлаешь тоже, что рыбу лишишь воды. Какъ для рыбы жизнь— вода, такъ для тебя— молитва (Том. II. стр. 785).

Часто случается, что молясь, мы менѣе оказываемъ уваженія къ Богу, нежели сколько рабъ оказываетъ къ своему господину, воинъ къ своему вождю, даже другъ къ своему другу. Въ то самое время, когда, стоя на колѣнахъ, мы бесѣдуемъ съ Богомъ о дѣлахъ нашего спасенія, когда молимъ Его о прощеніи грѣховъ нашихъ,— въ это время сердце наше разслабѣваетъ, нашъ духъ находится въ палатахъ вельможи или въ домѣ правосудія, и не бываетъ никакаго согласія ме-

жду мыслями и словами нашими. Каждый день впадаемъ мы въ такую погрѣшность. Многіе входятъ во храмъ, произносятъ великое число молитвъ,— и выходятъ оттуда не зная, что они говорили. Какъ?— ты самъ не слышишь, что говоришь,— и хочешь, чтобы Богъ услышалъ тебя? Я повергался на колѣна, скажешь ты. Да, тѣло твое находилось въ церкви, а духъ былъ въ другихъ мѣстахъ; твои уста произносили молитвы, но твой духъ помышлялъ о договорахъ, о торгахъ, промѣнѣ, о посѣщеніяхъ. Въ храмѣ, во время молитвы, демонъ особенно нападаетъ на насъ; ибо знаетъ, что тогда особенно производится въ насъ великое преспѣяніе духовное. Во время молитвы онъ представляетъ нашей душѣ толпу вѣшренныхъ мыслей (*изъ 7 бесѣды на книгу Бытія*).

Будемъ же, возлюбленные, постоянно прибѣгать къ Богу. Когда нужда заставляетъ насъ просить людей о чемъ нибудь: намъ необходимо бываетъ сперва задобрить и придверниковъ, и нахлѣбниковъ и льстецовъ, необходимо иногда предпринимать дальнюю дорогу. У Бога ничего такаго нѣтъ; Его можно упросить безъ посредника, безъ денегъ, безъ издержекъ. Онъ склоняется на наши просьбы. Довольно возопишь однимъ сердцемъ, принесши Ему слезы,— и тотчасъ ты будешь допущенъ, тотчасъ склонишь Его къ милосердію (Том. II. стр. 307). Если люди окажутъ хотя малѣйшее благодѣяніе, и если ты послѣ того невольно какъ нибудь оскорбишь ихъ не много: они порицаютъ тебя, выставляютъ на видъ свое благодѣяніе, такъ что многіе даже проклинаютъ себя, зачѣмъ они принимали благодѣяніе. Богъ не такъ поступаетъ: послѣ благодѣяній, имъ оказанныхъ, Его часто презираютъ и оскорбляютъ; а Онъ оправдывается, даетъ отчетъ оскорбившимъ Его, такъ говоря: *людіе мои, что сотворихъ вамъ* (Мих. 6, 9.)? Іудеи не хотѣли звать Его своимъ Богомъ, а Онъ не престалъ ихъ именовать людьми своими; они отрекались отъ его власти, а Онъ не отрекался отъ нихъ, Онъ обращался съ ними какъ съ своими, влекъ ихъ къ себѣ, говоря: *людіе мои, что сотворихъ вамъ?* Или я несносенъ, говоритъ, сталъ для васъ, или тяжелъ, или досаденъ? Но вы не можете этого сказать: *Кое обрѣтоша отцы ваши во Мнѣ погрѣшеніе* (Іер. 2, 5.)?— „Чѣмъ Я согрѣшилъ?“ Богъ говоритъ къ людямъ: „чѣмъ Я согрѣшилъ! Такъ и рабы не позволяютъ себѣ говорить предъ господами. Не говоритъ даже: „чѣмъ Я согрѣшилъ *предъ вами*, но— *предъ отцами вашими*. Вы и того не можете сказать, чтобъ питали ко Мнѣ отцовскую вражду; Я и предкамъ вашимъ никогда не подавалъ случая порицать мой Промыслъ, какъ будто бы Я презиралъ ихъ въ чемъ нибудь,— въ маломъ или великомъ.— Не сказалъ просто: *что имѣли отцы ваши*, но,— *что обрѣтоша?* „Они много изыскивали противъ Меня; сколько лѣтъ бывши подъ Моимъ управленіемъ, много ходили около Меня, высматривали: но они не нашли во Мнѣ никакой погрѣшности (стр. 708).“ *Слыши небо, и внуши, земле!*

Слыши небо, ибо ты послало манну: *внуши земле,* ибо ты дала крастелей. Слушай, небо; ибо ты принесло моему народу манну, ибо ты оказалось теперь выше своей природы;— ты было въ вышинѣ, и представило видъ гумна. Внимай, земля; ибо ты была долу, и теперь приготовила трапезу безъ дальнихъ приготовленій. Природа оставалась праздною, а работала благодать одна; волы не орали, а колосья сами выростали; не нужно было ни руки поваровъ, ни ихъ распоряженія; все отправляла одна манна,— манна, источникъ освященный. Природа забывала собственную слабость: какъ не износились ихъ одежды? Какъ не обветшала ихъ обувь? Все служило имъ;— и послѣ столькихъ воспоминаній, послѣ столькихъ благотвореній они оскорбляютъ Господа своего! *Слыши небо, и внуши земле;* ибо съ кѣмъ Мнѣ теперь разговаривать? Съ вами ли? Но между вами нѣтъ человѣка, который бы слушалъ Меня? Вотъ я пришелъ, и не было человѣка; сталъ говорить, и никто не внималъ Мнѣ. Стану теперь говорить съ безсловесными; потому что словесныя мои животныя сдѣлались хуже безсловесныхъ. *Слыши небо, и внуши земле, яко Господь возглагола* (Исаіи 1, 2). Скажи мнѣ, что Господь изрекъ? *Сыны родихъ и возвысихъ, тіи же отвергошася Мене. Увы, языкъ грѣшный!*— Скажи мнѣ, о чемъ рыдаешь ты? *остависте Господа, и прогнѣваете святаго Израилева.*— *Что еще уязвляетеся?* Чѣмъ мнѣ еще уязвлять васъ? Голодомъ ли? Моровою ли язвою? Всякая казнь приходила къ вамъ; но ваша злоба не истощилась. Земля ваша пуста, грады огнемъ пожжены, страну вашу чуждіи поядаютъ. Все это я сдѣлалъ; но вы не исправились. Я употребилъ всѣ возможныя средства; но Мой больной остается мертвъ. *Что сотворю Іудею?* Что Мнѣ дѣлать съ тобою? Пощадить тебя? Ты сдѣлаешься гораздо нерадивѣе. Пойти на тебя? Меня не допущаетъ мое милосердіе. Что Мнѣ дѣлать съ тобою? Положить ли тебя въ прахъ, какъ Содомъ? Испровергнуть ли какъ Гоморръ? *Превратися сердце Мое.* (Осіи 11, 8). Сокрушилось мое сердце такъ, какъ сокрушается оно у матери о своемъ дитяти...— *Пріидите,* говоритъ наконецъ милосердый Богъ,— *пріидите, и истяжимся.* Вы хотя не много сдѣлайте съ своей стороны, все прочее Я самъ дополню; вы Мнѣ дайте не много, и Я все вамъ подарю. *Пріидите.* Но куда мы пойдемъ? Ко Мнѣ, котораго вы оскорбили, котораго прогнѣвали; ко Мнѣ, сказавшему: *не услышу васъ.* Не бойтесь этой угрозы; она должна побудить васъ къ умягченію гнѣва моего. Пріидите ко Мнѣ не слушающему васъ, дабы Я услышалъ васъ. „Что-жъ Ты сдѣлаешь съ нами?“— Не оставлю ни слѣда, ни примѣты, ни тѣни вашихъ беззаконій. *Пріидите, и истяжимся, и аще грѣхи ваши будутъ яко багряное, яко снѣгъ убѣлю; аще же будутъ яко червленое, яко волну убѣлю. Уста бо Господня глаголаша сія* (346—348).

СВ. ЕПИФАНІЯ, АРХІЕПИСКОПА КРИТСКАГО.

О ПОГРЕБЕНІИ ТѢЛА ГОСПОДА НАШЕГО ІИСУСА ХРИСТА.

(Выписка изъ слова).

Что нынѣ безмолвіе многое на земли? Что то безмолвіе много, и молчаніе много? Безмолвіе много: ибо *Царь спитъ*.— Земля убоялась и замолкла, потому что Богъ во плоти уснулъ. Богъ во плоти уснулъ,— и адъ ужаснулся. Богъ на малое время уснулъ,— и спящихъ издревле, отъ Адама, воскресилъ. Зашелъ Богъ солнце Христосъ подъ землю,— и грозная тьма простерлась надъ Іудеею.—

Нынѣ спасеніе сущимъ на земли, и отъ вѣка сущимъ подъ землею; нынѣ спасеніе всему міру и видимому, и невидимому. Нынѣ сугубое пришествіе Христово, сугубое промышленіе, сугубое человѣкомъ посѣщеніе: Богъ приходитъ съ небеси на землю, съ земли подъ землю. Врата ада отверзаются,— и вы, спящіе отъ вѣка, радуйтеся; *сѣдящіи во тмѣ и сѣни смертнѣй, свѣтъ велій пріимите:* съ рабами Господь; съ мертвыми Богъ; съ умершими жизнь; съ находящимися во тьмѣ свѣтъ невечерній; съ плѣненными свободитель; съ преисподними сый превыше небесъ...

Христосъ между мертвыми: снидемъ туда съ Нимъ, да познаемъ тайны, какія тамъ; да познаемъ тайну Божію подъ землею, и разумѣемъ чудеса Господа: да научимся, какую благовѣствуетъ Онъ проповѣдь сущимъ во адѣ, и что со властію повелѣваетъ связаннымъ.

„Изыдите,— вѣщаетъ,— сущіи во тмѣ, и просвѣтитеся; изыдите, и востаните лежащіи. И тебѣ повелѣваю, Адаме: востани спяй; ибо я не для того сотворилъ тебя, чтобъ остался связаннымъ во адѣ; воскресни отъ мертвыхъ, ибо Я— животъ человѣковъ и воскресеніе. Созданіе Мое, воскресни ликъ, бывшій по образу моему: встань, иди отсюду; ибо ты во Мнѣ, и Я въ тебѣ— одинъ и нераздѣлимый образъ есьмы. Для тебя Богъ твой былъ сынъ твой. Для тебя Я, Господь твой, принялъ образъ раба. Для тебя сущій превыше небесъ, я пришелъ на землю, и подъ землю. Для тебя Я сталъ человѣкомъ, былъ преданъ и распятъ. Разсмотри поруганное лице Мое, удары на ланитахъ моихъ, которымъ Я подвергся для того, чтобы твой испортившійся видъ исправить по первобытному образцу. Разсмотри язвы на раменахъ моихъ,— язвы, принятыя Мною для того, чтобы истребить бремя грѣховъ твоихъ, лежавшее на раменахъ моихъ. Посмотри на пригвожденныя руки мои, которыя простеръ Я на древѣ изъ— за тебя, несчастно простершаго руки свои къ древу... Въ шестый день было твое осужденіе: въ шестый же день Я совершилъ служеніе твое, и отверзъ рай; вкусилъ желчи, дабы исцѣлить тебя отъ снѣди оной; вкусилъ оцта, дабы сокрушить желчную и лютую чашу твоей смерти. Напоенъ былъ губою, дабы омыть рукописаніе грѣховъ твоихъ; пріялъ трость, дабы подписать свободу роду человѣческому. Уснулъ на крестѣ, и былъ прободенъ въ ребра: Мое ребро исцѣлило болѣзнь твоего рода, и Мой сонъ изведетъ тебя отъ сна смертнаго.

Востань же и изыди отсюду: прежде Я вывелъ тебя изъ ран земнаго, теперь помѣщу тебя уже не въ Эдемѣ, а на престолѣ небесномъ; прежде

возбранилъ древо жизни, теперь Я весь всего себя предлагаю тебѣ въ животъ твой; повелѣлъ Херувиму рабски стрещи тебя: теперь сдѣлаю то, что Херувимы будутъ служить тебѣ. Ты скрылся отъ Бога какъ нагій: но вотъ теперь ты скрылъ въ себе Бога нага. Ты облекся въ постыдную ризу кожаную: но вотъ и Богъ твой облекся въ плотскую кровавую одежду...

И такъ востаньте, идите отсюду— отъ тлѣнія въ нетлѣніе, отъ смерти въ жизнь. Востаньте, идите отсюду,— изъ тмы въ вѣчный свѣтъ, отъ страданій къ веселію. Востаньте, идите отсюду— изъ рабства въ свободу, изъ темницы въ горній Іерусалимъ, отъ узъ къ Богу, изъ— подъ земли на небо: ибо я на то умеръ и воскресъ, да обладаю живыми и мертвыми. Востаньте же и идите: ибо Отецъ небесный пріемлетъ овча погибшее; Ангельскіе сонмы ждутъ своего сожителя Адама, когда-то онъ воскреснетъ, когда воздвигнется, и пріидетъ къ Богу..."

Такъ воскресаетъ Адамъ, воскресаетъ Ева,— и многія тѣлеса успшихъ отъ вѣка святыхъ востали, проповѣдуя тридневное Господне пришествіе: да встрѣтимъ оное свѣтло, и узримъ, и обымемъ, съ Ангелами ликуя, съ Архангелами празднуя праздникъ воскресившему насъ Христу.

СЛОВО

О ГРѢХѢ 12-е

О ТОМЪ, ЧТО ЗА ГРѢХОМЪ ПОСЛѢДУЕТЪ НАКОНЕЦЪ ДЛЯ ЧЕЛОВѢКА ВѢЧНОЕ МУЧЕНІЕ ВО АДѢ ВМѢСТѢ СЪ ДУХАМИ ОТВЕРЖЕННЫМИ.—

Отыдите отъ мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его!— Матѳ. 25, 41.

Вотъ послѣдняя награда за грѣхъ, послѣдній вѣнецъ діавольскій! Промучившись въ разныхъ видахъ отъ грѣха всю земную жизнь, пострадавъ отъ него по смерти до кончины міра, бѣдный грѣшникъ долженъ услышать наконецъ на всемірномъ судѣ новый ужасный приговоръ, и отойти *во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеламъ его*. Долженъ отойти! Ибо надобно же когда либо добру взять во всей силѣ верхъ надъ зломъ; не вѣчно продолжаться борьбѣ неба съ адомъ; а при окончательномъ торжествѣ царства свѣта и любви надъ царствомъ тьмы и злобы, что можетъ ожидать грѣшника, кромѣ совершеннаго отлученія отъ Бога, коего закону онъ всегда противился, кромѣ совершеннаго сближенія съ духами отверженными, коихъ внушеніямъ онъ всегда слѣдовалъ, кромѣ совершеннаго низпаденія въ бездну лишеній и страданій, кои неминуемо влечетъ за собою развратъ и беззаконіе?—

Чтобы предотвратить для насъ, въ семъ отношеніи, всякое самообольщеніе, слово Божіе со всею ясностію, на многихъ мѣстахъ, предваряетъ насъ о сей ужасной участи, ожидающей грѣшниковъ послѣ суда всемірнаго, такъ что между всѣми догматами вѣры нашей

нѣтъ болѣе яснаго, какъ догматъ о будущемъ вѣчномъ мученіи грѣшныхъ во адѣ.

Что это за мученіе и въ чемъ состоитъ оно?— Чтобы приблизить предметъ сей къ нашему разумѣнію, св. Писаніе употребляетъ для изображенія мученія во адѣ разныя подобія, заимствуя ихъ отъ того, что въ нашемъ нынѣшнемъ мірѣ есть ужаснаго и мучительнаго. И вопервыхъ, оно представляетъ состояніе мучимыхъ во адѣ подъ видомъ тьмы, самой непроницаемой, или *кромѣшней*, давая симъ знать, что во адѣ, нисколько нѣтъ свѣта, столь необходимаго для жизни, столь отраднаго для всего живущаго. Во вторыхъ Писаніе изображаетъ состояніе грѣшника во адѣ подъ видомъ непрестаннаго терзанія червями: *и червь ихъ неумираетъ*, (Мар. 9, 48.) показуя симъ, что мученія адскія всегда будутъ возобновляемы съ новою силою и состоять въ непрестанномъ мучительномъ терзаніи грѣшника. Но всего болѣе и чаще адскія мученія изображаются въ словѣ Божіемъ подъ видомъ пребыванія во огнѣ, или *езерѣ огненномъ*, (Апок. 20, 14.) такъ что адъ и огонь вѣчный на языкѣ Писанія суть слова почти равнозначащія. Конечно это будетъ не нашъ нынѣшній огонь; ибо нынѣшній огонь самъ, можно сказать, сгоритъ въ послѣдній день міра, когда, по свидѣтельству св. Писанія, самыя наши *стихіи сжигаемы разорятся* (2 Петр. 3, 10). Но мы явно погрѣшили бы противъ истиннаго разумѣнія словъ Писанія, если бы вздумали заключать изъ сего, что этотъ адскій огонь, будучи тоньше и духовнѣе нашего огня, потому самому будетъ слабѣе и сноснѣе: напротивъ, по самой своей тонкости и духовности онъ долженъ быть спократь яростнѣе и мучительнѣе, такъ что св. Отцы нисколько не преувеличиваютъ дѣла, когда говорятъ, что нашъ нынѣшній огонь столь же слабъ въ сравненіи съ будущимъ адскимъ, какъ огонь на картинѣ слабъ въ сравненіи съ огнемъ дѣйствительнымъ.—

И сей то пламень, уготованный вначалѣ одному діаволу и ангеламъ его, содѣлается наконецъ вѣчнымъ наслѣдіемъ и вамъ, душа грѣшная!— Будешь ли сомнѣваться въ дѣйствительности сей угрозы? Пожалуй сомнѣвайся: мы не можемъ теперь показать тебѣ тьмы кромѣшней и геенны. Но, и врачь, который говоритъ больному, что если онъ не воздержится отъ того или другаго, то умретъ скоро, также не можетъ показать ему его смерти: однако же смерть приходитъ, когда не слушаютъ предостереженій и совѣтовъ врача. Кто же лучше можетъ знать наше будущее— врачи земные, или небесный? Но Врачь небесный ясно, какъ мы видѣли, говоритъ и предваряетъ, что, въ случаѣ нераскаянности нашей, насъ ожидаетъ геенна огненная. Благоразумно ли не вѣрить словамъ и предостереженію Того, кто для оправданія словъ своихъ можетъ, если бы то нужно было, сотворить новую геенну?

Но, увы, погибающій во грѣхѣ собратъ, геенны и ада не нужно творить вновь: они уже давно произведены грѣхомъ и заключаются въ немъ, какъ древо въ сѣмени. Присмотрись самъ со вниманіемъ къ лицу врага и друга твоего, и ты увидишь, что онъ весь огненнаго свойства, что всѣ явленія грѣха сопровождаются уже и здѣсь пламенемъ адскимъ, что онъ дѣлаетъ жгу-

щимъ и мучительнымъ даже то, что должно бы радовать человѣка и услаждать.—

Въ самомъ дѣлѣ, что, по самой природѣ, отраднѣе свѣта совѣсти?— Но приходитъ грѣхъ, изсушаетъ душу человѣка зноемъ страстей, дѣлаетъ изъ него сухое хврастіе,— и свѣтъ сей обращается въ огонь; совѣсть начинаетъ жечь и мучить душу! До чего жечь? До того, что въ самомъ дѣлѣ, въ слѣдствіе сего, происходитъ иногда смертельное воспаленіе.—

Если за симъ обратить вниманіе на существо страстей— сихъ наперсницъ грѣха, кои его именемъ владѣютъ и управляютъ душами грѣшными; то окажется, что онѣ всѣ суть свойства огненнаго. Мы невольно сознаемъ это, когда говоримъ напр. огнь страстей, пламень сластолюбія! Огонь сей теперь связанъ многими узами, посему и не такъ примѣтенъ обыкновенно: посмотрите однако же, какъ онъ выступаетъ извнутри человѣка, волнуется, багровитъ лице, приводитъ въ клокотаніе всю кровь въ минуты напр. сильнаго гнѣва! Въ это время огонь сей такъ бываетъ ярostенъ и силенъ, что иные не могутъ его перенесть, и внезапно умираютъ какъ отъ удара молніи. Пламень другихъ страстей менѣе ярostенъ, всегда однако же проницаетъ и съ продолженіемъ времени растлѣваетъ весь составъ человѣка. И какъ видимо это, напр. на человѣкѣ любострастномъ, завистливомъ, или скупомъ!—

Внутренній составъ тѣла нашего, коему особенно угрожаетъ будущее мученіе во адѣ, такъ же представляетъ въ себѣ нетолько способность къ воспламененію, но и неистощимый запасъ огня. Это видно на тѣлѣ каждаго человѣка и въ состояніи здоровомъ; ибо изъ каждой части тѣла посредствомъ извѣстныхъ искуственныхъ пріемовъ, а иногда и безъ всякаго искуства, можно извлекать множество искръ. Но во время болѣзней это тайное сродство тѣла нашего съ огнемъ обнаруживается еще болѣе. Ибо какая болѣзнь не обнаруживается жаромъ? Нѣкоторые явно состоятъ изъ какого-то мучительнаго горѣнія всего тѣла, или больныхъ частей его. Отсюда взяты самыя наименованія сихъ болѣзней, напр. огневицы или антонова огня. Кромѣ сихъ повсемственныхъ явленій, изъ нѣкоторыхъ, хотя рѣдкихъ, случаевъ видно, что въ тѣлѣ человѣческомъ есть способность воспламеняться какимъ то особеннымъ огнемъ, коему въ нашемъ мірѣ нѣтъ подобнаго въ силѣ и разрушительности, и который видимо напоминаетъ собою огнь адскій. Это случай такъ называемаго самовозгорѣнія, когда живой и даже не больной, но разстроенный въ тѣлесныхъ силахъ человѣкъ, вдругъ возгарается видимо и пожирается пламенемъ до того, что въ самое короткое время,— иногда въ нѣсколько минутъ,— отъ человѣка не остается ничего, кромѣ нѣсколькихъ горстей пепла. Что это, какъ не задатокъ огня адскаго!— Теперешнее бренное тѣло, воспламенившись такимъ образомъ, тлѣетъ и изчезаетъ: но будущее тѣло— безсмертное, воспламенившись не можетъ изчезнуть, будетъ горѣть вѣчно. И вотъ геенна домашняя, самодѣльная и вмѣстѣ неугасаемая!—

Хотя ничего, повидимому, нельзя придать къ ужасу и мучительности такого состоянія; но грѣхъ не удовле-

творится и симъ мученіемъ. Обративъ грѣшниковъ въ существа самогорящія, онъ же собственно произведетъ для нихъ и огненный міръ, или какъ называетъ св. Писаніе езеро огненное, дабы каковы обитатели, таковоже было, такъ сказать, и помѣщеніе. Ибо нужно ли, брат. мои, чтобы всемогущество Божіе, само и положительно творило эту огненную пропасть адскую? Эта бездна сама собою можетъ возникнуть наконецъ изъ грѣха. Какимъ образомъ? Внемлите и познайте ужасное свойство грѣха. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что человѣкъ беззаконіями своими порпитъ и оядотворяетъ не только свое тѣло, но и всѣ вещи, коими злоупотребляетъ, самыя стихіи его окружающія. Порча сія большею частію непримѣтна, но иногда такъ дѣлается ощутительною, что заражаетъ самый воздухъ, коимъ онъ дышалъ, отъ чего происходятъ повальныя болѣзни и заразы. Теперь представьте всю порчу стихій, произведенную грѣхами всѣхъ людей; сложите ее съ тою порчею и ядомъ, коими заражаютъ природу видимую духи отверженные; вообразите засимъ, что въ послѣдній день міра и обновленія всѣхъ вещей, испорченная и оядотворенная грѣхами часть силъ природы отдѣлится отъ новаго, чистаго и свѣтлаго міра Божія: какое изъ сего составится скопище яда и тлѣнія!— Какой океанъ огня и пламени!— И вотъ стихія, въ коей будутъ обитать духи и души отверженные! Ибо вокругъ когоже сосредоточиться ей, какъ не во кругъ тѣхъ, кои своими грѣхами произвели ее?

Не безъ особеннаго намѣренія входимъ мы, брат., предъ вами въ подобныя объясненія: намъ желательно представить для вѣры нѣкую опору въ самомъ опытѣ, и отнять у невѣрія и вольнодумства предлогъ утверждать, что Слово Божіе предлагаетъ намъ касательно будущаго состоянія нашего одни таинства и непостижимости для разума. Нѣтъ, если предлагаемое кажется превышающимъ разумъ, то потому, что разумъ находится теперь во всѣхъ насъ въ состояніи дѣтскомъ. Еслибы онъ возрасъ и возмужалъ въ разумѣніи существа человѣческаго и міра, насъ окружающаго; то самъ бы увидѣлъ внутренно истину того, что открываетъ намъ вѣра и Евангеліе. Для сего, говорю, мы вошли въ нѣкоторыя, не такъ обыкновенныя изъясненія, и для того, чтобы устранить мрачную и ложную мысль, якобы Творецъ самъ непосредственно будетъ мучить тварь своимъ всемогуществомъ. Нѣтъ, любовь вѣчная не мучитъ и не можетъ мучить никого. Мучитъ и терзаетъ здѣсь на землѣ, и тамъ— во адѣ грѣхъ. Богъ не сотворилъ ни смерти, ни ада; ихъ произвелъ грѣхъ.

Да обратится же на сего врага все отвращеніе и вся ненависть наша! Да не обрѣтетъ онъ себѣ ни малѣйшаго мѣста не только въ нравахъ и дѣяніяхъ, въ самыхъ мысляхъ и словахъ нашихъ! При первомъ появленіи грѣха въ себѣ, въ какомъ бы то видѣ ни было, да спѣшимъ изгнать и подавлять его совершенно! Средствъ къ сему, какъ увидимъ въ слѣдующихъ собесѣдованіяхъ нашихъ, столько запасено для каждаго изъ насъ, благодатію Божіею, что кто погибнетъ отъ грѣха (а погибнетъ непремѣнно, если не исправит-

ся), тотъ долженъ винить въ своей погибели только себя самаго. Аминь.

СЛОВО

въ день благовѣщенія пресвятыя Богородицы.

Днесь спасенія нашего главизна.

Днесь явлена міру сокровенная отъ вѣкъ и родовъ неизреченная тайна воплощенія Сына Божія для спасенія рода человѣческаго; днесь Ипостасное Слово Божіе, по благовѣстію Архангела — плоть бысть, восприяло естество человѣческое во чревѣ избранной отъ всѣхъ родовъ преблагословенной Дѣвы Маріи.— Отнынѣ начинается та непостижимо— дивная новая жизнь живущаго во вѣки вѣковъ, въ которой неописанный и вездѣсущій Божествомъ явился въ рабіи зрацѣ, съ человѣки поживе, *вселися вѣ ны, и видѣхомъ славу Его, славу яко единороднаго отъ Отца*. Нынѣ начало и тѣхъ болѣзней и скорбей, кои благоволилъ подъять Господь нашъ для спасенія нашего; того уничиженія, коимъ избавлены мы отъ вѣчнаго стыда и посмѣянія діаволя; тѣхъ страданій, коими искуплены мы отъ вѣчныхъ мукъ.— Нынѣ начало и той неизреченной славы, на которую превознесено бренное естество наше и въ лицѣ Сына Божія, восшедшаго на небеса, и сѣдящаго одесную престола величествія на высокихъ, и въ лицѣ пренепорочной Дѣвы Маріи, содѣлавшейся жилищемъ Бога Слова, Матерію Сына Божія, честнѣйшею Херувимовъ. Такъ, достойно и праведно воспѣваетъ св. Церковь: *днесь спасенія нашего главизна*. Что убо сотворимъ, мужіе братіе, въ сей благознаменитый день Господень?

Днесь спасенія нашего главизна. И такъ прежде и паче всего падемъ со благодареніемъ предъ Начальникомъ и Совершителемъ нашего спасенія, Господомъ Іисусъ— Христомъ, который не возгнушался естества нашего, смирилъ Себе до воспріятія зрака раба. Ахъ, что было, и что было бы съ нами, если бы самъ Господь не исхитилъ насъ изъ той бездны погибели, въ которую низверглись мы по дѣйству діаволю? За преступленіе святыхъ и животворныхъ заповѣдей Господнихъ мы праведно подверглись вѣчному проклятію гнѣва небеснаго: Единородный Сынъ Божій самъ содѣлался по насъ клятвою, чтобъ искупить насъ отъ клятвы законныя. Удалившись отъ Бога, и отчуждившись отъ жизни Божіей, мы содѣлались мертвыми прегрѣшенми, проданными подъ грѣхъ, неимущими упованія и естествомъ чадами гнѣва и погибели: Сынъ Божій предалъ самаго себя въ цѣну избавленія нашего, язвенъ бысть за грѣхи наша и мученъ бысть за беззаконія наша; крестными страданіями и смертію истребилъ рукописаніе грѣховъ нашихъ, оправдалъ и примирилъ насъ съ правосудіемъ Божіимъ, даде намъ область чадомъ Божіимъ быти. Вкушеніемъ запрещеннаго плода мы подвергли себя смерти временной и вѣчной: Господь Іисусъ Христосъ для оживотворенія насъ ниспослалъ благодать всесвятаго и животворящаго Духа, даровалъ животворящую плоть и кровь свою въ залогъ будущаго воскресенія нашего и жизни вѣчныя.— Неизреченна любовь, несказанно милосердіе, непостижимо человѣколюбіе, неисповѣдимы благодѣянія Твои, Господи, къ намъ недостойнымъ и грѣшнымъ! О, забвена буди десница наша, если пре-

станетъ она возноситься въ благодарной молитвѣ предъ Тобою! прилпни языкъ нашъ горташи нашему, если престанетъ онъ величать твое безмѣрное снисхожденіе, славословить Твое неизреченное человѣколюбіе! Да угаснетъ навсегда свѣтильникъ разума нашего, если престанетъ онъ покланяться съ благоговѣніемъ неисповѣдимой тайнѣ воплощенія Твоего, покаряться живоносным словесамъ Твоимъ, возноситься живою вѣрою къ Тебѣ, Источнику премудрости и разума!—

Но, величая милосердіе и человѣколюбіе Господа, достойно и праведно ублажать и пренепорочную Матерь Его, послужившую тайнѣ нашего спасенія. Ея Серафимская чистота содѣлала Ее достойною быть обителію Источника чистоты и святыни, взаимодать плоть и кровь Сыну Божію, и быть виною нашего обоженія и спасенія. Ея глубочайшее смиреніе преклонило милосердый взоръ Того, который, призрѣвъ на смиреніе Ея, помянулъ милости своя опъ вѣка, якоже глагола ко отцемъ нашимъ Аврааму и сѣмени его. Своимъ неисповѣдимымъ терпѣніемъ и преданностію волѣ Божіей она содѣлалась достойною служительницею и хранительницею таинъ нашего спасенія, слагая въ чистомъ сердцѣ своемъ живоносные глаголы Сына и Бога своего. По своему матернему человѣколюбію она и теперь является Заступницею и Ходатаицею всего міра, утѣшеніемъ скорбящихъ, заступленіемъ обидимыхъ, спасеніемъ грѣшниковъ. О, благословенна ты въ женахъ, преблагословенная Матерь и Дѣво! Благословенъ плодъ чрева Твоего, богоизбранный сосуде чистоты и святыни! Благословенно смиреніе Твое, честнѣйшая Херувимовъ и славнѣйшая безъ сравненія Серафимовъ! Благословенно пресвятое имя Твое, милосердая Заступнице и Ходатаице наша! Да изсхнетъ сердце наше, если престанетъ оно пламенѣть любовію къ Тебѣ, источать чувства благодаренія Тебѣ! Да умолкнутъ уста наши, если не будутъ отверзаться на хвалу и прославленіе пресвятаго имени твоего!

Но, брат. возлюбл., днесь спасенія нашего главизна. И такъ, воздавъ благодареніе Господу, прилично обратиться и къ самимъ себѣ: есть ли настоящій день главизною и нашего спасенія? Не льзя не помнить и не должно забывать никогда, что можетъ быть спасенъ міръ, но можемъ погибнуть мы; что многіе отъ востокъ и западъ пріидутъ и возлягутъ съ Авраамомъ и Исаакомъ во царствіи Божіи, а многіе изъ сыновъ царствія изгнаны будутъ во тьму кромѣшную; что спасеніе міра, совершенное крестною смертію Сына Божія, не будетъ нашимъ, если не совершится и въ насъ.

Въ самомъ дѣлѣ, спасеніе наше состоитъ въ освобожденіи насъ отъ рабства грѣху. И такъ свободны ли мы отъ сего погибельнаго рабства? Побѣждена ли въ насъ несчастная наклонность ко грѣху? Утверждена ли воля наша неподвижно въ законѣ Господни? Не царствуетъ ли и доселѣ грѣхъ въ мертвенной плоти нашей?

Спасеніе наше совершается чрезъ умертвіе міру, сораспятіе со Христомъ, умерщвленіе въ себѣ страстей и похотей. И такъ умерлиль мы для міра? вмѣняемъ ли въ уметы все, чѣмъ обольщается сердце міролюбцевъ, что дорого цѣнится людми преданными суетѣ? Или око наше прельщается еще тлѣнными благами, сердце привязано любовію къ

наслажденіямъ чувствъ? Распялилъ плоть свою со страстьми и похотьми? т. е. погасилилъ въ себѣ силою благодати всесвятаго Духа всѣ вожделѣнія плоти? Исторглилъ изъ сердца своего всѣ страсти, умерщвляющія духъ нашъ?

Спасеніе наше состоитъ въ обновленіи въ насъ образа Божія, въ облеченіи въ новаго человѣка, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины. И такъ обновился ли умъ нашъ живою вѣрою въ Сына Божія, живымъ упованіемъ жизни вѣчныя? Или пребываетъ еще во мракѣ невѣдѣнія, обуревается волнами сомнѣній, влается легкомысленно всякимъ вѣтромъ ученія? Обновилось ли сердце наше истинною, крѣпкою любовію къ Богу и ближнимъ; или колеблется еще между Богомъ и міромъ, обуревается самолюбіемъ, завистію, корыстолюбіемъ, злопомнѣніемъ, недоброжелательствомъ? Обновился ли весь образъ жизни нашея такъ, чтобы свѣтъ вѣры и благочестія нашего свѣтился предъ человѣками, чтобы видящіе дѣла наши прославляли Отца нашего, иже на небесѣхъ?

Блаженны, неизъяснимо блаженны тѣ, кои ощущаютъ въ себѣ всѣ признаки новой жизни во Христѣ Іисусѣ, коихъ духови спослушествуетъ самъ Духъ Божій, что они чада Божіи! Да блюдутъ они въ себѣ сіе сокровище, какъ несомнѣнный залогъ вѣчно— блаженной жизни съ Богомъ! Да воспоютъ со благодареніемъ въ настоящій день спасенія міра: днесь и нашего спасенія главизна!

Но увы! многіе ли между нами могутъ съ увѣренностію усвоять себѣ сіе блаженство? Многіе ли могутъ сказать съ Апостоломъ: *Христови сраспяхся живу же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ?* Не большая ли часть изъ насъ должны сказать о себѣ словами Пророка: *пройде жатва, минуиде лѣто, и мы нѣсмы спасени.* Прошло много лѣтъ жизни, минуло много благопріятнаго времени, близка смертная осень, а мы далеко не готовы еще стать непостыдно предъ судищемъ Христовымъ, войти въ славное царство Божіе, быть причтенными къ свѣтлому лику Святыхъ! И такъ спросимъ себя еще: положено ли по крайней мѣрѣ начало нашего спасенія? Ибо, если не будетъ положено начало спасенія здѣсь: то мы вѣчные плѣнники діавола и вѣрная добыча ада; по смерти нѣтъ и не можетъ быть покаянія! И такъ, положено ли начало очищенію отъ грѣховъ искреннимъ исповѣданіемъ ихъ предъ служителемъ Церкви, искреннимъ желаніемъ исправленія жизни? Положено ли начало новой жизни о Христѣ всеусерднымъ исполненіемъ заповѣдей Господнихъ, тщательнымъ уклоненіемъ отъ всего, что можетъ привести насъ ко грѣху? Возбуждено ли въ сердцѣ отвращеніе отъ суетъ міра, тоска по небесной отчизнѣ, алчба и жажда небесныхъ сокровищъ? Дорожитъ ли сердце наше паче всего въ мірѣ небеснымъ именемъ сыновъ Божіихъ, наслѣдниковъ царства Христова? О, счастливы, несказанно счастливы, если ощущаемъ въ себѣ хотя начатки духовнаго обновленія и спасенія нашего, да хранимъ со тщаніемъ, и возрастимъ со усердіемъ сіе благодатное сѣмя вѣчной жизни до послѣдней минуты разлученія нашего съ тѣломъ! Воспоемъ со благодареніемъ въ настоящій день спасенія міра: днесь и нашего спасенія главизна!

Что дѣлать тѣмъ изъ насъ, кои не полагали еще и начала своего спасенія? не обратились отъ грѣха къ Богу,

искренно и постоянно, всѣмъ сердцемъ и душею?— Братія возлюбленная, что-жъ мѣшаетъ и вамъ въ настоящій день спасенія помыслить о вашемъ спасеніи, и вашей вѣчной участи? Нынѣ— такъ можетъ сказать каждый самому себѣ— нынѣ Господь славы смирился до воспріятія зрака раба для спасенія погибающихъ грѣшниковъ;— и сколько братій моихъ по плоти, обновленныхъ Его благодатію, вознеслись уже въ обители Отца небеснаго, въ коихъ и для меня уготовано мѣсто! Сколько подобныхъ мнѣ грѣшниковъ предварили или варяютъ меня во царствіи Божіи, которое и мнѣ завѣщалъ сладчайшій Искупитель мой! А я доселѣ, какъ овца заблудшая, убѣгаю въ дебри отъ ищущаго мене человѣколюбиваго пастыря, и самъ несчастный ищу моей погибели! Какое безумное ослѣпленіе!

Нынѣ Господь славы предалъ себя уничиженію, чтобъ отъять мое безславіе, даровать мнѣ досточтимое имя Христіанина— сына Божія; и я ношу драгоцѣнное имя сіе отъ самой колыбели: но увы, оно безчестится моею жизнію, хулится моими дѣлами, поносится невѣрными ради меня непотребнаго: какое жестокое оскорбленіе любви Божіей!

Нынѣ Господь славы нисшелъ съ высоты небесъ, чтобъ пострадать и умереть на крестѣ для моего спасенія;— и я омытъ уже Его святѣйшею кровію, возрожденъ въ таинствѣ крещенія, воспріялъ обрученіе Духа Святаго въ Мѵропомазаніи. Но увы,— я попралъ кровь завѣтную, обезчестилъ Духа благодати, погубилъ благодать сыноположенія, и своими грѣхами второе распинаю Сына Божія. Какая ужасная неблагодарность величайшему благодѣтелю!

Пресвятая Матерь Божія съ соборомъ святыхъ молится и о мнѣ недостойномъ грѣшникѣ; отвращаетъ своимъ предстательствомъ стрѣлы гнѣва небеснаго, готовыя пасть на главу мою; преклоняетъ любовь Сына и Бога своего къ долготерпѣнію, безъ котораго я давно не существовалъ бы на землѣ по грѣхамъ моимъ. А я несчастный моимъ ожесточеніемъ и упорствомъ преогорчеваю и Ея матернее милосердіе о мнѣ, пронзаю скорбію и Ея любвеобильное сердце. Какое достойное ада ожесточеніе!

Боже мой, долголь идти мнѣ симъ путемъ погибели? Вотъ дни мои преходятъ какъ соніе востающаго; смерть каждодневно похищаетъ собратій моихъ: что, если внезапно восхититъ и меня посреди моей грѣховной жизни? Какъ предстану я предъ лице сладчайшаго Искупителя моего? Какъ явлюся предъ лицемъ ходатаицы моей— Матери Божіей, предъ соборомъ Ангеловъ и святыхъ Божіихъ? Милосердый Господи, просвѣти омраченный умъ мой свѣтомъ благодати Твоея; порази и сокруши окаменненное сердце мое страхомъ нелицепріятнаго суда твоего; воздвигни падшій духъ мой изъ глубины грѣховныя! Да будетъ день твоего человѣколюбнаго снисхожденія къ роду человѣческому днемъ благоупробнаго снисхожденія и ко мнѣ недостойному помилованія грѣшнику! Да будетъ днесь главизна и начало и моего спасенія! Аминь.

ГОРА СОРОКОДНЕВНАЯ.

Іисусъ же исполнь Духа святаго возвратися отъ Іордана и ведяшеся Духомъ въ пустыню. Дній четыредесять искушаемь отъ сатаны и не ястъ ничтоже въ тыя дни. (Лук. 4, 1. 2.)

Древніе подвижники Христіанскіе, чтобы сколько можно ближе подражать

посту Іисуса Христа въ пустынѣ, на все время св. Четыредесятницы уединялись изъ своихъ жилищъ въ мѣста необитаемыя— въ горы, дебри и лѣса, а иные углублялись въ ту самую пустынную, пещерную гору, гдѣ Искупитель нашъ постился сорокъ дней и ночей. Не оставляя на святый постъ покойныхъ своихъ жилищъ, потщимся съ тобою, любезный собратъ, хотя мысленно перенестись въ ту пустынную гору, гдѣ совершилъ свой сорокодневный подвигъ поста Искупитель нашъ,— въ тѣ вертепы, разсѣлины и пещеры, гдѣ св. Подвижники проводили всю св. Четыредесятницу; пусть душа, утомленная суетнымъ развлеченіемъ, отдохнетъ хотя въ этомъ неполномъ уединеніи, утѣшится хотя воображеніемъ этой пустынно-священной горы,— этихъ трудовъ терпѣнія и молитвы, коими освящено начало, ознаменовано продолженіе св. Четыредесятницы.

Въ древнемъ удѣлѣ колѣна Веніаминова, невдалекѣ отъ Іерихона, на югъ отъ гористаго и опаснаго пути, ведущаго чрезъ пустыню Іерихонскую въ Іерусалимъ, возвышается голая, кремнистая, опаленная жгучимъ солнцемъ востока гора— это *гора сорокодневная, гора искушенія*,— такъ названная у первенствующихъ Христіанъ потому, что на ней Господь нашъ, послѣ крещенія своего на Іорданѣ, постился сорокъ дней и искушаемъ былъ отъ сатаны. Вотъ мѣстность горы сорокодневной! Мѣстамъ, служившимъ поприщемъ для таинственныхъ подвиговъ Искупителя, для незѣдомыхъ міру дѣлъ св. Подвижниковъ,— назначено самою природою пребыть для насъ малодоступными и извѣстными. Путь изъ Іерусалима во Іерихонъ чрезъ пустыню Іерихонскую отъ древнихъ временъ у Іудеевъ назывался путемъ кровавымъ. Іисусъ Христосъ въ притчѣ о благомъ Самарянинѣ, оказавшемъ благодѣяніе ограбленному и изъязвленному разбойниками человѣку, чтобы представить для Іудеевъ понятнымъ это злодѣяніе, останавливаетъ ихъ вниманіе на семъ пути, гдѣ грабительство и кровопролитіе не были дѣломъ необыкновеннымъ:— *человѣкъ нѣкій схождаше отъ Іерусалима въ Іерихонъ* (Лук. 10, 30). Въ книгахъ Ветхозавѣтныхъ о пустынѣ Іерихонской упоминается, какъ о жилищѣ звѣрей (а). Соотвѣтственно сему путешественники не находятъ довольно словъ для изображенія суровой дикости сей пустыни: вся она наполнена голыми, кремнистыми скалами, дикими, безводными плоскостями; но всю дикость и мертвенность довершаетъ и печатлѣетъ гора сорокодневная, которая, какъ огромный, могильный памятникъ, возвышается въ обширной, мертвой пустынѣ Іерихонской. Нижняя половина горы, начиная отъ подошвы, не вовсе недоступна для благочестиваго наблюденія поклонниковъ святымъ мѣстамъ; но верхня, начиная съ средины представляетъ близкое подобіе отвѣсной каменной стѣны. Не смотря впрочемъ на всю дикость пустыни, на неприступность грозной горы сорокодневной, все пространство сей послѣдней со всѣхъ сторонъ испещрено пещерами;— это памятники тѣхъ трудовъ, коими древніе пустынники запечатлѣли ревность свою— подражать Подвигоположнику нашему въ подвигахъ поста и молитвы. Одна изъ

(а) Во времена владычества, Римлянъ при спускѣ съ горъ Іудейскихъ въ пустыню Іерихонскую, построена была крѣпость для охраненія пушниковъ, шедшихъ чрезъ пустыню.

сихъ тѣсныхъ пещеръ вмѣщала въ нѣдрахъ своихъ Того, коему престолъ небо, а земля подножіе ногъ, *и бѣ тамо со звѣрьми,* замѣчаетъ св. Евангелистъ (Мар. 1, 13.); въ бѣдномъ пріютѣ звѣрей водворялся сорокъ дней Тотъ, коему не довлѣетъ и небо небесе; сорокъ дней ничесоже ястъ питавшій хлѣбомъ Ангельскимъ цѣлый народъ чрезъ сорокъ лѣтъ въ пустынѣ. Но Ангелы, тьмами темъ въ чинахъ и воинствахъ окружающіе престолъ Всевышняго, слетали съ неба и въ бѣдный пріютъ служить Сыну Божію; сама даже мертвая природа не осталась непризнательною къ посѣщенію своего Творца: кремнистая скала, треснувъ въ двухъ пресѣкающихъ себя направленіяхъ, образовала крестъ надъ тѣмъ вертепомъ конорый удостоился укрывать во внутренности своей Сына Божія. Путь къ сему священному мѣсту сопряженъ почти съ непреодолимыми трудностями по причинѣ кремнистыхъ обрывистыхъ стѣнъ горы; отпюду рѣдкіе изъ самыхъ усердныхъ поклонниковъ святымъ мѣстамъ проникаютъ до пещеры, освященной пребываніемъ Спасителя. Ревностная благотворительница Церкви Христовой, равноапостольная Царица Елена, украсила пещеру Спасителя устроеніемъ часовни;— слѣды украшеній доселѣ видны на стѣнахъ пещеры. Въ другихъ смежныхъ съ нею пещерахъ почиваютъ, послѣ продолжительныхъ трудовъ поста и молитвы, нетлѣнныя мощи Угодниковъ Божіихъ на каменныхъ ложахъ, обращенные лицами горѣ, гдѣ обитали при жизни и куда отлѣтѣли по кончинѣ ихъ праведныя души; иные почили во время молитвы, стоя на колѣнахъ. На самой вершинѣ горы находятъ то мѣсто, откуда искуситель показалъ Господу царствія міра и славу ихъ. Виды отселѣ и донынѣ рѣдкіе по обширности и великолѣпію: половина мертваго моря, на тридцать верстъ рѣка Іорданъ, городъ Іерихонъ съ прекрасными окрестностями, многіе другія горы и долины съ селеніями и виноградниками представляются взору въ видѣ одной обширной величественной картины.

Вотъ мѣсто и образъ поста Господня:— въ суровой пустынѣ, безъ всякой пищи, въ молитвенныхъ бесѣдахъ съ Отцемъ небеснымъ провелъ Онъ сорокъ дней и ночей. Для себя Господь нашъ не имѣлъ никакой нужды въ постѣ; но постился съ тѣмъ, чтобы подать намъ въ немъ примѣръ (Св. Злат. 13 бесѣд. на Ев. Матѳ.). Посему каждый, сколько позволяютъ силы, возрастъ, званіе, мѣсто и другія обстоятельства, обязывается подражать Господу въ препровожденіи святой Четыредесятницы. Не удаляясь, по примѣру древнихъ подвижниковъ, въ пустыни, мы можемъ и должны уединяться въ безводную, жаждущую пустыню нашей души,— разсмотрѣть, что мы съ ней и для ней сдѣлали? Есть ли съ чѣмъ ей срѣтить часъ смертный и явиться на судъ Божій? Не лишая себя, въ продолженіи поста, вовсе пищи, какъ это сдѣлалъ Господь и по примѣру Его многіе труженики, мы не должны уклоняться, ни подъ какими условіями, самаго строгаго воздержанія въ пищѣ. За снѣдь Адамъ изринутъ изъ Рая; безъ поста никому изъ насъ не льзя войти въ оный. Не уклоняясь отъ общенія съ ближними, отъ добрыхъ искреннихъ бесѣдъ, всѣ прочіе виды общенія должны замѣнить молитвенною бесѣдою съ Господомъ, хожденіемъ

въ храмъ Божій, чтеніемъ св. Писанія, благочестивыхъ и поучительныхъ книгъ. Скучны будутъ сіи занятія; но Праотецъ нашъ въ жизни, исполненной радости, палъ; а Господь изъ унылой пустыни вышелъ побѣдителемъ.

СОБОРЪ
святаго Архангела Гавріила.
26 Марта.

На другой день послѣ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, Церковь съ давнихъ временъ совершаетъ празднество въ честь великаго благовѣстника, Архангела Гавріила. При установленіи сего празднества, Христіанскіе священноначальники руководствовались чувствомъ признательности и благочестивымъ желаніемъ почтить особымъ торжествомъ и пѣснопѣніемъ небеснаго посланника, возвѣстившаго тайну спасенія рода человѣческаго. Въ царствахъ земныхъ посланники, объявляющіе порученнымъ отъ лица Государя какую либо милость или благоволеніе, пользуются общимъ народнымъ уваженіемъ, особенно же тѣ изъ нихъ, которые болѣе приближены къ Государю, которымъ онъ болѣе оказываетъ довѣренности и открываетъ свои тайны. Подобнымъ образомъ и въ благодатномъ царствѣ, святая Церковь прославляетъ и благоговѣйно чтитъ верховнаго Архангела, принесшаго отъ Царя небеснаго радостную вѣсть о неизреченной милости Его, о ниспосланіи на землю Единороднаго своего Сына. Божественный благовѣстникъ сей ,,святый Гавріилъ есть единъ отъ седми ближае Богу предстоящихъ святыхъ Ангеловъ; убо есть чина серафимскаго, вторый въ серафимѣхъ; архангельскую же имать пиплу отъ радостнаго благовѣщенія, еже принесе пречистѣй Дѣвѣ. Ко исполненію бо великаго Божія дѣла потребно бѣ великому Ангелу быти послану: а понеже воплощеніе Слова дѣло Божіе есть пребольшее паче всѣхъ дѣлъ Божіихъ, убо и къ возвѣщенію его посланъ бысть пребольшій паче иныхъ Ангеловъ, Гавріилъ святый. Якоже къ Евѣ пріиде прельщая ю начальнѣйшій князь пмы, сице прилично бѣ, да къ пречистѣй Дѣвѣ пріидетъ на благовѣщеніе начальнѣйшій князь небеснаго свѣта, и къ горящей серафимскою къ Богу любовію Маріи серафиму послану быти подобаше (а)." Въ лицѣ сего великаго посланника Божія Церковь празднуетъ и всему воинству Его, то есть, подчиненнымъ Ему безплотнымъ силамъ, называя этотъ сонмъ Ангеловъ *Соборомъ святаго Архангела Гавріила*. Она прославляетъ его, какъ таинника и служителя божественной славы, испрашивая его заступленія и ходатайства о насъ. ,,Пресвѣтлыя, и честныя, и вседѣтельныя, пренеисчетныя, и страшныя Троицы, ты еси Архистратиже славный служителю и молитвенниче, нынѣ непрестанно моли, избавитися намъ отъ всякихъ бѣдъ и мукъ (б)."

13 Іюля.

Соборъ Архангела Гавріила празднуется Церковію въ другой разъ 13 Іюля. ,,Коея ради вины сей вторый его соборъ праздновати установися, о томъ нѣсть извѣстія. Мнится же, яко егда въ Цареградѣ и въ прочихъ Греческихъ странахъ по различнымъ мѣстамъ создашася частныя храмы во имя того святаго Архангела, тогда и празднество собора его, въ четыредесятницу по бла-

а) Чет. Мин. 26 Марта.

(б) Тропарь и кондакъ праздника.

говѣщенiи положеннаго, отложися на сей мѣсяцъ и день: понеже тогда великопостное время возбраняетъ торжественное съ разрѣшенiемъ на вся празднованiе; нынѣ же свободнѣе то совершитися можетъ, якоже и память святаго Iоанна Златоустаго, Септемврiа въ 14 день, въ Воздвиженiе честнаго креста, преставльшагося, ради настоящаго праздника и поста, отложися до Ноемврiа 13 дня (в)." Въ день вторичнаго празднованiя, то есть, 13 Iюля, преимущественно воспоминаются и прославляются чудесныя явленiя Архангела Гавриила, бывшiя въ разныя времена Божiимъ велѣнiемъ. По указанiю священной Исторiи и древнихъ преданiй, явленiя сiи были многочастны и многообразны. Онъ научилъ Моисея въ Пустынѣ Мадiамской книгописанiю, сказавъ ему о началѣ мiробытiя, о грѣхопаденiи первосозданнаго человѣка и развращенiи его потомковъ, о раздѣленiи языковъ и о всѣхъ прежнихъ вѣкахъ и событiяхъ (Чет. Мин. 26 Марта). Онъ изъяснилъ Пророку Данiилу дивныя видѣнiя и возвѣстилъ о судьбѣ древнихъ народовъ, объ освобожденiи людей Божiихъ отъ плѣна Вавилонскаго и о времени пришествiя Мессiи (Дан. гл. 8 и 9). Онъ явился праведнымъ Iоакиму и Аннѣ и предсказалъ зачатiе и рожденiе отъ нихъ преблагословенной дщери Маріи; былъ хранителемъ святой Богоотроковицы и приносилъ Ей пищу, когда она жила при Iерусалимскомъ храмѣ (Чет. Мин. 21 Ноября). Онъ благовѣстилъ священнику Захарiи разрѣшенiе неплодства жены его Елисаветы и рожденiе святаго Iоанна, Предтечи Господня (Лук. 1, 5 и сл.); потомъ посланъ былъ въ Назаретъ къ Пречистой Дѣвѣ возвѣстить Ей о воплощенiи Сына Божiя (Лук. 1, 26 и сл.). По мнѣнiю Церкви, Ангелъ Гавриилъ являлся Iосифу во снѣ, и увѣрилъ его, что зачатое во утробѣ обрученной ему отроковицы Маріи *отъ Духа свята есть* (Мат. 1, 20). Онъ также принесъ пастырямъ Виѳлеемскимъ радостную вѣсть о рожденiи Спасителя мiра, и съ сонмомъ небесныхъ силъ воспѣлъ: *слава въ вышнихъ Богу* (Лук. 2, 9—14.); предувѣдомилъ Iосифа о намѣренiи Ирода погубить Младенца Iисуса и повелѣлъ Ему, для избѣжанiя сей опасности, удалиться въ Египетъ (Мат. 2, 13). Гавриилъ, котораго имя означаетъ *крѣпость Божiю,* укрѣплялъ Спасителя, скорбѣвшаго и молившагося въ саду Геѳсиманскомъ предъ наступленiемъ времени страданiя Его (Лук. 22, 43). Сей же Ангелъ явился женамъ Мироносицамъ и возвѣстилъ имъ о славномъ Воскресенiи распятаго Богочеловѣка (Мат. 28, 2. 5. 6). Наконецъ преданiе свидѣтельствуетъ, что онъ предувѣдомилъ Пресвятую Богородицу о времени честнаго успенiя Ея и преселенiя на небо (Чет. Мин. 15 Августа). Воспоминая многократныя, благотворныя явленiя святаго Архангела Гавриила, бывшiя въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ, Церковь совершаетъ соборное празднованiе ему, побуждая вѣрныхъ притекать усердно къ помощи и заступленiю его „съ воздаянiемъ ему благодаренiя за толь великое его роду человѣческому благодѣянiе, еже отъ начала творяше, и нынѣ творитъ, молящи о насъ воплощшагося Бога (г)."—

(в) Чет. мин. 13 Iюля.

(г) Чет. Мин. 26 Марта.

СЛОВО

ПО ПРИЧАЩЕНІИ СВ. ТАИНЪ.

Ядый Мою плоть, и піяй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ. Іоан. 6, 56.

Значитъ все, чего лишились мы въ раи несчастнымъ вкушеніемъ отъ запрещеннаго древа, несравненно въ большей мѣрѣ пріобрѣтаемъ паки вкушеніемъ плоти и крови Господней. Тамъ мы отпали и удалились отъ Бога на вѣки; здѣсь паки соединяемся съ Нимъ, такъ, что бываемъ причастниками Божественнаго естества, какъ говоритъ Апостолъ. Слава и благодареніе Господу, который не оставилъ насъ погибнуть на вѣки въ злосчастномъ удаленіи отъ Него, который, для возведенія насъ къ соединенію съ Собою, смирилъ Себе до воспріятія зрака раба, послушливъ былъ волѣ Отца небеснаго до смерти крестныя, положилъ душу свою за избавленіе наше, предалъ въ снѣдь намъ самое тѣло и кровь свою! Теперь мы съ Нимъ и Онъ съ нами, мы въ Немъ, и Онъ въ насъ отнынѣ и на вѣки!

И такъ теперь мы не одни: съ нами и въ насъ самъ Господь. Сколь же должно быть намъ осторожными и осмотрительными въ мысляхъ и желаніяхъ, словахъ и дѣлахъ нашихъ! Соединившись въ единъ духъ съ нами, Онъ не можетъ не скорбѣть о грѣхахъ нашихъ, о коихъ скорбитъ и наша слабая совѣсть. Содѣлавши насъ членами своего тѣла, отъ плоти Его и отъ костей Его, Онъ не можетъ не сокрушаться и не страдать отъ оскорбленій и поруганій, наносимыхъ Его тѣлу. Отнынѣ каждая нечестивая и небогоугодная мысль, возникшая въ духѣ нашемъ, будетъ оскорбленіемъ подлико возлюбившему насъ Господу; всякое законопреступное пожеланіе будетъ возстаніемъ противъ величайшаго Благодѣтеля нашего; всякое порочное дѣйствіе будетъ явною обидою сладчайшему Искупителю нашему; всякое злоупотребленіе, какое сдѣлаемъ изъ членовъ собственнаго тѣла, будетъ равно оплеваніямъ, заушеніямъ и біеніямъ, кои терпѣлъ Онъ отъ враговъ своихъ. Да оградится же отнынѣ сею мыслію нашъ духъ, душа и тѣло отъ всѣхъ козней и навѣтовъ сатанинскихъ. Посѣтитъ ли врагъ въ душѣ нашей худой помыслъ; да поразится онъ тотчасъ мыслію о живущемъ въ насъ Господѣ. Возбудитъ ли въ сердцѣ нашемъ злое пожеланіе; да попалится оно тотчасъ пламенемъ любви божественной. Возгорится ли огнь похоти въ нашемъ тѣлѣ; да погасится онъ тотчасъ воспоминаніемъ о плоти и крови Господней. Да помышляемъ себе всегда *мертвыхъ убо быти грѣху, живыхъ же Богови о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ.*

Теперь мы не одни: съ нами и въ насъ самъ Господь. Какъ же должно быть намъ скорыми на все благое, тщаливыми на всякое доброе дѣло, готовыми на всякій благочестивый подвигъ! Пребываніе въ насъ Господа не можетъ быть праздно и бездѣйственно. Онъ не престанетъ вдыхать намъ благія помыслы и чувства, наставлять насъ на всякое доброе дѣло, помогать намъ во всякомъ подвигѣ благочестія: *аще пребудете во Мнѣ, и глаголи Мои въ васъ пребудутъ, егоже аще хощете, просите, и будетъ вамъ:* это Его святое слово. Да укрѣпится отнынѣ сею мыслію духъ нашъ на всѣхъ путяхъ жизни, во всѣхъ подвигахъ благочестія. Пусть каждая благая мысль,

которую внушитъ намъ Господь, приведется въ дѣйствіе немедленно; пусть всякое доброе намѣреніе совершится не отложно во славу Божію; пусть всякое благоговѣйное чувство изольется или въ словѣ хвалы и благодаренія благодѣющему Господу, или въ словѣ назиданія и утѣшенія ближняго; пусть всякое благое желаніе осуществуется неотложно въ благомъ и полезномъ дѣлѣ. *Нѣсте свои; куплени бо есте цѣною; прославите убо Бога вѣ тѣлесѣхъ вашихъ, и вѣ душахъ вашихъ, яже суть Божія.*

Теперь мы не одни: съ нами и въ насъ самъ Господь. Какъ же должно быть намъ благодушными и великодушными во всѣхъ обстоятельствахъ жизни! Пребывая въ насъ, Онъ не можетъ не принимать участія въ нашихъ чувствахъ. Онъ скорбѣлъ и плакалъ съ сестрами Лазаря; можетъ ли не раздѣлить, или лучше не утолить и нашей печали? Онъ радовался съ обрадованными Апостолами; можетъ ли не раздѣлить и нашей святой и благочестивой радости? Во днехъ плоти своея Онъ самъ былъ искушенъ по всячески; можетъ ли не помощи искушаемымъ? И такъ постигнетъ ли насъ печаль; да возвѣсится она предъ Господемъ въ молитвѣ,— и бремя скорби спадетъ съ скорбящаго духа, елей невидимаго утѣшенія прольется въ уязвленное сердце, и уврачуетъ его раны. Посѣтитъ ли сердце наше чистая и святая радость; возрадуемся предъ Господемъ,— и радости нашея никтоже возметъ отъ насъ. Найдетъ ли искушеніе; возопіемъ ко Господу, и Онъ избавитъ душу нашу отъ самаго ада преисподнѣйшаго. *Аще же пойдемъ и посредѣ сѣни смертныя, не убоимся зла, яко съ нами* Господь.

Да не отступимъ токмо мы отъ Господа, а Онъ пребудетъ съ нами въ вѣкъ; ибо скорѣе прейдетъ небо и земля, нежели останется безъ исполненія Его божественное слово: *Ядый мою плоть, и піяй мою кровь во Мнѣ пребываетъ, и Азъ вѣ немъ.* Аминь.

Конецъ 7-го года.

Богу нашему слава во вѣки вѣковъ!—

Кіевъ Въ Типог. К. Лавры. Съ дозволенія Дух. Цензуры. 21 Февраля, 1844. г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Евсевій.